

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

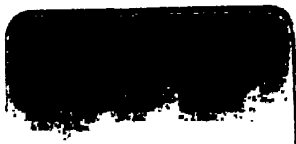
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919786 3

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

— 511101

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

1861

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—О ЗНАЧЕНІИ БРЮЛОВА И ИВАНОВА ВЪ
 РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ. I.—V. . . В. В. СТАСОВА.
 ✓ II.—ЧУЖОЕ ИМЯ. Романъ въ трехъ частяхъ.
 Часть третья. (Окончаніе.) Н. Д. АХШАРУМОВА.
 III.—ЗАПИСКИ ГАРИБАЛЬДІЙЦА. I—X. . . М.
 IV.—ПИСЬМА О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕ-
 ДѢЛИИ ВО ФРАНЦІИ. XII. Департаментъ
 Энды и Луары (народное обученіе.) . ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.
 V.—УТВЕРЖДЕНІЕ КРѢПОСТНАГО ПРАВА
 ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ. . . К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА.
 VI.—СОЮЗНЫЕ ПОЛКОВОДЦЫ ВО ВТОРУЮ
 КАМПАНИЮ 1813 ГОДА. М. И. БОГДАПОВИЧА.
 VII.—ВОСПОМИНАНІЯ ИНСТИТУТСКОЙ ЖИ-
 ЗНИ. I. N.
 VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ: Картинка. А. Н. МАЙКОВА.
 Памяти Пушкина. . . Я. К. ГРОТА.
 IX.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ:
 (См. на оборотѣ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ X—Фремлейскій приходъ. Романъ Троллопа. Переводъ съ англійскаго.
 (Окончаніе.)

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

34

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

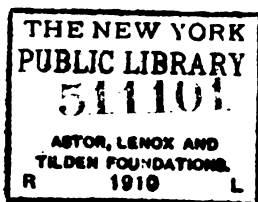
ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

3/

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узакоенное число экземпляровъ. Москва, 6-го октября 1861 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*

О ЗНАЧЕНИИ

БРЮЛОВА И ИВАНОВА

ВЪ РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ.

I.

КАРЛЪ БРЮЛОВЪ.

Несмотря на то, что Брюловъ и Ивановъ занимаютъ въ нашемъ искусствѣ, по общему приговору, самое высокое мѣсто, несмотря также на общепризнанную значительность ихъ вліянія, у насъ до сихъ поръ еще мало сдѣлано для критической оцѣнки ихъ произведеній. Статей о Брюловѣ напечатано у насъ, конечно, не мало; но авторы ихъ ограничиваются только выраженіемъ своихъ восторговъ, не помышляя о томъ, что художника, хотя бы и самаго любимаго, должно разсматривать критически, какъ и всякаго другаго дѣятеля. Въ томъ, что писано объ Ивановѣ, есть уже нѣчто болѣе похожее на критику: съ самаго начала, во мнѣніяхъ своихъ объ Ивановѣ, публика наша раздѣлилась на двѣ противоположныя, почти враждебныя партіи, такъ что статьи объ Ивановѣ, высказывая мнѣнія той или другой стороны, имѣютъ характеръ нападенія или защиты, слѣдовательно хоть сколько-нибудь разсматриваютъ предметъ съ разныхъ сторонъ. Но и это еще не критика.

Я хочу попробовать разсмотрѣть произведенія Брюлова и Иванова, опредѣлить ихъ сущность, характеръ, значеніе и фізіономію таланта обоихъ живописцевъ. При этомъ уже самъ собою является вопросъ о вліяніи Брюлова и Иванова на наше искусство, а этотъ вопросъ важнѣе всего остального, когда дѣло идетъ объ этихъ художникахъ, потому что, какъ покажетъ, я надѣюсь, мой опытъ, произведенія того и другаго не столько важны сами по себѣ, сколько по тому вліянію, которое они имѣли на нашихъ художниковъ и на художественныя понятія нашей публики.

Въ предлагаемой статьѣ я займусь Брюловымъ, затѣмъ я посвящу такой же трудъ Иванову. Но я буду разсматривать этихъ обоихъ художниковъ вовсе не съ цѣлью рѣшить, кто изъ нихъ выше, чей талантъ больше: задача моя здѣсь состоитъ вовсе не въ 'возвышеніи одного художника насчетъ другаго, но въ томъ, чтобъ опредѣлить характеръ того и другаго, и посмотрѣть какъ они выполнили свое назначеніе, въ какомъ отношеніи находились къ тому дѣлу, которому служили.

Въ концѣ я помѣщу нѣсколько писемъ Брюлова и Иванова: почти всѣ эти письма писаны ими изъ Италіи въ Общество поощренія художниковъ, и были до сихъ поръ неизвѣстны публикѣ; они составляютъ такой важный матеріалъ для моего разбора, что безъ нихъ мнѣ было бы невозможно обойтись. Они относятся къ молодымъ годамъ Брюлова и Иванова и заключаютъ въ себѣ такія драгоцѣнныя и любопытныя подробности, которыхъ тщетно было бы искать во всѣхъ другихъ біографическихъ матеріалахъ, до сихъ поръ извѣстныхъ. Брюловъ и Ивановъ, сами того не сознавая, рисуютъ въ этихъ письмахъ портреты съ самихъ себя, въ первую пору жизни, когда передъ ними только что открылось художественное поприще; высказываютъ все то объ искусствѣ, что намъ всего нужнѣе выслушать отъ нихъ; наконецъ, даютъ понятіе о тѣхъ вліяніяхъ и обстоятельствахъ, посреди которыхъ выросли и воспитались ихъ таланты. Здѣсь передъ нашими глазами обозначается рама, въ предѣлахъ которой совершилось потомъ все развитіе этихъ художниковъ,—программа, по которой создались всѣ произведенія послѣдующей ихъ жизни.

I.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ въ жизни Брюлова есть та огромная разница, которая всегда оказывалась между оцѣнкою его у насъ и въ остальной Европѣ.

У насъ, можно сказать съ первой минуты своего появленія, произведенія Брюлова разомъ преисполнили всѣхъ необыкновеннымъ восторгомъ, разомъ были признаны такими небывалами чудесами искусства, съ которыми могутъ поспорить развѣ только созданія Рафаэля и Микель-Анджело. Брюловъ былъ съ перваго дня поставленъ на колоссальный пьедесталъ.

Въ то же время, въ остальной Европѣ, думали о Брюловѣ совсѣмъ иначе: иностранцы не только оставались довольно равнодушны къ его картинамъ, но постоянно высказывали невысокое мнѣніе о его талантѣ и произведеніяхъ, а иногда обнаруживали рѣзительную антипатію къ господствующему въ нихъ направленію. Одни Италіяны составляютъ исключеніе; ихъ мнѣніе о Брюловѣ сходилось съ мнѣніемъ Русскихъ.

Такъ было въ продолженіе всей жизни Брюлова, и эта разница взгляда продолжается отчасти и до сихъ поръ, уже цѣлую четверть столѣтія. Такое явленіе не можетъ быть случайно.

Италіанская слава Брюлова дошла сюда еще задолго до прибытія «Послѣдняго дня Помпей.» Въ главномъ журналѣ того времени, *Библиотекъ для Чтенія*, при первыхъ же слухахъ, появилась цѣлая статья о Брюловѣ, подъ заглавіемъ: *Новый Микель-Анджело*, гдѣ переведены главнѣйшія изъ напыщенныхъ италіанскихъ статей и стихотвореній, сопровождавшихъ триумфы Брюловской картины въ Римѣ и Миланѣ. Скоро потомъ, *Библиотека* привела съ негодованіемъ отзывъ парижскаго журнала *Artiste*, гдѣ строго разбирали «Послѣдній день Помпей». Этотъ отзывъ казался *Библиотекѣ* страшнымъ преступленіемъ, авторъ ея объявленъ величайшимъ невѣждою въ художествѣ. *Библиотека* старалась казнить презрѣніемъ дерзкую статью, даже старалась объяснить ее національнымъ антагонизмомъ. Эти статья настроили общее мнѣніе къ ожиданію чего-то самаго необыкновеннаго! Когда

картина прибыла въ Петербургъ, энтузіазму публики не было предѣловъ, и сама академія художествъ публично объявила, что «Послѣдній день Помпеи» первая картина нашего вѣка (см. *Отчетъ за 1836 годъ*). Чтобы дать понятіе о томъ, что тогда говорили и думали, не худо привести нѣсколько мѣстъ изъ извѣстной статьи Гоголя о Брюловѣ:

«Картина Брюлова, говоритъ Гоголь, одно изъ яркихъ явленій XIX вѣка. Это свѣтлое воскресеніе живописи, пребывавшей долгое время въ какомъ-то полу-летаргическомъ состояніи... Картина Брюлова можетъ назваться полнымъ всемірнымъ созданіемъ. Все въ ней заключилось. По крайней мѣрѣ она захватила въ область свою столько разнороднаго, сколько до него никто не захватывалъ... Все у него такъ мощно, такъ смѣло, такъ гармонически сведено въ одно, какъ только можетъ это возникнуть въ головѣ генія всеобщаго... Брюловъ первый изъ живописцевъ, у котораго пластика достигла верховнаго совершенства... Когда я глядѣлъ въ третій, въ четвертый разъ, мнѣ казалось, что скульптура, которая была постигнута въ такомъ пластическомъ совершенствѣ древними, что скульптура эта перешла наконецъ въ живопись и сверхъ того проникнулась какою-то тайною музыкой... Но главный признакъ и что выше всего въ Брюловѣ, такъ это необыкновенная многосторонность и обширность генія... Его произведенія—первыя, которыя могутъ понимать и художникъ, имѣющій высшее развитіе вкуса, и не знающій, что такое художество. Они первыя, которымъ сужденъ завидный удѣлъ пользоваться всемірною славой.»

Не сбылось пророчество Гоголя на счетъ всемірной славы, но у насъ слава Брюлова скоро дѣйствительно приняла такіе колоссальные размѣры, что авторъ прекрасной статьи о Брюловѣ, помѣщенной въ сборникъ *Зурна* (1857 г.), совершенно справедливо могъ сказать, что «ни одинъ художникъ при жизни не пользовался такою славой, какъ Брюловъ, когда написалъ *Помпею*.» Эта громадная слава осталась у насъ за Брюловымъ въ продолженіе всей его жизни.

Фанатизмъ поклонниковъ Брюлова доходилъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ въ послѣдствіи говорили: «Первый и единственный художникъ, равно прекрасно умѣвшій писать все, былъ Брюловъ... Композиція послѣ Рафаэля не много сдѣлала успѣховъ; Брюловъ здравому смыслу композицій Ра-

сказалъ придавъ форму, которой имъ не доставало... Чтò касается до исполненія, то-есть рисунка и лѣпки, то въ этомъ отношеніи Брюлову нѣтъ равнаго. Рисунокъ и лѣпку Брюловъ довелъ до совершенства, далѣе котораго едва ли они могутъ идти... Чтò же? значить Брюловъ выше всѣхъ художниковъ? значить ему нѣтъ равнаго? На это могу отвѣчать только: Брюловъ былъ геній. Былъ ли геній его выше или ниже генія другихъ художниковъ, напримѣръ Рафаэля,—рѣшить не мое дѣло, но опять-таки скажу: Брюловъ былъ геній... Брюловъ, какъ геній, смотрѣлъ на искусство съ новой точки зрѣнія, до него бывшей неизвѣстною, сообразной вѣку и требованіямъ его. Смѣло говорю, что ни одинъ художникъ не удовлетворяетъ такъ требованіе современнаго искусства, какъ Брюловъ.» (Статья г. Желѣзнова: *О значеніи Брюлова въ искусствѣ, Отечественныя Записки* 1856, т. CVII, стр. 115—119.)

Другіе утверждали, что «Помпея» чудо небывалое, бесспорно полная теорія живописи, цѣлый трактатъ, вмѣщающій въ себя всю философію искусства (См. *Живопись и живописцы малѣйшихъ европейскихъ школъ*, Андреева, статья Брюловъ). Самъ Брюловъ, подъ обаятельнымъ и одурающимъ вліяніемъ того слѣпнаго обожанія, которымъ его окружили у насъ съ первой же минуты по возвращеніи его изъ Италіи, и которое должно было дѣйствовать тѣмъ неотразимѣе, что густая толпа поклонниковъ заключала въ себя все, чтò только было у насъ въ то время талантливаго, — подъ такимъ вліяніемъ самъ Брюловъ наконецъ дошелъ до того, что признавался одному своему ученику, что дѣйствительно до него ничего еще не было написано. «На вопросъ мой: удовлетворяетъ ли его вполнѣ хоть одно живописное произведеніе, собственно въ отношеніи исполненія, помодчавъ немного, онъ отвѣчалъ: нѣтъ, еще ничего не было написано. При этихъ словахъ, замѣтилъ я особенное выраженіе на его прекрасномъ лицѣ. Казалось, будто онъ, созная въ себѣ силу написать такъ, какъ никто еще не писалъ, внутренно обвинялъ себя въ продолжительномъ отдыхѣ на лаврахъ. Угадавъ его чувствованіе, я осмѣлился сказать, что отъ него мы ожидаемъ и въ правѣ требовать много.—Только не здѣсь (прервалъ онъ меня): я не писалъ еще; въ Италіи начну я работать какъ должно.» (Статья г. Мокрицаго: *Воспоминанія о Брюловѣ, Отечественныя Записки* 1855, т. CIII, стр. 182). Могло ли и быть иначе, когда

въ продолженіе всѣхъ пятнадцати лѣтъ своей художественной дѣятельности здѣсь въ Россіи, Брюловъ никогда не слышалъ ничего другаго, кромѣ восторженныхъ выраженій энтузіазма и обожанія? Даже самымъ сильнымъ, самымъ глубокимъ и великимъ натурамъ грозить въ такомъ случаѣ паденіе.

Но между тѣмъ какъ у насъ всѣ съ рабскимъ подобострастіемъ преклонялись передъ Брюловымъ, совсѣмъ иначе думали о немъ въ Европѣ,—только, къ сожалѣнію, до него самого не долетало ни одного слова, ни одной мысли, изъ того что тамъ говорилось и думалось о немъ. Что же говорили о Брюловѣ въ Европѣ? Я приведу нѣсколько образчиковъ. Сужденія эти будутъ для насъ тѣмъ важнѣе, что они почти всѣ относятся къ «Послѣднему дню Помпеи», безспорно лучшему и совершеннѣйшему созданію Брюлова.

Во французскомъ журналѣ *l'Artiste*, напечатали объ этой картинѣ, послѣ того какъ она была выставлена въ Парижѣ на художественной выставкѣ 1834 г., слѣдующее: «Парижъ не станетъ, конечно, продолжать для г. Брюлова торжества, наматаго Янмомъ, и намъ не было надобности долго разсматривать этотъ предметъ его удивленія, для того чтобы сіяніе славы г. Брюлова исчезло для насъ. Въ Италіи, восторженные стихи и проза возвели Брюлова на высшую степень знаменитости; Римъ и Миланъ объявили произведеніе его кисти великимъ созданіемъ. Но мы теперь узнаемъ только, что такое для Итальянцевъ великое созданіе: благодаря «Послѣднему дню Помпеи», мы получаемъ понятіе и о прочихъ итальянскихъ великихъ произведеніяхъ нашего времени. Въ картинѣ г. Брюлова есть, конечно, нѣкоторыя замѣчательныя качества, но ихъ немного. Мы ихъ не отрицаемъ: такъ напримѣръ, его картина задумана съ большою смѣлостью воображенія; въ композиціи есть движеніе; нѣкоторыя фигуры, или точнѣе сказать нѣкоторыя части фигуръ, нарисованы мастерски, и хотя большая часть эпизодовъ выполнена въ духъ той ложной и театральной манеры, которою отличалась старая французская школа, но все-таки нѣкоторые изъ нихъ сочинены съ простотой и силой. Поэтому, недостатки можетъ-быть и не заглушили бы хорошихъ качествъ, еслибы художникъ не увлекся странными понятіями о краскахъ и общемъ тонѣ для своей картины. Картина у него вышла зеленая, синевато-блѣдная, все въ ней рѣзко, все нескладно кричитъ, все въ ней отталкиваетъ. Глаза дереть, когда смотришь на нее, и для критика не малая задача заставить себя

даже только просто разсматривать ее... Въ самыхъ ужасныхъ явленіяхъ природы есть своего рода гармонія, которая придаетъ имъ грозную красоту; но этой гармоніи г. Брюловъ вовсе не постигаетъ. Его картина, зеленая, блѣлая и черная на переднемъ планѣ, красная и пылающая потоками лавы въ фонѣ, производитъ въ общей сложности не ужасъ, а смѣхъ.»

Въ другомъ журналѣ, *Quotidienne*, писали (1834, № 98): «Мы будемъ безпристрастны къ г. Брюлову; но говоря объ его картинѣ, постараемся забыть преувеличенія италіинской печати, съ которыми согласиться не можемъ. «Последній день Помпей» есть скорѣе произведеніе рисовальщика чѣмъ колориста, не смотря на то, что въ этой картинѣ замѣчаются большія претензіи на необычайные драматическіе эффекты сложнаго освѣщенія. Намъ не нравится это освѣщеніе, холодное и мертвое, точно отъ сѣрнаго пламени, пожирающаго городъ; не нравятся эти зеленые и голубые дома, блѣдные жители, освѣщенные пламенемъ волкана. Не чувствуешь жизни подъ кожей всѣхъ этихъ бѣглецовъ: правда, кожа одѣваетъ ихъ кости, но крови подъ нею нѣтъ. Изъ всего этого выходитъ, что мы не можемъ отнести г. Брюлова къ числу колористовъ. Попробуемъ теперь, что должно признать за нимъ, какъ рисовальщикомъ и сочинителемъ. Какъ рисовальщикъ, г. Брюловъ можетъ безспорно считаться въ числѣ искуснѣйшихъ художниковъ; фигуры перваго плана представляютъ у него вообще рисунокъ твердый и хорошо выѣпленный, указывающій на основательную школу; художественное знаніе выбранной г. Брюловымъ натуры—очень глубоко, но эта натура низкая и лишенная своеобразности, типъ ея не имѣетъ того смѣлаго оттѣнка мѣстности, который составляетъ одно изъ великихъ достоинствъ Эггера. Эти Помпейцы, бѣгущіе отъ пожара своего города, представляются намъ трупной трагическихкихъ актеровъ, застигнутыхъ пожаромъ посреди театральнаго представленія. Что касается до сочиненія этой огромной картины, то мы можемъ сказать только, что оно такъ относится къ истинной драматической живописи, какъ мелодрама къ истинной драмѣ.»

Знаменитый знатокъ въ искусствѣ и археологъ, Ленорманъ, сказавъ также свое слово о картинѣ Брюлова въ журналѣ *le Temps* (1834, 14 марта, № 1608): «Тотъ родъ живописи, говоритъ онъ, съ которымъ г. Брюловъ пытается познакомиться насъ, пользуется еще въ Италіи всею добросовѣстностью ит лянскаго энтузіазма. У Италіанцевъ навѣрное всегда про-

изведешь эффектъ сумбуромъ движеній (le tapage des mouvements) и контрастами группъ; у нихъ не знаютъ разницы между расположеніемъ массъ у балетмейстера и устройствомъ композиціи у живописца: опера, балетъ, картина, все у нихъ говоритъ однимъ языкомъ, вездѣ у нихъ условныя положенія, аффектированныя позы, рѣзкія краски; и фразы, и выговоръ, и рисунокъ—все у нихъ вычурно. Тѣ самые люди, которыхъ вчера восхищалъ Паччини или Санквирино въ манерныхъ мелодіяхъ или разцвѣченныхъ декораціяхъ оперы *Ultimo giorno di Pompeji* (последній день Помпеи), нашли для себя тѣ же впечатлѣнія въ картинѣ г. Брюлова и остались до крайности благодарны ему за то, что онъ продлилъ для нихъ оперное представленіе и виѣ театра. Приѣхавъ въ Италію съ тѣмъ изумительнымъ даромъ подражанія и съ тѣмъ совершеннымъ отсутствіемъ творчества, которыя характеризуютъ всѣхъ русскихъ художниковъ, г. Брюловъ усвоилъ себѣ, съ безпредѣльною довѣрчивостью, всѣ эти предразсудки, которыя привели италянскую живопись въ самое крайнее состояніе; онъ образовалъ свой талантъ на этихъ предразсудкахъ, онъ потратилъ на нихъ такую легкость исполненія, съ которою мы ничего не можемъ сравнить въ своемъ искусствѣ,—и все это для того только, чтобы заставить трубить про себя наши журналы, или заслужить удивленіе нашихъ гризетокъ полухудожницъ! О слава человѣческая, какая ты ничтожная вещь! Какою пустошью должна ты казаться г. Брюлову въ сравненіи съ тѣмъ, чего онъ ожидалъ, перебираясь черезъ Альпы!»

Въ то же время, давая Германіи отчетъ о парижской художественной выставкѣ, корреспондентъ нѣмецкаго *Kunstblatt* говорилъ про Брюлова (1834, 27 мая, № 42): «Я упомяну только мимоходомъ о картинѣ русскаго живописца Брюлова, потому что ничто не соблазняетъ меня приняться за описаніе или критику этой огромной картины, гдѣ краски кричатъ до такой степени, что съ моей стороны было бы вовсе не деликатно сообщать вамъ о нихъ мои мысли или даже ощущенія. Сверхъ того, я крѣпко надѣлъ бы вамъ, потому что композиція Брюлова еще гораздо скучнѣе и несчастнѣе чѣмъ длинный-предлинный разказъ самого Плинія о гибели Помпеи. Этотъ по крайней мѣрѣ избавилъ насъ отъ молній и грома. Но г. Брюловъ находится въ Римѣ; кто знаетъ, можетъ быть онъ отыскалъ въ Ватиканѣ какую-нибудь особенную рукопись Плинія, и воспользовался ею; а

не то, можетъ быть, онъ желалъ картиною своею прочесть археологическую лекцію парижскимъ археологамъ.»

Наконецъ, нѣсколько лѣтъ позже, когда за границей всѣ слухи и сужденія о картинѣ Брюлова давно замоглокли и позабылись, Кюстинъ въ своемъ сочиненіи о Россіи, когда-то надѣлавшемъ столько шуму, счелъ долгомъ поговорить и объ искусствахъ въ Россіи, значить и о Брюловѣ. Кюстинъ былъ человекъ поверхностный и ничуть не знатокъ въ искусствѣ, однакоже его мнѣніе почти совершенно сходится съ остальными мнѣніями иностранцевъ: «Въ Россіи, говоритъ онъ (въ приложеніи къ главѣ XXXV сочиненія своего *La Russie en 1839*), много шумятъ о талантѣ Брюлова. Но въ его картинѣ «Послѣдній день Помпей» я нахожу фальшивый колоритъ. Впрочемъ и самый сюжетъ, имъ избранный, отчасти извиняетъ его въ этомъ недостатокѣ: кто знаетъ, какого цвѣта были помпейскія зданія въ послѣдній день своего существованія? У этого живописца кисть жесткая, сухая, но у него есть сила; у его концепцій нельзя отнять воображеніе и оригинальность. Его головы разнообразны, правдивы; еслибъ онъ понималъ свѣто-тѣнь, онъ бытъ-можетъ когда-нибудь дѣйствительно заслужилъ бы свою русскую славу; но у него нѣтъ покуда ни естественности, ни колорита, ни легкости, ни граціи; чувство красоты совершенно чуждо ему. Нельзя сказать, чтобъ у него не было нѣкотораго рода дикой поэзіи, но общее впечатлѣніе его картинъ непріятно для глаза, а его деревянный стиль, отчасти благородный, напоминаетъ подражателей Давидовой школы. У него все рисовано точно съ гипсовыхъ моделей, конечно не безъ тщательности; но краски набросаны какъ ни попало. Въ Петербургѣ принято восхищаться картиною «Взятіе Божіей Матери на небо», потому-что она работы *знаменитаго* Брюлова, но я замѣтилъ въ этой картинѣ такія тяжелыя облака, что можно было бы отправить ихъ на театръ, для представленія скалъ. Въ «Помпей» есть нѣсколько выразительныхъ головъ, которыя намекаютъ на истинный талантъ. Несмотря на недостатки въ сочиненіи, картина эта выиграла бы въ гравюрѣ, потому что она всего болѣе грѣшитъ противъ красокъ. Говорятъ, что со времени возвращенія въ Россію, Брюловъ много утратилъ своего энтузіазма къ искусству. Если такъ, то мнѣ жаль, что видѣвъ Италію, онъ долженъ былъ воротиться на сѣверъ. Онъ мало работаетъ, и къ несчастью въ его картинахъ слишкомъ

просвѣчиваетъ легкость исполненія, — а еще ему вмѣняютъ это въ заслугу! Лишь прилежною, усиленною работою побѣдилъ бы онъ деревянность своего рисунка, жесткость своихъ красокъ. Великіе живописцы знаютъ, какъ трудно не рисовать кистью, скрывать искусство, и наконецъ научиться воспроизводить природу, не переставая облагораживать ее. Кажется, русскій Рафаэль и не подозреваетъ великости задачи художника.»

Мы вовсе не имѣемъ причины вполне довѣрять французскимъ оцѣнкамъ, и совершенно соглашаться съ ними. Нельзя также не удивляться нападкамъ Французовъ на театральность и мелодраматичность Брюлова, когда произведенія французскаго искусства, одновременныя съ Брюловскими, именно отражаютъ обоими этими качествами. Но для насъ дѣло состоитъ здѣсь не въ оцѣнкѣ французской критики, а въ томъ фактѣ, что не смотря на разнообразіе подробностей, на большую или меньшую справедливость приведенныхъ сужденій, всѣ они имѣютъ что-то общее, всѣ сходятся въ главныхъ положеніяхъ, въ общемъ тонѣ и направленіи, точно также, какъ съ другой стороны русскія сужденія о Брюловѣ, несмотря на разнообразіе подробностей, имѣютъ также мало общаго, также сводятся къ единству, но къ такому, которое составляетъ самую рѣшительную противоположность сужденіямъ иностраннымъ. Отчего такая разница? Неужели можно объяснить эту разницу антагонизмомъ національностей? Это значило бы, въ угоду самимъ себѣ, обходить вопросъ.

Нѣтъ, противоположность между иностранными и русскими мнѣніями о Брюловѣ объясняется совершенно иначе. Здѣсь главную роль играетъ разность значенія, которое Брюловъ имѣлъ для насъ и для остальной Европы. Наши поклонники Брюлова хотятъ увѣрить, что Брюловъ былъ гений всеобщій, и что ни одинъ художникъ не удовлетворяетъ требованіямъ современности столько, какъ онъ. Но чѣмъ же это было доказано? Напротивъ, подумаешь совѣтъ другое, когда вспомнишь, что въ цѣлую четверть вѣка, протекшую со времени появленія Брюлова, европейское искусство не почувствовало никакой кровной связи съ нимъ и постоянно держалось вдали отъ его направленія. Не только всеобщаго переворота, даже никакого симпатическаго впечатлѣнія не произвелъ Брюловъ въ Европѣ. Его произведенія остались безъ малѣйшаго вліянія на ходъ европейскаго искусства. Ни для кого не слышалась въ нихъ

та сила, которая неодолимо влечетъ за собою современниковъ и заставляетъ ихъ повторять или продолжать то, что начато гениемъ всемирнымъ. Европейское искусство оставило Брюлова, безъ всякаго участія, на его дорогѣ, и само продолжало идти своимъ путемъ. Правда, не мало бывало до сихъ поръ прикидываться, что люди той или другой европейской народности выходили плохими оцѣнщиками всего того, что принадлежало не къ ихъ художеству и жизни, и когда они прилагали свой масштабъ къ тому, что создалось внѣ условій ихъ художества и жизни, то результаты получались ложные. Такъ понятны удивительные промахи, встрѣчающіеся иногда у иностранцевъ при взглядѣ ихъ на нашу національность, на наше искусство, на нашу поэзію, на нашу исторію. Но нѣтъ имъ причины заблуждаться тамъ, гдѣ нѣтъ никакой національной исключительности, гдѣ явленія одинаковы съ явленіями, которыя существуютъ у нихъ и которыя имъ совершенно извѣстны. Произведенія Брюлова не заключаютъ въ себѣ ничего русскаго, ничего національнаго, никакихъ новыхъ элементовъ, которые не находились бы уже въ произведеніяхъ другихъ націй. Значитъ, обще-европейскій масштабъ могъ быть безошибочно приложенъ къ Брюловскимъ картинамъ; онѣ могли быть сравниваемы давно привычнымъ европейскимъ глазомъ съ безчисленными произведеніями искусства, наполняющими Европу. Такъ и случилось, и если Брюловскія картины остались безъ вліянія, безъ послѣдовательей, наконецъ даже вовсе безъ симпатій въ Европѣ, то это доказываетъ только, что европейскому искусству онѣ вовсе не были нужны, что выдерживать сравненіе съ великими созданіями европейскаго искусства онѣ не въ состояніи, и что должно отложить въ сторону претензію на всемирность ихъ значенія.

Совсѣмъ другое дѣло у насъ. Живопись никогда не имѣла у насъ народнаго корня, и перенесена къ намъ заботливою или, точнѣе сказать, прихотливою опекунскою рукою, съ чужой почвы, посажена въ нашъ грунтъ случайно, наудачу, и потому она всегда жила у насъ жизнью заимствованною, подражательною.

Между русскими живописцами не являлось до Брюлова таланта самобытнаго; ни одинъ изъ прежнихъ живописцевъ не мечталъ о возможности чего-нибудь другаго въ искусствѣ, кромѣ подражанія; ни одинъ не искалъ ничего кромѣ возможности приблизиться къ чужимъ высокимъ образцамъ. Произведенія

такихъ художниковъ осуждены, уже по самой натурѣ своей, на блѣдность и безсиліе. Иногда они не лишены нѣкоторой красоты или граціи, но эти качества не въ состояніи выкупить недостатокъ высшихъ достоинствъ, безъ которыхъ художественное произведеніе мертво. У нашихъ прежнихъ живописцевъ не было вовсе какого-бы то ни было внутренняго созерцанія, поэтическихъ вдохновеній, творческой фантазіи; они писали свои картины безъ всякаго воодушевленія, все равно были ли онѣ историческія или религіозныя,—писали по принятымъ обычаямъ, по общимъ академическимъ приѣмамъ; слѣдовательно все, что ни написано ими, оставалось равно ничтожнымъ и чуждымъ для массы. По всегдашней русской манерѣ сравнивать своихъ замѣчательныхъ людей съ чужестранными знаменитостями, художественный кружокъ выдавалъ нашихъ живописцевъ кого за Пуссена, кого за Рафаэля, кого за Ванъ-Дейка. Однакоже, со всегдашнимъ чутьемъ своимъ, публика чувствовала, что не Рафаэли и не Ванъ-Дейки у ней передъ глазами, потому что они не производятъ никакого движенія въ ея душѣ, не зажигаютъ въ ней ни одной молніи поэзіи, ни одного горячаго ощущенія красоты.

Что удивительнаго послѣ этого, если всѣ разомъ встрепенулись у насъ, всѣ ахнули, когда появился художникъ, въ картинахъ котораго кипѣла жизнь, горѣло воодушевленіе, гдѣ уже самый сюжетъ (какъ напримѣръ въ «Помпее»), горячій, увлекательный, являлся чѣмъ-то небывалымъ въ русскомъ искусствѣ. Гоголь былъ правъ, говоря своимъ всегда мѣткимъ словомъ, что «Послѣдній День Помпеи»—свѣтлое воскресеніе живописи, пребывавшей долгое время въ какомъ-то полу-летаргическомъ состояніи. Только это воскресеніе совершалось въ ту минуту для насъ, а не для всего свѣта, какъ воображалъ Гоголь. Для другихъ народовъ, воскресеніе живописи совершилось совсѣмъ не тогда, совсѣмъ не посредствомъ Брюлова, совсѣмъ не такъ. Столько же былъ правъ и г. Рамазановъ, разказывая въ своихъ воспоминаніяхъ о Брюловѣ (*Москвит.*, 1852, № 16), что русская публика толпами стала ходить въ залы академіи, до тѣхъ поръ пустынные и забытыя, что академія вдругъ получила значеніе и интересъ, до тѣхъ поръ небывалые. Дѣйствительно, какое же могло быть сравненіе между прежними картинами, отъ которыхъ вѣяло холодомъ и вялостью, и новою картиною Брюлова, гдѣ все дышало лихорадочнымъ огнемъ, и пульсъ бился учетверенною жизнью;—

между прежними живописцами, по поводу которыхъ всякій могъ сказать себѣ: да и я могу писать не хуже, стоитъ только поучиться нѣсколько лѣтъ въ академіи и быть старательнымъ!—между ними и Брюловымъ, талантъ котораго отличался такою яркостью и блескомъ, что сразу былъ понятенъ для каждого! «Помпея нужна была для нашей публики, говорить совершенно справедливо г. Рамазановъ. Огонь Везувія и блескъ молній, похищенные съ неба и заключенные въ раму силою искусства, пробудили еще дремавшую для искусствъ публику.» Противъ слишкомъ долгаго и слишкомъ крѣпкаго сна могли подѣйствовать средства лишь самыя сильныя, хотя бы даже преувеличенныя; нечего было бы и требовать, чтобы, при первомъ пробужденіи своемъ, наша публика въ состояніи была дать себѣ полный и вѣрный отчетъ въ талантѣ и новомъ произведеніи Брюлова; тогда у насъ еще слишкомъ мало видѣли и знали художество, слишкомъ мало привыкли цѣнить его произведенія. Наша публика была внѣ себя отъ радости, потому что чувствовала свое пробужденіе. Ей было некогда, да и не до того, чтобы разбирать то, что пробудило ее. Блестящіе портреты Брюлова, небывалыя до тѣхъ поръ у насъ остроумныя и ловкія картинки-виньетки, во множествѣ сыпавшіяся изъ-подъ его карандаша или кисти въ аристократическіе альбомы, довершили всеобщее очарованіе, закрѣпили тѣсное сближеніе Брюлова, если не со всею нашею публикой, то по крайней мѣрѣ съ тою ея частью, которой голосъ имѣлъ тогда самую большую силу и вліяніе, и такимъ образомъ Брюловъ тотчасъ же былъ признанъ величайшимъ гениемъ, неслыханнымъ феноменомъ искусства. Въ послѣдствіи онъ не оправдалъ первоначальныхъ ожиданій, и не произвелъ уже ничего, что равнялось бы «Помпеѣ». Послѣ этой картины онъ уже не развивался, а подъ конецъ жизни пошелъ даже значительно назадъ, и врожденное стремленіе его къ эффекту и пестротѣ такъ усилилось, что начинало въ его картинахъ становиться совершенно невыносимымъ. Поэтому всеобщій энтузіазмъ значительно затихъ, но понятіе о великости Брюлова было прочно заложено во всѣхъ умахъ, и привычка считать его тѣмъ, чѣмъ его сочли при появленіи «Послѣдняго дня Помпеи» осталась въ прежней силѣ.

II.

Какой былъ главный родъ Брюлова? Нельзя обозначить его однимъ словомъ, такъ разнородны были задачи, за которыя онъ брался на своемъ вѣку. По старинной академической терминологіи, надобно бы сказать, что Брюловъ былъ живописецъ *историческій*, а также *жанристъ* и *портретистъ*. Последній терминъ понятенъ, но что касается до первыхъ двухъ, то необходимы слова два для ихъ объясненія.

Къ историческому роду живописи относились всѣ картины, которыхъ сюжеты бывали заимствованы изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ мифологіи, изъ аллегорій и изъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, притомъ такія картины, которыя должны были отличаться героичностью или идеальностью лицъ и событій, мѣрною важностью. Именно, по причинѣ своей героичности идеальности, картины историческаго рода и признавались главною задачею искусства, главною цѣлюю, къ которой должна стремиться живопись; картины же на всѣ тѣ сюжеты изъ человѣческой жизни или изъ жизни природы, которые представляли эту жизнь въ ея всеневномъ видѣ, безъ всякаго геройства и идеальности, считались чѣмъ-то второстепеннымъ, чѣмъ-то такимъ, что можетъ быть терпимо на придачу при главномъ родѣ живописи. Этому *низкому*, какъ бы не совсѣмъ законному виду живописи, и дали презрительное названіе *жанра* (*genre*). Ясно, что эти забавныя дѣленія принадлежатъ прошлому столѣтію, и появились на свѣтъ въ одно время съ подраздѣленіями поэзіи на высокую и низкую, на поэзію одъ, мадригаловъ, пастушескую, поэзію легкую (*poésies légères*) и т. д. До какой степени эти подраздѣленія потеряли теперь значеніе, прекрасно доказывается тѣмъ, что въ наше время принуждены были выдумывать такіе удивительные промежуточные термины, какъ «историческій жанръ», а между тѣмъ сюжеты новѣйшихъ

картинъ все-таки не умѣщаются въ тѣ категоріи, куда ихъ насильно втискивали.

Брюловъ никогда не могъ возвыситься надъ этими понятіями; сочиненія его носятъ на себѣ, во всей цѣлости, печать прежнихъ академическихъ подраздѣленій; каждое изъ нихъ такъ и говоритъ зрителю: «я историческая картина, значить ищите во мнѣ идеальности и героичности», или же: «я жанръ, значить вы найдете у меня все что поразвязнѣе, посвободнѣе, разныя вольности и натуральности.» Но для насъ такія перегородки не существенны, и мы прямо обратимся къ содержанію брюловскихъ сочиненій, не останавливаясь на томъ, къ какому роду и виду живописи они могутъ или должны принадлежать по прежнему дѣленію. Намъ важно только узнать: что хотѣлъ, что въ состояніи былъ выразить Брюловъ, что онъ дѣйствительно выразилъ. Прочее не интересно.

Нѣтъ спору, что Брюловъ былъ чрезвычайно замѣчательный художникъ въ разныхъ техническихъ отношеніяхъ. Но техника есть только средство. Не въ ней задача искусства, а въ томъ, что посредствомъ ея выражено,—особливо когда рѣчь идетъ о живописцѣ, котораго признають гениемъ всемірнымъ, совершителемъ переворота въ искусствѣ. Изучая строеніе, надо напередъ понять его планъ, а потомъ уже его фасадъ.

Я не буду дѣлать различія между совершенно оконченною брюловскою картиною и эскизомъ или рисункомъ. Сами поклонники Брюлова всегда твердили, что каждый рисунокъ, каждый эскизъ его, какъ бы ни былъ легко набросанъ, такъ талантливъ, такъ совершененъ, что выражаетъ все художественное значеніе Брюлова, — всего Брюлова. Сверхъ того, натура Брюлова была по преимуществу натура экспромпта, перваго порыва, перваго увлеченія. Лучшее и значительнѣйшее было у него всегда то, что онъ дѣлалъ подъ вліяніемъ порыва: часто потомъ онъ охладѣвалъ къ своему произведенію, бросалъ его, никогда къ нему не возвращался, и вотъ причина, почему всегда такъ много оставалось у Брюлова вещей только что начатыхъ, набросанныхъ въ первый присѣсть. Сохранилось даже чрезвычайно интересное извѣстіе о томъ, какъ самъ Брюловъ смотрѣлъ на свои первыя подмалевки, набросы, въ сравненіи съ вещами конченными. Въ 1851 году, слѣдовательно за немного уже мѣсяцевъ до своей смерти, Брюловъ написалъ однажды, въ Римѣ, масляными красками, голову своего друга Титтона. Онъ

находилъ, что Титтони похожъ на Брута, высѣченнаго изъ мрамора Микель-Анджеломъ, оттого и захотѣлъ дать портрету поворотъ и выраженіе Микель-анджеловской головы. Онъ въ вѣсколько часовъ набросалъ такую голову, которая привела Титтони въ восхищеніе. Но когда этотъ послѣдній сталъ упрашивать Брюлова, чтобъ онъ докончилъ портретъ, Брюловъ отвѣчалъ: «на что тебѣ, чтобъ я окончилъ его? Все самое важное тутъ есть, остальное—обманъ (*impostura*), и если будетъ время, я когда-нибудь въ два-три часа докончу все это.» То, что тутъ разказано про портретъ, еще гораздо болѣе прилагается къ сочиненіямъ Брюлова, гдѣ дѣло шло уже не о воспроизведеніи внѣшняго эригинала, а объ осуществленіи собственной его фантази, внутри его самаго возникшихъ образовъ. Здѣсь еще болѣе все для Брюлова состояло лишь въ томъ, чтобы набросать на холстъ или бумагъ сверкнувшую въ воображеніи, минутно согрѣвшую его мысль. Самъ Брюловъ не разъ говаривалъ: «какъ я завидую тѣмъ великимъ живописцамъ, которые трудились постоянно, какъ будто никогда не покидадо ихъ вдохновеніе! Я не могу такъ работать, для меня скученъ процессъ писанія красками.» (Статья г. Мокрицкаго въ *Отеч. Зап.* 1855 г., т. III, стр. 155.) Мнѣ скажутъ: А припомните другія слова Брюлова въ письмѣ его изъ Рима, 1825 года (см. въ приложеніяхъ, № 14), что онъ убѣдился, изучая Рафаэля и Леонарда Винчи въ томъ, что «сколько широкая кисть нужна въ большихъ картинахъ, столько строгая отдѣлка въ маленькой картинѣ, для разсматриванія коей должно приблизиться такъ, чтобы глазъ зрителя былъ занятъ одною ею?» Но это не больше какъ разсужденія, назначенныя для извиненія слишкомъ тщательной отдѣлки и даже (по его собственному выраженію) сухости, въ которой, онъ боялся, упрекнуть его италіянское «Утро». Тщательная оконченность живописи не была въ натурѣ Брюлова; талантъ его выражался напротивъ въ первомъ воодушевленномъ набросѣ, всѣ его картины въ томъ свидѣлствуютъ; слѣдовательно, когда рѣчь идетъ о содержаніи брюловскихъ сочиненій, характеръ и значеніи его концепцій, для насъ не можетъ быть разницы между оконченною картиною, эскизомъ и рисункомъ. Въ этомъ отношеніи, болъшая или меньшая оконченность, болъшее или меньшее мастерство выполненія, играютъ совершенно второстепенную роль.

III.

Брюловъ сдѣлалъ на своемъ вѣку много картинъ, эскизовъ и рисунковъ на сюжеты взятые изъ исторіи. Сюжеты изъ исторіи! Это большое дѣло! Не всякій тотъ поэтъ, кто пишетъ стихи, давно уже говорятъ всѣ,—и точно также, прибавимъ теперь, не всякій тотъ историческій живописецъ, кто беретъ для своихъ картинъ сюжеты изъ исторіи. Посмотримъ что такое сочиненія Брюлова на сюжеты изъ исторіи.

Одни изъ нихъ принадлежатъ античному міру, другіе среднимъ вѣкамъ, третьи новой исторіи. Казалось бы, Брюлову равно близки и понятны всѣ эпохи и всѣ народы; ни отъ одного историческаго момента или событія не отказывалась его кисть или карандашъ; всѣ одинаково могли воодушевлять его фантазію. Только что пріѣхавъ въ первый разъ въ Римъ, онъ вдругъ бросился на множество самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ для картинъ: началъ однимъ разомъ и Филоктета, и умывающуюся Италіянку, и Юдию съ Олоферномъ, и Олега у Константинополя (см. въ приложеніяхъ письмо № 6); немого позже принялся за братьевъ Юсіфа, Эрминію у пастуховъ, вакханалію, аллегорію надежды, бесѣду Нумы Помпилія съ Эгеріей (письмо № 10); въ послѣдствіи онъ точно также принимался разомъ за сюжеты изъ всѣхъ временъ и народностей. Еслибъ основываться на однихъ собственныхъ его словахъ, пришлось бы подумать, что онъ имѣлъ и глубочайшее уваженіе къ исторіи, и истинное понятіе о значеніи ея въ живописи. (Г. Желѣзновъ въ своей статьѣ говоритъ: «Брюловъ требовалъ, чтобы всякій сюжетъ былъ трактованъ буквально-вѣрно исторіи своей.») Но дѣйствительно ли Брюловъ обладалъ даромъ постигать исторію и воплощать ее въ своихъ картинахъ?

Уже совершенно одинаковая пригодность *всѣхъ* сюжетовъ для Брюлова, отсутствіе какой-либо особой симпатіи или антипатіи при выборѣ между ними, заставляютъ подозрѣвать, что въ дѣйствительности всѣ они ему были равно далеки. Нельзя равно любить все, нельзя быть способнымъ ко всему.

Человѣкъ такъ устроенъ, что какъ бы онъ ни былъ талантливъ, все-таки натура его требуетъ исключительныхъ привязанностей, въ нихъ вся его сила, и отказаться отъ нихъ значитъ осуждать себя на блѣдную безличность, доказывать лишь совершенное равнодушіе и безучастіе свое къ чему бы то ни было.

Все это невольно подумаешь, пробѣгая въ мысли разнообразные сюжеты, за которые на своемъ вѣку принимался Брюловъ. Но когда начнешь разсматривать что онъ именно сдѣлалъ изъ каждаго изъ нихъ, то скоро первоначальное подозрѣніе превращается въ дѣйствительное убѣжденіе. Античный міръ столько же чуждъ Брюлову, какъ средневѣковый и новый міръ. Ни котораго изъ нихъ онъ не понималъ, ни которому не сочувствовалъ, ни въ который не могъ перенестись, ни въ одномъ не могъ схватить тѣ глубокія черты, въ которыхъ выразилась вся ихъ душа, вся ихъ жизнь.

При выборѣ историческихъ сюжетовъ, ни лица, ни событія не интересовали Брюлова, не овладѣвали его духомъ и художественною фантазіей; онъ объ этомъ никогда не заботился. Его поражали всѣ эти сюжеты чисто съ внѣшней, декорационной своей стороны; дальше въ свой сюжетъ онъ никогда не хотѣлъ и не могъ углубиться. Въ одномъ изъ писемъ своего молодого времени (см. ниже № 6), Брюловъ говоритъ, что отказывается отъ начатой картины «Юдиѣ и Олофернъ», по случаю трудности ночнаго освѣщенія, дневное же кажется ему «непозволительнымъ отступленіемъ отъ исторіи». Хорошо, еслибы всѣ его отступленія отъ исторіи были только подобны этому! Но освѣщеніе ночное или дневное казалось ему вопросомъ важнымъ, а между тѣмъ онъ не чувствовалъ какъ нарушаетъ въ своихъ картинахъ историческую правду въ томъ, что въ тысячу разъ важнѣе. Исторія со всѣми событіями и лицами служила ему всегда не больше какъ предлогомъ для выраженія одной постоянной, задушевной его мысли, его всегдашняго настроенія. Какая это была мысль и настроеніе, мы увидимъ послѣ, а теперь взглянемъ на нѣсколько разныхъ сочиненій его, чтобъ убѣдиться, какъ мало въ нихъ чего-нибудь въ самомъ дѣлѣ историческаго. Невозможно перебрать здѣсь всѣ сочиненія Брюлова одно за другимъ, а потому мы должны ограничиться нѣсколькими главными при-
мѣрами.

Конечно, самое значительное, самое обдуманное и тща-

тельное сочиненіе Брюлова на историческій сюжетъ—его «Послѣдній день Помпеи». Первая молодость и неразлучная съ нею горячая жажда славы, Италия съ ея великими художественными произведеніями, блестящее собраніе талантовъ всѣхъ націй, окружавшее его въ Римѣ, устремленное со всѣхъ сторонъ ожиданіе отъ него чего-то необыкновеннаго — все совокуплялось вмѣстѣ, чтобы заставить его напрячь всѣ силы и произвести самое лучшее, къ чему онъ только былъ способенъ. Дѣйствительно со стороны творческой фантазіи, общаго впечатлѣнія, блестятельнаго расположенія частей (не говоря уже объ очень эффектной технике), «Помпеи» стоитъ выше всѣхъ остальныхъ брюловскихъ картинъ. Въ ней, сверхъ того, много огня, увлеченія, хотя они и здѣсь, какъ почти всегда у Брюлова, часто обращаются во вредъ истинной, художественной правдѣ и красотѣ. Но удовлетворяетъ ли эта картина хоть сколько-нибудь главному своему назначенію—быть страницей римской исторіи? Нѣтъ, не удовлетворяетъ ни однимъ штрихомъ кисти. Римскаго въ ней нѣтъ ни одной черты, кромѣ внѣшнихъ подробностей костюма, утвари, скопированныхъ съ натуры зданій и т. п.

Самый послѣдній художникъ конечно пойметъ, что сюжетъ «Помпеи» требуетъ, чтобы въ этой картинѣ были изображены два міра: міръ античный, языческій, и начинающійся міръ новый, христіанскій. Брюловъ тоже не упустилъ изъ виду необходимости этого двойственнаго представленія. Но какъ онъ это сдѣлалъ? Чтѣ въ его картинѣ изображаетъ намъ древнее язычество, это язычество, переживающее послѣднія свои минуты, но все еще полное красоты, античнаго благоуханія, строгаго величія? Проходишь глазами всю картину и ничего другаго не встрѣчаешь, кромѣ испуганнаго жреца, бѣгущаго во всю прыть и мечущаго на небо дикіе взгляды. Но этотъ жрецъ столько же ничтоженъ и бессмысленъ, какъ всѣ тѣ жрецы, которыхъ намъ показываютъ въ операхъ и балетахъ. Почему, это единственное лице, которое должно дать нашему воображенію представленіе объ античной религіи въ одну изъ страшныхъ минутъ гибели и ужаса,—почему оно непременно должно быть олицетвореніемъ трусости, низости, грубаго эгоизма и слабого малодушія? Кажется, не только древній жрецъ Рымлянинъ, но и какой-нибудь шаманъ самаго дикаго народа способенъ къ высокимъ душевнымъ движеніямъ. Чтѣ это за ребяческое понятіе, что если въ представляемую

минуту древній міръ кончался, если древнее язычество отживало свое время и уступало мѣсто новой религіи, то священнослужители древней религіи не могутъ быть ничѣмъ другимъ какъ трусами и подлыми людьми, которые наравнѣ съ послѣднею чернью помышляютъ единственно только о личномъ своемъ спасеніи. Чтѣ за бѣдное понятіе о древности! Какъ было во всемъ римскомъ мірѣ не найти другаго жреца кромѣ этакое!

Посмотримъ теперь, какъ выражена у Брюлова другая сторона, религія новаго, зачинающагося міра. Христіанство тоже имѣетъ представителемъ одно лицо: великіе художники всегда умѣютъ въ одномъ человѣкѣ изобразить цѣлый типъ, со всѣми бѣзчисленными его оттѣнками. Но чтѣ это за лицо! Я и въ христіанскомъ священникѣ брюловской «Помпеи» не нахожу никакой исторіи, никакого постиженія выбраннаго типа и эпохи. Этотъ старикъ, выходящій изъ дому и съ любопытствомъ разсматривающій небо, точно будто онъ никто другой какъ пахарь, справляющійся: будетъ ли ведро или непогода—неужели это христіанскій священникъ? Онъ служитъ въ картинѣ кажется только на то, чтобы своимъ факеломъ прибавить третій эффектъ освѣщенія къ молніи и горящей лавѣ, а также еще, чтобы представить образчикъ хорошей академической модели,—вотъ и все. Это ли пастырь, полагающій душу свою за овцы, это ли одинъ изъ тѣхъ вѣрныхъ, которые въ первые дни новой религіи, посреди всѣхъ бурь, посреди всѣхъ мученій тирановъ, ни на минуту не останавливались съ своею проповѣдью? Гдѣ здѣсь выражена въ немъ та опора, защита и утѣшеніе во всѣхъ бѣдствіяхъ, которую они всюду несли съ собой, гдѣ пламенная энергія, гдѣ горячее самоотверженіе служителя Христовой вѣры, который въ минуту всеобщей гибели устремлялъ бы всѣ души къ одному только, ко Христу, и къ обѣщанному имъ иному міру? Ничего подобнаго нѣтъ въ священникѣ «Помпеи». Вся роль этого апатичнаго, ничтожнаго, можно сказать глупаго старика, ограничилась въ картинѣ тѣмъ, что онъ—уходитъ, унося церковную утварь, точно такъ какъ и антиподъ его, языческій жрецъ, тоже бѣжитъ вонъ, таща въ подолѣ своихъ божковъ.

Итакъ, самые главные, а вмѣстѣ и самые простые два момента въ «Помпеѣ» не поняты, и рѣшительно уничтожены. Оставимъ же въ сторонѣ не понятое Брюловымъ, вычеркнемъ изъ его картины противоположеніе языческаго и христіанскаго міра, будемъ разсматривать эту картину чисто

съ одной уже античной ея стороны. Гдѣ въ картинѣ изображены намъ римскіе господа, сыновья или внуки желѣзныхъ побѣдителей цѣлаго міра, утопающіе въ роскоши, долгими годами воспитанные въ привычѣ считать весь міръ созданнымъ для ихъ наслажденія и безумнаго мотовства, гдѣ представлена дикая свирѣпая чернь римская, кровавая и голодная, гдѣ рабы, задавленные лишеніями всѣхъ родовъ и низведенные до степени полезныхъ животныхъ или потѣшныхъ игрушекъ прихоти? Картина «Послѣдній день Помпей» непременно должна была воскресить людей этихъ противоположныхъ, вѣчно-враждебныхъ породъ, должна была заставить ихъ всѣхъ врасплохъ посреди полного разгара интересовъ, волновавшихъ ихъ жизнь, должна была выразить мирное и кроткое, или же грозное и враждебное отношеніе однихъ къ другимъ, въ ту минуту ужаса и уничтоженія, когда всѣ связи общества лопаются, и люди становятся вдругъ—только равными. Картина Брюлова не представила ни одного изъ мотивовъ древней жизни, ни одного изъ нихъ не воскресила,—что жъ остается въ ней? Олицетвореніе общихъ отвлеченностей, свойственныхъ каждой эпохѣ и народу, однимъ словомъ то, что обыкновенно находишь уже и во всѣхъ картинахъ рутинныхъ живописцевъ, не понимающихъ исторіи, да и не безпокоящихся о ней. Отецъ, сынъ, невѣста, воинъ, дочь съ матерью—да это столько же принадлежитъ картинѣ римской, сколько и всякой другой. Историческая картина будетъ та, которая представитъ мнѣ римскаго отца, римскаго воина, римскую невѣсту, а не та, которая изобразитъ какого-то вообще отца, какого-то воина, какую-то невѣсту. Посмотрите на «Помпею»: этотъ большой воинъ, трусливо спрятавшій свою голову и свой испугъ за дряхлаго старика-отца—неужели это упорный, безстрашный Римлянинъ? Снимите съ него римскій шлемъ, и онъ въ ту же минуту перестанетъ быть для васъ и римскимъ воиномъ, и Римляниномъ вообще. Его маленький братъ—прекрасный италянскій мальчикъ-натурщикъ, у него и ноги и руки прелестны, онъ обращаетъ къ старому отцу тоже прекрасные глаза,—все такъ, и однакоже ничего ни римскаго, ни сыновьяго въ немъ нѣтъ. Эта молодая женщина, упавшая въ обморокъ по самой серединѣ картины, дѣйствительно чудесна; но будь она еще во сто разъ чудеснѣе, все-таки тутъ дѣло состояло для Брюлова единственно только въ томъ, чтобы бросить по мостовой прелестную голую женскую руку, показать жадному зрителю пре-

красную грудь, и чтобы на эту грудь малютка-ребенокъ положилъ свою невинную ручку. Муштина, валящійся съ колесницы, другой на взбѣщенной лошади точно кошмаръ въ правомъ углу картины, ничтожнѣйшій женихъ, который только наполняетъ край картины и ровно ничего не говоритъ, даромъ что принимаетъ въ объятія свою невѣсту также въ обморокѣ; мать съ двумя дочерьми, прилаженные въ группу драгоценную для живой картины; цѣлое семейство, бѣгущее поперекъ дороги, наконецъ вся эта большая одурѣлая толпа народу, отступающая отъ валящихся домовъ: чтó же во всемъ этомъ множествѣ лицъ римскаго, историческаго?

Но перестанемъ требовать чего бы то ни было римскаго, спустимся еще ступеней ниже, и спросимъ у картины «Послѣдній день Помпеи»: чтó же наконецъ высказалось въ ней, будь она римская или какая угодно? То въ ней высказалось, чтó громкимъ голосомъ вопіеть противъ Брюлова, не Брюлова историческаго только живописца, а противъ Брюлова художника вообще: высказалось, что цѣлое населеніе, въ грозную трагическую минуту ничѣмъ инымъ не могло по его понятіямъ быть наполнено, кромѣ тѣхъ чувствъ, которыя могли наполнить и стадо животныхъ. Прекрасная пластика тѣла, выставленная посреди эффектнаго освѣщенія, и одно грубѣйшее животное чувство на самой низкой степени— вотъ въ чемъ состоитъ вся картина. Неужели стоило для этого затѣвать огромную картину, тратить на нее столько времени, усилій, таланта, мастерства? Неужели стоило тревожить древній Римъ, вызывать изъ тысяча-восемьсотлѣтняго сна Помпею и залитыхъ лавою населецвъ ея? Лучше бы, кажется, намъ вовсе не видать того прекраснаго, чтó заключаетъ въ себѣ картина Брюлова, лучше бы вовсе не знать этой картины, чѣмъ быть свидѣтелями такого попрапія души тѣломъ. Ни наше искусство, ни наше время, не нуждались въ столь постыдномъ, ложномъ представленіи. Здѣсь выразилась въ первый разъ, но при особенно-разительной обстановкѣ, та игра природы, которую представлялъ собой Брюловъ: соединеніе огромнаго таланта и силы для блестящей вѣщности съ рѣшительною неспособностью ко всему, чтó составляетъ жизнь внутренняго челоуѣка. «Послѣдній день Помпеи» не есть шагъ впередъ искусства. Эта картина — какой-то болѣзненный припадокъ его.

Почти сейчасъ послѣ «Помпеи» уже въ 1834 году, Брюловъ

написалъ въ Миланѣ другую историческую картину: «Инесъ-ди-Кастро». Посреди торжествъ, окружавшихъ его въ Миланѣ, среди лавровыхъ вѣнковъ, букетовъ, стиховъ, серенадъ, оваций, Брюлову случилось быть въ оперѣ, слышать модную тогда оперу Персіани, нынче совершенно забытую, *Инесъ-ди-Кастро*. Несчастное итальянское либретто разгорячило его; уже и такъ мелодраматически настроенную голову его воодушевила довольно пошлая мелодраматическая сцена,—сцена убіенія Инесы по приказанію звѣрскаго короля Альфонса IV, взбѣшеннаго тѣмъ, что сынъ его осмѣлился на ней жениться. И вотъ Брюловъ пишетъ большую картину. Въ картинѣ заключается множество тѣхъ же блестящихъ *театрическихъ* качествъ, какъ и въ «Помпей»: ловкое письмо, мастерская рисовка, и то же отсутствіе всякой поэзіи, всякаго истиннаго художества. Типы пошлы и ничтожны, позы театральны, вычурны по-итальянски; въ самой «Инесѣ», стоящей на колѣнахъ и простирающей руки къ Альфонсу, столько же мало чувства, какъ и истинной красоты, все въ ней условно и холодно; Альфонсъ—не что иное, какъ пошлый актеръ безъ всякаго выраженія; убійцы, замахнувшіеся кинжалами, хористы оперные. Брюловъ ни на волосъ не сталъ выше оперы, которую тогда видѣлъ: его картина стѣбитъ точно такого же забвенія, какъ и опера Персіани.

Въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ своемъ въ Россію, Брюловъ задумывалъ другую большую картину, на сюжетъ средневѣковый. Это—«Нашествіе Гензериха на Римъ». Говорять, что онъ такъ заманчиво разказалъ составъ и содержаніе будущей своей картины Пушкину, что тотъ воскликнулъ: «да это будетъ вторая Помпей!»—«Сдѣлаю выше,» отвѣчалъ Брюловъ (см. *Москвитинъ*, 1852, № 16, статья г. Рамазанова). Картина никогда не была исполнена; но сохранился оконченный эскизъ ея, и изъ него каждый можетъ получить полное понятіе о томъ, что такое была бы картина. Ни на чемъ не замѣтно, чтобъ она дѣйствительно могла сдѣлаться выше «Помпей». Напротивъ, кажется, она была бы совершенный *pendant* къ «Помпей». Историческаго въ ней ровно столько же, сколько въ «Помпей».

Все дѣло въ картинѣ состоитъ только въ томъ, что свирѣпый Гензерихъ врывается съ дикою ватагой Вандаловъ въ Римъ, и между тѣмъ какъ самъ топчетъ конемъ своимъ беззащитныхъ женщинъ, умоляющихъ о пощадѣ, орда его гра-

бить, рѣжетъ, неистовствуетъ. Подробности картины столько же не интересны, какъ и главная задача. Картина есть олицетвореніе насилія, буйства, животной свирѣпости съ одной стороны,—слабости, бѣззащитности, страха и ужаса съ другой. Но во всемъ этомъ нѣтъ у Брюлова и тѣни чего-нибудь дѣйствительно историческаго. Гензерихъ точно такой же академическій, казенный злодѣй и тиранъ, какихъ пропасть можно увидать во множествѣ картинъ, а еще болѣе во множествѣ оперъ и балетовъ; его Вандалы — старинныя условныя маріонетки. Нѣкоторые изъ нихъ—для того только безобразные негры, чтобы чернымъ своимъ тѣломъ представить живописцу эффектный контрастъ съ бѣлизной преслѣдуемыхъ Римлянковъ. Жажда контраста, эффекта—вотъ чѣмъ дышетъ вся картина. Ни тогдашнихъ людей, ни характеровъ, страстей, чувствъ, взаимныхъ отношеній людей—ничего этого нѣтъ въ картинѣ; все замѣнено такими группами, людьми, выраженіями, которыя переноси куда хочешь, въ любую эпоху — все равно. Какъ и въ «Помпеѣ», въ задуманной картинѣ выразились только страхъ и чувство самосохраненія передъ налетѣвшею гибелью. Нѣтъ, для того чтобы высказать только то, что здѣсь находимъ, не стоило приниматься и за эту картину. Если «Помпея» есть не что иное, какъ изображеніе стада, перепуганнаго бурей, то «нашествіе Гензериха» представило только стадо, на которое напали голодные волки. Ярость, страхъ и ужасъ, вотъ все, что Брюловъ сумѣлъ здѣсь задумать и выразить.

У Брюлова есть русская картина: «Осада Пскова». Еще въ 1823 году Брюловъ писалъ Обществу поощренія художниковъ: «Сильнѣйшимъ моимъ желаніемъ всегда было произвести картину изъ російской исторіи.» Разныя причины долго ему въ томъ мѣшали, наконецъ послѣ «Помпеи» представился къ тому случай. Уже въ 1835 году Брюловъ принялся за сочиненіе «Осады Пскова». Много разъ приступалъ онъ къ выполненію картины, много написалъ въ ней, и однакоже никогда не могъ кончить ее. Что жъ? кажется мы ничего отъ этого не потеряли. Въ этой, особенно неудачной брюловской картинѣ, было бы еще меньше интереса чѣмъ въ предыдущихъ, и еще гораздо менѣе можно было бы найти тамъ страницу исторіи.

Здѣсь такое же множество лицъ какъ и въ «Помпеѣ»; но ни всѣ они вмѣстѣ, ни которое-нибудь въ особенности, не имѣютъ ничего общаго съ Россіей XVI вѣка, не переносятъ насъ въ Псковъ, осажденный Стефаномъ Баторіемъ. Расвирѣпѣвшій

монахъ, бросающійся верхомъ въ самую середину рѣзни съ крестомъ въ поднятой рукѣ и, кажется, только о томъ жалѣющій, что у него въ рукѣ не кистень и не бердышъ; священникъ, всего виднѣе выдѣлившійся на фонѣ и поднимающій въ воздухѣ мечъ, какъ призывъ къ битвѣ—какъ все это не по-русски, какъ всѣ эти темы пахнутъ иными привычками, иными нравами: монахами крестовыхъ походовъ, духовенствомъ феодальныхъ схватокъ. Такіе ли были наши монахи и священники, такими ли они представляются въ сценахъ нашей исторіи, тамъ даже, гдѣ они принимали участіе въ битвѣ? Но осматривайте и всю остальную картину: что въ ней русскаго? Ни въ чемъ не сказался ни русскій духъ, ни русскій складъ, ни русскія привычки. Русскаго во всемъ этомъ столько же, сколько бываетъ въ русской картинѣ дѣланной какимъ-нибудь иностранцемъ. Одиѣ только внѣшности и костюмъ, скопированные съ народа или съ музейныхъ древностей, ничего того, что составляетъ сущность, характеръ народный. Даже лица какія-то нерусскія.

И умирающій Псковитянинъ, театральнымъ жестомъ посылающій въ бой маленькаго сына; и этотъ мальчикъ, который бросающійся въ самый пылъ сѣчи, не выразилъ на своемъ лицѣ ни пламеннаго одушевленія, ни мысли объ умирающемъ отцѣ; и мать его, сумѣвшая только испугаться, когда на колънахъ у нея лежитъ блѣдная голова умирающаго мужа, а маленькій сынъ бѣжитъ передъ глазами ея подъ удары яростныхъ воиновъ; и духовенство съ образами, и много, много другихъ подробностей картины:—все это общія мѣста, общая класная манера сочиненія! Куда ни посмотри, нѣтъ исторіи, нѣтъ русскаго народа, нѣтъ Руси, и всего меньше Руси XVI вѣка. Даже мотивы, взятые изъ описанія осады Пскова у Карамзина, вышли такъ ничтожны и безцвѣтны въ Брюловской картинѣ, какъ нельзя было бы сдѣлать ихъ и нарочно. Псковская женщина, поящая истомленныхъ Русскихъ, воевода князь Шуйскій, сходящій съ раненаго коня,—эти фигуры ничего не представляютъ кромѣ внѣшности изображаемаго факта: женщина столько же равнодушна и спокойна, какъ будто она поитъ своихъ телятъ, а не воиновъ посреди тревоги сраженія, въ двухъ шагахъ отъ пролома; Шуйскій—Богъ знаетъ какой-то всадникъ, слѣзающій со споткнувшагося и красиваго коня. Не то Брюлову было важно изобразить, какъ Шуйскій въ рѣшительную минуту, когда Русскіе слабѣли и уступали, вдругъ бросился передъ ними,

ободрилъ всѣхъ и наконецъ оттиснулъ враговъ, а только то, какъ великолѣпнѣе былъ сѣрый конь князя, и какъ этотъ всадникъ высвободился изъ стремень. Куда ни помотришь, нѣтъ во всей картинѣ ни одного изъ тѣхъ глубокихъ душевныхъ движеній, которыя поднимаются въ великія трагическія минуты. Никакой психологической драмы передъ вами не совершается, видите только одну декорацію свирѣпой драки и рѣзни. Сводя вмѣстѣ всѣ впечатлѣнія отъ картины, ничего въ ней не находишь, чего не въ состояніи были бы вообразить живописцы нашей прежней школы.

Между сочиненіями Брюлова особенно забавны его рыцари и сцены изъ среднихъ вѣковъ. Вѣроятно и тѣ и другія ему особенно нравились, когда онъ такъ часто къ нимъ возвращался. Но что онъ изобразилъ здѣсь? По его понятіямъ, рыцари кажется на то только и рождались, чтобы цѣловать черезъ рѣшотку или черезъ балконъ ручку или ножку своей возлюбленной. Другихъ мотивовъ для своихъ рыцарей Брюловъ не находилъ. Опять-таки когда Брюлову приходилъ въ голову нѣжный сюжетъ тайнаго или прощальнаго поцѣлуя, сцена отъѣзда или возвращенія, Брюловъ никогда иначе его не представлялъ себѣ и не изображалъ, какъ посредствомъ рыцаря и его возлюбленной. Рыцари на это только и были ему нужны. Кажется, всего однажды сдѣлалъ онъ изъ этого исключеніе, именно въ своемъ рисункѣ: «поле сраженія послѣ битвы рыцарей и мусульманъ». Здѣсь рыцари служатъ для другаго мотива. Но здѣсь рыцарей, можно сказать, вовсе нѣтъ, а есть только груды латъ, съ людьми внутри ихъ заключенными, груды шлемовъ, оружія, хаотически перемѣшанные. Притомъ, для Брюлова рыцари были здѣсь не болѣе какъ предлогомъ; ему пришла въ голову довольно безтолковая и антихудожественная мысль: представить хаосъ въ небѣ; битвою, послѣдовавшую за хаосомъ на землѣ, и состоящей въ томъ, что христіанскіе и магометанскіе ангелы влекутъ въ разныя стороны, въ разные рай, погибшихъ въ сраженіи. Изображенія летающихъ рыцарей столько же ничтожны, какъ и изображенія магометанъ, несомыхъ въ небо за чубы, какъ и изображенія сладкихъ гвидо-реніевскихъ ангеловъ. Ни одно изъ всѣхъ этихъ лицъ не интересовало въ дѣйствительности Брюлова; ему собственно до нихъ не было дѣла; онъ думалъ только о *пикантности* своего небснаго хаоса, о свѣтовыхъ эффектахъ, ловкихъ группажъ и техническихъ трудностяхъ позъ и ракурси.

Въ античныхъ сюжетахъ, Брюловъ едва ли не всегда попадалъ на такіе мотивы, которые всего больше противорѣчатъ духу древности: такъ напримѣръ его небольшая картина масляными красками «Диана и Эндиміонъ» съ Сатиромъ, у котораго отъ скотской жадности текутъ слюнки, и съ Амуромъ хлопающимъ въ листъ на ладони, столько же антична по содержанію и формамъ, какъ сочиненіе Поль-де-Кока или Баркова. Но объ его античныхъ сюжетахъ намъ придется еще говорить ниже.

Въ сочиненіяхъ на сюжеты изъ новой исторіи, Брюловъ доказалъ не меньше чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, до какой степени далекъ онъ отъ исторіи, сколько ему чуждъ я непонятенъ историческій духъ. У него можно встрѣтить нѣсколько такихъ сочиненій, гдѣ выразилось уже не непониманіе исторіи, а такое легкомысленное обращеніе съ нею, которое граничитъ съ презрѣніемъ. Я приведу два яркіе тому примѣра,—большую акварель: «Ришелье пляшущій передъ Анной Австрійской, чтобы пріобрѣсти ея любовь», и эскизъ масляными красками: «Возвращеніе Піа IX въ Римъ послѣ 1849 года.» Чтò такое объ эти картины, какъ не насмѣшка надъ исторіей, низведеніе ея на степень жалкаго анекдота, назначеннаго для потѣхи грубаго и неразборчиваго вкуса? Въ одной картинѣ, великій человекъ, пойманный живописцемъ врасплохъ въ ту минуту, когда онъ позабылъ себя, когда онъ жалокъ и презрѣненъ, когда передъ нами остался только рабъ животной прихоти, согласившійся на шутовское переодѣванье, на шутовское униженіе передъ вѣтровою женщиной, надъ нимъ насмѣхающеюся,—какая блестящая задача, достойная Скриба или Дюма! На другой картинѣ, все населеніе Рима, въ значительную историческую минуту собравшееся въ великолѣпную базилику, для встрѣчи главы своей церкви и государства, и уличенное въ чѣмъ же?—въ томъ, что оно тогда ничѣмъ другимъ не могло быть занято, ни къ чему другому не было способно, какъ къ поплости! Передъ вами представители всѣхъ слоевъ римскаго населенія. Но чтò ихъ наполняетъ? Знатная римская барыня и крестьянка-Фраскатанка, аристократы и плебеи, аббатъ, монахъ, офицеръ, старые и молодые, всѣ заняты пошлымъ любезничаньемъ и волокитствомъ, всѣ забыли и о папѣ, и о великолѣпной католической службѣ, никому въ голову не приходитъ даже мысль о томъ переворотѣ, который совершается этимъ возвращеніемъ папы, никто и не вспомнить, чтò передъ тѣмъ происходило

въ этомъ самомъ Римѣ ¹. Неужели таковъ въ самомъ дѣлѣ былъ Римъ и ничего въ немъ больше не было? Нѣтъ, этой клеветѣ, этой легкомысленной насмѣшкѣ, никто не повѣритъ. Значитъ ли это быть историческимъ живописцемъ, если позволить себѣ такія печальныя историческія каррикатуры? Исторія нашего времени требовала чего-нибудь болѣе серьезнаго отъ искусства.

Скажутъ: «но Брюловъ хотѣлъ сдѣлать здѣсь не историческія картины, а жанръ.» Будто это отвѣтъ! Кому же дѣло до школьныхъ, притомъ еще ложныхъ и бессмысленныхъ раздѣленій? Передъ нами сюжетъ и его выполненіе. Вотъ все, что до насъ касается. Двухъ разныхъ способовъ выраженія быть не можетъ и не должно.

Наконецъ, какъ послѣдній примѣръ историческихъ сочиненій Брюлова, я представлю ту картину, которую онъ задумывалъ въ послѣдніе дни своей жизни. Она должна была быть громаднa и по размѣрамъ, и по содержанію; въ ней (по собственнымъ словамъ Брюлова) онъ хотѣлъ выразить всего себя. Онъ считалъ, что ея успѣхъ долженъ быть колоссаленъ; въ ней думалъ онъ явиться Микель-Анджеломъ нашего времени, создать что-то такое, чему подобнаго по грандіозности не бывало со временъ «Страшнаго Суда» Сикстинской капеллы. Въ послѣднее время свое, Брюловъ часто говорилъ, что геній Микель-Анджело сталъ ему всего родственнѣе въ цѣлой живописи, и что послѣдніе годы жизни онъ посвятитъ на то, чтобы создать произведеніе, которое въ формахъ новаго искусства воскреситъ все величіе этого живописца. Для того онъ изобрѣлъ сюжетъ, который долженъ былъ заключить въ себѣ исторію всего міра, весь родъ человѣческій, какъ и «Страшный Судъ» Микель-Анджело. Брюловъ одного только боялся,—что почти вездѣ его картину запретятъ,—а потому онъ хотѣлъ выставить ее въ первый разъ въ той странѣ, гдѣ ничего не запрещаютъ и ничего не боятся,—въ Англіи. Болѣзнь помѣшала ему выполнить эту картину, и все ограничилось только однимъ эскизомъ, сохранившимся въ Римѣ у Титтони. Его у насъ почти вовсе

¹ Эта картинка масляными красками сдѣлана въ 1850 году, но уже и за двадцать лѣтъ прежде Брюловъ сдѣлалъ, для княгини Гагариной, акварель съ содержаніемъ очень похожимъ на содержаніе настоящей картинки. Только тамъ представлено не возвращеніе папы, а другія процессія духовная, именно во время одного очень живописнаго римскаго праздника, извѣстнаго подъ именемъ *Insiorata*.

не знаютъ, и потому необходимо дать здѣсь понятіе о его содержаніи. Названіе картины «Разрушающее время» (il Tem po Distruttore). На самомъ верху картины, посрединѣ, является во весь ростъ фигура времени, крылатаго старика Сатурна, съ косой въ рукахъ. Ею онъ косить и стакиваетъ въ рѣку забвенія все, что было до сихъ поръ велиаго на землѣ. Отъ самого верху до низу, картина наполнена группами и фигурами, стремительно низвергающимися внизъ; это какой-то яркій разноцвѣтный водопадъ изъ людей. Брюловъ перечислилъ въ этихъ группахъ все, что ему было извѣстно изъ всемірной исторіи. Тутъ, ближе всего къ Лету, видны законодатели и учителя древности: Ликургъ, Солонъ, съ разбитыми скрижалями, Эзопъ, Платонъ; не много выше, поэзія олицетворенная фигурами Гомера съ лирою, которой струны порваны, Пиндара, Виргилія, Данте, Петрарки, Аріоста; потомъ религіи, начиная отъ религій древности и до послѣдней появившейся на, свѣтъ, магометанства; выше ихъ—реформаторы; еще выше—философы и ученые, въ самой срединѣ ихъ Ньютонъ въ звѣздномъ вѣнцѣ, опускающій свой отвѣсъ въ сферу Птолемея, а вокругъ него Галилей, Коперникъ и другіе; съ другой стороны картины—олицетворенія власти: Александръ Македонскій съ Илиадою въ золотомъ ковчегѣ, нѣсколько императоровъ древняго Рима, и въ самомъ верху Наполеонъ съ мечомъ и лаврами и свалившаяся съ головы короною; вверху же, сибарить Сарданапалъ, въ ужасѣ хватающійся за валящаяся горы; наконецъ, сжавшіе другъ друга въ объятіяхъ Антоній и Клеопатра, какъ олицетворенія любви и красоты, и двѣ аллегорическія фигуры: свобода, поднявшая на копьѣ фригійскій колпакъ, и деспотизмъ, давящій ее всею тяжестью своего тѣла. Вотъ главные моменты этой картины.

За двадцать лѣтъ до того, Брюловъ помѣстилъ себя въ первой большой картинѣ своей, «Помпей»; при концѣ жизни, могъ ли онъ пропустить себя въ картинѣ, которая должна была выразить всего его, быть главнымъ его созданіемъ? Онъ, дѣйствительно, и помѣстилъ себя въ картинѣ, но уже не просто хладнокровнымъ, любопытнымъ зрителемъ всеобщей гибели, а дѣйствующимъ лицомъ. Какъ же именно? Брюловъ представилъ себя летящимъ, какъ и всѣ въ его картинѣ, въ пучину забвенія и ничтожества; но только онъ ближе всѣхъ остальныхъ къ волнамъ Леты. Всякій спросить: что это такое? — искреннее, правдивое смиреніе,

или жеманное притворство? Но все равно, притворна или истинна эта иронія надъ самимъ собой, она ничего не измѣняетъ въ общемъ смыслѣ картины.

Я не буду останавливаться на томъ, что «Разрушающее Время», этотъ тощій и бѣдный курсъ всеобщей исторіи, знаетъ лишь то, что въ прошломъ вѣкѣ признано было великимъ и важнымъ въ прошедшей жизни народовъ; я прямо пойду къ сущности, къ смыслу этой картины. Брюловъ думалъ, что картина его будетъ колоссальна, что она ужаснетъ грозною истинной мысли. Но гдѣ же эта грозная истина? Пожалуй, картина была бы и поразительна, но только не тѣмъ, чѣмъ думалъ Брюловъ: она поразила бы, вдругъ показавъ всѣмъ, сколько и при большомъ талантѣ можетъ быть въ человѣкѣ сухой прозы, ложнаго пониманія; она показала бы, что при взглядѣ на величественный ходъ исторіи міра, Брюловъ ничего не чувствовалъ кромѣ злой, навѣянной какимъ-то сплиномъ, мысли о ничтожествѣ всего, что только когда-нибудь было въ мірѣ великаго и возвышеннаго. *Il Tempo Distruttore* есть вмѣстѣ и обвиненіе прошедшаго въ безсмысліи, и пророчество будущему еще болѣе жалкой скудости духа. Струны на лирѣ Гомера порваны, горящій вѣнецъ Ньютона готовится потухнуть, скрижали великихъ законодателей разбиты; поэзія, гений, красота, любовь, все великое, что во всѣ времена волновало человѣка и вело его къ дѣламъ и созданіямъ великимъ, появилось у Брюлова въ картинѣ,—но зачѣмъ?—зачѣмъ только, чтобы устремиться къ гибели безъ слѣда, къ вѣчному забвенію, къ ничтожеству? Какая ложь, какая клевета на исторію, какой печальный бредъ больного воображенія! Какой бѣдный и узкій взглядъ матеріалиста!

Брюловъ боялся, что его картины вездѣ испугаются, что ее вездѣ запретятъ, какъ провозгласительницу опасной истины: напрасный страхъ! Какъ будто можетъ увлечь чью-нибудь фантазію, завладѣть чьимъ-нибудь умомъ, такая безжизненная проза и ложь? Нѣтъ, этимъ созданіемъ, больше чѣмъ всѣми остальными, Брюловъ доказалъ бы, какъ онъ расходился съ своимъ временемъ, какъ онъ не понималъ, чего нашему вѣку нужно. Каковы бы ни были техническія достоинства этой картины (еслибы эта картина была исполнена), хотя бы Брюловъ явился въ этой картинѣ выше десяти Рафаэлей и Микель-Анджеловъ, вмѣстѣ взятыхъ, ни наше, ни будущее время не простили бы ему, изъ-за

всѣхъ совершенствъ рисунка и краски, той же и прозы, которыя сдѣлалась у него здѣсь главною задачею искусства.

IV.

Кромѣ, быть-можетъ, двухъ-трехъ исключеній, всѣ сюжеты для сочиненій Брюлова на религіозныя темы были выбраны не имъ самимъ, а заказаны ему, точно такъ какъ, наоборотъ, сюжеты для сочиненій историческихъ были всѣ выбраны имъ самимъ. Это понятно, когда вспомнишь, что общество наше никогда не требовало отъ русскихъ художниковъ чего-нибудь другаго, кромѣ образовъ, портретовъ и кое-какихъ виньетокъ. Если художники сами не вздумаютъ приняться за иной сюжетъ, кромѣ этихъ, никто его не спроситъ у нихъ во всю ихъ жизнь. При такихъ обстоятельствахъ, Брюлову нечего было самому выбирать религіозные сюжеты, когда они сыпались на него со всѣхъ сторонъ. У насъ, какъ выше уже говорено, до сихъ поръ еще полагаютъ, что религіозные сюжеты—законная принадлежность историческаго живописца; о настроеніи его дарованія никто не заботится. По академическому дѣленію, кто пишетъ картины на историческіе сюжеты, долженъ писать и на религіозные; на практикѣ именно и основываются на этомъ правилѣ; сами художники такъ къ нему привыкли, что не чувствуютъ побужденія подумать о его смыслѣ. Брюловъ думалъ какъ всѣ: «живописецъ долженъ уметь писать все», говаривалъ онъ, и потому никогда не отказывался отъ разнообразныхъ сюжетовъ, которые предлагались ему. Изъ писемъ Брюлова, которыя будутъ помѣщены въ концѣ этой статьи, мы увидимъ, что, думая приступить въ Римѣ (въ двадцатыхъ еще годахъ) къ капитальной картинѣ, онъ признавался въ нерѣшительности своей при выборѣ сюжета, и долго не зналъ что взять: сюжетъ ли изъ исторіи Петра Великаго по совѣту Камуччини, утверждавшаго, что долгъ всякаго художника писать картины на отечественные сюжеты, или миеологическій, или же сюжетъ религіозный, что ему всего болѣе совѣтовало Общество прощренія художниковъ. Подъ конецъ, онъ совсѣмъ было склонился на сторону одного изъ трехъ религіозныхъ сюжетовъ, предложенныхъ Обществомъ: «Иисусъ Христосъ благословляетъ дѣтей», и только вдругъ занявшій его мысль

сюжетъ «Послѣдняго дня Помпей», увлекъ его въ совершенно другую сторону. Въ продолженіе остальной жизни, Брюловъ точно также принимался всегда ни съ большею, ни съ меньшею охотою за тѣ и за другіе сюжеты. Заказывались ли ему картины религіозныя и нерелигіозныя, для него не было разницы между ними, ему было все равно, онъ былъ одинаково готовъ приняться за тѣ и за другія. Но на дѣлѣ есть большая разница между сочиненіями Брюловскими религіозными и нерелигіозными. Въ послѣднихъ, каковы бы ни были недостатки ихъ содержанія и выраженія, есть все-таки извѣстная самостоятельность сочиненія и формъ, своя фizioномія; въ картинахъ же религіозныхъ, ничего подобнаго нѣтъ: Брюловъ является въ нихъ лишеннымъ рѣшительно всякой самостоятельности; онъ только повторять одну изъ итальянскихъ школъ времянь начинавшагося упадка живописи.

Только что оставивъ классы академіи, Брюловъ восклицалъ въ Берлинѣ, передъ головой Христа написанной Гвидо-Рени: «я скопировалъ Гвидова Христа который едва ли не есть нерукотворенный, и сія копія да будетъ моимъ путеводителемъ въ вѣрѣ, головахъ и экспрессіяхъ!» Это душевное желаніе его исполнилось. Гвидо-Рени и болонская школа, къ которой онъ принадлежалъ, во всю жизнь были ему путеводителями. Брюловъ такъ сроднился съ Гвидо-рениевскими концепціями, до того вжился въ его религіозное представленіе и типы, что большая часть его собственныхъ религіозныхъ картинъ сдѣлались будто копіями или подражаніями гвидо-рениевскимъ. Выше его сочиненія, выраженія и типовъ, Брюловъ никогда не поднимался. Большая конечно разница въ живописи, въ письмѣ, — здѣсь Брюловъ создалъ свою манеру; но все остальное есть рѣшительное повтореніе привычекъ и пріемовъ болонской школы, какъ вообще такъ и въ каждомъ отъльномъ намѣреніи, фигурѣ, лицѣ, движеніи, позѣ.

Если составить себѣ понятіе о религіозномъ настроеніи и образѣ мыслей Брюлова изъ того, что онъ самъ разказывалъ, пришлось бы подумать, что и онъ, и произведенія его были исполнены глубочайшаго религіознаго чувства.

Въ однѣхъ запискахъ о Брюловѣ намъ говорятъ: «Кто зналъ Брюлова лично, тотъ сознается, что пылкое стремленіе его души къ міру надъвѣздному ставило его такъ высоко надъ остальнымъ человѣчествомъ, что все его окружающіе и при-

ближенные питали къ нему какое-то обожаніе.» (*Москвит.* 1852, Т. XIX, статья г-жи Ростовской, стр. 147.) Однажды, во время концерта въ придворной капеллѣ, онъ весь въ слезахъ говорилъ: «Господи! долго ли мнѣ быть еще въ тѣлѣ? Когда хотя минутно душа моя изъ него вырвется, она въ такомъ блаженствѣ, такъ далеко, такъ высоко... Я слушаю Бортнянскаго, и кругомъ меня цѣлые сонмы ангеловъ, и—какихъ ангеловъ! Кто ихъ напишетъ?» (Авторъ замѣчаетъ, что въ то время Брюловъ писалъ свою картину «Взятіе Божіей Матери на небо»,— *ibid.* стр. 147.) Въ другой разъ, слушая какъ Віардо пѣла *Stabat Mater* Перголезе, Брюловъ закрывалъ лицо руками, восклицая: «она поетъ безтѣлесно!» (*Ibid.*, стр. 162.) «Никто увлекательнѣе Брюлова не говорилъ о величіи Божіемъ, о премудрости мірозданія, о жизни Искупителя и о безсмертіи души» (*ibid.*, стр. 152). Въ другихъ запискахъ разказываютъ, что, начавъ расписывать огромный куполь Исакиевскаго собора, Брюловъ говорилъ иногда: «Мнѣ тѣсно! я бы теперь расписалъ небо! Я изобразилъ бы на немъ всѣ религіи народовъ, которыя существовали отъ сотворенія міра, и торжество надъ всѣми—христіанской!» (*Москвит.* 1852, Т. XVI, статья г. Рамазанова, стр. 99.) Вотъ, кажется, довольно доказательствъ не только религіозности Брюлова, но еще и пылкости его религіозныхъ стремленій. Казалось бы, человѣкъ съ такимъ настроеніемъ долженъ непремѣнно быть чѣмъ-то въ родѣ вдохновенныхъ средневѣковыхъ живописцевъ-монаховъ, молившихся кистью. Его картины должны бы, кажется, сдѣлаться райскими видѣніями фра-Беато Анджелико да-Фіезоли, или непостижимыми небесными таинствами Рафаэля. Но посмотрите, что вышло на дѣлѣ! Ничего изъ сказаннаго словами не перешло въ картины Брюлова; огромная, безконечная разница оказывается между Брюловымъ, фантазирующимъ или описывающимъ свое настроеніе, и Брюловымъ, передающимъ его въ формахъ искусства.

Кто хоть не много станетъ вглядываться въ сочиненія Брюлова на религіозныя темы, тотъ будетъ пораженъ отсутствіемъ въ нихъ искренняго, дѣйствительнаго чувства. Всякому ясно здѣсь, что картина и сочинитель картины расходились въ разныя стороны, что между ними нѣтъ никакой кровной связи, что вся любовь и весь жаръ, къ которымъ Брюловъ способенъ, идутъ у него только на проявленіе внѣшнихъ средствъ искус-

ства, на паразитическое или по крайней мѣрѣ эффектное освѣщеніе, на привлекательное общее расположеніе, на красноту линий и фигуръ. Вотъ все, что составляетъ заботу Брюлова. Освѣщеніе играетъ между всѣмъ самую первую роль. Но религіознаго чувства, того настроенія, которое уносило бы его, по его же словамъ, въ «иной надъзвѣздный міръ», «далеко и высоко», которое вырывало бы душу изъ оковъ тѣла, — ничего этого не выразили его картины. Гдѣ у Брюлова почувствуешь порывы души жаждущей неба, или урвѣвшей его въ минуты восторженности? Гдѣ у него неизъяснимыя чувства, гдѣ безтѣлесный міръ, о которыхъ онъ разказывалъ друзьямъ и знакомымъ? Гдѣ у него высказалась хотя частица того необъятнаго религіознаго чувства, которому тѣсно быже въ огромномъ куполѣ и нужно было—цѣлое небо? Не найдешь ничего этого въ картинахъ брюловскихъ. Брюловъ остался съ ними въ передней искусства, никогда не проникъ въ самое святилище его, гдѣ раскрываются для вдохновеннаго таланта глубокія тайны и красоты духа. Если Брюлову всегда и вездѣ чужда внутренняя область души, то въ религіозныхъ задачахъ еще больше чѣмъ во вѣсѣхъ прочихъ. Дальше внѣшней маски чувствъ онъ не пошелъ. Видя, какъ мало заключаютъ въ себѣ брюловскія картины, спрашиваешь: неужели только къ этому повели тѣ восторги и вдохновенія, о которыхъ разказывалъ Брюловъ? Но къ чему же они, когда все, что находишь у Брюлова, доступно самому прозаическому мастерству и умѣнью? Неужели истинное чувство, глубокое душевное постиженіе должны дать въ результатъ одну только болѣе или менѣе удачную гримасу внѣшности?

Взглянемъ на важнѣйшія изъ брюловскихъ религіозныхъ сочиненій. Жуковский назвалъ, говорятъ, однажды въ своемъ восторгѣ брюловское «Взятіе Божіей Матери на небо» — богоноснымъ видѣніемъ. Но въ этомъ словѣ поэта не больше правды, какъ въ словахъ Вальтеръ-Скотта, сказавшаго про «Послѣдній день Помпеи», что это цѣлая эпопея. Во «Взятіи Божіей Матери» божественнаго ровно столько же, какъ и въ остальныхъ брюловскихъ религіозныхъ картинахъ: Распятія, Троицѣ, Христѣ во гробѣ и т. д. Отбросьте эффекты освѣщенія, которыми Брюловъ старается возвысить дѣйствіе своихъ сочиненій и придать имъ впечатлѣніе сверхъестественности, — отбросьте эту главную силу каждой изъ упомянутыхъ картинъ, и что же останется? — фигуры, лица и выраже-

нѣ, созданныя не высокою религіозною фантазіей, а лишь преданіями школы. Всѣ божественныя личности имѣютъ у него одинъ и тотъ же пріятный, довольно-приличный, но весьма не высокій типъ; ни въ одной не выразилось существо, стоящее выше всего земнаго. Всѣ они запечатлѣны однимъ и тою послушною рутиню.

О національныхъ типахъ для лицъ Ветхаго или Новаго Завета, объ исторической вѣрности, нѣтъ у Брюлова и помину. Въ прежнихъ академіяхъ, и Пуссенъ признанъ былъ въ высшей степени вѣрнымъ исторіи за то, что въ «Тайной Вечери» представилъ лица возлежащими, или свиту Фараонову изобразилъ съ египетскими повязками на головахъ. Къ чему же Брюлову большая историческая истина? Могла ли даже мысль о ней придти ему въ голову, когда ея нѣтъ у его учителей, болонскихъ академиковъ, и вообще у всего прежняго искусства? Если на Брюловскаго Іосифа Аримаѣйскаго надѣта чалма, если Св. Аннѣ данъ восточной турбанъ и рукава, то этимъ оканчивались для Брюлова всѣ счеты съ исторіей; послѣ этого, уже всѣ фигуры могутъ повторять собою русскіе или итальянскіе типы, или быть идеальными отвлеченностями, не принадлежащими никакому вѣку и народу. Ему уже ничего болѣе не надобно, все выполнено. Но извинимъ у Брюлова отсутствіе исторической и національной характеристики,—до послѣдняго времени искусство рѣдко заботилось о дѣйствительно исторической характеристикѣ, и однако же оно создало много истинно высокаго и прекраснаго;—какъ же все-таки считать вдохновенными видѣніями, великими результатами высшей творческой дѣятельности новаго гения то, что является только повтореніемъ формъ и сочетаній давно извѣстныхъ и лишь немного иначе переложенныхъ противъ прежняго?

Что новаго, что своего, и въ особенности что гениальнаго сдѣлалъ Брюловъ во «Взятіи Божіей Матери на небо», въ «Распятіи»? Взгляните на общее сочиненіе, на каждую фигуру въ отдѣльности, возьмите любую голову, любое выраженіе, любую позу,—ничего не найдете, что не было бы итальянскимъ общимъ мѣстомъ. И «сонъ ангеловъ» (по выраженію Брюлова), солнце, къ которому Богоматерь поднимается, поддерживаемая двумя ангелами,—все это мотивы, сдѣлавшіеся можно сказать казенными, въ томъ видѣ какъ мы встрѣчаемъ все это у Брюлова. Элегантная, прибранная, съ аристократическими дамскими руками, но нисколько не бже-

ственная Богоматерь «Взятія на небо» выразила на своемъ лицѣ именно только внѣшній отпечатокъ чувства и ничего болѣе. Выраженіе это точно огонь, который и свѣтитъ, да не грѣбеть. Эта Богоматерь, а равно и другая, сочиненная для Исакиевскаго купола, обѣ онѣ—мадонны болонскихъ картинъ, точно такъ какъ и всѣ брюловскіе ангелы и херувимы не что иное какъ ангелы и херувимы изъ болонскихъ картинъ, портреты разныхъ женскихъ и дѣтскихъ головокъ. Сверхъ того, во *Взятіи на небо* бросается въ глаза еще то, какое малое отношеніе къ сюжету имѣютъ два главные ангела: тотъ, что лицомъ къ зрителю, рѣшительно не принимаетъ никакого участія въ совершающемся таинствѣ, занять, кажется, единственно самимъ собою и задачей показать зрителю свое эффектно-освѣщенное лицо; въ сочиненіи онъ просто лишній, другому приданъ мотивъ, сдѣлавшійся казеннымъ отъ слишкомъ частаго употребленія; притомъ же этотъ ангелъ болѣе падаетъ внизъ чѣмъ возносится кверху, судя по движенію его драпировокъ; у ангеловъ въ «сонмѣ» лица самыя приторныя, а носящіяся въ воздухѣ, на верху картины, заняты странною задачей: они раздвигаютъ облака, для того чтобы Богоматерь могла пройти въ небо—пошловатый мотивъ изъ католическихъ картинъ и виньетокъ. На все это не потрачено много фантазіи и вдохновенія.

Въ «Распятіи», группа у подножія креста не болѣе какъ собраніе персонажей, старающихся показать, по давно-извѣстнымъ образцамъ, чувство трагической скорби, и ничего однако не показавшихъ. Всего ничтожнѣе женская фигура въ правой сторонѣ картины, вяло утирающая свои неохотныя слезы. Голова Іоанна, какъ всегда у Брюлова, близкое подражаніе типу извѣстной головы Доменикино, пріятной, изящной, однакоже никоимъ образомъ не представляющей намъ великаго апостола¹. Магдалина на колѣняхъ—чисто гвидовская. Но главнымъ является въ картинѣ что?—вовсе не Христось, не выраженіе его, не лицо, не голова, а только грудь, удивительно написанная, до того рельефная, что просто выходитъ изъ полотна. Для этой одной груди точно будто и писана вся картина. Кто знаетъ

¹ Какъ давно Доменикинова голова Іоанна произвела впечатлѣніе на Брюлова, на всю его жизнь, мы знаемъ уже изъ одного письма его 1822 года. См. № 6.

картины Брюлова, того не удивить это; примѣры подобнаго не рѣдкость у него.

Забудьте эффектъ освѣщенія въ его «Троицѣ», и тамъ точно также ничего въ цѣлой картинѣ не останется, кромѣ мастерски и выпукло написанной груди Христа; остальное — только приличная декорация; всего менѣе удовлетворительно то, что должно бы быть самымъ главнымъ: голова Саваоа и Христа.

Отбросьте тоже эффектъ освѣщенія въ Брюловскомъ «Воскресеніи» (эскизъ картины, назначавшейся въ московскую церковь Спаса), никакого другаго намѣренія не найдете тутъ, кромѣ намѣренія поразительно-рельефно представить нагую фигуру; все прочее—рутинный, общепринятый приемъ.

Вотъ еще картина Брюлова, его прославленный транспарантъ: «Иисусъ Христосъ во гробѣ». Чѣмъ было занято воображеніе Брюлова при созданіи этой картины? Какъ всегда, во все не самая сущность дѣла, не душа задачи, нѣтъ,—одно мастерство ракурса, побѣжденная техническая трудность, изящно расположенныя складки покрыва—вотъ и все. Но глазъ зрителя стремится къ главному, къ головѣ, къ лицу, ищетъ тамъ выраженія божественности, и ничего не находитъ въ этомъ брюловскомъ «Христѣ», кромѣ очертаній лица правильныхъ, но обыкновенныхъ, не лишенныхъ изящества, но которыми чуждо все, что возвышало бы эту голову надъ множествомъ другихъ.

Представляетъ ли Брюловъ Христа спокойнымъ (картина въ церкви на Аптекарскомъ островѣ) или въ моменты патетическіе (напримѣръ, голова Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ); представляетъ ли онъ Св. Сергія, которому является Богоматерь, или Св. Александру, несущуюся въ небо, Анну ли Пророчицу на колѣняхъ въ храмѣ, или апостоловъ-евангелистовъ:—нигдѣ нѣтъ дѣйствительнаго созданія религіозной фантазіи, а всюду только одинъ привычный приемъ, одна известная манера. Типы ничтожны, выраженіе лицъ еще болѣе. Ни одно изъ этихъ лицъ никогда не произвело душевнаго впечатлѣнія на зрителя; они слишкомъ мало значили въ духовной жизни самого автора. Судить ихъ можно лишь съ технической стороны выполненія.

Если иногда и встрѣчаются у Брюлова мотивы психологическіе, то рѣдко они не фальшивы, рѣдко соответствуютъ дѣйствительнымъ требованіямъ сюжета. Возьмемъ для при-

мѣра брюловскаго апостола Филиппа. Разказываютъ, что когда Брюловъ сочинялъ эту фигуру, онъ самъ говорилъ: «Ну, за этого, мнѣ слѣдовало бы дать Георгіа!» Дѣйствительно, изъ всѣхъ апостоловъ, этотъ особенно удался ему; онъ сдѣлалъ тутъ фигуру мастерскую по движенію, по жизни, по отличному ракурсу руки и т. д. Но чтѣ же выразила эта фигура? Въ ней нѣтъ и помысленія о томъ вдохновеніи, которое спокойно осыпало распространителей слова Христа: вмѣсто того, въ этомъ апостолѣ Филиппѣ оказалось чтѣ-то молодецкое, воинственное, какое-то безпокойное воодушевленіе, раздражительная нетерпимость какого-нибудь средневѣковаго миссіонера, проповѣдывавшаго съ крестомъ въ одной рукѣ, и съ мечомъ въ другой. Прочіе брюловскіе апостолы не созданы даже и для подобнаго психологическаго выраженія: въ нихъ все ограничивается размашистыми позами и драпировками. Но изъ всѣхъ сочиненій Брюлова на религіозные сюжеты, нѣтъ ни одного слабѣе того, которое онъ назначалъ для Исакиевскаго купола, то-есть именно того, во время работы надъ которымъ Брюловъ такъ риторически разказывалъ своимъ ученикамъ и знакомымъ, что ему тѣсно, что ему нужно цѣлое небо, для того чтобы высказать наполняющее его чувство. Недавно г. Теофиль Готье, описывая Исакиевскій соборъ, сказалъ (*Trésors d'art de la Russie ancienne et moderne*, I, p. 15), что общее расположеніе живописи въ куполѣ нѣсколько напоминаетъ сочиненіе барона Гро, въ парижемскомъ куполѣ Св. Женьевьевы. Не знаю, что надо разумѣть подъ этимъ приговоромъ: похвалу или осужденіе Брюлова; но вѣрно то, что г. Готье, фельетонистъ по части художествъ, всегда очень поверхностный, на этотъ разъ сказалъ большую истину. Да, это сочиненіе именно отзывается въ сильнѣйшей степени вкусомъ наполеоновскаго времени; здѣсь Брюловъ разрѣшилъ наконецъ ту задачу, которую еще въ 1824 году задавало ему Общество поощренія художествъ,—представить, въ одной картинѣ, соединеніе патроновъ разныхъ лицъ (см. письмо № 9), и тѣмъ доказалъ, что Общество было право, требуя отъ него выполненія подобныхъ задачъ. Его проектъ купола—огромная декорація, представляющая наборъ персонажей самыхъ разнородныхъ, не имѣющихъ никакой внутренней связи, но собранныхъ и разставленныхъ по правиламъ какого-то особеннаго этикета, не имѣющаго ничего общаго съ религіозными задачами. Брюловъ

забылъ здѣсь то, что когда-то прежде самъ же говоритъ, по случаю разаживской *Madonna di Foligno*, противъ представленія въ одной картинѣ «лицъ, жившихъ въ разные столѣтія, и потому не дѣлающихъ ни связи, ни группы, что совершенно противно правиламъ изящнаго искусства.» (См. письмо № 11.)

Въ религиозной живописи, глубокое душевное чувство составляетъ все, а его-то именно Брюловъ не зналъ и не понималъ; онъ доказалъ это въ своемъ *Tempo Destruttore*, гдѣ выразилось такое полное убѣжденіе во всеобщемъ ничтожествѣ человѣка и его исторіи. Что же удивительнаго послѣ этого, если Брюловъ никогда не въ состояніи былъ создать ничего по истинѣ великаго на задачу религиозную? Искусство требуетъ отъ художника искреннихъ убѣжденій, требуетъ, чтобы онъ всѣмъ существомъ своимъ погружался въ создаваемое имъ, для того чтобы вышло на свѣтъ созданіе глубокое, великое и истинное. Но религиозныя картины Брюлова исходятъ изъ настроенія совершенно противоположнаго, и потому онѣ могутъ имѣть нѣкоторую значительность только для художественныхъ классовъ, для любопытныхъ, для фанатическихъ поклонниковъ Брюлова.

V.

Брюловъ очень любилъ аллегоріи. Любовь къ аллегоріямъ была одною изъ самыхъ отличительныхъ чертъ его характера и вкуса.

Въ молодости, до поѣздки въ Италію, Брюловъ, кажется, не мыслялъ еще объ аллегоріяхъ; склонность къ нимъ была вѣроятно до времени заглушена тѣмъ направленіемъ, которое сообщала ему академія,—направленіемъ мысли къ сюжетамъ изъ священной и изъ древней исторіи.

Первымъ слабымъ намекомъ на вкусъ къ аллегоріи можно считать у Брюлова одинъ мотивъ въ его «Нарциссѣ», писанномъ на золотую медаль. Тутъ отъ него ничего другаго не требовали, кромѣ доказательствъ умѣнья прекрасно рисовать и писать; онъ это и выполнялъ, руководясь вмѣстѣ Аполлономъ Бельведерскимъ и натурщикомъ; но онъ вздумалъ прибавить мотивъ, который, по его понятіямъ, превращалъ классный этюдъ въ историческую кар-

тину. Онъ представилъ надъ Нарциссомъ, лежащимъ у ручья и глядящимся въ воду, улетающаго Амура. Смысль тутъ конечно тотъ, что гдѣ родилась любовь къ самому себѣ, какъ у Нарцисса, тамъ улетаеть любовь къ другимъ. Не знаю, замѣтила ли тогда этотъ мотивъ академія; если замѣтила, то конечно нашла его похвальнымъ и совершенно сообразнымъ съ заданнымъ ею сюжетомъ: Нарциссъ, Амуръ—вѣдь все это античность! Тогдашней академіи разумѣется и въ голову не могло придти, что подобныя резонерскія аллегоріи были за тысячу верстъ отъ здороваго пластическаго воззрѣнія древнихъ, и противорѣчатъ духу древности. Ея долгъ былъ объяснить начинающему художнику, что его рисунокъ и живопись стобятъ классной награды, но что сочиненіе его на придуманную имъ кудрявую сентенцію не имѣетъ ничего общаго съ античнымъ міромъ. Разумѣется, такого объясненія не могло состояться, и первая (если только это была дѣйствительно первая) аллегорія Брюлова прошла безъ замѣчаній съ чьей-нибудь стороны, и залегла основнымъ камнемъ всѣхъ будущихъ.

Въ Италіи, скоро послѣ своего пріѣзда, Брюловъ принялся за аллегорію; «Надежда питаетъ Любовь», но кажется не кончилъ. Въ обществѣ, какъ прежде въ академіи, никто не ставилъ ему въ упрекъ его аллегорій; Брюловъ до конца своей жизни остался вѣренъ аллегоріямъ, и все болѣе и болѣе находилъ ихъ пригодными для выраженія своей фантазіи. Кажется, еслибы Брюловъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, всѣ его сочиненія превратились бы наконецъ въ однѣ аллегоріи. Чѣмъ долѣе онъ жилъ, тѣмъ все болѣе сочинялъ аллегорій: въ послѣдніе годы его въ Россіи, потомъ на островѣ Мадерѣ, наконецъ въ Римѣ, ббольшая часть его рисунковъ и эскизовъ были все аллегоріи; кажется, ни одна приходившая ему въ голову мысль не могла обойтись безъ того, чтобы не попасть въ эту форму.

Но какъ при самомъ первомъ произведеніи своемъ въ этомъ родѣ, такъ и всегда потомъ, Брюловъ смѣшивалъ въ одномъ понятіи аллегорію съ миеологіей. Не понимая античнаго міра, онъ повидимому считалъ миеологію какою-то условною игрой фантазіи, которую можно употреблять какъ ни попало для украшенія выдумокъ празднаго воображенія. Все понятіе Брюлова о миеологіи ограничивалось лишь самыми элементарными представленіями въ родѣ того, что Аполлонъ—солнце, Діана—луна,

Нептунъ — вода, и т. д. Вся мифологія была для него лишь куча аллегорій, онъ мѣшалъ аллегорію съ мифологіей всякій разъ, какъ представлялась его уму какая-нибудь отвлеченная, общая, по его понятіямъ глубокая и поэтическая, мысль.

Правда, ни одной картины съ аллегорическимъ сюжетомъ не удалось ему дѣйствительно выполнить. За то эскизовъ и рисунковъ, болѣе или менѣе конченныхъ, осталось послѣ него бездна.

Какой ихъ характеръ, какое значеніе? Мы это узнаемъ, взглянувъ на нѣсколько главныхъ между ними.

Возьмемъ на примѣръ его «Діану на крыльяхъ ночи». Эта картинка нарисована чернымъ карандашомъ, — не безъ граціи, о томъ нѣтъ спору. Но летящая женщина съ опущенною головою, въ платьѣ усыпанномъ звѣздами, и перебирающая струны лиры, и Діана въ діадемѣ, спокойно лежащая на ея крыльяхъ, — не должны представлять вашему воображенію только то, что вы видите на рисункѣ: нѣтъ, онѣ должны заставить васъ вообразить то, что у Брюлова было въ головѣ, а именно: *прекрасную свѣтлую ночь, во время которой луна плыветъ въ небѣ.*

Вы смотрите на другую картинку (оставшуюся тоже эскизомъ): Аполлонъ скачетъ въ небѣ на колесницѣ, запряженной огненными конями; наперекрестъ ему, поперекъ дороги, несется въ другой колесницѣ, запряженной оленями, Діана. Братъ и сестра встрѣтились по самой серединѣ неба (и картины), на лету обнялись и поцѣловались, и летятъ въ разныя стороны. Вы думаете, что передъ вашими глазами встрѣча двухъ мифологическихъ божествъ—совсѣмъ нѣтъ: здѣсь надо разумѣть солнечное затменіе 1851 года, и за колесницей Аполлона поднимается изъ моря Гбра (божество часовъ дня) съ циферблатомъ въ рукахъ, гдѣ намѣченъ часъ, въ который именно случилось въ 1851 г. это затменіе.

Еще картинка карандашомъ: Сатурнъ представляетъ Нептуна разнымъ божествамъ Олимпа, изъ которыхъ каждое сидитъ въ какомъ-то особенномъ кругѣ. Опять и здѣсь дѣло идетъ не объ Олимпѣ и его божествахъ: Брюловъ желаетъ представить вашему воображенію открытіе астрономомъ Леверрье планеты Нептунъ. Божества въ кругахъ,—это планеты извѣстныя уже до Нептуна; Сатурнъ—время, которое рекомендуетъ старымъ планетамъ новую.

Вотъ еще эскизъ: спящая Юнона, во время сна которой парка подносить къ груди ея маленькаго Геркулеса. Здѣсь также

Юнона, Геркулесъ и парка только подставныя лица; совсѣмъ не въ нихъ дѣло. Картина должна представить намъ «происхожденіе млечнаго пути въ небѣ».

Точно такія-же аллегоріи: «Невинность покидаетъ землю»,¹ «Минерва (т.-е. разумъ) удерживаетъ искусство и гонитъ изъ храма—удовольствіе», «Время», «Аврора» и т. д. Въ другомъ рисункѣ, Меркурій изгоняетъ изъ храма Венеру; въ третьемъ еще, «онъ изгоняетъ Венеру и Бахуса и т. д. Содержаніе одной аллегоріи своей «Римъ», Брюловъ самъ рассказываетъ въ письмѣ², наконецъ сюда же относится главная изъ всѣхъ аллегорій его—*Tempo Destructore*.

Спрашиваю теперь: что всего болѣе останавливаетъ вниманіе въ этихъ сочиненіяхъ? Конечно не духъ древности, не античныя формы: этого и тѣни нѣтъ въ перечисленныхъ сочиненіяхъ; къ античному Брюловъ не имѣлъ никакой способности. Но въ такомъ случаѣ что же всего болѣе поражаетъ въ этихъ картинахъ, какъ не вычурность мысли, не холодная разсудочность? Здѣсь художникъ отрывается отъ главной способности поэтическаго здороваго таланта: — постигать и передавать существующее въ живыхъ формахъ дѣйствительности. Какая дѣйствительность можетъ быть въ темныхъ отвлеченностяхъ, гдѣ все живое подмѣнено какими-то далекими

¹ Сюжетъ этой аллегоріи пространно разказанъ г. Рамазановымъ въ *Москвит.* 1852 г., № 16., стр. 113.

² Въ письмѣ изъ Рима къ В. И. Григоровичу (находящемуся нынѣ въ Императорской публичной библиотекѣ), Брюловъ писалъ въ сентябрѣ 1850 года: «Я ни шагу почти не дѣлаю здѣсь въ Римѣ, чтобы не побесѣдовать съ вами. Какъ бы изумились теперь, взглянувъ на эту трижды властвовавшую надъ міромъ старуху, одряхлѣвшую наконецъ и кажется уже невозвратно: это трупъ еще дышашій, а набожныя уже ползаютъ по немъ. Я сдѣлалъ рисунокъ одной дамѣ, представляющей Римъ въ видѣ старой сѣдой женщины, облокотившейся на руку; на колѣнахъ бременящій ее шлемъ; щитъ съ буквами SPQR свалился съ лѣвой ея руки, въ ногахъ обломанная мраморная волчица съ Ромуломъ и Ремомъ; но ея защитники еще охраняютъ ее: это—Микель-Анджело, держащій рисунокъ, на коемъ начерчена капелла Sistina, а по лѣвую Рафаэль со всѣми рисунками Ватикана, сзади ихъ видна тѣни цезарей, Тита, Траяна, Марка Аврелія и прочихъ. Вдали неопытенные остатки древности и куполь Петра. Вотъ что заставило такъ Галловъ *мышиныхъ* быть осторожными въ метаніи артиллерійскихъ пилюль, а не то что новые гуси вздумали, то-есть, что храбрость пробудившаяся въ нихъ заставила продлить осаду на два мѣсяца; надобно отдать справедливость Французамъ, что они даже учтиво стрѣляютъ...»

умственными формами, точно пустыми скорлупками? Жизнь отлетѣла отъ этихъ подстановокъ; онѣ съ своими намеками и ссылками, со своими тонко-сплетенными хитростями, обращаются во все не къ поэтическому чувству нашему, а къ самой прозаической сторонѣ нашего ума. Онѣ рождаютъ лишь то удовольствіе, которое можетъ дать отгаданная загадка. Еслибы Брюловъ сказалъ гдѣ-нибудь въ обществѣ: «а знаете, господа, что такое нынѣшнее затменіе солнца, или нынѣшнее открытіе Леверрье, или млечный путь въ небѣ? Это поцѣлуй Аполлона съ Діаной, это представленіе Сатурномъ Нептуна прочимъ прежнимъ планетамъ, это — капли молока, брызнувшія изъ груди Юноны, когда она проснулась и увидѣла, что маленькій Геркулесъ сосалъ ея молоко», собесѣдники, можетъ-быть улынулись бы остряку, но тутъ и дѣлу конецъ. Искусство не въ состояніи прибавить тутъ ничего своею пластикой.

Аллегорія являлась всегда въ эпохи паденія искусства, во время наибольшаго пониженія вкуса. Такъ у древнихъ она явилась въ послѣдніе дни Рима, когда античный міръ выродился и издыхалъ. У новѣйшихъ, въ эпоху париковъ и фижмъ, и тогда аллегорія овладѣла рѣшительно всѣмъ, за что только ни принималось искусство. Безъ аллегорій, просто нельзя себѣ представить искусство рококо. Одно и то же направленіе вкуса и мысли научало тогда пудриться и румяниться, уродовать стрижкой сады, и наполнять всю архитектуру завитками, а скульптуру и живопись—безконечными аллегоріями.

Быть-можетъ найдутся люди, которые скажутъ: «какъ однакоже обвинять Брюловскія аллегоріи въ холодѣ, въ прозаичности, когда все, что ни дѣлалъ Брюловъ, носило всегда слѣды его огненной природы, его энтузіазма? Это противорѣчіе.» Дѣйствительно, это противорѣчіе; но оно въ натурѣ и характерѣ самого Брюлова. Мы видѣли разницу, между религиознымъ настроеніемъ, о которомъ онъ самъ рассказывалъ, и религиозностью, которая напечатлѣвалась на его произведеніяхъ; мы видѣли, что въ сочиненіяхъ на историческіе сюжеты вся страстность, вся горячность его природы ничуть не повела его къ выраженію другихъ душевныхъ движеній, кромѣ страха, испуга и трусости. Такъ точно случилось и съ аллегоріями, какова бы ни была горячность его природы. Ея дѣйствіе не простиралось нигдѣ дальше техъ

ники исполненія, и въ аллегорическихъ произведеніяхъ Брюлова мы опять встрѣчаемъ повтореніе того страннаго, удивительнаго явленія, которое видимъ не рѣдко у талантливыхъ импровизаторовъ, адвокатовъ, актеровъ, — сіяніе горячаго исполненія съ холодомъ, ничтожностью, ложью въ содержаніи. Огонь внѣшняго исполненія не есть еще доказательство жизни самаго содержанія. Равновѣсіе того и другаго встрѣчается лишь у тѣхъ великихъ, истинныхъ художниковъ, къ числу которыхъ Брюловъ не принадлежалъ.

В. Стасовъ.

(До слѣдующаго №.)

ЧУЖОЕ ИМЯ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ ¹

VII. ОТКРЫТІЯ.

То, что бродило подъ спудомъ въ маленькомъ обществѣ села Сорокина, не могло оставаться такъ скрыто, чтобы доля не вышла наружу и не высказалась какимъ-нибудь образомъ въ ежедневныхъ столкновеніяхъ членовъ его между собою. За исключеніемъ Марьи Васильевны и Лукина, Софья была первая, которая замѣтила что-то, въ чемъ она долго не могла себѣ дать никакого опредѣлительнаго отчета, но что ее сильно тревожило. Ей казалось, что Марья Васильевна, съ того самаго дня, какъ прогулки верхомъ начались, стала съ нею не та: исчезла прежняя искренность и свобода, на мѣстѣ ихъ сталъ замѣтенъ какой-то робкій контроль надъ собой, надъ каждымъ словомъ и жестомъ. Иной разъ Софья казалось какъ будто кузина боится ея, а другой разъ какъ-будто она тоскуетъ, жалѣ-

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3, 4 и 8.

еть о чемъ-то, или чего-то совѣстится, и вмѣстѣ какъ будто бы прячетъ что-то. Нѣсколько разъ ей удавалось подмѣтить взглядъ, устремленный на нее въ такую минуту, когда она говорила съ кѣмъ-нибудь или смотрѣла куда-нибудь въ сторону... Это былъ странный взглядъ,—тревожный и вмѣстѣ пристальный, полный то робкой тоски, то дерзкаго любопытства, а иной разъ—сверкающій вызовомъ...

— Mais!.. Mais, Marie!.. mais qu'est ce que vous avez donc, mon ange? Вы смотрите на меня точно какъ будто я съ облаковъ упала!..

Но Маша краснѣла и отвѣчала какой-нибудь вздоръ.

— Qu'est-ce qu'elle a donc, votre femme? спросила Софья Осиповна у Левеля.—Savez-vous, Paul, il y a des moments, où elle m'a l'air d'être amoureuse ou jalouse de quelqu'un... Ужъ не ревнуетъ ли она васъ?

— Къ кому?

— А я почему знаю?.. Ко мнѣ можетъ-быть?

— Ба! Чтò за вздоръ! отвѣчала усмѣхаясь Польша.—Просто нервное раздраженіе... Это съ нею бывало и прежде.

Но Софья не могла удовольствоваться такимъ объясненіемъ. Чуткій инстинктъ ей подсказывалъ, что тутъ скрыта другая причина, поглубже нервовъ. Она искала ее, а время летѣло, и губернаторскій домъ былъ совсѣмъ ужъ отдѣланъ въ Э^{***} и послѣдніе транспорты съ мебелью ужъ давно пришли, и Федоръ Леонтьевичъ писалъ изъ Сольска, что онъ выѣзжаетъ на дняхъ. Лукинъ и Софья проводили послѣдніе дни въ Сорокинѣ.

Въ эти послѣдніе дни, всѣ, даже горничныя и дѣти, замѣтили пѣремѣну въ Марьѣ Васильевнѣ. Она стала пуглива, разсѣянна, часто садилась то тамъ, то сямъ, безъ всякаго дѣла, и не высиживъ двухъ минутъ, вскакивала, начинала ходить по комнатамъ, заглядывая во всѣ углы, точно какъ будто отыскивая что-нибудь потерянное, а иногда останавливалась гдѣ-нибудь у окна, или въ дверяхъ, на порогѣ, и стояла какъ статуя, задумчиво, неподвижно уставивъ куда-то свой взоръ. Если же кто-нибудь звалъ ее, или просто встрѣчался съ ней неожиданно, она вздрагивала всѣмъ тѣломъ, и надо было повторять ей раза три то же самое, чтобы заставить ее понять. За столомъ, въ разговорѣ, и вообще когда нѣсколько человекъ находилось вокругъ нея, все это было не такъ замѣтно, потому что она принуждала себя; но и тутъ на нее нападали при-

падки странной разсѣянности, точно какъ будто она постоянно думала о чемъ-то одномъ, что поглощало ее совершенно. Левель былъ сильно встревоженъ. Онъ тоже дѣлалъ догадки, рылся усердно въ лѣчебникахъ, и нѣсколько разъ очень серьезно допрашивалъ Машу; но отвѣты ея были такъ коротки, пассивны и безтолковы, что не было ни малѣйшей возможности составить себѣ по нимъ какой-нибудь связный выводъ.

Въ одинъ жаркій юньскій день, за два часа до заката, все общество, съ нянкой и дѣтьми и съ прислугой, вышло изъ дома на сѣнокосъ. Верстахъ въ пяти отъ села, на луговой сторонѣ рѣки, разбитъ былъ открытый шатеръ. Въ шатрѣ коверъ постланъ и столъ накрытъ: собирались пить чай на травѣ; а въ густой травѣ косы звенѣли и человѣкъ пятьдесятъ косцовъ, цѣпью раскинутые вокругъ, двигались медленно. Отъ иныхъ только головы были видны, другіе по поясъ закрыты были отъ глазъ зеленою, волнистою стѣной травы, которая, медленно уступая дорогу, рѣдѣла. Въ просвѣтахъ, бѣгли рубахи, горѣли на солнцѣ, какъ бронза, здоровыя смуглыя лица, мѣстами сверкало лезвее, и лилась звонкая пѣсня.

Покуда ставили самоваръ, Левель ушелъ къ работникамъ, за нимъ побѣжали дѣти съ нянкою... Марья Васильевна, Софья и Лукинъ сѣли на берегу рѣки. Маша была блѣднѣе обыкновеннаго. Она имѣла усталый, измученный видъ; глаза горѣли тревожнымъ огнемъ, въ усмѣшкѣ свѣтилось что-то бо-лѣзненно-грустное, тонкія жилки просвѣчивали сквозь кожу на подбородкѣ и на вискахъ. При всемъ этомъ легкій вѣнокъ изъ полевыхъ колокольчиковъ, который дѣти надѣли ей на голову, придавалъ ей видъ жертвы, увѣчанной передъ смертью.

Обѣ кузины легли на траву, недалеко отъ Лукина, который готовилъ удочку, собираясь закинуть ее въ рѣку. Софья слѣдила за этимъ занятіемъ, изрѣдка оборачиваясь, и съ большимъ любопытствомъ посматривая на Марью Васильевну.

— У Marie что-то на сердцѣ всѣ эти дни, сказала она... — Мнѣ бы очень хотѣлось узнать, что такое, да она мнѣ не скажетъ, потому что она не любитъ меня. Я это давно замѣтила... Она разлюбила меня за что-то. Hélas! А я ее все люблю; ужасно люблю!

Марья Васильевна усмѣхнулась, поднявъ на нее лихорадочный взоръ, но не сказала ни слова.

— Что бы я дала, чтобъ узнать секретъ кузины!.. Потому что

у ней есть навѣрно секретъ... онъ только запрятанъ глубоко, продолжала Софья...—Не такъ глубоко однако, чтобы никто не зналъ... Кто-нибудь вѣрно знаетъ!.. *L'amî du coeur*... son confident вѣрно знаетъ!.. Marie, кто у васъ confident?

— Никого нѣтъ.

— Быть не можетъ!.. *Monsieur* Алексѣевъ! Вы здѣсь живете дольше меня, вы вѣрно знаете, кто у Marie confident.

— Гордый Семенычъ по части хозяйственной, отвѣчалъ Лукинъ;—а въ дѣтской Марѳа Григорьевна, а въ уборной—Даша.

— Ха! ха! ха! А по части сердечной?

— Мѣсто вакантное.

— Ха! ха! ха!—Софья хохотала. Маша опять усмѣхнулась едва примѣтно.

— *Adieu, Marie!* продолжала минуту спустя Софья Осиповна. — Я уѣзжаю въ четвергъ... И еще одинъ человекъ уѣзжаетъ... Скажите пожалуйста, *entre nous*, по секрету: вамъ будетъ жаль разстаться съ Григоріемъ Алексѣичемъ?

Бѣдную Марью Васильевну какъ-то подернуло при этомъ вопросѣ. Тревожный взоръ ея встрѣтился на минуту съ лукавымъ взоромъ кухни и тотчасъ же опустился.

— Конечно, мнѣ жаль, отвѣчала она чуть слышно.

Софья наклонилась къ ней близко, близко, стараясь ей заглянуть въ глаза. Усмѣшка острая и холодная, какъ ножъ, сверкнула у ней на губахъ.

— *Mais regardez moi donc un peu, mon petit coeur*... Что это вы ужъ такъ холодно говорите: жаль?.. точно какъ будто бы вы...—Она приостановилась, впиваясь въ нее глазами...—Вѣдь вы очень любите Григорія Алексѣича?.. *Vous l'aimez tout de bon, n'est ce pas?*

Несчастная Марья Васильевна желала бы провалиться сквозь землю въ эту минуту. Она вдругъ почувствовала какъ-будто кто дернулъ ее рукою за сердце, и вмѣстѣ съ тѣмъ испугалась, зная, что непременно должна измѣниться въ лицѣ, а между тѣмъ ни уйти, ни отвернуться, ни спрятаться—нѣтъ возможности. Кухина нагнулась надъ ней, какъ ястребъ надъ голубемъ, и смотритъ ей прямо въ лицо, и на этомъ лицѣ красное знамя стыда начинаетъ развертываться. Тайна ея выходитъ наружу!.. Она не властна ее удержать!.. Вотъ щеки зардѣлись, краска и жаръ пошли по лбу, по шеѣ, до

самых ушей, до корней ея золотистыхъ волосъ—все запылало... Жалко было видѣть эту увѣнчанную цвѣтами головку въ такомъ огнѣ!.. То, что она испытала въ эту минуту, не трудно понять, но какъ передать впечатлѣніе Софьи Осиповны, которая начала свой допросъ на авось. Ощупывая въ потемкахъ, она набрела случайно на это открытіе, и съ перваго раза была такъ озадачена имъ, что сама покраснѣла слегка. Усмѣшка исчезла у ней на лицѣ; она посмотрѣла серьезно, сперва на Машу, потомъ на Григорія Алексѣевича, и тотчасъ же отвернулась. Лукинъ видѣлъ все; но онъ еще не успѣлъ оглянуться, не успѣлъ слова сказать, какъ все уже было кончено. Онъ не могъ отворотить бѣду и не зналъ какъ поправить ее; не зналъ даже можно ли будетъ ее поправить?.. Удочка дрогнула у него въ рукахъ, и онъ былъ удивленъ замѣтно; но ни малѣйшаго знака смущенія невозможно было прочесть на лицѣ самозванца. Онъ былъ закаленъ на подобнаго рода случайности.

Не чувствуя долѣе надъ собою испытующихъ глазъ кузины, Маша вздохнула свободнѣе, встала, мелькомъ взглянула на Лукьяна и пошла потихоньку прочь.

Въ одинъ мигъ Софья догнала ее.

— Marie, ma colombe, куда вы?

— Оставьте меня. Я не здорова... не въ духѣ выслушивать глупыя шутки, отвѣчала та, едва слышно.

— Marie!.. Mais c'est drôle!.. Смѣшно такъ сердиться!.. Я, право, не знала, что вы такъ вспыльчивы... Вы покраснѣли какъ ракъ, изъ-за самой невинной шутки.

Оборотъ былъ довольно ловко придуманъ, но онъ не служилъ ни къ чему. Марья Васильевна обернулась и посмотрѣла ей прямо въ лицо, на этотъ разъ не краснѣя.

— Я не сердилась, отвѣчала она, съ трудомъ вынуждая себя говорить спокойно.—Я покраснѣла за васъ; я сдѣлала только то, что вы сами должны были сдѣлать, еслибы вы имѣли хоть каплю стыда.

Въ свою очередь Софья вспыхнула.

— Я васъ не понимаю.

— Мнѣ очень жаль, если я выражаюсь такъ непонятно; но я не могу отвѣчать яснѣе.

— Что это значитъ?

— Все что угодно. Понимайте какъ знаете... мнѣ все равно.

— Ah! c'est ainsi, madame?.. Обѣ остановились.

— Oui madame, c'est ainsi.

— Но вы заставляете меня смотрѣть на всю эту глупость серьёзнѣе чѣмъ бы я желала и можетъ-быть чѣмъ для васъ пріятно.

— Не беспокойтесь пожалуста обо мнѣ, отвѣчала Маша.— Мнѣ именно хочется, чтобы вы понимали меня серьёзнѣе... Я вамъ уже разъ сказала, что я не люблю вашихъ шутокъ... Оставьте меня; мнѣ пора идти чай разливать.

Софья удержала себя съ трудомъ отъ отвѣта; но глаза ея говорили такъ много, что почти нечего было прибавлять.

За чаемъ, кухни ни слова не говорили другъ съ другомъ, что до крайности удивило Левеля.

— Что это значить? Что тамъ такое у васъ? спросилъ онъ жену, выбравъ минуту, когда никого посторонняго не было возлѣ.

Маша готова была на этотъ вопросъ.—Ничего, пустяки, отвѣчала она.—Sophie имѣетъ дурную привычку врать, не стѣсняясь, при комъ поцало, и все что въ голову забредеть... Сегодня, она меня вывела изъ терпѣнія, и мы посчитались немножко.

— Вотъ очень нужно! Не могла ты ее оставить враты! замѣтилъ Левель, пожавъ плечами.—Да и нашли когда счеты сводить!.. До четверга пожалуй и помириться съ ней не успѣете.

— Успѣемъ!

— Да что жь у васъ было такое?.. Надѣюсь, неслишкомъ далеко зашло?

— О, нѣтъ! Ничего... такъ, нѣсколько колкостей...

Но Левель былъ не спокоенъ. Зная характеръ кухни, онъ опасался, чтобы ссора ея съ женой не имѣла серьёзныхъ послѣдствій.

Въ сумерки, возвращаясь пѣшкомъ домой, вдвоемъ съ Лукинымъ, онъ началъ его разспрашивать.

— Вы были тамъ, когда наши дамы поссорились?

— Да, былъ.

— Скажите пожалуста что у нихъ вышло такое?

Лукинъ усмѣхнулся:—Пустое!

— Да что жь такое? Я до сихъ поръ не могу добиться.

Лукинъ, не задумываясь, разказалъ ему весь разговоръ отъ слова до слова. Мѣстами только, онъ сдѣлалъ въ немъ нѣсколь-

ко маленькихъ измѣненій, которые придали цѣлому другой тонъ, больше комическій и наивный, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Онъ разчитывалъ, что не видѣвъ выраженія лицъ, или не зная какъ онъ всей подноготной, невозможно было понять серьезную сторону дѣла; и расчетъ его оказался вѣренъ.

— Вотъ женщины! сказалъ Левель, смѣясь.—Нѣтъ никакой возможности угадать изъ-за чего у нихъ выйдетъ ссора!.. У самой серьезной, на днѣ, столько вздору, такой запасъ мелкой обидчивости и маленькой раздражительности, что иной разъ посмотришь, да и рукой махнешь.

— Ну, и у нашего брата на днѣ часто немного отыщешь крупнаго, замѣтилъ Лукинъ, стараясь свести разговоръ на другіе предметы.—Какъ поглядишь зачѣмъ иной гонится, и что для него имѣетъ серьезный смыслъ, такъ пожалуй махнешь и обѣими.

— Во всякомъ случаѣ, нашъ братъ послѣдовательнѣе, сказалъ Левель.

— Да; онъ послѣдовательнѣе мелоченъ и упорнѣе держится за свои пустяки чѣмъ женщина; но въ сущности разница очень не велика... Вотъ мы съ вами, напримѣръ, очень послѣдовательно прожили семь лѣтъ, трудились, искали; а что въ результатѣ?

— Въ результатѣ, я полагаю, всякій нашелъ то, чего онъ искалъ.

— Что жъ, вы довольны вашею находкой..

— Да такъ себѣ, грѣхъ пожаловаться... А вы?

Лукинъ тяжело вздохнулъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.— Впрочемъ, я, надо правду сказать, и не искалъ ничего положительнаго, а только старался сбыть съ рукъ то, что мнѣ жизнь посылала... Оно пожалуй тоже послѣдовательно, потому что жизнь посылала мнѣ вѣчно какую-нибудь пакость; но въ сумѣ и эта послѣдовательность выходитъ такой же вздоръ. Еслибъ я зналъ къ чему все придетъ, я бы не сталъ терять времени даромъ... Труда не стоило биться изъ пустяковъ; потому что одно также скверно какъ и другое... Но вы были счастливыѣ, Павелъ Петровичъ... Скажите, что вы нашли?

— Да вотъ, какъ видите, оставилъ службу, женился, живу въ деревнѣ, хозяйничаю..., почитываю кое-что на досугѣ...

— Все какъ по писанному!.. Все о чемъ въ Петербургѣ бывало мечтали!..

«Счастливъ, подумалъ Лукинъ про себя, совершенно доволенъ и счастливъ!»

Онъ посмотрѣлъ на спутника своего съ любопытствомъ; но на лицѣ бывшего гвардіи капитана не замѣтно было особенныхъ признаковъ счастья. Въ задумчивомъ, сумрачномъ взорѣ, во впадинахъ глазъ, въ разрѣзѣ стиснутыхъ губъ, лежала печать упорнаго, но безплоднаго напряженія мысли и воли.

Они шли по открытой, холмистой мѣстности, поросшей мелкимъ кустарникомъ. Мѣсяцъ свѣтилъ, и при свѣтѣ его, орога бѣгла у нихъ подъ ногами, какъ мѣлъ. Рядомъ, шли двѣ уродливыя гигантскія тѣни; а впереди бѣжалъ Сторожъ, большая, щетинистая собака Левеля. Въ долинахъ между холмами, сѣдой туманъ поднимался.

— А что наука? спросилъ Лукинъ, вспомнивъ старые вкусы пріятели. — Намъ какъ-то не приходилось еще поговорить объ этой статьѣ.

Въ свою очередь, Левель вздохнулъ.

— Да какъ вамъ сказать?.. Вы знаете; я вѣдь не спеціалистъ... никакихъ слишкомъ обширныхъ затѣй не позволяю себѣ... А такъ, понемножку, заглядываешь иногда, справляешься, не отстаешь... Далѣе этого невозможно; потому что тутъ вѣдь предѣла нѣтъ... это бездонная пропасть!.. Глаза разбѣгаются, конца не видать; погонишься слишкомъ далеко, только надсадишься; а того, чего хочется, все-таки не найдешь.

— То-есть чего же это?

— Существеннаго, Григорій Алексѣичъ, существеннаго нигдѣ не найдешь. Вездѣ одна только форма и шелуха, которую надо долбить и долбить, покуда всѣ зубы себѣ объ нее обломашь... а до зерна никто не добился еще.

— Зерна можетъ статься и нѣтъ, замѣтилъ Лукинъ.

— Какъ нѣтъ?

— Да также. Зачѣмъ вы хотите, чтобъ истина непременно была въ видѣ орѣха или яйца? Развѣ не можетъ быть иначе? Можетъ-быть тѣ, что вамъ кажется скорлупой, то-то и есть существенное; а далѣе этого ничего.

— О! это было бы слишкомъ плоско!.. Хочется вѣрить во что-нибудь выше и лучше той драни, о которую каждый день стучаешься лбомъ.

— Вѣрьте себѣ пожалуй, да что изъ того? Вѣра въ существованіе недоступнаго не сдѣлаетъ его ни на шагъ доступнѣе.

— Какъ знать?.. Конечно, никто не рѣшилъ еще старой загадки, лежащей въ основѣ всего... Мы тремся около истины съ одной стороны, съ наружной, а ко внутренней двери заперты и ключъ спрятанъ. Но у всякаго есть въ душѣ тайное убѣжденіе, что онъ могъ бы найти этотъ ключъ и могъ бы узнать ту тайну, которую, ему часто сдается, онъ когда-то зналъ...—Левель остано-вился и кашлянулъ, недověрчиво посматрѣвъ на пріятеля.—Зналъ да забылъ, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ,—и усиливается припомнить но припомнить не можетъ, потому... потому что онъ падшее существо.

« Хмъ! вотъ онъ куда! » подумалъ Лукинъ.—То-есть какъ падшее? спросилъ онъ съ большимъ любопытствомъ.

— А также, падшее, обезображенное, разъединенное съ своимъ вѣчнымъ началомъ, пустое само въ себѣ существо.

— То-есть, другими словами, чистая шелуха?

— Ну да, шелуха, призракъ, вѣщность.

— Да куда же зерно-то дѣвалось?

Левель взглянулъ на него и усмѣхнулся. Промолчавъ съ минуту, онъ началъ ему объяснять терпѣливо и подробно свои идеи...

Черезъ сколько рукъ перешла эта смѣсь церковныхъ догматовъ, нѣмецкаго мистицизма и философіи, прежде чѣмъ попасть въ голову бывшего гвардіи-капитана и какимъ образомъ помѣстилась въ его мозгу, мы не беремся здѣсь объяснять... Лукинъ слушалъ его съ большимъ любопытствомъ.

« Вонъ онъ куда заѣхалъ! » думалъ онъ самъ про себя.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ сердитымъ ворчаніемъ собаки, которая стала середь дороги и, нюхая воздухъ, посматривала въ кусты. Они шли опушкой, недалеко отъ дома, за церковью, колокольня которой, съ минуту тому назадъ, видна была явственно въ сѣромъ сіяніи мѣсяца, а теперь скрылась за рощей.

— Чего тебѣ, Сторожъ?

Песъ оглянулся, тревожно нюхая воздухъ кругомъ, и круто свернулъ съ дороги въ кусты. Въ ту же минуту, послышалось снова ворчаніе, потомъ короткій, отрывистый лай, и трескъ сухихъ вѣтокъ въ чащѣ.

— Пойдите; я посмотрю, что тамъ такое.

Левель пошелъ за собакой; а за нимъ, шагахъ въ десяти,—Лукинъ. Не успѣли они свернуть съ дороги, какъ послѣдній услышалъ яростный лай и голосъ пріятеля.

— Tout beau, Сторожъ!.. Эй! кто тамъ?.. кто идетъ?.. стой!.. Да стой же, тебѣ говорить!.. Пошелъ къ чорту, Сторожъ!.. Григорій Алексѣвичъ, подержите собаку, а то она его изорветъ.

Въ минуту всѣ требованія его были исполнены; одно—добровольно; другія—съ маленькимъ принужденіемъ. Лукинъ держалъ за ошейникъ Сторожа, а онъ самъ держалъ крѣпко за воротникъ какого-то молодца, фигура котораго, освѣщенная мѣсяцемъ, имѣла преподозрительный видъ. Это былъ дюжій парень, лѣтъ тридцати, средняго роста, въ лаптахъ, въ армякѣ, и въ старой, засаленной шапкѣ, съ рябымъ, скуластымъ лицомъ, съ узенькими бровями и усиками и съ рѣдкою, щетинистую бородой. Топоръ за поясомъ, въ рукахъ палка съ острымъ, желѣзнымъ концомъ, наподобіе посоха, съ какимъ странствуютъ богомольцы.

— Пстой-ка, пстой-ка, пріятель!.. Да ну, не бойся, не задушу... Выдь-ка сюда на минуточку, дай на себя поглядѣть, говорилъ Левель, вытаскивая его изъ кустовъ на дорогу. Тотъ упирался сперва, огрызаясь какъ звѣрь; но, увидѣвъ себя между двумя рослыми мужчинами, изъ которыхъ одинъ держалъ за ошейникъ большую собаку, сталъ помирнѣе.

— Кто ты такой? спросилъ его Левель.

— Странникъ, ваше высокородіе.

— Чтò жъ ты тутъ дѣлаешь?

— Въ Воронежъ на богомолье иду.

— А въ кусты зачѣмъ спрятался?

— Чего прятаться-то? Не прятался... Изъ Сурмилова вышелъ съ утра, уморился, присѣлъ отдохнуть.

— Отдохнуть? Тутъ? Да что жъ это за волчій отдыхъ, когда тутъ село въ полуверстѣ?

— Такъ что жъ что село? Я вотъ уже и въ село пойду.

— А видъ есть?

— Есть.

— Покажи.

— Не, ваше высокородіе, не покажу. Всякому встрѣчному видъ подавать не указано.

— Будь спокоенъ, мой другъ; я не *всякій* *встрѣчный*. Я здѣшній помѣщикъ, и ты на моей землѣ, и я имѣю право требовать то, чтò я требую... Покажи!

— Не, баринъ, не покажу.

— А не покажешь, такъ я тебя къ становаму отправлю,

чтобы ты не шатался тутъ ночью, возлѣ села... Ступай за мной.

— Нече мнѣ за вами идти; и одинъ дойду... Я васъ не трогалъ, и вы меня не замайте.

— Какъ же! Такъ я и стану ждать, покуда ты меня тронешь!.. Ступай, говорить, а не то я тебя свяжу.

— Бросьте! вмѣшался Лукинъ.— Охота вамъ брать на себя роль сыщика!

— Нельзя, Григорій Алексѣичъ; тутъ у насъ шалости нынче пошли... грабежъ, воровство; у провѣзжающихъ чемоданы отрѣзываютъ... Недавно, такихъ же двухъ бѣглыхъ бродягъ поймали.

— Я не бродяга, ваше высокородіе, перебилъ пойманный,— я странникъ убогій, иду изъ-подъ Нижняго къ святымъ мощамъ Митрофанія преподобнаго...

— Покажи паспортъ.

— Да полноте, отпустите его! Ну что вамъ за дѣло до его паспорта?.. Еслибъ и никакого не было, такъ развѣ изъ этого слѣдуетъ что-нибудь?.. Неужели ужъ безъ этого ошейника и жить никому на свѣтѣ нельзя?..

— Истинно правда, ваше высокородіе, что совсѣмъ жить нельзя!.. Ужъ не то, что добыть-то его, какъ иной разъ полущки въ карманѣ не хватитъ; а иной разъ и просишь, Христомъ - Господомъ, въ поясъ кланяешься, чтобы свои денежки приняли, учнуть это завтраками кормить; безъ дѣла таскаясь, рубашку послѣднюю на себя пропьешь... А и получишь, такъ вѣдь не на лобъ себѣ его наклеить! Бумажонка дрянная, тоненькая, замаслится вся какъ блинъ, растреплется... бумажника, какъ у вашей милости, не имѣется, просто за пазуху спрячешь ее; ну долго ли обронить?.. А какъ обронилъ, такъ ты и сталъ безпашпортный!.. Создалъ тебя Творецъ какъ и всякаго; а нигдѣ тебѣ жить нельзя! Въ цѣломъ мірѣ, какъ вотъ онъ есть весь, со всѣми землями и княжествами великими и царствами, нигдѣ ты не смѣи находиться... Куды хошь дѣнься, а чтобы тебя нигдѣ не было!.. Вотъ оно наше житье каково, ваше высокородіе!.. Да и то еще надо сказать, коли кто чѣмъ прославилъ себя не хорошимъ и отъ этого опасаться имѣеть причину, такъ тотъ съ своимъ именемъ видъ не станеть носить, а достанеть себѣ на чужое... Штука не хитрая и стоитъ не дорого... Почитай что на каждой ярмаркѣ есть мастера такіе, художники грамотные;

за цѣлковой тебѣ изготовятъ всякаго сорта видъ, на чье хошь имя... и печати у нихъ такія есть... сами на камнѣ рѣжутъ...

Все это странникъ разказывалъ на ходу. Съ тѣхъ поръ какъ Лукинъ за него заступился, онъ больше не дѣлалъ сопротивленія, а пошелъ рядомъ съ Левелемъ, изрѣдка останавливаясь и косясь на собаку. Покуда онъ говорилъ, церковь стала видна, а за церковью домъ и въ домѣ огни.

— Огпустите, ваше высокородіе, сдѣлайте божескую милость! заключилъ онъ опять останавливаясь и снявъ шапку.

Левель взглянулъ на Григорія Алексѣевича. Его поразилъ мрачный видъ, съ которымъ товарищъ его слушалъ рѣчь странника. Мысль, что Лукинъ обижається невниманіемъ къ его просьбѣ, пришла первая ему въ голову.

— Нѣтъ, мой любезный; я тебя такъ не пущу въ село, а пошлю съ тобой сотскаго, чтобъ онъ зналъ, гдѣ ты заночуешь и когда дѣльше отправишься... А не хочешь, маршь мимо, и чтобы тебя здѣсь больше не видно было ни здѣсь, ни около... слышишь?

— Слушаю, ваше высокородіе; покорнѣйше благодарю!

Два послѣднія слова и поклонъ въ поясъ обращены были къ Лукину. Тотъ вынулъ серебряный рубль и бросилъ ему въ шапку.

Такъ окончилась эта встрѣча. Впечатлѣніе, отъ нея оставшееся, у обоихъ пріятелей длилось дѣльше чѣмъ слѣдовало ожидать отъ такого ничтожнаго случая. Какого рода было оно; это мы скоро увидимъ.

На другой день, Марья Васильевна, по требованію мужа, должна была извиниться передъ своею кузиной. Первый шагъ къ этому стоилъ тяжелаго принужденія; но та не дала ей сказать двухъ словъ, расхохоталась, прыгнула на шею и начала цѣловать. Такимъ образомъ, по наружности, ссора была потушена, но тотъ ядъ, который она оставила послѣ себя въ сердцѣ обѣихъ кузинъ, грозилъ печальными слѣдствіями.

Въ четвергъ, передъ самымъ отъѣздомъ, прощаясь, Софья Осиповна взяла подъ руку Левеля и вывела его на балконъ.

— Prenez garde, Paul! шепнула она ему на ухо. — Остерегайтесь!... Это маленькій дружескій совѣтъ, который я вамъ даю на прощанье.

— Чтѣ такое? спросилъ съ безпокойствомъ Поль.

— Ничего важнаго покуда еще нѣтъ; но я вамъ повторяю еще разъ: остерегайтесь. Будьте внимательнѣе къ тому, чтѣ

вокругъ васъ происходитъ. Поменьше возитесь съ книгами и позаботьтесь немножко о вашей женѣ... Она нездорова... постоитъ,—не тѣмъ, чѣмъ вы думаете... Это такого рода болѣзнь, отъ которой ваши лѣкарства не вылѣчуть... Не пугайтесь... покуда еще, какъ мнѣ кажется, дѣло не далеко зашло... бездѣлица! вздоръ!... Маленькая болѣзнь сердца, которая можетъ пройти безъ слѣда, если вы примете мѣры; но если ее запустить, то она можетъ усилиться и дѣло будетъ гораздо серьезнѣе... можетъ-быть очень серьезно... Eh! Allons donc! Не хмурьтесь, это не больше какъ предположеніе. Я вамъ говорю, что все это вздоръ покуда. Adieu!... Не сердитесь и не печальтесь; но будьте благоразумны. Желаю вамъ счастья отъ всей души!

Она обняла и поцѣловала его. Минуть черезъ пять, гости уѣхали изъ Сорокина въ З***, гдѣ съ часу на часъ ждали новаго губернатора.

Левель не спрашивалъ объясненія, потому что онъ понялъ, на чтò намекала кузина; но онъ былъ встревоженъ; ему точно въ сердце кольнуло отъ этихъ словъ. То, чтò онъ принялъ за шутку, судя по разказу Григорія Алексѣевича, выходитъ совсѣмъ не шутка!... Sophie вѣрно замѣтила что-нибудь прежде, чѣмъ дѣло дошло до насмѣшекъ... Боже мой! Гдѣ были у него глаза?... Какимъ образомъ онъ, кого это касается ближе чѣмъ всякаго другаго, до сихъ поръ ничего не замѣтилъ?... Онъ началъ припоминать... Разстройство въ мысляхъ и нервное раздраженіе, пугливость, задумчивость и забывчивость, разсѣянность... все это не ново... Конечно, все это, можетъ-быть, никогда еще не доходило до такой степени... Но кое-что, довольно близкое къ этому, онъ замѣчалъ иногда и прежде. Не можетъ же быть, чтобы Софья изъ одного этого могла вывести... Было, конечно, еще что-нибудь, чтò она должна была видѣть, а онъ не видалъ... Еще разъ онъ началъ перебирать въ своей памяти день за днемъ, часъ за часомъ, все время, съ тѣхъ поръ какъ пріятель его появился въ селѣ... Да, было много чего, пожалуй, чтò могло бы навести на подозрѣніе челоуѣка, мало знакомаго съ характеромъ Маши. Она краснѣла, конфузилась очень часто... Каждый разъ, какъ его дожидались изъ города, она была не спокойна, разсѣянна, вздрагивала и оглядывалась при малѣйшемъ шумѣ. Но, вопервыхъ, надо знать Машу, чтобы понять до какой степени все это объяснялось ея природною дикостью и непривычкою видѣть чужихъ людей у себя; а вторыхъ... во вторыхъ, вѣдь все это началось съ перваго дня ихъ знакомства...

На этомъ мѣстѣ своихъ размышленій, Левель былъ сбить совершенно съ толку, и какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мысли его, перескочивъ черезъ нѣсколько промежуточныхъ сочетаній, ухватились за дѣло съ другой стороны... Алексѣевъ?... Чортъ бы побралъ этого человѣка!... Очень нужно было приглашать его въ Сорокино на безерочное время!... Его, записнаго кутилу и волокиту!.. Кто его знаетъ, какіе онъ тутъ выдѣлывалъ фокусы, чтобы подбиться къ женѣ? За человѣкомъ, который живетъ по цѣлымъ недѣлямъ въ домѣ, не угладишь... А впрочемъ, несправедливо обвинять его безъ всякаго повода. Я ничего до сихъ поръ не замѣтилъ; Софья Осиповна, конечно, тоже; иначе она бы ранѣе подняла тревогу; да и его тотчасъ высладала бы вонъ, потому что они вѣдь—того.... теперь въ этомъ нѣтъ уже никакого сомнѣнія.» Левель вздохнулъ свободнѣе, вспомнивъ про это послѣднее обстоятельство... «Ревность!» подумалъ онъ... Но до сихъ поръ ревность не выходила наружу, стало-быть было же что-нибудь, чтò подстрекнуло въ Софѣ это чувство; какой-нибудь случай, взглядъ, слово... Онъ началъ припоминать разказъ своего пріятеля о ссорѣ на сѣнокосѣ, но разказъ былъ такъ ловко очищенъ отъ всего, чтò могло дать малѣйшую точку опоры для подозрѣнія, что Левель напрасно процѣживалъ его лишній разъ... Съ женой онъ до сихъ поръ объ этомъ не говорилъ, не желая конфузить ее понапрасну, и такимъ образомъ не имѣлъ никакого оселка для критики. Самый тотъ фактъ, что Алексѣевъ, не задумываясь, разказалъ ему все, и безопасно-веселый тонъ, съ которымъ все было разказано, должны бы ручаться за добросовѣстность этого человѣка... Но за добросовѣстность Алексѣева онъ не могъ поручиться по совершенно другимъ причинамъ.... Человѣкъ этотъ, почти съ перваго дня ихъ знакомства, семь лѣтъ тому назадъ, былъ для него загадкой, надъ разъясненіемъ которой онъ нѣсколько разъ ломалъ себѣ голову. Много чего онъ узналъ о немъ случаемъ, и много сомнѣній на счетъ Алексѣева въ разную пору перебывало въ его головѣ,—сомнѣній очень серьезнаго рода; но все это было какъ-то безсвязно, оборвано. Онъ ни разу не пробовалъ взяться за этотъ сырой матеріалъ и поработать надъ нимъ послѣдовательно... «Изъ чего биться? думалъ онъ:—что ему до того, кто такой этотъ Алексѣевъ? и точно ли онъ Алексѣевъ? и откуда онъ родомъ? и въ какомъ отношеніи

онъ находится къ этому имени, которое онъ слышалъ разъ въ Петербургѣ отъ пьянаго мажора, — да послѣ еще въ Теропцѣ слыжалъ?... Такъ думалъ онъ до сихъ поръ, потому что до сихъ поръ ему было все равно; но теперь онъ уже не могъ оставаться попрежнему равнодушнымъ. Теперь, ему нужно знать истину, очень нужно... Левель сталъ думать, и вотъ одно за другимъ, въ его памяти, начали воскресать разныя, маленькія обстоятельства, показываться проблески, — узкія щелочки, сквозь которыя что-то, до сихъ поръ еще неясное и разбросанное, проглядывало въ туманномъ, двусмысленномъ полусвѣтѣ далекой догадки.... Онъ вспомнилъ приходъ Свѣчина и поспѣшность, съ которою Григорій Алексѣевичъ въ ту пору его оставилъ. Зачѣмъ?... Свѣчинъ вѣдь не зналъ его имени, хотя помнилъ его въ лицо... Онъ утверждалъ, что видѣлъ гдѣ-то фигуру, похожую на него; но онъ тутъ же прибавилъ, что это не Алексѣевъ... А этотъ, какъ бишь его?... Машуткинъ?... Митюшкинъ?... Матюшкинъ?... Онъ былъ сильно пьянъ, но онъ не могъ сочинить всю эту исторію... Если и перебралъ, то что-нибудь все же было... Онъ назвалъ Григорья Алексѣича сперва Лукинымъ, а послѣ ужъ Алексѣевымъ, и былъ замѣтно сконфуженъ, когда я напомнилъ ему это первое имя... Но онъ говорилъ, что они, вдвоемъ съ Григоріемъ Алексѣичемъ и еще съ кѣмъ-то, отыскивали меня... Вотъ что загадочно... Съ какой стати? Какимъ образомъ Алексѣевъ могъ знать меня, прежде чѣмъ я съ нимъ встрѣтился у Находкина, и чего ему было нужно?...

На этомъ мѣстѣ своихъ размышлений, Левель опять сбился съ толку, и опять его мысль пошла перехватывать черезъ разныя, промежуточные свѣпленія именъ, образовъ, происшествій и лицъ. Разныя странности, въ разную пору замѣченныя за Алексѣевымъ, опять начали приходить ему въ голову... Въ Петербургѣ, онъ не любилъ баловъ и большихъ собраний, въ театрѣ бывалъ очень рѣдко, у Сень-Жоржа всегда выбиралъ самую дальнюю комнату... Никогда отъ него невозможно было узнать ничего обстоятельнаго и связнаго о семейныхъ его дѣлахъ: объ отцѣ, о матери, о мѣстѣ перваго воспитанія. Въ рѣчахъ и манерахъ тоже порой являлось что-то загадочное, — и это осталось до сей поры. Вотъ хоть недавно... Встрѣча съ бродягой пришла на память Павлу Петровичу. Алексѣевъ какъ-то такъ странно... такъ

какъ-то очень ужъ горячо за него заступился!... Что такое онъ говорилъ при этомъ? Да;—вотъ: *Что вамъ за дѣло до паспорта? Еслибъ его и не было, что тутъ дурнаго?... Неужто безъ этого ошейника нельзя и на свѣтъ жить?...* А тотъ ухватился за эти слова и сталъ клясться, что *юсть* паспортовъ дѣйствительно житья нѣтъ... Что бишь такое онъ говорилъ при этомъ? Что-то куріозное... Да, онъ сказалъ, что поддѣльный билетъ съ чужимъ именемъ очень легко достать... Алексѣевъ швырнулъ ему рубль серебромъ... признакъ большаго участія!... Алексѣевъ имѣетъ конечно какой-нибудь видъ, и на этомъ видѣ прописано безъ сомнѣнія *Алексѣевъ*, а не *Лукинъ*... Ну а если онъ точно *Лукинъ*, а не *Алексѣевъ*, тогда видъ фальшивый... Но какой же это *Лукинъ*? Неужели торопецкій... *Лукинъ*, и даже едва ли не именно Григорій Алексѣвичъ *Лукинъ*, былъ, по Торопецкому увѣзду, сосѣдъ его и сосѣдъ *Маши*; но онъ умеръ; разбила лошади на почтовой дорогѣ... хм!—случай довольно странный!... *Матюшкинъ* ему говорилъ, что у *Григорія Алексѣвича* былъ отецъ въ *Торопцѣ*... *Софья Осиповна* наша *Алексѣева* на станціи... Все лицо было испарапано, отъ того, что онъ вывалился изъ телегги... *Софья Осиповна* вѣхала изъ *Минска*, по *Бѣлорусской* дорогѣ и проѣзжала *Великіе-Луки*... *Почитай, что за самыми за Великими лошади понесли*; говорилъ *Иванъ Кузмичъ*...

Быстрѣе, быстрѣе пошли сплетаться въ его умѣ нити сближенія. Какъ электрическія искры запрыгали, пробѣгая, по нимъ огоньки догадокъ... и вдругъ, крупная, яркая искра! Она вспыхнула съ трескомъ и освѣтила потемки. Она вспыхнула въ видѣ отвѣта на одинъ любопытный вопросъ: Что если *Лукинъ* не умеръ, что если онъ и *Григорій Алексѣевичъ Алексѣевъ*—одно лицо? Если такъ, путь этого лица теперь передъ нимъ какъ на картѣ. Одинъ конецъ, до *Великихъ-Лукъ*, онъ знаетъ изъ одного источника; другой, отъ *Великихъ* до *Петербурга* и далѣе, извѣстенъ изъ другаго. На серединѣ, должно было что-то случиться, послѣ чего *Лукинъ* сталъ *Алексѣевымъ*?... Но что именно? Да и что могло побудить его?... На мѣстѣ, пожалуй, можно было бы добиться объясненія этой загадки. Имѣніе *Лукиныхъ* перешло въ руки *Баркова*... *Барковъ* долженъ знать ихъ семейныя обстоятельства... *Иванъ Кузмичъ* долженъ тоже знать... Жена?... Жена могла знать *Лукиныхъ*; они были ея сосѣди... Боже! Къ чему это все ведетъ?... Вѣдь если все это правда, *если они были зна-*

комы давно, тогда онъ обмануть!... Ему не сказали ни слова... его одурачили!... Ухъ! Скверно!...

У Левеля въ глазахъ помутилось... онъ уже не радъ былъ своей догадкѣ. Она его жгла, душила какъ кошмаръ... Волей или неволей, онъ долженъ былъ думать о ней постоянно и носить съ собой всюду эту проклятую путаницу, и на досугъ переминалъ, пережевывалъ, до того что подъ часъ голова начинала ходить кругомъ. По временамъ, онъ додумывался до того, что почти совсѣмъ терялся. Ему казалось, что мозгъ его оплетенъ какою-то паутиною, изъ которой нѣтъ никакой возможности выпутаться на свѣтъ. Онъ начиналъ сомнѣваться во всемъ, хотѣлъ бросить все, выгнать изъ головы совершенно, но силъ не хватало, и онъ начиналъ опять думать, переминалъ, пережевывалъ... Ни разу еще съ тѣхъ поръ, какъ намѣреніе посвататься пришло ему въ голову, онъ не былъ въ такомъ затрудненіи, въ такой нерѣшимости, что предпринять. Разные планы приходили ему на умъ; но по зрѣломъ соображеніи каждый изъ нихъ по очереди оказывался неудовлетворительнымъ... Не объясниться ли съ женой? Маша конечно не въ состояніи будетъ скрыть ничего, если только она знаетъ что-нибудь; но кто поручится ему за послѣдствіе этого шага? Хватить ли у нея твердости и покорности его волѣ на столько, чтобы сберечь въ секретъ его находку и не подать ни малѣйшаго подозрѣнія Алексѣеву въ томъ, что тайна его открыта?... Впрочемъ какая тайна? До сихъ поръ вѣдь все это только одинъ догадки, повѣрка которыхъ требуетъ величайшей разчетливости и осмотрительности... Что у Алексѣева не все въ порядкѣ, за это онъ головой ручается. Но что онъ, Левель, угадалъ вполне вѣрно, за это нельзя поручиться. Онъ можетъ-быть ошибается. Ему можетъ-быть неизвѣстно еще и десятой доли того, что онъ можетъ открыть со временемъ, если возьмется за дѣло толкомъ?... Въ такомъ случаѣ, малѣйшее подозрѣніе со стороны Алексѣева поведетъ къ одному изъ двухъ: заставитъ его или быть въдесятеро осторожнѣе, или рѣшиться на самыя отчаянныя мѣры. Онъ знаетъ этого человѣка. Настойчивъ, смѣлъ и уменъ какъ чортъ; способенъ равно къ добру и злу, къ разчету и къ страстному увлеченію. Это одинъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ игра, до послѣдняго хода, не можетъ считаться выигранною; а малѣйшая неосмотрительность можетъ быть опасна. Надо собрать всѣ справки, прежде чѣмъ начать дѣйствовать... Дѣйствовать!

Хмъ! Вѣдь это еще вопросъ, есть ли какой-нибудь поводъ дѣйствовать противъ него? Да еслибъ и былъ, то какимъ образомъ пустить въ ходъ тѣ средства, на которыя онъ можетъ разчитывать?... Что жь? Неужели доносъ на него писать? Онъ не подъячій. Онъ служилъ въ гвардіи и въ старые годы билъ алебастровыхъ пѣтушковъ у Вишневекаго, по десяти штукъ безъ промаха... Глазъ вѣрнень, рука не дрогнетъ... онъ имѣлъ случай испытать себя еще мальчишкою. Но теперь, онъ не мальчикъ; ему тридцать семь лѣтъ; онъ имѣетъ семейство; онъ гражданинъ и христіанинъ, и не намѣренъ марать своихъ рукъ въ крови безъ особенной крайности... Къ тому же, въ его года, отправиться на Кавказъ солдатомъ и гдѣ-нибудь въ Пятигорскѣ, стоять на одной доскѣ съ какимъ-нибудь школьникомъ въ родѣ Грушницкаго... пошло!..

Левель, какъ видите, былъ очень за пасливый, предусмотрительный человекъ, и потому захватывалъ иногда черезъчуръ въ даль. Теперь же онъ былъ встревоженъ и потому фантазировалъ, дѣлая мысленно разныя перестановки. Неизвѣстно, игралъ ли онъ въ шахматы, но если игралъ, то должно быть недурно.

Періодъ нерѣшительности пришелъ однако къ концу. Плодомъ долгаго размышленія и развязкою долгаго колебанія было письмо: Псковской губерніи, въ городъ *Торопецъ*, а оттуда въ село *Троицкое* Его Благородію Ивану Кузмичу Усову.

«Добрѣйшій Иванъ Кузмичъ, писалъ Левель, помните, вы хвалили мнѣ землю въ томъ небольшомъ имѣніи, гдѣ вы жили до вашего переселенія въ Троицкое, то-есть въ Жгутовѣ. Изъ вашихъ писемъ, въ прошедшемъ году кажется, или въ началѣ нынѣшняго, я заключаю, что Дмитрій Егоровичъ Барковъ, о которомъ вы вспоминаете такъ неохотно, не прочь бы раздѣлаться съ этимъ имѣніемъ; а такъ какъ онъ раззорилъ его, то вѣроятно согласенъ будетъ продать за дешевую цѣну. Дѣло, вотъ видите, въ чемъ: здѣсь есть одинъ господинъ, человекъ не богатый, но очень порядочный, который желаетъ купить не большое помѣстье въ вашихъ краяхъ, гдѣ онъ былъ, лѣтъ десять тому назадъ и зналъ какого-то Лукина; того ли, котораго вы помните, или другаго, не могъ добиться; но онъ не былъ знакомъ съ Барковымъ и потому не имѣетъ возможности прямо къ нему обратиться; а просить васъ, и я тоже прошу, сообщить намъ кое-какія свѣдѣнія касательно Жгу-

това. Впервыхъ, конечно, по части хозяйственной: сколько земли и какъ велика запашка? и сколько народу ходить на барщину, и каковы покосы, и есть ли строевой лѣсъ, и сколько? Словомъ, все это какъ водится, безъ лишнихъ подробностей, но какъ можно точнѣе и обстоятельнѣе, Далѣе, онъ особенно интересуется знать: кто владѣлъ Жгутовымъ до Дмитрія Егоровича Баркова: тѣ ли самые Лукины, которыхъ онъ зналъ, или другіе, и если тѣ, то какимъ образомъ имѣніе досталось Баркову? Потому что у стараго Лукина, были, какъ онъ говоритъ, прямые наслѣдники, — сынъ, кажется. Помните, вы разказывали о какомъ-то несчастіи, которое съ нимъ случилось? Чтобы разъяснить всѣ эти вопросы, не будете ли вы такъ добры сообщить въ самыхъ короткихъ словахъ, что вамъ извѣстно, *вопервыхъ*, насчетъ того какъ звали покойнаго Лукина и сына его, и не было ли у старика еще дѣтей? *Водторыхъ*, куда дѣлись они? и если умерли, то прежде отца или послѣ? — а если умерли послѣ, то почему не они, а Барковъ наслѣдовалъ имѣніе? Не было ли тутъ какихъ-нибудь штукъ со стороны пріятеля вашего Дмитрія Егоровича, изъ-за которыхъ современемъ можетъ выйдти процессъ? Признаюсь вамъ, послѣ всего, что я слышалъ объ этой особѣ, это нисколько бы не удивило меня. *Далѣе*, вѣрно ли вы это знаете, что молодой Лукинъ умеръ? То-есть существуютъ ли на это какія-нибудь несомнѣнныя доказательства, или такъ только, слухи? Этотъ послѣдній вопросъ очень интересуется моего пріятеля, потому что онъ былъ знакомъ, кажется, не съ отцомъ, а съ сыномъ. Не можете ли вы сообщить въ короткихъ словахъ, каковъ былъ собой этотъ молодой человекъ, чтобы знать тотъ ли это? *Наконецъ*, неизвѣстно ли вамъ, гдѣ теперь проживаетъ Барковъ, въ Жгутовѣ, или въ другомъ мѣстѣ? Если въ другомъ, то, буде возможно, потрудитесь узнать обстоятельно его адресъ.»

Прошло три недѣли съ тѣхъ поръ, какъ письмо это отослано было на почту въ З***, а отвѣтъ еще не былъ полученъ. Въ теченіи этого времени, Левель съ женой не выѣзжали почти никуда;—всего разъ только были съ визитомъ у губернатора, въ городѣ, и провели тамъ какихъ-нибудь два часа. Федоръ Леонтьевичъ обѣдалъ у нихъ, въ Сорокинѣ, дня черезъ три по пріѣздѣ въ З***, и по этому случаю былъ большой столъ. Изъ города были приглашены кое-какія власти; сосъди съѣхались. Время шло довольно скучно, потому что Софья

Осиповна была какъ-то не въ духѣ, а Марья Васильевна нездорова;—такъ нездорова, что едва за столомъ выеидѣла и послѣ обѣда должна была лечь. Лукинъ тоже былъ тутъ, но тотчасъ послѣ обѣда уѣхалъ, извиняясь дѣлами. Съ пріѣздомъ Федора Леонтьевича вакація его кончилась, и онъ былъ завагенъ дѣлами по горло. Вѣроятно по этой причинѣ, онъ былъ всего разъ у Левеля, послѣ того, какъ онъ переѣхалъ въ З***, и въ этотъ разъ не успѣлъ почти слова сказать съ хозяйкою дома, такъ что Павлу Петровичу, который въ тайнѣ намѣренъ былъ наблюдать,—и наблюдать было не надъ чѣмъ. Но если съ одной стороны безпокойство его не имѣло пищи, то съ другой состояніе Марьи Васильевны могло бы встревожить самаго равнодушнаго мужа. Чтѣ такое съ ней дѣлалось, онъ не могъ понять, но въ послѣднія три недѣли на нее было жалко смотрѣть. Она дичилась, бѣгала отъ него, отъ дѣтей, отъ всѣхъ окружающихъ. Безсвязныя рѣчи, блѣдность, два алыя пятнышка на щекахъ, какой-то потерянный, осужденный видъ и измученный, лихорадочный взоръ.

Левель напрасно старался занять ее чѣмъ-нибудь, разговариваться съ ней. Нѣсколько разъ, когда онъ со всѣми возможными предосторожностями приступалъ къ объясненію,—съ ней дѣлались настоящіе истерическіе припадки, которые доходили до судорогъ. Докторъ былъ позванъ изъ З***, прописалъ ей какія-то капли и обѣщалъ навѣстить черезъ день; но черезъ день, она объявила себя совершенно здоровою и отказалась отъ всякихъ лѣкарствъ. Дѣйствительно, она стала какъ-то немного бодрѣ послѣ этого времени; но тревожное напряженное состояніе продолжалось. Ей было предписано находиться на воздухѣ сколько возможно болѣе и ходить. Но ходить въ продолженіе дня, по жарѣ, она не имѣла силы. Въмѣсто того, она просиживала цѣлые дни на балконѣ, и только подъ вечеръ, въ сумерки, когда дѣти ложились спать, выходила въ садъ. Мужъ каждый разъ провожалъ ее. Они дѣлали нѣсколько туровъ взадъ и впередъ, по аллеямъ, и возвращались. Но когда у него бывали гости, или кто-нибудь пріѣзжалъ по дѣламъ, да засиживался, или его самого дома не было,—она уходила одна и не разъ оставалась въ саду до глубокой ночи. Онъ дѣлалъ ей разговоры за эти ночныя прогулки.

— Не хорошо оставаться такъ долго на воздухѣ ночью, мой другъ, говорилъ онъ.—Посмотри, какая ты блѣдная...

губы бѣлыя, ногти совсѣмъ посинѣли... Маша, что съ тобой? Да ты вся дрожишь?

— Ничего, я устала... Я лягу спать.

— Ты озябла? Не хочешь ли я прикажу тебѣ сдѣлать чего-нибудь горячаго на ночь?

— Нѣтъ, я не озябла, я спать пойду, — и она отворачивалась, и уходила къ себѣ одна.

Левель ждалъ съ нетерпѣніемъ отвѣта на посланное письмо. Онъ былъ полученъ наконецъ и обратилъ догадки въ увѣренность.

«Покройникъ былъ росту высокаго, писалъ Усовъ..... и въ плечахъ шарокъ; но съ лица худощавъ.... волосы черные и глаза черные и на правой щекѣ родимое пятнышко, величиною съ горошину, тоже черное.....»

У Левеля сердце забилось.

По вопросу о томъ, какимъ образомъ Жгутово досталось Баркову, бѣдный Иванъ Кузмичъ, охраняя семейную честь Лукиныхъ, не рѣшился сказать всю правду. Онъ отвѣчалъ, что дѣло во всей подробности ему не извѣстно, но что уступка сдѣлана была отъ законнаго владѣльца, законнымъ путемъ, вслѣдствіе разныхъ угрозъ и происковъ, и что Дмитрій Егоровичъ, кромѣ Жгутова, получилъ еще векселя на большую сумму.

Наконецъ, онъ писалъ, что Лукинъ былъ разбитъ лошадьми въ шести верстахъ отъ станціи С***, съ которой онъ выѣхалъ въ ночь на 7-ое августа 184* года, съ попутчикомъ кандидатомъ С.-Петербургскаго университета Алексѣевымъ, и что о случаѣ этомъ напечатано было въ Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Много чего еще оставалось въ тѣни съ точки зрѣнія Левеля; но два важные факта выяснились. Впервыхъ, Лукинъ и нынѣшній Алексѣевъ — одно лицо. Каковы бы ни были причины, заставившія это лицо переимѣнить имя, самый фактъ такой переимѣны не подлежалъ сомнѣнію.

Вторыхъ, Барковъ имѣлъ на это лицо векселя, которые, по разчету времени и по разнымъ другимъ соображеніямъ, не могли быть уплачены. Уничтожилъ онъ ихъ или нѣтъ, были они протестованы или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ быть равнодушенъ къ вопросу о томъ: живъ ли его должникъ или умеръ, и если не умеръ, то подъ чьимъ именемъ продолжаетъ жить, въ какомъ мѣстѣ и проч.

Левель работалъ довольно долго надъ этимъ послѣднимъ соображеніемъ, но были другія, которыя раньше пришли ему въ голову и заняли его несравненно сильнѣе. Лукинъ былъ сосѣдь Веригиныхъ по имѣнію, и Маша конечно знала его. Въ ту пору, ему было за двадцать, ей около восемнадцати лѣтъ. Она была такъ хороша въ эти года, что могла обратить вниманіе молодого студента, пріѣзжавшаго на вакацію изъ столицы. Что если тогда еще они полюбили другъ друга и если теперь это чувство воскресло у ней или у обоихъ вѣствъ?... Намекъ Софьи Осиповны и загадочное, тревожное состояніе Маши въ послѣднее время,—первая встрѣча ея съ Григоріемъ Алексѣичемъ, случившаяся какъ разъ безъ него, и разныя, маленькія обстоятельства, на которыя онъ въ ту пору не обратилъ вниманія, но которыя приходили теперь на умъ, одно за другимъ, все утверждало его въ печальной догадкѣ, что онъ обмануть, и что Маша скрываетъ отъ него... Ему нечего теперь больше дѣлать, какъ допросить ее, не теряя времени. Нельзя откладывать; пора принять мѣры, чтобы спасти ее отъ вліянія этого человѣка!... Онъ долженъ по всей вѣроятности ожидать очень тяжелой сцены, послѣ которой она можетъ слечь; но она можетъ слечь и безъ этого.... дѣло можетъ окончиться Богъ знаетъ чѣмъ, если онъ не положитъ конца ея скрытности.

Письмо было получено вечеромъ. На другой день поутру, часу въ двѣнадцатомъ, Маша сидѣла въ уборной одна. Она только что отпустила дѣтей и горничную, и собиралась выйти изъ комнаты, когда Левель вошелъ.

— Маша, мой другъ, сказалъ онъ,—останься не уходи; посидимъ здѣсь немножко. Я давно собираюсь серьезно поговорить съ тобою объ одномъ очень важномъ предметѣ.

Марья Васильевна поблѣднѣла.—О чемъ это? произнесла она слабымъ голосомъ.

— Дѣло касается здоровья, впервыхъ. Я хочу знать причину твоей болѣзни.

Она подняла на него свой измученный, безпокойный взоръ, и тотчасъ же опустила его. Лихорадка начинала ее трясти.

— Маша, надѣюсь, ты мнѣ отдашь справедливость, что я съ тобой былъ всегда откровененъ. Ты знаешь меня всего безъ утайки. Все, что меня занимаетъ или тревожитъ, радуешь или огорчаетъ, всегда было извѣстно тебѣ; никогда, по крайней мѣрѣ, я не пряталъ отъ тебя ничего умышленно. Маша,

мой другъ, до сихъ поръ я былъ увѣренъ, что ты платишь мнѣ тѣмъ же, что и ты не имѣешь секретовъ отъ мужа.

Она вскочила, предчувствуя о какомъ секретѣ шла рѣчь. Ужасъ написанъ былъ у нея на лицѣ.

— Не теперя! Не сегодня!... Когда-нибудь въ другой разъ! прощентала она.—Сегодня я не могу.... у меня голова кружится!... Дурно!... охъ! какъ мнѣ дурно! какъ дурно!...—Она пошатнулась и упала безъ памяти къ нему на руни.

Левель былъ сильно встревоженъ; но онъ не ликнулъ горничной. Положивъ на диванъ жену, онъ вышелъ поспѣшно въ спальню, заперъ оттуда дверь въ дѣтскую на замокъ и другую дверь въ дѣвичью,—и въ ту же минуту воротился къ Машѣ; съ большимъ трудомъ онъ привелъ ее въ память. Жалость его удерживала, но онъ твердо рѣшился не откладывать объясненія.

Минуть пять спустя, она лежала еще, но сознание возвратилось, и красна, легкими, алыми пятнышками, выступила на обѣихъ щекахъ. Онъ сѣлъ возлѣ, на вышитую сямеечку.

— Маша, мой ангелъ, сказалъ онъ, цѣлуя ей руки.—Прости мнѣ эту невольную пытку, но я не имѣю права ждать долѣе. Для собственнаго твоего спокойствія, для нашего счастья, я долженъ сегодня же все узнать.

Она отвернулась, пытаясь спрятать лицо въ подушку.

— Маша, я знаю секретъ Григорія Алексѣича, и ты тоже знаешь... Онъ носитъ чужое имя?.. Вы были сосѣди, вы были знакомы въ Ручьяхъ?..

— Я дала слово молчать, престонала она.

— Ты очень дурно сдѣлала! Согласись, другъ мой, что это дурно. Ты не изъ тѣхъ, которые могутъ лгать съ веселымъ лицомъ. Еслибы ты была изъ тѣхъ, объ этомъ и говорить бы не стоило; но ты видишь сама, легко ли дается ложь такимъ какъ ты?.. Съ тѣхъ поръ какъ твой старшій знакомый прѣхалъ сюда и выманилъ у тебя обѣщаніе скрыть его настоящее имя, имѣла ли ты хоть минуту покоя?

Она покачала головой... «Попалъ!» подумалъ онъ про себя; и тайное чувство самодовольствія шевельнулось на мигъ въ душѣ, несмотря на всю желчь, которая наполняла ее.

— Вотъ видишь? продолжалъ онъ.—Вотъ гдѣ причина разстройства. Тебя мучила тайна, которую онъ тебѣ навязалъ. Эта тайна удалила тебя отъ мужа, и удалила бы можетъ-быть еще болѣе, еслибы я не узналъ ея совершенно другимъ путемъ,

совершенно случайно, изъ переписки съ людьми, которые знали давно Григорья Алексѣвича... Маша, мой другъ, я хочу у тебя спросить еще кое-что.

Она вздрогнула и плотнѣе прижала лицо къ подушкѣ.

— Признайся мнѣ, ты любила его когда-нибудь прежде?

— Да, отвѣчала она глухимъ голосомъ.

— А теперь?

Левель какъ-то нетвердо выговорилъ это слово. Она медленно поднялась, развела волосы, опустившіеся на лобъ; и сѣла, не отвѣчая ни слова. Лицо имѣло какой-то убитый, потерянный видъ. Полагая, что можетъ-быть она не разслушала, онъ повторилъ свой вопросъ.

— Я не могу дольше лгать, отвѣчала она, тяжело вздохнувъ.—Я люблю его и теперь. я...

У нея не хватило смѣлости досказать. Она взглянула на мужа и покраснѣла вся до ушей.

Левель былъ сильно взволнованъ; но онъ былъ далекъ отъ того, чтобы понять всю мѣру своего несчастія. Ни малѣйшаго подозрѣнія, до чего дошло дѣло, не шевельнулось въ его умѣ.

— Я знаю, перебилъ онъ. — Ты думала, что онъ умеръ... Объ этомъ мы послѣ когда-нибудь поговоримъ, когда ты будешь спокойнѣе... Маша, если ты думаешь, что я тебя обвинять пришелъ, ты ошибаешься... Я знаю какъ трудно владѣть своимъ сердцемъ и какъ легко ошибиться... Всякій изъ насъ можетъ быть вовлеченъ неволью и постепенно въ то, чего прежде и въ мысляхъ не было... Ты обманула меня; но въ этомъ обманѣ онъ больше тебя виноватъ, несравненно больше!.. Чего онъ хотѣлъ отъ тебя? Если онъ точно любитъ, по-человѣчески, по-христіански любитъ, то онъ не долженъ былъ жить здѣсь, не долженъ былъ видѣться съ тобой каждый день, однимъ словомъ, не долженъ былъ доводить тебя до этого состоянія. Вотъ уже больше мѣсяца, какъ ты стала совсѣмъ на себя не похожа... Подумай, къ чему это можетъ повестъ?..

Она слушала, закрывая лицо руками.

— Любовь, продолжалъ онъ, — если она не запятнана низкимъ, своекорыстнымъ разчетомъ, конечно высокая вещь; но чтобы стоять на такой высотѣ, она должна быть готова пожертвовать всѣмъ, даже собой, для счастья любимого существа... Если онъ... если этотъ Лукинъ дѣйствительно любитъ тебя, такъ ли онъ долженъ былъ поступить? Имѣлъ ли онъ

твое счастье въ виду, дѣлая все, чтобъ отдалить тебя отъ семейства? Чѣмъ онъ можетъ вознаградить тебя за то, что ты должна была бы покинуть, еслибы ты рѣшилась пойти вслѣдъ за нимъ туда, куда, я нисколько не сомнѣваюсь, онъ хочетъ тебя привести?.. Онъ!.. Я не знаю каковъ онъ былъ прежде, но теперь онъ глубоко испорченъ.

— Павелъ Петровичъ! перебила она умоляющимъ голосомъ.

— Онъ ни во что не вѣритъ, продолжалъ Левель:—на все плюётъ! Онъ прошелъ сквозь огонь и воду... Дуэлистъ, волонтера, картежникъ, мотъ, наконецъ самозванецъ, который когда-нибудь кончитъ острогомъ...

— Павелъ Петровичъ! Ахъ, Павелъ Петровичъ! Не будь такъ строгъ!..

Но онъ продолжалъ, не обращая вниманія:

— Это ли человекъ, съ которымъ женщина могла бы найти себѣ прочное счастье?... Да и возможно ли прочное счастье для той, которая поставила страсть выше всего на свѣтѣ? Маша!.. Любовь не игрушка! Она имѣетъ значеніе болѣе минутной потѣхи. Любовь—это честная, скромная молодость, изъ которой выходятъ современемъ общее уваженіе и спокойная старость. Любовь—это дѣти, ихъ воспитаніе и будущая судьба... Кто на столько безсовѣстенъ, что рѣшится на все это наплевать, кто захочетъ сдѣлать себѣ игрушку изъ самыхъ священныхъ вещей, тотъ повѣрь мнѣ, мой другъ, тотъ счастья не стоитъ. Когда-нибудь надоѣстъ игра, пройдетъ молодость, красота завянетъ, и останется одно горькое сожалѣніе о жизни, потраченной даромъ... Да хорошо еще, и если это остается!..

Маша слушала какъ преступница, надъ головою которой читаютъ послѣдній приговоръ. Блѣдная, съ стиснутыми губами, безъ слезъ, она сидѣла, не смѣя вздохнуть, не смѣя поднять глаза.

«Все кончено,» думала она. «Если теперь признаться, онъ оттолкнетъ меня съ презрѣніемъ.»

— Но довольно объ этомъ, мой другъ. Я надѣюсь, что ты меня поняла и что не поздно еще спасти наше счастье. Постарайся забыть Григорія Алексѣича; это не будетъ тебѣ очень трудно, если ты разъ убѣдишься, что онъ не тотъ, какимъ ты считала его. Онъ умеръ дѣйствительно для тебя, или, лучше сказать, въ немъ умерло то, что заслуживаетъ любовь. Съ своей стороны, я сдѣлаю, что я долженъ сдѣлать. Я попрошу его больше не ѣздить сюда....

Въ залѣ слышались чьи-то шаги.

— Кто тамъ? спросилъ громко Левель,

— Это я, Павелъ Петровичъ. Лошади, Павелъ Петровичъ, заложены, отвѣчалъ казачокъ.

— Пусть подають.

— Куда ты? спросила она, вскочивъ.

— Я въ городъ.

— Къ нему?

— Да, къ нему.

Въ испугѣ, она схватила за голову.... — Павелъ Петровичъ!... Ради самого Бога! Павелъ Петровичъ, не ѣзди!

— Чего ты боишься?

— О! боюсь!... ужасно боюсь!... Вы поссоритесь и одинъ изъ васъ.... О, я не стою этого!... Я не стою, чтобы за меня стрѣлялись!...

— Маша! Въ умѣ ли ты?... Положись на меня. Я даю тебѣ слово, что такого дурачества не сдѣлаю.

— Слово?... О! я знаю какъ слово держится, когда дѣло дойдетъ до этихъ вещей!... Павелъ Петровичъ, вспомни о дѣтяхъ! Клянись мнѣ, клянись, что ты никогда, ни въ какомъ случаѣ,—что бы ты ни услышалъ отъ него.... или отъ другихъ.... что бы между вами ни было сказано.... что ты не будешь съ нимъ драться,..

Левель взглянулъ на нее, и его поразила смертельная блѣдность жены; ни кровинки въ лицѣ; глаза дико горѣли.

— Клянись! повторила она въ полголоса, указывая на образъ:

Онъ посмотрѣлъ въ ту же сторону и, подумавъ немного:—*клянусь*, произнесъ онъ тихо.

Маша вздохнула свободнѣе. Слезы закапали у нее изъ глазъ; она упала передъ распятіемъ на колѣна....—Господи! Прости меня! прости грѣшницу!... Прости! Прости! повторила она рыдая.

— Маша, мой ангелъ, лягъ, успокойся....

— Мнѣ успокоиться? отвѣчала она, вскочивъ и безумно осматриваясь вокругъ.—Нѣтъ! Мнѣ никогда ужъ больше не успокоиться!... Конченъ покой! Мое счастье кончено!... Я погубила себя!... Я.... мерзкая, подлая! Я здѣсь больше не въ правѣ жить, въ этомъ домѣ!... Возьмите отъ меня дѣтей и отдайте ихъ на руки честной женщинѣ.... О, матушка, матушка! Не думала ты, умирая, чѣмъ кончить дочь!...

Левель самъ поблѣднѣлъ, слушая эти рѣчи. Горькая истина

стояла вся передъ нимъ, лицомъ къ лицу. Слезы блеснули у него на глазахъ. Увидѣвъ что Маша опять пошатнулась, онъ протянулъ къ ней руки. Она отодвинулась отъ него въ безотчетномъ ужасѣ, пошатнулась еще разъ и грянулась на полъ. Голова задѣла объ уголь дверей; кровь ручьемъ хлынула изо рта....

Поѣздка въ городъ была отложена; но экипажъ въ ту же минуту отправили за докторомъ. Маша слегла; къ вечеру у нея открылась горячка. Цѣлую ночь Левель провелъ у ея изголовья, и всю эту ночь она пролежала въ бреду.

VIII. Объясненія.

Въ ту же самую ночь, часу въ первомъ, Лукинъ прискакалъ къ себѣ на квартиру въ Э***. Онъ ѣдиль куда-то верхомъ; но должно-быть поѣздка его была неудачна, потому что онъ воротился не въ духъ.

— Былъ кто-нибудь? спросилъ онъ у Осипа, кидая сердито на столъ фуражку и хлысть.

— Прокуроръ съ Владиміръ-Васильичемъ были въ десятомъ часу, отвѣчалъ Осипъ.—Потомъ господиномъ Дороховъ спрашивали; да еще Васька отъ губернаторши забѣгалъ. Приказали узнать дома ли, и отдать записку.

— Гдѣ же?

— А вотъ здѣсь, на столѣ, Григорій Алексѣичъ.

Лукинъ распечаталъ.

«Я васъ жду завтра утромъ къ 12-ти. Приходите, мнѣ нужно васъ непременно видѣть. С. М.»

— Самоваръ ставить прикажете? спросилъ Осипъ.

Лукинъ стоялъ молча, задумавшись, у стола, и глядѣлъ на записку.

— Прикажете самоваръ ставить, Григорій Алексѣичъ? повторилъ Осипъ, минуту спустя, не получая отвѣта.

Тотъ поднялъ глаза, и посмотрѣлъ на него разсѣянно:—Самоваръ?.. Нѣтъ... подожди... не надо... Сбѣгай сперва къ поручику, къ Владиміру Васильичу... узнай тамъ... у него вѣрно гости есть.

Онъ прошелся по комнатѣ и легъ на диванъ. Минутъ черезъ десять, Осипъ вернулся съ отвѣтомъ, что гости дѣйствительно есть.

— Играють?

— Играють, Григорій Алексѣичъ.

— Дай мнѣ переодѣться.

Онъ переодѣлся и вышелъ.

У поручика Кругликова гости рѣзались въ штось. Металь прокуроръ. Общество было не очень большое, но шумное. Пять или шесть драгунскихъ офицеровъ, товарищей Кругликова, инженеръ штабъ-капитанъ Дороховъ... Казначей, стряпчій казенныхъ дѣлъ, товарищъ председателя уголовной палаты, да еще какіе-то два пріѣзжіе помѣщика, съ которыми Кругликовъ свелъ знакомство въ трактирѣ.

Ужинъ стоялъ уже на столѣ, когда новый гость вошелъ въ комнату. Приходъ его встрѣченъ былъ громкими возгласами со стороны записныхъ любителей благороднаго развлечения.

— Гдѣ вы были? спросилъ прокуроръ.—Мы заходили къ вамъ въ десять; васъ дома не было, думали у губернаторши; да Александра Матвенча встрѣтили.... онъ только что отъ нея, говорить и тамъ нѣтъ. Ефремъ бѣгалъ отыскивать васъ по цѣлому городу.

— Меня въ городѣ не было, отвѣчалъ Лукинъ:—ѣздилъ въ Прилуцкое.

— Къ Пашкѣ? спросилъ поручикъ.

— Да, къ Пашкѣ.

— Верхомъ?

— Верхомъ.

— Да какъ же; вѣдь вашъ жеребецъ охромѣлъ.

— Я продалъ его.

— Какъ? Быть не можетъ! Когда?

— Въ понедѣльникъ.

— Кому?

— Шарскому.

— А за сколько?

— Да за сто.

— Эхъ, чортъ возьми! Что жъ вы мнѣ не сказали? Я бы вамъ надбавилъ охотно еще пятьдесятъ. Новаго вѣрно купили?

— Да, новаго.

— Гдѣ жъ это?

— Да у вашихъ же. У штабъ-ротмистра, на конюшнѣ, нашелся лишній.

— А! это бракъ;—съ подпалинами? не выѣзженный?

— Онъ самый.

— Ну, нечего говорить! Находка! Онъ вамъ когда-нибудь шею свернетъ... Не по-пріятельски поступаете, Григорій Алексѣичъ; торопитесь больно. Сказали бы мнѣ; я бы вамъ гнѣдаго вымѣнялъ.

— Можетъ-быть; да васъ въ городъ не было. Васъ въднй разъ, по цѣлымъ недѣлямъ, съ собаками не отыщешь.

— А! значить къ спѣху понадобилось! Ну это ваше дѣло... Садитесь-ка господа! Эй! Прохоръ! Водки!

Ужинъ былъ шумный. Послѣ ужина, половина гостей разошлась. Остальные, въ томъ числѣ Дороховъ, прокуроръ и Лукинъ, сидѣли вплоть до разсвѣта. Лукинъ проигралъ пѣлковыхъ сто и воротился домой въ пять часовъ. Въ послѣднее время, не смотря на работу, которую онъ былъ заваленъ, по случаю переѣзда въ З^{***}, онъ часто проводилъ ночи за картами. Его тоже трудно было узнать. Онъ сталъ такъ мраченъ и крутъ, какъ никогда еще не бывалъ. На душѣ у него лежало предчувствіе близкой бѣды, чего-то такого, что должно было съ нимъ случиться скоро и чего онъ не могъ избѣжать. Но кромѣ предчувствій, онъ имѣлъ и другія причины, болѣе положительныя... Каждый день, только что на дворѣ темнѣло, онъ увѣзжалъ по дорогѣ въ Сорокино; не доѣзжая до мельницы, привязывалъ лошадь въ лѣсу и отправлялся пѣшкомъ, по знакомой тропинкѣ, берегомъ, вдоль ручья, потомъ вдоль садовой ограды, кустами, по краю оврага до павильона, и тамъ, спрятаанный въ чащѣ калины и жимолости,—онъ ждалъ... Чаше всего ему приходилось ждать даромъ. Въ такомъ случаѣ, просидѣвъ до двѣнадцати, онъ возвращался домой, проклиная свою судьбу. Но случалось,—тамъ, сверху, надъ нимъ, въ окнѣ павильона, послышится легкій стукъ:—разъ, два и три. Отъ этого звука вся кровь его вспыхивала. Быстро пробравшись далѣе, шаговъ двадцать, до небольшой калитки. ключъ отъ которой былъ у него поддѣланъ, онъ входилъ въ садъ. Что-то бѣлое, что въ потемкахъ нельзя было разглядѣть, тихо кралось ему навстрѣчу. Чей-то призракъ хваталъ его за руку и велъ въ павильонъ. Тогда онъ былъ счастливъ, какъ никогда не бывалъ; но доля счастья, такимъ образомъ вырванная насильно изъ рукъ судьбы, была отравлена. Онъ видѣлъ какъ дорого все это стоило Марьѣ Васильевнѣ. Предчувствіе, что она долго не вынесетъ того, что другіе выносятъ легко и твердо, съ каждымъ новымъ свиданіемъ становилось явственнѣе. Буря гнула ее до земли. Ея слезы, тоска, ея исхудалая

щеки и молящій, страдальческій взоръ, являлись печальными предвѣстниками близкой развязки и обвиняли его безмолвно, невольно, передъ судомъ его совѣсти... Были минуты, когда онъ горько каялся; то, что онъ дѣлалъ, казалось ему убійствомъ. Но онъ такъ далеко зашелъ, что не могъ вернуться назадъ, и при мысли объ этомъ, страсть заглушала все.

Кромѣ того, свиданія его были окружены опасностями. Его могли замѣтить и выслѣдить въ то время, когда онъ врался къ саду; могли встрѣтить его на дорогѣ, или могли обогнать, узнать и, по разнымъ соображеніямъ, догадаться куда онъ ѣздитъ. Были причины, по которымъ эта вторая возможность казалась ему опаснѣе всѣхъ остальныхъ. Онъ не могъ быть спокоенъ на счетъ Софьи Осиповны. Онъ зналъ ее хорошо, и не могъ сомнѣваться, что она постоянно насторожѣ. Въ Сольскѣ устроена была цѣлая система шпіонства, подкуплены люди, горничные, и все это выдрессировано такъ отлично, что малѣйшее слово, малѣйшій шагъ его, въ продолженіе дня, могли быть извѣстны ревнивой женщинѣ. Десятки ушей и глазъ слѣдили за нимъ. Въ его собственномъ кабинетѣ, въ клубѣ, на поворотѣ улицы, за городомъ, въ гостинной у вице-губернатора и у предсѣдателя уголовной палаты, стѣны, какъ говорится, имѣли глаза и уши. Въ З*** она только что поселилась и, безъ сомнѣнія, не успѣла еще обзавестись; это одно могло дать ему нѣсколько основательную надежду, что ночные поѣздки его въ Сорокино до сихъ поръ неизвѣстны. Но если Софья всей шайки съ собой не могла привести, думалъ онъ, то главный шпіонъ, Дуняшка, давно была тутъ; а Дуняшки онъ какъ огня боялся. Эта подлая тварь,—какъ онъ называлъ ее, — одарена была тончайшимъ чутьемъ и предана барынѣ истинно по-собачьи. Сколько онъ денегъ на нее перетратилъ! Сколько передарилъ сережекъ, колець, платковъ и матерій на платье! Раза два даже пробовавъ тронуть ее другимъ путемъ; но все оставалось напрасно... «Пустите, сударь! Какъ вамъ не стыдно!.. Вотъ я уже барынѣ разкажу!» отвѣчала она съ лукавою усмѣшкой на всѣ попытки въ послѣднемъ родѣ, а прыткіе каріе глазки такъ и грозили бѣдой.

По какой-то непостижимой оплошности, Софья не взяла ее съ собой, когда уѣзжала въ Сорокино. Она пріѣхала послѣ, съ багажомъ, и тотчасъ же по пріѣздѣ явилась въ село; но это ужъ было послѣ извѣстной ссоры на сѣнокосѣ, и черезъ сутки они

перехали въ городъ. Какъ горько жалѣла объ этомъ въ послѣдствіи Софья Осиповна!

Съ Дунишкой, Лукинъ былъ въ открытой враждѣ уже болѣе году; тѣмъ не менѣе, когда они встрѣтились въ З***, онъ съелъ за нужное сдѣлать съ своей стороны первый шагъ къ примиренію, и подарилъ ей кусокъ дорогой кисеи съ какимъ-то моднымъ узоромъ. Увы! онъ не зналъ, что изъ этого выйдетъ!.. Дунишка взяла кисею какъ ни въ чемъ не бывало и даже присѣла, благодаря, съ самымъ невиннымъ выраженіемъ радости на лицѣ; но только что онъ ушелъ,—тотчасъ къ барынѣ.

— Барыня, барыня! Полюбуйтесь-ка на кисейку!..

— А! какъ мило!.. Откуда это?

— Григорій Алексѣичъ сейчасъ изволили подарить, съ торжествующею миной отвѣчала дѣвчонка.

Софья Осиповна улыбнулась значительно.

— Хмъ! Да, сказала она, небрежно разсматривая узоръ и ткань: —еслибы къ этому палевый атласный чехолъ, да ленты подъ цвѣтъ, такъ было бы платьѣ: довольно миленькое.

У дѣвчонки глаза разгорѣлись. Она посмотрѣла на барыню вкрадчиво и почтительно, какъ смотритъ собака, выпрашивая косточку отъ жаркаго.

— А? что?.. Что ты такъ смотришь, Дунишка?.. Тебѣ очень хочется палевый атласный чехолъ?.. Ну, дѣлать нечего, возьми такъ и быть мой, тотъ, который я на послѣднемъ балу на дѣвала.

Подлая теарь вся покраснѣла отъ удовольствія и кинулась цѣловать руки у Софьи Осиповны... Въ тотъ же день, вечеромъ, между барыней и служанкой было короткое, но очень серьезное совѣщаніе, послѣ котораго эта послѣдняя бѣжала къ Осипу и въ другія мѣста; а нѣсколько дней спустя, нанявъ пролетку, отправилась, вмѣстѣ съ другою служанкой, въ Сорокино, въ гости къ Дашѣ, съ которою подруга ея успѣла свести знакомство въ ту пору, какъ барыня тамъ гостила. Гуляли въ саду и въ рощахъ, заходили на мельницу, въ церковь, набрали грибовъ и ягодъ и воротились домой поздно ночью. Слѣдствіемъ этой прогулки было устройство постоянного сообщенія между Сорокинымъ и губернаторскимъ домомъ. Ягоды и грибы очень понравились барынѣ; за ними начали посылать на мельницу, къ мельнику Карпу, у котораго молодая дочка знала каждый кусточикъ малины въ лѣсу. Иногда

пріѣзжала Дуняшка, иной разъ другая горничная, а то однажды самъ мельникъ съ дочерью возилъ грибы изъ Сорокина въ городъ. Вместе съ грибами, получаемы были подробные бюллетени о томъ, что дѣлалось у господъ въ селѣ, и кто тамъ былъ, а иной разъ даже и что говорилъ... Такимъ образомъ, когда Маша слегла, въ городѣ уже вечеромъ это знали, и знали какой у ней докторъ былъ, и что онъ сказалъ, и въ которомъ часу общалъ быть на завтра. Не прежде какъ получивъ это печальное извѣстіе, Софья Осиповна написала записку къ Григорію Алексѣевичу, ту самую, которую онъ получилъ, возвратясь въ городъ.

На другой день, поутру, часовъ въ десять, онъ отправился въ губернаторскій домъ.

— Портфель здѣсь? спросилъ онъ у сторожа.

— Здѣсь, ваше высокоблагородіе; сейчасъ принесли.

Онъ взялъ его и отправился къ губернатору безъ доклада.

Федоръ Леонтьевичъ, съ шести часовъ, сидѣлъ ужъ за дѣломъ. Онъ всталъ въ ту пору, когда его подчиненный легъ спать.

— Ну, батюшка! Я вамъ скажу: не радъ! ей Богу не радъ, что мы съ вами сюда перебрались! началъ онъ, замахавъ руками, какъ только увидѣлъ въ дверяхъ Лукина.

— Что жъ такъ?

— Да что!.. Это во сто разъ хуже, чѣмъ въ Сольскѣ бывало когда-нибудь!.. Эти раскольничьи дѣла... это просто разбой!.. Изъ рукъ вонъ!.. Ничего таки, вотъ хоть убей, рѣшительно ничего не могу понять!.. Натекать вотъ, прочтите... Соловѣжскій исправникъ пишетъ... Это батюшка, я вамъ скажу, хоть семь греческихъ мудрецовъ посади надъ этимъ, такъ ничего тутъ не доберутся!..

— Да, ну, конечно, греческимъ мудрецамъ... оно, того, трудно бы было, ворчалъ Лукинъ, пробѣгая глазами бумагу.

— Ахъ, да!.. А что это отношеніе... по письму предводителя... по вопросу о земскихъ сборахъ?..

— Готово.

— Ну, слава Богу! Федоръ Леонтьевичъ перекрестился. — Всю ночь въ головѣ вертѣлось... Какъ только закрою глаза, такъ тутъ и есть... Тьфу ты, чтобъ ихъ чортъ побралъ!.. Чтобъ имъ всѣмъ лопнуть съ этими сборами!

— Да они этого-то и боятся, ваше превосходительство, чтобъ имъ не лопнуть.

— Какъ такъ? — Федоръ Леонтьевичъ широко открылъ глаза.
— А что оно у васъ здѣсь? Покажите-ка.

Лукинъ вынулъ бумаги, и они начали заниматься...

Било ужъ половина двѣнадцатаго. Два раза, увѣсистая портьера, отдѣлявшая кабинетъ отъ сосѣднихъ комнатъ, шевелилась едва примѣтно и изъ-за складокъ ея два раза высовалось острое рыльце Дунишки съ приподнятымъ, маленькимъ, раздвоеннымъ носикомъ и съ гладко-прилизанными *аккрошке-рами*. На третій разъ, горничная вошла.

— Барыня просить къ себѣ Григорія Алексѣича, объявила она такимъ бойкимъ тономъ, съ какимъ ни одинъ изъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ не рѣшился бы открыть ротъ въ собственномъ кабинетѣ и въ присутствіи губернатора.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчалъ Федоръ Леонтьевичъ нетерпѣливо. — Скажи, что сейчасъ придетъ.

Горничная ушла; но минутъ черезъ десять вернулась, повторяя свое приглашеніе полутономъ выше... «Сердиться изволятъ,» прибавила она въ заключеніе.

— Ну, ну, сейчасъ. Идите ужъ лучше, прибавилъ онъ добродушно, — а то намъ обоимъ достанется. Да заходите пожалуста послѣ, передъ обѣдомъ, когда докладъ кончится.

Лукинъ поклонился и вышелъ.

— Слышалъ ты печальную новость? спросила Маевская, выбѣгая къ нему, въ гостиную.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лукинъ.

Она посмотрѣла ему въ глаза недоувѣрчиво.

— Ничего не слышалъ?

— Ничего.

— Кузина слегла... въ горячкѣ, при смерти!

Ударъ ножа не могъ бы подѣйствовать такъ неожиданно и такъ сильно, какъ эти четыре слова. Онъ поблѣднѣлъ и остановился на мѣстѣ какъ вкопанный. Маевская обѣжала комнату, заглянула проворно въ одну и въ другую дверь, потомъ воротилась къ нему. Въ ускоренномъ дыханіи, въ сжатыхъ губахъ, во взглядѣ, который она остановила на немъ, замѣтно было какъ будто обратное дѣйствіе нанесеннаго ею удара.

— Ты, кажется, очень тронуть?

— Да... ты меня удивила... очень, отвѣчалъ онъ садясь и проводя рукой по лбу, какъ сонный, котораго разбудили вдругъ и который не можетъ опомниться.

— Какъ ты поблѣднѣлъ!

— Нѣтъ... впрочемъ можетъ быть... Софья, ты шутишь?

— Какія тутъ шутки, когда человекъ лежитъ при смерти!.. Une mère de famille, deux enfants! Это большое, очень большое несчастіе. Я къ ней ѣду сегодня.

Лукинъ сидѣлъ какъ растерянный. Шляпа его упала, онъ не замѣтилъ, онъ смотрѣлъ въ уголь... Въ углу ему чудилось точно какъ будто кровать, и на кровати, въ подушкахъ, блѣдное лицо умирающей. На сердцѣ точно какъ будто бы грызло что. Ему самому хотѣлось грызть что-нибудь... руки, платокъ, все равно; но сознаніе, что за нимъ наблюдаютъ, удерживало его инстинктивно. Привычная осторожность и власть надъ собой измѣнили ему жестоко на этотъ разъ, но не покинули его совершенно. Онъ медленно приходилъ въ себя... взглянулъ на Маевскую, поправилъ волосы, поднялъ шляпу и положилъ ее возлѣ, на стулъ. Она молчала, кусая губы и не сводя съ него глазъ.

— Какимъ образомъ ты узнала? спросилъ онъ, чувствуя необходимость сказать что-нибудь и не зная что.

— Мало ли какимъ образомъ я могла узнать... Изъ Сорокина были здѣсь люди... Да что тутъ! Это все вздоръ; а вотъ что любопытно: какимъ образомъ ты не знаешь? Вѣдь ты у нихъ былъ вчера вечеромъ?

Лукинъ вздрогнулъ.—Я?.. нѣтъ; съ чего ты это взяла?

У Софьи Осиповны начинало подергивать плечи.

— Какъ нѣтъ? Куда же ты ѣздилъ вчера? Я посылала къ тебѣ... тебя дома не было.

— Я ѣздилъ въ Прилуцкое.

— Лжешь, ты ѣздилъ въ Сорокино.

Онъ былъ пойманъ со всѣхъ сторонъ. Съ отчаянною дерзостью, онъ попробовалъ вывернуться изъ западни.

— Ну да, отвѣчалъ онъ, съ трудомъ выжимая сухую усмѣшку.— Я былъ въ Сорокинѣ, но къ нимъ въ домъ не ходилъ... Мнѣ сказали, что Марья Васильевна нездорова. Я не думалъ, чтобы было серьезное что-нибудь, но все-таки не рѣшился ихъ беспокоить...

— Ah! Bravo Figaro!.. Надо признаться, что это ловко. Жаль, что ты раньше мнѣ этого не сказалъ! Я могла бы повѣрить.

Ему становилось не въ мочь. Онъ чувствовалъ себя измятымъ, раздавленнымъ; голова у него кружилась.

— Вѣрь или не вѣрь, Софья, какъ знаешь; сказалъ онъ вставая; — прощай!

Софья вскочила съ щеками пылающими отъ гнѣва.

— Погоди минуточку; я тебѣ еще чтѣ скажу.

— Говори поскорѣй... сегодня я нездоровъ... у меня голова кружится.

— Ты лжешь!

— Клянусь честью.

— Лжешь! перебила она опять, бѣшено топнувъ ногой.— Не клянись честью! Какая у тебя честь? Гдѣ она?.. Твоя честь гроша не стоитъ! Ты меня обманулъ и обманываешь давно. Ты низкій! неблагодарный!.. (У нея захватило духъ и слезы закапали градомъ).— Какъ я тебя любила, такъ никогда не будетъ любить другая, потому что не стоишь ты этого!.. Я одна нашлась дура такая, привязалась къ тебѣ... развратному, мерзкому!.. О! надо быть идиоткой... глухою и слѣпою надо быть, чтобы не видѣть тебя, каковъ ты есть!.. У тебя сердца нѣтъ!.. Ты готовъ всякую обмануть и всякую развратить... и потомъ бросить безсовѣстно, бросить для первой встрѣчной!.. Ты... ты... Признавайся сейчасъ! Признавайся! (Она начала топтать ногами.) Ты влюбился въ кузину и развратилъ ее!.. Я знаю все... Ты ѣздилъ къ ней по ночамъ; у васъ были свиданія въ павильонѣ.. Ты ее любишь... по своему, почертовски, но любишь покуда!.. На тебѣ сейчасъ лица не было, когда ты узналъ!.. Ты и теперь... Повернись-ка сюда, глянь въ зеркало...

— Пусти! отвѣчалъ онъ, стараясь вырваться.

— Нѣтъ, стой!.. Не уйдешь!.. Не пробуй отдѣлаться силой!.. Я... я... я мужа кликну; я все ему разкажу!.. А! ты думаешь, что я беззащитная, что я все прощу, потому что мнѣ больше дѣлать нечего? Нѣтъ, Григорій, я не изъ тѣхъ, съ которыми можно шутить безнаказанно... я отомщу! Есть мѣра терпѣнью! я не могу... не могу!

Она схватилась за горло и начала рвать на себѣ косынку. Лукинъ испугался.

Софья! опомнись... кто-нибудь можетъ войти... Софья послушай... я виноватъ; но болѣе передъ нею чѣмъ передъ тобой. Передъ тобой я только въ одномъ виноватъ; я не сказалъ тебѣ одной вещи, которую я узналъ отъ нея давно и которая была главною, первою причиною всему, чтѣ случилось...

— Какой вещи?

— А вотъ, послушай.

Маевская сѣла, тревожно осматриваясь и оправляясь. Любопытство заговорило сильнѣе гнѣва.

— Я не сказалъ тебѣ до сихъ поръ, потому что боялся поспорить васъ... Марья Васильевна знаетъ о нашей связи...

Софья вздрогнула.—Какимъ образомъ? спросила она съ безпокойствомъ.

— А вотъ какимъ... Помнишь, въ тотъ вечеръ, когда ты ее дразнила въ бесѣдкѣ, и она убѣждала, сказать, что къ дѣтямъ пойдетъ?..

— Помню. Такъ что жь?

— А то, что она не ушла. У ней были ужъ подозрѣнія, и она осталась, и была возлѣ насъ, недалеко, и подслушала нашъ разговоръ... подслушала поцѣлуи...

Яркое зарево вспыхнуло на лицѣ у Маевской. Мысли ея начали принимать другой оборотъ... Пользуясь этою минутой, онъ началъ оправдываться. Задача была трудна; но онъ взялся за дѣло съ неподражаемою ловкостію. Онъ скоро ошупалъ черту, дальше которой ея положительныя свѣдѣнія не могли простираться, и началъ по своему дорисовывать все, что лежало за нею и что должно было оставаться вопросомъ для бѣдной Софьи... Не отвергая извѣстныхъ ей фактовъ, онъ старался дать имъ такой смыслъ, какъ будто бы съ его стороны все было вынуждено и клонилось къ обезпеченію тайны, случайно открытой кузиною. Ночныя свиданія съ Марьей Васильевной онъ не могъ опровергнуть; но онъ клялся, что это была пустая шутка съ его стороны, а съ ея любопытство и можетъ-быть маленькое кокетство, и можетъ-быть маленькая, ребяческая, платоническая привязанность, потому что не привела и не можетъ привести ее ни къ чему...

Она долго слушала, и разумѣется не могла ему вѣрить; а между тѣмъ ей хотѣлось вѣрить, и это, вмѣстѣ съ искуснымъ его оправданіемъ, сильно сбивало съ толку ея подозрѣнія и догадки. Увѣренность ея пошатнулась; гнѣвъ совершенно исчезъ. Она плакала, закрывая глаза платкомъ.

— Дѣло не въ томъ, панъ Григорій, говорила она;—а въ томъ, что ты любишь ее. Когда я сказала объ этой болѣзни, ты такъ измѣнился въ лицѣ!

— Я испугался... Какъ я могу знать отчего она захворала?.. Можетъ быть Левель узналъ что-нибудь, и у нихъ вышла сцена...

Въ такомъ случаѣ, я могу быть причиною ея смерти. А съ другой стороны, я не камень... Миѣ жаль ея, очень жаль!

— Успокойся. Она хоть и очень больна, но не при смерти. Это я отъ себя прибавила; миѣ хотѣлось увидѣть какъ ты это примешь.

Несмотря на это ревнивое увѣреніе, онъ не могъ быть спокоенъ. Только что онъ успѣлъ вырваться отъ Маевской, какъ бросивъ всѣ городскія дѣла, велѣлъ осѣдлатъ лошадь и по мчался въ Сорокино. Но онъ не успѣлъ доѣхать туда, какъ въ лѣсу, версты за три до мельницы, попалась ему навстрѣчу коляска Левеля.

— Здравствуйте, Павелъ Петровичъ!

Холодный поклонъ былъ отвѣтомъ на это привѣтствіе.

— Что Марья Васильевна?

— Больна.

— Миѣ сказали опасно?

— Да, у нея горячка... нервная... сегодня поутру лучше немного; но очень слаба.

— Вы въ городѣ?

— Да, въ городѣ.

Лукинъ повернулъ коня и поѣхалъ рядомъ. Его поразили взглядъ пріятеля и сухость его отвѣтовъ. Предчувствіе чего-то недобраго закрадывалось въ душу. Они ѣхали молча. Изрѣдка, всадникъ обращался съ вопросами къ Левелю и получалъ на нихъ тѣ же скупые, сухіе отвѣты. Въ городѣ, около рынка, Лукинъ повернулъ налѣво.

— Вы заняты? спросилъ Левель.

— Нѣтъ; я обѣщалъ быть къ обѣду у прокурора; но теперь еще рано и если вамъ нужно что-нибудь...

— Не заѣдете ли ко миѣ минутъ на десять?.. Миѣ нужно съ вами поговорить.

— Съ удовольствіемъ.

Минуту спустя, они были на городской квартирѣ Левеля.

— Сиди тутъ въ передней, и если кто спроситъ, говори дома нѣтъ, ушелъ къ доктору, сказалъ Левель слугѣ. Онъ затворилъ дверь изъ передней въ пріемную, и повелъ Лукина въ кабинетъ.

— Григорій Алексѣичъ, сказалъ онъ, указывая на стулъ.—Я недавно узналъ одну вещь, которую, признаюсь, миѣ интересно было бы знать ранѣе. Вы были знакомы съ моею женой, до замужства ея, въ Ручьяхъ?

Лукина словно варомъ обдало. Онъ посмотрѣлъ пристально въ глаза говорившему, стараясь прочесть какъ далеко простирается его свѣдѣнія, и покраснѣлъ замѣтно. Далѣе этого не пошло. Послѣ того какъ онъ пойманъ былъ утромъ, у Софьи Осиповны, его трудно было накрыть въ распахъ; онъ былъ готовъ на самое худшее.

— Да, отвѣчалъ онъ. — Мы были знакомы немножко.

— Странно, что вы мнѣ не сказали объ этомъ ни слова.

Лукинъ молчалъ.

— Не потрудитесь ли вы объяснить, что съ моей стороны, или съ вашей, могло служить поводомъ къ такой скрытности?

— Я думалъ, что Марья Васильевна вамъ давно сказала, и не считалъ этого обстоятельства достаточно интереснымъ для васъ, чтобы повторять, отвѣчалъ самозванецъ, желая прежде всего удостовѣриться знаетъ ли Левель его настоящее имя.

— Вы шутите?

— Вовсе нѣтъ.

— Полноте; будьте пооткровеннѣе. Вы сами знаете, что жена не могла мнѣ сказать объ этомъ, прежде чѣмъ вы пріѣхали къ намъ въ Сорокино, и знаете отчего не могла.

— Да вѣдь и вы это то же знаете?

— Да, и я знаю.

— Къ чему же вы спрашиваете?.. Если вы знаете мои обстоятельства, то вы можете сами понять отчего я не слишкомъ спѣшилъ говорить о нихъ вамъ или кому бы то ни было другому.

Левель былъ озадаченъ этимъ отвѣтомъ.

— Кто требуетъ откровенности, продолжалъ самозванецъ, — тотъ долженъ первый подать примѣръ. Вы ждете, чтобъ я передъ вами высказался и просите не шутить; а я прошу васъ не шутить и не требовать отъ меня, какъ слѣдственный приставъ отъ обвиненнаго, чтобъ я повторалъ вамъ напрасно то, что вы сами знаете. Начните сами; потрудитесь мнѣ объяснить, что вамъ нужно отъ меня и съ какой стати вы дѣлаете мнѣ допросъ?

Левель пожалъ плечами. Его удивляла дерзость и самоувѣренность этого человѣка.

— Послушайте, отвѣчалъ онъ. — Между нами есть вещи, о которыхъ я вовсе бы не желалъ говорить, еслибы можно было безъ этого обойтись... Какое мнѣ дѣло до того кто вы и тотъ ли вы, за кого я и всѣ ваши знакомые принимали

вась до сихъ поръ. Я, какъ вы очень вѣрно замѣтили, конечно не слѣдственный приставъ, и еслибы вы сами не стали мнѣ поперекъ дороги, я бы вась оставилъ въ покоѣ. Но вы знаете очень хорошо, кто изъ насъ первый поднялъ руку на брата... Вы ее подняли, Григорій Алексѣвичъ; вы обидчикъ! Вы обманули мое довѣріе. Вы виноваты въ томъ, что жена заболѣла и можетъ-быть не вынесетъ этой болѣзни. Вы отдалили ее отъ мужа, навязавъ ей насильно вашу преступную тайну... Вы сбили ее съ прямаго пути... И послѣ этого вы имѣете еще безстыдство спрашивать, чего мнѣ нужно отъ вась?

— Осторожьте, Навель Петровичъ! произнесъ Лукинъ, вспыхнувъ. — Вы забываете что вы истецъ, а не судья, и что не вамъ принадлежитъ право произносить приговоръ надъ моими поступками. Вы сами замѣшаны въ тяжбу.

— Судите же вы, если не хотите, чтобъ я судилъ; но вы конечно поймете, что третьяго между нами не можетъ быть... Дѣло не изъ такихъ, которыя представляются въ судъ.

— Я готовъ кончить его какъ вамъ угодно.

— То-есть готовы стрѣляться, если я этого потребую?

— Да.

— Ну такъ! Я это зналъ; я въ этомъ нисколько не сомнѣвался. Кому ни почему сбить съ пути честную женщину, тотъ конечно не остановится изъ-за такихъ пустяковъ, какъ подставить свой лобъ подъ пулю или выстрѣлить въ лобъ обиженному. Нѣтъ, Григорій Алексѣвичъ, это шалости! юнкерскія потѣхи!.. Я отъ вась совсѣмъ не того хочу...

— Чего жъ вы хотите?

— Я хочу прежде всего, чтобы вы признали себя виноватымъ, непростительно, тяжело виноватымъ.

— Вы, кажется, собираетесь проповѣдь читать? замѣтилъ Лукинъ съ едва примѣтною усмѣшкой; Левель вспыхнулъ и посмотрѣлъ на него враждебно...—Впрочемъ, я готовъ правду сказать. Я считаю себя дѣйствительно тяжело виноватымъ, да только не передъ вами. Я виноватъ передъ *ней*; но передъ *ней* виноваты и вы.

— Я? произнесъ съ удивленіемъ Левель.

— Да, вы. Вы взяли ее ребенкомъ и жили съ нею шесть лѣтъ. Вы имѣли двоихъ дѣтей отъ нея. Кто вамъ мѣшалъ заставить ее полюбить вась? Какъ мужъ, вы должны были это сдѣлать... вы обязаны были сдѣлать ее счастливою; потому

что это одно могло бы еще хоть сколько-нибудь оправдать ваше крѣпостное право надъ женщиной!..

— Довольно, произнесъ Левель, нахмуривъ брови.—Вы позволяете себѣ судить о вещахъ, которыхъ вы вовсе не понимаете.

— Ого! способность судить объ извѣстныхъ вещахъ вы, кажется, тоже относите къ числу исключительныхъ привилегій вашего цеха? Послѣ этого, разумѣется, вы будете правы во всякомъ случаѣ, а всякій, кто смотритъ иначе на вещи, останется виноватъ.

— Можно смотрѣть иначе на вещи, но надо ихъ знать, чтобъ имѣть право судить о нихъ. А вы развѣ знаете? Вы развѣ можете знать что такое семейное счастье и привязанность честная, чистая?.. Вы не жили чисто; съ тѣхъ поръ, какъ я помню васъ, вы валялись въ грязи!.. Что у васъ зовется любовью, то не любовь, а мерзость, которая можетъ только обжечь или выпачкать, а счастья не даетъ!.. Вы были въ связи съ десятками женщинъ; сдѣлали ли вы счастливою хоть одну изъ нихъ?

— А вы? отвѣчалъ Лукинъ.

Они замолчали.

— Но мы никогда не кончимъ этимъ путемъ, продолжалъ самозванецъ.—Положимъ, что я виноватъ; что жъ далѣе?

— Далѣе я отъ васъ требую, чтобы вы загладили вашу вину на сколько это возможно и на сколько это зависитъ отъ васъ.

— Что жъ я могу сдѣлать?

— Вы... я васъ прошу во первыхъ, чтобы вы не ѣздили больше въ нашъ домъ и не искали видѣться съ Марьей Васильевной ни тайно, ни явно.

Лукинъ не вдругъ отвѣчалъ. Онъ мысленно искалъ выхода изъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, и не видѣлъ рѣшительно никакого.

— Въ этомъ требованіи я не могу отказать, отвѣчалъ отъ угрюмо, — но я могу встрѣтиться съ Марьей Васильевной здѣсь, въ городѣ... у Маевскихъ, или у другихъ... и въ такомъ случаѣ я не беру на себя...

— Послушайте, перебилъ Левель.—Если вы ее любите хоть сколько-нибудь, вы должны принести ей жертву, необходимую для ея спокойствія, вы должны уѣхать совсѣмъ отсюда.

Сердце сжалось въ груди самозванца. Онъ схватился объими руками за голову, и долго сидѣлъ ни слова не говоря...

Настала опять рѣшительная минута въ жизни его, и привела съ собою на память другія минуты. Онъ вспомнилъ прощанья въ Ручьяхъ; вспомнилъ послѣдній свой разговоръ съ Барковымъ, послѣ котораго онъ подписалъ векселя; наконецъ вспомнилъ мѣстечко въ кустахъ, у моста, близъ большой дороги, разбросанную поклажу и трупъ Алексѣева на травѣ.

Вся минувшая жизнь промелькнула въ его душѣ какъ одно мгновенье. Вся она была рядомъ потерь и жертвъ, послѣ которыхъ онъ выходилъ какъ оборванный, теряя одно за другимъ все, что привязываетъ человѣка къ существованію. Но онъ былъ моложе и гибче въ ту пору; свѣжія силы непочатымъ запасомъ кипѣли въ груди, будущее еще манило, обещало еще что-нибудь вперед; а теперь?.. Опять бросить все, и сызнова начинать всю жизнь?.. Нѣтъ, тошно! Не стоитъ труда!.. Довольно онъ кочевалъ!.. Довольно прощанья и разставанья!.. Если пришла пора гибнуть, то лучше ужъ гибнуть тутъ, не трогаясь съ мѣста. Откладывать далѣе не зачѣмъ... Пожить!.. А что дальше, то гроша не стоитъ... Такъ или этакъ, почти все равно!.. Съ другой стороны, теперь онъ не школьникъ и запугать его страхомъ закона не такъ легко, какъ въ былые года, когда онъ блѣднѣлъ передъ пугаломъ крѣпостнаго права. Теперь у него есть надежная точка опоры. Онъ не студентъ, онъ управляетъ губерніей. Федоръ Леонтьевичъ въ его рукахъ!.. Пусть попробуютъ!.. Онъ постоитъ за себя; онъ дастъ отпоръ... Но совѣсть шептала при этомъ свое... Отъ него требуютъ не заботы о собственной его участи, о собственномъ счастьѣ... Отъ него требуютъ жертвы во имя Марьи Васильевны и для нея!.. Фразы все это—вздоръ!.. Ее сбили съ толку, вынудили... Но что если правда?.. Если сама она этого требуетъ?.. Тогда что? И при этомъ вопросѣ сердце опять защемило... Тогда нечего дѣлать... Ей онъ не въ силахъ отказаться!.. Онъ уступить, увидѣть, куда глаза глядятъ. Но прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до этого, онъ не позволитъ себя провести, онъ долженъ узнать положительно ея волю; долженъ услышать отъ нея самой...

Онъ оглянулся. Левель ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Если Марья Васильевна этого требуетъ, то я уѣду.

— Да; она этого требуетъ, отвѣчалъ Левель.

— Я не могу положиться на ваши слова. Я долженъ увидѣть ее еще разъ и услышать отъ нея самой.

Левель пожалъ плечами. Вы требуете невозможнаго, отвѣчалъ онъ.—Есть тысячи причинъ, которыхъ нѣтъ надобности пересчитывать, потому что вы сами можете отгадать ихъ, тысячи причинъ, почему я не могу согласиться на ваше свиданіе съ ней... Вы должны вѣрить мнѣ.

— Я вамъ не вѣрю.

— Вы не имѣете права не вѣрить

— Съ правомъ или безъ права, не вѣрю.

— Вы, стало быть, отказываетесь ухватить изъ Э***?

— Я сказалъ.

— Чтожь, это рѣшеніе неизмѣнно, или можетъ-быть вамъ нужно время обдумать?

— Я не ребенокъ. Я думалъ прежде чѣмъ отвѣчалъ.

— Подумайте еще разъ; я вамъ совѣтую, потому что отказъ будетъ имѣть дурныя послѣдствія.

— Какія же именно?

— Этого я не обязанъ вамъ объяснять. Достаточно и того, что я васъ предвараю.

Лукинъ молчалъ. «Онъ знаетъ все, думалъ онъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но какимъ образомъ онъ узналъ? Вотъ вопросъ, отъ котораго много зависить.... Если онъ выпыталъ у жены?» Онъ не успѣлъ прослѣдить до конца этого соображенія, какъ одна сцена изъ бывшей жизни его въ Петербургѣ промелькнула въ его головѣ. Онъ вспомнилъ приходъ студента къ Левелю и тогдашнія свои опасенія. Вслѣдъ за этимъ, сосѣдство Левеля по деревнѣ и близкія отношенія его къ Усову все пришло разомъ на умъ, и онъ началъ догадываться какими путями его обошли. Объ одномъ только онъ не могъ догадаться. Ни малѣйшаго подозрѣнія до какой степени онъ обязанъ Матюшкину, не приходило ему на умъ. Стиснувъ зубы отъ бѣшенства, онъ молчалъ.

— Послушайте, надо это окончить чѣмъ нибудь.

— Кончайте.

— Хорошо. Я вамъ дамъ двѣ недѣли сроку. Если въ теченіе этого времени, вы не измѣните вашего рѣшенія, или не дадите мнѣ знать о томъ, или будете искать случая видѣться съ Марьей Васильевной, я сочту себя въ правѣ дѣй-

ствовать как мнѣ вздумается, безъ дальнѣйшихъ предостереженій.

— Вы кончили?

— Кончилъ.

— Выслушайте же теперь меня. Вы мнѣ грозите, и я знаю чѣмъ. Я не могу помѣшать вамъ исполнить вашу угрозу.... но если вы думаете, что я беззащитенъ, то вы ошибаетесь. Вы не повалите меня однимъ ударомъ, я слишкомъ крѣпко стою на ногахъ для этого; а прежде чѣмъ вы нанесете второй, вотъ вамъ мое слово, я съ вами успѣю кончить расчеты. Прощайте.

Въ тяжеломъ раздумьи, остался Левель одинъ. Онъ не привыкъ къ подобнаго рода задачамъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ помнилъ себя, въ его жизни все шло какъ по маслу. Гладко и ровно протечали первые годы молодости, ясно-опредѣленное положеніе въ обществѣ и полная обезпеченность въ будущемъ съ первыхъ шаговъ дали ему тотъ ровный, спокойный тактъ, которымъ онъ шелъ въ послѣдствіи, не спѣша, не сбиваясь съ пути. Счастіе ухаживало за нимъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, какъ мать за балованнымъ сыномъ. Легкій, попутный вѣтеръ дулъ тихо въ его паруса и придулъ его наконецъ въ то затишье, въ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ онъ пробылъ послѣдній періодъ жизни. Имѣлъ конечно и онъ свою долю заботъ, огорченій и неприяностей, въ разную пору смущавшихъ его не мало; но несчастія, въ собственномъ смыслѣ слова, онъ до сихъ поръ и въ глаза не видалъ, а мучилъ себя иногда предчувствіями и хандрилъ, какъ хандрятъ дилеттанты, у которыхъ глаза разбѣгаются отъ избытка выбора или нервы тоскуютъ въ застоѣ мелочной, сонной возни съ туманными призраками дѣятельности. Онъ былъ застрахованъ отъ болѣе крупнаго горя, онъ былъ огражденъ, но за чертой того заповѣднаго круга, въ которомъ онъ какъ пустынный спасался отъ тревоженій мірскихъ, за крѣпкою оградой его общественнаго положенія, бродила, волнуясь какъ море, другая жизнь, тревожная, мутная, жизнь вѣчной борьбы между потребностію и правомъ, между желаніемъ и закономъ, между стремленіемъ кверху и гнетомъ желѣзной необходимости, дающимъ къ землѣ. Левель не зналъ этой жизни. Смутный гулъ ея, достигая порой до горы, возносившей его надъ омутомъ, убаюкивалъ

его, какъ ублаживаютъ насъ, въ теплой комнатѣ съ опущенными сторами, свистъ вѣтра и шумъ дожда снаружи; но онъ не мѣшалъ ему жить по-барски, то-есть трудиться для развлеченія и хандрить благородно, безъ всякой серіозной причины, тратитъ доходы съ Сорокина на содержаніе потѣшной фермы, или зѣвать надъ книжкой какого-нибудь современнаго Нострадамуса. Такъ дожилъ онъ до довольно-солиднаго возраста, какъ вдругъ снизу, кто-то вскарабкался на его высоту и, ухвативъ его дерзко за горло, потянулъ въ омутъ. Бѣда обрушилась на него неожиданно, упала, что называется, какъ снѣгъ на голову. Онъ былъ возмущенъ и обиженъ, какъ никогда еще не бывалъ. Какой-то выходецъ, самозванецъ, обманомъ присвоивъ себѣ его довѣріе, обманомъ забравшись къ нему, въ его собственный домъ, въ это святилище частной собственности и семейнаго права, вырвалъ изъ рукъ собственность и завелъ споръ о правѣ!... Отъ него, отъ законнаго мужа, потребовали отчета въ счастіи его жены, и его же, обиженнаго, вызывали къ суду!.. Этого мало; въ его собственномъ лагерѣ, въ неприступной его цитадели, открыта была измѣна!.. Маша, на которую онъ полагался, какъ на каменную гору, Маша его обманывала!.. И какъ давно!.. Еще въ ту пору, когда онъ сватался, воображая, что она привязалась къ нему первому привязанностию, она любила ужъ этого Лукина!.. И онъ какъ дуракъ позволилъ себя обмануть! Онъ поспѣшилъ какъ ребенокъ, какъ юнкеръ, только что отпустившій усы!.. Но съ другой точки зрѣнія, безкорыстное чувство истины шептало ему, что едва ли онъ въ правѣ называть это все обманомъ съ ея стороны... Скорѣе скрытностію или просто дѣвичьею застычивостію... Она считала умершимъ стараго жениха, и потому конечно имѣла право смотрѣть на свои отношенія къ Лукину какъ на дѣло прошедшее, совершенно-оконченное... Любовь къ покойнику не могла помѣшать ей любить живаго, и конечно она любила его!... Тутъ была ошибка пожалуй было и несчастье, но никакъ не умышленное предательство. Судя съ этой точки, и все, что случилось въ послѣдствіи, становилось понятно. Человѣкъ опытный въ наукѣ соблазна, начиная игру съ такими отличными картами какъ Лукинъ, изъ десяти разъ девять, могъ быть увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ мѣтилъ навѣрняка. Несчастливая, съ первой же встрѣчи, опутана была его

тайной, какъ сътъю, и удалена отъ естественной точки опоры въ мужѣ. Все это, разумѣется, не могло утѣшить Левеля. Жгучее чувство стыда и досады охватывало его какъ огонь, каждый разъ какъ невѣрность жены приходила ему на умъ, но соображая всѣ предыдущія обстоятельства, и вспоминая какъ дорого она заплатила за все, вспоминая тоску, болѣзнь и раскаяніе несчастной, Левель не могъ быть золъ на нее. Чувство жалости заглушало въ немъ все остальное.... Забыть онъ не могъ и не могъ оправдать, но простить онъ готовъ былъ, лишь бы онъ былъ увѣренъ, что все это кончено и что впереди не предвидится новой опасности... Къ несчастію, въ этомъ-то онъ и не могъ быть увѣренъ... Между имъ и женой, стоялъ еще съ дерзкою усмѣшкою на губахъ, съ отчаянною рѣшимостію человѣка на все готоваго, бывший пріятель его, а теперь врагъ... этотъ Лукинъ ловокъ и смѣлъ, онъ знаетъ на чтѣ идти и не хочетъ свернуть съ дороги. Онъ грозитъ ему страшную расплатой и, безъ сомнѣнія, не задушается, когда время придетъ, исполнить угрозу... Надо дѣйствовать осторожно... Средства есть; но какъ привести ихъ въ дѣло?.. Доносъ... доносъ губернатору отъ собственнаго имени; нѣтъ, это грязно! да связано еще и съ другими неудобствами. Онъ самъ не имѣетъ возможности ничего доказать, а путать жену въ это дѣло, и думать нечего... Выписать развѣ Усова? Но за Усова отвѣчать невозможно. Онъ не выдастъ его, онъ преданъ ему какъ собака... Къ тому же все это снаружн могло бы имѣть гадкій видъ!.. Могло бы повестъ къ догадкамъ... Съ какой стати онъ, Левель, не полицеймейстеръ и не жандармскій штабъ-офицеръ, а лицо совершенно частное, преслѣдуетъ человѣка, котораго онъ такъ недавно еще принималъ въ своемъ домѣ?.. Этотъ вопросъ можетъ задать себѣ всякій и можетъ придти къ самымъ невыгоднымъ заключеніямъ... Къ тому же, Софи и Федоръ Леонтьевичъ любятъ его. Федоръ Леонтьевичъ имъ дорожить, потому что онъ пасетъ безъ него. Чтѣ касается до Софи, то, конечно, ей стоитъ слово сказать, чтобы сдѣлать ее изъ союзницы злѣйшимъ врагомъ Лукина; стоитъ ей только открыть, что она обманута... но нѣтъ!.. Объ этомъ и думать нечего. Есть предѣлы, за которые благородному человѣку трудно переступить!.. Надо имѣть мѣдный лобъ!.. И

Лукинъ это знаетъ конечно. «Онъ знаетъ, что я на это не въ состояніи рѣшиться. Онъ слишкомъ хорошо меня знаетъ, чтобъ опасаться съ этой стороны!.. Онъ догадливъ, онъ не даромъ такъ рѣшительно отказался уѣхать! Не даромъ сказалъ, что онъ твердо стоитъ на ногахъ!»

Левель думалъ, усиленно, долго думалъ. Все время, которое хлопоты и заботы, непосредственно связанныя съ болѣзнію жены, не успѣвали отнять, поглощено было этою задачей. А между тѣмъ, день за днемъ проходилъ, и срокъ, назначенный имъ, приближался. Отвѣта не было, да онъ и не ждалъ его. Въ двѣ недѣли, планъ дѣйствія только что началъ очерчиваться въ его головѣ. Онъ измаралъ листовъ шесть бумаги, улаживая проектъ одного письма, которое требовало весьма искусной и старательной обработки для того, чтобы содержаніе его не показалось дико. Послѣ многихъ перемѣнъ, онъ остановился на слѣдующемъ :

«Милостивый государь
«Дмитрій Егоровичъ,

«Въ ту пору, когда я жилъ Псковской губерніи, Торопецкаго уѣзда, въ селѣ моемъ Троицкомъ, что не далеко отъ вашего имѣнія Жгутова, я слышалъ не разъ отъ сосѣдей о несчастной кончинѣ родственника вашего Григорія Алексѣевича Лукина. Если, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь, вы принимали когда-нибудь живое участіе въ судьбѣ этого молодаго человѣка, то вамъ конечно пріятно будетъ узнать, что слухъ о смерти его, какъ оказывается теперь, былъ ложный. Какимъ образомъ могъ онъ распространиться, объ этомъ я не имѣю свѣдѣній; но знаю, что Григорій Алексѣевичъ Лукинъ, котораго въ вашихъ краяхъ всѣ считаютъ умершимъ, находится въ добромъ здоровьѣ и, подъ именемъ Алексѣева, проживаетъ здѣсь, въ нашемъ губернскомъ городѣ З***. Онъ состоитъ на службѣ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ нашемъ, генералъ-лейтенантѣ Федорѣ Леонтьевичѣ Маевскомъ, и живетъ очень достаточно. Что заставило его перемѣнить имя, объ этомъ, хотя мы съ нимъ и знакомы отчасти, я не считалъ себя въ правѣ спросить у него; но разныя обстоятельства заставляютъ меня

догадываться, что онъ былъ и находится до сихъ поръ, по причинѣ этого имени, въ довольно-большой опасности, которую можетъ-быть нашлась бы возможность предотвратить, еслибы кто-нибудь изъ людей близкихъ ему и больше меня имѣющихъ право на его довѣріе, принялъ живое участіе въ его положеніи и помогъ ему дѣломъ или совѣтомъ.

«По долгу сосѣда, я счелъ не излишнимъ, милостивый государь, сообщить вамъ всѣ эти свѣдѣнія о дѣлѣ, такъ близко касающемся до вашего семейнаго интереса. За тѣмъ, если родственное участіе побудитъ васъ предпринять что-нибудь въ пользу Григорія Алексѣевича Лукина, то цѣль этого письма будетъ вполне достигнута, и я готовъ вамъ содѣйствовать всѣми мѣрами, какія только зависятъ отъ меня; но тѣмъ не менѣе, какъ лицо постороннее въ этомъ дѣлѣ, желаю, чтобъ участіе мое сохранено было въ строжайшей тайнѣ.

«Съ истиннымъ уваженіемъ», и проч.

Это письмо перечитано было разъ пять, потомъ переписано набѣло и заперто въ ящикъ. Левель еще колебался. Онъ не зналъ еще, точно ли будетъ нужна эта жестокая мѣра. Дѣло могло принять совершенно другой оборотъ и придти къ грустной развязкѣ, послѣ которой подобнаго рода поступокъ, съ его стороны, получилъ бы характеръ безплодной мести. Въ эту самую пору, Марья Васильевна была очень плоха. Жестокой тисъ съ безпрестанно-возобновлявшимися припадками раздраженія мозга, съ бредомъ, видѣніями и судорогами, двѣ недѣли держалъ больную на волоскѣ между жизнью и смертью, и наконецъ оставилъ ее почти на краю могилы. Ее приобщили уже, но Левель еще надѣялся и надежда его была не напрасна. Черезъ день, Маша почувствовала себя спокойнѣе. Глубокій сонъ появился у ней въ первый разъ послѣ того какъ она слегла. Проснувшись, она начала узнавать окружающихъ.

Левель выждалъ еще два дня. Срокъ, назначенный Лукину давно миновалъ, отвѣта не было. Жена, по увѣренію доктора, черезъ недѣлю должна была встать. Медлить долѣе не оставалось причины. Онъ запечаталъ письмо и отвезъ его самъ на почту.

IX. РАЗЧЕТЫ.

Въ исходѣ августа мѣсяца, Левель сидѣлъ у себя на квартирѣ, въ З***, а противъ него, въ креслахъ сидѣлъ видный мушкетеръ, съ великолѣпными свѣтлорусыми бакенбардами и съ маленькими, голубыми, холодными, лунно-прищуренными глазами. Это былъ нашъ знакомый, коллежскій совѣтникъ Дмитрій Егоровичъ Барковъ, помѣщикъ Рязанской и Псковской губерній, обладатель двухъ селъ и трехсотъ душъ крестьянъ. Онъ значительно потолстѣлъ и обрюзгъ съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его въ Жгутовѣ. На темени, просвѣчивала небольшая, круглая лысинка, величиною въ пятакъ; на подбородкѣ, подъ бѣль-этажемъ, образовалось какое-то *rez de chaussée*, котораго прежде не было, а носъ приобрѣлъ тепловатый, румяный оттѣнокъ, сообщавшій всему лицу пріятный видъ спѣлости. Одѣтъ онъ былъ также нарядно какъ и бывало. На немъ былъ коричневый, модный реѣторакъ съ узорными золочеными пуговицами, свѣтло-сѣрые брюки и лакированныя ботинки съ штиблетами; голубой шарфъ подъ цвѣтущимъ жилетомъ, франтовское бѣлье подъ шарфомъ; запонки, брелоки въ несчетномъ числѣ и лайковыя перчатки въ обтяжку, едва сходившіяся на жирныхъ ладоняхъ... Все это, вмѣстѣ съ его изысканнымъ, липкимъ какъ медь обращеніемъ, противорѣчило очень рѣзко пуританизму Левеля.

Они видѣлись въ первый разъ. Немедленно по прибытіи въ З***, Барковъ писалъ къ Левелю съ увѣжденіемъ о пріѣздѣ и съ просьбой о позволеніи явиться къ нему въ Сорочкино, чтобы лично имѣть удовольствіе изъяснить благодарности за доставленныя свѣдѣнія. Вмѣсто отвѣта, Павелъ Петровичъ пріѣхалъ самъ въ городъ, и назначилъ ему свиданіе вечеромъ, у себя на квартирѣ. Оно было непродолжительное. Съ первыхъ же словъ, Левель почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ личности своего новаго знакомаго и не зналъ что ему дѣлать, чтобы отвязаться отъ него какъ можно скорѣе; но это было не такъ-то легко, потому что тотъ льнулъ какъ патока. Скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ выслушать длинное

объясненіе о томъ какого рода участіе принимаетъ Барковъ въ судьбѣ своего заблудшаго родственника, и въ заключеніе, цѣлый рядъ вкрадчивыхъ, нагло-любезныхъ, отборными фразами высказанныхъ полуизвиненій, полуоправданій.

— Я, Павелъ Петровичъ, говорилъ онъ, — не желалъ бы ничего предпринять безъ вашего позволенія. Я васъ прошу, будьте столько же безпристрастны, сколько вы были добры, и скажите мнѣ откровенно, какъ вы смотрите на это дѣло?.. Вамъ непріятно, я это очень хорошо понимаю, что вмѣсто услуги, которую вы желали оказать Григорію Алексѣичу, сообщивъ о его затруднительномъ положеніи родственнику, — вы открыли его подложное имя и мѣсто жительства его кредитору, который находится съ нимъ въ очень-сомнительной степени родства, потому что, какъ я имѣлъ уже удовольствіе вамъ объяснить, онъ незаконный сынъ... Я жалѣю, отъ всей души, что вынужденъ заплатить такъ дурно за вашу любезность. Но будьте же справедливы, войдите въ мое положеніе! Скажите, какъ бы вы сами поступили, еслибы были на моемъ мѣстѣ?.. Представьте себѣ, что вмѣсто всѣхъ вашихъ богатыхъ помѣстій, вы имѣли бы только-только чѣмъ жить, и что лучшая часть вашей собственности заключалась бы вся въ надеждѣ на справедливую уплату старыхъ семейныхъ долговъ по безспорному обязательству, и что надежда эта была бы разстроена самымъ безсовѣстнымъ, самымъ дерзкимъ обманомъ, какой только можно себѣ вообразить... Скажите, что бы сдѣлали, еслибы наконецъ, противъ всякаго ожиданія, вамъ удалось отыскать вашего должника и найти его не въ какомъ-нибудь жалкомъ, беспомощномъ состояніи, а въ положеніи человѣка достаточнаго, вполне обеспеченнаго?..

Левель пожалъ плечами, его начинало тошнить.

— Послушайте, онъ отвѣчалъ, — я не намѣренъ оспаривать вашихъ правъ. Пользуйтесь ими какъ знаете, это ваше дѣло; но не ждите, чтобъ я принималъ какое бы то ни было участіе во всемъ этомъ. Вы можете ожидать отъ меня послѣ моего несчастнаго письма, о которомъ теперь я жалѣю, одного, — чтобъ я вамъ не мѣшалъ. Поступайте такъ какъ будто бы меня совсѣмъ не было. Я знать ничего не хочу.

Барковъ былъ сконфуженъ, онъ снова разсыпался въ извиненіяхъ.

— Сдѣлайте одолженіе! отвѣчалъ Левель холодно. — Къ чему

все это? Все это совершенно лишнее! Вы не обязаны мнѣ отвѣчать за то, что вы дѣлаете или намѣрены дѣлать.

— Ахъ, Павелъ Петровичъ! началъ опять Барковъ съ глубокимъ вздохомъ.—Вы не повѣрите какъ меня огорчаетъ, что я, безъ всякой вины съ своей стороны, успѣлъ заслужить ваше нерасположеніе! Что бы я далъ, чтобъ услышать отъ васъ хоть словечко дружеское, хоть одно слово, по которому бы я могъ заключить, что вы на меня не гнѣваетесь!.. Скажите, что я могу сдѣлать?..

— Дѣлайте что угодно.

— Да я не насчетъ *его*, Павелъ Петровичъ. Я бы желалъ знать, не могу ли я сдѣлать чего-нибудь для васъ собственно?

— Можеть-быть. Скажите мнѣ гдѣ письмо, которое я къ вамъ писалъ?

— Здѣсь, Павелъ Петровичъ.

— Возвратите мнѣ его.

— Извольте.

Барковъ вынулъ бумажникъ и, отыскавъ письмо, отдалъ ему.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ Левель вставая. Барковъ понялъ, что все это значить. Онъ всталъ, раскланялся и ушелъ.

Покуда такая гроза сбиралась надъ головой Лукина, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ время обдумать свое положеніе. Задача его была гораздо проще, чѣмъ это могло бы казаться на первый взглядъ. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобъ увидѣться какимъ-нибудь образомъ съ Марьей Васильевной и узнать ея волю. Если, какъ онъ боялся, ее успѣли довести до того, что они называютъ раскаяніемъ, и если она рѣшилась серьезно порвать все, что ихъ связывало доселѣ, тогда ему нечего болѣе дѣлать въ З***. Смѣшно дожидаться, чтобы какая-нибудь подкупная каналья, выгнанный писарь, или голодный канцеляристъ подалъ доносъ на него жандармскому полковнику! Положимъ, они не докажутъ, положимъ, что Федоръ Леонтьевичъ не выдастъ его, да изъ-за чего биться?.. Жить въ десяти верстахъ отъ нея и видѣть какъ она чахнетъ въ своей тюрьмѣ, и не имѣть возможности руку ей протянуть, сказать слово? Одной мысли объ этомъ довольно, чтобъ сдѣлать ему ненавистнымъ З***, и заставить рѣшиться на самое крайнее... Но еслибъ онъ могъ увидѣть ее и узнать, что она не желаетъ разлуки... тогда, о! тогда, пусть съ нимъ дѣлаютъ, что хотятъ;

онъ не тронется съ мѣста, онъ будетъ отстаивать свое право на счастье и не уступитъ ни шагу!

Каждый день онъ справлялся у доктора о здоровьи больной. Известія, которыя тотъ ему доставлялъ, приводили его сначала въ отчаяніе. Съ часу на часъ, онъ ждалъ, что услышитъ о смерти ея, и совѣсть преслѣдовала его безотвязно. Совѣсть шептала ему, что онъ убійца ея, что онъ погубилъ единственное существо на свѣтѣ, къ которому онъ привязанъ былъ всею душой, женщину, которая для него всѣмъ жертвовала!

Потомъ, въ одно утро, онъ вышелъ отъ доктора съ веселымъ лицомъ. Онъ узналъ, что главная доля опасности миновалась, и что можно имѣть надежду на выздоровленіе; потомъ, недѣлю спустя, что больная встала, и что болѣе нечего опасаться, *если только какое-нибудь несчастное стеченіе обстоятельствъ не испортитъ дѣла...* Планъ былъ готовъ у него въ головѣ. Онъ рѣшился поставить послѣднюю карту. Онъ намѣренъ былъ выслѣдить Левелю, и въ то время когда онъ уѣдетъ въ городъ, войти къ ней открыто въ домъ. Тогда, думалъ онъ, нѣсколько словъ, и судьба его окончательно рѣшена... Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда докторъ скажетъ, что Марья Васильевна совершенно здорова; но время шло и срокъ, назначенный ему Левелемъ, давно миновалъ, а опасность висѣла надъ нимъ какъ туча, съ каждымъ днемъ опускалась все ниже и ниже... Пора, давно пора было сдѣлать что-нибудь, чтобъ обезпечить себѣ отступленіе въ случаѣ еслибъ ему пришлось оставить З***; но день за днемъ проходилъ, а такого отвѣта, какого онъ ждалъ, все не было. Слаба еще... сильный упадокъ духа... нервы ужасно разстроены... кашель тяжелый, вчера кровью харкала, сонъ очень плохъ... надо бояться, чтобы не осталось послѣдствій; за женщину съ такимъ слабымъ здоровьемъ нельзя отвѣчать, и т. д. Все это удерживало его отъ рѣшительнаго поступка. Онъ боялся, чтобы новое потрясеніе не уложило ее опять въ постель. Съ Маевской его отношенія были натянуты. Она не-могла ему вѣрить вполне, и не имѣла достаточныхъ свѣдѣній, чтобъ уличить окончательно. Она слѣдила за нимъ по прежнему и старалась поймать его въ разговорѣ, но новыхъ оплошностей не было; а между тѣмъ, ему день ото дня становился противнѣе этотъ ревнивый надзоръ. Онъ началъ бывать у ней рѣже, отзывался занятіями; часто сидѣлъ одинъ у себя на квартирѣ, выкуривая

сигары безъ счета и по цѣлымъ часамъ не отходя отъ окна, или бродилъ безъ цѣли по улицамъ, или садился верхомъ и ѣхалъ куда-нибудь за городъ; а по ночамъ рѣзался въ карты у прокурора или у Кругликова. На душѣ у него лежала тяжесть. Онъ похудѣлъ, бѣлки у него пожелтѣли. Признаки желчнаго раздраженія появлялись и исчезали часто, какъ вспышки огня, давленнаго снаружи.

Разъ, послѣ обѣда, онъ возвращался къ себѣ на квартиру изъ клуба. Погода стояла пасмурная, осенняя, накрапывалъ дождь; въ боковыхъ улицахъ почти ни души. Онъ былъ уже у воротъ и взялся за ручку калитки чтобы войти, какъ вдругъ услышалъ, кто кто-то зоветъ его сзади...

— Григорій Алексѣичъ! Григорій Алексѣичъ!

Голосъ былъ незнакомый. Онъ оглянулся... Какой-то баринъ, довольно полный, въ непромокаемомъ сѣромъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, и въ кожаной черной фуражкѣ, догонялъ его въ пролеткѣ. Лицо, съ перваго взгляда, тоже не напоминало ему ничего.

Пролетка остановилась. Полный господинъ расплатился съ извозчикомъ, и вошелъ вслѣдъ за нимъ, въ калитку.

— Григорій Алексѣичъ! Не узнаете?..

Тутъ только успѣлъ онъ взглядѣться... Его бросило въ жаръ... Онъ узналъ Баркова.

— Вотъ случай! продолжалъ тотъ.—Скажите пожалуйста, какимъ это чудомъ!.. Мы всѣ васъ считали мертвымъ!.. Въ *Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано было...

— Вы ошибаетесь, холодно отвѣчалъ Лукинъ, смотря ему прямо въ лицо:—Я васъ не знаю.

— Забыли, продолжалъ тотъ улыбаясь,—а я васъ помню... Я родственникъ вашъ, Барковъ, Дмитрій Барковъ, племянникъ покойнаго вашего батюшки.

Съ минуту еще, Лукинъ колебался въ недоумѣніи, «Какимъ образомъ?» думалъ онъ; и вдругъ, убійственная догадка мелькнула въ его головѣ. Въ одинъ мигъ, она доросла до степени несомнѣнной увѣренности... Онъ понялъ откуда пришелъ ударъ... Отвѣкиваться было напрасно, они были одни на дворѣ... Его забирала злость.

— Чего вамъ нужно? спросилъ онъ, нахмуривъ брови.

Барковъ сдѣлалъ сладкую рожу.—Григорій Алексѣичъ! Богъ съ вами! Чтѣ это вы?.. Неужели еще сердатесь до сихъ поръ?.. А я думалъ, что старое все забыто... Я отъ души обрадо-

вался встрѣтивъ васъ здѣсь,.. Счастливымъ случай!.. Вчера только прибылъ сюда по дѣламъ...

— Чего вамъ нужно? повторилъ тотъ, блѣднѣя отъ злости.

— Дѣло не къ спѣху, Григорій Алексѣичъ; а впрочемъ, если вы сами желаете теперь же поговорить о дѣлахъ, то я съ удовольствіемъ... Вы вѣрно здѣсь квартируете?.. Позвольте войти на минуточку.

— Куда войдти? Ахъ, ты...!—Лукинъ выругалъ его по-русски.—Говори сейчасъ, кто тебя подослалъ?.. Говори! А не то я изъ тебя выбью наружу правду!

Онъ ухватилъ его крѣпко за грудь, и съ размаху прижалъ къ стѣнѣ. Фуражка свалилась съ Баркова; лицо его поблѣднѣло такъ, что едва лишь на кончикѣ носа осталась легкая краска.

— Григорій Алексѣичъ! Ради Христа! Успокойтесь!.. Богъ съ вами! Не нужно мнѣ ничего сегодня... Я въ другой разъ зайду... Оставьте! Пустите!.. Да оставьте же, чортъ поберит! Какъ вы смѣете?..

Но Лукинъ не помнилъ себя отъ бѣшенства. Видѣ человѣка, который испортилъ ему всю жизнь, и мысль, что онъ пришелъ довершить свое дѣло, подняли вдругъ наружу все, что семь лѣтъ бродило на днѣ, всю злость, весь ядъ, накопившійся отъ долгихъ страданій. Онъ крѣпко жаль въ правой рукѣ лошадиный бичъ.

— Какъ я смѣю?.. Да что я холопъ твой что ли? Вотъ стой, я тебѣ покажу какъ я смѣю!.. А! ты со мной счеты сводить пришелъ!.. Ты думаешь я не заставлю тебя заплатить за все? Сутяжникъ! Иуда! Смѣй только зайкнуться кому-нибудь здѣсь про то, что ты знаешь... дня не останешься живъ!.. Я тебѣ голову разможжу! Убью какъ собаку!..

Съ каждою секундою ожидая бѣды, несчастный Барковъ рвался, дѣлая отчаянныя усилія, чтобы вывернуться у него изъ рукъ.

— Караулъ! закричалъ онъ, отгаливая Лукина; но тотъ держалъ крѣпко.—Пустите, пробормоталъ Барковъ, — а не то я сейчасъ иду съ жалобой къ губернатору!»

— Такъ иди же.! Громкій ударъ бича по лицу, черезъ голову, раздался на дворѣ...

Барковъ пошатнулся.—Караулъ! закричалъ онъ опять, кидаясь на Лукина. Они схватились. Въ одну минуту Барковъ былъ сбитъ съ ногъ и осыпанъ градомъ ударовъ. Онъ под-

нялся съ изорваннымъ платьемъ, въ грязи и въ крови. Длинные, сизобагровыя полосы страшно пестрѣли на блѣдномъ лицѣ. «Караулъ!» началъ онъ было еще разъ охриплымъ голосомъ; но опять Лукинъ кинулся на него съ поднятымъ бичомъ, съ сверкающими глазами.

— Баринъ! Ай! Баринъ! Бросьте! Оставьте! Убьете! Ей Богу, убьете! закричалъ Осипъ, который проснулся отъ крика и выбѣжалъ перепуганный на крыльцо.

Шатаясь и закрывая лицо платкомъ, съ трудомъ дошелся Барковъ къ себѣ въ номеръ. Слуга его ахнулъ и обмеръ отъ ужаса, увидѣвъ своего господина въ такомъ положеніи. Это былъ тотъ же Федоръ Никитинъ, сынъ Толбинскаго старосты Никиты Федорова, который семь лѣтъ тому назадъ, ѣздивъ съ нимъ въ Жгутово.

Два дня прошло. Буря собиралась... Рано поутру, на третій день, полковникъ Синицынъ пріѣзжалъ къ губернатору и сидѣлъ очень долго. Только что онъ ушелъ, какъ Федоръ Леонтьевичъ дернулъ за ручку звонка.

— Послать сейчасъ сторожа къ Григорію Алексѣичу. Сказать, что я требую его къ себѣ немедленно по очень нужному дѣлу; *немедленно*, слышишь ли?

— Слушаю, ваше превосходительство.

Его превосходительство былъ очень замѣтно встревоженъ. Онъ вертѣлся на стулѣ, бросилъ сигару въ каминъ, черезъ минуту закурилъ другую, вскочилъ и, заложивъ руки за спину, началъ ходить по комнатѣ; потомъ опять сѣлъ, посмотрѣлъ на часы, хотѣлъ взяться за дѣло, но дѣло не шло на умъ. Нахмуривъ брови, онъ оттолкнулъ отъ себя докладъ, вскочилъ и отправился въ спальню, къ женѣ.

Софья Осиповна только что встала съ постели. Плѣскъ воды и голосъ Дуняшки слышны были въ комнатѣ. Мужъ постучалъ изъ уборной въ дверь.

— *N'entrez pas!* закричала Софья Осиповна, продолжая мыться.

— *Ma chère amie*, поторопись сдѣлай милость, отвѣчалъ онъ по-французски. — Мнѣ нужно съ тобою поговорить... очень нужно... сію же минуту, слышишь, *Sophie?*

— Слышу, слышу; сейчасъ!

Минуту спустя, Дуняша отворила ему двери.

— Вышли горничную, сказалъ входя Федоръ Леонтьевичъ. Дуняшка ушла, кусая губы. Онъ наклонился и долго шеп-

такъ что-то на ухо Софѣ Осиповнѣ. Любопытство, потомъ удивленіе, потомъ безпокойство, тревога и страхъ, выразились у ней на лицѣ поочереди.

— Что за вздоръ? сказала она, гордо выпрямившись, когда онъ кончилъ.

— Дай Богъ, чтобы все это было вздоръ! отвѣчалъ Маевскій.

Она задумалась; оба молчали съ минуту.

— Это низкая клевета! продолжала Софья Осиповна съ видомъ твердой увѣренности, но голосъ ея замѣтно дрожалъ.—Надо послать за нимъ, разспросить, разказать ему все.

— Я послалъ уже, отвѣчалъ Ѳедоръ Леонтьевичъ.

— Клевета! повторила она вполголоса, какъ будто сама съ собой разсуждая.

— Богъ знаетъ! произнесъ Ѳедоръ Леонтьевичъ, покачавъ головой.—Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ большую глупость. Онъ прибилъ чуть не до смерти этого человѣка... доносчика... Синицынъ видѣлъ его... лежитъ въ постели... Уздный лѣкарь былъ третьяго дня; свидѣтельствовали; къ доносу приложенъ актъ. Вообще, дѣло прескверное!

Софья вздохнула.

— И вотъ ужъ который разъ онъ вводитъ меня въ серіозныя непріятности. Это изъ рукъ вонъ! Не знаю что тутъ и дѣлать, ей Богу!.. Я не могу... доносъ поданъ на имя Синицына; онъ долженъ рапортовать по начальству. Изъ Петербурга могутъ запросъ прислать... Я наконецъ не могу брать на себя отвѣтственность за всѣ его сумасбродства. Пусть самъ раздѣляется какъ знаетъ! Я ему это скажу... Противъ него цѣлый листъ обвиненій: и паспортъ фальшивый, и укрывательство отъ уплаты по вексямъ, и побои, и чортъ знаетъ что тамъ еще, цѣлый возъ! Ничего разобрать не возможно! Это изъ рукъ вонъ! Я не могу! Я его брошу! Я ему это давно говорилъ.

Ѳедоръ Леонтьевичъ началъ робко, но видя, что Софья молчитъ, мало-по-малу сталъ распускать поводья, и наконецъ далъ волю сдержанному негодованію.

— Я отъ него отказываюсь! кричалъ онъ генеральскимъ голосомъ.—Я его брошу!.. Я ему объявлю, что не хочу марать руки во всѣхъ этихъ мерзостяхъ!..

— Какъ такъ отказываешься? Какъ, бросишь? перебила вдругъ Софья Осиповна довольно строгимъ тономъ.—Бросишь кого?

Человѣкъ, который служить тебѣ вѣрно шесть лѣтъ и которыми ты нахвалиться не можешь? Какъ это благородно?.. Покуда онъ нуженъ былъ, покуда все гладко и тихо шло, мы пользовались его услугами, мы безъ него обойдись не могли... а какъ только бѣда, такъ и прочь... всѣ друзья прочь!..

— Да вѣдь это не въ первый разъ, другъ мой!.. Всему есть мѣра, замѣтилъ Маевскій тихо.

— Прежде чѣмъ обвинять его въ мерзостяхъ, продолжала Софья не слушая, — не мѣшало бы справиться заслуживаетъ ли онъ такую обиду? Что человѣкъ дрался... кутиль... моталъ свои деньги... что онъ либеральничаетъ, мундира по праздникамъ не надѣваетъ, да въ церковь по воскресеньямъ не ходитъ, такъ это еще не причина считать его подлецомъ! Мы знаемъ его шесть лѣтъ... Онъ былъ принятъ у насъ все это время... Всѣмъ извѣстно, какъ мы съ нимъ были дружны и какъ мы ему довѣряли... а теперь вдругъ?..

— Да что же такое теперь? Вѣдь ничего еще не было! Вѣдь такъ только говорится.

— Какъ не было?.. Мимо тебя, на твоего чиновника, непосредственно у тебя подъ начальствомъ служащаго, поданъ доносъ!.. И подалъ Богъ знаетъ кто... какой-нибудь жидъ, растовщикъ, который скупилъ изъ чужихъ рукъ мошеннически добытыя росписки, и котораго онъ прибилъ, по дѣломъ, я увѣрена... я его знаю, онъ даромъ бить не будетъ. Если этотъ жидъ хотѣлъ жаловаться, за чѣмъ онъ прямо къ тебѣ не пришелъ?.. Зачѣмъ Сеницынъ принималъ доносъ?.. Какъ они смѣютъ такъ дѣлать?.. Какъ они могутъ думать, что ты ихъ будешь поддерживать?.. Это все слабость твоя!.. Тебя тутъ ни въ грошъ не ставятъ! Если ты будешь все позволять, они подведутъ доносъ на тебя самого!

— Да что же такое я позволяю?.. Я ничего... и Сеницынъ тоже. Сеницынъ со мной поступилъ какъ порядочный человѣкъ. Онъ принималъ доносъ по обязанности; но тотчасъ прихалъ ко мнѣ узнать: какой ходъ я желаю дать дѣлу?

— А ты что ему отвѣчалъ?

— Я просилъ не спѣшить. Просилъ завтра захватить... Я не могу такъ, сейчасъ... Мнѣ нужно подумать.

— Есть о чемъ думать? сказалъ бы ему заразы, что не хочешь давать никакого хода...

Маевскій пожалъ плечами.

— Вотъ, вы всѣ женщины судите такъ! проворчалъ онъ.—

Вамъ все ни почемъ!.. Развѣ такъ можно?.. безъ всякаго основанія. Чтобы замать дѣло, нуженъ предлогъ какой-нибудь; а такъ нельзя по-турецки: не хочу да и кончено! Надо чтобы формы были соблюдены.

— О! Боже мой! Съ вашими формами можно съ ума сойти!

— Опять, надо жь хоть у него разспросить: чтѣ тамъ такое?.. Къ какой стати, откуда они это взяли? Все не можетъ же быть сочинено. Что-нибудь тутъ да есть; какой-нибудь поводъ съ его стороны.

— Послушай, Фѣдоръ Леонтьичъ; еслибъ и былъ какой-нибудь поводъ, ты долженъ его отстоять. Изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ терять такого чиновника!

— Помилуй, мой другъ, какіе тамъ пустяки? Его обвиняютъ ни больше, ни меньше какъ въ томъ, что онъ видъ подложный составилъ, носить чужое имя, что онъ вовсе не Алексѣевъ, а самозванецъ, какой-то Лукинъ; да даже и не Лукинъ, а незаконнорожденный!

— Какой вздоръ! Онъ бы не скрылъ отъ меня, не скрылъ бы отъ насъ, еслибы что-нибудь въ этомъ родѣ...

— Надо однако спросить у него.

— Ты давно посылаешь?

— Давно... Эй! Кто тамъ?..

Дуняшка вбѣжала въ комнату.

— Узнай, воротился ли сторожъ, котораго я...

— Воротился-съ... Григорія Алексѣича дома нѣтъ-съ... куда-то верхомъ уѣхали, проворно отвѣчала Дуняшка.

Маевскій топнулъ ногой.

— Oh! quel malheur! вздохнувъ прошептала Софья Осиповна — Дуняша, скорѣй одѣваться!.. Закладывать лошадей!.. Да скорѣй же, скорѣй ради Бога!

— Куда ты?

— Я поѣду сама къ Синицину.

— Къ чему это? Онъ будетъ здѣсь завтра поутру... Это неловко, Sophie.

— Вотъ, есть теперь время думать, ловко или не ловко, когда дѣло идетъ о судьбѣ человѣка!

— Да какъ же ты такъ, одна... Возьми кого-нибудь... Я бы самъ, да ты знаешь,—приличія...

— Нѣтъ, не нужно тебя... ты только съ толку меня собьешь.

— Такъ пошли по крайней мѣрѣ узнать... сегодня втор-

никъ; можетъ-быть Поль въ городѣ? продолжалъ Федоръ Леонтьевичъ.

Какая-то мысль промелькнула у ней на умѣ; она вдругъ схватилась руками за голову и остановилась... но это былъ мигъ.

— Я заведу къ нему сама, отвѣчала она.—Иди, иди вонъ!.. Я буду сейчасъ одѣваться... Постой!.. Надо сейчасъ же послать къ Алексѣеву на квартиру, сказать, чтобы только что онъ вернется, сейчасъ шелъ сюда... Ты напиши... или нѣтъ,— я сама напишу... Да иди же, иди!.. твердила она, выталкивая его...

Мужъ ушелъ.

— Oh! Mon Dieu! Mon Dieu! Oh! que je suis malheureuse! прошептала она, упавъ на стулъ и закрывая руками лицо.

Минуть черезъ пять, записка на имя Григорія Алексѣевича отправлена была на квартиру къ нему и посланы люди отыскивать его въ разныхъ мѣстахъ по городу. Даже Дуняшка отправлена была съ тою же цѣлю...

Левель пріѣхалъ въ городъ, одѣлся и только что собирався выйти, какъ къ дому подѣхала губернаторская карета.

— Sophie, chère amie! это вы? сказалъ онъ, встрѣчая кухню въ дверяхъ...—Такъ рано? Чтò это? Чтò съ вами? Вы какъ-то встревожены?..

Не снимая съ себя ни бурнуса, ни шляпки, она пробѣжала къ нему въ кабинетъ и кинулась въ кресла.

— Чтò съ вами, Sophie?

— Непріятности, отвѣчала она.—Я ѣду сейчасъ къ Синицыну... На Григорія Алексѣевича доносъ поданъ... Его обвиняютъ въ какихъ-то странныхъ вещахъ: фальшивый видъ будто бы... имя чужое... какіе-то векселя... побой!.. Онъ кого-то прибилъ... que sais-je?.. Я пришла къ вамъ просить совѣта, Поль... Вы можетъ-быть слышали, знаете что-нибудь?

При словѣ *доносъ*, лицо Левеля приняло очень серіозное выраженіе. По разнымъ соображеніямъ, онъ могъ догадаться, какой оборотъ принимаетъ дѣло; но онъ не могъ думать, чтобъ оно успѣло уже дойти до Софьи Осиповны. Покуда она говорила, онъ быстро сообразилъ обстоятельства и рѣшился ими воспользоваться.

— Я знаю много чего насчетъ Григорія Алексѣевича, отвѣчалъ онъ спокойно.

— О! не скрывайте ради самого Бога! Я хочу все знать. Говорите скорѣй! Чтò такое вы знаете, чтò?

— Да только то, что доносъ, на сколько можно судить о его содержаніи изъ вашихъ словъ, основанъ на строгой истинѣ... въ главномъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, чтò касается до подложнаго имени и подложнаго вида...

Софья поблѣднѣла. — Боже мой! перебила она всплеснувъ руками. — Можетъ ли... можетъ ли же это быть?

— Не тревожьтесь; онъ этого не стоитъ. Выслушайте внимательно. Доносъ и все остальное, чтò вьется съ нимъ въ настоящемъ, я оставлю въ покоѣ; все это не касается до меня. Я вамъ разкажу только то, чтò я знаю совсѣмъ изъ другаго источника... Помните ваше предостереженіе? Оно не пропало даромъ. Оно помогло мнѣ открыть много и много чего, чтò я долженъ былъ знать давно... Ваши догадки на счетъ жены, были... какъ вамъ сказать? не то чтобы совсѣмъ не вѣрны, а преувеличены и съ другой стороны не полны; но въ нихъ было кое-что, чтò привело меня косвенною дорогою къ истинѣ. Маша прятала, или лучше сказать, была вынуждена скрывать отъ меня и отъ всѣхъ—одинъ старый секретъ... Дѣло въ томъ, что она была коротко знакома съ Григоріемъ Алексѣичемъ прежде, давно, въ ту пору когда онъ носилъ другое имя, а она не была еще замужемъ и не знала меня... Они были сосѣди и знали другъ друга съ дѣтства и любили другъ друга, по-дѣтски конечно... Послѣ того.. Sophie! Боже мой!..: Чтò съ вами!..

— Ничего, Поль; мнѣ дурно... голова кружится... дайте воды... воды поскорѣй!

Левель выбѣжалъ и принесъ стаканъ въ ту же минуту, но она не могла проглотить ни капли; челюсти были стиснуты судорожно. Онъ взялъ ее за руку; рука была холодна какъ ледъ. Она лежала, откинувъ голову на спинку кресель и часто хватаясь за горло. Левель не зналъ, чтò дѣлать. Минутъ пять спустя, глубокій вздохъ облегчилъ ее. Она тихо приподнялась, оправилась и сѣла опять по прежнему. Одна только сильная блѣдность осталась.

— Вамъ лучше, кузина? Хотите воды?

— Merci, отвѣчала она, выпивая глотокъ...—Merci, mon ami!... Продолжайте, пожалуйста, я хочу слышать все.

Онъ разказалъ ей въ короткихъ словахъ все, чтò онъ зналъ изъ исторіи Лукина. Разказъ его, въ общихъ чертахъ, былъ близокъ къ правдѣ, пока не дошло до новой встрѣчи Григорія

Алексѣевича съ Машей и до дальнѣйшихъ его отношеній къ ней. Тутъ Левель слегка отступилъ отъ истины. Запинаясь, краснѣя и останавливаясь, онъ началъ доказывать, что жена его вовсе не виновата ни въ чемъ. Молчаніе ея было вынужденное. Дукинъ съ первой встрѣчи, воспользовавшись ея испугомъ и удивленіемъ, заставилъ ее дать клятву въ томъ, что она не выдастъ его. «Поставивъ ее такимъ образомъ въ ложное положеніе, изъ котораго она не знала какъ выпутаться, онъ началъ... началъ ее преслѣдовать... безпрестанно напоминая о старомъ и не давая покоя... и довелъ наконецъ до того... до того, что она захворала,» доворилъ онъ глухимъ, хриплымъ голосомъ.

Софи наклонилась къ нему и взяла его за руку.— Mon pauvre ami! шепнула она — Не обманывайте себя и меня понапрасну... Я знаю все... она измѣнила вамъ.

Левель покраснѣлъ страшно и опустилъ голову... Двѣ слезы покатались у него по щекамъ...

— Поль! Поль, мой другъ! Будьте мужчиной!.. Я вамъ сказала бы кое-что; но вы умны, можете догадаться сами и не заставите меня краснѣть безъ нужды... Mon cousin! Mon frère!—Она наклонилась и обняла его...—Еслибы вы знали чтò у меня на сердцѣ, продолжала она въ полголоса,—вы бы пожалѣли меня!.. Но намъ не время теперь говорить о чувствахъ... послѣ когда-нибудь, не правда ли? мы расскажемъ другъ другу все... а теперь... Поль, я васъ считала всегда человѣкомъ съ душой и съ характеромъ... Докажите, что я не ошиблась; помогите, о! помогите мнѣ отомстить!..

Левель вздрогнулъ. — Отомстить? прошепталъ онъ, смотря ей въ глаза съ удивленіемъ.

— Да, отвѣчала Софья.—Чтò жъ тутъ удивительнаго?.. отомстить за себя и за васъ... Поѣдьте къ мужу. Я знаю, чтò мнѣ осталось дѣлать; вы мнѣ поможете; я сошлюсь на васъ во всемъ; а дорогой, вы мнѣ расскажете какъ вы узнали?

— Но, вы хотѣли вѣхать къ Синицину.

— Я имѣла другое въ виду. Теперь я не поѣду.

Левель задумался. Слово *месть* его озадачивало. До сихъ поръ ему и не снилось, чтобы поступки его, съ ихъ тайными побужденіями, могли подойти подъ эту языческую категорію. Онъ думалъ, что онъ защищаетъ семейный законъ,— не болѣе. Неужели же онъ мстилъ?

— Садитесь! шепнула она.— Неужели же мнѣ, женщины, надо васъ ободрять? Неужели вы руки не поднимете, слова не скажете въ защиту себя противъ того, который нанесъ вамъ такую обиду?

— Я? отвѣчалъ онъ, поднявъ на нее тяжелый, блуждающій, нерѣшительный взглядъ. — Я сдѣлалъ и такъ уже много... можетъ-быть слишкомъ много!

— Что это значить?

— А то, что доносчикъ жилъ за четыреста верстъ и не зналъ ничего... считалъ ея мертвымъ. Я сообщилъ ему свѣдѣнія и адресъ... Я выслѣдилъ и открылъ все дѣло... Я имѣлъ подозрѣніе еще въ Петербургѣ.

— Вы?.. прошептала Софя, всплеснувъ руками.— Вы, Польша? Она отодвинулась отъ него съ невольнымъ ужасомъ; но это былъ мигъ.

— Какимъ образомъ? спросила она, едва переводя дыханіе.

— Послѣ я вамъ разкажу.

— Да, правда, объ этомъ мы послѣ успѣемъ поговорить... Послушайте, продолжала она,—вы начали хорошо; но теперь надо кончить; поѣдемте къ мужу.

Онъ колебался еще.

— Да полноте же, стыдитесь!.. Что себя морочить? Мы съ вами не дѣти, надо умѣть назвать то, что мы дѣлаемъ. Ыдемте,— не ребячьтесь!

— Поѣдемъ, отвѣчалъ онъ вставая.

Минуть черезъ десять, они были въ кабинетъ у Федора Леонтьевича и сидѣли тамъ долго. Въ часъ пополудни, Левель уѣхалъ; вслѣдъ за нимъ вышла изъ кабинета Софя Осиповна. На нее страшно было взглянуть. Лицо у нея было въ пятнахъ, брови наморщены, губы стиснуты, въ глазахъ что-то дьявольски гордое и неутомимо-озлобленное.

Только что они вышли, какъ Федоръ Леонтьевичъ послалъ за Синицынымъ. Въ присутствіи этого штабъ-офицера, двѣ двѣ или три бумаги были написаны...

Это было во вторникъ. Въ этотъ же день поутру, часу въ десятомъ, Лукинъ уѣхалъ верхомъ изъ города. Въ городѣ, онъ проскакалъ мимо квартиры Левеля и могъ видѣть какъ на дворѣ отпрягали его коляску. Этого только ему и нужно было, этого онъ дождался два дня. Онъ поскакалъ въ Сорокино.

— Дома баринъ? спросилъ онъ у казачка.

— Никакъ нѣтъ-съ; въ городъ уѣхали.

— А барыня встала?

— Встали-съ.

Онъ слѣвъ, бросилъ ему поводья и побѣжалъ наверхъ. Въ передней не было никого, въ залъ тоже. Въ гостиной, солнце яркимъ лучомъ освѣщало широкій, цвѣтистый коверъ. На коврѣ дѣти играли. Увидѣвъ его, они вскрикнули весело и побѣжали къ нему на встрѣчу. Покуда онъ ихъ ласкалъ разсѣянно, нянька пошла въ уборную и вернулась оттуда на цыпочкахъ.

— Тсъ! шепнула она, обращаясь къ дѣтямъ: — мамаша спить.

— Мнѣ сказали, что Марья Васильевна встала, тихо сказалъ Лукинъ.

— Да, онъ встали-съ; только теперича, послѣ болѣзни частенько изволятъ и днемъ дремать. Вотъ и теперь, тамъ въ креслахъ, сидя уснули...

Она отворила тихонько двери и показала на кресло, стоявшее къ нимъ спиной, у окна. За высокою спинкой его, виденъ былъ бѣлый, широкій, кисейный рукавъ и двѣ блѣдныя, исхудалыя, какъ воскъ пожелтѣвшія и прозрачныя кисти рукъ, скрещенныя на колѣняхъ.

Съ минуту, онъ стоялъ молча, не шевелясь, не смѣя шагу ступить. Какое-то странное чувство, точно какъ будто его ввели въ комнату мертвой, тѣснило его. Въ эту минуту одинъ изъ дѣтей уронилъ на полъ игрушку. Бѣлый рукавъ шевельнулся едва примѣтно:

— Проснулась, шепнула нянька и пошла опять къ барынь. — Сударыня, Григорій Алексѣичъ прѣехали.

Маша вздрогнула, и ни слова не отвѣчая, поднялась на ноги. Лукинъ видѣлъ съ какимъ усиліемъ она опиралась руками на кресло, вставая, и какъ эти руки дрожали...

— Мамаша, мамаша! Григорій Алексѣичъ прѣехалъ, весело закричали дѣти, подбѣгая къ ней.

— Хорошо, ангелъ мой, хорошо; гдѣ онъ? спросила она у няньки.

— А вотъ здѣсь, сударыня?

Слѣдя за направлениемъ ея глазъ, Марья Васильевна медленно обернулась... Онъ чуть не вскрикнулъ; передъ нимъ стояла тѣнь Маши: мертвая блѣдность, потухшій взоръ, осунувшееся лицо; густой косы и слѣдовъ нѣтъ; вмѣсто нея, чепчикъ съ кружевами, закрывающій голову до самаго лба...

Съ минуту они смотрѣли одинъ на другаго, ни слова не говоря.

— Вы меня не узнали? Я очень переѣвилась послѣ болѣзни, сказала она наконецъ, протянувъ ему руку.

— У мамыши теперъ волосики стриженые, какъ у меня, пояснилъ Вася.

Сердце рвалось на части въ груди у несчастнаго. Онъ не могъ отвѣчать ни слова; да еслибъ и могъ, то нянька съ дѣтьми съѣли тутъ и при нихъ онъ не смѣлъ... Да и что говорить— онъ не зналъ... Зачѣмъ онъ пріѣхалъ?.. Все кончено... Стоило только взглянуть на это убитое выраженіе лица, чтобъ убѣдиться какъ далеко, какъ невозвратно прошедшее...

Онъ подошелъ и едва понимая что дѣлаетъ, поцѣловалъ у ней руку. Они съѣли молча, другъ противъ друга, въ уборной. Дѣти опять убѣжали въ гостиную, и нянька ушла за ними. Лукинъ опустилъ голову; онъ не могъ выносить ея взгляда: крупныя слезы катились у него по лицу.

— Маша! прости меня, милый ангелъ! шепнулъ онъ.

Вмѣсто отвѣта, она протянула ему опять свою исхудалую руку

— Я пріѣхалъ взглянуть на тебя еще разъ, продолжалъ онъ въ полголоса,—и узнать твою волю:

Что-то тревожное промелькнуло у ней на лицѣ; она взялась за голову.

— Моя воля? шепнула она, дико уставивъ на него свои большіе широко-открытые глаза.—Моя грѣшная воля проклята!.. Молись Гриша, чтобы Богъ насъ простилъ! Молись, чтобы съ нами было не то, чего мы желаемъ, а что Ему угодно!

— Если намъ нельзя видѣться...

Она покачала головой грустно.

— ...то мнѣ здѣсь не житье. Я уѣду отсюда.

Маша смотрѣла на него долго, внимательно, какъ будто не понимая. Минуту спустя тяжелый вздохъ у ней вырвался, она махнула рукой и повѣсила голову.

Долго сидѣли они другъ противъ друга, ни слова не говоря. То, что лежало на сердцѣ, въ эти минуты, никакія слова передать не могли... Дѣти вбѣжали опять въ уборную, она взяла сына къ себѣ на колѣни и, склонивъ надъ его розовымъ личикомъ свой пожелтѣвшій лобъ, смотрѣла безмолвно на полъ... Лукинъ задыхался; пытка превосходила силы его.

— Мы не увидимся болѣе? шепнулъ онъ, глотая слезы.

— Тамъ, отвѣчала она, поднявъ глаза къверху.—Я скоро тамъ буду.

Прошло еще минутъ пять. Оба молчали.

— Прощай, сказалъ онъ вставая.

Она поставила сына на полъ, поднялась медленно и протянула ему дрожащую руку. Ни слезинки не было у нея на глазахъ... Когда онъ нагнулся, цѣлуя ея прозрачные пальцы, она перекрестила его три раза; потомъ взглянула еще разъ ему въ глаза и махнула рукой... Онъ ушелъ.

Всю дорогу назадъ, блѣдный образъ Марьи Васильевны мелькалъ передъ нимъ. Тоска не давала возможности думать почти ни о чемъ. У вѣзда въ городъ, онъ встрѣтилъ коляску Левеля. Они поглядѣли одинъ на другаго молча и проѣхали мимо. Эта встрѣча напомнила ему объ опасности. Необходимо было спѣшить; но, съ другой стороны, слишкомъ большая поспѣшность могла погубить его.

Все, что возможно было приготовить на случай побѣга, было уже приготовлено. Новый паспортъ, съ совершенно другимъ именемъ, запасенъ былъ давно, и лежалъ у него въ шкатулкѣ. Деньги, какія только возможно было собрать, были собраны до послѣдней копейки, даже жалованье за прошедшій мѣсяцъ получено. Необходимый запасъ бѣлья и платья уложенъ былъ въ два мѣшка, скрѣпленные ремнями, въ видѣ того, что называется переметными сумками, чтобы въ случаѣ надобности увезти верхомъ. Однимъ словомъ, онъ былъ совершенно готовъ къ отъѣзду и могъ исчезнуть въ любую минуту, почти безо всякихъ слѣдовъ; но до сихъ поръ необходимость такой отчаянной мѣры казалась еще сомнительна. Никакого прямого намека на то, что ему угрожало, до сихъ поръ еще не дошло до него. Недалѣе какъ вчера, онъ видѣлъ Федора Леонтьевича, и еслибы какой-нибудь рѣшительный шагъ противъ него былъ сдѣланъ, онъ бы узналъ отъ него. Мало того, если бы даже дѣйствительно доносъ на него или жалоба были поданы, и тогда еще, думалъ онъ, Богъ знаетъ что вѣрнѣе: бѣжать или выждать грозу, не двигаясь съ мѣста, и послѣ уже оставить З***.

Занятый сильно этого рода соображеніями, онъ вернулся къ себѣ на квартиру.

— Былъ кто-нибудь?

— Были, Григорій Алексѣичъ, отвѣчалъ Осипъ.—Отъ гу-

бернатора раза три приходили. Просить къ себѣ... какъ можно скорѣй... по самому нужному дѣлу.

Сердце забилось въ груди Лукина. «А! вотъ оно, наконецъ! подумалъ онъ, стиснувъ зубы. Это выстрѣлъ съ ихъ стороны, нѣтъ сомнѣнiя.»

— Еще тутъ записка отъ губернаторши.

Осипъ подалъ письмо... Онъ распечаталъ...

«Приходите, скорѣе, все бросьте, мнѣ нужно васъ видѣть сiю минуту, сiю секунду... на васъ доносъ поданъ.

«Вашъ вѣрный другъ С...»

Лукинъ задумался. «Софья не выдастъ», мелькнуло въ его головѣ.

— Прикажете разсѣдлатъ?

— Нѣтъ, подожди. Онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, вынулъ портфель изъ ящика и спряталъ къ себѣ въ карманъ.

— Давно ли эта записка тутъ? спросилъ онъ у Осипа, возвращаясь.

— Да, часа два уже слишкомъ, Григорiй Алексѣвичъ.

— А потомъ, былъ кто-нибудь?

— Заходила Дуняшка отъ губернаторши, допытывала куда уѣхали?

Лукинъ надѣлъ шляпу и прошелъ раза два по комнатѣ, потомъ вышелъ, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ куда-то.

Только что онъ успѣлъ повернуть за уголъ, какъ карета подъѣхала къ воротамъ его дома. Въ каретѣ, сидѣлъ полицеймейстеръ съ Синицынымъ и съ прокуроромъ. Вслѣдъ за каретой, прискакалъ конный жандармъ.

— Григорiй Алексѣвичъ пришли-съ, васъ спрашиваютъ, доложилъ лакей Софѣ Осиповнѣ.

— Проси.

Лукинъ вошелъ. Она встрѣтила его быстрымъ, загадочнымъ взглядомъ. «Venez ici, Monsieur», сказала она мимоходомъ, кивнувъ ему головою слегка, и повела его въ кабинетъ къ Федору Леонтьевичу.

— Григорiй Алексѣвичъ здѣсь, сказала она входя.

— А! отвѣчалъ губернаторъ, вставая и дѣлая шагъ навстрѣчу. — Я васъ давно уже жду, пожалуйте-ка сюда. Вы знаете Дмитрiя Егоровича Баркова?

— Знаю немножко. Это та бестiя, которую я прибилъ третьяго дня, у себѣ на дворѣ?

— Онъ вамъ родственникъ?

— Нѣтъ.

— Онъ имѣеть на васъ векселя?

— Никакихъ векселей я ему не давалъ. Я его третьяго дня первый разъ въ глаза видѣлъ.

— За что жъ вы его прибили?

— Онъ вывелъ меня изъ терпѣнія. Онъ лѣзъ ко мнѣ въ домъ съ такими угрозами и требованіями, которыя всякаго бы взбѣснели.

— Какія же это были угрозы? Чего онъ требовалъ?

Лукинъ посмотрѣлъ вопросительно на Федора Леонтьевича и на Софью Осиповну. У обоихъ въ лицѣ было что-то такое, что показалось ему подозрительнымъ.

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ,—кажется дѣлаете мнѣ формальный допросъ? Позвольте мнѣ въ свою очередь, спросить по какому поводу?

— А вотъ по какому, отвѣчалъ губернаторъ, отыскавъ на столѣ бумагу и подавая ему.—Неудобно ли вамъ прочесть, что объ васъ пишутъ.

Лукинъ отошелъ къ окну и началъ читать. Софья Осиповна сѣла. Федоръ Леонтьевичъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманъ. Въ промежуткѣ молчанія, послышался стукъ кареты, которая подѣхала къ дому. Черезъ минуту, деньщикъ вошелъ и шепнулъ что-то на ухо губернатору.

— Прости подождать, отвѣчалъ тотъ вполголоса, бросивъ значительный взглядъ на жену.

— Ну что, прочли? отвѣчалъ Лукинъ, возвращая бумагу.

— Прочелъ.

— Что жъ вы скажете?

— Я не могу понять, что ваше превосходительство ожидаете, чтобъ я сказалъ? Вы меня знаете шесть лѣтъ. Если въ теченіе этого времени, я не успѣлъ заслужить вашего довѣрія и вашего уваженія на столько, чтобы вы не ставили меня на одну доску съ какимъ-нибудь мерзавцемъ, лбедникомъ, въ родѣ того, который состряпалъ этотъ доносъ, то мнѣ нечего говорить.

— Все это очень хорошо, отвѣчалъ губернаторъ, взволнованный до того, что руки у него тряслись,—но не можете ли вы объяснить, съ чего онъ взялъ всѣ эти подробности? Надо предположить, что человекъ съ ума снятъ, чтобы писать такія вещи безъ всякаго основанія.

— Вы можете предполагать, что вамъ угодно, отвѣчалъ

Лукинъ, поднявъ голову.—Я не считаю себя обязаннымъ объяснить сумашедшія выходы всякаго встрѣчнаго.

— Вы, стало-быть, отказываетесь отъ всякаго объясненія?

— Положительно. Это совсѣмъ не мое дѣло. Кто писалъ доносъ, тотъ пусть и объясняетъ его, а мнѣ что?

— Подумайте, Григорій Алексѣичъ, если вы предоставите объясненіе доносячку, то дѣло не можетъ обойтись безъ формальнаго слѣдствія.

— Я самъ не вижу тутъ средины, Федоръ Леонтьичъ. Въ такомъ положеніи, въ какомъ дѣло теперь стоитъ, вамъ остается одно изъ двухъ: или швырнуть доносъ въ лицо этому подлецу, или нарядить слѣдствіе.

Не зная что отвѣчать, губернаторъ взглянулъ на жену. Софья Осиповна встала и подошла.

— Я понимаю теперешній вашъ отказъ, monsieur Алексѣевъ, сказала она.—Вы считаете унизительнымъ оправдываться зная заранѣе, что оправданіе невозможно.

Лукинъ взглянулъ на нее и опустилъ голову. Онъ могъ бы ранѣе догадаться; но записка сбивала его до сихъ поръ съ толку и заставляла еще сомнѣваться... надѣяться. Теперь, всѣмъ сомнѣніямъ наступилъ конецъ. Последняя доска, отдѣлявшая его отъ пропасти, послѣдній оплотъ его рухнулъ. Онъ почувствовалъ вдругъ, что онъ летитъ внизъ—глубоко, глубоко, и кругомъ ничего; ухватиться не за что; все мрачно и пусто вокругъ.

— Но оставимъ доносъ, продолжала она.—Я бы желала чтобы вы мнѣ объяснили вотъ что. Какимъ образомъ токое чувство достоинства, обнаруженное вами теперь, не помѣшало вамъ лгать въ продолженіе семи лѣтъ, и лгать самымъ безсовѣстнымъ образомъ? Еслибы вы имѣли одни служебныя отношенія къ мужу, я бы не стала винить васъ строго... но вы были приняты у насъ въ домъ какъ другъ, какъ родной, вы пользовались полною откровенностію, полнымъ довѣріемъ.... чѣмъ вы заплатили за все? Что могло васъ заставить думать, что открытое и прямое признаніе съ вашей стороны, могло бы быть принято нами враждебно и обращено вамъ во вредъ? Мы не доносячки, не шпионы. Мы могли бы вамъ все извинить,—все простить кромѣ низкаго и безсовѣтнаго обмана. Но у васъ не было искренняго расположенія къ тѣмъ людямъ, которые васъ любили отъ чистаго сердца. У васъ былъ только одинъ холодный, низкій

разчеты! Вы поступили какъ интриганъ; не удивляйтесь же, если и съ вами будетъ поступлено какъ съ интриганомъ.

Она остановилась, съ трудомъ переводя духъ. Щеки ея пылали, грудь поднималась высоко; ядъ мести горѣлъ въ крови.

Первый разъ въ жизни, Лукинъ не нашелся ни слова сказать въ свое оправданіе. Онъ опустилъ голову и молчалъ. У Маевского слезы навертывались. Желая скорѣе окончить эту тяжелую сцену, онъ вышелъ въ другую комнату. Короткій вопросъ и отвѣтъ слышались за дверьми. — Пожалуйте, сказалъ онъ вернувшись, — васъ тамъ ожидаютъ.

Лукинъ поклонился и вышелъ. Въ кабинетъ остались Федоръ Леонтьевичъ и Софья. Одну секунду она стояла какъ статуя; потомъ подбѣжала къ дверямъ, и приложила глаза къ замочной скважинѣ. Опять нѣсколько словъ слышалось за дверьми, потомъ стукъ сабли, звонъ шпоръ, шаги, и все стихло. Она выбѣжала въ приемную и прильнула лицомъ къ окну. Минуту спустя, стукъ кареты отъѣзжавшей отъ крыльца, слышался съ улицы..... тише и тише..... все стихло.....

Что-то тяжелое рухнуло на полъ въ приемной. Маевскій выбѣжалъ: Софья лежала безъ чувствъ на полу.

Х. Итоги.

Два мѣсяца слишкомъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лукинъ былъ арестованъ по доносу. Его посадили въ острогъ, и началось слѣдствіе. Оно связано было съ разными затрудненіями. Дѣло случилось семь лѣтъ назадъ и обстоятельства его погружены были въ непроницаемая потемки. Свидѣтели жили далеко; доставка ихъ въ З*** требовала издержекъ и времени. Кромѣ того, запросы посланы были въ Торопецъ, въ Великіе Луки, Псковъ, Петербургъ, и по нѣкоторымъ отвѣта нельзя было ожидать ранѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Не взирая однакожь на всѣ препятствія, дѣло двигалось, и судя потому съ какою неуклонною настойчивостію преслѣдовались малѣйшая нить, малѣйшій намекъ, обѣщавшій привестъ къ розысканію самыхъ ничтожныхъ его подробностей, можно было подумать, что чья-нибудь мстительная рука втайнѣ усиливала энергію слѣдователей. Обвиненный выбралъ

систему защиты, въ его положеніи можетъ-быть единственную, какая ему оставалась. Онъ заперся во всемъ наотрѣзъ, и рѣшительно отказался сообщить о себѣ какія бы то ни было свѣдѣнія. Каждый разъ, какъ его спрашивали объ обстоятельствахъ его прежней жизни, онъ отвѣчалъ, что это до дѣла со-всѣмъ не касается, и что онъ не намѣренъ тѣшить ничье любопытство.

Противъ этой системы, слѣдователи не имѣли сначала почти никакого оружія, кромѣ одной записки, писанной обвиненнымъ семь лѣтъ назадъ, да подписи его на заемныхъ письмахъ. Почеркъ въ запискѣ и въ подписяхъ сличенъ былъ съ почеркомъ двухъ или трехъ бумагъ, найденныхъ въ его дѣловомъ портфель и признанъ весьма похожимъ. Была еще, правда, подскобка на аттестатѣ; но обстоятельство это получило значеніе не прежде, какъ мѣсяцъ спустя, когда на запросъ, сдѣланный С.-Петербургскому университету о кандидатѣ его Алексѣевѣ, полученъ былъ отвѣтъ, что такого лица, т. е. Григорья *Алексѣевича* Алексѣева вовсе не было: а былъ Григорій *Андреевичъ* Алексѣевъ. Взялись опять за паспортъ и нашли, что какъ разъ, буквы *л, е, к, с, и ъ, у* *Алексѣевича* написаны на подскобленномъ мѣстѣ. Все это слѣдственная комиссія не нашла нужды тотчасъ же сообщать обвиняемому; а оставила про запасъ. Между тѣмъ, послано было еще нѣсколько любопытныхъ запросовъ въ другія мѣста и ждали свидѣтелей. Но свидѣтелей можно было найти только въ Жгутовѣ, и для этого надо было Баркову отправиться самому на мѣсто; а онъ пролежалъ въ постелѣ мѣсяца полтора и не могъ выѣхать раньше какъ въ октябрѣ, въ распутицу.

Такимъ образомъ прошло цѣлыхъ два мѣсяца, съ тѣхъ поръ какъ Лукинъ былъ посаженъ въ острогъ. Въ теченіе этого времени, онъ успѣлъ осмотрѣться. Пустая комната, голыя стѣны, рѣшетчатое окно; за окошкомъ—стѣна и узенькій лоскутокъ неба сверху, а подъ стѣною бурьянъ въ поясъ, чертополохъ, репейникъ, крапива, всякая мерзость... Кругомъ, грязный дворъ. Сырыя куртки съ хозяйскими мѣтками на сшинѣ или на рукавахъ, блѣдныя лица, бритые лбы и штыки часовыхъ, все это стало уже не ново. Физиономіи многихъ изъ арестантовъ и гарнизонныхъ солдатъ были знакомы ему давно. Съ иными онъ нѣсколько разъ разговаривалъ, а съ другими имѣлъ даже случай входить въ болѣе тѣсныя отношенія, по поводу разныхъ услугъ, за которыя онъ пла-

тиль щедро. Съдой майоръ, смотритель, раскланивался съ нимъ очень вѣжливо; дежурные офицеры заводили съ нимъ рѣчь о погодѣ и подчивали его папиросками. Короче сказать, онъ обжился и привыкъ; но это не облегчило его положенія. Напротивъ, чѣмъ болѣе онъ привыкалъ къ своей обстановкѣ, чѣмъ рѣже она развлекала его вниманіе, тѣмъ тяжелѣе, безвыходнѣе уединялся онъ самъ въ себѣ; а въ себѣ онъ не могъ найти утѣшенія. Въ сердцѣ его была другая тюрьма, мрачнѣе, тѣснѣе острога... Снаружи, еще была какая-нибудь возможность выпутаться, сбить съ толку преслѣдователей или пересидѣть ихъ, отнѣживаясь, и отдѣлаться отъ суда; но внутри былъ другой судъ, и этотъ давно его осудилъ, и тяжкая казнь человѣка, промотавшаго все, что когда-нибудь было дорого для него на землѣ, совершалась надъ нимъ въ эту пору. Перебирая прошедшее годъ за годомъ, а нерѣдко и день за днемъ, онъ иногда останавливался и дѣлалъ себѣ вопросъ: еслибы теперь онъ могъ возвратиться назадъ, что бы онъ сдѣлалъ? И странно сказать, почти во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ развѣ такихъ, гдѣ простая неопытность или незнаніе были причиной ошибки, онъ приходилъ неминуемо къ заключенію, что онъ поступилъ бы опять также какъ было поступлено. Онъ не навидѣлъ себя за то зло, которое онъ сдѣлалъ; но самое зло было мило ему, несмотря ни на что... Этого рода повѣрки и выводы были мучительнѣе всего остального. Въ результатъ ихъ, онъ глядѣлъ съ ужасомъ на себя, и призракъ роковой необходимости возникалъ передъ нимъ въ бѣсовскомъ величіи, и черныя мысли, безумныя мысли, толпились какъ тѣни вокругъ. Порой, онъ готовъ былъ повѣрить, что онъ отъ рожденія осужденъ на гибель и что избѣгнуть ея онъ не могъ, потому что безъ воли его и сознанія, изъ сердца его, какъ изъ зерна ядовитой травы, развивалось то зло, которому онъ весь, какъ есть, съ своими разчетами и соображеніями, стремленіями и надеждами, со всею своею смѣлостію и настойчивостію, служилъ не болѣе какъ слѣпымъ орудіемъ, которому подчиненъ былъ всю жизнь, служилъ такъ рабски, что даже теперь, зная послѣдствія, готовъ былъ бы снова на то же. Все это сводило его съ ума; а при этомъ еще допросы, мучительныя проволоочки, слѣдствіе, мучительныя оторочки и мрачная неизвѣстность въ будущемъ и тоска одиночнаго заключенія! Злость разбирала

его каждый разъ, какъ рука тюремнаго сторожа запирала за нимъ замѣкъ. Съ этимъ звукомъ ничто не могло помирить его; къ этому звуку несчастный не могъ привыкнуть. Изъ чего биться? думалъ онъ иногда. Зачѣмъ терпѣть, когда еще одинъ смѣлый шагъ и все кончено? Стѣбитъ ли этотъ гнусный, оборванный и запачканный лоскутъ жизни, который остался теперь въ рукахъ, стѣбитъ ли онъ чтобъ еще держаться за него съ такимъ упорствомъ? Но упорство заложено было глубоко въ характеръ этого человѣка, и онъ не могъ отъ него отдѣлаться. Борьба, какъ бы она ни была безнадежна, каковъ бы ни былъ ея исходъ, подстрекала его. Борьба съ врагами была почти единственное, что привязывало его еще къ жизни, и за эту послѣднюю связь онъ цѣпался съ какимъ-то ожесточеніемъ.

Въ концѣ октября, въ з—скій острогъ прибыло нѣсколько человѣкъ арестантовъ, большею частью бродягъ, инымъ изъ которыхъ казенное помѣщеніе было вовсе не новость, а въ холодную осень имѣло даже свои пріятныя стороны. Это былъ отдыхъ на время, до новой оказіи, и случай увидѣться съ какимъ-нибудь старымъ товарищемъ или свести знакомство съ новыми лицами. Между новоприбывшими, Лукинъ отыскалъ знакомаго.

Разъ, выпущенный за двери своей одинокой кельи, въ урочный часъ дня, онъ бродилъ по двору. День былъ холодный, въ воздухѣ сыро. Надъ арестантскою баней чинили крышу, и снятыя доски лежали грудями на землѣ. На доскахъ, сидѣла кучка народу; другіе бродили взадъ и впередъ, или стояли у стѣнки, зѣвая на плотничную работу. Заложивъ руки за спину, съ сигарой во рту, онъ шелъ вдоль тюремной стѣны, не обращая почти никакого вниманія на окружающее.

— Кто это? спросилъ, толкнувъ локтемъ сосѣда и кивнувъ головой въ его сторону, одинъ изъ новоприбывшихъ, парень лѣтъ за тридцать, средняго роста, съ рябымъ, скулистымъ лицомъ и сѣрыми, ястребиными глазками.

— Черный-то? отвѣчалъ оглянувшись сосѣдъ.— А это вонъ съ той стороны, изъ дворянскаго... Лѣтомъ еще посадили; да вотъ и о-сю-пору тутъ сидитъ... Сказываютъ, изъ здѣшнихъ, прибавилъ онъ погода немного,—чиновникъ тамъ что ли какой, песь его вѣдаетъ...

Покуда онъ говорилъ, зоркіе глазки спрашивающаго устре-

млены были искоса на Лукина. Одна изъ бровей его приподнялась съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ.

— Хе, хе, хе! пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ, и тихій, протяжный свистъ засвидѣтельствовалъ окончательно объ его удивленіи. Выждавъ не много, покуда предметъ его любопытства прошелъ, онъ всталъ и отправился занять въ слѣдъ.

— Здравствуйте, ваше высокородіе, шепнулъ онъ, когда на обратномъ пути, они поровнялись.

Тотъ поднялъ голову и взглянулъ пристально. Лицо показалось ему знакомо. Онъ силился вспомнить когда и гдѣ онъ видѣлъ эти черты; но арестанская куртка и бритая борода сбивали его совершенно съ толку.

— Вотъ и не такъ, чтобъ очень давно кажись видѣли, продолжалъ арестантъ,—а забыли. У насъ, значить, память-то будетъ покрѣпче. Я какъ глянулъ, такъ узналъ.

— Да ты гдѣ меня видѣлъ?

— А недалече отсюда. Почитай что у самого у Сорокина, на дорогѣ.

— Ба!.. странникъ?

— Странникъ, ваше высокородіе, съ чуть-замѣтною усмѣшкой отвѣчалъ арестантъ.

Чувство глубокаго униженія промелькнуло въ лицѣ самозванца; онъ опустилъ глаза въ землю и прошелъ мимо.

На другой день, онъ увидѣлъ его опять на дворѣ. Поровнявшись, тотъ снялъ фуражку и поклонился ему почтительно. На сердцѣ у Лукина тяжело было въ этотъ день... чье-то блѣдное лицо, въ чепчикѣ, не давало ему покоя... Пройдя по двору раза два, онъ сѣлъ на доски и подперъ голову обѣими руками. Въ такомъ положеніи, онъ сидѣлъ минутъ пять, погруженный въ забытѣе. Глубокій вздохъ! заставилъ его оглянуться. Недалеко отъ него, на доскахъ, сидѣлъ странникъ.

Съ минутою они смотрѣли одинъ на другаго молча. На рабомъ лицѣ арестанта было замѣтно что-то такое, что трудно опредѣлить; это было не то любопытство, не то участіе.

— Ужъ какъ-то мнѣ жалко на васъ смотрѣть, сударь! началъ онъ робко.—По той причинѣ, что баринъ то вы не такой, какъ другіе. Сердце у васъ кроткое! Не вамъ бы тутъ съ нашимъ братомъ въ одной канурѣ сидѣть! Нашъ братъ привыкъ, обтерся, покрутилъ міромъ, и съ молоду всѣхъ этихъ пакостей нализался; а вамъ, я чай, куда солоно!

Лукинъ посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ.

• — Соль и для вашего брата та же, только крупнѣй смолта, отвѣчалъ онъ, махнувъ рукой.

— Извѣстно, ваше высокородіе, и у нашего брата душа не козлиный паръ, тоже чувствуетъ. Да только я на тотъ счетъ говорю, что намъ не въ первѣй. Знаемъ мы всѣ эти страхи... и какъ на первыхъ порахъ, такъ съ гору чудится, а какъ поближе присмотришься, да манеры всѣ эти узнаешь, такъ и станеть оно тебѣ словно какъ все равно.

— Ну, едва ли!.. Ты, братъ, я помню, тоже не очень сюда торопился.

Арестантъ усмѣхнулся.

— Для-че мнѣ торопиться-то? отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами.—Вотъ и безъ спѣху поспѣлъ. Сперва свое дѣло, а казенное подождетъ... Товарищъ-то вашъ, сударь, прибавилъ онъ помолчавъ,—больно уже поспѣшенъ! Вотъ бы, ей Богу, кажись рублевую свѣчку поставилъ, кабы его тутъ на мѣстѣ вашей милости повстрѣчать! Годъ бы тутъ согласился прожить!..

— А ты развѣ на срокъ?

— Какіе тамъ сроки, сударь! У меня свой срокъ.

— Какъ свой?

— Да такъ-то-съ, шепнулъ тотъ, оглядываясь, и приподнявъ одну бровь.—Дѣло извѣстное... Какъ надоѣло, такъ и прощай... поминай какъ звали!

Лукинъ наострилъ уши; но въ эту минуту къ нимъ подошло нѣсколько человѣкъ.

— А тебя какъ зовутъ? спросилъ онъ вставая.

— Зовутъ меня Сидоръ, ваше высокородіе.

— Сидоръ? А дальше?

— Дальше-то ничего, сударь. Не прогнѣвайтесь; былъ у лисицы хвостъ, да собаки отѣли.

Лукинъ вернулся къ себѣ, раздумывая о слышанномъ. Разговоръ съ арестантомъ вертѣлся у него въ головѣ весь вечеръ. Странно сказать, онъ произвелъ на его усталую душу какое-то освѣжающее, крѣпительное дѣйствіе. За рубежомъ того міра, изъ котораго онъ былъ изгнанъ, въ этой невѣдомой сѣерѣ, которая издали казалась ему царствомъ тьмы и ничтожества, онъ вдругъ услыхалъ братскій голосъ, напоминавшій ему, что и тутъ есть жизнь, существуетъ надежда. Си-

доръ его пристыдилъ. Сидоръ вдругъ выросъ въ его глазахъ, и явился ему философомъ, стоякомъ, взирающимъ на него снисходительно, какъ на изнѣженное дитя... Сидоръ тутъ дома, и принимаетъ его какъ хозяинъ гостя, съ радушными извиненіями въ неудобствѣ квартиры и тѣснаго образа жизни! А между тѣмъ, вѣдь и у Сидора тоже душа, какъ онъ говоритъ, не козлинный паръ, то же чувствуетъ, или по крайней мѣрѣ, чувствовала когда-нибудь, прежде чѣмъ чувство застыло, и помнитъ до сихъ поръ то время... Но было еще кое-что въ этотъ день, чтò заняло мысли его и дало имъ новое направленіе. Въ концѣ разговора упомянуто было мимоходомъ о чемъ-то, о какой-то возможности... «Не мѣшало бы разъяснить этотъ темный вопросъ,» думалъ онъ. «На всякій случай... какъ знать?»

Дня черезъ два, они опять встрѣтились. Что-то влекло ихъ другъ къ другу. Лукинъ отошелъ нарочно въ сторонку, чтобы никто не мѣшалъ, и только что обернулся, глядь, Сидоръ ужь тутъ, стоитъ возлѣ, посматривая на кровлю и приподнявъ одну бровь.

— Здравствуй, Сидоръ!

— Здравствуйте, ваше высокородіе.

Слово за слово, у нихъ завязался опять разговоръ. Лукинъ тотчасъ навелъ его на извѣстный вопросъ, но тотъ отвѣчалъ загадочно, ловко отшучиваясь отъ положительныхъ объясненій и какъ будто ощупывая дорогу, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ.

— Дѣло извѣстное, сударь, онъ говорилъ, — часъ не ровенъ и человѣкъ не ровенъ. Отъ инога куска у сытаго душу воротить, а голодный сожретъ да и пальцы еще оближетъ. По той-то причинѣ оно и выходитъ, что всякій себѣ норовитъ по своему, чтобы какъ ни-на-есть, значить, пристроить себя половче, да поноснѣй. Оно вашей милости, можетъ, все это, чтò я теперъ говорю, не сообразно покажется; а вы все жь поразмыслите, не гнушайтесь нашимъ мужицкимъ умомъ; можетъ статься, что и поймете... Я не насчетъ вашей милости говорю, а такъ, про себя размышляю... По-нашему, по-дурацкому, оно такъ выходитъ, что коли есть у тебя возможность денежная, ну и живи на свой коштъ, вездѣ тебѣ хорошо. Вездѣ тебѣ путь широкій лежитъ и дорога гладкая. Нигдѣ тебѣ ни заставы, ни удержу; стѣны каменные сокрушаются и замки желѣзные распадаются... все

трынь-трава!.. Ну, а какъ этого нѣтъ, то что дѣлать-то?.. Нашъ братъ, мужикъ, не брызгливъ. Уголь, каковъ тамъ ни есть, да харчи на казенный коштъ, оно хоть и солоно, а все ужь послаще чѣмъ ночью студеною, во сыромъ лѣсу горе мыкать, а иной разъ на деревѣ, а иной разъ въ кусту, а иной разъ болотъ по поясъ; и холодно-то, и голодно, и страху всякаго вдоволь, и чего ужь, чего не натерпишься!..

Лукинъ слушалъ, мотая на усъ.

Съ этой поры, они часто сходились на арестантскомъ дворѣ и говорили о разныхъ разностяхъ. Лукинъ узнавалъ вещи, о которыхъ онъ прежде понятія не имѣлъ. Это было какое-то путешествіе въ новый, невѣдомый міръ, отъ котораго не пространство и время отдѣляло его до сихъ поръ, а какая-то тугость шеи, мѣшающая обитателю высшихъ слоевъ наклониться и высмотрѣть что такое тамъ бродитъ, шевелится и копышется у него подъ ногами, въ той, повидимому холодной и твердой какъ камень почвѣ, на которую онъ опирается... И вотъ, эта почва представилась ему вдругъ изрытая взадъ и впередъ, вверху и внизъ, по всѣмъ возможнымъ угламъ наклоненія, извилистыми дорожками и подземными ходами, въ которыхъ миллионы существъ, подобныхъ ему, *нороеать*, говоря словами Сидора, *чтобы какъ ни-на-есть устроить себѣ жизнь полове, да поносный*. И сколько ума, силы воли, сколько тонкой догадливости и практической гибкости тратится въ этой глухой, ежедневной борьбѣ, пропадая безслѣдно, бесплодно въ потемкахъ, и только при счастьѣ, хватая на какой-нибудь кусокъ хлѣба насущнаго!.. Что-то родственное зашевелилось въ душѣ Лукина, въ отвѣтъ на эти разказы. И онъ тоже, съ одной стороны, принадлежалъ къ этой подземной сферѣ. Онъ тоже былъ вротъ. Судьба, какъ будто шутя, выбросила его на поверхность; но ему было тамъ неловко, его тамъ преслѣдовали, давили, и вотъ натура взяла свое. Онъ рылъ и подкапывался до того, что зарылся таки наконецъ въ преисподнюю.

Прошло еще съ мѣсяцъ. Слѣдствіе сдѣлало важный шагъ. Полученъ былъ отвѣтъ изъ Великихъ Лукъ и при отвѣтѣ вся переписка по дѣлу о скоропостижной смерти студента Григорія Лукина, происшедшей на станціи С**, седьмага августа такого-то года. Почти въ то же время, привезли двухъ свидѣтелей изъ Торонца.

Разъ, поздно вечеромъ, Лукинъ возвратился изъ слѣдствен-

ной комиссіи блѣдный, разстроенный. Ему дѣлали очную ставку съ мамкою его Анисьей и съ молочнымъ братомъ Андреемъ. Оба узнали его. Андрей ахнулъ; мамка сперва была перепугана, думая видѣть покойника, но потомъ зарыдала и кинулась обнимать его. Онъ отрекся отъ обоихъ, но у него не хватило твердости разыграть свою роль безъ ошибки. Слезы сверкали у него на глазахъ, иголосъ его дрожалъ. Въ заключеніе, ему сообщили разомъ все, что успѣли о немъ узнать, и требовали признанія. Онъ отрекся еще разъ, также настойчиво какъ и прежде, но онъ уже зналъ, что это могло затянуть только дѣло еще на короткое время, послѣ чего оно должно было кончиться очень скверно. Онъ зналъ наизусть статьи уголовного свода, подъ которыя его могутъ подвести. Последняя тѣнь надежды блѣднѣла и исчезала. Последняя связь съ тѣмъ обществомъ, за право гражданства въ которомъ онъ бился такъ долго и такъ упорно, готова была порваться. Медленно, медленно оборачивалъ онъ свой усталый взоръ въ совершенно другую сторону,—въ ту сторону, откуда высывалась ему навстрѣчу рябая, скулистая рожа Сидора съ сѣрыми, ястребиными глазками, и подмигивая и подшучивая, манила его за собой куда-то.

Разговоры ихъ продолжались, и много чего еще успѣлъ разказать этотъ тертый бывалый хозяинъ дома, этотъ философъ дремучихъ лѣсовъ и пустынныхъ дорожекъ. Между разказами попадались нерѣдко такіе, въ которыхъ описывался удачный побѣгъ и погоня, сбитая со слѣдовъ смѣлою находчивостью небольшой, безоружной шайки. Много чего было переговорено между ними; объ одномъ только не было до сихъ поръ еще высказано ничего положительнаго; это о *денежной возможности*, на которую Сидоръ указывалъ какъ на *conditio sine qua non*, какъ на ключъ, отворяющій всѣ замки и разрушающій стѣны каменные. Дѣло однако должно было дойти и до того,—и дошло наконецъ... Въ свое время, возможность была обнаружена и оказалась такого солиднаго рода, что сѣрые глазки Сидора засверкали отъ жадности.

Въ концѣ ноября, наступили холодные дни и темныя ночи. Стверный вѣтеръ задулъ. Пролетая отъ устьевъ Печоры, по раздолью широкому, по равнинамъ безбрежнымъ, безъ всякой задержки, онъ принесъ съ собою морозы. На рѣкѣ показался ледъ. Вслѣдствіе этого, въ городѣ мостъ развели, и сообщеніе между двумя сторонами его прекратилось навремя. На другой

день, все видимое пространство рѣки покрыто было густою массой льда, которая еле двигалась. Къ вечеру, еще засвѣтло у обоихъ береговъ, образовались широкія, мутно-зеленыя полосы, съ внутренней стороны окаймленныя бѣлою грядкой. Общее мнѣніе въ городѣ было, что ночью рѣка должна стать. Всѣ ждали этого съ нетерпѣніемъ. Часовъ до пяти, кучки народу стояли на берегу. Инымъ до зарѣзу нужно было на ту сторону. Почта и два фельдгегера дожидались на станціи. Смерклось; густыя, сѣрыя тучи застилали осеннее небо изъ края въ край; въ верху ни звѣздочки. Ночь наступила такая темная, что далѣе двадцати шаговъ отъ берега не видать было ничего; только рядъ огоньковъ, съ другой стороны, тускло мерцалъ сквозь туманъ, да легкій, хрустящій шумъ долеталъ до ушей съ того мѣста, гдѣ ледъ еще двигался.

Въ эту самую ночь, въ З—скомъ тюремномъ замкѣ, случилась тревога. Патруль, обходя снаружи тюрьму, нашелъ у стѣны часоваго связаннаго, съ анучей, запиханной въ ротъ. Привели на гауптахту, разбудили дежурнаго офицера, стали спрашивать: весь трясется, чуть живъ отъ страха. «Черти, говорить, какіе-то прыгнули сверху прямо на шею, не успѣлъ крикнуть, какъ ротъ заклепали, руки скрутили, ноги скрутили и бросили...» Покуда онъ говорилъ, дано было знать смотрителю. Съдой старичокъ, въ халатѣ и съ фонаремъ въ рукахъ, явился пыхтя, весь блѣдный.

— Лукинъ бѣжалъ! шепнулъ онъ поручику на ухо:—да съ нимъ еще трое изъ пятаго отдѣленія.

Поручикъ, юноша лѣтъ девятнадцати, совсѣмъ растерялся. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ, махая руками, ругался по восходящимъ степенямъ поколѣнія, будилъ солдатъ, стараго унтера чуть не отдулъ чубукомъ. Прошло минутъ пять, прежде чѣмъ мѣстныя власти пришли въ себя, и у несчастнаго часоваго успѣли добиться толкомъ въ какую сторону кинулись бѣглецы, и давно ли они бѣжали. Тотчасъ же посланъ былъ вѣстовой съ донесеніемъ къ полицеймейстеру, и другой къ ротному командиру, а поручикъ, взявъ съ собой шесть человекъ рядовыхъ съ унтеромъ, кинулся самъ въ погоню.

Прибѣжали къ рѣкѣ,—все тихо; на берегу ни души; кругомъ черно какъ въ трубѣ; только бѣлый бурунъ затертаго льда виднѣлся вдали, а тамъ, на срединѣ рѣки, туманъ и все тихо.

— Ой! братцы, шепнулъ одинъ изъ солдатъ товарищамъ,— никакъ стала.

— Надо быть на ту сторону перемахнули, разбойники, громко замѣтилъ унтеръ.

Съ минутою, вся партія стояла, осматриваясь, у берега. Поручикъ былъ въ нерѣшимости.

— Чего стоите, болваны! кричалъ онъ, махая шпагой.— Эй ты, Антиповъ, пошелъ туда внизъ, попробуй крѣпокъ ли ледъ.

Солдатики, ни слова не говоря, спустился внизъ и пошелъ по льду.

— Ну что?

— Да нешто, ваше благородіе, маленько трещить подъ пятой, а идти можно не было бы тамъ только, по самой середкѣ, плохо.

— А вотъ посмотримъ. Ступай съ нимъ туда, на середку, продолжалъ офицеръ, обращаясь къ другому солдату,— посмотрите, какъ оно тамъ, того, можно ли переправиться? Если замерало, то ихъ тутъ и искажь нечего, надо будетъ идти на ту сторону.

Двое ушли. Между тѣмъ, по совѣту унтера, посланы были патрули вверхъ и внизъ по рѣкѣ, за справками. Одинъ изъ нихъ скоро вернулся, съ какою-то бабой, которая увѣрала, что видѣла четверыхъ, перебиравшихся на ту сторону по льду, тамъ выше, у моста, наеупротивъ хлѣбнаго магазина.

Только успѣли ее разспросить, какъ вѣстовой прискакалъ изъ острога... ротный и батальонный начальники и полицеймейстеръ и прокуроръ пріѣхали на гауптвахту, и потребовали дежурнаго офицера.

Покуда вся эта тревога происходила на той сторонѣ рѣки, гдѣ находился острогъ, бѣглецы, и въ числѣ ихъ Лукинъ, успѣли благополучно переправиться черезъ ледъ и были ужъ за городомъ, на большой дорогѣ. Цѣлый часъ они шли по ней бѣглымъ шагомъ, не останавливаясь, потомъ повернули налево, въ лѣсъ. Планъ ихъ былъ ловко задуманъ. Переправа черезъ рѣку не могла оставаться тайною и не могла ихъ спасти отъ погони; напротивъ, она должна была выманить всю погоню за ними вслѣдъ, на ту сторону, гдѣ они находились, но гдѣ они не намѣрены были оставаться долѣе чѣмъ по расчету ихъ было необходимо, чтобы сбить съ толку преслѣдователей. Съ этою цѣлю, верстъ 7 или 8 отъ

города, они взяли вѣво и начали пробираться лѣсомъ, назадъ къ рѣкѣ.

Первый, холодный лучъ ранняго утра едва занимался на небосклонѣ, когда они выбрались къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ предположена была переправа. Это было вереть пять ниже города. Лѣсъ, изъ котораго они вышли, черною стѣной тянулся шаговъ на четыреста отъ рѣки. Между лѣсомъ и берегомъ, разстилалась пустынная, низменная полоса земли, покрытая кочками и поросшая рѣдкимъ кустарникомъ. До сихъ поръ все шло удачно, но въ самую ту минуту, когда они подходили къ берегу, неожиданное открытіе поставило ихъ въ тупикъ.

Рѣка, въ этомъ мѣстѣ, была значительно шире чѣмъ тамъ, гдѣ они ее перешли и гдѣ ледъ затерло на поворотѣ, въ узкомъ фарватерѣ. Здѣсь она тоже была покрыта вся льдинами, но онѣ не успѣли еще сплотиться, и двигались медленно, напирая одна на другую, а съ той стороны, гдѣ находился городъ, чернѣла огромная полынья. Конца ея не было видно за поворотомъ; другаго берега тоже нельзя было разсмотрѣть: сизый туманъ, густою полосой, тянулся вдоль по всему руслу рѣки.

— Эхъ, братцы! сказалъ озирался Сидоръ, который увидѣвъ рѣку, испустилъ тихій, протяжный свистъ и почесалъ въ головѣ...—Вѣдь дѣло-то дряннѣе.. Надо бы сбѣгать туда (онъ указалъ по направленію къ городу) посмотрѣть гдѣ этой лужѣ проклятой конецъ?.. Можетъ не такъ далеко.

Лукинъ повернулся, собираясь идти; но тотъ удержалъ его за руку.

— Нѣтъ, погодите ваше высокородіе; ни вамъ, ни всѣмъ намъ въ четвертомъ не слѣдъ; чего добраго, на глаза кому попадешь, скажутъ видѣли въ эту сторону... Эй, ты, Ванюша! Ты здѣсь не знакомъ; сбѣгай-ка братъ, да не мѣшкой смотри; чуть завидишь гдѣ издали ледъ сплошной, тотчасъ назадъ, а мы здѣсь приляжемъ покуда.

Тотъ, къ кому онъ обратился, прыткій, вертлявый, низенькій паренекъ, только кивнулъ головою въ отвѣтъ и въ ту же минуту скрылся.

Съ четверть часа прошло; трое оставшихся залегли межъ кустовъ и ждали, нетерпѣливо ждали. Ирѣдка, чья-нибудь голова поднималась, высматривая не идетъ ли товарищъ; но товарищъ какъ въ воду канулъ. Между тѣмъ, начинало свѣ-

тать и темную ночь смѣнилъ утренній полусвѣтъ. Мутно-розовая полоса заалѣла на небосклонѣ съ востока. Морозъ усилился, туманъ надъ водой побѣлѣлъ.

— Идетъ! шепнулъ третій бѣглець, поднявъ голову... Всѣ привстали. Но подавшій сигналъ ошибся немного. Тотъ, кого они ожидали, не шель, а бѣжалъ во весь духъ, махая рукой... ближе и ближе... опять махаетъ рукой.

— Да что тамъ такое?

— Бѣда! братцы, бѣда! Верхомъ скачутъ!

Всѣ трое проворно поднялись на ноги.

— Кто? Гдѣ?

— А эти, что за мостомъ тутъ, на этой сторонѣ рѣки, квартируютъ.

— Драгуны? проворчалъ съ страшнымъ ругательствомъ Сидоръ.

— Драгуны, Сидоръ Петровичъ, ей Богу драгуны! своими глазами видѣлъ.

— А тебя видѣли?

— Видѣли, скачутъ сюда... ей Богу сюда!.. сейчасъ будутъ здѣсь! Скорѣй, скорѣй въ лѣсъ!

— Въ лѣсъ не зачѣмъ.

Сидоръ ни слова не прибавляя, указалъ на траву, покрытую густымъ инеемъ, по которому ихъ слѣды видны были явственно.

— Нѣтъ, братцы, надо попробовать на ту сторону.

Бѣглецы оглянулись на рѣку. Туманъ, по серединѣ ея, сталъ какъ будто бы еще гуще; но хрустящаго шума уже не слышно было. Шаговъ на сто отъ берега, какъ только глазъ хваталъ, ледъ былъ затертъ и больше не шевелился.

Лукинъ кинулся внизъ, Сидоръ за нимъ, остальные стояли въ раздумьи, посматривая въ ту сторону, откуда бѣда грозила. За лѣсомъ, на поворотѣ рѣки, съ минуту не видно было еще рѣшительно ничего; но вотъ показался всадникъ. Чернымъ силуэтомъ фигура его отдѣлялась на розовой полосѣ небосклона.

— Драгуны! раздался тревожный возгласъ.

Всѣ бросились къ берегу.

— За мной, братцы, съ Богомъ! шепнулъ Сидоръ крестясь и спускаясь на ледъ.

Минуту спустя, всѣ исчезли въ туманѣ... Въ это самое время, небольшой отрядъ конницы прискакалъ; впереди по-

лицеймейстеръ и два казака... Послѣдній, извѣстный своею распорядительностію и смѣлостію полковникъ В**, успѣлъ давно уже переправиться съ той стороны и былъ недалеко, когда одинъ изъ разъѣздовъ, посланныхъ имъ вдоль по рѣкѣ, наткнулся на подозрительную фигуру, которая зайцемъ шмыгнула въ лѣсъ. Тотчасъ же дали знать ему; онъ собралъ разъѣзжихъ и кинулся по горячимъ слѣдамъ.

— Куда жъ они дѣлись? спросилъ онъ у казака:—сейчасъ еще видѣлъ двоихъ.

Тотъ указавъ на туманъ: двѣ черныя шапки мелькали неясно сквозь сѣрую его пелену, то исчезая, то снова показываясь.

Тотчасъ же отдано было приказаніе спѣшиться и начать переправу. Двухъ казаковъ пустили впередъ; за ними, шагахъ въ десяти, отправился самъ полицеймейстеръ, за полицеймейстеромъ вахмистръ и три человека драгунъ. Изъ остальныхъ, одного послали въ городъ, съ приказаніемъ тотчасъ отправить погоню съ той стороны рѣки; а другой остался при лошадяхъ.

Но ни съ той, ни съ другой стороны, ничего не успѣли сдѣлать. Случилось несчастіе. Казацкій урядникъ, пошедшій впередъ, оступился, нырнулъ, и его не видали болѣе; товарищъ его попалъ тоже въ воду, и его съ трудомъ вытащили... полицеймейстеръ струхнулъ и не рѣшился преслѣдовать далѣе. Погоня вернулась назадъ... Чтò стало съ бѣжавшими—невозможно было узнать. Во время погони слышенъ былъ крикъ впереди и голосъ, зовущій на помощь; но за туманомъ и утреннимъ полумракомъ не видать было чтò тамъ такое случилось. На другой сторонѣ, какъ только получено было приказаніе, тотчасъ послали казачій разъѣздъ; но казаки воротились къ вечеру, на упаренныхъ лошадяхъ, не отыскавъ ни души.

Общимъ голосомъ въ городѣ рѣшено было, что Лукинъ и товарища его утонули. Многіе сомнѣвались, конечно; но въ послѣдствіи не случилось рѣшительно ничего, чтò могло бы хоть сколько-нибудь подтвердить такое сомнѣніе. Ни одного изъ бѣжавшихъ не отыскали, ни малѣйшихъ слѣдовъ не могли открыть.

Чтò стало въ дѣйствительности съ самозванцемъ? Пошелъ ли онъ ко дну въ буквальномъ или въ переносномъ смыслѣ этого слова? Раздѣлялъ ли онъ участь бѣднаго козака, кото-

раго предприимчивый полицеймейстеръ отправилъ впередъ, или зарылся съ Сидоромъ въ ту преисподнюю, куда этотъ стойкъ его заманилъ? Вопросъ этотъ мы не беремся рѣшать, потому что для цѣлости нашего разказа онъ лишній. Чѣмъ бы ни кончилъ Лукинъ въ дѣйствительности, для той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ до сихъ поръ, онъ дольше не существуетъ. Его счеты съ ней были кончены, и игогъ выведенъ. Кто чище и лучше его, тотъ пусть судить его, и пусть осудить если угодно. Мы не были и не намѣрены быть его адвокатомъ, и потому мы молчимъ... но намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ людяхъ, которые его окружали.

Отъ Марьи Васильевны скрыта была несчастная участь стараго ея жениха. Левель боялся, чтобъ извѣстія этого рода не произвели на нее опаснаго впечатлѣнія, и мѣсяца три онъ принималъ всѣ возможныя предосторожности, чтобъ они до нея не дошли; но всѣ попеченія его оказались напрасны. Смертельный ударъ былъ давно уже нанесенъ, и ничто не могло отвратить послѣдствій его. Она таяла со дня на день, таяла быстро. Въ декабрѣ, не было уже никакой надежды, чтобъ она дожила до конца мѣсяца; она сама знала это, просила, чтобъ ее причастили, простилась со всѣми, благословила дѣтей и умерла какъ свѣтильня, догорѣвшая до конца, съ тихимъ трепетомъ, съ недоконченнымъ вздохомъ.

Левелю дорого обошлось все это. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ посѣдѣлъ, сгорбился, постарѣлъ лѣтъ на десять. Сорокино стало ему невыносимо; онъ выѣхалъ за границу и поселился въ Женевѣ. Дальнѣйшая жизнь его посвящена была воспитанію дѣтей и религіозной мечтательности. Онъ обѣгалъ общества и принималъ у себя одного только пастора, да изрѣдка старыхъ друзей изъ своихъ соотечественниковъ, навѣщавшихъ его проѣздомъ черезъ Швейцарію. Изъ числа такихъ посѣщеній, было одно, которое сблизило его вновь съ двумя особами, изъ которыхъ одна, по крайней мѣрѣ, играла чень не малую роль въ его жизни. Это были его кузины: Софья иповна съ сестрой. Обѣ онѣ были въ траурѣ, по случаю смерти дора Леонтьевича; но за исключеніемъ цвѣта одежды, подняя тѣнь сходства, въ старые годы довольно замѣтнаго, чада вполнѣ. Это былъ совершенный контрастъ. Меньшая оа пополнѣла, поздоровѣла и стала такая толстущка и хо-

хотушка, такая румяная, бѣлая, стала бойче и веселѣе чѣмъ бывала когда-нибудь. Весело было смотрѣть на нее, какъ она нянчилась и шалила съ своею трехлѣтнею дочкѣю, похожею на мать какъ двѣ капли воды. Мужъ остался въ Россіи и занять былъ дѣломъ, а ее отпустилъ съ сестрой на воды. Софья отправлена была въ Эмсъ, лечиться. У ней впрочемъ не было никакой опредѣленной болѣзни, по крайней мѣрѣ доктора не могли ничего открыть; но стоило только взглянуть на нее кому-нибудь, кто знавалъ ее года четыре тому назадъ, чтобъ увидѣть жестокою переměну. Она исхудала до такой степени, что всѣ косточки на рукахъ и на шеѣ можно было пересчитать; лицо пожелтѣло и вытанулось; самое выраженіе его измѣнилось. Что-то горькое, ѣдкое, почти злое появилось въ очертаніи рта. Взоръ потерялъ свой игривый блескъ и кокетливую подвижность; всѣ черты точно какъ будто окостенѣли. Трудно было узнать въ ней пражнюю ловкую, милую, свѣтскую женщину. Она стала дика, и въ обращеніи съ незнакомыми лицами жестоко несообщительна. Что-то суровое, гордое, почти отталкивающее, появлялось на ея лицѣ каждый разъ, какъ обращались къ ней съ рѣчью, выходявшею изъ предѣловъ обыкновеннаго обмѣна вѣжливостей или незначущихъ пустяковъ ежедневной жизни. Левелю удалось однако сойтись съ ней. Несмотря на основную разность характеровъ, между ними образовалась какая-то связь, которая дѣлала ихъ не то чтобы милыми другъ для друга, нѣтъ, но болѣе сносными и сочувствующими другъ другу чѣмъ кто бы то ни было изъ людей, съ кѣмъ случалось имъ встрѣчаться въ послѣднее время.

Левель имѣлъ домъ въ городѣ, Rue du Rhéne, и на берегу озера виллу съ небольшимъ садикомъ. Въ этой виллѣ, кузины провели конецъ лѣта, а осенью переѣхали въ домъ. Мѣсяца три, они жили вмѣстѣ. Дѣти Левеля подружались съ малюткой Елены Осиповны. Елена часто играла съ ними или водила ихъ вмѣстѣ гулять. Поль съ Софьей проводили почти цѣлый день вдвоемъ. Они говорили мало; но этого было для нихъ достаточно, чтобы совершенно понять другъ друга. Оба они жили въ прошедшемъ почти безвыходно; а это прошедшее было у нихъ отчасти общее, и это общее ихъ сближало.

Въ концѣ сентября, меньшая сестра начала собираться въ Россію. Нѣсколько разъ уже напоминала она Софѣ Осиповнѣ, что имъ время назадъ.

— Васъ торопятъ домой? спросилъ Левель однажды у этой послѣдней.

— Да; Еленѣ нужно... она общала мужу.

— А вы?

— Я? Поль... Скажу вамъ по правдѣ, мнѣ не хотѣлось бы уѣзжать такъ скоро. Мнѣ здѣсь хорошо. Воздухъ что ли, не знаю; но я чувствую себя какъ-то лучше съ тѣхъ поръ какъ сюда пріѣхала.

— Если такъ, то зачѣмъ уѣзжать? Оставайтесь здѣсь, и живите сколько душѣ угодно, пока не наскучитъ. Я найму вамъ маленькій домикъ тутъ возлѣ...

— Чтò я буду дѣлать одна въ цѣломъ домѣ?

— Мы будемъ видѣться каждый день. А если вы не боитесь сплетней, то еще лучше,—останьтесь жить тутъ, у меня. Я буду радъ столько же за себя, сколько и за дѣтей.

Софья задумалась.

— Mais, c'est une sorte de proposition que vous me faites, Paul! сказала она съ грустною улыбкой.

— Quand même? отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами.—Еслибы даже и такъ, то чтò изъ того? Мы съ вами давно пережили ту пору, когда эти вещи могли бы имѣть, для насъ обоихъ, какой-нибудь смыслъ, кромѣ формальнаго... А для дѣтей моихъ, я увѣренъ, вы никогда не будете мачихой.

— Shut!.. Ни полслова объ этомъ теперь...

— Но вы остаетесь?

— Да.

На другой день, Елена съ большимъ удивленіемъ услышала, что сестра остается въ Женевѣ на нѣсколько времени.

Черезъ полгода, Елена Осиповна получила отъ ней письмо съ извѣстіемъ, что она вышла замужъ за Поля. Это было послѣднее, замѣчательное событіе въ жизни Левеля и бывшей кузины его, а теперь жены. Они жили тихо и дружно, и Софья любила дѣтей, для которыхъ она только по имени была мачихой.

Что касается до другихъ лицъ, на судьбу которыхъ судьба самозванца имѣла вліяніе, то одно кончилось, какъ говорятъ, хорошо, а другое дурно.

Хорошо кончилъ Матюшкинъ. Съ помощію двухъ или трехъ

рекомендательныхъ писемъ, оставленныхъ Лукинымъ, онъ успѣлъ выбиться изъ труднаго положенія и, поправивъ свои дѣлишки, предложилъ-таки руку Эмилиі Павловнѣ. Она сперва отказала ему, потомъ согласилась, и свадьба была уже назначена; но, къ великому счастью его, за два дня до вѣнца, невѣста уѣхала съ какимъ-то гусарскимъ поручикомъ за границу, гдѣ и до сихъ поръ живетъ... какимъ образомъ? объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній; но карьера Матюшкина всею извѣстна. Онъ долго давалъ уроки и занималъ должность учителя въ какихъ-то двухъ школахъ, при этомъ писалъ образа на заказъ и портреты; но судьба готовила ему болѣе щедрыя утѣшенія. Явилась на свѣтъ фотографія, и онъ былъ одинъ изъ первыхъ, который угадалъ блестящую будущность этого новаго средства... Теперь, онъ имѣетъ отличную мастерскую въ Большой Морской, живетъ надъ квартирой какого-то генерала и получаетъ гораздо больше его.

Кончилъ дурно—Барковъ.

На дорогѣ изъ Э*** въ Рязань, ночью, онъ былъ остановленъ неизвѣстными лицами. Ни ямщика, ни слуги не тронули; но баринъ былъ привезенъ на станцію съ перерѣзаннымъ горломъ и умеръ, не успѣвъ дописать трехъ словъ...

— *Это былъ...* нацарапалъ онъ на бумагѣ дрожащею рукой.

Мы не знаемъ, что онъ написалъ бы далѣе, еслибъ успѣлъ прожить еще хоть минуту; но кто этимъ не удовольствуется и захочетъ дать волю воображенію, тотъ можетъ пожалуй догадываться:

Что *это былъ* онъ.

Н. Ахшарумовъ.

ЗАПИСКИ

ГАРИБАЛЬДІЙЦА

Вскорѣ послѣ взятія Палермо, когда Гарибальди явно выказалъ намѣреніе продолжать такъ блистательно начатое предпріятіе, во всей Италіи стали собирать волонтеровъ, изъ которыхъ образовались три бригады: двѣ въ Генуѣ и одна во Флоренціи. Правительство сначала не только не препятствовало ихъ формированію, но даже уступило для послѣдней одинъ изъ казенныхъ замковъ, Castel Pulci, въ пяти миляхъ отъ Флоренціи. Піемонтскіе офицеры, съ своей стороны, содѣйствовали, чѣмъ могли, этому предпріятію. Когда же, по распоряженію центрального комитета, начальство надъ флорентинскою бригадою принялъ полковникъ Джіовани Никотера, родомъ Калабриецъ, одинъ изъ *двадцати пяти*, высадившійся съ Пизакане близъ Сапри, и за это осужденный на пожизненное заключеніе въ одной изъ палермскихъ тюремъ, человекъ энергическій и воспитанный въ убѣжденіяхъ мадзиніевой *Юной Италіи*, то губернаторъ тосканскій Риказоли, рѣзко заявилъ комитетамъ недовольство правительства этимъ выборомъ и совершенно прекратилъ всѣ правительственныя пособія. Вскорѣ послѣ того, когда бригада получила трехцвѣтное знамя безъ сардинскаго герба, и когда не въ шутку стали

поговаривать о томъ, что Никотера вовсе не имѣеть желанія вести своихъ волонтеровъ къ Гарибальди въ Сицилію, а хочетъ высадиться съ ними въ Папскія Владѣнія, правительство, частью по требованію иностранныхъ агентовъ, частью по собственнымъ побужденіямъ, предписало волонтерамъ разойтись. Предписаніе это исполнено не было, и Риказоли приказалъ арестовать полковника Никотеру, и отвезти его въ одну изъ флорентійскихъ тюремъ.

Тогда волонтеры отправили депутацію къ губернатору, прося объ освобожденіи полковника, и угрожая въ случаѣ отказа нападеніемъ на Флоренцію, гдѣ въ это время было очень мало войска.

Риказоли освободилъ Никотеру, но съ условіемъ, чтобы тотъ на слѣдующій же день отвелъ волонтеровъ въ Ливорно, гдѣ найдетъ заготовленные пароходы, на которыхъ можетъ отправиться куда ему будетъ угодно; но взялъ съ него честное слово, что онъ Папскихъ Владѣній не тронетъ, не «посѣтивъ предварительно роднаго ему калабрійскаго берега.»

Губернаторъ, съ своей стороны, обязывался еще выдать двадцать четыре тысячи франковъ на путевыя издержки и снабдить отправлявшихся съѣстными припасами на семь дней.

Волонтеры должны были сдать ружья на сардинскія полковыя фуры, и получить ихъ обратно уже на пароходахъ при выходѣ изъ ливорнскаго порта.

Пока происходило все это, Гарибальди взялъ Мелаццо и приближался къ Мессинѣ. Доходившіе слухи о подвигахъ его въ Сициліи до крайности раздражали нетерпѣніе бѣдныхъ тосканскихъ волонтеровъ, осужденныхъ пока на утомительную казарменную стоянку.

Наконецъ, 30-го августа, насталъ желанный день похода.

I.

О Т П Р А В Л Е Н І Е .

Солнце начинало жарить не на шутку. Солдаты давно стояли въ рядахъ, нетерпѣливо ожидая желаннаго сигнала; побаивались, чтобъ отъѣзда не отложили до другаго дня, какъ это не разъ уже бывало. Красныя рубахи офицеровъ, рѣзко отдѣляясь

отъ сѣрыхъ блузъ рядовыхъ, мелькали тамъ и сямъ. Въ тѣни сгруппировалась живописная кучка возлѣ знамени: кто сибаритски расположился на землѣ, кто важно сидѣлъ на барабанѣ, покуривая сигару; съ утра оспѣданные лошади стояли тутъ же. Никотера былъ нетерпѣливѣе всѣхъ, или по крайней мѣрѣ сильнѣе всѣхъ это выказывалъ то отрывочными восклицаніями, то всѣми мускулами своего энергическаго лица.

На небольшой площадкѣ, въ сторонѣ, укладывали тюки ружей на военныя фуры. Карабинерные офицеры, назначенные отъ правительства для наблюденія за этимъ, важно сидѣли въ тѣни. Назначенные для той же цѣли офицеры изъ волонтеровъ принимали болѣе дѣятельное участіе. Въ полной формѣ, съ трехцвѣтными шарфами черезъ плечо, одни лазили на самый верхъ высокой фуры, другіе помогали тащить огромные тюки. Рыженькій Пармеджянъ, покраснѣвшій отъ жару, весь въ поту, въ фуражкѣ на затылокъ, особенно бѣгалъ и суетился; коренастый Римлянинъ съ очень строгимъ профилемъ сохранялъ величавое спокойствіе, но былъ болѣе полезенъ дѣлу...

Нетерпѣніе возрастало вмѣстѣ съ жаромъ. Пестрая толпа контадиновъ усыла ограду и перекрикивалась съ волонтерами, стоявшими подъ ружьемъ; другіе, болѣе смѣлые, ломались въ ворота, и часовые едва сдерживали ихъ.

Наконецъ,—вѣдь всему бываетъ конецъ,—плечистый фурлейтъ вскочилъ на одного изъ муловъ послѣдней телѣги, барабанъ затрещалъ, и полковникъ первый выѣхалъ изъ воротъ на своемъ гнѣдомъ жеребцѣ, котораго успѣлъ уже замылить и зашпорить. Весело шли волонтеры съ некрутой горки. *Addio Castel Pulcil* раздавалось сквозь бой барабана. Контадины бѣжали по сторонамъ, прощаясь, многіе въ послѣдній разъ, съ дорогими сердцу. Женщины махали огромными соломенными шляпами; рѣдко кто плакалъ. Во всѣхъ окнахъ мелькали трехцвѣтныя знамена. «*Viva l'Italia*» сливалось въ протяжный гулъ....

Быстро мелькали мимо знакомыя мѣста; офицеры едва сдерживали солдатъ, которые почти бѣжали, такъ что нагоняли по минутно главный штабъ, ѣхавшій впереди верхомъ. Въ сторонѣ дороги, около 1-й роты, бѣжала женщина лѣтъ тридцати пяти, когда-то должно-быть очень красивая. Жена капитана, она хотѣла до послѣдней минуты быть при немъ, и для облегченія его участи несла сама что могла изъ его амуниціи. Башмаки ея набились пескомъ; она спотыкалась на каждомъ шагѣ,

и наконецъ упала въ совершенномъ изнеможеніи.... Кто могъ остановиться, поспѣшилъ помочь ей.

«Наконецъ-то мы выбрались,» услышалъ я надъ самымъ ухомъ. Я обернулся,—возлѣ меня стоялъ мой *ordinanza*, деньщикъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, съ нѣжнымъ лицомъ, вспыхнувшимъ отъ жару. Большіе черные глаза его сіяли отъ радости. Сынъ пизанскаго работника, онъ бѣжалъ отъ отца и пришелъ во Флоренцію, чтобы записаться въ волонтеры. Съ нимъ не было необходимыхъ бумагъ;—ему отказали. Онъ возвратился въ Пизу, и черезъ день пришелъ съ надлежащими документами; ноги его были въ крови, онъ почти валялся отъ усталости. Ему опять отказали, основываясь на томъ, что онъ слишкомъ малъ для фронта; мальчикъ началъ плакать. Надъ нимъ сжалились, но принять его не могли, такъ какъ въ барабанщики вакансіи не было. Осталось, чтобы кто-нибудь согласился взять его въ деньщики. Я попросилъ его себѣ, и не знаю сдѣлалъ ли хорошо, или дурно. Во всякомъ случаѣ, желаніе его было такъ благородно, и притомъ онъ съ такою недѣтскою энергіей стремился къ своей цѣли, что я не могъ не способствовать ему къ ея достиженію. Онъ былъ принятъ какъ разъ наканунѣ отправленія и экипированъ на скорую руку: какой-то старый кепи національнаго гвардейца, блуза почти до пятокъ, засученныя штаны и лакированные башмаки на босую ногу. Прибавьте еще тесакъ почти во всю длину его фигуры и піемонтскій *sacc'a pane*, изъ которыхъ выглядывали *Confessions* Жанъ-Жака Руссо и *Осада Флоренціи* Гверрацци, взятые мною для услажденія досуговъ казарменной жизни, куда-то мною заброшенныя во время послѣдней суматохи, и имъ подобранныя изъ особеннаго усердія ко мнѣ.

Въ Синьѣ ожидалъ насъ поѣздъ желѣзной дороги, и къ вечеру мы были въ Ливорно.

Насъ встрѣтили исключительно карабинеры, кажется, всѣ бывшіе въ то время въ Ливорно. Капитанъ надъ портомъ тотчасъ же предложилъ полковнику отправиться на заготовленные, по распоряженію Риказоли, пароходы.... На одной изъ послѣднихъ барокъ, нагруженныхъ порохомъ, подѣхалъ я къ борту. Насъ отказались принять, говоря, что и безъ того уже нагружены до крайности. Приходилось провести ночь на баркѣ. Я не ѣлъ ничего съ утра, — но *à la guerre comme à la guerre*; я умѣстился, какъ могъ комфортабельнѣе на мѣшкахъ, и рекомендовавъ остальнымъ не курить, завернулся въ плащъ и при-

готовился уснуть.... Несмотря на усталость, мнѣ не спалось. Много пробуждалось въ головѣ такого, о чемъ я вамъ разказывать не буду.

Ночь была тиха, море спокойно. Суда рисовались темными массами на легкомъ фонѣ яснаго неба. Кой-гдѣ мелькали огоньки. Картина была фантастически хороша. Барку постоянно ворочало теченьемъ, и трудно было составить опредѣленное понятіе о мѣстности. Незамѣтно я уснулъ...

На утро солнце ударило мнѣ въ глаза, едва появившись на горизонтѣ; я проснулся. Была суматоха. Утренній вѣтерокъ всколыхалъ море, и барка стала держаться очень неспокойно. Съ парохода (оказался голландскій, *Рона* изъ Роттердама) не хотѣли дать каботы. Солдаты не могли объясниться съ матросами. Пришлось мнѣ передѣзать на парходѣ. Я спросилъ капитана; его не оказалось; старшаго офицера тоже. Явился какой-то господинъ въ байковой рубахѣ. Кое-какъ, при помощи нѣмецкаго и англійскаго языковъ, я объяснился съ нимъ. Онъ мнѣ пожаловался на водонтеровъ, проводшихъ ночь на парходѣ, и объявилъ, что капитанъ съѣхалъ до разсвѣта и запретилъ безъ себя входить въ какія-бы то ни было сношенія съ «галибардейцами».

Пришелъ офицеръ смѣнить меня и сказалъ, чтобъ я ѣхалъ на французскій парходъ *Provence*, что тамъ полковникъ и весь штабъ, и что тамъ можно позавтракать и отдохнуть... Въ время переѣзда мы встрѣтили два парохода, только что пришедшіе изъ Генуи. Вся палуба была усѣяна красными рубахами. Громогласные *Viva* неслись оттуда. Эта была часть раскассированной, по распоряженію правительства, экспедиціи Бертани, пріѣхавшая присоединиться къ намъ. На французскомъ парходѣ мы были приняты любезнѣе. На палубѣ нельзя было ходить, такъ она была полна солдатами. Въ каютахъ обоихъ классовъ толпились офицеры. Полковникъ, мнѣ сказали, очень занятъ въ каютѣ капитана. Офицеры сидѣли праздно. Нѣкоторые спали, иные играли въ шахматы. Изъ разговоровъ я узналъ, что дѣло плохо, что, Риказоли обѣщанія сдерживать, кажется, не намѣренъ, что капитанъ и тутъ съѣхалъ на берегъ и увезъ съ собой весь экипажъ; что французскій консулъ приходилъ къ полковнику, и говорили они между собой очень круто...

Едва усѣлись за столъ къ завтраку, съ берега послышался барабанный бой, потомъ вошелъ лакей и отозвалъ полковника.

Началось смятеніе. Мы вышли на палубу. Вокругъ насъ очутились военные сардинскіе пароходы; на молѣ возились около пушекъ. Немного погодя, возвращаюсь въ каюту. Возвратился и полковникъ. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, и губы его были искусаны въ кровь. За нимъ вошелъ капитанъ надъ портомъ, вдали видѣлись трехуголки и пр....

— Господа, задыхаясь сказалъ Никотера, — мы попали въ ловушку. Вчера насъ боялись и намъ обѣщали. Сегодня мы въ ихъ рукахъ, и намъ предлагаютъ сдать, безъ условій, военнопленными. Еслибы дѣло шло о насъ однихъ, — нашъ отвѣтъ готовъ. Но мы отвѣчаемъ за жизнь двухъ тысячъ благородныхъ юношей, которые могутъ употребить ее съ пользою для отечества. Сопротивленіе не возможно при такой обстановкѣ.

Онъ указалъ на молъ, который былъ виденъ въ круглое окно каюты. Собрали наскоро военный совѣтъ; наговорили много чепухи; много было честнаго увлеченія, но идущаго къ дѣлу — мало; наконецъ рѣшили, что сила солону ломить, и сдались. Капитанъ надъ портомъ вышелъ на палубу объявить солдатамъ обо всемъ случившемся, и прибавилъ, что если кто хочетъ возвратиться домой, тому будутъ даны отъ правительства средства исполнить это. Его освистали. Рѣшено было на утро, обезоруживъ насъ, препроводить въ Палермо въ распоряженіе диктатора. Солдаты остались довольны. Капитанъ надъ портомъ приказалъ карабинерамъ приняться за выгрузку ружей. Съдой поручикъ обратился ко мнѣ, чтобъ я ему сдалъ ихъ. Это конечно была пустая формальность, но я отказался выполнить ее, не имѣя на то приказанія отъ своего начальства. Карабинерный поручикъ вспыхнулъ:

— Да знаете ли, съ кѣмъ вы имѣете дѣло?

— Мнѣ не въ первой. Я имѣлъ дѣло и съ такими, которымъ вы въ ученики не годитесь.

— Да вѣдь я могу приказать своимъ отобрать ихъ у васъ, и не спрашивая на то вашего согласія.

— Конечно; но получить мое согласіе вы не можете.

— Эхъ, молодые люди, молодые люди! проворчалъ старикъ, и приказалъ карабинерамъ отправляться въ трюмъ.

Въ каютѣ между тѣмъ произошло новое волненіе. Полковникъ объявилъ, что онъ намѣренъ оставить предпріятіе, и воспользоваться позволеніемъ возвратиться домой.

— Вы не можете этого сдѣлать, замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, воинъ 48-го года, — если только вы, какъ чест-

ный человекъ, намѣрены сдержать слово, данное вами солдатамъ. Вы конечно еще не забыли, что неоднократно обѣщали намъ не оставлять начатаго предпріятія, пока не исполните всего, что будетъ во власти человека.

Слова эти были сказаны раздраженнымъ желчнымъ голосомъ. Никотера сталъ высказывать свои доводы. Офицеры единодушно опровергали ихъ, и онъ долженъ былъ согласиться вести экспедицію въ полномъ ея составѣ въ Палермо, съ тѣмъ что если тамъ продиктаторъ де-Претисъ не будетъ благоприятенъ къ нашимъ цѣлямъ, всякій имѣетъ право выйти въ отставку, и считать себя освобожденнымъ отъ даннаго слова.

На утро, большая часть экспедиціи отправилась на двухъ наканунѣ пришедшихъ пароходахъ: *Фебъ* и *Гарибальди*; мнѣ же пришлось ожидать съ кавалеріей, то-есть съ гвидами, и съ нѣсколькими ротами пѣхоты, пока оснастить парусное судно *S.-Nicola*, стоявшее на якорѣ въ концѣ порта. Въ городъ не было возможности войти даже въ штатскомъ платьѣ. На пароходѣ было душно и грязно. Я вообще не люблю парохода; меня сейчасъ беретъ тоска по твердой землѣ.

На недостроенномъ молѣ расположена была часть экспедиціи, которой не нашлось мѣста на судахъ. Почти цѣлыя сутки просидѣли тамъ эти несчастные безъ съѣстныхъ припасовъ, и даже безъ воды, а все же весело расхаживали и пѣли. Когда я вышелъ къ нимъ, меня окружили вопросами со всехъ сторонъ: «Скажите что полковникъ? Скоро ли мы ѣдемъ? Другіе счастливыцы придутъ къ Гарибальди прежде насъ?» Обо всемъ этомъ я зналъ столько же, сколько и они. Почти вслѣдъ за мной пришли барки, нагруженные хлѣбомъ, сыромъ и виномъ. Ихъ встрѣчали радостными криками.

На утро все было готово. Послѣ утомительныхъ хлопотъ по нагрузкѣ лошадей, почти ввечеру мы снялись съ якоря. Маленькій буксиръ *il Veloce* взялъ нашу барчонку, и мы отправились. Солдаты расположились на палубѣ. Трудно было себя представить, съ какимъ восторгомъ эти нѣсколько сотъ молодыхъ людей шли на неровную, ожидавшую ихъ борьбу. Между ними не мало было маменькиныхъ сынковъ, привыкшихъ къ комфорту и роскоши; а теперь они съ восторгомъ запивали кислымъ виномъ окаменѣлый сыръ, и совершенно спокойно дремали на голыхъ доскахъ, завернувшись въ толстую шинель...

Вѣтеръ былъ попутный; судно шло на всѣхъ парусахъ, и пароходъ уже не тащилъ его, но едва убѣгалъ, вадывая пѣну...

III. П А Л Е Р М О .

Было почти темно, когда мы бросили якорь. Явился офицеръ въ красной рубахѣ и морской фуражкѣ, съ приказаніемъ немедленно отправляться въ городъ. Лучше этого мы и не желали. Несмотря на то что приказаніе выполнялось со всевозможною скоростію, мы только ночью успѣли выбраться. Солдаты тотчасъ же отправили въ казарму у *Quarto Venti*; орунтовыхъ офицеровъ помѣстили тутъ же. Остальнымъ должны были дать частныя квартиры. Пока хлопотали, кто о вещахъ, кто о другомъ, я спокойно усѣлся на тумбочку у воротъ, благодаря тому, что мой маленький *ordinanza* во время суматохи растерялъ всѣ мои вещи. Стоявшіе возле меня офицеры, исправлявшіе должность плацъ-адъютантовъ, тотчасъ же приступили ко мнѣ съ вопросами обо всемъ случившемся съ нами въ Ливорно. Они, какъ казалось, не очень сочувствовали нашему предпріятію. Все это были прежніе офицеры бурбонской арміи, перешедшіе на службу новаго правительства. Впрочемъ, скоро они перемѣнили тонъ, и стали относиться ко мнѣ со всею неаполитанскою добротой и простодушіемъ. Отъ нихъ я узналъ, что первая половина нашей экспедиціи, прибывшая тремя днями прежде насъ и только что отправившаяся, была принята продиктаторомъ очень дурно; солдатамъ запрещено было выходить изъ казармъ, такъ что полковникъ Никотера тотчасъ же вышелъ въ отставку, и съ нимъ большое число офицеровъ; что послѣ этого остальныхъ перевели въ лучшую казарму, и позволили имъ проводить день въ городѣ и въ окрестностяхъ, съ тѣмъ чтобъ они къ вечерней переключкѣ возвращались.

Подоселъ немолодой офицеръ, маленькаго роста и полный. Въ потьмахъ нельзя было разглядѣть ни лица его, ни платья. Мы, собесѣдники, по военному поклонились ему; одинъ изъ нихъ шепнулъ мнѣ, что это комендантъ Палермо, полковникъ Ч***, другъ Гарибальди. Другой представилъ меня ему какъ члена вновь-пришедшей экспедиціи. Комендантъ спросилъ у

меня, сколько человекъ въ нашей партіи и еще что-то, касающееся того же. Я спросилъ его, что намѣрены дѣлать съ нами, и долго ли мы будемъ оставаться въ Палермо.

— А не знаю, сказалъ онъ:—мы уже увѣдомили о вашемъ прибытіи диктатора, но мы не знали, что васъ такъ много. Впрочемъ ему это будетъ пріятный сюрпризъ; въ настоящее время ему люди нужны. Въ ожиданіи его распоряженія, вы пробудете здѣсь. Товарищи ваши, отправившіеся сегодня вечеромъ, сами не знали, куда ихъ везли.... Да вы Ломбардецъ? спросилъ онъ вдругъ, совершенно неожиданно.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— И не Венеціанецъ?

— Нѣтъ, даже не Италіанецъ, сказалъ я, чтобъ избавить бѣднаго старика отъ труда пересчитывать всѣ провинціи Италіи.

— Такъ вы Венгерецъ, замѣтилъ онъ уже вовсе не вопросительно.

— И то нѣтъ. Я Славянинъ.

Еслибъ я сказалъ, что я троглодитъ, это бы меньше удивило коменданта. Глаза его блестяли въ темнотѣ, и обѣгали меня съ ногъ до головы.

— Да, великая и эта нація, прибавилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Вотъ тебѣ квартирный билетъ, да пойдемъ ужинать, сказалъ подошедшій ко мнѣ адъютантъ главнаго штаба.

Слово *ужинать* странно прозвучало мнѣ послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ на пищѣ, которую и самъ Св. Антоній не почелъ бы роскошною. Мы усѣлись въ коляску и отправились. Было такъ темно, что города рѣшительно нельзя было разсмотрѣть.

— Santo diavolone! закричалъ вдругъ кучеръ, останавливъ свою клячу и слѣзая съ козелъ: — вѣдь придется назадъ ѣхать.

— А что?

— Да вишь завалили какъ улицу, проклятые...

— Кто такіе?

— Извѣстно кто! Камня на камень не оставили въ городѣ. Сколько домовъ развалилось совѣмъ! А вѣдь все на улицу валится; такъ гдѣ же тутъ проѣхать, да еще ночью.

Все это мы скорѣе угадали нежели поняли, благодаря особенности сицилійской рѣчи, которую и сами Сицилійцы не

всегда понимали бы, еслибы не примѣшивали къ разговорамъ выразительную жестикацію.

Возвращаясь мы не имѣли желанія, а потому выѣздили изъ экипажа и разспросили у кучера, гдѣ найти какой-нибудь трактиръ. Не понявъ и половины имъ сказаннаго, мы отправились бродить по узкимъ переулкамъ. Споткнувшись безконечное число разъ, поворачивая по вдохновенію то направо, то налево, руководимые инстинктомъ голодныхъ желудковъ, мы добѣли наконецъ около полуночи до трактира.

Въ ярко-освѣщенной залѣ, за накрытыми столами, сидѣло человекъ до тридцати офицеровъ и солдатъ, въ живописныхъ костюмахъ; прислуга бѣгала и суетилась. Мы съ трудомъ нашли мѣсто. Предметомъ общаго разговора были послѣдніе ихъ подвиги при Мелатцо. Многие носили на себѣ явные слѣды этихъ подвиговъ. Большинство были Ломбарды, которые перемѣшивали свои разказы такими энергическими, и ни къ кому не относящимися ругательствами, и такъ мало уважали Св. Мадонну, что набожные Сициліяны неоднократно скрещивали на груди руки, и съ ужасомъ восклицали:

— O Santo Diavolone! Se e possibile di bestemmiare cosi!

Мы были встрѣчены очень дружелюбно. Заговорили опять о нашихъ приключеніяхъ въ Ливорно. Многие насъ оправдывали, сочувствовалъ мало кто. Всѣ единодушно одобряли нашу рѣшимость.

Выйдя изъ трактира въ первомъ часу, я не безъ труда нашелъ экипажъ. Оставалась еще не легкая задача разыскать мою квартиру. Къ счастью оказалось, что билетъ мнѣ былъ выданъ къ священнику прихода S. Giovanni, котораго извощикъ зналъ лично. Только нужно было забраться на другой конецъ города, и многія изъ улицъ, по которымъ лежалъ путь, были завалены баррикадами и развалинами домовъ, такъ что приходилось объѣзжать. Наконецъ мы доѣхали. Я отправился по темной лѣстницѣ, указанной мнѣ извощикомъ, и принялся изо всей силы стучаться въ дверь. Послѣ получаса, проведеннаго въ этомъ пріятномъ занятіи, сквозь бѣшеный лай всѣхъ собакъ околота, раздался испуганный голосъ:

— Кто тамъ?

Я спросилъ *padre Cucurullo*.

— Да чего отъ него хотять, отъ *padre Cucurullo*?

— Отворите, узнаете. А кричать черезъ дверь не хватитъ голоса.

— Но кто вы?

— Гарибальдѣйскій офицеръ.

Затѣмъ въ полуотворенную дверь просунулась голова, освѣщенная лучерной. Я объяснилъ причину своего появленія, и сталъ извиняться въ причиненномъ безпокойствѣ.

— Ахъ, Боже мой! сказалъ онъ: — какъ же это въ самомъ дѣлѣ! Вы устали, вамъ нужно отдохнуть, а у меня всего одна только постель, на которой я самъ сплю. Еслибъ еще меня предупредили съ вечера. Войдите, войдите пожалуста, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что я, озадаченный страннымъ пріемомъ, не трогался съ мѣста:—Кое-какъ устроимся. Я вѣдь къ тому говорю, что эти господа въ *minicirio* ничего сообразить не хотятъ. Говорятъ большой домъ, ну и шлютъ на постой, а во всемъ домѣ только и есть одна обитаемая комната.»

Мы вошли. Хозяинъ мой былъ молодой человекъ, съ красивымъ круглымъ лицомъ, на которомъ въ настоящую минуту сіяло казенное добродушіе. Время отъ времени, онъ углами глазъ поглядывалъ на меня. Манера смотрѣть прямо въ лицо вообще нѣ въ ходу у католическаго духовенства. Комната его была большая, чистая. Смятая постель стояла въ одномъ углу. Надъ ней серебряное Распятіе, съ засушенною пальмовою вѣткой. Вокругъ стѣнъ полки съ книгами; между окнами письменный столъ; на немъ книги, бумаги и поповская шапочка... Онъ взялъ лучерну, и мы отправились черезъ нѣсколько темныхъ и сырыхъ комнатъ, и черезъ сакрестію. Въ маленькомъ, совершенно пустомъ чуланѣ, онъ остановился. «Подождите здѣсь,» сказалъ онъ и исчезъ. Немного погодя, онъ возвратился съ запасами подушекъ и постельнаго бѣлья, и мы вмѣстѣ принялись за устройство походной кровати. Во все продолженіе операціи, онъ постоянно извинялся за то, что не можетъ доставить мнѣ комфорта, какого бы хотѣлъ. Мнѣ было не ловко, что я разбудилъ его такъ поздно и причинилъ ему столько хлопотъ. Разговоръ нашъ былъ обменомъ очень вѣжливыхъ извиненій.

Когда я улегся, онъ сѣлъ возлѣ меня, и сталъ разспрашивать объ успѣхѣхъ Гарибальди въ Калабріи. Я не могъ удовлетворить его любопытству.

— Такъ вы развѣ не оттуда?

Я сказалъ откуда я. Онъ заговорилъ о нашей экспе-

двѣи, и о ливорнскихъ происшествіяхъ, такъ какъ мало кто говорилъ со мною о нихъ. Онъ увлекался.

— Я мало знаю католическое духовенство, откровенно сказалъ я ему, — и потому не совсѣмъ ожидалъ услышать отъ священника то, что слышу отъ васъ.

— Какъ, развѣ я сказалъ что-нибудь лишнее? спросилъ онъ, почти испугавшись.

— Мнѣ вы ничего лишняго не сказали; а вотъ будь на моемъ мѣстѣ какой-нибудь *vescovo* (епископъ) или *caponico*, вы бы ничего не потеряли, не сказавъ имъ ни одного слова въ этомъ родѣ.

— Да я съ *vescovo* или съ *caponico* говорить объ этомъ не буду, а съ вами не знаю почему разговорился.

Я спросилъ у него, какого вообще мнѣнія духовенство о послѣднихъ событіяхъ.

— Высшее духовенство думаетъ разумѣется такъ, какъ вы сами знаете. Что же касается насъ, приходскихъ священниковъ, сказалъ онъ гордо, — увѣряю васъ, что всѣ мы были во главѣ движенія. Народъ давно нами къ этому подготовленъ и вѣрить намъ. То-есть вѣрилъ; а что теперь дѣлается, то мы въ этомъ руки умываемъ. Мы первые хотѣли присоединенія Сициліи къ общему нашему отечеству; но мы не думали терять административную нашу автономію; вина не наша, если къ тому придетъ.

Послѣднія слова его удивили меня, и я не совсѣмъ понималъ ихъ.

— И при прежнемъ правительствѣ, когда всѣ распоряженія шли изъ Неаполя, и туда же посылались важныя дѣла на утвержденіе, граждане были недовольны. Имъ и это казалось слишкомъ далеко, да оно такъ и было. Въ Неаполѣ мало знали Палермо, и мало занимались имъ; этимъ пользовались, и мы знали не короля, а королевскихъ воровъ, которые, прикрываясь законами, дѣлали что хотѣли, и отъ нихъ негдѣ было искать защиты. А вѣдь въ Туринѣ насъ пожалуй и еще меньше знаютъ нежели въ Неаполѣ. Законы, положимъ, будутъ лучше, и соблюдаться будутъ строже, да вѣдь потребности наши не могутъ удовлетвориться тѣмъ...

— *Arrigo! Arrigo!* послышался женскій голосъ: — куда ты запропастился? — и заспанная женская голова просунулась въ полуотворенную дверь.

Бѣдный padre Cucurullo покраснѣлся до ушей, и сконфуженный, выбѣжалъ изъ комнаты, не кончивъ тирады, не пожелавъ мнѣ спокойной ночи.

Улица Толедо, лучшая изъ палермскихъ улицъ, на которой свободно могутъ разѣхаться два экипажа, болѣе другихъ уцѣлѣла отъ бомбардировки. Во всѣхъ окнахъ развѣвались трехцвѣтныя знамена. Въ магазинахъ выставлены были красныя рубашки и всякія военныя принадлежности. Кофейни были биткомъ набиты гарибальдійцами. Народъ толпился съ шумомъ и цѣснями. Особенно поражалъ недостатокъ въ женщинахъ. Прошло, правда, нѣсколько старухъ, или вообще очень некрасивыхъ. Сколько я могъ замѣтить, типъ сициліанскій вовсе не таковъ, какимъ я себѣ воображалъ его. Въ немъ очевидно смѣсь Африканца съ Норманомъ: выдавшіяся скулы, губы и носъ Готтентота, а волосы часто попадаются свѣтлые съ рыжимъ оттѣнкомъ, какъ у шлюссельбургскихъ Чухонцевъ. За то двѣ или три, встрѣченныя мною возлѣ церкви красавицы, показались мнѣ античными богинями, сошедшими съ своихъ мраморныхъ пьедесталовъ. Впрочемъ, по наряду ихъ, легко было угадать, что онѣ не Минервы и не Психеи.

Ближе къ морю, слѣды разрушенія гораздо явственнѣе. Мало домовъ уцѣлѣло. Между грудями валявшихся по улицамъ камней, бѣлѣли головы разныхъ Венеръ и Геркулесовъ, которыхъ изувѣченныя мраморныя тѣла, красовались среди зелени садовъ, также мало пощаженныхъ.

Осматривать городъ, или, что интереснѣе, загородныя виллы и остатки древностей, нельзя было, такъ какъ съ часу на часъ ожидалось приказаніе отправляться въ походъ. Приказаніе не являлось, время тянулось безконечно длинно. Мною сталъ не на шутку овладѣвать сонъ, потому что часть ночи не спалъ я по милости моего хозяина, а остальную по милости нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, терзавшихъ меня, словно сбирры или полиціотти. Желая наверстать потерянную ночь, я отправился искать приюта по гостиницамъ. Всѣ были биткомъ набиты. Наконецъ въ *La Trinacria* оказалась свободная комната въ верхнемъ этажѣ; согласившись заплатить пять франковъ за ночь, я отправился въ казарму забрать небольшое количество оставшихся

у меня вещей. Застаю, бьютъ сборъ, солдаты строятся на дворъ.

— Васъ ищутъ, сказалъ мнѣ кто-то.

Прихожу—распоряженіе отправляться въ эту же ночь. Часа два прошло въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Совершенно поверчело. Наконецъ съ барабаннымъ боемъ мы отправились къ морю. На дорогѣ встрѣтили насъ съ контродромъ: пароходъ, дескать, не готовъ и отъѣздъ отложенъ до завтра. Я тотчасъ отправился утилизировать оставшееся время.

На зарѣ я проснулся. Иду въ казарму: все готово, и отправляются на военный пароходъ *Vittoria*. Куда мы ѣдемъ, никто не знаетъ. На пароходъ толпа; не гдѣ ни стать, ни сѣсть. Въ поддень свялись съ якоря и отправились по направленію къ Сапри (на сѣверо-западной части калабрійскаго берега). Приходитъ обѣденный часъ; пароходные офицеры садятся за столъ и обѣдаютъ. Намъ приходится смотрѣть на нихъ и казнитья.

Пропитавшись цѣлыя сутки виноградомъ, къ 4-мъ часамъ слѣдующаго дня, мы остановились въ портѣ Сапри. Подходили очень осторожно, ожидая выстрѣловъ изъ цитадели; однако ничего. Подошли ближе; тоже ничего. Съ берега не видно и признаковъ жизни. Подождавъ съ полчаса, рѣшили отправить шлюпку съ охотниками развѣдать мѣсто. Съѣхало человекъ двадцать съ заряженными ружьями. Я зарядилъ револьверъ и отправился съ ними. Высадились на берегъ, не встрѣтивъ ни души. Въ самомъ городкѣ все пусто. Насилу, около остеріи, нашли нѣсколько человекъ съ ружьями и въ красныхъ фуражкахъ. Они провели насъ къ плацъ-коменданту. Тамъ сказали намъ, что бурбонскія войска нѣсколько дней тому назадъ пошли въ Салерно, что первая часть нашей экспедиціи отправилась по ихъ слѣдамъ, и что намъ предстоитъ немедленно отправляться тоже въ Салерно. Затѣмъ выкинули италіанскій флагъ надъ цитаделью. Солдаты отправились на фуражировку, поживились чѣмъ могли, и мы возвратились на пароходъ. Черезъ четверть часа мы уже обогнули мысъ и лѣтели въ Салерно...

Въ каютѣ раненый Генуезецъ изъ карабинеровъ Биксіо разказывалъ подробности дѣла при Реджіо. Спѣшившіеся гвиды ночью прошли черезъ три непріятельскіе аванпоста безъ выстрѣла, саблями снимая часовыхъ, прежде нежели тѣ успѣвали подать сигналъ. Когда наконецъ четвертый выстрѣлилъ, Неаполитанцы не успѣли еще хорошенько проснуться, какъ

лагерь ихъ былъ полонъ гарибальдійцами. Слегка отстрѣливаясь, они бросились бѣжать и были встрѣчены огнемъ своихъ же батарей. Гарибальдійцы, прикрытые ими же противъ крѣпости, вошли въ городъ къ разсвѣту, потерявъ очень не много. Подъ Биксіо ранена лошадь; падая, онъ ушибъ себѣ лѣвую руку и повредилъ старую рану. Къ утру у него открылась лихорадка, и онъ долженъ былъ оставить армію.

Едва занялся день, большой англійскій пароходъ, шедшій къ намъ навстрѣчу, далъ намъ знать, чтобы мы остановились. Когда пароходы сблизились, Англичанинъ поднялъ италіанскій флагъ: «Viva l'Italia», закричали оттуда съ сильнымъ британскимъ выговоромъ: «il Borbone ha sgombrato Napoli, vi si aspetta Garibaldi!» (Бурбоны очистили Неаполь, тамъ ждутъ Гарибальди.) Съ нашего парохода отвѣчали неистовыми *viva*. Это неожиданное извѣстіе сильно всѣхъ взволновало.

Около полудня повстрѣчали мы другой пароходъ подъ италіанскимъ флагомъ; онъ, опросивъ насъ, передалъ намъ приказаніе отправляться прямо въ Неаполь.

Между солдатами произошло еще болѣе радостное волненіе. Стали осматривать и заряжать ружья, которыя на этотъ разъ оказались совершенно лишними.

Едва мы вошли въ портъ, трехцвѣтное знамя на *Castel dell'Ovo* и *Sant'Elmo* изумило и обрадовало всѣхъ.

Барки со всѣхъ сторонъ окружили насъ. *Viva Galubarda! Viva la Talia vuna!* кричали оттуда, размахивая трехцвѣтными платками.

Это было 7-го сентября. Утромъ того же дня, Гарибальди одинъ пріѣхалъ въ Неаполь, безоружный, и былъ встрѣченъ неистовыми изъявленіями восторга.

Когда пароходъ вошелъ на рейдъ и бросилъ якорь, солдаты полѣзли на мачты. Съ близъ-стоявшихъ пароходовъ и барокъ бросали цвѣты, неистовыя *viva!* оглашали воздухъ. Всѣ повторяли одно имя: *Гарибальди!*

III. Неаполь.

Каждый городъ, болѣе или менѣе, непременно имѣетъ свою особенную личность, которая гораздо рѣзче бросается вамъ въ глаза, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, нежели потомъ, когда вы уже обживетесь и свыкнетесь. Но Неаполь своеобразно-

стію и характерностію, чуть ли не болѣе всѣхъ, не только европейскихъ, а даже азійскихъ городовъ, поражаетъ въ первый разъ иностранца. На меня, по крайней мѣрѣ онъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе, когда я вышелъ на берегъ среди оживленной и разнообразной толпы, привѣтствовавшей насъ самыми оригинальными и часто каррикатурными выраженіями восторга. Потомъ, я короче познакомился съ этимъ городомъ, освоился съ этимъ новымъ для меня бытомъ, и теперь рѣшительно не могу сказать что въ немъ особенно поразило меня; но тогда я ясно почувствовалъ, что попалъ въ совершенно новую для меня сферу. Я невольно припомнилъ всѣ видѣнные мною рисунки помпейскихъ фрескъ и мозаикъ и, видя тѣхъ же самыхъ сатировъ и фавновъ, но либо въ мундирахъ національныхъ гвардейцевъ, либо въ щегольской одеждѣ европейскихъ джентльменовъ, обращавшихся ко мнѣ съ бѣшенными и непонятными жестами, признаюсь, я вообразилъ, что попалъ въ какой-нибудь музей, гдѣ невѣдомою силой оживились всѣ эти, такъ часто поражавшіе меня памятники иной цивилизаціи, иного міра. «Магна Граесія» замѣтилъ мнѣ мой пріятель, пизанскій студентъ, въ чинѣ подпоручика, бѣжавшій возлѣ проходившей меня стрѣлковой роты. У дверей коменданта встрѣтилъ меня эксбурбонскій солдатъ съ желтыми бакенбардами и усами, вѣроятно нѣмецкаго происхожденія. Онъ молча отсалютовалъ ружьемъ... На дворѣ опять толпа одушевленно размахивала руками, и громогласныя *viva* раздались въ воздухѣ.

Во всемъ городѣ не видно было слѣдовъ никакихъ работъ, хотя всѣ мастерскія и магазины были отперты: все народонаселеніе толпилось на улицахъ. Неаполитанцы рождены для праздниковъ и демонстрацій, и имъ давно не представлялось столь удобнаго случая къ проявленію ихъ природныхъ наклонностей.

Походная жизнь приучаетъ человѣка къ безопасности, къ недуманію ни о прошедшемъ, ни о будущемъ; она вообще посылитъ человѣка и во многомъ дѣлаетъ его похожимъ на ребенка. Совершенная неизвѣстность дальнѣйшей нашей участи не давала намъ составить себѣ какое-либо опредѣленное понятіе и о настоящемъ. Мы нѣсколько дней пробыли въ Неаполѣ, и совершенно безо всякаго дѣла. Утромъ нужно было являться къ рапорту въ казарму Гранили,

гдѣ стояли два батальона, образованные изъ остатковъ бригады Кастель-Пуччи, и цѣлый день былъ совершенно въ нашемъ распоряженіи. Но такъ какъ съ часу на часъ ожидалось приказаніе отправляться и еще неизвѣстно куда,— во всякомъ случаѣ, однако, на тяжелые труды и лишения,— то мы и пользовались днемъ, то-есть проводили его самымъ безплоднымъ образомъ. Мало-по-малу собирались новыя войска. Первый вслѣдъ за нами пришелъ батальонъ Меланкини, сильно пострадавшій въ дѣлѣ подъ Мелатцо. Безпорядокъ былъ общій; всѣмъ прибывшимъ отрядамъ нужно было переформироваться. Гарибальди поселился въ Palazzo Angri на Толедо, и въ первые дни почти не выходилъ оттуда. Квартира его состояла изъ одной комнаты съ балкономъ, съ котораго онъ иногда говорилъ съ народомъ, постоянно толпившимся на улицѣ вокругъ дома. Рядомъ съ комнатой диктатора была небольшая круглая комната, бывшій будуаръ хозяйки дома; здѣсь Гарибальди давалъ свои аудіенціи. Нѣкоторые приближенные къ нему офицеры, и въ числѣ прочихъ полковникъ Миссори, командовавшій гвидами и формировавшій въ это время уланскій эскадронъ, жили въ томъ же домѣ. Въ бывшей бальной залѣ накрывался большой столъ, приборовъ на пятьдесятъ, для генераловъ и офицеровъ штаба, и Гарибальди рѣдко обѣдалъ съ ними. Изъ извѣстнѣйшихъ сподвижниковъ Гарибальди при немъ были: Сиртори, начальникъ его штаба, Козенць, командовавшій 16-ю дивизіей, въ послѣдствіи военный министръ, и Мильбиць, герой 1848 года, подъ начальствомъ котораго Гарибальди въ Римѣ успѣлъ приобрести себѣ такое громкое имя. Тюрръ и Биксіо, страдавшіе отъ недавно полученныхъ ими ранъ, явились позже. Какъ только доставало у диктатора время на всѣ разностороннія занятія, которыхъ требовали отъ него обстоятельства! Въ одно и то же время онъ составлялъ новое министерство и организовывалъ свою маленькую армію; многіе его декреты, съ восторгомъ принятыя народомъ, касались весьма различныхъ административныхъ отраслей. Между тѣмъ жизнь наша текла невозмутимымъ путемъ три или четыре дня; время проходило между кофейными и театрами. Новыя войска прибывали, и въ самомъ Неаполѣ формировались батальоны горцевъ Везувія и морской пѣхоты. Замѣчательно, что при этомъ громадномъ стеченіи волонтеровъ всѣхъ сословій, всѣхъ націй, ни разу не былъ нарушенъ порядокъ, ни разу не дано жителямъ

повода жаловаться на нарушение ихъ правъ. Прибавьте къ этому, что большая часть вновь-прибывшихъ не были размѣщены по полкамъ, многіе даже вовсе не внесены ни въ какіе списки, значить, не имѣли надъ собою никакого начальства; нигдѣ ни жандарма, ни плацъ-офицера, никакого признака полиціи. Это было время энтузіазма, искренняго увлеченія. Лица всѣхъ Неаполитанцевъ, даже пошлыя лица лавочниковъ, такъ рѣдко что-нибудь выражающія, дышали чѣмъ-то праздничнымъ; каждый лацаронъ смотрѣлъ триумфаторомъ. Дѣла Гарibaldi въ Сициліи и Калабріяхъ имѣли слишкомъ партизанскій характеръ, а потому изъ иностранцевъ только люди, горячо-преданные идеѣ итальянскаго героя, рѣшались раздѣлять съ нимъ трудности его предпріятія и торжества его побѣдъ. Со вступленіемъ въ Неаполь, все приняло другой характеръ, и молодые люди, по преимуществу военные, изъ всѣхъ странъ спѣшили туда только изъ-за чести сражаться подъ начальствомъ героя, добиться славнаго крещенія кровью подъ народнымъ знаменемъ возрождающейся страны. Многіе являлись въ своихъ мундирахъ. Тутъ были и зуавы и венгерскіе гусары, солдаты и офицеры англо-индійской арміи. Между послѣдними особенно отличался знаменитый еще прежде майоръ Льюсонъ. Старшій сынъ богатаго шотландскаго семейства, онъ еще юношей отказался отъ права первородства и отправился въ Индію, гдѣ хладнокровною храбростію и ухорскимъ набѣдничествомъ возбуждалъ удивленіе своихъ соотечественниковъ, которыхъ не скоро чѣмъ удивишь. Наконецъ, уступая требованіямъ семейства, онъ оставилъ военное поприще и отправился на родину. На бѣду, пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ, остановился въ Алжирѣ; а тамъ, въ это время, извѣстный Жераръ собиралъ экспедицію для львиной охоты. Льюсонъ не выдержалъ и отправился съ нимъ. Оскорбленное семейство оставило безо всякихъ средствъ блуднаго сына. Онъ занялся корреспонденціями для англійскихъ журналовъ, и въ немъ открылся такой запасъ юмора и беллетристическаго таланта, что журналы наперерывъ стали другъ у друга оспаривать остроумнаго корреспондента, и нашъ майоръ, чуждый предубѣжденій своего круга, отлично зажилъ собственнымъ трудомъ. Я бы никогда не кончилъ, еслибы сталъ перечислять всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ людей, служившихъ часто рядовыми въ волонтерахъ Гарibaldi. Читатели конечно уже знаютъ изъ журналовъ очень

многихъ изъ нихъ по имени. Французская рота, организованная покойнымъ де-Флоттомъ, вся подрядъ состояла изъ личностей, имѣвшихъ весьма мало другихъ качествъ, кромѣ общей всемъ Французамъ способности хорошо драться. Я уже сказалъ вамъ, что Гарибальди имѣлъ намѣреніе правильно организовать свою небольшую армию, которая, за исключеніемъ личной храбрости и искренней преданности своимъ цѣлямъ, чувствовала недостатокъ во всемъ рѣшительно. Артиллерія страдала особенно. Въ арсеналахъ Неаполя найдено было нѣсколько пушекъ; но большая часть ихъ были брошены за негодностію; всю же лучшую артиллерію король Франческо еще заранѣе отправилъ въ Гаэту и Капую. Кромѣ матеріала, терпѣлся еще сильный недостатокъ въ офицерахъ и прислужникахъ артиллерійскихъ. Недостатокъ этотъ сильно беспокоилъ диктатора. Между тѣмъ обстоятельства принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ, и пришлось наконецъ, не только не давъ арміи никакого правильнаго устройства, но даже не дожидаясь, пока соберется вся численная масса волонтеровъ, отправить ее противъ врага почти въ десять разъ сильнѣйшаго. Объ ея составѣ позвольте вамъ сказать здѣсь два-три слова. Номинально у насъ было въ это время четыре дивизіи: 16-я подъ начальствомъ Козенца, 17-я—Биксіо, 18-я—Тюрра и 19-я Авеццано. Нечего и говорить, что онѣ только носили названіе дивизій, а далеко не имѣли численнаго состава ихъ. Дивизія Биксіо была составлена большею частію изъ волонтеровъ первой экспедиціи. Ядро ея, лучшую часть, составляли генуэзскіе карабинеры, любимое войско диктатора. Затѣмъ батальонъ Менотти, сына Гарибальди, въ составъ котораго входила рота французскихъ зуавовъ. Затѣмъ не помню сколько-то стрѣлковыхъ ротъ и эскадронъ гвидовъ. Дивизія Тюрра состояла изъ англійскаго и пѣшаго венгерскаго батальоновъ, изъ бригады Кастель-Пуччи, нѣмецкой роты и эскадрона венгерскихъ гусаръ. Вторая экспедиція составляла дивизію Козенца, которою командовалъ генералъ Мильбицъ, такъ какъ Козенцъ былъ назначенъ военнымъ министромъ. Дивизія же Авеццано не имѣла ни одного, сколько-нибудь правильно-организованнаго батальона. Около 15-го сентября, войска гарибальдійскія получили приказаніе выйти изъ Неаполя и занять ближайшія къ непріятелю позиціи, Мадалони, Санта-Маріи Капуанской и Сантъ-Анджело, вдоль Вольтурно. Тюрръ, получивъ общее начальство, имѣлъ главную

квартиру въ Казертѣ. Непріятель свои аванпосты растянулъ вдоль другаго берега Вольтурно, а корпусъ изъ 18—20 тысячъ человекъ расположилъ лагерьмъ близъ Капуи.

Гарibaldi оставался въ Неаполѣ. Нѣсколько дней прошли въ незначительныхъ аванпостныхъ перестрѣлкахъ, пока наконецъ, 19 сентября, генералъ Тюрръ не рѣшился начать наступательный образъ дѣйствій. Съ разсвѣтомъ, онъ атаковалъ Каяццо, мѣсто переправы черезъ Вольтурно, и до полудня овладѣлъ имъ. Тогда оставивъ тамъ около 600 человекъ, онъ отретировался къ Сантъ-Анджело. Того же дня бурбонцы напали на Каяццо, и перерѣзавъ почти весь небольшой отрядъ, занимавшій его, овладѣли имъ и стали угрожать нашимъ позиціямъ. Тюрръ былъ отозванъ въ Неаполь. Гарibaldi вознамѣрился дѣйствовать рѣшительно, вслѣдствіе чего приступалъ къ болѣе правильному размѣщенію войскъ и организациі двухъ дѣйствующихъ линій.

Я между тѣмъ получилъ приказаніе состоять при главномъ штабѣ 1-й изъ этихъ линій, и передъ отправленіемъ на аванпосты долженъ былъ переговорить съ полковникомъ Миссори. Я уже сказалъ вамъ, что онъ жилъ въ Palazzo d'Angi вмѣстѣ съ диктаторомъ, которому при Мелаццо онъ спасъ жизнь и съ которымъ былъ въ очень-интимныхъ отношеніяхъ. Было около 4-хъ часовъ по-полудни; мнѣ сказали, что полковникъ поѣхалъ въ казарму, гдѣ стоялъ формируемый имъ эскадронъ уланъ, но что онъ вѣроятно скоро будетъ къ обѣду, и чтобы я подождалъ его въ пріемной. Въ маленькой круглой комнатѣ, обешлированной какъ дамскій будуаръ и служившей диктатору за пріемную, сидѣло нѣсколько человекъ офицеровъ въ красныхъ рубахахъ, куря и весело разговаривая другъ съ другомъ. Преземистый плечистый полковникъ, Испанецъ родомъ, разказывалъ какую-то предлинную исторію на испанскомъ языкѣ. Слушатели довольно дурно понимали его и часто прерывали его замѣчаниями на итальянскомъ, которыхъ онъ въ свою очередь не понималъ вовсе; это очень смѣшило публику, и въ особенности бѣлокураго курчаваго юношу въ мундирѣ, поручика піемонтскихъ берсальеровъ. Пригласивъ меня сѣсть, они продолжали веселую бесѣду. У двери налѣво сидѣлъ національный гвардеецъ со штыкомъ, а въ темномъ углу комнаты я едва могъ разглядѣть сѣдаго старика, въ черномъ фракѣ, съ трехцвѣтнымъ шарфомъ черезъ плечо, и съ весьма живописною наружностью. По стѣнамъ висѣли акварельные портреты дамъ и дѣтей, въ костюмахъ 1812

года. Я вынулъ маленькій альбомъ, который постоянно носилъ въ карманѣ и безцеремонно принялся набрасывать всю видѣнную мною картину. Это обратило вниманіе Испанца; онъ попросилъ посмотрѣть; за нимъ подошли другіе. Я заговорилъ съ нимъ по-испански, и онъ принялъ меня за Португальца. Я разувѣрилъ его насчетъ своей національности, и вся публика принялась смотрѣть на меня съ особеннымъ любопытствомъ. Въ послѣднее время, я такъ успѣлъ привыкнуть къ этому любопытству, что оно вовсе уже не стѣсняло меня. Юноша Пиемонтецъ счелъ долгомъ замѣтить, что онъ не знаетъ нѣмецкаго языка, и что его сильно удивляетъ, какъ это Чехи и Поляки говорятъ такимъ языкомъ, что даже и Нѣмцы ихъ не понимаютъ. Въ это время дверь, у которой сидѣлъ часовой, отворилась, и изъ нея вышелъ старичокъ небольшого роста, но бодрый и коренастый, съ длинными волосами и бородою, въ венгерской шапочкѣ, что все вмѣстѣ дѣлаетъ его очень похожимъ на Гарибальди, котораго онъ соотечественникъ и секретарь. «Господа, сказалъ онъ: генералъ обѣдать не будетъ, а просить васъ прислать ему тарелку супу и еще чего-нибудь.» За тѣмъ онъ пригласилъ старика съ трехцвѣтнымъ шарфомъ войти въ комнату диктатора, а шумная толпа офицеровъ, томимая аппетитомъ, рѣшилась идти въ столовую, не дожидаясь Миссори. «Семеро дескать одного не ждутъ.»

IV. САНТА-МАРІЯ.

Чтобы вполне понять новое распределеніе гарибальдійскихъ войскъ противъ Капуи, необходима небольшая топографическая замѣтка о мѣстѣ дѣйствія. Но предполагая, что изъ журнальныхъ извѣстій читатели составили себѣ общее о ней понятіе, я не буду очень распространяться объ этомъ. Между Неаполемъ и Капуей идетъ желѣзная дорога, но не по прямому направленію. Сперва отъ Неаполя она направлена къ сѣверо-востоку до мѣстечка Мадалони, отсюда на западъ до Казерты, и наконецъ отсюда по прямой линіи на сѣверъ и очень мало на востокъ, въ Капую, черезъ Санта-Марію. Между Мадалони и Санта-Маріей, по берегу Вольтурно, возвышаются вершины Сантъ-Анджело и Сантъ-Микеле, совершенно въ виду Капуи, и господствуютъ надъ нею. Кромѣ того,

въ Санта-Маріи въ Неаполь идетъ шоссе, пересѣкающее желѣзную дорогу черезъ мѣстечко Аверса. Такимъ образомъ Казерта, съ запада, сѣвера и востока, окружена полукруглою линіей, идущею отъ Аверсы, черезъ Санта-Марію, Сантъ-Анджело и Сантъ-Микеле до Мадалони. Эта линія была раздѣлена въ военномъ отношеніи на 2 части: первую, большею, отъ Аверсы до Сантъ-Анджело командовалъ генералъ Мильбицъ, вторую Бисіо. Все пространство, ограниченное этою линіей и далѣе на сѣверъ, представляетъ сплошную равнину, доходящую къ западу до самаго моря. Равнина эта хорошо обработана, и незапаханныя мѣста покрыты деревьями и постройками. Санта-Марія, небольшой городокъ, имѣетъ нѣсколько тысячъ жителей, которыхъ большая часть впрочемъ разбѣжалась при нашемъ приближеніи: такой страхъ и недоувѣріе успѣли внушить имъ неаполитанскія войска, что отъ одной мысли военнаго постоя они бросали жилища и имущества. Тутъ-то находилась главная квартира командующаго первую линіей. Я пріѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ, и прямо отправился къ генералу. Онъ обѣдалъ, но не заставилъ себя дожидаться, а велѣлъ проводить меня въ столовую. Въ большой залѣ, за длиннымъ столомъ, сидѣло человѣкъ до сорока офицеровъ. Мильбицъ въ очкахъ и фуражкѣ засѣдалъ на президентскомъ мѣстѣ. Возлѣ него сидѣла пожилая полная женщина, съ огромными черными глазами и орлинымъ носомъ. Всѣ смѣялись, громко разговаривали между собою, и по военному любезничали съ толстыми служанками, разносившими кушанья. На столѣ стояло около дюжины свѣчъ въ чрезвычайно разнокалиберныхъ подсвѣчникахъ. Я приготовлялся церемонно представиться генералу; но когда дежурный офицеръ назвалъ меня, онъ оторвался отъ тарелки, въ которую былъ очень углубленъ и, обгрызывая куриное крыло, которымъ успѣлъ очень удачно наакировать себѣ носъ и сѣдые усы, пробормоталъ, что я назначенъ состоять при его штабѣ и вѣроятно буду состоять при немъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что если я еще не обѣдалъ, то чтобы сѣлся за его столъ, и что это приглашеніе дѣлается разъ навсегда; затѣмъ онъ съ пущимъ прилежаніемъ занялся тарелкой и сталъ наверстывать потерянное время. Нѣсколько знакомыхъ мнѣ офицеровъ стали подзывать меня къ себѣ, угощать виномъ и разспрашивать о Неаполѣ, каждый о томъ, что его больше интересовало. Обѣдъ кончился, и всѣ разбрелись по внутреннимъ комнатамъ. Квартира генерала

состояла изъ длинной анфилады комнатъ, начинавшейся залой и тянувшейся до столовой. Зада, и за ней нѣчто въ родѣ гостиной, были омеблированы съ нѣкоторымъ комфортомъ; было даже фортепіано. Но въ другихъ комнатахъ, кромѣ желѣзныхъ кроватей или просто тюфяковъ, не было рѣшительно ничего. Возлѣ столовой, въ небольшой комнатѣ, стояли два некрашенные стола; на нихъ кипы бумагъ и письменныя принадлежности. Это была канцелярія генерала, куда онъ отправилъ меня послѣ обѣда для исполненія нѣкоторыхъ формальностей. За однимъ изъ столовъ сидѣлъ молодой человекъ очень красивой наружности, въ красной рубахѣ, на распашку и безъ пояса; онъ оказался чѣмъ-то въ родѣ дѣлопроизводителя. «А вы только что изъ Неаполя,» сказалъ онъ очень любезно: «жаль, что я не зналъ прежде, а то бы я попросилъ васъ купить мнѣ револьверъ. Представьте себѣ, здѣсь раздавали револьверы всѣмъ боевымъ офицерамъ, и для нихъ не достало. Я было потребовалъ себѣ, такъ мнѣ сказали, что мнѣ его не нужно, такъ какъ я *ufficiale di penna* (то-есть въ родѣ канцелярскаго чиновника), и въ дѣло не хожу. Оно конечно правда, но согласитесь, я сижу здѣсь часто совершенно одинъ, а на аванпостахъ закатываютъ такую перестрѣлку, что невольно становится страшно. У меня же, кромѣ дрянной сабленки, которою я и владѣть не умѣю, никакого оружія не имѣется.» Въ это время вошелъ Мильбицъ. «Вамъ здѣсь будетъ работа, сказалъ онъ, увидѣвъ меня: намъ нужно укрѣпиться, а офицеровъ знакомыхъ съ этимъ дѣломъ совершенно нѣтъ.»—Къ сожалѣнію, и я вовсе не практикъ по части полевой фортификаціи.—«Вотъ и еще бѣда! А я на васъ надѣялся. Впрочемъ, прибавилъ онъ: тутъ нуженъ здравый смыслъ да кое-какія познанія; дѣло не Богъ знаетъ какое головоломное. Я ѣду на аванпосты, поѣзжайте со мной осмотрѣть позиціи. Впрочемъ теперь ночь, и вы не много увидите; лучше ужъ завтра на разсвѣтѣ будьте готовы.» Я замѣтилъ, что не худо бы посмотрѣть предварительно топографическія карты и планы, а со случайностями можно будетъ ознакомиться посредствомъ ночныхъ разъѣздовъ, такъ какъ мѣстность довольно открытая и непріятель слишкомъ близокъ. «Карты вы найдете въ моей комнатѣ на столѣ, только общія, а спеціального плана Швейцарецъ-инженеръ и до сихъ поръ не сдѣлалъ.» Въ это время доложили, что коляска готова, и Мильбицъ.

вышелъ, сказавъ, что черезъ часъ онъ вернется, и чтобы къ тому времени я былъ тутъ, а пока посоветовалъ мнѣ идти позаботиться о квартирѣ, «которою впрочемъ не часто придется вамъ пользоваться», замѣтилъ онъ мнѣ, выходя. Воспользовавшись свободною минутой, я съ толпой офицеровъ отправился въ кофейню *del Molo*, гдѣ солдаты и офицеры въ живописныхъ группахъ, каждый сообразно своимъ наклонностямъ, либо опорожняли бутылки марсалы и рому, либо прохлаждались мороженымъ. Здѣсь было собраніе всевозможныхъ національностей, даже какой-то негръ въ красной рубахѣ съ капральскою нашивкой на рукавѣ. Венгерцы въ узкихъ штанахъ и въ чекменахъ съ брандесбурами молча сидѣли вокругъ стола, на которомъ красовалась цѣлая батарея бутылокъ, краснорѣчиво объяснявшая причину ихъ молчанія. Калабрийцы въ своихъ высокихъ шляпахъ, увѣшанныхъ шнурами и лентами, старались потопить въ коньякѣ тоску по отечественному *centerbe*. Французы шумно разговаривали вокругъ чаши съ пылавшимъ пуншемъ. Общій говоръ сливался въ какой-то одуряющій и непонятный шумъ. Отъ одной изъ группъ отдѣлился пожилой зуавъ въ живописномъ костюмѣ и фескѣ, и со стаканомъ пунша подошелъ ко мнѣ. Я съ нимъ встрѣтился въ Неанолѣ, онъ только что пріѣхалъ опредѣлиться, и теперь уже лѣвая рука его была подвязана чернымъ платкомъ. При немъ, въ качествѣ адъютанта что ли, состоялъ какой-то мальчикъ лѣтъ пятнадцати съ прекраснымъ лицомъ, еще не успѣвшимъ загорѣть, и съ нѣжными почти женскими руками. Зуавъ непремѣнно требовалъ, чтобы я выпилъ за его скорѣйшее выздоровленіе; отъ личностей этого рода отдѣлаться, не исполнивъ ихъ просьбы, невозможно, и я, несмотря на жаръ, долженъ былъ осушить стаканъ теплаго пуншу. Онъ между тѣмъ рекомендовалъ меня своему спутнику въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «видишь вотъ поручикъ Ми.»... онъ не могъ вспомнить моего имени: «ну все равно имя у него мудреное, а у меня память плохая, потому что я въ молодости дурно учился. Ты съ меня примѣра не бери, а когда война кончится непремѣнно научись какой-нибудь наукѣ. Это хорошо. Вотъ поручикъ много разныхъ наукъ знаетъ, и это у него видно по лицу. Онъ иностранецъ, какъ и мы, и пришелъ драться за Италію, потому что всякому хорошему человѣку пріятно драться за доброе дѣло. А это вотъ» прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ: «*c'est mon moutard*. Онъ добрый малый, и я взялся

образовать его, *le former*, изъ него можетъ прокъ быть, но хлопотъ мнѣ съ нимъ очень много», добавилъ онъ тономъ заботливой няньки. Въ другомъ углу, голубоглазый и блѣднокурый юноша, съ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ, объяснялъ кучкѣ мало слушавшихъ его Италіянцевъ, что не всѣ Нѣмцы—Австрійцы, и разказывалъ имъ съ большимъ одушевленіемъ о *Nationalverein*'ахъ. За однимъ изъ столиковъ сидѣлъ среди офицеровъ попъ съ черною бородою въ разстегнутомъ подрясникѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась красная рубаха, и что-то очень тихо имъ разказывалъ. За тѣмъ же столомъ сидѣлъ маленькій гарибальдіецъ въ надвинутой на глаза круглой шляпѣ, въ которомъ очень не трудно было узнать женщину... Когда я вышелъ на улицу, луна была въ полномъ блескѣ; вокругъ не видно было ни души. Издали слышались порою громкія пѣсни, и отъ времени до времени раздавались глухіе выстрѣлы, и огненная полоса мелькала по ясному небу.

Въ залѣ у генерала сидѣли праздно штабные офицеры. Съ аванпостовъ являлись съ рапортами. Съдой полковникъ игралъ въ шахматы съ какимъ-то смуглымъ господиномъ въ клеенчатомъ непомѣрно-высокомъ кепи. Слабонервный поручикъ, сожалѣвшій о томъ, что не могъ достать револьвера, хлопоталъ и суетился. Не доставало офицера для ночнаго разъѣзда и, къ величайшему моему неудовольствію, имъ вздумалось пополнить мной этотъ недостатокъ. Мнѣ не хотѣлось прямо показать, что выборъ этотъ вовсе не былъ мнѣ по вкусу, и я вздумалъ какъ-нибудь отдѣлаться отъ него подъ благовиднымъ предлогомъ. Я было заговорилъ о томъ, что у меня нѣтъ лошади; но мнѣ сейчасъ же предложили на выборъ чуть ли не всю штабную конюшню. Чтò я ни выдумывалъ, всюду встрѣчалъ отпоръ, такъ какъ каждый опасался, что если не сладится дѣло со мною, выборъ падеть на него. Дѣлать было нечего; скрѣпя сердце я отправился. Мнѣ попался какой-то непомѣрно высокій конь, котораго рассмотреть хорошенько я не могъ въ темнотѣ. Гусары по два въ рядъ стояли на дворѣ главной квартиры. Капитанъ Б. выѣхалъ на маленькой вертлявой лошаденкѣ, и мы двинулись. Улицы были совершенно пусты. Удары копытъ звонко отдавались въ ушахъ. Я былъ въ очень дурномъ расположеніи духа, а лошадь моя какъ на зло никакъ не соглашалась идти спокойнымъ шагомъ. Едва мы выѣхали изъ города, къ намъ присоединился пѣшій патруль, и мы благо-

получно отправились на дальнѣйшіе подвиги. Мы шли по шоссе; по сторонамъ, темными пятнами, деревья застилали всю мѣстность. Проѣхавъ минутъ около десяти, капитанъ разослалъ нѣсколько человекъ по разнымъ направленіямъ и, закинувъ саблю за заднюю луку, чтобы не брэнчала, самъ осторожно съѣхалъ съ шоссе и скрылся за деревьями. Построивъ оставшихся со мною людей въ боевой порядокъ въ двѣ линіи, что не легко было сдѣлать съ импровизованными кавалеристами, я примкнулъ къ правому флангу первой шеренги, и сталъ пристально всматриваться вдаль и внимательно прислушиваться. Кругомъ все было тихо, спокойно, листъ не шелохнется. Мѣсяцъ свѣтилъ ясно и чисто. Изрѣдка фырканье лошади или ударъ подковы о шоссе нарушали это полное молчаніе ночи. Мало-по-малу я предался сладкой задумчивости, отъ которой не далеко было и до дремоты. Долго ли я находился въ этомъ состояніи, не знаю. Вдругъ выстрѣлы раздались не вдалекѣ, — а мнѣ такъ показалось, что надъ самымъ ухомъ, — и конскій галопъ послышался въ сторонѣ. Я вдругъ проснулся и не знаа, что предстояло мнѣ дѣлать, сказалъ по-италіянски какую-то пошлую ободрительную фразу, которой Венгерцы вѣроятно и не поняли. Въ это время, нѣсколько всадниковъ показались передъ нами на дорогѣ. Я взялъ съ собою унтеръ-офицера и поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Оказался нашъ же капитанъ. «Куда забрались, проклятые! ворчалъ онъ. Ну, ребята, теперь домой. На право кругомъ.» Мы воротились около трехъ часовъ ночи. Я отправился по темнымъ комнатамъ штабъ-квартиры отыскивать уголокъ, гдѣ бы провести остатокъ ночи; но все, на чемъ только можно было улежеть съ какимъ-нибудь комфортомъ, было занято. Наконецъ, утомленный, я бросился на попавшееся кресло и заснулъ мертвецкиимъ сномъ.

V. ARSINI DI CAPUA.

Городъ Санта-Марія расположенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась Капуя, въ которой зимовалъ Аннибалъ, но или самъ городъ, или вкусы солдатъ съ той поры измѣнились, только въ настоящее время стоянкою тамъ трудно взвѣжить какое-бы то ни было войско. Съ тѣхъ временъ уцѣ-

лѣли еще нѣкоторыя постройки, какъ напримѣръ, на дорогѣ въ теперешнюю Капую, шагахъ въ полтораста отъ Санта-Маріи, вы увидите огромную арку въ видѣ триумфальныхъ воротъ. Правая часть одного изъ сводовъ сверху обвалилась, но вообще постройка эта сохранилась очень хорошо. Въ одной изъ нишъ поставлена, вѣрно еще въ средніе вѣка, каменная мадонна, а въ другой едва можно разобрать окончаніе какой-то латинской надписи. Направо отъ этой арки, шагахъ въ двухъ стахъ, на небольшомъ возвышеніи, находятся развалины амфитеатра, называемаго Кампана. Линія между амфитеатромъ и аркой, и дальше до станціи желѣзной дороги, представляла нашъ фасъ къ неприятелю. На этихъ трехъ главныхъ пунктахъ были расположены аванпосты, а между ними разставлено нѣсколько пикетовъ. Положеніе это было очень невыгодно, и при этихъ условіяхъ мѣстности, не имѣя чѣмъ укрыться, мы врядъ ли могли бы устоять противъ неприятеля, еслибъ онъ вздумалъ атаковать насъ. Мнѣ поручено было укрѣпить эту позицію, и при томъ въ самомъ скоромъ времени. У насъ и въ поминѣ не было никакихъ саперныхъ или инженерныхъ командъ. Я обратился къ синдикѣ съ требованіемъ рабочихъ въ такомъ числѣ, сколько можно достать съ платою по 40 гран. (около 40 коп. сер.) въ день. Часа черезъ 1½, посланный возвратился, торжественно ведя полдюжины ребятишекъ и нѣсколькихъ чуть двигавшихъ ноги стариковъ. Всѣ они были перепуганы, словно ихъ вели на казнь. Выбравъ постарше изъ мальчишекъ, я послалъ ихъ рубить колья, а остальныхъ отправилъ по домамъ. Къ синдикѣ я обратился со вторичнымъ требованіемъ, и онъ опять прислалъ партію въ родѣ первой; и это повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ колья нарублены, шнуры натянуты, но нѣтъ ни лопаты, ни землекоповъ. Пришлось самому отправиться въ городъ и принять рѣшительную мѣру. Взводъ національной гвардіи былъ посланъ на Piazza del Mercato съ порученіемъ силою забирать всѣхъ годныхъ на фортификаціонныя работы, если сами не захотятъ идти за обѣщанную плату, которая вдвое превышала обыкновенную поденную цѣну. Эта мѣра, какъ вообще крутыя и рѣшительныя мѣры въ подобныхъ случаяхъ, имѣла большой успѣхъ. Я оставилъ синдикѣ небольшую записку, въ которой изложилъ свои требованія, съ приглашеніемъ исполнить ихъ въ теченіе шести часовъ, то-есть до заката солнечнаго, такъ какъ время уже перешло за полдень. Правда, требованія эти могли

быть довольно удобно исполнены въ полчаса времени. Дѣло состояло въ присылкѣ съѣстныхъ припасовъ, то-есть: сыра, вина и хлѣба на все количество рабочихъ, и потомъ въ закупкѣ нѣкоторыхъ землекопныхъ и другихъ орудій. Въ случаѣ замедленія или неточнаго выполненія, я угрожалъ подачею рапорта командиру линіи, чего особенно боялся всѣ мирныя власти въ военное время. Возвратившись къ работамъ, я нашелъ цѣлую толпу, смиренно стоявшую подъ прикрытіемъ національной гвардіи. Между ними было нѣсколько джентльменовъ и дамъ, пришедшихъ добровольно принести свою лепту труда на пользу отечества. Выбравъ годныхъ къ работѣ, которыхъ оказалось человекъ до пятидесяти, я распустилъ остальныхъ, а двухъ священниковъ, нѣсколькихъ маменькиныхъ сынковъ и двухъ или трехъ женщинъ, непремѣнно желавшихъ остаться, пригласилъ вязать фашины. Между тѣмъ, со стороны дебаркадера торжественно подвигалась къ намъ какая-то колонна. Предводитель ея подошелъ ко мнѣ. Это былъ высокій плотный мущина, уже пожилой; его густые волосы и темная каштановая борода искрились сѣдиною. Огромный орлиный носъ и бронзовый цвѣтъ лица гармонировали со всею его фигурою, и составляли очень красивую, хотя неправильную и грубую физиономію. Онъ началъ очень мудрую и длинную рѣчь, начинавшуюся словами: «*Illustrissimo signor ufficiale.*» По произношенію, въ немъ легко было узнать горнаго жителя; онъ оказался Абруццезъ. Изъ рѣчи его явствовало, что онъ подрячникъ, ведущій въ Неаполь постройки по части путей сообщенія, и содержитъ огромное число рабочихъ. Утромъ того же дня, случившись въ Санта-Маріи, онъ узналъ о нашемъ затруднительномъ положеніи; сообразивъ при этомъ какъ онъ выражался, всюду извѣстную неспособность Санмари-танъ (жителей Санта-Маріи) къ землянымъ работамъ, онъ съ первымъ поѣздомъ отправился въ Неаполь, выбралъ изъ числа своихъ рабочихъ десятка четыре добрыхъ Абруццезовъ, «хорошихъ патриотовъ», широкоплечихъ парней, и теперь они въ моемъ распоряженіи. «Вы сдѣлаете ваши ученые соображенія, укажете намъ гдѣ и что нужно дѣлать, а въ томъ, что ваши распоряженія исполнятся со всею точностью и быстротою, поручою вамъ я, Доменико-Флокко Абруццезъ.» Сколько однако ни предавался я ученымъ соображеніямъ, никакъ не могъ придумать ничего лучше, какъ провести длинную траншею отъ амфитеатра вплоть до арки, и подъ нею устроить

батарею; а ряды домовъ и заборы, идущіе вплоть до желѣзной дороги, гдѣ инженеры Бельгійцы ставили другую батарею, ретраншировать. Такимъ образомъ мы бы представляли врагу въ самомъ центрѣ довольно сильную позицію. Небольшой домикъ «Cascino della Paglia», шагахъ въ двухъ стахъ отъ арки, обстрѣливалъ дорогу и служилъ намъ передовымъ пунктомъ. Наконецъ, за нами были городскія постройки, которыми можно было воспользоваться, еслибы насъ выбили изъ первой позиціи. Планъ этотъ я сообщилъ Мильбицу, и онъ его одобрилъ. Тѣмъ не менѣе выполнение его было весьма затруднительно при нашихъ ограниченныхъ средствахъ. Я велѣлъ рубить деревья, которыми была устѣяна мѣстность. Молодые гибкія вѣтви шли на фашины, а стволы съ сучками валились по шнуру и давали скелетъ парашета. Едва спала невыносимая жара, рабочимъ принесли провизію. Я сибаритски расположился на плащѣ въ тѣни, и принялся за свой тощій обѣдъ, состоявшій изъ винограда съ хлѣбомъ, запивая абсинтомъ. Ко мнѣ подошелъ Доменико-Флокко; я предложилъ ему часть своей трапезы. «Какъ? Такъ это-то вашъ обѣдъ? Нѣтъ постойте. Донъ-Карло!» закричалъ онъ словно въ рупоръ. Явился какой-то старикашка съ засученными рукавами и что-то жуя. Онъ сталъ, какъ солдатъ, во фронтѣ передъ моимъ собесѣдникомъ и правую руку поднялъ ко лбу; не знаю закрывался ли онъ отъ солнца, или салютовалъ своего командира. Тотъ отдалъ ему какое-то отрывочное приказаніе, и донъ-Карло сдѣлалъ налѣво кругомъ и ушелъ прихрамывая.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился съ круглою деревянкою, огромныхъ размѣровъ, складною бутылкою вина, и еще какими-то обѣденными принадлежностями. Доменико торжественно принялся ихъ раскладывать. Вообще онъ ничего не дѣлалъ безъ величія и торжественности.

Работы продолжались до ночи. Я отправился къ рапорту въ штабъ-квартиру. Тамъ собрались со всѣхъ отдѣльныхъ позицій. Новаго ничего не было. Бурбонцы бомбардировали наши работы на Сантъ-Анджело, но не причиняли имъ никакого существеннаго вреда. Была чудная ночь, хотя и въ концѣ сентября, но теплая и сухая, чему я былъ очень радъ, такъ какъ мнѣ пришлось провести ее подъ открытымъ небомъ.

На утро я всталъ съ разсвѣтомъ. У Абрुццезовъ, дѣйствительно, дѣло горѣло въ рукахъ. Остовъ траншеи былъ весь положень, и мѣстами уже рыли валъ. Городскіе работники

еще спали. Я разбудилъ ихъ, и мы принялись закладывать батарею. Во дворѣ одного изъ самыхъ близкихъ къ намъ домовъ, солдаты замѣтили большую кучу хвороста; такъ какъ сосѣднія деревья были всѣ срублены, то намъ приходилось идти за фашинами довольно далеко; кромѣ того, такъ какъ взлѣзая на деревья, люди подвергались бы неприятелискимъ выстрѣламъ, то приходилось бы валить цѣлыя березы и акаціи. Я отправилъ сержанта, чтобъ онъ сдѣлался какъ-нибудь съ хозяиномъ, чтобы тотъ уступилъ намъ этотъ хворостъ за приличное вознагражденіе. Немного погодя, вдругъ цѣлое семейство, со старухами и дѣтьми, горько рыдая и вопя, бросается мнѣ въ ноги. Что за исторія! Оказывается все тотъ же несчастный хворостъ виною. Напрасно увѣрялъ я ихъ, что имъ будетъ все заплачено, и чтобъ они сами назначили цѣну. Собралась толпа окрестныхъ жителей; я попросилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ оцѣнить этотъ дорогой предметъ, и отдалъ назначенную сумму старухѣ, которая больше всѣхъ кричала и бѣсновалась. Но она и тутъ не унялась. Работники громко хохотали, ругались и бросали въ нее мелкими камнями, такъ что для ея же собственной безопасности я велѣлъ отвести ее домой и приставить къ двери часоваго. Старуху почти силою потащили, и она все на кого-то жаловалась и плакалась на свою вдовью участь. Едва окончилась эта скучная исторія, изъ города пріѣхали двѣ извозничьи коляски, остановились не вдалекѣ, и изъ нихъ вышло нѣсколько человекъ въ красныхъ рубашкахъ. «Диктаторъ! Il generale dittatore!» раздавалось повсюду и не было никакой возможности удержать работниковъ на мѣстахъ. Гарibaldi шелъ впереди группы офицеровъ. Онъ былъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ. Полинялая красная рубаха, узкія сѣрыя панталоны раструбомъ къ низу и худые нечищенные сапоги. Венгерская черная шляпа была надвинута на самыя брови. Видно было, что онъ не въ духѣ. Голова была опущена на грудь, и брови нахмурены. Онъ подошелъ къ начатымъ работамъ, взлѣзъ на парапетъ, посмотрѣлъ во всѣ стороны и молча пошелъ дальше къ амфитеатру. Работники кидали шапки вверхъ и восторженно кричали «viva!» Онъ, казалось, ничего не слышалъ. Вдругъ откуда ни возьмись, мой донъ-Доменико бѣжитъ въ припрыжку, застегивая сюртукъ. Онъ догналъ диктатора, забѣжалъ ему впередъ, сталъ на одно колено и поймавъ его правую руку, поцѣловалъ ее съ экстазомъ. «Io baccio quella destra,» сказалъ онъ торжественно: «che

portò il glorioso alloro di libertà nel mio paese (я цѣлую десницу, принесшую славный лавръ свободы въ мое отечество).» Абрुццезы неистоворукоплескали и кричали «viva!» Диктатору, кажется, было очень неловко; онъ скорыми шагами пошелъ впередъ и ловко вскарабкался на крутой холмъ. «Диктаторъ очень озабоченъ сегодня,» сказалъ мнѣ одинъ изъ сопутствовавшихъ ему офицеровъ и поспѣшилъ въ догонку за нимъ.

— Досадно что я не взялъ съ собою своего сынишку. Кто знаетъ приведется ли ему увидеть этого удивительнаго чело-вѣка, сказалъ донъ-Доменико, утирая рукавомъ свои глаза.

VI. БАРРИКАДЫ.

Едва садилось солнце, я бралъ съ собою по нѣсколько чело-вѣкъ Абрुццезовъ съ лопатами и топорами, и мы отправлялись въ сторону отъ шоссе, разыскивать всѣ бывшія тамъ просе-лочныя дороги, и тѣ изъ нихъ, по которымъ можно было бы провезти пушки или пройти коннымъ отрядамъ, мы перерѣ-зывали рвами, ставили тамъ рогатки и всякаго рода баррикады. Часто намъ приходилось забираться очень близко къ непріятель-скимъ аванпостамъ. Иногда мы даже слышали разговоры въ бурбонскомъ лагерѣ, и разговоры почти всегда происходили на нѣмецкомъ языкѣ. Поросшая густымъ кустарникомъ мѣстность благопріятствовала намъ; а благодаря неисправности аванпостной службы въ королевскомъ войскѣ, мы были внѣ всякой опасности. Три или четыре дня къ ряду повторялись наши вечернія экс-курсиі. Мы изрѣзали всѣ дороги и тропинки. Возвращаясь, я вздумалъ забраться нѣсколько въ чащу, въ сторону отъ дороги. Я шелъ со всевозможною осторожностію, медленно ступая и держа саблю подъ мышкой; работники, притаивъ дыханіе, про-бирались за мною. Вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и пу-ли прожужжали надъ нашими головами. Испуганные Абрुццезы согнулись въ три погибели и повертели назадъ, съ намѣре-ніемъ выбраться на дорогу. Они конечно поступили очень не разчетливо. За нами могла быть погоня, а въ кустахъ спря-таться было несравненно легче нежели на ровной дорогѣ; убѣжать же отъ конной погони нечего было и надѣяться. Угова-ривать ихъ и объяснять имъ все это было некогда, а одному оставаться было слишкомъ не выгодно, и я отправился вслѣдъ

за ними. Они бѣжали такъ быстро, что угнаться за ними я не могъ. Погони однако никакой не оказалось; но едва мы прошли, или правильнѣе пробѣжали, нѣсколько шаговъ, снова раздались выстрѣлы, и нѣсколько пуль впереди насъ взбороздили землю почти у насъ подъ ногами. Очевидно, что не вдалекѣ былъ поставленъ пикетъ, состоявшій (на сколько можно было судить по выстрѣламъ) изъ пяти или шести человекъ. Еслибъ ихъ было больше, они непремѣнно вышли бы помѣшать намъ работать; по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за первымъ залпомъ пяти или шести ружей, тотчасъ бы выстрѣлили остальные. Тутъ же между выстрѣлами протянулось довольно времени, употребленнаго конечно на зарядженіе ружей; наконецъ уже одно то, что первые выстрѣлы были взяты слишкомъ высоко, а вторые слишкомъ низко, давало заключать, что стрѣляли одни и тѣ же. «Сообразивъ все это, я увидѣлъ, что опасности особенной не было и старался объяснить это работникамъ, которые при выстрѣлѣ всѣ повалились на землю. Странное это дѣло, подумаешь, проговорилъ, вставая, нѣсколько сконфуженный бритый дѣтина лѣтъ тридцати съ плутовскою фizioноміей:—вѣдь летитъ она, проклятая, словно жукъ какой или комаръ, а вѣдь такъ сердце и ёкнетъ какъ услышишь этотъ мерзкій визгъ.»

Бурбонцы не сочли нужнымъ беспокоить наше дальнѣйшее путешествіе. Послѣ нѣсколькихъ минутъ скорой ходьбы, мы выбрались наконецъ на большую капуанскую дорогу, шагахъ въ двухъ стахъ отъ арки. Тутъ нашими стараніями была воздвигнута баррикада, которая служила намъ самымъ передовымъ пунктомъ. Въ то время, пунктъ этотъ занималъ полковникъ Коррао, (въ послѣдствіи генералъ) съ батальономъ Сициліанцевъ. Коррао—типъ сициліанскаго буржуа средней руки: фанатикъ религіи, понимаемой имъ по своему, фанатикъ итальянской народности и идей молодой Италіи, безъ особеннаго образованія, но съ громаднымъ запасомъ того добродушно-насмѣшливаго здраваго смысла и лѣни, которые составляютъ отличительную черту обитателей юга. Отъ прочихъ своихъ соотечественниковъ онъ отличался своею хладнокровною, сознательною храбростію, такъ рѣдкою въ Сициліанцахъ.

Баррикада, о которой я говорилъ, была набросана наскоро изъ матеріала, какой попадался подъ руку. Рва совсѣмъ не было и подобія. Я хотѣлъ воспользоваться остававшимся свободнымъ временемъ и распорядился немедленно объ окон-

чаніи баррикады. Работники, довольные счастливымъ исходомъ нашего послѣдняго предпріятія, весело принялись за дѣло, прицѣвая свои народные горные напѣвы. Коррао сидѣлъ на барабанѣ; возлѣ него живописною группой расположились нѣсколько человекъ офицеровъ и солдатъ его батальона, и вели оживленный разговоръ. Я присоединился къ нимъ. Въ сторонѣ солдаты лежали на солнцѣ у сложенныхъ въ кучки ружей. Впереди, между деревьями, ярко видѣлись бѣлыя башни и колокольни Капуи; на Сантъ-Анджело гремѣли пушки. Ихъ сухой, отрывочный гулъ раздавался страннымъ диссонансомъ среди мѣстности, которая казалась созданною для сценъ иного рода. Молодой медикъ, съ черною бородкой, живописно стоялъ, опершись на щегольской карабинъ. Новая красная рубашка, съ широкими складками, облегла его могучую грудь и плечи. Въ выговорѣ легко было узнать Венеціанца. Онъ съ жаромъ разказывалъ о своемъ побѣгѣ изъ Виченцы, гдѣ его принуждали вступить медикомъ въ австрійское войско. Каждое его слово дышало пылкостью молодости. Въ 48 году, онъ былъ почти ребенокъ, но принималъ дѣятельное участіе въ геройской защитѣ Виченцы противъ Радецкаго. Тамъ, подлѣ церкви на Монте-Берико, гдѣ битва была особенно упорна, погибли тысячи храбрыхъ съ обѣихъ сторонъ. Мраморная колонна съ приличною надписью поставлена на память убитыхъ изъ лагеря побѣдителей.

— *Alt! Chi va la*, закричалъ неистовымъ голосомъ часовой и вскинулъ на прицѣлъ свое ружье.

Всѣ подбѣжали къ нему. По дорогѣ изъ Капуи пробирались двѣ фигуры, которыхъ вида и одежды нельзя было различить. Нѣсколько солдатъ съ заряженными ружьями выбѣжали впередъ.

— *Picciotto!* флегматически замѣтилъ Коррао: — не пожалѣй глотки, закричи имъ, чтобы прямо шли сюда.

— Ну, а какъ они въ сторону, да тягу, возразилъ толстый часовой съ отвисшими рукавами рубахи, чѣмъ еще больше давало ему видъ пучкинея, котораго и безъ того напоминала вся его фигура.

— А если они въ сторону да тягу, повторилъ полковникъ, — то пошли имъ на дорогу по золотнику свинца на брата, и увидишь, что они не далеко уйдутъ съ этою ношей.

Шедшіе приостановились; одинъ изъ нихъ упалъ на ко-

лѣни. Солдаты прицѣлились въ нихъ, и махали имъ, чтобъ они шли впередъ; тѣ однако не двигались съ мѣста.

— *Gigillo!*¹ крикнулъ полковникъ своему денщику:—возьми моего жеребца да лети во всю прыть и приведи сюда этихъ двухъ животныхъ. *Sarà qualche spia* (вѣрно шпионъ), прибавилъ онъ, обратясь къ намъ.

Денщикъ поспѣшилъ исполнить приказаніе полковника, и черезъ минуту онъ уже мчался на лихомъ ворономъ жеребцѣ, размахивая руками и ногами.

Прохожихъ привели. Одинъ — худой, загорѣлый лѣтъ сорока, въ одеждѣ мужика; другой — мальчикъ лѣтъ восьмнадцати, одѣтый прилично, по городскому, съ полнымъ лицомъ, блѣднымъ отъ страху. Его черные волосы были сильно припомажены и щегольски прочесаны, съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ. Оба они дрожали отъ страху и судорожно повторяли: «*Viva l'Italia... Siamo tutti fratelli... Nonci fate danno* (мы всѣ братья... не дѣлайте намъ зла).

— Зла вамъ никто дѣлать не намѣренъ, грозно сказалъ имъ Коррао:—а вы разказывайте, что вы тутъ таскаетесь? Да чуръ не лгать, а то добра не будетъ.

Мальчикъ приободрился первый. Онъ разказалъ, что у него семейство въ Капуѣ, что самъ онъ жилъ въ Неаполѣ, что нѣсколько дней тому назадъ, сильно опасаясь за участь своихъ родныхъ, онъ рѣшился отправиться въ осаждаемый городъ. Черезъ наши аванпосты онъ прошелъ благополучно, и обратился къ генералу, командовавшему непріятельскою передовою линіей. Тамъ ему выдали позволеніе отправиться въ городъ. Но едва онъ явился, его схватили, начали издѣваться надъ нимъ, били и потащили въ казематъ, грозя разстрѣлять его на слѣдующій день, какъ измѣнника и шпиона. Въ казематѣ продержали его двое сутокъ, безъ пищи, и наконецъ сегодня выпустили его оттуда, вывели за передовую линію и прогнали, говоря, что если онъ въ другой разъ попадетса, то уже такъ дешево не отдѣлается.

Контадинъ сказалъ, что онъ крестьянинъ одной изъ близкихъ къ Капуѣ деревень; что сынъ его съ возами отправился въ Санта-Марію, еще до занятія этихъ мѣстъ нашими войсками, и что съ тѣхъ поръ, не имѣя ни о немъ, ни о возахъ ника-

¹ *Малыи*, на сицилійскомъ діалектѣ.

кихъ извѣстій, онъ отправился самъ на розыски; что онъ пробрался чащей и проселками, не встрѣчая нигдѣ бурбонскихъ солдатъ, и вблизи нашей баррикады вышелъ на дорогу, гдѣ и встрѣтилъ теперешняго своего товарища, котораго до этого онъ никогда не встрѣчалъ, и даже еще не успѣлъ перемолвить съ нимъ слова.

Приступили къ обыску. У контадина нашли письменное дозволеніе пройти черезъ бурбонскую линію теперь и обратно, кошелекъ съ мѣдными деньгами и образъ Мадонны въ оправѣ изъ фольги. Коррао собственноручно снялъ оправу съ образка, и обшаривъ его весь, не нашелъ ни клочка бумаги и ничего компрометирующаго. — «Клянись на этой Мадоннѣ, что ты сказалъ чистую правду,» сказалъ онъ ему. Контадинъ дрожалъ и молчалъ. Его долго уговаривали, и наконецъ, дрожащимъ голосомъ, онъ объявилъ, что прокрался не проселками, а прошелъ черезъ аванпосты, на что выхлопоталъ разрѣшеніе у бурбонскаго генерала. Онъ прибавилъ, что утаилъ это, боясь, что его разстрѣляютъ, но что все остальное чистая правда, и въ томъ онъ клянется Мадонной и Св. Януаріемъ. Онъ прибавилъ еще, что въ непріятельскомъ лагерѣ, выдавая ему позволеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ приказывали непремѣнно возвратиться, какъ только онъ окончитъ свое дѣло.

У мальчика найдено было нѣсколько записныхъ книжекъ и другихъ карманныхъ вещей, кошелекъ съ нѣсколькими золотыми и въ бумажникѣ тоже разрѣшеніе возвратиться въ Капуэ, явно противорѣчившее всему имъ сказанному. Кромѣ того, нашлось нѣсколько лоскутковъ бумаги, вырѣзанныхъ въ видѣ круговъ и разрѣзанныхъ потомъ на части.

— Это очень похоже на условные знаки, сказалъ полковникъ, пристально смотря ему въ глаза.

Юноша смутился и поблѣднѣлъ. Оправившись нѣсколько, онъ сказалъ, что одинъ знакомый въ Капуѣ просилъ его передать это въ Неаполѣ аптекарю, чтобы тотъ выслалъ ему лѣкарство, отъ котораго у него не сохранилось рецепта, но которое заключалось въ коробочкѣ, обложенной этими лоскутками бумаги. Все это могло быть правда, хотя очень походило на ложь. Въ показаніяхъ юноши встрѣчалось много противорѣчій, но эти противорѣчія, могшія подать поводъ къ подозрѣнію, ни въ какомъ случаѣ не позволяли заключать о виновности.

— Ну что прикажете дѣлать съ такими господами? обра-

тысяч ко мнѣ Коррао:—тотъ еще пожалуй и нѣтъ, сказалъ онъ, указывая на контадина,—а за этого поручусь, что шпионъ.

— Отправьте ихъ въ Санта-Марію. Я буду сегодня въ штабъ-квартирѣ и сообщу полковнику Порчелли результаты вашихъ допросовъ.

— Много ихъ тутъ шатается, этой сводочи! По моему, этого молодчика взять да и разстрѣлять тутъ же; время военное. А вотъ Гарibaldi не такого мнѣнія и ни за что на это не рѣшится. Ему прежде разспроси, да докажи виновность, да и потомъ велить въ тюрьму запрягать, а они этому и рады. Вспомните, при Мелазцо переодѣтые полиціюты на насъ изъ оконъ смогу и масло горячее лили; взяли ихъ больше тридцати человекъ; всехъ бы подрядъ разстрѣлялъ да, и баста; такъ и то не велѣно.

— Русская императрица Екатерина II говорила, что лучше простить десять виноватыхъ нежели наказать одного правого.

— Я съ этимъ не согласенъ. Правого конечно наказывать не слѣдуетъ, а виноватаго не простилъ бы ни за что.

Между тѣмъ стемнѣло. Рабочіе улеглись на отдыхъ. Я распрощался съ Коррао и отправился къ рапорту.

VII. Министерство.

Чтобъ окончить начатыя фортификаціонныя работы, не доставало баснословнаго количества мѣшковъ. Въ Санта-Марію достать ихъ не было возможности. Я давно отнесся объ этомъ въ Неаполь, но отвѣтъ не приходилъ, а медлить было некогда. Когда я сообщилъ Мильбицу объ этомъ печальномъ обстоятельстве, то онъ сказалъ мнѣ, что ему нужно отправить офицера съ депешами къ военному министру, и что онъ для этого назначаетъ меня, и къ прежнему пакету прибавилъ требованіе немедленной выдачи четырехъ тысячъ мѣшковъ подъ мою росписку. Утромъ, съ первымъ поѣздомъ, я отправился.

Вагоны, безъ различія классовъ, были набиты офицерами и солдатами; даже на крышахъ алѣли гарibaldiйскія рубашки. Поѣздъ шелъ медленно до крайности, и вмѣсто двухъ съ половиною часовъ, мы протянули часа четыре. Въ Неаполь при выходѣ со станціи вышла исторія. Министерство, для прекращенія самовольныхъ отлучекъ офицеровъ, распорядилось, чтобы ни одинъ гарibaldiецъ не былъ впускаемъ въ Неаполь безъ

письменнаго разрѣшенія отъ своего начальства. Приказъ этотъ не былъ сообщенъ стоявшимъ на аванпостѣ, а между тѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ guardia di sicurezza стояли строгими церберами у чугунной рѣшетки и свято исполняли отданный приказъ. Письменныхъ позволеній не оказалось почти ни у кого, и дѣло доходило чуть не до драки.

Послѣдній поѣздъ изъ Неаполя уходилъ въ пять часовъ. Дѣла мнѣ было много, а времени мало. Протокатъ къ рѣшеткѣ не было физической возможности; дожидаться некогда, да и не весело. Я разчиталъ, что хотя прямая дорога всегда самая короткая, но самая ли она удобная — этого геометрія не говоритъ, и сдѣлавъ небольшое отклоненіе влѣво, вылѣзъ въ окошко воксала, отстоявшее не высоко отъ земли, торжественно махая передъ глазами церберовъ подписанною Мильбицемъ бумагой. Многие послѣдовали моему примѣру, и толпа у рѣшетки въ одну минуту порѣдѣла значительно.

Предоставивъ блюстителямъ порядка негодовать на мой поступокъ, сколько онъ этого заслуживалъ, я взялъ перваго попавшагося извозчика и отправился въ министерство, помѣщавшееся въ великолѣпномъ дворцѣ на Largo del Castello. Дворецъ этотъ въ шесть этажей, и въ самомъ верхнемъ изъ нихъ помѣщалось военное министерство. Вся лѣстница была усеяна гарибальдійцами, по большей части ранеными; они потихоньку взбирались по колоссальной лѣстницѣ; нѣсколько старухъ, покашливая, ковыляли тутъ же. Въ дверяхъ тѣснилась многолюдная толпа, чающая движенія воды. У министра не было опредѣленныхъ часовъ для пріема, а между тѣмъ самыя мелочныя дѣла непремѣнно требовали его разрѣшенія; и всякій, имѣвшій въ немъ какую-либо надобность, долженъ былъ ожидать удобнаго случая изложить министру, и много разъ пересчитать ступени мраморной лѣстницы, ведущей на шестой этажъ, прежде нежели добиться цѣли. Раненые въ Сициліи и Калабріяхъ, не будучи въ состояніи слѣдовать за своими отрядами, оставались до выздоровленія въ ближайшемъ къ мѣсту дѣйствія госпиталѣ, а иногда и въ частномъ домѣ, гдѣ всегда встрѣчали радушный пріемъ и искреннюю заботливость объ ихъ участи. Неоднократно случалось, что бѣдняки, пролежавшіе нѣсколько мѣсяцевъ въ маленькой избушкѣ калабрійскихъ контадиновъ, отправляясь оттуда, не только не платили ничего, но даже получали денежное пособіе отъ своихъ

хозяевъ. Съ этимъ пособіемъ они отправлялись въ Неаполь, являлись къ плацъ-коменданту, и отъ него получали квартирный билетъ. Слѣдовавшее же имъ жалованье они не могли получить безъ разрѣшенія военнаго министра. Прибавьте къ этому, что многіе изъ людей, даже богатыхъ, во время похода оставались безъ всякихъ средствъ, а большинство конечно состояло изъ людей жившихъ жалованіемъ, и вы легко поймете, какъ усердно должны были эти господа преслѣдовать военнаго министра, который представлялся имъ въ видѣ мистическаго существа, въ которое необходимо вѣрить, хотя оно ничѣмъ не заявляетъ своего бытія. Охота эта продолжалась во всякомъ случаѣ очень долго, и не всегда увѣчивалась успѣхомъ. Понятно, что въ это время храбрые защитники народнаго дѣла имѣли полное удобство умереть съ голоду, если не хотѣли снискивать себѣ пропитаніе не благовидными способами. Конечно, дѣло не обошлось бы безъ этого, еслибы Провидѣніе не позаботилось о бѣдныхъ гарибальдійцахъ. На этотъ разъ орудіемъ его былъ нѣкто Веберъ, содержатель трактира въ одномъ изъ переулковъ на Толедо. Этотъ почтенный мужъ говорилъ *je* вмѣсто *um*, изъ чего не трудно было заключить, что рожденіемъ его свѣтъ обязанъ Берлину или его окрестностямъ. Кредиту для гарибальдійцевъ не было у него границъ, и злые языки утверждали, что подъ кухонною обочкою трактирщика Вебера скрывается дипломатическій агентъ. Не знаю, на сколько основательно было такое предположеніе; но во всякомъ случаѣ дипломатъ-трактирщикъ могъ доставить своимъ патронамъ самыя полныя свѣдѣнія о желудкахъ каждаго изъ дѣятелей италянскаго народнаго движенія, или тѣхъ по крайней мѣрѣ, которыхъ кошельки не находились въ вождѣльномъ состояніи.

Протѣснившись сквозь толпу *чаюущихъ*, я смѣло отворилъ дверь, и очутился въ передней административнаго святилища. Дряхлый инвалидъ съ маленькимъ желтымъ лицомъ, и поблѣвшими бакенбардами и усами, свирѣпо взглянулъ на меня.

— Я съ депешами отъ главнокомандующаго первою линіей, и долженъ лично передать ихъ министру.

— Министра нѣтъ, приходите завтра, прохрипѣлъ привратникъ.

— Мнѣ все равно, я могу передать ихъ директору; но отвѣта я долженъ добиться сегодня, и притомъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Директоръ занятъ и никого не принимаетъ, отвѣчалъ инвалидъ, изо всѣхъ силъ стараясь вытолкнуть меня за дверь; онъ совершенно побавровѣлъ отъ усилій, но не могъ сдвинуть меня съ мѣста. Бѣднаго старика это совершенно выводило изъ себя, да и мнѣ начало надоѣдать порядочно.

— Да вѣдь есть же здѣсь кто-нибудь повѣжливѣе и поумнѣе васъ, сказалъ я ему.—Я хочу, чтобъ обо мнѣ доложили; а если этого нельзя добиться, я войду безъ доклада,—и довольно вѣжливо оттолкнувъ храбраго инвалида, пошелъ впередъ. Сторожъ побѣжалъ за мной, ругаясь и крича на сколько хватало у него силы: «signor maggiore!» На зовъ этотъ выбѣжалъ съдой майоръ, безъ шпаги, съ перомъ въ рукѣ и въ разстегнутомъ вицмундирѣ бурбонскихъ офицеровъ. Не выслушавъ въ чемъ дѣло, онъ прямо накинулся на меня. Потоконъ рѣзкихъ словъ, и энергически разводя руками подъ самымъ моимъ носомъ, онъ разчитывалъ, кажется, совершенно уничтожить меня. Давъ ему наговориться вдоволь, я рѣшительно объявилъ, что не уйду, пока не передамъ депешъ министру или директору; а если этого ни подъ какимъ видомъ нельзя добиться, то удовольствуюсь тѣмъ, что онъ, дежурный майоръ, дастъ мнѣ записку, въ которой изложить почему онъ меня ни къ министру, ни къ директору допустить не хотѣлъ. Майоръ смягчился.

— Да вы точно съ депешами? спросилъ онъ недовѣрчиво.

— Да, вотъ онъ. Если хотите отнесите ихъ сами, только не медя ни минуты, потому что къ вечеру я долженъ быть въ Санта-Марія.

Майоръ взялъ бумаги, и черезъ пять минутъ объявилъ мнѣ, что директоръ требуетъ меня къ себѣ. Должность директора военнаго министерства соотвѣтствуетъ должности товарища министра и начальника исполнительнаго департамента. Въ это время при Козенцѣ въ качествѣ директора былъ Дзамбеккари, ученый артиллеристъ и одинъ изъ героевъ Римской республики 1848 года. Дзамбеккари очень старъ и дряхлъ на видъ; сколько численно ему лѣтъ я не знаю. Онъ родомъ изъ Болоньи, но говорить по-итальянски правильно, хотя и сохранилъ рѣзкое произношеніе, вмѣстѣ съ добродушною безцеремонностью и *pruquerie* Романьоловъ. Я зналъ его еще прежде во Флоренціи, гдѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ организациіи ученой части экспедиціи Никотеры. Онъ меня

узналъ тотчасъ же, и мы встрѣтились какъ старые знакомые. Онъ передалъ своему секретарю привезенныя мной депеши, и пока тотъ написалъ всѣ нужныя распоряженія, Дзамбеккари подробно разспрашивалъ о ходѣ дѣлъ на аванпостахъ, и о нѣкоторыхъ находившихся тамъ своихъ знакомыхъ. Я разказалъ ему весь планъ своихъ укрѣпленій; онъ очень возсталъ противъ помѣщенія центральной батареи подъ аркою.

— У Бурбоновъ хорошая артиллерія, и если они повалятъ арку, то всѣхъ васъ раздавятъ какъ мышей.

Я возражалъ на это, приводилъ въ видѣ аргумента прочность этой постройки, и что я не могъ не воспользоваться этимъ природнымъ блиндажемъ.

— Я этой арки не видалъ; надѣюсь впрочемъ, что вы не опрометчиво рѣшились на это, сказалъ онъ.

Секретарь принесъ ему бумаги, онъ подписалъ ихъ и подалъ мнѣ. Я отправился.

По дѣлу о мѣшкахъ, мнѣ нужно было идти въ инженерное депо, находящееся на Монте-Кальваріо, то-есть не очень далеко отъ министерства; но приходилось взбираться вверхъ, а это стоило порядочнаго конца.

Въ канцеляріи я не нашелъ никого, и меня проводили на квартиру магазиннаго смотрителя, состоявшаго въ чинѣ полковника бурбонской службы. Я засталъ этого почтеннаго штабъ-офицера за обѣдомъ, въ кругу всего семейства, состоявшаго изъ порядочнаго количества дѣтей разной величины и обоего пола. Прочитавъ бумагу министерства, онъ тотчасъ же откомандировалъ своего старшаго сына, мальчика лѣтъ пятнадцати, распорядиться объ отправкѣ требуемаго числа мѣшковъ, помимо всякой формальности, съ двухъ-часовымъ поѣздомъ въ Санта-Марію.

Было около половины втораго. Я имѣлъ право возвратиться на аванпосты, и рѣшился имъ воспользоваться.

На Толедо, въ одномъ изъ переулковъ, я нанималъ маленькую комнатку, въ которой оставались всѣ мои пожитки, я тотчасъ же отправился туда. Это было нѣчто въ родѣ *hôtel garni* не изъ первокласныхъ. Внизу меня встрѣтилъ толстякъ хозяинъ, и тотчасъ же спросилъ: «Правда ли, что Франческо долженъ возвратиться въ Неаполь къ своимъ именинамъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю, долженъ ли онъ это сдѣлать или нѣтъ, но нѣсколько сомнѣваюсь, можетъ ли онъ исполнить этотъ долгъ.

— Ну слава Богу! А то насъ тутъ такъ напугали! Я уже собралъ всѣ свои вещи, и привелъ по возможности въ порядокъ всѣ свои дѣла, чтобъ уѣхать, чуть только что-нибудь случится. Кстати, прибавилъ онъ мимоходомъ, — вы не разсердитесь: я въ вашей комнатѣ помѣстилъ изъ вашихъ же. Онъ очень хорошій человекъ; майоръ и безъ ноги; при Палермо, ему пушкой оторвало ее.

На моей постели дѣйствительно лежалъ молодой человекъ лѣтъ двадцати трехъ, очень красивый, но блѣдный какъ полотно, съ черными кудрявыми волосами и маленькими усиками. Онъ извинился, что вынужденъ былъ поселиться въ моей комнатѣ и рекомендовалъ себя: Либоріо Клеза. Я и прежде слышалъ о немъ. При Палермо онъ командовалъ ротой и первый вошелъ въ городъ съ храбрыми своими товарищами. Они были встрѣчены выстрѣлами изъ крѣпости; картечь сметала храбрецовъ цѣлыми рядами, и капитану оторвало лѣвую ногу отъ колѣна. Клеза несколько не унывалъ отъ этого несчастья; онъ былъ переведенъ въ главный штабъ Гарибальди и ожидалъ только, пока залѣчатся слѣды ампутаціи, чтобы потомъ приступить къ отправленію своей должности. Онъ съ очевиднымъ безпокойствомъ разспрашивалъ меня о положеніи дѣлъ на передовой линіи. Оказалось, что въ Неаполѣ были распущены самые неблагонамѣренные на нашъ счетъ слухи.

— Вчера еще, сказалъ мнѣ самъ Клеза, — въ кофейной, какой-то юноша Французъ, въ красной рубашкѣ и съ подвязанною рукой, разказывалъ, что онъ прямо изъ Санта-Маріи, гдѣ только что было кровавое дѣло, что Гарибальди сильно раненъ, а Менотти убитъ. Мнѣ сильно хотѣлось попросить этого господина, чтобъ онъ мнѣ показалъ бреть, въ силу котораго онъ одѣвается гарибальдѣйскимъ офицеромъ. Голову дамъ наотрѣзъ, что это бурбонскій агентъ: изъ двлетантизма вратъ такую чепуху, да еще публично, трудно рѣшиться.

— Дѣло при Каяццо, конечно, было не въ нашу пользу, сказалъ я майору, — но оно не даетъ еще бурбонцамъ никакого преимущества надъ нами. Не скрою и того, что положеніе наше вовсе не изъ выгодныхъ. Однако непріятель до сихъ поръ еще не рискнулъ атаковать насъ, и ограничивается пустою перестрѣлкой на Сантъ-Анджело, которая намъ ничуть не вредна. Да къ тому же мы съ каждымъ днемъ становимся

крѣпче и сильнѣе: строятся баррикады, подвозятся пушки и формируются новые полки. Если непріятель не атакуетъ насъ еще недѣлю, то, я думаю, мы сами начнемъ дѣйствовать наступательно. Впрочемъ, эти послѣдніе дни въ королевскомъ лагерѣ замѣтно необыкновенное движеніе, и опытные люди ожидаютъ чего-нибудь рѣшительнаго.

Съ закатомъ солнца я былъ въ Санта-Маріи. Безъ меня замѣчено было какое-то движеніе на передовой линіи, завязалась перестрѣлка, но скоро и прекратилась. Между тѣмъ били тревогу, войска всѣ были на ногахъ, и часа два простояли она подъ ружьемъ въ ожиданіи.

— Отправьтесь на вашу батарею, сказалъ мнѣ Мильбицъ, едва мы встали отъ стола.—Распорядитесь, чтобъ орудія были готовы. Да имѣйте въ виду, что тамъ командуетъ какой-то поручикъ изъ бурбонскихъ драгунъ. Онъ хорошій кавалеристъ, но въ артилеріи, кажется, ничего не смыслить. Я написалъ, чтобы его смѣнили, а пока наблюдайте вы за этимъ; поострайтесь выбрать изъ команды человѣкъ двухъ-трехъ знающихъ, и обязанность ваша не будетъ тяжела.

Я отправился. Наша артилерія состояла изъ двухъ шести-фунтовыхъ пушекъ, кажется, отливки 32-го года. Лошади и мулы, благодаря распорядительности поручика Бонвино, были въ исправности, такъ что увести орудія было бы очень легко, но отставаться съ ними противъ серіознаго нападенія, признаюсь, я не видѣлъ большой возможности.

Поручика при орудіяхъ не оказалось. Отправился отыскивать въ кофейную въ Санта-Маріи. Черезъ часъ онъ явился на гнѣдомъ жеребцѣ, который фыркалъ и храпѣлъ, и второпяхъ кажется перепрыгнулъ черезъ мальчишку часоваго, который пытался было остановить лихаго ѣздока, такъ какъ тотъ не зналъ ни пароля, ни лозунга.

— Кому я тутъ нуженъ? спросилъ онъ, лѣниво слѣзая съ лошади и зѣвая.

Я объяснилъ ему, зачѣмъ онъ былъ призванъ.

— Боже мой, вотъ еще бѣда! Не говорилъ ли я этимъ господамъ, что я въ артилеріи никогда не служилъ и въ пушкахъ ничего не смыслю. Ну, что же я буду дѣлать теперь? Насъ атакуютъ, а я и зарядить пушки не умѣю. Добро бы еще команда была ловкая и привычная, а то мальчишки какіе-то, сами ни о чемъ понятія не имѣютъ.

Храбрый кавалеристъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Я

нѣсколько успокоилъ его. Приведя въ извѣстность матеріалъ и собравъ команду, дѣйствительно состоящую изъ мальчишекъ, мы соединенными силами зарядили оба орудія,—одно картечью, другое гранатою,—разставили часовыхъ, разставили прислугу и улеглись отдыхать на лаврахъ, которые на этотъ разъ показались мнѣ довольно жесткими. Успокоившись по ручикъ долго еще объяснялъ мнѣ превосходство неаполитанской системы фехтованія надъ французскою; но я не дослушалъ и половины его апологіи, и заснулъ сномъ праведныхъ.

VIII. Ночь на 4-е октября.

Съ утра бомбардировка на Сантъ Анджело обратилась въ непрерывный ревъ пушекъ. Наши батареи отвѣчали довольно дѣятельно. На лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ все было по прежнему спокойно. Часамъ къ 5-ти, послѣ обѣда, мой парашютъ увѣнчался тремя рядами мѣшковъ, и я торжественно отправился рапортовать объ окончаніи своихъ работъ. Когда работники были распущены, дѣятельный сподвижникъ мой, Доменико, подошелъ ко мнѣ, произнесъ какую-то чувствительную рѣчь, и въ заключеніе объявилъ, что онъ почиталъ бы, себя вполне счастливымъ, если бы я далъ ему на память записку о его геройскихъ подвигахъ на пользу народнаго дѣла. Желая вполне обязать достойнаго Абрुцеза, я пригласилъ его съ собою въ штабъ-квартиру, написалъ офиціальную благодарность отъ имени начальника линіи военныхъ дѣйствій, и попросилъ Мильбица подписать ее и приказать приложить надлежащія печати. Донъ-Доменико обрадовался какъ ребенокъ, когда я вручилъ ему наконецъ вожделѣнный листъ и тотчасъ же отправился показать его своему вѣрному наперснику донъ-Карло, которому съ тѣхъ поръ уже ни разу не позволялъ садиться за столъ вмѣстѣ съ собою.

Едва повечерѣло, мнѣ отдано было приказаніе отправиться въ домикъ, занимаемый французскою ротой, передать ея командиру нѣкоторыя распоряженія. Затѣмъ предстояло съѣздить еще разъ на рекогносцировку, и наконецъ являлась возможность провести нѣсколько дней въ покоѣ. Но рокъ судилъ иначе.

Я весело галопировалъ по скользкой мостовой, направляясь къ аванпостамъ и лаская мечту о сладкомъ снѣ на постели, которой не видалъ уже болѣе десяти дней.

Cascina della Gaglia, двухэтажный домъ, въ которомъ помѣщалась французская компанія, отстоялъ шаговъ на двѣсти отъ арки, нѣсколько вправо отъ большой дороги, среди мѣстности, усыянной каштанами и фруктовыми деревьями. Онъ былъ правильно ретраншированъ и обнесенъ ровомъ съ небольшимъ парпетомъ. У входа меня окликнули и впустили по исполненіи всѣхъ формальностей. Это меня удивило не мало. Обыкновенно часовыми у насъ стояли мальчишки, не знавшіе никакихъ правилъ службы; они, едва окликнувъ, пропускали всѣхъ и cadaго, или уже просто никого не пропускали; а чуть замѣчали нѣсколько галуновъ на шапкѣ у проходящаго, то вмѣсто всякаго оклика или вопроса, довольно отчетливо метали артикуль. Но тутъ замѣтна была болѣе строгая дисциплина.

Въ довольно большой, тускло освѣщенной лучернами комнатѣ, за столомъ, сидѣло человекъ до двадцати солдатъ и офицеровъ. Они курили и пили, и очень весело и шумно разговаривали между собою. Среди всеобщаго движенія, мальчикъ лѣтъ шестнадцать невозмутимо сидѣлъ на одномъ концѣ стола, болталъ ногами, и вслухъ по складамъ читалъ оборванный листокъ вѣроятно прошлогодняго неаполитанскаго журнала, выговаривая по-французски итальянскія слова.

Меня приняли съ такимъ радушіемъ, что едва-едва, выпивъ стакана на три пуншу и коньяку и еще чего-то, я успѣлъ передать капитану сообщенныя мнѣ распоряженія. Пока тамъ распоряжались е назначеніи пѣшаго патруля, я вышелъ, чтобы взять свою лошадь, оставленную мною на батарее подъ аркою, и присоединиться къ конному разъѣзду капитана Б***. Командиръ Погамъ проводилъ меня до дверей.

— Знаете ли, сказалъ онъ мнѣ,—сегодня тамъ за проселкомъ одинъ изъ моихъ зуавовъ наткнулся на бурбонскихъ стрѣлковъ. Они, кажется, отдѣльными партіями перебираются по сю сторону Вольтурно. Мѣсто здѣсь очень удобное для сюрпризовъ всякаго рода.

Я нагналъ капитана Б*** у самой передовой баррикады, и передалъ ему слова Погама. Мы долго блуждали по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только могла пройти лошадь; прокрадывались подъ самыя неприятельскіе аванпосты; Б*** обшарилъ всѣ кусты на бере-

гахъ Вольтурно. Замѣтно было особенное движеніе, по насъ нѣсколько разъ стрѣляли, но по обыкновенію не попадали. До стычекъ дѣло не доходило ни разу. Ночь была темная, подробно ничего нельзя было узнать; но по всему можно было замѣтить, что готовилось нападеніе. Во второмъ часу ночи мы отправились восвояси. Б*** съ большею частью людей шелъ по шоссе. Поручикъ графъ Малаккори и я вели остальныхъ, пробираясь цѣдиною около дороги. Уже въ виду арки, намъ съ шоссе закричали остановиться и построить солдатъ въ батальонный порядокъ.

Нѣсколько минутъ стояли мы, усердно прислушиваясь и, насколько позволяла темнота ночи, слѣдили за движеніями шедшихъ по шоссе. Вдругъ выстрѣлы, шумъ, крикъ, и какія-то тѣни быстро задвигались по дорогѣ. «По нашимъ стрѣляютъ! Впередъ!» Мы поскакали и стали карабкаться по крутому подъему дороги. Линія была разорвана, и всякъ лѣзъ самъ по себѣ. Въ это время, съ дороги, прямо на насъ, въ безпорядкѣ побѣжали солдаты. Ихъ застали врасплохъ, и они старались скрыться между деревьями. Гусары били саблями пробѣгавшихъ подлѣ нихъ, и спѣшили выбраться на шоссе, чтобы соединиться съ капитаномъ. О преслѣдованіи не думали, а бѣжавшіе не защищались. Я былъ уже на половинѣ возвышенія, какъ вдругъ какая-то фигура, неизвѣстно откуда взявшаяся, повисла у меня на поводьяхъ. «Во имя короля, сдавайтесь!» закричалъ нападавшій задыхающимся голосомъ. Сабли наши скрестились въ воздухѣ. Съ минутой мы неистово колотили ихъ одну о другую. Я не могъ видѣть своего противника; онъ былъ защищенъ шеей моей лошади, которую крѣпко держалъ за поводья. Между тѣмъ, послѣдніе изъ нашего отряда мчались мимо меня. Одинъ изъ нихъ подоспѣлъ ко мнѣ на выручку. Противникъ мой выпустилъ поводья и выступилъ нѣсколько впередъ, такъ что очутился почти у моей лѣвой ноги. Пока я успѣлъ выхватить револьверъ, онъ выстрѣлилъ, и пуля прожужжала у самого моего уха. Мой выстрѣлъ былъ удачливъ. Когда разсѣялся дымъ, противника передо мною не было. Я прищпорилъ лошадь и выскакалъ на дорогу. Гусары толпились, не успѣвъ построиться. Впереди была свалка. Мимо насъ, съ громомъ, прокатила пушка по направленію къ Капуѣ. Нѣсколько всадниковъ промчались за ней. Имъ выстрѣлили въ слѣдъ. Воспользовавшись очищеннымъ ими мѣстомъ я подвинулся впередъ. Поперекъ дороги стояла четверка

лошадей съ пушечнымъ передкомъ. На задней парѣ сидѣлъ солдатъ, другой готовился взлѣзть на переднюю. Дужій Венгерець вахмистръ, наскочавъ на него, повалилъ его сабельнымъ ударомъ, и сильною рукой поворотилъ лошадей къ нашей батарее. Позади насъ раздались выстрѣлы и послышался топотъ лошадей. Впереди, по дорогѣ, видны были только наши гусары, начинавшіе строиться.

— Ну съ Богомъ, домой! Благо не съ пустыми руками, сказалъ Б*** и мы поскакали таща за собой четверку съ сидѣвшимъ на одной изъ лошадей бурбонскимъ солдатомъ.

Погоня слышалась все ближе и ближе. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но никто не былъ задѣтъ. Венгерцы обертывались и выкрикивали насмѣшки или ругательства. Б*** былъ слегка раненъ въ голову; у меня было расцарапано лѣвое бедро. Доѣхавъ до арки, гдѣ устроенъ былъ спускъ, мы своротили съ шоссе. Испуганный часовой отскочилъ въ сторону, не окликнувъ, и мы проскакали за наши укрѣпленія. «Alt, alt!» раздалось оттуда, и цѣлый батальионъ встрѣтилъ насъ въ штыки. Мы остановились. Оказалось, что одинъ изъ сицилійскихъ полковъ Ла-Маццы стоялъ на аванпостахъ. Они, слышавъ нашу схватку, приняли насъ за неприятельскій отрядъ. Дѣло объяснилось, и всѣ были въ очень глупомъ положеніи. Ла-Мацца, случившійся тутъ же, вышелъ изъ себя. Онъ вскинулся на капитана. Вся вина впрочемъ была на сторонѣ часового, и оставивъ доблестнаго генерала кричать сколько ему было угодно, мы отправились восвояси. Несчастный плѣнникъ, совершенно одурѣвшій, былъ снятъ съ лошади и переданъ въ руки національной гвардіи. Лошадей отвели въ первую конюшню.

Мнѣ была отведена квартира гдѣ-то на другомъ концѣ города. Отыскать ее въ третьемъ часу ночи было мало шансовъ, и я разчиталъ, что лучше отправиться въ первую попавшуюся гостиницу. Сонный дворникъ, разбуженный моимъ отчаяннымъ звономъ и стукомъ, явился отворить и объявилъ мнѣ, что въ гостиницѣ не было ни уголка свободнаго. Тѣмъ не менѣе я взобрался по лѣстницѣ. Въ столовой залѣ спали на полу и на столахъ. Случайно бросилась мнѣ въ глаза цифра на одной изъ дверей, и я вспомнилъ, что въ пятомъ номерѣ этой гостиницы живетъ мой короткій пріятель, изъ богатой неаполитанской фамили, воевавшій въ качествѣ дилеттанта, и числившійся при штабѣ Мильбича. Онъ какъ-то хвастался мнѣ, что обладаетъ цѣлою комнатою, и что даже на диванѣ у него никто

не спать. Это въ то время было рѣдкостью, потому что въ самой маленькой комнаткѣ обыкновенно помѣщались по три и по четыре человѣка.

Когда я вошелъ, пріятель мой спалъ крѣпкимъ сномъ. Я вознамѣрился послѣдовать его примѣру, и попробовалъ умѣститься на диванѣ. Вышло очень неудобно. Диванъ былъ коротокъ и набитъ чѣмъ-то въ родѣ щепня. Желудокъ мой съ своей стороны протестовалъ противъ долговременной діеты. Я снова зажегъ лучерну, и отправился на оуражировку. Въ столовой дрожали всѣ стекла отъ гула орудій на Сантъ-Анджело. Бомбардировка постоянно усиливалась. Въ буфетѣ я нашелъ недопитую бутылку марсалы и кусокъ муцареллы, — прѣснаго неаполитанскаго сыру.

— Карлетто, закрывай я, входя въ комнату спящаго товарища:—вставай скорѣе. Послушай, какія дѣла творятся на Сантъ-Анджело.

Карлетто не подымался. Я растолкалъ его, разказалъ о нашей геройской побѣдѣ надъ непріятельскимъ пушечнымъ передкомъ, и пригласилъ его ужинать съ собой. Сначала, казалось, онъ былъ несовсѣмъ доволенъ неумѣстнымъ появленіемъ безцеремоннаго гостя; но когда я сказалъ ему, что я раненъ и сталъ представлять, что очень страдаю отъ царапины на ногѣ, мягкое сердце Неаполитанца заговорило. Онъ принялъ во мнѣ такое нѣжное участіе, что мнѣ стало совѣстно за то, что я его надулъ; но у меня не достало силы отказаться отъ великодушнаго предложенія воспользоваться его постелью. Я улегся, рассыпавшись въ извиненіяхъ и любезностяхъ въ неаполитанскомъ вкусѣ, и заснулъ, обѣщая ему утромъ же сдѣлать его портретъ акварелью во всю величину своего колоссальнаго альбома.

Долго ли я спалъ, не знаю. Еще было темно, когда я услышалъ на улицѣ страшное смятеніе, барабанный бой, крикъ къ оружію. Я не зналъ даже, слышу ли все это наяву, или во снѣ. Силъ открыть глаза не было, и еще раздумывая о случившемся, я снова погрузился въ глубокій сонъ.

IX. У Т Р О.

Меня почти силою стащили съ постели. Надо мной стоялъ мой ординанца, испуганный, блѣдный. Карлетто въ суетахъ

спѣшилъ одѣваться. Солнце только что всходило, барабанъ трещалъ, били тревогу. Отрывочные выстрѣлы раздавались ежеминутно.

— Чтò случилось? спросилъ, я лѣнливо потагиваясь, хотя вовсе не трудно было отгадать въ чемъ дѣло.

— Reggì... Vorbonici... едва могъ проговорить мой ординанецъ: — Едва разсвѣло... они привезли пушки и стрѣляютъ въ вашъ парашютъ. Генералъ уже прїѣхалъ.

Я торопливо одѣлся, велѣлъ осѣдлатъ лошадь и вести ее на батарею, а самъ отправился пѣшкомъ туда же. На улицахъ все было пусто. Ставни вездѣ закрыты. Всѣ кофейныя и лавки тоже. Трехцвѣтныя знамена Богъ вѣсть куда попрятались. Изъ-подъ воротъ нѣкоторыхъ домовъ, выбѣгали запоздавшіе солдаты и офицеры, и оканчивая на улицѣ свой туалетъ, спѣшили по направленію къ Капуанскимъ воротамъ.

Я вышелъ на поле, и передо мной открылась живописная картина. На свѣтло-голубомъ ясномъ небѣ вырисовывалась ярко освѣщенная розовымъ свѣтомъ арка. Низъ ея скрывался въ бѣломъ дымѣ, въ которомъ мелькали какія-то тѣни. Окрестность вся была покрыта густымъ бѣлымъ дымомъ. Порою граната разрывалась въ воздухѣ, и усыпала землю огненными брызгами. Картечь съ визгомъ неслась по самому шоссе. Изъ сосѣдней казармы выбѣжалъ батальйонъ въ красныхъ рубашкахъ, и заряжая на ходу ружья, бѣглымъ шагомъ подвигался къ аркѣ. Полковникъ Порчелли, на гнѣдомъ маленькомъ жеребцѣ, въ бѣломъ плащѣ и съ саблею наголо, вѣхалъ передъ солдатами и ободрялъ ихъ.

— Кажется, тепленькій будетъ сегодня денекъ, сказалъ онъ, подѣхавъ ко мнѣ. — А вы должны быть особенно благодарны имъ, за то что они дали вамъ время устроить всѣ эти исторіи. Посмотримъ ваши фортификаціонныя способности! Ну, впередъ ребята! продолжалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ, и поскакалъ, шутливо салютуя мнѣ саблей.

Его расторопности и храбрости мы много обязаны успѣхами этого дня, и я долгомъ считаю передать о немъ то немногое, чтò знаю самъ. Порчелли родомъ Арабъ, но родился въ Сициліи, и принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ острова въ 48 году. Въ реляціяхъ этого года встрѣчается часто: *Porcelli vienchè Arabo* giura di morire per la causa del popolo (Порчелли, *хотя Арабъ*, клянется умереть за народное дѣло), или же: «*Porcelli, vienchè Arabo, bene merito della gloriosa impresa*

(Порчелли, хотя Арабъ, но оказавшій важныя услуги славному предпріятію и пр.). Въ юности онъ занимался литературой; слушалъ курсъ математики и военныхъ наукъ. Жилъ долгое время въ Англии. Послѣ 48-го года онъ былъ полковникомъ египетской артиллеріи.

Ближе къ аркъ, дорога все становилась опаснѣе. Ядра летали все чаще и чаще. Пули, какъ рой мухъ, жужжали въ воздухѣ. Я сошелъ съ поля и пошелъ узкою тропинкой, тянувшейся вдоль его. На свѣтломъ фонѣ рисовалась сутоловатая фигура Мильбица въ красной рубахѣ, безъ пояса, и съ саблею безъ портупей въ рукѣ. Его сѣдая борода серебрилась, и очки блестѣли какъ алмазы. Онъ распорядился у пушекъ. Рота солдатъ, цѣпью въ одинъ рядъ, была разставлена за траншеей на дворѣ домика, гдѣ совершилась покупка хворосту, о которой я говорилъ выше; человекъ до ста стрѣлковъ, пристѣвъ за каменною оградой, поддерживали батальный огонь. Прикрытый этимъ же домомъ, стоялъ въ боевомъ порядкѣ полуэскадронъ гусаръ и гвидовъ. Наши шестифунтовые пушчонки вели себя очень исправно. Послѣ каждыхъ двухъ выстрѣловъ, ихъ обливали водою, и не переставали поддерживать огонь. На Сантъ-Анжело еще до разсвѣта началась атака; скоро и у амфитеатра загремѣли пушки. Биксіо, командовавшій 2-ю линіей, прислалъ извѣстить, что Мадалони также атаковано многочисленною колонной бурбонцевъ.

Въ нашу батарею ядра не попадали, но за то вся дорога по сторонамъ ея была усыпана картечью, и пули сыпались проливнымъ дождемъ. По всему можно было заключить, что противъ насъ батарея сильнаго колибра. Вѣтру не было, и дымъ стлался по землѣ, не давая ничего разглядѣть впереди. Минутами видны были колонны королевскихъ солдатъ, а нѣсколько подалѣе виднѣлась и кавалерія. Штыки и сабли блестѣли на солнцѣ. Становилось жарче и жарче, запахъ пороху и жженого масла не давалъ дышать свободно. Вонючій дымъ фитилей рѣзалъ носъ и горло. Мильбицъ минутно подбѣгалъ къ амбразурѣ съ своимъ биноклемъ. Нѣсколько стрѣлковъ разсыпались между деревьями. При пушкахъ не было порядочной прислуги, но подоспѣвшіе офицеры, — одинъ старый Піемонтець, другой только что выпущенный изъ неаполитанской артилерійской школы, — управлялись прекрасно. Послѣ одного выстрѣла, направленного старымъ артиллеристомъ, непріятель не отвѣчалъ нѣсколько минутъ. Дымъ

нѣсколько разсѣялся. Королевскія колонны примѣтно порѣдѣли. Изъ оконъ кашины «della Gaglia» раздавались постоянные выстрѣлы. Командиръ Погамъ взобрался на крышу съ биноклемъ и оттуда командовалъ. Между тѣмъ подоспѣлъ тосканскій полкъ Меланкини. Наши пушки дѣлали свое дѣло.

Мильтицъ велѣлъ собирать охотниковъ на штыки. Позвали трубача, но тотъ съ трудомъ могъ извлечь нѣсколько нестройныхъ звуковъ изъ своего инструмента: отъ жара или отъ страха, у него пересохло въ горлѣ. Едва показалось наше знамя, непріятель отсалютовалъ ему страшнымъ залпомъ. Во дворѣ за оградой построился батальонъ, и полковникъ Порчелли повелъ его на штыки. Съ крикомъ *Savoià!* бросились они впередъ. Нѣсколько человекъ повалилось тутъ же. Бомбардировка смолкла. Въ амбразуру ясно можно было видѣть сильное движеніе между атакующими. Скоро они побѣжали. Имъ вслѣдъ выстрѣлили картечью, но скоро должны были прекратить пальбу, потому что и наши показались на дорогѣ.

Нѣсколько минутъ раздавался гулъ ружейной перестрѣлки, но и тотъ скоро стихъ; непріятель разсыпался между деревьями. Батальонъ нашъ возвращался съ атаки, неся на штыкахъ шапки бурбонскихъ солдатъ и другіе трофеи подобнаго рода. Впереди шли два бурбонскіе артиллериста: одинъ гладко выстриженный, черный, безъ шапки; голова его была прорублена, и все лицо облито кровью; онъ едва передвигалъ ноги. Другой, рыжій, съ усами и бакенбардами, не былъ раненъ. Онъ смотрѣлъ по сторонамъ съ испугомъ, и безсмысленно лепеталъ невнятные слова. Обоихъ вели подъ руки, и оба въ этомъ очень нуждались, потому что и не раненый тоже едва держался на ногахъ; онъ былъ пьянъ мертвецки. За ними человекъ двѣнадцать танцили 16-ти фунтовое нарѣзное орудіе, въ которое была впряжена верховая лошадь. На батарее плѣнные были встрѣчены торжественными свистками, и нужно было очень дѣятельное вмѣшательство офицеровъ, чтобы прекратить эту отвратительную сцену. Изъ храбраго батальона не досчитались многихъ. Многіе наскоро перевязывали свѣжія раны. Пушку не безъ труда вытащили на шоссе позади батареи. Вся верхняя часть дула была взборождена картечью и забрызгана кровью; надъ затравкою—уродливая масса мозгу, крови и волосъ: старый Пиемонтецъ цѣлилъ мѣтко.

Этотъ успѣхъ произвелъ на всѣхъ хорошее впечатлѣніе. Всѣ смѣялись и шумѣли. «Они намъ подарили сегодня пушку

ко вчерашнему передку,» сострилъ Б***, и острога эта была очень хорошо принята неразборчивою публикой. Между тѣмъ опросили плѣнныхъ. Что-нибудь цѣльное трудно было узнать изъ ихъ запутанныхъ показаній. Имъ было объявлено, какъ они сказывали, что на насъ со стороны Неаполя ударятъ съ тылу, пока они съ фронта завяжутъ дѣло, что у насъ пушекъ нѣтъ, и что король обѣщаетъ по возвращеніи въ Неаполь выдать имъ разомъ полугодичное жалованье и дозволить имъ три дня грабить въ городѣ и окрестностяхъ, а пока дали имъ по нѣскольку карлиновъ на человѣка и водки *à discrezione*.

Между тѣмъ, на другихъ пунктахъ, стрѣльба не умолкала. На Сантъ-Анджело требовали подкрѣпленія. Ла-Мацца, стоявшій на батарееѣ желѣзной дороги, далъ знать, что онъ атакованъ, и что съ имѣющимися на лицо силами врядъ ли будетъ въ состояніи удержаться.

Миальбицъ былъ въ очень - затруднительномъ положеніи. Ослабить центръ было бы неблагоприятно, тѣмъ болѣе что всего было около трехсотъ человѣкъ. Въ резервъ было до двухъ тысячъ Калабрійцевъ, стоявшихъ въ Казертѣ. Миальбицъ отправилъ офицера къ Гарибальди, находившемуся на Сантъ-Анджело, просить распоряженія о приводѣ этого резерва.

Пока старались умѣстить вновь-отбитую у непріятеля пушку и правильнѣе распредѣлить позиціи, на колокольнѣ пробило 10. Вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ. Граната упала шагахъ въ пяти отъ арки и запрыгала, шипя и отдуваясь.

— Ну, опять за дѣло! Постоимте за себя.

Непріятель пришелъ съ бѣльшими противъ прежняго силами. Пальба началась вновь. Нѣмецкіе пѣхотные полки стали напирать на линію между аркою и амфитеатромъ. Съ огромными усиліями и потерями оттолкнувъ одну колонну, мы тѣмъ же слѣдомъ должны были выдерживать новое нападеніе. Непріятель былъ по крайней мѣрѣ вчетверо многочисленнѣе насъ. Кавалерійскій полкъ королевы и эскадронъ гусаръ выжидали минуты напасть на нашу батарею, а непріятельскія пушки не переставали ни на минуту громить насъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Кругомъ все падало и валялось. Иной разъ бомбы долетали въ самый городъ на центральную площадь. Въ такомъ положеніи дѣло тянулось часа полтора. Со всѣхъ пунктовъ къ начальнику линіи являлись требовать подкрѣпленія, а недостатокъ людей болѣе всего былъ ощутителенъ въ центрѣ.

На батареей желѣзной дороги два раза мѣняли прислугу у пушекъ. Нѣсколько штурмовъ отбито было съ большими потерями. На Сантъ-Анджело наши были сбиты съ позицій. На линію между аркою и амфитеатромъ Кампана напирала все съ большею настойчивостью. Въ нашей центральной батареей не было, правда, никого ни убито, ни ранено, но отставаться съ двумя старыми орудіями противъ сильной батареи гораздо высшаго калибра было очень затруднительно. Удивлялись только, что наши пушки могли выдержать такую отчаянную пальбу. Сильный отрядъ кавалеріи угрожалъ намъ постоянно, и, еслибъ онъ смѣло бросился въ атаку, то устоять при нашихъ средствахъ было бы невозможно. И какъ на зло, день былъ жарче обыкновеннаго. Зловонная атмосфера душила. Всѣ съ самаго утра не ѣли и не пили, и многіе буквально валялись отъ жажды. Фляжка моя изсыкла, какъ груди дочерей Шалима.

Х. Полдень.

Неожиданная катастрофа значительно ухудшила наше положеніе. Неопытный офицеръ, о которомъ упомянулъ я выше, только что вышедшій изъ школы, прикладывая фитиль къ затравкѣ, уронилъ нѣсколько искръ на разложенные возлѣ заряды. Порохъ вспыхнулъ. Нѣсколько ближе стоявшихъ артиллеристовъ были изуродованы самымъ ужаснымъ образомъ. Мильбица и нѣсколькихъ другихъ бросило на земь. Меня осыпало огненными брызгами и обожгло мнѣ лицо и плечо. Все перепугалось и пришло въ смятеніе. Непріятель прекратилъ пальбу, и конница маршъ-маршемъ понеслась въ атаку.

Сколько можно было собрать на лицо вооруженныхъ людей, было выведено впередъ, прежде чѣмъ они успѣли построиться. Изъ оконъ домика, занимаемаго ротой Французовъ, на атакующихъ несся градъ пуль. Оставшимся зарядомъ выстрѣлили въ самый центръ колонны, и граната произвела опустошительное дѣйствіе. Въ безпорядкѣ пріостановился атакующій эскадронъ. Многіе бросились бѣжать назадъ.

Меня откомандировали на станцію желѣзной дороги, гдѣ былъ цѣлый вагонъ, наканунѣ пришедшій изъ Неаполя съ порохомъ и ядрами.

Лошадь, испуганная выстрѣлами, и придерживаясь вѣроятно поговорки: на людяхъ и смерть красна, кобенилась и не хотѣла отходить отъ своихъ собратій. Выбѣжавъ наконецъ на мѣсто, куда мало долетали пули и гдѣ воздухъ былъ чище, я вздохнулъ свободнѣе. Рота, только что воротившаяся съ одного очень опаснаго пункта, гдѣ потеряла около половины своего состава, строилась вновь. Капитанъ, толстый Генуэзецъ, ходилъ по рядамъ, ободряя павшихъ духомъ. Ему предстояло вновь вести ихъ въ атаку. Онъ подошелъ ко мнѣ и попросилъ у меня сигару. Я вынулъ изъ кармана портъ-сигаръ и подаль ему. Тотъ протянулъ руку, и вдругъ, застонавъ, повалился на землю. Шальная пуля ударила его прямо въ лобъ, и онъ умеръ на мѣстѣ.

Въ воксалѣ желѣзной дороги я засталъ начальника станціи и нѣсколькихъ чиновниковъ, всѣхъ въ тяжеломъ волненіи: съ батареи по направленію къ Казертѣ тянулась непрерывная цѣпь бѣгущихъ. Одни хладнокровно шли съ ружьями; другіе, побросавъ и ружья и шапки, бѣжали что было силы, ничего не видя, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Нѣсколько человекъ гвардіи общественнаго спокойствія (*guardia di sicurezza*) поставлены были съ цѣлю удерживать бѣгущихъ, но это имъ не всегда удавалось. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ бѣжавшихъ очень геройски сопротивлялись усиліямъ желавшихъ возвратить ихъ на мѣсто битвы. Во избѣжаніе риска, они добровольно шли на неизбежную опасность. По категоріямъ Жанъ-Поля Рихтера, ихъ бы нужно было причислить къ первому разряду трусовъ. Прибавлю, что такихъ больше всего встрѣчалось между сициліянскими *picciotti* (*picciotti*). Тутъ же на станціи былъ устроенъ перевязочный пунктъ для поданія первой помощи раненымъ, которыхъ отправляли въ госпиталь, въ Казерту. Врачи однакоже, доставъ ружья, побросали свои посты, и отправились на батарею приносить посильную помощь другаго рода.

Я сообщилъ начальнику станціи приказаніе генерала. Оказалось, что за минуту почти до моего пріѣзда, онъ отправилъ вагонъ съ зарядами въ Казерту, опасаясь чтобы заставшія изрѣдка гранаты не взорвали его на воздухъ.

Поезды желѣзныхъ дорогъ между Капуей и Неаполемъ обыкновенно ходятъ очень медленно. У меня была очень хорошая лошадь и притомъ совершенно свѣжая, и я пустился въ догонку. Почти на полдорогѣ я нагналъ его и закричалъ

кондуктору остановиться. Тот исполнилъ мое приказаніе, но возвращаться не хотѣлъ, говоря, что не можетъ этого сдѣлать безъ приказанія директора, котораго я не догадался приторочить къ сѣдлу, по примѣру Ильи Муромца и другихъ русскихъ богатырей. Положеніе было до крайности глупое. Я изъ силъ выбивался, измучивъ лошадь, которая въ тотъ же день могла еще пригодиться мнѣ, и не добился своей цѣли. Пришлось однако возвращаться. Начальникъ станціи разсвирѣпѣлъ при моемъ разказѣ, говорилъ, что кондукторъ просто изъ трусости не хотѣлъ воротиться и грозилъ обрушить цѣлую гору бѣдствій на шею злополучнаго. Въ Казерту телеграфировали. Я сдѣлалъ всѣ завиствшія отъ меня распоряженія и отправился.

Мнѣ было также дано порученіе захватить на батареи желѣзной дороги, и узнать каково тамъ положеніе дѣлъ. Положеніе дѣлъ тамъ было очень скверное; батареи были значительно попорчены. Множество офицеровъ переранено, артиллеристы перебиты, а при пушкахъ прислуживали линейные солдаты, что вовсе не способствовало удачному ходу дѣлъ. Ла-Мацца сильно сомнѣвался въ возможности отстоять позицію; бывший при немъ Коррао, въ крови какъ мясникъ, не падалъ духомъ. Бурбонцы людей не жалѣли. Они потеряли уже большое количество ранеными и плѣнными, но пользуясь численнымъ преимуществомъ, нападали постоянно съ новыми силами.

Очевидно, цѣлью ихъ было, во что бы то ни стало, прорвать нашу линію въ какомъ-нибудь пунктѣ, и затѣмъ зайдя намъ въ тылъ, отрѣзать отъ главной квартиры, однимъ словомъ покончить все дѣло разомъ.

Оставивъ желѣзную дорогу, я отправился назадъ по направленію къ аркѣ. Мѣстность цѣлыми рядами была усыяна трупами убитыхъ, нашихъ и непріятелей. Мѣстные жители, какъ вороны, бросались на тѣла, поканчивая стилетами тѣхъ, которые не совсѣмъ были убиты. Проѣзжая я спугнулъ нѣсколько такихъ стадъ. Впереди чернѣлъ полусгорѣвшій домъ. Въ началѣ утра, туда снесли нашихъ раненыхъ.

Королевскія войска, послѣ яростнаго сопротивленія, прогнали оттуда нашихъ стрѣлковъ и зажгли домъ. Когда, черезъ нѣсколько времени потомъ, батальионъ Тосканцевъ занялъ опять эту позицію, они нашли всѣхъ раненыхъ перебитыми варвар-

скимъ образомъ. Старуха, хозяйка дома, лежала съ пробитою головою, а нижняя часть ея тѣла была обращена въ уголь. Та же участь постигла тѣхъ изъ раненыхъ, которые лежали на соломѣ. Бывшій при нихъ докторъ пропалъ безъ вѣсти.

Признаюсь, не безъ внутренняго трепета проскакалъ я мимо этой виллы, но не лучшее ждало меня и впереди. Нѣсколько человекъ стрѣлковъ были разсыпаны между деревьями съ обѣихъ сторонъ. Пули вновь жужжали какъ мухи, и я верхомъ и въ бѣломъ плащѣ служилъ превосходною мишенью. Къ счастью, въ сторонѣ шла довольно глубокая межа, вдоль которой тянулась стѣна изъ ивъ и акацій. Я своротилъ туда и, пришпоривъ лошадь, поскакалъ что было духу. Жажда меня мучила, голова кружилась отъ быстрого бѣга лошади; уцѣпившись за гриву рукой, я шпорами и голосомъ подгонялъ своего утомленного буцефала.

Передъ аркою былъ жестокой рукопашный бой. Черезъ каждые четверть часа сшибались новыя колонны, но королевскія войска не выдерживали бѣшенago напора волонтеровъ. Въ безпорядкѣ бѣжали рота за ротой, но постоянно новыя являлись имъ на смѣну. Наши же не имѣли ни минуты отдыха, и если мужество ихъ не слабѣло, то силы страшно истощались этою упорною борьбой на жарѣ въ 30 градусовъ.

Трудно было разчитывать на успѣхъ.

Во время моего отсутствія успѣли уставить отбитую утромъ пушку, но такъ какъ зарядовъ оставалось мало, то батарея вынуждена была дѣйствовать очень слабо.

Тосканцы Меланкини и сицилійскій батальонъ Томази дѣйствовали съ особеннымъ усердіемъ. Послѣ стычки, длившейся нѣсколько часовъ, они возвращались перевести духъ и потомъ вновь шли въ дѣло.

Въ ту самую минуту, когда я подъѣзжалъ къ батарее, тамъ случился одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которыми часто рѣшается судьба сраженій. На этотъ разъ онъ былъ не въ нашу пользу. Истощенныя жаждой и усталостію, двѣ роты, удерживавшія натискъ кавалеріи, пошатнулись и въ безпорядкѣ побѣжали. Уже слышался топотъ, крикъ и бряцанье, уже ясно можно было различить усастья рожи драгунъ королевы, которые летѣли на насъ, и гнали по пятамъ убѣгавшихъ. Минута, и все бы пропало.

«Гарibaldi, Garibaldi!» И калатафимскій герой словно съ неба свалился въ это мгновеніе. Присутствіе любимаго вождя вдохновило всѣхъ.

«Alla baionetta! Viva l'Italia!» и все, что могло еще стоять на ногахъ, выбѣжало изъ батарей, несмотря на градъ пуль, ни на ядра, свиставшія и разсѣкавшія воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Мильбицъ, раненый въ ногу осколкомъ гранаты, прихрамывая ходилъ между рядами. Гарibaldi, какъ закодированный, былъ спокоенъ и невредимъ среди всеобщаго движенія. Вдругъ меня осыпало искрами и пескомъ; будто миллионы булавокъ вонзились въ тѣло, потемнѣло въ глазахъ, и я гранулся о землю.

М.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛЦИ

ВО ФРАНЦІИ ¹

ХІІ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ЭНДРЫ И ЛУАРЫ.
(Прежняя провинція Турень).

Говорятъ, что Гёте въ послѣднія минуты своей жизни, когда уже могильный мракъ покрывалъ густымъ покровомъ его вѣжды, велѣлъ отворить всѣ окна въ своей комнатѣ, потомъ, отдергивая судорожнымъ движеніемъ руки занавѣсъ кровати, произнесъ: «Свѣту, свѣту! Еще свѣту!»

Не находите ли вы также какъ и я, что послѣднія слова умирающаго Гёте должны быть девизомъ человѣчества на землѣ? Прежде чѣмъ желать чего-либо, надо знать, чего желаешь, и невѣжество представляетъ величайшее препятствіе всякому улучшенію, матеріальному и нравственному. Всѣ народы, создавая себѣ понятіе о загробной жизни, руководствовались однимъ инстинктомъ: какъ ни различны были формы ихъ религіи и основанія ихъ вѣрованій, они какъ будто сговорились представлять себѣ рай обителью свѣта, и адъ царствомъ тьмы... Просмотрите исторію, переберите лѣтописи минувшаго, и вы увидите, что война, зараза, голодъ, угнетеніе, неправосудіе, насиліе, всѣ преступленія частными общественными развивались преимущественно въ вѣка невѣжества и грубости,

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 7 и 8.

между тѣмъ какъ горизонтъ начинаетъ мало-по-малу проясняться, по мѣрѣ того какъ свѣтъ нисходитъ съ неба, какъ наука наполняетъ просвѣтлѣвшую душу человѣка божественнымъ чувствомъ солидарности всего человѣчества. Не наука ли искоренила страшныя болѣзни, каковы проказа и оспа, эти сокрушительныя бичи, разносившіе заразу и гибель между людьми? не наука ли изгнала голодь, отыскавъ въ другомъ полушаріи новыя питательныя растенія, научивъ искусству угаивать, удесетерять производительность почвы? не наука ли разработала и очистила законодательство, не она ли водворила наконецъ правосудіе тамъ, гдѣ нѣкогда царила безраздѣльно одна слѣпая сила? Наука же указываетъ людямъ, что на свѣтѣ есть слава болѣе чистая чѣмъ слава сраженій; она становится между бойцами и отнимаетъ у нихъ орудія смерти, чтобъ обратить ихъ въ желѣзо плуга; она сближаетъ ихъ, научая ихъ говорить однимъ языкомъ, дѣлая доступными для нихъ труды мыслителей всѣхъ странъ, которые такимъ образомъ становятся общимъ звеномъ, соединяющимъ между собою всѣхъ братій великой семьи.

Богъ далъ человѣку свѣтильникъ разума, чтобы руководить имъ и освѣщать ему путь, но это свѣтильникъ угасшій, и человѣкъ самъ долженъ зажечь его на пылающемъ очагѣ науки, а если онъ не исполнитъ этой обязанности, то станетъ ниже животныхъ, которыя почти всѣ при самомъ рожденіи пользуются инстинктомъ, достаточнымъ для выполнения ихъ скромнаго назначенія. Взгляните на послѣднее изъ четвероногихъ, которое мы, можетъ-быть совершенно несправедливо, представляемъ себѣ типомъ невѣжества и глупости; я разумію осла. При самомъ рожденіи своемъ, онъ уже поднимается на своихъ, еще не твердыхъ ногахъ, отрясаетъ свои длинныя уши, начинаетъ бѣгать и прыгать по двору, обнюхиваетъ травы, различая между ними тѣ, которыя будутъ служить ему въ послѣдствіи пищей, потомъ возвращается къ матери и съ жадностію хватается за питательныя сосцы.

Въ противоположность этому, возьмите ребенка, и не новорожденного,—это только масса плоти, прозябающая даже безъ сознанія жизни,—но ребенка шести или восьми мѣсяцевъ. Положите его въ комнату, въ четырехъ шагахъ отъ его обычной пищи: онъ будетъ судорожно вертѣться въ собственной нечистотѣ, будетъ истощаться въ безполезныхъ вопляхъ и будетъ въ опасности умереть съ голоду, перехватывъ въ

ротъ всѣ предметы, его окружающіе, но не добравшись до тѣхъ, которые могутъ дать ему жизнь.

Производя человѣка на свѣтъ въ такомъ униженномъ видѣ и давая ему возможность подняться такъ высоко, Провидѣніе ясно обозначило ту важную роль, которую должно занимать въ его жизни образованіе; безъ него, брошенный нагимъ и безпомощнымъ на землю, онъ пресмыкается, едва равняясь низшимъ тварямъ, въ борьбѣ со стихіями и дикими звѣрями, противъ которыхъ онъ можетъ ратовать успѣшно только при пособіи орудій, созданныхъ его промышленностію; между тѣмъ какъ образуя свой разумъ, онъ взвѣшиваетъ въ рукѣ своей міры, наполняющіе пространство, онъ покоряетъ и заставляетъ служить себѣ теплоту, электричество, паръ и всѣ жизненные силы природы.

Итакъ, человѣку прежде всего необходимо пріобрѣсти образованіе, которое бы согласовалось съ его природными наклонностями, и только чрезъ посредство его онъ достигнетъ развитія своихъ способностей. Повидимому, каждый человѣкъ долженъ бы непремѣнно пользоваться этимъ образованіемъ какъ единственнымъ путемъ къ достиженію той степени, занятой которую назначило ему Провидѣніе, одарившее его извѣстными качествами. Этого требуетъ интересъ общественный наравнѣ съ интересомъ индивидуальнымъ: цѣлое общество пользуется завоеваніями генія и идетъ по пути усовершенствованія, руководимое благородными трудами тѣхъ возвышенныхъ умовъ, которые умерли бы безъ пользы для себя и для другихъ, еслибъ образованіе не предоставило въ ихъ распоряженіе всю сумму познаній прошедшаго времени, и не дало имъ возможности увеличить эту сумму на благо будущихъ поколѣній. А между тѣмъ дѣло идетъ совершенно иначе: образованіе, которое должно бы быть общимъ правомъ, пріобрѣтается только случайно; монополія его принадлежитъ богатству. Богатство могло бы очень легко прожить безъ труда, а оно пользуется благомъ воспитанія во всемъ его объемѣ; въ такомъ объемѣ, что человѣкъ, который, среднимъ числомъ, живетъ на свѣтѣ отъ тридцати двухъ до тридцати шести лѣтъ, въ продолженіи восемнадцати и двадцати лѣтъ учится, прежде чѣмъ можетъ занять какую-нибудь должность, или производить что-либо. Рядомъ съ нимъ, рабочіе, особенно земледѣльческіе классы, воспитываются какъ попало и погружены въ

глубочайшее невѣжество. Имъ суждено жить своими трудами, а трудиться ихъ никто не учитъ. Образованіе составляетъ для нихъ существенную потребность преимущественно предъ всѣми прочими классами; производство, то-есть жизнь всѣхъ членовъ общества, опирается на нихъ, а они коснѣютъ въ невѣжествѣ.

Скины ослѣпляли рабовъ своихъ, чтобъ отнять у нихъ всѣ средства къ побѣгу: мнѣ кажется, что почти то же побужденіе заставляетъ насъ поддерживать крестьянина въ состояніи умственной слѣпоты. Но мы падемъ жертвами нашего эгоизма, потому что держимъ въ средѣ своей врага, который завидуетъ намъ и ненавидитъ насъ, который навязываетъ намъ свою волю, и задерживаетъ насъ на нашемъ пути, который своимъ невѣжествомъ и нищетой уничтожаетъ плодородіе почвы и препятствуетъ богатству и благосостоянію всѣхъ и каждаго. Варваръ не у воротъ нашихъ, онъ внутри нашихъ стѣнъ; а кого же еще можете назвать варваромъ, если не человѣка, который не умѣетъ ни читать, ни писать,—умственного слѣпца?

Но окончимъ нравственныя соображенія, которые могутъ завлечь насъ слишкомъ далеко, и обратимся къ нашему предмету. Я намѣренъ побесѣдовать съ вами объ устройствѣ школъ въ нашихъ селеніяхъ и о настоящемъ положеніи въ нихъ учебной части, имѣющей огромную важность, потому что она касается друкъ третей всего населенія Франціи.

Человѣку потребно двоякое воспитаніе, домашнее и общественное. Первое есть дѣло семейства, второе, по крайней мѣрѣ у насъ, составляетъ обязанность государства. Семейству принадлежитъ право и обязанность воспитывать членовъ, его составляющихъ; государству право и обязанность давать общественное воспитаніе, то-есть образованіе, народу.

Франція приписываетъ себѣ (справедливо или нѣтъ—это другой вопросъ) славу самой полной и самой правильной организаціи учебнаго управленія, лежащаго на обязанностяхъ государства. Въ Англіи, какъ увѣряютъ у насъ, различныя степени преподаванія не имѣютъ надлежащей соразмѣрности и постепенности. Въ Германіи ощутителенъ недостатокъ въ тѣхъ центральныхъ заведеніяхъ, которые назначены у насъ для высшаго образованія и для наукъ спеціальныхъ. Очень можетъ-быть, что въ Англіи и въ Германіи думаютъ совершенно иначе. Какъ бы то ни было, о деревѣ можно судить только по его плодамъ, а мнѣ кажется, что и въ Германіи, и въ Англіи

народъ гораздо образованнѣе нашего, истина, которая сдѣлается еще очевиднѣе, если мы скажемъ, что вообще образованіе доступно для народа въ странахъ протестантскихъ гораздо болѣе чѣмъ въ странахъ католическихъ. Но во всякомъ случаѣ планъ нашей учебной организаціи имѣетъ грандіозный вышній видъ.

Преподаваніе имѣетъ три степени: первоначальное, среднее и высшее. Первоначальное преподаваніе раздѣляется въ свою очередь на двѣ степени: элементарную и высшую. Элементарное преподаваніе заключаетъ въ себѣ все, что необходимо знать во всѣхъ массахъ общества; чтеніе, письмо, ариметика, законъ Божій. Одни и тѣ же предметы преподаются здѣсь мальчикамъ и дѣвочкамъ. Высшая степень первоначальнаго преподаванія заключаетъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для горожанина, ремесленника и земледѣльца, занимающихся промышленностью и хозяйствомъ, то-есть всѣ необходимыя свѣдѣнія изъ наукъ математическихъ и физическихъ. Это высшее первоначальное преподаваніе, столь необходимое и едва признанное общественнымъ мнѣніемъ, еще не распространено на дѣвицъ. Для обезпеченія и распространенія той и другой степени первоначальнаго преподаванія, то-есть для приготовленія учителей, устроено множество нормальныхъ училищъ, и въ каждомъ изъ нихъ преподаются науки, распространіе которыхъ необходимо, и указываются методы ихъ преподаванія.

Среднее преподаваніе раздѣляется также на двѣ степени, изъ которыхъ одна даетъ общее образованіе, необходимое для всѣхъ высшихъ профессій, другая занимается образованіемъ специальнымъ, необходимымъ для каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Лицеи и общинныя коллегіи, содержимыя или государствомъ, или общинами; институты и пансіоны, изъ которыхъ одни имѣютъ право преподавать всѣ предметы до той или другой степени, другія занимаются только приготовленіемъ къ лицейскому курсу или повтореніемъ лицейскихъ уроковъ, вотъ заведенія, посвященныя общему образованію, то-есть изученію древней и новой литературы, исторіи, естественныхъ наукъ, математики, физики, химіи и философіи. Училища военное, морское и лѣсное имѣютъ цѣлю образованіе специальное. Заведеніе, сходное съ тѣми, которыя готовятъ учителей для первоначальныхъ школъ,—нормальное училище, раздѣленное на два отдѣла, наукъ (то-есть наукъ физико-математическихъ) и литературы, открыто въ Парижѣ

подъ прямымъ наблюденіемъ высшей администраціи и приготовляетъ преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній. По моему мнѣнію, въ этомъ разрядѣ училищъ ощутительнѣе еще недостатковъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ заведеній, каковы напримѣръ, нормальное училище для лицъ, занимающихся преподаваніемъ въ женскихъ институтахъ и пансіонахъ, общественное училище мануфактуръ и ремеслъ, коммерческое училище, училище земледѣльческое и школа для административныхъ наукъ. Безъ сомнѣнія, все это придетъ въ свое время, когда яснѣе обнаружится та степень участія, которую государство должно принимать въ дѣлѣ воспитанія.

Высшее преподаваніе распределяется также по заведеніямъ двухъ разрядовъ. Впервыхъ, факультеты словесности, наукъ (физико-математическихъ), правъ и богословія, которыхъ курсы обязательны для тѣхъ, кто ищетъ академическихъ степеней; во вторыхъ, спеціальныя заведенія, каковы Collège de France, императорская библіотека и музей натуральной исторіи, гдѣ лекціи ни для кого не обязательны. Политехническая школа есть спеціальное заведеніе для преподаванія высшихъ наукъ, нужныхъ для государственной службы въ различныхъ ея отрасляхъ.

Я могъ бы сообщить вамъ много подробностей о наблюденіи за общественнымъ преподаваніемъ, а равно и объ администраціи училищъ, но долженъ ограничиться первою степенью воспитанія, которою занимаются первоначальныя школы. Начало ихъ относится ко времени Генриха IV, который, понимая всю пользу элементарнаго ученія для низшихъ классовъ, предписалъ деклараціей 1598 года всѣмъ недостаточнымъ отцамъ семейства присылать дѣтей своихъ въ школы, гдѣ они могли обучаться чтенію безъ всякой платы. Съ этого времени до 1789 г., по всему королевству постепенно размножались сельскія школы; но потому ли что онѣ состояли подъ надзоромъ священниковъ, которые не оказывали большаго усердія къ просвѣщенію своей паствы, потому ли что страшная нищета и стѣсненное положеніе, тяготѣвшія на крестьянахъ, полагали непреодолимую преграду успѣшному занятію ихъ въ школахъ, только на дѣлѣ оказывалось, что самое грубое невѣжество было удѣломъ земледѣльскаго класса. Во время революціи, учредительное собраніе возвѣстило Франціи новую систему національнаго воспитанія, вслѣдствіе которой всѣ граж-

дане безъ исключенія получали право пользоваться безвозмездно благами образованія. Проектъ закона, представленный Таллейраномъ въ засѣданіи 11-го октября 1790 г., объявлялъ, что съ этою цѣлю будутъ немедленно во всемъ государствѣ открыты первоначальныя школы. Въ этихъ школахъ предполагалось обучать дѣтей: чтенію какъ печатныхъ книгъ, такъ и рукописей; письму по прописямъ, которыя бы напоминали имъ ихъ права и обязанности; первымъ правиламъ французскаго языка, письменнаго и разговорнаго; четыремъ правиламъ ариѳметики; началамъ геометріи и географіи; правиламъ религіи, основнымъ началамъ нравственности, яснымъ понятіямъ объ обязанностяхъ, общихъ всемъ гражданамъ, и о законахъ, которые каждому знать необходимо; примѣрамъ добродѣтелей и пр. Что стало съ этими проектами посреди революціонныхъ бурь,—я говорить вамъ не буду. Во время реставраціи, правительство Людовика XVIII обнаружило свое сочувствіе къ дѣлу общественнаго образованія, какъ доказываетъ предисловіе къ указу 29-го февраля 1816 г.:

«Повелѣвъ представить намъ отчетъ о настоящемъ состояніи народнаго образованія въ городахъ и селеніяхъ, мы удостоившись, что въ тѣхъ и другихъ ощутили большій недостатокъ въ школахъ, и что школы, уже существующія, требуютъ значительныхъ улучшеній.

«Убѣжденные, что одно изъ величайшихъ благъ, которыя мы можемъ доставить нашимъ подданнымъ, заключается въ образованіи,сообразномъ съ званіемъ каждаго, что это образованіе, особенно если оно основано на точныхъ правилахъ религіи и нравственности, не только составляетъ одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ источниковъ общественнаго благосостоянія, но что оно содѣйствуетъ поддержанію добраго порядка въ обществѣ, научаетъ повиновенію законамъ и исполненію всякихъ обязанностей; желая притомъ споспѣшествовать по мѣрѣ нашихъ силъ ревности, выказываемой благотѣльными лицами для столь полезныхъ предпріятій, и посредствомъ бдительнаго надзора сообщить надлежащую правильность усиліямъ, направленнымъ къ достиженію столь желанной цѣли, мы повелѣли представить намъ прежнія постановленія и усмотрѣли, что они только возвѣщали различныя полезныя распоряженія, но никогда еще не приводили ихъ въ дѣйствіе.»

Правительство Людовика-Филиппа, либеральное въ широкихъ

размѣрахъ, еще болѣе расширило кругъ, начертанный реставраціей, и основало нормальное училище для приготовленія учителей въ первоначальныя школы, а равно для испытанія новыхъ методъ элементарнаго преподаванія. Въ 1833 г. законъ, предписавшій общія правила первоначальнаго обученія по всему государству, вмѣнилъ каждой общинѣ въ обязанность содержаніе школы. Онъ требовалъ, чтобы каждый сельскій учитель имѣлъ аттестатъ о своей годности къ этому званію, и за то присваивалъ ему всѣ права общественнаго чиновника, а чтобы гарантировать его достоинство и обезпечить его отъ притязаній мѣстныхъ властей, онъ упрочилъ за нимъ право несмѣняемости.

Община, чрезъ посредство своего муниципальнаго совѣта, избирала себѣ наставника; министръ утверждалъ этотъ выборъ, и присылалъ избранному наставнику дипломъ на право преподаванія. Съ той минуты должность становилась какъ бы его собственностію, и смѣстить его можно было только по приговору суда первой инстанціи. Къ учителю прилагалось правило, оказавшееся столь полезнымъ въ приложеніи къ судью, но очень сомнительное относительно учителя, хотя и необходимое, коль скоро школа, насильно навязанная общинѣ, поставляется въ зависимость отъ нея. Для управленія училищами устроены были окружныя комитеты, изъ которыхъ въ каждомъ засѣдалъ одинъ школьный учитель, вслѣдствіе чего каждый школьный учитель имѣлъ тамъ какъ бы своего ходатая. Какъ ни было недостаточно жалованье наставника, но независимость и уваженіе, предоставленныя закономъ этому званію, давали возможность пріобрѣтать хорошихъ наставниковъ, несмотря на то, что отъ нихъ потребовалось тогда гораздо болѣе познаній. По прошествіи пятнадцати лѣтъ, во Франціи составился корпусъ тридцати тысячъ общественныхъ наставниковъ, людей достаточно приготовленныхъ къ своему дѣлу, хотя и не всегда приносящихъ ту пользу, которая отъ нихъ ожидалась.

Таковъ былъ способъ существованія и положеніе *общественныхъ училищъ*, основанныхъ или содержимыхъ общинами, департаментами или государствомъ; на ряду съ ними допускались *свободныя училища*, основанныя и содержимыя частными лицами или ассоціаціями духовными и свѣтскими. Чтò касается до послѣднихъ, то достаточно было представить меру учительскій аттестатъ, свидѣтельство о рожденіи и доброй

нравственности, чтобы получить позволеніе открыть школу въ теченіи сутокъ. Само собою разумѣется, что администрація удерживала за собою законное право надзора и наблюденія.

Законъ 1850 года, изданный подъ весьма замѣтнымъ вліаніемъ духа реакціи въ пользу церковной власти, лишилъ свѣтскихъ наставниковъ большей части ихъ привилегій, и всё преимущества посыпались на братьевъ и сестеръ различныхъ религіозныхъ орденовъ, посвятившихъ себя воспитанію юношества. Требованіе аттестата, служившее прежде гарантіей способности учителя, показалось стѣснительнымъ для духовенства и было отмѣнено: вмѣсто аттестата нашли достаточнымъ требовать свидѣтельства о бытности каноникомъ, которое въ свою очередь можетъ быть замѣнено простымъ одобреніемъ духовной конгрегаціи. Правда, муниципальные совѣты избираютъ еще сами себя наставниковъ, но по списку, составленному академическимъ совѣтомъ или по представленію начальниковъ религіозныхъ конгрегацій. А если бы муниципальный совѣтъ вздумалъ назначить учителя помимо этого списка и этихъ условій, то избраніе его было бы не дѣйствительно, и академическій совѣтъ распорядился бы самъ назначеніемъ. Академическій совѣтъ состоитъ изъ ректора, университетскаго инспектора, префекта, епископа и другаго духовнаго лица, имъ назначеннаго, изъ судьи и одного члена суда и наконецъ изъ четырехъ совѣтниковъ. Ясно, что университетскій элементъ занимаетъ въ немъ самое незначительное мѣсто, и что главное вліаніе должно принадлежать епископу.

Если законъ 1833 года не поставлялъ другихъ условій къ открытію свободной школы, кромѣ предварительнаго представленія, въ теченіи сутокъ, аттестата о способностяхъ и свидѣтельства о доброй нравственности, то законъ 1850 года требуетъ, чтобы желающій открыть учебное заведеніе представилъ прошеніе къ меру, потомъ къ ректору, потомъ къ императорскому прокурору и наконецъ къ подпрефекту. При этомъ четверномъ пршеніи долженъ быть приложенъ подробный отчетъ о томъ, гдѣ жилъ и чѣмъ занимался, въ продолженія послѣднихъ десяти лѣтъ, человекъ, заводящій частную школу. Потомъ ему надо ожидать результата розысковъ, которые производятъ о поведеніи его въ теченіи этихъ десяти лѣтъ академія, судъ, подпрефектъ и меръ. Если проситель вздумалъ бы открыть свою школу до окончанія розы-

сковъ, то онъ подвергся бы денежному штрафу и даже тюремному заключенію.

Наблюденіе за первоначальнымъ воспитаніемъ поручено въ каждомъ округѣ инспектору, назначаемому министромъ, по представленію академическаго совѣта, меру, священнику, а равно и депутатамъ отъ кантона, назначаемымъ чаще всего подъ вліяніемъ того же священника. Наблюденіе за общественными училищами производится по правиламъ, установленнымъ верховнымъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія. Въ школахъ частныхъ главное вниманіе наблюдателей обращено на нравственность и гигиену. Они могутъ касаться учебной части только для повѣрки, не противна ли она нравственности, конституціи и законамъ. Первоначальное обученіе заключаетъ въ себѣ: воспитаніе нравственное и религіозное, чтеніе, письмо, правила французскаго языка, счисленіе и установленную систему вѣса и мѣры. Сверхъ того въ составъ его могутъ входить ариметика, приложенная къ практическимъ цѣлямъ, понятія объ исторіи и географіи, нѣкоторыя понятія о наукахъ физическихъ и натуральной исторіи, приспособленныя къ ежедневной жизни; элементарныя свѣдѣнія о земледѣліи, промышленности и гигиенѣ, землемѣрство, нивелировка, черченіе, пѣніе и гимнастика. Первоначальное обученіе дается безвозмездно всѣмъ дѣтямъ, родители которыхъ не въ состояніи платить за нихъ.

Чтобы получить должность наставника въ первоначальномъ училищѣ, общественномъ или частномъ, нужно быть Французомъ, имѣть 21 годъ отъ роду и получить аттестатъ о своихъ способностяхъ. Общинные наставники не имѣютъ ни въ какомъ случаѣ права заниматься какою-нибудь профессіей торговою или промышленною; они не могутъ также, безъ разрѣшенія академическаго совѣта, занимать какую-нибудь административную должность. Они могутъ, смотря по обстоятельствамъ, быть подвергаемы выговорамъ, временному удаленію отъ должности съ лишеніемъ всего содержанія или только части его, но не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ; ректору предоставлено право даже смѣщать ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ они уже не могутъ занимать въ той же общинѣ должности наставника общественнаго или частнаго.

¹ Университетомъ называется во Франціи все вѣдомство народнаго просвѣщенія. *Ред.*

Наконецъ, академическій совѣтъ можетъ и совершенно запретить имъ преподаваніе, съ правомъ аппелляціи верховному совѣту университета. Въ экстренныхъ случаяхъ меръ собственною властію удаляетъ на время наставника, и обязанъ только увѣдомить о томъ ректора въ теченіи двухъ дней.

При многочисленныхъ школахъ существуютъ еще помощники наставниковъ; они могутъ быть не старѣе 18 лѣтъ и не обязаны представлять аттестатовъ. Ихъ опредѣляетъ и увольняетъ самъ наставникъ съ разрѣшенія ректора. Но если они принадлежатъ къ религіознымъ ассоціаціямъ, то опредѣляются и увольняются начальниками этихъ ассоціацій. Муниципальный совѣтъ назначаетъ имъ содержаніе, которое падаетъ исключительно на общину. Департаменты обязаны заботиться о приготовленіи молодыхъ людей къ должности общинныхъ наставниковъ; съ этою цѣлію они содержатъ воспитанниковъ или въ заведеніяхъ народнаго просвѣщенія, по указанію академическаго совѣта, или въ нормальномъ училищѣ.

Каждая община обязана содержать одну или нѣсколько первоначальныхъ школъ; впрочемъ если населеніе не значительно и финансовыя средства его недостаточны, то общины, съ разрѣшенія мѣстнаго академическаго совѣта, могутъ соединяться съ одною или нѣсколькими изъ сосѣдственныхъ общинъ для содержанія школы на общій счетъ. Каждая община имѣетъ право завести одну или нѣсколько безвозмездныхъ школъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онѣ содержались собственными средствами общины. Она обязана доставить наставнику приличное помѣщеніе какъ для его жилища, такъ и для школы, классную мебель и содержаніе. Содержаніе наставника состоитъ изъ постоянного жалованья, не менѣе 200 фр., изъ платы за ученіе, и изъ добавочнаго жалованья, назначаемаго всѣмъ тѣмъ, содержаніе которыхъ не достигаетъ цифры въ 600 франковъ.

Въ силу закона 1833 г. меръ составлялъ ежегодно, вмѣстѣ съ священниками различныхъ исповѣданій, списокъ дѣтей, которыя должны были поступать безъ платы въ общественныя школы. Этотъ списокъ, одобренный муниципальнымъ совѣтомъ, окончательно утверждаемъ былъ префектомъ. Но пагубная склонность подчинять все администраціи и обращать въ ничто роль общинныхъ муниципальных совѣтовъ отняла у нихъ это право. Въ настоящее время, въ концѣ cadaго учебнаго года, префектъ назначаетъ совершенно произвольно, по представленію кантонныхъ депутатовъ и по совѣщанію съ инспекторомъ

первоначальныхъ школъ, *taille* числа дѣтей, которыхъ должно принимать безъ платы въ каждую общественную школу въ теченіе слѣдующаго года. Эти власти все болѣе и болѣе уменьшаютъ цифру такихъ бесплатныхъ помѣщеній; сверхъ того въ 1857 г., вѣроятно по повелѣнію высшаго начальства, было предложено муниципальнымъ совѣтамъ возвысить цифру мѣсячной платы, взимаемой съ родителей въ пользу наставника. Этотъ налогъ поразилъ множество семействъ и сдѣлался новою преградой къ распространенію свѣта въ нашихъ несчастныхъ селеніяхъ, еще погруженныхъ въ такой глубокой мракъ.

Въ самомъ дѣлѣ, невѣжество, почти совершенное, страшно тяготѣетъ надъ французскими деревнями, несмотря на законы и декреты, которые, подобно безполезнымъ занавѣсамъ, стараются прикрыть печальную дѣйствительность. По официальнымъ документамъ, третья часть мужчинъ и половина женщинъ, вступившихъ въ бракъ въ 1858 г., не умѣли ни читать, ни писать, а въ нѣкоторыхъ департаментахъ, ббольшая половина конскриптовъ, являющихся ежегодно для вынута жребія, также не умѣетъ ни читать, ни писать. Таково умственное состояніе государства, которое величаетъ себя средоточіемъ просвѣщенія; государства, гдѣ принципъ равенства составляетъ основаніе соціальныхъ отношеній и гдѣ, къ довершенію непослѣдовательности, общая подача голосовъ передаетъ въ рѣшительныя минуты судьбу народа въ руки массы! Въвѣря участь страны произволу всѣхъ Французовъ, провозглашая господство общественнаго мнѣнія, законодатели предполагаютъ, конечно, что мнѣніе это разумно, что массы эти образованы. Но въ этомъ случаѣ фактъ законодательства предупредилъ фактъ дѣйствительности въ противность естественному порядку вещей. Не только огромное большинство избирателей не имѣетъ достаточнаго образованія, чтобы вотировать сознательно, но весьма значительное число ихъ не въ состояніи написать избирательный бюллетень, ни даже прочесть его. На дѣлѣ оказывается, что невѣжда столько же похожъ на образованнаго человека, сколько слѣпой на зрячаго. Оба они и слѣпой и невѣжда состоятъ въ насильственной зависимости отъ другихъ.

Доставить народу средства учиться еще недостаточно, если нищета препятствуетъ ему воспользоваться этими средствами, и если невѣжество его такъ велико, что онъ даже не въ со-

стояніи и сознать его. Свойство чрезмѣрнаго страданія состоитъ въ томъ, что оно отнимаетъ даже чувство боли. Крестьянинъ до такой степени погруженъ въ мракъ невѣжества, что онъ даже не желаетъ свѣта; свѣтъ, озаряющій его, кажется ему пожаромъ: онъ отталкиваетъ его, задуваетъ его, плюетъ на него, старается затушить его всѣми средствами. Онъ слѣпъ, глухъ, нѣмъ; онъ не можетъ понять мыслей своего ближняго, не можетъ передать ему своихъ. Въ началѣ двѣ трети муниципальных совѣтовъ не соглашались назначать содержанія наставникамъ, и еслибы префекты не имѣли власти предписывать имъ офиціально, то школы не были бы открыты и до сихъ поръ.

Государственныя постановленія должны измѣняться сообразно со степенью цивилизаціи, которой достигаютъ народы. Во Франціи, странѣ равенства, государство имѣетъ право налагать на cadaго гражданина, какъ требованіе, известную степень образованія, и вмѣстѣ имѣетъ обязанность снабжать cadaго гражданина известною степенью образованія: другими словами, первоначальное ученіе должно быть во Франціи безвозмездно и обязательно. А между тѣмъ мы допустили многіе народы опередить себя на этомъ пути. Американцы Соединенныхъ Штатовъ, народъ по преимуществу дорожащій индивидуальностью, не рѣшаются подвергать случайностямъ частной предусмотрительности образованіе юныхъ гражданъ. Образованіе есть единственный предметъ, который они почитаютъ дѣломъ дѣйствительно общественнымъ, или по крайней мѣрѣ самымъ важнымъ изъ общественныхъ дѣлъ, и чтобы достигнуть желаннаго результата, государство не ограничивается оказаніемъ помощи, оно употребляетъ даже принужденіе. Такой порядокъ господствуетъ въ большей части штатовъ. Обязательное ученіе не новость въ Германіи. Пруссія внесла его въ основной законъ государства. Тамъ родители обязаны посылать своихъ дѣтей въ школы съ шести лѣтъ до четырнадцати. Тѣ, которые не исполняютъ этого, не освобождаются отъ взноса налога на школы. Строгимъ взысканіямъ подвергаются хозяева, если не посылаютъ въ школы дѣтей, находящихся у нихъ въ услуженіи. Подобныя законы существуютъ въ Саксоніи, въ великихъ герцогствахъ Баденскомъ, Веймарскомъ и Гессенскомъ. Въ Баваріи никто изъ дѣтей до двѣнадцати лѣтъ не можетъ оставить школу; каждый мальчикъ долженъ выдержать экзаменъ, и получить свидѣтельство объ ученіи; безъ

этого свидѣтельства онъ не можетъ ни приняться за изученіе какого-нибудь ремесла, ни жениться, по достиженіи надлежащаго возраста: отъ взрослого человѣка требуютъ доказательства достаточнаго образованія, чтобъ онъ могъ позаботиться о воспитаніи своихъ будущихъ дѣтей. Въ Австріи существуютъ законы, направленные къ той же цѣли: родители или хозяева, не посылающіе дѣтей своихъ въ школы, подвергаются положенной пенѣ; если они бѣдные, то ихъ при-суждаютъ на извѣстное время работать въ пользу общины.

Англія, какъ кажется, есть единственная страна въ Европѣ, гдѣ общественное воспитаніе не считается государственнымъ дѣломъ. Изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобъ Англичане не понимали всей его важности; но такъ какъ они не одержимы подобно намъ маніей административной централизаціи и потребностью подчиняться управленію, то они предпочитаютъ управлять сами собою, и предоставляютъ по обыкновенію своему всѣ общественные интересы, даже самые драгоценные, частнымъ предпріятіямъ. Всѣ мѣры, принятыя въ Великобританіи въ послѣднія 50 лѣтъ для распространенія образованія въ народѣ, принадлежатъ неутомимой инициативѣ высшаго духовенства и аристократіи. Въ этой странѣ, привилегированные классы стараются о распространеніи образованности, понимая очень хорошо, что она не такъ опасна какъ невѣжество. Государство только помогаетъ имъ, назначая опредѣленное пособіе. Общія усилія не остались безплодными, и даже въ Шотландіи крестьяне украсили свою сельскую жизнь всѣми прелестями усовершенствованной цивилизаціи: шотландскій фермеръ издерживаетъ значительную часть своего скромнаго дохода для доставленія сыновьямъ своимъ того, что онъ цѣнитъ выше всего на свѣтѣ—познаній.

Стыдно подумать, что государство, которое менѣе всѣхъ другихъ платитъ воспитателямъ своего народа—есть Франція! Бюджетъ военнаго министерства простирается до 400 милліоновъ, между тѣмъ какъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія достигаетъ едва 20 милліоновъ, изъ которыхъ не болѣе шести идетъ на первоначальныя школы.

Я нисколько не думаю, чтобы нужно было увеличивать бюжеты, они и безъ того слишкомъ огромны. Но я убѣжденъ, что усиленіе расходовъ по народному просвѣщенію поведетъ само собою къ значительной экономіи по другимъ частямъ, такъ напримѣръ, по судебной части. Вотъ что поняли

очень хорошо Англичане, по обыкновенію своему разчетливые: «Публикѣ, говоритъ начальникъ эдинбургской тюрьмы, очень полезно знать слѣдующее: если неудобно платить ежегодно пять фунт. стерл. за воспитаніе и содержаніе бѣднаго дитяти въ школѣ оборванцевъ, то въ послѣдствіи почти неизбежно платить за такое дитя одиннадцать фунтовъ въ эдинбургскую тюрьму, или семнадцать въ общественную тюрьму города Перта.»

У насъ, главная аксіома права есть слѣдующая: «Никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона.» Какимъ же образомъ человекъ, не умѣющій ни читать, ни писать, можетъ узнать законъ, и по какому праву подвергать его наказанію за неисполненіе предписаній закона, если ему не дали никакихъ средствъ познакомиться съ ними? Вѣдь законы угадать нельзя; необходимо изучить это такъ-называемое правосудіе человеческое, которое очень разнится по хронологическимъ цифрамъ и по градусамъ меридіана.

Для возвышенія уровня воспитанія во Франціи, необходимо, мнѣ кажется, прежде всего возвысить наставника, увеличивъ цифру его содержанія. Правда, что положеніе его нѣсколько улучшено; онъ болѣе не подчиненъ прямымъ, часто унижительнымъ сношеніямъ съ родителями, которые видятъ въ немъ жалкаго бѣдняка, занимающагося своимъ пустымъ и невыгоднымъ ремесломъ потому только, что онъ не способенъ ни къ чему другому, и болѣе всего жалбуютъ тѣхъ денегъ, которыя они платятъ за такой ничтожный трудъ, какъ обученіе читать, писать и считать. Теперь они выплачиваютъ эти деньги сборщику податей, отъ котораго наставникъ получаетъ 150 фр. Ими онъ долженъ жить въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. Но если онъ выигралъ относительно независимости и собственного достоинства, то ученіе проиграло въ той же пропорціи. Съ сборщикомъ податей невозможно торговаться, заключать условія, дѣлать уступки. Въ началѣ каждаго мѣсяца слѣдуетъ разчитываться исправно, и всѣ поселяне принуждены платить исправно. Но они смотрятъ на эту плату, какъ на подать и уже не заботятся о школѣ. Такъ какъ дѣтямъ найдется еще работа иногда въ началѣ ноября, а весною они начинаютъ работать въ полѣ съ марта мѣсяца, то школу они и посѣщаютъ только въ продолженіи декабря, января и февраля. Три учебные мѣсяца на девять вакантных!

Наставникъ, у котораго такъ много свободного времени, не

имѣть права, какъ то было прежде, ни держать лавочки, ни вести мелочной торговли, которая бы дала ему возможность увеличить свое скромное достояніе и употребить въ пользу досуги своей жены. Отсюда ясно, въ какомъ стѣсненномъ положеніи находится хозяйство и существованіе человѣка, обязанность котораго составляетъ такое святое служеніе обществу. Отсюда же происходитъ и совершенная зависимость его отъ всего его окружающаго: онъ зависитъ не только отъ своихъ іерархическихъ начальниковъ, но даже и отъ всѣхъ вліятельныхъ людей общины. Чтобъ обезпечить наставника отъ этихъ мѣстныхъ вліаній, отъ этихъ деревенскихъ тирановъ, которые по своему невѣжеству и эгоизму сильно вредятъ дѣлу ученія, законъ 1833 года сдѣлалъ его несмѣняемымъ. Но это вело къ безпечности учителей, и въ силу настоящаго закона они потеряли это преимущество. Перемѣщенія теперь не зависть, правда, отъ родителей, по закону, но тѣмъ не менѣе случаются очень часто, и малѣйшая жалоба можетъ лишить наставника его мѣста. Есть общины, гдѣ смѣнялись одинъ за другимъ три-четыре наставника на одномъ году, и между ними одного смѣстили за то, что онъ предложилъ руку свою дѣвушкѣ, родителямъ которой это не понравилось, и они потребовали его удаленія. Наконецъ инспекторъ слишкомъ часто составляетъ себѣ мнѣніе о наставникѣ по словамъ священника, мера и мѣстныхъ аристократовъ, а не по состоянію школы и успѣхамъ учениковъ. Такимъ образомъ положеніе сельскаго учителя не улучшилось, и мы возвращаемся въ *cercle vicieux*.

Наставникъ, всегда кочующій и всѣмъ чуждый, сдѣлался какимъ-то паріей; его отдѣлили, какъ зараженнаго проказой, удалили отъ прочаго населенія, какъ бы опасаясь, что крестьяне придутъ въ соприкосновеніе съ чѣмъ-нибудь, что не такъ невѣжественно, какъ они сами. Все устроено такимъ образомъ, что наставникъ, проскучивъ нѣкоторое время по грязнымъ проселочнымъ дорогамъ, безъ дѣла, безъ надежды на будущее, и усматривая, что онъ почти никому никого не научилъ, оставляетъ свое неблагодарное поприще и, подобно всѣмъ другимъ, съ завистью посматриваетъ на городъ, гдѣ и находятъ себѣ вскорѣ, въ общественныхъ работахъ, въ желѣзныхъ дорогахъ и даже въ промышленныхъ конторахъ, должности болѣе выгодныя, а потому и пользующіяся бѣльшимъ уваженіемъ.

Когда сынъ крестьянина разстается съ школой, чтобы принять болѣе серьезное участіе въ работахъ на фермѣ, то онъ тотчасъ же оставляетъ навсегда чтеніе и письмо, которыми едва успѣлъ научиться; слабая искра, зажженная въ душѣ его такимъ недостаточнымъ образованіемъ, потухаетъ скоро, заглушаемая массою тьмы, ее окружающей. Для устранения этого недостатка и для поддержанія образованія на одномъ уровнѣ, намъ не мѣшало бы занять у Германіи ея школы повторенія или воскресныя школы, назначенныя для взрослыхъ и самымъ названіемъ своимъ опредѣляющія цѣль свою и значеніе. Вечерніе классы для взрослыхъ, существующіе уже въ нашихъ городахъ, невозможны въ сельскихъ общинахъ, по причинѣ дальняго разстоянія и по положенію дорогъ, часто не проходимыхъ вечеромъ, особенно для дѣтей. По воскресеньямъ же все населеніе собирается въ буржъ, и тамъ легко устроить, особенно въ зимнее время, классы отъ полудня до трехъ часовъ. Стоило бы только дать наставникамъ, болѣе ревностнымъ, поощрительныя преміи, почетныя награды. Бюджетъ нисколько не потерпитъ отъ этого; развѣ одни шинки останутся въ накладѣ.

Въ 1854 году, министръ народнаго просвѣщенія говорилъ префектамъ въ циркулярѣ отъ 31 октября: «Школа есть орудіе, посредствомъ котораго нравственный законъ возстановитъ свою силу; только школа можетъ утвердить въ народѣ консервативные принципы общества.» Потомъ, относясь къ ректорамъ всѣхъ академій, онъ прибавлялъ: «Не запрещайте сельскому наставнику преподавать старшимъ изъ своихъ учениковъ элементарныя понятія о земледѣліи.»

Не находите ли вы страннымъ, что только въ видѣ уступки и какъ бы изъ снисхожденія, дозволяютъ сообщать земледѣльцу кое-что о томъ, что составляетъ великое дѣло всей его жизни, о земледѣльческой промышленности, самой простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самой важной изъ всѣхъ промышленностей, потому что на ней держится самое существованіе человѣчества?

Желательно было бы, чтобы то, что въ министерскомъ циркулярѣ представлено въ видѣ исключенія, обратилось въ правило, въ основаніе нашего первоначальнаго ученія. Уже лѣтъ десять тому назадъ, центральный конгрессъ, самое торжественное представительство, когда-либо подвизавшееся на пользу земледѣлія, выразило въ засѣданіи своемъ 28 марта

1850 года слѣдующія желанія, которыя не мѣшало бы повторять почаще:

1) Чтобы преподаваніе въ первоначальныхъ сельскихъ школахъ заключало въ себѣ элементарные уроки земледѣлія, садоводства и лѣсоводства, чтобы сдѣланы были въ нормальныхъ школахъ распоряженія для приготовления молодыхъ людей къ этому преподаванію, и чтобы на будущее время программа экзаменовъ обязывала кандидатовъ въ наставники пріобрѣтать свѣдѣнія въ земледѣліи и садоводствѣ.

2) Чтобы въ общинныхъ коллегіяхъ читались курсы земледѣлія воспитанникамъ, которые пожелаютъ заниматься этою наукой.

3) Чтобы устроены были институты, гдѣ бы воспитанники могли знакомиться съ практическимъ земледѣліемъ, и гдѣ бы самая наука агрономіи преподавалась во всей ея цѣлости и въ обширныхъ размѣрахъ.

4) Наконецъ, чтобы въ семинаріяхъ и религіозныхъ училищахъ другихъ исповѣданій, признанныхъ государствомъ, заведены были курсы земледѣлія и садоводства, дабы самимъ сельскимъ священникамъ дать средство распространять хорошія методы и противодѣйствовать дурнымъ.

Для исполненія такихъ разумныхъ желаній еще не предпринято ничего. Ученыя общества и земледѣльческія палаты все еще провозглашаютъ необходимость земледѣльческаго образованія и выражаютъ свое прискорбіе, что французскіе фермеры также невѣжественны, какъ ихъ слуги, что рука, которая исполняетъ приказанія, имѣетъ столько же смысла, сколько и голова, которая раздаетъ ихъ. Но, повторяю еще разъ, до сихъ поръ не предпринимаютъ ничего для удовлетворенія этимъ справедливымъ требованіямъ; разсыплются только обѣщанія, циркуляры, пустыя демонстраціи, много шуму, а дѣла нѣтъ. Вотъ на примѣръ земледѣльческая палата департамента Уазы ставитъ на видъ, что въ этомъ департаментѣ считается двѣ тысячи пастуховъ, которые пасутъ 600.000 овецъ, что все образованіе этихъ людей ограничивается практикой, основанной на рутинѣ, переходящей отъ отца къ сыну, и потому стада лишены хорошаго надзора и гибнуть отъ болѣзней. Для устраненія этого важнаго недостатка, она требуетъ умноженія образцовыхъ фермъ, съ тѣмъ чтобы въ этихъ заведеніяхъ устроены были уроки элементарной ветеринарной науки для обученія молодыхъ людей, назначаемыхъ

въ пастухи, и тогда они способны будутъ не только надсматривать какъ должно за овцами въ здоровомъ состояніи, но и предупреждать поражающія ихъ болѣзни, и оказывать имъ необходимую помощь. Въ другихъ мѣстахъ требуютъ, чтобы земледѣльческому преподаванію дали болѣе серіозное мѣсто на всѣхъ степеняхъ воспитанія, или введеніемъ теоретическихъ и практическихъ курсовъ, или изданіемъ хорошихъ руководствъ.

Хотя земледѣліе и въ самомъ дѣлѣ далеко отстало у насъ отъ всѣхъ прочихъ отраслей человѣческаго труда, тогда какъ оно должно было бы опередить ихъ, но тѣмъ не менѣе оно уже возведено въ науку, которая имѣетъ своимъ предметомъ увеличивать плодородіе земли, измѣнять растительность природы, добывать продукты наиболѣе совершеннымъ и экономическимъ способомъ, дѣлать производство какъ можно изобильнѣе на самомъ маломъ пространствѣ. Оно тѣсно соединяется съ разведеніемъ домашнихъ животныхъ и требуетъ познаній въ наукахъ, которыя бы могли руководить имъ и содѣйствовать ему на практикѣ, каковы химія, минералогія, физиологія растений, земледѣльческая геологія, сельская бухгалтерія, земледѣльческая механика и элементарная ветеринарная наука: все это такія предметы, которыхъ угадать нельзя, и которые надобно изучать. Общій интересъ требуетъ, чтобы ихъ изучали въ обширныхъ размѣрахъ; для богатства и славы государства весьма важно, чтобы крестьянинъ не оставался безсмысленнымъ животнымъ подѣ образомъ человѣческимъ, чтобы онъ не получалъ отъ почвы только вчетверо или впятеро болѣе сѣмянъ, ввѣряемыхъ ей, а сдѣлался существомъ разумнымъ, которое умѣло бы возвысить плодородіе почвы втрое и вчетверо противъ этой цифры, то-есть до обыкновеннаго въ Англіи урожая самъ-пятнадцать.

Менѣе всего обращаютъ у насъ вниманія на воспитаніе дѣвицъ и особенно достойно сожалѣнія дурное направленіе, даваемое даже и этому недостаточному воспитанію: дѣвицъ стараются сдѣлать портнихами и прачками, и никто не думаетъ научить ихъ уходу за домашними птицами и полевымъ работамъ. А между тѣмъ женщина—необходимая помощница того, чья жизнь посвящена тяжкому труду воздѣлыванія земли. На этого именно человѣка она имѣетъ огромное вліаніе. Она ухаживаетъ за нимъ во время его болѣзни, приготовляетъ ему пищу, шьетъ и починиваетъ ему платье; она заботится о порядкѣ и экономіи, она сохраняетъ сбереженное, она удержи-

ваетъ своего мужа на порогѣ одного изъ 350. тысячъ шинковъ, покрывающихъ почву Франціи; она поддерживаетъ его, когда онъ утомится, подаетъ ему добрый совѣтъ въ несчастіи, раздѣляетъ съ нимъ тяжелую работу. Мать воспитываетъ дѣтей въ то время, когда отецъ работаетъ въ полѣ. Какимъ же образомъ будетъ она исполнять все это, если сама не получитъ никакого воспитанія, если умъ ея не будетъ развитъ хотя первыми элементами просвѣщенія? Сколько фермъ, сколько сельскихъ заведеній погибло, сколько семей завѣдало нищетою и горе, потому только что смерть поразила мужа, а жена, которая ничего не знала и ничего не дѣлала, оказалась неспособною принять въ свои руки управленіе дѣлами!

Вотъ вкратцѣ картина нашего народнаго образованія. Я начерталъ ее, не утаивая и правдиво изображая вамъ нашу дѣйствительность, чтобы вы могли избѣжать тѣхъ ошибокъ, отъ которыхъ страдаетъ Франція. У насъ этому дѣлу уже дано направленіе, отъ котораго трудно освободиться и по которому надобно продолжать идти. Россія еще можетъ избирать направленіе и принять мѣры, которыя спасутъ ее отъ вредныхъ послѣдствій невѣжества низшихъ классовъ.

Надо быть очень близорукимъ, чтобы не видѣть, что истинные успѣхи цивилизаціи состоятъ въ уравнианіи людей посредствомъ прогрессивнаго возвышенія низшихъ классовъ. Обязанность, скажу болѣе, интересъ привилегированныхъ классовъ, побуждаетъ ихъ стремиться къ матеріальной и нравственной эманципаціи своихъ младшихъ братьевъ. Всѣ народы обязаны содѣйствовать этому движенію, указанному Провидѣніемъ: развитію его служили всѣ событія и всѣ люди, и остановить его не во власти человѣческой. Сила, которая непрерывно стремится къ улучшенію участи массъ и къ сближенію ихъ съ достаточными классами по мѣрѣ развитія образованія и нравственности народовъ, не такова, чтобы кто-нибудь въ состояніи былъ побороть ее. Пусть же человѣчество идетъ этимъ путемъ; ходъ ему даетъ рычагъ, движущая сила котораго на небѣ, а точка опоры въ сознаніи народовъ.

II.

Департаментъ Эндры и Луары представляет самую благословенную страну, и во Франціи не много найдется земель, которыя бы такъ щедро одарены были природою относительно положенія, климата и плодородія почвы. Обширныя и красивыя равнины, горные скаты покрыты виноградниками, холмы одѣты густымъ лѣсомъ, роскошныя долины, удобство сообщеній, изобиліе и красота плодовъ, множество замковъ, съ живописными окрестностями, климатъ постоянно благопріятельный, все это оправдываетъ названіе *сады Франціи*, которое придается этой странѣ съ давняго времени. Луара, Шеръ, Виенна, Эндра и множество другихъ, менѣе значительныхъ потоковъ, орошаютъ этотъ очаровательный садъ и возвышаютъ красоту и разнообразіе живописныхъ видовъ. Расположенная вдалекѣ отъ границъ и отъ столицы, счастливая Турень почти не чувствовала потрясеній отъ послѣднихъ бурь народныхъ, и бѣдствія войны не коснулись ея; обитательницы Тура не видывали никогда боеваго стана подъ стѣнами роднаго города. Въ XV вѣкѣ, во время нашей продолжительной борьбы съ Англіей, когда все королевство опустошаемо было непріятельскими войсками, Турень, неприкосновенная, дѣвственная, недоступная насилію, сдѣлалась послѣднимъ убѣжищемъ нашихъ королей. Населеніе, вдвое многочисленнѣе нынѣшняго, пользовалось цвѣтущимъ состояніемъ торговли, промышленности, земледѣлія и художествъ. Повсюду возвышались королевскіе дворцы, замки сеньйоровъ, и рука человѣка соперничала съ природою, чтобъ обратить эту землю въ рай земной. Было даже мгновеніе, когда Туръ думалъ затмить Парижъ и сдѣлаться столицей Франціи. Расположенный на самой красивой изъ нашихъ рѣкъ, которая далѣе всѣхъ другихъ вдается во внутренность страны и орошаетъ наибольшее пространство ея, этотъ благословенный городъ находится въ болѣе центральномъ пунктѣ Франціи чѣмъ самый Парижъ; климатъ въ немъ благопріятнѣе, земля плодороднѣе. Но въ концѣ XVII вѣка, когда Лудовикъ XIV, принимая

на себя дѣло Божіе, возымѣлъ горделивую мысль уничтожить протестантскую ересь въ своемъ королевствѣ, Туръ потерялъ вдругъ почти двѣ трети своихъ обитателей, которые отправившись въ чужіе края сообщать другимъ народамъ тайны нашего тогдашняго промышленнаго превосходства. Туръ стоялъ тогда во главѣ богатой фабрикаціи шелковыхъ тканей; но вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта, которымъ Генрихъ IV упреждалъ протестантамъ безопасность и свободу вѣроисповѣданія (1598), съ 1685 до 1698 года, число становъ уменьшилось отъ 4000 до 1200, и Лионъ мало-по-малу овладѣлъ этою важною отраслю торговли; впрочемъ, въ послѣдніе годы, она снова нѣсколько оживилась и въ Турѣ.

Это счастливое положеніе страны не осталось безъ вліянія на нравы жителей. Туренцы остаются по прежнему *Turonnes imbelles* Тацита, и это населеніе, мирное и спокойное, которое беззаботно предается мечтательнымъ вдохновеніямъ своихъ поэтическихъ полей, все то же, какимъ изображаетъ его Торквато-Тассо въ своемъ *Освобожденномъ Іерусалимѣ*:

Non e gente robusta e faticosa,
Seben tutta di ferro ella reluce.
La terra molle, e lieta, e diletta,
Simili a se gli habitatori produce ¹.

Не разъ было сказано, что умъ, нравы, обычай, словомъ все тамъ носитъ на себѣ кроткій и спокойный характеръ климата; тамъ только и думаютъ, какъ бы весело пожить, и по всей Франціи извѣстна поговорка, что въ Турѣ приходится по одному книгопродавцу на десять пирожниковъ. Несмотря на то, Турень была родиной многихъ замѣчательныхъ ученыхъ, артистовъ и литераторовъ, между которыми первыя мѣста занимаютъ Рабле, Декартъ и романистъ Балзакъ.

Не надо, впрочемъ, воображать, чтобы вся Турень состояла изъ сплошнаго сада, чтобы почва тамъ вездѣ была одинаково плодородна, чтобы земледѣліе достигало высокой степени совершенства. Въ этомъ отношеніи она далеко еще не можетъ выдержать соперничества съ нѣкоторыми другими областями Франціи. Но можетъ быть именно ея естественное плодородіе и

¹ «Несмотря на свои боевые доспѣхи, на которыхъ блистать жельзо, народъ этотъ не силенъ и не умѣетъ переносить трудовъ. Страна нѣги, радости и наслажденія производитъ людей, которые похожи на нее...»

составляетъ самое главное препятствіе къ усовершенствованіямъ; ибо преимущественно тамъ, гдѣ почва неблагодарна, земледѣльческая промышленность развивается съ наибольшою силою.

Въ департаментѣ Эндры и Луары сохранилось до сихъ поръ старинное раздѣленіе Турени на пять областей, отличныхъ по своему физическому характеру и по свойству почвы. 1) *Варенны (Les Varennes)* между Луарою и Шеромъ, гдѣ почва кремнистая, удобная для обработки, и гдѣ паровыя поля не извѣстны. Здѣсь воздѣлывается пшеница, рожь, просо и въ значительныхъ размѣрахъ турецкіе бобы, а равно и красильная церва. 2) *Веронъ (Le Veron)*, который по своему плодородію похожъ на Варенны, но почва въ немъ жирнѣе и возвышеннѣе. Тамъ собираютъ зерновой хлѣбъ, вино и множество различныхъ плодовъ, каковы: сливы, яблоки, орѣхи, миндаль и пр. Это маленькая область, лежащая близъ Шинона, между Луарой, Эндрой и Вьенной. 3) *Шампень (La Champagne)*, между Шеромъ и Эндрой, почва тучная, ровная, плодородная, особенно богатая пшеницей и коноплей, которая растетъ также успѣшно и въ двухъ первыхъ кантонахъ. 4) *Бренна (La Brenne)*, входившая прежде въ составъ провинціи Берри, страна нѣкогда очень лѣсистая, а нынѣ сырая, болотистая и покрытая прудами. 5) Наконецъ *Гатинь (le Gâtinais)*, къ сѣверу отъ Луары; почва сухая, трудно обрабатываемая и производящая малое количество хлѣбныхъ растений и плодовъ.

Изъ этого видно, что почва Турени, производящая всѣ произрастенія Франціи за исключеніемъ оливковаго дерева, отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ. Долина Луары, самая богатая часть департамента, занимающая десятую часть всего пространства его, представляетъ наносную полосу отнятую человѣкомъ у воды, которая безпрерывно старается возвратить себѣ свое достояніе, прорывая плотины воздвигнутыя по обѣимъ берегамъ рѣки. Это страна необыкновенно плодородная; гектаръ земли цѣнится въ ней до десяти тысячъ франковъ; населеніе въ ней, очень густое, разсѣяно повсюду по окрестностямъ маленькихъ городковъ, по деревнямъ и отдѣльнымъ дворамъ; жилища лѣпятся даже по берегамъ рѣки и по склонамъ холмовъ, покрытыхъ виноградниками, составляющими одно изъ богатствъ страны. Одинъ изъ самыхъ увлекательныхъ и энергическихъ писателей нашего времени, Поль-Луи Курье, былъ родомъ изъ Турени и принималъ въ своихъ безсмертныхъ памфлетахъ прозваніе винодѣла. И дѣйствительно, винодѣлы со-

ставляютъ самую независимую, самую демократическую часть французскаго населенія, и это оттого, конечно, что даже небольшой виноградникъ легко вознаграждаетъ крестьянина за трудъ и доставляетъ довольство всему его семейству.

Нѣкоторыя части Турени представляютъ совершенно иной видъ. Округъ Лошъ (*Loche*), напримѣръ, безлюденъ и запущенъ. Тамъ нерѣдко встрѣчаются *ланды* и большія пространства земли, поросшія репейникомъ и верескомъ, и едва насчитывается по 36 жителей на сто гектаровъ. Оттого тамъ и попадаются обширныя помѣстья въ тысячу и даже въ двѣ тысячи гектаровъ. Эти обширныя помѣстья и младенчество земледѣлія въ этомъ кантонѣ, привлекаютъ къ себѣ спекуляторовъ. Но только время и настойчивость могутъ восторжествовать надъ препятствіями, которыя невѣжество и нищета земледѣльцевъ противопоставляютъ прогрессу.

Относительно земледѣлія, въ департаментѣ Эндры и Луары научиться можно немногому. На этомъ благословенномъ департаментѣ особенно видны недостатки нашей системы народнаго образованія. Народъ здѣсь живетъ и хозяйничаетъ вовсе не такъ какъ могъ бы жить и хозяйничать, еслибы народныя школы были устроены лучше и еслибы сельское хозяйство изучалось фермерами, какъ наука. Но этого нѣтъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ же самые способы земледѣлія и фермерства, съ которыми мы познакомились въ другихъ частяхъ Франціи. Вслѣдствіе этого, несмотря на всю привлекательность этого департамента для туриста, несмотря на всю прелесть и красоту его мѣстоположенія, я не стану занимать васъ подробнымъ его описаніемъ, и только останавливаю ваше вниманіе на одномъ сельско-хозяйственномъ заведеніи, имѣющемъ великое соціальное значеніе. Я разумѣю земледѣльческую колонію Меттре (*Mettray*), основанную въ 1839 году, недалеко отъ Тура, для приюта дѣтямъ моложе шестнадцати лѣтъ, которыя судились за преступленія, но были освобождены отъ наказанія по малолѣтству; цѣль этого заведенія доставлять имъ нравственное и религіозное воспитаніе, а равно и элементарныя познанія; научить ихъ какому-нибудь ремеслу, приохотить ихъ къ земледѣльческимъ работамъ, потомъ помѣстить ихъ въ деревни къ ремесленникамъ и земледѣльцамъ, и наконецъ слѣдить за поведеніемъ этихъ дѣтей и оказывать имъ покровительство въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ по выходѣ ихъ изъ колоніи.

Идея, служащая основаніемъ земледѣльской колоніи Меттре, приведенная въ исполненіе двумя истинно-благонравными людьми, гг. Деметцемъ (*Demetz*) и Бретиньеромъ де-Куртиль (*Bretignères de Courtilles*), при помощи *Отческаго общества* (*Société Paternelle*), показываетъ, какую силу имѣетъ воспитаніе въ развитіи человѣка. Признаюсь вамъ, я не вѣрю въ чудовища. Я вижу много преступниковъ, но я вижу также и обстоятельства, которые привели ихъ къ преступленію. Въ XII вѣкѣ, во Франціи, воровство, убійство, разбой, насліе, всё самыя страшныя преступленія были обыкновенными явленіями ежедневной жизни во всѣхъ классахъ общества, и особенно въ высшихъ: въ наше время, преступленія являются исключеніями, и почти всё преступники принадлежатъ къ низшимъ классамъ, которые живутъ въ невѣжествѣ; это большею частію люди, которые не рѣдко рѣшаются на преступленіе отъ голода, которыхъ не сдерживаетъ нравственное сознаніе священныя обязанности, часто имъ неизвѣстныхъ. Мы не научили ихъ этимъ обязанностямъ и виновны передъ ними точно столько же, сколько и они виновны передъ нами, посягая на нашу жизнь и имущество. Глубокая истина заключается въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ годовыхъ отчетовъ, представленныхъ директорами Меттре:

«Поведеніе дѣтей нашихъ доказываетъ, что они, нарушивъ обязанности, о которыхъ не имѣли понятія, были не такъ преступны, какъ общество, которое не позаботилось объ ихъ воспитаніи.»

Когда ребенка, представленнаго на судъ, объявляютъ невиннымъ, потому что онъ дѣйствовалъ безъ сознанія, то въ силу 66 статьи нашего уголовного кодекса, его сажаютъ въ исправительный домъ, гдѣ его воспитываютъ и содержатъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, по рѣшенію суда. Цѣль этого заключенія состоитъ въ томъ, чтобъ избавить его отъ пагубнаго вліянія, отъ вредныхъ примѣровъ, которые онъ видитъ въ семействѣ, гдѣ развратъ - сдѣлался наслѣдственнымъ. Но, къ несчастію, эти департаментскія тюрьмы и исправительные дома, куда заключаютъ несчастныхъ дѣтей, ни въ какомъ случаѣ не могутъ дать имъ необходимаго физическаго, нравственнаго и религіознаго воспитанія, а напротивъ того, служатъ для нихъ самыми гнусными школами пороковъ, униженія, разврата и злодѣянія. Основатели колоніи Меттре заду-

мади избавить молодыхъ арестантовъ отъ тюремнаго заключенія, и пребываніе въ четырехъ стѣнахъ замѣнить полевою работою на свободѣ. Необходимо было дѣйствовать убѣжденіемъ, справедливостію и доброю волей, подчиня въ то же время самой строгой дисциплинѣ существа, которымъ съ дѣтства не дано было никакихъ правилъ и никакого воспитанія, и которыя до тѣхъ поръ не знали никакой узды, кромѣ грубой силы; необходимо было, однимъ словомъ, сдѣлать добрыми, трудолюбивыми и полезными дѣтей невѣжественныхъ, праздныхъ и упрямыхъ, не прибѣгая къ насилію и внушая имъ понятіе о пользѣ обязанностей, на нихъ возложенныхъ. Послушаніе страдательное есть узда, терпимая слабостію и разрываемая возмущеніемъ; послушаніе разумное, по убѣжденію, руководствуется правилами, которымъ люди покоряются сначала по привычкѣ, которыя потомъ они налагаютъ на себя добровольно, и которыхъ въ послѣдствіи забыть нѣтъ никакой возможности. Могу прибавить къ этому, что задача, предположенная основателями колоніи, разрѣшена была самымъ блистательнымъ образомъ.

Прежде всего приступили къ устройству училища молодыхъ подмастерьевъ для образованія способныхъ и дѣятельныхъ надсмотрщиковъ, которыхъ вообще очень трудно найти во Франціи. Воспитанникамъ этого училища постарались передать благія намѣренія основателей, чтобъ они могли сообщить ихъ въ свою очередь другимъ, и подавать собою добрые примѣры. Въ одно время съ учрежденіемъ этой школы, будущихъ воспитателей, по близости отъ нея, посреди полей, принялись за постройку жилищъ для молодыхъ колонистовъ, которыхъ предполагали набрать въ скоромъ времени. Дома построены отдѣльно одинъ отъ другаго, — система постройки, которую я бы осудилъ, еслибы имѣлъ въ виду выставять на видъ недостатки колоніи Метре. Всѣ дома трехэтажные; нижній этажъ (*rez de chaussée*), назначенный для помѣщенія колонистовъ, когда они не заняты полевыми работами, раздѣленъ на четыре мастерскія довольно низкою перегородкой, которая даетъ возможность надзирателю, помѣщаемому въ серединѣ, надсматривать за всѣми отдѣленіями, между тѣмъ какъ дѣти не могутъ переходить изъ одной мастерской въ другую, и даже не видятъ другъ друга, когда сидятъ по мѣстамъ. Въ среднемъ этажѣ помѣщается спальня для двадцати дѣтей; они

спать на койкахъ, расположенныхъ такъ, что ночью очень удобно имѣть за ними надзоръ, а днемъ постели складываются вдоль стѣны, и комната очищается. Койки разставлены параллельно, но однѣ головами въ одну сторону, другія въ другую, такъ что вести разговоры, даже шепотомъ, нѣтъ никакой возможности, какъ бы близко другъ отъ друга ни лежали воспитанники.

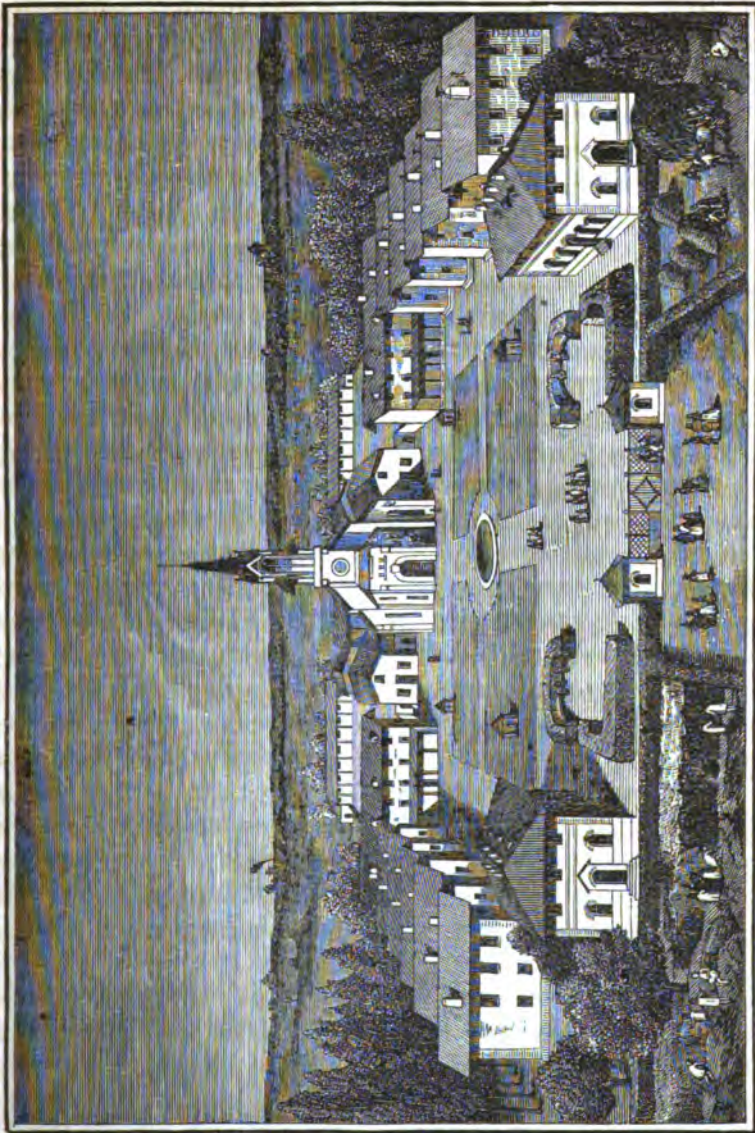
Доски, прикрѣпленныя къ столбамъ посредствомъ шарнировъ, опускаются, когда нужно, и образуютъ столъ во всю длину комнаты, которая такимъ образомъ обращается въ столовую. Когда столы эти висятъ на столбахъ и койки сложены у стѣны, то комната имѣетъ видъ просторной залы, гдѣ въ дождливое время молодые колонисты могутъ заниматься своимъ дѣломъ, постоянно оставаясь подъ надзоромъ. Къ общей залѣ примыкаетъ маленькая комната въ видѣ алькова; дверей нѣтъ, но входъ задернутъ занавѣсками, изъ-за которыхъ можно видѣть все что въ ней дѣлается. Въ этой-то надзирательской комнатѣ ночуетъ *глава семейства (le chef de famille)*, а такъ какъ никто не знаетъ, спитъ онъ или нѣтъ, то дѣти ни на минуту не могутъ быть увѣрены, что за ними нѣтъ надзора.

Верхній этажъ расположенъ такимъ же образомъ, и также вмѣщаетъ въ себѣ до двадцати колонистовъ. Ночью, въ каждомъ дортуарѣ, надзоръ держать двое подмастерьевъ, которые дежурятъ попеременно до разсвѣта.

Слѣдовательно, въ каждомъ домѣ помѣщается до сорока дѣтей; они раздѣлены на два отдѣленія, и составляютъ одно «семейство», управляемое начальникомъ, у котораго находится въ распоряженіи два подмастерья. Кромѣ того, въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій избираютъ колониста, который носитъ названіе *старшаго брата* и помогаетъ своимъ начальникамъ въ надзорѣ за товарищами: должность свою онъ исправляетъ въ продолженіи мѣсяца.

Кромѣ того, въ нижнемъ этажѣ отдѣльнаго корпуса устроены карцеры; въ среднемъ этажѣ того же зданія помѣщается кабинетъ директора, квартиры и канцелярія бухгалтера, казначея, надсмотрщика за полевыми работами; въ верхнемъ этажѣ—комнаты для подмастерьевъ.

Дома расположены вокругъ большого двора, въ глубинѣ котораго стоитъ церковь и домъ директоровъ. Съ общимъ видомъ познакомить читателей прилагаемый рисунокъ.

Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Метре, дѣти совершенно мѣняются. Перемена эта замѣтна не только въ поведеніи, но и въ самой наружности: лица ихъ теряютъ мало-по-малу выраженіе недовѣрчивости и принимаютъ видъ довольства и откровенности. Въ классѣ они внимательны и послушны; нѣкоторые оказываютъ быстрые успѣхи въ ученіи, но между

многими невѣжество укоренилось очень глубоко и умъ развитъ очень мало; такихъ дѣтей исправить можно только продолжительнымъ воспитаніемъ. Молодые колонисты ежедневно заняты въ классахъ не болѣе двухъ часовъ съ половиной. Это время, посвященное развитію ихъ ума, служитъ также отдохновеніемъ для тѣла. Имъ преподають правила нравственности, законъ Божій, чтеніе, письмо, ариметику, установленную систему вѣсовъ и мѣръ, черченіе и пѣніе хоромъ, служащее могущественнымъ средствомъ порядка и добронравія, и оказывающее свое благотворное вліяніе даже на самыя грубыя существа.

Изъ 670 дѣтей, отправленныхъ въ колонію при основаніи ея, 144 были незаконнорожденные; у 151 родители находились въ тюрьмѣ, 90 произошли отъ родителей вступившихъ во второй бракъ. Какое же воспитаніе могли получить эти бѣдныя жертвы, какіе примѣры были у нихъ передъ глазами, какія нравственные правила могли сдерживать ихъ, и не были ли они какъ будто обречены судьбой на жизнь порочную, каковы бы ни были ихъ врожденные свойства?

Физическое состояніе этихъ несчастныхъ дѣтей составляетъ не послѣднюю заботу директоровъ, и не рѣдко ставитъ ихъ въ большое затрудненіе; многія изъ нихъ почерпнули жизнь свою изъ такихъ нечистыхъ источниковъ, что даже кровь ихъ уже испорчена. Нѣкоторыя являются въ колонію пораженные застарѣлыми золотушными и скорбутными болѣзнями, но свѣжій воздухъ, полевая работа и неусыпная гигиеническія попеченія, дѣйствуютъ такъ благотворно на ихъ тѣло, что заведеніе Меттре можетъ по справедливости гордиться двойною пользой, приносимою и дѣтямъ, и обществу: оно принимаетъ отъ него существа болѣзненные и порочныя, а возвращаетъ ему людей честныхъ и здоровыхъ.

Отчетъ ежедневныхъ занятій вносится въ журналъ, который ведется въ каждомъ семействѣ старшимъ подмастерьемъ. Все подробно и тщательно записывается въ этомъ реестрѣ, и копія съ него ежемѣсячно отправляется въ административный совѣтъ. Въ немъ изложена вся исторія колоніи. Распредѣленіе наказаній и наградъ производится въ концѣ каждаго мѣсяца; при чемъ обозначаются число и свойство проступковъ, имена провинившихся, а равно имена тѣхъ, поведеніе которыхъ было безукоризненно; такимъ образомъ можно слѣдить каждый мѣсяцъ за поведеніемъ колонистовъ и повѣрять ихъ успѣхи.

Постановленія строги и соблюдаются неукоснительно; отнositельно пищи, одежды, постелей, дѣти имѣютъ только самое необходимое; отъ каждаго требуютъ безусловной покорности и точнаго исполненія обязанностей. Малѣйшій проступокъ влечетъ за собою наказаніе. А между тѣмъ (что очень странно и очень замѣчательно) тамъ нѣтъ ни замковъ, ни запоровъ, и никогда ни одному изъ колонистовъ не приходило въ голову мысль о побѣгѣ, даже по выходѣ изъ карцера, гдѣ многіе просиживали отъ десяти до пятнадцати дней на хлѣбъ и на водѣ.

Вотъ что значитъ уваженіе къ справедливости! Его и считаютъ директора однимъ изъ самыхъ могущественныхъ двигателей; на основаніи того же самаго принципа, всѣ сколько-нибудь вольные проступки подвергаются суду, составленному изъ колонистовъ, извѣстныхъ своимъ хорошимъ поведеніемъ. Директоры предоставляютъ себѣ право смягчать приговоры, которые обыкновенно погрѣшаютъ только излишнею строгостью.

Ни одно средство, которое ведетъ къ укрѣпленію здоровья молодыхъ колонистовъ, не оставлено въ пренебреженіи. Одежда ихъ очень проста, но сшита такъ, что нисколько не стѣсняетъ ихъ дѣйствій и способствуетъ развитію ихъ силъ. Не отличаясь ничѣмъ необыкновеннымъ, она однако имѣетъ свои особенности, такъ что воспитанника, въ случаѣ побѣга, узнать не трудно; надо замѣтить при томъ, что воспитанники пользуются совершенною свободой, и одинъ изъ нихъ говорилъ какъ-то разъ своему *chef de famille*. «Я бы пожалуй убѣжалъ изъ колоніи; убѣжать не трудно, и охота мнѣ приходила нерѣдко. Да какъ подумаешь о довѣренности нашихъ директоровъ къ намъ, то какъ-то не ловко рѣшиться на такое дѣло.» Такъ-то умѣли благонамѣренные начальники воспитать чувство долга и чести въ этихъ погибавшихъ душахъ, которыя могли бы легко погрязнуть въ нравственномъ развратѣ. Любовь, признательность дѣтей, — вотъ самая могущественная связь, привязывающая ихъ къ начальникамъ; въ доказательство можно представить фактъ, небывалый въ лѣтописяхъ самыхъ крѣпкихъ тюремъ: всѣ дѣти, ввѣренныя ихъ попеченіямъ, состоятъ на лицо, и никогда между ними не было замѣчено даже попытокъ къ побѣгу.

Дать всѣмъ членамъ каждаго изъ отдѣленій или семействъ возможность самимъ заботиться обо всѣхъ своихъ

нуждахъ, построить, частію съ ихъ же собственною помощію, общее жилище, окружить его полемъ и садомъ, который бы они сами могли обрабатывать, не значило ли это дать имъ понятіе о собственности и научить ихъ неразлучнымъ съ нею ощущеніямъ и обязанностямъ? Лучшаго средства невозможно было придумать, чтобы возвысить и возстановить этихъ несчастныхъ какъ въ глазахъ общества, такъ и въ собственномъ мнѣніи, и обратить ихъ въ полезныхъ людей и честныхъ гражданъ.

Начальникъ земледѣльческихъ работъ завѣдываетъ практическими занятіями, и проходитъ съ молодыми колонистами доступный для нихъ курсъ агрономіи. Каждая рабочая артель состоитъ изъ 12 колонистовъ подъ надзоромъ земледѣльческихъ подмастерьевъ, то-есть: хорошихъ садовниковъ, винодѣловъ, пахарей, землекоповъ, которые обучаютъ дѣтей, находящихся подъ ихъ надзоромъ, правиламъ хорошей обработки и употребленію земледѣльческихъ орудій. Служителей на фермахъ нѣтъ; все дѣло ихъ исполняютъ сами колонисты.

Въ классѣ виситъ доска, на которой записываются имена всѣхъ дѣтей, не навлекшихъ на себя никакого наказанія въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. Попасть на эту почетную доску, вотъ предметъ горячаго соревнованія между колонистами; и награда эта имѣетъ въ глазахъ ихъ тѣмъ болѣшую цѣну, что имя виновнаго, при малѣйшемъ проступкѣ, тотчасъ же стирается съ доски. Ежегодно около трехъ четвертей колонистовъ достигаетъ желаннаго отличія: такъ быстро возвращаются на путь истины молодые жертвы губельнаго воспитанія. Наказанія назначаются слѣдующія: особая работа, оставленіе на хлѣбѣ и на водѣ, заключеніе въ свѣтломъ карцерѣ и наконецъ въ темнотѣ.

Директоры не теряютъ изъ виду, что главною цѣлью земледѣльской колоніи должно быть образованіе работниковъ для земледѣлія, и стараются дать дѣтямъ такое воспитаніе, чтобъ они довольствовались скромнымъ и невиднымъ положеніемъ земледѣльца и не смотрѣли съ презрѣніемъ на плугъ, который сдѣлается занятіемъ всей ихъ жизни. Такъ какъ руки должны составлять все ихъ имущество, то они проводятъ въ классахъ только время необходимое для приобрѣтенія элементарныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ имъ невозможно будетъ обойтись въ послѣдствіи.

Приобрѣтая элементарныя свѣдѣнія и наставляясь въ религіозныхъ правилахъ, дѣти обучаются въ то же время какому-нибудь мастерству, что даетъ имъ средство, по выходѣ изъ Меттре, не поступать на выучку къ мастеру, а тотчасъ приниматься за работу и удовлетворять своимъ потребностямъ. Двѣ трети колонистовъ занимаются земледѣліемъ, одна треть ремеслами и работами необходимыми для земледѣлія и для потребностей колоніи. Начальникъ земледѣльческихъ работъ сопровождаетъ своихъ воспитанниковъ на мѣсто работы, чтобы на практикѣ оправдывать изложенную имъ теорію. Другой преподаватель проходитъ курсъ ветеринарной гігіены и воспитанія домашнихъ животныхъ. Всѣ эти уроки выслушиваются съ постояннымъ вниманіемъ; справедливымъ оказывается мнѣніе, что только дѣйствуя на воображеніе дѣтей, можно сдѣлать для нихъ трудъ пріятнымъ и привлекательнымъ.

По истеченіи срока пребыванія своего въ Меттре, колонисты находятъ себѣ мѣста безъ всякаго затрудненія; спросъ на нихъ, представляемый директорамъ, превышаетъ ежегодно число воспитанниковъ, которымъ они могутъ располагать. Но заботливость директоровъ не оставляетъ воспитанника и по выходѣ изъ заведенія; они слѣдятъ за его поступками и дѣйствіями, какъ бы далеко онъ ни жилъ отъ колоніи. Помѣщаютъ его обыкновенно къ хозяину извѣстному своею хорошею репутаціей, а между мерами, священниками различныхъ исповѣданій и мѣстными чиновниками, всегда находятъ добрые люди, которые принимаютъ на себя обязанность слѣдить за молодыми воспитанниками колоніи. Такимъ образомъ можно сказать, что колонія состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ учрежденій: собственно колоніи и внѣшняго надзора. Ежегодно два раза отправляются бюллетени къ этимъ благодѣтельнымъ людямъ и рѣдко случается, чтобы они не отвѣчали на сдѣланные имъ вопросы. Изъ 197 первыхъ воспитанниковъ, вышедшихъ изъ Меттре для вступленія въ общество, 173 ведутъ себя безукоризненно, восемь посредственно, четверо скрылись изъ-подъ отеческаго надзора колоніи, а двѣнадцать снова впали въ преступленіе. Въ послѣдствіи въ этихъ пропорціяхъ незамѣтно было большихъ уклоненій.

Такіе результаты многозначительны, и конечно они не могли пройти незамѣченными: многіе истинно достойные люди, занимающіе высокое положеніе въ обществѣ, стали

поддерживать своимъ именемъ и вліяніемъ новыя заведенія, возникшія въ разныхъ мѣстахъ страны по образцу колоніи Меттре.

Надобно, конечно, имѣть въ виду и другую сторону мѣдлѣ. Зрѣлище молодыхъ преступниковъ окруженныхъ такою заботливостію, пользующихся такими отеческими попеченіями въ исправительныхъ колоніяхъ, столь счастливыхъ сравнительно съ окружающими ихъ крестьянами, легко можетъ возбудить чувство зависти въ недостаточныхъ поселянахъ, которые поневолѣ скажутъ: «Лучше было бы, еслибы дѣтей нашихъ осудили такъ же, какъ этихъ маленькихъ негодяевъ; отъ добраго поведенія мало нашимъ дѣтямъ пользы. Неужели надобно быть только шалуномъ и бродягой, чтобы снискать милосердіе благодѣтельныхъ душъ и пріобрѣсти право на воспитаніе, хорошее содержаніе и безмездное обученіе какому-нибудь ремеслу?»...

Въ одномъ романѣ, названія котораго не припомню, герой, богатый мѣстный владѣлецъ, узналъ, что слѣпой бѣднякъ пришелъ на дворъ замка просить милостыню, въ числѣ прочихъ нищихъ; тронутый его положеніемъ, онъ далъ полный кошелекъ золота своему дворецкому, съ приказаніемъ отдать его весь слѣпому, какъ самому несчастному изъ всѣхъ бѣдняковъ. Дворецкій не исполнилъ въ точности приказа своего господина, и часть этого золота роздалъ другимъ нищимъ. Господинъ спросилъ его, какъ онъ смѣлъ его ослушаться! «Милостивый государь,» отвѣчалъ дворецкій, «я полагалъ, что не ихъ вина, если они не одарены одинаковыми личными преимуществами.»

Основатели земледѣльческихъ колоній поступили подобно великодушному владѣльцу. Дай Богъ, чтобы общество, въ свою очередь, скорѣе послѣдовало примѣру добраго дворецкаго и вообще озаботилось объ исправленіи нашихъ народныхъ школъ.

ЕВГЕНІЙ БОНМЕРЪ.

• УТВЕРЖДЕНІЕ
КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ
ВЪ ХVІІІ СТОЛѢТІИ

Вторая и третья четверть ХVІІ столѣтія составляютъ самый темный періодъ въ исторіи нашего крѣпостнаго права. Мы знаемъ, что въ основаніи этого права первоначально лежала у насъ не личная привилегія, предоставленная закономъ одному сословію или роду людей сравнительно съ другимъ: оно образовалось и развилось у насъ подъ вліяніемъ факта, а не юридическаго начала, и было послѣдствіемъ отношенія, въ силу коего землевладѣлецъ получилъ возможность установить и расширить власть свою надъ земледѣльцемъ, богатый и сильный—надъ бѣднымъ и слабымъ, начальныи—надъ подвластныи. Фактическія принадлежности этой власти сложились уже весьма опредѣлительно въ первой четверти ХVІІІ столѣтія: по непреложному закону всякой власти, не сознающей границъ своихъ, свойство ея болѣе и болѣе приближалось къ понятію о владѣніи человѣка человекомъ; но ни владѣлецъ, ни владѣемый еще не давали себѣ отчета о юридической сущности своихъ отношеній. Первый пользовался своею властью, по характеру своей личной природы и по вну-

шенію своей воли; послѣдній также механически подчинился власти и, когда могъ, уклонялся отъ нея также по влеченію природы. Власть государственная, устремивъ все вниманіе на устройство матеріальныхъ силъ обширной земли своей, матеріальныхъ способовъ и орудій управленія, еще не твердая въ своихъ руководительныхъ началахъ, не могла принять на себя роль посредника между сословіями; не настало еще для нея время заботиться объ установленіи между ними равновѣсія. Въ то же время собравъ болѣе средствъ для дѣятельности, усилившись принятыми извнѣ формами централизаціи, получивъ возможность обширнѣе прежняго распространять надзоръ свой и свое вліяніе, государственная власть должна была тяжеле прежняго отразиться на тѣхъ именно сферахъ общественной жизни, въ которыхъ сосредоточивались самые важные финансовые ея интересы. Съ тогдашней точки зрѣнія, владѣніе людьми казалось дѣломъ обыкновеннымъ, явленіемъ обиходнымъ. Принявъ это явленіе за существующую форму жизни, и не доискиваясь въ немъ внутренняго смысла, правительство утверждаетъ на немъ главные основанія новой финансовой системы: такимъ образомъ приписка людей и прикрѣпленіе ихъ, нерѣдко насильственное, получаетъ значеніе формы необходимой для успѣшнаго поступленія доходовъ, становится дѣломъ государственнымъ. Освобожденіе отъ этой формы становится преимуществомъ меньшинства, которое болѣе и болѣе выдѣляется изъ народной массы какъ привилегированное сословіе. Усиливаясь въ сознаніи своей власти и начиная чувствовать ее какъ право безусловное, это сословіе еще не въ силахъ выработать въ себѣ сознаніе о своихъ обязанностяхъ сопряженныхъ съ правомъ. Такимъ образомъ, со стороны власти государственной, мы видимъ въ этомъ періодѣ безотчетное стремленіе расширить предѣлы крѣпостнаго права, равнодушное отношеніе ко всякому ограниченію свободы, владычество инстинкта государственнаго и весьма слабое развитіе высшихъ, внутреннихъ, духовныхъ началъ общественной организаціи.

По всему видно, что при первой ревизіи мысль законодателя еще не предвидѣла всѣхъ послѣдствій, которыя новое учрежденіе могло повести за собою въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Первымъ манифестомъ о ревизіи не было положительно объявлено, что всякій записанный въ ревизію становится крѣ-

постнымъ человѣкомъ вслѣдствіе одной этой записки ¹. Но понятіе о свободномъ человѣкѣ въ ту эпоху еще не предполагалось еще само собою общественному сознанию. Послѣдствіемъ записки въ ревизію было вопервыхъ установленіе мѣстожителъства, откуда записанный могъ отлучиться не иначе какъ съ дозволенія личной власти, къ которой былъ приписанъ; во вторыхъ, необходимая зависимость отъ этой личной власти и обязанность руководствоваться ея указаніями въ своей дѣятельности; въ 3-хъ, установленіе, между приписаннымъ и тѣмъ кто записалъ его за собою, такой связи, которая, основываясь на государственномъ интересѣ подушнаго сбора, поддерживалась всею силой государственной власти. Такимъ образомъ лицо, записавшее за себя въ подушный окладъ человѣка, могло и должно было почитаться его *владѣльцемъ* ²: много

¹ Извѣстно, что законы прежняго времени, если въ нихъ не выражено категорически какое-либо общее начало, законная практика послѣдующихъ временъ толкуетъ по своему, примѣняясь къ возрѣнію своей эпохи. Такъ было и со многими указами Петра. Въ указахъ его по поводу ревизіи не было выражено въ видѣ общаго начала, что записка въ ревизію укрѣпляетъ человѣка навсегда; только въ нѣкоторыхъ указахъ было сказано о записанныхъ по ревизіи: быть имъ вѣчно за тѣмъ, за кѣмъ записаны, и эти слова могли имѣть въ то время спеціальное, частное значеніе. Но въ законодательной практикѣ послѣдующей эпохи болѣе и болѣе утверждалось это послѣднее значеніе въ смыслѣ общаго правила. Допускалось нерѣдко и произвольное толкованіе указовъ, далеко превосходившее границы первоначальнаго, спеціальнаго ихъ смысла; такъ напримѣръ, въ 1722 году марта 20 состоялся указъ о томъ, что люди написанные за кѣмъ-либо по сказкамъ ревизіи, не могутъ записываться въ такъ называемую вольницу. Въ 1750 году указъ этотъ истолковывался въ томъ смыслѣ, что люди при первой ревизіи неправильно записанные за такими лицами, которыя по своему званію не имѣютъ права владѣть ими, и по открытіи этой неправильности отбираемые отъ владѣльцевъ, не въ правѣ уже возвратиться къ прежнему своему званію, но должны быть записываемы за другаго помѣщика (П. С. З. Т. XIII. стр. 231).

² О томъ что записка въ подушный окладъ за частнымъ человѣкомъ, въ сознаніи самого правительства, почиталась отдачею въ холопство, свидѣтельствуетъ между прочимъ Сен. Ук. 15 янв. 1768 г. (П. С. З. N. 13053). Замѣчательно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законодательство того времени упоминаетъ о людяхъ живущихъ въ услуженіи или работѣ у частныхъ лицъ по условію, безъ крѣпостнаго къ нимъ отношенія, — оно разумѣетъ людей незаписываемыхъ въ подушный окладъ. Такъ напримѣръ, указъ 20 іюня 1744 г. (N. 8974) дозволяетъ иноземцамъ, холостымъ или женатымъ, но вольнымъ, жить внѣ крѣпостнаго

понятія еще не выработало тогдашнее общественное сознание; много отношенія не могла еще допустить государственная власть. Всякаго человѣка, подлежащаго запискѣ въ подушный окладъ, если онъ не состоялъ прежде за помѣщикомъ и не принадлежалъ къ числу мѣстнаго населенія, законъ обязывалъ сыскать себѣ владѣльца, а въ противномъ случаѣ постановлялъ записывать за первымъ, кто его возьметъ.

По первой ревизіи положено было въ окладъ всего, кромѣ купечества, 5.472.516 душъ; но сильная убыль, вскорѣ послѣ того обнаружившаяся, заставила уже въ 1736 году помышлять о новой переписи. Ее сначала думали произвести посредствомъ мѣсячной повѣрки, но какъ этотъ способъ оказался ненадежнымъ, то при императрицѣ Елисаветѣ, въ 1742 году (П. С. З. № 8 619, 8.835), повелѣно было произвести новую генеральную перепись. Въ инструкціи, изданной по этому случаю 16 декабря 1743 года, изложены правила, которыми должны были руководствоваться военные чиновники, разосланные по губерніямъ для надзора за переписью. Правила эти въ главныхъ основаніяхъ остались вѣрны началамъ, принятымъ въ указахъ Петра для первой ревизіи; но при исполненіи, начала эти достигли крайняго своего развитія. Въ многочисленныхъ указахъ, изданныхъ въ истолкованіе, и пополненіе правилъ о ревизіи, нѣтъ и слѣда той заботы, съ которою въ послѣдствіи правительство старалось установить границу для крѣпостнаго права и предоставить свободному человѣку возможность защитить свои права: напротивъ, вездѣ выражается стремленіе прикрѣпить человѣка и расширить предѣлы господскаго права. Такое направленіе было въ духѣ того времени: то была эпоха владычества временщиковъ, неуимѣемыхъ ни здравыми началами твердаго государственнаго управленія, ни уваженіемъ къ общему мнѣнію, которое не могло еще образоваться и выказаться, ни коренными началами и преданіями старой Руси, которыя были уже забыты. Нельзя не замѣтить, что всѣ постановленія о порядкѣ производства второй ревизіи принадлежатъ исключительно сенату, который при императрицѣ Елисаветѣ пользовался обширною властью, и приобрѣлъ значеніе органа

права въ услугахъ у частныхъ лицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставляетъ ихъ внѣ записки въ ревизію, а всѣхъ переписывать только для вѣдома, равно какъ и живущихъ на волѣ своими дворами.

законодательнаго. Къ сенату обращались всѣ вопросы и сомнѣнія, возбуждаемыя по поводу ревизіи въ разныхъ губерніяхъ, и по поводу этихъ сомнѣній сенатъ издавалъ новыя правила, имѣющія видъ самостоятельныхъ законовъ. Немудрено, что въ этой юриспруденціи сената отражается со всею силой взглядъ служебной аристократіи; съ этой точки зрѣнія не представлялось никакихъ препятствій къ расширенію предѣловъ крѣпостнаго права, тѣмъ болѣе что умноженіе числа людей, записанныхъ въ подушный окладъ, состояло въ прямой связи съ увеличеніемъ интереса государственнаго. Не въ духъ ревизіи было оставлять на волѣ человѣка, котораго она застала вольнымъ, и если онъ самъ не спѣшилъ приписать себя, то его приписывали. Такимъ образомъ, кромѣ людей, бывшихъ уже крѣпостными, при второй ревизіи подчиняемы были крѣпостному праву и такіе люди, которые до того почитались никому не принадлежащими. Прослѣдимъ здѣсь всѣ главные случаи такой приписки.

Еще въ царствованіе Петра обнаружилось въ правительствѣ стремленіе ограничить число церковнослужителей и церковнослужительскихъ дѣтей, состоявшихъ при городскихъ и сельскихъ церквахъ безъ опредѣленнаго занятія. Для всѣхъ церквей въ 1723 г. установленъ былъ штатъ; излишнихъ вѣдѣно было писать въ подушный окладъ. Такимъ образомъ приписываемы были къ помѣщикамъ такъ-называемые *заопредѣленные* церковники, то есть оставшіеся за опредѣленіемъ на церковныя мѣста: изъ нихъ сначала запрещено было, несмотря даже на желаніе помѣщика, опредѣлять на поповскія и дьяконскія мѣста въ тѣхъ селахъ, къ коимъ они были приписываемы, но потомъ позволено, съ тѣмъ чтобъ помѣщикъ обязался платить за нихъ деньги въ подушный окладъ; дѣти же ихъ, рожденныя до посвященія, во всякомъ случаѣ должны были оставаться за помѣщикомъ (Ук. сен. и синод. 12 ноября 1725, 31 декабря 1726, 5 декабря 1727, 27 іюля и 19 декабря 1744, и 16 іюля 1750. П. С. З. № 9784; въ формѣ для описи недвижимыхъ имѣній, изданной 8 іюня 1743, показано: писать при церкви церковниковъ, которые въ томъ селѣ въ подушный окладъ положены). Той же участи подвергались сельскіе церковники, не бывшіе у присяги въ 1730 и 1731 годахъ ¹: ихъ вѣдѣно,

¹ По вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, правительство строго наблюдало за тѣмъ, чтобы всѣ приняли присягу на вѣрность ей и преслѣдовало не бывшихъ у присяги строгими взыска-

если окажутся негодны къ военной службѣ, писать въ подушный окладъ къ тѣмъ волостямъ, гдѣ при церквахъ находились; слѣдовательно, въ помѣщичьихъ селахъ они записывались за помѣщиками. (Ук 16 мая 1740.) По правиламъ второй ревизіи (Инструкц. § 12) снова подтверждено: «не дѣйствительно служащихъ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей опредѣлять, по ихъ желанію, между прочимъ и на вотчинниковы пашенныя земли къ помѣщикамъ, кто ихъ изъ платежа оклада взять пожелаетъ.» Исключеніе сдѣлано было для обучавшихся въ духовныхъ училищахъ, или вообще для грамотныхъ (16 марта и 9 апрѣля 1744; 1745 февраля 1 § 3 и 12 августа).

Святѣйшій синодъ не разъ возобновлялъ ходатайство объ отмѣнѣ этой переписки и объ увеличеніи положеннаго въ 1723 году штата, и, ссылаясь на недостатокъ достойныхъ кандидатовъ на церковныя мѣста, просилъ, чтобы, записывая отцовъ, не записывать вмѣстѣ съ ними дѣтей ихъ; наконецъ просилъ не исключать изъ духовнаго званія, по крайней мѣрѣ несовершеннолѣтнихъ ниже пятнадцати лѣтъ; но сенатъ, въ отвѣтъ на это ходатайство, продолжалъ настаивать на соблюденіи правила инструкціи и позволялъ только при отцахъ, занимавшихъ штатныя мѣста при церкви, оставлять дѣтей ихъ «въ надежду священства.» Это пререканіе, въ которомъ, конечно, всегда превозмогало возрѣніе сената, продолжалось во все царствованіе императрицы Елисаветы, и въ законодательствѣ того времени не мало мѣста занимаютъ указы и подтвержденія о разборѣ церковниковъ, все болѣе и болѣе строгіе. Мы видѣли, что по смыслу первоначальныхъ указовъ каждому предоставлялось приискать себѣ помѣщика по своему желанію, но въ 1748 году возникъ вопросъ, чтò дѣлать съ тѣми, которые все еще не избрали себѣ рода жизни, и ни къ кому не приписались? Тогда сенатъ приказалъ приписывать ихъ къ желающимъ, которыхъ вызвать чрезъ публикацію; если же они въ три мѣсяца послѣ публикаціи не найдутъ себѣ помѣщиковъ, то приписывать ихъ къ дворцовымъ волостямъ. Но дворцовая

ніями Въ томъ числѣ не мало оказалось разночинцевъ синодальнаго вѣдомства, священно-и церковно-служительскихъ дѣтей, которые по разнымъ причинамъ не были у присяги. Разысканіе этихъ виновныхъ, разборка и преслѣдованіе ихъ, продолжались въ теченіе всего царствованія императрицы Анны: ихъ вѣчно было подвергать штрафу, а неимущихъ наказывать плетью и писать въ солдаты.

канцелярія не охотно соглашалась на пріемъ новыхъ подданныхъ, такъ что въ 1752 году велѣно было повторить публикацію. Кто изъ помѣщиковъ и заводчиковъ пожелаетъ, къ тому и велѣно приписывать оставшихся непричисленными съ выдачей владѣнныхъ выписей и съ предоставленіемъ полного, или какъ тогда выражались, *вѣчнаго* крѣпостнаго права ¹. Въ 1756 году велѣно духовному начальству, вмѣстѣ съ свѣтскимъ отобрать у всѣхъ приписавшихся сказки о добровольномъ желаніи, а если въ трехмѣсячный срокъ желанія своего не объявятъ, то распределять ихъ и безъ желанія (ук. 13 февраля 1748, 16 іюля 1750, 29 апрѣля 1752, 23 декабря 1754, 10 декабря 1856, 15 ноября 1757). Эти предписанія въ дѣйствительности не могли быть исполнены со всею строгостью, и множество церковнослужительскихъ дѣтей остались еще никуда неприписанными; такъ что въ 1766 году, въ одномъ Богородицкомъ уѣздѣ оказалось такихъ 200 человекъ, но въ этомъ уже году императрица Екатерина II повелѣла разборъ церковниковъ остановить. (Ук. 17 февраля 1766 П. С. З. №№ 12.575 и 12.586).

«Природа не терпитъ пустоты,» таково было одно изъ старинныхъ положеній науки о природѣ. Подобно тому, русская система подушнаго оклада въ описываемое время не допускала понятія о вольномъ человекѣ, не приписанномъ къ какой-либо юридической или физической личности. Поэтому, каждый разъ какъ только передъ лицомъ правительства являлся человекъ, никому не принадлежавшій, никуда не приписанный, или освободившійся изъ крѣпостной зависимости, если на немъ не лежала печать привиллеги, освобождавшей отъ подушнаго оклада, правительство обязывало его избрать себѣ родъ жизни. Онъ долженъ былъ непремѣнно — или приписаться къ торговому

¹ Церковниковъ безмѣстныхъ приписывали изъ подушнаго оклада не только къ помѣщикамъ, но и на церковной землѣ къ попамъ, и дьяконамъ, и дьячкамъ, дѣйствительно служащимъ при церквахъ; но такую приписку правительство не ставило въ крѣпость. Дѣйствительные попы и дьяконы не почитались «наслѣдными владѣтелями» записанныхъ за ними недействительныхъ причетниковъ, и не имѣли права продавать и закладывать ихъ. (сенат. ук. 27 января 1732; маниф. 16 декабря 1743 года § 12; сен. ук. 16 іюля 1750 г.), потому что вообще не имѣли права владѣть деревнями и собственными землями; въ 1741 году оказавшихся за попами причетниковъ велѣно отобрать отъ нихъ и приписать къ помѣщикамъ за кого пожелаютъ.

классу, для чего требовались деньги, или приискать себя владѣльца-помѣщика. Въ противномъ случаѣ, правительство само распоряжалось его личностью, отдавая его помѣщику, по своему усмотрѣнію, или обращая въ службу либо въ работу. Таковъ былъ непреложный законъ того времени. Такъ вольноотпущенныхъ законъ обязывалъ приискать себя новаго помѣщика; даже тѣхъ, которые получали свободу за доносъ на владѣльца, сенатъ приказывалъ обращать къ прежнимъ помѣщикамъ, если въ теченіе года не приищутъ себя новыхъ (ук. 4 окт. 1726, 26 марта 1729, 4 сент. 1744 § 11; 13 мая 1745). Людей этого разряда сенатъ признавалъ «шатающимися, которые по своей свободѣ паки бываютъ праздны, отъ которыхъ ничего инаго ожидать можно точію всякихъ непотребствъ»; къ этому разряду относились также разночинцы, солдатскія дѣти, купецкіе и мастеровые не положенные въ подушный окладъ: изъ нихъ годныхъ вѣчно было писать въ солдаты, а негодныхъ отдавать помѣщикамъ, кого себя приищутъ, въ противномъ случаѣ отдавать въ казенныя работы или ссылатъ на поселеніе (ук. 16 іюня 1729, 16 ноября 1737; инстр. ревиз. 1743 г. 4, 16). Бобыли и непомнящіе родства, оказавшіеся при ревизіи, люди, отбираемые изъ владѣнія разночинцевъ, вольные люди оказавшіеся въ городахъ безъ мастерства и безъ приписки къ посадамъ, обязаны были приискывать себя помѣщиковъ (ук. 5 ноября 1744, 14 марта 1746, 16 марта 1747). Законъ выражается такъ: писать *по желанію ихъ*... къ помѣщикамъ *кто похочетъ взять ихъ*, или *раздать* помѣщикамъ къ кому въ услуженіе *пожелаютъ* и кто *похочетъ* взять ихъ. Слова эти, въ строгомъ смыслѣ взятая, указываютъ на необходимость обоюднаго согласія, взаимнаго договора между сторонами; но такое согласіе могло быть свободнымъ только съ одной стороны; съ другой стороны свобода выбора существовала только по имени, такъ какъ подлежащій припискѣ человѣкъ *обязывался* непременно сыскать себя помѣщика, и воля его не могла имѣть никакой силы противъ воли помѣщика, желавшаго укрѣпить его за собою и противъ произвола чиновника, который отмѣчалъ въ своихъ книгахъ води безграмотнаго человѣка и выдавалъ на него владѣнную выпись. Нѣтъ повода предполагать, чтобы кромѣ такой отмѣтки чиновника требовалось еще иное удостовѣреніе желанія, изъявленнаго записываемымъ по ревизіи человѣкомъ; напротивъ, въ одномъ дѣлѣ по иску о свободѣ поповскихъ дѣтей, записанныхъ за помѣ-

щикомъ (П. С. З. 1748 г. № 9548), сенатъ призналъ желаніе приписанныхъ людей несомнительнымъ, несмотря на всѣ возраженія ихъ, хотя «кромѣ переписной книги не отыскано другаго доказательства, какое подлинно ихъ желаніе было.» Законъ не опредѣлялъ также, въ какой срокъ слѣдовало бить челомъ о неправильной запискѣ въ ревизію, но въ приведенномъ дѣлѣ человѣку, отыскивавшему свободу, поставлено въ виду, что въ теченіи двадцати лѣтъ никакого спору о неправильной запискѣ отъ него не было. Итакъ на самомъ дѣлѣ, по силѣ обстоятельствъ, приписка по взаимному согласію должна была превратиться въ обязательную приписку. При такихъ условіяхъ не было почти возможности приписанному человѣку доказать въ послѣдствіи, что его приписали силою, противъ желанія; да и самъ законъ, по духу своему клонившійся на сторону укрѣпленія, не представлялъ достаточно оснований для такого иска; напротивъ, въ иныхъ случаяхъ, законъ положительно запрещалъ принимать отъ записанныхъ показанія о томъ, что они записаны «въ неволю». ¹

Правило закона предписывало «всѣмъ людямъ, которые по желаніямъ, а нѣкоторые за непріискомъ себѣ помѣщиковъ по отдачѣ за кого приписаны тѣмъ быть крѣпкимъ по тому написанію,» (им. ук. 13 мая 1754 г. §§ 5 и 6). Въ XVII столѣтіи *тягло* было типическою формою, въ которой выражалась совокупность правъ и обязанностей городского и сельскаго неслужалаго населенія, и между тяглою государевымъ и тяг-

¹ Въ 1750 году, по поводу просьбы записанныхъ за Хитровымъ церковниковъ о предоставленіи свободы, сенатъ нашелъ, что «просители за него Хитрова ревизіею приписаны безъ желанія ихъ правильно, потому что, куда имъ въ подушный оладъ приписаться, о томъ они желанія своего не токмо съ публикованія указовъ въ 741 и инструкціи о ревизіи въ 743 чрезъ многіе годы, но и при подачѣ объ нихъ къ нынѣшней ревизіи сказки, и послѣ того по взятой съ нихъ въ 1745 году при той ревизіи подпискѣ, и сверхъ того по учиненной въ 1746 году отъ той ревизіи публикаціи, желанія своего не объявляли, и въ томъ сами виновными остались, чего ради... и безъ того ихъ желанія изъ платежа подушнаго оклада приписаны быть должны.» Въ другомъ случаѣ, предписывая отдавать помѣщикамъ или фабрикантамъ церковниковъ, оставшихся переписанными, сенатъ велитъ «не принимать отъ нихъ нигдѣ прошеній для отбывательства ихъ, якобы не по желаніямъ ихъ приписаны и отданы, для того что они понынѣ помѣщиковъ себѣ не смыслили и находились безъ распредѣленія, праздно. (Ук. 29 апрѣля 1752 г. № 9977.)

домъ помѣщичьимъ существовало различіе болѣе формальное чѣмъ существенное. Стремленіе перейти изъ государева тягла въ помѣщичье проявлялось столь же часто, какъ и на оборотъ, стремленіе перейти изъ помѣщичьяго тягла на государево, смотря потому, въ которомъ тяглѣ казалось легче жить переходившему; но правительство постоянно ограничивало это стремленіе запрещеніемъ переходить изъ одного тягла въ другое. Переходившіе, какъ съ той, такъ и съ другой стороны одинаково признавались бѣглыми и возвращались силою на свои тяглые жеребья, причѣмъ въ особенности обращалось вниманіе на то, чтобы посадскіе люди не покидали своихъ тяголъ и не записывались за помѣщика. Со введеніемъ подушнаго оклада измѣнилось это значеніе тягла государева, и сословный типъ началъ принимать другую форму. Классъ торговый и промышленный, наравнѣ съ земледѣльческимъ, подлежалъ запискѣ въ подушный окладъ. При Петрѣ обнаружилось, правда, съ цѣлью развитія промышленности, стремленіе привлечь къ промышленнымъ занятіямъ какъ можно болѣе людей, и законъ явно покровительствовалъ переходамъ отъ земледѣльческихъ занятій къ городскимъ промысламъ. Но при первыхъ преемникахъ Петра эта государственная мысль его, вмѣстѣ со многими другими, ослабѣла, и финансовыя заботы правительства на первый разъ сосредоточились на одномъ предметѣ: чтобы число душъ, подлежащихъ окладу, по возможности увеличилось, и чтобы не одна подлежащая душа не избѣжала оклада, такъ какъ на этомъ окладѣ основывались всѣ главнѣйшіе расчеты податей и повинностей. Естественно, что съ этой точки зрѣнія правительство не противодействовало укрѣпленію землевладѣльцами и такихъ людей, которые принадлежали прежде къ классу промышленному, и не заботилось, какъ прежде, о возвращеніи ихъ къ оставленнымъ промысламъ. Для примѣра можно указать на слѣдующій случай. Нѣкоторые изъ ярославскихъ купцовъ, желая избавиться отъ рекрутской очереди, сошли изъ города и записались въ работу на полотняную фабрику. Въ 1758 году ярославскій магистратъ ходатайствовалъ въ сенатъ о возвращеніи въ его вѣдомство всѣхъ этихъ купцовъ; а фабрикантъ Затрапезный, съ своей стороны, жалуясь на притязанія магистрата, просилъ оставить ихъ у него, по записямъ, покуда выживутъ урочные годы. Сенатъ не только разрѣшилъ этотъ споръ въ пользу фабриканта, но постановилъ еще на всѣ подобные случаи общее правило, позволяющее фабрикантамъ всѣхъ такихъ людей, когда до

нихъ доходить будетъ по городу рекрутская очередь, оставлять у себя на фабрикахъ, а вмѣсто ихъ ставить рекрутъ изъ мастеровыхъ неспособныхъ къ фабрикѣ или изъ покупныхъ крестьянъ; а оставляемымъ на семь основаніи людямъ быть уже при фабрикахъ вѣчно, равно какъ крѣпостнымъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, рожденными послѣ отдачи къ фабрикѣ. Такимъ образомъ люди, поступившіе въ работу на фабрики на основаніи свободнаго договора, отчисляемы были насильно изъ купеческаго сословія и обращались неволью въ число крѣпостныхъ: вотъ какимъ естественнымъ дѣломъ казалось правительству вѣчное укрѣпленіе! (См. ук. 30 апр. 1759 г. П. С. З. № 1 0.949.) При запискѣ сиротъ незаконнорожденныхъ и приемышей, предполагалось спрашивать ихъ о желаніи къ кому хотѣть идти (Инстр. рев. § 16); но это правило могло быть исполняемо только относительно пришедшихъ въ возрастъ, малолѣтнихъ не о чемъ было спрашивать. Въ 1730 году (ук. 25 іюня П. С. З. № 5584), сенатъ приказалъ незаконнорожденныхъ дѣвокъ, если еще не пришли въ возрастъ, отдавать и безъ желанья тому, кто похочетъ принять ихъ въ услуженіе, съ расписками, и въ паспортахъ писать, что имъ у тѣхъ людей жить *ольно*. Общимъ правиломъ относительно подкинутыхъ приемышей полагалось, что они должны быть записаны за тѣми, кто ихъ поднялъ и воспиталъ; еслибы же такой приемышъ, придя въ возрастъ, сталъ отговариваться тѣмъ, что онъ не крѣпостной и не шель въ крѣпость волею, или пожелалъ бы отойти къ другому владѣльцу, то его слушать не велѣно, чтобы не обидѣть того, кто его воспиталъ *проца себя* (сен. ук. 13 іюня 1744 г.); а кого воспитатели отпустить отъ себя, тѣхъ вольно записывать за тѣми, кто возьметъ, *дабы ни одинъ безъ положенія въ окладъ не остался*; принятыхъ же *подлыми* людьми надлежало записывать въ ревизію, на ряду съ воспитателями, въ то сословіе, къ которому принадлежитъ воспитатель (сен. ук. 13 іюня и 3 авг. 1744). На этомъ основаніи слѣдовало бы предположить, что приемыши, записанные на ряду съ воспитателями изъ купечества и разночинцевъ, считались въ томъ же званіи, въ какомъ воспитатели ихъ, слѣдовательно не дѣлались крѣпостными. Но на дѣлѣ не то выходило. Послѣдующимъ закономъ (сен. ук. 4 нояб. 1746 г. № 9343) это постановленіе истолковывается въ томъ смыслѣ, что приемышъ *поступаетъ во владѣніе къ воспитателю*. «Хотя купцы и разночинцы, такъ разсуждаетъ этотъ указъ, суть *подлые* люди, кониъ *имѣть*

крѣпостныхъ запрещено, но за ними повелѣвается писать незаконнорожденных подкидышей, ибо ежели ихъ отъ тѣхъ воспитателей отбирать, то такихъ во младенчествѣ подкидышей никто къ себѣ принимать не будетъ, и отъ того иные пропадать будутъ. На томъ же основаніи дозволено записывать приемышей за попами и церковниками, хотя имъ по праву не дозволялось имѣть у себя крѣпостныхъ. Чѣмъ-то грубымъ и матеріальнымъ отзывается этотъ взглядъ закона на побужденія человѣческой природы: какъ-будто не оставалось уже въ ней мѣста человѣколюбію безкорыстному! Какимъ мрачнымъ и суровымъ должно показаться, въ настоящую минуту, воззрѣніе законодателя, который не хочетъ знать другихъ побужденій къ воспитанію приемыша, кромѣ желанія упрочить его себѣ, укрѣпить его за собою! Но такъвъ былъ всегда взглядъ законодателя въ эпоху владычества временщиковъ и партій. Не возможно допустить, чтобы въ жизни народной, въ народномъ воззрѣніи было такое же отсутствіе высшаго идеала, котораго правительство не хочетъ еще принимать въ соображеніе. Мы увидимъ далѣе, что при императрицѣ Екатеринѣ II, взглядъ законодателя расширяется, въ предписаніяхъ его замѣтно болѣе довѣрія къ духовной высшей сторонѣ человѣческой природы.

Описанный нами порядокъ записки незаконнорожденных и приемышей продолжался до 1765 года. Въ этомъ году, въ инструкціи слободскому губернатору (П. С. З. № 12.430) въ первый разъ встрѣчаемъ правило: отдавать малолѣтнихъ сиротъ тому, кто пожелаетъ, но не иначе какъ на срокъ, до двадцатилѣтняго возраста, и продолжить этотъ срокъ до 30 лѣтъ, если воспитатель обучить приемыша мастерству. Въ 1767 году слободско-украинская губернская канцелярія о незаконнорожденных представляла сенату, чтобы по прежнему порядку писать ихъ за воспитателями, или за тѣмъ, кто взять похочетъ, но сенатъ предписалъ только отдавать ихъ на воспитаніе, а написаніе въ окладъ за воспитателями остановить. (П. С. З. № 12.987.) Наконецъ съ учрежденіемъ въ Москвѣ воспитательнаго дома и въ губерніяхъ приказовъ общества призрѣнія, незаконнорожденные до совершеннолѣтія стали поступать въ вѣдомство этихъ установленій, и для нихъ открылся выходъ въ свободное состояніе (П. С. З. № 13.554, 15.417).

Люди взятые въ рекруты освобождались изъ помѣщичьяго владѣнія, мѣняя одну зависимость на другую, не менѣе суровую. Но, освободившись по выслугѣ или за болѣзнь и увѣчь-

емъ отъ военной службы, отставные солдаты все-таки поступали въ разрядъ людей обязанныхъ избрать родъ жизни «дабы они въ гулякахъ не были». Частію правительство распредѣляло ихъ, для пропитанія, по монастырямъ и богадѣльнямъ или сѣдало на особыхъ участкахъ въ пограничныхъ мѣстахъ; но эти мѣры относились къ тѣмъ, кому не откуда было доставать себѣ пропитаніе. Изъ указовъ 1745 и 1746 годовъ (№№ 8986 и 9287) видно, что солдаты при отставкѣ могли проситься на собственное пропитаніе, и въ такомъ случаѣ жили по себѣ. Иные снова записывались за владѣльцевъ; многіе отправлялись въ имѣнія откуда взяты былъ въ рекруты и поселялись снова у прежняго помѣщика на прежнемъ пашенномъ жеребѣ, или оставались въ домашней работѣ у него, если взяты были изъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей; въ такомъ случаѣ они вступали въ прежнюю зависимость отъ помѣщика (ук. 21 сент. 1732, № 6188; 20 авг. 1744, № 9019). По случаю второй ревизіи постановлено (ук. 26 нояб. 1745), солдатъ, которые, бывъ отданы въ рекруты до 1-й ревизіи, находились потомъ въ бѣгахъ, по отставкѣ отъ службы за старостью, писать въ подушный окладъ и съ дѣтьми ихъ, къ тѣмъ селеніямъ, откуда были взяты въ рекруты. Женамъ солдатскимъ, въ бытность мужей на службѣ, дозволялось отходить отъ помѣщиковъ. Солдатскія дѣти, если родились и воспитаны въ тѣхъ же деревняхъ, откуда отцы ихъ взяты на службу, принадлежали помѣщику, такъ же какъ и дѣти вновь рожденные у отставныхъ солдатъ, поселившихся на прежнемъ мѣстѣ; рожденные до отдачи отцовъ въ рекруты во всякомъ случаѣ оставались за помѣщиками (сен. ук. 21 сент. 1732; 6 іюля 1737. Инотр. рев. 1743 года § 20). Но въ 1744 году сенатъ приказалъ всѣхъ законныхъ и незаконнорожденныхъ солдатскихъ дѣтей переписать и до шестилѣтняго возраста отдавать на воспитаніе матерямъ и родственникамъ, съ тѣмъ чтобы послѣ сего срока представили ихъ въ гарнизонныя школы; а если малолѣтныя вовсе сироты и безъ родныхъ, то отдавать ихъ для воспитанія и въ вѣчное крѣпостное владѣніе всякаго чина людямъ, имѣющимъ деревни. Сенатъ разсуждалъ при этомъ, что посторонній человекъ не согласится взять ихъ только на срокъ для воспитанія, а если не отдать ихъ помѣщикамъ *вѣчно*, то могутъ пропасть безъ призрѣнія или станутъ обращаться въ худыхъ поступкахъ; отъ отдачи же помѣщикамъ предвидится государственная польза, то-есть исправный

платежъ подушныхъ и сборъ рекрутъ (П. С. З. № 8989). По учрежденію о монастырскихъ имѣніяхъ 1764 г. (П. С. З. № 12.060. Вв. § 7) помѣщику предоставлено даже право требовать къ себѣ обратно отставныхъ солдатъ, отданныхъ изъ его имѣнія, и записывать у себя въ окладъ на ряду съ прочими крестьянами. Наконецъ въ полковничьей инструкціи 8 декаб. 1764 года (Гл. II § 6) постановлено о солдатскихъ дѣтяхъ общимъ правиломъ, что изъ нихъ прижитыя до службы принадлежатъ помѣщику, а родившіяся въ службѣ, военному вѣдомству.

Иноземцевъ разныхъ націй, принявшихъ вдругъ греческаго исповѣданія, при второй ревизіи не велѣно было писать въ подушный окладъ, хотя бы они и служили у кого партикулярно. (Ук. 16 ноября 1737 и 16 декабря 1743 § 19.) Относительно вывоза изъ Сибири и порабощенія ясачныхъ людей, подвластныхъ Россіи, оставалось въ силѣ прежнее запрещеніе издавна повторившееся. (Ук. 7 іюня 1749.) По указу 28 сентября 1743 г. (П. С. З. № 8792, 8793,) уничтожены были все кабалныя письма, по которымъ разныхъ чиновъ люди держали у себя новокрещенныхъ, изъ нехристіанъ, инновѣрцевъ Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерній. Это распоряженіе состоялось, вслѣдствіе представленія сдѣланнаго синоду казанскимъ архимандритомъ Дмитріемъ Съченовымъ, въ пользу инородцевъ, которыхъ люди разныхъ чиновъ укрѣпляли себѣ посредствомъ кабалъ и заемныхъ писемъ, удерживая у себя въ работѣ. Такимъ закабаленнымъ должникамъ велѣно было, если они добровольно примутъ святое крещеніе, заживать у заимодавцевъ долги свои, считая холостымъ 3 рубля, а женатымъ 5 рублей въ годъ, но только по кабаламъ взатымъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ; партикулярныя же кабалы и письма на новокрещенныхъ свободныхъ людей признаны были безусловно недействительными. Указъ этотъ принимаемъ былъ въ послѣдствіи въ томъ смыслѣ, что такихъ новокрещенъ, которые сами собою крестились, никакими крѣпостями ни за кѣмъ укрѣплять не велѣно. (Сен. ук. 12 мая 1744 г.) Но другіе инородцы (сюда причислялъ законъ Колмыковъ, Персіанъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Башкирцевъ и т. п.) могли быть пріобрѣтаемы безпрепятственно, и при томъ съ особенною льготой. Манифестомъ 16 ноября 1737 года дозволено было всякому покупать ихъ, крестить и у себя держать безъ записки въ подушный окладъ, и даже безъ пла-

тежа подушныхъ денегъ, съ одною только запискою въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Поводомъ къ этому было принято то, что люди эти покупались большею частію малолѣтними и требовали отъ хозяевъ немалого иждивенія къ воспитанію и обученію. ¹ Впрочемъ дѣти, родившіяся у этихъ людей послѣ крещенія, подлежади запискѣ въ окладъ по общему порядку. (Ук. 31 іюля 1745.) На томъ же основаніи и въ 1745 году велѣно было Башкирцевъ, которые крещены разными людьми по отдачамъ отъ оренбургской комиссіи, оставлять у нихъ во владѣніи, безъ оклада, а которые крестились сами собой, тѣмъ давать свободу и предоставлять записываться куда пожелаютъ (П. С. З. № 9230.). Сверхъ того, изъ нѣкоторыхъ указовъ видно, что по распоряженію правительства инородцы раздавались во владѣніе частнымъ людямъ въ видѣ наказанія за вину или преступленіе. Такъ напримѣръ въ 1740 годахъ уфимскій вице-губернаторъ Аксаковъ раздавалъ разныхъ чиновъ людямъ бунтовавшихъ Башкирцевъ; такъ въ 1743 году, когда Салтанаульскіе Нагайцы, кочевавшіе на Кубани, самовольно откочевали за границу Россіи и для возвращенія ихъ силою отправлено было калмыцкое войско, Калмыкамъ роздано было за поискъ 2809 человекъ Салтанаульцевъ. Потомъ, когда правительство распорядилось перевести ихъ съ Кубани и изъ Астрахани въ Казанскую губернію, многіе изъ нихъ розданы были по деревнямъ тамошнимъ татарскимъ мурзамъ въ вѣчное владѣніе. (Ук. 26 нояб. 1745, 28 нояб.)

¹ Сила указа этого была распространяема и на такихъ людей, которыхъ по старинному правилу сибирскихъ наказовъ запрещалось крѣпить. Напримѣръ, по прежнимъ наказамъ воеводы и приказные люди не должны были покупать для себя и вывозить изъ Сибири даже калмыцкихъ полонныхъ ясырей, привозимыхъ калмыцкими тайшами для торга; а велѣно покупать ихъ на казенныя деньги, дабы сибирская земля не пустѣла, а распространялась. Но въ 1749 году, когда полковникъ Сибирскаго драгунскаго полка Зоринъ вывезъ съ собою изъ Сибири пятерыхъ людей купленныхъ имъ у крещеныхъ Калмыковъ и предъявилъ на нихъ купчую за свидѣтельствомъ обывателей, записанную въ таможенѣ со взятіемъ пошлины, сенатъ примѣнилъ къ этимъ людямъ силу указа 16 ноября 1737 года и постановилъ: дозволить военнымъ людямъ вывозить съ собою изъ Сибири людей, купленныхъ у Калмыковъ, кромѣ російскихъ подданныхъ, если будутъ имѣть на нихъ купчія отъ крѣпостныхъ дѣлъ или канцелярскія выписки за губернаторскимъ свидѣтельствомъ. Впрочемъ тутъ же было подтверждено о соблюденіи правила прежнихъ наказовъ. (Ук. 7 іюня 1749 № 9626)

1777, 20 окт. 1786.) Въ 1756 году (П. С. З. № 10.654) сенатомъ дозволено русскимъ поданнымъ купцамъ, Бухарцамъ и вообще разночинцамъ покупать и вымѣнивать на товары разныхъ азіятскихъ плѣнниковъ, привозимыхъ на крѣпостную линію сибирскими Киргизъ-Кайсаками; по мнѣнію сената, не только не слѣдовало запрещать это, но еще «и пріохочивать къ тому надлежить», для приведенія нехристіанъ въ православный христіанскій законъ. Купленныхъ людей слѣдовало объявлять въ крѣпостяхъ комендантамъ, при продавцахъ, въ удостовѣреніе того, что они куплены, а не силой отняты; за тѣмъ, недолго какъ чрезъ три года послѣ покупки, велѣно представлять ихъ въ губернскія канцеляріи, гдѣ допрашивали уже самихъ купленныхъ людей для новаго удостовѣренія въ томъ, что они не силой взяты изъ жилищъ своихъ, а точно проданы; здѣсь окончательно выдавались покупателямъ владѣнныя выписи на людей, съ тѣмъ однако же, что покупатели изъ разночинцевъ въ правѣ владѣть ими только по смерти своей, если въ теченіе жизни не продадутъ ихъ имѣющимъ право владѣть дворовыми людьми; но послѣ такой продажи проданные люди становились уже крѣпостными *вѣчно*.

Изъ числа плѣнныхъ нехристіанъ, вывезенныхъ въ Россію при прежнихъ войнахъ 1719 и 1721 года изъ турецкихъ областей, многіе остались жить у разныхъ людей въ Россіи. Малолѣтныя, не помнившіе жилищъ и родителей, раздавались для воспитанія разныхъ чиновъ людямъ, объявившимъ ихъ за собою при подачѣ сказокъ къ 1-й ревизіи; всѣмъ имъ велѣно быть за тѣми людьми, которые записали ихъ за собою, а просьбы ихъ о предоставленіи свободы велѣно оставлять безъ дѣйствія (Сен. ук. 22 мая 1735). Но Валаховъ и другихъ христіанскихъ подданныхъ Порты Оттоманской никому не велѣно удерживать въ неволѣ и укрѣплять, развѣ бы кто изъ нихъ самъ пожелалъ, служа въ господскомъ домѣ, вступить въ бракъ съ крѣпостными; въ такомъ случаѣ, и то не иначе какъ съ письменнаго объявленія въ губернскихъ воеводскихъ канцеляріяхъ, добровольно вступившіе въ такой бракъ, отдаваемы были по выписямъ въ крѣпостное владѣніе по браку съ крѣпостнымъ или крѣпостною (Сен. ук. 21 сент. 1741). Изъ числа плѣнныхъ Шведовъ и Поляковъ, взятыхъ во время войнъ бывшихъ при Петрѣ, многіе и послѣ Ништадскаго мира остались въ Россіи, гдѣ были розданы разнымъ людямъ (по вѣдомости военной коллегіи розданныхъ Поляковъ показано 1018

человѣкъ) и въ послѣдствіи записаны за ними въ подушный окладъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ найдены по жительству (ук. 16 апр. 1737). Послѣ новой войны съ Швеціей, по заключеніи мирнаго трактата въ 1743 году, всѣхъ военно-плѣнныхъ велѣно отпустить на родину, хотя бы и женились въ Россіи, кромѣ принявшихъ православную вѣру: такимъ велѣно оставаться, кто гдѣ обрѣтается. Но въ 1744 году постановлено, что тѣ изъ нихъ, которые, живя въ услуженіи у помѣщиковъ, женились на крѣпостныхъ ихъ дѣвкахъ или женкахъ, должны быть за ними вѣчно; а холостые или женатые на свободныхъ женщинахъ, хотя бы и приняли православную вѣру, могутъ жить гдѣ хотятъ, только не у иноземцевъ неправославныхъ. Люди, вывезенные изъ тѣхъ шведскихъ земель, которыя по мирному трактату достались Россіи, во всякомъ случаѣ должны были оставаться за тѣми, у кого жили въ услуженіи или поселены были въ деревняхъ (сен. ук. 6 сент. 1743; 20 іюня 1744). Польскихъ подданныхъ, вывезенныхъ изъ Польши и Литвы, согласно съ прежними постановленіями, запрещалось насильно удерживать въ Россіи (им. ук. 10 іюня 1740). Такимъ образомъ укрѣпленіе плѣнныхъ въ Россіи на дѣлѣ продолжалось до указовъ императрицы Екатерины II, которыми всѣ вообще плѣнные объявлены вольными людьми.

Отдача людей, не избравшихъ себѣ рода жизни, въ частное владѣніе, совершалась не только во время ревизіи, и не по поводу только ревизіи, но и независимо отъ нея, въ другое время, по распоряженію воеводскихъ и губернскихъ канцелярій, откуда на людей выдавались владѣнные выписи со взятіемъ пошлинъ. По силѣ инструкціи 2-й ревизіи, такія выписи выдавались за руками генералитета изъ главныхъ ревизионныхъ канцелярій. (Сен. ук. 28 окт. 1743 г. № 8814; 13 іюня 1744 г., 5 окт. 1780 г.).

Съ ревизіей соединялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ изслѣдованіе о принадлежности людей тѣмъ помѣщикамъ, которые въ сказкахъ объявили ихъ за собою въ первый разъ, но не могли представить на нихъ укрѣпленія. Такихъ людей велѣно писать за тѣми, «кому они по слѣдствіямъ крѣпки найдутся.» (Инстр. 1743 г. §. 4). Если по несходству именъ съ книгами 1-й ревизіи оказывалось сомнѣніе въ тождествѣ человѣка, тогда велѣно было разыскивать о нихъ приходскими попами, церковниками и старожилами. (Ук. 2 іюля 1744 г.) Людей, которые объявляли себя при ревизіи Поляками или непомнящи-

ми родства, велѣно допрашивать съ *пристрастіемъ* (подъ ба-тогами), и если не докажутъ своего происхожденія, поступать съ ними какъ съ бѣглыми, непомнящими родства, то-есть отсылать ихъ въ С. Петербургъ для поселенія на дворцовыхъ земляхъ. (Инстр. 1743 г. § 10; ук. 24 июня, 7 авг. 1744 г.). Въ 1747 году (П. С. З. № 9392) для предупрежденія проводочки отъ неправильныхъ показаній, было постановлено: «производить слѣдствія и собирать справки только о такихъ людяхъ, которые сами собою, яко вольные, къ ревизіи явились и о родствѣ своемъ доношеніями или допросами показали;» а относительно тѣхъ людей, коихъ сами помѣщики въ поданныхъ сказкахъ означаютъ своими крѣпостными, — велѣно безъ всякаго изслѣдованія основываться на показаніи помѣщиковъ, «ибо ежели обо всѣхъ таковыхъ справляться и слѣдовать, то и окончанію ревизіи вскорѣ быть не можно.» Впрочемъ на дѣйствія ревизіонныхъ канцелярій можно было жаловаться сенату (Ук. 16 іюля 1750, № 9781.) Такимъ образомъ сказка, поданная помѣщикомъ къ ревизіи, сама по себѣ, безъ дальняго изслѣдованія, должна служить удостовѣреніемъ принадлежности человѣка тому лицу, которое показывало его за собою. Это удостовѣреніе принималось на томъ основаніи, что помѣщикъ подвергается законной отвѣтственности, если напишетъ за собою чужаго человѣка. Но принятіемъ сказки отъ помѣщика и запискою за нимъ въ ревизію, записанный человѣкъ не лишался еще возможности доказывать въ судебномъ мѣстѣ свое происхожденіе и отыскивать свободу. Въ случаѣ еслибы такія прошенія поданы были къ ревизіи, генералитету запрещалось вступать въ дѣло какъ спорое, подлежащее суду, и предписывалось отсылать его въ губернскія и воеводскія канцеляріи, а въ столицахъ—въ надлежащія судныя мѣста. (Ук. 1 мая, 26, 27 и 30 іюля 1744, 3 марта 1746 № 9262). Искъ о свободѣ, найденный неосновательнымъ, признавался за незаконное уклоненіе отъ послушанія помѣщику, и изъ нѣкоторыхъ дѣлъ видно, что люди, коимъ отказывалось въ свободѣ, подвергаемы были тѣлесному наказанію за *своевольство* (П. С. З. №№ 8941, 8966, 9781).

Если такъ суровъ былъ законъ того времени, дозволявшій отдавать людей, отъ лица государственной власти, въ крѣпостную зависимость, то можно судить, до какихъ крайностей, могли доходить частныя злоупотребленія начальственныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ отъ лица правительства. Законъ не всегда

дсенъ и положительнъ въ изобличеніи такихъ злоупотребленій; но историкъ настоящаго времени въ правѣ назвать злоупотребленіемъ и насиліемъ всякое дѣйствіе власти, которому не находятъ оправданія въ современномъ законѣ. Такъ напр. изъ одного указа императрицы Анны видно, что на островѣ Даго тамошніе крестьяне обрацаемы были въ продажу отъ мѣстнаго губернскаго управленія. Къ счастью, законъ не доходилъ у насъ до понятія о томъ, что жители покореннаго края почитаются рабами побѣдителей, и какъ рабы могутъ быть продаваемы въ рабство; но именной указъ (4 августа 1739 года) не называетъ прямо такого дѣйствія незаконнымъ. Въ указѣ выражено только, что такая продажа неудобна, и «можетъ быть подвержена разнымъ толкованіямъ»; правительство, съ точки зрѣнія казеннаго интереса, желаетъ знать, по какой цѣнѣ люди продаются и куда за то деньги собираются... Оно не спѣшитъ рѣшительно воспретить такую продажу людей, но только останавливаетъ ее до дальнѣйшаго указа. Съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства, оно какъ будто предвидитъ возможность употребить это средство для освобожденія страны отъ излишняго народонаселенія: «но ежели, говорится въ указѣ, такая продажа за многочисленіемъ излишнихъ тамъ крестьянъ донинѣ учинена, то намъ мнѣніе свое немедленно прислать имѣете, куда такіе излишніе люди инымъ образомъ наилучше употреблены быть могли бѣ.» Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ удобствѣ укрѣплять за собою людей, не мало находилось охотниковъ приобрѣтать себѣ во владѣніе новыхъ работниковъ.

Владѣлецъ во всякомъ случаѣ получалъ съ запискою право на челоуѣка, предоставлявшее матеріальныя выгоды: крѣпостнаго челоуѣка можно было и продать при случаѣ, и употребить на работу, и поселить въ деревнѣ или на пустой землѣ, вновь приобрѣтенной. Последній способъ сталъ особенно употребителенъ съ тѣхъ поръ, какъ само правительство начало всѣми мѣрами привлекать населеніе на земли, вновь-приобрѣтенныя въ Ингерманландіи. Край этотъ, небогатый дарами природы, не могъ привлечь къ себѣ свободное движеніе поселенцевъ изъ другихъ областей Россіи; притомъ свободнаго движенія и быть не могло, потому что свободныхъ, не прикрѣпленныхъ земледѣльцевъ въ собственномъ смыслѣ, и не было тогда въ Россіи. Поэтому средства для населенія могли быть только искусственныя и насильственныя. Еще пр.: Петръ I началась раздача земель въ

Ингерманландіи и около Петербурга желающимъ, съ обязанностью населить ихъ. Земли раздавались отъ с.-петербургской канцеляріи, вотчинной и юстицъ-коллегіи, въ количествѣ соотвѣтствующемъ числу дворовъ, предполагавшихся каждымъ къ поселенію, но крѣпости на раздаваемую землю положено выдавать тогда, когда она «по указамъ исправно Чухнами или Русскими населена будетъ.» (Ук. 6 іюня 1712 и 4 дек. 1713 года.) Тогда пріобрѣтателямъ дозволялось продавать эти вновь образовавшіяся деревни; впрочемъ, и участки вовсе или вполнѣ незаселенные можно было продавать съ переводомъ обязательства на покупателя. Въ 1723 году, посланъ былъ въ Ингерманландію, въ С.-Петербургскій, Ябургскій, Копорскій и Шлиссельбургскій уѣзды инженеръ-генералъ для отмежеванія розданныхъ участковъ; при этомъ велѣно было всѣхъ Чухонъ и Латышей, которые достались отъ шведскаго владѣнія, во всѣхъ тѣхъ дачахъ переписать и распредѣлить равномерно между всѣми владѣльцами по пропорціи дачъ, дабы одному передъ другимъ обиды не было ¹ и затѣмъ русскими крестьянами доселять уже недостающее число дворовъ. Въ послѣдствіи, при императрицѣ Аннѣ, для распредѣленія участковъ и крестьянъ въ Ингерманландіи, учреждена была особая комиссія. (Ук. 13 іюля 1726, 6 март. 1740, 11 мая и 4 сент. 1744, 12 іюня 1745, 21 фев. 1746.)

Но кромѣ Ингерманландіи, и въ старыхъ областяхъ Великой и Малой Россіи, по легкости и удобству установленія крѣпостнаго права, образовались въ первой половинѣ XVIII столѣтія, новыя поселенія набербованныя богатыми землевладѣльцами изъ людей, не бывшихъ до того времени подъ помѣщичьею властію, изъ бѣглыхъ и гулящихъ людей, изъ людей вновь-записанныхъ при ревизіи по отдачѣ отъ правительства. Изъ числа такихъ поселеній, особенно замѣчательны тѣ, которыя послѣ шведской войны составились изъ Малороссіянъ и Черкасъ, бѣжавшихъ отъ военнаго и солдатскаго погрома, отъ новыхъ тягостей и поборовъ, отъ притѣсненія военныхъ начальниковъ. Такъ образовались въ великороссійскихъ губерніяхъ: Орловской, Бѣлгородской, Воронежской и

¹ Пропорція эта въ послѣдствіи, въ 1746 году, опредѣлена по 2 души на дворъ, при чемъ положено дѣлить крестьянъ цѣлыми деревнями, расписавъ по зажиточности, на три статьи и раздавать по статьямъ по жеребью семьями, не разлучая дѣтей отъ отцовъ.

частью Тамбовской, слободы и деревни такъ-называемыхъ «вольныхъ Черкасъ». ¹ Помѣщики старались перезывать ихъ къ себѣ, а правительство снисходительно смотрѣло на такія переселенія; притомъ сильные люди всегда имѣли возможность отстоять ихъ. Въ 1732 году правительство объявило, что желающіе поселить у себя на великороссійскихъ земляхъ малороссійскихъ крестьянъ, могутъ это дѣлать съ дозволенія губернаторовъ, подавая предварительно вѣдомости о числѣ людей, предполагаемомъ для поселенія (ук. 5 іюня 1738 г. № 7591). Переселенцамъ, на новыхъ мѣстахъ, предоставлялись землевладѣльцами разныя льготы: многимъ удавалось даже укрыть свое поселеніе отъ платежа казенныхъ податей и повинностей. Нѣкоторыя изъ такихъ слободъ и деревень вовсе не платили никакихъ податей въ казну, вслѣдствіе чего въ 1765 году велѣно было сдѣлать имъ общую повѣрку и перепись для положенія въ окладъ. Пришлые люди почитались первоначально вольными, но потомъ съ установленіемъ ревизій, мало-по-малу записаны были за помѣщиками, одни ранѣе, другіе позже. При императрицѣ Елисаветѣ послѣдовало положительное запрещеніе укрѣплять Малороссіянъ, но по межевой инструкціи 1766 года положено писать за частными владѣльцами тѣхъ изъ сихъ людей, которые за ними остаться пожелали. (См. *Ист. Руссовъ* Конискаго, стр. 213, 236; Инстр. ревиз. 1743 г. § 15; ук. 11 марта 1763 г. Меж. Инстр. 1766 г. XIV. 7.) Съ другой стороны и въ Малороссіи, несмотря на запрещеніе правительства (см. ук. 22 авг. 1728 § 15), устраивались знатными землевладѣльцами поселенія изъ великороссійскихъ крестьянъ. Такъ напримѣръ князь Меншиковъ, скупая крестьянъ у великороссійскихъ помѣщиковъ, селилъ ихъ на малороссійскихъ земляхъ своихъ; такъ князь Долгорукой вывозилъ въ Малороссію крестьянъ изъ своихъ великороссійскихъ вотчинъ. (Ук. 29 марта 1745 г. П. С. З. №. 9131.) Бѣглыхъ же великороссійскихъ крестьянъ всегда было много въ Малороссіи.

¹ Для примѣра можно привести населеніе Алексѣевской слободы на рѣчкѣ Калитвѣ, между Дономъ и Донцомъ, въ землѣ войска Донскаго. Здѣсь, въ 1735 году, генералъ-майоръ Таракановъ съ дѣтьми выхлопотали себѣ изъ вотчинной коллегіи въ дачу 3000 четвертей изъ дикихъ степей и «порозжихъ» земель. По отказѣ этой земли, Таракановъ приступилъ къ ея населенію слѣдующимъ образомъ: онъ послалъ отъ себя трехъ человекъ

Люди служилаго сословія, въ томъ числѣ однодворцы (см. ук. 11 іюля 1754 г.), кромѣ того крестьяне, приписанные къ казеннымъ землямъ, и люди, уже приписавшіеся къ городамъ и посадамъ для торговъ и промысловъ, не могли быть обращаемы въ крѣпостное владѣніе частныхъ лицъ. Кромѣ того почитались свободными и не могли быть обращаемы въ подданство люди малороссійскаго происхожденія. Это правило впрочемъ не всегда строго соблюдалось. Извѣстно, что въ Малороссіи сельское населеніе дѣлилось издавна на казаковъ и посполитыхъ людей; но тѣ и другіе, по малороссійскому обычаю, считались людьми вольными. Съ разложеніемъ стараго казачества, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, это понятіе ослабло. Польское владычество стремилось утвердить въ Малороссіи сословное различіе между шляхтою и хлопами, и са-

въ Украину, по ярмаркамъ, скинать къ нему на новую землю вольныхъ Черкасъ. Посельщикамъ данъ былъ листъ, въ которомъ Таракановъ, созывая новыхъ поселенцевъ, обѣщалъ имъ разныя льготы: здѣсь было между прочимъ сказано, что свободы дается имъ на три года. А какъ людей соберется довольно, тогда съ совѣта съ лучшими и со всѣми той слободы людьми, положенъ будетъ чиншъ легкой, какъ и въ прочихъ слободахъ водится, а пашни и никакой работы панской не будетъ; мельницамъ всѣмъ быть панскимъ, а занимать и починивать ихъ всею слободой; шинкамъ быть посполитыхъ людей и панскимъ; суды судить атаману съ лучшими людьми по черкасскому обыкновению» и пр. По этому призыву нашлось много охотниковъ, и въ слѣдующемъ же году поселилось на новой землѣ 60 дворовъ. Но войско Донское, почитая заселяемая Таракановымъ земля своими, войсковыми, принесло на него жалобу военной коллегіи; въ объясненіи на эту жалобу, Таракановъ оправдывалъ себя тѣмъ, что «въ Бѣлгородской и въ Воронежской губерніи и въ Слободскихъ полкахъ во всей Украинѣ у превосходительныхъ персонъ и у генералитета и штабъ-и оберъ-офицеровъ и у дворянъ, и у секретарей, и подъячихъ, Черкасскихъ слободъ вездѣ множество, которыя и нынѣ вездѣ, не токмо отъ украинской линіи въ дальности, но и близъ линіи, гдѣ ландмилицимъ полкамъ земли въ дачи отдать надлежитъ, селяться безъ воспрещенія, а въ свѣдѣтельство оныя вездѣ видимо лежать.» Около тѣхъ же мѣстъ подобныя слободы населены были капитаномъ Павловымъ, съ братьями. На этотъ разъ, высочайше утвержденнымъ докладомъ сената, дача и поселеніе какъ Таракановыхъ, такъ и Павловыхъ признаны были незаконными, и Черкасамъ велѣно воротиться на прежнія жилища. (См. ук. 13 мая 1736 П. С. З. № 6959.) Въ Орловской губерніи кн. Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ населилъ цѣлую слободу Дмитровку (нынѣ городъ Дмитровскъ) перезванными и перевезенными Малороссіянами и Волохами (См. Слов. Бант. Кам. М. 1836).

мыхъ казаковъ приравнять къ хлопамъ. Московское владычество принесло съ собою готовую форму тягла государева и боярскаго. Но въ самой Малороссіи внутреннія смуты и интриги людей, искавшихъ власти и чина, благопріятствовали развитію вотчиннаго права надъ людьми и попыткамъ казацкихъ временщиковъ придать этому праву московскую форму; ибо натурѣ неразвитой и грубой свойственно стремиться къ расширенію власти надъ подчиненными людьми. Съ другой стороны, вельможи и чиновники московскіе, пріобрѣтая земли въ Малороссіи (что съ 1728 года разрѣшено было всѣмъ кромѣ иноземцевъ¹), переносили и сюда тѣ привилегіи, которыя соединены были съ землевладѣніемъ къ Великой Россіи. Мѣстныя стремленія полковыхъ старшинъ записывать вольныхъ казаковъ за собою, въ подданство, московское правительство постоянно признавало незаконными. «Запрещаемъ, говорится въ указѣ 8 іюля 1728 г., чтобы полковники, старшина генеральная и полковая, и сотники, и прочіе всѣ рядовымъ казакамъ и посольству налогъ, обидъ и тягостей отнюдь не чинили, ни на какія свои приватныя работы ихъ не посылали, и сверхъ того, что повелѣно, ничего не брали... а особливо у казаковъ грунтовъ, земель и прочаго недвижимаго не отнимали, и тѣмъ ихъ въ подданство къ себѣ не привлекали.» Однакоже злоупотребленія не прекращались. Многіе казаки доходили отъ разоренія до того, что, «оставляя воинскую службу и грунты, въ коихъ служили, записывались за помѣщиковъ», чтобы найти себѣ пропитаніе (маниф. 23 дек. 1732 г.); другихъ—войсковые чины, пользуясь властью, присвоивали себѣ въ подданство, насильно отнимая у нихъ пашенную землю и угодья (сен. ук. 7 марта 1738 г.) Въ 1732 году князь Шаховской, отправленный для устройства слободскаго войска, на вербовавъ новый драгунскій казачій полкъ, и опредѣливъ въ него офицеровъ изъ арміи, роздалъ имъ изъ казачьихъ земель, въ подмогу, мѣстечки, села и деревни, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ имъ въ подданство казачьихъ братьевъ, свойственниковъ и подмощиковъ, выбравъ изъ лучшихъ и пожиточныхъ людей (см. грам. 22 нояб. 1743 г.) Это распоряженіе было въ по-

¹ Потомъ въ 1739 году запрещеніе на время восстановлено, но въ 1740 году опять снято, и дозволеніе распространено даже на иноземцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ. (См. ук. 8 іюня 1740 г. № 8129.)

слѣдствіи осуждено и отмѣнено правительствомъ, но вѣроятно оно было не единственнымъ въ своемъ родѣ. Ревизія, введенная въ Малороссіи съ 1732 года, хотя и не имѣла въ началѣ того значенія, какое присвоено было ей въ великорусскихъ губерніяхъ; однако, при вошедшихъ уже въ силу наклонностяхъ помѣщичьяго права, должна была способствовать къ его усилению и расширенію.

Понятно, что русское правительство постоянно заботилось о томъ, чтобы «подъ образомъ покупки подданныхъ Черкасъ, въ продажѣ казаковъ не имѣлось, и чрезъ то оныя въ подданство приведены быть не могли (им. ук. 8 іюня 1740 г.) Казаки принадлежали къ служилому сословію, обязаны были службою государству. О посполитомъ народѣ малороссійскомъ, то-есть о крестьянахъ, не было такой заботы до 1742 года, когда вступила на престолъ императрица Елисавета, имѣвшая особенное расположеніе къ Малороссіи. (См. *Ист. Конискаго* стр. 244. и жалов. грамоту слободскимъ полкамъ 22 ноября 1743 г.) Крестьяне въ Малороссіи пользовались издревле правомъ свободного перехода съ мѣста на мѣсто; въ 1739 году, по опредѣленію генеральной войсковой канцеляріи, для предупрежденія побѣговъ за границу, этотъ переходъ былъ запрещенъ подъ смертною казнію: императрица вновь разрѣшила его, запретивъ переходить съ мѣста на мѣсто только казакѣмъ какъ служилымъ людямъ. (Им. ук. 18 авг. 1742, § 4. Сен. ук. 6 іюля 1748 г.) вмѣстѣ съ тѣмъ, накрѣпко подтверждено, чтобы великороссійскіе разныхъ чиновъ люди, «малороссіянъ никого никакими образы въ вѣчное холопство не крѣпили и на крѣпостныхъ дѣвкахъ и женкахъ неволею не женили; ежели жъ кто и добровольно женился, такихъ по женамъ потому жъ не крѣпить, но и съ тѣми ихъ женами быть имъ свободнымъ. Будеть же кто на нихъ хотя какія письма и крѣпости имѣеть, онымъ быть не дѣйствительными, а имѣть ихъ въ услуженіи по добровольному ихъ желанію безъ всякаго принужденія.» (Им. ук. 21 мая и 3 іюля 1742.) Извѣстно, что эта свобода малороссійскихъ крестьянъ отмѣнена была Екатериной II въ то самое время, когда въ Великороссіи правительство, подъ вліяніемъ новыхъ философскихъ идей, начало принимать первыя мѣры къ огражденію личной свободы и устанавливать строгое отличіе между законными и произвольными способами установленія крѣпостнаго права.

Сумма земледѣльческаго населенія, состоявшаго въ крѣпостномъ владѣніи частныхъ лицъ, значительно увеличилась въ теченіе XVIII столѣтія распоряженіями правительства, которое въ видѣ милости, награды за службу или вспоможенія для службы, предоставляло военнымъ и гражданскимъ чинамъ во владѣніе цѣлыя деревни и села изъ земель казенныхъ и дворцовыхъ. Раздача помѣстій прекратилась съ 1714 года: правда, что послѣ того вотчинная коллегія, замѣнившая помѣстный приказъ, примѣняясь къ прежнему порядку, раздавала еще дворянамъ дачи, но уже только изъ порозжихъ казенныхъ земель, да и эти раздачи въ послѣдствіи признаны были незаконными¹. Однакоже и послѣ формальнаго прекращенія общей раздачи помѣстій, бывали учреждаемы мѣстныя окладныя раздачи нѣкоторымъ чинамъ недвижимыхъ населенныхъ имѣній: въ этихъ раздачахъ отзываются еще слѣды старой помѣстной системы. Такъ напримѣръ, именнымъ указомъ 25 апр. 1737 года, положено для приохоченія къ вѣрной службѣ офицеровъ, состоявшихъ при казенныхъ горныхъ заводахъ, давать сверхъ опредѣленнаго жалованья тѣмъ изъ нихъ, которые изъ шляхетства, изъ дворцовыхъ и ясачныхъ деревень, по 10 дворовъ, полагая по 4 души въ каждомъ дворѣ, а тѣмъ кои не изъ шляхетства, но «произошли до нѣкоторыхъ классовъ», по 5 дворовъ, въ вѣчное владѣніе, но подъ условіемъ какъ для нихъ самихъ, такъ для дѣтей и наследниковъ ихъ обязательной службы при горныхъ заводахъ. Еще при Петрѣ I, грузинскимъ дворянамъ, переваннымъ и добровольно вышедшимъ въ русскую службу, раздавались во владѣніе деревни. (См. ук. 24 дек. 1751 г. § 1.) Въ 1738 году приняты были въ русскую службу дворяне и князья, выѣхавшіе

¹ Именно указомъ 21 мая 1736 года. Этимъ указомъ (котораго нѣтъ въ П. С. З.) окончательно прекращены были всѣ помѣстныя дачи. Вотчинной коллегіи не дано было право на раздачу земель, но она стала принимать просьбы о томъ отъ дворянъ, посылая обыскивать и обмѣривать порозжія казенныя земли и дѣлала объ отдачѣ ихъ опредѣленія. Такимъ образомъ раздано было ею въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ до запретительнаго указа 1736 года. Многіе изъ владѣльцевъ заселили розданныя земли своими и набранными крестьянами; такъ что, въ уваженіе къ пользѣ отъ этого населенія, въ 1766 году дозволено было оставить за нимъ всѣ тѣ дачи, на коихъ поселеніе имѣется. (См. ук. 13 мая 1736 г. № 6959; Меж. Инстр. 1766 г. XXIV, 10; ук. 29 ноября 1804 г. № 21.536.)

изъ Грузіи съ царемъ грузинскимъ; изъ нихъ устроена особая гусарская рота и положено: вмѣсто жалованья на мирное время отвѣсть имъ для поселенія земли на Украинѣ изъ казенныхъ дворцовыхъ и войсковыхъ деревень въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ раздачею князьямъ по 30, да на каждого изъ малолѣтнихъ мужескаго пола дѣтей по 5 дворовъ, а простымъ дворянамъ по 10 дворовъ; первоначальное число ихъ въ гусарской ротѣ простиралось до 89 человекъ, но оно умножилось, въ послѣдствіи новыми выходцами, на которыхъ, кажется, распространяемо было правило о раздачѣ деревень (П. С. З. № 7595, 7614, 8129). Изъ числа русскихъ деревень, которыя по указу 1713 года отбирались въ казну отъ мурзъ и Татаръ за непріятіе православной вѣры, по силѣ послѣдующихъ указовъ 1715, 1726 и 1730 годовъ, назначаемы были новыя дачи татарскимъ мурзамъ и потомкамъ ихъ, принявшимъ въ послѣдствіи св. крещеніе. Всѣ эти деревни составляли особый фондъ, назначенный исключительно для такихъ раздачъ, до тѣхъ поръ пока всѣ онѣ поступили въ раздачу и весь фондъ истощился; тогда по повелѣнію императрицы Екатерины II прекращены были и раздачи. (Ук. 14 окт. 1743, № 8807, 16 дек. 1745, № 9236; 5 янв. 1766.) Въ 1741 году, гренадерская рота Преображенскаго полка, оказавшая особенное содѣйствіе императрицѣ Елисаветѣ при вступленіи ея на престолъ, въ награду за то переименована была въ *лейбъ-компанію*; всѣ чины ея, унтеръ-офицеры, капралы и рядовые, пожалованы были дворянами, а въ слѣдующемъ 1742 году всѣмъ высшимъ и нижнимъ чинамъ лейбъ-компаніи пожалованы были въ вѣчное и потомственное владѣніе деревни, съ назначеніемъ окладовъ по чинамъ изъ отписныхъ и казенныхъ волостей въ Московскомъ, Серпейскомъ, Каширскомъ, Звенигородскомъ, Пошехонскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ; въ томъ числѣ каждому рядовому назначено по 29 душъ, всего же при этомъ роздано на 299 человекъ 13.930 душъ; въ послѣдствіи по передачамъ и переходамъ всѣ эти деревни утверждены были за покупателями и наследниками, кромѣ тѣхъ наследниковъ, которые родились до пожалованія отцовъ во дворянство и не приобрѣли потомъ правъ на владѣніе деревнями. Въ 1762 году, при вступленіи на престолъ Екатерины II происходили, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ указаніямъ, подобныя же раздачи кавалергардамъ. (Ук. 31 дек. 1741, 25 нояб. 1742, 2 мая 1772.) Къ этому

же разряду должно причислить деревни, назначавшіяся въ Малороссіи за урядъ нѣкоторымъ русскимъ чиновникамъ во владѣніе и пользованіе, на время отправленія должности, напр. коммendanтамъ и оберъ-коммendanтамъ. (Ук. 21 февр. 1769 г. № 13.260.) Обычай этотъ не ограничивался повидимому одною Малороссіей: изъ указа 22 февр. 1776 года видно, что на столовое содержаніе смоленскихъ губернаторовъ назначено было въ Могилевской губерніи староство Мстиславское, которое числилось за губернаторомъ во все время отправленія имъ должности. Въ другомъ указѣ 1767 года (№ 12.848) упоминается о Корелахъ Кексгольмскаго уѣзда, пожалованныхъ *по смерти* Выборгскому вице-губернатору. Последніе слѣды этого обычая выразились въ учрежденіи командорственныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ I, въ 1797 году; но это учрежденіе вскорѣ было отмѣнено.

Пожалованіе населенныхъ имѣній было однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ награды за службу или за особыя услуги, оказанныя монарху и правительству. Послѣ сравненія помѣстій съ вотчинами, такое пожалованіе заняло мѣсто прежней раздачи земель въ вотчину или обращеніе помѣстій въ вотчины. Такая награда, безъ сомнѣнія, должна была казаться всего болѣе приманчивою, потому что съ нею соединены были наибольшія матеріальныя выгоды. Со стороны правительства не возникало еще, да и не могло возникнуть, сомнѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ сообразно съ началомъ государственнаго управленія отдача въ частное владѣніе десятковъ тысячъ людей, почитавшихся до того принадлежностью государства; дѣло въ томъ, что съ самымъ понятіемъ о принадлежности государству было еще связано понятіе не о гражданской свободѣ, а о личной зависимости, съ которою соединялось подчиненіе государственной власти: между принадлежностью государству и принадлежностью помѣщику не было еще тогда столь рѣзкаго различія, какое существуетъ въ наше время. Сущность этихъ отношеній перешла въ новую исторію Россіи прямо и безъ измѣненій изъ XVII столѣтія; но форма ихъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, въ преобразованной Россіи получила болѣе рѣзкія очертанія, вслѣдствіе разныхъ причинъ, косвенно дѣйствовавшихъ на возрѣніе правительства и на общественные нравы. Такимъ образомъ, въ теченіе XVII столѣтія, земля занимаетъ первое мѣсто въ составѣ жалуемыхъ имѣній: жалуются вотчины, а крестьяне являются необ-

ходимою принадлежностью вотчинныхъ земель, и даже не входятъ въ офіціальный счетъ при пожалованіи вотчинъ. Въ первой половинѣ царствованія Петра I, эта форма пожалованія начинаетъ измѣняться: земля не стоитъ уже на первомъ планѣ, но на ряду съ нею *дворъ* крестьянскій мало-по-малу пріобрѣтаетъ значеніе офіціальной единицы, при назначеніи жалуемыхъ участковъ, такъ что по количеству раздаваемыхъ дворовъ опредѣляется и количество земли. Но при преемникахъ Петра, послѣ установленія ревизій и подушной подати, на языкъ офіціальному и въ общественномъ употребленіи, утвердилось понятіе о *душѣ* крестьянской, какъ объ единицѣ, которою опредѣляется преимущественно значеніе и составъ недвижимаго населеннаго имѣнія: кое-гдѣ въ указахъ встрѣчается даже, вмѣсто счета душами, еще болѣе оскорбительный для слуха счетъ *головами* крестьянскими. Такимъ образомъ, высшая форма крѣпостнаго права, образовавшаяся изъ сущности и содержанія его, въ свою очередь должна была воздѣйствовать на содержаніе, на общее понятіе о сущности этого права. Съ того самаго времени, когда по силѣ обстоятельствъ и по закону тяготѣнія слабаго къ сильному, расширенія силы надъ слабостью, возникли первые зачатки обязательныхъ отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу, никто не думалъ еще подвергать анализу сущность этихъ отношеній: они только *чувствовались*, и этого было достаточно для общества въ тогдешнемъ его состояніи. Въ настоящую минуту, анализируя эти отношенія, подѣ условіями той самой среды, въ которой они утвердились, мы видимъ, что никакой законъ, и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, не объявлялъ крестьянина собственностью помѣщика, что и тогда, какъ въ первой половинѣ XIX столѣтія, въ зернѣ нашего крѣпостнаго права лежало не личное самостоятельное право одного человѣка на обладаніе другимъ, а вотчинное право на землю, къ которой прикрѣпленъ былъ крестьянинъ; но мы сами должны сознаться, что въ этомъ понятіи, выработанномъ нами подѣ вліяніемъ теоретическаго взгляда,—отвлеченная идея крѣпостнаго права является въ такомъ видѣ, въ какомъ ни одинъ случай изъ жизни не могъ ея представить; мы сами чувствуемъ въ ней не полноту и разладъ съ явленіями дѣйствительной жизни, въ которыхъ она тогда осуществлялась и еще недавно продолжала осуществляться. Историческія явленія XVI и XVII столѣтій привели насъ къ этой идее; но тогда очертанія крѣпостнаго права, такъ же какъ и

многихъ другихъ правъ, были болѣе смутны; начала его не выработались, существенные признаки его не опредѣлялись въ юридической нормѣ. Передъ нами нѣтъ рѣзкихъ формъ, которыя понятно и осязательно показали бы намъ всю суровую его сущность. Въ XVIII столѣтіи, формы эти развились и умножились, и присматриваясь къ нимъ, мы поневолѣ приходимъ къ убѣжденію, что крѣпостное право, помимо точныхъ юридическихъ опредѣленій, дѣйствительно явилось у насъ правомъ челоуѣка надъ челоуѣкомъ. Въ XVIII столѣтіи земля рѣшительно отходитъ уже на второй планъ, а на первомъ планѣ становятся души.

Въ теченіе царствованія Петра I, крупныя пожертвованія населенныхъ имѣній были отчасти послѣдствіемъ завоеванной русскаго оружія, и производились изъ земель принадлежавшихъ къ покоренному краю. Извѣстно, какъ велика была добыча, приобрѣтенная для себя Меншиковымъ въ Прибалтійскомъ краѣ, и какія огромныя имѣнія успѣлъ онъ утвердить за собою въ Малороссіи. Жадность его въ этомъ отношеніи не знала границъ. ¹ Петръ пожаловалъ его владѣтельнымъ герцогомъ Ингерманландскимъ и, по собственнымъ словамъ Меншикова, отдалъ ему всю Ингерманландію въ вѣчное владѣніе. Въ послѣдствіи размѣры этой огромной вотчины были, кажется, уменьшены, и вмѣсто прежняго количества земли, намѣренного Меншикову на 20.000 дворовъ, оставлено ему только на одну тысячу, да на другую тысячу для перевода русскихъ крестьянъ. Впрочемъ, какъ можно судить изъ показаній самого Меншикова, остальные мызы и деревни въ Ингерманландіи, съ жителями и землями, тогда же были розданы во владѣніе другимъ, а вмѣсто того предоставлено ему выбрать себѣ вотчины въ другихъ мѣстахъ, изъ дворцовыхъ и монастырскихъ имѣній великороссійскихъ губерній. Въ Малороссіи были ему же пожалованы большія имѣнія, описанныя за измѣну у Мазепы. (См. протоколы тайнаго совѣта въ *Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн.* 1858, кн. 3, стр. 41.)

¹ Въ 1720 году считалось за Меншиковымъ до 50.000 душъ; сверхъ того приписалъ онъ къ землямъ своимъ, въ разныхъ мѣстахъ, до 32.000 бѣглыхъ и пришлыхъ людей всякаго званія: они были впрочемъ отобранны отъ него по повелѣнію государя. Петръ отказалъ ему въ просьбѣ о пожалованіи города Батурина съ округомъ, но по смерти Петра ему удалось достигнуть и этой цѣли. Въ 1724 году число крестьянъ, принадлежавшихъ Меншикову, увеличилось до 100.000 душъ. (См. *Біогр. Словарь Бавтышъ-Каменскаго.*)

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности опредѣлить, хотя приблизительно, количество имѣній пожалованныхъ императоромъ Петромъ I своимъ генераламъ и сподвижникамъ: и должны ограничиться только отрывочными извѣстіями. Такъ Лефорту было пожаловано за взятіе Азова до 160 дворовъ въ Епифанскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ, Гордону дано 100 дворовъ, Шенину 305 дворовъ въ Алатырскомъ уѣздѣ; Головину 57 дворовъ, Зотову 40 дворовъ; Шереметеву даны были за Полтавскую побѣду большія вотчины въ Ярославскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ, а въ Малороссіи большія имѣнія съ мѣстечками и селами отъ Скоропадскаго; князь Я. Ѡ. Долгорукой, по возвращеніи изъ шведскаго плѣна, П. А. Толстой, послѣ прутскаго мира, графъ Апраксинъ, князь Кантемиръ, получили отъ государя большія деревни, по 1000 дворовъ и болѣе. Графу Апраксину пожалованы были, въ 1716 году, большія дворцовыя вотчины послѣ царицы Марѣы Матвѣевны: волости Толмачевская, Изборская, Самаринская (по завѣщанію онъ возвратилъ ихъ въ казну). Всѣ военные сподвижники Петра жалованы были отъ него малыми и большими деревнями. О размѣрахъ образовавшихся такимъ образомъ владѣній можно судить по тому напримѣръ, что въ 1730 году графиня Головкина наследовала послѣ отца своего, князя Ивана Ѡедоровича Ромодановскаго, болѣе 20.000 душъ; а въ 1742 году, послѣ князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, осталось 70.000 душъ.

Размѣры пожалованій еще увеличились въ послѣдующія царствования: послѣ славной побѣды и выгоднаго мира, вслѣдъ за присоединеніемъ къ Россійской державѣ новыхъ областей, изъ покореннаго края, нерѣдко и изъ великороссійскихъ губерній, раздавались деревни генераламъ и сановникамъ, участвовавшимъ въ военномъ или дипломатическомъ подвигѣ. Каждое радостное событіе при дворѣ вызывало милости государей къ своимъ любимцамъ, выражавшіяся между прочимъ въ пожалованіи населенныхъ имѣній¹. Царствование императрицы Екатерины II, ознаменованное славными побѣдами русскаго оружія и присоединеніемъ новыхъ обширныхъ областей къ Россіи, отличается и количествомъ пожалованій въ самыхъ большихъ

¹ Не только деревни, но и города съ приписанными къ нимъ селами переходили въ частное владѣніе посредствомъ пожалованія. Въ запискахъ о жизни графа Сиверса (Лейпцигъ. 1857, томъ I, кн. 1) упоминается объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ. «Великій канцлеръ Бестужевъ, пишетъ авторъ записокъ, посреди мира успѣлъ укрѣпить за

размѣрахъ: населенныя имѣнія жаловались, по усмотрѣнію государыни, преимущественно изъ ново-возвращенныхъ отъ Польши губерній; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ самому лицу, получившему награду, предоставлялось выбирать, въ какомъ именно мѣстѣ желаетъ получить пожалованное число душъ. Новый любимецъ, выходя изъ случая, всякій разъ получалъ отъ императрицы огромное имѣніе въ видѣ награды. Бывали случаи «пожалованія» на крестъ, на столъ и даже «для увеселенія» (такъ напримѣръ было пожаловано Румянцеву 5.000 душъ въ 1775 г.). Къ этому періоду относится образование многихъ большихъ имѣній, принадлежащихъ знатнѣйшимъ дворянскимъ родамъ въ Россіи. Восшествіе на престолъ императора Павла послужило поводомъ къ обильнымъ раздачамъ населенныхъ имѣній людямъ, на которыхъ пала милость новаго государя (П. С. З. № 17.940); но и кромѣ особенныхъ милостей, завистлившихъ отъ личнаго благоволенія императора, каждое начальство имѣло тогда право, при представленіи подчиненныхъ къ наградамъ, испрашивать для нихъ, по особымъ заслугамъ cadaго, пожалованья населеннымъ имѣніемъ, означая по своему усмотрѣнію въ спискахъ и количество душъ, которыя предполагалось пожаловать. Только при императорѣ Александрѣ I, въ 1801 году, пожалованія населенныхъ имѣній прекращены, и съ того времени уже не возобновлялись.

К. Повѣдоносцевъ.

собой цѣлый городъ Венденъ. Замокъ Венденъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими имѣніями, былъ пожалованъ Бестужеву императрицей въ августѣ 1748 года; городъ былъ опустошенъ пожаромъ, и обратился къ правительству съ просьбой отпустить ему на обстройку дѣсу изъ казенныхъ дачъ. Не касаясь главнаго предмета просьбы, сенатъ далъ знать рижской губернской канцеляріи, что замокъ Венденъ, какъ по справкѣ оказалось, со всѣми принадлежащими къ нему дачами, пожалованъ графу Бестужеву, слѣдовательно и представленіе о дѣсѣ не подлежитъ разрѣшенію сената, а должны жители во всѣхъ своихъ нуждахъ и недоумѣніяхъ обращаться къ графу, какъ своему владѣльцу. Вслѣдствіе того, Бестужевъ вступилъ во владѣніе городомъ и округомъ его, со всѣми землями и съ принадлежащею къ Вендену юргенгофскою дачей. Уже послѣ паденія Бестужева, депутаты отъ города Вендена осмѣлились, опираясь на привилегіи прежнихъ королей, ходатайствовать передъ сенатомъ о возстановленіи правъ своихъ. Тогда только объявлено, что Венденъ остается при своихъ привилегіяхъ и будетъ именоваться императорскимъ городомъ.

СОЮЗНЫЕ ПОЛКОВОДЦЫ

ВО ВТОРУЮ КАМПАНИЮ 1813 ГОДА

При окончаніи перемирія, силы союзниковъ были раздѣлены на три арміи, изъ коихъ двѣ, *Богемская* и *Съверная*, назначались для рѣшительныхъ дѣйствій на сообщенія Наполеона; а третьей *Силезской*, надежало, сообразно общему плану, ограничиваться до времени второстепенными дѣйствіями: прикрытіемъ Силезіи и отвлеченіемъ силъ противника отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ предполагалось нанести ему удары. Одною изъ этихъ армій командовалъ австрійскій полководецъ; другою — прусскій; третьею — наслѣдный шведскій принцъ. Русскіе генералы были подчинены военачальникамъ прочихъ державъ, не смотря ни на значительное число русскихъ войскъ, ни на самоотверженіе, съ которымъ Россія продолжала войну, послѣ потерь понесенныхъ въ двухъ тяжелыхъ походахъ. Напрасно полагають, будто бы императору Александру было предложено единогласно всѣми союзниками верховное начальство надъ арміями, выставленными противъ Наполеона, и будто бы онъ, отклонивъ отъ себя общее распоряженіе дѣйствіями, въ по-

¹ Изъ неизданнаго сочиненія генералъ-майора Богдановича: *Исторія войны 1813 года за независимость Германіи*.

слѣдствіи, когда дѣла приняли сомнительный оборотъ, сожалѣлъ о выказанной имъ умѣренности. Если такое предложеніе было возможно со стороны Пруссіи и немногихъ мелкихъ владѣній Германіи, приступившихъ къ коалиціи, то отнюдь нельзя допустить, чтобъ Австрія когда-либо согласилась вѣрить главнымъ силамъ своей арміи чужеземному полководцу, властителю могущественной державы, всегда возбуждавшей зависть и опасенія вѣнскаго кабинета. И безъ того уже Европа встрѣчала Русскихъ какъ избавителей своихъ, и нужно было много лѣтъ, чтобъ изгладить память о рѣшительномъ участіи, принятомъ ими въ освобожденіи Германіи... Австрійское правительство приняло сторону союзниковъ, опасаясь преобладанія Наполеона, но никогда не согласилось бы содѣйствовать возвышенію императора Александра. Напрасно также увѣряли, будто бы нашъ государь домогался верховнаго начальства ¹. Еслибъ оно было предложено, какъ добровольная дань призвательности и довѣрія къ нему, то онъ, по всей вѣроятности, не отказался бы отъ столь лестнаго званія, но домогаться его было бы ошибкою въ политическомъ отношеніи, несомвѣстною ни съ обычнымъ тактомъ императора Александра, ни съ предшествовавшими его поступками. Въ началѣ весенней кампаніи, ничто не препятствовало ему принять начальство надъ русско-прускою арміею; но онъ предпочелъ вѣрить его графу Витгенштейну. Къ тому же онъ, согласно съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, дѣлая все возможное для привлеченія Австріи на сторону союзниковъ, считалъ однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ къ тому средствъ—назначеніе главнокомандующимъ наибольшей арміи кого-либо изъ австрійскихъ генераловъ, и давъ слово содѣйствовать такому выбору, не помышлялъ о командованіи союзными войсками ².

Многіе полагали, что главнокомандующимъ будетъ назначенъ одинъ изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ; въ особенности же говоръ общественнаго мнѣнія былъ въ пользу эрцгерцога Карла, не разъ уже славно состязавшагося съ Наполеономъ. Но многія обстоятельства затрудняли такой выборъ и заставили австрійское правительство предпочесть знаменитому воину не успѣвшему, ни прежде, ни послѣ, приобрести громкую военную

¹ *Lebensbilder aus dem Befreiungskriege*. III. 497.

² Bernhardt. *Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll.* III. 87—88. Förster. *Geschichte des Befreiungskrieges*, 1813, 1814, 1815. I. 312.

славу, князя Шварценберга. Еще со времени италіанской и швейцарской кампаній Суворова, эрцгерцогъ Карлъ не пользовался расположеніемъ Русскихъ, считавшихъ его (не совѣмъ справедливо) главнымъ виновникомъ пораженія Римскаго-Корсакова и неудачнаго окончанія войны. Къ тому же эрцгерцогъ былъ въ явной враждѣ съ Меттернихомъ и возбудилъ противъ себя подозрѣніе самого императора Франца: носились слухи, будто эрцгерцогъ Карлъ, въ кампанію 1809 года, когда дѣла приняли неблагопріятный оборотъ для Австріи, готовъ былъ, войдя въ соглашеніе съ Наполеономъ, присоединиться къ Рейнскому Союзу, въ качествѣ короля богемскаго: такъ перетолкованы были лукавыми царедворцами попытки эрцгерцога остановить переговорами быстрые успѣхи Наполеона послѣ сраженій при Ландсгутѣ и Регенсбургѣ. Наполеонъ, въ посмертныхъ своихъ запискахъ, подтверждаетъ это обвиненіе, но едва ли можно вѣрить его свидѣтельству. Извѣты непріятелей принца, основанные на тонкомъ знаніи характера императора Франца, поселили въ немъ сомнѣніе и недоувѣрчивость къ эрцгерцогу Карлу, который, въ 1809 году, не получивъ никакихъ дипломатическихъ порученій, дѣйствовалъ совершенно произвольно, и тѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе своего брата. Императоръ Францъ вообще не любилъ, чтобы кто-либо выходилъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти, и никогда не могъ простить эрцгерцогу Карлу самовольнаго его поступка ¹.

Такъ какъ за исключеніемъ побѣдителя при Аспернѣ не было въ австрійской арміи ни одного генерала, стяжавшаго европейскую славу, то оставалось избрать главнокомандующимъ кого-либо изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи. Этому условію удовлетворялъ фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, отличавшійся свѣтскимъ образованіемъ, ловкостью въ сношеніяхъ съ коронованными особами, сговорчивостью и безкорыстіемъ. Ко всему этому онъ соединялъ въ себѣ качества благороднаго, храбраго воина, но не полководца. Справедливость требуетъ сказать, что не легко было командовать арміей въ такихъ обстоятельствахъ, въ какія онъ былъ поставленъ. Армія, ему ввѣренная, состояла на половину изъ чужеземныхъ войскъ; распоряженія его не только стѣснялись присут-

¹ Bernhardi. III. 89—90.—Förster. I. 512.

ствіемъ главной квартиры союзныхъ государей, но почти ни одно изъ нихъ не приводилось въ исполненіе безъ доклада императору Александру; не менѣе связывали фельдмаршала виды собственнаго правительства, не рѣдко противорѣчившіе намѣреніямъ прочихъ союзниковъ: всѣ эти затрудненія очевидны, я потому, при такой обстановкѣ, едва ли бы не уронилъ своей славы даже и военный геній. Тѣмъ не менѣе однакоже весьма сомнительно, чтобы Шварценбергъ, не обладавшій ни рѣшительностью, ни силой воли, ни самоувѣренностью, этими необходимыми качествами великихъ полководцевъ, могъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣйствовать самостоятельно. Все, сдѣланное имъ въ войну 1813 и 1814 годовъ (а сдѣлано было весьма немного), совершено, какъ свидѣлствуютъ австрійскіе офицеры, современники и сподвижники его, по соображеніямъ находившихся при немъ лицъ главнаго штаба. Въ продолженіе всей войны, онъ имѣлъ надобность въ совѣтникахъ, въ руководителяхъ. Полагали въ австрійской арміи, будто бы главнымъ изъ нихъ былъ начальникъ штаба, фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Радецкій, но, по всей вѣроятности, подала поводъ къ такому предположенію послѣдующая, столько же продолжительная, сколько и знаменитая военная карьера Радецкаго, который по характеру своему никогда не гонялся за вліаніемъ на дѣла, ограничивался исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей и выражалъ свои мнѣнія, не настаивая на принятіе предложенныхъ имъ соображеній. Напротивъ того, генераль-квартирмейстеръ Лангенау явно стремился къ господству въ австрійскомъ штабѣ, чему способствовали обычная снисходительность Шварценберга и убѣжденіе его въ томъ, что Лангенау имѣлъ самыя опредѣлительныя свѣдѣнія о мѣстности театра войны, на которомъ надлежало дѣйствовать богемской арміи. До этого времени генераль-майоръ Лангенау состоялъ на службѣ въ саксонскихъ войскахъ, пользовался особеннымъ покровительствомъ министра фонъ-Зенотъ-Пильзаха и находился въ короткихъ связяхъ со многими изъ лицъ окружавшихъ императора Наполеона. Въ продолженіе похода въ Россію, онъ игралъ важную роль въ штабѣ Рейнъе и сдѣлался извѣстнымъ Шварценбергу; когда же благоволившій къ нему саксонскій министръ подвергся преслѣдованію Наполеона, за шаткую политику короля Фридриха-Августа, Лангенау уѣхалъ изъ Саксоніи и былъ принятъ въ австрійскую службу. Основані-

емъ всѣхъ его соображеній служили одностороннія преувеличенныя понятія о важности вліянія мѣстности, господствующихъ пунктовъ театра войны, и т. п. Въ числѣ лицъ съ большимъ вѣсомъ въ австрійской главной квартирѣ, занималъ также одно изъ первыхъ мѣстъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Дука, шефъ тайной полиціи, удостоенный дружбой и особенною довѣренностью императора Франца ¹.

Императоръ Александръ и король Фридрихъ Вильгельмъ, предоставляя начальство надъ главною арміею австрійскому полководцу, не считали себя въ правѣ мѣшаться въ выборъ его. Изъ генераловъ, непосредственно подчиненныхъ Шварценбергу, никто не оскорблялся его возвышеніемъ; а главнокомандующіе прочими арміями, Блюхеръ и наслѣдный шведскій принцъ, были убѣждены въ томъ, что, находясь на отдельныхъ театрахъ войны, они вполне имѣли возможность дѣйствовать самостоятельно ².

Ежели назначеніе князя Шварценберга главнокомандующимъ богемской арміи оправдывалось единственно стеченіемъ обстоятельствъ, не позволившихъ поставить на эту высокую степень полководца несравненно болѣе знаменитаго, то, какъ бы въ замѣнъ тому, общественное мнѣніе заранѣе утвердило выборъ наслѣднаго шведскаго принца главнокомандующимъ сѣверной арміи. Начавъ свое военное поприще на семнадцатомъ году отъ рода, Бернадотъ служилъ долго въ нижнихъ чинахъ и былъ произведенъ въ поручики уже двадцати восьми лѣтъ. Тяжелая школа, имъ пройденная, ознакомила его съ солдатскимъ бытомъ; а французская революція послужила въ послѣдствіи къ быстрому его возвышенію: Бернадотъ, бывший въ началѣ 1794 года капитаномъ, является въ октябрѣ того же года дивизионнымъ генераломъ. Въ 1799 году, будучи военнымъ министромъ, онъ въ день 18-го брюмера противился возвышенію Бонапарта и, какъ извѣстно, не имѣлъ въ томъ успѣха. По всей вѣроятности, это обстоятельство легло бы камнемъ преткновенія на дальнѣйшей его карьерѣ, еслибъ онъ не женился на сестрѣ супруги Наполеонова брата, Юсифа. Слѣдствіемъ этихъ родственныхъ связей было производство Бернадота въ маршалы и возведеніе

¹ Bernhardi. III. 90—94.

² Förster. I. 513.

его въ княжеское достоинство, подъ именемъ принца Понте-Корво. Наполеонъ не сочувствовалъ ему и почти никогда не былъ доволенъ его дѣйствіями, но не противился его избранію наследникомъ шведскаго престола. Въ продолженіе своей службы подъ французскими знаменами, Бернадотъ ни разу не командовалъ отдѣльно арміей; но военная слава Наполеона была такъ велика въ общественномъ мнѣніи, что достаточно было ея отблеска, для украшенія сподвижниковъ императора Французовъ лучезарнымъ вѣнцомъ громкой извѣстности. Никто не сомнѣвался въ способностяхъ бывшаго французскаго маршала Бернадота командовать самостоятельно полутора-тысячною арміей весьма разнороднаго состава, въ которой было не болѣе двадцати четырехъ тысячъ Шведовъ, непосредственно ему подчиненныхъ, да и съ тѣми онъ не могъ объясняться, еще не успѣвъ изучить языкъ народа, ввѣрившаго ему свою будущность. Ему надлежало водить въ бой разноплеменные полчища, собранныя съ противоположныхъ предѣловъ Европы, противъ соотечественниковъ, противъ сослуживцевъ своихъ. Все прошедшее его принадлежало Франціи, все настоящее и будущее Швеціи; судьбы Германіи были для него дѣломъ чуждымъ, и вмѣсто борьбы на жизнь и смерть, такой, какую вели Пруссаки, составлявшіе большую часть сѣверной арміи, всѣ распоряженія его имѣли цѣлю сохранить свой малочисленный шведскій корпусъ, необходимый ему для завоеванія Норвегіи; при цѣли столь ничтожной, въ сравненіи съ тою, для достиженія которой ополчились прочіе союзники, невозможно было ожидать отъ наследнаго принца большой дѣятельности. Послѣдствіями того были сомнѣніе въ его способностяхъ и недовѣрчивость къ нему союзниковъ, въ особенности же воиновъ прусскихъ, отъ генерала до солдата. Съ своей стороны, принцъ не питалъ сочувствія къ нимъ, выражался невыгодно о ландверахъ и порицалъ дѣйствія Бюлова. Все это было весьма естественно: будучи поставленъ въ затруднительное положеніе, наследный принцъ не могъ ни выказать собственныя военныя способности, ни отдать должной справедливости своимъ сподвижникамъ. Упрекали его еще и въ томъ, будто-бы онъ, простирая властолюбивые виды на престолъ Франціи, измѣнялъ съ умысломъ пользамъ союзниковъ. Сами Французы тогда говорили: «Наследный принцъ шведскій, возросшій въ нашемъ лагерѣ, изучившій у насъ военное ремесло, сражается только для вида противъ

великой націи. ¹ Увѣряютъ будто бы императоръ Александръ I, при свиданіи съ принцемъ въ Або, 1812 года, намекалъ о возможности достиженія имъ французскаго престола, ² но это ничѣмъ не доказано, и самъ Бернадотъ никогда не ссылался на такія обѣщанія, а сказалъ только въ минуту откровенности русскому министру Алопеусу, что слѣдовало-бы предпочесть его выродившейся фамиліи Бурбоновъ ³.

Силезская армія считала въ рядахъ своихъ болѣе Русскихъ, нежели Пруссаковъ; но какъ дѣло шло о существованіи Пруссіи, то начальство надъ этою арміей было предоставлено прусскому полководцу Блюхеру. Почти съ самаго дѣтства, вопреки желанію своихъ родителей, Блюхеръ обрекъ себя военному ремеслу. Пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ бѣжалъ изъ школы, опредѣлился въ шведскія войска, былъ захваченъ въ плѣнъ прусскими черными гусарами, вступилъ въ армію Фридриха Великаго, участвовалъ въ послѣднихъ походахъ Семилѣтней войны и былъ раненъ въ сраженіи при Фрейбергѣ. Молодой офицеръ отличался необузданностью и дерзостью, затѣвалъ безпрестанно ссоры, имѣлъ много дуэлей, но былъ уважаемъ и любимъ товарищами, за прямоту и благородство своего характера. Въ 1773-мъ году, будучи обойденъ при общемъ производствѣ въ майоры, Блюхеръ написалъ къ Фридриху Великому: «Фонъ-Эгерфельдъ, единственная заслуга котораго состоитъ въ томъ, что онъ сынъ маркграфа, произведенъ мимо меня. Прошу у вашего величества отставки.» Король отвѣчалъ: «Ротмистръ Блюхеръ уволенъ отъ службы и можетъ убраться къ чорту.» Получивъ отставку, Блюхеръ поселился въ своемъ померанскомъ помѣстьи, снискалъ уваженіе и преданность своихъ согражданъ и былъ избранъ ими въ члены дворянскаго совѣта (Ritterschaftsrath). По кончинѣ же Фридриха Великаго, онъ снова поступилъ на службу майоромъ, въ 1787 году, сорока пяти лѣтъ отъ рода. Въ продолженіе революціонныхъ войнъ, Блюхеръ, въ чинахъ полковника и генераль-майора, командуя гусарскимъ полкомъ Беллинга, приобрѣлъ такую славу, что его прозвали «вторымъ Цитеномъ». Въ походъ 1806 года, генераль-лейтенантъ Блюхеръ подвергся упреку въ томъ, что от-

¹ Beitzke. *Geschichte der deutschen Freiheitskriege in den Jahren 1813 und 1814.* I. 676—680.—Förster. I. 755.

² Bernhardi. III. 96.

³ Pertz. *Das Leben des Ministers Freiherrn v. Stein.* III. 573.

дѣлившись съ командуемою имъ кавалеріей отъ корпуса Гогенлоэ, ослабилъ его, и тѣмъ подавъ поводъ къ капитуляціи у Пренцлова, не достигнувъ никакихъ выгодныхъ послѣдствій и будучи принужденъ положить оружіе при Любекѣ. Такимъ образомъ въ 1815 году, достигнувъ уже свыше семидесяти лѣтъ отъ рода, Блюхеръ еще не имѣлъ случая прославиться великими военными подвигами. Барклай де-Толли, Витгенштейнъ, Ланжеронъ, командовали въ прежнихъ войнахъ значительными силами; даже въ прусской арміи удалось генералу Йорку сорвать свѣжіе лавры въ походъ 1812 года и приобрести громкую извѣстность отложеніемъ отъ Французовъ и образованіемъ народныхъ вооруженій въ Восточной Пруссіи. Напротивъ того, всѣ славнѣйшія дѣйствія Блюхера были совершены имъ въ давно-минувшую эпоху, когда онъ командовалъ отрядами въ нѣсколько тысячъ человекъ.

Несмотря однакоже на все это, старый воинъ пользовался безотчетнымъ довѣріемъ и преданностію прусскихъ войскъ. Его воинственный видъ, выразительныя черты лица, убѣленные сѣдиной волосы, въ соединеніи съ душевными качествами, силой воли и духа, неколебимаго ни опасностями, ни страхомъ отвѣтственности: все выказывало въ немъ героя и внушало войскамъ и народу невольное уваженіе къ нему. Казалось, само время не могло сломить могучаго мужа; уже достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, онъ былъ крѣпокъ силами, воинлюбивъ, смѣлъ и предприимчивъ. Его неустрашимость, твердость въ несчастіи и отвага, возрастающая по мѣрѣ затрудненій, были основаны на сознаніи своихъ физическихъ силъ, развитыхъ и испытанныхъ имъ многократно въ ручныхъ схваткахъ. Убѣжденный въ томъ, что нѣтъ никакого затруднительнаго положенія, изъ котораго было бы невозможно выйти, сохраняя всегда присутствіе духа, Блюхеръ требовалъ такой же самоувѣренности отъ своихъ подчиненныхъ, цѣнилъ въ нихъ паче всего храбрость, и уважалъ только тѣхъ, которыхъ считалъ предприимчивыми. Одаренный быстрымъ соображеніемъ и проникательностію, онъ выказывалъ, въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, необыкновенную находчивость; его привѣтливое обращеніе, веселость и нешчерпаемая шутливость привлекали къ нему всѣхъ его окружавшихъ. Не получивъ никакого научнаго образованія, онъ, несмотря на то, не пренебрегалъ наукой, но и не имѣлъ преувеличеннаго понятія о вліяніи ея на военное дѣло. Не

рѣдко случалось ему говорить о небрежности своего первоначальнаго воспитанія, но онъ очень хорошо зналъ, что и при такомъ недостаткѣ можно было совершить многое. Быстрота его военнаго взгляда была изумительна, особенно въ рѣшительныя минуты, въ пылу сраженій. Тамъ способность его приводить въ исполненіе собственныя, либо чужія усвоенныя имъ идеи, проявлялась во всемъ блескѣ. Когда же доводилось ему соображать дѣйствія на картѣ, онъ едва удостоивалъ ее своего взора, и тогда лишь обнаруживалось, до какой степени были ему чужды кабинетныя распоряженія. Но это неудобство устранялось состоявшими при немъ весьма свѣдущими военными людьми, начальникомъ штаба Гнейзенау и генераль-квартирмейстеромъ Мюфлингомъ ¹.

Генераль Гнейзенау, главный изъ сподвижниковъ Блюхера, соединялъ въ себѣ всѣ тѣ качества, которыхъ не доставало прусскому герою: предусмотрительность, осторожность и положительныя свѣдѣнія по многимъ предметамъ. Безъ его содѣйствія, Блюхеръ не могъ бы совершить свои великіе подвиги, и лучшимъ свидѣтельствомъ тому можетъ послужить благородное сознаніе самаго Блюхера ². Будучи принужденъ въ молодости бороться съ крайнею нуждой, Гнейзенау съ большимъ лишь трудомъ успѣлъ пріобрѣсти высшее военное образованіе, и уже будучи двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, поступилъ въ 1782 году прапорщикомъ въ полкъ маркграфа аншпахъ-байрейтскаго, въ то самое время, когда этотъ полкъ, нанятый англійскимъ правительствомъ, отправлялся въ Америку для дѣйствія противъ отложившихся Соединенныхъ Штатовъ. Затѣмъ поступивъ на службу въ прусскую армію, онъ достигъ майорскаго чина уже сорока семи лѣтъ отъ роду, въ началѣ 1807 года. Въ это время онъ сдѣлался извѣстнымъ

¹ Beitzke. I. 681—685.—Von C. v. W. (Müffling). *Zur Kriegsgeschichte der Jahre 1813 und 1814*. Zw. Aufl. Vorwort. VI—VII.

² Говорятъ, будто бы, при отъѣздѣ въ армію, въ 1815 году, Блюхеръ сказалъ: «я отправляюсь сегодня, а мою голову (Гнейзенау) послалъ восемью днями ранѣе.»—Случилось также Блюхеру, вмѣстѣ съ Гнейзенау быть въ одномъ домѣ, гдѣ молодежь забавлялась, предлагая загадки. Изъявивъ желаніе принять участіе въ игрѣ, старый воинъ потребовалъ, чтобы кто-либо поцѣловалъ свою голову, и когда никто не могъ исполнить его требованія, подошелъ къ Гнейзенау, и обнявъ своего сподвижника, поцѣловалъ его въ голову. Varnhagen v. Ense. *Leben des Fürsten Blücher*. Zw. Aufl. 525.

Шарнгорсту, который, умѣвъ оцѣнить его способности, содѣйствовалъ его назначенію, вмѣсто малодушнаго Лукадѹ, кольбергскимъ комендантомъ. Отличная оборона Кольберга, въ эпоху общаго упадка духа, обратила на Гнейзенау вниманіе народа и доставила ему производство въ слѣдующій чинъ и орденъ: *roug le mѣrite*. Затѣмъ, подъ руководствомъ Шарнгорста, занимался онъ, вмѣстѣ съ Борстелемъ, Клаузевицемъ, Бойеномъ, Грольманомъ, и проч. преобразованіемъ арміи. Въ 1809 году, будучи въ полковничьемъ чинѣ, онъ вышелъ въ отставку, какъ полагаютъ, по домогательству самаго Наполеона; но, получивъ мѣсто по министерству иностранныхъ дѣлъ, былъ посланъ съ важными порученіями къ стоковольскому и лондонскому дворамъ. Во время пребыванія въ Англіи, Гнейзенау пользовался особеннымъ благоволеніемъ принца-регента и подружился съ графомъ Мюнстеромъ, который былъ душою сношеній англійскаго правительства съ Германіей. По возвращеніи въ отечество, онъ постоянно держался партіи готовой возобновить отчаянную борьбу съ Наполеономъ; когда же въ 1812 году, Пруссія заключила союзъ съ заклятымъ врагомъ своимъ, Гнейзенау уѣхалъ въ Англію, гдѣ оставался до того времени, пока обстоятельства не открыли обширнаго поля для его кипучей дѣятельности ¹.

М. Богдановичъ.

¹ Beitzke. I. 688—691.

ВОСПОМИНАНІЯ

ИНСТИТУТСКОЙ ЖИЗНИ

... Недавно случилось мнѣ встрѣтиться съ тремя бывшими сверстницами по М. Е. институту. Мы не видались съ самаго выпуска, и теперь, вмѣстѣ, какъ-то живѣе припоминалось старое время.

Это старое время ушло очень далеко. Мы кончили курсъ около шестнадцати лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ уже всѣми нами прожита лучшая часть жизни, и у каждой изъ насъ она вышла такая особенная, такая непохожая на жизнь другой, и такъ мы стали несходны ни въ характерахъ, ни въ образѣ мыслей, ни въ малѣйшемъ движеніи,—что невольно обратились къ прошлому. Казалось, каждая, не узнавая другъ друга, хотѣла допроситься у этого прошлаго, почему жъ не осталось между нами хоть тѣни, хоть самой маленькой тѣни сходства? Шестъ лѣтъ подъ одною кровлей, единственно отданныхъ воспитанію, совершенное равенство этого воспитанія, глубоко обдуманнаго, строго выполненнаго, и съ такою опредѣленною цѣлью—приготовить будущихъ членовъ семейства, общества... Казалось, какъ бы не уцѣлѣть хоть общимъ чертамъ этого приготовленія? Если не изъ чего другаго, то

мы должны были бы сохранить ихъ изъ гордости. Институтъ нашъ—заведеніе первоклассное, стоитъ выше всѣхъ частныхъ пансіоновъ, выше другихъ институтовъ. У насъ допускаются только самыя благородныя дѣвицы, только одной шестой дворянской книги. Ясно, что это правило всегда имѣло цѣлю украшать вершущи общества такими представительницами, которыя могли бы служить примѣромъ женщинамъ болѣе смиреннаго круга. Ясно, что для выполненія этой цѣли были потрачены на насъ всевозможныя заботы. Мы, конечно, должны были оправдать ихъ, выйдти тѣмъ, чѣмъ въ институтѣ желали, чтобы мы вышли. Институтскія правила и складъ должны были бы сберечься въ насъ, какъ неоцѣненный даръ, чрезъ всѣ житейскіе перевороты. Намъ бы слѣдовало узнавать другъ друга съ полуслова. Но вышло иначе. Встрѣтаясь, мы замѣтили, что стали такъ разнохарактерны, какъ будто учились на противоположныхъ концахъ земнаго шара.

Странно, эта встрѣча была похожа на первую, когда насъ, «новенькихъ», только что свозили учиться тоже съ разныхъ концовъ родины... Изъ глубины пустынныхъ деревень, изъ уѣздныхъ городовъ и губернскихъ, и тутъ же, изъ переулковъ и аристократическихъ улицъ самой Москвы, родители привозили дѣвочекъ. Святилище знанія гостепріимно растворяло предъ ними двери...

Какое далекое время! Съ тѣхъ поръ, конечно, многое измѣнилось въ институтѣ. Не знаю; съ самага выпуска мнѣ не удалось быть тамъ ни разу...

Я была своекоштная, или, какъ говорятъ у насъ, «своя». Своekoштные сѣзжались раньше казенныхъ; тѣ должны были поступить по баллотировкѣ, въ августѣ, послѣ лѣтней вакаціи. Нѣкоторыхъ «своихъ» отдавали еще въ февралѣ и мартѣ, то-есть въ самое время выпуска кончившихъ курсъ и перемѣщенія меньшаго класса на ихъ мѣсто въ старшія отдѣленія. Въ то время институтскій курсъ раздѣлялся такимъ образомъ: два класса, меньшей и старшій; въ каждомъ ученицы должны были пробыть по три года; въ классахъ по три отдѣленія, 1-е, 2-е и 3-е въ старшемъ, и 4-е, 5-е и 6-е въ меньшемъ. Приемной программы для поступленія не было. Если «новенькая» дѣвочка, казалось, знала что-нибудь, особливо если говорила порядочно по-французски или по-нѣмецки, и къ тому же, имѣла выдержанныя манеры, ее сажали въ четвертое отдѣленіе. Минуть пять экзамена рѣшали дѣло. Изъ этого четвертаго

отдѣленія, высшаго по наукамъ въ маленькомъ классѣ, дѣвицы прямо переходили въ первое отдѣленіе старшаго. Туда же онѣ уводили съ собою и своихъ классныхъ дамъ, на всѣ остальные три года. Дѣвочекъ, смотрѣвшихъ робко, съ намеками на знаніе священной исторіи и французскихъ словъ, съ фязіономіями, общавшими почему-то исправиться, сажали въ пятое отдѣленіе, откуда онѣ шли во второе. Дѣвочекъ, съ фязіономіями совсѣмъ тусклыми или уже некстати острыми, когда всѣ ихъ познанія заключались въ одной грамотѣ, такихъ дѣвочекъ отводили въ шестое отдѣленіе. Оттуда всѣ онѣ, съ рѣдкими исключеніями, переселялись въ третье отдѣленіе, и клеймились грустнымъ прозвищемъ *дриттокъ*. Тамъ программа ученія едва равнялась съ программой высшаго отдѣленія маленькаго класса. Было еще въ институтѣ крошечное отдѣленіе, седьмое, куда помѣщали совсѣмъ безграмотныхъ, или крошекъ, которымъ суждено было пробыть девять и больше лѣтъ вмѣсто шести. Послѣднія еще достигали почетныхъ скамеекъ, но первыя непременно кончали *дриттками*. Такимъ образомъ всѣ дальнѣйшія познанія дѣвиць зависѣли все-таки отъ того, чему дѣвочку выучили прежде, дома, а между тѣмъ, институтъ не требовалъ никакого прѣготовленія заранѣе, ни по какой программѣ. Институтъ вполнѣ бралъ на себя обязанность выучить насъ такъ, какъ, лучше уже не могутъ быть выучены женщины въ Россіи...

Насъ привозили, но пора стояла хлопотливая, шумная; готовился выпускъ, а наше время было все впереди. Насъ, кое-какъ, въ наглядку, разсадили покуда съ воспитанницами, которыя недѣли черезъ двѣ-три, должны были уйти въ старшія отдѣленія.

Я попала въ четвертое. Первое мое впечатлѣніе было ужасно смутно. Опредѣлить его едва ли не труднѣе чѣмъ вспомнить первыя сознательныя минуты ранняго дѣтства... Длиннѣйшіе корридоры, огромнѣйшія залы, безконечные дортуары, лѣстницы и лѣстницы, — просторъ и неуютъ послѣ домашней тѣсноты; запахъ куренія уксусомъ, и съ нимъ еще другой, кислый съ сыростью, отъ мокрыхъ половъ, вымытыхъ шваброю, — запахъ, который съ первой минуты на вѣки остался у меня въ памяти, и почему-то сталъ неразлученъ съ мыслью обо всемъ казенномъ... Я убѣдилась, что я въ другомъ мірѣ, а о томъ, гдѣ жила прежде, уже и думать нельзя, да его уже и вовсе нѣтъ; я даже ни о чемъ не жалѣла. Покуда меня вели къ директрисѣ, я оглядывалась на однообраз-

ную, безпредѣльную желтую краску стѣнъ, и (какъ теперь помню) мнѣ вообразилось, что это должно быть такое мѣсто, гдѣ ничего не вѣдать. Лицо директрисы мнѣ очень понравилось. Я никогда, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчала почтенной женщины прекраснѣе ея. У нея былъ гордый видъ, но онъ не отталкивалъ, а напротивъ, подчинялъ себя невольно. Она очень мило сморщила на меня брови, улыбнулась покровительственно и ласково, и кликнувъ какую-то пепиньерку, игравшую въ ея залѣ на фортепіано, велѣла отвести меня въ классъ. Мать моя оторопѣла за меня. Это была минута разлуки. Мать робко заплакала, я ее цѣловала почти равнодушно. Отъ взгляда ли чужаго лица, отъ чужихъ ли комнатъ кругомъ, только во мнѣ не осталось никакого чувства. Я даже не замѣтила, какъ уѣхала моя мать. Директриса сама подала ей знакъ прощанья.

Меня увели въ четвертое отдѣленіе. Мой приходъ прервалъ на минуту урокъ; сдѣлалось маленькое замѣшательство. Солнечный свѣтъ ударилъ мнѣ въ глаза,—я ничего не могла разобрать. Пепиньерка сказала что-то кому-то сидѣвшему въ простѣнкѣ; оттуда вышла дама и взяла меня за руку. Она стала тихонько протискивать меня между сидѣвшими дѣвцами и ихъ пюпитрами, и наконецъ сказала: «ісі». Я сѣла. Съ обѣихъ сторонъ на меня глядѣли сосѣдки, бѣленькія, въ бѣленькихъ фартукахъ и съ голыми шейками. Мое пестрое платье, казалось, имъ не нравилось. Помню, однако, что оно было сшито по модѣ, а зеленые камлотовыя платья на дѣвцахъ были вовсе немодны... Кое-какъ, однако, я осмотрѣлась. Классная комната была далеко не нарядна; желтыя штукатурныя стѣны, обвѣшанныя плохими ландкартами; двѣ черныя доски на станкахъ, исчерченные мѣломъ, и ряды скамеекъ съ пюпитрами, горю возвышавшіяся отъ середины комнатъ до стѣны. Скамейки, выкрашенныя темнозеленою краской, смотрѣли немного мрачно... Въ простѣнкѣ былъ такой же крашеный столикъ, и за нимъ сидѣла классная дама; другой столикъ стоялъ посреди комнаты; и за нимъ сидѣлъ учитель. Дѣвцы, на скамейкахъ впереди меня, смотрѣли не шевелясь на учителя. Я вглядывалась, какъ искусно были онъ причесаны, въ двѣ косички, когда надъ мнѣ ухомъ произнесли: «écoutez le maître, mademoiselle. .» Классная дама воздушно проходила между рядами.

Я начала слушать. Шелъ урокъ русскаго языка. Учитель, краснощекій, плотный старикъ съ черными бровями, объяснялъ что-то, и вдругъ сказалъ: «г-жа Мезинцева.»

Я обернулась и чуть не ахнула. Рядомъ съ дѣвницей, ставшею на самой высокой скамейкѣ, чтобъ отвѣчать, сидѣло маленькое существо, отъ котораго была видна одна голова. Это была моя кузина, Варенька Г.

Мы жили въ одномъ губернскомъ городѣ, и я знала, что Вареньку тоже отдадутъ въ институтъ; но ея родные прежде насъ уѣхали въ Москву. Варенька, какъ она сказала мнѣ потомъ, поступила только часомъ раньше меня. Съ высоты своей скамейки она увидала мой взглядъ и весело кивнула мнѣ головой. За тѣмъ, она не глядѣла на меня больше, наостривъ глаза и уши на учителя.

Варенька была дѣвочка крошечная ростомъ и прелестная собой; я ее ужасно любила. Еще дома, у нея была страсть учиться, пылкая страсть, не то что наше обыкновенное дѣтское желаніе знать урокъ, чтобъ избѣжать наказанія. Книжка или серьезный разговоръ имѣли для Вареньки такую притягательную силу, что часто намъ, сверстницамъ, приходилось просто тащить ее къ себѣ, за ея длинныя косы. Она и для насъ была золото. Она устраивала намъ театры, втянувъ въ дѣло и старшихъ, сочиняла намъ піесы для этихъ театровъ, выдумывала всевозможныя игры. Безъ нея ничто не клеилось. Это былъ маленькій домашній духъ, разнообразный, умный и добрый; онъ общалъ быть еще умнѣе и добрѣе. Варенька съ восторгомъ узнала о намѣреніи отдать ее въ институтъ; она бредила, какъ будетъ много учиться, воображала, что будетъ хватать съ неба звѣзды. Институтъ — это уже такое мѣсто, гдѣ съ нею будутъ говорить много-много, все хорошее и дѣльное, и гдѣ сама она будетъ много говорить. Счастливое, любимое и любящее дитя, Варенька все-таки торопила отца и мать отвезти ее поскорѣе. Она общала, даже побожилась непременно выйдти первую, то-есть достигнуть того горняго мѣста, гдѣ теперь засѣдала. Это не было ни педанство, ни гордость. Варенькѣ хотѣлось быть первой, потому что, какъ говорила она, первая безспорно уже все знаетъ и у нея всѣ добродѣтели, — а это такъ хорошо!

— Il faut écouter le maître, mademoiselle, повторили мнѣ.

Я было заглядѣлась на Вареньку. Ключокъ ея розоваго платьица весело алѣлъ на солнцѣ — платьице мнѣ знакомое... Какъ бы съ нею уйдти? Кругомъ все серьезные лица и никому до насъ дѣла...

Но первая ученица, m^{lle} Мизинцева, начала что-то громко

читать. Варенька прилеплась къ ея локтю и раскрыла ротъ. Это было сочиненіе на заданную тему: «Бѣгство Наполеона изъ Россіи». Потомъ кто-то прочелъ наизусть: «Везувій пламень изрыгаетъ». Пробыло двѣнадцать часовъ, въ корридорѣ зазвонили къ обѣду, учитель всталъ; и всѣ за скамейками ему присѣли. Классная дама скомандовала «*par raiges.*» Мнѣ продѣли руку подъ руку моей сосѣдки...

Я рѣшительно была въ полуснѣ и все молчала. За то Варенька моя была какъ дома. Ей казалось и тепло, и привольно. Она вскочила съ лавки, поцѣловала меня, потомъ бросилась и облобызала классную даму. Удивленная дама улыбнулась и поставила ее въ пару. Послѣ я узнала, что она точно также облобызала и директрису и поручила ей, ей самой, чтобы пирожки и пряники, привезенные Варенькой изъ дома, были отнесены въ тотъ дортуаръ, гдѣ Варенькѣ назначать спать. Затѣмъ она опять повисла у директрисы на шеѣ. Только позднѣе, когда Варенька стала институткой, она поняла, какія наторила беззаконія...

За обѣдомъ насъ посадили возлѣ классной дамы. Я ничего не ѣла; Варенька кушала съ аппетитомъ. Она бойко разказывала классной дамѣ о своихъ родныхъ, хотя ее не спрашивали. Дама только слушала снисходительно, а Варенька смотрѣла ей въ глаза, будто ожидая, что вотъ ее сейчасъ уже чему-нибудь научатъ. Послѣ обѣда насъ повели въ рекреационную залу. Это была огромная комната, совсѣмъ пустая, съ двумя, тремя скамейками, къ которымъ допускались только не совсѣмъ здоровыя дѣвицы. Вареньку обступили. Она была такая хорошенькая и любопытная, что къ кружку подошли и другія классныя дамы. Онѣ смотрѣли на Вареньку, на эту невоспитанную юность со сдержанною ужимкой, которую я поняла только въ послѣдствіи, когда у меня самой явилась такая же ужимка, когда я оцѣнила превосходство институтской *manière d'être* и совершенства автоматической выправки... Варенька казалась теперь маленькою шутихой. Она, моя голубушка, такъ и тараторила. Ей очень не понравилось сочиненіе первой ученицы и еще менѣе объясненія учителя, и поймавъ эту первую ученицу, она выражала свое мнѣніе: — «Что такое вы написали: «подъявъ свое побѣдоносное оружіе!» Мнѣ кажется, это тяжело написано. А учитель еще приказалъ, напишите: *сей* великій полководецъ, а не *этотъ* великій полководецъ... *Cet*...

Я читала въ одномъ журналѣ, уже нынче не пишутъ, не хорошо...»

М-ше Мизинцева презрительно не отвѣчала; ей было шестнадцать лѣтъ, и она уже заранѣе, какъ и вся «первая лавка» была, зачесана не въ косички, а почетно въ косу, предвѣстницу старшаго класса. На первый разъ Варенькѣ спустили. Она, однако, не унималась. Рядомъ съ ней что-то заговорили двѣ воспитанницы, и должно быть, интересное, потому что Варенька такъ къ нимъ и кинулась. «Ахъ, что вы сказали, повторите!» Ей не повторили, но я тоже услышала эти фразы, и мнѣ съ новинки показалось дико. Дѣвицы говорили о предметахъ своего обожанія. Одна сказала: «elle est belle comme, je ne sais, царица»; а другая: «je l'aime comme, je ne sais, херувимъ...» Дѣло въ томъ, что русское слово сильнѣе выражаетъ качество, а чтобъ имѣть право употребить его, надо было непременно оговориться словами: «je ne sais», иначе вамъ передавали картонный языкъ за нарушеніе приказа говорить по-французски. Когда я стала сама говорить такіа вещи, я употребляла только одинъ діалектъ. Можетъ-быть похвалы выходили и слабѣе, за то безопаснѣе... Языкъ на моей спинѣ производилъ на меня ощущение ползущаго таракана...

Улучивъ минуту въ вечернюю рекреацію, я шепнула Варенькѣ, какъ я рада, что мы вмѣстѣ, и ни съ кѣмъ не будемъ связываться. Она меня немножко задушила (цѣлуя, она имѣла привычку немножко душить), но сказала съ восхищеніемъ: «Зачѣмъ же намъ сидѣть однимъ. Я хочу быть со всѣми, это будутъ все мои друзья, непременно...» И когда мы пришли спать въ дортуаръ, помолились и раздѣлись, Варенька пошла съ поцѣлуями ко всѣмъ дѣвицамъ по очереди. Дортуарная служанка отдала Варенькѣ ея пирожки и пряники; она разложила ихъ по табуретамъ всѣхъ дѣвицъ. Дѣвицы тихонько засмѣялись, поблагодарили и съѣли. Эта гастрономическая нѣжность ко всѣмъ, безъ исключенія, и душевныя изліянія, казалось, были не совсѣмъ въ нравахъ жителей... Варенька все просила о дружбѣ.

— Но вѣдь вы останетесь въ маленькомъ классѣ, какая же дружба? сказала ей наконецъ одна дѣвица, тономъ неопровержимаго отказа.

Съ Вареньки, вообще, скоро сбили спѣсъ и веселье. На другой день насъ повели въ закрытую, и одѣли въ камлотовыя

платья. Маленькая оригинальная личность моей кузиночки стала стираться въ одну общую форменную краску...

До устройства будущаго маленькаго класса, то-есть до перехода настоящаго въ старшій, мы, новенькія были подъ надзоромъ его классныхъ дамъ, сидѣли въ его отдѣленіяхъ, спали въ его дортуарахъ. Уроковъ намъ почти не задавали; учителя не обращались къ намъ съ вопросами. Насъ отдали въ распоряженіе первымъ ученицамъ. Въ свободныя «перемѣны» онѣ обязаны были занимать насъ диктовкой, и по-мелочи, вопросами изъ разныхъ предметовъ. Та, которой меня поручили, была дѣвушка по шестнадцатому году, красавица. Она принялась учить меня съ покровительственнымъ тономъ, который очень шелъ къ ея изящной холодной наружности. Я ея не влюбила. Хотя у меня не было Варенькиныхъ претензій на братство, нѣжность и ласки; но все же я была такъ глупа, что вертѣлась волчкомъ отъ серьезныхъ минокъ моей учительницы. Мы, маленькія, еще не понимали магическаго слова: «скоро быть большой». Заплестъ волосы въ одну косу, звать двѣ косички только какъ наказаніе, выйти изъ *mcuveuses*, не звать презрѣннаго угла, угрозы розгой (впрочемъ, никогда невиданной),—да тутъ поднимаешься на три аршина! Какъ съ такой высоты смотрѣть на крошечный мірокъ, гдѣ дѣвчонкамъ шьютъ платья на-ростъ, со складочкой, гдѣ непокорныя ноги топчутъ башмаки на-бокъ, а удлиняющіяся руки то и дѣло требуютъ новыхъ холщевыхъ перчатокъ?.. Взрослыя дѣвицы поселили въ насъ, наконецъ, должный страхъ и уваженіе. И Варенька присмирѣла такъ, что въ одномъ горестномъ обстоятельстве, при всей правотѣ своей, даже не высила голоса. Обстоятельство это поразило Вареньку въ самое сердце. У нея похитили книжки. Варенька привезла съ собой какія то хорошенькія, въ прелестныхъ переплетахъ. Одну книжку попросили дать прочесть; Варенька дала. Книжка не возвратилась. Затѣмъ изъ табурета въ дортуарѣ унесли и другія. Варенька видѣла и книжки, и свою злодѣйку; издали, несмѣлымъ шагомъ, и ломая свои маленькіе пальчики, слѣдила она по рекреационной залѣ за злодѣйкой. Та видѣла Вареньку, но Варенька промолчала. Книжки такъ и пропали.

Помню, что объ эту самую пору совершила я свой первый подвигъ, или вѣрнѣе, вдругъ показала неожиданную прыть. Сама не понимаю, какъ это со мной случилось. Двѣ недѣли я была какъ сонная, двигалась и раскрывала ротъ только по не-

избѣжности, и не чувствовала никакихъ самолюбивыхъ поповла-
новеній явить передъ институтомъ черты моего характера. Несмотря на то, въ мою голову съла дурь. Она съла съ пер-
ваго дня, и мучила меня. Мнѣ было досадно, зачѣмъ кругомъ
такая тишина. Тихо такъ, что душно, что почти физически
тошно... Когда же будетъ шумъ? Утромъ встанемъ—говори
тихо; помолимся Богу, позавтракаемъ—тихо; тамъ — учи-
тель—опять тишина. Парамы ведутъ къ обѣду—молчи; за обѣ-
домъ говорятъ въ полголоса. Послѣ обѣда, положимъ, рекреа-
ція, но не кричатъ, не хохочутъ, а болѣе идетъ шуршанье но-
гами; тамъ опять учитель до пяти часовъ; съ пяти до шести,
хотя и рекреация, но должно быть, тоже нельзя шумѣть слиш-
комъ много, пепиньерка напоминаетъ: «pas autant de bruit,
mesdemoiselles...» Съ шести до ужина, приготовленіе уроковъ,
и больше шепотомъ; въ восемь ужинъ, и поведутъ безмолв-
ными парами. А тамъ и спать ложись, и наступить тишина
мертвая.

Я думала, думала, и вдругъ протестовала. Намъ вели спать,
мы выступали на-цыпочкахъ. Классная дама была сердита и
шикала. Въ дверяхъ дортуара сдѣлалось маленькое замѣша-
тельство. На насъ еще шикнули. Тогда я опустила голову и
стукнула въ полъ ногою, что было мочи. Эхо прокатилось по
корридору...

Послѣ молитвы начался разборъ... Никто не замѣтилъ, что
козья выходка была моя, никто меня не выдалъ. Всѣ отпира-
лись, и я отперлась. Классная дама грозила поставить насъ на
колѣни до полуночи. Она ушла къ себѣ, а мы ждали пригово-
ра. Я начала дремать стоя, и совѣсть не мучила меня за без-
винныхъ. Должно-быть, классной дамѣ самой наконецъ захо-
тѣлось спать. Не добившись правды, она выслала намъ при-
казъ, чтобъ и мы ложились. Я заснула пріятнѣе всѣхъ дней,
будто сдѣлала доброе дѣло.

Припоминаю этотъ случай, образчикъ того, какъ мои душев-
ныя побужденія сбились съ толку. Позднѣе, такихъ случаевъ
было много...

Наконецъ, намъ дали просторъ. Послѣ недѣли экзамена, дѣ-
вицъ перевели; опустѣлыя скамьи маленькаго класса, по всѣмъ
отдѣленіямъ стали быстро наполняться вновь пріѣзжими. Обра-
зовался новый мірокъ изъ разныхъ племенъ, нарѣчій, состо-
яній, и какъ въ каждомъ вновь создающемся міркѣ, въ немъ
шла неурядица. Боролись чувства, кипѣли страсти — но не-

долго. Классныя дамы, собравшись съ новыми силами, скоро привели его въ гармонию.

Передо мной какъ въ туманѣ проходятъ наши маленькія лица... Вотъ и моя скамейка, и мои сосѣдки...

Вотъ дочка непременно рачительныхъ, зажиточныхъ, но строгихъ родителей; она причесана волосокъ къ волоску. Платице темненькое, подъ-душку, присѣдаетъ хоть неловко, но почтительно, смотреть, если не со смысломъ, то послушно. Родители передали классной дамѣ денегъ на непредвидѣнные расходы дѣвочки. Дѣвочка знаетъ сколько ихъ, до копѣйки, и будетъ тратить немного и аккуратно, — тратить, покуда, не на лакомства, а на покупку носоваго платка, если случится насморкъ и казеннаго полотна будетъ недостаточно. У нея есть и сундучокъ, прочный, съ крѣпкимъ замкомъ и ключикомъ. Тамъ щетки, гребенки, мыло, все нероскошное, тамъ наперстокъ, нитки, иголки, чтобы не смѣть одолажаться пустяками, потому что стыдно. Дѣвочка такъ сначала и смотреть, что не одолжится. Вотъ уроженки Москвы, но у нихъ непременно есть сытная, степная деревня, онѣ не изъ «стоннаго» семейства; все это видно съ перваго взгляда: барышни полныя, высокія, краснощекія, одѣты по замоскворѣцкой модѣ. Маменька ихъ такая же, только покрупнѣе; манеры у нея размашистыя. Дома у нихъ вѣрно много шуму и даже крупной брани, но семейство отъ этого только здоровѣетъ. Маменька будетъ ѣздить часто, и въ залу, и къ классной дамѣ, и въ неприемные дни; дочки не будутъ ея стыдиться (какъ это зачастую бываетъ въ институтѣ); маменька такъ непоколебимо и независимо смотреть съ своими манерами, такъ явно не признаетъ необходимости быть потише, что покорить даже деликатные нервы классной дамы. Здоровье и безмятежность еще долго продержатся на лицахъ барышень. Вотъ еще здоровая и богатая, но это уже совсѣмъ степная. Она изъ многочисленнаго семейства, гдѣ предположили сбыть съ рукъ одну, и чтобы въ семьѣ была одна воспитанная. Она смотреть такъ, что долго не пойметъ никакой науки. Послѣ обѣда она грустно обводитъ глазами столъ, будто ищетъ пирожнаго или лакомства, но не изящнаго. Корсетъ вызоветъ ея первыя горькія слезы; назиданія классной дамы покуда отскакиваютъ отъ нея, какъ отъ стѣны горохъ. Но вотъ за то сейчасъ привезли двухъ очень воспитанныхъ дѣвочекъ; классная дама даже засутилась, и выговариваетъ

ихъ имена Adele и Zina съ особенною изысканностью. Это двѣ аристократки; фамилія громкая. Дѣвочки вялыя, болѣзненные; покуда намъ будетъ съ ними навѣрное скучно; онѣ станутъ втихомолку кривляться или сидѣть вдвоемъ, поднявъ носики... Но это только покуда... Имъ позволять обѣдать за лазаретнымъ (хорошимъ) столомъ, и во время уроковъ не снимать пелеринки. Маменька ихъ будетъ видаться съ ними у директрисы, а не въ приемной; у нихъ знакомые и родственники между членами совѣта, сенаторами. Сенаторы, пріѣзжая (всегда въ обѣденное время) потреплютъ Зину и Адель по плечу, спросятъ, здорова ли маменька и хороши ли кушанья. Вотъ и сама маменька входитъ съ директрисой въ классную комнату. Дама худая, въ шапи, гордо-кислая, раззоренная аристократка... Богатыхъ аристократическихъ дѣтей въ московскомъ институтѣ почти не бываетъ (при мнѣ по крайней мѣрѣ не было). Такіе отдаются въ петербургскій институтъ, особенно въ Смольный, изъ честолюбивыхъ или блестящихъ видовъ. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, Москва не была сцѣплена съ Петербургомъ желѣзною дорогою, и высокіе посѣтители пріѣзжали къ намъ очень рѣдко... Аристократка-маменька обводитъ насъ тусклымъ взглядомъ. Вотъ, она прошла мимо лавки, сронила тетради, и даже не сказала *pardon*... Въ послѣдствіи, Адель и Зина будутъ немножко стыдиться своей маменьки... Года черезъ полтора, имъ будетъ особенно непріятно, когда маменька, узнавъ, что лучшей другъ Адели и Зины «какая-нибудь» *«m^{lle} Кривухина изъ Сувалокъ,»* сдѣлаетъ дочерямъ кислую гримасу... Рядомъ съ Зиной и Аделью сидитъ дѣвочка. Она красавица, одѣта отъ *m^{me} Рене*, и въ прелестныхъ ботиночкахъ. На первыхъ парахъ кажется, намъ не будетъ отъ нея житья. Она капризница, избалованная, у нея нѣтъ старшихъ кромѣ молодой замужней сестры, она выгнала изъ дома десятокъ гувернантокъ, институтъ она уже бранить, она брезглива, у нея на все одно слово: *détestable*. Она не проживетъ у насъ долго, а если проживетъ, то до конца останется сама собой; ея уже не передѣлаешь. Это будетъ наша мучительница, она притягиваетъ къ себѣ, потому что она прелесть, мы будемъ искать ея дружбы, дрожать ея гнѣва, обожать ее, даромъ что она маленькая. У нея все капризь: и ея благородное заступничество въ общей бѣдѣ, и презрѣніе къ маленькимъ низостямъ, и желаніе учиться, все на минуту, все, покуда не наскучить... Вотъ она поглядываетъ на свою сосѣдку сѣва, поглядываетъ, какъ на маленькое животное. Недаромъ: та всю рекреацію не

перестаетъ жевать яблоки, вареныя въ меду. Можно поручиться, что эта дѣвочка — единственная внучка у богатой бабушки, сирота, и жила подѣ бабушкиною кацавейкой. Старуху едва не стукнулъ параличъ въ день отправленія внучки. Она съ своею Алефтиночкой снарядила въ институтъ и няньку, а въ комнату классной дамы снесли цѣлыя кульки съѣстнаго и вручили ей письмо старухи, писанное крючками, чтобы при Алефтиночкѣ оставили няню, и больше кормили ее, сироту Божию. Алефтиночка вѣстъ и плачетъ; она выйдетъ изъ института не смекнувъ, зачѣмъ ее отдавали. А покуда ее отведутъ въ седьмое отдѣленіе, начинать азбуку.

Вотъ еще двѣ-три генеральскія дочки, еще нѣсколько дочекъ богатыхъ помѣщиковъ и значительныхъ чиновниковъ. Ихъ будутъ часто навѣщать, у нихъ не прервется связь съ роднымъ гнѣздомъ. То дяденька и тетенька, то кузены и кузины, то посторонніе привезутъ конфетъ, изрѣдка даже свѣтскихъ новостей, разказовъ о театрахъ и т. п. (Свѣтскія новости, впрочемъ, мало насъ интересуютъ). Любезность этихъ посѣтителей къ класснымъ дамамъ смягчаетъ иногда отношенія классной дамы къ посѣщаемой институткѣ и умиротворяетъ многое. Такія институтки большею частію обожаютъ не институтку, а какого-нибудь далекаго, рѣдко выдаемаго кузена, или никогда невиданнаго актера и актрису. Это, можетъ-быть, единственные головы у насъ, мечтающія (и то весьма слабо) о будущихъ балахъ, нарядахъ, любви и замужствѣ....

Но вотъ цѣлыя ряды другихъ маленькихъ личностей... Это существенная часть институтскаго населенія. Родные этихъ дѣтей—губернскіе и департаментскіе чиновники, гнущіе спину за дѣломъ или передъ начальникомъ, берущіе взятки, чтобы воспитать семейство или откладывающіе честную, трудовую копѣйку; помѣщики ста душъ, а если болѣе, то душъ запутанныхъ, заложенныхъ или раззоренныхъ; господа въ отставкѣ или вдовы съ пенсіей, учителя гимназій, профессора университетовъ, обремененные семействами. Все люди, то съ колеблющимися средствами къ жизни, то хотя прочно, но за то скудно обезпеченные... Эта категорія небогатыхъ и скромнаго происхожденія дѣвицъ, въ сравненіи съ первою категоріей, богатыхъ и знатныхъ,—многочисленна.

Большая часть небогатыхъ родителей рѣдко навѣщаетъ дочерей. Изъ губерній далеко; хорошо, если случатся дѣла въ Москвѣ, такъ за одно. Московскимъ дорого: институтъ не

ближній свѣтъ, кому, напримѣръ, изъ Замоскворѣчья; въ ростопель не выдержитъ не только карета, но и всевыдерживающій ванька. Нѣкоторые же родители, просто, побайваются института. Инымъ помѣщикамъ, зарившимся на деревенскомъ просторѣ, отъ всего жутко: и швейцаръ слишкомъ важный баринъ, и залы такія прибранныя, и классная дама будто косится... Другаго отца запугаетъ сама дочка: на второй годъ своего курса она придетъ въ нѣмой ужасъ, если ее на всю залу назовутъ «дочуркой», и раскроютъ для ней широкія объятія. Отцы, вообще ѣздятъ въ институтъ рѣдко и сидятъ не долго. Кому некогда, кого (пріѣзжаго) затянетъ опекунскій совѣтъ и московскія веселости, да и вообще, сколько я замѣтила, отцы у насъ неохотники вести бесѣды съ десятилѣтними или даже пятнадцатилѣтними «дочурками.» Больше ѣздятъ матери и родственницы. Но эти дамы (если онѣ не богатыя или не знатныя, или не были знакомы прежде съ институтскими властями) часто совершаютъ эти поѣздки какъ подвигъ; величіе института внушаетъ имъ робость. Въ пріемные часы онѣ тихонько наговорятся съ дочерьми, отклоняютъ возможность знакомиться съ директрисой, и съ затрудненіемъ приступаютъ къ знакомству съ классными дамами. Очень, очень немногіе родители любятъ институтъ искренно. Отъ многихъ, послѣ выпуска, случалось мнѣ слышать другое...

Но покуда, мы, небогатыя дѣвочки, вступаемъ въ первый періодъ нашего воспитанія; еще не ступевалось вліяніе дома, особенности привычекъ, миниатюрная свобода мнѣній. Изъ этой категоріи небогатыхъ дѣвочекъ выйдутъ самыя прилежныя, едва ли не самыя способныя къ труду; между ними надо искать и самыя лучшіе характеры. Въ младенчествѣ, онѣ испытали лишенія, но не горькую нужду, убивающую дѣтскія силы; онѣ видѣли нравственныя страданія, вытерпѣли и свою долю страданій. Эти дѣвочки будутъ у насъ самыя честныя въ дружбѣ, болѣе другихъ самоотверженныя; онѣ же сумѣютъ придать нашей жизни разнообразіе и прелесть. Это не дѣло богатыхъ: тѣ большею частію монотонны, тяготятся институтомъ, это не дѣло и бѣднѣйшихъ.

Вотъ передо мной и маленькія лица этихъ бѣднѣйшихъ... И сколько, сколько ихъ! Чтò было исписано просьбъ подъ бѣдными кровлями, чтò было страха, примутъ или не примутъ дѣвочку? Она лишняя; подъ этою дворянскою кровлей тѣсно; тамъ, право, нечѣмъ жить. Надо выучить

дочь; воспитаніе — кусокъ хлѣба. Вотъ здѣсь эти дѣвочки на всевозможныхъ иждивеніяхъ... Идетъ баллотировка, билетъ не вынулся, мать упала сенатору въ ноги. Онъ принялъ ея дочь на свой счетъ. Предестная крошка крестится и смѣется; за ней идетъ другая, тоже крестится и вынимаетъ счастливый билетикъ.. Дома вѣрно отслужать молебень. Домъ опустѣлъ, но за то на шесть лѣтъ какая экономія въ расходѣ! Удастся ли въ эти шесть лѣтъ хоть разъ увидать ребенка?.. Иному врядъ ли. Иная мать не собьется пріѣхать и къ выпуску; благотворители доставятъ дочь, а, Богъ милостивъ, и совсѣмъ не привезутъ: дочери посчастливилось остаться въ пепиньеркахъ...

Нечего дѣлать себѣ иллюзіи; между дворянскими семьями даже шестой книги, этими «сливками» общества, встрѣчается страшнѣйшая бѣдность.

Изъ этого послѣдняго отдѣла вспоминаются мнѣ оригинальныя личности...

Какія уморительныя дѣвочки! Вотъ двѣ сестры—онѣ выросли въ походахъ своихъ отцовъ, пѣхотинцевъ-майоровъ; въ ихъ пріемахъ есть что-то военное. Вотъ Сибирячка—у нея дикая фамилія, не даромъ же она изъ дальнихъ-дальнихъ тундръ; она молча дивуется на все, и на себя, что она тутъ, и на науку, особенно на нѣмецкаго учителя и танцовальную учительницу; она долго будетъ дивиться, и сидя за чернымъ столомъ (столъ лѣнивицы), можетъ-быть, не разъ вспомнеть свои тундры. Вотъ дочери привольныхъ садовъ Малороссіи: одна—это ясно—ничего не видала дальше огорода; она, кажется, глазами ищетъ огорода въ классной комнатѣ; ей душно, перо не хочетъ выводить французскихъ каракуль; лучше бы полазить по лавкамъ, какъ бывало по деревьямъ за грушами... Другая—изъ тихаго Конотопа; она глупенькое, но добросердечное дитя; она будетъ ослабляться, когда мы, злая, подкажемъ ей въ классѣ вздоръ; она будетъ нашею маленькою шутихой, и мы будемъ ее любить. Вотъ какая-то грузинская княжна: крѣпечная, черненькая, коротко остриженная, волосы торчкомъ стоятъ на маковкѣ: она ничего не смыслить. Но эта дѣвочка откуда? неужели тоже изъ «сливокъ» общества? Нѣтъ, невозможно,—это изъ какой-то такой глуши, гдѣ живутъ первобытные люди, гдѣ плохо учить сама мать-природа. У нея привычки великороссійскихъ дикарей.. Институтъ можетъ придти въ ужасъ. Но зачѣмъ отчаиваться? все пройдетъ, и даже доскъ наведется. Вотъ ее слушають двѣ-три

бойкія дѣвочки и смѣются. Эти смотрять такъ независимо, такъ свободно, что на ихъ упрямая натуры потратится много труда...

О бѣдныя наши будущія *ориттки*, бѣдныя *mauvais sujets!* Гдѣ вы теперь? Сколько изъ васъ теперь на свѣтѣ хорошихъ женщинъ! Добрыя существа, какъ кротко и безопасно простили вы вашему прошлому!..

Въ одно утро къ намъ влетѣли двѣ бабочки, прелестныя, въ бѣленькихъ платицахъ, въ розовыхъ газовыхъ шарфикахъ. Онѣ влетѣли въ одинъ особенно пасмурный день: классъ смотрѣлъ угрюмо, шла ариеметика; у черной доски стояли двѣ несчастныя, безъ передниковъ въ наказаніе; онѣ омывали слезами ряды неправильно изображенныхъ триллионовъ. Подъ перомъ раздраженнаго учителя выводился нуль; класная дама бранилась. Бабочки присѣли на скамьѣ. Онѣ говорили на невѣдомомъ языкѣ (англійскому не учпли у насъ въ мое время). Взросшія въ холѣ роднаго дома, бабочки ничего не знали. Бѣдненькія! Наука показала имъ чудовищемъ, прикосновеніе грубыхъ одеждъ помяло ихъ крылышки. Въмѣсто запаха цвѣтовъ, въ столовой (время было постное) встрѣтила ихъ атмосфера копченой селедки. Не прошло и полугода какъ наши бабочки улетѣли обратно. Ихъ взяли потому, что онѣ буквально ничего не могли ѣсть...

Впрочемъ, такія эфемериды бывали у насъ рѣдки. Вообще двѣнадцатилѣтнимъ дѣтямъ, избалованнымъ въ кружевахъ и бархатѣ и уже свѣтскимъ отъ пеленокъ, не мѣсто въ казенныхъ заведеніяхъ, хотя бы даже роскошныхъ; они не выживутъ. Нашъ же институтъ, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, былъ далеко не роскошенъ. Онъ былъ даже бѣденъ въ сравненіи съ другими заведеніями. Александринскій (въ послѣдствіи Николаевскій при Воспитательномъ Домѣ) былъ передъ нашимъ настоящимъ дворецъ, и отдѣлкой помѣщенія, и хозяйственною частью. Потому зданіе этого института было обращено въ кадетскій корпусъ. Мнѣ удалось быть тамъ. Великолѣпные корридоры, паркетные полы, бронза... Невольно навертывался вопросъ: къ чему?..

Признаюсь, мнѣ теперь съ удовольствіемъ вспоминается тогдашній небогатый видъ нашего института. Изъ всѣхъ залъ только одна большая пріемная была отдѣлана подъ мраморъ съ великолѣпнымъ плафономъ, и только она и другая пріемная, маленькая, имѣли паркетные полы. Во всемъ остальномъ,

громадномъ зданіи, полы были или каменные, или крашеные. Зеленыя скамейки въ классахъ, подновляемыя по временамъ были, право, удобны. (При мнѣ однако уже ихъ замѣнили дубовыми, дорогими.) Какъ залы такъ и классы освѣщались лампами незатѣшливаго фасона; въ дортуарахъ висѣли съ потолка ночники, въ видѣ лодочекъ. Въ дортуарахъ же стояли простые умывальныя столы, мѣдные, но удобные; дортуарныя служанки приносили воду въ жестяныхъ ведрахъ. Конечно, это патриархально въ сравненіи съ залами, гдѣ бронзовые бассейны въ мигъ наполняются водою, но за то не стоило десятковъ тысячъ. Также не было у насъ подземныхъ столовъ, волшебствомъ подающихъ блюда изъ кухни; блюда попросту подавались въ кухонное окошко поваромъ на руки служанокъ, разносившихъ кушанье по рефектуару. Конечно, тутъ не было волшебства, но за то руки опять не стояли десятка тысячъ, если не болѣе. За исключеніемъ отъратительныхъ коморокъ, гдѣ помѣщались нѣкоторыя наши служанки, въ остальномъ мало что требовало радикальныхъ переменъ. Мнѣ кажется, для казеннаго заведенія прежней скромной обстановки было очень достаточно.

У насъ могла бы быть другая роскошь, не дорогая, но необходимая: бібліотека, о которой не было у насъ и намека, и хотя бы небольшая коллекція гравюръ по стѣнамъ. Въ дортуарѣ могли бы быть допущены зеркала; мы причесывались передъ осколками, привезенными изъ дома. Наконецъ—но быть можетъ такая мысль преступна—еслибы рѣшились отступить хотя немножко отъ идеала казенной форменности, институтъ, быть-можетъ, оправдалъ бы для насъ названіе «роднаго пріюта.» Не будь этого моря желтой штукатурки,—еслибы были стѣны зеленыя, голубыя, хоть полосатыя, какія угодно, намъ было бы какъ-то теплѣе, уютнѣе, глазамъ нашимъ было бы веселѣе. Это, быть-можетъ, глупо, но дѣти—птицы; птицамъ не даромъ втыкають въ кѣтку зеленыя вѣтки или красный лоскутъ... Если бы допустили въ дортуарахъ неслыханную роскошь: свой домашній образокъ надъ изголовьемъ или портретъ матери; свои пальцы гдѣ-нибудь въ углу, цвѣточныя горшки по окнамъ, хотя бы мы тамъ вздумали сажать тыкву. Нѣтъ сомнѣнія, такія крошечныя уступки личнымъ вкусамъ, проявленіямъ личной свободы, привязали бы насъ къ институтамъ несравненно больше чѣмъ роскошь мраморныхъ лѣстницъ. Полагаю,

что роскошь въ заведеніяхъ имѣеть отчасти цѣлью привязать насъ къ нимъ; вѣдь тамъ все дѣлается для насъ...

Но если чѣмъ былъ точно плохъ институтъ, такъ это пицей. Бабочки наши улетѣли недаромъ. Будь мы всѣ бабочки, мы бы также разлетѣлись. Не то, чтобы порціи были малы, не то чтобы столъ былъ слишкомъ простъ,—у насъ готовили скверно. Часто и сама провизія никуда не годилась. Бывали, конечно, исключенія, но рѣдко. Я даже радовалась посту, потому что на столѣ не являлось мясо. Исключая невыразимыхъ груздей, остальное въ постные дни было кое-какъ съѣдомо. Можно было по крайней мѣрѣ вдоволь начиниться снятками и клюквеннымъ киселемъ, или киселемъ черничнымъ. Отъ послѣдняго весь институтъ ходилъ сутки съ черными ртами, но это не важность. За то скромный столъ! Мясо синеватое, жесткое, скорѣе рваное чѣмъ рѣзаное, печенка подъ рубленымъ легкимъ, такого вида на блюдѣ, что и помыслить невозможно; какой-то крупеникъ, твердо сваленный, часто съ горькимъ масломъ; лѣтомъ творогъ, рѣдко не горькій; каша съ рубленымъ яйцомъ, холодная, безъ признаковъ масла, какую даютъ индѣйкамъ... Столъ нашъ былъ чрезвычайно разнообразенъ. Мы не понимали, зачѣмъ это разнообразіе. Школьникій желудокъ не прихотливъ, предпочитаетъ пищу несложную, простую, лишь было бы вдоволь и вкусно. Этого-то и не было. Часто мы вставали изъ-за стола, съѣвши только кусокъ хлѣба; оловянные, тусклыя и уже слишкомъ некрасивыя блюда—относились нетронутыми. Впрочемъ, инныя воспитанницы ѣли даже въ сласть и просили прибавки. Онѣ, казалось, никогда не ѣдали подобныхъ прелестей. Мы удивлялись имъ, а потомъ, съ горя, приступали къ тому же... Иногда голодъ натакивалъ насъ на поступки не совсѣмъ дворянскіе. Мы крали. За нашимъ столомъ (перваго отдѣленія старшаго класса), на концѣ, ставили пробную порцію кушанья, на случай пріѣзда членовъ. Дѣвицы вольнодумно начали находить, что образчики лучше. И если членъ не пріѣзжалъ, образчикъ съѣдался, подмѣненный на собственную порцію... Вообще, мы были весьма кротки, не приносили жалобъ, и даже любили своего эконома. Этотъ экономъ былъ веселый старикъ, и, чѣмъ называется, балагуръ. Приходя въ столовую, онъ садился съ нами, называлъ насъ столбовыми барышнями, помѣщцами, и самъ расхваливалъ свои блюда. Мы у него просили пирожковъ и картофеля. Пирожки являлись, но скверные (кромѣ слоеныхъ

по воскресеньямъ), и картофель. Картофель *мы ѣли, остальные нагружали наши громадные, классныя дамамъ невѣдомые карманы. Туда же присоединился черный хлѣбъ, намазанный масломъ. Это масло мы сбивали на тарелкахъ изъ распущеннаго, подбавивъ квасу. Черныя тартинки тайкомъ подсушивались въ дортуарной печкѣ (что иногда сопровождалось угарнымъ чадомъ), и полдникъ или таинственный ужинъ выходилъ чудесный.

Полдника мы буквально алкали. Съ утренней булки и чая, т. е. съ восьми часовъ, иногда не пообедавъ, или проглотивъ что-нибудь противное, что еще хуже, мы не знали, какъ дожить до пяти часовъ вечера. Тутъ, едва выходилъ учитель, мы стаей налетали на классную служанку. Она вносила булки. Эти булки (половина хлѣба въ 5 коп. сереб.) съдались мгновенно. Горе той, которая имѣла неосторожность спросить всю свою булку въ утренній завтракъ! Она не находила состраданія. Известно, что такое эгоизмъ голоднаго: возьмите исторію кораблекрушеній и другихъ тому подобныхъ несчастій.

Таковы были печали (печали желудка конечно, но все же уважительныя), которыя встрѣтили насъ при началѣ нашего поприща...

Маленькій классъ наполнился; имъ перешли завѣдывать тѣ классныя дамы, воспитанницы которыхъ только что были выпущены. Учителя проэкзаменовали по отдѣленіямъ, сочли баллы, и сдѣлали пересадку. Мы размѣстились. Кузину Вареньку посадили третьей: выше ея были двѣ дѣвицы, оставшіяся въ маленькихъ отъ прежняго четвертаго отдѣленія. Варенька была въ восторгѣ. Она потащила на свою высокую скамейку свои книжки, бѣленькія тетрадки, образокъ чтобы поставить его въ углу пюпитра и цѣловать передъ урокомъ. Я пошла водворять ее. Но увидавъ пюпитръ, мы обѣ вскрикнули. Классъ сбѣжался. На закраинѣ пюпитра была огромная дыра; въ нее входилъ цѣлый вудакъ...

Повѣрить ли кто-нибудь, чтобы эта дыра была пройдена не мышами? Ее проѣла дѣвица, ковыряя дерево концомъ булавки. Щепочки легко отдѣляются, ихъ глотать удобно. Эта дѣвица обѣла точно также столъ въ лазаретѣ,—въ лазаретѣ, куда утромъ и вечеромъ ѣздитъ докторъ, гдѣ среднимъ числомъ бываетъ не болѣе шести-семи больныхъ, и надзоръ надъ ними, казалось, былъ незатруднителенъ... Обглоданный край стола мы видѣли собственными глазами...

Ѣда дряни царствовала при мнѣ во всей силѣ. Надо отдать справедливость нашимъ класснымъ дамамъ: онѣ преслѣдовали ее жестоко. Но вѣроятно противъ такого зла мало было однихъ наказаній... Странно, что никто изъ насъ до института не пробовалъ ничего подобнаго. Эта Ѣда изобрѣтеніе чисто институтское. Всего страннѣе, что вкусъ къ дряни не прививается отъ одного подражанія: можно одинъ разъ проглотить клочокъ кожанаго переплета, а на другой выплюнуть; нѣтъ, эта Ѣда—неудержимая зараза, страсть, противъ которой безсильны даже угрозы розогъ... Печатная бумага, глина, мѣлъ (его тоже толкли и нюхали какъ табакъ), уголь, и въ особенности грифель—все у насъ поглощалось. Отъ грифелей, длиною въ четверть, къ концу мѣсяца послѣ выдачи, часто не оставалось ничего. Лакомки брали у невѣстныхъ, и отламывали углы своихъ грифельныхъ досокъ. Ъли, просто, для Ѣды, потому что находили вкуснымъ; очень немногія съ цѣлью пріобрѣсть интересную блѣдность. Кокетство пришло къ намъ позднѣе, едва ли не передъ выпускомъ, а Ѣсть мы принялись съ перваго дня. Страшно вспомнить, какія были между нами зеленые лица. Страшно вспомнить, какъ умерла одна—ее задушилъ грифель... Да и вообще цвѣтущее здоровье было у насъ рѣдкостью. Невниманіе ли классныхъ дамъ, дурные ли корсеты, только у насъ вышло множество кривобокихъ. Иныя, розовыя и толстенкія дѣвочки, принимались рости болѣзненно и вяло, у многихъ къ выпуску отъ когда-то пышныхъ волосъ едва оставались жиденькія пряди. Мы дурнѣли и худѣли. Причинъ и безъ дряни было много. Иныхъ буквально сжималъ и забдалъ страхъ, на другихъ нападало отчаяніе. Одна дѣвушка, особенно мрачнаго характера, пила у насъ уксусъ. Она тихонько покупала бутылки самаго крѣпкаго и пила стаканами. Ей хотѣлось умереть, потому что въ институтѣ было ей тошно, да и на свѣтѣ, должно-быть, вездѣ было ей тошно.... Помню, ея примѣръ увлекалъ. Она еще выдумала, что если Ѣсть много апельсиновыхъ и лимонныхъ зеренъ, то скоро умрешь. Апельсиновъ родные привозили мало, но попробовать хотѣлось. Даже и веселыя дѣвочки пробовали.... Для юности, въ ранней смерти есть что-то заманчивое. Умереть въ шестнадцать лѣтъ,—это такъ интересно! Институтская церковь полна; подруги, рыдая, поютъ панихиду; злая классная дама стоитъ и кается, а сама лежишь въ гробу, въ цвѣтахъ, красавицей.... Лежишь, и глазкомъ выглядываешь,

что такое кругомъ... А тамъ, уже опять какъ-нибудь жива, но дома, или гдѣ-то на землѣ...

Мы мечтали, а лакомая дрянъ помогла не на шутку. И ѣли ее вовсе не дуры-дѣвочки, ѣли и умныя. Мѣсяць спустя послѣ прѣзда, Варя, даже моя Варя, лизнула запретныхъ конфетокъ. Она сдѣлала мѣшокъ изъ бумаги, набила его толченымъ мѣломъ, и стала купать въ немъ носикъ какъ въ листьяхъ розы. Слава Богу, впрочемъ, она скоро одумалась. Черезъ недѣлю ей показалось это глупо. За ней бросили еще двѣ-три. Ихъ поймала пепиньерка, да еще пригрозила намъ одною неизбежною бѣдою...

Эта бѣда чуждась намъ какъ-то грозно и неумолимо. Она должна была придти къ намъ скоро, въ образѣ нашей классной дамы, Анны Степановны. Анна Степановна была больна; она заболѣла еще до выпуска своего старшаго отдѣленія, послѣ котораго по очереди должна была достаться намъ, четвертому отдѣленію. Покуда ее замѣнила у насъ пепиньерка, дежуря поденно съ другою нашею классною дамою, Вильгельминой Ивановной. Я была въ дортуарѣ Вильгельмины Ивановны. Дортуаръ Анны Степановны ожидалъ своей начальницы. Дортуаръ—это половина отдѣленія, и завѣдующая имъ классная дама имѣетъ надъ нимъ непосредственную власть. Нравственность дѣвицъ, ихъ занятія, ихъ здоровье, состоитъ на особой отвѣтственности дамы дортуара. Можно сказать, что отъ этой ближайшей начальницы зависитъ вся судьба дѣвочки.

Намъ много нашептали объ Аннѣ Степановнѣ. Нельзя вообразить, какой сердечный трепетъ навели эти разказы на тѣхъ особенно, кто долженъ былъ поступить въ ея дортуаръ. Варенька попала туда. Она очень приуныла. Вообще, выраженіе ея лица неузнаваемо измѣнилось въ короткое время...

Наконецъ, въ одно утро, намъ объявили, что Анна Степановна вступаетъ въ должность. Она заняла свою комнату подлѣ дортуара, до тѣхъ поръ пустую, и запертая дверь ея внушала намъ таинственный ужасъ...

Послѣ вечерней молитвы, эта дверь отворилась. Тамъ была видна синенькая мебель, столъ да этажерки, ничего особеннаго, ничего страшнаго, но у многихъ дѣвицъ побѣлѣли губы. Мы ждали, стоя въ рядахъ. Изъ комнаты приносился острый запахъ какого-то лѣкарства. Что-то шевельнулось... и наконецъ, тихо, на порогъ, показалась фигура въ темномъ капотѣ.

Лицо ея мы не могли, не смѣли еще разсмотрѣть. Фигура подошла. Въ рукахъ ея былъ списокъ ея дортуара. Она вызвала поименно своихъ, взглядывала имъ въ глаза, потомъ наклоненіемъ головы возвращала каждую дѣвицу на ея мѣсто. Губы ея были сжаты, щеки желчнаго цвѣта, блестящія каріе глаза смотрѣли изподлобья, хотя были посажены такъ, что могли смотрѣть и прямо. Кончивъ, она отошла на два шага, съ неудавшимся величіемъ, и произнесла: «je verrai votre conduite.»

Общій книксенъ, и двери затворились.

Впечатлѣніе было произведено...

Не могу иначе назвать это время какъ «похороннымъ». Выраженіе невѣрно, но оно явилось тогда въ умѣ, и удержалось въ немъ на вѣки. Точно мы кого-то похоронили, или насъ похоронили... Въ глубинѣ прошедшаго мелькаютъ мрачные дни и наши убитыя страхомъ лица. Страхъ напалъ на богатыхъ и бѣдныхъ, на робкихъ и строптивыхъ, онъ уравнивалъ всѣхъ, и въ общемъ бѣдствіи мы стали подавать другъ другу руку. Вотъ начало нашей дружбы: она расцвѣла среди гоненій...

Дѣтство все преувеличиваетъ, но тутъ желаніе гнать насъ было очевидно. Мы видѣли, что Анна Степановна торжествовала, когда весь классъ сидѣлъ, не смѣя возвестъ очи; она, конечно, должна была понимать, что дѣлалось въ это время съ нашими сердцами и внутренностями...

Она, конечно, насъ не била, и не Богъ-вѣсть какъ бранила. Но ея фізіономія и тонъ имѣли способность уничтожающую. Довольно было этой фізіономіи, чтобъ убить въ зародышѣ самое малое покушеніе на шалость. Мы и не шалили. Не помню, чтобы въ продолженіи этихъ первыхъ мѣсяцевъ въ институтѣ кто-нибудь у насъ точно провинился. Тѣмъ не менѣе, Анна Степановна такъ и сыпала наказаніями.

Мы думали, нѣтъ злѣе женщины въ мірѣ. Позднѣе мы поняли ее иначе, но еще хуже. Приговоры наши были страшны...

Анна Степановна доходила насъ въ особенности «тишиной». Чуть шорохъ или смѣхъ въ классѣ, и виновная уже у черной доски; слово въ оправданіе, и она безъ передника; шепотъ неудовольствія,—и весь классъ «debout» или безъ обѣда. Начинается грозный разборъ; Анна Степановна не возвышаетъ голоса; она больше глядитъ и ждетъ... о, лучше бы, кажется, умереть!..

Чтобы соблюсти ту тишину, которой хотѣлось Аннѣ Степановнѣ, надо было родиться истуканомъ. Особенно было тяжело, когда мы дожились спать: тутъ-то бы и хотѣлось поговорить другъ съ другомъ, на просторѣ. Рекреаціи мы не любили; во время рекреаціи надо непремѣнно ходить, и всѣ спѣшать выучить урокъ къ послѣобѣденнымъ или завтрашнимъ «перемѣнамъ»; да тутъ же и она, сама Анна Степановна; не побранишь ее, не облегчишь сердца. Но въ дортуарѣ ужасно... Рядомъ она отворила свою дверь, и ждетъ чтобы въ секунду водворилось гробовое безмолвіе. Разъ, мы засмѣялись, раздѣвая другъ друга... Тогда, какъ стоялъ рядъ, такъ его и повалили на колѣни, какъ карточныхъ солдатиковъ. На колѣнахъ простояли до полуночи...

Страхъ нашъ началъ принимать колоритъ фантастическій. Кто, напримѣръ, видѣлъ тѣнь Анны Степановны, блуждавшую по дортуару среди ночнаго мрака; кто утверждалъ, что Анну Степановну посѣщаютъ видѣнія, три черныя кошки. Варенька не вѣрила, но трусила не хуже другихъ; она, просто, терпѣлась. Разъ, она уже совсѣмъ легла въ постель, когда Анна Степановна кликнула ее взять шпильки и булавки, чтобы раздать дѣвцамъ. Варенька влетѣла къ ней какъ была, даже безъ башмаковъ. Это не помѣшало, однако, Варенькѣ сдѣлать книксенъ...

Другія отдѣленія намъ не завидовали, конечно. У нихъ житье было гораздо лучше, и если подчасъ не доставало справедливости и толку, за то не было такого удущья. Ихъ классныя дамы ставили насъ въ примѣръ своимъ, но не пускались въ рабское подражаніе. Быть-можетъ, сердца ихъ были даже тронуты зрѣлищемъ нашихъ бѣдствій, но ни одна не рѣшилась на дружескій совѣтъ Аннѣ Степановнѣ. Дружбы между нашими классными дамами не было; случалась скорѣе вражда. Въ свободные отъ дежурства дни, онѣ не собирались между собою потолковать о живомъ мірѣ, который не совсѣмъ былъ запертъ отъ ихъ глазъ. Дежуря черезъ день, каждая дама половину года была почти свободна. У иныхъ было даже большое знакомство, а молодыя не лишались удовольствія поплясать гдѣ-нибудь на балѣ... Но ни внѣшній міръ, ни институтскіе интересы, ничто не сближало нашихъ дамъ; бѣлая часть ихъ предпочитала жить особнякомъ, избѣгая интимности, держась какъ-то странно насторожѣ, и будто оберегая другъ противъ друга камень за пазухой...

Зачѣмъ? Ни зависть, ни самолюбіе, ни честолюбіе, ничто не могло служить тому побудительною причиною. Классной дамѣ нечѣмъ было отличиться; классной дамѣ не было повышений, ни какихъ-нибудь особенныхъ льготъ; наконецъ, сколько я помню, ни одна изъ нихъ не заискивала и любви директрисы. Любовь эта могла быть только безплодною, значить, не о чемъ было хлопотать; къ тому же, онѣ хорошо знали директрису, равнодушную къ нимъ до нѣкотораго презрѣнія...

Не думаю также, чтобы наши классныя дамы скрывничали другъ отъ друга изъ необходимости скрывничать. Поведеніе ихъ было безукоризненно, и если кто изъ насъ увлекался въ послѣдствіи, тотъ не могъ сослаться на примѣръ своихъ классныхъ дамъ. Бывали, пожалуй, у нихъ уклоненія, но или пустыя, или глупыя... Чего-нибудь болѣе серіознаго институтскія стѣны не видали въ мое время... И наконецъ, наши классныя дамы были большею частию или стары, или дурны.

Однако, онѣ все же не ладили. Намъ, конечно, до этого не было никакого дѣла, лишь бы съ нами обходились мило. Но такъ какъ всѣ онѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, держались системы безгласія, дѣлали изъ мухи слона или пребывали въ олимпійской недоступности, то немногія и были любимы, и то немногими...

Наша непріязнь, должно-быть, мало ихъ огорчала. Наши классныя дамы были только институтскія дамы, а не воспитательницы. Ни одна, сколько я помню ихъ теперь, не поступила къ намъ по призванію. Съ небольшими исключеніями всѣ даже были очень плохо образованы; были даже крайне тупоумныя дамы. Такія ломили, какъ говорится, зря, наказывали нынче за то, что спустили вчера, сбивали съ толку, и получали названіе индюшекъ за выраженіе, которое принимали ихъ лица въ минуту гнѣва. Дѣтство чутко; ихъ мало боялись, и подъ надзоромъ этихъ дамъ выросли болѣе независимые характеры. Въ пятомъ отдѣленіи была классная дама кислѣйшей наружности и кислѣйшаго характера. Пятнадцать лѣтъ она подвизалась на своемъ поприщѣ. Быть-можетъ, когда-нибудь, она была образована, но съ тѣхъ поръ какъ выучилась, не сочла нужнымъ идти впередъ ни для себя, ни для своихъ ученицъ, которымъ помощь классныхъ дамъ при повтореніи или приготовленіи уроковъ была бы необходима. Можетъ-быть прежде она усердно исполняла свою обязанность; умная и справедливая, можетъ-

быть сформировала нѣсколько твердыхъ и честныхъ характеровъ, и наказанія ея точно приносили пользу. И теперь еще можно было видѣть, что она бывала когда-то справедлива. Но дама соскучилась. За стѣнами института у нея не было знакомой души. Она облѣнилась и устала. Она, видимо, только дотягивала до полного пансіона, чтобъ уйти, можетъ быть, въ монастырь, и доживать на покой. Лицо ея наводило скуку. Она не придиралась къ пустякамъ, но дежурила какъ-то нетерпѣливо, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ дневной работы. Ея уважали, но и только.

Ея сослуживицу по отдѣленію тоже уважали. Она была еще молода и воспитана, но какая-то сухость сердца или нежеланіе немножко сблизиться съ нами, ставили между нею и ученицами постоянную прѣграду. Ея наставленія не трогали. «Дортуаръ» былъ для нея что-то постороннее, содержимое въ порядкѣ и вѣжливо, уважаемое въ массѣ, но не болѣе. И то уже было хорошо.

Въ третьемъ отдѣленіи, у старшихъ, дежурили двѣ противоположности: шестидесятилѣтняя старуха и двадцати-пятилѣтняя молодая дѣвушка. Старуха давно получила полный пансіонъ и неизвѣстно зачѣмъ заживала въ институтѣ чужое мѣсто. Она только брюзжала. Вставать въ семь часовъ и быть на вытяжкѣ до восьми вечера, было ей не по силамъ. Когда она вела парами своихъ, быстрые шаги дѣвицъ подкашивали ее выплывавшую впереди фигуру. Надъ нею глупо школьничали, наливали воды въ ридикюль и чуть не прикалывали бумажекъ. Старуха часто хворала. Другая, молодая, была очень хорошенькая дѣвушка, очень бѣдная, и только начинала свою карьеру. Ей гораздо больше хотѣлось выйти замужъ. Эти невинныя и очень понятныя хлопоты продолжались всѣ шесть лѣтъ, покуда я была въ институтѣ. Мнѣ грустно о ней вспомнить... Она правила дортуаромъ скрѣпя сердце, и была аккуратна, чтобы не потерять мѣста. Собственные интересы замѣтно ее мучили. На дортуаръ свой она глядѣла немного желчно,—она видѣла въ немъ существа, которыя скоро будутъ на свободѣ, и иногда немножко свысока, чтобъ отвести душу хоть въ проявленіи власти...

Наша Вильгельмина Ивановна была добрая женщина, но немного ограниченная. Она, часто, ни съ того ни съ сего, принималась злобствовать въ родѣ Анны Степановны, что вовсе не шло къ ея смиренной физиономіи. Но это сходило съ нея

скоро. Она, кажется, сама недоумѣвала, зачѣмъ надо быть строгою, и не умѣла отвязаться отъ этой будто бы неизбежности. У нея и выраженіе, и манеры были какіято свои домашнія, а не казенныя. Иногда она была вовсе мила, вовсе запросто, и какое-то материнское чувство проглядывало въ ея глазахъ. Заболѣвшая дѣвица была для Вильгельмины Ивановны не субъектъ, который надо отправить въ лазаретъ, и только; Вильгельмина Ивановна страдала за нее, и тормошилась какъ бы скорѣе помочь. Въ дуртуарѣ своемъ она имѣла фаворитокъ. Мы простили ей это пристрастіе, потому что въ немъ было безотчетное искреннее чувство, безъ всякой тѣни какой-нибудь корыстной причины. Фаворитокъ своихъ она даже баловала. Она зазывала ихъ къ себѣ въ комнату, и тамъ, за перегородкой, у постели, гдѣ потѣпле и потѣснѣе, стоялъ самоваръ и разныя сласти. Она любила покормить какъ барыня-помѣщица. Тутъ дѣвушки болтали всякой вздоръ; изъ памяти исчезали желтыя стѣны, разнища лѣтъ и положенія. Онѣ даже цѣловали Вильгельмину Ивановну. На ея глазахъ бывали слезы...

Но Вильгельмина Ивановна была единственная. Къ сожалѣнію, впечатлѣніе ея ласки скоро проходило, — и не далѣе, какъ на другой же день, когда Вильгельмина Ивановна, вся пунцовая, принималась кричать на весь классъ и рѣшительно безъ цѣли...

А наша Анна Степановна? А другія, и еще другія?...

Да что же было съ нихъ и взыскивать? Развѣ добрая воля привела ихъ подъ институтскую кровлю? Всѣхъ привела нужда. Конечно, очень многія свыкались потомъ съ своею профессіей, даже привязывались къ ней, но, все равно, исполняли ее дурно. Трудно было и выполнять ее иначе. Двадцать лѣтъ назадъ, не очень многіе понимали, что такое должно быть воспитаніе... Въ казенныхъ заведеніяхъ отсталыя понятія передавались изъ рода въ родъ; вновь поступавшія классныя дамы принимали эти понятія совсѣмъ готовыми, и усваивали ихъ легко, потому что они были удобны. Чинность, безгласіе, наружная добропорядочность и повиновеніе, во что бы то ни стало, вотъ качества, которыхъ можно добиться отъ подчиненныхъ только вооруженною силой. Быть вооруженнымъ очень пріятно, и къ тому же, добиваясь такихъ результатовъ, власть остается спокойна и умомъ, и сердцемъ.

Не думаю, чтобы учредители института имѣли цѣль образовывать въ насъ только эти качества. Отчасти, можетъ-быть,

но не въ такой уродливой мѣрѣ. Классныя дамы злоупотребляли, директриса не доглядывала. Никто не чувствовалъ потребности измѣненій въ этой мертвой средѣ, никто не искалъ лучшаго.

Одна любовь творить чудеса, живить то, что ее окружаетъ; она одна, лучше всякаго мудреца, умѣетъ найти, что нужно: то простое слово, тотъ складъ отношеній, которыя воспитываютъ молодую душу въ добрѣ и свободѣ. Но требовать любви отъ классныхъ дамъ было бы нелѣпо. Гдѣ эти обширныя сердца съ запасомъ любви на шестьдесятъ чело-вѣкъ, или, по меньшей мѣрѣ, на тридцать (то-есть на воспитанницъ своего дортуара)? За неизмѣнимъ такихъ въ природѣ, институтское начальство, конечно, ихъ и не ищетъ.

Если это было невозможно, то было возможно другое: женщина, человѣчески образованная, понимающая, что придирчивость только роняетъ кредитъ власти, а преслѣдованіе мелочей глупо,—понимающая, однимъ словомъ, что власть страшно обязываетъ, а не дается для самоупоенія,—женщина пытливая, для которой любопытно видѣть ростъ дѣтскаго ума и пріятно направлять его во имя здраваго смысла.

Но гдѣ же, двадцать лѣтъ тому назадъ, были у насъ такія женщины-воспитательницы по праву и по призванію? Много ли ихъ и теперь?

Черты женщинъ любящихъ и женщинъ умныхъ попадались и между нашими классными дамами, но только черты микроскопическія. У нихъ не доставало главнаго: чувства долга, который сказалъ бы имъ, что пора оставить заведеніе, когда ослабли нравственныя и физическія силы, или, когда каждый собственный шагъ ясно говорить имъ, что онѣ не способны занимать свое мѣсто.

Но до такого самопознанія, до такого самоотверженія общество не доросло и теперь. Классныя дамы наши были не виноваты.

Теперь, поживъ на свѣтѣ, мы, воспитанницы, прощаемъ имъ многое, почти все, объясняя ихъ нравы духомъ времени. Но тогда мы рѣшительно не прощали... Злоба наша изливалась втихомолку, но тѣмъ не менѣе, очень краснорѣчиво. Имена и фамилія классныхъ дамъ перевертывались на всѣ лады. Эпитеты сыпались, и *vilaine* было самое милостивое.

Узнала ли объ этомъ въ послѣдствіи хоть одна классная дама, такъ, изъ откровеннаго разговора съ бывшею воспитанницей?..

Не думаю. Мы выросли такою трусливою мелкотой, а тамъ попали въ общество, такъ мало радѣющее о правдѣ, что, конечно, ни одна изъ насъ не отваживалась на слово правды, какъ бы оно ни было полезно, и даже въ томъ случаѣ, когда сказать это слово можно было съ полною безопасностію.

Вспоминается мнѣ наше первое говѣніе вмѣстѣ. Никогда, въ послѣдніе годы курса, ни потомъ, дома, я не была подѣ влияніемъ такого особеннаго чувства. Почти весь классъ испытывалъ то же. Серіозный ли характеръ нашего законоучителя, непривычка ли отвѣтственности за себя (потому что дома казалось еще, что за насъ передъ Богомъ отвѣчали родные), или мракъ и грусть, напущенные Анной Степановной, были тому причиной,—не знаю; но только мы каились, будто совершили десятки преступленій. Мы даже старались не говорить другъ съ другомъ, чтобъ не нагрѣшить еще больше. Намъ казалось, наконецъ, что мы виноваты передъ цѣлымъ міромъ. Мысленно мы просили прощенія у родныхъ; между собой сводили итоги, отъ похищенной булавки до обиднаго слова. Но одно затрудненіе для нашей совѣсти было непреодолимо. Мы не знали, какъ намъ быть съ Анной Степановной. Совѣсть требовала найти въ себѣ преступленіе и противъ Анны Степановны, а между тѣмъ искать его какъ-то не хотѣлось, и стыдъ насъ бралъ, что оно не находилось, стыдъ за закоснѣлость души, потому что все же мы, вѣрно, были виноваты передъ Анной Степановной... Надо признаться ей, но въ чемъ,—и неужели признаться?.. Въ такихъ мученіяхъ приходилъ и день исповѣди, и часъ исповѣди.

Раздавался церковный колоколъ. Всѣ мы инстинктивно, въ разъ, поднимались съ мѣста. Не помню, чтобы кто-нибудь пожелалъ отстать и явиться одною съ своимъ «*pardonnez-moi*» передъ Анной Степановной. Тѣсною толпой подходили мы къ ея двери, имѣя самыхъ недовольныхъ и притѣсненныхъ внутри кружка, гдѣ не такъ видно. Объявить о нашемъ приходѣ избиралась дѣвица, что ни есть невиннѣе и безотвѣтнѣе изъ всего дортуара.

Анна Степановна выходила. «*Pardonnez-nous,*» раздавалось глухо въ кружкѣ. «*Que Dieu vous pardonne, mesdemoiselles.*» И если ничего больше, какое счастье! Но въ этомъ счастьи мы

не смѣли признаться и самимъ себѣ. Мы только робко обращали тыль, не озираясь, чтобы какъ-нибудь не кликнули.

Коллективное раскаяніе и прощеніе снимали тяжесть съ души. Значить, такъ должно было быть, если такъ было.

Позднѣе, къ пятнадцати годамъ, молитва наша стала мечтательнѣе, или восторженнѣе; раскаяніе и прощеніе «врагу» не просилось наружу изъ сердца, а какъ-то застѣнчиво оставалось въ глубинѣ его; въ замѣнъ словъ, явились слезы, но нервные, горячія, неопредѣленные. Мы пролили ихъ много передъ образомъ Спасителя, въ церкви, покуда, бывало, стоишь и ждешь своей очереди; а тамъ, у противоположнаго окна, за ширмами, гдѣ священникъ, идетъ тихая исповѣдь.

Къ шестнадцати годамъ, многое измѣнилось. «Pardon» у дверей сталъ почти простымъ обрядомъ, и мурашки уже не бѣгали по плечамъ отъ страха погони. Наконецъ, молитва приняла совсѣмъ институтскую складку. Передъ исповѣдью мы стали записывать грѣхи на бумажкѣ и твердить, какъ уроки. «Mesdames, дайте списать грѣшковъ, я свои забыла,» слышалось со всѣхъ сторонъ, въ то время какъ благовѣстилъ колоколь.

Это было искренно и, быть-можетъ, даже очень трогательно; но, мнѣ кажется, въ дѣтствѣ было лучше. Въ дѣтствѣ, кромѣ времени говѣнія, бывали иногда просто случаи, которые вызывали такую потребность раскаянія, на какую уже неспособенъ немного взрослый человѣкъ. Вотъ одинъ случай: свое покаяніе разказывала намъ потомъ наша первая ученица, оставшаяся отъ предыдущаго класса.

Разъ, въ институтѣ, произошло слѣдующее. Былъ большой праздникъ, Рождество Христово, и, по правилу заведенія, институтки проводили его въ дортуарахъ. Три дня въ дортуарѣ и полнѣйшая свобода—какое счастье можетъ съ этимъ сравниться? Было шумно, лакомствъ было въ волю; къ довершенію прелести вечера, и разказы нашлись самые святочные. Только недѣлю передъ тѣмъ, умерла въ институтѣ одна старая дама, бывшая распорядительница въ классѣ вышиванья. Она давно не служила, и жила у дочери, своей преемницы по классу. Покойницу отпѣвали въ институтской церкви, и, говорятъ, мертвая была очень страшна. Такъ эту-то покойницу видѣли наканунѣ Рождества. Она прошла по хорамъ церкви, оттуда по хорамъ пріемной залы и тамъ во что-то обернулась. Кто видѣлъ, еще не знали, но происшествіе комментировалось подъ звуки пріятнаго щел-

канья кедровыхъ орѣшковъ во всѣхъ углахъ дортуара. Бесѣда лилась, когда совсѣмъ неожиданно ее прервали.

— *Par paiges*, ко всеобщей, скомандовала, входя, классная дама.

А сказали, что будетъ заутреня, въ шесть часовъ утра. Неохотно всѣ встали и пошли молиться.

Молились что-то долго, будто гораздо дольше обыкновеннаго. Дьячокъ уныло танулъ на клиросѣ, свѣчи что-то плохо горѣли; въ лазаретѣ били часы протяжно, долго... а всеобщая была только въ половинѣ.

Вдругъ раздался крикъ, страшный, неестественный, и кто-то въ дальнихъ рядахъ грянулся объ полъ. Секунда тишины, и закричали всѣ. Все заволновалось, заметалось, ряды бросились на ряды, толкаясь, сшибая съ ногъ, падая грудами, задыхаясь въ ужасѣ... Блѣдные лица, растерянные башмаки, крики: «пожаръ, покойница, свѣтопреставленіе!» Кто-то влетѣлъ на клиросъ, хочеть въ алтарь, дьячокъ хватаетъ ее за косички; кто-то со стономъ бьется подъ десятками тѣлъ; швейцары держатъ дверь у входа въ залу, тамъ прїѣзжіе. Побѣжали за директрисой, изъ лазарета тащатъ воду. Вышелъ священникъ съ крестомъ: «Миръ вамъ, миръ вамъ.» Понемногу всѣ утихаютъ, становятся въ ряды, и тихо, еще дрожа, идутъ прикладываться къ Евангелію.

Но чтò жъ было такое, чтò видѣли? Да ничего: просто, одной ученицѣ сдѣалось дурно... Паническій страхъ.

Всеобщая кончилась, и пошли ужинать. Тутъ уже всѣ, опомнясь, понурили головы. Никто не тронулъ ни одного блюда. Молчаніе въ столовой было торжественное, всѣ чего-то ждали. Наконецъ въ дверяхъ засуетился эконокъ и полицмейстеръ. Зашелестило платье, и директриса вошла.

На лавкахъ встаютъ; тишина мертвая.

— Кто осмѣлится сказать хоть слово своимъ роднымъ о томъ чтò произошло, тотъ будетъ высѣченъ, говоритъ директриса громовымъ голосомъ, по-французски.—Съ завтрашняго дня, всѣ по классамъ, и, берегитесь у меня, вы!

Еще грозный жестъ, и она удаляется.

Институтскія стѣны тонки, и тайна вылетѣла. Родные смѣялись, какъ обыкновенно смѣются надъ стадомъ барановъ. Но «бѣда», въ глубинѣ институтскихъ сердець, была понята иначе, по крайней мѣрѣ очень многими. Чтò тамъ, «la verge»? Чтò даже и самое торчанье въ пустыхъ классахъ, за урокомъ, въ

святки? Дѣло не въ томъ. Вина передъ Богомъ, искушеніе, и грѣхъ-то, грѣхъ-то какой, еще въ церкви!

Многія наложили на себя обѣты, кто земные поклоны, кто воздержаніе отъ страстей (то-есть брани на классную даму). Ученица, которая разказывала намъ это происшествіе, каялась тоже. Она отверглась земныхъ благъ. Ей къ святкамъ прислали крымскихъ яблокъ. Она сложила ихъ въ передникъ, и, какъ преступница и недостойная, отнесла истопнику, даже избѣгая благодарнаго взора.

... Первый свѣтлый праздникъ въ институтѣ я провела очень скучно. Родные мои были далеко, Варенькины—тоже. И другимъ, сколько я помню, было не веселѣе. Всѣ мы смотрѣли какими-то одичалыми птицами, еще не спѣвшимися другъ съ другомъ, сидѣли по дортуарамъ и ничего не дѣлали. Въ дортуарѣ Анны Степановны было несносно. Хотя по закону была позволена полная свобода, но тамъ никто ею не пользовался. Дверь Анны Степановны стояла настежь, и она слышала все, до невиннаго желанія яйца въ крутую. Зная это, воспитанницы ея предпочитали сидѣть тихонько, каждая на своемъ табуретѣ у кровати, и рыться въ какихъ-нибудь пустячкахъ, то-есть лентахъ, коробочкахъ и перстенькахъ, привезенныхъ изъ дому, и грустно ненужныхъ теперь.

У насъ, то-есть у Вильгельмины Ивановны, сравнительно, было гораздо веселѣе. Она затворяла свои двери, и мы праздновали на покоѣ. Всякій дѣлалъ что хотѣлъ. Иныя, находя что лучшее дѣло—сонъ, спали цѣлый день безъ просыпу. Другія, усѣвшись по окнамъ, глазѣли на дворъ, пустой, облитый весеннимъ солнцемъ, и слушали далекій праздничный трезвонъ; третьи, отъ нечего-дѣлать, только ѣли. Многія счастливицы ждали, что къ вечеру пріѣдутъ ихъ родные. Въ ожиданіи шли кое-какіе разговоры...

Только не о родныхъ, не о недавней жизни дома. Странно, я не помню, чтобы мы разспрашивали другъ у друга о своихъ біографіяхъ, о біографіяхъ нашихъ семействъ, чтобъ это особенно насъ интересовало. Всю прежнюю жизнь мы больше оставляли про себя, и если память о ней вырывалась вслухъ, то только отрывками. Самое чувство прежнихъ привязанностей какъ-то уходило въ глубь души, сматое, и день ото дня у многихъ теряло свою живучесть. Оно глохло, какъ глохнетъ вьющееся растеніе, которому не къ чему лѣзть... Притомъ молодость, а особенно дѣтство любить жить не прошедшимъ,

и не тѣмъ, чего уже нѣтъ на глазахъ, а настоящимъ, какое бы оно ни было... Мы и говорили о настоящемъ.

Помню, какъ одинъ разъ зашла къ намъ Варенька. Безъ книгъ, безъ дѣла, какъ-то разомъ лишившись всѣхъ прежнихъ способностей веселить и веселиться, она бродила, не зная куда дѣвать руки. Мы предложили ей кулича и загадку, предметъ нашего разговора.

— Варенька, что такое: S-deux, D-huit, B-trois? Mesdames, qu'est que c'est M. P. R?

— Laissez-moi en repos, отвѣчала одна дѣвица, уткнувъ носъ въ подушку, и почему-то обиженная. Последняя загадка относилась къ первоначальнымъ буквамъ ея имени и фамиліи.

— Варенька, отгадывай же!

Варенька качала головой.

— Mais ce sont les premières beautés de l'institut! Mesdames, quelle honte, elle ne sait pas ce que c'est S-deux!

— Что же тутъ разгадывать—мѣтки бѣлья! возразила Варенька. S значитъ дортуаръ Анны Степановны, deux — номеръ бѣлья mademoiselle.... я не знаю кого....

— Mesdames, а кто разгадаетъ, что такое t. d. t.? спросила кто-то.—Пари, что никто!

Варенькѣ казалось это дико, а мы занимались загадками цѣлый день. Я ломала голову надъ мудренымъ шифромъ, но къ ночи разгадала.

— Mesdames, «tablier de lique»! закричала я на весь дортуаръ, такъ что на меня даже шикнули....

Страшное слово! «Тиковый» передникъ было самое крайнее наказаніе въ институтѣ. Кто одинъ разъ его заслужилъ, на томъ лежала печать отверженія. Объ этомъ передникѣ говорили только шепотомъ. Даже сама Анна Степановна рѣдко говорила намъ этою казнью. Говорили намъ, что будто бы въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ надѣли тиковый передникъ на дѣвушку, уже кончавшую курсъ. Она будто бы написала пасквиль, гдѣ была обругана классная дама и весь институтъ. Не знаю, была ли это правда,—дѣло было давно, и можетъ-быть дошло до насъ въ неточномъ видѣ. Мысль о t. d. t. не дала мнѣ заснуть ночи....

Наши праздничныя засѣданія прерывались прогулками. Такъ какъ въ началѣ апрѣля въ саду бывало еще сыро, то насъ водили гулять по двору. Это дѣлалось иногда и зимою, въ теплые дни. Кругомъ двора былъ узкій деревянный тротуаръ, по которому

можно было идти только парами. Мы этого гулянья терпѣть не могли, по крайней мѣрѣ большинство изъ насъ. За чугуною рѣшеткой бывало много приманокъ. Разнощики и булочки собирались тамъ, ожидая практики. Торговля происходила на ходу. Покуда мы безконечнымъ хвостомъ извивались вдоль рѣшетки, пятачки и гривенники летѣли за нее, и проворныя руки подхватывали оттуда сѣрые свертки бумаги, иногда съ тѣмъ-нибудь несѣдомымъ.... Но большинство институтокъ предпочитало спокойный способъ покупки чрезъ вѣрныхъ служительницъ дортуара.

Костюмъ нашъ во время этихъ гуляній былъ уморительный. Кожаныя ботинки невѣроятной толщины, величины и вида; темныя салопчики солдатскаго сукна и фасона какъ у богатыленокъ; коленкоровыя шляпки въ видѣ гриба, съ огромнымъ коленкоровымъ махромъ на маковкѣ. Еслибы не этотъ махоръ, мы были бы совсѣмъ галки. Потомъ намъ сшили что-то попящивѣ. И вообще, годъ отъ году, при мнѣ всѣ наши туалеты стали замѣтно улучшаться, и будничныя, и праздничныя, и бальныя.... Вѣдь у насъ тоже бывали балы.

Оркестръ, всегда великолѣпный, и ни одного кавалера, развѣ-развѣ два-три кадета изъ неранжированной роты. Передъ выпускомъ, впрочемъ, появилось нѣсколько кадетовъ постарше, изъ семейства коротко знакомаго директрисѣ. Мы обожали ихъ всѣхъ, безъ исключенія. Протанцовать съ этою рѣдкостью было счастьемъ великимъ. Нетанцующіе посѣтители—три-четыре маменьки, изрѣдка учитель съ своими дѣтьми, родственники директрисы,—вотъ и все. Бальныя угощенія открывались шеколадомъ. Два служителя несли его въ ведрахъ, продѣтыхъ на палки, и въ боковой залѣ шеколадъ разливался по чашкамъ. Онъ былъ скверный; немногія пили съ удовольствіемъ. Пило особенно маленькое шестое отдѣленіе, скакавшее всегда свои кадрили въ дальнемъ уголку залы. Вообще мы, маленькія предоставляли болѣе обширное поприще старшему классу....

Помню, что на первомъ балу у Вареньки случилось огорченіе. У нея не было крахмальной юбки. Казна не отпускала тогда ничего подобнаго для бального туалета ученицы. Надо было запастись дома или сшить свою. Варенька не сдѣлала ни того, ни другаго. Она вошла въ залу въ видѣ бѣлой дудочки, перевязанной красною ленточкой. Вошла, и поскорѣе въ уголокъ. Тамъ было много такихъ дудочекъ. Изъ нихъ одна, самая тоненькая и маленькая, лицомъ черномазая съ торчкомъ

волось на маковѣ, невозмутимо ѡла свою долю *cochonneries*. Это была наша грузинская княжна.

— Qu'est ce que c'est, eh, qu'est ce que c'est? вдругъ слышался голосъ инспектрисы, и рука ея затеребила княжну за поясъ.

Кругомъ привстали.

— Eh, les petites, est-ce que l'on vient ainsi?... Eh, la Gribkoff, mais allez donc mettre des jupes.... eh, des jupes, les petites. Allez donc!

И она удалилась въ перевалку. Дѣвочки спрыгнули съ мѣсть, и сунулись было въ смежную залу, ища юбокъ.

— Restez, воротила ихъ сухо классная дама. Варенька встала тоже, чтобъ уйдти совсѣмъ въ дортуаръ, но ей не позволили....

Въ этомъ запросѣ несуществовавшихъ юбокъ—вся наша инспектриса. Вообще, я не знаю что она у насъ дѣлала. Хозяйственная часть не лежала на ея ответственности; верховная власть сосредоточивалась въ директрисѣ; за ученьемъ смотрѣлъ инспекторъ классовъ; за моралью смотрѣли классныя дамы. Сколько я помню, въ мои шесть лѣтъ къ инспектрисѣ мало за чѣмъ относились. Судъ и расправа обходились безъ нея; директриса отлучалась рѣдко, и въ ея отсутствіи ее легко могла бы замѣнять любая классная дама. Должность ли эта была бесполезна, или инспектриса наша сумѣла сдѣлать ее бесполезною? Последнее было очевидно. Эта женщина была олицетвореніе бесполезности. Было ли это скромнымъ желаніемъ стоять въ тѣни передъ величіемъ директрисы? Можетъ быть; онѣ ладили, хотя та видимо ея не уважала.... Инспектриса только однимъ занималась въ совершенствѣ — шиканьемъ. Она шикала какъ никто: неистово, со свистомъ, шикала на насъ какъ на цыплятъ, не видящихъ коршуна въ поднебесьи.... Мы узнавали ее за версту. Каждый день она приходила въ классъ, при учителѣ, но никогда не предлагала вопросовъ. Посидить минутку, посмотреть кто безъ передника и въ косичкахъ, и уйдеть. Въ рефектуарѣ она бывало первая, и едва войдутъ пары, уже кричитъ: «chantez le Отче нашъ; les chanteuses, chantez.» Тутъ же такъ, зря, она усугубляла наказанія, уже положенныя классными дамами: дѣвицъ безъ передниковъ и въ косичкахъ выдвинетъ къ столбамъ, и пойдеть дальше. Особенно ее беспокоила лѣность. «Eh, vous, les paresseuses, ici....» И paresseuses выступали на середину рефектуара. Тамъ часто воздвигался черный столъ,—маленькій

столѣтъ, безъ салфетки и приборовъ; на немъ черный хлѣбъ и кувшинъ съ водою. Дѣвочки плакали, инспектриса тащила ихъ, суеялась.... Мы замѣтили, что она особенно любила оказывать эту пользу институту.

Кромѣ этой инспектрисы, была еще другая, «инспектриса пепиньерокъ.» А число пепиньерокъ не превышало у насъ двѣнадцати! Дама эта была добрая, но буквально ничего не дѣлала. Пепиньерки тоже ничего не дѣлали, потому что нельзя считать во что-нибудь дежурство отъ пяти до шести часовъ вечера, или изрѣдка за больную классную даму, и чрезвычайно рѣдкія классныя занятія съ дѣвцами.

Инспектриса наблюдала за ихъ поведеніемъ. Трудъ болѣе чѣмъ легкій. Для того чтобы въ нашихъ крѣпко запертыхъ стѣнахъ могло совершиться что-либо,—надо было чтобы начальство само потворствовало, или было бы уже совсѣмъ слѣпо....

За пепиньерками могла бы наблюдать и директриса, или по очереди, недежурныя дамы. Было бы все то же. Свободнаго времени у нашихъ властей оставалось очень много, нисколько не посвященнаго юношеству.... Да и посвященное время!...

Грустная жизнь! Никто, никогда изъ этихъ старшихъ не собралъ насъ вокругъ себя, попросту, какъ дѣлаютъ добрые люди, сбросивъ чинность, искренно и сердечно.... прочесть вмѣстѣ хорошую книгу, поработать вмѣстѣ съ нами, въ тѣсномъ кружкѣ, посмѣяться нашимъ шалостямъ, потолковать о Божіемъ мірѣ, объ его радостяхъ и горѣ, и о своемъ горѣ... мы за него сумѣли бы полюбить. Но мы не знали ничего подобнаго. Да и не тѣ были люди!

Послѣ Пасхи, въ которую мы немного отдохнули, Анна Степановна опять принялась за свое. Ея сердитое лицо сводило насъ съ ума; мы не знали что дѣлать...

Въ одинъ прекрасный день, Варенька написала слѣдующее: «Милые папа и мама, мнѣ очень скучно, а наша классная дама—вѣдьма, какую вы не можете себѣ вообразить...»

Письмо было отправлено. Но чему оно могло помочь въ настоящемъ? Въ настоящемъ, мы, наконецъ, рѣшились покориться. Такъ въ одно дежурство Анны Степановны намъ точно удалось мастерски просидѣть истуканами. Никто даже не чихнулъ въ несвободное время. Лицо Анны Степановны немного расправилось. Мы дружно удвоили усилія.

Шорохъ шаговъ, шелестъ бумаги, скрипъ пюпитра, скрипъ пера,—все утишилось, замерло, обратилось въ ничто...

Какая странность! съ отчаянія, что ли, или мы прониклись пользою безгласія, но наши усилія стали намъ нравиться. Мы стали даже придумывать, какъ бы перещегоолатъ одна другую. Мы сумѣли прожить такъ двѣ недѣли.

Анна Степановна торжествовала.

И въ одно утро, къ крайнему нашему изумленію, она объявила намъ, что директриса, увѣдомленная о нашемъ хорошемъ поведеніи, приказала «наградить» насъ.

Сюрпризъ не вызвалъ въ нашей душѣ и тѣни благодарности. Мы только сбились въ понятіяхъ объ Аннѣ Степановнѣ. Она сама сбила насъ съ толку еще болѣе. Почти съ того времени она видимо перестала требовать того, о чемъ до сихъ поръ такъ усердно хлопотала. Мы стали двигаться, какъ прочія отдѣленія, даже шумѣе. Страхъ сошелъ съ дортуара, то-есть съ массы; съ тѣхъ поръ онъ являлся только въ частныхъ бѣдствіяхъ, но и здѣсь принялъ другой характеръ...

Сообщая о «наградѣ», Анна Степановна сказала:

— *Sachez, mesdemoiselles qui je puis faire tout au monde...*

Вотъ это-то самое «*tout au monde*», часто и не у мѣста повторенное, и подорвало въ послѣдствіи ея власть. Мы подросли, поняли, какой умъ емѣть, а какой не смѣть приписывать себѣ всеиліе...

Награждены мы были «днемъ въ дортуарѣ». Эта милость, гораздо вѣрнѣе, была дана намъ за прилежаніе. Цѣлый мѣсяцъ мы учились такъ хорошо, что половину класса записали на красную доску...

N.

(До слѣд. №.)

КАРТИНКА

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861)

Посмотри: въ избѣ, мерца,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ,
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ;
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь...
Даже съ печи не слѣзавшій
Много, много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ:
Что жъ такъ слушаютъ малютку,
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлось ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покажьтъ
 Темень имъ и ей,
 Но всё чуютъ надъ собою
 Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
 Тьма идетъ къ концу!
 Ваши дѣтки ужь увидать
 Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
 День взойдетъ могучь!
 Вѣщимъ окомъ я ужь вижу
 Первый сладкій лучь!

Онъ горитъ ужь на головкѣ,
 Онъ горитъ въ очахъ
 Этой умницы-малютки
 Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братцы, это только
 Первая ступень
 Въ царство мысли, гдѣ сияетъ
 Вѣковѣчный день.

А. Майковъ.

1861
 Февраля 28.

ПАМЯТИ ПУШКИНА

(въ день пятидесятилѣтня лица 19 октября 1861 года.)

Живемъ мы, дюжинные люди,
 А генія давно ужь нѣтъ,
 И рвется нынѣ вздохъ изъ груди
 Невольно по тебѣ, поэтъ!

Какъ скромный пиръ нашъ былъ бы громокъ,
 Когда бъ тебя въ своемъ дому
 Сегодня встрѣтилъ твой потомокъ,
 И руку бъ ты пожалъ ему!

Но многіе ль на зовъ лица,
И изъ товарищей твоихъ,
Душою снова молодѣя,
Сошлись въ память дней былыхъ?

О, сколькихъ дѣдовъ, сколькихъ братій
Ужъ смерти ранній зовъ увлекъ
Изъ нашихъ дружескихъ объятій,
И сколькихъ—жизненный потокъ!

И повторимъ мы стихъ поэта:
Кто не пришелъ? кого жъ изъ насъ
Увлекъ мертвящій холодъ свѣта?
И чей умолкъ на вѣки гласъ?

Онъ не пришелъ, пѣвецъ нашъ славный,
На нашъ полустолѣтній пиръ,
Чтобъ новой пѣснью заздравной
Вдругъ огласить весь русскій міръ. ●

О, какъ бы шли ему сѣдины!
Какъ былъ бы ясень и глубокъ
Подъ ними взоръ его орлиный
И строгихъ думъ полетъ высокъ!

Какъ въ нашу странную эпоху,
Гдѣ вмѣстѣ съ жаждою добра,
Мы видимъ мыслей суматоху,
Не достаетъ его пера!

Какъ онъ умѣлъ бы мѣткимъ словомъ
То разъяснить благую цѣль,
То въ пустозвонѣ безтолковомъ
Щелчкомъ рѣзсѣять блажь и хмель;

Смирить надменнаго невѣжду,
Лжеца позоромъ заклеить,
Иль у глупца отнять надежду
Законы міра измѣнить.

Онъ въ трупъ смердящій и холодный
Не превратилъ бы идеалъ
И чистоту струи народной
Въ искусствѣ свято бѣ охранялъ....

И въ пробужденный духомъ вѣка
Животрепещущій вопросъ:
Раба возвысить въ человѣка—
Какъ много свѣта онъ бы внесъ!

Но съ молнией сходенъ пылкій гений:
И страсть, источникъ огневой
Его чудесныхъ вдохновеній,
Была для Пушкина грозой.

Властитель мощный въ царствѣ слова,
Онъ съ жизнію не совладалъ,
И отъ удара роковаго,
Какъ крѣпкій дубъ, мгновенно палъ.

Одною съ нимъ судьбой отмѣченъ
Былъ имъ прославленный лицей:
Онъ былъ, какъ ты, не долговѣченъ,
Пѣвецъ его начальныхъ дней!

Другой лицей теперь проруетъ—
Въ другихъ стѣнахъ; но принялъ онъ
Все то, что прежній знаменуетъ;
Твоей онъ славой осѣненъ.

Благослови же, гость незримый,
Но здѣсь въ сердцахъ у всѣхъ живой,
Еще разъ твой лицей родимый,
И старый вмѣстѣ и молодой.

Благослови, чтобъ цвѣлъ онъ сѣнью
Живой науки и труда;
Чтобъ тѣма гордыни съ мертвой лѣнью
Ему осталася чужда.

Чтобъ старой жизни новой вѣтвью
Въ немъ молодежь для дѣлъ росла
И обновленному столѣтью
Плоды сторицей принесла!

Я. Гротъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

НАРОДНЫЕ ЧЕШСКИЕ ПОЭТЫ.

Въ прошломъ году вышла въ Прагѣ небольшая книжечка, подъ заглавіемъ: *Böhmische Naturdichter. Literarhistorische Studien von Alfred Waldau*. Всѣ чешскіе журналы отозвались объ этомъ сочиненіи съ похвалою и называли его очень занимательнымъ; но подобные отзывы здѣсь раздаются обо всякомъ сочиненіи, которое не изъ рукъ-вонъ-плохо, а потому оно и не обратило на себя особеннаго вниманія, хотя и имѣеть на него полное право по своей оригинальности и по своему предмету.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о сочинителѣ.

Вальдау—собственно Ярошъ, слѣдовательно Чехъ, который однако постоянно пишетъ по-нѣмецки, говоритъ охотнѣе также по-нѣмецки, хотя знаетъ и по-чешски; постоянный посѣтитель нѣмецкаго театра, тогда какъ въ чешскомъ, не знаю, бываетъ ли раза три въ годъ; знатокъ нѣмецкой литературы; знакомъ также съ литературой французскою и англійскою. Но главный предметъ его занятій—чешская литература и чешская культура.

Онъ еще молодой человекъ. Написалъ до сихъ поръ, кромѣ мелкихъ статей въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ: *Böhmische Granaten*—переводъ чешскихъ народныхъ пѣсень; *Böhmische Märchen*—переводъ народныхъ сказокъ; *Böhmische Nationaltänze, Kulturstudie*, въ двухъ частяхъ, и *Altböhmische Minneroesie*—переводы изъ краледворской рукописи и другихъ сборниковъ чешской древней поэзіи.

Приступаемъ къ *Поэтамъ природы*.

«Поэтъ природы нѣрѣдко живетъ подъ двойнымъ гнетомъ бѣдности и тяжелой работы. Все его образованіе оканчивается сельскою школою. Образцами изящества ему служатъ случайно попавшіяся произведенія временъ дѣдовскихъ... Его имени не доступны тѣ золотыя памятные книги, которыя съ благоговѣніемъ будутъ перелистываться отдаленными поколѣніями. А между тѣмъ какъ легко многіе изъ нихъ могли бы достигнуть этой славы, еслибъ имъ была дана иная юность, иное образованіе, или положеніе.

«Смѣлаго полета духа, роскошнаго одѣянія фантазіи, титаническаго величія,—вы не найдете въ произведеніи поэта природы: содержаніе его произведеній рѣдко переступаеъ за преданіе обыкновенной жизни. Но творческая сила поэта открываетъ красоту и глубокой смыслъ въ вещахъ самыхъ простыхъ, въ происшествіяхъ самыхъ обыкновенныхъ. Самые простыя мысли и чувства, живущія подъ соломенною крышей, составляютъ для него предметы любви и уваженія. Его стихотвореніе именно то, чѣмъ должно быть, по мнѣнію Гёте, лирическое стихотвореніе: стихотвореніе, вызванное истиннымъ событіемъ, то-есть стихотвореніе, содержаніе котораго не заимствовано изъ жизни другаго, или не выработано изъ чтенія книгъ съ усиленіемъ и съ искусственнымъ раздраженіемъ фантазіи, но такое, которое непосредственно вызвано какимъ-нибудь внѣшнимъ или внутреннимъ событіемъ въ его собственной жизни, и потому является выраженіемъ его собственнаго настроенія.

«Пѣсня поэта природы есть не что иное какъ выраженіе чувства, которое изливается безъ размышленія, отъ полноты сердца; благотѣльной обработкѣ она подвергается очень рѣдко. Какъ отрадно, убѣгая отъ шумнаго потока фразъ нашихъ новыхъ привилегированныхъ поэтовъ и пророковъ, остановиться у этого тихаго, свѣтлаго ручейка, вытекающаго изъ простаго духа сельскаго поэта! Тутъ нѣтъ ничего искусственнаго и изысканнаго: ни выдуманныхъ приключеній, ни притворныхъ сердечныхъ страданій; тутъ есть еще задушевность и истина, тутъ еще истинное поэтическое одушевленіе!»

Обращаясь къ произведеніямъ чешскихъ поэтовъ природы, авторъ продолжаетъ такъ: «Они рядомъ съ народными пѣснями составляютъ самое вѣрное отраженіе народнаго характера... Это—не възыскательные, въ своей ограниченной средѣ счастливые и довольные люди; но *оттѣсненные отъ общественной жизни, они въ поэзии ищутъ вознагражденія за тѣ лишенія и ограниченія, которыя цѣлая столѣтія несутъ политическое существованіе ихъ отечества. Поэтому большая часть этихъ поэтовъ выступаетъ со знаменемъ патріотизма; любовь къ отечеству является у нихъ главнымъ побудительнымъ мотивомъ, и этимъ они отличаются отъ поэтовъ всѣхъ другихъ народовъ.*»

Опредѣливъ такимъ образомъ свое воззрѣніе на естественную поэзію, которую онъ очевидно противопоставляетъ цѣлой современной чешской поэзіи искусственной, Вальдау въ своей книжечкѣ приводитъ 37 именъ поэтовъ: изъ нихъ 13 изъ сословія сельскаго, а остальные изъ мѣщанъ, ремесленниковъ и фабричныхъ. Стихотворенія большей части ихъ лирическаго содержанія; трое писали драмы, а одинъ отличался такъ называемыми *Krämerlieder* и породилъ цѣлую фалангу подражателей.

Первымъ по времени является *Юрій Вольный* (+1745 г.). Его «веселыя пѣсни» представляютъ веселую сатиру на дурныя привычки и немѣлыя мнѣнія его земляковъ. Два родственника его, *Лука* и *Вацлавъ Вольные*, писали стихотворенія на разные случаи, напр. на учрежденіе цеха овчарей при царѣ Леопольдѣ I (1704). Самымъ популярнымъ поэтомъ того же времени является *Франекъ Вавакъ* (1741—1816), человекъ пользовавшійся всеобщей любовью и уваженіемъ, въ послѣдствіи избранный въ сельскіе судьи. Другой современный ему, сельскій же поэтъ, выражается о немъ такъ въ стихотвореніи на новый годъ (1736): «Еще я знаю одного Чеха, котораго назову здѣсь прямо по имени: это нашъ *честный Вавакъ*, который уже заслужилъ много похвалъ тѣмъ, что распѣвалъ у насъ какъ птичка веселыя пѣсенки и притомъ *прекрасныя чешскія*». Последнее замѣчаніе, что стихи Вавака отличались еще хорошимъ чешскимъ языкомъ, указываетъ на то, что въ то время это было еще рѣдкостью. И не диво: послѣ Бѣлогорской битвы (1620 г.) уничтожена цѣлая чешская литература и обезсиленъ народность (наро-донаселеніе 3¼ милліоновъ доведено было до 800.000). И литература и языкъ пришли въ страшный упадокъ, но въ концѣ прошлаго столѣтія, къ удивленію многихъ, Чехія начала пробуждаться отъ тяжелаго обморока. Замѣчательнѣйшее стихотвореніе Вавака *Поражка Прушановъ у Колина* (1757 г. 18 іюля). Готфридъ Улихъ фонъ-Ульманъ въ своихъ «воспоминаніяхъ о колинской битвѣ» приводитъ эту пѣсню дословно и удивляется, что поэтъ, самъ пострадавшій отъ этой войны, не дозволилъ себѣ ни одного тривіальнаго выраженія, ни малѣйшаго преувеличенія по поводу описанія; «видно, добавляетъ онъ, что сочинитель не простой поселянинъ.»

Странное явленіе представляетъ поэтъ *Кониксъ*, который импровизировалъ стихи только сидя на лошади и никогда ихъ не записывалъ. Они только тогда становились извѣстны, когда кому-нибудь изъ его спутниковъ удавалось припомнить нѣкоторыя строфы.

Другой импровизаторъ, также никогда не употреблявшій бумаги, пера и чернилъ, былъ *Янъ Роза* (въ началѣ нынѣшняго столѣтія). Онъ былъ взятъ въ солдаты во время французской кампаніи. По окончаніи войны онъ получилъ отпускъ и снова принялся за плугъ, простымъ работникомъ. Его любили всѣ, какъ усерднаго работника, и особенно какъ человека, который всегда былъ веселъ и умѣлъ другихъ развеселить. Особенно любимы были его *плясовые пѣсни*. Танцующее общество мгновенно останавливалось и съ нетерпѣніемъ ожидало, когда онъ, ставъ передъ музыкантами, начиналъ произносить свои мелодіи. Бывъ

въ отпускъ, онъ полюбилъ одну дѣвушку, которая также всѣмъ существомъ предалась ему. Но его снова призвали на войну. Разлука была на вѣки: она въ тотъ же годъ умерла съ горд, онъ убитъ въ сраженіи.

Затѣмъ слѣдуютъ: *Войтъхъ Котера* (род. 1742), *Иозефъ Блага*, *Якубъ Ершенъ*, *Соукупъ* и *Вацлавъ Вауля*. Ихъ стихотворенія на разные случаи: благодарность Іосифу II за освобожденіе крестьянъ; на новый годъ, на коронованіе Фердинанда I; дидактическія: о важности сельскаго сословія, о довольствѣ сельскою жизнью; есть и сатирическія. Последнія удачнѣе всѣхъ другихъ родовъ.

Поэты сословія ремесленниковъ, фабричныхъ: *Янъ Вадцекъ* (октября 1750 г.), сочинитель религіозныхъ стихотвореній, *Вацлавъ Мелезинекъ* (въ концѣ прошедшаго столѣтія) встрѣчавшій стихотвореніемъ почти каждый новый годъ: всѣ они отличаются патріотическимъ характеромъ. Стихотвореніе на 1796 г. онъ заключаетъ такъ: «Насталъ новый годъ! Истинный другъ отечества, я приношу сердечныя мои желанья всѣмъ нашимъ патріотамъ. Желаю всѣмъ счастья и благополучія; глубокой, мирной старости; богатой жатвы, благословенія Божьяго. Да будетъ это удѣломъ каждаго, кто подвизается на пользу Чехіи, для процвѣтанія ея славы. Эта благородная дѣятельность достойна полной признательности. Да сбудутся наши надежды, что, при помощи Божіей, нашъ языкъ снова процвѣтетъ, какъ цвѣтъ прежде. Будемъ ждать этого терпѣливо, какъ гусь дожидается новыхъ колосьевъ, и останемся Чехами, какими были наши славные предки; будемъ любить другъ друга, какъ вѣрные Чехи, и въ особенности хранить чешскій языкъ, согласіе и честность; будемъ вѣрны отечеству и королю. Этого я желаю отъ всего сердца.»

Иозефъ Новакъ, горшечникъ, много странствовавшій по Моравіи и Словенску и имѣвшій особенную привязанность къ этимъ краямъ, которую онъ съ горячимъ сочувствіемъ высказываетъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Его стихотворенія проникнуты наивностью и веселымъ юморомъ, которые онъ умѣлъ сохранить, несмотря на свое бѣдное существованіе.

Совершенная противоположность ему *Антонинъ Ружичка*, стихотворенія котораго полны элегической грусти, глубокаго меланхолическаго настроенія, какого-то пессимистическаго взгляда на жизнь. Этимъ настроеніемъ объясняется его несчастная смерть. Влюбившись, онъ утопился въ пруду. Когда его вытащили, то въ карманѣ нашли два стихотворенія. Не такъ мрачны, но также элегичны пѣсни *Яна Гайка*. Главное достоинство его

стихотвореній составляетъ чистый народный мотивъ. Въ томъ же родѣ *Иозефъ Востражебалъ*, который постоянно поетъ о несчастной любви къ какой-то дочери мельника.

Чехи имѣютъ своего Ганса Сакса. Это сапожникъ *Безина*. Онъ влюбился въ одну дѣвушку и хотѣлъ жениться; но не успѣлъ, потому что его взяли въ солдаты. За солдата родители не хотѣли отдать свою дочь, и просватали ее за другаго. Въ отчаяннѣйшій влюбленный убилъ ее и за то былъ посаженъ въ острогъ, а потомъ повѣшенъ. Другіе разказываютъ, что онъ былъ повѣшенъ за политическое преступленіе. Какъ бы то ни было, но во время заключенія онъ сочинялъ много пѣсень, изъ которыхъ одна: «Гора, гора висока си» сдѣлалась любимую народною пѣсней. Эта пѣсня отличается отъ всѣхъ прочихъ чрезвычайною простотою выраженія и превосходною грустною мелодіей.

Особенно выдается изъ всѣхъ *Франтишекъ Хладекъ*. Родился онъ въ 1829 году въ селѣ Гржедле, недалеко отъ города Раковица. Отецъ его былъ ткачъ; имѣлъ небольшой домикъ; зиму проводилъ за ткацкимъ станкомъ, а лѣтомъ пробавлялся овощною торговлей. Сынъ его Франтишекъ зимой прилежно посѣщалъ школу, а лѣтомъ пасъ коровъ и гусей. Это время онъ считаетъ самымъ счастливымъ въ своей жизни. Вышедши изъ школы, онъ по желанію отца учился ткацкому искусству, хотя это занятіе было ему вовсе не по нраву. Двадцати лѣтъ отправился онъ въ обычное здѣсь странствованіе по разнымъ фабрикамъ. Съ самыми ничтожными средствами, терпя часто голодъ и холодъ, съ разстроеннымъ здоровьемъ, онъ обошелъ всѣ замѣчательные города своего отечества, работалъ у хорошихъ хозяевъ и прилежно слѣдилъ за всѣмъ, что являлось новаго въ его ремеслѣ. Возвратясь домой, онъ уже не засталъ родителей своихъ въ живыхъ, и черезъ нѣсколько времени женился на одной бѣдной доброй дѣвушкѣ. Отъ ткацкаго станка онъ отказался и принялся за токарное искусство, которому очень скоро научился безъ всякой посторонней помощи, и выдѣлывалъ удивительныя вещи. Въ 1855 году онъ переселился въ деревню Сенаматъ, купилъ тамъ домикъ и понынѣ проводитъ тамъ тихую, простую жизнь.

Его стихотворенія помѣщались уже въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ и обратили на себя вниманіе. Онъ обладаетъ особенною пластичностію выраженія, глубокимъ чувствомъ и серіозною мыслию. Языкъ его очень легкій, пріятный, выразительный. Въ стихотвореніяхъ его два мотива: просто лирическій и политическій. Въ послѣднемъ родѣ выражается его любовь

къ отечеству, сильное сочувствіе ко всему, что въ немъ дѣлается.

Превосходны и оригинальны его (до сихъ поръ не бывшія въ печати) *Славянскія элегии*, которыя Вальдау предлагаетъ въ своей книгѣ въ нѣмецкомъ переводѣ. «Онѣ всѣ, говоритъ авторъ, облечены въ форму аллегорій, которая вѣнчаетъ ихъ какимъ-то ореоломъ. При удачномъ выборѣ патріотическаго содержанія, онѣ распоряжаются имъ въ тысячу разъ счастливѣе чѣмъ наши нѣмецкіе новоромантики, которые не милосердо таскаютъ насъ отъ береговъ священнаго Ганга на берега не менѣе священнаго Нила, и сейчасъ же оттуда на Ніагарскій водопадъ; которые заставляютъ насъ странствовать безъ отдыха отъ индѣйской хижины до фарфоровой башни въ Нанкинѣ, носиться на варварійскихъ коняхъ по Сагарѣ и вслѣдъ за тѣмъ перелетаютъ на самыя крайнія оконечности Исландіи, гдѣ угощаютъ насъ настоємъ изъ моху! Отдѣльныя картины въ элегіяхъ Хладка, надѣюсь, не нуждаются ни въ какихъ комментаторахъ. Онѣ прекрасны и привлекательны, хотя не щеголяютъ богатствомъ красокъ и сценъ. Вашъ взглядъ вполне удовлетворенъ и сердце полно, чего не найдешь въ тѣхъ туманныхъ, взятыхъ изъ чужихъ климатовъ картинахъ, которыя представляютъ неясныя воздушныя отраженія при особенномъ освѣщеніи. Что касается наконецъ образа мыслей поэта, то онъ благороденъ и чистъ какъ золото, и презрѣнье тому, кто осмѣлится поднять голосъ противъ него!» Последнее замѣчаніе вырвалось у автора, вѣроятно, вслѣдствіе той мысли, что все, заявляющее о чешской славі, въ нѣкоторой средѣ встрѣчается не только съ негодованіемъ, но и съ бранью. У всѣхъ еще свѣжо въ памяти дѣло *Суда Любушина и Краледворской рукописи*, въ которомъ высказалась сторона, ненавидящая чешскую народность, — сторона, которая какъ стоглазый аргусъ слѣдитъ за каждымъ явленіемъ чешской народной жизни и каждое подобное явленіе старается или опозорить или ввести въ подозрѣніе у правительства. *Славянскія элегии* именно не могутъ быть по вкусу эгимъ друзьямъ чешской народности. Рядомъ съ Хладкомъ можно поставить *Яна Лукаша, Фердинанда Сobotку и Индржиха Говорку*. Стихотворенія двухъ первыхъ проникнуты глубокимъ элегическимъ чувствомъ «не тѣмъ воображаемымъ, въ которое рдятся модные поэты, но истиннымъ, тяжелымъ, выливающимся изъ наболѣвшей души.» Лукашъ былъ часовой мастеръ; слабый здоровьемъ, онъ не вынесъ той трудной жизни, которая выпала ему на долю, и умеръ еще молодымъ въ 1854 году. Къ довершенію всего, хромой и горбатый, онъ былъ чуждъ всѣмъ веселостямъ мо-

лудости, и потому жилъ въ уединеніи, въ своемъ особенномъ духовномъ мірѣ. Сobotка имѣлъ несчастіе на восемнадцатомъ году лишиться зрѣнія; онъ понынѣ живетъ въ отцовскомъ домѣ; единственное утѣшеніе его состоитъ въ томъ, что кто-нибудь изъ братьевъ читаетъ ему стихи, а онъ, прослушавъ ихъ нѣсколько разъ, помнитъ наизусть. Въ то же время онъ сочиняетъ свои пѣсни, которыя записываетъ кто-нибудь изъ слушающихъ. Говорка—фабричный въ Прагѣ. Въ стихотвореніяхъ его постоянно является одухотвореніе природы, апотеоза любви, всемогущество красоты. Тонъ ихъ чисто народный.

Еще слѣдуетъ упомянуть *Франтишка Шелету*. Онъ былъ ткачъ; сначала былъ работникомъ, потомъ, изучивъ свое ремесло, получилъ право на званіе мастера, но бѣдность заставила его обратиться къ поденщинѣ; онъ работалъ на строящейся въ 1859 году желѣзной дорогѣ въ Верхней Австріи. Въ тотъ же годъ осенью онъ возвращался домой, но въ это самое время сгорѣлъ его домъ и въ немъ все, что онъ имѣлъ, а главное книги, которыя онъ собралъ съ большими пожертвованіями и лишеніями. Стихотворенія его религиозныя и помѣщаются теперь въ духовномъ пражскомъ, журналѣ *Благовьсть*.

Въ ряду поэтовъ природы стоитъ также и женщина: *Марья Строупежницкая* въ городѣ Пискѣ. Она дочь небогатыхъ мѣщанъ, получила довольно хорошее элементарное образованіе въ тамошней школѣ; на пятнадцатомъ году лишилась матери и вмѣсто нея получила злую мачиху. Несчастная любовь довершила ея несчастія, и она вся предалась чтенію книгъ. Съ 1848 года она начала писать стихи и съ того времени написала столько, сколько не написали всѣ упомянутые здѣсь поэты въ сложности. Стихотворенія ея очень разнообразны: религиозныя, патріотическія, эротическія, пѣсни, гимны, элегіи, романсы, баллады, дидактическія стихотворенія, юмористическія и т. д. Она писала также въ прозѣ: повѣсти, комедіи и драму. Такой плодovitости конечно содѣйствовало обширное чтеніе книгъ чешскихъ и нѣмецкихъ. Поэтому же во многихъ ея стихотвореніяхъ слышится отголосокъ прочитаннаго; но при всемъ томъ многія изъ ея стихотвореній прекрасны, какъ свѣжіе полевые цвѣты; стихъ звучный и пріятный.

Надѣюсь, не будетъ лишнимъ по крайней мѣрѣ поименовать послѣднихъ менѣе замѣчательныхъ поэтовъ. Вотъ эти имена: *Вацлавъ Планекъ* столяръ, *Янъ Востржебаль* суконщикъ, *Иозефъ Востржебаль* мыловаръ, *Иозефъ Долежилекъ*, *Антония Вилмекъ* и *Янъ Хвальцовскій* мельники, *Якубъ Голейха* кожевникъ, *Иозефъ Адамецъ* рабочій на табачной фабрикѣ, *Франтишекъ Држевииковскій* разнощикъ писемъ, а потомъ наборщикъ въ типографіи, *Иозефъ Бачовскій*.

Лирическая поэзія, въ простѣйшей ея формѣ, въ пѣснѣ, сродна человѣку на всякой степени его развитія; но драма, эта высшая самая развитая и самая трудная форма поэтическихъ произведеній, требуетъ отъ писателя особеннаго таланта, большаго развитія и приготовленія. Поэтому нельзя не удивляться появленію драматурговъ и театра въ селеніяхъ; а у Чеховъ трое сельскихъ драматическихъ писателей.

Первымъ по времени является *Франтишекъ Воцдалекъ* (родился 1755 г., умер. 1845). Сначала онъ былъ портнымъ, потомъ занялся сапожнымъ ремесломъ, а на 55 году своей жизни сталъ каменщикомъ. Въ 1802 году, когда ему случайно попала въ руки Библія, онъ научился читать и писать. Въ 1809 году онъ прибылъ въ Прагу повидаться съ сыномъ, который былъ здѣсь въ военной службѣ, и здѣсь въ первый разъ увидѣлъ театральное представленіе. Театръ ему такъ понравился, что у него явилось желаніе устроить что-нибудь подобное дома, и къ 1811 году, имѣя свободное время только по праздничнымъ днямъ, онъ сочинилъ библейскую драму *Моисей*, которая во все лѣто того года давалась каждое воскресенье крестьянами на зеленомъ лугу подъ открытымъ небомъ. Въ слѣдующее лѣто была готова другая драма: *Товий*; потомъ въ 1813 г. *Давидъ*, и еще нѣсколько не оконченныхъ. Наконецъ имъ сочинена свѣтская драма *Любуша*. Конечно эти драмы напоминаютъ нѣсколько старыя мистеріи, но онѣ все-таки стоятъ много выше мистерій; особенно хороши мѣста лирическія.

Другой, болѣе интересный, извѣстный въ цѣлой Чехіи драматургъ *Иозефъ Конечкій*. Онъ странствовалъ съ маріонетками и сдѣлался любимцемъ народа. Въ то же время онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе и высшаго общества. Его нѣсколько разъ приглашали въ свои замки князья Меттернихъ и Шварценбергъ; въ числѣ зрителей его представленій были русскій императоръ и прусскій король. Въ 1836 году, во время коронаціи императора Фердинанда, по императорскому повелѣнію, онъ прибылъ въ Прагу и давалъ представленія. Его оригинальныя пьесы были: *Разбойники на Маріи-Кульмъ*, *Ольдржихъ и Божено*, *король Адменусъ и принцесса Альцеска* и др. Давалъ также переводныя пьесы: *Фауста* Гете, *Донъ-Жуана*, передѣланнаго изъ моцартовой оперы, и *Фрейшица* и т. д. Самая популярная его пьеса комедія *Панъ Францъ изъ замка*, изъ которой множество стиховъ поютъ понынѣ въ селеніяхъ. Умеръ онъ въ 1854 г.

Третьимъ сельскимъ драматическимъ писателемъ является *Франтишекъ Валухъ* (род. 1811). Его пятиактная драма *Алька* и *Натакаль* въ 1853 г. давалась на пражской сценѣ. Конечно въ этой драмѣ много недостатковъ, неизбѣжныхъ при недостаткѣ

изученія, которое не могъ онъ замѣнить однимъ дарованіемъ. Онъ гораздо счастливѣе въ лирическихъ стихотвореніяхъ.

Наконецъ представителемъ уличной пражской поэзіи является шарманщикъ *Франтишекъ Гейсъ*. Предметами его пѣсень обыкновенно бывають явленія современной жизни: Кринолинь, Пешта, кака-нибудь скандальная исторія и т. п. Эти пѣсни очень любимы у пражскихъ подмастерьевъ, мастеровыхъ, учениковъ, кухарокъ, и даже проникають въ селенія. Последнее явленіе особенно неутѣшительно. Не имѣя никакихъ достоинствъ, они портяють вкусъ народа, развивають любовь къ пошлостямъ и въ то же время вытѣсняють многія прекрасныя народныя пѣсни. Вслѣдствіе легкости сочинять подобныя стихотворенія явилось множество подражателей.

Имѣя въ виду не только предметъ сочиненія, но и самое сочиненіе, мы приведемъ здѣсь заключеніе, въ которомъ авторъ высказываетъ свой приговоръ о цѣлой современной чешской народной поэзіи:

«Ни одинъ знатокъ чешской народной поэзіи не можетъ отказать отъ неутѣшительнаго убѣжденія, что золотые дни ея процвѣтанія, ея живой силы — миновали, и миповали, можетъ-быть, навсегда! Конечно мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы въ чешскомъ народѣ погасла нѣкогда горячая и сильная любовь къ мльню, къ музыкѣ, и чтобы его старыя прекрасныя пѣсни были преданы полному забвенію: нѣтъ, очевидная, необыкновенная склонность къ мелодической пѣснѣ еще и понинѣ не ослабѣла и составляетъ одно изъ лучшихъ свойствъ въ характерѣ чешскаго народа; въ полной силѣ остаются слова ученаго Шафарика: «гдѣ Славянка—тамъ и пѣсня; домъ и дворъ, горы и долины, луга и лѣса, сады и виноградники, все оглашается звуками ея пѣсень.»»

«Но достоинство поэтическое и музыкальное! Какая разница между «прежнимъ» и «теперешнимъ!» О древнѣйшихъ чешскихъ народныхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ многія доносятся къ намъ какъ нѣжныя, таинственные звуки колокола изъ очарованныхъ горныхъ замковъ, когда-то очень удачно выразился чешскій поэтъ и литераторъ историкъ Небескій: «Наши пѣсни—сокровищницы и цвѣтники народа. Въ нихъ складывалъ Чехъ все, что имѣлъ драгоцннѣйшаго, что носилъ въ своей душѣ: цвѣтъ своихъ чувствъ, свои слезы, перлы своихъ радостей, вѣнки и шпы своей жизни; изъ нихъ складывается радуга его тоски, въ нихъ дремлютъ ангелы его молитвъ, изъ нихъ свивалъ онъ вѣнокъ подругѣ сердца, и онѣ же были оружіемъ его героя; въ нихъ все, что ему даровано было на землѣ прекраснаго, рѣдкаго, небснаго, потому что пѣсня—его поэзія.»»

• Можно ли то же сказать о такъ-называемыхъ новѣйшихъ народныхъ пѣсняхъ? Ихъ музыкальное достоинство равно нулю: онѣ заразились подражаніями изъ оперъ Верди, вѣнскихъ куплетовъ и штраусовскихъ вальсовъ. А ихъ поэтическое достоинство? Оно не выше произведеній шарманщика Гейса. Гдѣ вы найдете въ этихъ «новыхъ свѣтскихъ пѣсенкахъ для забавы молодыхъ людей и дѣвицъ» или въ этихъ «нравственныхъ пѣсняхъ для нашихъ скромныхъ юношей и невинныхъ дѣвушекъ» ту внутреннюю задушевность, которая вѣетъ въ нашихъ старыхъ пѣсняхъ, ихъ лукавую остроту, благородную иронию, трогательную наивность и дѣтское простодушіе, чистую восприимчивость ко всему, что такъ веселитъ и возвышаетъ, трогаетъ и потрясаетъ, ту милую грусть, которая тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе хочетъ принудить къ улыбкѣ довольства, тогда какъ въ глазахъ блестятъ слезы? Старый духъ народной поэзіи дѣлается уже дряхлымъ старцемъ и спитъ.

• Если многія изъ древнихъ народныхъ пѣсень по справедливости можно считать драгоценными и не старѣющими историческими памятниками, блестящимъ отраженіемъ народной фязіономіи, пульсомъ и дыханіемъ народнаго духа, пробой и мѣриломъ его культуры, золотымъ ключомъ къ тайникамъ его сердца; то изслѣдователь современной культуры часто вынужденъ жаловаться на возрастающую испорченность нынѣшней сельской молодежи и въ то же время можетъ сказать о пошлыхъ и пустыхъ, полныхъ чувственности и небрежности любовныхъ пѣсняхъ новаго чекана, что онѣ также отъраженіе народной фязіономіи, масштабъ народной жизни. Но что это за отраженіе! Я не хочу осуждать цѣлый чешскій народъ, обвинять его въ испорченности, зная хорошо, что въ этомъ виновата только толпа пѣвцовъ-бродягъ шарманщиковъ и артистовъ; но удивляюсь одному только, какъ эти ничтожества (Nuditäten) осмѣливаются *являться въ печати!* Дурные образцы портятъ нравъ! Народъ больше уже не поэтизируетъ или поэзія его проявляется только въ отдѣльныхъ личностяхъ (какъ мы видѣли въ поэтахъ природы); онъ много утратилъ первобытной наивности, своего веселаго воззрѣнія на міръ, своей умѣренной фантазіи, особенно отъ разрушительныхъ идей 1848 года; онъ утратилъ уже творческую силу и долженъ прибѣгать къ воспроизведенію. Охваченный духомъ новаго движенія, онъ обратилъ свой умъ къ цѣлямъ болѣе практическимъ; онъ уже началъ втягиваться въ политизированіе (politische Kannegiesserei), и нѣкогда блестящій серебромъ, увитый душистыми майскими цвѣтами народныхъ нравовъ и обычаевъ источникъ его чистаго духа, такъ восприимчиваго къ любви и красотахъ природы, къ Богу и оте-

чувству, началъ уже мутиться... Сельскому жителю захотѣлось также принять участіе въ шумной общественной жизни съ ея соблазнительною роскошью, и кроткій, любящій тишину ангель-хранитель народной поэзіи отлетаетъ...»

Все сочиненіе проникнуто теплою привязанностію автора къ избранному имъ предмету, къ поэтамъ природы. То же чувство высказывается вообще къ народной и древне-чешской поэзіи, и это чувство тѣмъ сильнѣе чѣмъ больше онъ приходитъ къ неутишительному убѣжденію, что время процвѣтанія народной поэзіи миновало. Имѣя въ виду главнымъ образомъ естественную народную поэзію, онъ однако часто, говоря исключительно о ней, имѣлъ въ виду всю новую поэзію Чеховъ. Такъ по поводу одного стихотворенія Скалы онъ говоритъ: «Стихотвореніе это не обладаетъ характеромъ элегическаго душевнаго настроенія, не обладаетъ имъ на столько, чтобъ задѣть хоть одну струну сердца. Это искусственное произведеніе разсудка, полное пустаго риторическаго пафоса, а нѣкоторые стихи не болѣе какъ приемованная проза. Стихотвореніе это представляетъ вѣрное отраженіе нашей (чешской) искусственной поэзіи, какою она стала около 1848 г. Исключая четырехъ поэтовъ, которыхъ поистинѣ можно назвать народными, именно: Челяковскаго, Коллара, Эрбена и Махи, почти ни въ комъ мы не видимъ печати свободной творческой силы. Всѣ тогдашнія поэтическія произведенія были или подражанія, или компіляціи изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ или древнеклассическихъ оригиналовъ, а если имѣли нѣкоторый видъ оригинальности, то это относится только къ формѣ, которая заимствована у народной поэзіи. И возможно ли было творчество въ то время, когда литераторы по призванію заняты были войною изъ-за мелочей орфографіи, напримѣръ съ гуситскимъ фанатизмомъ воевали йотисты съ ипсилонистами, или позже, когда старыя корни еи съ глубочайшею скорбію жаловались «на отсутствіе всякаго приличія» за то, что юная Чехія вмѣсто патріархальнаго *ю* приняла болѣе удобное *о*, а вмѣсто *ои* болѣе вѣрное фонетикѣ *ои!* И подъ такими-то условіями должна была процвѣтать искусственная поэзія и становиться на одну степень съ развитою европейскою литературой, какъ того требовало доходящее до крайности чувство народной гордости! Слава Богу, что по крайней мѣрѣ теперь въ Чехіи все измѣнилось къ лучшему!»

Указывая на упадокъ народной поэзіи, авторъ въ то же время указываетъ и на причины этого упадка. Съ одной стороны мелочные споры о грамматикѣ, а съ другой разрушительныя идеи 1848 года,—вотъ, по мнѣнію автора, причины остановившаго процвѣтаніе народной поэзіи. Не думаю, чтобъ авторъ эти

два явленія считалъ единственнымъ дѣтелями въ уничтоженіи поэтическаго творчества чешскаго народа; но и то, что онъ приписываетъ имъ, не оправдывается дѣломъ.

Вся поэтическая дѣятельность Чеховъ отъ начала текущаго столѣтія до 1848 года сосредоточивается въ двухъ фокусахъ, въ Колларѣ и Челяковскомъ. Какъ тотъ, такъ и другой занимались мелочами филологическими, что нисколько не ослабляло ихъ поэтическаго духа. И напротивъ сколько поэтовъ, которые не только никогда не углублялись въ тонкости грамматическія, но и вообще съ грамматикой дружились очень мало, а между тѣмъ произведенія ихъ не имѣютъ достоинствъ поэтическихъ! Съ другой стороны, разрушительныя идеи 1848 г. не помѣшали развернуться поэтическому таланту Эрбена, котораго стихотворенія при высокомъ ихъ поэтическомъ достоинствѣ носятъ на себѣ печать чисто-народнаго духа и по формѣ, и по содержанію. Маха и Камена успѣли также обратить всеобщее вниманіе своею кратковременною, но высокою по достоинству, поэтическою дѣятельностію. Но смерть слишкомъ поторопилась довершить эту дѣятельность, такъ много обѣщавшую. Не убили же разрушительныя идеи 1848 г. поэтическаго духа и въ народѣ, въ представителяхъ его поэческаго творчества, въ поэтахъ природы; этому періоду принадлежатъ имена Хладка, Говорки, Сobotки и др.

Мелочныя филологическія споры въ свое время, когда чешскій письменный языкъ еще не установился, были насущною потребностію: имъ Чехи обязаны своимъ прекраснымъ правописаніемъ, какого не имѣютъ остальные Славяне, да и у другихъ народовъ, не славянскихъ, правописаніе не приведено въ такое согласіе съ выговоромъ, какъ у Чеховъ. Пустыя повидному пренія о буквахъ положили основаніе самой важной части чешской грамматики, фонетики. Еслибы подобныя мелочныя изысканія по старымъ чешскимъ памятникамъ были приложены къ синтаксису, тогда слѣдующія поколѣнія сказали бы величайшее спасибо за эти мелочныя работы. Тогда чешскій языкъ дѣйствительно былъ бы однимъ изъ самыхъ обработанныхъ, чего въ настоящее время мы не можемъ сказать, потому что Чехи, доводя до крайности свой пуризмъ въ отдѣльныхъ словахъ, совершенно не имѣютъ самостоятельнаго синтаксиса.

Что касается до 1848 года, то для Чеховъ онъ не былъ слогою разрушительною: имъ вызванъ снова къ жизни чешскій народъ, коснѣвшій до того времени въ полудремотѣ. Въ тѣхъ идеяхъ, которыя развились съ того времени у Чеховъ, было столько положительнаго, столько силы и тягучести, что одиннадцати лѣтъ самаго утонченнаго гнетенія и искорененія не

могли ни подавить ихъ, ни ослабить. Казалось, что все, чѣмъ жили и двигались въ 1848 г., заглохло; но едва приподнялся немного гнетъ, едва коснулся народа притокъ свѣжаго воздуха, — онъ ужъ ожилъ, воскресъ въ полномъ нетлѣніи, въ томъ самомъ одѣяніи, въ которомъ его похоронили въ несчастную годину, наставшую послѣ 1849 г. Куда вы не взглянете теперь, вы вездѣ видите 48-й годъ. Сходство поразительное! (Я разумію здѣсь однѣ западно-славянскія земли). Современная чешская политика заговорила почти тѣми же фразами, какими говорилъ Гавличекъ; какъ будто мы слышимъ и видимъ тѣхъ самыхъ дѣятелей, какіе были тогда. Да и въ самомъ дѣлѣ многіе изъ дѣятелей 48-го года не сошли еще съ поприща. Нѣкоторые изъ нихъ значительно постарѣли физически, но не утратили ни бодрости духа, ни ясности взгляда. Къ такимъ можемъ отнести исторіографа Палацкаго, который въ прошломъ году издалъ еще одинъ томъ чешской исторіи, произведенія образцоваго, а въ настоящее время принимаетъ самое дѣятельное участіе въ политическомъ движеніи своего народа. Другіе только возмужали, окрѣпли и составляютъ теперь твердую опору Чеховъ; изъ такихъ можемъ назвать Ригра. Наконецъ мы видимъ теперь рядъ молодыхъ дѣятелей, которые вступили въ общественную жизнь въ то время; они вполнѣ дѣти 48-го года! Между молодыми политическими дѣятелями не можемъ особенно не указать на доктора правъ Шимачка, извѣстнаго большинству подъ псевдонимомъ Бѣлака издателя *Пражскаго Посла* и сотрудника *Народныхъ Листовъ*.

Однимъ словомъ, политическая и общественная жизнь Чеховъ можетъ считать 48-й годъ годомъ своего возрожденія.

Въ литературѣ съ того времени, правда, мы замѣчаемъ нѣкоторую заминку. Но причина этого заключается въ устраненіи чешскаго народа отъ общественной дѣятельности, въ той централизаціи, которая не давала проявиться свободной дѣятельности народа. И едва лопнуло нѣсколько звеньевъ въ этой системѣ, дѣятельность ожила. Чешскія школы усиливаются съ каждымъ днемъ, и готовятъ новыхъ дѣятелей; въ литературѣ также безпрестанно являютя новыя силы, правда, еще слишкомъ молодыя, но съ несомнѣнными признаками дарованій; безпрестанное возникновеніе новыхъ журналовъ — очевидное свидѣтельство новыхъ общественныхъ потребностей и литературныхъ силъ. И все это стало именно съ того времени, какъ по чешской землѣ снова пронеслось имя Гавличка Боровскаго, а съ нимъ воскресли всѣ воспоминанія 1848 года.

Г. Ярешичъ жалуется, что съ того времени замолкла чешская муза, но вѣдь это была вообще пора оцѣптыванія чешскаго на-

рода. Ожилъ народъ, оживеть съ нимъ вмѣстѣ и поэзія. Для процвѣтанія поэзіи неперемѣнное условіе — народная жизнь, со всею ея національною объективною. Поэтому отсутствіе поэзіи было необходимымъ слѣдствіемъ тогдашняго состоянія народной жизни.

Припоминая двухсотлѣтнее подвижничество австрійскаго правительства въ уничтоженіи чешской народности, нельзя не дивиться, какъ могла оеа сохраниться по сю пору. Смотри на постоянное отмечиваніе такъ-называемаго образованнаго класса Чеховъ, невольно удивляешься, откуда они брали силъ для своей литературы, и какъ эта литература все еще не утонула въ нѣмецкой литературѣ, которая втирается всюду на счетъ народной. Усилія отдѣльныхъ личностей и даже обществъ въ этомъ отношеніи слишкомъ слабыя подпорки. Для этого нужно, чтобъ оторванныя отъ цѣлаго, единичныя силы, получали постоянное подкрѣпленіе изъ сильнаго резерва, какимъ можетъ быть только цѣлый народъ. Дѣйствительно, чешская народность обязана своимъ спасеніемъ народу, въ тѣсномъ значеніи этого слова, — сельскому населенію.

Приводимъ здѣсь слова одного изъ лучшихъ знатоковъ чешскаго народа и чешскаго края, директора Писецкой реальной гимназіи, Крейчега. Въ одной статьѣ подъ названіемъ *Нашъ сельскій народъ*¹, онъ выражается такъ: «Что въ Чехахъ и на Моравіи осталось народнымъ, то сдѣлалось единственною памятью сельскаго сословія. Дворянство, потерявъ отчасти значеніе высшаго народнаго сословія, утратило тѣмъ свой перевѣсъ въ народѣ, и разсыпанное, наперекоръ своей естественной родовой связи, гоняется за призраками своихъ особенныхъ интересовъ; мѣщанинъ, хотя происходитъ еще отъ здороваго, способнаго давать молодые побѣги корня, однако вслѣдствіе торговыхъ и промышленныхъ сношеній совершенно сгладилъ свой народный типъ. Только поселанинъ остается чистымъ потомкомъ своихъ праотцевъ. Болѣе всего мы должны быть благодарны этому сословію за сохраненіе народнаго нашего языка. Поселанинъ, благодаря Бога, сохранилъ намъ тотъ же прекрасный синтаксисъ, которымъ выражали свои глубокія мысли Штатный и Хелчицкій, тотъ же благозвучный стихъ, которымъ Люмиръ потрясалъ Вышеградъ.» Въ сельскомъ населеніи сохранились корни чешской народности, которые постоянно выгоняютъ новые здоровые побѣги, растающіе иногда въ роскошныя вѣтви. Всѣ передовые люди

¹ Статья эта помѣщена въ Альманахѣ *Май* за 1850 г., и подписана псевдонимомъ *Прокopf Рудной*.

Чеховъ со времени ихъ возрожденія произошли большою частію изъ простыхъ поселянъ или изъ мѣщанъ. Вотъ почему первая забота этихъ передовыхъ людей о своемъ народѣ, вотъ почему сельскій людъ у Чеховъ такъ же развитъ, что можетъ участвовать въ движеніи своихъ верхнихъ слоевъ и идти сознательно къ указываемой ему цѣли. Эта кровная, неразрывная связь чешской интеллигенціи съ сельскимъ населеніемъ, непосредственное общеніе между образованнымъ горожаниномъ и простымъ селяниномъ, разрѣшаетъ вопросъ, какимъ образомъ могла еще уцѣлѣть чешская народность. По мѣрѣ того, какъ передовые ряды Чеховъ рѣдѣли, изъ этого здороваго, сильнаго источника прибывали постоянно новыя, свѣжія силы и поддерживали бой съ враждебнымъ имъ элементомъ нѣмецко-бюрократическимъ. Не будь этой связи, вѣрно уже не существовало бы ни чешской литературы, ни чешскаго народа.

Послѣ этого становится понятнымъ, почему Чехи ни о чемъ столько не хлопочутъ, какъ объ устройствѣ школъ, о введеніи въ нихъ чешскаго языка. Безъ этого условія невозможно развитіе народа, а въ народѣ вся ихъ сила, всѣ ихъ надежды и будущность.

Вотъ почему посягательство на народный языкъ въ школахъ оскорбляетъ ихъ сильнѣе нежели лишеніе свободы. Благодаря этой заботливости, каждое чешское селеніе получаетъ газеты, читаетъ ихъ и обсуживаетъ всѣ современные, касающіеся его интересовъ вопросы. Во многихъ селеніяхъ устроены общества для чтенія. И все это достигается только тѣмъ, что въ каждомъ селеніи существуетъ школа. Получивъ школы, чешскій народъ сталъ на такой уровень, что въ состояніи понимать своихъ политическихъ вождей, съ которыми рука въ руку идетъ тихо, но неуклонно къ своей цѣли, къ возможному гражданскому благосостоянію на основаніи самопознанія и самоуправления.

Еще разъ обратимся къ поэтамъ самоукамъ. Тридцать семь именъ, приведенныхъ въ сочиненіи Яроша, не представляютъ еще всѣхъ поэтовъ самоуковъ. Многіе изъ нихъ можетъ-быть навсегда останутся неизвѣстными; а многіе стали извѣстны въ недавнее время, по выходѣ его сочиненія. Какое значеніе имѣютъ они въ исторіи литературы? Это простые поселяне, работники, фабричные, бѣдные мѣщане, немѣющіе средствъ къ высшему образованію, воспользовавшіеся только тѣмъ, что могла дать имъ сельская или низшая городская школа; это просто грамотные люди, которые собственными усиліями, чтеніемъ, достигли нѣкотораго образованія, а природныя дарованія подняли ихъ на степенъ поэтовъ. Произведенія ихъ по формѣ, боль-

шею частію, близки къ простой пѣснѣ, но кругъ понятій уже шире; обнаруженіе высшихъ тенденцій ставитъ ихъ произведенія выше простой пѣсни. Это такого рода люди, изъ среды которыхъ выходятъ Юнгманъ, Шафарикъ, Колларъ, Челаковскіе, Палацкіе, Ганки...

П. РОВИНСКІЙ.

Полное собраніе сочиненій Маколея. Томъ II. Изданіе Николая Тиблена. С.-Петербургъ, 1861 года.

Второй томъ критическихъ и историческихъ опытовъ Маколея, вышедшій въ русскомъ переводѣ, содержитъ въ себѣ нѣкоторые изъ лучшихъ *essays* великаго писателя, и вообще чрезвычайно богатъ интересомъ. Статьи о Борлетѣ, о Гамденѣ, о Мекинтошѣ, о войнѣ за испанское наслѣдство, о Горасѣ Вальполѣ и Вилліамѣ Питтѣ представляютъ, вмѣстѣ взятая, замѣчательный очеркъ главнѣйшихъ эпохъ англійской исторіи съ половины XVI до половины XVIII вѣка. Статья о Мирабо знакомитъ насъ со взглядомъ Маколея на французскую революцію 1789 года. Одна только статья о Дж. Боніанѣ имѣетъ болѣе мѣстный нежели общій интересъ. «Путешествіе странника (The pilgrim's progress)» какъ нельзя болѣе популярно въ Англій, но мало извѣстно на материкѣ Европы. При такомъ разнообразіи предметовъ, мы не можемъ войти въ подробный разборъ всѣхъ *essays* второго тома. Мы остановимся только на тѣхъ статьяхъ, которыя относятся къ эпохѣ Анны и Георговъ. Онѣ составляютъ какъ бы дополненіе къ *Исторіи* Маколея, останавливающейся при самомъ вступленіи въ XVIII столѣтіе.

Лордъ Магонъ (нынѣ графъ Стенгопъ) авторъ разбираемой Маколеемъ исторіи войны за Испанское наслѣдство, занимаетъ почетное мѣсто между современными англійскими историками. Его *Исторія Англій съ 1815 по 1783 годъ* (History of England from the peace of Utrecht to the peace of Versailles) имѣетъ несомнѣнныя достоинства и читается съ удовольствіемъ даже послѣ исторіи Маколея. Онъ не всегда умѣетъ отличать важное отъ неважнаго, существенное отъ несущественнаго; онъ даетъ слишкомъ много мѣста войнѣ и дипломатическимъ сношеніямъ ⁽¹⁾.

(1) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самое заглавіе его исторіи. Не странно ли вести исторію страны отъ мира до мира, какъ будто бы окончаніе войны всегда составляетъ эпоху въ народной жизни?

слишкомъ мало—внутренней жизни народа; онъ отводитъ наукъ, литературѣ, религіозному движенію тѣ скудыя, короткія главы, которыми ограничивались, какъ бы для еячисти совѣсти, исторіи старой школы; разказу его не достаетъ движенія и жизни: но оцѣнка событій большею частію полна и оригинальна, рго и contra спорныхъ вопросовъ изложены довольно безпристрастно, характеры очерчены очень хорошо. Последнее только-что вышедшее и еще неоконченное сочиненіе его, *Life of William Pitt*, судя по отзывамъ Англійскихъ газетъ стоитъ еще выше предыдущихъ. *Times* прямо отдаетъ ему предпочтеніе передъ статью Маколей о Питтѣ (младшемъ). Какъ человекъ партіи Лордъ Магонъ отличается болѣе вѣрностью своимъ политическимъ симпатіямъ нежели искусствомъ въ защитѣ ихъ. Онъ такой же ревностный тори, какъ Маколей—ревностный вигъ. Но одинаковая сила убѣжденій не всегда предполагаетъ одинаковую глубину и логичность ихъ. Маколей былъ вигомъ, потому что сочувствовалъ основной идеѣ вигизма. Онъ былъ защитникомъ протестантскаго престолонаслѣдія вмѣстѣ съ вигами 1714 г., противникомъ *королевскихъ друзей* (the king's friends) вмѣстѣ съ вигами 1765 года, проводникомъ парламентской реформы вмѣстѣ съ вигами 1832 г. Стремленія, цѣли вигской партіи могли измѣняться, но не измѣнялось ея относительное значеніе, не измѣнялось мѣсто, которое она занимала посреди народа. Маколей совершенно логично могъ защищать прошедшее вигской партіи, оставался вѣрнымъ ея настоящему. Положеніе лорда Магона совсѣмъ другое. Членъ торійской партіи, онъ исполненъ безусловнаго уваженія къ существующимъ формамъ и не считаетъ нужнымъ дальнѣйшее развитіе ихъ. Онъ противился реформѣ 1832 г., противился, если не ошибаемся, и эманципациі католиковъ. *Исторія* его наполнена навными и часто неумѣстными сожалѣніями о гнилыхъ бургахъ (rotten boroughs). Но съ другой стороны, самый консерватизмъ его располагаетъ его противъ торіевъ XVIII столѣтія. Они препятствовали установленію той системы, которой такъ слѣпо поклоняется лордъ Магонъ; они подвергали опасности національную церковь, которую онъ такъ ревниво защищаетъ отъ вліянія папизма. Отсюда неизбежное противорѣчіе во взглядахъ лорда Магона. Онъ возстаетъ противъ торіевъ 1814 г., забывая что отъ нихъ преемственно происходятъ современные торіи.

Потомокъ генерала Стенгопа, одного изъ вождей вигской партіи въ царствованіе королевы Анны и Георга I, потомокъ, дорожащій славою предка, лордъ Магонъ не могъ не увлечься образомъ мыслей, позволявшимъ ему согласить свои личныя убѣжденія съ наследственными мнѣніями своей фамиліи. Въ *Исторіи войны за испанское наслѣдство* онъ прямо высказалъ ту мысль,

что современный торн исходитъ на вигу врекънъ королевы Анны, а торн-время королевы Анны на современного вигу. Маколей не могъ оставить безъ возраженія этотъ соежмъ. Соглашаясь съ первую частью положенія лорда Магона, допуская, что непрерывность историческаго развитія сближаетъ консерваторовъ одного вѣка съ либералами предшествующаго столѣтїа, Маколей старается доказать, что между современными вигами и торїями 1714 г. нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Магонъ не убѣдился доводами Маколей и въ слѣдующемъ сочиненїи своежъ (*Исторїа Англїи съ 1713 по 1783 г.*) съ большею еще подробностью развилъ свою прежнюю мысль. Торн-время королевы Анны, говоритъ онъ, противились справедливой и славной войнѣ съ Франціей. Политика ихъ въ отношенїи къ Франціи была уступчива и льстива. Они не любили Голландцевъ, этихъ давнишнихъ союзниковъ Англїи. Они были враждебно расположены къ величайшему полководцу своего времени. Они склонялись на сторону англїйскихъ католиковъ и были поддерживаемы ими на выборахъ. Они старались отмѣнить протекціонныя пошлины и ограниченїя торговли. Они опирались на партїю, девизомъ которой было отдѣленїе Шотландїи отъ Англїи. Чтобы провести свои виды въ палатѣ лордовъ, они прибѣгли къ назначенїю цѣлой массы новыхъ перовъ. Они выбрали моментъ величайшаго возбужденїа народныхъ страстей, чтобы распусить палату общинъ. Съ другой стороны, виги королевы Анны поддерживали войну, ознаменовавшуюся такими побѣдами, какъ Ромильи и Бленгеймъ. Предводителемъ ихъ былъ великій человекъ, одержавшїй эти побѣды. Они защищали старыя принципы торговли. Они подняли крикъ противъ папизма (No popery). Они сообразовали всю свою дѣятельность съ началами 1688-го года. Они громко возставали противъ сближенїа съ Франціей, противъ разрыва съ давнишними союзниками, противъ насильственнаго измѣненїа большинства въ палатѣ лордовъ. Можно ли послѣ того сомнѣваться, такъ заключаетъ лордъ Магонъ, что при вступленїи на престолъ Вильгельма IV (въ 1830 г.), Гарлей и Сентъ-Джонъ считались бы вигами, Сомерсъ и Стенгопъ торїями?

Трудно представить себѣ что-нибудь страннѣе, этихъ доводовъ лорда Магона. Увлекаясь внѣшнимъ, случайнымъ сходствомъ, лордъ Магонъ не видитъ, не хочетъ видѣть внутренняго, существеннаго различїа предметовъ. «Современные виги, говоритъ Маколей (статья его написана въ 1852 г.) желяють, подобно торїямъ 1712 г., мира и тѣснаго соединенїа съ Франціей, но развѣ нѣтъ никакой разницы между Франціей 1712-го и Франціей 1832 г.? Развѣ Франція теперь подпора папской тираннїи и деспотической власти, противъ которыхъ

сражались и молились наши предки? Торіи, при королевѣ Аннѣ, были противниками Мальборо; виги, при Вильгельмѣ IV, противниками Веллингтона: но что же доказываетъ эта случайная аналогія? Притомъ, аналогія вовсе не такъ велика, какъ кажется съ перваго взгляда. Виги 1832 г. не стѣснили военной дѣятельности Веллингтона, не посылали на его мѣсто неспособнаго генерала, не жертвовали успѣхомъ англійскаго оружія изъ-за отдѣльныхъ интересовъ своей партіи. Они видѣли въ Веллингтонѣ не великаго полководца, а перваго министра или лидера оппозиціи, враждебнаго парламентской реформѣ. Торіи 1711 г. остановили военную дѣятельность Мальборо въ то время, когда она была всего полезнѣе для государства; они замѣнили его бездарнымъ Ормондомъ, они испортили дѣло, такъ хорошо начатое восьмилѣтними побѣдами Мальборо и Евгенія. Торіи, при королевѣ Аннѣ, замѣнили Голландцамъ, вѣрнымъ союзникамъ Англій: то же самое, по мнѣнію Магона, сдѣлали и виги тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Въ чемъ же заключается эта послѣдняя измѣна? Въ покровительствѣ, оказанномъ бельгійской революціи? Но вѣдь торіи временъ королевы Анны не отличались, кажется, особеннымъ сочувствіемъ къ угнетеннымъ національностямъ. Вспомнимъ образъ дѣйствій ихъ въ отношеніи къ Каталонцамъ. Гдѣ же тутъ сходство, предполагаемое лордомъ Магономъ? Въ началѣ XVIII-го вѣка, въ пользу католиковъ были расположены торіи, въ 1832 г. виги; но расположеніе первыхъ было послѣдствіемъ слѣпаго пристрастія къ якобитизму, расположеніе вторыхъ послѣдствіемъ сознательной, разумной вѣротерпимости. Въ полноправности католиковъ, какъ и въ парламентской реформѣ, лордъ Магонъ видитъ нарушеніе принциповъ 1688-го года. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: виги временъ Вильгельма и Анны конечно были истинными представителями принциповъ 1688-го года; но они противились допущенію католиковъ къ общественнымъ должностямъ, и не помышляли объ измѣненіи избирательной системы; слѣдовательно, всякое отступленіе отъ этой политики есть отступленіе отъ принциповъ 1688-го года. Дальше не можетъ идти теорія исторической неподвижности. Переворотъ 1688-го года благодѣтеленъ не только тѣмъ, что онъ непосредственно доставилъ Англій, но и тѣмъ, что онъ далъ ей возможность сдѣлать въ послѣдствіи. Ограничивать этотъ переворотъ его ближайшими результатами, значить унижать, искажать его значеніе. Ссылаться на своихъ предшественниковъ и останавливаться на томъ, что они сдѣлали, значить отрицать законъ движенія и прогресса. Суевѣрное поклоненіе прежнимъ преобразователямъ исключаетъ возможность новыхъ преобразованій. Съ точки зрѣнія лорда Магона можно было бы, по остроумному вы-

раженію Маколей (въ статьѣ о Макинтошѣ), «воспротивиться революціи 1688 года, потому что Ридли и Крамеръ исповѣдывали неограниченное повиновеніе королевской прерогативѣ, воспротивиться реформаціи, потому что Фицвальтеры и Маршалы, печати которыхъ приложены къ Великой Хартіи, были искренними приверженцами римской церкви». Современныя торіи точнѣе выговъ соблюдаютъ *букву* принциповъ 1688 года, но кто изъ нихъ вѣрнѣе *смыслу*, *духу* этихъ принциповъ?—Далѣе, министерство Гарлея и Болинброка дѣйствительно наполнило палату лордовъ своими креатурами; министерство лорда Грея только угрожало ей назначеніемъ новыхъ перовъ. Положимъ, что и угроза въ подобномъ случаѣ есть мѣра чрезвычайная; но развѣ она не оправдывалась обстоятельствами? развѣ упорное сопротивленіе палаты лордовъ не могло повести къ гибельному столкновенію между государственными властями? Намѣреніе лорда Грея было также естественно, также законно, какъ недавняя мѣра короля Вильгельма I, въ отношеніи къ прусской верхней палатѣ,—мѣра, по всей вѣроятности, не осуждаемая и англійскими торіями. Выги 1831 года, подобно торіямъ 1710 г., распустили палату общинъ въ моментъ величайшаго народнаго броженія; но палата общинъ рѣдко распускается въ совершенно спокойное время; поводомъ къ распущенію почти всегда бываетъ вопросъ, волнующій умы и сильно раздѣляющій партіи. Вопросъ, стоявшій на очереди въ 1831 году, былъ вопросомъ первостепенной важности; не удивительно, что и волненіе превзошло свои обыкновенныя размѣры.

Лордъ Магонъ, въ *Исторіи войны за испанское наслѣдство*, сильно осуждаетъ утрехтскій миръ, заключенный Гарлеемъ и Болинбромомъ. Маколей возражаетъ лорду Магону, становясь въ этомъ случаѣ на сторону торіевъ противъ выговъ. Онъ доказываетъ, что главныя опасности, которыхъ можно было ожидать отъ мира, тѣсный союзъ между Франціей и Испаніей, и соединеніе въ одномъ лицѣ коронъ французской и испанской,—не могли и не должны были препятствовать прекращенію военныхъ дѣйствій. Родственные отношенія государей не представляютъ прочнаго ручательства въ согласіи между государствами, и соединеніе Франціи съ Испаніей было бы предупреждено національною гордою послѣдней. Соглашаясь съ этими аргументами, мы не можемъ однако придти къ тому заключенію, которое извлекаетъ изъ нихъ Маколей. Молчаніе мирнаго трактата о Каталонцахъ составляетъ само по себѣ такой недостатокъ, при которомъ меркнутъ всѣ достоинства его. Оградить свободу и безопасность Каталоніи, возставшей въ пользу союзниковъ, было священною обязанностью англійскаго министерства, обязанностью,

исполненіе которой, безъ сомнѣнія, не воспрепятствовало бы успѣху мирныхъ переговоровъ. Въ войнѣ между Испаніей и Франціей, окончившейся пиринейскимъ миромъ, Каталонцы сражались на сторонѣ Французовъ. Пиринейскій миръ выговорилъ неприкосновенность правъ и преимуществъ Каталоніи, и это обязательство не было нарушено Испаніей. Итакъ, министры свободной страны поступили менѣ либерально нежели деспотическое правительство Мазарини и Лудовика XIV. Далѣе, припомнимъ обстоятельства, предшествовавшія утрехтскому миру. Еслибы Мальборо не былъ замѣщенъ Ормондомъ: еслибы инструкціи, данныя Ормонду, не лишили принца Евгенія содѣйствія англійскихъ войскъ; еслибы этотъ разладъ между союзниками не доставилъ Виллару побѣды при Дененѣ; еслибы англійское министерство не выказывало своего желанія достигнуть мира во чтѣ бы то ни стало: то условія мира, безъ сомнѣнія, были бы почетнѣе и выгоднѣе для Англии, для всей Европы. Миротлюбивое рѣшеніе торіевъ, какъ справедливо утверждаетъ Маколей, было благотѣльно для государства: но рѣшеніе это могло быть приведено въ исполненіе другими, лучшими средствами. Политика министерства—его предупредительность къ версальскому кабинету, его тайныя соглашенія съ Франціей въ ущербъ союзникамъ,—можетъ быть объяснена только якобитскими замыслами Болинброка, двуличностью, слабостью Оксфорда. Самъ Болинброкъ сознавался въ послѣдствіи времени, что утрехтскій миръ не соответствовалъ ни успѣхамъ англійскаго оружія, ни пожертвованіямъ, которыхъ стоила Англии война. Франція не сдѣлала даже тѣхъ уступокъ, которыя сама предлагала за три года предъ тѣмъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Торси, справедливо называлъ утрехтскій миръ счастливымъ, почетнымъ, выгоднымъ для Франціи. При большей настойчивости со стороны англійскаго министерства, Лудовикъ XIV неизбѣжно долженъ былъ поплатиться нѣкоторыми изъ своихъ завоеваній—плодомъ его беззаконныхъ войнъ и еще болѣе беззаконныхъ камеръ присоединенія.

Статья о Горасѣ Вальполѣ, кромѣ блестящей оцѣнки этого поверхностнаго, легкомысленнаго, остроумнаго представителя англійской аристократіи XVIII вѣка, заключаетъ въ себѣ характеристику Роберта Вальполя и его эпохи. Главныя черты этой характеристики переданы г. Вышинскимъ въ лекціяхъ его объ Англии XVIII столѣтія. Сужденіе Маколея о Робертѣ Вальполѣ кажется намъ слишкомъ снисходительнымъ. Онъ не скрываетъ недостатковъ Вальполя, сообщаетъ данныя, могущія служить къ его обвиненію, но не выводитъ изъ нихъ рѣшительнаго приговора. Притомъ въ статьѣ Маколея мы видимъ не всего Валь-

поля: мы видимъ его какъ министра, но не какъ члена оппозиціи. Г. Вызинскій также упоминаетъ только вскользь объ этой сторонѣ дѣятельности сэръ-Роберта. Между тѣмъ безъ нея невозможна полная характеристика Вальполя. Въ 1717 году, вслѣдствіе личныхъ неудовольствій между вигскими министрами Георга I, часть министерства вышла въ отставку, въ томъ числѣ Тауншендъ и Вальполь, бывший уже первымъ лордомъ казначейства. Во главѣ министерства стали Стенгопъ и Сендерландъ, ревностные виги, бывшіе товарищи Тауншенда и Вальполя. Политика правительства не переизмѣнилась; взаимное отношеніе партій осталось то же самое. Чтобы стать въ оппозицію, Вальполь долженъ былъ отречься отъ своего прежняго образа дѣйствій, измѣнить своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Онъ не остановился передъ этою трудностью, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало возвратиться въ министерство, и для достиженія этой цѣли не отступалъ ни передъ какими средствами. Онъ рѣшился доказать министрамъ, что его выгоднѣе имѣть союзникомъ нежели противникомъ. Онъ сдѣлался защитникомъ Schism Act (законъ, ограничивавшій права диссидентовъ), которому такъ горячо сопротивлялся во времена Болинброва; онъ возсталъ противъ постоянной арміи, хотя странѣ угрожала опасность,—и междоусобная война, и непріятельское вторженіе; онъ содѣйствовалъ оправданію Оксфорда, котораго за два года передъ тѣмъ обвинялъ въ государственной измѣнѣ; онъ соединился съ якобитами, съ злѣйшими врагами протестантской династіи. По справедливому замѣчанію лорда Магона, парламентскія лѣтописи Англіи не представляютъ другаго примѣра такой противоестественной коалиціи. Фоксъ, вступая въ союзъ съ лордомъ Нортонъ, дѣйствовалъ не изъ однихъ только личныхъ видовъ; онъ хотѣлъ упрочить торжество виговъ, сломить партію королевскихъ друзей, ограничить вышательство короля въ дѣла управленія; Вальполь съ возвращеніемъ своимъ къ власти не соединялъ никакой общей идеи, никакого государственнаго интереса. Фоксъ подчинилъ лорда Норта своей политикѣ; Вальполь подчинился политикѣ якобитовъ. Если, при всемъ томъ, коалиція 1783 года составляетъ самую темную сторону дѣятельности Фокса, что же должно сказать о коалиціи Вальполя съ Шиппенонъ и Виндгамомъ? Но это еще не все. Оппозиція Вальполя, продолжавшаяся около трехъ лѣтъ, была неуспѣшна; министерство Стенгопа и Сендерланда сохранило большинство въ палатѣ общинъ и расположеніе короля Георга. Потерявъ надежду на побѣду, Вальполь прибѣгнулъ къ компромиссу, и принялъ отъ своихъ противниковъ второстепенное мѣсто въ министерствѣ. Три года тому назадъ первый лордъ казначейства, онъ удовольствовался теперь скромнымъ постомъ военнаго казначея

(Paymaster of the forces), не дававшимъ ему даже голоса въ кабинетъ. Стеченіе неожиданныхъ обстоятельствъ,—коммерческій кризисъ, смерть Стенгопа и Сендерланда,—возвело Вальпола на степень перваго министра. Готовый на все для пріобрѣтенія власти, онъ точно также былъ готовъ на все для удержанія ея. Не будемъ говорить о томъ, какъ онъ удалялъ изъ министерства всѣхъ людей сколько-нибудь замѣчательныхъ по уму и дарованіямъ — Пельтнея, Картерета, Тауншенда, Честерфильда; какъ онъ окружалъ себя ничтожествами въ родѣ Ньюкасса и Гаррингтона; какъ онъ предпринялъ войну, противную его убѣжденіямъ; какъ онъ согласился быть орудіемъ оппозиціи, лишь бы только сохранить вѣншіе признаки власти. Все это прекрасно изложено и Маколеемъ и вслѣдъ за нимъ г. Вышинскимъ. Остановимся только на двухъ чертахъ администраціи Вальпола: на его упорномъ консерватизмѣ и на парламентскихъ подкупахъ. «Одно изъ правилъ Вальпола», говоритъ Маколей, «было *quieta non movere*¹. Это правило человѣка, который болѣе заботился о томъ, чтобы долго удержать за собою власть нежели о томъ, чтобы хорошо употребить ее. Ни одна великая мѣра, ни одна важная переменна, къ лучшему или къ худшему, въ какой бы то ни было части англійскихъ учрежденій, не отмѣчаетъ двадцатилѣтняго періода его власти. И это было не потому, чтобъ онъ не сознавалъ, что многія переменны были весьма желательны.» Въ доказательство этой послѣдней мысли Маколей приводитъ образъ дѣйствій Вальпола относительно диссидентовъ и горныхъ Шотландцевъ. Воспитанный въ школѣ религіозной терпимости, онъ ничѣмъ не облегчилъ положенія диссидентовъ и подалъ голосъ противъ мѣры, предложенной въ ихъ пользу оппозиціей. Сознывая опасность, которою угрожали правительству шотландскіе кланы, онъ ничего не сдѣлалъ для устранения этой опасности, потому что въ его время горы были довольно спокойны. «Онъ довольствовался удовлетвореніемъ временныхъ потребностей временными средствами, и оставлялъ все прочее своимъ преемникамъ.» Министерство Тауншенда, посреди борьбы съ якобитами, провело такъ-называемый *Septennial Bill*; министерство Стенгопа и Сендерланда, несмотря на войну съ Испаніей, уничтожило *Schism Act*, пыталось ограничить королевскую прерогативу относительно назначенія новыхъ перовъ, готовилось смягчить уголовные законы противъ католиковъ и отмѣнить *Test-Act* для протестантскихъ диссидентовъ. Министерство Вальпола не сдѣлало и даже не пыталось сдѣлать ничего подобнаго. Этотъ холодный, раз-

¹ Не двигать того, что находится въ покоѣ;—а не «не нарушать покоя», какъ неправильно переведено въ изданіи г. Тиблена.

четливый консерватизмъ кажется намъ въ высшей степени возмутительнымъ. Можно, пожалуй, оправдать государственнаго челоука, суевѣрно преданнаго существующимъ учреждениямъ, убѣжденнаго въ ихъ безусловномъ совершенствѣ и ревниво охраняющаго ихъ отъ всякаго взмѣненія; можно оправдать министра, отвлекаемаго отъ преобразованій работами внѣшней политики или внутренними междуособіями, но Вальполь не подходитъ ни подъ то, ни подъ другое оправданіе. Онъ видѣлъ необходимость реформъ и имѣлъ полную возможность привести ихъ въ исполненіе. Въ Европѣ царствовалъ глубочайшій миръ, внутри страны—спокойствіе. Но реформы могли раздробить правительственную партію, уменьшить число приверженцевъ Вальполя, выставить на видъ умственное превосходство оппозиціи, однимъ словомъ, повести къ перемѣнѣ министерства. Чтобы удержать за собою власть, Вальполь обрекъ ее на совершенное бездѣйствіе. Выгъ только по имени, онъ сдѣлался торіемъ въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова. Все живое, движущееся было изгнано изъ правительственной сферы. Вальполю ставятъ въ заслугу его добродушіе, его гуманность, почти безпримѣрную до тѣхъ поръ въ исторіи Англіи. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ; мы удивляемся гуманности только тогда, когда всгрѣчаемъ ее рядомъ съ глубокими убѣжденіями. Мы удивляемся умѣренности Вильгельма III, вся жизнь котораго была страстнымъ стремленіемъ къ высокой цѣли; но мы не считаемъ достоинствомъ умѣренность Вальполя, потому что она была послѣдствіемъ политической распущенности, политическаго индифферентизма. Вальполь дорожилъ только своимъ личнымъ значеніемъ, и когда это значеніе подвергалось опасности, то умѣренность Вальполя скоро уступала мѣсто совершенно противоположному чувству. Припомнимъ его яростныя выходки противъ Болинброка, когда послѣдній старался опрокинуть министерство. Снисходительность Вальполя къ враждебнымъ партіямъ происходила изъ того же нечистаго источника, какъ и нерасположеніе его къ реформамъ. Еще прежде Лудовика XV, Вальполь могъ воскликнуть: *Après moi le déluge.*

Переходимъ теперь къ парламентскимъ подкупамъ, которые всего чаще и всего сильнѣе ставились въ упрекъ Вальполю. Маколей оправдываетъ ихъ почти безусловно, съ точки зрѣнія исторической необходимости. Парламентъ, освободившійся отъ ответственности передъ короной, не подчинился еще ответственности передъ общественнымъ мнѣніемъ. Всомогущество палаты общинъ не знало предѣловъ. «Правительство», говоритъ Маколей, «не могло существовать, если парламентъ не былъ удерживаемъ въ порядкѣ. Но какимъ образомъ можно было

удержать парламентъ въ порядкѣ? Большая часть членовъ не имѣла другой побудительной причины поддерживать какое бы то ни было правительство, кромѣ собственнаго интереса, въ самомъ низкомъ значеніи этого слова. При такихъ обстоятельствахъ страна могла быть управляема только посредствомъ подкуповъ.» Во времена Вальполя необходимость подкуповъ была въ особенности настоятельна. «Вальполь», говоритъ господинъ Вышинскій, «не могъ положиться на націю. Большинство націи стояло на сторонѣ торіевъ и якобитовъ, на сторонѣ стараго порядка вещей. Вальполю необходимо было имѣть въ палатѣ вѣрную и преданную фалангу, которая бы поддерживала всѣ его мѣры. Отъ этого зависѣла не только его собственная власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безопасность ганноверскаго престола, безопасность самой конституціи. Но такую фалангу Вальполь могъ составить одними лишь подкупами.» Мы понимаемъ всю силу этихъ аргументовъ, но не можемъ признать ихъ достаточнымъ оправданіемъ для Вальполя. Еслибы Вальполь, подкупая членовъ парламента, имѣлъ въ виду общее, государственное благо; еслибы онъ смотрѣлъ на подкупы какъ на средство оградить безопасность династіи и конституціи, обезпечить успѣхъ военныхъ дѣйствій или внутреннихъ преобразованій, тогда цѣль дѣйствительно выкупала бы собою средство. Вильгельмъ III подкупалъ членовъ палаты общинъ, потому что не могъ иначе составить большинства, нужнаго для его военныхъ и дипломатическихъ плановъ; Питтъ не препятствовалъ подкупамъ Ньюкассля, потому что они были необходимы для веденія семилѣтней войны. Но мы уже видѣли, что единственною цѣлю Вальполя было удержаніе въ своихъ рукахъ правительственной власти; для этой, а не для какой-нибудь другой цѣли нужна была ему та фаланга, о которой говоритъ г. Вышинскій. Мы не думаемъ, чтобы большая часть націи склонялась въ это время на сторону торіевъ и якобитовъ. Якобиты, по крайней мѣрѣ въ Англіи, были довольно малочисленны, и притомъ болѣе запальчивы на словахъ нежели предприимчивы на самомъ дѣлѣ. Припомнимъ, какъ встрѣченъ былъ Карлъ-Эдуардъ на своемъ побѣдоносномъ пути къ Дерби. Ни одинъ почти англійскій джентльменъ не присоединился къ его войску. Торійская партія въ это время почти не существовала. Вся живая, дѣятельная часть ея была на сторонѣ претендента; остальные не имѣли ни талантливыхъ предводителей (потому что Болинброкъ былъ болѣе совѣтникомъ чѣмъ вождемъ партіи), ни общаго знамени, вокругъ котораго они могли бы собраться для нападенія на правительство. Еслибы торіи и якобиты дѣйствительно составляли большинство націи, то министерство Вальполя

не могло бы продолжаться двадцать лѣтъ, какъ бы ни было велико его вліяніе въ палатѣ общинъ. Кто стоялъ во главѣ оппозиціи, противъ которой Вальполь пускалъ въ ходъ орудіе парламентскихъ подкуповъ? Наслѣдникъ престола, конечно далекій отъ якобитизма, Пельтней, Картеретъ, Честерфильдъ, Литльтонъ, Питтъ, такіе же, если не лучшіе виги, какъ и самъ Вальполь. Правда, за одно съ ними дѣйствовали Виндгамъ, Болинброкъ, Коттонъ; но общій, преобладающій духъ оппозиціи былъ чисто вигскій. Одна изъ союзныхъ партій, какъ это всегда случается въ коалиціи, взяла верхъ надъ другою; торіи подчинились крайнимъ вигамъ. Кто наследовалъ Вальполю, когда онъ наконецъ вышелъ изъ министерства? не якобиты, даже не торіи, а тѣ же виги. Итакъ, дѣло конституціи и протестантской династіи не было неразрывно связано съ личностію Вальполя. Напротивъ того, въ рукахъ Вальполя оно часто подвергалось серьезной опасности. На чемъ были основаны надежды якобитовъ?—преимущественно на томъ уединеніи, до котораго довело Вальполя его мелкое властолюбіе, его зависть ко всѣмъ талантамъ. Соединеніе всѣхъ отбѣнковъ вигской партіи, соединеніе, осуществленное при Пельгамахъ, было бы смертельнымъ ударомъ для якобитовъ. Они держались только тою ненавистью, которую возбуждалъ Вальполь въ нѣдрахъ своей собственной партіи. Допустивъ въ министерство, или лучше сказать удержавъ въ министерствѣ главныхъ предводителей вигской партіи, Вальполь могъ,—не говоримъ уничтожить,—но по крайней мѣрѣ значительно ограничить парламентскіе подкупы. Намъ могутъ возразить, что подкупы продолжались и при Пельгамахъ: но эпоха Пельгамовъ была эпохой всеобщаго равнодушія, замѣнившаго, по закону реакціи, увлеченіе 1740 года. Въ такую эпоху труднѣе потрясти господство матеріальныхъ интересовъ. При томъ, Пельгамы не были увѣрены въ поддержкѣ Георга II, и должны были ограждать себя подкупомъ и отъ вліянія короны. Безъ подкуповъ большинство легко могло перейти на сторону Гранвилля. Положеніе Вальполя было совершенно другое: онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Георга и не могъ опасаться придворныхъ интригъ. Сильный поддержкою двора, Вальполь легче чѣмъ кто бы то ни было другой могъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ очищенію парламентской системы.

Лордъ Магонъ справедливо осуждаетъ образъ дѣйствій Вальполя при выходѣ его изъ министерства. Раздраженіе партій было въ полномъ разгарѣ; Пельтней не соглашался принять на себя ручательство за безопасность Вальполя; народъ требовалъ казни падшаго министра. Чтò же дѣлаетъ Вальполь? Не доволь-

ствуясь своими огромными пенсіями и синекурами ¹, онъ испрашиваетъ у короля мѣсто въ палатѣ лордовъ, титулъ графа Орфорда и прибавочную пенсію въ 4.000 ф. стерл. Общественная ненависть, сначала сосредоточившаяся на одномъ Вальполѣ, легко могла такимъ образомъ распространиться на короля. И дѣйствительно, королевская милость, оказанная Вальполю, возбудила страшный взрывъ негодованія въ странѣ. Вальполь успѣшилъ отказаться отъ пенсій, которую впрочемъ опять выпросилъ себѣ по прошествіи двухъ лѣтъ. Эти послѣднія черты достойно завершаютъ дѣятельность Вальполя. Конечно, недостатки Вальполя во многихъ отношеніяхъ были общими недостатками его эпохи; но къ ученику Сомерса, къ товарищу Стенгопа и Тауншенда, мы въ правѣ быть гораздо строже нежели къ массѣ его современниковъ. Если Вальполь подчинился вліянію своей эпохи, то и его вліяніе на нее было далеко не благотворно. Очищеніе политическихъ нравовъ, начавшееся при Вильгельмѣ III, опять было отложено на долгое время. Партія виговъ, выставившая, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, столько высокихъ личностей, опять унизилась до Юнджа, Фокса, Пельгамовъ. Друзья Вальполя положили основаніе той партіи; или лучше сказать тому скопищу людей, которое при Георгѣ III сдѣлалось извѣстнымъ подъ именемъ *королевскихъ друзей*. Вотъ почему министерство Вальполя представляется намъ одною изъ самыхъ печальныхъ эпохъ англійской исторіи XVIII столѣтія.

Переходная эпоха отъ Вальполя до Питта превосходно очерчена Маколеемъ въ статьяхъ о Горасѣ Вальполѣ и о Вилліамѣ Питтѣ. Особенно замѣчательны характеристики Ньюкасса и Картерета. Мы желали бы остановиться на блестящей личности великаго коммонера; но во второмъ томѣ *Essays* напечатано только начало статьи Маколея о Питтѣ; окончаніе ея появится въ V томѣ. Это раздробленіе статьи, составляющей одно цѣлое, чрезвычайно неудобно; вопреки мнѣнію издателя, мы думаемъ, что на этотъ разъ можно было бы отступить отъ хронологическаго порядка, оговоривъ только время, въ которое напечатаны обѣ части статьи. Переводъ, какъ въ первомъ томѣ, удовлетворителенъ и вѣренъ. Замѣтимъ только, что *триммеры* далеко не то же самое, что *вертушки*; этимологическое происхожденіе слова не всегда совпадаетъ съ настоящимъ его значеніемъ. Названіе вертушки какъ нельзя менѣе соответствуетъ характеру Талифакса.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

¹ Годовой доходъ съ синекуръ, принадлежавшихъ тремъ сыновьямъ Вальполя, простирался до 15 тысячъ фунт. стерлинговъ.

Начальныя основанія Физики въ объемѣ гимназическаго курса.
Н. Любимова. Часть первая. Москва 1861.

Вышла первая часть физики, въ объемѣ гимназическаго курса, профессора Любимова. Физическія науки получили въ послѣднее время важныя приложенія къ общественной жизни; значеніе ихъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ; а между тѣмъ общій уровень физическихъ познаній у насъ стоитъ еще довольно низко. Одна изъ главныхъ причинъ такого недостатка заключается въ неимѣніи хорошихъ руководствъ, приспособленныхъ къ мѣстнымъ потребностямъ и къ степени образованія русскаго юношества. Эта мысль побудила г. Любимова къ составленію новаго учебника физики. Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ: «учебное сочиненіе обуславливается состояніемъ ученой литературы и преподаванія въ той странѣ, гдѣ оно появляется. Учебная книга должна удовлетворять мѣстнымъ потребностямъ. Сочиненіе, появляющееся, напримѣръ, во Франціи, гдѣ физическая литература имѣетъ болѣе нежели двухсотлѣтнюю исторію; гдѣ въ новомъ сочиненіи главное вниманіе обращается на то, что въ прежнихъ не изложено или изложено недостаточно; гдѣ лучшія страницы прежнихъ сочиненій вошли въ рутину преподаванія; гдѣ существуютъ преданія и преемство въ преподаваніи; гдѣ то, что остается между строками новаго сочиненія, легко дополняется въ изустномъ изложеніи,—такое сочиненіе находится въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ книга, издаваемая на русскомъ языкѣ... У насъ литература бѣдна, преподаваніе не установилось и не имѣетъ преданій, средства преподаванія недостаточны и составляютъ случайное.»

Изученіе физики составляетъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ приготовительнаго образованія. Знакома учащагося съ явленіями вещественнаго міра, съ которыми онъ непрерывно встрѣчается, сообщая ему массу полезныхъ свѣденій, указывая на множество разнообразныхъ и интересныхъ фактовъ, физика въ то же время знакомитъ его съ остроумными приѣмами, съ помощію которыхъ испрашиваются отъ природы отвѣты на различныя вопросы, и приучаетъ его къ той строгой логической послѣдовательности мыслей, которая только и можетъ вести къ безошибочному открытію истины. Преподаваніе физики тогда только соответствуетъ своему назначенію, когда въ равной мѣрѣ обращено вниманіе какъ на описаніе явленій и необходимыхъ для этого опытовъ, такъ и на строгій выводъ явленій изъ первоначальныхъ законовъ природы. Весьма

трудно соединить и согласовать эти два требованія между собою, не выходя изъ объема гимназическаго преподаванія. Ясное и вразумительное доказательство, то-есть выводъ явленій изъ основныхъ законовъ природы, представляетъ большею частію значительныя затрудненія для начинающихъ; подобныя доказательства предполагаютъ извѣстныя познанія въ математикѣ и умѣніе владѣть ею. Притомъ учащійся встрѣчаетъ въ физикѣ въ первый разъ приложеніе математики къ изслѣдованію явленій природы, не будучи, большею частію, къ этому достаточно подготовленъ. При объясненіи физическихъ явленій съ помощію математики, въ большемъ числѣ случаевъ бываетъ необходимо прибѣгнуть къ разсмотрѣнію безконечно-малыхъ величинъ, ученіе о которыхъ составляетъ особый отдѣлъ математическаго анализа, такъ-называемое дифференціальное исчисленіе. Само собою разумѣется, что въ физикѣ не можетъ быть предложено полное объясненіе этого способа исчисленія; физика заимствуетъ изъ области дифференціального исчисленія только нужныя ей предложенія, которыя старается объяснить сколько возможно элементарнымъ путемъ. Вслѣдствіе этого возникаютъ для учащихся затрудненія двоякаго рода: они не ясно понимаютъ какъ основную мысль, такъ и самый способъ доказательства излагаемыхъ теоремъ. Эти замѣчанія могутъ отчасти объяснить распределеніе матеріала въ физикѣ г. Любимова. Желая сколько возможно соединить всѣ достоинства физики, какъ предмета преподаванія, не выходя изъ объема гимназическаго курса, авторъ рѣшился лишь нѣкоторымъ отдѣламъ дать математическое развитіе, но на столько подробное и обстоятельное, чтобы предметъ вполне разъяснился для читателя,—и ограничился для другихъ частей объясненіями, основанными на опытахъ и наблюденіяхъ. Такой способъ изложенія имѣетъ несомнѣнную пользу для учащихся. Не обременяя ученика многочисленными математическими доказательствами, ясное пониманіе которыхъ требуетъ много времени и труда, и которыя поэтому остаются часто весьма поверхностно понятыми, но сосредоточивая вниманіе ученика на математическомъ изученіи немногихъ явленій, настаивая на томъ, чтобы излагаемое явленіе было вполне имъ понято, преподаватель заставитъ учащагося усвоить себѣ методъ математическаго изслѣдованія и выгадываетъ, съ другой стороны, достаточно времени для подробнаго изученія другихъ отдѣловъ съ помощію опыта.

Предметъ, который г. Любимовъ выбралъ для ознакомленія учащихся съ математическимъ способомъ изслѣдованія, есть теоретическое развитіе законовъ движенія. Изученіе этихъ законовъ составляетъ содержаніе двухъ первыхъ отдѣловъ его

сочиненія. Математическое изслѣдованіе какого-нибудь явленія во всей полнотѣ своей, состоитъ изъ трехъ существенно различныхъ частей. Прежде всего наблюдаемое явленіе приводится къ математическому выраженію; это выраженіе изслѣдуется путемъ анализа, и при этомъ стараются восходить до заключенія о причинѣ или силѣ, производящей рассматриваемое явленіе. Принимая затѣмъ въ основаніе открытую или угаданную причину, мы раскрываемъ съ помощію математики всѣ послѣдствія, изъ нея протекающія. Остается наконецъ послѣдній шагъ: полученные такимъ образомъ результаты сличить съ дѣйствительностію, и въ полномъ согласіи выводовъ анализа съ наблюденіями найти оправданіе сдѣланнаго предположенія. Примѣняя этотъ общій способъ изслѣдованія къ изученію законовъ движенія, авторъ рассматриваетъ движеніе съ трехъ различныхъ сторонъ, ограничиваясь при этомъ простѣйшимъ случаемъ, движеніемъ равномерно-измѣненнымъ. Предполагая вопервыхъ законъ этого движенія извѣстнымъ, авторъ выражаетъ явленіе аналитически и опредѣляетъ тѣ элементы, отъ которыхъ оно зависитъ. Авторъ рассматриваетъ этотъ случай съ большою подробностію и разъясняетъ его тѣми средствами, которыми располагаетъ элементарная математика, обращая особенное вниманіе на графическій способъ, какъ на самый простой и очевидный. Затѣмъ выводитъ тѣ же законы равномерно-измѣннаго движенія изъ общаго закона инерціи; онъ основывается при этомъ на разсмотрѣніи бесконечно-малыхъ величинъ, употребленіе и значеніе когорыхъ объясняетъ на столько, что при помощи предшествовавшихъ разсмотрѣній предметъ становится вполне яснымъ. Наконецъ, авторъ возвращается въ третій разъ къ изслѣдованію этихъ законовъ при повѣркѣ теоретическихъ результатовъ помощію опыта, примѣняя общіе выводы къ паденію тѣлъ. Нельзя не отдать справедливости автору въ томъ, что излагая предметъ такимъ образомъ, онъ успѣлъ придать ему возможно-полную ясность и очевидность; между тѣмъ какъ въ большей части учебниковъ, даже пользующихся общою извѣстностію, ученіе о движеніи не приспособлено къ пониманію начинающихъ, читатель можетъ вынести изъ физики г. Любимова ясныя и отчетливыя понятія объ этомъ предметѣ.

Должно впрочемъ замѣтить, что при такомъ обстоятельномъ разсмотрѣніи равномерно-измѣннаго движенія, назначенномъ преимущественно для разъясненія предмета начинающимъ, слѣдовало бы свести различныя точки возрѣнія къ одному общему понятію; авторъ какъ-будто не досказалъ послѣдняго слова, или, вѣрнѣе, предоставилъ читателю самому дополнить недосказанное. Такъ напримѣръ встрѣчаемъ, при разсмотрѣніи дви-

женія съ различныхъ точекъ, двойное опредѣленіе силы, — силу выраженную чрезъ вѣсъ, и силу выраженную чрезъ ускореніе, безъ показанія какимъ образомъ одно опредѣленіе приводится къ другому. Подобнымъ же образомъ находимъ опредѣленіе скорости, какъ предѣлъ средней скорости и какъ пространство, пройденное въ единицу времени. Замѣтимъ также, что авторъ, не желая затруднить читателя введеніемъ новыхъ, отвлеченныхъ понятій, и приспособляя изложеніе къ извѣстному уровню подготовительныхъ свѣдѣній, не выразилъ закона инерціи въ отвлеченномъ его смыслѣ, но далъ такое опредѣленіе, которое могло бы вызвать въ умѣ читателя ясное представленіе этого закона. Это опредѣленіе находится на стр. 42: «Если тѣло приведено въ движеніе и предоставлено себѣ, такъ что никакія внѣшнія причины не дѣйствуютъ на него, то оно продолжаетъ двигаться неопредѣленное время по прямой линіи и съ постоянною скоростію.» Сказанное здѣсь о тѣлѣ вообще слѣдовало бы для большей точности отнести къ матеріальной точкѣ, или къ тѣлу безконечно малыхъ измѣреній. Несмотря на ясное и отчетливое изложеніе теоріи равномерно-измѣненнаго движенія, несмотря на всѣ старанія, которыя авторъ употребилъ, чтобы сдѣлать предметъ доступнымъ начинающему учиться физикѣ, многіе найдутъ этотъ отдѣлъ труднымъ и неудобопонятнымъ. Это не зависитъ отъ способа изложенія, но отъ сущности самаго предмета. Движеніе есть понятіе отвлеченное; такія понятія вообще усваиваются трудно; учащійся, притомъ, встрѣчаетъ въ первый разъ въ теоріи движенія новый методъ изслѣдованія, основанный на приложеніи математики къ изученію явленій природы; даже самыя приемы, которые при этомъ употребляются, для него новы; естественно, что такое стеченіе новыхъ понятій, къ которымъ онъ не привыкъ, должно затруднять его и препятствовать ясному уразумѣнію предмета. Всего лучше въ такомъ случаѣ пропустить, на время, первые два отдѣла и обратиться прямо къ слѣдующимъ. Самъ авторъ въ своемъ предисловіи говоритъ: «Мы думаемъ, что наставникъ поступитъ благоразумно, сокративъ значительно при начальномъ изученіи отдѣлъ, посвященный вопросу о движеніи...» Въ другихъ отдѣлахъ читатель уже не встрѣтитъ никакого понятія, усвоеніе котораго представляло бы какое-нибудь затрудненіе, исключая только вопросъ о качаніи маятника. Живой разказъ, удачныя объясненія, многочисленные примѣры, описаніе любопытныхъ фактовъ, поддерживаютъ интересъ читателя, и вызываютъ въ немъ ясныя и опредѣленные понятія о предметѣ.

Въ ученіи о тяжести, составляющемъ содержаніе третьяго отдѣла, находимъ легкое и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно обстоя-

тельное изложеніе основныхъ понятій о тяжести. Это ученіе, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ существенныхъ частей физики. Тяжесть или дѣйствіе земли на тѣла участвуетъ во множествѣ явленій, входящихъ въ область физическихъ изслѣдованій, и ясное представленіе этихъ явленій зависитъ весьма много отъ яснаго пониманія дѣйствія земли на тѣла. Въ первоначальномъ преподаваніи физики, изложеніе этого предмета въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаетъ его авторъ принесетъ несомнѣнную пользу учащимся, сообщая имъ безъ утомительныхъ и отвлеченныхъ соображеній вѣрный взглядъ на предметъ. Въ этомъ отдѣлѣ выводъ закона качанія маятника можетъ представить затрудненія для читателя. Объясненіе движенія маятника, г. Любимовъ основываетъ на особенной механической теоремѣ, которую, доказываетъ элементарнымъ путемъ. Эта теорема состоитъ въ томъ, что извѣстное прямолинейное измѣненное движеніе можетъ-быть замѣняемо равномернымъ круговымъ движеніемъ.

Знакомство съ этою теоремою весьма полезно при изученіи нѣкоторыхъ другихъ отдѣловъ физики, и она понадобится автору во второй части его книги. Съ помощію этой теоремы законы качанія маятника объясняются совершенно точно, но не самымъ простымъ путемъ; можно опредѣлить время качанія маятника гораздо проще, не прибѣгая къ этой новой теоремѣ, ясное уразумѣніе которой не совсѣмъ легко и доказательство которой отвлекаетъ вниманіе читателя отъ главнаго предмета.

Въ четвертомъ отдѣлѣ, содержащемъ ученіе о жидкостяхъ, преимущественно хорошо и подробно развиты статьи объ истеченіи жидкостей и о капиллярныхъ явленіяхъ. Весь отдѣлъ отличается простымъ и нагляднымъ объясненіемъ главныхъ явленій, сюда относящихся. Авторъ старался придать особый интересъ этому отдѣлу, обращая главное вниманіе на описаніе особенно замѣчательныхъ явленій.

Должно впрочемъ замѣтить, что въ объясненіи одного весьма интереснаго факта, смыслъ затемнился отъ недосмотра. Говоря на стр. 226 о давленіи, которое жидкость производитъ на сосудъ, когда въ нее погружено какое-нибудь тѣло, авторъ на слѣдующей страницѣ приводитъ заключеніе: «Вѣсъ (жидкой массы при погруженіи въ нее какого-нибудь тѣла) при этомъ увеличивается на столько, сколько вѣситъ погруженный объемъ тѣла.» Авторъ, конечно, хотѣлъ сказать, что вѣсъ жидкой массы при этомъ увеличивается на столько, сколько вѣситъ жидкость въ объемѣ равномъ объему погруженнаго тѣла.

Ученіе о газообразныхъ тѣлахъ составляетъ предметъ послѣдняго отдѣла. Онъ въ особенности богатъ разнообразными

примѣрами и приложеніями. Особенное вниманіе заслуживаетъ въ этомъ отношеніи, глава содержащая описаніе снарядовъ, основанныхъ на давленіи и упругости воздуха. Въ этой главѣ читатель найдетъ ясное и простое описаніе почти всѣхъ болѣе замѣчательныхъ снарядовъ, основанныхъ на давленіи воздуха и служащихъ или для поясненія дѣйствія воздуха, или для достиженія какой-нибудь практической цѣли.

Въ заключеніе нельзя не поблагодарить автора за полезный трудъ, которымъ онъ обогатилъ русскую учебную литературу, трудъ, который принесетъ не мало пользы русскому юношеству и, безъ сомнѣнія, много будетъ способствовать къ распространенію полезныхъ свѣдѣній и ясныхъ понятій изъ области физики. Хотя авторъ при составленіи своей книги обратилъ главное вниманіе на то, чтобы соразмѣрить содержаніе ея съ потребностями русскаго юношества и съ общимъ уровнемъ физическихъ свѣдѣній въ Россіи, однако тѣмъ не менѣе онъ старался, сколько это было возможно, изложить науку согласно съ ея современнымъ состояніемъ.

А. Давидовъ.

ВНОВЬ ИЗДАННЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЦАРСТВОВА- НІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ второй. Спб. 1861 г.

Значительную часть книги, заглавіе которой мы выписали, составляютъ историческіе матеріалы, относящіеся ко временамъ царя Алексѣя Михайловича. По словамъ редактора *Записокъ*, эти матеріалы «вообще исполнены большаго значенія, а нѣкоторые изъ нихъ—первостепенной важности». Мы вполне согласны съ этимъ замѣчаніемъ редакціи; матеріалы, изданные во второй книгѣ *Записокъ*, дѣйствительно исполнены значенія, потому что проливаютъ свѣтъ на нѣкоторыя важныя событія времени Алексѣя Михайловича, представляютъ данныя для объясненія характера и дѣятельности нѣкоторыхъ замѣчательныхъ лицъ его царствованія и, вообще, представляютъ въ болѣе ясномъ свѣтѣ это, во многихъ отношеніяхъ замѣчательное, царствованіе. За изданіе такихъ матеріаловъ мы обязаны благодарностію Археологическому Обществу и особенно

тѣмъ, которые открыли для Общества возможность издать ихъ, хотя въ то же время, въ интересахъ науки, не можемъ не сдѣлать замѣчанія, что желательно было бы видѣть со стороны редакціи болѣе исправности, порядка и разборчивости въ изданіи важныхъ памятниковъ, находившихся въ ея распоряженіи. Укажемъ, для примѣра, на одно, весьма важное, мѣсто въ письмѣ патріарха Никона къ константинопольскому патріарху Діонисію, напечатанное неправильно. Никонъ писалъ: «и отъ сего беззаконнаго собора преста на Руси соединеніе восточныхъ церкви, и отъ вашего благословенія (отлучишася); но отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріиша волями своими. А отъ воплощенія слова Божія лѣта 886, во времена блаженнѣйшаго Фотія» и проч. Извѣстно, что на соборѣ, осудившемъ Никона, смѣльнымъ обвиненіемъ противъ него поставлено было это самое мѣсто изъ его посланія къ патріарху Діонисію, гдѣ онъ, по выраженію судей, всю Русь «отчелъ» отъ православія и причелъ къ католичеству. Въ разсматриваемомъ нами изданіи, допущена, во первыхъ, ошибка въ самомъ разложеніи этого мѣста на отдѣльныя предложенія; а вторыхъ, столь же ошибочно, вмѣсто *мо* напечатано въ немъ *ме*, такъ что читается, въ видѣ начинающейся новой мысли, слѣдующее: «*ме* отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріиша волями своими (sic), а отъ воплощенія слова божія» и проч. ¹ Замѣтимъ и о порядкѣ, въ какомъ напечатаны матеріалы; редакція заслуживаетъ благодарности за то, что матеріалы, относящіеся къ исторіи патріарха Никона, его письма къ Зюзину, челобитныя къ царю, также письма самого Алексѣя Михайловича, собраны во едино; но она еще болѣе облегчила бы трудъ для желающихъ пользоваться ея изданіемъ, еслибы въ размѣщеніи самыхъ этихъ матеріаловъ приняла или хронологическій, или другой какой порядокъ; но этого, къ сожалѣнію, не сдѣлано (исключеніе составляютъ одни царскія письма). Читатель также, съ сожалѣніемъ, не находитъ никакихъ вѣдншихъ разграниченій между отдѣльными и, иногда, разнородными матеріалами, какъ напр. цѣфры или заглавіи (за исключеніемъ немногихъ памятниковъ), что не мало затрудняетъ желающаго пользоваться ими съ ученою цѣлю. Наконецъ, редакція заслужила бы признательность всѣхъ образованныхъ людей, еслибы при изданіи замѣнила матеріалы, подобные письму, напечатанному на стр. 702, и состоящему изъ однихъ собственныхъ именъ и неоконченныхъ, непонятныхъ фразъ, другими болѣе важными. Разумѣется, мы говоримъ это только въ томъ

¹ Впрочемъ, подъ строкой, въ выноскѣ замѣчено: «въ рукописи *мо*». Вѣроятно, ошибочно понятый смыслъ былъ причиной, что редакція приняла неправильное чтеніе.

предположеніи, если въ матеріалахъ болѣе важныхъ, редакція не имѣла недостатка; а такое предположеніе мы основываемъ на томъ, что Обществу предоставленъ былъ доступъ къ драгоценнымъ бумагамъ государственнаго архива. Впрочемъ, просимъ редакцію не принимать нашихъ замѣчаній за упрекъ; и другіе наши памятники издаются такъ несовершенно, и, сравнительно, ихъ издано такъ еще мало, что, въ настоящемъ случаѣ, мы не можемъ снова не поблагодарить искренно Археологическое Общество и, въ частности, г-на Ламанскаго, за то, что ими сдѣлано. Мы понимаемъ трудъ собранія и приведенія въ порядокъ рукописныхъ архивныхъ матеріаловъ, и знаемъ, что самое изданіе замедлилось бы на долгое время, еслибы редакція рѣшилась приложить къ своему изданію всевозможныя требованія порядка и разборчивости. Важнѣе всего то, что въ настоящее время наконецъ исчезаетъ мнѣніе, по которому матеріалы почитались требующими строгой тайны, коль скоро они могли бросить тѣнь на нѣкоторыхъ историческихъ дѣателей, украшенныхъ вѣнками разнаго рода доблестей. Такого мнѣнія нельзя не признать ошибочнымъ; въ томъ-то и состоитъ достоинство памятниковъ, что они раскрываютъ предъ нами въ истинномъ свѣтѣ жизнь и дѣятельность прославленныхъ и непрославленныхъ историческихъ лицъ; изданіе ихъ потому-то особенно важно, что оно открываетъ доступъ къ нимъ не для однихъ избранныхъ лицъ изъ сословія ученыхъ, которые все-таки могутъ брать изъ нихъ лишь то, что имъ удобно, смотрѣть на дѣло подъ своимъ угломъ зрѣнія, а напротивъ знакомить съ ними всѣхъ людей образованныхъ, даетъ такимъ образомъ возможность каждому повѣрить, въ какой степени полно и добросовѣстно воспользовался ими тотъ или другой ученый, и, слѣдовательно, скорѣе ведетъ къ достиженію того, что составляетъ главную цѣль науки, къ возможно-полному возстановленію исторической истины. Повторяемъ, нельзя не порадоваться, что пришло время, когда не считаютъ болѣе нужнымъ хранить, подъ покровомъ архивной пыли, историческіе матеріалы первостепенной важности; но съ другой стороны, не пора ли также понять, что не каждый старинный лочокъ бумаги, исписанный, или «исчерченный» чьею бы то ни было рукой, стѣбитъ того, чтобы перепечатывага его съ дипломатическою вѣрностію? Всѣ эти замѣчания не уменьшаютъ однакоже достоинства книги, по поводу которой они высказаны. Большая часть матеріаловъ, вошедшихъ въ ея составъ, принадлежатъ именно къ числу такихъ, которые въ прежнее время считались неудобными къ изданію, и которые, поэтому, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

I.

Важнѣйшее мѣсто между матеріалами такого рода занимаютъ относящіяся къ исторіи патріарха Никона. Это *нѣкоторые* изъ тѣхъ самыхъ актовъ, грамотъ и другихъ бумагъ, которыми пользовался г. Соловьевъ, при изложеніи дѣла патріарха Никона въ XI томѣ своей *Исторіи Россіи*. Полное изданіе этихъ матеріаловъ могло бы именно показать, въ какой степени полно воспользовался ими историкъ и, что еще важнѣе, могло бы, при тщательномъ изученіи ихъ, привести къ вѣрному объясненію характера и жизни Никона, его отношеній къ царю и разнымъ другимъ лицамъ, и наконецъ къ объясненію самаго дѣла его, сколько любопытнаго и важнаго, столько же темнаго и запутаннаго. Тогда только, когда всѣ эти акты будутъ вполне доступны каждому для изученія можно будетъ произносить надъ Никономъ рѣшительные приговоры, хотя бы и такіе рѣзкіе, каковъ недавно произнесенный въ *Современникѣ* (№ 8), на основаніи тѣхъ мѣстъ въ книгѣ г. Соловьева, которыя особенно ярко выставляютъ темныя стороны Никонова, характера. Къ сожалѣнію, въ *Запискахъ* изданы только нѣкоторыя изъ многочисленныхъ матеріаловъ, относящихся до Никона, и притомъ не всѣ одинаковой важности. Укажемъ тѣ изъ нихъ, которые представляются болѣе важными.

Отрывокъ изъ возраженій патріарха Никона на вопросы Родіона Стрѣшнева, и отвѣты на нихъ Паисія Лигарида. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи Никона, которое доселѣ было извѣстно и доступно не многимъ, ясно отразился весь онъ, съ его сильнымъ умомъ, непреклоннымъ характеромъ, со всѣми его крайностями и увлеченіями. Нельзя не выразить сожалѣнія, что этотъ замѣчательный памятникъ дѣлается доступнымъ только въ отрывкѣ. Правда, отрывокъ выбранъ удачно, взята, можно сказать, самая замѣчательная часть книги; но почему бы не издать ужь и всей книги? Напечатана же, на цѣлыхъ 217 страницахъ, опись церкви и ризницы Бѣлозерскаго монастыря! Ради удовольствія познакомиться съ такимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, какъ отвѣты Никона Паисію и Стрѣшневу, читатели охотно пождали бы и деять еще лѣтъ изданія этой описи, не во гнѣвъ будь сказано ея владѣльцу П. И. Саввантову.

Письмо Никона къ патріарху константинопольскому Діонисію—однѣ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ, относящихся къ

исторіи патріарха Никона. Никонъ излагаетъ въ этомъ письмѣ, съ своею точкою зрѣнія, весь ходъ возникшихъ между нимъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ неудовольствій, и вообще передаетъ не мало любовитныхъ свидѣній о себѣ и о разныхъ лицахъ, съ которыми находился въ сношеніяхъ. Но не по одному содержанию своему замѣчательнъ этотъ памятникъ, онъ замѣчательнъ и по тому значенію, какое было ему придано во время суда надъ Никономъ: извѣстно, что соборъ 1666 г., въ первое засѣданіе, посвятилъ большую часть времени на чтеніе этого письма, которое было поставлено патріарху въ число самыхъ важныхъ преступленій.

Записка Никона о приѣздѣ къ нему въ Воскресенскій монастырь чудовскаго архимандрита Іоакима да думнаго дьяка Деметрія Минича Башмакова. Эта записка также весьма замѣчательна по содержанию: въ ней-то патріархъ Никонъ, послѣ неудачной поездки въ Москву, по вызову Зювина, вполне убѣдившійся въ невозможности возвратить себѣ патріаршество, подробно изложилъ условія, на которыхъ соглашался навсегда удалиться въ монастырь, предоставивъ царю и собору избрать ему преемника, и на нее-то были написаны Епифаніемъ Славинецкимъ замѣчательныя предположенія соборныхъ рѣшеній, на которыя однакоже соборъ 1666 г., къ удивленію, не обратилъ вниманія, равно какъ и на самую записку Никона ¹.

Разные акты, относящіеся къ слѣдственному дѣлу по жалобѣ Ивана Сытина на притѣсненія отъ крестьянъ Воскресенскаго монастыря; «тутъ же, по выраженію г. Ламанскаго, и дѣло Романа Бобарыкина» (стр. IX). Надобно замѣтить, что *тутъ же* не совсѣмъ удобно было помѣщать нѣсколько бумагъ, относящихся къ другому слѣдственному дѣлу, и что размѣщеніе матеріаловъ, собранныхъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «челобитная Ивана Константинова сына Сытина» и проч. (стр. 530—531), своею беспорядочностію не мало затрудняетъ читателя, желающаго получить ясное понятіе о дѣлѣ ². Тѣмъ не менѣе, однакожъ, всѣ эти акты разъясняютъ дѣло Сытина

¹ Мы не вводимъ здѣсь въ разсмотрѣніе трехъ названныхъ памятниковъ съ тою подробностію, какой они требуютъ по своей важности: это повлекло бы насъ далеко за предѣлы журнальной статьи.

² Напр. между разными сказками по дѣлу Сытина, читатель совершенно неожиданно встрѣчаетъ длинное письмо Никона къ царю, по случаю рѣшенія Бобарыкинскаго дѣла (стр. 541—553), за которымъ слѣдуетъ, даже не отдѣленное чертою, новое коротенькое письмо Никона, гдѣ рѣчь идетъ опять о жалобахъ Сытина. Первое изъ этихъ писемъ весьма замѣчательно, одно изъ тѣхъ «жестокихъ», которыя такъ раздражали царя: оно заслуживало того, чтобы обратить на него больше вниманія при изданіи.

на столько, чтобы видѣть, какъ несправедливо рецензентъ *Современника* видитъ въ немъ доказательство особенной склонности Никона къ кляузничеству и расправъ батожьемъ. Сытинъ самъ началъ дѣло, подавъ государю челобитную на Никона, въ которой прописалъ разныя обиды, причиненныя его крестьянамъ отъ крестьянъ патріаршихъ. Чтò же показали допросы и розыски по его извѣстамъ? Оказалось, что изъ всѣхъ жалобъ Сытина была справедлива только одна, именно, что патріаршій стольникъ Александръ Лускинъ поймалъ на озерѣ двухъ крестьянъ Сытина (куда, какъ оказалось, они пришли воровать монастырскую рыбу), велѣлъ бить ихъ батогами, и потомъ увелъ въ монастырь, къ патріарху (какъ оказалось, за то, что они грозили поджогами); дознано было также, что въ монастырь патріархъ Никонъ, въ свою очередь, велѣлъ ихъ батоги побить слегка. Кляузы Никона рецензентъ *Современника* видитъ въ томъ, что въ письмѣ къ государю, по поводу челобитной Сытина, онъ писалъ, будто дѣлу совсѣмъ непричастенъ, а сдѣлалъ то дѣло его малый, поймавъ на озерѣ его Ивановыхъ (Сытина) крестьянъ, побилъ батоги *безъ ея вѣдома*, а у него никакого указа не было ему (то есть умолчалъ о томъ, что въ монастырь самъ велѣлъ наказывать ихъ),—и что «когда ему указали противорѣчіе (?), онъ отвѣчалъ: я сказалъ, что не знаю про побой крестьянъ на озерѣ, а въ монастырь велѣлъ ихъ бить за невѣжество, велѣлъ побить ихъ *слегка*» (*Совр.* № VIII. *Совр. Обзор.* стр. 274). Но гдѣ же тутъ противорѣчіе и кляузная увертка? Вѣдь Никонъ отвѣчалъ правду: онъ справедливо показывалъ о побояхъ на озерѣ, что они произведены малымъ безъ его вѣдома и у него никакого указа не было ему. Но почему Никонъ не упомянулъ о томъ, что самъ приказывалъ бить крестьянъ въ монастырь? Потому что онъ отвѣчалъ собственно на челобитную Сытина, а Сытинъ жаловался на Никона именно за то, что его стольникъ Алексашка билъ его крестьянъ на озерѣ, и увелъ ихъ къ патріарху въ монастырь, вовсе не упоминая о томъ, что самъ патріархъ велѣлъ наказывать крестьянъ въ монастырь (вѣроятно, онъ не зналъ этого обстоятельства): съ какой же стати было Никону, отвѣчая на челобитную, писать то, на чтò въ ней совсѣмъ не жаловались? Когда спросили его прямо о побояхъ въ монастырѣ, онъ не заперся, сказалъ, что дѣйствительно велѣлъ побить крестьянъ батоги *слегка*. Подчеркнувъ это послѣднее выраженіе, рецензентъ хотѣлъ, кажется, обратить вниманіе читателей на то, какъ легко смотрѣлъ Никонъ на свои жестокіе поступки, какой вообще былъ онъ жестокий человѣкъ. Къ сожалѣнію, есть факты гораздо покрупнѣе этого, которые слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, къ какимъ жестокимъ мѣрамъ прибѣгалъ не рѣдко Никонъ (да и одинъ изъ

Никонъ!) при судѣ и расправѣ. Слѣдовало бы вспомнить, что рѣчь идетъ не о нашемъ времени, когда и проч., а о томъ добромъ старомъ времени, когда розги и батожье считались не по чести, когда ихъ пускали въ дѣло и не такіе власти, какъ патріархъ, и не такіе люди, какъ Никонъ. За доказательствами ходить не далеко; достаточное количество ихъ представляютъ изданные въ *Запискахъ* матеріалы, какъ увидитъ это читатель. Мы остановились на замѣткѣ *Современника* не потому, чтобы придавали ей особенную важность (да и въ рецензіи есть вещи гораздо посерьезнѣе), а только по поводу изданія актовъ, относящихся къ дѣлу Сытина и достаточно разъясняющихъ его. Мы не придаемъ особенной важности, въ исторіи патріарха Никона, и самому дѣлу Сытина: оно имѣло значеніе только потому, что привело къ нѣкоторымъ, довольно важнымъ, но вовсе не относящимся къ этому частному дѣлу, объясненіямъ Никона съ царскими посланными. Изъ этихъ объясненій мы видимъ, между прочимъ, что Никонъ получалъ разными путями довольно обстоятельными свѣдѣніи о разныхъ интригахъ противъ него при дворѣ, о распоряженіяхъ царя, его письмахъ и грамотахъ; съ послѣднихъ получалъ даже списки. Такъ, онъ говорилъ, что вѣдаетъ, какъ «сыскиваютъ про посулы и взятки, что онъ, будучи на патріаршествѣ, у кого взялъ, вѣдаетъ, что государевы грамоты о томъ посланы по монастырямъ, и списокъ съ тѣхъ грамотъ чель, а гдѣ тотъ списокъ взялъ, про то не сказалъ; да и то-де вѣдаетъ, что, по указу великаго государя, Газской митрополитъ на него составляетъ и выписываетъ, и опять списокъ съ того письма показадъ, а гдѣ взялъ, того не сказалъ». Онъ, также, рѣшительно увѣралъ, что государь подкупаетъ живыхъ свидѣтелей противъ него, которымъ быть на соборѣ, и что за такими свидѣтелями послано даже въ Палестину, для чего отправлено туда денежной казны 30.000 рублей. Противъ этого слѣдователи только замѣтили ему съ упрекомъ, зачѣмъ онъ московскихъ властей считаетъ лжесвидѣтелями, что за это накажетъ его Богъ. Любопытно, какой отзывъ, по этому случаю, сдѣлалъ Никонъ о тогдашнихъ московскихъ властяхъ. «Какія это власти! кому изъ нихъ говорить книжнымъ ученіемъ и правилами! они и грамотъ-то не умѣютъ». — «Ужели ты одинъ въ Московскомъ государствѣ грамотъ умѣешь? замѣтили ему слѣдователи, — будто и нѣтъ никого другаго?». — «Хоть и есть немногіе, отвѣчалъ Никонъ, только не Питиримъ митрополитъ: онъ и того не знаетъ, почему онъ человекъ!»

Что касается другаго слѣдственнаго дѣла, по извѣсту Бобарыкина, то изъ бумагъ, напечатанныхъ теперь, мы получаемъ о немъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что, кромѣ главнаго дѣла о спорной землѣ, у Бобарыкина были и другія

неудовольствія съ Никономъ, большею частію изъ-за притѣсненій его крестьянамъ отъ крестьянъ патриаршихъ. По жалобамъ на эти притѣсненія, Никонъ далъ Бобарыкину удовлетвореніе, и тотъ отказался отъ всѣхъ претензій, въ чемъ Никонъ и получилъ отъ него «роспись». Видно далѣе, что, несмотря на эти неудовольствія, конечно весьма нерѣдкія между сосѣдними владѣльцами, Бобарыкинъ былъ въ довольно хорошихъ отношеніяхъ къ Никону, даже дѣлалъ вклады въ строившійся тогда Воскресенскій монастырь, и вошелъ съ Никономъ въ соглашеніе о постройкѣ, на его счетъ, женскаго монастыря, на условленномъ между ними мѣстѣ (по желанію Бобарыкина); однакоже, обѣщаній своихъ онъ не сдержалъ и тѣмъ подалъ новый поводъ къ неудовольствіямъ. Видно, наконецъ, и то, что въ главномъ спорѣ о земляхъ, Никонъ былъ уступчивъ, готовъ былъ вознаградить за пожатую у Бобарыкина рожь, и предлагалъ рѣшить дѣло правильнымъ размежеваніемъ, при посредствѣ прежнихъ вотчинниковъ и старожиловъ: сдѣлка не могла состояться, потому что Бобарыкинъ потребовалъ слишкомъ несоразмѣрнаго вознагражденія за рожь; правильного размежеванія сдѣлано не было, и это-то раздражило, наконецъ, Никона, и вызвало его къ тѣмъ неосторожнымъ поступкамъ, которые имѣли для него очень печальныя послѣдствія, и самому дѣлу Бобарыкина, неважному самому по себѣ, придали большое значеніе въ Никоновой исторіи. Вообще видно, что при недостаткѣ сколько-нибудь правильнаго разграниченія земель между разными владѣльцами, и при отсутствіи уваженія къ чужой собственности, дѣла, подобныя бобарыкинскому, возникали, въ тѣ времена, весьма часто; чему доказательствомъ могутъ служить, между прочимъ, изданныя въ *Запискахъ* челобитныя самого Никона, большею частію на самоуправство и притѣсненія разныхъ лицъ крестьянамъ монастырскихъ вотчинъ. Если же тяжба Бобарыкина, очень обыкновенное въ то время обстоятельство, получила особенное значеніе, то единственно отъ случайныхъ причинъ, именно отъ связи, въ какой она находилась съ общимъ ходомъ Никонова дѣла.

Мы упомянули сейчасъ о челобитныхъ Никона царю Алексѣю Михайловичу. Ихъ напечатано въ *Запискахъ* много, и всѣ онѣ относятся ко времени Никоновой опалы. Чтò же это значитъ? Ужели и здѣсь должно объяснять дѣло склонностію Никона къ кляузамъ? Гораздо вѣрнѣе, какъ мы уже замѣтили, видѣть въ этихъ челобитныхъ именно свидѣтельство господствовавшаго тогда самоуправства и неуваженія къ собственности другихъ. Прежде, во времена Никонова могущества, конечно, боялись вторгаться въ принадлежавшія ему монастырскія вотчины; теперь же, опала, постигшая грознаго патриарха, развязала руки желавшимъ жи-

виться на его счетъ: отсюда и явились эти многочисленныя челобитныя Никона государю на разныя притѣсненія. Въ одномъ изъ напечатанныхъ теперь писемъ, къ боярину Зюзину, онъ такъ выражается объ этихъ притѣсненіяхъ: «а яже о вотчинахъ Пресвятой Богородицы Иверскаго монастыря (въ челобитныхъ рѣчь идеть, большею частію, именно о вотчинахъ этого монастыря), господня воля буди, аще что и случится; ничтожь внесохомъ въ міръ сей: явѣ, яко ни изнести что можемъ. Писалъ прежде государю царю много о неправдахъ тѣхъ; иное удержалоса, а иное посмѣялось.» (Стр. 585.)

Письма Никона къ боярину Никитѣ Алексѣевичу Зюзину писаны въ отвѣтъ на письма самого Зюзина къ патриарху, и содержатъ, большею частію, обыкновенныя увѣдомленія о здоровьѣ, разныя благожеланія, благодарность за расположеніе и даже за подарки: «Марья Степановнѣ за платочки челомъ бью, писалъ онъ однажды, Бога ради не проторгеса,—вѣдаю вашу скудость» (стр. 583). Вообще эти письма къ Зюзину любопытны болѣе, какъ доказательство добрыхъ личныхъ отношеній Никона къ этому боярину, который принималъ такое живое участіе въ его дѣлѣ и такъ много пострадалъ за него¹. Но между ними есть и такія, въ которыхъ Никонъ касается нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствъ своей жизни во время опалы,—и эти извѣстія заслуживаютъ вниманія, такъ какъ въ нихъ нельзя подозрѣвать какой-либо неискренности, или особенныхъ намѣреній, неумѣстныхъ въ откровенномъ дружескомъ письмѣ. Такъ, однажды онъ писалъ: «о себѣ много, развѣ болѣзней и скорбей многихъ, писать нечего,—одва живѣ въ болѣзняхъ своихъ. Крутицкой митрополитъ, да Чудовской архимандритъ прислалъ дьякона Феодосія съ многими чаровствомъ, которой у Крутицкаго митрополита жилъ, меня отравить; и онъ было отравилъ; одва Богъ помилывалъ; безуемъ камнемъ и индроговымъ пескомъ о(т)пилса; да иныхъ, со мною, четырехъ старцевъ испортилъ. Лежалъ не мало безъ памяти,—одва не умеръ; а старцы по два дни лежали, тѣмъ же, что я, отпилса;—и нынѣ весьма животомъ скорбенъ и впредь не вѣдаю что будетъ, надолго ли продолжуся и что по семъ будетъ» (стр. 588). Объ этомъ покушеніи отравить Никона производилось въ Москвѣ слѣдствіе.² Оно не разъяснило дѣла, да и ведено было не слишкомъ строго и внимательно, хотя и прибѣгали по обычаю къ пыткамъ; но что фактъ дѣйствительно существовалъ, что Никонъ не напрасно жаловался въ Москву на

¹ Жена Зюзина, Марья Степановна, умерла отъ испуга, когда мужа потребовали къ суду.

² Дѣло о Феодосіѣ напеч. въ *Запискахъ* на стр. 607—611.

Феодосія, это всего лучше подтверждается приведенною сей-часть, изъ письма къ Зюзина, жалобою Никона на нездоровье, съ объясненіемъ, отъ чего приключилось нездоровье. Въ другомъ письмѣ Никонъ извѣщалъ Зюзину, что читалъ какое-то письмо псковскаго епископа (Арсенія) ¹; и при этомъ случаѣ сдѣлалъ свое замѣчаніе о псковскомъ архіерее, согласное съ общимъ взглядомъ его на тогдашнихъ московскихъ властей: «писаніе твое къ намъ дошло, и мы чли, и псковскаго епископа челъ же: и чудить тому нечего,—и старъ да глупъ.» Письма къ Зюзину любопытны также въ томъ отношеніи, что по нимъ можно судить о состояніи духа, въ какомъ находился Никонъ, въ тяжелое время удаленія отъ патріаршихъ дѣлъ. То мы видимъ его довольно спокойнымъ, какъ будто помирившимся съ своимъ положеніемъ. «Печалуетесь о насъ, писалъ онъ однажды, но мы, милостію Божіею, не стужаемъ. Колесница житіе возносящая и низводящая. Мы радуемся о покоѣ своемъ и нимаю печальны есмы. Добро архіерейство во всезаконіи и чести своей» (стр. 586). То, напротивъ, онъ впадаетъ въ мрачное настроеніе духа, говоритъ о наступленіи послѣднихъ временъ, о приближеніи антихриста: въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно письмо, напечатанное на стр. 588—590.

Наконецъ, въ числѣ матеріаловъ, относящихся къ исторіи патріарха Никона, напечатаны Археологическимъ Обществомъ двѣ грамоты царя Алексѣя Михайловича къ патріархамъ константинопольскому Діонисію и іерусалимскому Нектарію, также грамота къ царю отъ іерусалимскаго патріарха Досмееа (послѣдняя, впрочемъ, Никона не касается). Эти грамоты весьма любопытны и заслуживаютъ особеннаго вниманія: доселѣ, сколько мы знаемъ, онѣ были совершенно неизвѣстны; не видно, чтобы зналъ о ихъ существованіи и г. Соловьевъ; по крайней мѣрѣ, онъ совсѣмъ о нихъ не упоминаетъ. Царскія грамоты къ патріархамъ содержатъ увѣдомленіе объ извѣстномъ прибытіи Никона въ Успенскій соборъ, 18 дек. 1665 г., по приглашенію Зюзина; писалъ ихъ, какъ сказано въ надписи, «по имянному великаго государя указу Писсій митрополитъ газскій». Что грамоты писаны Писсіемъ, можно было бы узнать и безъ этого объясненія: въ нихъ господствуютъ тѣ же качества, которыя составляютъ общую принадлежность сочиненій Писсія, та же искусная діалектика и тотъ же изысканный способъ выраженія; кромѣ того, въ нихъ есть мѣста, имѣющія весьма близкое сходство съ разказомъ о

¹ Въ письмѣ, какъ надобно думать, говорилось о самомъ Никонѣ, и оно было приложено Зюзинымъ къ его собственному письму.

событіи 18 декабря въ запискахъ Паисія. Къ сожалѣнію, переводъ обѣихъ грамотъ дурень и темень до крайности, хотя, какъ видно, сдѣланъ съ буквальной точностію; онъ не только не передаетъ своеобразностей языка, но весьма часто лишаетъ возможности понять и самый смыслъ подлинника ¹.

Мы не станемъ излагать здѣсь обстоятельствъ неожиданнаго прибытія Никона изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву; замѣтимъ только, что если въ чемъ, то именно въ этомъ поступкѣ Никонъ виноватъ былъ всего менѣе: онъ сдѣлался жертвою обмана, со стороны слишкомъ усерднаго къ нему боярина, предпринявшаго неудачную попытку сблизить опальнаго патріарха съ государемъ (если даже не подозревать здѣсь участія со стороны послѣдняго), и только; въ самой Москвѣ, Никона не судили строго за прїездъ изъ Воскресенскаго монастыря. Между тѣмъ, въ грамотахъ къ патріархамъ (особенно въ грамотѣ къ Діонисію) это дѣло представляется какъ величайшее преступленіе со стороны Никона, за которое, по какому-то правилу сардикійскаго собора, его должно признать «весьма мерзостна и святаго причащенія въ день смерти чужда и недостойна весьма христіанскаго званія». О пригласительныхъ письмахъ Зюзина и о другихъ обстоятельствахъ, смягчающихъ мнимое преступленіе Никона, нѣтъ и помину; напротивъ, во всемъ обвиняется Никонъ, какъ злонамѣренно рѣшившійся на насильственное возвращеніе утраченной власти (то же самое утверждаетъ Паисій и въ своихъ запискахъ). Вотъ именно въ какомъ видѣ передается дѣло въ посланіи къ патріарху Діонисію: «Да будетъ вѣдомо тебѣ, отцу прелюбезнѣйшему и судіи, весьма гнусное дѣло, которое совершилъ онъ (Никонъ) въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ. Безъ всякаго стыда, съ величайшею дерзостію, среди ночи (лучше было бы, еслибъ онъ не поступалъ такъ!), окруженный мно-

¹ Напримѣръ вотъ какъ переведено одно остроумное, совершенно въ духѣ Паисія, выраженіе, основанное на греческомъ значеніи имени Никона: «прииде Никонъ не во еже сотворити миръ, но мечъ на насъ и на чада ваши, да по званію имени своего, *противъ греческаго толкованія*, явится *тѣлѣ бы творилъ*». Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, видна мысль; а во многихъ мѣстахъ, по причинѣ темнаго перевода, едва можно доискаться смысла (затрудненіемъ къ тому служить отчасти неправильное размѣщеніе знаковъ препинаній, сдѣланное редакціей). Вотъ, для образца, одно мѣсто не изъ самыхъ трудныхъ: «Сего ради отреченіе, (здѣсь запятая совершенно не у мѣста и даже искажаетъ смыслъ) то-есть совершенное отреченіе, зане пріяся, и сего ради никоя же можетъ быти тому очистка, (.) в(Н)о буди, яко вняти намъ моленію твоего благословенія, еже, (?) яко пророческіе глаголы предпочитаемъ, (:): (слѣдуютъ слова Нектарія) имать сего ради твое царское величество, да паки его призвати» и проч. Чтобы не затруднять читателя подобными выраженіями, мы будемъ приводить мѣста изъ посланій къ патріархамъ, не держась близко славянскаго перевода.

жествомъ людей, внезапно пришелъ онъ во дворъ нашъ царскій, ворвался прямо въ великую церковь, и отъ многихъ принялъ поклоненіе, особенно же отъ Іоны митрополита ростовскаго, котораго благословилъ какъ пришедшій на патріаршій престолъ счастливыми стопами и въ удобное время, чтобы вмѣстѣ съ нами торжествовать праздникъ Рождества Христова и молиться о благоденствіи синклита и міра. Но мы весьма соблазнились такимъ его лукавствомъ, и такой напасти и во снѣ не чаяли видѣть... А кто передастъ волненіе народа, смятеніе бояръ, смущеніе синклита, при извѣстіи объ этомъ внезапномъ событіи: какъ будто угрожала какая измѣна! Поистинѣ, весь городъ пришелъ въ смятеніе отъ такого непотребнаго и незаконнаго прихода! ¹ Теперь уже нечего приносить жалобу на первое отреченіе Никона, на семилѣтнее упраздненіе патріаршаго престола, на нѣкоторыя нововведенія его, произведшія соблазны: одно это внезапное насильство, запрещенное святыми соборными правилами, по законоположенію блаженныхъ отцовъ, собравшихся на сардинійскомъ соборѣ, дѣлаетъ его непотребнымъ, чуждымъ причащенія въ день смерти и совершенно недостойнымъ званія христіанскаго... Онъ дерзнулъ еще и на другое дѣло: вникни святѣйшій, и ты удивишься. Святительскій посохъ архіерея Петра котораго всѣ мы почитаемъ святымъ, висящій (sic) на патріаршемъ мѣстѣ, онъ укралъ тайкомъ и насильственно, и едва отдалъ, когда отъ него законно его требовали. Ужели поступающій такимъ образомъ не повиненъ святотатству? ужели не долженъ быть наказанъ за свое гнусное хищеніе? такъ возопили всѣ единогласно и единомысленно; а гласъ народа, по общей поговоркѣ, есть гласъ Божій. Тогда Никонъ, волею или неволею, долженъ былъ выѣхать изъ нашего царскаго города. Отходя же, онъ велѣлъ сообщникамъ своимъ отрясать прахъ, прилипшій къ ногамъ, и самъ первый отрясъ, утверждаясь будто бы на евангельскомъ словѣ... Но ему слѣдовало бы не отрясать, а собирать прахъ, потому что онъ стоялъ въ святой церкви, которой и самый прахъ причастенъ освященію (стр. 594—597). Съ какою же цѣлю сдѣлано въ грамотѣ къ патріарху это, слишкомъ уже сильное описаніе Никонова, положимъ, очень дерзкаго поступка? Цѣль объясняется отчасти замѣчаніемъ, что одного этого поступка, помимо всѣхъ другихъ,

¹ Это весьма сходно съ тѣмъ, что говоритъ Пансій въ своихъ запискахъ. Неожиданный приходъ Никона произвелъ такое смятеніе въ дворцѣ, какъ будто предстали вооруженные Скныи или Ляхи: царь негодовалъ, бояре кричали, святители призывали Бога, качая головами; всѣ вбѣгали на дворцовую лѣстницу.

достаточно, чтобы подвергнуть Никона самому строгому осужденію, по силѣ церковныхъ правилъ. Но въ грамотѣ эта цѣль высказывается и еще опредѣленнѣе: «сіе, чтобы зналъ ты хотя кратко, повелѣли мы написать тебѣ тайно, вѣчныя ради памяти, и будущія (тѣ-есть могущія произойти въ послѣдствіи) жалобы, чтобы впредь кто не подумалъ, будто мы не справедливо поступили съ Никономъ, но чтобы знали, что мы дѣйствовали весьма кротко и шли не спѣшно, такъ что нѣкоторые, не зная нашихъ намереній, даже соблазнялись и почитали насъ лѣнвыми и нерадшими о церковномъ дѣлѣ». Итакъ, описаніе насильственнаго вторженія Никона въ Успенскій соборъ сдѣлано было съ цѣлію показать патриарху, что имѣющее вскорѣ послѣдовать осужденіе Никона на соборѣ (въ чемъ не могло быть и сомнѣнія послѣ описаннаго поступка съ его стороны) вполне законно, и съ тѣмъ вмѣстѣ предотвратить всѣ могущія когда-либо возникнуть жалобы, будто съ Никономъ поступлено несправедливо и неосмотрительно. Извѣстить же объ этомъ патриарха Діонисія находили тѣмъ болѣе нужнымъ, что онъ, равно какъ и патриархъ Нектарій, отказался лично присутствовать на соборѣ. Предувѣдомивъ такимъ образомъ вселенскаго патриарха о томъ, чѣмъ неминуемо долженъ кончиться соборный судъ надъ Никономъ, царь Алексій Михайловичъ, въ концѣ грамоты, выражаетъ свое желаніе, чтобы въ Москву поскорѣ прибыли архіереи, которыхъ патриархъ пошлетъ присутствовать на соборѣ отъ своего имени; имъ общааетъ онъ объяснить въ подробности и другія вѣны подсудимаго патриарха.

Съ тою же цѣлію, и въ такомъ же духѣ, только гораздо короче, изложено событіе 18 декабря и въ грамотѣ къ патриарху Нектарію; но, что особенно важно, здѣсь уже рѣчь идетъ не объ одномъ этомъ событіи. Извѣстно, что патриархъ Нектарій былъ весьма огорченъ распрей русскаго царя съ патриархомъ и неохотно соглашался на произведеніе суда надъ Никономъ, хотя и подписалъ извѣстные отвѣты вселенскихъ патриарховъ на вопросы о царской и патриаршей власти, гдѣ, хотя не прямо и рѣшительно, былъ уже произнесенъ надъ Никономъ судъ. Одновременно съ этими послѣдними, онъ даже отправилъ къ царю Алексію Михайловичу обширное посланіе, въ которомъ убѣдительно просилъ его прекратить распрю и возвратить Никона на патриаршій престолъ. Въ свое время: эта грамота, какъ видно, произвела сильное впечатлѣніе на царя; получивъ ее, онъ обнаруживаетъ нерѣшительность въ такое время, когда можно было удобно кончить дѣло Никона, и прилагаетъ особенныя заботы о соблюденіи законности въ судѣ надъ нимъ, тѣмъ не менѣе, однакоже, дѣло шло и приведено было совершен-

но не къ тому исходу, какого желалъ Нектарій. Доселѣ не было извѣстно, какъ же царь Алексѣй Михайловичъ обошелъ, при этомъ, убѣдительное посланіе патріарха Нектарія, оставилъ ли его собою безъ отвѣта, или объяснилъ патріарху, что по его желанію поступить невозможно. Грамота, о которой мы говоримъ теперь, разъясняетъ дѣло: въ ней именно содержится отвѣтъ на посланіе Нектарія, отвѣтъ, для котораго воспользовались, между прочимъ, событіемъ 18 декабря. Писій, который, надобно замѣтить, имѣлъ личныя неудовольствія противъ Нектарія, показалъ въ этомъ отвѣтѣ замѣчательный опытъ своей діалектики и умѣнья примѣняться къ лицамъ и обстоятельствамъ: если не всегда основательно, то большею частію ловко и находчиво отстраняетъ онъ замѣчанія Нектарія и, съ обычнымъ искусствомъ, пускаетъ въ ходъ свои доказательства *ad hominem*. Считаемо не лишнимъ привести этотъ замѣчательный памятникъ, съ незначительными сокращеніями.

« Съ великою радостію приняли мы твою почтенную грамоту, подающую намъ благословеніе отъ святаго гроба, въ которой пишешь о примиреніи съ Никономъ, преждебывшимъ патріархомъ, и возстановленіи спокойствія въ церкви. И мы въ сей жизни ничего не желаемъ болѣе этого; но твое теплое прошеніе пришло очень поздно. Оно пришло послѣ свитка (отвѣтовъ), скрѣпленнаго руками всѣхъ васъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ, въ которомъ вы отчуждаете его отъ патріаршаго престола. И если твое благоразумнѣйшее благословеніе, вопреки мнѣнію прочихъ патріарховъ, предлагаетъ снова призвать его; то извѣстно, что общій судъ имѣетъ большую силу, рѣшеніе же одного сравнительно имѣетъ менѣе цѣны. Посему, хотя мы приняли твое слово, какъ священное, но для правильнаго суда считаемъ недостаточнымъ свидѣтельство одного, особенно если свидѣтель принадлежитъ къ низшей степени. ¹ Ты не призналъ отреченія Никона правильнымъ и твердымъ, потому что оно не закрѣплено (письменнымъ отреченіемъ), и не принято кѣмъ-либо высшимъ, привода въ свидѣтельство премудраго патріарха Геннадія, нѣчто подобное написавшаго въ одномъ изъ своихъ посланій; но настоящимъ соборомъ уже принято отъ Никона и такое отреченіе, подписанное его рукою, какъ можно это видѣть изъ длинной его грамоты, гдѣ сказано и то, что онъ никогда не будетъ болѣе имѣть дѣла до патріаршества. ² Итакъ, это отреченіе

¹ Здѣсь указаніе на то, что патріархъ іерусалимскій занимаетъ четвертое мѣсто между патріаршими престолами.

² Рѣчь идетъ о грамотѣ патріарха Никона, съ изложеніемъ условій отреченія, которой отъ него требовали черезъ чудовскаго архимандрита Іоаннана и дьяка Дементія Башмакова. Она напечатана на стр. 498—510, и мы упоминали о ней выше.

есть истинное отреченіе, потому что принято, и слѣдовательно никакого оправданія для него быть не можетъ. Но пусть, мы готовы внимать прошенію твоего благословенія, которое почитаемъ, какъ пророческіе глаголы. (Ты пишешь:) «Посему твое царское величество да призываетъ его снова, *если же не призываетъ, то можетъ случиться, что онъ придетъ самъ, и тогда не будетъ уже несимлемъ.*»¹ А онъ действительно и пришелъ, и какъ пришелъ! Выслушай, прошу тебя, благословеннѣйшій. Въ полночь, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, пришелъ онъ изъ своего новосотвореннаго Іерусалима въ царственный нашъ дворъ со свѣщами (а тогда явилась комета, точно предвѣщая его свирѣпый приходъ); при такомъ необыкновенномъ происшествіи, возмущился весь городъ и весь синклитъ пришелъ въ смятеніе. Между тѣмъ, Никонъ сидѣлъ на патриаршемъ престолѣ, окруженный множествомъ людей; митрополитъ Іона ему поклонился, протопопъ почтилъ его, іеродіаконъ явственно поминалъ его на ектеніи. Ужели это не есть насильственное нападеніе, явное отступленіе, несправедливое вторженіе чужака дерзкаго и непризваннаго къ высшему престолу, насильно и нагло отвергающаго и попирающаго священныя правила? Итакъ, это новое дѣло превышаетъ всѣ прежнія дѣла его, то-есть своевольное отреченіе и семилѣтнее удаленіе (съ престола), мятежи и тайныя ссылки, о которыхъ не станемъ говорить здѣсь, изъ уваженія къ патриаршему достоинству. Принимая во вниманіе все это и подобное, произнеси, блаженнѣйшій, справедливый приговоръ, прямо держа вѣсы, не уклоняя ихъ ни на мою сторону, ни на его. Желалъ бы я видѣть тебя и тайно говорить съ тобою, о чемъ подробнѣе извѣщалъ въ другихъ нашихъ письмахъ; если же этому быть невозможно, то пришли вмѣсто себя намѣстникомъ другаго архіерея благоискуснаго и благоразумнаго. Поступивъ такимъ образомъ, ты окажешь благодѣяніе намъ, весьма почитающимъ святаго мѣста, которымъ, по окончаніи дѣла, мы намѣрены послать милостыню для уплаты долга.»² (Стр. 597—600.)

¹ Что здѣсь выдержка изъ Нектаріева посланія, это очевидно; но въ посланіи этомъ, напечатанномъ въ IV т. *Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ*, послѣднихъ словъ не находится; однакоже, нельзя думать, чтобы Пансій въ грамотѣ къ Нектарію привелъ, какъ его собственныя слова, то, чего онъ не писалъ.

² Въ концѣ грамоты сдѣлана любопытная приписка. Нектарій, въ своемъ посланіи, предостерегалъ государя отъ греческихъ переводчиковъ, чтобы не слышномъ доверился имъ, потому что они, въ переводахъ, съ намѣреніемъ искажаютъ иногда смыслъ грамотъ. По поводу этого замѣчанія Нектарія и сдѣлана приписка въ грамотѣ Алексѣя Михайловича: «Таки жалобы творить, и истинно, твоя благостыня о семъ, яко не прямо переводятся письма Греками, здѣ пребывающими, но прилагается нѣчто и

Нельзя не согласиться, что грамота составлена очень искусно. Какъ ловко, напримѣръ, Паясій выставляетъ на видъ противорѣчіе между посланіемъ Нектарія и отвѣтами патріарховъ, подъ которыми самъ же онъ подписался! и какъ зло даетъ ему замѣтить при этомъ, что общій голосъ патріарховъ, занимающихъ притомъ выше его степень въ іерархіи, долженъ имѣть больше силы нежели его одного личное мнѣніе! Здѣсь именно чувствуется въ словахъ Паясія злобное желаніе уколоть патріарха Нектарія, котораго онъ имѣлъ много причинъ не любить. Не менѣе искусно воспользовался онъ только что полученнымъ отъ Никона письменнымъ отреченіемъ, чтобъ отвѣтить на замѣчаніе Нектарія, что отреченіе Никона, какъ не подписанное его рукою, не имѣетъ силы. Наконецъ, Паясій рѣшительно торжествуетъ, указывая на случившееся недавно самовольное возвращеніе Никона на патріаршій престолъ, которое, по словамъ самого Нектарія, должно быть признано незаконнымъ, и такимъ образомъ, его собственными словами доказывая ему, что Никонъ подлежитъ законному осужденію. Однакоже, несмотря на всю діалектическую ловкость этихъ возраженій, они, въ сущности, не имѣютъ большой силы. Нектарій, конечно, не хуже Паясія понималъ, что становился въ нѣкоторое противорѣчіе, отправляя въ одно время и отвѣты, осуждавшіе Никона (хотя не рѣшительно и не прямо, потому что и имя Никона въ нихъ ни разу не упоминается), и посланіе въ его защиту. Но тогда какъ отвѣты, неопредѣленные и общіе, имѣли, такъ-сказать, офиціальныя характеръ, въ посланіи, напротивъ, онъ обращался къ личному чувству государя, вступалъ съ нимъ въ откровенную бесѣду и именно объяснялъ ему, что по формѣ, пожалуй, и можно осудить Никона (какъ это сдѣлано въ отвѣтахъ), но что это будетъ не совсѣмъ справедливо и произведетъ соблазнительный и опасный примѣръ въ церкви. Онъ зналъ, конечно, такъ же хорошо какъ и Паясій, что все дѣло зависѣло отъ доброй воли государя, и потому отвѣты патріаршіе не могутъ служить препятствіемъ покончить его миролюбиво, о чемъ и умолялъ Алексѣя Михайловича. Еще менѣе силенъ другой аргументъ Паясія. Нектарій дѣйствительно писалъ, что отреченіе, произнесенное Никонѣмъ въ церкви, не

умалется, по хотѣнію ихъ, еже зѣло мнѣ бысть не полюбился и о томъ сыскать повелѣли есмы. Обаче, яже принесе Севастъ, не тоємо по-гречески, но и по-словенски писана быша, яко и переводникъ не употребися за твоимъ благоразумнымъ переводомъ, но и полатынъ архидіаконъ твой Досноей нѣкая намъ извѣсти, яко и греческихъ переводниковъ никакожь употребихомъ, многимъ латынскимъ переводникомъ у насъ сущимъ; обаче, яко предрекомъ, о семъ довольно сыскать повелѣмъ, по хотѣнію твоего благословенія.

имѣеть силы, потому что не сдѣлано письменно: слѣдовательно, только что сдѣланное Никономъ письменное отреченіе онъ долженъ признать имѣющимъ полную силу; и онъ, безъ сомнѣнія, весьма охотно призналъ бы силу этого отреченія, еслибы Паисій сказалъ о немъ все, что слѣдовало сказать. Въ письменномъ отреченіи Никонъ, со всею опредѣлительностію, изложилъ условія, при соблюденіи которыхъ онъ готовъ «никогда не имѣть дѣла до патріаршества», и во главѣ всѣхъ условій поставилъ то, чтобъ ему сохранено было имя патріарха и достоинство чести послѣ дѣйствительнаго патріарха московскаго. Итакъ, въ силу этого отреченія, надлежало, не подвергая Никона суду (чего и желалъ Нектарій), избрать ему законнаго преемника, за нимъ же оставить (еслибы нашли это удобнымъ) тѣ права, которыхъ онъ требовалъ; а между тѣмъ Паисій, изъ этого отреченія дѣлаетъ совершенно другой выводъ, лукаво примѣняясь только къ словамъ Нектарія, именно, говорить, что такъ какъ отреченіе уже подано и принято, то для Никона «не можетъ уже быть никакого оправданія». То же надобно сказать и о послѣднемъ аргументѣ Паисія: и здѣсь онъ старается только поймать Нектарія на словахъ. Нектарій писалъ царю, чтобъ пригласилъ Никона возвратиться на патріаршество, и что если Никонъ придетъ самъ, безъ приглашенія, онъ поступитъ уже незаконно: а вотъ, съ торжествомъ замѣчаетъ на это Паисій, онъ дѣйствительно и пришелъ, и какъ пришелъ! Но, опять, еслибы Паисій вѣрно передалъ, какъ дѣйствительно пришелъ Никонъ, оказалось бы, что слова Нектарія не даютъ ему никакого оружія противъ Никона, и торжествовать было не совсѣмъ кстати: Никонъ и пришелъ не самъ собою, а именно по приглашенію, отъ имени царя. Положимъ, что приглашеніе оказалось въ послѣдствіи ложнымъ; но это была уже не его вина. Такимъ образомъ, ловкіе аргументы Паисія въ сущности оказываются весьма не сильными, потому что лишены истины, основаны на ложномъ изображеніи фактовъ. Но объ этомъ онъ едва ли сокрушался: вѣдь не станутъ же въ Іерусалимѣ наводить справки, правду ли сказалъ онъ о письменномъ отреченіи Никона и вѣрно ли передалъ исторію его неожиданнаго пріѣзда въ Москву! А между тѣмъ, цѣль посланія достигалась: патріарху-защитнику Никона было показано, что, при всемъ желаніи, царь не можетъ послѣдовать его миролюбивымъ совѣтамъ; мало этого, ему доказали его же собственными словами, что Никонъ долженъ быть подвергнутъ строгому суду, и что, слѣдовательно, онъ долженъ признать силу имѣющаго скоро послѣдовать приговора надъ Никономъ. Конечно, не безъ намѣренія также упоминается въ посланіи къ іерусалимскому патріарху о «новосотворенномъ Никоновомъ Іерусалимѣ», и

о томъ, что, по совершеніи дѣла, царь пришлетъ милостыню святымъ мѣстамъ.

Таково содержаніе двухъ, доселѣ бывшихъ неизвѣстными, грамотъ царя Алексѣя Михайловича къ константинопольскому и іерусалимскому патриархамъ. Онѣ представляютъ новое доказательство того, какими непрямими путями противная Никону сторона старалась привести его дѣло къ желанному исходу, также — въ какое жалкое положеніе, при судѣ надъ нимъ, поставлены были греческія власти, какъ знакомили ихъ съ обстоятельствами дѣла и какими способами старались на нихъ дѣйствовать; наконецъ, въ нихъ мы встрѣчаемся еще разъ съ замѣчательною личностію Паисія Лигарида — и какъ писателя, съ извѣстными его качествами, и какъ главнаго дѣателя въ ряду Никоновыхъ противниковъ, того дѣателя, которому всегда принадлежалъ починъ въ дѣлѣ, и голосу котораго царь Алексѣй Михайловичъ внималъ безпрекословно.

Новыя, очень любопытныя свѣдѣнія о томъ же Паисіѣ и отношеніяхъ къ нему царя Алексѣя Михайловича содержатся въ грамотѣ, присланной къ царю іерусалимскимъ патриархомъ Досифеемъ, которая, какъ мы сказали выше, также въ первый разъ дѣлается теперь извѣстною. Въ грамотѣ патриарха Досифея есть любопытныя историческія замѣтки — о тогдашнемъ бѣдственномъ положеніи іерусалимскаго престола, при усилившемся преобладаніи Франковъ, о надеждахъ, какія возлагалъ патриархъ на помощь единовѣрной Россіи, о царскихъ вкладахъ въ церковь Святаго Гроба, о положеніи Грековъ, особенно греческихъ купцовъ, въ Москвѣ и пр.; но мы обратимъ вниманіе исключительно на то, что говорится въ ней о Паисіѣ Лигаридѣ, — и что составляетъ главное содержаніе грамоты. Изъ нея мы узнаемъ положительно, что Паисій никогда, «яко человекъ, согрѣши въ нѣкихъ статьяхъ и, по винѣ его, отставленъ бысть отъ священныя службы и отъ церковнаго причта, отъ блаженнѣйшаго патриарха Киръ-Нектарія и отъ всего іерусалимскаго собора. Въ грамотѣ говорится также, что патриархъ Нектарій писалъ и въ Москву, къ царю Алексѣю Михайловичу, вѣроятно уже послѣ изложенія Никона, «чтобы онъ держалъ себя съ Паисіемъ осторожно, имѣлъ опасеніе, какъ бы онъ не ушелъ къ римскому папѣ.» Надобно думать, что уклоненіе къ папизму, на которое сдѣлано указаніе въ этомъ предостереженіи, и было одною изъ причинъ, почему онъ подвергся церковному отлученію; что же касается другихъ его поступковъ, послужившихъ къ тому поводомъ, то патриархъ Досифей выражается о нихъ слѣдующимъ образомъ: «онъ Лигаридъ имѣетъ, великій государь, многія и большія вины и согрѣшенія, о которыхъ я написалъ было тебѣ, великій государь, для удостовѣренія (что онъ достоинъ отлученъ); только стыдъ не до-

пустилъ насъ послать». Къ этому патріархъ Досиѳей прибавилъ только, что можетъ увѣрить государя, что, отлучая Паисія, патріархъ Нектарій поступилъ совершенно справедливо: «Киръ-Нектарій патріархъ не таковскій, чтобы писать или говорить ложно; но таковъ онъ въ правдѣ, что нинѣшней такой архіерей разумный и богобоязливый не будетъ.» Это показываетъ, что патріархъ Никонъ, въ свое время, имѣлъ полное основаніе отзываться о Паисіѣ такимъ образомъ, какъ напимѣръ въ посланіи къ Діонисію, и не признавать за нимъ права на участіе въ соборахъ и, вообще, въ дѣлахъ русской церкви. Между тѣмъ, царя Алексѣя Михайловича, какъ видно, весьма огорчала мысль, что человѣкъ, оказавшій ему столько услугъ, находится подъ церковнымъ запрещеніемъ; онъ рѣшился ходатайствовать за него предъ патріархомъ іерусалимскимъ, и дѣйствительно отправилъ къ Нектарію просительную грамоту о разрѣшеніи Паисія отъ церковной клятвы. Нектарій въ это время отказался уже отъ патріаршества; царскую грамоту принялъ Досиѳей (и отвѣчалъ на нее посланіемъ, содержаніе котораго мы излагаемъ). Но въ то время, какъ благочестивый царь русскій, быть-можетъ по просьбѣ самаго Паисія, ходатайствовалъ за него предъ патріархомъ, самъ онъ писалъ въ Палестину своимъ друзьямъ и самому патріарху письма, наполненныя оскорбленіями, особенно патріарху Нектарію, и даже угрозами: «ему бы слѣдовало, говорить Досиѳей, писать къ намъ, какъ прилично, — умолять и просить; а онъ пишетъ не такъ: страшаетъ насъ, бранитъ, называетъ бездушными и неистовыми, и отца нашего, патріарха Нектарія, называетъ звѣремъ, полоумнымъ, безумцемъ и многими другими несприятельными словами». Эти письма сильно огорчали Досиѳея, который питалъ глубокое уваженіе къ Нектарію, и, какъ самъ говорятъ, за такую оскорбительную брань онъ хотѣлъ «еще однажды воздать Паисію надлежащее воздаяніе»; одно изъ его оскорбительныхъ писемъ онъ даже препроводилъ къ государю, чтобы онъ «прочелъ и выразумѣлъ, какъ онъ Паисію хулитъ и бранитъ своего патріарха, и какъ, за одно это, онъ стоить отлученія отъ архіерейскаго достоинства. Тѣмъ не менѣе, однакоже, просьба русскаго царя, для патріарха бѣдствующей Палестины, была дѣломъ такой великой важности, что для ея удовлетворенія онъ готовъ былъ забыть и всѣ преступленія Паисія и его оскорбительныя письма; онъ удивлялся даже смиренію русскаго царя, что онъ проситъ, а не приказываетъ ему простить Паисія, и откровенно высказалъ это въ письмѣ къ государю: «ты, какъ царь праведный и могущественный, могъ бы своею силой повелѣть намъ простить его; а ты, какъ царь благочестивый, пишешь къ намъ и просишь о прощеніи его.» По согласію съ патріархомъ Нек-

таріемъ, Доспоей написалъ разрѣшительную грамоту, въ которой «ради прошенія и любви самодержца русскаго освобождалъ Памсіа отъ всего отлученія и проклятія», и въ октябрѣ 1669 г. препроводилъ эту грамоту государю (стр. 606 — 607). Кромѣ того, въ посланіи къ царю, онъ писалъ, что патріархъ Нектарій совѣтовалъ ему просить государя, чтобъ отпустилъ Памсіа изъ Москвы, и что онъ съ своей стороны отдастъ это на волю царя: «какъ ты, великій государь, изволишь, такъ и будетъ: если онъ нуженъ твоему царству, пусть остается, если же отпустишь, мы его примемъ, — пусть живетъ гдѣ захочетъ — въ Газѣ ли, или въ Іерусалимѣ, или на Хіосѣ, гдѣ онъ родился». Итакъ, Памсіей Лигаридъ былъ освобожденъ отъ запрещенія, благодаря дружескому ходатайству царя Алексѣя Михайловича и быть-можетъ за то, что такъ много содѣйствовалъ низложенію Никона, его прежняго собиннаго друга! Въ какой мѣрѣ Памсіей былъ признателенъ за такую милость царю и патріархамъ — неизвѣстно; но приглашеніе послѣднихъ пріѣхать въ Палестину не возбуждало въ немъ желанія проститься съ Москвой: онъ попрежнему жилъ въ Москвѣ и принималъ участіе въ разныхъ интересныхъ дѣлахъ.

Одно подобное дѣло, относящееся къ 1669 году, напечатано въ *Запискахъ* (стр. 390 — 594). Дѣло было такого рода. Превжній валахскій воевода Константинъ, отъ скудости своей, заложилъ какому-то Гречину Христофору Лемберову, за 500 червонныхъ, мощи разныхъ святыхъ (въ восьми мѣстахъ); заложя, выкупить ему было нечѣмъ; Христофоръ хотѣлъ продать мощи въ Венеціи, или въ другомъ государствѣ, чтобъ у него тѣ золотые не пропали; а воевода посовѣтовалъ ему отвезти ихъ къ русскому царю, говоря, что царское величество тѣ мощи у него изволитъ взять и велитъ за тотъ его долгъ наградить его изъ своей государственной казны. Въ 1667 году Христофоръ дѣйствительно пріѣхалъ въ Москву. Тамъ находились въ это время патріархи александрійскій и антиохійскій съ другими греческими архіереями. Къ нимъ, какъ соотечественникамъ, Христофоръ явился прежде всего по своему дѣлу. Александрійскій патріархъ освидѣтельствовалъ мощи и далъ Христофору удостовѣреніе въ ихъ подлинности, за своею подписью и печатью; подписались еще четыре греческіе митрополита; патріархъ обѣщалъ также доложить о мощахъ государю. Несмотря на все это, дѣло Христофора, какъ видно, шло не совѣмъ успѣшно: онъ прожилъ въ Москвѣ, и самъ долженъ былъ заложить мощи, вмѣсто 500 червонцевъ, въ 280 руб., іеродиакону александрійскаго патріарха Мелетію, который, вѣроятно, надѣялся не остаться въ убыткѣ. Но вскорѣ патріархъ александрійскій былъ отпущенъ изъ Мос-

квы, и Мелетію пришлось уѣзжать не устроивши дѣла. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ обратился за помощію къ самому сильному при дворѣ земляку—Пансію Лигариду: мощи онъ оставлялъ подъ сохраненіе архимандриту Никольскаго (Греческаго) монастыря Соломону, а Пансію поручилъ разыскать съ Христофора деньги. Въ рукахъ Пансіа дѣло приняло другой оборотъ: онъ сначала выпросилъ у государя приказъ, чтобы должника, пока не отдастъ денегъ, изъ Москвы не выпускали; а потомъ, и самыя мощи, чрезъ царскаго духовника, были наконецъ представлены царю.

II.

Въ *Запискахъ* Археологическаго Общества издано довольно значительное собраніе грамотъ и писемъ царя Алексѣя Михайловича къ разнымъ лицамъ. Послѣ матеріаловъ, относящихся до Никона, онъ составляюгъ самую любопытную часть книги. Почти все онъ писаны во время польскихъ войнъ, частію изъ Москвы, частію изъ становъ подъ Смоленскомъ и Вязьмою. Къ числу писанныхъ въ Вязьмѣ относятся нѣсколько грамотъ въ Москву къ боярину Ивану Васильевичу Морозову, завѣдывавшему столицей въ отсутствіе царя и патріарха Никона, который въ это время съ царскимъ семействомъ находился въ Вязьмѣ же. Царь собрался самъ съѣздить въ Москву ненадолго, «лехнимъ дѣломъ» — только отвезти жену и дѣтей, да поклониться московскимъ угодникамъ: поэтому, онъ требовалъ отъ Морозова обстоятельныхъ извѣстій о томъ, что происходитъ въ Москвѣ, главное — прекратилась ли чума: «и вы бѣ есге отписали къ намъ *подлинно*, на Москвѣ моровое повѣтріе унялось ли, или еще порываеетъ, а буде перестало, и сколь давно перестало, и въ коемъ числѣ». Въ то же время онъ писалъ Морозову, что ему вѣдомо учинилось (быть-можетъ отъ Никона), что во время повѣтрія «мужья отъ женъ постригались (въ монахи), а жены отъ мужей,» и что теперъ, когда болѣзнь унялась, многіе изъ нихъ «живутъ въ своихъ дворѣхъ съ женами, и многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ, и пьянство и воровство умножилось»; про все это царь приказывалъ боярину провѣдать подлинно и отписать къ нему въ станъ, въ Вязьму, тотчасъ съ нарочнымъ гонцомъ. Это письмо было 15 января 1655 г.; а 17 числа царь отправилъ къ Морозову новую грамоту, съ приказаніемъ выслать ему денегъ изъ Москвы, но не иначе, какъ перемывши ихъ сначала: «и вы бѣ о томъ отписали къ намъ, на нашъ станъ въ Вязьму:

денги на Москвѣ; и которыя приходили изъ городовъ къ Москвѣ, и тѣ денги перемывали ль, и буде не перемывали, велѣли перемывать въ водѣ.» Къ этому царь опять прибавлялъ, чтобы бояринъ отписалъ къ нему, унялось ли на Москвѣ моровое повѣтріе. Не смотря на такія настоятельныя требованія, Морозовъ прислалъ государю очень неопредѣленные извѣстія о моровой извѣ, такъ что Алексѣй Михайловичъ, 21 января, отправилъ къ нему довольно строгій выговоръ: «И то знатно! — не опасаяся нашего государева здоровья, и безъ ума, пишете неподлинно! Пригоже вамъ и ежедень про смертоносную изву, также и что въ царствующемъ градѣ Москвѣ дѣлается, писать. Да вамъ же писано про новопостриженныхъ старцовъ и старицъ и про иное всякое безчинство, и вы къ намъ ничего подлинно не пишете, и вы то дѣлаете самымъ нерадительно дѣломъ.» Наконецъ, 28 января, Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ Морозову еще письмо, какъ видно, съ послѣдними распоряженіями предъ выѣздомъ изъ Вязмы; письмо это даетъ понятіе о печальномъ положеніи столицы послѣ чумы. «Вѣдомо учинилось намъ, великому государю, что на Москвѣ которые выморощные дворы, а въ нихъ не осталось никого и стоять пусты, и съ тѣхъ дворовъ выметаны на улицѣ постели и всякое рухлядишко, и снѣгомъ занесло и замерзло, а изъ иныхъ и изъ жилыхъ также выметано... И вы бѣ есте велѣли сыскивать накрѣпко, въ кремль и по которой улицѣ итить намъ, великому государю, да не токмо во кремль и по которой улицѣ итить намъ, и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, чтобы нигдѣ изъ выморощныхъ дворовъ на улицахъ ничего не было зазорнаго, и одноконечно бы, къ нашему государеву пришествію, во всей Москвѣ, по всѣмъ улицамъ и переулкамъ чисто было и заморошново не было, а подобравъ бы велѣли въ непроходимое мѣсто закопать.» (Стр. 730.)

Всѣ остальные грамоты писаны къ разнымъ боярамъ и воеводамъ, стоявшимъ съ войсками въ разныхъ мѣстахъ, во время первой и второй польской войны, и содержать въ себѣ разные извѣстія и распоряженія касательно походовъ и сраженій. Въ нихъ можно найти не мало любопытныхъ и важныхъ для исторіи этой войны извѣстій и замѣтокъ¹; но всего интереснѣе въ

¹ Въ этомъ отношеніи особенно любопытно дружеское письмо Алексѣя Михайловича къ Артаману Матвѣеву (725—729), котораго онъ за вѣрную службу извѣщаетъ изъ Вязмы, что дѣлается у нихъ въ походѣ. Онъ пишетъ, между прочимъ: «Посланникъ приходилъ отъ свейскаго Карла короля думный человекъ, а имя ему Удде Удла, а таковъ смышленъ, и купишь его, то дорого дашь что полтина, хотя думной человекъ. Мы, великій государь, въ десять лѣтъ впервые видимъ таково глупца посланника; а присланъ нарочно такой глупецъ» и проч.

нихъ то, какъ самъ царь Алексѣй Михайловичъ, относился къ дѣлу, его личный взглядъ на событія, его понятія о военномъ дѣлѣ и ходѣ войны, его отношенія къ войску и воеводамъ, его впечатлѣнія по поводу тѣхъ или другихъ извѣстій съ театра войны, словомъ, его характеръ, на сколько и какъ онъ выражается въ этихъ письмахъ. Съ этой стороны мы обратимъ на нихъ вниманіе.

Читая письма царя Алексѣя Михайловича, нельзя не замѣтить въ нихъ прежде всего сильнаго элемента религіозности, въ строго-православномъ духѣ, которымъ царь былъ глубоко проникнутъ, и который вноситъ онъ даже въ свои воззрѣнія на значеніе войны, ея успѣхи и неудачи. По его убѣжденію, успѣхъ войны зависитъ единственно отъ Бога, и потому, со стороны военачальника, требуется прежде всего—смирненіе, упованіе на Бога, молитва и попеченіе о томъ, чтобы не прогнѣвить Бога, во время войны, какимъ-нибудь несправедливымъ и жестокимъ дѣломъ; гордость, самонадѣянность, увѣренность въ своемъ искусствѣ,—вотъ что, по его мнѣнію, составляетъ главную причину военныхъ неудачъ, то-есть навлекаетъ гнѣвъ Божій. Въ рѣдкомъ письмѣ къ воеводамъ онъ не напоминаетъ имъ этихъ истинъ. «Намъ, великому государю, писалъ онъ къ князю Трубечкому, помощникъ Господь Богъ нашъ; Той есть силенъ и крѣпокъ въ брани, а развѣ Того, не имѣю никого; и вамъ того же заступника и помощника проповѣдаю; токмо вѣруйте несомнѣнною вѣрой и припадите всею душою и всѣмъ сердцемъ, и будите милостивы, судъ правой творите: ей будетъ съ вами!» (715.) «Въ сердцахъ своемъ великое смирненіе и низость передъ Богомъ имѣйте, писалъ онъ къ князю Григорію Ромодановскому, а не возношеніе, какъ нѣкто вашъ братъ говаривалъ: не родился де такой промышленникъ, кому бы его одолѣть съ войскомъ,—и Богъ за превозношеніе и совсѣмъ предалъ въ плѣнъ.»¹ (771.) Особенно подробно развилъ Алексѣй Михайловичъ свой религіозный взглядъ на войну въ длинномъ письмѣ къ воеводѣ князю Лобанову-Ростовскому, по поводу его неудачнаго приступа къ Мстиславу (стр. 742—749). Неудачу воеводы царь объяснялъ именно тѣмъ, что онъ «къ городу приступилъ безъ разсмотрѣнія всякаго, положе упованіе на свое челоувѣчество и доротство, кромѣ Бога, и божественная писанія не помянулъ: *не надѣйтесь на кесари, на силы челоувѣческіе...*» А по прилучаю дѣло-то и пришло, что приступить, продолжаетъ онъ, и въ началѣ тебѣ, окольничему и воеводѣ, достойтъ внутрь себя прійти и сокрушити сердце свое передъ Богомъ и восплакать горцѣ въ храмниъ своей тайно, це-

¹ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о Шереметевѣ, взятомъ въ плѣнъ въ 1660 году.

редь образомъ Божиимъ, о побѣдѣ, и передь образомъ пречистыя Матери его, пр. Богородицы, и всѣхъ святыхъ... чтобы сотворили молитву ко Господу Богу за васъ, воеводъ, и за всѣхъ нашихъ, великаго государя, ратныхъ людей, воеже помощи вамъ и спасти васъ отъ всякаго вреда, а не на свое высокоуміе полагагца. Да достовѣтъ и святымъ и страннымъ нозѣ умыти. А кто святые и странные? Меншая братія Христова, по евангельскому словеси, бѣдныя, маломощныя, сироты, по своему обѣщанію, которые за Христа и за святыя его церкви и за насъ, великаго государя, не жалья живота своего, на боѣхъ и на приступѣхъ тѣломъ своимъ обгаются до крови, и неточію до крови, но и до самыя смерти понуждають себе страдати и стражутъ... Ей, тѣ меншая Христова братія, ей, тѣ святыя и блаженныя, свѣты, имъ же ангелы вѣнцы плетуть и на главы ихъ кладуть: а у васъ такихъ много бѣдныхъ, и раненыхъ, и побитыхъ. И аще бы сіе у васъ въ чолку сотворилося крѣпко, вѣрую Богу и Господу нашему, чтобъ Мстиславъ вскорѣ одолѣнъ былъ отъ васъ, воеводъ нашихъ. Покаянію, молитвѣ, милостивѣ, страннолюбію не можетъ никакой непріятель сопротивъ стати, ни Агаряне, ни самый адскій князь, — всѣ окрестъ бѣгутъ и трепещуть.» «А какъ велѣно тебѣ, окольничему нашему и воеводѣ, быть на нашей, великаго государя, службѣ, и мы тебѣ приказывали изустно о Божіи и о нашемъ, великаго государя, дѣлѣ промышлять со всякимъ радѣніемъ, отложя всякую гордость и спѣсь. Вспомни, человекъ, Спасово слово, на кого призрю? на кроткаго, и смиреннаго, и трепещущаго словесъ моихъ; отъ кого отвращуся? отъ гордаго, немилосердаго, братоненавидца, отъ лживаго и кланущагося во лжу моимъ именемъ святымъ.» Потомъ, онъ напоминаетъ Лобанову объ успѣшномъ отраженіи Нечая, когда онъ, «окольничій и воевода, испрося у Бога милости и заступленія и воскрячавъ есакомъ преподобнаго Сергія, государевыхъ враговъ и измѣнниковъ побѣдилъ:» въ то время «ты, окольничій нашъ и воевода, и всѣ мало смирился передь Богомъ и прибѣгли сокрушеннымъ сердцемъ: что же и онъ, свѣтъ, великій и дивный царь, какую побѣду дарова! Вѣруеши ли, каковъ милостивъ Спасъ? вѣруеши ли, что гордымъ и неуважающимъ на него и двоедушнымъ и лукавымъ не помогаетъ? вѣруеши ли, что искини бѣ, до днесь и впредь до вѣка, безъ ево воли святыя ничтоже доброе не содѣвается и не утверждается, и злое, безъ ево же святова попущенія, не содѣвается же? Вѣруеши ли, что къ просящимъ отъ него, великаго царя и спаса всѣхъ насъ, и уважающимъ на него, и безъ его святыя воли ничтоже начинающимъ дѣлати, и тѣмъ спасителемъ, и засгупителемъ, и подателемъ? И будетъ вѣруеши единодушно и единосердечно, а не двоедушнымъ и двоимъ сердцемъ, и къ тебѣ

будетъ таковожь милостиво и въ бѣдахъ заступителенъ и въ побѣдахъ одолѣніе вездѣ подастъ. И впредь такожде твори; испрося милости и соверша молебная сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами, и страннымъ нозѣ умывъ, начинай и совершай всякое дѣло Божіе, и наше, и земское; и аще такъ пребудеши, поможеть ти вездѣ до скончанія живота твоего.»

При такомъ взглядѣ на военные успѣхи и неудачи, Алексѣй Михайловичъ, какъ строгій блюститель православія, разумѣется, считалъ особенно важнымъ, и строго внушалъ воеводамъ, чтобы при войскахъ отправлялось богослуженіе и молебныя пѣнія, особенно передъ началомъ ратныхъ дѣлъ. Иногда онъ входитъ объ этомъ предметѣ въ подробныя объясненія, при чемъ обнаруживаетъ то замѣчательное знаніе богослужебнаго чина, и вообще церковности, которымъ онъ дѣйствительно отличался. Въ этомъ отношеніи замѣчательно одно письмо его къ князю Юрію Долгорукому, гдѣ онъ предписываетъ, передъ походомъ противъ Гонсѣвскаго, отслужить молебствіе среди стана, собравши всѣхъ ратныхъ людей, передъ иконою Спасителя, которая была отпущена съ воеводою изъ Москвы; по совершеніи молебнаго пѣнія, оградить ратныхъ людей честнымъ и животворящимъ крестомъ и окропить святою водою. «А молебенъ пѣти, передъ походомъ твоимъ за недѣлю, или за день, чтобы польскимъ людямъ походъ твой былъ незнатенъ». «Да держись единогласнаго пѣнія¹. Аще и нужда приключится не поспѣть отпѣть единогласіемъ, и тебѣ

¹ Единогласіе или единогласное пѣніе и чтеніе въ церквахъ, вѣсто прежняго слѣпшаго и беспорядочнаго въ нѣсколько голосовъ, введено было по московскимъ церквамъ по настоянію Никона, еще до избранія его на патриаршество. Это исправленіе стараго безпорядка, также какъ и все, что казалось тогда церковнымъ нововведеніемъ, произвело не малое волненіе между духовными, которое отразилось и въ народѣ: одни изъ священниковъ приняли единогласіе охотно, какъ полезное исправленіе (къ числу такихъ принадлежалъ, на этотъ разъ, и царскій духовникъ Стефанъ Бонифатіевъ); другіе возставали противъ него, какъ неумѣстнаго нововведенія, и называли людей противнаго мнѣнія *ханжами*, такъ какъ исправленіе сдѣлано было во имя благочестія и благоприличія церковнаго. Въ «Запискахъ» напечатанъ любопытный розыскъ по дѣлу о единогласіи (394—396), который хорошо показываетъ, какое раздѣленіе происходило между московскими священниками по поводу этого установленія. Дѣло поднялъ Гавриловскій попъ Иванъ. Онъ донесъ, что николюскій попъ Прокофій, гдѣ съ нимъ ни сойдется, говорить: «заводите вы, ханжи, *ересь новую*, единогласное пѣніе, людей изъ церкви учите, и мы де людей прежь сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ, бѣса де и вы всѣ имате въ себѣ, ханжи»; онъ же донесъ на лужикскаго попа Савву, что тоже бранилъ его за единогласіе: «ты де, ханжа, еще *мелодой*; ужь де ты былъ у патриарха въ смиреннѣ, а выишь у патриарха въ смиреннѣ будешь же». Говорится о патриархѣ Іосифѣ, который не сочувствовалъ новому порядку.

бы рабу Божию творити по сему указу: какъ застанеть дѣло, и ты отъ пѣнія поди, и вси слушающіи съ тобою, на дѣло Божіе, за помощію его святою; а въ умъ помышлай Иисусову молитву, а пѣніе великое послѣ тебя (пусть продолжается) по уставу и по чину единогласно же... А о томъ не огорчайся, что не дослушалъ, и пойдешь на дѣло воинское съ радостью; поди безъ всякаго сомнѣнія, а пѣніе вмѣнися тебѣ въ слушаніе, что и безъ тебя то пѣніе кончается по чину и по заповѣди св. отецъ. А будетъ и при тебѣ то пѣніе сотворяемо, чрезъ заповѣдь Божию и св. отецъ, и то пѣніе тебѣ и всѣмъ ратнымъ людямъ не къ поспѣшенію и не къ одолѣнію будетъ, но ко всякому нестройенію и поврежденію всякому доброму дѣлу. »

Впрочемъ, при такомъ, повидимому исключительномъ, религиозномъ взглядѣ на войну и воинскіе успѣхи, царь Алексѣй Михайловичъ вовсе не думалъ, что, возложивъ надежду на Бога, воеводы должны сидѣть сложа руки; напротивъ, предписывая имъ молитву, смиреніе и проч., онъ въ то же время строго требовалъ отъ нихъ, чтобъ были какъ можно бдительнѣе и осторожнѣе въ отношеніи къ непріятелю, «имѣли крѣпкое опасеніе и аргусовѣ очи на всякъ часъ, безпрестани въ осторожности пребывали, и смотрѣли на всѣ четыре стороны»; предписывалъ не иначе отваживаться на дѣло, какъ хорошо сообразивши, станеть ли силъ противъ непріятеля, и на приступы рѣшаться также съ крайнею осмотрительностію: князю Лобанову, послѣ неудачнаго приступа къ Мстиславлю, онъ писалъ съ упрекомъ: «а тебѣ было, окольному нашему и воеводѣ, напередъ того приступу довелось у того городу разсмотрѣть гораздо полыхъ мѣстъ и провѣдать про осадныхъ людей и про ихъ промыселъ допрями, и къ приступу людей росписавъ и приготова все, что надобно, объ указѣ отписать было къ намъ, великому государю, съ нарочнымъ гонцомъ наспѣхъ.» Онъ также внушалъ своимъ воеводамъ, чтобы старались улучать удобное время дѣйствовать противъ непріятеля, не допуская его усилиться. Въ январѣ 1655 года, получивъ извѣстіе, что Поляки осадили Новый Быховъ и направляются къ Могилеву, онъ писалъ къ воеводамъ Трупецкому и Долгорукову, чтобы шли не мѣшкавъ въ Брянскъ, «шли, со всею службою и ставилися по мѣстомъ безсрочно, чтобъ не дать непріятелю войти въ свои (русскіе) города, чтобъ его встрѣтитъ въ его землѣ: до тѣхъ мѣстъ огонь и тушить, доколѣ не разгорѣлся, а какъ разгорѣтся, сохрани Боже, неколи тушить.» (722.) Весьма здраво также рассуждалъ Алексѣй Михайловичъ о необходимости военачальникамъ сохранять въ строгой тайнѣ свои планы относительно воинскихъ дѣйствій, и требовалъ этой осторожности настоятельно. Вотъ что писалъ онъ князю

Юрію Долгорукову, опытному военачальнику, но какъ видно, невоздержному на языкъ: «Жалуючи тебя по Христъ, пишемъ тебѣ: не лучше ли такихъ словъ при всѣхъ людѣхъ не говорить, какимъ разсмотрѣнемъ ты, рабе Божій, за помощію его святою, хочешь биться съ непріятеля? Добро строй и урядство людямъ приказывать и вмѣщать, чтобы всегда къ брани были готовы. А на что твое разсмотрѣніе по тамошнему дѣлу будешь дѣлать, то бы не всё и вѣдали; потому что непріятель то свѣдаетъ, не обнадежился бы тѣмъ, что мысль твою будетъ вѣдать. Добро сердце имѣть смиренно, а словомъ хотя и неупадчиво, чтобы непріятель не утѣшался. А у насъ тѣ вѣсти носятя по всей Москвѣ, что ты торопишься, и бой наудачу-де хочешь дать; а говорилъ ты про то на обѣдѣ въ Можайску—съ кѣмъ? и то Богъ святой вѣдаетъ, съ кѣмъ говорилъ! Гораздо-де опасенъ и бою опасешься; а если то непріятель свѣдаетъ, и то къ конечной худобѣ и полчаномъ твоимъ къ страху, а непріятелю къ смѣлству и дородству. А и то говорено на томъ обѣдѣ напрасно, что тебѣ за Днѣпръ итти ли, или не итти? и то дѣло на что было прежде времени объявлять, потому, какъ время будетъ дѣлу, тогда и время будетъ служить. Господа ради, поостерегися въ рѣчахъ, отъ своихъ и отъ непріятеля. Вѣдаешь самъ, что съ инымъ человѣкомъ ротъ содержится и единымъ словомъ безъ повороту разстроивается.» (Стр. 761—762.) Иногда Алексѣй Михайловичъ вступаетъ даже въ разсужденія о военныхъ экзерциціяхъ, даетъ совѣты, какъ солдатамъ держать себя въ сраженіяхъ, какіе употреблять приемы, и при этомъ случаѣ обнаруживаетъ свое знакомство съ воинскимъ искусствомъ. Тому же Долгорукову писалъ онъ: «а впредь накрѣпко приказывай, рабе Божій, полуполковникомъ и начальнымъ людямъ рейтарскимъ и рейторамъ, чтобы отнюдь ни которой начальной, ни рейтаръ, прежде полковничья указу и его самого стрѣльбы карабинной и пистонной, никто по непріятелю не палилъ; да имъ же начальнымъ надобно крѣпко (держать) тое мѣру, въ какову близость до себя и до полку своего непріятеля допустя, запалить... и полковникамъ и головамъ стрѣleckимъ надобно крѣпко знать тое мѣру, какъ велѣтъ запалить; а что палить въ двадцати саженьяхъ, и то самая худая, боязливая стрѣльба; по конечной мѣрѣ пристойно въ десять сажень, а прямая мѣра въ пяти и въ трехъ саженьяхъ, да стрѣлять надобно низко, а не по аеру... Да для промычекъ твоего полку конныхъ вели рейтарамъ и пѣшимъ промешки строить пространнѣе, и какъ лучится помчать конныхъ, вели имъ бѣжать въ промешки, а строю не вели ломать.» (763—764.) Вообще, въ письмахъ Алексѣя Михайловича ясно просвѣчиваетъ простой, здравый смыслъ, которымъ онъ надѣленъ былъ въ значительной степени, его прямой и вѣрный взглядъ на вещи.

Что касается личныхъ отношеній царя къ боярамъ и воеводамъ, какъ представляются они въ его письмахъ, то въ нихъ замѣтна вообще простота и задушевность, видны какія-то родственныя, отеческія отношенія. Мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ письмахъ Алексѣя Михайловича, которыя были написаны въ особенномъ душевномъ настроеніи, подъ вліяніемъ пріятныхъ, или скорбныхъ впечатлѣній, и которыя имѣютъ свой особенный характеръ (о нихъ рѣчь впереди), также не о дружескихъ письмахъ его къ лицамъ, состоявшимъ съ нимъ въ особенно-близкихъ отношеніяхъ, каково напримѣръ письмо къ боярину Матвѣеву (725), или писанныхъ по случаю какого-нибудь частнаго, семейнаго событія, въ которомъ принималъ онъ особенно живое участіе, каково вновь перепечатанное письмо его къ князю Одоевскому, съ извѣстіемъ о смерти его сына (702—706): въ этихъ неподражаемыхъ письмахъ, можно сказать, каждое слово дышетъ сердечностію; нѣтъ, мы разумѣемъ обыкновенныя грамоты царя Алексѣя Михайловича къ боярамъ и воеводамъ, съ разными приказаніями и распоряженіями, и въ нихъ-то замѣчаемъ слѣды той задушевности и сердечной доброты, которыми онъ вообще отличался въ жизни. Они видны уже въ томъ, какъ онъ разсуждаетъ съ боярами о текущихъ дѣлахъ, какъ даетъ имъ разные совѣты и наставленія, никогда не забывая приласкать ихъ милостивымъ словомъ, особенно же въ томъ, что онъ вообще входилъ близко въ положеніе тѣхъ, къ кому писалъ, въ ихъ, такъ сказать, человѣческія чувства вдали отъ роднаго дома и семейства, почему въ письмахъ къ нимъ помѣщалъ даже извѣстія, что ихъ родные «при его государскихъ очахъ здравы путь шествуютъ по землѣ.» Всего лучше характеризуетъ его съ этой стороны одна приписка въ грамотѣ къ боярину Шереметеву, отъ 6 мая 1660 г. Въ грамотѣ содержался приказъ, чтобъ Шереметевъ, находившійся на пути изъ похода въ Москву, опять воротился въ Кіевъ; при этомъ царь писалъ боярину, чтобъ онъ такого приказу въ оскорбленіе себѣ не ставилъ, а поставилъ бы то себѣ въ милость Божию и его, великаго государя, въ премногое жалованье, и что прежняя и нынѣшняя вѣрная служба боярина въ забвеньи никогда не будетъ, а когда приведетъ государское дѣло въ совершеніе тогда и государскія пресвѣтлыя очи увидятъ. Но какъ бы чувствуя, что всѣ эти утѣшенія не очень убѣдительно для чловѣка, который былъ уже на пути домой и теперь снова долженъ, разстаться съ надеждой увидѣть семейство, и можетъ-быть надолго, Алексѣй Михайловичъ дѣлаетъ, въ заключеніе, такую приписку: «да по изволенію Божию посылаемъ къ тебѣ, боярину нашему и воеводѣ, супругу твою, для того что васъ Богъ сочеталъ, а чловѣкъ да не разлучаетъ. И когда было время, что

жить безъ жены, и то время миновалось; а нынѣ пріиде время, что тебѣ, боярину нашему и воеводѣ, жить съ своею женою вмѣстѣ, въ любви и въ радости, а не въ печали. А сынъ твой Иванъ пребываетъ въ милости Божіей и въ нашемъ государскомъ милостивомъ жалованьѣ.» (755.) Наконецъ, въ письмахъ Алексѣя Михайловича видна и его заботливость о ратныхъ людяхъ. Онъ предписывалъ воеводамъ, чтобы людей продовольствовали хорошо, жалованье выдавали исправно, берегли ихъ и обращались съ ними не жестоко, особенно чтобы не оставляли безъ призрѣнія больныхъ и раненыхъ. Мы привели выше его взглядъ на этихъ людей, которые «на бояхъ и приступахъ обгаляются кровью», и которымъ «ангелы плетугъ вѣнцы нетлѣнные», видѣли какъ онъ предписывалъ князю Лобанову обращаться съ ними. Вотъ что еще писалъ онъ въ Смоленскъ къ боярину Пушкину: «учинилось вѣдомо намъ, великому государю, что въ Смоленскѣ, въ полкахъ, солдаты многіе лежатъ больны, безъ призрѣнія, и въ приказѣхъ стрѣльцы... и вы бы велили имъ отвезть дворы особые, и велили бы нанять кому ихъ беречь, чтобы безъ призрѣнія не померли; а тебѣ бы боярину нашему и оружейнику Григорію Гавриловичу одноконечно попомнить нашу государскую (милость), объ нихъ порадыть, чтобы безъ призрѣнія не были.» (717.)

Но царскія письма и наставленія воеводамъ, проникнутыя такою религіозностію и такимъ теплымъ чувствомъ, какъ видно, не очень сильно дѣйствовали на бояръ. Отправляясь въ первый польскій походъ, царь уже имѣлъ побужденія жаловаться на ихъ «московскіе обычаи», и выражалъ мало надежды на ихъ вѣрную службу. «У насъ ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушіемъ, писалъ онъ съ дороги князю Трубецкому, нашпаче двоедушіемъ, какъ есть оболока, овогда благопотребнымъ воздухомъ, и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся, овогда же зноемъ и яростію и ненастьемъ, всякимъ злохитреннымъ обычемъ московскимъ явятся, овогда злымъ отчаяніемъ и погибелью прорипають, овогда тихостію и блѣдностію лица своего отходятъ лукавымъ сердцемъ. А мнѣ уже Богъ свидѣтель, каково ставитца двоедушія тово. Отнюдь упованія нѣтъ... Кабы не Ево Свѣтова (Божія) милость, сокрушеніе бы моему сердцу—малодушіе оныхъ. Малое что въ путь идетъ; а то всегда на гогульную статью: всѣ въ розъ; а сверхъ того, сами знаете обычаи ихъ.» (716.) И царь недаромъ жаловался на ихъ обычаи. Воеводы не столько заботились о вѣрной службѣ, сколько о своей личной безопасности да о поживѣ среди военного разгрома. Были и такіе между ними, что «въ которое время бои были, на нихъ и сабли не было, не только что много ружья, — вѣдали безъ сабли и

безъ ружья, съ тростью, а когда дѣло становилось жарко, то, убоясь пушечной стрѣльбы, съ боя и совѣмъ увѣжали. За то, весь лучший полонъ, особенно молодыхъ жонокъ и дѣвокъ, брали себѣ. А ратныхъ людей «пытали пытками», и безъ разбору били «и кнутомъ, и батоги, и ослоньемъ,» даже булавою, изъ собственныхъ боярскихъ рукъ. Не пропускали случаевъ и весело провести время: «ѣздили изъ полковъ въ гости къ шляхтѣ и у шляхты обѣдали и пили,» и оттуда возвращались на саняхъ, «прохладны». Случалось даже, что, во время походовъ, ѣзжали съ борзыми и гончими въ отхожее поле, отъ полку версты по двѣ и по три, и собакъ берегли больше чѣмъ служивыхъ людей; «на станѣхъ»,—жаловались ратные люди на воеводу — боярина князя Урусова и князя Барятинскаго,—«на станѣхъ избежки замовали на боярина и на людей его, да на князь Юрья Барятинскаго и его борзыхъ и гончихъ собакъ, а больныхъ и раненыхъ выбивали на снѣгъ и стоять въ избахъ не давали.»¹ О подобныхъ дѣлахъ, конечно, въ Москвѣ узнавали поздно (если только узнавали); но случалось, что слухи о безпорядкахъ въ войскѣ доходили до царя; случалось также, что воеводы, по своимъ московскимъ обычаямъ, присылали невѣрныя извѣстія, особенно о своихъ неудачахъ и потеряхъ, или отваживались, безъ царскаго указа, на какое-нибудь важное дѣло, и проигрывали, а всего чаще—оставляли царя въ неизвѣстности о томъ, что у нихъ дѣлается. Всѣ эти безпорядки царь Алексѣй Михайловичъ горячо принималъ къ сердцу, и платилъ за нихъ боярамъ грозными посланіями. Такъ, князь Лобановъ-Ростовскій прислалъ ему невѣрныя извѣстія о потеряхъ въ неудачномъ дѣлѣ подъ мѣстечкомъ Юканы; царь навелъ справки, и послѣ того писалъ воеводѣ: «въ отпискѣ твоей утаилъ ты побитыхъ нашихъ, великаго государя, ратныхъ людей многихъ, а о взятыхъ въ полонъ не написалъ ни объ одномъ челоѣкѣ. И въ томъ ты предъ Богомъ солгалъ, а отъ насъ, великаго государя, неутанная хотѣлъ утаить. И такъ дѣлаютъ не думные и худые люди, а думнымъ нашимъ, великаго государя, людямъ ложно писать не довелось. Отъ вѣка того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему въ ратномъ дѣлѣ, въ находкахъ и въ потеркахъ, писали неправдою и лгали.» (743.) Тотъ же воевода, не снесясь съ государемъ, безъ его указа, сдѣлалъ приступъ къ Мстиславию и былъ отраженъ съ урономъ; по этому случаю царь писалъ къ нему: «тебѣ окольникъ и воеводѣ, напередъ

¹ Всѣ приведенныя сейчасъ извѣстія мы заимствовали изъ этой весьма любопытной жалобы на двухъ воеводъ, напечатанной въ *Запискахъ* на стр. 659—681. Правда, Урусовъ и Барятинскій при розыскѣ не сознались въ большей части поданныхъ противъ нихъ обвиненій; но это еще не даетъ основанія отвергать справедливость того, что писали ратные люди.

того приступа, довелось объ указѣ отписать къ намъ, великому государю, съ нарочнымъ гонцомъ на спѣхъ; а отъ Мстислава до Москвы разстояніе не дальнее, и о томъ приступѣ объ указѣ отписать было къ намъ, великому государю, тебѣ мочно. Да то не отговорка про приступъ, что за тѣмъ не писалъ къ намъ, что будто бы у тебя подъячихъ нѣтъ. И такъ отговариваются ябедники и обышныя людишка въ приказѣхъ на судѣ, кождо съ своимъ брагомъ, предъ непутнымъ же судьей, который Бога не боится и нашего государева страху не имѣеть; а не вась, холопей нашихъ, да государевыхъ и родословныхъ людей, такое безпутное и ябедническое оправданіе. Хочешь ли своими словами правъ быти, что у тебя подъячихъ нѣтъ? а въ полкахъ рейгарскихъ и въ солдатскихъ ротные писари есть: за что не взять на время, и отписки имъ написать велѣтъ и къ намъ великому государю, прислать? Зачѣмъ такъ не учинено, рабе Божій? Время прямою виною покрыватися и впредъ усердство показывать доброе, а не лукавствомъ и неправдою покрыватися.» (744.) Воеводы особенно огорчали царя, когда оставляли его въ невѣдѣніи о томъ, что у нихъ дѣлается, не доставляли свѣдѣній, которыхъ онъ требовалъ и ждалъ отъ нихъ: въ досадѣ на это, онъ писывалъ къ нимъ такія письма, въ сравненіи съ которыми сейчасъ приведенное можно назвать очень ласковымъ и милостивымъ. Въ апрѣлѣ 1655 г. онъ отправилъ къ Черкасскому-Косому слѣдующую коротенькую записочку: «Писалъ ты къ намъ прежде сего; а нынѣ ты, срадникъ, худякъ, ни къ чему не надобенъ, не пишешь ни одной строки. Отвѣдаешь, какъ приѣхать и увидѣть наши очи!—мы тебя, срадника, не велимъ и въ городъ пустить.» (731.) Вотъ и другая подобнаго рода записка къ стольнику Тобояну: «приказано тебѣ словомъ говорить Ивану Шарапову; и ты врагъ, злодѣй окаанный, къ намъ не писывалъ ничего, говорилъ ли ему или не говорилъ, и што онъ тебѣ сказалъ.» (733.) Но эти коротенькія записочки, съ такими крупными выраженіями, собственноручно написанныя царемъ, совершенно блѣднѣютъ передъ однимъ пространнымъ письмомъ его къ князю Ромодановскому, въ которомъ крохоткаго и тишайшаго Алексѣя Михайловича можно узнать развѣ только потому, что и въ самыхъ проклятіяхъ, раздаваемыхъ съ немовѣрною щедрстію, онъ не теряетъ своего религіознаго настроенія, пользуясь для нихъ большею частію библейскими и церковными выраженіями. Поступокъ Ромодановскаго, вызвавшій громовое письмо царя, былъ поважнѣе того упорнаго молчанія о дѣлахъ, которое такъ возмущало его и причиной котораго была, вѣроятно, просто боярская небрежность, лѣнь, а можетъ-быть и безграмотность: Ромодановскій отважился не послушать прямого царскаго указа,

вмѣсто того, чтобъ отправить часть войска, по государеву назначенію, къ воеводѣ Змѣеву « для государева скорога дѣла », онъ оставилъ солдатъ при себѣ и сдѣлалъ это, какъ объяснялъ самъ царь, « для своей треклятой корысти », а между тѣмъ нарушеніе царскаго указа сопровождалось ущербомъ для дѣла. Надобно думать, что получивъ извѣстіе о такомъ поступкѣ Ромодановскаго, Алексѣй Михайловичъ рѣшительно вышелъ изъ себя, и въ этомъ-то, до крайности раздраженномъ состояніи написалъ свое замѣчательное письмо къ нему (771—775), изъ котораго мы приведемъ только болѣе характеристическія мѣста. Оно начинается слѣдующими словами: « Врагу креста Христова и новому ахитоелу, князь Григорію Ромодановскому. Воздасть тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, великому государю, прямую сатанинскую службу, яко же Даавану и Авирону и Ананіи и Самѣири. Они клялися Духу Святому во лжу, а ты Божіе повелѣніе и нашъ государевъ указъ ни во что поставилъ; яко же Іуда продалъ Христа на хлѣбъ (?), а ты Божіе повелѣніе и нашъ государевъ указъ и нашу милость продалъ же лжею... Ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ: потеряетъ тебя самого Господь Богъ, и жена и дѣтки твои узрятъ такія же слезы, какъ и тѣ плачутъ сироты, напрасно побитые. И самъ ты, треокаянный и безглавный ненавистникъ рода христіанскаго, измѣнникъ, и самого истиннаго сатаны сынъ и другъ дьяволовъ, впадешь въ бездну трисподнюю, изъ нея же никто возвращался. Воспомани, окаянный, кѣмъ взыскаешь, отъ того пожалованъ? На кого надѣнешься? гдѣ дѣться, куда бѣжать? кого не слушаешь? предъ кѣмъ лукавствуешь? Самого Христа явно облыгаешь, и дѣла его теряешь. Вѣдаешь ли безконечную муку у него, кто лестью его почитаетъ, и кто предъ государемъ своимъ лукавыми дѣлами дни свои провожаетъ, и указы перемѣняетъ и ихъ не страшится? О, Іуда законопреступный! чѣмъ дѣлаешь, позабывъ голову свою? Не будетъ на тебѣ Божія милость и наша государская ни малая милость, и истынешь, врагъ, во дно адово, аще не покаешься... И ты (дѣло наше) не токмо исправилъ, и переправилъ, такъ что и дьяволъ такъ не сдѣлаетъ, чего отъ Бога не попущено ему... Въ конецъ вѣдаешь, завистниче и вѣрный нашъ непослушниче паче всѣхъ человѣкъ, какъ то дѣло ухищреннымъ и злопронрыдивымъ умысломъ учинилъ; а товарища твоего, дурака и худова князюшка, пытать велимъ, а страдника Климку велимъ повѣстятъ. Вѣдаешь ли, что небо и землю сотворилъ единъ Богъ, и вездѣ его дѣла, на востокъ, и на западъ, и на югъ, и на сѣверъ. Не у одного тебя Божія дѣла и наши государевы; благословилъ и предалъ намъ, государю, правити и рассуждати люди своя на востокъ, и на западъ, и на югъ, и на сѣверъ, вправду, и мы Божія

дѣла и наши государевы, на всѣхъ странахъ, цолагаемъ, смотря по человѣку, а не всѣхъ странъ тебѣ одному, ненавистнику, дѣлать, для того: невозможно естеству человѣческому на всѣ страны дѣлать: одинъ бѣсъ на всѣ страны мечется.»

Письмо къ Ромодановскому представляетъ намъ Алексѣя Михайловича съ той стороны его характера, съ которою доселѣ мы были почти не знакомы. Какъ человѣкъ съ живымъ, впечатлительнымъ характеромъ, онъ быстро предавался гнѣву, и въ минуты вспыльчивости не отличался осторожностію въ выборѣ выраженій, и даже свои письма наполнялъ тѣми крупными словами, которыя такъ употребительны были въ его время. Но письмо къ Ромодановскому не единственное въ этомъ родѣ: въ *Замѣскахъ* напечатанъ другой, еще болѣе замѣчательный образецъ подобныхъ писемъ Алексѣя Михайловича. Это другое письмо не изъ числа писанныхъ къ боярамъ и воеводамъ, о которыхъ собственно у насъ идетъ рѣчь, но ради его оригинальности мы считаемъ не лишнимъ и съ нимъ познакомить читателей; притомъ же это посланіе находится въ связи съ однимъ слѣдственнымъ дѣломъ, въ нѣкоторой степени характеризующимъ бытъ нашихъ монастырей въ XVII вѣкѣ и отношенія къ нимъ царя Алексѣя Михайловича. Мы разумѣемъ грамоту его въ Саввинъ монастырь и сыскъ о казначей Никитѣ (стр. 684—697).

Надобно замѣтить, что у царя Алексѣя Михайловича были особенно близкія отношенія къ Саввину монастырю: это былъ его любимый монастырь, точно также какъ Кирилловъ-Бѣлозерскій у царя Ивана Васильевича Грознаго. Онъ весьма часто ходилъ сюда на богомолье, сюда онъ дѣлалъ самыя большіе вклады, и взялъ монастырь въ свое непосредственное завѣдываніе, подчинивъ всѣ монастырскія дѣла своей канцеляріи или приказу тайныхъ дѣлъ, такъ что монахи и служки Саввинскіе со всѣми, хотя бы самыми маловажными, нуждами обращались къ самому государю. Отношенія царя Алексѣя Михайловича къ Саввину монастырю сдѣлались особенно близкими съ того времени, какъ въ 1652 г. открыты были мощи преподобнаго Саввы, — событіе, обрадовавшее царя, какъ видимый знакъ благословенія Божія на его царствованіе. Изъ саввинскихъ монаховъ, какъ можно догадываться, ближе другихъ къ царю былъ казначей, іеромонахъ Никита: царь считалъ его человѣкомъ простосердечнымъ; притомъ, старецъ Никита былъ однимъ изъ главныхъ дѣателей при открытіи мощей преподобнаго Саввы; по выраженію самого царя, «надъ нимъ Чудотворецъ показалъ великое чудо, сподобилъ его обрѣсти мощи его, свѣтовѣ, помимо всей братіи.» И этотъ-то самый Никита, спустя шесть мѣсяцевъ по открытіи мощей, причинилъ государю такое огорченіе, что ему «до слезъ

стало; объ немъ-то и былъ произведенъ строгій розыскъ въ монастырѣ, и къ нему-то Алексѣй Михайловичъ писалъ грозное посланіе, о которомъ мы говоримъ теперь.

Кажется, самое довѣріе государя къ Никитѣ и послужило отчасти къ тому, что онъ сталъ слишкомъ много думать о своемъ значеніи въ монастырѣ и дошелъ наконецъ до самоуправства и безобразныхъ поступковъ: на архимандрита, человѣка стараго и больного, онъ не обращалъ вниманія, въ церковь не ходилъ, сталъ запивать, пьяный ѣздилъ по монастырскимъ селамъ и, что всего хуже, во хмѣлю былъ очень неспокоенъ — билъ монастырскихъ крестьянъ и стрѣльцовъ, — словомъ, «взбѣсился и задуровалъ» совѣтъ, по выраженію Алексѣя Михайловича. Само собою разумѣется, что царю донесено было о подвигахъ саввинскаго казначея: онъ назначилъ произвести розыскъ въ монастырѣ стольнику Алексѣю Богдановичу Мусину-Пушкину. Пушкинъ очень внимательно исполнилъ порученіе; царь писалъ къ нему: «Алексѣй! исполать, что хорошо сыскиваешь!» Онъ занялся не однимъ только дѣломъ Никиты: въ монастырѣ были и другія, о которыхъ онъ почелъ нужнымъ произвести розыскъ. Архимандритъ доносилъ государю, что подрались два старца Феодосій да Ермогенъ: Пушкинъ розыскалъ, какъ это случилось. Оказалось, что старецъ Феодосій не пошелъ къ заутрени, а старецъ Ермогенъ, по должности будильника и по нарочному приказу архимандрита, «почалъ посылать его къ заутрени и съ мѣста (вѣроятно съ печи) тащить, и онъ Феодосій, осердяся на него, Ермогена, кирпичемъ зашибъ.» Впрочемъ дѣло это, какъ Пушкинъ увѣдомлялъ государя, уже было рѣшено въ монастырѣ своимъ, внутреннимъ судомъ: старцы помирились, и «Ермогенъ сказалъ, что онъ государю на Феодосья не челобитчикъ, отъ архимандрита же ему, Феодосью, поученье было, — билъ его архимандритъ плетью, и сидитъ онъ, Феодосей, въ хлѣбнѣ, въ смиреннѣ.» Другое дѣло было поважнѣе и открыто самимъ Пушкинымъ: его «человѣченко» увидалъ «дву старцевъ — попа Алексѣя, да большаго повареннаго старца Васьяна — пьютъ табакъ, — и тотъ человѣченко сказалъ на караулѣ стрѣльцамъ, и стрѣльцы тѣхъ старцевъ съ табакомъ поймали и привели» къ Пушкину. Послѣдовалъ допросъ. Попъ Алексѣй повинился, что табакъ пилъ, — сказалъ и на Васьяна, что съ нимъ, Алексѣемъ, табакъ пилъ же; показалъ еще, что табакъ онъ купилъ у ярыжки впервые; а Васьянъ старецъ заперся; говорилъ, что табаку не пивалъ, а сказывалъ только, что онъ Васьянъ Алексѣю попу держалъ бумажку съ табакомъ, какъ онъ, Алексѣй, пилъ. Но стрѣльцы, по крестному цѣлованію, показали, что они табакъ пили оба. Несчастныхъ курильщиковъ, до государева указа, Пушкинъ «посадилъ въ

хлѣбно на чѣпъ», а отъ государя скоро пришелъ указъ отпра-
вить ихъ скованныхъ съ стрѣльцами въ Москву ¹. Между тѣмъ
Пушкинъ занимался розыскомъ и по главному дѣлу—о казначей
Никитѣ, именно розыскивалъ о побояхъ, нанесенныхъ имъ одинъ
разъ стрѣльцкому десятнику Борискѣ Торсукову и въ другой—
нѣсколькимъ стрѣльцамъ, занимавшимся въ монастырѣ плотнич-
нымъ дѣломъ. Десятникъ показалъ, что, по государеву указу,
ихъ стрѣльцовъ 18 человекъ оставлено было въ Саввинѣ мона-
стырѣ для государева дѣла, что, по распоряженію архимандрита,
жили они на конюшенномъ дворѣ, и что 19-го мая пришелъ къ
нимъ на конюшенный дворъ казначей Никита пьянъ и говорилъ
имъ, стрѣльцамъ, по какому-де указу вы на конюшенномъ дворѣ
стоите?—и они-де сказали, что стоятъ по архимандричью указу;
и онъ, казначей, его, Бориска, зашибъ посохомъ до крови, и ружья
ихъ, и сѣдла, и вицуну велѣлъ выметать вонъ за дворъ. Никита
же на допросѣ показалъ, что на конюшенный дворъ приходилъ
не пьянъ, что стрѣльцовъ спрашивалъ, по чьему указу стоятъ
тамъ, но что Бориско противъ его Микиты говорилъ не вставъ,
и онъ-де Микита ему Бориску говорилъ: что ты, мужикъ, не-
въжливъ,—можно было тебѣ со мною и вставъ говорить, а Бо-
риско-де ему, Микитѣ, говорилъ: что-де ты, чернецъ, доро-
жишься; и за то-де его Бориска онъ, Микита, посохомъ въ голову

¹ Изъ этой исторіи можно видѣть, что обычай курить табакъ при царѣ
Алексѣ Михайловичѣ былъ распространенъ у насъ уже очень сильно, если
проникъ даже въ монастыри, заразилъ людей духовнаго званія, для кото-
рыхъ, впрочемъ, въ этомъ случаѣ соблазнительный примѣръ подавали Греки,
пріѣзжавшіе въ Москву: изъ нихъ рѣдкіе не курили табаку, хотя дѣлали
это, разумѣется, тайкомъ, такъ какъ русское правительство строго преслѣ-
довало табакокуреніе и между ними. (Діаконъ Павелъ аелепскій, спутникъ
антиохійскаго патріарха Макарія, въ своихъ запискахъ о пребываніи въ
Россіи, извѣстныхъ въ англійскомъ переводѣ Бельфура, разказываетъ, что
одного сербскаго митрополита съ его святой Никонъ приговорилъ было къ
ссылкѣ за то, что всѣ они курили табакъ; этотъ обычай Грековъ у рас-
кольниковъ времени царя Алексѣя Михайловича служилъ, какъ извѣстно,
однимъ изъ сильныхъ доказательствъ отступленія Грековъ отъ православной
вѣры и благочестія.) Секретною продажей табаку до времени петров-
скихъ, какъ видно изъ той же исторіи саввинскихъ курильщиковъ, занима-
лись ярыжки: объ этихъ людяхъ, распространителяхъ страшнаго разврата
въ Москвѣ, въ *Замѣткахъ* напечатано весьма любопытное подметное письмо
царю Алексѣю Михайловичу (стр. 282—284). Изъ письма видно, что ком-
панія мошенниковъ, существовавшихъ подъ именемъ «метельщиковъ» (ихъ
должность была—мести улицы по царскимъ выходамъ) и находившихся подъ
покровительствомъ сильныхъ людей, а именно Прокофья Кузьмича (Влизарова?),
получала отъ винной и табачной продажи по тысячѣ руб. и больше въ
мѣсяць: новое доказательство того, какъ скоро и успѣшно принялся на
русской почвѣ обычай курить табакъ, это богопротивное зелье, какъ назы-
вали (и называютъ) его приверженцы русской старины.

ударилъ до крови ненарокомъ.» Пушкинъ поставилъ Никиту съ десятникомъ «съ очей на очь»; оба отстаивали свои показанія и сослались на свидѣтеля — на монастырскаго служку Шумилку Ларивонова: Шумилка вполнѣ подтвердилъ показаніе десятника. Также не въ пользу казначея кончился розыскъ и о другомъ случаѣ: оказалось, что онъ, въ пьяномъ видѣ, безъ всякой вины, билъ одного стрѣльца палкой, другаго по щекамъ, двухъ велѣлъ раздѣть и хотѣлъ бить батогами. Пушкинъ донесъ о своемъ розыскѣ царю; а Никиту, между тѣмъ, содержалъ подъ карауломъ, что ему весьма не нравилось; онъ писалъ къ друзьямъ своимъ жалобныя письма, что государь хочетъ погубить его. О письмахъ, разумѣется, также дано было знать царю. Подтвердились и жалобы на то, что Никита бражничаетъ, ѣздя по деревнямъ монастырскимъ, и разъ, захвавъ въ село Михайловское къ попу, напился и крестьянъ михайловскихъ билъ.

Всѣ эти непріятныя вѣсти изъ любимаго монастыря глубоко огорчили Алексѣя Михайловича; на него напалъ страхъ, что станется съ монастыремъ? архимандритъ больной, казначей дѣлаетъ такія дѣла, что и писать нельзя, келаря съ ризничимъ нѣтъ, они находились тогда въ Соловецкомъ монастырѣ, съ митрополитомъ Никономъ, по случаю перенесенія мощей святителя Филиппа. Чтобы поправить дѣло, царь распорядился, прежде всего, вызвать немедленно келаря съ ризничими, отправилъ къ нимъ въ Соловецкій монастырь грамоту, съ приказаніемъ просить митрополита, чтобы «пожаловалъ» отпустилъ ихъ наскоро, для того, прибавлялъ царь, «что за грѣхи мои и ваши общіе, монастырь Рождества Пресвятыя Богородицыи преподобнаго Саввы въ конецъ разорился: васъ нѣтъ, казначей взбѣсился и задуровалъ, а архимандритъ оглохъ, а братья не токмо вино, но и табакъ пьютъ!» Между тѣмъ, онъ скоро рѣшилъ и судьбу казначея Никиты и притомъ весьма оригинальнымъ образомъ. Онъ прислалъ къ Пушкину двѣ грамоты, одну на имя архимандрита съ братіей, другую — на имя казначея. Въ первой царь умолялъ архимандрита и старцевъ побережь домъ чудотворца Саввы: «Господа ради, не разоряйте домъ Богородицынъ и Чудотворцевъ, и не попускайте враговъ Божіихъ на Чудотворцевъ домъ, такихъ же враговъ, что и Микита, наипаче созидайте молитвою и постомъ, а не злобою и піанствомъ... а у врага Чудотворцева, казначея Микиты, не перенимайте и не ревнуйте ни въ чемъ злымъ его обычаемъ и дѣламъ! Ей, ей, тайной волкъ, а въ люди казался простосердечнымъ обычаемъ.» Эту грамоту велѣно было прочесть соборнѣ въ церкви. Что касается другой грамоты, то, согласно самымъ подробнымъ наставленіямъ царя, Пушкинъ распорядился съ нею слѣдующимъ образомъ: Въ назначенный день, всѣ

монахи и послушники были собраны въ монастырскую трапезу; привели также Никиту и поставили посредникъ; Пушкинъ вскрыль царское письмо и передалъ нарочно выбранному искусному чтецу¹; онъ, обратившись къ Никитѣ, прочелъ ему слѣдующее громозное посланіе:

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи. Врагу Божію, и богоненавистнику, и хриstopродавцу, и разорителю Чудотворцева дома и единомышленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпырю (?) и злону, пронырливому злодѣю казначею Никитѣ. Уподобился ты сребролюбцу Іудѣ: якоже онъ продалъ Христа на тридесять сребренникъ, а ты промѣнялъ, проклятый врагъ, Чудотворцевъ домъ, да и мои грѣшныя слова, на свое умное и збойливое пьянство и на умные, на глубокіе, пронырливыя вражьи мысли. Самъ сатана въ тебя, врага Божія, вселился. Кто тебя, сиротину, спрашивалъ надъ домою Чудотворцевымъ, да и надъ мною грѣшнымъ, властвовать? Кто тебѣ сію власть мимо архимандрита далъ, что тебѣ безъ его вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ михайловскихъ бить? Вспомни евангельское слово: всякъ высокосердечный не чистъ предъ Богомъ. О, враже проклятый, и за что денница съ небесе свергнута? Не за гордость ли Богъ не пощадилъ? Да тыжъ, сатанинъ угодникъ, пишешь къ друзьямъ своимъ и вычиташь безчастье свое вражье, что стрѣльцы у твоей кельи стоятъ. И дорого добръ, что у тебя, скота, стрѣльцы стоятъ! Лучше тебя и честнѣе тебя, и у митрополитовъ стоятъ стрѣльцы, по нашему указу, которой владыко тѣмъ же путемъ ходитъ, что и ты, окаянный. И дороги ль твои грозы мнѣ?.. И не твои мнѣ грозы, и своего брата государя, и тѣ мнѣ грозы, яко наутину вмѣняю, потому Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? За помощію Пресвятой Богородицы и за молитвы чудотворца Саввы, ничьи грозы не страшны. Вѣдай себѣ то, окаянной, тотъ боится грозъ, который надежу держитъ на отца своего сатану и держитъ ее тайно, чтобы никто не позналъ, а предъ людьми добръ и вѣренъ показываетъ себя. Да и то себѣ отдай, сатанинъ ангелъ, что одному тебѣ и отцу твоему діаволу годна и дорога твоя здѣшняя честь; а Содѣтелю нашему, Творцу

¹ Царь очень заботился, чтобы грамота была прочтена внятно и произвела слѣдовательное, надлежащее впечатлѣніе. Прочестъ ее онъ приказывалъ какому-то Осипу; «а будетъ Осипъ худо чтеть, писалъ онъ Пушкину, ты вели честь Андрушкѣ Шахову, а будетъ оба худо чтутъ, и ты бѣ заставилъ изъ братьи честь, кто гораздъ; а самому тебѣ тутъ же стоять, и какъ станутъ честь, и тебѣ бѣ смотрѣть за ними, чтобы чли внятно и не спѣшно, высматривая, чтобы всѣмъ было слышать и чтобы рѣчь (отъ рѣчи не разносили, чтобы рѣчь къ рѣчи была.» (Стр. 787.)

небу и земли, и свѣту моему Чудотворцу, конечно, грубны твои высокопроклятыя и гордостныя, и вымышленныя твои тайныя дѣла. А мнѣ грѣшному здѣшняя-та честь, аки прахъ. И дороги ль мы предъ Богомъ съ тобою, и дороги ль наши высокосердечныя мысли?.. Вѣдай себѣ и то, лукавый врагъ, какъ ты возмутилъ нынѣ Чудотворцевымъ домоу да и моею грѣшною душою: ей, ей до слезъ стало, Чудотворецъ видитъ, что во мглѣ хожу отъ твоего пресвѣтлова, збойливаго сатанина ума: возмутитъ тебя и самого Богъ и Чудотворецъ! Чѣмъ бы тебѣ милости просить у Бога и Пречистой Богородицы и Чудотворца и со мною прощаться, и ты въ граматкахъ своихъ вычитаешь безчестье свое: и я тебѣ за твое роптанье спѣсивое учиню тебѣ то, чево ты вѣкъ надъ собою такова позору не видалъ... Да и Чудотворецъ тебя не увѣрилъ цѣльбоносными своими мощми. Какое надъ тобою чудо показалъ! старымъ, древнимъ такое чудо уподобился, что сподобилъ Богъ и Чудотворецъ тебѣ обрѣсти мощи его свѣтовѣ мимо всей братьи. Есть и крѣпче тебя житіемъ, живутъ въ томъ же монастырѣ, да Богъ не изволилъ имъ обрѣсти, а все тебя увѣряючи, чтобы ты радѣлъ о семъ мѣстѣ; и ты не восхотѣлъ послушати Бога, Чудотворца и меня, промѣнялъ сіе мѣсто Чудотворцево на свое премудрое, и лукавое, и на пьяное сердце, и на проклятыя свои мысли; а меня грѣшнаго тебѣ не диво не послушать здѣсь, потому что и святое мѣсто продаешь своимъ безуміемъ на винныя фляги...¹ Да по семъ буди прогнанъ, и изриновенъ, и отлученъ, со всякимъ безчестіемъ и безступдіемъ, отъ сего мѣста святаго и Чудотворцева дома.»

Царь, дѣйствительно, учинилъ то съ Никитой, чего онъ, конечно, въ вѣкъ не думалъ видѣть надъ собою: тутъ же въ трапезѣ, какъ скоро была прочитана грамота, стрѣльцы возложили ему «чѣпъ на шею, а на ноги желѣза», и свели на конюшенный дворъ, откуда потомъ отвезли закованнаго въ Москву, подъ крѣпкимъ карауломъ. Чтѣ было съ нимъ послѣ—неизвѣстно.

Но оставимъ Никиту, и сдѣлаемъ, въ заключеніе, замѣтку о приведенномъ царскомъ письмѣ, по поводу котораго мы собственно разказали и самую исторію Никиты, впрочемъ и безъ того нелишнюю значенія. Письмо это приводитъ намъ на память подобныя письма другаго царя, Ивана Васильевича Грознаго, но между тѣмъ и другими какая огромная разница! и какъ

¹ Противъ этого мѣста сдѣлана царемъ слѣдующая любопытная приписка: «твое ль то дѣло, что ѣзжючи по селамъ, да пить? да возять за тобою по двѣ фляги вина! Надобно не виномъ строить Чудотворцевъ (домъ). Не ва то я тебя призвалъ, что виво-то пить! О, горе мнѣ отъ тебя, Микита! Каково ты мнѣ сотворилъ за мою къ тебѣ любовь, таково и я тебѣ сотворю.»

хорошо обозначаетъ она различіе въ самомъ характерѣ обоихъ царей! Въ грамотахъ Грознаго меньше бранныхъ словъ: онъ выражается осторожно, сдержанно, иногда съ наружною почти-тельностью; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, каждое его слово, которымъ онъ намѣренъ уязвить того, кому пишетъ, вѣрно достигаетъ цѣли, попадаетъ въ самое больное мѣсто. Вообще, читая его посланія, видишь, что пишетъ человекъ чрезвычайно умный и умѣющій владѣть собою, способный затанывать обиду и мстить спокойно и разчитанно. Совсѣмъ другое явленіе представляютъ письма Алексѣя Михайловича въ Саввинъ монастырь и другія его письма въ томъ же родѣ: въ самыхъ рѣзкихъ и крупныхъ выраженіяхъ его замѣтно больше шуму нежели дѣйствительной угрозы, въ нихъ переливается, замѣтно истощаясь, весь запасъ его гнѣва, накипѣшаго въ сердцѣ; словомъ, въ этихъ письмахъ виденъ человекъ очень вспыльчивый, до крайности способный раздражаться, но въ существѣ, все-таки человекъ съ добрымъ и мягкимъ сердцемъ.

Н. С—нѣ.

О П Е Ч А Т К И.

На стр. 298 этой книжки, стр. 20 вм. qui слѣдуетъ читать que.

На стр. 405, 408 и 411 романа *Фрежлейскій приходъ* напечатано по ошибкѣ *беллгры* вм. *беллфы*.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ,

новаго періода Русской Словесности, содержащая въ себѣ, въ хронологическомъ порядкѣ расположенный, выборъ изъ сочиненій отечественныхъ писателей, отъ Петра I до нашего времени, и служащая пособіемъ при изученіи исторіи Русской Литературы. Составлена А. Галазовымъ. Два большихъ тома, въ 8 д., въ двѣ колонны, убористымъ шрифтомъ и на бѣлой бумагѣ. Первый томъ (отъ Петра I до Карамзина) вышелъ, а на второй (отъ Карамзина до нашего времени) выдается билетъ. Цѣна за оба тома *три* руб. сер., съ пересылкой *четыре*.

Первый томъ (600 стр.) состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ *первомъ* отдѣлѣ (отъ Петра I до Ломоносова) помѣщены, вполне или въ отрывкахъ, сочиненія слѣдующихъ лицъ: Петръ I (письма, уставы воинскій и морской), путешествіе гр. Б. П. Шереметева, Басни Езопа 1700 г., первыя русскія вѣдомости, Арифметика Магницкаго, первый печатный календарь; книги, изданныя при Петрѣ I: Приклады, како пишутся комплименты, исторія объ орденѣхъ, книга Марсова, Шафирова разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII, Пуффендорфа введеніе въ исторію европейскихкихъ государствъ, еще о должностяхъ челоѣка и гражданина, Юности честное зеркало и др.; Стефанъ Яворскій (слова и проповѣди, Камень Вѣры), Теофанъ Прокоповичъ (слова и проповѣди, Духовный Регламентъ), Посошковъ, Волинскій; Записки Желябужскаго, гр. Матвѣева, Неплюева, Крекшина и кн. Н. Б. Долгорукой; Манкѣва — Ядро Россійской исторіи, Татищевъ (исторія Россійская, духовное завѣщаніе), Путешествіе къ св. мѣстамъ Барскаго, Описание о Японѣ, Описание Камчатки, Крашенинникова, Кантемиръ, Тредьяковскій. Содержаніе *второю* отдѣла (отъ Ломоносова до Карамзина): Ломоносовъ, Сумарковъ, Поповскій, Барсовъ; проповѣдники: Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, Дмитрій Съченковъ и Гедeonъ Криновскій; записки Нащокина и кн. Шаховскаго; Екатерина II, кн. Дашкова, Бецкій, сатирическіе журналы, записки: Порошина, Данилова и Болотова; ученые путешествія: Палласа, Лепехина, Рычкова и Озерецковскаго; Херасковъ, Фонъ-Визинъ, Лукинъ, Петровъ, Богдановичъ, Аблесимовъ, Веревкинъ, Хемницеръ, Княжичинъ, Державинъ, Костровъ, В. Майковъ, М. Муравьевъ, Ефимьевъ, Клушинъ, Судовщиковъ, Плавильщиковъ, Недединскій-Мелецкій, кн. И. Долгорукій, Елагинъ, кн. Щербатовъ, Болтинъ, Храповицкій, Грибовскій, И. Лопухинъ, духовные писатели: Георгій Конисскій, Платонъ Левшинъ, Анастасій Братановскій.

Помѣщенные статьи сопровождаются примѣчаніями: историко-литературными, библиографическими и другими. При отрывкахъ изложено содержаніе сочиненій, изъ которыхъ они заимствованы. Указаны также главнѣйшіе варианты, сдѣланные самимъ авторомъ въ новыхъ изданіяхъ его сочиненій.

Учебныя заведенія и гг. книгопродавцы, желающіе приобрести эту историко-литературную христоматію, могутъ обращаться къ *Алексію Дмитриевичу Галазову (въ Петербургѣ, въ Поварскомъ переулкѣ, близъ Владимірской, въ домъ Тулубева, квартира № 5).*

— Мнѣ кажется, Фанни, что вы какъ будто сожалѣете о рѣшеніи миссъ Робертсъ, сказала леди Лофтонъ.

— Я желаю ей счастья, и сожалѣю обо всемъ, что можетъ помѣшать ему.

— А о нашемъ благѣ вы стало-быть нисколько не думаете? А между тѣмъ, отъ кого же мнѣ ждать искренняго, душевнаго участія въ трудныя минуты, если не отъ васъ!

Бѣдная мистриссъ Робартсъ не знала что на это отвѣчать. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, до пріѣзда Люси, она бы съ полною искренностью сказала, что, послѣ мужа, ей всѣхъ ближе и дороже на свѣтѣ леди Лофтонъ и ея семейство. Даже теперь, малѣйшее равнодушіе съ ея стороны казалось ей самой такою черною неблагодарностью! Съ самаго дѣтства она привыкла любить и почитать леди Лофтонъ, врывькла видѣть въ ней идеаль женскаго совершенства. Она слѣпо перенимала мнѣнія леди Лофтонъ, невольно раздѣляла ея симпатіи и антипатіи. Но теперь, казалось, вдругъ пошатнулись всѣ понятія, которыя выработались изъ всей ея жизни, какъ будто покачнулась почва, на которой она выросла и развилась, а все это потому, что ей пришлось отстаивать золовку, съ которою она и году нѣтъ какъ познакомилась. Она, конечно, не сожалѣла ни объ одномъ словѣ, сказанномъ ею въ защиту Люси. Судьба сблизила ее съ Люси; Люса сестра ей, и она должна стоять за нее какъ за сестру. Но тѣмъ не менѣе она чувствовала, какъ ужасна была бы для нея малѣйшая размолвка съ леди Лофтонъ.

— О леди Лофтонъ! промолвила она:— не говорите этого, ради Бога!

— Да я не могу не говорить того, что думаю, душа моя, Фанни. Вы сейчасъ говорили объ облакахъ, омрачающихъ жизнь; неужели вы думаете, что моя жизнь не омрачена этимъ облакомъ? Лудовикъ объявилъ мнѣ, что онъ любитъ миссъ Робартсъ, а вы мнѣ говорите, что и она привязалась къ нему, и вотъ теперь мнѣ приходится рѣшать судьбу ихъ. Она сама возложила на меня эту обязанность.

— Милая леди Лофтонъ! воскликнула мистриссъ Робартсъ, вскочивъ съ своего мѣста. Ей на минуту показалось, что всѣ затрудненія сразу будутъ покончены великодушнымъ рѣшеніемъ ея старой пріятельницы.

— А между тѣмъ, я не могу одобрить этотъ бракъ, сказала леди Лофтонъ.

Мистриссъ Робартсъ съѣла на свое мѣсто, не сказавъ ни слова.

— А развѣ это мнѣ не грустно? продолжала миледи. — Не думайте, чтобы мнѣ все доставалось такъ легко. Лудовикъ

скоро долженъ возвратиться домой, а вмѣсто того чтобы радоваться его прїѣзду, я почти боюсь его. Я готова пожелать, чтобъ онъ подольше пробылъ въ Норвегіи, чтобъ онъ тамъ остался нѣсколько мѣсяцевъ. А въ добавокъ ко всему, я вижу, Фанни, что вы нисколько мнѣ не сочувствуете.

Выговоривъ эти слова медленнымъ, печальнымъ, строгимъ тономъ, леди Лофтонъ встала, чтобъ уйти. Разумѣется, мистриссъ Робартсъ не отпустила ее безъ увѣреній, что она ей сочувствуетъ отъ глубины души, любить ее по прежнему. Но гораздо легче уязвить сердце друга чѣмъ исцѣлить нанесенную рану, и леди Лофтонъ ушла въ самомъ грустномъ настроеніи духа. Она была женщина съ повелительнымъ нравомъ, она любила на своемъ поставить, и можетъ-быть слишкомъ много придавала цѣны мірскимъ почестямъ и отличіямъ, которыми окружила ее судьба: но она не могла огорчать людей, дорогихъ ей сердцу, не срадая глубоко за нихъ.

ГЛАВА XII.

Лѣтніе знойные дни, въ концѣ іюня и началѣ іюля, довольно грустно тянулись для мистера Соверби. По просьбѣ сестры, онъ отправился въ Лондонъ, и тамъ провелъ нѣсколько времени въ дѣловыхъ переговорахъ. Пришлось ему познакомиться съ совершенно новыми лицами, съ легистами миссъ Данстеблъ, медленными, осторожными старичками, которые безъ зазрѣнія совѣсти задерживали его у себя по цѣлымъ часамъ, толкуя съ нимъ о разныхъ постороннихъ предметахъ, или же предоставляя ему развлекать себя разговоромъ съ ихъ клерками. Для мистера Соверби крайне важно было уладить всѣ дѣла какъ можно скорѣе, а эти господа, которымъ поручено было все привести въ законный порядокъ, какъ будто находили особое удовольствіе въ продленіи разныхъ формальностей. При этомъ, ему не разъ приходилось бывать въ Саутъ-Одле-Стритъ, что для него было еще тягостнѣе; его знакомые въ Саутъ-Одле-Стритъ встрѣчали его все менѣе и менѣе учтиво. Они, конечно, успѣли разузнать, что мистеръ Соверби уже не пользуется покровительствомъ герцога, и даже покусился вступить съ нимъ въ открытую борьбу и идти противъ герцога на предстоявшихъ выборахъ.

— Чальдикотсъ, замѣтилъ старый мистеръ Гемпшенъ юному мистеру Гедджи, — Чальдикотсъ — статья покончена для Соверби.

И какая ему польза оттого, будетъ ли помѣстье принадлежать герцогу или миссъ Данстебл! Я, съ своей стороны, не могу понять, какая ему охота отдавать свое родовое имѣніе въ руки какой-нибудь аптекарской дочки, у которой деньги до сихъ поръ пахнутъ дурными лѣкарствами! И пригомъ, продолжалъ Гемпшенъ, — Соверби обнаружилъ тутъ черную неблагодарность. Онъ, въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, былъ выбираемъ въ члены за графство безъ малѣйшихъ хлопотъ и издержекъ, а теперъ когда пришло время разчесться, онъ платитъ не хочетъ.

Мистеръ Гемпшенъ называлъ это чистымъ надувательствомъ; по его мнѣнію, мистеръ Соверби кругомъ надулъ герцога. И потому легко себѣ представить, что посѣщенія въ Саутъ-Одле-Стритъ не слишкомъ-то были приятны для мистера Соверби.

А тамъ распространился слухъ между честною братіей Тозеровъ и имъ подобныхъ, что можно еще высосать нѣсколько капель крови изъ бранныхъ останковъ Соверби. Въ грязномъ трактирѣ стало извѣстно, что богатая миссъ Данстеблъ взялась уплатить его долги. Братъ Тома Тозера увѣрялъ, что она непременно выйдетъ замужъ за Соверби, и что вскорѣ каждый клочокъ бумаги, подписанный его именемъ, будетъ имѣть цѣнность банковаго билета; но самъ Томъ Тозеръ, главное лицо въ этомъ семействѣ, только насмѣшливо посвистывалъ, и съ презрѣніемъ относился о мягкосердечіи и легковѣріи брата. Онъ все видѣлъ гораздо яснѣе. Миссъ Данстеблъ хотѣла выкупить почтеннаго сквайра, такъ чортъ побери! выкупала она также и ихъ, Тозеровъ, вмѣстѣ съ другими. Тозеры знали себѣ цѣну; вслѣдствіе чего, оба брата принялись работать дѣятельнѣе обыкновеннаго.

Мистеръ Соверби всячески старался удалиться отъ нихъ и отъ всей ихъ братіи, но часто его старанія были напрасны. Какъ только удалось ему вырваться на нѣсколько дней изъ рукъ юристовъ, онъ уѣхалъ въ Чальдикотсъ; но Томъ Тозеръ, съ свойственною ему настойчивостью, послѣдовалъ за нимъ даже туда, и просилъ слугу доложить о его прибытіи.

— Мистера Соверби нѣтъ теперъ дома, сказалъ слуга, хорошо знавшій свое дѣло.

— Такъ я подожду его, сказалъ Томъ Тозеръ, усаживаясь на одного изъ каменныхъ грифоновъ, украшавшихъ по обѣимъ сторонамъ широкіе приступки крыльца. И такимъ образомъ, мистиръ Тозеръ добился своей цѣли. Соверби все еще надѣялся быть выбраннымъ въ представителя графства; онъ не могъ допустить, чтобы враги стали разказывать, что онъ прячется отъ кредиторовъ. Миссъ Данстеблъ, уговариваясь съ нимъ, непременно потребовала, чтобъ онъ явился кандидатомъ на выборахъ.

Она забрала себѣ въ голову, что герцогъ поступилъ съ ней не хорошо и рѣшилась отплатить ему.

— Герцогъ довольно долго распоряжался здѣсь, говорила она,—посмотримъ, не удастся ли чальдикотской партіи выбрать члена за графство вопреки желаніямъ его милости.

Самъ мистеръ Соверби такъ былъ измученъ разными хлопотами, что охотно отступилъ бы; но миссъ Данстелъ и слышать объ этомъ не хотѣла, и онъ былъ принужденъ повиноваться ей. Вотъ почему мистеру Тозеру удалось добиться свиданія съ мистеромъ Соверби. Однимъ изъ послѣдствій ихъ разговора было слѣдующее письмо, написанное мистеромъ Соверби къ Марку Робартсу:

«Любезный Робартсъ!

«Я въ настоящую минуту такъ измученъ собственными неприятными хлопотами, что почти не могу заботиться о чужихъ дѣлахъ. Говорятъ, будто бы счастье дѣлаетъ человека эгоистомъ; я этого не испыталъ, но знаю навѣрное, что *несчастіе* дѣйствуетъ именно такимъ образомъ на людей. Тѣмъ не менѣ меня сильно тревожатъ ваши векселя...»

— Мои векселя! невольно повторилъ Робартсъ, расхаживая съ письмомъ по аллеѣ своего сада. Это происходило дня два послѣ его свиданія съ барчестерскимъ юристомъ.

«...и я былъ бы душевно радъ, еслибы могъ избавить васъ отъ дальнѣйшихъ неприятностей. Этотъ алчный ястребъ, Томъ Тозеръ, былъ сейчасъ у меня и требовалъ уплаты по *обоимъ* векселямъ. Онъ объявилъ мнѣ наотрѣзъ, что не сбавитъ ни шиллинга съ этихъ девяти сотъ фунтовъ. Его разманилъ слухъ, будто всѣ мои долги будутъ теперь уплачиваться. А между тѣмъ весь смыслъ этой уплаты заключается для меня только въ томъ, что эти несчастныя земли, заложенные одному богачу, теперь должны перейти въ руки къ другому. Благодаря этому обмѣну, чальдикотскій домъ остается въ моемъ распоряженіи еще на одинъ годъ; другой же выгоды мнѣ отъ этого не будетъ. Тозеръ совершенно ошибся въ своихъ расчетахъ; но бѣда въ томъ, что ударъ его падетъ на васъ, а не на меня.

«Вотъ чтó я вамъ предлагаю: заплатимъ ему вмѣстѣ сто фунтовъ; я какъ-нибудь наберу фунтовъ пятьдесятъ, хотя бы мнѣ пришлось для этого продать мою послѣднюю, жалкую клячу; я знаю, что и вамъ не трудно будетъ найти столько денегъ. Послѣ этого, подпишемъ вмѣстѣ вексель на восемьсотъ фунтовъ; онъ будетъ совершенъ въ присутствіи Форреста и выданъ ему, и оба старые векселя будутъ выданы вамъ тутъ же, въ собственные руки.

Новому векселю будетъ положенъ срокъ на три мѣсяца, а въ это время я переверну небо и землю, чтобы включить его въ общій списокъ моихъ долговъ, которые обезпечиваются Чальдикотскимъ помѣстьемъ.»

Иначе сказать, онъ надѣялся уговорить миссъ Данстеблъ заплатить эти деньги, какъ часть суммы, покрываемой уже существующею закладной.

«Вы говорили намерени въ Барчестерѣ, что ни за что не согласитесь подписать новый вексель; это конечно очень благо-разумное рѣшеніе на будущее время. Но вы поступите совершенно безразсудно, если дадите описать все ваше имущество, когда вы имѣете средство предупредить это. Оставляя вексель въ рукахъ у Форреста, вы совершенно оградите себя отъ козней всѣхъ этихъ жидовъ Тозеровъ. Если мнѣ и удастся уплатить вексель въ теченіи этихъ трехъ мѣсяцевъ, то Форрестъ поможетъ вамъ какъ-нибудь поудобнѣе разсрочить платежъ.

• Ради самого Бога, согласитесь на это, другъ мой. Вы не можете себя представить какъ меня пугаетъ мысль, что белигры со дня на день могутъ ворваться въ гостиную вашей жены. Я знаю, что вы дурнаго мнѣнія обо мнѣ, и меня это не удивляетъ. Но вы были бы ко мнѣ снисходительнѣе, еслибы знали, какъ страшно я наказанъ. Умоляю васъ, напишите мнѣ, что вы согласны на мое предложеніе.

• Преланный вамъ.

• Н. Соверби. »

Въ отвѣтъ на это письмо, Маркъ Робартсъ написалъ слѣдующія двѣ строчки:

• Любезный Соверби,

• Ни за что въ мірѣ, не подпишу ни одного векселя.

• Преданный вамъ,

• Маркъ Робартсъ. »

Написавъ этотъ отвѣтъ и показавъ его женѣ, онъ вернулся въ садъ, и тамъ расхаживалъ взадъ и впередъ по дорожкѣ, отъ времени до времени пересматривая письмо Соверби и припоминая всѣ обстоятельства своей прежней дружбы съ нимъ.

Ужъ одно то, что такой человекъ когда-то считался его другомъ, было постыдно для него. Мистеръ Соверби такъ хорошо зналъ себя и свою репутацію, что и самъ не предполагалъ, чтобы кто-нибудь положился на его слово, даже въ такомъ дѣлѣ, гдѣ требуется лишь самая обыкновенная честность. «Старые векселя будутъ выданы вамъ въ собственные руки,» говорилъ

онъ въ своемъ письмѣ, сознавая, что безъ такого обезпеченія, Маркъ никакъ не могъ бы довѣриться ему. Этотъ знатный джентльменъ, представитель графства, владѣлецъ Чальдикотса, съ которымъ Марку когда-то было такъ дивно сблизиться, дошелъ наконецъ до такой степени униженія, что пересталъ говорить о себѣ какъ о честномъ человѣкѣ. Всякое подозрѣніе казалось ему теперь совершенно естественнымъ. Онъ зналъ, что никто не можетъ повѣрить его слову, изустному или письменному, и вовсе этимъ не смущался.

А было время, когда Маркъ гордился дружбою этого человѣка! Изъ-за него онъ готовъ былъ разсориться съ леди Лофгонъ, изъ-за него отказался онъ отъ лучшихъ своихъ мамфреній и рѣшеній. Теперь расхаживая по саду съ письмомъ въ рукахъ, онъ невольно переносился въ тотъ день, когда онъ писалъ изъ школы мистеру Соверби, что пріѣдетъ къ нему въ Чальдикотсъ. Онъ такъ жадно ухватился за это удовольствіе, что даже не захотѣлъ напередъ переговорить съ женою. Онъ припомнилъ также, какъ его завлекли къ герцогу Омніуму; припомнилъ свое смутное предчувствіе, что не къ добру поведетъ его эта поѣздка. Потомъ тотъ вспомнилъ послѣдній вечеръ въ комнатѣ Соверби, когда тотъ предложилъ ему подписать вексель, и Маркъ согласился, не изъ желанія помочь другу, но просто потому что не сумѣлъ ему отказать. У него не достало духу сказать *нѣтъ*, хотя онъ сознавалъ все безразсудство своего поступка. У него не достало духу сказать *нѣтъ*, и черезъ это онъ погубилъ и себя, и все свое семейство.

Мнѣ приходилось много говорить о священникахъ, но я болѣе обращалъ вниманія на ихъ отношенія къ обществу чѣмъ на ихъ священническую дѣятельность. Въ противномъ случаѣ я бы нашелся вынужденнымъ затрогивать разные вопросы, по которымъ я вовсе не былъ намѣренъ высказывать свое мнѣніе; мнѣ бы пришлось завалить свою повѣсть проповѣдами или низвести свои проповѣди до романа. И потому я почти ничего не говорилъ о дѣятельности Марка Робартса какъ священника.

Не слѣдуетъ однако заключать изъ этого, чтобы мистеръ Робартсъ равнодушно смотрѣлъ на обязанности, возложенныя на него саномъ. Онъ былъ не прочь отъ удовольствій и завлекся ими, что часто бываетъ съ молодыми двадцати-шести-лѣтними людьми, когда они совершенно независимы и пользуются нѣкоторыми денежными средствами. Еслибъ онъ до этихъ лѣтъ оставался простымъ кураторомъ, и жилъ подъ постояннымъ надзоромъ старшаго, мы готовы поручиться, что онъ и не подумалъ бы выдавать на свое имя векселя, ѣздить на охоту, посѣщать такія мѣста какъ Гадеромъ-Кассль. Быва-

ЮТЬ ЛЮДИ, которые и въ двадцать шесть лѣтъ совершенно тверды въ своихъ правилахъ, которые пожалуй способны быть первенствующими министрами, директорами учебныхъ заведеній, судьями, можетъ-быть даже епископами; но Маркъ Робартсъ не принадлежалъ къ ихъ числу. Въ немъ было много хорошихъ элементовъ, но ему не доставало твердости, чтобъ эти элементы постоянно приводить въ дѣйствіе. Характеръ его слагался довольно медленно, и потому у него не достало силъ устоять противъ искушенія.

Но онъ глубоко и искренно сокрушался надъ своею слабостью; не разъ, въ минуты горькаго раскаянія, онъ давалъ себѣ слово бодро и твердо приняться за священное, возложенное на него дѣло. Не разъ припоминались ему слова мистера Кролея, и теперь, сжимая въ рукѣ письмо Соверби, онъ невольно повторялъ ихъ про себя: «Страшно такое паденіе; страшно оно само по себѣ, а еще страшнѣе при мысли о томъ, какъ трудно встать опять на ноги. Да трудно,—и трудность эта возрастаетъ въ страшной пропорціи! Неужели дошло до того, что ему и подняться нельзя,—что у него уже на всегда отнята возможность держать прямо свою голову, съ чистою совѣстью, какъ слѣдуетъ пастырю душъ? А всему виною Соверби: онъ погубилъ его, онъ довелъ его до этого униженія. Но, съ другой стороны, не расплатился ли съ нимъ Соверби? Не ему ли онъ обязанъ своимъ мѣстомъ въ барчестерскомъ капитулѣ? Въ эту минуту Маркъ былъ человѣкъ бѣдный, разоренный; но тѣмъ не менѣе онъ пожелалъ въ душѣ своей отказаться отъ участія въ выгодахъ барчестерскаго капитула.

— Я откажусь отъ этой бенефакціи сказалъ онъ женѣ въ этотъ самый вечеръ,—я рѣшился.

— Однако, Маркъ, не подастъ ли это повода къ толкамъ? не будутъ всѣ находить это очень страннымъ?

— Пусть говорятъ что хотятъ! Боюсь, милая Фанни, что будетъ поводъ говорить объ насъ еще гораздо хуже.

— Никто не можетъ упрекнуть тебя ни въ чемъ несправедливомъ или безчестномъ. Если есть на свѣтѣ такіе люди какъ мистеръ Соверби...

— Его вина меня нисколько не оправдываетъ.

Въ раздумьи, онъ опустилъ голову; жена сидѣла возлѣ него, молча и держа его за руку.

— Не пугайся, Маркъ, сказала она наконецъ,—все какъ-нибудь уладится. Нѣсколько сотенъ фунтовъ не могутъ же разорить тебя совершенно.

— Да не въ деньгахъ дѣло, не въ деньгахъ!

— Вѣдь ты ничего не сдѣлалъ дурнаго, Маркъ!

— Какъ пойду я въ церковь, какъ займу свое мѣсто передъ наро-

домъ: когда всѣ будутъ знать, что въ моемъ домѣ распоряжаются белогры.

Тутъ, опустивъ голову на столъ, онъ громко зарыдалъ.

На другой день, вечеромъ, къ дверямъ викарства подъѣхалъ самъ мистеръ Форрестъ, главный директоръ барчестерскаго банка, мистеръ Форрестъ, на котораго Соверби постоянно указывалъ какъ на какаго-то *deus ex machina*, могущаго тотчасъ же отразить всю семью Тозеровъ, и сразу заткнуть имъ глотку. Мистеръ Форрестъ готовъ былъ сдѣлать все это; пусть только Маркъ доверится ему и согласится подписать всѣ предлагаемыя имъ бумаги.

— Это очень непріятное дѣло, сказалъ мистеръ Форрестъ, оставшись наединѣ съ Маркомъ въ его кабинетъ, и Маркъ съ этимъ согласился.

— Мистеръ Соверби угодилъ васъ въ руки самыхъ отъявленныхъ мошенниковъ въ цѣломъ Лондонѣ.

— Я такъ и думалъ; Керлингъ мнѣ то же самое говорилъ.

Керлингъ былъ барчестерскій легистъ, съ которымъ онъ недавно совѣтовался.

— Керлингъ грозилъ имъ обличить ихъ ремесло, но одинъ изъ нихъ, какой-то Тозеръ, отвѣчалъ ему, что вы гораздо больше ихъ потеряете черезъ огласку. Этого мало; онъ объявилъ, что если дѣло дойдетъ даже до суда присяжныхъ, онъ все таки свое возьметъ. Онъ клялся, что выплатилъ сполна всѣ деньги за эти векселя; и хоть это конечно не правда, однако я боюсь, что намъ довольно трудно будетъ опровергнуть его показаніе. Онъ очень хорошо знаетъ, что за васъ, какъ за духовное лицо, онъ можетъ крѣпче ухватиться чѣмъ за всякаго другаго, и этимъ пользуется.

— Все безчестіе падетъ на Соверби, сказалъ Робартсъ, забывая на время правило христіанскаго всепрощенія.

— Къ сожалѣнію, самъ мистеръ Соверби въ такомъ же почти положеніи, какъ Тозеры. Онъ это безчестіе не приметъ такъ къ сердцу, какъ вы.

— Я постараюсь вынести его какъ могу, мистеръ Форрестъ.

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, мистеръ Робартсъ... Можетъ-быть, мнѣ слѣдуетъ передъ вами извиниться за мое непрошенное вмѣшательство; но такъ какъ векселя прошли черезъ мою контору, то я поневолѣ узналъ всѣ обстоятельства...

— Я вамъ чрезвычайно благодаренъ, сказалъ Маркъ.

— Вамъ придется заплатить всю эту сумму, или по крайней мѣрѣ бѣольшую часть ея. Можетъ-быть эти хищныя птицы что-нибудь сбавятъ, если имъ предложить наличныя деньги. Дѣло вамъ обойдется, можетъ-быть, въ 750 или 800 фунтовъ.

— Да у меня нѣтъ въ рукахъ и четверти этой суммы.

— Я такъ и думалъ. Но вотъ что я вамъ предложу: займите эти деньги въ банкѣ, на собственную отвѣтственность, съ поручительствомъ кого-нибудь изъ вашихъ друзей, хоть бы напри- мѣръ лорда Лофтона.

— Нѣтъ, мистеръ Форрестъ...

— Выслушайте меня сперва. Если вы рѣшитесь сдѣлать этотъ заемъ, вы конечно должны приготовиться выплатить его изъ соб- ственнаго кармана, не надѣясь ни на какую помощь со сто- роны мистера Соверби.

— Ужь конечно, я не понадѣюсь на мистера Соверби, въ этомъ вы можете быть увѣрены.

— Я хочу сказать, что вы должны привыкнуть смотрѣть на этотъ долгъ какъ на вашъ собственный. Въ такомъ случаѣ, вамъ не трудно будетъ, при вашемъ доходѣ, уплатить его изъ со всѣми процентами въ теченіи двухъ лѣтъ. Если лордъ Лофтонъ согла- сится поручиться за васъ, я распредѣлю векселя на разные сроки въ этотъ промежутокъ времени. Огласки не будетъ ника- кой, и черезъ два года вы освободитесь отъ всѣхъ долговъ. Могу васъ увѣрить, мистеръ Робартсъ, что многіе гораздо дороже плати- лись за свою опытность.

— Мистеръ Форрестъ, объ этомъ и рѣчи не можетъ быть.

— Вы полагаете, что лордъ Лофтонъ не захочетъ за васъ по- ручиться?

— Я ни за что не стану просить его объ этомъ; но не въ этомъ только дѣло. Впервыхъ, мои доходы будутъ вовсе не такъ значительны, какъ вы думаете; я вѣроятно откажусь отъ бене- фиціи.

— Вы хотите отказаться отъ бенефиции? Отъ мѣста, дающаго шестьсотъ фунтовъ въ годъ?

— Затѣмъ, я рѣшился не выдавать никакихъ новыхъ вексе- лей. Я получилъ страшный урокъ, и надѣюсь, буду помнить его.

— Такъ что же вы намѣрены дѣлать?

— Ничего!

— Такъ эти люди опишутъ и продадутъ у васъ все до послѣд- няго стула. Они знаютъ, что вашего имущества достанетъ на уплату долга.

— Пусть продаютъ, если они имѣютъ на то законное право.

— И весь свѣтъ объ этомъ узнаетъ.

— Такъ и слѣдуетъ. Всякій долженъ платиться за свои ошиб- ки. Дорого бы я далъ, чтобы наказаніе пало на меня одного!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, мистеръ Робартсъ. Подумайте о томъ, что придется вынести вашей женѣ. Право, послушайте моего совѣта. Я увѣренъ, лордъ Лофтонъ...

Но имя лорда Лофтона и воспоминаніе о Люси придали ему силы. Онъ вспомнилъ также о несправедливыхъ укорахъ, которые дѣлалъ ему въ Лондонѣ лордъ Лофтонъ, и почувствовалъ, что къ нему невозможно обратиться въ подобномъ дѣлѣ. Не лучше ли во всемъ признаться леди Лофтонъ? Онъ зналъ навѣрное, что она бы выручила изъ бѣды во что бы то ни стало. Но онъ никакъ не рѣшался просить ея помощи.

— Благодарю васъ, мистеръ Форрестъ, я остаюсь при своемъ рѣшеніи. Не думайте однако, чтобъ я не умѣлъ цѣнить помощь, которую вы мнѣ предлагаете; я знаю, что она вполне безкорыстна. Но я рѣшительно могу сказать, что даже въ предотвращеніе этой страшной бѣды, я не соглашусь подписать ни одного новаго векселя, даже еслибы вы не потребовали посторонняго поручительства.

Мистеру Форресту оставалось только ѣхать назадъ въ Барчестеръ. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, для молодаго священника, и можетъ-быть, съ житейской точки зрѣнія, совѣтъ его былъ хорошъ. Но Марка пугало самое слово: вексель.

— Кажется у тебя былъ банкиръ? спросила Фанни, входя къ нему въ комнату, когда стихъ стукъ колесъ.

— Да, мистеръ Форрестъ.

— Такъ что же, другъ мой?

— Мы теперь должны быть готовы на все.

— Ты уже не будешь подписывать никакихъ бумагъ, не правда ли, Маркъ?

— Нѣтъ, я сейчасъ наотрѣзъ отказался отъ этого.

— Въ такомъ случаѣ, я все могу вынести! Но только, милый, безцѣнный Маркъ, ты позволишь мнѣ сказать объ этомъ леди Лофтонъ?

Какова бы ни была его ошибка, ему тяжело приходилось раскаиваться въ ней!

Г Л А В А XLIII.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а положеніе нашихъ фремлейскихъ друзей не улучшилось ничѣмъ. Все еще висѣла надъ ними грозная туча, готовая разразиться съ минуты на минуту. Мистеръ Робартсъ безпрестанно получалъ письма отъ разныхъ лицъ, очевидно, дѣйствовавшихъ въ интересѣ Тозеровъ; всѣ эти письма пересылалъ онъ къ мистеру Керлингу, барчестер-

скому легисту. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ заключали въ себѣ смиренныя просьбы объ уплатѣ векселей; въ нихъ говорилось, что несчастная вдова съ тремя малолѣтними дѣтьми затратила весь свой капиталъ, полагаясь на подпись мистера Робартса, что она теперь умираетъ съ голоду со всѣмъ своимъ семействомъ, потому что мистеръ Робартсъ отказывается отъ своихъ денежныхъ обязательствъ. Но большая часть писемъ были наполнены угрозами.... Ему давали всего два дня сроку, послѣ чего белигры должны были явиться къ нему въ домъ; потомъ изъ жалости соглашались отсрочить его гибель еще на одинъ день, — но чтобы послѣ этого онъ уже не ждалъ себѣ помилованія. Всѣ эти письма были немедленно отправляемы къ мистеру Керлингу, который не обращалъ вниманія на каждое изъ нихъ въ отдѣльности, но старался вообще, по мѣрѣ возможности, предупредить бѣду.

По его совѣту, мистеръ Робартсъ согласился признать второй вексель и взялся уплатить его въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, въ два приема, по 250 фунтовъ; онъ предложилъ это Тозерамъ, объявивъ имъ, что, если они не согласны на эти условія, то могутъ требовать свои деньги законнымъ путемъ. Тозеры не приняли этого предложенія, и дѣло остановилось на этомъ.

А между тѣмъ бѣдная мистриссъ Робартсъ становилась все печальнѣе и блѣднѣе. Люси все еще жила въ Гоггльстокъ и тамъ распорядилась полною хозяйкой. Бѣдная мистриссъ Кролей была совсѣмъ при смерти; нѣсколько дней она лежала въ бреду, и потомъ еще слабость ея была такъ велика, что она никого не узнавала; наконецъ опасность миновалась, и можно было обнадежить мистера Кролея, что онъ не останется вдовцомъ, и дѣти его не будутъ сиротами. Въ продолженіе этихъ трехъ-четырехъ недѣль, Люси не видалась ни съ кѣмъ изъ родныхъ. «Стоить ли изъ-за такихъ пустяковъ подвергать васъ заразы?» говорила она въ своихъ письмахъ, которыя бережно обкуривались прежде чѣмъ ихъ распечатывали въ Фремлеѣ. Итакъ, она не выѣхала изъ Гоггльстока, а маленькіе Кролеи жили въ Фремлеѣ; по истеченіи должнаго срока, имъ отвели комнату въ самомъ домѣ, хотя со дня на день можно было ожидать, что все, даже кровати, на которыхъ они спали, будутъ взяты и проданы для уплаты долговъ мистера Соверби.

Люси, какъ уже сказано, сдѣлалась полною хозяйкой въ Гоггльстокъ, и совершенно забрала въ руки мистера Кролея. Изъ Фремле-Корта безпрестанно присылались разные бульйоны, варенія, фрукты, даже масло, и Люси все это выкладывала на столъ, передъ самымъ его носомъ, и онъ уже не протестовалъ. Не могу

сказать, чтобы онъ очень наслаждался этими лакомствами; однако, онъ пилъ свой чай, несмотря на то, что въ немъ были флемлейскія сливки. Вообще, онъ безусловно поддался вліянію Люси; онъ только всплеснулъ руками съ глубокимъ вздохомъ, заставши ее разъ занятую штопаніемъ его рубашекъ.

Онъ рѣдко предавался передъ ней изъясненіямъ благодарности. Иногда имъ случалось разговариваться по вечерамъ, но онъ рѣдко касался теперешней ихъ жизни. Онъ чаще всего говорилъ о религіи, не обращаясь къ Люси лично съ увѣщаніями, но просто излагая свои воззрѣнія, какова, по его мнѣнію, должна быть жизнь истиннаго христіанина, и въ особенности священника.

— Но, хотя я и ясно все это вижу, миссъ Робертсъ, говорилъ онъ,—а долженъ вамъ признаться, что никто чаще меня не спотыкался, не сбивался съ пути. Я отрекся отъ дьявола и отъ дѣлъ его, но только на словахъ,—только на словахъ! Какъ человѣку распять внутри себя ветхаго Адама, если онъ не падетъ во прахъ и не сознается въ собственной немощи?

Какъ ни часто повторялись эти жалобы, Люси выслушивала ихъ терпѣливо, стараясь утѣшить и пріободрить его; но потомъ, когда кончался разговоръ, она опять забирала власть въ свои руки, и заставляла его безусловно покоряться всѣмъ ея хозяйственнымъ распоряженіямъ.

Къ концу мѣсяца, лордъ Лофтонтъ прибылъ въ Фремле-Кортъ. Его пріѣздъ былъ совершеннымъ сюрпризомъ, хотя, какъ онъ замѣтилъ матери, когда она выразила ему эту нечаянность, что онъ пріѣхалъ именно въ назначенный срокъ.

— Мнѣ нечего и говорить тебѣ, Лудовикъ, какъ я рада твоему пріѣзду, сказала она, съ любовью глядя ему въ лицо,—тѣмъ болѣе что я, признаться, не ожидала тебя видѣть такъ скоро.

Въ первый вечеръ онъ не говорилъ съ матерью о Люси, хотя и была рѣчь о Робертсахъ.

— Я боюсь, что мистеръ Робертсъ сильно запутался, сказала леди Лофтонтъ, серьезно покачавъ головою.—До меня доходятъ самые печальные слухи. Я еще не говорила объ этомъ ни съ нимъ, ни даже съ Фанни; но я вижу по ея лицу, я слышу по ея голосу, что надъ ней тяготѣетъ страшное горе.

— Я знаю все это дѣло, сказалъ лордъ Лофтонтъ.

— Какимъ же образомъ ты это знаешь, Лудовикъ?

— Всею причиною мой любезный пріятель, мистеръ Совербш. Маркъ имѣлъ неосторожность поручиться за него; онъ самъ разказывалъ мнѣ это.

— Зачѣмъ же онъ ѣздилъ въ Чальдикотсъ? Зачѣмъ же онъ

связывался съ такими людьми? Это ему совершенно непростительно.

— Не забудьте, мама, что съ Соверби онъ познакомился черезъ меня.

— Я тутъ не вижу никакого оправданія. Развѣ ему необходимо сближаться со всѣми твоими знакомыми? По твоему положенію въ свѣтѣ, ты поневолѣ долженъ сталкиваться со множествомъ людей, которые вовсе не годятся въ товарищи приходскому священнику. Странно, что онъ самъ этого не понимаетъ. Съ какой стати онъ ѣздилъ въ Гадеромъ-Кассль?

— Онъ этому обязанъ своею бенефиціей въ барчестерскомъ капитулѣ.

— Лучше бы ему было обойтись безъ этой бенефиціи. Сама Фанни это чувствуетъ. Зачѣмъ ему содержать два дома? Да притомъ, эти пребанды собственно назначены для людей постарше его, для людей заслуженныхъ, которымъ нужно отдохнуть подъ старость лѣтъ. Гораздо бы лучше, еслибъ онъ не принималъ этой пребанды.

— Не такъ легко отказаться отъ шестисотъ фунтовъ вѣрнаго дохода, сказалъ Лофтонъ вставая, и уходя изъ комнаты.

— Если Маркъ точно запутался, сказалъ онъ позднѣе вечеромъ, — нужно какъ нибудь помочь ему.

— То-есть, заплатить его долги?

— Да. У него нѣтъ другихъ долговъ кромѣ этихъ векселей, въ которыхъ онъ поручился.

— Сколько же это составитъ, Лудовикъ?

— Какихъ-нибудь тысячу фунтовъ или около того. Я достану эти деньги, но только, мама, мнѣ уже нельзя будетъ тогда расплатиться съ вами такъ скоро, какъ бы я желалъ.

Но тутъ леди Лофтонъ нѣжно обняла его, и объявила, что никогда не проститъ ему, если онъ еще проронитъ слово объ ея маленькомъ подаркѣ. Мнѣ кажется, что для матери не можетъ быть большей отрады, какъ отдавать свои деньги единственному сыну.

О Люси въ первый разъ было упомянуто на другое утро, за завтракомъ. Лордъ Лофтонъ рѣшился переговорить съ матерью прежде чѣмъ отправится къ Робартсамъ; но случилось такъ, что леди Лофтонъ сама о ней заговорила по поводу болѣзни мистриссъ Кролей; она разказала сыну, какимъ образомъ всѣхъ четырехъ дѣтей перевезли въ викарство.

— Я должна сказать, что Фанни поступила превосходно, сказала леди Лофтонъ; — впрочемъ, иного и ожидать отъ нея нельзя. То же можно сказать и о миссъ Робартсъ, прибавила она нѣсколько принужденнымъ тономъ. — Миссъ Робартсъ

осталась въ Гоггльстокъ; она ухаживала за мистриссъ Кролей въ продолженіи всей ея болѣзни.

— Какъ? Она осталась въ Гоггльстокъ? Въ самомъ мѣстѣ заразы? воскликнулъ молодой лордъ.

— Да, отвѣчала леди Лофтонъ.

— И она тамъ до сихъ поръ?

— Да, и кажется еще не собирается уѣхать.

— Да это ни на что не похоже! Какъ можно было допустить это?

— Но вѣдь на это была ея собственная воля, Лудовикъ.

— О да, конечно; я понимаю. Да зачѣмъ же было жертвовать ею? Развѣ нельзя было нанять сидѣлку? Развѣ необходимо было нужно ей самой оставаться цѣлый мѣсяцъ у постели больной въ заразительной горячкѣ? Какая же тутъ справедливость!

— Справедливость, Лудовикъ? Не знаю была ли тутъ справедливость, но было много христіанской любви и милосердія. Мистриссъ Кролей вѣроятно обязана жизнью попеченіямъ миссъ Робартсъ.

— Она заболѣла сама? Она больна теперь? Скажите мнѣ всю правду! Я самъ отправлюсь въ Гоггльстокъ тотчасъ же послѣ завтрака.

Леди Лофтонъ ничего не отвѣчала на это. Если Лудовикъ непременно хотѣлъ отправиться въ Гоггльстокъ, она не могла удержать его. Но ей казалось, что это было бы крайне безразсудно. Она думала про себя, что онъ точно также доступенъ для заразы какъ и Люси Робартсъ; да притомъ же изголовье больной мистриссъ Кролей не совсѣмъ приличное мѣсто для свиданія между двумя влюбленными. Вообще, ей казалось въ эту минуту, что судьба довольно жестоко поступаетъ съ нею по отношеніюкъ миссъ Робартсъ. Она считала своимъ долгомъ уменьшать, сколько она могла это сдѣлать безъ несправедливости, высокое понятіе, которое ея сынъ составилъ себя о достоинствахъ молодой дѣвушки; а теперь ей пришлось, напротивъ того, расхваливать ее. Леди Лофтонъ была женщина вполне искренняя и правдивая. Даже для того чтобы достигнуть своей цѣли въ такомъ важномъ вопросѣ, она не способна была не только покривить душою, но даже искусно смолчать при случаѣ; тѣмъ не менѣе, ей трудно было помириться съ необходимостью превозносить при сынѣ добродѣтели Люси.

Послѣ завтрака, леди Лофтонъ встала съ мѣста, не высказывая однако намѣренія уйдти изъ комнаты. Ей очень хотѣлось, по своему обыкновенію, спросить сына о томъ что онъ собирается дѣлать въ это утро; но на этотъ разъ у нея не доставало духу

сдѣлать такой вопросъ. Вѣдь онъ объявилъ ей за минуту назадъ, куда онъ намѣренъ отправиться.

— Я тебя увижу за полдникомъ? сказала она наконецъ.

— За полдникомъ? Не знаю, право. Но, послушайте, матушка, что мнѣ сказать миссъ Робартсъ, когда я увижу ее?

И онъ остановился у каминна, глядя ей прямо въ лицо.

— Ты спрашиваешь, что тебѣ ей сказать, Лудовикъ?

— Да; что мнѣ ей сказать—отъ *васъ*? Могу ли я ее увѣрить, что вы готовы принять ее какъ невѣстку, какъ дочь?

— Лудовикъ, я уже все объяснила самой миссъ Робартсъ.

— Что же вы ей объяснили?

— Я ей сказала, что такой бракъ не поведетъ къ вашему обоюдному счастью.

— А зачѣмъ вы это говорили ей? Зачѣмъ вы взялись судить за меня, какъ будто бы я ребенокъ? Матушка, вы должны отказаться отъ своихъ словъ.

Онъ выговорилъ это почти повелительнымъ тономъ, не какъ просьбу, а какъ требованіе.

Она стояла рядомъ съ нимъ, опираясь рѣкою на столъ, и по-сматривала на него съ какимъ-то испугомъ; леди Лофтонъ только одного на свѣтъ и боялась —причинить неудовольствіе Лудовику. Можно сказать безъ преувеличенія, что она жила и дышала только имъ. Еслибъ ей пришлось рассориться съ нимъ, какъ нынѣ ея знакомыя рассорились съ сыновьями, то для нея все было бы кончено въ жизни. Какъ люди иногда напередъ рѣшаются лишить себя жизни въ извѣстномъ случаѣ, такъ и она рѣшилась бы разстаться съ сыномъ, еслибы того потребовали обстоятельства. Даже изъ любви къ нему, она не была бы способна поступить противъ совѣсти, противъ *своихъ* убѣжденій. Если окажется необходимымъ, чтобы все счастье ея жизни было разрушено въ одно мгновеніе, она должна покориться этому рѣшенію, и терпѣливо ждать, чтобы Богъ взялъ ее изъ этого мрачнаго міра.

— Я уже прежде говорилъ вамъ, матушка, что я рѣшился окончательно, и просилъ вашего согласія; теперь вы успѣли все обдумать какъ слѣдуетъ, и я повторяю свою просьбу. Я имѣю причины думать, что не будетъ никакихъ препятствій къ моему браку, если вы радушно протянете руку миссъ Робартсъ.

Итакъ, все зависѣло отъ рѣшенія леди Лофтонъ; но, какъ ни любила она повѣлывать и распоряжаться, въ эту минуту она душевно желала бы устранить отъ себя подобную отвѣтственность. Еслибъ ея сынъ женился на Люси, не спрашивая ея совѣта, и привезъ домой молодую жену, она бы конечно простила ему, и хотя бы не могла одобрить этого брака, однако вѣроятно кончила бы тѣмъ, что приняла бы очень ласково невѣстку. Но те-

перь ей приходилось разсудить все самой. Если ея сынъ ошибется, это ляжетъ ей на совѣсть. Какъ же ей выразить свое согласіе на поступокъ, который она въ душѣ считала совершенно неразумнымъ?

— Или вы знаете что-нибудь неблагопріятное для нея, что-нибудь такое, почему бы вы не желали видѣть ее моею женой? продолжалъ онъ.

— Если ты спрашиваешь моего мнѣнія относительно ея нравственности, то я, конечно, ни въ чемъ не могу упрекнуть ее, отвѣчала леди Лофтонъ;—но то же самое я могу сказать и обо многихъ другихъ молодыхъ дѣвушкахъ, которыя однако, по моему мнѣнію, вовсе тебѣ не пара.

— Это правда: нынѣшныя необразованы, у многихъ дурной характеръ, другія безобразны, или же имѣютъ непріятное родство. Я понимаю, что такого рода обстоятельства могутъ вамъ казаться препятствіями. Но все это не имѣетъ никакого отношенія къ миссъ Робертсъ. Она соединяетъ въ себѣ все, чего только можно потребовать отъ женщины.

• Но отецъ ея былъ простой медикъ, она сестра приходскаго священника, ростомъ она всего пять футовъ два дюйма, и такъ смугла! • Вотъ что могла бы сказать леди Лофтонъ, еслибы захогѣла откровенно высказать свою мысль; но она на это не рѣшилась.

— Мнѣ кажется, Лудовикъ, что она не соединяетъ всѣхъ условій, которыя бы я желала найти въ твоей женѣ, былъ ея отвѣтъ.

— Вы хотите сказать, что она не богата?

— Нѣтъ, не объ этомъ рѣчь. Мнѣ бы самой не хотѣлось, чтобы ты преимущественно смотрѣлъ на деньги, или вообще слишкомъ много о нихъ заботился. Конечно, еслибы случилось такъ, что у твоей невѣсты было бы нѣкоторое состояніе, я бы сочла это за выгоду. Но ради Бога, пойми меня, Лудовикъ: я вовсе не считаю этого необходимымъ условіемъ для твоего счастья. Все не потому, что она не богата...

— Такъ почему же? Сегодня за завтракомъ вы сами же хвалили ея доброе сердце.

— Если я непременно должна объяснить свою мысль однимъ словомъ, я скажу...

Она приостановилась, не будучи въ силахъ выдержать нахмуренный взглядъ сына.

— Чтò же вы скажете? спросилъ лордъ Лофтонъ почти жесткимъ тономъ.

— Не сердись на меня, Лудовикъ; все, что я говорю объ этомъ предметѣ, все что я думаю, я думаю и говорю единственно для твоего блага. Можегъ ли у меня быть въ жизни друга цѣль?

И подоидя къ нему ближе, она нжно поцѣловала его.

— Но скажите же мнѣ наконецъ, матушка, что вы имѣете противъ Люси; какое же это страшное слово, которое должно разомъ выразить всѣ ея погрѣшности и доказать, что она не способна быть хорошею женою?

— Лудовикъ, я этого не говорила, ты самъ это знаешь.

— Какое же это слово, матушка?

Наконецъ леди Лофтонъ рѣшилась выговорить его:

— Она слишкомъ незначительна. Я сама думаю, что она предобрая дѣвушка, но она не создана для виднаго положенія, до котораго ты хочешь возвысить ее.

— Незначительна!

— Да, Лудовикъ, таково мое мнѣнiе.

— Въ такомъ случаѣ, матушка, вы ее не знаете. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что вы понятія не имѣете о миссъ Робартсъ. Изъ всякаго рода пренебрежительныхъ эпитетовъ, она всего менѣ заслуживаетъ тотъ, который вы сейчасъ употребили.

— Я вовсе не хотѣла говорить о ней пренебрежительно.

— Слишкомъ незначительна!

— Можетъ-быть, ты не совсемъ понялъ меня, Лудовикъ.

— Вы выразились очень ясно.

— Я хотѣла сказать, что въ обществѣ она не сумѣетъ занять мѣсто, какое должно принадлежать твоей женѣ.

— Я васъ очень хорошо понимаю.

— Она не сумѣетъ явиться достойною хозяйкой твоего дома.

— Да, понимаю! Вы хотите, чтобъ я женился на какой-нибудь бойкой львицѣ, на какой-нибудь бѣлорозовой царицѣ моды, которая запугивала бы маленькихъ людей до глубины ихъ души.

— Ахъ, Лудовикъ, ты кажется, хочешь насмѣхаться надо мною!

— Ничуть не бывало; могу васъ увѣрить, что мнѣ въ эту минуту не до смѣха. Я теперь вижу, что вы оттого только говорите противъ миссъ Робартсъ, что вовсе не знаете ее. Когда вы сблизитесь съ ней, вы убѣдитесь, что она во всякомъ положеніи сумѣетъ поддержать свое достоинство и достоинство мужа. Могу васъ увѣрить, что я совершенно покоенъ въ этотъ отношеніи.

— Я думаю, другъ мой, что ты едва ли можешь....

— А я думаю, матушка, что въ такомъ дѣлѣ я одинъ судья. Мой выборъ сдѣланъ, и я прошу васъ, матушка, отправьтесь къ ней и привѣтствуйте ее какъ дочь. Милая, дорогая мама! я вамъ признаюсь въ одномъ: я бы не могъ быть счастливъ, при мысли, что вы не любите моей жены.

Эти послѣднія слова сказалъ онъ такимъ ласковымъ тономъ,

что они запали матери прямо въ сердце. Затѣмъ онъ вышелъ изъ комнаты.

Бѣдная леди Лофтонъ! Она прислушивалась къ шагамъ сына, пока наконецъ они не стихли. Затѣмъ она ушла къ себѣ на верхъ, и принялась за свои обычные утреннія занятія. Или лучше сказать; она по обыкновенію сѣла за свой письменный столъ, но была слишкомъ взволнована и озабочена, чтобы вѣзаться за перо. Часто говорила она себѣ, еще такъ не давно говорила, что сама выберетъ невѣсту для своего сына, и отъ всей души будетъ любить счастливую избранницу. Она съ радостью уступитъ свой престолъ молодой королевы, съ радостью отойдетъ въ свою вдовью тѣнь, лишь бы только ярче сіяла жена Людовика. Ея любимыя мечты сосредоточивались на той минутѣ, когда ея сынъ привезетъ домой молодую супругу, избранную ею изъ лучшаго цвѣта англійскихъ дѣвицъ, и она готова была первая стать жрицей этого новаго кумира. Но могла ли она уступить свой престолъ маленькой Люси Робартсъ? Могла ли она возвести на свое мѣсто эту дѣвочку, сестру приходскаго викарія? Могла ли она питать безусловное, слѣпое довѣріе, кумиротворящую любовь матери, къ этой невзначайшей крошкѣ, которая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ робко сидѣла въ углу ея гостиной, и не смѣла ни съ кѣмъ заговорить?

Леди Лофтонъ сидѣла въ своемъ кресла, и задавала себѣ вопросъ, возможно ли, чтобы Люси заняла достойнымъ образомъ престолъ Фремле-Корта. Леди Лофтонъ начинала уже убѣждаться, что ей не по силамъ будетъ идти противъ рѣшенія сына; но ея мысли все еще обращались невольно къ Гризельдѣ Грантли. При первой ея попыткѣ осуществить свои мечты, выборъ ея палъ на Гризельду. Попытка не удалась, потому что судьба предназначила для миссъ Грантли иной престолъ еще болѣе возвышенный въ сужденіи свѣта. Леди Лофтонъ хотѣла выдать Гризельду за барона, но судьба пристроила ее за маркиза. Должна ли она этимъ огорчаться? Должна ли она сожалѣть о томъ, что миссъ Грантли, со всеми своими прелестями и добродѣтелями, будетъ украшать домъ Гартльтоповъ? Леди Лофтонъ, вообще говоря, не очень терпѣливо выносила неудачи; но на этотъ разъ она испытывала даже нѣкоторое чувство облегченія, при мысли что на вѣки расторгнуть лофтоно-грантлійскій трактатъ. Что еслибъ она достигла цѣли своихъ желаній, а предметъ ихъ оказался бы не совсемъ удовлетворительнымъ? Въ послѣднее время, на леди Лофтонъ часто находили сомнѣнія, точно ли Гризельда Грантли была способна осуществить все ея надежды. Правда, Гризельда смотрѣла настоящею королевою; но леди Лофтонъ должна была сознаться, что и для королевы не все дѣло въ наружности. Она

сама начинала думать, что судьба очень кстати разстроила ея планы, и что Гризельда гораздо болѣе подѣ парю лорду Домбелло чѣмъ Лудовику.

Но опять—какая выйдетъ королева изъ Люси? Могутъ ли васалы королевства съ должнымъ почтеніемъ преклонять колѣна передъ такою невзрачною королевою? Да при томъ же, всѣмъ извѣстно, что царственнымъ лицамъ не подобаеъ соединяться узами брака съ собственными подданными, какъ бы ни стояли они высоко. Люси могла считаться подданною дома Лофтоновъ, такъ какъ она была сестра приходскаго священника и постоянная обывательница фремлейскаго викарства. Предположивъ даже, что Люси годилась бы въ королевы, что царскій вѣнецъ хорошо бы присталъ ея челу,—какъ быть съ ея братомъ священникомъ? По всѣмъ вѣроятіямъ кончилось бы тѣмъ, что въ Фремле-Кортѣ совсѣмъ бы не было королевы.

А между тѣмъ леди Лофтонъ смутно чувствовала, что она должна уступить. Въ этомъ она еще не признавалась себѣ. Она еще не помирилась съ необходимостью протянуть руку Люси и назвать ее дочерью; она еще не сказала этого въ своемъ сердцѣ. Но она уже стала помышлять о высокихъ достоинствахъ миссъ Робартсъ, уже сказала себѣ, что если она не совсѣмъ годится въ королевы, то можетъ стать женою въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Леди Лофтонъ готова была допустить, что въ этой незначашей оболочкѣ живетъ сильная душа. Очевидно было также, что Люси имѣла способность, высочайшую въ мірѣ способность, жертвовать собою для другихъ. Впрочемъ, леди Лофтонъ никогда не сомнѣвалась, что Люси — добрая дѣвушка, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Притомъ нельзя было отказать ей въ живости ума, въ энергіи, въ этомъ огнѣ, который—увъ!—и покори́лъ ей лорда Лофтона. Леди Лофтонъ чувствовала, что и сама она можетъ полюбить Люси... Но возможно ли преклонять передъ нею колѣна и служить ей какъ королеви? Какая жалость, что она такъ незначительна!

Какъ бы то ни было однако, мы можемъ сказать, что пока леди Лофтонъ сидѣла и предавалась размышленіямъ въ своемъ кабинетѣ, звѣзда Люси Робартсъ мало-по-малу поднималась на горизонтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не любовь ли была нужнѣе всего для леди Лофтонъ, не любовь ли была для ней насущною, необходимою пищею? Она сама не вполне это сознавала, и даже тѣ, кто зналъ ее близко, едва ли бы отовались такимъ образомъ. Они бы сказали, что она всего болѣе питается семейною гордостью, и она сама созналась бы въ этомъ, конечно употребивъ при этомъ другія выраженія.

Честъ ея сына! честъ ея дома! она часто говорила, что честъ эта ей дороже всего на свѣтѣ. И это отчасти была правда; еслибъ она увидѣла своего сына опозореннымъ, то она не пережила бы такого бѣдствія. На первую, ежедневную потребностью ея души было любить, любить окружающихъ.

Лордъ Лофтонъ, выходя изъ столовой, хотѣлъ было отправиться прямо въ викарство; но онъ сперва зашелъ въ садъ. Прохаживаясь по аллеѣ, онъ обдумывалъ что именно онъ скажетъ Марку. Онъ сердился на мать; не угадывая, что она почти готова уступить ему, онъ рѣшился объявить всѣмъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ намѣренъ поступить совершенно независимо. Онъ узналъ наконецъ, что сердце Люси принадлежитъ ему, и не хотѣлъ жертвовать своимъ счастьемъ прихоти матери.

Нѣтъ на свѣтѣ сына, который бы любилъ свою мать больше моего, говорилъ онъ себѣ, но вѣдь всему есть мѣра! Еслибъ я поддался ей, она бы давно женила меня на этой бездушной куклѣ: а-теперь, разочаровавшись.... Слишкомъ незначительна! Я не знаю ничего нелѣпѣе, несправедливѣе, такого.... Она хотѣла бы женить меня на какой-нибудь бой-бабѣ, отъ которой и ей самой житья бы не было. Да и по дѣломъ бы ей!... Но она должна будетъ согласиться, а не то мы рассоримся на вѣкъ, докончилъ онъ въ своемъ умѣ, и повернуль къ воротамъ готоваясь идти въ викарство.

— Милордъ, слышали вы что случилось? спросилъ садовникъ, встрѣчая его у подъѣзда. Старикъ совсѣмъ задыхался отъ волненія.

— Нѣтъ, я ничего не слыхалъ. Что же такое?

— У мистера Робартса въ домѣ экзекуція.

ГЛАВА XLIV.

Мы уже говорили о ходѣ дѣлъ между Тозерами, мистеромъ Керлингомъ и Маркомъ Робартсомъ. Мистеръ Форрестъ совершенно устранилъ себя отъ дѣятельнаго участія въ этихъ дѣлахъ; точно также и мистеръ Соверби. Въ Фремлей безпрестанно получались письма отъ мистера Керлинга; наконецъ онъ далъ знать черезъ нарочнаго, что близокъ рѣшительный день. На сколько дѣловая опытность мистера Керлинга позволяла ему судить о поступкахъ и распоряженіяхъ такого человѣка какъ Томъ Тозеръ, онъ предполагалъ, что шерифскіе агенты явятся въ фремлейское викарство на слѣдующее же утро. Дѣловая опытность мистера Керлинга не обманула его въ этомъ случаѣ.

— Что же ты будешь дѣлать, Маркъ? спросила Фанни сквозь слезы, когда мужъ передалъ ей печальное письмо.

— Да ничего! Что же я могу сдѣлать? Пусть они придутъ.

— Лордъ Лофтонъ прѣхалъ сегодня; не отправишься ли ты къ нему?

— Нѣтъ; это значило бы просить у него денегъ.

— Да почему же тебѣ не занять у него, другъ мой? Его конечно не затруднитъ эта сумма.

— Нѣтъ, это невозможно. Подумай о Люси, объ его отношеніяхъ къ ней. Притомъ, у насъ съ Лофтономъ уже вышли нѣкоторыя непріятности по поводу Соверби и его денежныхъ дѣлъ. Ему кажется, что я тутъ отчасти виноватъ; онъ самъ мнѣ это сказалъ, и мы съ нимъ поспорили. Конечно, еслибъ я попросилъ, онъ непремѣнно ссудилъ бы меня деньгами, но ужъ навѣрное такимъ образомъ, что я не могъ бы принять ихъ.

Послѣ того, объ этомъ не могло уже быть никакого разговора. Еслибъ Фанни могла послѣдовать собственному влеченію, она тотчасъ бы отправилась къ леди Лофтонъ; но ей не удалось получить на то согласіе мужа. Ему точно также не хотѣлось обратиться къ леди Лофтонъ, какъ и къ ея сыну. Между ними были нѣкоторыя недоразумѣнія и неудовольствія, и при такихъ обстоятельствахъ ему казалось невозможнымъ просить у нея денежнаго пособія. У Фанни однако осталось въ душѣ предчувствіе, что помощь придетъ изъ Фремле-Корта, если только придетъ; ей очень хотѣлось увѣдомить обо всемъ своего стараго друга.

На слѣдующее утро, они позавтракали въ обычный часъ, но въ самомъ грустномъ настроеніи духа. Горничная мистриссъ Робартсъ, служившая ей съ самаго ея замужества, пришла сказать ей, что слухъ объ угрожающемъ несчастіи уже распространился между прислугой. Конюхъ Стоббсъ ѣздилъ въ Барчестеръ, и по его словамъ, говорила Мери, тамъ всѣ уже объ этомъ толкуютъ. «Пускай себѣ, Мери,» сказала мистриссъ Робартсъ, а Мери отвѣчала:—О, да! конечно, мамъ.

Все это время мистриссъ Робартсъ была очень занята, такъ какъ на рукахъ у нея были шесть человѣкъ дѣтей, въ которыхъ четверо были очень скудно снабжены одеждою и другими дѣтскими принадлежностями. И потому, тотчасъ же послѣ завтрака, она принялась за свое обычное дѣло. Но она двигалась медленно обыкновеннаго, она почти не въ силахъ была раздавать приказанія прислугѣ, и грустно смотрѣла на дѣтей, которыя тѣснились около нея, не понимая въ чемъ дѣло. Маркъ между тѣмъ отправился въ свой кабинетъ, но не принимался за работу. Засунувъ руки въ карманы и прислонившись къ камину, онъ устремилъ глаза на столъ, не глядя ни на что въ особенности. Онъ

и не пытался заняться чѣмъ-нибудь. Да и не мудрено: стоить только вспомнить, въ чемъ состоятъ обычные занятія священника въ его кабинетѣ! Какова бы вышла проповѣдь, сочиненная въ подобную минуту? И легко ли было бы ему справляться съ священными книгами, отыскивая въ нихъ тексты въ подтвержденіе своихъ доводовъ? Ему въ этомъ отношеніи труднѣе приходилось чѣмъ женѣ; она могла хоть чѣмъ-нибудь заняться, а онъ стоялъ въ бездѣйствіи, неподвижно глядя на столъ и думая про себя что скажутъ о немъ добрые люди!

Къ счастью, не долго протанулось для него это мучительное ожиданіе: около получаса спустя послѣ того какъ онъ вышелъ изъ столовой, къ нему постучался лакей — тотъ самый лакей, съ которымъ онъ рѣшился разстаться при началѣ своихъ денежныхъ затрудненій, но котораго онъ потомъ оставилъ при себѣ, получивъ мѣсто въ барчестерскомъ капитулѣ.

— Ваше преподобіе, васъ спрашиваютъ какіе-то два человека, сказалъ лакей.

Какіе-то два человека! Маркъ очень хорошо зналъ что это за люди, и все-таки не могъ совершенно спокойно принять вѣсть о ихъ появленіи.

— Кто они, Джонъ? спросилъ онъ, не ожидая собственно отвѣта, а просто по какой-то безотчетной привычкѣ.

— Кажется... это белифы, сэръ,

— Хорошо, Джонъ, хорошо. Они, разумѣется, могутъ распоряжаться здѣсь какъ имъ угодно.

Когда слуга удалился, онъ остался неподвиженъ на томъ же самомъ мѣстѣ, въ томъ же самомъ положеніи. Такъ онъ простоялъ около десяти минутъ; но онѣ показались ему цѣлою вѣчностью. Когда пробило двѣнадцать часовъ, онъ изумился, что день еще не прошелъ.

Потомъ опять послышались шаги у дверей—шаги хорошо ему знакомые, и жена его тихо вошла въ комнату. Она близко подошла къ нему и положила ему руку на плечо, прежде чѣмъ заговорила:

— Маркъ, сказала она:—эти люди пришли, они здѣсь на дворѣ.

— Знаю, отвѣчалъ онъ сурово.

— Не хочешь ли ты видѣть ихъ, другъ мой?

— Видѣть ихъ? Нѣтъ; къ чему? Я поневолѣ долженъ буду скоро видѣть ихъ. Они вѣроятно чрезъ нѣсколько минутъ сами будутъ здѣсь.

— Кухарка говоритъ, что они составляютъ опись; они теперь въ конюшнѣ.

— Очень хорошо; пусть они дѣлаютъ что имъ угодно; я ничѣмъ не могу пособить имъ.

— Кухарка говоритъ, что если хорошенько покормить и угостить ихъ пивомъ, и если не станутъ ничего отъ нихъ скрывать, они будутъ вести себя очень вѣжливо.

— Вѣжливо! А намъ какое дѣло? Пусть они ѣдятъ и пьютъ сколько угодно, пока еще есть въ домѣ чѣмъ ихъ кормить. Теперь мясникъ врядъ ли станетъ присылать намъ провизію.

— Но вѣдь мы ничего не должны мяснику, кромѣ обычнаго ежемѣсячнаго счета.

— Очень хорошо; увидимъ.

— О Маркъ! не смотри на меня такимъ образомъ! Не отворачивайся отъ меня! Какое же намъ останется утѣшеніе, если мы не будемъ крѣпко держаться другъ за друга?

— Утѣшеніе! Господь съ тебою, Фанни! Я удивляюсь, что ты еще можешь оставаться въ одной комнатѣ со мной...

— Маркъ, милый Маркъ, мой дорогой безцѣнный мужъ, кто же останется тебѣ вѣренъ, если не я? Не отворачивайся, не прячься; неужели ты думаешь, что я могу отъ тебя отступиться?

И она бросилась обнимать его.

Страшная настала для него минута, и страшно она подѣйствовала на него. Всѣ малѣйшія событія этого тяжкаго утра на вѣки врѣзались въ его память. Онъ до сихъ поръ такъ гордился своимъ положеніемъ, такъ умѣлъ выдвинуться впередъ, и держалъ себя какъ-то выше всѣхъ сосѣднихъ священниковъ. Эта-то черта его характера и привлекла его къ знатному великосвѣтскому кругу; поэтому-то онъ и гостилъ у герцога Омвюма, и черезъ этого! получилъ пребенду въ Барчестерѣ. Но какъ же ему теперь взглянуть въ лицо своимъ братьямъ? Чтò скажетъ деканъ, чтò скажетъ семейство Грантли? Какъ будетъ издѣваться надъ нимъ епископъ, какъ мистриссъ Проуди и ея дочери станутъ разсуждать о немъ со всякимъ встрѣчнымъ? Какъ на него взглянетъ Кролей, — Кролей, которому уже удалось однажды смутить и устыдить его? И тутъ всталъ передъ нимъ строгій образъ Кролея. Кролей, съ своими полунагими дѣтьми, съ изнуренною женою, самъ изнуренный трудомъ и нуждой, ни разу не подвергался судебному взысканію. А его собственный курать, Эвансъ, которому онъ такъ величаво покровительствовалъ, съ которымъ онъ обращался какъ съ подчиненнымъ, — какъ Маркъ вынесетъ взглядъ его, сговариваясь съ нимъ о священныхъ обязанностяхъ на будущее воскресенье?

Жена все еще стояла подлѣ него и смотрѣла ему въ лицо. Глядя на нее, онъ чувствовалъ невыразимую ненависть къ Соверби, виновнику его несчастія. Не онъ ли, своимъ безсовѣстнымъ обманомъ, довелъ его съ женою до такого ужаснаго положенія!

— Если существуетъ на землѣ правосудіе, онъ рано или поздно поплатится за это, вырвалось у него наконецъ совершенно невольно.

— Не желай ему зла, Маркъ; будь увѣренъ, что и у него свое горе.

— Свое горел Нѣтъ, такого рода горе ему ровно ничего не значить. Онъ такъ привыкъ къ позору и безчестию, что для него все это однѣ шутки. Если есть въ небѣ кара за обманъ...

— О, Маркъ, не проклинай его!

— Какъ мнѣ не проклипать его, когда я вижу до какого положенія онъ довелъ тебя?

— «Я воздамъ», сказалъ Господь, проговорила молодая жена, не голосомъ строгаго увѣщанія, а ласковымъ, нѣжнымъ шепотомъ.— Предоставь возмездіе Богу, Маркъ, а мы будемъ только молиться, чтобъ Онъ смягчилъ сердце,—и у того, кто навлекъ на насъ всѣ эти страданія, и у насъ самихъ.

Марку не пришлось отвѣчать на это, потому что бесѣда ихъ опять была прервана появленіемъ слуги. На этотъ разъ пришла сама кухарка съ порученіемъ отъ белифовъ. И нужно замѣтить, что не было ни малѣйшей необходимости, чтобъ она, кухарка, приняла на себя эту обязанность; ей бы лучше было предоставить ее лакею или горничной. Но когда въ домѣ суматоха, то суматоха овладѣваетъ и прислугой. Въ обыкновенную пору, ничто не заставитъ буфетчика пойти на конюшню, или горничную взяться за сквороду. Но теперь, среди смятенія, произведеннаго прибытіемъ шерифскихъ агентовъ,—каждый былъ готовъ заняться всѣмъ на свѣтѣ, только на собственнымъ своимъ дѣломъ. Садовникъ смотрѣлъ за дѣтьми, а нянюшка убирала комнаты, въ ожиданіи белифовъ; конюхъ отправился на кухню готовить имъ полдникъ, а кухарка бѣгала за ними съ чернильницей въ рукахъ, готовая исполнять малѣйшія ихъ приказанія. Вообще говоря, приходъ белифовъ казался прислугѣ чѣмъ-то въ родѣ праздника.

— Съ вашего позволенія, мамъ, сказала кухарка Джеми-ма,—они спрашиваютъ, съ какой комнаты вы прикажете начать опись, потому, мамъ, что имъ не хочется васъ или мистера Робаргса обезпокоить. Они очень вѣжливы и учтивы, мамъ, право, очень учтивы.

— Пусть они идутъ въ гостиную, сказала мистриссъ Робартсъ, тихимъ, печальнымъ голосомъ.

Всякая аккуратная, порядливая женщина гордится своею гостинной, и мистриссъ Робартсъ принадлежала къ этому числу. Гостинная эта была убрана тотчасъ послѣ ея свадьбы, когда денегъ

было еще вдоволь, и все въ ней было изящно, и мило, и дорого ея сердцу. О любезная читательница! если у васъ есть комнаты, въ которыхъ все изящно, и мило, и дорого вашему сердцу, подумайте, каково было бы вамъ увидѣть въ нихъ служителей исполнительской власти, составляющихъ опись всѣмъ вещамъ для публичнаго аукціона! Что еслибы вамъ довелось испытать это безъ малѣйшей вины или неосторожности съ вашей стороны! Тутъ были вещи, подаренныя Фанни саюю леди Лофтонъ, или леди Мередитъ, или другими друзьями. Ей пришло на умъ, что можетъ-быть есть средство спасти ихъ отъ поруганія; но она не хотѣла сказать ни слова, боясь еще больше огорчить Марка.

— А потомъ въ столовую, проговорила Джемима, почти съ торжествомъ.

— Да, если хотять.

— А потомъ въ этотъ кабинетъ, или можетъ-быть въ спальню, если вы и мистеръ Робартсъ будете еще здѣсь?

— Куда они хотять, Джемима, все равно, сказала мистриссъ Робартсъ; но послѣ этого она долго не могла видѣть хладнокровно кухарку Джемиму.

Кухарка едва успѣла выйти, какъ по дорожкѣ сада подъ окномъ раздались быстрые шаги, и тотчасъ же потомъ стукнула дверь въ переднюю.

— Дома ли мистеръ Робартсъ? спросилъ знакомый голосъ лорда Лофтона, и полминуты спустя онъ уже былъ въ кабинетѣ.

— Маркъ, любезный другъ, что же это значить? воскликнулъ онъ веселымъ ласковымъ тономъ.—Или ты не зналъ, что я здѣсь? Я прѣхалъ вчера. Какъ ваше здоровье, мистриссъ Робартсъ?

Робартсъ сперва не зналъ даже какъ заговорить съ своимъ старымъ пріателемъ. Онъ чувствовалъ весь стыдъ своего положенія, тѣмъ болѣе что отъ лорда Лофтона зависѣло отчасти вывести его изъ настоящаго затрудненія. Онъ ни разу не занималъ денегъ, съ тѣхъ поръ какъ сталъ взрослымъ человѣкомъ, но у него вышли нѣкоторыя неприятности съ молодымъ лордомъ изъ-за денежныхъ дѣлъ, и Лофтонъ былъ къ нему несправедливъ, а потому онъ оставался безмолвенъ.

— Мистеръ Соверби обманулъ его безсовѣстно, сказала мистриссъ Робартсъ, утирая слезы. До тѣхъ поръ у нея не вырвалось ни слова въ упрекъ Соверби, но теперь она должна была защищать своего мужа.

— Ужь разумѣется! Кого не обманулъ онъ? Я вамъ и прежде говорилъ, что это за человѣкъ, помните ли? Но послушай Маркъ, какъ

ты могъ допустить до этого? Или Форрестъ не хотѣлъ помочь тебѣ?

— Мистёръ Форрестъ предложилъ ему подписать новые векселя, а Маркъ отказался, проговорила мистриссъ Робартсъ рыдая.

— Векселя все равно что пьянство, сказалъ опытный молодой лордъ,—разъ начнешь, трудно остановиться. Да правда ли, что эти люди уже здѣсь, Маркъ?

— Да, они въ сосѣдней комнатѣ.

— Какъ, въ гостиной?

— Они составляютъ опись вещамъ, сказала Фанни.

— Во всякомъ случаѣ нужно остановить ихъ, сказалъ молодой лордъ, отправляясь на поле дѣйствія. Фанни послѣдовала за нимъ, и Маркъ остался одинъ въ кабинетѣ.

— Зачѣмъ вы не дали знать моей матери? сказалъ онъ почти шопотомъ проходя съ нею по залѣ.

— Маркъ мнѣ не позволилъ.

— Но почему же вы не отправились къ ней сами? Или почему вы мнѣ не написали? Кажется, мы съ вами довольно близки.

Мистриссъ Робартсъ не могла ему объяснить, что кромѣ другихъ причинъ, его отношенія къ Люси во всякомъ случаѣ помѣшали бы имъ обратиться къ нему за помощью.

— Не за хорошее вы принялись дѣло, друзья мои, сказалъ онъ входя въ гостиную.

Кухарка поклонилась ему въ поясъ. а белифы, узнавъ молодого пера, отдали ему садюгу приложеніемъ двухъ пальцевъ ко лбу.—Извольте теперь же оставить все это. Пойдемте въ кухню, или куда-нибудь на дворъ. Не нравятся мнѣ ваши толстые сапоги и ваши чернила тутъ посерединѣ этой мебели.

— Съ позволенія вашего лордства, мы тутъ ничего не испортимъ, сказала кухарка.

— Мы только исполняемъ служебный долгъ, сказалъ одинъ изъ белифовъ.

— Вѣдь съ насъ присягу брали, съ позволенія вашего лордства, прибавилъ другой.

— Намъ очень жаль беспокоить джентльмена или леди. Да что дѣлать? Бываютъ такіе случаи. А наше дѣло тутъ сторона, сказалъ первый.

— Потому что мы присягали, милордъ, сказалъ другой.

Однако, не смотря на свою присягу и на грозную необходимость, о которой они говорили, они приостановили свои дѣйствія по настоянію пера. Имя лорда еще много значить въ Англіи.

— Теперь извольте уйдти отсюда, чтобы мистриссъ Робартсъ могла войдти въ свою гостиную.

— А позвольте спросить ваше лордство, что намъ теперь прикажете дѣлать? Къ кому же намъ обратиться?

Чтобы вполне успокоить и удовлетворить ихъ, лордъ Лофтонъ, кромѣ дѣйствія своего имени, долженъ былъ еще употребить въ дѣло перо и бумагу. Но посредствомъ пера и бумаги онъ удовлетворилъ ихъ совершенно, такъ что они согласились покуда переселиться въ комнату Стоббса, надъ конюшней, уговорившись какъ слѣдуетъ насчетъ ѣды и пива, чтобы выждать тамъ новаго судебного приказа, долженствующаго послѣдовать на другой же день, благодаря стараніямъ милорда, и затѣмъ отправиться восвояси. Однимъ словомъ, лордъ Лофтонъ взялся уплатить всѣ долги Марка.

Затѣмъ, онъ вернулся въ кабинетъ, гдѣ Маркъ все еще стоялъ неподвижно на томъ же самомъ мѣстѣ, которое онъ занялъ тотчасъ послѣ завтрака. Мистриссъ Робартсъ не сопровождала его; она пошла въ дѣтскую отмѣнить всѣ распоряженія, сдѣланныя ею по случаю прибытія белифовъ.

— Маркъ, сказалъ лордъ Лофтонъ,—право не изъ чего тебѣ такъ огорчаться. Я услали этихъ людей въ гостиную, а завтра они совсѣмъ уйдутъ отсюда.

— Но деньги! Какъ же я заплачу эти деньги? съ усиленіемъ проговорилъ несчастный.

— Не безпокойся объ этомъ. Мы такъ устроимъ, что никто другой какъ самъ же ты заплатишь ихъ наконецъ; но покуда, я увѣренъ, тебѣ пріятно будетъ думать, что жена твоя можетъ спокойно остаться въ своей гостиной.

— Нѣтъ, Лофтонъ, я не могу дозволить послѣ всего того, что было между нами... и именно въ эту минуту...

— Любезный другъ, я все это знаю, и объ этомъ-то именно я и хотѣлъ поговорить съ тобою. Ты уже совѣтовался съ Керлинггомъ, онъ все уладитъ, и ты, Маркъ, современемъ уплатишь векселя. Но покуда, такъ какъ дѣло не терпитъ отлагательства, ты найдешь деньги у моего банкира.

— Однако, Лофтонъ...

— И, по совѣсти сказать, эти векселя столько же касаются меня, столько и тебя. Не черезъ меня ли ты сблизился съ Соверби, и я знаю, я былъ очень несправедливъ къ тебѣ, тогда, въ Лондонѣ. Соверби довелъ меня до бѣшенства своими постоянными обманами. Безъ сомнѣнія, онъ и съ тобою точно также поступилъ.

— Онъ меня раззорилъ, сказалъ Робартсъ.

— Ну нѣтъ, надѣюсь. Но ужь конечно онъ бы не посовѣствовался

раззорить тебя кругомъ, еслибы только это было ему съ руки. Дѣло въ томъ, Маркъ, что намъ съ тобою и понять нельзя всей бездны мошенничества въ этомъ человѣкѣ. Онъ вѣчно занятъ добываніемъ денегъ; я думаю, что въ минуты самой дружеской откровенности, когда онъ сидитъ съ тобою за бутылкой вина, или скачетъ рядомъ съ тобою на охотѣ, онъ все думаетъ о томъ какъ бы изъ тебя извлечь какую-нибудь пользу. Онъ такъ привыкъ къ этой жизни, что теперъ готовъ мошенничать изъ удовольствія, и дошелъ до такого совершенства, что еслибы мы встрѣтились съ нимъ завтра же, онъ бы опять сумѣлъ надуть насъ. Съ такимъ человѣкомъ не слѣдуетъ знаться; я, по крайней мѣрѣ, убѣдился въ этомъ вполне.

Лордъ Лофтонъ былъ слишкомъ строгъ въ своемъ сужденіи о Соверби; мы вообще способны слишкомъ жестоко судить всѣхъ негодяевъ, попадающихся намъ на жизненномъ пути. Нельзя отрицать, что мистеръ Соверби точно былъ негодяй. Дѣло негодное лгать, а онъ былъ отъ явленный лгунъ. Дѣло негодное давать обѣщанія, когда знаешь навѣрное, что не будешь въ состояніи исполнить ихъ, а мистеръ Соверби дѣлалъ это ежедневно. Негодное дѣло жить чужими деньгами, а мистеръ Соверби давно къ этому привыкъ. Наконецъ, негодное дѣло связываться добровольно съ негодяями, а мистеръ Соверби имѣлъ съ ними постоянныя сношенія. Не знаю даже, не случалось ли подчасъ мистеру Соверби дѣлать дѣла еще и похуже всѣхъ тѣхъ, которыя исчислены здѣсь. Хотя я питаю къ нему невольную нѣжность, зная, что въ его душѣ крылись нѣкоторыя хорошія задатки, нѣкоторое стремленіе къ лучшему, однако я вовсе не хочу оправдывать его. Но не смотря навсѣ его пороки, лордъ Лофтонъ слишкомъ жестоко судилъ о немъ. Для мистера Соверби была еще возможность раскаянія, еслибы только нашелся для него какое-нибудь покаянное мѣстечко, *locus paenitentiae*. Онъ самъ въ душѣ горько сожалѣлъ о своихъ поступкахъ, и хорошо зналъ какихъ измѣненій потребовали бы отъ него правила честности и порядочности. Не зашелъ ли онъ уже слишкомъ далеко для исправленія, возможно ли ему еще найти себя такой *locus paenitentiae*, этого не берусь рѣшить.

— Я никого не могу винить кромѣ самого себя, проговорилъ Маркъ, все тѣмъ же безнадежнымъ тономъ, и отвернувшись отъ пріятеля.

Долги его будутъ заплачены, бѣлифы уже высланы изъ дому; но это не подниметъ его въ глазахъ людей. Всѣмъ будетъ извѣстно, каждому священнику въ округѣ будетъ извѣстно, что въ домѣ фремлейксаго викарія была экзекуція, и ему никогда уже прямо не держать головы въ кругу своихъ собратій.

— Любезный мой другъ! Еслибы мы всё стали такъ мучиться въ-за какой-нибудь бездѣлицы... сказалъ лордъ Лофтонъ ласково, положивъ ему руку на плечо.

— Да не всё же мы священники! сказалъ Маркъ и опять от-вернулся къ окну; лордъ Лофтонъ догадался, что слезы готовы были брызнуть у него изъ глазъ.

Нѣсколько минутъ стояли они молча; потомъ лордъ Лофтонъ заговорилъ опять:

— Послушай, Маркъ!

— Чтò? спросилъ Маркъ, все еще не оборачиваясь къ нему.

— Ты долженъ помнить одно: я имѣю право предлагать тебѣ свои услуги въ этомъ случаѣ не просто въ качествѣ стараго пріятеля, я теперъ смотрю на тебя какъ на будущаго зятя.

Маркъ медленно обернулся къ нему; на его лицѣ были видны слѣды недавнихъ слезъ.

— Какъ? спросилъ онъ.

— Я женюсь на твоей сестрѣ: она сама дала мнѣ знать черезъ тебя, что любить меня, и послѣ этого я не намѣренъ обращать вниманія ни на какія препятствія. Если мы оба согласны, никто на свѣтѣ не долженъ и не можетъ становиться между нами. Я ничего не хочу дѣлать втайнѣ, я такъ и объявилъ моей матери.

— Но чтò же она говорить?

— Она ничего не говоритъ, но пора этому положить конецъ. Мы съ матушкой не можемъ долѣе жить вмѣстѣ, если она пойдетъ наперекоръ моему рѣшенію. Я боюсь перепугать твою сестру, если отправлюсь къ ней въ Гоггльстокъ, но я надѣюсь, что ты ей все это передашь отъ моего имени; а что она подумаетъ, что я забылъ ее.

— Нѣтъ, она этого не подумаетъ.

— Да и не слѣдуетъ ей этого думать. Прощай, Маркъ. А я ужъ все берусь уладить между тобой и миледи касательно этого дѣла съ Соверби.

И онъ ушелъ, чтобы сдѣлать немедленно распоряженіе насчетъ уплаты долга.

— Матушка, сказалъ онъ леди Лофтонъ въ этотъ самый вечеръ, — вы не должны попрекать Робартса этимъ несчастнымъ дѣломъ; я тутъ больше виноватъ чѣмъ онъ.

До сихъ поръ ни слова не было сказано объ этомъ предметѣ между леди Лофтонъ и ея сыномъ. Она съ ужасомъ узнала о прибытіи шерифскихъ служителей, узнала также, что лордъ Лофтонъ отправился въ викарство; поэтому, она считала излишнимъ всякое вмешательство съ своей стороны; она знала, что Лудовикъ выпутаетъ

друга изъ бѣды, заплатитъ за него все что нужно; но это въ ея глазахъ не могло загладить страшнаго позора, сопряженнаго съ экзекуціей въ домъ священника. Къ тому же это былъ ея священникъ, выбранный ею самою, водворенный ею въ Фремлеѣ, женатый на дѣвушкѣ, избранной ею самою, облагодѣтельствованный ею кругомъ! Это было страшнымъ ударомъ для нея, и она сказала себѣ въ душѣ, что лучше бы ей никогда не слышать имени Робартса. Она бы не преминула однако протянуть ему руку помощи, еслибъ эта помощь была нужна или даже возможна. Но какъ же ей было выдѣлаться между своимъ сыномъ и Робартсомъ, особливо если вспомнить отношенія лорда Лофтона къ Люси?

— Ты виноватъ, Лудовикъ?

— Да, матушка. Я его познакомилъ съ мистеромъ Соверби, и по совѣсти сказать, я думаю, что Маркъ никогда бы съ нимъ не сблизился, еслибъ я ему не далъ порученія на счетъ денежныхъ дѣлъ, которыя я тогда имѣлъ съ Соверби; теперь всѣ эти дѣла покончены,—благодаря вамъ конечно.

— Миѣ кажется, что положеніе мистера Робартса, какъ священника, должно было бы предохранить его отъ такого рода опасностей, если бы даже онъ не находилъ достаточнаго оплота въ своихъ правилахъ.

— Во всякомъ случаѣ, матушка, не попрекайте его этимъ; сдѣлайте это для меня.

— О, я конечно ни слова не скажу!

— Гораздо лучше будетъ, если вы скажете нѣсколько словъ мистриссъ Робартсъ, а то ей покажется это страннымъ. Да и ему также вы бы очень могли сказать два, три добрыхъ, ласковыхъ слова; вѣдь вы лучше всякаго сумѣете это сдѣлать! Ему это будетъ гораздо легче чѣмъ ваше совершенное молчаніе.

Леди Лофтонъ ничего не отвѣчала, но позже вечеромъ она подошла къ сыну, и провела рукой по его лбу, откинула назадъ его длинныя шелковистыя кудри, какъ она дѣлывала въ минуты особенной нѣжности.

— Лудовикъ сказала она, — нѣтъ на свѣтѣ человѣка добрѣе тебя. Я съ мистеромъ Робартсомъ поступлю точно такъ, какъ ты хочешь.

Больше уже не было объ этомъ рѣчи.

ГЛАВА XLV.

Около этого времени, въ Барчестерѣ, распространились страшные слухи; они облетѣли вокругъ всей соборной ограды, проникли въ жилища важныхъ членовъ капитула, и въ скромныя гостинныя пѣвчихъ. Оттуда ли они прошли въ епископскій дворецъ или же взяли свое начало изъ этого дворца, мы не беремса рѣшить. Но слухи эти были ужасны, непонятны и, безъ сомнѣнія, до крайности прискорбны всему достопочтенному барчестерскому духовенству.

Первое извѣстiе касалось новаго бенефицианта и позора, который онъ навлекъ на весь капитулъ, позора доселѣ неслышаннаго въ Барчестерѣ, какъ съ гордостью утверждали нѣкоторые. Впрочемъ, эти гордые утвержденiя не совсѣмъ были вѣрны: не далѣе какъ два три года тому назадъ происходилъ публичный аукционъ въ домѣ бывшаго члена капитула, доктора Стенгопа; и по этому случаю самъ докторъ увидѣлъ себя принужденнымъ бѣжать въ Италию,—ускакать ночью чтобы не быть схваченнымъ безжалостными кредиторами вмѣстѣ съ его столами и стульями.

— Просто стыдъ и срамъ, говорила мистриссъ Проуди не про стараго доктора, а про молодаго преступника,—просто стыдъ и срамъ. По дѣломъ бы ему, еслибъ его лишили духовнаго сана.

— Вѣроятно, на его ругу будетъ наложено запрещенiе, сказалъ одинъ изъ младшихъ членовъ капитула, молодой человекъ, принимавшiй съ особымъ почтенiемъ приказанiя повелительницы епархiи, а потому пользовавшiйся вполне заслуженною милостiю. Если на Фремлей будетъ наложено запрещенiе, отчего бы ему не взять на себя приходскiя обязанности, съ такимъ содержанiемъ, какое благоволитъ назначить ему епископъ?

— Я слышала, что онъ страшно запутался въ долгахъ, сказала будущая мистриссъ Тиклеръ,—а все больше изъ-за лошадей, которыхъ онъ покупалъ въ долгъ.

— Да, онъ обыкновенно прiѣзжаетъ въ соборъ на великолѣпной лошади, сказалъ младшiй членъ капитула.

— Теперь, говорятъ, белифы все у нихъ описываютъ въ домѣ, сказала мистриссъ Проуди.

— Его не посадили въ тюрьму? спросила будущая мистриссъ Тиклеръ.

— По крайней мѣрѣ, онъ это вполне заслуживаетъ, сказала ея мать.

— Если и не посадили, такъ скоро посадятъ, заключилъ младшій членъ. — Я слышалъ, что онъ связался съ самыми отвѣвленными мошенниками.

Вотъ какъ разсуждали объ этомъ предметѣ въ епископскомъ дворцѣ, и хотя конечно здѣсь болѣе чѣмъ въ скромныхъ кружкахъ потрачено было краснорѣчія и поэзіи, однако мы можемъ изъ этого заключать, какъ вообще смотрѣли на несчастье Марка Робартса. Признаться, онъ ничего лучшаго и не ожидалъ отъ своихъ собратьевъ. Но имя его не переходило изъ устъ въ уста въ продолженіе обычныхъ девяти дней; шумъ, надѣланный его исторіей, очень скоро утихъ. Причиной этого внезапнаго поворота молвы были новыя вѣсти еще ужаснѣйшаго свойства, вѣсти, которыя такъ поразили мистриссъ Проуди, что, по собственному ея выраженію, кровь застыла у нея въ жилахъ. И она позаботилась, чтобы кровь также застывала въ жилахъ и у всѣхъ ея знакомыхъ, которые были одарены одинаково съ нею впечатлительностью. Прошелъ слухъ, что лордъ Домбелло бросилъ миссъ Грантли.

Мнѣ до сихъ поръ не удалось разузнать, съ какой точки земнаго шара брала свое начало эта жестокая вѣсть; дѣло только въ томъ, что она разнеслась съ неимовѣрною быстротой. Не мудрено, что мистриссъ Проуди лучше чѣмъ кому-либо въ Барчестерѣ были извѣстны всѣ событія, относящіяся до семейства Гартльтоповъ, такъ какъ она больше другихъ вращалась въ высшемъ свѣтѣ; и потому, безъ сомнѣнія, она имѣла основательныя причины утверждать, что лордъ Домбелло уже разъ обманулъ другую молодую дѣвушку, а именно леди Юлію Макъ-Муллъ, съ которою онъ былъ помолвленъ года три тому назадъ, такъ что на его слово трудно полагаться въ подобныхъ дѣлахъ; мистриссъ Проуди умалчивала о томъ, что леди Юлія была отвѣленная кокетка, и черезчуръ любила вальсировать съ какимъ-то нѣмецкимъ графомъ, за котораго она и вышла нѣсколько времени спустя; вѣроятно ей не были извѣстны эти обстоятельства, несмотря на все ея знакомство съ большимъ свѣтомъ.

— Это будетъ страшный урокъ для насъ всѣхъ, мистриссъ Квиверфулъ, и полезное предостереженіе не полагаться на блага міра сего. Я опасаясь, что они не постарались разузнать объ этомъ молодомъ лордѣ прежде чѣмъ въ свѣтѣ стали соединять его имя съ именемъ ихъ дочери.

Мистриссъ Проуди говорила это женѣ теперешняго попечи-

теля Гирамова госпиталя, почтенной матери семейства, облагодѣтельствованной ею, и потому обязанной терпѣливо выслушивать ея рѣчи.

— Но можетъ быть окажется, что это неправда, сказала мистриссъ Квиверфуль, которая, несмотря на свои вѣрноподданническія чувства къ мистриссъ Проуди, имѣла также причины желать добра семейству Грантли.

— Дай Богъ, чтобы вышло такъ, проговорила мистриссъ Проуди, и въ голосѣ ея слышался легкій оттѣнокъ гнѣва,—но, къ сожалѣнію, не остается, кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія. Я должна признаться, что этого слѣдовало и ожидать. Надѣюсь, что мы все это примемъ какъ урокъ, какъ указаніе, посланное намъ Божіею благодіею. Попросите-ка вашего мужа отъ моего имени, мистриссъ Квиверфуль, избрать это предметомъ своей утренней и вечерней проповѣди, въ будущее воскресенье, въ госпиталь; пусть онъ покажетъ, какъ обманчивы наши надежды на блага міра сего.

Мистеръ Квиверфуль отчасти исполнилъ это требованіе, сознавая въ душѣ какъ для него дорого спокойное житіе въ Барчестерѣ; но впрочемъ онъ не рѣшился предостерегать своихъ слушателей, бѣдныхъ старичковъ богадѣльни, противъ черезчуръ честолюбивыхъ матримоніальныхъ замысловъ.

Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, слухи разнеслись по всему капитулу прежде чѣмъ дошли до архидіакона и до его жены. Кто-то сообщилъ ихъ декану, но онъ оставилъ ихъ безъ вниманія; точно также и мистриссъ Эребинъ, по крайней мѣрѣ сначала, и вообще всѣ тѣ, которые обыкновенно брали сторону семейства Грантли во всѣхъ междуусобныхъ распряхъ, презрительно отвергали эти обидные слухи, и говорили другъ другу, что архидіаконъ и его супруга сами умѣютъ вести свои дѣла, и не нуждаются въ постороннихъ совѣтахъ. Но капля за каплею пробивается и камень; и наконецъ повсюду стали соглашаться, что есть причины къ опасенію, — повсюду, кромѣ Пломстеда.

— Я увѣрена, что все это пустяки, совершенно увѣрена, шопотомъ говорила мистриссъ Эребинъ своей сестрѣ,—но я думала, что лучше довести до твоего свѣдѣнія всѣ эти сплетни. Можетъ-быть мнѣ не слѣдовало...

— Напротивъ, ты очень хорошо сдѣлала, милая Элеонора, отвѣчала мистриссъ Грантли,—и я тебѣ отъ души благодарна. Но я очень хорошо знаю, что этими сплетнями мы обязаны епископскому дворцу.

На этомъ и остановился разговоръ между сестрами.

Но на другое утро мистриссъ Грантли получила письмо по

почтѣ, со штемпелемъ городка Литтльбата. Содержаніе его было слѣдующее:

«Милостивая Государыня!

«Мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что лордъ Домбелло совѣтовался съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей, о томъ какъ бы отдѣлаться отъ своего обѣщанія. А потому я счелъ своею христіанскою обязанностью предупредить васъ объ этомъ.

«Преданный вамъ

«Доброжелатель.»

Дѣло въ томъ, что въ Литтльбатѣ проживала близкая пріятельница и наперсница будущей мистриссъ Тиклеръ; а будущая мистриссъ Тиклеръ, въ порывѣ дружескаго радушія, недавно имѣла неосторожность написать нѣсколько строкъ своей милой Гризельдѣ Грантли, поздравляя ее по случаю помолвки.

— Это не настоящій ея почеркъ, говорила мистриссъ Грантли, толкуя съ мужемъ объ этомъ предметѣ.—Но ты можешь быть увѣренъ, что письмо отъ нея. Это образчикъ новомодной христіанской добродѣтели, которую намъ каждый день проповѣдуютъ во дворцѣ.

Но всѣ эти сплетни и предостереженія нѣсколько подѣйствовали на архидіакона. Онъ не давно узналъ исторію съ леди Юліей Макъ-Мулль, и не совсѣмъ былъ убѣжденъ, что его будущій зять былъ совершенно правъ въ этомъ дѣлѣ. Притомъ же лордъ Домбелло давно не подавалъ о себѣ никакой вѣсти. Тотчасъ по возвращеніи Гризельды въ Пломстедъ, онъ прислалъ ей великолѣпное изумрудное ожерелье, которое, однако, она получила прямо отъ ювелира, такъ что оно очень могло быть заказано не самимъ женихомъ, а какимъ-нибудь его прикащикомъ. Съ тѣхъ поръ онъ и не пріѣзжалъ, и не писалъ, и не присылалъ подарковъ. Впрочемъ Гризельда, повидимому, нисколько не огорчалась отсутствіемъ обычныхъ знаковъ любви, и спокойно посвятила себя своимъ великимъ занятіямъ. «У насъ не было уговора о перепискѣ, сказала она матери, а потому я вовсе и не жду писемъ.» Но архидіаконъ не такъ-то спокойно смогрѣлъ на это дѣло.

— Вы съ Домбелло держите ухо востро, шепнулъ ему одинъ изъ его пріятелей въ клубѣ.

Да архидіаконъ былъ бы и не способенъ терпѣливо спустить такого рода обиду. Несмотря на свой духовный санъ, онъ всегда былъ готовъ отразить личное оскорбленіе,—и отлично отразить.

— Въ самомъ дѣлѣ, не вышло ли чего-нибудь? сказалъ онъ женѣ.— Не съѣздить ли мнѣ въ Лондонъ?

Но мистриссъ Грантли приписывала все вліянію епископскаго дворца. Да и что могло быть естественнѣе, если принять въ соображеніе всѣ обстоятельства помолвки Оливіи съ мистеромъ Тиклеромъ? И потому, она отсовѣтовала мужу принимать какія-либо рѣшительныя мѣры.

Дня два спустя, мистриссъ Проуди встрѣтилась съ мистриссъ Эребинъ, и громко соболѣзновала о разстройствѣ свадьбы Гризельды. Будущая мистриссъ Тиклеръ сопровождала мать, а мистриссъ Эребинъ была съ невѣсткой Мери Больдъ.

— Я понимаю, какъ это должно быть грустно для мистриссъ Грантли, сказала мистриссъ Проуди,—и отъ души сочувствую ей. Но вы знаете, мистриссъ Эребинъ, подобныя испытанія ниспосылаются намъ для нашего блага.

— Конечно, отвѣчала мистриссъ Эребинъ,—но въ этомъ случаѣ, я сомнѣваюсь....

— Ахъ! теперь ужь никакихъ не можетъ быть сомнѣній. Вы конечно знаете, что лордъ Домбелло уѣхалъ изъ Англіи.

Мистриссъ Эребинъ не слыхала объ этомъ и принуждена была въ томъ сознаться.

— Онъ уѣхалъ дня четыре тому назадъ на Булонь, сказала мистриссъ Тиклеръ, которая повидимому разузнала все до малѣйшихъ подробностей.

— Мнѣ такъ жаль бѣдной Гризельды! Я слышала, что у ней ужь и приданое готово; это такъ непріятно!

— Но почему же лорду Домбелло не воротиться изъ Франціи? спокойно спросила миссъ Больдъ.

— Разумѣется, почему бы ему не воротиться? возразила мистриссъ Проуди.—Онъ вѣроятно и воротится когда-нибудь! Но если онъ такой человѣкъ, какъ про него разказываютъ, то мы должны радоваться, что Гризельда отъ него избавилась. Вѣдь правду сказать, мистриссъ Эребинъ, что значатъ всѣ блага мірскія? Все это прахъ и тлѣнь, ложь, суета и обманъ.

И мистриссъ Проуди удалась очень довольная своими христіанскими метафорами, бормоча про себя что-то о червяхъ могильныхъ, съ очевиднымъ намекомъ на семейство Грантли и на весь родъ Гарльтоповъ.

Послѣ всего этого, мистриссъ Эребинъ сочла своимъ долгомъ переговорить съ сестрою, и на семейномъ совѣтѣ въ Шломстедѣ было рѣшено, что архидіаконъ лично отправится во дворецъ и попроситъ мистриссъ Проуди положить конецъ всѣмъ этимъ глупымъ толкамъ. Онъ такъ и сдѣлалъ на слѣдующее же утро. Его провели въ кабинетъ епископа, гдѣ онъ засталъ и его самого

и его супругу. Епископъ пошелъ къ нему навстрѣчу съ самою ласковою улыбкою, и вообще пріѣтствовалъ его такъ любезно, какъ будто бы изъ всѣхъ членовъ барчестерскаго духовенства, архидіаконъ Грантли пользовался особымъ его расположеніемъ. Но мистриссъ Проуди смотрѣла довольно мрачно и сурово; она тотчасъ же догадалась, что архидіаконъ пріѣхалъ не даромъ. Онъ вообще не слишкомъ-то любилъ дѣлать утренніе визиты въ епископскій дворецъ.

На этотъ разъ онъ прямо приступилъ къ дѣлу:

— Я пріѣхалъ къ вамъ съ просьбой мистриссъ Проуди, сказалъ онъ, и мистриссъ Проуди слегка поклонилась.

— Я увѣренъ, что мистриссъ Проуди будетъ очень рада.... началъ было епископъ.

— До меня дошло, что здѣсь въ Барчестерѣ распускаютъ разные недѣльные слухи про мою дочь, и я пріѣхалъ просить мистриссъ Проуди.....

Многія женщины на мѣстѣ мистриссъ Проуди страшно бы смутились и готовы были бы со стыдомъ отказаться отъ своихъ словъ. Но мистриссъ Проуди была не въ такихъ. Мистриссъ Грантли имѣла неосторожность попрекнуть ее мистеромъ Сломпомъ, здѣсь, въ собственной ея гостиной, и она рѣшилась ей отомстить. Кромѣ этого, мистриссъ Грантли насмѣшливо отозвалась о будущемъ ея зятѣ: неужели же мистриссъ Проуди откажетъ себѣ въ удовольствіи, открыто высказаться насчетъ Гривельды и лорда Домбелло?

— Да, къ сожалѣнію, о ней очень многіе говорятъ, подхватила мистриссъ Проуди;—но правда, что она бѣдняжка тутъ ни въ чемъ не виновата; это могло случиться со всякою дѣвушкой. Конечно, при большей заботливости, со стороны... вы меня извините, докторъ Грантли...

— Я говорю о слухѣ распространившемся въ Барчестерѣ, будто бы разстроилась свадьба моей дочери съ лордомъ Домбелло, и...

— Да кажется, это ужъ всѣмъ извѣстно, сказала мистриссъ Проуди.

— ... и я прошу васъ мистриссъ Проуди, продолжалъ архидіаконъ,—опровергнуть этотъ слухъ.

— Опровергнуть этотъ слухъ! Да вѣдь онъ бѣжалъ, онъ уѣхалъ въ Англію.

— Не въ томъ дѣло, что онъ уѣхалъ, мистриссъ Проуди: я хочу положить конецъ этимъ глупымъ сплетнямъ.

— Такъ вамъ придется обойти всѣ дома въ Барчестерѣ, сказала она.

— Ничуть, сказалъ архидіаконъ.—Можеть-быть мнѣ слѣдуетъ объявить епископу, что я пришелъ сюда потому....

— Епископъ ничего объ этомъ не слыхалъ, сказала мистриссъ Проуди.

— Ничего ровно, подхватилъ епископъ,—надѣюсь, что все обойдется благополучно.

— ... потому что вы сами объ этомъ такъ открыто заговорили съ мистриссъ Эребинъ, вчера утромъ.

— Открыто заговорила! Да, докторъ Грантли, инныя вещи дозволено трудно скрыть; рано или поздно онѣ выйдутъ наружу. И позвольте вамъ замѣтить, что вы такимъ образомъ не заставите лорда Домбелло жениться на вашей дочери.

Это было совершенно справедливо; онъ даже не могъ заставить замолчать мистриссъ Проуди. Архидіаконъ начиналъ догадываться, что онъ понапрасну предпринялъ свой походъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ,—я надѣюсь, что теперь, узнавъ отъ меня, какъ неосновательны эти слухи, вы будете такъ добры, что не будете распространять ихъ далѣе. Кажется милордъ, я не слишкомъ многого требую.

— Епископъ ничего объ этомъ не знаетъ, опять сказала мистриссъ Проуди.

— Ровно ничего, подтвердилъ епископъ.

— И такъ какъ я принуждена вамъ объявить, что я вѣрю этимъ слухамъ, продолжала мистриссъ Проуди,—то я никакой не вижу возможности опровергать ихъ. Я очень хорошо понимаю ваши чувства, докторъ Грантли. Относительно мірскихъ выгодъ, это конечно была партія неожиданная для вашей дочери. Для васъ, разумѣется, очень грустно, что она разстроилась; но я надѣюсь, что это огорченіе послужитъ ко благу миссъ Гризельды и къ вашему собственному. Эти мірскія испытанія посылаются намъ Провидѣніемъ какъ уроки, и мы должны принимать ихъ съ покорностію и смиреніемъ.

Дѣло въ томъ, что докторъ Грантли очень дурно сдѣлалъ, отправившись въ дворецъ. Его жена могла бы еще какъ-нибудь справиться съ мистриссъ Проуди, но онъ совсѣмъ не годился ей въ противники. Съ тѣхъ поръ какъ она воцарилась въ Барчестерѣ, онъ имѣлъ съ нею двѣ-три схватки, и каждый разъ оставался побѣжденнымъ. Его посѣщенія во дворецъ обыкновенно кончались тѣмъ, что онъ уходилъ въ самомъ непріятномъ расположеніи духа, не добившись ровно ничего; точно также было и въ этотъ разъ. Онъ не могъ заставить мистриссъ Проуди, признаться, что всѣ эти сплетни не имѣютъ основанія, и не былъ способенъ мстить ей колкими намеками на ея собствен-

ную дочь, какъ бы сдѣлала его жена. Итакъ онъ откланялся и ушелъ, разбитый въ пухъ.

Но всего ужаснѣе было то, что на возвратномъ пути домой онъ не могъ отдѣлаться отъ опасенія, что эти слухи на чемъ-нибудь да основаны. Что если лордъ Домбелло отправился во Францію съ намѣреніемъ написать оттуда, что ему невозможно жениться на миссъ Грантли? Вѣдь бывали же такіе примѣры! Кѣмъ бы ни было написано благонамѣренное предостереженіе изъ Литтлбата, докторъ Грантли ясно видѣлъ, что мистриссъ Проуди вѣрять въ эти слухи, — можетъ-быть вслѣдствіе желанія, чтобъ они оправдались, но во всякомъ случаѣ вѣрять непритворно.

Жена не раздѣляла его опасеній и умѣла нѣсколько успокоить его; но въ этотъ же самый вечеръ архидіаконъ получилъ письмо, которое подтверждало всѣ подозрѣнія возбужденныя словами мистриссъ Проуди, и даже у мистриссъ Грантли пошатнуло довѣріе въ лорда Домбелло. Письмо было отъ знакомаго, не очень даже близкаго, съ которымъ онъ никогда до сихъ поръ не переписывался; въ немъ шла рѣчь о предметахъ неважныхъ, о которыхъ не стоило бы писать, но въ самомъ концѣ было сказано:

«Вы конечно знаете, что Домбелло уѣхалъ въ Парижъ; неизвестно, когда онъ возвратится.»

— Такъ это правда! сказалъ архидіаконъ, стукнувъ рукою по столу и поблѣднѣвъ какъ полотно.

— Быть не можетъ! проговорила мистриссъ Грантли, но она сама дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Если такъ, я насильно притащу его назадъ, я его опозорю передъ дверьми отцовскаго дома!

Произнося эти угрозы, архидіаконъ смотрѣлъ разъяреннымъ отцомъ, но ужъ отнюдь не священникомъ англиканской церкви. Мистриссъ Проуди разбила его въ пухъ; но съ мужчинами онъ умѣлъ постоять за себя, и даже свирѣпѣе чѣмъ можетъ-быть подобало бы ему при его санѣ.

— Еслибы лордъ Домбелло имѣлъ въ виду что-нибудь подобное, онъ бы конечно написалъ или попросилъ бы написать кого-нибудь изъ родныхъ, сказала мистриссъ Грантли. — Еслибъ онъ желалъ освободиться отъ обѣщанія, то онъ, во всякомъ случаѣ, могъ бы сдѣлать это приличнымъ образомъ.

Но чѣмъ долѣе они разсуждали объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ серіознѣе казалось оно имъ, и наконецъ они рѣшили, что архидіаконъ долженъ съѣздить въ Лондонъ. Уже не оставалось сомнѣнія, что лордъ Домбелло уѣхалъ во Францію; но докторъ Грантли надѣялся черезъ кого-нибудь изъ общихъ знакомыхъ разузнать о

его намѣреніяхъ, или покрайней мѣрѣ о томъ, когда ожидаютъ его назадъ. Если точно окажется, что есть причины къ опасенію, то онъ послѣдуетъ за нимъ во Францію, но не иначе какъ положительно убѣдившись въ его вѣроломныхъ видахъ. По уговору, лордъ Домбелло долженъ былъ явиться въ Пломстедъ около половины августа, чтобы тутъ же сочетаться законнымъ бракомъ съ Гризельдой Грантли; но никто не имѣлъ права воспрещать ему съѣздить куда въ Парижъ. Конечно, весьма естественно было бы съ его стороны сообщить невѣстѣ о своихъ намѣреніяхъ,—большая часть жениховъ такъ бы и поступили на его мѣстѣ, — но можно ли было сердиться на лорда Домбелло за то, что онъ не похожъ на другихъ жениховъ? Вѣдь онъ и въ прочихъ отношеніяхъ сильно отъ нихъ разнился; во-первыхъ уже въ томъ, что онъ былъ сынъ и наследникъ маркиза Гарльтопа. Какой-нибудь мистеръ Тиклеръ долженъ, разумѣется, еженедѣльно давать знать о своемъ мѣстопробываніи; но возможно ли требовать того же самаго отъ старшаго сына маркиза? Тѣмъ не менѣе, архидіаконъ счелъ за лучшее съѣздить въ Лондонъ.

— Сусанна, сказалъ онъ женѣ передъ самымъ отъѣздомъ (въ эту минуту они оба были въ довольно-грустномъ настроеніи),—я думаю, не мѣшало бы отчасти предупредить Гризельду.

— Неужели ты думаешь, что это нужно? спросила мистриссъ Грантли. Но даже и она не посмѣла совершенно отрицать эту надобность.

— Да, не худо приготовить ее на всякій случай; конечно, не пугая ее черезчуръ.

— Меня это убьетъ, сказала мистриссъ Грантли,—но я думаю, что она найдетъ силу вынести этотъ ударъ.

На слѣдующее утро, мистриссъ Грантли съ крайнею осторожностію принялась приготавливать дочь. Долго она не рѣшалась высказать свою мысль, но наконецъ намекнула Гризельдѣ о возможности,—конечно, самой отдаленной возможности,—что планы ихъ могутъ еще какъ-нибудь не состоятся.

— Вы думаете, мамѣ, что свадьба будетъ отложена?

— Я этого не думаю, Боже упаси! я только говорю, что все можетъ случиться. Конечно, мнѣ бы не слѣдовало говорить тебѣ объ этомъ, но я такъ увѣрена въ твоемъ благоразуміи! Отецъ твой уѣхалъ въ Лондонъ, и скоро обо всемъ напишетъ намъ.

— Въ такомъ случаѣ, мамѣ, не пріостановить ли намъ мѣтку бѣлья?

XLVI.

Белифовъ въ этотъ день угостили какъ слѣдуетъ и кушаньемъ, и пивомъ, въ такихъ количествахъ, которыя (особливо при совершенномъ отсутствіи служебнаго дѣла) должны были вполнѣ осчастливить любыхъ служителей исполнительной власти. На слѣдующее утро они отправились восвояси, съ разными учтивыми объясненіями и извиненіями. «Имъ очень было жаль,» говорили они, «обезпокоить почтеннаго джентльмена или почтенную леди. Но что же было дѣлать?» и т. д. Одинъ изъ нихъ прибавилъ: «что дѣлать? служба службой!» Я вовсе не намѣренъ прекословить этому справедливому замѣчанію, но я посовѣтовалъ бы всякому, при выборѣ службы, избѣгать такой, которая бы требовала извиненій на каждомъ шагу, — либо навиненій, либо чрезчуръ рѣзкаго заявленія права. Можетъ-быть юные мои читатели отвѣтятъ, что никто изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія сдѣлаться агентомъ шерифа; а нѣтъ ли другихъ званій, въ которыя не худо бы взглянуть повнимательнѣе съ этой точки зрѣнія?

Въ этотъ самый вечеръ, Маркъ получилъ записку отъ леди Лофтонъ, приглашавшую его зайти къ ней на слѣдующее утро. Онъ отправился въ Фремле-Кортъ тотчасъ послѣ завтрака. Легко себѣ представить, что онъ былъ не въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, но онъ чувствовалъ истину замѣчанія Фанни, что въ холодную воду гораздо лучше окунуться сразу. Онъ зналъ, что леди Лофтонъ не способна безпрестанно попрекать его, какъ бы холодно она его ни встрѣтила сперва. Онъ всячески старался казаться спокойнымъ, и войдя къ ней въ комнату, съ обычною непринужденностью протянуть ей руку; но онъ самъ чувствовалъ, что ему не удалось это. Да и то сказать, хорошій человекъ, которому случилось ошибиться или завлечься, не можетъ безъ смущенія вспомнить о своей ошибкѣ. Кто на это способенъ, тотъ уже не заслуживаетъ названія хорошаго человека.

— Какое непріятное вышло у васъ дѣло, сказала леди Лофтонъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Да, отвѣчалъ онъ, — жаль бѣдной Фанни.

— Что жъ дѣлать! Съ кѣмъ изъ насъ не бываетъ подобныхъ огорченій? Мы должны благодарить Бога, если съ нами чего-

нибудь хуже не случается. Фанни, конечно, жаловаться не станеть.

— Она, жаловаться!

— Нѣтъ, я знаю, что она на это не способна. Но теперь я вамъ вотъ что скажу, мистеръ Робартсъ: надѣюсь, что ни вы, ни Лудовикъ никогда ужь больше не станете связываться съ разными плутами: я должна вамъ откровенно сказать, что бывшій вашъ пріятель, мистеръ Соверби, ничего больше какъ плутъ.

Маркъ не могъ не почувствовать той деликатности, съ которою леди Лофтонъ связала его имя съ именемъ сына. Это уничтожило всю горечь упрека, и дало Марку возможность безъ замѣшательства говорить съ ней объ этомъ предметѣ. Но видя ея снисходительность и кротость, онъ еще строже сталъ осуждать себя.

— Я знаю, что я поступилъ безразсудно, сказалъ онъ,—и безразсудно, и непростительно во всѣхъ отношеніяхъ.

— Сказать вамъ по совѣсти, я сама нахожу, что вы поступили довольно безразсудно, мистеръ Робартсъ, но больше ни въ чемъ нельзя упрекнуть васъ. Мнѣ казалось, лучше теперь откровенно объясниться объ этомъ, чтобы впередъ уже не было объ этомъ помину.

— Да благословить васъ Господь, леди Лофтонъ, сказалъ онъ:—немногимъ суждено счастье имѣть такого друга какъ вы.

Во все время этого разговора она была какъ-то особенно тиха, почти печальна, и говорила безъ обычнаго оживленія: ей въ этотъ день предстояло еще другое, болѣе затруднительное объясненіе. Но послѣднія слова Марка нѣсколько развеселили ее: такого рода похвала была всего пріятнѣе ея сердцу. Она гордилась тѣмъ, что она вѣрный и неизмѣнный другъ.

— Въ такомъ случаѣ вы должны исполнить мою дружескую просьбу и отобѣдать у меня сегодня; и Фанни также, разумѣется. Я никакихъ отговорокъ не принимаю, и считаю это дѣломъ рѣшеннымъ. Я имѣю особыя причины желать видѣть васъ у себя сегодня, договорила она торопливо, усмотрѣвъ на лицѣ священника нѣчто похожее на отказъ.

Бѣдная леди Лофтонъ! Ея враги,—вѣдь и у нея были враги,—обыкновенно говорили, что приглашеніе къ обѣду было у ней единственнымъ способомъ выражать свое благоволеніе. Но я осмѣлюсь спросить этихъ недоброжелателей: чѣмъ же этотъ способъ хуже всякаго другаго? При такихъ обстоятельствахъ, Маркъ не могъ, конечно, послушаться ея, и общался пріидти къ обѣду вмѣстѣ съ женой. Когда онъ ушелъ, леди Лофтонъ велѣла подавать себѣ карету.

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Фремлетъ, Люси все еще оставалась въ Гоггльстокъ и ухаживала за мистриссъ Кролей. Оказалось, что ей не зачѣмъ было спѣшить своимъ возвращеніемъ, потому что то же самое письмо, въ которомъ Фанни увѣдомляла ее о нашествіи Филлистимлянъ, извѣщало ее также о томъ, какъ и кѣмъ они были удалены. — «И потому, писала Фанни, тебѣ нѣтъ надобности пріѣзжать по этому случаю. А все-таки пріѣзжай къ намъ какъ можно скорѣе; у насъ въ домѣ грустно безъ тебя.»

Въ то самое утро когда Люси получила это письмо, она сдѣла по обыкновенію у стараго кожанаго кресла, въ которое недавно перевели мистриссъ Кролей. Горячка прошла, и силы больной стали постепенно возвращаться, очень медленно однако, и сосѣдній докторъ не разъ предупреждалъ ее, что малѣйшая неосторожность можетъ повести къ возобновленію болѣзни.

— Мнѣ право кажется, что завтра я буду на ногахъ, сказала она, — и тогда, милая Люси, я уже не стану задерживать васъ у себя.

— Вамъ какъ будто хочется поскорѣе избавиться отъ меня. Должно-быть мистеръ Кролей опять пожаловался на меня, по случаю сливокъ къ чаю.

Мистеръ Кролей не давно пришелъ въ негодованіе, замѣтивъ, что чай ему подаютъ со сливками, а не съ молокомъ, и заключилъ изъ этого, что въ его домъ, тайкомъ отъ него, привозятъ разную провизію. Но такъ какъ сливки подавались уже цѣлую недѣлю, то Люси не могла отсюда сдѣлать выгодное заключеніе объ его проникательности.

— Ахъ, вы не знаете, какъ онъ заочно говоритъ объ васъ!

— Чтò же онъ обо мнѣ говоритъ? Я увѣрена, что вы не рѣшитесь пересказать мнѣ все, чтò онъ обо мнѣ говоритъ.

— Нѣтъ, не рѣшусь, потому что отъ него такія рѣчи могутъ показаться вамъ смѣшными. Онъ говоритъ, что еслибъ онъ вздумалъ писать поэму о назначеніи женщины, онъ бы избралъ васъ героиней.

— Съ молочникомъ въ рукахъ, или за пришивкою пуговицы къ воротничку его рубашки. Но знаете, душа моя, онъ до сихъ поръ не можетъ простить мнѣ телачій бульонъ. Онъ тогда очень ясно далъ мнѣ почувствовать, что я лгуныя. И точно, я въ этомъ случаѣ не посовѣстлась солгать.

— Онъ мнѣ сказалъ, что вы ангель.

— Боже милостивый!

— Да, ангель милосердія! И онъ правъ; я рада своей болѣзни, потому что черезъ нее я сблизилась съ вами.

— Да мы могли бы сблизиться съ вами и безъ горячки.

— Нѣтъ, не думаю. Съ тѣхъ поръ какъ я замужемъ, я не съ кѣмъ не сблизилась, пока моя болѣзнь не привела васъ сюда. Безъ этого, мы бы никакъ не сблизились. Куда мнѣ знакомиться и сблизаться!

— Но теперь, мистриссъ Кролей, вы прїѣдете къ намъ въ Фремлей, какъ только оправитесь? Помните, что вы мнѣ это обѣщали.

— Вы меня заставили обѣщать въ такую минуту, когда я была такъ слаба, что не могла отказаться.

— И я заставляю васъ сдержать слово. Милости просимъ и его, если ему угодно,—но вы во всякомъ случаѣ должны прїѣхать. Я и слышать ничего не хочу про старья платья. Старья платья точно также можно носить въ Фремлей какъ и въ Гогльстокъ.

Изъ всего этого можно заключить, что мистриссъ Кролей и Люси очень сблизились въ эти четыре недѣли, какъ не могутъ не сблизиться двѣ женщины, прожившія съ глазу на глазъ столько времени, особливо когда одна изъ нихъ больна, а другая за нею ухаживаетъ.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ стукомъ колесъ. Домъ стоялъ не на большой дорогѣ, такъ что проѣзжающихъ бывало здѣсь очень не много.

— Я увѣрена, что это Фанни, сказала Люси, вставая съ мѣста.

— Кажется, это не кабриолетъ, а карета парой, сказала мистриссъ Кролей, руководствуясь утонченнымъ слухомъ, свойственнымъ болѣзни.

— Да, карета, сказала Люси, подойдя къ окну,—и она остановилась. Должно-быть, кто-нибудь изъ Фремле-Корта, я узнаю лакея.

И она невольно вспыхнула. «Ужъ не самъ ли лордъ Лофтонъ,» подумала она, забывая въ эту минуту, что лордъ Лофтонъ не имѣлъ привычки разѣзжать въ тяжелой каретѣ съ веллканомъ лакеемъ. Несмотря на всю свою короткость съ мистриссъ Кролей, она ни слова не сказала ей о своихъ сердечныхъ дѣлахъ.

Карета остановилась и лакей сошелъ съ козелъ, но изнутри никто не отдавалъ ему никакихъ приказаній.

— Онъ вѣрно привезъ что-нибудь изъ Фремлея, сказала Люси, помышляя о сливкахъ и подобныхъ предметахъ, которыя, во время ея пребыванія здѣсь, не разъ присылались изъ Фремле-Корта.— А каретѣ должно-быть приходилось кѣсати ѣхать въ эту сторону.

Но вскорѣ загадка отчасти разъяснилась, хотя съ другой стороны стала еще таинственнѣе. Краснорукая дѣвочка (та самая,

которую мать сперва увела, испугавшись заразы, но которая теперь опять вступила въ должность) вбѣжала въ комнату, совершенно перепуганная, и объявила, что миссъ Робартсъ просить тотчасъ же выйти къ дамѣ сидящей въ каретѣ.

— Вѣроятно, это леди Лофтонъ, сказала мистриссъ Кролей.

Сердце у Люси такъ сильно дрогнуло, что она не въ состояніи была выговорить слово. Зачѣмъ леди Лофтонъ пріѣхала сюда въ Гоггльстокъ? Зачѣмъ она требуетъ ее, Люси, къ себѣ въ карету? Не все ли уже кончено между ними? А теперь... Люси никакъ не могла сообразить, къ чему должно было повести такое свиданіе. Впрочемъ, ей некогда было и соображать; въ своемъ смущеніи, она дорого дала бы, чтобы какъ-нибудь отдалить страшную минуту; но краснукая дѣвочка никакъ не хотѣла этого дозволить.

— Васъ просить прійти тотчасъ же, повторила она настойчиво.

Люси, не сказавъ ни слова, встала и вышла изъ комнаты. Она спустилась по лѣстницѣ, прошла по узенькому корридору и по садовой тропинкѣ, твердымъ, ровнымъ шагомъ, но въ какомъ-то полуснѣ, почти сама не зная куда и зачѣмъ она идетъ. Все ея хладнокровіе, все ея самообладаніе исчезло вдругъ. Она чувствовала, что не сможетъ говорить такъ какъ бы хотѣла, она увѣрена была напередъ, что ей придется расказываться въ своихъ словахъ и поступкахъ, и не могла преодолѣть свое смущеніе. Зачѣмъ леди Лофтонъ потребовала ее къ себѣ? Она подошла къ каретѣ; высокій лакей стоялъ у открытой дверцы; она ступила на подножку и сѣла рядомъ съ леди Лофтонъ, не понимая, не сознавая какъ она попала сюда.

Правду сказать, леди Лофтонъ находилась также въ большемъ затрудненіи. Но обязанность начать разговоръ, очевидно, лежала на ней, и потому, взявъ Люси за руку, она сказала:

— Миссъ Робартсъ, мой сынъ пріѣхалъ. Не знаю, извѣстно ли вамъ это.

Она говорила тихимъ, кроткимъ голосомъ, не совсѣмъ похожимъ на ея обычный тонъ; но Люси была такъ смущена, что не могла этого замѣтить.

— Нѣтъ, я этого не знала, отвѣчала она.

Фанни однако сообщила ей въ своемъ письмѣ о возвращеніи лорда Лофтона, но въ эту минуту все вылетѣло изъ головы Люси.

— Да, онъ пріѣхалъ. Вы знаете, онъ былъ въ Норвегій, на рыбной ловлѣ.

— Да, проговорила Люси.

— Вы вѣрно еще помните нашъ разговоръ въ Фремлей, въ моей комнаткѣ на верху?

Вѣдая Люси сказала, что помнить, дрожа всѣмъ тѣломъ и терзаясь мыслью, что леди Лофтонъ не можетъ этого не замѣтить. Отчего тогда она нашла въ себѣ такую смѣлость, а теперь такъ страшно оробѣла?

— Такъ видите ли, душа моя, все что я говорила вамъ тогда, говорила я съ добрымъ намѣреніемъ. Вы, во всякомъ случаѣ, не станете осуждать меня за то, что я люблю своего сына больше всего на свѣтѣ.

— О, вѣтъ! отвѣчала Люси.

— Онъ превосходный сынъ, превосходный человѣкъ и непременно будетъ превосходнымъ мужемъ.

Люси замѣтила, или лучше сказать, почти инстинктивно догадалась, что леди Лофтонъ говорила сквозь слезы. У нея самой потемнѣло въ глазахъ; она не могла шевельнуться, не могла выговорить слова.

— Люси, я пріѣхала просить васъ стать его женою.

Она была удивлена, что точно слышала эти слова. Они ясно раздались въ ея ушахъ, ясно отразились въ ея умѣ, а между тѣмъ она не въ силахъ была ни отвѣчать, ни шевельнуться, ни подать какого-либо знака, что она поняла ихъ. Ей казалось, будто съ ея стороны не великодушно будетъ воспользоваться такимъ самоотверженнымъ предложеніемъ. Въ эту минуту, она не могла еще думать о своемъ счастьи, ни даже о счастьи ея; такъ поразила ее громадность уступки со стороны леди Лофтонъ. Когда она поставила леди Лофтонъ судьей своей участи, она въ душѣ уже пожертвовала своею любовью. Она не хотѣла сдѣлаться невѣсткой леди Лофтонъ противъ ея желанія, и потому отказалась отъ всякой борьбы, пожертвовавъ собою и любимымъ человѣкомъ. Она твердо рѣшилась не вѣдѣть своему слову, но никогда не позволяла себѣ надѣяться, чтобы леди Лофтонъ сама пошла на тѣ условія, которыя она ей предписала. И однако, она ясно разслыхала слова: «я пріѣхала просить васъ, стать его женою.»

Не могу съ точностію сказать, сколько времени просидѣла она молча; вѣроятно прошло всего нѣсколько минутъ, но имъ обѣимъ онъ страшно продлился. Леди Лофтонъ, начавъ разговоръ съ Люси, взяла ея руку, и все держала ее, стараясь заглянуть ей въ лицо, но Люси не оборачивалась къ ней. Да къ тому же и глаза леди Лофтонъ въ эту минуту были помрачены слезами. Она напрасно ждала отвѣта, и наконецъ заговорила опять:

— Должна ли я ѣхать назадъ, Люси, и сказать ему, что есть какое-нибудь другое препятствіе, совершенно не зависящее отъ строгой старушки-матери,—другое препятствіе можетъ-быть не такъ легко преодолимое.

— Нѣтъ, проговорила Люси съ усиленіемъ; но больше ничего не была она въ состояніи прибавить.

— Таъ что же мнѣ сказать ему? Просто да?

— Просто да, повторила Люси.

— А для строгой старушки-матери, которая такъ дорожила сыномъ, что не вдругъ рѣшилась съ нимъ разстаться, неужели для нея ни слова не найдется?

— О, леди Лофтонъ!

— Неужели не простать ей, не приласкаютъ ее? Неужели всегда будутъ смотрѣть на нее какъ на строгую, причудливую, сварливую старуху?

Люси медленно повернула голову и посмотрѣла въ лицо своей собесѣдницѣ. Она еще была не въ силахъ выразить словами свою нѣжность, но взглядъ ея былъ достаточно краснорѣчивъ.

— Люси, милая Люси, вы понимаете, какъ дорога вы теперь для меня!

И онѣ упали другъ къ другу въ объятія и покрыли другъ друга поцѣлуями.

Леди Лофтонъ приказала кучеру проѣхать взадъ и впередъ по дорогѣ, чтобы тѣмъ временемъ докончить свое объясненіе съ Люси. Сперва она хотѣла тотчасъ же увезти ее въ Фремлей, обѣщая завтра же отвезти ее назадъ къ мистриссъ Кролей— на время, покуда мы устроимъ это иначе, прибавила она, думая о томъ, чтобы свою будущую невѣстку поскорѣ замѣнить настоящею сидѣлкой. Но Люси не хотѣла ѣхать въ Фремлей ни въ этотъ вечеръ, ни даже на слѣдующее утро. Она была бы рада, еслибы Фанин теперь пріѣхала къ ней; тогда бы онѣ сговорились съ ней насчетъ возвращенія домой.

— Но послушайте, Люси, душа моя, что же мнѣ сказать Лудовику? Можетъ-быть, вамъ было бы неловко, еслибъ онъ пріѣхалъ сюда?

— О, конечно, леди Лофтонъ! Пожалуста, скажите ему, чтобъ онъ не пріѣзжалъ.

— И только? больше ничего?

— Скажите ему... скажите ему... Да нѣтъ! онъ самъ не ожидаетъ, чтобъ я поручила передать ему что-нибудь. Но только мнѣ бы хотѣлось хоть день отдохнуть и успокоиться, леди Лофтонъ.

— Хорошо, душа моя, мы дадимъ вамъ успокоиться, и будемъ ждать васъ не раньше какъ послѣ завтра. Но уже долѣе вы не томите насъ отсутствіемъ. Вамъ теперь слѣдуетъ быть дома. Ему было бы слишкомъ грустно жить такъ близко отъ васъ, и не имѣть возможности глядѣть на васъ. Да и не ему одному... Есть

еще кто-то, кому бы хотѣлось быть поближе къ вамъ... Я буду очень несчастна, Люси, если вы меня не полюбите хоть немного.

Люси уже достаточно оправилась, чтобъ отвѣчать ей самими нѣжными увѣреніями.

Ее высадили у двери дома, и леди Лофтонъ поѣхала назадъ въ Фремле-Кортъ. Любопытно знать, догадывался ли лакей, который отперъ дверцу, для миссъ Робартсъ, что онъ прислуживаетъ своей будущей госпожѣ? Очень вѣроятно, что онъ имѣлъ нѣкотораго подозрѣнія, потому что поддерживалъ ее съ особенною почтительностію.

У Люси голова шла кругомъ, когда она взбѣжала наверхъ; она рѣшительно не знала что ей дѣлать, что говорить. Ей бы собственно слѣдовало тотчасъ же отправиться къ мистриссъ Кролей, а между тѣмъ ей такъ хотѣлось побыть одной!

Она чувствовала себя не въ силахъ ни скрыть своихъ мыслей, ни высказать ихъ сколько-нибудь связно; да ей и не хотѣлось ни съ кѣмъ говорить о своемъ счастьи, такъ какъ Фанни Робартсъ не было тутъ. Однако она отправилась въ комнату мистриссъ Кролей, и проговорила какъ-то торопливо, что очень сожалѣетъ, что такъ долго оставяла ее одну.

— Точно это пріѣзжала леди Лофтонъ?

— Да, леди Лофтонъ.

— Я не знала, Люси, что вы такъ близки съ нею.

— Ей нужно было переговорить со мной, возразила Люси, уклоняясь отъ вопроса и избѣгая взгляда мистриссъ Кролей. Потому что она сѣла на свое обычное мѣсто.

— Надѣюсь, что ничего не было непріятнаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего такого, увѣряю васъ. Милая мистриссъ Кролей, я вамъ все разкажу, какъ-нибудь, въ другой разъ, но теперь, ради Бога, не спрашивайте меня.

Она встала и выбѣжала изъ комнаты; ей необходимо было уединиться хоть на нѣсколько минутъ. Запершись у себя, въ прежней дѣтской, она всячески старалась превозмочь свое волненіе, но не совсѣмъ успѣшно. Она взяла перо и бумагу, намѣревалась—такъ по крайней мѣрѣ она говорила себѣ—написать къ Фанни, хотя она напередъ знала, что разорветъ это письмо какъ только оно будетъ окончено; но она не въ силахъ была начертить ни одного слова. Рука у нея дрожала, въ глазахъ было темно, мысли путались.

Она могла только сидѣть у своего стола и думать, и удивляться, и надѣяться, отъ времени до времени утирая слезы и спрашивая себя: почему ея настоящее настроеніе такъ для ней мучительно? Въ продолженіи послѣднихъ трехъ, четырехъ мѣсяцевъ она нисколько не боялась лорда Лофтона, всегда держалась съ

нимъ на равной высотѣ, даже въ послѣднемъ разговорѣ съ нимъ, въ гостинной викарства, — она не могла этого не сознавать — вся выгода была на ея сторонѣ. Но теперь она съ какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ ждала минуты свиданія.

Потомъ ей вспомнилась извѣстный вечеръ, проведенный ею когда-то въ Фремле-Кортѣ, — и она съ нѣкоторымъ удовольствіемъ остановилась на этомъ воспоминаніи. Тамъ была тогда Гризельда Грантли; оба семейства условились содѣйствовать сближенію между ею и лордомъ Лофтономъ. Люси все это видѣла и угадывала, не отдавая себѣ въ томъ отчета, и ей стало очень грустно. Она удалилась отъ всѣхъ, чувствуя и робость, и неловкость, сознавая превосходство другихъ надъ собою, но между тѣмъ утѣшая себя мыслию, что за нею остается своего рода превосходство. И вотъ онъ облокотился на ея кресло, шепнулъ ей нѣсколько радушныхъ, ласковыхъ словъ, и она рѣшилась быть ему другомъ, даже если Гризельда Грантли станетъ его женой. Вскорѣ оказалось, какъ мало можно было полагаться на такого рода рѣшенія. Она почувствовала, куда повела ее эта дружба, и рѣшилась съ твердостью понести заслуженное наказаніе... Но теперь..

Она просидѣла такъ около часа, и готова была бы просидѣть цѣлый день. Но такъ какъ это было невозможно, то она встала, умыла себѣ лицо и глаза, и вернулась въ комнату мистриссъ Кролей. Тутъ она застала и мистера Кролей, къ великой своей радости, потому что, она знала, въ его присутствіи не будетъ никакихъ разспросовъ.

Онъ былъ постоянно ласковъ и пріятливъ съ нею, даже оказывалъ ей особую почтительность; только въ одномъ случаѣ счелъ онъ своимъ долгомъ уличить ее въ неправдѣ, — по поводу провизіи. Но онъ съ нею не сблизился какъ мистриссъ Кролей, и Люси на этотъ разъ была тому рада: она была еще не въ силахъ говорить о леди Лофтонъ.

Вечеромъ, когда они опять собрались, Люси, будто мимоходомъ, замѣтила, что ожидаетъ завтра Фанни.

— Намъ будетъ очень грустно разстаться съ вами, миссъ Робертсъ, сказалъ мистеръ Кролей: — но мы конечно не рѣшимся долѣе удерживать васъ. Мистриссъ Кролей теперь почти совсѣмъ оправилась, благодаря вашимъ попеченіямъ. Что бы съ нею случилось безъ васъ, я и представить себѣ не могу.

— Я еще не говорила, что уѣду, сказала Люси.

— Но вы должны ѣхать, сказала мистриссъ Кролей. — Да, душа моя, я сама понимаю, что вамъ пора домой, и не хочу, чтобы вы оставались у насъ долѣе. Бѣдныя мои дѣточки, нако-

нецъ-таки я увижу ихъ. Какъ мнѣ отблагодарить мистриссъ Робертсъ за все, что она для нихъ сдѣлала?

Рѣшено было, что Люси на другой день отправится въ Фремлей, если Фанни за нею прїѣдетъ. А эту ночь Люси непременно хотѣла просидѣть у изголовья своей новой прїятельницы. Она повѣрила мистриссъ Кролей перемѣну, которая готовилась въ ея судьбѣ. Самой Люси вовсе не казалось страннымъ ея новое положеніе; но мистриссъ Кролей не могла привыкнуть къ мысли, что за нею, бѣдною женой бѣднаго сельскаго священника, ухаживала будущая леди Лофтонъ, подавая ей пить и ежеминутно оправаляя ея постель. Она такъ была поражена этимъ, что невольно приняла болѣе церемонный тонъ. Люси тотчасъ же это замѣтила.

— Между нами ничего не измѣнится, не правда ли? сказала она послѣшно. — Общайте мнѣ, что вы будете со мною по-прежнему.

Но, разумѣется, гораздо легче было дать такое обѣщаніе нежели потомъ сдержать его.

Рано поутру, такъ рано, что Люси разбудили въ первомъ снѣ, пришло письмо отъ Фанни, написанное ею тотчасъ по возвращеніи съ обѣда у леди Лофтонъ.

Письмо начиналось такъ:

«Милый, безцѣнный дружокъ!

«Какъ мнѣ поздравить тебя, какъ пожелать тебѣ счастья? Обнимаю тебя тысячу разъ и радуюсь за тебя и за всѣхъ насъ. Главная цѣль моего письма—предупредить тебя, что я за тобой прїѣду завтра, часовъ въ двѣнадцать, и ты *должна* будешь ѣхать со мною въ Фремлей. А не то, тебя непременно увезетъ кто-нибудь другой, не такой надежный человекъ, какъ я.»

Хотя и сказано, что въ этомъ состоитъ главный предметъ письма, однако послѣ того было еще нѣсколько мелко-исписанныхъ листовъ: мистриссъ Робертсъ просидѣла за ними далеко за полночь.

«Я о *немъ* говорить не стану, писала она, наполнивъ двѣ-три страницы его именемъ, но хочу разказать тебѣ, какъ великолѣпно поступила *она*. Вѣдь ты должна же сознаться, что она милѣйшая женщина, не правда ли?»

Люси уже нѣсколько разъ сознавалась въ этомъ послѣ вчерашняго разговора; она даже увѣрила себя, и въ послѣдствіи постоянно увѣрляла, что никогда въ этомъ не сомнѣвалась.

«Она удивила насъ, объявивъ намъ, когда мы вошли къ ней въ гостиную, что ѣздила къ тебѣ къ Гоггльстокъ. Лордъ Лофтонъ конечно не утерпѣлъ, и тотчасъ же открылъ намъ

всю тайну. Не могу тебѣ передать въ точности его слова, но ты повѣришь, что онъ говорилъ какъ нельзя лучше. Онъ взялъ мою руку и сжималъ ее разъ десять; я даже думала, что онъ меня расцѣлуетъ, но онъ этого не сдѣлалъ, такъ что тебѣ нѣтъ повода къ ревности. А она была такъ мила съ Маркомъ, и съ такимъ уваженіемъ отзывалась о вашемъ отцѣ! Но лордъ Лофтонъ очень журилъ ее, за то что она тотчасъ же не привезла тебя съ собою. Онъ называлъ это сентиментальностью. Однако видно было, какъ онъ благодаренъ ей въ душѣ; она сама это чувствовала, и была необыкновенно счастлива и весела. Она съ него глазъ не могла свести, и точно, никогда еще онъ не былъ такъ хорошъ.

«А потомъ, пока лордъ Лофтонъ и Маркъ сидѣли въ столовой (они тамъ оставались ужасно долго), она непремѣнно хотѣла поводить меня по всему дому, чтобы показать мнѣ *твоей* комнаты, объясняя, что ты тутъ будешь полною хозяйкой. Она все устроила какъ нельзя лучше; видно, что она объ этомъ думала цѣлые годы. Пуще всего она боится теперь, чтобы вы съ нимъ не переселились въ Лофтонъ. Но если въ тебѣ есть капля благодарности къ ней или капля привязанности ко мнѣ, ты этого не допустишь. Я ее нѣсколько утѣшила, сказавъ, что теперь въ Лофтонскомъ замкѣ и камня на камнѣ не осталось; такъ по крайней мѣрѣ я слышала со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, говорятъ, тамъ и мѣстность самая непріятная. Она наконецъ объявила, со слезами на глазахъ, что если только вы согласитесь жить съ нею въ Фремлей, она готова ни во что не вышиваться. Мнѣ кажется, что нѣтъ и не было на свѣтѣ такой женщины, какъ она.»

Письмо еще не оканчивалось тутъ; но мы не будемъ приводить остальной его части, такъ какъ въ ней было мало занимательнаго или любопытнаго для читателей. Ровно въ назначенный часъ, подкатилъ къ калиткѣ кабриолетъ, въ которомъ сидѣла Фанни съ Гресь Кролей. Гресь привезли для того, чтобы она сколько-нибудь помогала матери. При встрѣчѣ не было никакихъ откровенныхъ объясненій или даже изліяній дружбы, такъ какъ тутъ присутствовалъ мистеръ Кролей, жалавшій лично проститься съ своею гостьей ему еще не сказывали, какая судьба ожидаетъ ее. Онъ могли только нѣжно обнять другъ друга и молча поцѣловаться, чему Люси была отчасти рада. Даже съ своею сестрой она не знала какъ заговорить объ этомъ предметѣ.

— Да благословятъ васъ Всевышній, миссъ Робартсъ, сказалъ мистеръ Кролей, подавая ей руку, чтобы довести ее до кабриолета.—Вы внесли въ мое бѣдное жилище лучъ свѣта, въ тяжкую минуту болѣзни, и Господь наградитъ васъ. Вы поступили какъ добродѣтельный Самарянинъ, изливая елей на язвы

болящаго. Вы возвратили жизнь матери моихъ дѣтей; мнѣ же вы принесли свѣтъ, и утѣшеніе, и доброе слово, и душа моя возрадовалась во мнѣ. Все это простекало изъ истинной, христіанской любви, которая не превозносится и не кичится. Вѣра и надежда—великія добродѣтели; но превыше всѣхъ любовь.

И провзнеся это, онъ, вмѣсто того чтобы довести ее до экипажа, вдругъ отвернулся и отошелъ прочь.

Нѣтъ особенной надобности разказывать, какъ велъ себя знакомецъ нашъ пони на возвратномъ пути, и какъ вели себя обѣ дамы въ кабріолетѣ, и какія между ними были разговоры.

ГЛАВА XLVII.

Но, несмотря на всѣ эти радостныя событія, мы не должны, увя! преидти молчаніемъ, что грозная Немезида всегда почти настигаетъ виновнаго, хотя она и хромаетъ на одну ногу, и хотя виновному и кажется иногда, что вотъ-вотъ удалось ему уйдти отъ нея. Въ этомъ случаѣ, виновный былъ никто иной какъ нашъ несчастный другъ Маркъ Робартсъ; онъ согрѣшилъ тѣмъ, что связался съ дурными людьми, гостилъ въ Гадеромъ Касслѣ, разѣзжалъ на охоту на бойкихъ лошадяхъ, и не умѣлъ остеречься отъ когтей Тозеровъ; а орудіе, употребленное Немезидой, былъ мистеръ Томъ Тауэрсъ въ *Юпитеръ*. Известно, что въ наше время богиня не могла бы найти для себя бича болѣе грознаго.

Но, вопервыхъ, я долженъ упомянуть о маленькомъ разговорѣ между леди Лофтонъ и Маркомъ Робартсомъ. Мистеръ Робартсъ счелъ за нужное сказать ей еще нѣсколько словъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ. Онъ не могъ не сознавать, говорилъ онъ, что получалъ мѣсто члена въ капитулѣ черезъ посредство мистера Соверби, и, послѣ всего что произошло между ними, ему казалось невозможнымъ удерживать за собою это мѣсто; совѣсть его не будетъ покойна, пока онъ не откажется отъ него. Онъ зналъ, что вслѣдствіе этого онъ не такъ скоро будетъ въ состояніи разчитаться съ лордомъ Лофтономъ, но изъявлялъ надежду, что Лофтонъ проститъ ему и даже одобритъ его въ этомъ случаѣ.

Сперва леди Лофтонъ не совсѣмъ соглашалась съ нимъ. Такъ какъ лордъ Лофтонъ вступилъ въ бракъ съ сестрою священника, то не худо, чтобъ этотъ священникъ былъ въ нѣкоторой степени сановникомъ церкви; не худо также, чтобы человекъ, такъ близко связанный съ ея сыномъ, былъ вполне обезпеченъ въ денежномъ отношеніи. Притомъ можно

было предвидѣть въ будущемъ и новыя повышенія для зятя пера, а извѣстно, что человека, который уже поднялся на нѣсколько ступенекъ общественной лѣстницы, поднимать легче. Однако, когда ей объяснили все подробнѣе, и она поближе вникла въ дѣло, то она сама нашла, что лучше отказаться отъ этого мѣста.

И счастье для нихъ обоихъ, счастье для всѣхъ въ Фремлетъ, что рѣшеніе это было принято прежде чѣмъ опустился бичъ Немезиды. Немезида, конечно, объявила, что ея удары принудили Марка подать въ отставку; но напрасно она этимъ похвально: всему барчестерскому духовенству было извѣстно, что Маркъ рѣшился отказаться отъ своего мѣста еще прежде чѣмъ Томъ Тауэрсъ замахнулся своимъ смертоноснымъ бичомъ. Но вотъ какимъ образомъ онъ замахнулся:

«Въ настоящее время,» гласила статья въ *Юпитерь*, «англиканской церкви довольно трудно удерживать за собою первенство надъ другими религіозными сектами въ этой странѣ, хотя она и видитъ въ этомъ первенствѣ свое неотъемлемое право. И, если до сихъ поръ удерживается это господство, то этимъ можетъ-быть она обязана не столько внутреннимъ своимъ достоинствамъ, сколько почти безсознательному чувству давнишней преданности и привычки. Если же, однако, патроны и представители этой церкви станутъ попирать ногами всѣ правила приличія, то мы смѣло можемъ предсказывать, что это рыцарское чувство преданности не долго продержится. Отъ времени до времени мы видимъ примѣры такой непростительной неосторожности, что можемъ только дивиться безразсудству тѣхъ, которые считаются за ревностныхъ приверженцевъ учрежденной церкви.

«Одно изъ самыхъ почетныхъ и покойныхъ положеній, до какихъ можетъ возвыситься священникъ, есть мѣсто бенефицианта или члена капитула при какомъ-нибудь соборѣ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ мѣстъ, какъ извѣстно всѣмъ, не сопряжено никакого содержанія, но за то нѣкоторыя очень выгодны во всѣхъ отношеніяхъ. Съ ними соединяются прекрасные дома обладающіе разными хозяйственными удобствами, и доходы, которые могли бы осчастливить не одного измученнаго труженика изъ низшихъ рядовъ духовенства. Духъ реформы коснулся и этихъ мѣстъ: онъ соединилъ съ ними нѣкоторыя обязанности, а у иныхъ отнялъ излишекъ выгодъ. Но, говоря вообще, реформа не сильно налегала на эти мѣста, такъ какъ всѣ видѣли въ нихъ почетныя убѣжища для заслуженныхъ людей, изнуренныхъ трудами. Конечно, въ недавнее время возникъ обычай ставить на епископскія кафедры молодыхъ людей, на томъ основаніи, вѣроятно, что

отъ людей молодыхъ можно ожидать болѣе усиленной дѣятельности; но мы никогда не слыхали, чтобъ было желательно и полезно давать синекуры молодымъ людямъ. Священникъ, удостоенный такого рода мѣста, по нашему мнѣнію долженъ быть человѣкъ заслужившій право на отдыхъ и покой долгими трудами, и прежде всего человѣкъ, котораго жизнь до тѣхъ поръ была, а слѣдовательно, по всемъ вѣроятіямъ и впредь будетъ, украшеніемъ и честью собора, который принялъ его въ свои нѣдра.

«Недавно до насъ дошло свѣдѣніе, что одна изъ богатыхъ бенефицій, принадлежащихъ барчестерскому собору, досталась его преподобию Марку Робартсу, викарию сосѣдняго прихода, такъ чтобъ онъ занималъ оба мѣста разомъ. Мы не мало удивились, узнавъ, вскорѣ потомъ, что этому счастливцу всего какихъ-нибудь двадцать шесть лѣтъ. Намъ хотѣлось вѣрить однако, что его ученость, его благочестіе, строгость его жизни, давали ему право на такого рода отличіе, и потому мы не сказали тогда ни слова. Теперь же стало очевидно, но для насъ однихъ, но и для всѣхъ на свѣтѣ, что мистеръ Робартсъ не можетъ похвалиться ни благочестіемъ, ни строгостью правилъ; а судя по кругу его знакомства и обычному образу жизни, мы имѣемъ сильныя причины сомнѣваться въ его учености. Въ настоящую минуту, или по крайней мѣрѣ за нѣсколько дней предъ симъ, въ домѣ его въ Фремлей была экзекуція по иску какихъ-то лондонскихъ ростовщиковъ, и вѣроятно, то же самое происходило бы и въ другомъ его домѣ, въ Барчестерѣ, еслибы только онъ водворился тамъ.»

За этимъ слѣдовало нѣсколько энергическихъ и, безъ сомнѣнія, весьма полезныхъ совѣтовъ тѣмъ изъ членовъ англиканскаго духовенства, на которыхъ вообще возлагается отвѣтственность за поступки ихъ собратьевъ; и статья заключалась слѣдующими словами:

«Многія изъ этихъ бенефицій находятся въ распоряженіи мѣстныхъ капитуловъ и декановъ, и въ такомъ случаѣ деканъ и капитулъ обязаны заботиться о назначеніи достойныхъ лицъ. Иныя же изъ нихъ перешли въ руки казны, и тогда такая же отвѣтственность лежитъ на правительствѣ. Намъ извѣстно, что мистеръ Робартсъ былъ назначенъ членомъ барчестерскаго капитула, по распоряженію бывшаго перваго министра, и намъ кажется, что такое распоряженіе, заслуживаетъ строжайшаго порицанія. Можетъ-быть въ подобныхъ случаяхъ трудно бываетъ собрать всѣ надлежащія свѣдѣнія.... Но вся наша правительственная система основана на принципѣ передающейся отвѣтственности. Поговорка: *quod facit per alium, facit per se*, прямо относится къ нашимъ министрамъ. Человѣкъ добывающійся высо-

каго положенія среди насъ, долженъ напередъ освоиться со всѣми опасностями этого положенія. Намъ стало извѣстно, изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ этомъ частномъ случаѣ первенствующій министръ руководствовался рекомендаціей вновь-поступившаго члена кабинета, о назначеніи котораго мы уже когда-то говорили, какъ о непростительной ошибкѣ. Хотя этотъ джентльменъ и не занималъ вѣдательной должности, но зло такого рода, о какомъ идетъ здѣсь рѣчь, именно и происходитъ отъ возвышенія неспособныхъ и недостойныхъ людей на видныя мѣста, хотя бы съ этими мѣстами и не соединялось обширнаго поля дѣятельности.

«Если мистеръ Робартсъ позволитъ намъ предложить ему безкорыстный совѣтъ, и если онъ захочетъ послѣдовать ему, то пусть, не теряя времени, возвратитъ онъ свою бенефицію въ распоряженіе правительства!»

Замѣчу мимоходомъ, что когда бѣдный Гарольдъ Смитъ прочелъ эти строки, онъ съ мучительнымъ негодованіемъ воскликнулъ, что это дѣло его ненавистнаго противника, мистера Саппльгауса. Онъ утверждалъ, что узнаетъ перо, но я полагаю, что тутъ его ослѣпила личная вражда. Я имѣю причины думать, что нѣкто поважнѣе мистера Саппльгауса взялъ на себя трудъ показать нашего несчастнаго викарія, что это однимъ словомъ былъ самъ Томъ Тауэрсъ.

Это былъ страшный ударъ для обитателей Фремлея. Сперва показалось имъ, что они разбиты въ дребезги. Бѣдной Фанни, когда она прочла эту статью, почудилось, что пришло свѣтопреставленіе. Пытались было скрыть отъ нея листокъ *Юинтера*, но такого рода попытки никогда не удаются. Статья была перепечатана во всѣхъ благонамѣренныхъ мѣстныхъ газетахъ, и Фанни вскорѣ замѣтила, что отъ нея скрываютъ что-то. Наконецъ мужъ показалъ ей грозную статью, и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ бѣдная мистриссъ Робартсъ была совершенно уничтожена; въ продолженіи нѣсколькихъ дней, она бѣгалась показываться сосѣдямъ; въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, она была очень грустна. *

Но потомъ, все какъ будто бы вошло въ обычную колею; солнце такъ же привѣтливо сіяло на нихъ, какъ будто бы и не было роковой статьи; и не только солнце небесное (которое вообще мало обращаетъ вниманія на всѣ языческія грозы), но и нравственная ихъ атмосфера попрежнему была согрѣта тепломъ радушія и сочувствія. Сосѣдніе священники не отворачивались отъ Марка, жены ихъ не перестали ѣздить къ мистриссъ Робартсъ. Въ барчестерскихъ магазинахъ на нее не смотрѣли какъ

на женщину опозоренную; хотя, нужно сознаться, мистриссъ Прюди едва-едва кланялась ей.

Вообще говоря, статья только на мистриссъ Прюди и произвела сильное и продолжительное впечатлѣніе. Она даже, въ некоторомъ отношеніи, имѣла хорошее дѣйствіе,—она заставила леди Лоугонъ тотчасъ же самымъ рѣшительнымъ образомъ принять сторону *своего* священника; и такимъ образомъ всѣ прегрѣшенія Марка, благодаря этой статьѣ, еще скорѣе изгладились изъ памяти обитателей Фремле-Корта.

Въ графствѣ же на все это дѣло не могли обратить такого усиленнаго вниманія, какимъ бы почтили его въ другое болѣе спокойное время. Въ настоящую минуту всѣ были заняты приготовленіемъ къ выборамъ, и хотя въ восточномъ округѣ не предвидѣлось никакого разногласія, за то въ западномъ должна была произойти ожесточенная борьба. Ожиданіе этой борьбы и сопряженныя съ ней обстоятельства совершенно отодвинули въ тѣнь мистера Робартса и знаменитую статью. Изъ Гадеромъ-Кассля былъ изданъ указъ, повелѣвавшій изгнать мистера Соверби изъ парламента, а въ отвѣтъ на него разсылалась изъ Чальдикотса грозно-насмѣшливая записка, утверждавшая, что повелѣнія герцога никакого не будутъ имѣть дѣйствія.

Въ Англіи есть два разряда лицъ, которыя по основнымъ законамъ нашей конституціи, устранены отъ всякаго дѣятельнаго участія въ выборѣ членовъ парламента, именно: церы королевства и женщины; а между тѣмъ, извѣстно было по всему графству, что борьба по случаю выборовъ шла между перомъ и женщиной. Миссъ Данстеблъ, наконецъ, успѣла скупить у казны Чальдикотскій Чезъ; въ Барсетширѣ многіе увѣряли, что эти земли никакъ бы не достались ей, еслибы гиганты не восторжествовали надъ богами. Герцогъ былъ извѣстный приверженецъ боговъ, а потому (такъ по крайней мѣрѣ намекалъ мистеръ Фодергилль) ему и не продали казенныхъ земель. Ихъ продали миссъ Данстеблъ, потому что она собиралась идти на открытую борьбу съ герцогомъ въ самомъ его родимомъ графствѣ. Мнѣ кажется, однако, что мистеръ Фодергилль ошибался тутъ, и что Чальдикотскій Чезъ, остался за миссъ Данстеблъ потому только, что она предложила казнѣ цѣну выше той, которую соглашался заплатить герцогъ.

Вскорѣ стало извѣстно также, что миссъ Данстеблъ скупила все чальдикотское помѣстье, и что, поддерживая мистера Соверби на парламентскихъ выборахъ, она только помогала своему съемщику.

Потомъ, распространилась вѣсть, что сама миссъ Данстеблъ наконецъ погибла, что она выходитъ замужъ за доктора Торна изъ

Грешамсберн, или за грешамсберійскаго аптекаря, какъ называла его враждебная партія. Онъ дѣлый вѣкъ былъ не болѣе какъ цирюльникъ, говорилъ докторъ Филгревъ, знаменитый барчестерскій врачъ, и теперь женится на дочери такого же цирюльника. Впрочемъ, докторъ Торнъ мало обращалъ вниманія на такого рода рѣчи.

Но все это послужило поводомъ къ безконечному обитію колкостей между мистеромъ Фодергилломъ и мистеромъ Клозерстислемъ, агентомъ по выборамъ. Мистера Соверби прозвали «дамскимъ прихвостникомъ», и стали распространять не слишкомъ лестные разказы о его покровительницѣ, ея дѣлахъ, наружности и манерахъ. Потомъ, важнымъ тономъ вопрошали западный округъ графства (посредствомъ объявленій, прибитыхъ къ стѣнамъ заборамъ, сараямъ), прилично ли и дозвоительно ли ему имѣть представителемъ женщину? Въ отвѣтъ на это, графству опять задавали вопросъ: прилично ли и дозвоительно ли ему имѣть представителемъ герцога? Затѣмъ вопросъ принималъ болѣе личный оборотъ: желали узнать, не навлечетъ ли графство немзгладимый позоръ на себя, отдаваясь въ распоряженіе не только женщинѣ, но женщинѣ недавно торговавшей *лмванскою мазью*. Но немного было пользы отъ этого ловкаго намека: на него возразили объявленіемъ, ясно доказывавшимъ несчастному графству, какъ постыдно было ему отдать себя въ руки какому бы то ни было перу, особливо же перу самому безнравственному, какой когда-либо позорилъ собою скамьи верхней палаты.

Итакъ, схватка слѣдовала за схваткой, и деньгамъ дано было свободное теченіе, къ удовольствію вестъ-барсетширскаго населенія. Герцогъ, конечно, не показывался. Онъ и вообще очень рѣдко являлся среди толпы, особенно же въ такого рода случаяхъ; за то мистеръ Фодергиллъ поспѣвалъ вездѣ. Миссъ Данстебль также не скрывала своего свѣтлышка подъ спудомъ; но я долженъ объявить во всеуслышаніе, что ея враги совершенно несправедливо наклепали на нее, будто бы она сама говорила рѣчь избирателямъ съ балкона гостиницы въ Корси; правда, она пріѣзжала въ Корси, и карета ея останавливалась передъ гостиницей, но ни здѣсь, ни въ другомъ какомъ мѣстѣ, она не дѣлала публичныхъ демонстрацій.

— Меня вѣрно смѣшали съ мистриссъ Проуди, сказала она, когда до нея дошли эти сплетни.

Но увя! у миссъ Данстебль не доставало одного важнаго условія для успѣха: самъ мистеръ Соверби не умѣлъ за себя постоять. Правда, онъ безпрекословно исполнялъ все, чего отъ него требовали; онъ обязался положительнымъ уговоромъ вступить въ борьбу съ герцогомъ; это входило въ его условія съ миссъ

Данстеблъ, и онъ не могъ отъ нихъ отказаться; но онъ не въ силахъ былъ вести эту борьбу съ надлежащею энергіей. У него не доставало духу явиться на мѣсто выборовъ и тамъ прямо ополчиться противъ герцога. Давно уже мистеръ Фодергиллъ вызывалъ его на это, но онъ не рѣшился принять его вызовъ.

«По поводу предстоящихъ выборовъ, говорилъ мистеръ Фодергиллъ въ знаменитой рѣчи, произнесенной имъ въ Сильвербриджѣ, въ гостиницѣ подъ вывѣской Омніумскаго герба,—намъ часто приходилось слышать о герцогѣ Омніумѣ, и объ обѣдахъ, будто бы нанесенныхъ имъ, одному изъ кандидатовъ. Имя герцога не сходитъ съ языка всѣхъ господъ ии дамы... поддерживающихъ притязанія мистера Соверби. Но я не думаю, чтобы самъ мистеръ Соверби много толковалъ о герцогѣ. Врядъ ли онъ самъ рѣшится упомянуть его имя на выборахъ!»

И точно, мистеръ Соверби ни разу не упомянулъ о герцогѣ.

Плохое дѣло сражаться, когда уже сломлена всякая внутренняя сила и бодрость, и въ такомъ положеніи былъ теперь мистеръ Соверби. Правда, онъ вырвался изъ сѣтей, которыми опуталъ его герцогъ, при помощи мистера Фодергилла; но онъ изъ одной неволи перешелъ въ другую. Деньги дѣло серьезное; когда онъ ушли, ихъ нельзя воротить разомъ, удачнымъ ходомъ въ игрѣ, или ловкою уверткой, какъ напримѣръ можно воротить политическую власть, репутацію, моду. Сто тысячъ фунтовъ долгу всегда останутся тѣми же стами тысячами, кому бы ни доводилось выплатить ихъ. Такое обязательство нельзя вдругъ уничтожить, развѣ только такимъ способомъ, къ какому мистеръ Соверби хотѣлъ было прибѣгнуть съ миссъ Данстеблъ. Конечно, для него пріятнѣе было считаться ея должникомъ чѣмъ должникомъ герцога: это давало ему возможность жить въ своемъ старомъ родовомъ домѣ. Но грустна была эта жизнь послѣ всего, что было да ушло.

Миссъ Данстеблъ осталась побѣжденною на выборахъ. Она храбро сражалась до самаго конца, не щадя ни своихъ денегъ, ни денегъ своего противника; но сражалась безуспѣшно. Многіе приняли сторону мистера Соверби, желая низвергнуть авторитетъ герцога, но самому Соверби никто не могъ сочувствовать, и наконецъ онъ лишился своего мѣста въ парламентѣ, которое занималъ онъ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, лишился на вѣки.

Бѣдный мистеръ Соверби! Я не могу разстаться съ нимъ безъ чувства горькаго сожалѣнія, зная, что въ немъ таились хорошіе задатки, которые могли бы развиваться при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Есть люди, даже самаго высокаго званія, которые какъ будто такъ и родились подлецами; но мистеръ Соверби, по мо-

ему мнѣнію родился джентльменомъ. Изъ него вышелъ не джентльменъ. Онъ не исполнилъ своего назначенія, далеко уклонился отъ прямого пути, въ этомъ мы должны сознаться. Джентльменъ не воспользовался бы минутой дружеской довѣрчивости, чтобы заставить пріятеля почти нехотя подписать за него вексель; это поступокъ не честный. Такая черта и другія ей подобныя черезчуръ ясно обозначаютъ его характеръ. Но тѣмъ не менѣе, я прошу читателя пожалѣть о мистрѣ Соверби и пролить надъ нимъ слезу участія.

Онъ было пытался жить въ чальдикотскомъ домѣ, снимая окружныя земли въ качествѣ фермера, но скоро бросилъ эту попытку. У него не было ни способностей, ни навыка къ такому дѣлу, и его теперешнее положеніе въ графствѣ сдѣлалось ему невыносимымъ. Онъ самъ отказался отъ Чальдикотса и исчезъ какъ исчезаютъ подобные люди, впрочемъ не совсемъ лишенный денежныхъ средствъ: при окончательныхъ разчетахъ, нотаріусъ мистриссъ Торнъ, — если намъ позволено будетъ называть теперь этимъ именемъ миссъ Данстеблъ, — обратилъ особое вниманіе на послѣдній пунктъ.

Итакъ лордъ Домбелло, кандидатъ рекомендованный герцогомъ, былъ выбранъ въ представители графства, какъ и прежде былъ избираемъ кандидатъ рекомендованный герцогомъ. До сихъ поръ еще не показывалась Немезида. Но она, хромяя, рано или поздно все-таки достигнетъ герцога, если онъ заслуживаетъ кары. Впрочемъ, наше знакомство съ его милостію было такъ поверхностно и не продолжительно, что мы не считаемъ нужнымъ осведомляться о его дальнѣйшей судьбѣ.

Мы упомянемъ только объ одной чертѣ, доказывающей съ какимъ практическимъ смысломъ у насъ, въ Англіи, ведутся дѣла. Въ началѣ этого разказа мы описали читателю дружескій и радушный пріемъ, какимъ герцогъ Омніумъ почтилъ миссъ Данстеблъ у себя въ Гадеромъ-Касслѣ. Послѣ того она сдѣлалась его сосѣдкой и завязала съ нимъ борьбу, по всѣмъ вѣроятіямъ довольно докучную для герцога. Но тѣмъ не менѣе, при первомъ же великомъ сборищѣ въ Гадеромъ-Касслѣ, мистриссъ Торнъ находилась въ числѣ гостей, и герцогъ никому не оказывалъ такой любезной предупредительности какъ своей богатой сосѣдкѣ, бывшей миссъ Данстеблъ.

ГЛАВА XLVII:

Любезный, благосклонный, чувствительный читатель! У насъ въ этой послѣдней главѣ осталось на рукахъ четыре пары вздыхающихъ влюбленныхъ, и я, какъ предводитель этого хора,

не хочу долѣ томить васъ сомнѣніями на счетъ благополучнаго соединенія какой-либо четы въ этой кадрили. Всѣ онѣ были осчастливлены, несмотря на маленькій эпизодъ, недавно случившійся въ городѣ Барчестеръ. Сообщая вамъ въ краткихъ словахъ о ихъ благополучіи, я буду соблюдать хронологическій порядокъ, то-есть начну съ тѣхъ, которые прежде предстали передъ брачный алтарь.

Итакъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Оливія Пруди, старшая дочь епископа барчестерскаго, сочеталась бракомъ съ его преподобіемъ Тобіасомъ Тиклеромъ, священникомъ *** церкви, въ Бетналь Гринѣ. Обрядъ бракосочетанія былъ совершенъ самимъ отцомъ невѣсты. О женихѣ мы не станемъ много распространяться; мы почти не успѣли и познакомиться съ нимъ. Собираясь въ Барчестеръ для свадьбы, онъ предложилъ было привезти съ собою своихъ трехъ малыхъ дѣточекъ, но будущая теща, съ благоразумною твердостью, не дала ему исполнить это намѣреніе. Мистеръ Тиклеръ былъ человѣкъ не богатый, и до сихъ поръ не приобрѣлъ себѣ громкаго имени между своими собратьями, но время еще не ушло, ему всего сорокъ три года, и такъ какъ онъ теперь заслужилъ лестное вниманіе высшихъ сановниковъ церкви, то могъ надѣяться на повышеніе. Свадьба была очень парадная, и Оливія конечно вела себя съ безукоризненнымъ достоинствомъ.

До самыхъ этихъ поръ еще не разъяснились сомнѣнія, возникшія въ Барчестерѣ по поводу странной поѣздки лорда Домбелло. Когда человѣкъ, въ его обстоятельствахъ, вдругъ, ни съ того ни съ другаго, уѣзжаетъ въ Парижъ, даже не уведомивъ своей невѣсты, то весьма понятно, что за него начинаютъ опасаться. Мистриссъ Пруди, съ своей стороны, питала очень сильныя опасенія, и высказала ихъ даже на свадебномъ завтракѣ, данномъ въ честь Оливіи.

— Да благословитъ васъ Господь, мои милыя дѣти, сказала она, вставая съ своего мѣста и обращаясь къ мистеру Тиклеру и его женѣ,—когда я вижу ваше совершенное благополучіе, на сколько можно назвать совершеннымъ человѣческое благополучіе въ этой юдоли слезъ, и когда я думаю о страшномъ бѣдствіи, постигшемъ нашихъ сосѣдей, я не могу не преклоняться передъ Божіею благодію и милосердіемъ: Господь даетъ, Господь и отнимаетъ.

Она этимъ вѣроятно хотѣла сказать, что между тѣмъ какъ Господь даровалъ мистера Тиклера ея Оливіи, Онъ по своей неизреченной благодти отнялъ лорда Домбелло у архидіаконовой Гривельды. Послѣ завтрака, счастливая чета сѣла въ карету мистриссъ Пруди и доѣхала съ ней до ближайшей стан-

ціи желѣзной дороги; оттуда они отправились въ Мальвернъ, и тамъ провели медовый мѣсяцъ.

Для мистриссъ Проуди, безъ сомнѣнія, очень отраднa была вѣсть, вскорѣ потомъ распространившаяся въ Барчестерѣ, что лордъ Домбелло возвратился изъ Парижа, и что свадьба его съ миссъ Грантли отнюдь не отложена. Она однако осталась при своемъ убѣжденіи, — ложномъ ли или справедливымъ, кто разбереть? — что молодой лордъ имѣлъ намѣреніе спастись бѣгствомъ. «Архидіаконъ конечно выказалъ большую твердость въ этомъ дѣлѣ, говорила мистриссъ Проуди но можно сомнѣваться, послужитъ ли такой насильственный бракъ къ истинному благу его дочери. Впрочемъ намъ всѣмъ къ сожалѣнію извѣстно, что архидіаконъ только и хлопочетъ о мирскихъ выгодахъ.»

Въ этомъ случаѣ хлопоты архидіакона о мирскихъ выгодахъ были убѣдены полнымъ успѣхомъ. Онъ съѣзжалъ въ Лондонъ, и повидался съ нѣкоторыми знакомыми лорда Домбелло; онъ умѣлъ повести дѣло самымъ деликатнымъ образомъ, не подавая ни малѣйшаго повода заключать о своихъ сомнѣніяхъ въ молодомъ лордѣ, и явилъ новое доказательство своего благоразумія и такта. Мистриссъ Проуди увѣряетъ, будто бы онъ самъ съѣзжалъ во Францію и засталъ лорда Домбелло въ Парижѣ; объ этомъ я покуда ничего не могу сказать утвердительнаго, знаю только, что архидіаконъ не такой человекъ, чтобы дать себя въ обиду, или позволить оскорбить свою дочь, пока остаются еще какія-либо средства предотвратить это оскорбленіе.

Какъ бы то ни было, лордъ Домбелло явился въ Пломстедъ 5-го августа, и какъ слѣдуетъ исполнилъ свое обѣщаніе. Семейство Гартльтопъ, убѣдившись въ неизбежности этого брака, стало всячески добиваться, чтобы свадьбу отпраздновали въ Гартльтопъ-Приори, боясь, чтобы великолѣпіе свадебныхъ празднествъ не пострадало отъ скромной барчестерской обстановки; вообще говоря, Гартльтопцы не слишкомъ-то гордились своею новою родней. Но мистриссъ Грантли была въ этомъ отношеніи неумолима. Въ самую послѣднюю минуту пытались было уговорить невѣсту; пойдти наперекоръ матери и объявить, что она желаетъ отпраздновать свадьбу въ замкѣ жениха, — но попытка эта не удалась. Гартльтопцы и понятія не имѣли о грантлейскомъ складѣ и нравѣ, а то бы имъ въ голову не пришло сдѣлать такое покушеніе. Итакъ свадьбу сыграли въ Пломстедѣ. Обрядъ былъ совершенъ архидіакономъ, безъ помощи другихъ, хотя при церемоніи присутствовали деканъ, мистеръ Гардингъ, да еще два священника. Гризельда держала себя точно также безукоризненно какъ и Оливія Проуди; по со-

вѣсти сказать, ея скульптурная величавость, ея аристократическая прелесть превосходили всякое описаніе. Три-четыре слова, которыя потребовались отъ ней при совершеніи священнодѣйствія, произнесла она съ спокойнымъ достоинствомъ, безъ слезъ и безъ рыданій, которыя только замедлили бы обрядъ и смутили бы ея родныхъ; въ церковной книгѣ она записала свое имя: «Гризельда Грантли», безъ трепета и безъ сожалѣнія.

Мистриссъ Грантли обняла и благословила ее у дверей, въ ту самую минуту какъ она собиралась сѣсть въ свою дорожную карету, опираясь на руку отца, и Гризельда нагнулась къ ней и шепнула ей нѣсколько прощальныхъ словъ. «Мамъ, сказала она, я думаю Дженъ можетъ уже приняться за муаръ-антикъ къ тому времени какъ мы, прїедемъ въ Доверъ?» Мистриссъ Грантли съ улыбкой кивнула головой, и опять благословила дочь. Слезъ не было пролито, по крайней мѣрѣ въ эту минуту; ничто не помрачало этого блаженного дня. Но когда мать осталась одна въ своей комнатѣ, она невольно припомнила послѣднія слова Гризельды, и въ ея душѣ проснулось смутное сознаніе, что дочери ея недостаетъ чего-то, по чемъ сердце матери тоскливо вздыхало. Она когда-то съ гордостью увѣрала сестру, что вполне довольна воспитаніемъ Гризельды. Но теперь, наединѣ съ собою, могла ли она утѣшать себя этою мыслию? Дѣло въ томъ, что у мистриссъ Грантли было сердце въ груди и была вѣра въ сердцѣ. Правда, мїръ тяготѣлъ на нее всею тяжестью богатства, соединеннаго съ церковнымъ саномъ, но онъ не сломилъ ее,—за то сломилъ ея дочь. Не даромъ же сказано, что грѣхи отцовъ будутъ взысканы до третьяго и до четвертаго колѣна!

Но это скорбное чувство, шевельнувшееся въ душѣ мистриссъ Грантли, вскорѣ было разсѣяно супружескимъ благополучіемъ самой Гризельды. Въ концѣ осени, молодые вернулись съ своего путешествія, и всему гартльтопскому кругу стало очевидно, что лордъ Домбелло очень доволенъ своею судьбой. Жена его вездѣ была замѣчена. Въ Эмсѣ, въ Баденѣ, въ Ниццѣ, всѣ поклонялись красотѣ молодой виконтессы. Ея изящные приемы и величавость обращенія вполне соответствовали плѣнительной наружности. Она никогда не снисходила до пустой болтовни, до суетнаго оживленія; восхищаясь ею какъ женщиной, невозможно было забыть, что она супруга пера. Лордъ Домбелло вскорѣ убѣдился, что такая жена вездѣ сдѣлаетъ ему честь, и что въ свѣтскомъ отношеніи ее нечему учить.

Въ теченіи зимы она успѣла очаровать всѣхъ обитателей Гартльтопъ-Пріоріа. Герцогъ Омніумъ былъ тамъ, и объявилъ

маркизъ, что Домбелло не могъ сдѣлать лучшаго выбора. «Я сама такъ думаю, отвѣчала счастливая мать, она видитъ все, что ей слѣдуетъ видѣть, а остальнаго для нея не существуетъ.»

Въ Лондонѣ всѣ превозносили ее до небесъ, и даже лорда Домбелло стали считать мудрецомъ. Онъ выбралъ жену, которая все умѣла устроить для него и ничѣмъ его не беспокоила; на которую всѣ женщины смотрѣли благосклонно, хотя всѣ мужчины ею восхищались. Что же касается до разнаго мыслей, до сердечныхъ изліаній, вѣдь еще не совсѣмъ рѣшено, точно ли все это необходимо между мужемъ и женой? Много ли найдется людей, которые по совѣсти могли бы сказать, что они сами испытали, или покрайней мѣрѣ понимаютъ такого рода наслажденія? Но всегда пріятно имѣть хозяйкой дома прелестную женщину, которая знаетъ какъ одѣться, знаетъ какъ встать и сѣсть, умѣетъ граціозно скользнуть въ карету и изъ кареты, никогда не пристыдить мужа своимъ невѣжествомъ, никогда не разсердитъ своимъ кокетствомъ, никогда не затмитъ его умомъ! Право, это великое счастье! Я съ своей стороны думаю, что Гризельда Грантли родилась быть супругой пера.

— Итакъ, говорила про нея миссъ Данстеблъ (она уже называлась тогда мистриссъ Торнъ).—Итакъ есть же нѣкоторая доля правды въ словахъ нашего новѣйшаго философа: «Велика твоя сила, о молчаніе!»

Свадьба нашихъ старыхъ друзей доктора Торна и миссъ Данстеблъ, была отпразднована не ранѣ сентября. Въ этомъ случаѣ много было дѣла юристамъ, и хотя невѣста вовсе не жеманилась, а женихъ не оттягивалъ, никакъ нельзя было сыграть свадьбу ранѣе. Свадьба происходила у Св. Георга на ГанOVERь-Скверѣ, и не отличалась особымъ великолѣпіемъ. Лондонъ совершенно опустѣлъ въ это время года, и немногія лица, присутствіе которыхъ считалось необходимымъ при брачномъ обрядѣ, нарочно пріѣхали изъ деревни. Посаженымъ отцомъ невѣсты былъ докторъ Изменъ, а роль друзей исполнили двѣ дѣвочки, жившія у миссъ Данстеблъ въ качествѣ компаньенокъ. Тутъ же присутствовали молодой Франкъ Грешамъ съ женой и мистриссъ Гарольдъ Смитъ, которая вовсе не намѣрена была покинуть свою пріятельницу въ новомъ положеніи.

— Въместо миссъ Данстеблъ, мы станемъ звать ее мистриссъ Торнъ, говорила мистриссъ Гарольдъ Смитъ,—и право, я думаю, что въ этомъ только и будетъ вся разница.

Мистриссъ Гарольдъ Смитъ, разумѣется, другой разницы не видѣла, но для самихъ заинтересованныхъ лицъ многое перемѣнилось.

Докторъ съ женою уговорились между собою, что у нея по

прежнему будетъ домъ въ Лондонѣ, въ которомъ она можетъ проводить столько мѣсяцевъ, сколько ей угодно, и куда мужъ будетъ прїѣзжать къ ней, когда ему вздумается; въ деревнѣ же онъ будетъ хозяиномъ. Предполагалось выстроить домъ въ чальдинскомъ лѣсу а покуда они должны были жить въ старомъ домѣ доктора въ Грешамсбери; мистриссъ Торнъ, несмотря на свои несмѣтныя богатства, не пренебрегла этимъ скромнымъ жилищемъ. Но послѣдующія обстоятельства измѣнили эти предположенія. Оказалось, что мистеръ Соверби не могъ или не хотѣлъ жить въ Чальдикотсѣ, а потому, на второмъ году послѣ свадьбы, они отдѣлали для себя Чальдикотской домъ. Они и теперь извѣстны въ околоткѣ подъ именемъ доктора и мистриссъ Торнъ изъ Чальдикотса, въ отличіе отъ другихъ Торновъ изъ Уллаторна, въ восточной части графства. Они пользуются всеобщимъ уваженіемъ, и живутъ въ ладу и съ герцогомъ Омниумомъ и съ леди Лофтономъ.

— Грустно будетъ мнѣ видѣть эти старыя, такъ знакомыя мнѣ аллеи! сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ, когда, въ концѣ сезона, мистриссъ Торнъ пригласила ее къ себѣ въ Чальдикотсѣ. Въ знакъ волненія, она даже поднесла платокъ къ глазамъ.

— Что же мнѣ дѣлать, душа моя? отвѣчала мистриссъ Торнъ:— не могу же я вырубить ихъ; докторъ не позволитъ.

— О нѣтъ! сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ, вздохнувъ. Не смотря на грустныя воспоминанія, она прїѣхала погостить въ Чальдикотсѣ.

Лорда Лофтона судьба осчастливила въ октябрѣ. Я не стану увѣрять, что супружеское счастье похоже на тотъ плодъ съ Мертваго Моря, который во рту обращается въ горькій пепелъ; такая насмѣшка была бы крайне несправедлива. Но нельзя же не согласиться, что лучшія минуты любви ужь улетѣли, что лучшій цвѣтъ ея уже поблекъ, когда свершился обрядъ бракосочетанія, когда закрѣпились законныя узы. Есть особый, неуловимый ароматъ любви, который исчезаетъ, прежде чѣмъ новобрачные успѣютъ выйдти изъ церкви, исчезаетъ вмѣстѣ съ дѣвическимъ именемъ, и несомнѣтенъ съ почтеннымъ званіемъ супруги. Любить свою жену, быть любимымъ ею—обычный удѣлъ мужа, даже строгая обязанность. Но имѣть право любить молодую красоту, которая еще не принадлежитъ намъ вполне,—знать, что насъ любитъ нѣжное существо, которое скрываетъ свое чувство отъ глазъ свѣта, почти стыдится и пугается его,—какого счастья выше можетъ ожидать человѣкъ, послѣ того какъ пролетать эти чудныя минуты? Нѣтъ, когда супругъ возвращается отъ алтаря, онъ уже наслаждался самыми тонкими, самыми отборными лакомствами на жизненномъ пиру. Въ запасѣ для него ос-

тается пуддингъ и ростбифъ брачной жизни;—а можетъ-быть только буттербродъ.

Но прежде чѣмъ заключимъ мы нашъ разказъ, попросимъ читателя вернуться назадъ, къ тѣмъ блаженнымъ днямъ, когда еще не подавался пуддингъ и ростбифъ, когда Люси все еще жила у брата, а лордъ Лофтонъ пребывалъ въ Фремле-Кортѣ. Онъ пришелъ къ ней въ одно утро, — какъ хаживалъ частенько въ послѣднее время, — и послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора мистриссъ Робартсъ вышла изъ комнаты, — что также бывало частенько въ это время. Люси сидѣла за работой, и продолжала вышивать, а лордъ Лофтонъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее молча. Потомъ онъ вскочилъ, и ставъ передъ нею, вдругъ сказалъ:

— Люси!

— Ну, что такое? Вы какъ будто собираетесь въ чемъ-то обвинить меня?

— Это правда; я имѣю противъ васъ страшное обвиненіе. Когда я спрашивалъ васъ здѣсь, въ этой комнатѣ, на этомъ самомъ мѣстѣ, можете ли вы когда-нибудь полюбить меня, почему вы сказали мнѣ, что это невозможно?

Вмѣсто отвѣта, Люси сперва посмотрѣла на коверъ, чтобы удостовѣриться, такая ли у него хорошая память, какъ у нея. Да, онъ стоялъ именно на томъ же мѣстѣ, какъ тогда; не было въ цѣломъ мирѣ мѣстечка, которое было бы ей такъ памятно.

— Вы это помните, Люси? сказалъ онъ опять.

— Да, помню, отвѣчала она.

— Почему же вы сказали, что это невозможно?

— Развѣ я сказала: невозможно?

Она очень хорошо знала, что сказала. Она помнила, какъ тотчасъ же послѣ его ухода, она убѣжала къ себѣ въ комнату и стала упрекать себя за неискренность. Она тогда солгала ему, — и вотъ теперь какое наказаніе постигло ее!

— Такъ значитъ было возможно, продолжала она.

— Но зачѣмъ же вы сказали это, когда знали, что это слово дѣлало меня несчастнымъ?

— Несчастнымъ? Полноте! Вы были тогда очень веселы. Никогда еще не видала я васъ такимъ довольнымъ.

— Люси!

— Вы и поступили честно, и счастливо избавились отъ послѣдствій вашего поступка. А удивляетъ меня только то, что вы все-таки возвратились ко мнѣ. Видно, какъ говорить пословица, повадился кувшинъ по воду, лордъ Лофтонъ.

— Наконецъ, хоть теперь скажете ли вы мнѣ всю правду?

— Какую правду?

— Въ тотъ день, когда я пришелъ къ вамъ, вы меня нисколько не любили?

— Чтò поминать прошлое? Чтò было, то было.

— Но я требую отвѣта. Не жестоко ли было сказать мнѣ это, если вы такъ не думали? А вѣдь съ тѣхъ поръ вы меня не видали, до самаго того дня, когда матушка прїѣхала къ вамъ объясняться у мистриссъ Кролей.

— Люси, я готовъ поклясться, что ты меня любила тогда!

— Лудовикъ, какой колдунъ шепнулъ тебѣ это?

Она встала, говоря эти слова, и улыбаясь ему, подняла къ верху свои руки и покачала головой. Но теперь она была въ его власти, и онъ могъ отмстить ей за прежнюю неправду и за теперешнюю шутку. Счастіе полного обладанія ею въ послѣдствіи могло ли быть выше того, чтò онъ чувствовалъ въ эту минуту?

Около этого времени опять возникъ вопросъ о верховой ѣздѣ; но теперь этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ совершенно иначе чѣмъ въ первый разъ. Тогда оказывалось столько препятствій! Не было амазонки, и Люси боялась, или по крайней мѣрѣ говорила, что боится; а главное, чтò сказала бы леди Лофтонъ? Но теперь леди Лофтонъ находила, что это будетъ отлично; только выбранная лошадь надежна ли? увѣренъ ли Лудовикъ, что его лошадь достаточно выѣзжена? Амазонки леди Мередитъ были извлечены на свѣтъ и осмотрѣны, и одна изъ нихъ урѣзана и ушита безъ всякихъ колебаній и содроганій. Чтò же касается до страха, то о немъ и помину не было. Люси оказалась превосходною наѣзницей. «Но только я не буду покойна, Лудовикъ, говорила леди Лофтонъ, пока ты не достанешь лошади, которая была бы совершенно по ней.»

Потомъ дѣло дошло до приданого; но я принужденъ сознаться, что тутъ Люси не обнаружила такихъ способностей и такой дѣятельности какъ леди Домбелло. Леди Лофтонъ однако весьма серьезно смотрѣла на этотъ вопросъ, и такъ какъ, по ея мнѣнію, мистриссъ Робартсъ не довольно горячо занималась имъ, то она сама взялась распорядиться всѣмъ до мельчайшихъ подробностей.

— Душа моя, я право знаю чтò дѣлаю, говорила она, ласково трепля Люси по плечу.— Вотъ для Юстиніи все приданое дѣлала я сама, и ей не пришлось пожалѣть ни объ одной моей покупкѣ. Вы сами можете спросить ее.

Но Люси не разспрашивала будущей своей невѣстки: у ней и въ головѣ не было сомнѣваться въ умѣніи леди Лофтонъ. Но издержки, издержки! И чтò она станетъ дѣлать съ запасомъ шести дюжинъ носовыхъ платковъ? Вѣдь лорду Лофтону, кажется, не вхатъ

въ Индію въ качествѣ генераль-губернатора? А для воображенія Гризельды было мало и двѣнадцати дюжинъ носовыхъ платковъ.

Сидя одна въ гостиной Фремле-Корта, Люси часто вспоминала первый вечеръ, проведенный ею здѣсь. Тогда она рѣшила въ душѣ, подавляя свои слезы, что въ этомъ обществѣ она не на своемъ мѣстѣ. Гризельда Грантли была также тугъ, и повидимому чувствовала себя какъ дома; леди Лофтонъ ласкала ее, лордъ Лофтонъ восхищался ея красотой, между тѣмъ какъ Люси уѣхала поодаль, грустная и одинокая, отчужденная отъ всѣхъ. И тогда онъ подошелъ къ ней, и чуть не довелъ ея до слезъ своими ласковыми добрыми словами, которыя все же уязвляли ее давая ей чувствовать, что она не можетъ говорить съ нимъ совершенно свободно.

Но какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ! Онъ избралъ ее, отличилъ отъ всѣхъ, захотѣлъ раздѣлить съ нею и богатство, и почести, и все чѣмъ одарила его судьба. Она была его отрадой, его гордостью. А строгая мать, которая сначала почти не замѣчала ея, которая потомъ такъ свысока велѣла предостеречь ее, теперь не знала какъ выразить ей свою нѣжность, свою заботливость, свою любовь.

Я не могу сказать, чтобы Люси не гордилась, въ такія минуты, припоминая все это. Успѣхъ поражаетъ гордость, точно также какъ неудача вызываетъ стыдъ. Но въ ея гордости ничего не было грѣшнаго или предосудительнаго, потому что она соединилась въ ея душѣ съ искреннею теплою любовью, и съ твердымъ намѣреніемъ исполнить свой долгъ въ новомъ положеніи, назначенномъ ей отъ Провидѣнія. Она не могла не радоваться, что ее предпочли Гризельдѣ Грантли, и радуясь этому, могла ли она не гордиться своею любовью?

Всю зиму провели они въ чужихъ краяхъ, оставивъ въ Фремле-Кортѣ старую леди Лофтонъ, занятую своими планами и приготовлениями; въ слѣдующую весну, они появились въ Лондонѣ, и тамъ завели свой домъ. Люси было боязно начинать новую жизнь въ большомъ свѣтѣ, но она не говорила объ этомъ мужу. Она знала, что многія женщины находились въ такомъ же положеніи и сумѣли-таки съ нимъ справиться. Боязно было подумать ей, какъ-то будетъ она принимать у себя знатныхъ лордовъ и дамъ и чопорныхъ членовъ парламента, и занимать ихъ легкимъ свѣтскимъ разговоромъ; но она надѣялась все это выдержать бодро. Настало страшное время, и она все очень хорошо выдержала. Знатные лорды и леди входили, садились, и вели съ нею разговоръ объ обыкновенныхъ предметахъ такимъ образомъ, что не было необходимости въ какихъ-либо усиліяхъ

а члены парламента, оказалось, вовсе не были такъ чопорны, какъ многія знакомыя ей духовныя лица въ окрестностяхъ Фремлея.

Вскорѣ въ Лондонѣ встрѣтилась она съ леди Домбелло. Ей опять пришлось подавить въ себѣ легкое внутреннее волненіе. Онѣ съ Гризельдой не сблизились, въ тѣ немногія минуты, когда видались въ Фремле-Кортѣ; Люси была тогда увѣрена, что богатая красавица смотрѣла на нее съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, — и она въ свою очередь не слишкомъ ее жаловала. Что-то будетъ теперь? Леди Домбелло не можетъ уже смотрѣть на нее свысока, но и друзьями трудно имъ встрѣтиться. Наконецъ онѣ встрѣтились, и Люси съ милою привѣтливостью протянула руку прежней любимицѣ леди Лофтонъ. Леди Домбелло слегка улыбнулась, — тою же самою улыбкой, которая промелькнула по ея лицу, когда ее въ первый разъ познакомили съ Люси въ фремлейской гостиной, — взяла протянутую руку, прошептала нѣсколько незначащихъ словъ и отступила назадъ, точно также какъ она сдѣлала тогда. Она никогда и не думала презирать Люси. Она встрѣтила сестру приходскаго священника съ тою степенью привѣтливости, къ какой только была она способна, и съ какою она относилась ко всѣмъ знакомымъ; ничего другаго не могла ожидать отъ нея и супруга пера. Леди Домбелло и леди Лофтонъ послѣ видались изрѣдка между собою и даже бывали другъ у друга; но далѣе не подвинулась ни на шагъ пріязнь между ними.

Вдовствующая леди Лофтонъ пріѣзжала въ Лондонъ мѣсяца на два, и тутъ очень охотно отодвигалась на второй планъ; она никакого желанія не имѣла разыгрывать видную роль въ Лондонѣ. Но вотъ пришлось невѣсткѣ зажить съ нею въ Фремле-Кортѣ. Старая леди торжественно отказалась отъ перваго мѣста за столомъ, хотя Люси со слезами на глазахъ умоляла ее возсѣдать на немъ попрежнему. Она торжественно объявила также, и потомъ неоднократно, съ особою энѣргіей, повторяла въ разговорахъ съ мистриссъ Робартсъ, что ни во что рѣшительно не намѣрена вмѣшиваться, и все предоставляетъ настоящей хозяйкѣ дома; но, тѣмъ не менѣе, всѣмъ извѣстно, что старая леди Лофтонъ и до сихъ поръ самодержавно управляетъ и Фремле-Кортомъ, и всѣмъ Фремлейскимъ приходомъ.

— Да, душа моя, большая комната съ окнами въ садъ всегда была дѣтскою, и мой совѣтъ такъ и оставить ее. Но, конечно, если ты хочешь, то...

И большая комната съ окнами въ садъ до сихъ поръ служитъ дѣтскою въ Фремле-Кортѣ.

КОНЕЦЪ.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА ■ К°.

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества obroka или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленный на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 31-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ Правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Винтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГІИ И ТЕРАПІИ, преимущественно съ фیزیологической и анатоми-патологической точки зрѣнія. Д-ра Фелкса Нимейера. Болѣзни мочевыхъ и половыхъ органовъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА Виленской губерніи на 1861 годъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 руб.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

РАЗБОРЪ КОМЕДІИ ТРАФА СОЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БИОГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ

Народные чешскіе поэты. П. П. РОВИНСКАГО.

Полное собраніе сочиненій Маколев. Изданіе Николая Тиблена. К. К. АРСЕНЬЕВА.

Начальныя основанія филоли въ объемъ гимназическаго курса. Н. Любимова. А. Ю. ДАВИДОВА.

Вновь изданные матеріалы для исторіи царствованія Алексѣя Михайловича. *Записки членовъ Русской и Славянской Археологическаго Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.* Н. С—НА.

КНИЖКИ РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

ПОДПИСКА НА *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и Въ книжной лавкѣ Базунова, на К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страсномъ гардѣ, и у другихъ книгопродавцевъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у Петербурга. Другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Иногородные адресуются: въ Редацію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ.

Цѣна за *РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ* и *СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ* въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ; съ пересылкой и доставкой на домъ СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Заграничныя обращаются въ берлинскій почтамтъ.

Печатать дозволяется.

Ноября 3-го. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гиллровъ-Платоновъ.

INDEXED

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

511102

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

35

1861

ОКТАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- ✓ I.—РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ
XVIII ВѢКА. 1767 ГОДА. С. М. СОЛОВЬЕВА.
- ✓ II.—ОЗНАЧЕНІИ БРЮЛОВА И ИВАНОВА ВЪ
РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ. VI.—XXV. . . В. В. СТАСОВА.
- III.—ЗАПИСКИ ГАРИБАЛЬДІЙЦА. XI—XX. М.
- IV.—ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА.
Единство рода человѣческаго. IV.—Объ
измѣняемости органическихъ существъ.
V.— Происхожденіе разновидностей и
образованіе породъ въ существахъ ор-
ганическихъ. Статьи Катража.
- V.—ВОСПОМИНАНІЯ ИНСТИТУТСКОЙ ЖИ-
ЗНИ. Окончаніе. N.
- ✓ VI.—УМЪ ЛИ ЭТО? Повѣсть. I.—VII. . . Н. БИЦЫНА.
- VII.—О НАТУРАЛЬНОЙ ДОРОЖНОЙ ПОВИН-
НОСТИ ЗЕМСТВА. — ВА.
- VIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.
(Ом. на оборотъ.)

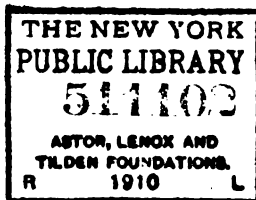
МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о

РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

XVIII ВѢКА

1767 ГОДЪ

14 декабря 1766 года, императрица Екатерина II издала манифестъ объ учрежденіи въ слѣдующемъ году въ Москвѣ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія; комиссіи должна была состоять изъ депутатовъ или выборныхъ.

Дѣло было не новое; съ чѣмъ-нибудь сто лѣтъ назадъ, въ 1648 году, для того же дѣла и въ той же Москвѣ царь Алексѣй Михайловичъ созывалъ выборныхъ. Тогда дѣло пошло очень скоро. 16 іюля 1648 года было рѣшено начать его, было рѣшено и созваніе выборныхъ, а къ 3-му октября того же года (или 1649-го, считая съ сентября) уложеніе было составлено и приступили къ его чтенію. Скорость объясняется простотой задачи: «Которыя статьи написаны въ правилахъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и въ градскихъ законахъ греческихъ царей, и пристойны эти статьи къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать; также прежнихъ великихъ государей указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собрать и справить съ старыми судебниками; и на которыя статьи въ прошлыхъ годахъ въ судебникахъ указа не положено и боярскихъ приговоровъ нѣтъ, тѣ статьи написать и изложить общимъ совѣтомъ.» Дѣло выпиши, сбора и свода статей было поручено

пяти лицамъ: боярамъ князьямъ Ник. Ив. Одоевскому и Сем. Вас. Прозоровскому, окольникову кн. Фед. Фед. Волконскому и дьякамъ—Гаврилъ Леонтьеву и Федору Грибоѣдову. Общему совѣту подлежали только новыя статьи, а такихъ статей въ уложеніи не болѣе 19. Государь слушалъ уложеніе вмѣстѣ съ патриархами, архіереями, боярами, окольными и думными людьми; выборные слушали особо подѣ председательствомъ боярина князя Юр. Алекс. Долгорукаго. Вѣроятно тутъ они и подали свои челобитныя, ибо извѣстно, что нѣкоторыя статьи внесены въ уложеніе вслѣдствіе челобитья выборныхъ, какъ напримѣръ статья о небытіи слободъ частныхъ людей на городскихъ выгонныхъ земляхъ.

Въ 1700 году царь Петръ указалъ: «быть у своихъ государевыхъ дѣлъ и сидѣть въ своихъ государевыхъ палатахъ боярамъ у уложенья, и съ уложенной книги 157 (1649) году и съ именныхъ указовъ и съ новоуказныхъ статей, которыя состоялись послѣ уложенья, сдѣлать вновь, снесши уложенье и новыя статьи, которыя состоялись сверхъ уложенья, и которыя дѣла вершены, а въ уложеньи и въ новоуказныхъ статьяхъ объ нихъ не положено.» Прошло восемнадцать лѣтъ, дѣло преобразования было въ полномъ ходу; если въ числѣ источниковъ уложенія царя Алексѣя Михайловича является Литовскій Статутъ; то при сынѣ его, согласно съ общимъ направленіемъ движенія, обращаются къ Шведскому уложенію: на докладъ юстицъ-коллегіи послѣдовала резолюція о переводѣ Шведскаго уложенія и объ учиненіи свода російскихъ законовъ съ шведскими; а въ концѣ 1719 года былъ указъ сенату о начатіи заведеній для слушанія уложенія, съ 7 января 1720 года: «Слушаючи оное, которые пункты покажутся несходны къ нашему народу, то противъ оныхъ изъ стараго уложенья или новыя пункты дѣлать. Такожъ ежели покажутся которые въ старомъ уложенѣ важнѣе нежели въ Шведскомъ; тѣ такожъ противу написать, и все то намъ къ слушанью изготовить. Для помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія, ибо оныя сходнѣе и почитай однимъ манеромъ владѣніе имѣють, какъ у насъ.»

Задача была трудная: выбрать изъ двухъ уложеній пункты, которые лучше! Еще труднѣе была задача опредѣлить: которые пункты въ Шведскомъ уложеніи «несходны къ нашему народу»? И задача эта полагалась на людей не приготовленныхъ, отуманенныхъ преобразованиемъ; на людей, среди которыхъ

были смотрѣвшіе враждебно на новизны, и между тѣмъ не имѣвшіе ни духа, ни умѣнья отстаивать старое. Дѣло не двигалось; преобразователь умеръ.

Но если дѣло не шло при Петрѣ, то понятно, что не могло идти успѣшнѣе послѣ него при Екатеринѣ I. Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, повидимому способное ускорить дѣло: «разсуждая, дабы уложеніе при довольномъ числѣ членовъ сочиняемо было съ поспѣшеніемъ, приказали быть при томъ сочиненіи членамъ изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны.» Но при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ выборные были призваны не для поспѣшенія, а для представленія о своихъ нуждахъ и для того, чтобъ уложеніе было *соборное*, чтобы, закрѣпленное руками всѣхъ, было *прочко и неподвижно*; поспѣшенію способствовало точное указаніе, что дѣлать, и порученіе дѣла пяти лицамъ, изъ которыхъ, конечно, все или почти все сдѣлали дьяки Грибоѣдовъ и Леонтьевъ. При Петрѣ II повторили то же распоряженіе; думали ускорить дѣло, созвавши еще больше выборныхъ; вѣроятно были люди, которые говорили: «при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ уложеніе потому и было такъ скоро сочинено, что выборные были изъ всей Россіи.» Въ іюнь 1728 года изданъ указъ: «Для того сочиненія выслать изъ Москвы изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи и Эстляндіи и Сибири, по пяти человекъ, за выборомъ отъ шляхетства, и конечно ихъ выслать сентября къ 1-му числу нынѣшняго 728 года безъ всякаго отлагательства. А при отправленіи тѣхъ выборныхъ въ Москву, дать имъ въ тѣхъ губерніяхъ жалованье на полгода, по полтинѣ человекъ въ день изъ неокладныхъ.» Прошелъ и сентябрь, и октябрь: въ ноябрѣ новый указъ о непремѣнной высылкѣ выборныхъ; а если не явятся, то помѣстья и вотчины ихъ описаны будутъ на императорское величество. Надобно было вызывать выборныхъ угрозами на тяжелую службу! Полтина на день не прельщала. Наконецъ выборные пріѣхали — и оказались неспособными къ дѣлу. Въ маѣ 1729 распустили ихъ всѣхъ по домамъ, а губернаторамъ разосланы указы, чтобы выбрали другихъ, знатныхъ и добрыхъ людей, которые бы къ тому дѣлу были достойны, изъ каждой губерніи по два человека, согласясь губернаторамъ обще съ дворянами, и тѣ выборы закрѣпя имъ губернаторамъ и тѣмъ дворянамъ, прислать прежде ихъ высылки въ

верховный тайный совѣтъ, а ихъ самихъ до указа къ Москвѣ не высылать. А ежели усмотрѣно будетъ, что губернаторы выберутъ къ тому дѣлу неспособныхъ людей: то взыскано будетъ на нихъ, и для того повелѣно будетъ съ тѣми людьми къ Москвѣ быть самимъ имъ губернаторамъ или товарищамъ ихъ, чтобы могли сами отвѣтствовать.» Черезъ годъ, въ іюнѣ 1730, императрица Анна опять объявляетъ, что, несмотря на попеченія Петра Великаго, подтвержденія Екатерины I и Петра II, до сихъ поръ ничего не сдѣлано для уложенія, а между тѣмъ, при несогласныхъ указахъ, безсовѣстные судьи, на которую сторону хотятъ, дѣло рѣшаютъ несправедливо: «Того ради повелѣваемъ начатое уложенье немедленно оканчивать, и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, по разсмотрѣнію сената, выбравъ изъ шляхетства и духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ; а чтобы поспѣшнѣе оканчивали, то коль скоро которую главу окончатъ, слушать въ сенатѣ всѣмъ собраніемъ, и утвердя по крайнему разсужденію и подписавъ, вносить къ намъ, и какъ отъ насъ апробовано и подписано будетъ, тогда напечатать, публиковать и по онымъ дѣла рѣшать, и такъ одну по другой главы къ совершенству привести.» Назначены были слѣдующіе члены въ комиссію для уложенія: Тайный совѣтникъ Наумовъ, дѣйствительные статскіе совѣтники Зыбинъ и Баскаковъ; бригадиръ Засѣцкій; статскіе совѣтники: Соколовъ, Вельяминовъ, Потемкинъ, Алмазовъ и Высоцкій. Но задача была не по силамъ этимъ «знающимъ въ дѣлахъ людямъ»; знаніе въ дѣлахъ, достаточное для дѣяковъ царя Алексѣя Михайловича, было теперь недостаточно для составителей уложенія. При Елисаветѣ новая попытка: въ августѣ 1754 года отдѣльныя части уложенія поручено составить избраннымъ лицамъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, которыхъ эти части касались. Уложеніе должно было состоять изъ четырехъ частей. Первая часть содержать въ себѣ все то, что подлежитъ до суда и судебныхъ мѣстъ, и въ какихъ случаяхъ письменные и словесные суды производить и по нихъ рѣшеніе чинить. Вторая часть гласить о такихъ правахъ, которыя подданнымъ въ государствѣ, по разному ихъ состоянію, персонально принадлежать. Третья часть содержать въ себѣ все то, что до движимаго и недвижимаго имѣнія и до раздѣленія онаго принадлежать, и по какимъ крѣпостямъ и случаямъ оныя кому и ка-

кимъ образомъ крѣпки быть должны. Четвертая часть показываетъ, какимъ порядкомъ и въ какихъ случаяхъ розыскъ и пытки производятъ, и какія за разныя преступленія казни, наказанія и штрафы положены.

Но и этотъ планъ не помогъ; уложеніе къ совершенству не приходило. А между тѣмъ оканчивалась первая половина XVIII вѣка, оканчивалось и царствованіе Елисаветы, царствованіе замѣчательное, въ которое такъ много было приготовлено для блестящаго царствованія Екатерины II, въ которое приготовлялась къ своей будущей дѣятельности и сама Екатерина. Это была одна изъ тѣхъ счастливыхъ, бодрыхъ, неутомимо-дѣятельныхъ натуръ, для которыхъ необходимая пища и наслажденіе окидывать любопытнымъ взглядомъ всѣ явленія окружающаго міра, чутко прислушиваться къ малѣйшему шороху жизни, ко всѣмъ ея вопросамъ. Поставленная судьбою у правительства огромной имперіи, новаго міра, гдѣ верховной власти представлялась такая обширная, неограниченная дѣятельность, гдѣ отъ нея исходилъ всякій вопросъ, всякое движеніе, жена наслѣдника русскаго престола, великая княгиня Екатерина Алексѣевна, обратила вниманіе на правительственные вопросы, искала путей къ ихъ разрѣшенію, вслушиваясь въ рѣчи государственныхъ людей, вчитываясь въ сочиненія европейскихъ мыслителей, записывая всѣ выводы, добытые этими путями. Но такая кабинетная дѣятельность, вдали отъ практической, не сдѣлала изъ Екатерины преобразовательницы во имя извѣстныхъ началъ, преобразовательницы во что бы то ни стало; *возможность* приложенія извѣстныхъ началъ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время оставалась для нея всегда первымъ вопросомъ; сперва испробовать почву, а потомъ уже сѣять — было ея главнымъ приеомъ.

Любопытно взглянуть, какими вопросами занималась Екатерина, будучи еще великою княгиней. Прежде всего она обратила вниманіе на мертвящее значеніе крѣпостнаго права, въ которомъ видѣла явленіе противное христіанской религіи. Но въ то же время она понимала всю трудность уничтоженія этого права, тогда, въ половинѣ XVIII вѣка, при экономической неразвитости и необразованности общества. Въ головѣ мелькали средства, какъ бы совершить великое дѣло безъ крутаго поворота, напримѣръ, объявлять крестьянъ свободными при каждомъ переходѣ земли отъ одного владѣльца къ другому,

Размышляя о правилахъ правительственной мудрости, Екатерина записала: «Берегитесь больше всего издать и потомъ отмѣнить вашъ законъ: здѣсь обнаружатся ваше неблагоуразуміе, ваша слабость, и вы потеряете къ себѣ довѣріе народа. Тотъ, кто не цѣнитъ достоинствъ въ человѣкѣ, самъ не имѣетъ никакихъ достоинствъ; тотъ, кто не ищетъ и не находитъ достойныхъ людей, неспособенъ къ правленію.» Екатерину занималъ вопросъ — справедливо ли сперва схватить чело-вѣка, на котораго пало подозрѣніе, и потомъ разыскивать, виновенъ онъ или нѣтъ? виновный наказывается тутъ вдвое, — а невинный? Занималъ вопросъ о чрезвычайныхъ и секретныхъ судныхъ комиссіяхъ: нужны ли онѣ? не лучше ли предоставить дѣло компетентнымъ трибуналамъ? Сильно не нравилась ей конфискація имущества виновныхъ. Тонкая наблюдательность Екатерины видна въ слѣдующей замѣткѣ: «Человѣкъ сильный духомъ не годится въ совѣтники слабому: послѣдній не способенъ не только слѣдовать его совѣту, но даже понимать, что предлагаетъ тотъ сообразно своему характеру. Вообще совѣтовать есть вещь очень трудная: я знаю, какъ исполнить вещь, которую я сама придумала; но тотъ, съ кѣмъ я совѣтуюсь, не имѣетъ ни моей мысли, ни моего дѣйствія въ исполненіи. Это размышленіе было причиной, что когда я принимала чужое мнѣніе, то я входила въ малѣйшія подробности, даже заимствовала слова того, кто мнѣ присо-вѣтовалъ и въ точности слѣдовала его мнѣнію; только проводя такимъ образомъ чужую мысль, я могла надѣяться на успѣхъ; ибо хотя она мнѣ и понравилась, но кто поручится, что она въ моемъ характерѣ?» Относительно этого характера важна слѣдующая замѣтка. «Самымъ презрѣннымъ изъ всѣхъ положеній казалось мнѣ всегда положеніе обманутаго; ребенкомъ я горько плакала, когда меня обманывали.»

28 іюня 1762 года Екатерина сдѣлалась самодержавною государыней Россіи. Она послѣ записала, въ какомъ положеніи нашла имперію: «Я нашла сухопутную армію въ Пруссіи за двѣ трети жалованья не получившую. Въ статьѣ-конторѣ именные указы на выдачу 17.000.000 рублей не выполненныя. Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи сто милліоновъ, изъ которыхъ 40.000.000 почитали вышедшими изъ имперіи вонъ и натурою отправленными; понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти всѣ отрасли торговли

были отданы частнымъ лицамъ въ монополію. Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два милліона. 60.000.000, кои остались въ имперіи, были 12 разныхъ вѣсовъ серебряныя деньги отъ 82 пробы по 63-ю, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудѣ. Императрица Елисавета Петровна во время Семилѣтней войны искала занять два милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало. Внутри имперіи, заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. Правительствующій сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ апелляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обстоятельствами, и чтеніе дѣла о выгонѣ города Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль засѣданія сената. Въ губерніяхъ такъ худо исполняли указы сената, что въ пословицу вошло говорить: ждуть третьяго указа, понеже по первому и второму не исполняли. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи; а къ каждой провинціи были приписаны окружныя города, въ коихъ находились воеводы и воеводскія канцеляріи. Оныя не получали жалованья, и дозволено имъ было кормиться съ дѣла, хотя взятки строго запрещены были. Сенатъ опредѣлялъ воеводу, но числа городовъ въ имперіи не зналъ. Когда я требовала реестры городамъ, то признались въ невѣдѣніи оныхъ; даже карты всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я, бывъ въ сенатѣ, послала пять рублей въ академію наукъ, чрезъ рѣку отъ сената, и купленный тамъ кириловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ подарила правительствующему сенату. По восшествіи моемъ на престолъ, сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходовъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16.000.000. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила князя Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписывались разъ по семи съ каждымъ воеводой, наконецъ сочли 28 милліоновъ. При коронаціи моей было у меня три секретаря; у каждого изъ нихъ было по 300 прошеній, итого 900. Я старалась коляко возможно удовольствовать просителей, сама принимала прошенія, но сіе вскорѣ пресѣклось. Понеже въ одинъ праздникъ, во время шествія со всѣмъ штатомъ къ обѣднѣ, просители пресѣкли мнѣ путь, ставъ полукружьемъ на

колѣни съ письмами. Тутъ приступили ко мнѣ старшіе сенаторы, говоря, что таковой непорядокъ послѣдовалъ отъ излишней милости и терпѣнія моего, и что законы запрещаютъ государю самому подавать прошенія. Я согласилась на то, чтобы возобновили законъ о неподаваніи самому государю писемъ, понеже увидѣла, что изъ того родился въ самомъ дѣлѣ соблазнъ, и тогда же свѣдала отъ многихъ, что весь городъ Москва инымъ не упражнялся, какъ писаніемъ ко мнѣ писемъ о такихъ дѣлахъ, изъ коихъ многія уже давно рѣшены были, либо теченіемъ времени сами собою исчезли. Въ началѣ царствованія государыни императрицы Елисаветы Петровны издавно было повелѣніе управлять всѣ дѣла по указамъ родителя ея, Петра Великаго. При ней, въ военной коллегіи, былъ президентомъ генераль-фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій. Сей, вслѣдствіе ея воли, старался приводить войска въ прежнее положеніе, изъ чего послѣдовало разстройство называемыхъ тогда Миниховскихъ штатовъ. Послѣ князя Долгорукаго остался главнымъ членомъ въ военной коллегіи генераль-аншефъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ. Сей хлѣбосоль превеликій былъ, любилъ лошадей, но весьма рѣдко ѣзжалъ верхомъ, по причинѣ роста и великой толщины и тягости своего колоссальнаго корпуса; военнымъ людямъ потакалъ во всякой индисциплинѣ, о штатахъ никакихъ не думалъ ни онъ, ни подчиненные его, кои рыбу ловили въ мутной водѣ. Возвратясь въ Петербургъ въ іюнь мѣсяцѣ 1763 года, спустя нѣсколько времени, поѣхала я въ сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ настоялъ, и требовали отъ меня повелѣнія нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безчетныя воинскія команды; считали, что менѣе 800.000 рублей ревизія не станетъ. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечетъ, о побѣгахъ въ Польшу и за границу ревизскихъ душъ, объ ущербѣ имперіи отъ всякой ревизіи, почитая однакожь всѣ ревизію за нужную вещь. Я слушала весьма долго все чтó говорили. Господа сенатъ наконецъ, уставъ говорить, замолчали. Тогда я спросила, на чтó таковой нарядъ войскъ и тягостныя суммы для казны? нельзя ли иначе? Мнѣ сказали: такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: а мнѣ кажется вотъ какъ: публикуйте по всей имперіи, чтобы каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канце-

лярію, чтобы канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ сенатъ. Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляли мнѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями многое множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: Простите всѣхъ доднесъ прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донынѣ внести въ нынѣшнія ревизіонныя сказки. Здѣсь князь Я. П. Шаховской разгорячася сказалъ: «Тутъ правосудіе нарушается, и винные будутъ наравнѣ съ невинными. Я ревностно объявлялъ, и у меня прописныхъ нѣтъ, а кто пользовался прописными, тотъ станетъ со мною наравнѣ.» Генераль-прокуроръ былъ тогда Александръ Ив. Глѣбовъ. Онъ, слыша у своего стола разговоръ и вида горячность князя Шаховскаго, вскочилъ съ своего стула и, пришедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я ему сказала, какъ мнѣ угодно, чтобъ ревизія сдѣлана была, что мнѣ весьма легко было. Онъ все то записать велѣлъ и выработать взялся, что и выполнилъ, и доднесъ ревизіи такъ дѣлаются въ каждомъ уѣздѣ безъ наряда и убытка; прописныхъ нѣтъ и объ нихъ не слышно. Вскорѣ по совершеніи коронаціи моей, повелѣно было монетному двору всю серебряную ходячую монету приводить и впредь бить въ 72 пробу, а мѣдную по 16 рублей изъ пуда по слѣдующему правилу: понеже для каждой земли все равно по какой бы пробѣ деньги не ходили, лишь бы 1) постоянно проба была одна, 2) проба бы была менѣ способная къ вывозу и поддѣлкѣ, 3) 72-й пробы рубля выпущено съ монетнаго двора болѣе нежели другихъ пробъ, такъ какъ и мѣдныхъ по 16 рублей изъ пуда. Золотой монеты одинъ лишь миллионъ ходилъ во всей имперіи, и сія монета уравнена была съ прочими, полагая до 13,653 рублей изъ пуда.

«Немедленно по коронаціи моей была назначена комиссія подъ именемъ духовной, въ которой сидѣли многіе архіереи, сенаторы и свѣтскія персоны. Сія комиссія сдѣлала штаты архіерейскимъ домамъ и монастырямъ и опредѣлила имъ содержаніе, а деревни архіерейскія и монастырскія отданы въ управленіе коллегіи экономіи, отъ чего монастырскихъ крестьянъ непослушаніе однимъ разомъ пресѣклось. Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимала посланные генераль-майоры князь Александръ Алексѣичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибииковъ, рассмотря на мѣстѣ жалобы на заводо-содержателей,

но не единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже Гороблагодатскіе заводы за двумилліонный казнѣ долгъ графа Петра Шувалова возвращены въ коронное управленіе, также Воронцовскіе, Чернышевскіе, Ягужинскіе и нѣкоторые иные заводы по такимъ же причинамъ паки въ казенное поступили въдомство. Весь вредъ сей произошелъ отъ самовластной раздачи сенатомъ заводовъ сихъ со приписными къ онымъ крестьянами. Щедрость сената тогда доходила до того, что мѣднаго банка трехмилліонный капиталъ почти весь розданъ заводчикамъ, кои, умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятые изъ казны деньги въ столицѣ. Сии заводскія безпокойства пресѣлись не прежде 1779 манифестомъ моимъ о работахъ заводскихъ. Съ самаго начала моего царствованія всѣ монополіи были уничтожены и всѣ отрасли торговли отданы въ свободное теченіе; таможи же всѣ взяты въ казенное управленіе и учреждена была комиссія о коммерціи, которая сочинила тарифъ.»

Императрица упоминаетъ о посылкѣ князя Вяземскаго и Бябикова на востокъ для усмиренія крестьянъ. Но посланные имѣли еще другое занятіе, какъ видно изъ ихъ донесеній. Князь Вяземскій доноситъ (отъ 3 марта 1763 года): «Выѣхавъ я изъ Казани, старался въ разнородныхъ деревняхъ развѣдать по данной мнѣ секретной о поведеніяхъ казанской канцеляріи: вездѣ я во всѣхъ донесенныхъ вашему императорскому величеству издомствахъ не только нашелъ дѣйствительное подтвержденіе, но еще и то, по скольку съ души ясашныхъ крестьянъ для поднесенія приказнымъ служителямъ за поданныя въ прешедшемъ году къ будущей ревизіи сказки собираемо было, а валдмейстерами при всякомъ ихъ посѣщеніи собирается. Въ татарской деревнѣ, называемой Агрызы, два сотника увѣрили, что за поданныя сказки разошлось по 9 и 10 копѣекъ съ души; а съ Вотяковъ, яко съ людей весьма простыхъ и добросовѣстныхъ, и болѣе. Валдмейстеру въ каждый его прїѣздъ собирается по 3 и 4 копѣйки съ души, а съ Вотяковъ по 4 и по 5 копѣекъ. Я не оставилъ навѣдаться, за что они такіе подарки дѣлаютъ, на что оныя объявили: за нѣсколько лѣтъ поупрямились они своею сотнею и не дали ничего валдмейстеру, который за то репортовалъ на нихъ, что рубятъ дубовый лѣсъ, и губернская канцелярія, не пріемля ихъ

оправданія, взыскала штрафа 800 рублей, для чего уже потому всегда подарки дѣлають, опасаясь, что хотя и никакого дубоваго дѣса вадмейстеръ не найдетъ, то смотреть сани, и найдя дубовые полозья, рѣпортуеть въ губернскую канцелярію о порубленномъ дубѣ. Изъ Сибирской губерніи по прибытіи моемъ въ Оренбургскую развѣдалъ ¹, что издоимство нижнихъ губернскихъ чиновъ не менѣе прочихъ: главный между ними надворный совѣтникъ Коптяжевъ, который, по слухамъ, не давалъ, безъ мзды, жалованья нижнимъ чинамъ. Въ Симбирскѣ нынѣшнимъ воеводою подовольнѣе, но сильно дворянства негодование на бывшаго предъ симъ воеводу князя Назарова, который самъ старался заводить между дворянствомъ ссоры, и послѣ безпримѣрными взятками пользовался; не оставялъ и того, что по воровскимъ и разбойническимъ дѣламъ дѣлалъ разныя приметки и раззоренія до самой крайности съ мучительствомъ.»

Существованіе подобныхъ воеводъ объясняется случаями, когда сами воеводы должны были трепетать передъ явленіями, поражаемыми и терпимыми незрѣлымъ обществомъ. Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Салтыковъ, доносилъ (отъ 17 ноября 1763 г.): «Орловскаго магистрата президентъ Дмитрій Дубровинъ купечеству дѣлалъ великія притѣсненія, грабежи и смертоубійства, также и казни похищенія, за что главнымъ магистратомъ и былъ отрѣшенъ отъ присутствія; но, несмотря на то, правилъ ту должность своевольно. Во время сего нахальнаго правленія фабрика купца Кузнецова товарищами его разграблена и раззорена, а бывшіе на оной работники отчасти разогнаны, избиты и переувѣчены, и просилъ онъ Кузнецовъ въ сенатской конторѣ, отъ которой и посланъ указъ къ находящемуся тамъ кирасирскаго полка полковнику Давыдову, коимъ велѣно ему, обще съ орловскимъ воеводою и съ опредѣленнымъ отъ главнаго магистрата депутатомъ, все по самой справедливости изслѣдовать, а Дубровина съ сообщниками взять подъ караулъ, для пресѣченія не порядковъ и для возстановленія тишины разставить въ городѣ частыя пикеты, почему онъ Дубровинъ и взять подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полкъ въ походъ выступилъ, то мятежники ходятъ и понынѣ такъ какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, быть смертно и увѣчатъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними не согласны.

¹ Донесеніе отъ 22 декабря 1763 года.

Сынъ же Дубровина Михайла съ шестью человекѣми приходилъ къ воеводѣ въ домъ и требовалъ отъ него, побоями угрожая, чтобъ свободилъ отца его. Не получа того, бѣжалъ въ Москву, гдѣ хотя по приказанію моему съ пятью сообщниками и былъ взятъ въ полицію, какъ мнѣ и репортовалъ генералъ-полицмейстеръ Юшковъ; однако, прѣхавъ ко мнѣ поутру 16 числа ноября, сказывалъ, что вчерась, то-есть 15 числа, будучи въ гостяхъ у сенатора Воронцова, видѣлъ его Дубровина тамъ же въ компаніи, а вечеромъ объявилъ, что Дубровинъ изъ полиціи бѣжалъ.»

Чтобы лишить взяточниковъ оправданія, установлены были въ 1763 году новые штаты. Въ слѣдующемъ году Бибиковъ доносилъ изъ Казанской губерніи: «Съ того времени, какъ о новосочиненныхъ штатахъ и о всемилостивѣйшемъ пожалованіи судьямъ и канцелярскимъ служителямъ жалованья высочайшій указъ состоялся, присутствующіе здѣсь въ губернской канцеляріи и по разнымъ конторамъ судьи отъ мздоимства и взятковъ, какъ слышно, воздерживаются, а ежели лихоимство и есть, то конечно съ большею предъ прежнимъ скромностію, секретари же и подъячіе не столь нагло взятковъ по дѣламъ требуютъ: но не оставили послѣдніе однакоже разгласить, будто-бы опять, доколѣ на жалованье сумма соберется, отъ дѣлъ питаться вѣдно. Мнѣ отъ нѣкоторыхъ секретарей и воеводъ здѣшней губерніи слышать случалось, что нынѣ опредѣленное жалованье и четвертой доли прежнихъ ихъ наживъ не замѣняетъ; по разглашенному же отъ секретарей и подъячихъ слуху, пріобыкшій уже къ дачамъ простой народъ безъ затрудненія давать подарки будетъ.»

На востокѣ бунтовали заводскіе крестьяне; на западѣ, гдѣ бунтовать было нельзя, потому что правительственныя средства къ украшенію мятежа были на готовѣ,—на западѣ крестьяне бѣжали за границу. Древняя Россія сильно страдала отъ этихъ побѣговъ; мы видѣли, какъ вопросъ о прекращеніи крестьянскихъ побѣговъ занималъ правительство по смерти Петра Великаго ¹; зло не уменьшалось во вторую четверть XVIII вѣка. Въ началѣ царствованія Екатерины II, графъ Петръ Ив. Панинъ подалъ мнѣніе объ удержаніи побѣговъ изъ Россіи въ Польшу. «Обстоятельства, дѣлающія донынѣ поползновеніе къ побѣгамъ изъ Россіи въ Польшу, примѣчаются быть слѣдующія: 1) строгость духовенства и разныя какъ отъ оныхъ,

¹ См. разказъ: *Птенцы Петра Великаго*, статья 1-я.

такъ и отъ свѣтскихъ корыстныхъ градоначальническихъ приметы къ затвердѣвшимъ людямъ въ раскольничьемъ суевѣріи. 2) Поборы въ рекруты изъ ближнихъ къ границамъ имѣній, причемъ и заведшееся посползованіе въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни, и безъ всякаго въ томъ уваженія какъ огорченія, такъ и раззоренія остающимся ихъ семьямъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ жены мужей, а отцы дѣтей своихъ за взятыя на убійство и на всегдашнее отъ нихъ отлученіе. 3) Весьма худое и не только не рачительное содержаніе рекрутъ до отправленія къ полкамъ, но и случающіяся къ нимъ, какъ по многимъ слѣдствіямъ извѣстно, тягостныя корыстныя приметки, такъ что вмѣсто чтобъ имъ огорченнымъ людямъ чрезъ отлучку отъ семейства своего дѣлать всякое къ службѣ приласканіе, не страшились приметками ихъ обирать и употреблять въ партикулярныя работы, да и въ самыхъ резиденціяхъ зимою прежде рекрутъ набиравали нежели имъ квартиры приготавливали, слѣдуя обыкновенному порядку полиціи, чтобъ напередъ имянной списокъ при доношеніи въ еѣ вступилъ, а потомъ опредѣленіе и билеты на асигнаціи квартиръ послѣдовали, между тѣмъ же ежедневно во множествѣ набираемые рекруты принуждены были зимою на дворѣ въ стужѣ, а ночью въ торговыхъ баняхъ въ жару къ новой службѣ приласканіе получать, остающемуся же ихъ семейству было то горестнѣйшимъ зрѣлищемъ и примѣромъ на будущіе для дѣтей ихъ поборы. 4) Ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности, къ сборамъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходящія примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ сноснасти человѣческой. 5) Возвышеніе цѣнъ безъ уваженія ближняго заграничнаго примѣру соли, безъ коей никто питаться не можетъ, и вину, къ которому подлый русскій народъ неотвращенную уже привычку имѣеть; а при продажѣ первой большія для поселянъ трудности, распространяющіяся до взятокъ; а строгость во изысканіи вольной винной продажи, употребляемая безъ уваженія жъ близости границъ, гдѣ въ томъ всякой свободную волю имѣеть. 6) Донынѣ по великому несчастію распространившееся, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, отъ зловреднаго вкоренившагося лихоимства неправосудіе и

нерадѣніе безъ корысти никакимъ общимъ дѣламъ и почета-ніямъ. 7) Бывшее употребленіе въ выборѣ городскихъ началь-никовъ для пользы посылаемыхъ туда персонъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ градоначальствъ и дѣлъ.

«Изданный всемилостивѣйшій манифестъ о прощеніи бѣг-лыхъ вины, и о призывѣ какъ оныхъ на возвращеніе, такъ и чужестранныхъ въ Россію на поселеніе, и послѣдующій тому изъ правительствующаго сената о вызовѣ раскольниковъ съ подроб-ностью указъ сіе наиболѣзливѣе для государства учрежденіе оставляютъ на попеченіе единственно разныхъ губернаторовъ и воинскихъ на границѣ командировъ подѣ своимъ общимъ над-зирательствомъ. Но пока, по несчастію минувшихъ временъ, въ сосѣднихъ областяхъ всеконечно довольно разгласилось, что тогда въ судебныхъ російскихъ мѣстахъ двери приходившимъ безъ всякихъ издержекъ открываемы не были, то мнится, чтобъ призываемымъ на переселеніе въ Россію вѣроятнѣе и пре-длестнѣе бѣ быть могло, еслибъ изъ господъ министровъ или сенаторовъ въ особенное попеченіе поручено было на время одному поселеніе и вызовъ чужестранцевъ, а другому расколъ-щиковъ, и чтобъ о тѣхъ персонахъ пристойнымъ образомъ увѣдомить въ потребныхъ чужестранныхъ земляхъ, дабы же-лающіе сего переселенія имѣли способъ въ своихъ нужныхъ обстоятельствахъ прямо отъ нихъ себѣ вспоможенія и во всемъ основанія и защищенія требовать и скорѣе получать. На воз-вращающихся раскольниковъ налагать по 2 рубля 70 копѣекъ въ годъ, раздѣляя къ платежу по третямъ; за нежелающихъ возвратиться къ помѣщикамъ платить по 100 рублей за муж-скую душу, за тѣхъ только, кои шли отъ помѣщиковъ, а не отцы и дѣды оныхъ побѣжали. Съ деревень и городовъ, ле-жащихъ близь границы не далѣе 70 верстъ, рекрутъ въ натурѣ не брать, но брать за каждаго рекрута по 100 рублей на вер-бованіе въ гусарскіе полки вольныхъ людей. Запретить вар-варскій обычай продавать помѣщикамъ своихъ крестьянъ въ рекруты за чужія деревни для ненасытной роскоши; продавать крестьянъ только цѣлыми семьями. Издать новый государствен-ный законъ съ вѣднѣйшими распоряженіями для совер-шеннаго приласканія вновь набирающихся поселянъ въ солдат-скую службу и къ лучшему утѣшенію разлучающемуся съ ними ихъ семейству. Сочинить примѣрное на все государство положеніе крестьянскимъ для помѣщиковъ работамъ и пода-тамъ, не для изданія къ содержанію того во всемъ государствѣ,

но ради секретнаго предписанія всѣмъ губернаторамъ, на случай когда предузнается у кого отъ помѣщика цѣлыми селеніями или семьями людей и крестьянъ побѣгутъ, или противу него оны возмутатся, тобъ при требованіи такихъ помѣщиковъ командъ ко усмиренію и ко отысканію своихъ подданныхъ оныя безпрекословно по прежнимъ указамъ для того отправляемы были; но при такихъ чрезвычайныхъ случаяхъ тобъ губернаторы надежнымъ людямъ поручали въ тѣхъ мѣстахъ развѣдывать, какое владѣніе помѣщиками надъ тѣми крестьянами было, и, соображая оное съ тѣмъ генеральнымъ примѣрнымъ положеніемъ, равнымъ образомъ и со обыкновенною впрочемъ отъ помѣщиковъ подлежащему подданнымъ своимъ строгостию, если найдется, что которые помѣщики какою неумѣренностию изъ тѣхъ предѣловъ выходятъ, то такихъ тобъ призывая въ губернскія канцеляріи, имъ объявляли, дабы они впередъ отнюдь не выступали изъ тѣхъ положеній съ подтвержденіемъ, если въ томъ отъ ихъ подданныхъ жалоба придетъ до правительства, то деревни ихъ, яко отъ недостойныхъ помѣщичья владѣнія, взяты будутъ подъ коронное управленіе, а цѣтомъ чтобы губернаторы за такими неумѣренными помѣщиками особое въ томъ надзира-тельство употребляли, о невоздержныхъ же представляли сенату. Помѣщики отъ крестьянъ болѣе не требовали бы какъ работы на себя въ недѣлю 4 дней, и не взыскивали болѣе въ сутки работы какъ вспаханія земли доброй одной десятины, или накошенія сѣна трехъ копенъ, или же нарубленія дровъ $1\frac{1}{2}$ сажени однополѣнныхъ, а съ оброчныхъ собирали не болѣе двухъ рублей. Вкоренившееся вредное лихоимство и нерадѣніе безъ корысти никакимъ общимъ дѣламъ и попеченіямъ, равнымъ образомъ и избираніе градоначальническихъ мѣстъ къ пользѣ персонъ, а не персонъ къ пользѣ поручаемыхъ имъ дѣлъ и мѣстъ, весьма надежно, что при нынѣшнемъ монаршескомъ стараніи скоро пресѣчены будутъ. Къ тому же только присовокупить нахожу, что мнится за наиболѣе полезное, когда избираемы будутъ въ пограничныя градоначальства персоны, не только особливыхъ къ тому способностей, но и хорошаго къ европейскимъ обычаямъ воспитанія.»

Екатерина не довольствовалася донесеніями Бибикова и Вяземскаго: она хотѣла сама познакомиться съ странюю, которой посвящала свою неутомимую дѣятельность. Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ на эту живую натуру видъ

неизмѣримой и свѣжей страны, которая, по историческимъ условіямъ своимъ, представляла такое обширное поле для правительственной дѣятельности. Для образца приведемъ два письма императрицы къ графу Н. И. Панину изъ Казани, одно отъ 27, другое отъ 31 мая 1767 года: 1) «Мы вчера вечеру сюда прѣехали и нашли городъ, который всячески можетъ слыть столицею большаго царства; пріемъ мнѣ отмѣнной; еслибъ дозволила, онибъ себя вмѣсто ковра постлали, а въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобъ предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали; Кутухтой былъ здѣсь не долго, однако, выключая сего эксцесса, вездѣ весьма чинно все происходитъ.» 2) «Отсель выѣхать нельзя, столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, idées же на десять лѣтъ здѣсь собрать можно. C'est un empire à part et il n'y a qu'ici où l'on peut voir ce que c'est que l'immense entreprise de nos loix et combien celles d'à present sont peu conformes à l'état de l'empire en général. Они извели народу безчисленнаго, котораго состояніе шло по сихъ поръ къ исчезанію, а не къ умноженію; таковожъ и съ имуществомъ онаго постувлено.»

«Громадное предпріятіе законодательства» давно уже занимало Екатерину. «Всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшей порядокъ. Я начала читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастья Имперіи и чтобъ довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и cadaго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способностямъ, и между прочимъ князю Орлову, графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: «Ce sont des axiomes à renverser des murailles. Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобы тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ.»

Между прочими аксіомами мнѣніе объ уничтоженіи пытки и крѣпостнаго сословія встрѣтили сильное сопротивленіе. Известно, какъ выражается Наказъ противъ пытки: «Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію. Пытка

есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго.» Екатерина хотѣла немедленно же вывести пытку изъ употребленія. Въ 1764 году назначенъ былъ судъ надъ извѣстнымъ Мировичемъ; судъ производился сенаторомъ, синодомъ, особами трехъ первыхъ классовъ и президентами коллегій. Когда дѣло шло о сентенціи, то оберъ-прокуроръ Соймоновъ сталъ говорить президенту медицинской коллегіи барону Черкасову, что нѣкоторые изъ духовенства приговариваютъ Мировича пытать. Тутъ генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, подошелъ и повелительнымъ тономъ запретилъ Соймонову продолжать разговоръ о мнѣніи духовенства, а у Черкасова потребовалъ немедленнаго отвѣта, должно ли приступить къ сентенціи? Черкасовъ второпяхъ отвѣчалъ, что должно; но потомъ представилъ письменное мнѣніе, что Мировича надобно пытать съ цѣлю открыть сообщниковъ или наустителей. «Намъ необходимо нужно, писалъ Черкасовъ, жестокимъ розыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо передъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами, а то опасаясь, чтобъ не имѣли причины почестъ насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися или и комедіянтами.» Собраніе осердилось и просило императрицу защитить его отъ оскорбленій Черкасова. Послѣдній долженъ былъ извиниться, объявилъ, что въ добромъ намѣреніи употребилъ слова, которыми собраніе огорченнымъ себя почло. Послѣ, въ 1774 году императрица писала Бибикову по поводу секретной комиссіи о пугачевскомъ бунтѣ: «Пожадуи прикажите секретной комиссіи осторожно быть въ разборѣ и наказаніи людей; при распросахъ какая нужда съчь? Двѣнадцать лѣтъ тайная экспедиція ни одного человѣка при допросахъ не сѣкла ничѣмъ, а всякое дѣло начисто разобрано было и всегда болѣе выходило нежели мы желали знать.» Между прочими лицами, у которыхъ Екатерина спрашивала мнѣнія о Наказѣ, находился и Василій Баскаковъ. Онъ не могъ согласиться на совершенное уничтоженіе пытки и написалъ: «Не благоволеноли будетъ прибавить: *кромя необходимыхъ случаевъ*, которые надобно означить именно.» Баскаковъ представлялъ одинъ изъ таковыхъ случаевъ: разбойникъ, погубивъ хозяевъ дома, вынесъ такую вещь, которую ему одному вынести никакъ было нельзя, и между тѣмъ говоритъ, что товарищей у него не

было. Екатерина замѣтила на это: «о семъ слышать не можно; и казусъ не казусъ, гдѣ челоувѣчество страдаетъ.»

Императрица обратилась и къ знаменитому литератору, любившему въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ возста- вать противъ пороковъ общества и проводить новыя, быв- шія тогда въ ходу на западѣ, идеи, къ Сумарокову. Сума- роковъ съ обычнымъ своимъ пыломъ и скоростію начинаетъ писать возраженія, нападаетъ на преимущества, данныя де- путатамъ, которыхъ должно было выбрать въ комиссію для сочиненія проекта уложенія: «Депутаты хотя и достойны отъ многихъ отличности, пишетъ Сумароковъ, но не съ та- кими преимуществами, какія предписаны, ибо всѣ сыны оте- чества достойны подѣ отличнымъ быть охраненіемъ. И де- путаты, равно какъ и прочіе, законамъ безо всякаго отличія подлежатъ, ибо правосудію изъятія нѣтъ.» На это справедливое возраженіе Екатерина могла только замѣтить: «Сія работа тре- буетъ отъѣнное ободреніе духа.» Но потомъ Сумароковъ во- оружился противъ рѣшенія большинствомъ голосовъ: «Боль- шинство голосовъ истины не утверждаетъ; утверждаетъ мнѣ- ніе великій разумъ и безпристрастіе.» «Большинство истину не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большин- ства,» замѣчаетъ Екатерина. Сумароковъ продолжаетъ: «Ежели кто за недозволеннымъ отсутствіемъ голоса своего лишится, такъ не онъ, но общество постраждетъ, ежели полезное его мнѣніе не примется послѣ.» «И всякій слѣдовательно вся- кое дѣло остановить и выйдеть хаосъ», замѣчаетъ импе- ратрица. Сумароковъ: «Законовъ съ умствованіемъ народа соглашать не надобно, ибо у честныхъ людей все умство- ваніе нагад истина, а законы предписываются борющимся истину.» Екатерина: «Есть законы, ведущіе къ добру, есть наказывающіе преступленія.» Сумароковъ: «Умѣренности пра- восудіе не терпитъ, а требуетъ надлежащей мѣры, а не стро- гости и не кротости.» Екатерина: «Изображеніе (воображеніе) въ поэтѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять ему тяжело.» Сумароковъ: «Вмѣсто нашихъ училищей, и особливо вмѣсто кадетскаго корпуса потребны великіе и всею Европою почи- таемые авторы, а особливо несравненный Монтескіу, но и въ немъ многое критикѣ подлежитъ.» Екатерина: «Многіе критиковали Монтескіу, не разумѣя его; я вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣляю.» Сумароковъ: «Вольность и коронѣ и народу больше приноситъ пользы чѣмъ неволя.» Екате-

рина: «О семъ довольно много говорено (то-есть въ Наказѣ).» Сумароковъ: «Но своевольство еще и неволи вредитѣ.» Екатерина: «Нигдѣ не найдете похвалы первому.» Сумароковъ: «Между крѣпостнаго и невольника разность: одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику.» Екатерина: «Какъ это сказать можно? отверзите очи!» Сумароковъ: «Господинъ долженъ быть судья—это правда, но иное быть господиномъ, а иное тиранномъ, а добрые господа всѣ судьи слугамъ своимъ: и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ.» Екатерина: «Богъ знаетъ, развѣ по чинамъ качества (считать.)» Сумароковъ: «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остались безъ слугъ и безъ повинувшихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ («и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ,» примѣч. Екатерины), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ.» Екатерина: «И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи.» Сумароковъ: «Продавать людей какъ скотину не должно, но гдѣ же брать, когда крестьяне будутъ вольны? и только будутъ къ опустошенію деревень: холопей набери, а какъ скоро чему-нибудь его научишь, такъ онъ и отойдетъ къ знатному господину, ибо тамъ ему больше жалованья, а дворяне учатъ людей своихъ брить, волосы убирать, кушанье варить и проч. И такъ всякъ будетъ тратить деньги на другихъ, выучивая. Малороссійской подлой народъ отъ сей воли почти несносенъ.» Екатерина: «Господинъ Сумароковъ хорошей поэтъ; но слишкомъ скоро думаетъ, чтобъ быть хорошимъ законодательцемъ; онъ связи довольно въ мысляхъ не имѣетъ, чтобы критиковать цѣпь, и для того привязывается къ наружности колецъ, составляющей (составляющихъ) цѣпь, и находитъ, что здѣсь или тамъ ошибки есть, которыхъ пороковъ онъ бы оставилъ, еслибъ понялъ связь. Двѣ возможности въ семъ дѣлѣ

суть: возможность въ разсужденіи законодавца и возможность въ разсужденіи подданныхъ или, лучше сказать, тѣхъ, для которыхъ законы дѣлаются; часто прямая истина въ разсужденіи сихъ возможности должна употребляема быть такъ, чтобъ она сама себѣ вреда не нанесла и болѣе отъ добра отвращеніе нежели привлеченіе не сдѣлала.»

14 декабря 1766 года объявлено было манифестомъ о назначеніи императрицы учредить въ слѣдующемъ году въ Москвѣ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Депутатовъ въ комиссію велѣно было выслать изъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій по одному; отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, по одному дворянину; отъ жителей каждаго города по одному; отъ однодворцевъ каждой провинціи по одному, отъ пахотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служивыхъ людей и прочихъ, ландмилицію содержащихъ, отъ каждой провинціи по одному депутату; отъ государственныхъ крестьянъ изъ каждой провинціи по одному; отъ нечочующихъ инородцевъ, какого бы они закона ни были, крещеныхъ или некрещеныхъ, отъ каждаго народа съ каждой провинціи по одному депутату; опредѣленіе числа депутатовъ отъ казачьихъ войскъ и отъ войска Запорожскаго возложено на высшихъ командировъ ихъ. Депутаты должны быть не моложе двадцати пяти лѣтъ; они получали жалованье отъ правительства, на всю жизнь освобождались отъ смертной казни, пытокъ, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имѣнія; обидѣвшій депутата наказывался вдвое противъ обыкновеннаго. Избраніе депутатовъ должно было производиться баллотировкою, по большинству голосовъ. Каждый депутатъ получалъ отъ своихъ избирателей полномочіе и наказъ о нуждахъ и требованіяхъ ихъ общества, сочиненный, по выбору, пятью избирателями.

Объ этихъ выборахъ до насъ дошли любопытныя извѣстія изъ Малороссіи. Здѣсь уже не было болѣе Елисаветинскаго гетмана, Разумовскаго. Въ 1764 году онъ подалъ просьбу объ увольненіи: «Посвящая во всѣ времена преданности моей и вѣрности къ священной особѣ вашего императорскаго величества все мое благосостояніе, теперь нахожу, что дальнѣйшее въ гетманскомъ званіи мое пребываніе можетъ коснуться сего моего главнаго въ жизни обязательства, и потому держу всеподданнѣйше просить ваше императорское величество о снятіи съ меня столь тяжелой и опасной должности. Всемилостивѣйшая государыня! Вы всевысочайше знать изволите

состояніе и обстоятельства моей многолюдной фамиліи. Я себя и съ нею подвергаю монаршимъ стопамъ съ достовѣрною надеждой, что сей моего чистосердечія и вѣрности поступокъ обратитъ ко мнѣ и къ дѣтямъ моимъ вашего императорскаго величества монаршее призрѣніе и щедроту, и не будетъ мнѣ къ чувствительному ущербу ихъ воспитанія, содержанія и пристроенія.» Коллегія иностранныхъ дѣлъ подала докладъ: «Коллегія обязанною поставляетъ себя признать, что нынѣшнимъ случаемъ собственнаго о сложеніи сего чина прошенія гетманскаго всемѣрно воспользоваться надлежитъ: для того что по многимъ и важнымъ политическимъ уваженіямъ гетманское въ Малой Россіи правленіе въ разсужденіи существа своего и искусствъ (опытовъ) прошедшихъ временъ съ интересомъ государственнымъ весьма несходно.» Генераль-губернаторомъ малороссійскимъ назначенъ былъ знаменитый Румянцевъ, въ послѣдствіи Задунайскій.

Получивъ манифестъ объ избраніи депутатовъ въ комиссію, Румянцевъ разослалъ циркуляръ по малороссійскимъ повѣтамъ: «Отвѣчая должности званія моего, не въ предложеніи точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ вамъ сіе мое мнѣніе подаю: примите вы все съ радостію сей подаваемый вамъ случай къ достиженію благоденствія; пользуйтесь имъ прямо, и сдѣлайте изъ него употребленіе таково, каково бы вамъ въ потомствѣ вашемъ честь и похвалу дѣлало; обращайтесь все ваши примѣчанія на общенародное добро, въ которомъ одинакое наше токмо прямо и заключаться можетъ; отдаляйте все то, что только блещитъ вамъ нашею собственною маловременною корыстію, пройдите съ вниманіемъ теченія минувшихъ временъ; разыщите рачительно все причины, вредившія общему вашему благоденствію и силѣ законовъ, приведшія суды въ медленность и сѹдей въ разнovidныя разсужденія, а нѣкоторыхъ и на злоупотребленія, препятствовавшія вашимъ домостроительствомъ и въ вотчинномъ хозяйствѣ, уничтожившія весь порядокъ гражданскаго упражненія въ торгѣ и промыслѣ, наведшія отвращеніе поселянамъ не только къ земледѣльству и скотоводству, какъ главнымъ землѣ здѣшней промысламъ, но понудившія или поводъ подавшія удаляться жилищъ своихъ и имуществъ; помышляйте всегда, что въ основаніи всехъ государственныхъ законовъ принимаемо быть должно по страхѣ Божіемъ честь и слава государская, и достодолжное наше къ нимъ подданство и благосостояніе государственное во всехъ

обширныхъ онаго частяхъ: а за первое законное правило доставлять всѣмъ и всякому въ тишинѣ и покоѣ пользоваться плодами трудовъ и упражненія его, въ чемъ прямая вольность въ добродѣтельномъ разумѣ и заключается. Избирайте между вами предводителя и депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя въ обрядѣ имѣли, и о общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, а не своихъ собственныхъ помышляли и чужды бы были пороковъ тѣхъ, отъ коихъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало, то-есть лихоимство, презрѣніе своего ближняго и неистовство на своего подчиненнаго, явитесь вы прямыми соперниками прочихъ провинцій.»

Циркуляръ не имѣлъ желаемаго дѣйствія. Отъ 2 марта 1767 года Румянцевъ жаловался императрицѣ: «Новый проектъ уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ такого дѣйства и признанія вашего императорскаго величества благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ, ни разсужденія. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей, отъзы же у всѣхъ одни; за чѣмъ бы намъ тамъ и быть? наши законы весьма хороши, а буде депутатамъ быть конечно уже надобно, только развѣ бѣ искать правъ и привилегій подтвержденія. Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые они простому народу (который подлинно добрѣ), пользуясь его простотой, внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и о правахъ, какъ о первоначальномъ всѣмъ искать надлежить; но однакоже въ раздѣлѣ и въ объясненіе сихъ вольностей и правъ входитъ отнюдь за благо не разсуждаютъ. Осмѣливаюсь просить о всемилостивѣйшей резолюціи на мои поднесенные планы, а особо о полицейскихъ, комиссарскихъ и магистратскихъ учрежденіяхъ, безъ которыхъ дѣла здѣшнія дойдутъ истинно до крайняго поврежденія, и всѣ даваемые указы остаются и остаются будутъ безъ всякаго исполненія; плачь и вопль народный и насиліе властелинское до крайности умножилися: одинъ коллежскій обрядъ, который по здѣшнимъ смѣшаннымъ военнымъ, гражданскимъ и земскимъ и обращеннымъ вездѣ въ собственную корысть дѣламъ, едва и храниться можетъ, весьма недостаточенъ привести ихъ всѣ, а особливо людей въ желаемое состояніе. Примѣчено и то здѣсь стало, что много ободрили себя прямо какъ можно держаться старины. Одни города и

простой народъ признають публично милосердіе вашего императорскаго величества чрезъ введенные нѣкоторые отъ меня порядки за полезныя для нихъ, но тутъ же жалуются, что самыя ихъ начальники, коими паче больше расплодившееся здѣсь шляхетство имъ въ томъ всѣми силами препятствуютъ.»

Такія же жалобы повторяются и въ другихъ письмахъ: «Вельможи, старшины и мнимое шляхетство вездѣ разное толковали о манифестѣ. Иные говорили, что сіе все до нихъ не слѣдуетъ; другіе, ослѣпленные любовью къ своей землицѣ, думали, что какъ ученыхъ и правныхъ людей созываютъ (то есть Малороссіянъ) токмо для совѣта и сочиненія новаго уложенія для Великороссіянъ; не хотѣли сіи, превращенные изъ ничего собою и большею частію чрезъ деньги, отнятіе чужихъ земель, а иногда по женамъ въ дворяне, и слышать, чтобы сидѣть съ мѣщанами, считая сіе быть предосудительнымъ чести своей, именуячи всегда гражданъ мужиками, и въ самомъ дѣлѣ старались при семъ случаѣ уничтожить ихъ вовсе изъ званія, уничтожа безъ того уже всѣ ихъ права и привилегіи и присвоивъ себѣ въ городахъ власть безпредѣльную и владѣнія большія. Ваще императорское величество характеръ мой терпѣливый и неборзкой знать изволите, но недоставало моего терпѣнія симъ вралямъ далѣе попускать или иначе съ ними объясняться, и взявъ тонъ прямо начальничества и, заставляя молчать, толковалъ имъ, что депутаты отъ нихъ требуются такъ какъ и отъ всѣхъ провинцій. Чтобы между мѣщанами всѣ городскіе жители въ собраніяхъ находились, послалъ изъ Новгорода-Сѣверскаго циркулярныя ордера, и тамъ, начавъ 5 числа марта, продолжалъ сіи выборы въ Стародубѣ 14, въ Черниговѣ 29 съ достоюльнымъ безмолвіемъ и тишиною: не обошлось безъ того однако ни одно собраніе, чтобъ кто-либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другаго не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина, или отъ жида; уличаемо было, что и по нѣскольку разъ свои имена нѣкоторые по надобностямъ и обстоятельствамъ мѣняли; нерѣдко смертное убійство и другіе безчестныя пороки тутъ примѣшивались. Я имъ подтверждая молчаніе и тишину по силѣ обрядовъ, всегда на то отвѣчалъ, что до ихъ фамилій, породъ и пороковъ надлежитъ, то я какъ матрикулій, такъ и о поведеніяхъ ихъ никакого свѣдѣнія не имѣю. Но какъ скоро до-

ходило до выбора депутатовъ и сочиненія особливо Наказа, тутъ открывалось повсюду прямое и имъ свойственное вездѣ исканіе и желаніе: вездѣ согласно закричали и зачали тѣмъ, чтобы права, вольности и обыкновенія имъ утверждены были, поборы бы все оставлены, войска выведены, шляхетство отъ взятія пошлинъ уволено; нѣкоторые же, бывшіе особливо въ администраціи гетманскихъ экономій, отзывались, чтобы настоять и неотступно просить гетмана по прежнему. Мнѣ хотя мѣшаться прямо не надлежало, но какъ въ Стародубѣ, такъ и въ Черниговѣ выбранные предводителями, судья земскій Искрицкій и судья отставной генеральный Безбородко возчувствовали впервенствѣ хотя между равными скоро отъ несогласія ихъ отагощенія и просили меня, чтобы я имъ помогъ привести ихъ въ согласіе, а особливо Безбородка, который съ помощію сына своего, во всю мою бытность здѣсь и въ Петербургѣ цѣлый годъ при мнѣ находившагося, собранію ими представленныя пункты мнѣ показали, гдѣ увѣщевали они собратію свою явиться непостыдно въ собраніе изъ всехъ частей государства. Я имъ говорилъ: вы хотите просить 1) о утвержденіи правъ, которыхъ вы до учиненія земскихъ и градскихъ судовъ, то-есть по 763 годъ почти и въ употребленіи не имѣли, а нынѣ съ трудомъ и не въ точной ихъ силѣ по разнымъ и весьма противнымъ свойствамъ шляхетства и крестьянства польскаго съ малороссійскимъ, наводите, и тѣмъ самымъ безгласные люди, а паче казаки, все имущество свое тратятъ. 2) О преимуществахъ и вольностяхъ, которыя, по статьямъ Богдана Хмѣльницкаго весьма благоразумно и на всякій чинъ отдѣльно, особо шляхтѣ, особо духовнымъ, особо войску казацкому, особо земству отъ государей подтверждены; но вы все то наруша, сдѣлали почти одно званіе шляхетства, и всякаго бѣглеца крестьянина, женившася токмо на казачкой дѣвкѣ, принимаете въ достоинство шляхетское, а такого жъ шляхтича или казака часто безъ судовъ, а иногда по судамъ, но не всегда по законамъ, дѣлаете крестьяниномъ; слѣдственно вамъ о дворянствѣ до того сіе достоинство повредившимъ, едва и отзываться осмѣлиться можно ль? 3) О снятіи податей—дѣло до васъ ни мало не касающееся, здѣшнихъ крестьянъ, по собственному ихъ признанію, отагощающее, и которыя, по статьямъ Богдана Хмѣльницкаго, государю точно дань давать повинны, а владѣльцамъ, по нѣкоторымъ другихъ гетмановъ статьямъ и то по грамотамъ дан-

вымъ, только вольные приносы принимать, сѣно и дрова приготовить дозволено. Итакъ вы сей просьбой хотите переменить свойство совсѣмъ здѣшняго крестьянина, и тѣмъ отважно касаетесь права, государямъ точно принадлежащаго. 4) О выводѣ войскъ, необходимыхъ для внутренней и вѣшной безопасности—подвергаете себя разнымъ труднымъ отвѣтамъ и объясненіямъ.

«Въ Сѣчи Запорожской (продолжаетъ Румянцевъ свое донесеніе), въ Сѣчи Запорожской полковникъ Милорадовичъ порученное ему дѣло со всею благопристойностію окончилъ. Генеральный обозный Кочубей, отправленный для выборовъ въ Полтаву, ко мнѣ партикулярно пишетъ, что онъ съ великимъ трудомъ и тамъ едва могъ склонить чиновничество къ засѣданію съ градскими жителями. Премьеръ-майоръ Стремоуховъ, для тогожъ опредѣленный въ Прилукахъ, рапортуетъ, что по первому отъ него объявленію, никто въ собраніе изъ градскихъ жителей не пошелъ, отозвались прямо, что не будутъ; а по полученіи моего циркулярнаго ордера дали свои голоса на другихъ и одного, по большинству сихъ отзывовъ, также не бывшаго въ собраніи и не лучшаго пріятеля городскимъ обрядамъ, полковаго писаря выбрали депутатомъ. Я сей выборъ уничтожилъ. Ваше императорское величество не можетъ представить, до какого степени и почти равнаго коварность и своеволие здѣсь дошли: въ сихъ пунктахъ бывшіе въ чужихъ краяхъ равно здѣсь родившимся и нигдѣ не бывалымъ; ослѣплены. Страннѣе всего, что эта небольшая частица людей инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличные люди, и что нѣтъ ихъ сильнѣе, нѣтъ ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе, и нигдѣ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобъ имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть, то лучше всего. Мнѣ показалось при семъ случаѣ не бесполезно раздѣлить ихъ интересы съ казацкими; я велѣлъ для того, на основаніи обряда о выборѣ однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ, отъ всякаго полка выбрать по одному депутату, и, въ Черниговѣ будучи, самъ онаго выбиралъ и видѣлъ наказъ отъ общества ему данный, гдѣ хотя по простотѣ и являются нѣкоторыя излишности, однако между тѣмъ и почти прямое искоевое прошеніе на старшинъ и на чиновниковъ ихъ въ несносныхъ имъ причиненныхъ обидахъ и разореніяхъ. Казаковъ умышленно ради того въ шляхетское достоинство сами собою произвели, чтобъ, позывая ихъ, по ихъ простотѣ

и незнанію правъ, несносные убытки и разоренія дѣлать, показывая тѣмъ народу, что было то только на первый случай, какъ они обыкновенно отзываются, и что все навсегда въ ихъ рукахъ останется по прежнему. Малороссійская коллегія вездѣ почти нарядила по доносамъ и жалобамъ слѣдствій; но великороссійскіе члены часто иногда въ томъ обмануты бываютъ, и по незнанію людей, и по рекомендаціямъ своихъ сочленовъ опредѣляютъ слѣдовать дѣла самыхъ главныхъ иногда въ томъ соучастниковъ. Не худо бъ чрезъ гвардіи офицеровъ учредить комиссіи въ изслѣдованіи всѣхъ непорядковъ, завладѣній государственныхъ имѣній и насильствахъ; этимъ пресѣкнется всѣ сумазбродства, фальшивые и вовсе имъ несвойственныя республиканскія мысли, и ограничить размножающееся здѣсь вредное государству вельможество и шляхетство. Я въ Стародубѣ и Черниговѣ больше 300 жалобъ получилъ: большая часть оныхъ въ насильномъ отнятій земель, угодей и другихъ имуществъ, въ убійствахъ и несправедливыхъ судахъ и волокитахъ. Въ отсутствіи отдаленномъ генераль-губернатора опредѣлять главнаго командира, къ которому бы здѣшнее начальство и чиновничество весьма надобное подобострастіе и послушаніе имѣли, а коллежское правленіе они ни во что ставятъ. Напримѣръ коллегія требовала, и по сенатскому еще указу, чтобъ владѣльцы, кому отъ бывшаго гетмана деревни даны, какіе съ нихъ они нынѣ получаютъ доходы, точно показали: нѣкоторые на то отвѣчали, что они кромѣ осьми или десяти яиць съ двора въ годъ ничего не получаютъ, хотя извѣстно, что въ случаѣ ранговыхъ деревень расположенія до 14 рублей съ двора тяглаго за правильный окладъ здѣсь же опредѣляется.»

Въ Черниговѣ выбрали депутатомъ заочно генеральнаго есаула Ивана Михайлова Скоропадскаго, о которомъ Румянцевъ писалъ, что онъ «при всѣхъ наукахъ и въ чужихъ краяхъ обращеній, остался казакомъ». По старанію предводителя Безбородка написанъ было депутату такой наказъ отъ избирателей: «1) Просятъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ главъ Литовскаго статута, какъ несогласныхъ съ настоящимъ временемъ, напримѣръ: если шляхтичъ убьетъ простаго человѣка, то наказывается только отсѣченіемъ руки и очень малымъ платежомъ: сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные и особливо достоинства шляхетскаго не приобрѣтшіе стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства. 2) Къ отвращенію

сумнительствъ о породѣ каждаго изъ шляхетства и къ пресѣченію впредь простороднымъ похищать безъ заслугъ преимущества шляхетскія, да будетъ угодно ея императорскому величеству всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и штатскихъ малороссійскихъ вѣрно служили и служатъ, указать написать въ списокъ шляхетства и обще съ составившимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, такожъ съ получившими сіе достоинство отъ королей польскихъ и отъ царей всероссійскихъ принять въ общество дворянъ россійскихъ. 3) По отсутствію средствъ къ воспитанію—учредить въ Малой Россіи дворянскій корпусъ, а для высшихъ наукъ университетъ и академію, такъ же женское училище. 4) Нѣтъ у насъ другаго воинства кромѣ казаковъ, въ начальство надъ которыми опредѣляемые, по причинѣ непорядочнаго не по старшинству и заслугамъ, по общимъ выборамъ и усмотрѣніямъ властей произвожденія, косиѣютъ въ однихъ чинахъ, и, видя часто незаслуженныхъ похищающихъ предъ ними первыя мѣста, приходятъ въ оплошность; для сего просятъ, чтобъ казаки въ лучшемъ и порядочнѣйшемъ видѣ къ службѣ устроены были, а шляхетство, начиная въ таковыхъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ, учинять себя достойными охранителями имперіи. 5) Для разбиранія шляхетскихъ споровъ учредить въ первой инстанціи суды земскіе, гдѣ судей выбирать бы намъ между собою. 6) Не ограничивать выборъ предводителя только на два года, но возобновлять сей выборъ и впредь. 7) Чтобъ никому, кромѣ внесенныхъ въ шляхетской списокъ, не было позволено покупать у насъ деревень, мельницъ, земель и всякихъ угодій, пока покупающій отъ предводителя и всего шляхетства въ сообщество наше принять не будетъ. 8) Принять мѣры для уничтоженія притѣсненій, дѣлаемыхъ войсками жителямъ. 9) Чтобъ войска ставились по городамъ, а не по деревнямъ. 10) Учредить въ Малороссіи государственнй банкъ.» Безбородко никакъ не могъ провести одного пункта: просить объ ограниченіи власти дворянъ надъ крестьянами. Досталось ему и за внесенные въ Наказъ пункты; Руманцевъ пишетъ: «Безбородка за этотъ наказъ и сына его возненавидѣли и въ бытность перваго здѣсь (въ Глуховѣ) явно его презирали и нарекали быть недоброжелателемъ отчизны, а депутатъ Скоропадскій ему при первомъ свиданіи объявилъ, что онъ его наказъ ему же и сдастъ въ Москвѣ, онъ-де для него такъ темень, что его едва и разумѣть можно.»

Шляхетство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ подало челобитную: «повелѣть вольными голосами купно съ войскомъ Сѣчи Запорожской избрать гетмана». Румянцевъ пишетъ: «Я выборъ депутата (Долинскаго) уничтожилъ, а отъ предводителя (Тарнавіота) требовалъ рапорта, кто былъ первымъ виновникомъ глупаго предложенія о выборѣ гетмана вмѣстѣ съ Сѣчью и не было ли объ этомъ переписки съ Сѣчью? Но они въ первомъ явились мнѣ прямо ослушны, а въ последнемъ взялись всѣ отвѣчать, что они всѣ вдругъ вздумали. Я имѣлъ случай съ уволенными на время и опять уже отѣхавшими нѣкоторыми депутатами видѣться и нашелъ ихъ во всѣхъ ихъ развращенныхъ мысляхъ непреклонно пребывающихъ. Скоропадскій всѣхъ прочихъ руководитель, ибо возмечталъ выбраннымъ быть гетманомъ. Тщеславились они здѣсь много тѣмъ что Лифляндцы имъ единонамѣренны въ удерживаніи старыхъ своихъ правъ и вольностей. Часть здѣсь людей такихъ, кои слѣпо симъ невѣжамъ слѣдуютъ, не мала. Но я осмѣливаюсь увѣрить, что когда токмо таковые и ему подобные, которые очень замѣчены, останутся безъ дѣйствія и дѣла, а напротивъ благонамѣренные и сею болѣзнію самовладства и независимости не зараженные вашего императорскаго величества милостию отличатся и войдутъ въ чины и дѣла, правительства жъ и служба получать прямыя для себя уставы, то и тѣ, какъ великое всегда желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованію имѣющіе, скоро перемѣнятъ мысли и поступки.»

Но императрицу не нужно было успокоивать; она гораздо хладнокровнѣе смотрѣла на малороссійскія событія, чѣмъ генераль-губернаторъ. «Я надѣюсь, отвѣчала она Румянцеву на его донесенія, я надѣюсь, что вы употребите такія мѣры, которыя непознающихъ собственной своей и общественной пользы *степенями* приведутъ наконецъ къ познанію оной. Нѣтъ нужды, кажется, нѣкоторое принужденіе или усильныя увѣщанія употреблять и въ томъ, чтобъ для избранія депутатовъ къ сочиненію проекта непремѣнно всѣ явились, а довольно, когда нѣкоторое число хотя малое для выбору явятся, тѣмъ наипаче, что города, какъ вы пишете, уже публично признаютъ нѣкоторые введенные отъ васъ порядки за полезные для нихъ, слѣдовательно мѣщане оныхъ городовъ не преминутъ дать отъ себя депутатовъ, а потому кажется и надежно, что они въ прошеніяхъ своихъ конечно не оставятъ упомянуть о прежде бывшихъ злоупотребленіяхъ.»—Въ другомъ письмѣ: «Изъ пи-

земь нашихъ усмотрѣла я препятствія, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣчали извѣстный манифестъ 14 декабря 1766 года. Однакоже я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертанія прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнуть, понеже ни вы, ни я, не дадимъ имъ никакого уваженія тутъ, гдѣ они не сходственны съ общимъ добромъ, а только единственно надлежитъ требовать, чтобъ исполняли по предписанному, какъ и всѣ прочіе вѣрные подданные, изъ числа коихъ ни они себя, ни мы ихъ исключить не можемъ; и такъ тонъ начальничества, который вы принуждены были употребить, весьма приличенъ былъ. Хотя бы тотъ или другой уѣздъ недѣльныя просьбы, какъ Стародубовской, въ наказъ свой и внесъ, то надѣяться можно, что самимъ депутатамъ ихъ при дѣйствительномъ засѣданіи въ комиссіи стыдно будетъ предъ прочими сильно стараться о такихъ пунктахъ, кои многочисленнымъ собраніемъ въ посмѣваніе несомнѣнно обращены будутъ, тѣмъ наипаче, когда возлѣ одного, вздоромъ наполненнаго наказа, прочтутъ другой умѣренный, какъ-то Черниговскій, въ которомъ множество находится пунктовъ, кои честь дѣлаютъ сочинителямъ онаго.»

Когда депутаты изъ всѣхъ областей съѣхались въ Москву, императрица, находясь въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила «разныхъ персонъ весьма разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ комиссіи уложенія. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Императрица дала имъ волю чернить и вымарать все что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что писано было ею, помарали и остался Наказъ уложенія, яко оный напечатанъ.»

Этотъ Наказъ извѣстенъ всѣмъ, и потому намъ не нужно о немъ распространяться; мы должны обратить вниманіе на статьи тѣхъ наказовъ, которые привезли съ собою депутаты. Депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ представили слѣдующіе пункты: 1) О вступленіи всякимъ чинамъ въ духовныя чины, а изъ духовныхъ въ свѣтскія, и освобожденіи священниковъ отъ неприличныхъ работъ. 2) Объ обученіи дѣтей катехизису, объ учрежденіи по городамъ училищъ для юношества, и о неприниманіи въ дома учителей и учительницъ несвидѣтельствованныхъ. 3) О покупкѣ крѣпостныхъ людей священникамъ и прочимъ церковнымъ причетникамъ. 4) О уменьшеніи свободныхъ дней отъ работъ. 5) О учиненіи закона, какъ поступать въ случаѣ того, когда отъ побой помѣщиковъ слу-

чится людямъ смерть? 6) Объ истребленіи женщинъ, вѣдущихъ жизнь распутною. 7) О запрещеніи кулачныхъ боевъ. 8) О истребленіи изъ ружей и изъ другихъ машинъ внутри жильцовъ и о ношеніи никакого оружія подлему народу при себѣ. 9) Объ учиненіи монашескихъ недвижимыхъ имѣній коренными и объ установленіи къ пропитанію ихъ (то-есть монаховъ) и къ содержанію церковей доходовъ. 10) Объ установленіи закона къ приведенію разнаго званія народа въ содружество. 11) О пресѣченіи роскошей. 12) Объ учиненіи закона о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ и о взысканіи за держаніе и владѣніе ихъ однахъ и съ землями. 13) О неопредѣленіи никого въ казаки и о бытіи всѣмъ, кто гдѣ приписанъ. 14) Объ отдачѣ должниковъ за долги для зарабатыванія партикулярнымъ людямъ, въ случаѣ неприема объ отсылкѣ на каторгу. 15) О ревизіи и отличеніи гражданъ добродѣтельныхъ. 16) О публикаціи отъ полиціи о всѣхъ происходящихъ новостяхъ. 17) О квадратныхъ деньгахъ. 18) О непроездѣ на заставахъ въ города нищихъ. 19) О необученныхъ и скорыхъ лошадяхъ, чтобъ на оныхъ внутри городовъ не ѣздить, 20) О неизмѣннѣй форейторамъ и верховымъ кнутовъ и плетей. 21) Объ учрежденіи въ городахъ публичныхъ мѣстъ для увеселенія обывателей.

Дворянство представило: 1) Объ имѣніи при церквахъ ученыхъ священниковъ на жаловань; о продажѣ церковныхъ земель, и чтобъ причетники обучали крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. 2) О уравненіи малороссійскихъ чяновъ съ великороссійскими. 3) Объ учиненіи закона объ отдачѣ деревень на аренду. 4) О продажѣ дворянству экономическихъ деревень. 5) О дачѣ и продажѣ дворянамъ застѣкъ, дикихъ степей и разныхъ службъ служилыхъ людей земель. 6) О заведеніи въ городахъ особыхъ слободъ для полковъ и о выводѣ ихъ изъ уѣздовъ. 7) Объ учрежденіи по городамъ для дворянскаго юношества школъ. 8) Объ учрежденіи по городамъ банковъ. 9) Хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ. 10) Аптекъ и лѣкарей. 11) О бытіи по городамъ цехамъ и фабрикамъ. 12) О запрещеніи на выгонныхъ городовыхъ земляхъ сѣять хлѣбъ. 13) О позволеніи крестьянамъ въ городахъ торговать продуктами ихъ въ розницу. 14) О позволеніи крестьянамъ подрядовъ. 15) О бытіи крестьянамъ у купцовъ повѣренными въ лавкахъ и въ питейныхъ домахъ въ одно зимнее время, а въ лѣтнее чтобъ возвращались къ земледѣлію. 16) О несборѣ съ крестьянства подвоя, а вмѣсто того объ учрежденіи почтовыхъ становъ. 17) О

вонариженіи крестьянъ на караулы и работы. 18) Объ умноженіи крестьянскаго безчестья (то-есть платы за безчестье) и объ умноженіи суммы оныхъ, кои пожелаютъ быть въ купечествѣ и о незапискѣ въ посадъ по женамъ ихъ. 19) О сборѣ въ однихъ мѣстахъ вмѣсто фуража деньгами, а въ другихъ, гдѣ будетъ потребно, вмѣсто подушныхъ денегъ провіантомъ и фуражомъ. 20) О сложеніи съ однихъ хлѣбопашцевъ (выключая купцовъ и другихъ разночинцевъ) подушныхъ денегъ. 21) О поселеніи по уѣздамъ и городамъ иностранныхъ колонистовъ, отъ коихъ бы крестьянство получило наставительный примѣръ къ лучшему домостроюству. 22) О непереходѣ Черкасъ съ мѣста на мѣсто. 23) О бытіи отданныхъ въ рекруты женамъ у помѣщиковъ въ послушаніи. 24) Объ истребленіи для соблюденія лѣсовъ, желѣзныхъ, стекольныхъ, сженія зола и прочихъ заводовъ. 25) О выборѣ воеводъ и товарищей баллотированіемъ изъ дворянъ своего уѣзда. 26) О запрещеніи тѣмъ, коимъ дворянскимъ правомъ пользоваться не велѣно, имѣть хутора, хлѣбопашество, мельницы. 27) О постановленіи ко удержанію крѣпостныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ строжайшаго закона. 28) О произведеніи по прежнему въ городахъ ворами и разбойникамъ и смертоубійцамъ указныхъ пытокъ. Московское дворянство възнаказъ, данномъ Петру Ивановичу Панину, выразило желаніе о возстановленіи майоратовъ, но не такъ стѣснительныхъ, какъ майораты Петра Великаго.

Градскіе жители подали: 1) Объ утвержденіи въ благочестіи христіанской вѣры; о предписаніи въ законѣ, какимъ образомъ сохранить Тайны Божія, когда церковь во время службы внезапно загорится; о нечиненіи въ церкви Божіей во время службы смятенія. 2) О свободномъ отправленіи службы Божіей другихъ законовъ людямъ. 3) О постриженіи желающихъ въ монашескій чинъ. 4) О штрафѣ съ неисповѣдавшихся. 5) О построеніи церковей Божіихъ и о писаніи на всякія церковныя вещи контрактовъ безъ взятія пошлинъ. 6) О пожалованіи въ построенныя церкви на иконостасы и на украшенія оныхъ денежной суммы. 7) О содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи оному жалованья. 8) О нетребованіи священникамъ сверхъ указаго числа за церковныя требы. 9) Объ учрежденіи вновь по городамъ присутственныхъ мѣстъ; объ учрежденіи вновь городского суда, какъ въ другихъ государствахъ заведено. 10) О бытіи въ городахъ

полиціи въ вѣдомствѣ магистратовъ и ратушъ. 11) О подтвержденіи магдебургскаго права; о подтвержденіи казакамъ шляхетскаго права и объ оставленіи ихъ при прежней должности казачей. 12) О выборѣ на всегдашнее время въ общѣ всѣми гражданами, головы. 13) О выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ. 14) О правѣ и преимуществѣ російскаго купечества и о неназываніи онаго непристойными словами и дозволеніи первостатейнымъ носить шпаги. 15) Объ учрежденіи по городамъ для купеческой коммерціи и размноженіи торговъ государственнаго банка. 16) О пресѣченіи роскошей и о невыписываніи въ Россію никакихъ иностранныхъ вещей. 17) Объ уничтоженіи сочиняющейся нынѣ по душамъ ревизіи, а о бытіи оной по прежнему по дворамъ. 18) О выключкѣ изъ подушнаго оклада дворянъ, дѣтей боярскихъ, купечества и разнаго званія людей и увольненіи отъ рекрутскаго набора. 19) О снятіи съ подусѣдковъ рублеваго оклада и о расположеніи онаго на тяглыхъ и земли имѣющихъ людей. 20) Объ учрежденіи цеховъ. 21) Объ уничтоженіи въ Малороссіи пограничныхъ таможенъ. 22) О неотдачѣ въ монополію никакихъ промысловъ и товаровъ. 23) О нечиненіи военнослужащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побой и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ. 24) О нечиненіи купечеству отъ крестьянства въ уѣздахъ никакихъ обидъ и за чужіе долги грабительствъ. 25) Объ учрежденіи вмѣсто формальныхъ краткихъ словесныхъ, также и третейскихъ судовъ для всякихъ случающихся между купечествомъ съ разночинцами дѣлъ. 26) О правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества. 27) О запрещеніи присутствующимъ слушанія и подписыванія дѣлъ на домахъ. 28) Объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей. 29) О незабираніи насильно къ суду въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстоковъ. 30) Объ учиненіи запрещенія, чтобъ никто не дерзалъ ругать иновѣрныхъ законовъ. 31) О покупкѣ священно- и церковнослужителямъ, купечеству и разнаго званія людямъ крестьянъ и дворовыхъ людей. 32) О запрещеніи духовному чину въ покупкѣ земель. 33) Объ отдачѣ архіерейскому дому съ монастырями отшедшихъ отъ нихъ хлѣбопашенныхъ земель. 34) Объ учрежденіи въ городахъ академій, университетовъ и школъ и обученіи въ оныхъ разнымъ языкамъ

купеческихъ и разночинскихъ дѣтей и сиротъ. 35) Объ учрежденіи на казенномъ содержаніи больницъ и сиропитательныхъ домовъ; объ умноженіи по городамъ аптекъ, докторовъ, дѣярей и повивальныхъ бабокъ. 36) О выборѣ малороссійскому народу гетмана и старшинъ вольными голосами и о бытіи казакамъ судимымъ отъ оныхъ старшинъ. 37) О непринужденіи купечества къ бритію бородъ и ношенію нѣмецкаго платья. 38) О выводѣ раскольниковъ, живущихъ по городамъ между православными, въ разсужденіи чинимаго ими въ обществѣ соблазна и неотправленія гражданскихъ службъ, и о поселеніи оныхъ въ особыхъ мѣстахъ. 39) О позволеніи возвратившимся изъ Польши и Турціи раскольничьимъ попамъ, монахамъ и монахинямъ въ часовняхъ и церквахъ отправлять службы по стариннымъ книгамъ. 40) О небытіи въ городахъ особой сыскной команды, а о препорученіи оной магистратамъ. — Раскольники Новороссійской губерніи представили, что они никакихъ нуждъ и недостатковъ не имѣютъ.

Однодворцы и хлѣбопашцы представили: 1) Объ опредѣленіи для наукъ и наставленія богоугодныхъ дѣлъ духовныхъ, и для утвержденія благосостоянія и знанія законовъ и добрыхъ поведеній свѣтскихъ учителей. 2) О постройкѣ для квартированія полковъ при городахъ штатныхъ дворовъ и свѣтлицъ. 3) О защитѣ отъ проходящихъ полковыхъ служителей. 4) О непосылкѣ въ уѣздъ находящихся при городахъ служилыхъ людей съ указами для публикованія оныхъ, а о разсылкѣ ихъ для того по церквамъ изъ духовныхъ правленій. 5) О выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ для скорого отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей особливыхъ членовъ. 6) О бытіи для дѣлъ отъ стороны судящихся депутатамъ въ засѣданіи въ присутственныхъ мѣстахъ. 7) Объ уменьшеніи пятилѣтняго срока воеводства и о перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей отъ губерній. 8) О выводѣ изъ малороссійскихъ городовъ Россійскихъ воеводъ. 9) О притѣсненіяхъ однодворцамъ и прочимъ народамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ самихъ присутствующихъ. 10) О притѣсненіяхъ, чинимыхъ однодворцамъ и ясашнымъ отъ дворянъ и ихъ крестьянъ. 11) О словесныхъ судахъ; объ опредѣленіи для разбирательства между обывателями дѣлъ командировъ или старшинъ по выбору изъ нихъ же, и о небытіи имъ ни по какимъ дѣламъ

кромѣ подушнаго оклада, вѣдомымъ въ присутственныхъ мѣстахъ.

Кромѣ того купечество, какъ сословіе, представило нѣкоторыя статьи. Разсуждая о различіи правъ и состояній, оно выразило такую основную мысль: «Россія имѣетъ въ себѣ, по власти Божіей, отъ вѣка монархическое, а не аристократическое владѣніе, и какъ подлый, такъ и благородный, словомъ всякаго рода и достоинства люди всѣ равно подданныйше рабы всемилостивѣйшей государыни.» Купечество просило, «чтобы позволено было имѣть ему всякія фабрики и заводы и къ нимъ покупать крестьянъ и земли. Купечеству между собой судимымъ быть во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ великихъ государственныхъ, въ городскихъ магистратахъ и ратушахъ. Дворянству и другихъ званій людямъ торговать не дозволять. Купечеству нѣтъ большей конфузій, какъ служба при сборѣ казенномъ, особливо еще претерпѣваетъ отъ ежегодныхъ выборовъ къ откупщикамъ для приема и отдачи вина. Принадлежащія гражданству доходы оставить всѣ въ гражданскую пользу, а въ казну отдавать только по рублю пятидесяти копѣекъ съ души. Госпиталямъ, сиропитательнымъ домамъ и школамъ быть единственно для одного купечества, а не для другаго какаго званія людей, другимъ же никакимъ правительствомъ и званія людямъ въ сихъ никакой власти не имѣть и никого въ нихъ не опредѣлять, а состоять имъ въ вѣдомствѣ однихъ только магистратовъ; магистратамъ накрѣпко подтвердить о добромъ содержаніи всего того, паче же о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе, дабы они обучаемы были, сверхъ искусстваго понятія закона и письма, ариметикѣ и бухгалтеріи; кто же будетъ отъ онаго дѣтей своихъ укрывать и въ школы не отдавать, таковыхъ отцовъ штрафовать, первой гильдіи по 50, второй по 25 рублей. Лѣкарямъ быть въ каждомъ губернскомъ и провинціальномъ большомъ городѣ, гдѣ купцы принять пожелаютъ, и пользоваться купцовъ даромъ, довольствуясь жалованьемъ. Магистратскимъ членамъ и приказнымъ служителямъ производить жалованіе по согласному приговору купеческому. Полицію во всѣхъ городахъ, кромѣ Петербурга и Москвы, оставить на основаніи регламента Петра Великаго Главному магистрату, то-есть, въ вѣдѣніи магистратовъ. Купечеству состоятъ прекрайняя нужда въ людяхъ для необходимыхъ домашнихъ нуждъ и полицейскія должности, а паче въ случаѣ отъѣздовъ за торговыми промыслами, гдѣ самая

крайняя есть нужда въ вѣрномъ человѣкѣ; того ради дабы повелѣно было купечеству покупать безъ земель людей, мужеска полу 1-й гильдіи, по десяти, второй по пяти душъ, да женска по тому же; чтобъ Россійское купечество вывести изъ крайняго презрѣнія и тѣмъ его окуражить, то благоводить милостиво опредѣлить ему безчестья первой гильдіи по 200, второй по 100, третьей по 20 рублей, а за бой, учиненный рукой, вдвое, или же кто купца будетъ съчь или изувѣчить, съ таковымъ учинить то же самое, и сверхъ того взыскивать безчестье вдвое, дабы чрезъ то удержать обидчиковъ и озорниковъ отъ напрасныхъ на купечество нападеній.»

Депутатъ ярославскаго дворянства, князь Михаилъ Щербатовъ, подалъ въ комиссію слѣдующее мнѣніе о способѣ для прекращенія взяточничества: «Великое пространство Россійской имперіи, разныя правительства необходимо нужныя, великое число людей, служащихъ въ военной службѣ и желавшихъ еще и въ гражданской услуги показать, и многіе уже по истощеніи силъ своихъ вступаютъ въ гражданскую службу, яко въ нѣкое упокоеніе, и тѣ должности и чины, яко въ награжденіе за ихъ прежнія службы, имъ давались съ надеждой, что въ сей новой должности новое усердіе къ отечеству потщатся показать. Но по великому числу таковыхъ раздаваемыхъ мѣстъ не всегда обрѣтались право разумѣющіе законы и ихъ приложеніе, да и впредь сумнительно, чтобъ великое изобиліе въ таковыхъ могло быть, чтобы, имѣя и ясный уже законъ, чрезъ людей изъ дѣтскихъ лѣтъ прилежащихъ къ симъ дѣламъ не могли сбиты и обмануты быть, каковы есть многіе приказные служители; сверхъ того страсти, примѣшиваясь отъ общенія таковыхъ подлыхъ и привыкшихъ къ душевредству и мздоимству людей, принуждаютъ вымышлять способы и затмѣніе самой истины, такъ что, мало-по-малу, впадая въ преступленія, воеводы утѣсняють народъ, находя себѣ защитниковъ, не скоро наказаны бывають, а пороки, продолжая путь свой, яко ядовитая болѣзнь, болѣе нравы заражаютъ. И для предупрежденія такихъ слѣдствій не соблаговолено ль будетъ, чтобъ при воеводѣ были выбраны отъ уѣзду два или три депутата въ собраніи дворянства и опредѣлены безъ жалованья для засѣданія съ нимъ вмѣстѣ. Воевода, яко начальникъ, имѣлъ бы особливо на себя положенную должность по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, яко сборамъ и прочимъ, по которымъ бы и къ отвѣту явиться долженъ былъ, дворяне же имѣли бы уча-

стіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до земскаго суда (хотя и по государственнымъ должнымъ вѣрнымъ подданныхъ предложеніи воеводъ имъ бы не запрещались).» Тотъ же Щербатовъ предлагалъ «допустить депутатовъ по избранію дворянскому въ сенатъ засѣданіе четырехлѣтнее имѣть».

Коммиссія раздѣлилась на 19 частныхъ комиссій: 1) Дирекціонную, 2) экспедиціонную, 3) о разборѣ наказовъ и проектовъ, 4) о разборѣ родовъ, 5) о правосудіи, 6) о имѣніяхъ, 7) о среднемъ родѣ людей, 8) о благочиніи или полиціи, 9) о городахъ, 10) объ общемъ правѣ, 11) для остереженія противорѣчій между воинскими и гражданскими законами, 12) о размноженіи народа, земледѣлія, домостроительства и проч. 13) объ образѣ сборовъ и образѣ расходовъ, 14) о рудокопаніи, раштении и сбереженіи лѣсовъ и торговли вообще, 15) духовно-гражданскую, 16) объ училищахъ и призрѣніи требующихъ, 17) о почтахъ и гостиницахъ, 18) о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ, 19) объ обязательствахъ.

Въ примѣръ трудовъ частныхъ комиссій приведемъ «Учрежденіе школъ нижнихъ въ городахъ и мѣстечкахъ», составленное въ комиссіи *объ училищахъ*: «Сіи школы поручаются въ главное надзираніе епархіальному архіерею, поелику оныя учреждаются при церквахъ. Учителя при той школѣ быть должны діаконъ или церковникъ, но священникъ всегда той школы долженъ быть начальникомъ, а гдѣ нѣтъ изъ прихожанъ школьнаго попечителя, то и попечителемъ о школьныхъ нуждахъ. Благочиннымъ имѣть надзираніе очевиднымъ свидѣтельствомъ, которое быть должно, по меньшей мѣрѣ, въ два мѣсяца разъ. Тѣ же благочинные репортовать должны каждую треть года съ обстоятельствами успѣховъ школьныхъ свопмъ архіереямъ, и преосвященные имѣють доносить каждый годъ о продолженіи и благосостояніи сихъ школъ св. синоду, градоначальники же главному опекуну земскихъ школъ. Для сихъ школъ св. синоду приложить стараніе, чтобъ сочинены были слѣдующія книги: 1) Азбука церковной и гражданской печати; 2) Краткій катехизисъ, 3) Кратчайшее нравоученіе изъ правилъ естественныхъ; 4) Для утвержденія сего естественнаго нравоученія и св. писанія заставлятъ дѣтей выучивать наизусть книжку новоизданную подъ именемъ «Словеса св. Писанія»; 5) Академія сочинить имѣеть самыя малыя двѣ книжки: первая содержала бѣ въ себѣ четыре части простой ариметики

съ дробями и тройными правилами, а вторая показаніе глобуса земнаго съ четырьмя частями свѣта на особливыхъ картахъ, приложѣ къ нимъ главнѣйшія государства. А въ сей географической книжкѣ назначить столичныя и знатнѣйшія всѣхъ государствъ города. Таковыя книги учителя просмотра, сами для себя легко поймутъ и по возможности своего понятія дѣгамъ объяснять будутъ. Ежели ученики все вышепрописанное окончатъ, тогда давать имъ читать Новый Заветъ, въ гражданскихъ же книгахъ Наказъ Ея Императорскаго Величества къ сочиненію уложенія, также Роленеву древнюю исторію и прочія историческія и благонравныя книги. Всякія тѣлесныя наказанія ученикамъ вовсе запрещаются, а паче не бить по щекамъ, за волосы и за уши не драть. Штрафовать однакожь нерадивыхъ и неприлежныхъ къ ученію, не позволяя имъ садиться во время ученія, или понижая мѣстомъ, или сажая за столъ особливо, или обучать его лишній часъ противъ прочихъ. За обученіе азбуки, часослова, псалтыри и катехизиса отцы давать имѣютъ учителю по рублю, за письмо по полтинѣ, за книжку исторіи (?) и географіи по полтинѣ, за истолкованіе катехизиса и надзираніе священнику по полтинѣ. Сверхъ того оставляется на волю родителей давать и больше. При выпускѣ изъ школы долженъ родитель или въ чьей волѣ ученіе состоитъ, давать въ кружку школьную по рублю; но исключаются изъ того самыя бѣдныя. Которыя по бѣдности не имѣютъ платить чѣмъ учителямъ, за тѣхъ выдавать изъ кружки половинную расплату: но сіе не инако какъ съ согласія общаго, то-есть попечителя, священника, дьякона, дьячка и лучшихъ прихожанъ. Опредѣляется главная свѣтская персона, которая бы въ совѣтъ всегда была (по сему только дѣлу) съ членами синодальными, и что происходитъ, о томъ бы репортъ подносила Ея Императорскому Величеству; оная именоваться будетъ Главный Опекунъ градскихъ школъ. Онъ надзираніе будетъ имѣть, обучаются ли дѣти и съ какимъ успѣхомъ? и нѣтъ ли къ тому помѣшательства отъ самихъ родителей и тѣхъ, въ чьей волѣ дѣти состоятъ, и о всемъ томъ доносить Ея Императорскому Величеству.»

Обыкновенно говорятъ, что и Екатерининская коммиссія, подобно предшествовавшимъ, кончилась ничѣмъ; но мы приведемъ мнѣніе о ней самой Екатерины: «Коммиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей им-

періи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты и военные поѣхали въ армію. Назавъ комиссія ввелъ единство въ правила и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать.»

С. Соловьевъ.

О ЗНАЧЕНІИ

БРЮЛОВА И ИВАНОВА

ВЪ РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ

VI.

Брюловъ вполне признавалъ то школьное раздѣленіе, по которому исторической живописи прежде противопоставали такъ-называемый *жанръ*, и, сообразуясь съ нимъ, произвелъ не мало сочиненій въ этомъ родѣ. Онъ такъ твердо держался границъ, назначенныхъ для этихъ сочиненій, что все сдѣланное имъ въ этомъ родѣ и нельзя теперь назвать ничѣмъ инымъ, какъ *жанрами*; они пменно какая-то привѣска къ *главному* роду произведеній Брюлова, снисхожденіе великаго человѣка къ мелочи, милостивая его шутка, *pendant* къ *легкимъ поэзіямъ* сочинителей прошлаго вѣка, которые считали настоящимъ своимъ назначеніемъ сочинять эпопеи и трагедіи, и иной разъ снисходили до сочиненій *легкихъ*.

Жанры представляютъ у Брюлова содержаніе поверхностное, несерьезное, въ соединеніи съ насмѣшкой и каррикатурой, а часто и съ грубою непристойностію, для которой аллегорическій или миеологическій вымыселъ служитъ предлогомъ, а вмѣстѣ и прозрачною завѣсой. Что касается этого послѣдняго

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

элемента сочиненій Брюлова,—непристойности, часто доходящей до грязнаго,—то нельзя не замѣтить, что онъ всегда былъ во вкусѣ этого художника, наравнѣ съ остротой и карриатурой. Онъ изгнанъ у Брюлова развѣ изъ тѣхъ только сочиненій, гдѣ героичность или идеальность казалась ему рѣшительною къ тому помѣхой; въ остальныхъ произведеніяхъ (не исключая даже портретовъ) нѣкоторая непристойность никогда не казалась ему неумѣстною; онъ считалъ ее милою и граціозною шаловливостію, пріятною приправой. Приводить примѣровъ я здѣсь не буду; каждый самъ легко найдетъ ихъ у Брюлова.

Но, оставляя въ сторонѣ этотъ столько характеристическій для Брюлова элементъ, нельзя довольно надивиться въ *жанрахъ* этого живописца тому легкомыслію, которое играетъ въ нихъ самую главную роль. Во множествѣ Брюловскихъ *жанровъ*, всего болѣе итальянскихъ и турецкихъ сюжетовъ. Выборъ палъ преимущественно на эти два народа, конечно потому только, что яркость, живописность и оригинальность внѣшней формы всего болѣе останавливала на себѣ вниманіе Брюлова. Но что высказалъ онъ въ этихъ картинкахъ? Ужъ конечно всего менѣе народность. У обоихъ народовъ онъ никогда не схватывалъ ея, да кажется и не заботился о ней; для этого у него не было самаго важнаго условія,—той наивности духа, той любви, которая заставляла бы его погрузиться съ полнымъ простосердечіемъ въ тотъ или другой фактъ дѣйствительной жизни.

Возьмите напримѣръ его «Итальянское утро», его «Итальянскій полдень»,—первыя картины, прежде «Помпей» обратившія всеобщее вниманіе нашей публики на Брюлова. Здѣсь представлены двѣ Итальянки: одна умывается у фонтана, другая срываетъ кисть винограда. Что жъ онѣ? Обѣ онѣ совершенно равно лишены характера. Какъ манкенная кукла служить единственно для навѣшиванья костюмовъ, такъ и эти двѣ фигуры сами по себѣ ничего не значать и ничего не выражаютъ. Одна, Богъ знаетъ зачѣмъ, серіозна чуть не до угрюмости, другая (конечно въ противоположность) Богъ знаетъ почему смѣется; обѣ вмѣстѣ, онѣ только предлогъ для того чтобы ловко написать и ловко освѣтить голыя плечи и руки натурщицъ. Такимъ образомъ, голое тѣло, эффектное освѣщеніе, ничтожность дѣйствія—вотъ въ чемъ заключаются обѣ картинки; болѣе ничего въ нихъ нѣтъ. А казалось бы, итальянская на-

родная жизнь могла дать здѣсь гораздо больше и содержанія, и выраженія.

Всѣ прочіе многочисленныя *жанры* Брюлова (масляными красками, акварелью и карандашомъ), послѣдовавшіе за этими двумя первыми, ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ нихъ. Они всѣ столько же поверхностны. Онъ стиралъ со сценъ и формъ народныхъ всѣ особенности, случайности, неправильности, которыя даютъ имъ особенную физиономію и характеръ. У Брюлова есть Италіянки, Турки, люди какого угодно народа, — кромѣ одного русскаго, котораго онъ всю свою жизнь не прѣмѣчалъ по своему *итальянству*. Но всѣ его Турки и Италіянки рисованы не съ натуры, а по правиламъ школы. Тѣло, лица, руки, ноги, весь складъ, все говоритъ о профессорѣ и классѣ. Италіянскіе поселяне, карретьеры, миненте, Альбанезки, пастухи, монахини, аббаты, Турки и Турчанки (между которыми огромное количество одалисокъ — такое же *общее мѣсто*, какъ его рыцари), — всѣ они прошли сквозь гипсовый и натурный классъ. Національнаго тутъ столько же, сколько въ народной пляскѣ у театральнаго танцора.

Что касается до содержанія, то довольно взглянуть на списокъ Брюловскихъ *жанровъ*, чтобъ убѣдиться въ совершенномъ ихъ ничтожествѣ. Посмотрите на ихъ выборъ. Гречанка кормитъ сахаромъ лошадь своего возлюбленнаго; сонъ Турчанки; сонъ Гречанки; прогулка султанскихъ женъ; одалиска на диванѣ; одалиски вокругъ Бахчисарайскаго фонтана; черныи евнухъ надѣваетъ рубашку на нагую одалиску; миненте черезъ балкончикъ цѣлуетъ руку Альбанезки; карретьеръ угощаетъ виномъ, въ одноклѣ, свою возлюбленную; семейство карретьера; сиящіе ладзарони; Италіянка въ лѣсу; прерванное свиданіе; пиоферары; италіянская исповѣдь: какъ все это пахнетъ виньетками! Многія изъ этихъ сочиненій были помѣщены въ альманахахъ 40-хъ годовъ; гравюра на стали (тогда въ большой модѣ) какъ разъ пришлось по Брюловскимъ эффектамъ. Въ тѣхъ альманахахъ настоящее имъ мѣсто.

Для нѣкоторыхъ изъ своихъ *жанровъ* Брюловъ выбираетъ задачи какъ будто не пустыя. Напримѣръ «сонъ бабушки и внучки», «мать просыпающаяся отъ плача ребенка»; «беременная молодая женщина, разсматривающая рубашонку будущаго ребенка, между тѣмъ какъ мужъ сволачиваетъ люльку» и проч.; но всѣ эти сочиненія держатся одною внѣшностію, и дальше ея не идутъ. Сюжеты ихъ должны были бы вызвать чувство

художника; они должны были бы выразить глубокія и прекрасныя психологическія подробности, — и что же? Въмѣсто того, вездѣ представленъ одинъ лишь внѣшній фактъ и внѣшній контрастъ. Все, что должно бы сопровождать эти внѣшніе факты, составлять ихъ душу, ихъ главную сущность,—все выпущено, позабыто. Однимъ словомъ, здѣсь повтореніе того же, что мы видѣли въ историческихъ, религіозныхъ и аллегорическихъ сочиненіяхъ Брюлова.

Всего непріятнѣе поражаютъ между Брюловскими *жанрами* тѣ, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ его вычурный умъ. Здѣсь довольно будетъ двухъ примѣровъ. Въ одной картинкѣ, проснувшійся ребенокъ играетъ цвѣтами положенными въ его гробикъ; во второй, представлены подъ италіанскимъ трельяжемъ старуха, италіанская поселанка, и дочь ея, молодая женщина, въ полулежачемъ положеніи, заставляющая танцовать на своихъ колѣнахъ маленькаго сына. Картинка названа «Четыре возраста». Но здѣсь только три; гдѣ же четвертый? Въ отвѣтъ на это, Брюловъ указывалъ на то, чего при первомъ взглядѣ не замѣчалъ зритель: молодая женщина беременна,—и вотъ гдѣ подразумевается четвертая эпоха жизни! Здѣсь обозначился необыкновенно ярко складъ ума Брюлова; мотивы обѣихъ картинокъ обрисовываютъ самого художника, у котораго искусство становится на второй планъ, уступая главное мѣсто блестящѣму остроумію, эффекту, контрасту. Въ обѣихъ задачахъ не поэтическое воодушевленіе было въ основѣ, а, какъ въ аллегоріяхъ, одно холодное умничаніе. У Брюлова было одно только намѣреніе: добыть изъ сюжета эффектную остроту, затѣйливую пріятность. Лица, которыя онъ изображалъ, были ему не задачей, а только средствомъ.

Итакъ, въ *жанрахъ* своихъ Брюловъ вездѣ остановился на полдорогѣ: они не осуществляютъ живой природы въ ея дѣйствительной правдѣ, а передѣлываютъ ее по своему, и нигдѣ не добираются до ея внутренней поэзіи; далѣе, они служатъ ему на то, чтобы воплотить, въ какой бы то ни было формѣ, настроеніе, свойственное вовсе не сюжетамъ, а только ему самому. Предостереженія Общества поощренія художниковъ, при отправленіи его за границу, пошли въ прокъ. Брюловъ никогда не разставался съ мыслию, что задачи изъ вседневной жизни имѣютъ мало значенія въ искусствѣ. Онъ весь вѣкъ продолжалъ думать, что онъ

не требуютъ высшихъ силъ искусства, и что на нихъ довольно употреблять «свободное отъ другихъ, болѣе важныхъ занятій время.» Это и отозвалось вездѣ. Въ *жанрахъ* своихъ Брюловъ доказалъ, что у него не было ни уваженія, ни любви къ живой дѣйствительности, ни пониманія ея: онъ понималъ и чувствовалъ однѣ внѣшнія формы.

VII.

Портреты—самый многочисленный отдѣлъ между произведеніями Брюлова. Они же, безъ сомнѣнія, и самый важный.

Здѣсь, наконецъ, мы касаемся того пункта, гдѣ талантъ Брюлова является въ полномъ блескѣ и силѣ, гдѣ нѣтъ уже болѣе ничего, что бы обезображивало и затемняло его, гдѣ все соекупляется для того чтобъ дать ему просіять со всѣхъ сторонъ. Брюловъ былъ превосходный рисовальщикъ и колористъ. Колорить его, правда, прежде всего стремился къ необычному эффекту, представлялъ часто преувеличеніе, неразборчивую рѣзкость, и никогда не могъ приблизиться къ красотѣ, истинѣ и гармоніи Тиціана или жизненной энергій Рубенса; однако заключалъ въ себѣ и много правды, а главное — жизни, сочности и силы. Что же касается дѣлкіи и рельефности у Брюлова, онъ всегда составляли предметъ всеобщаго изумленія своимъ необыкновеннымъ совершенствомъ. Всѣ эти разнородныя мастерства, соединившись вмѣстѣ, составляли въ рукѣ Брюлова великое художественное могущество. Передача натуры въ ея разнообразіи, и характеровъ во всей ихъ истинѣ, была также возможна ему здѣсь: препятствія, поставленныя ему въ другихъ произведеніяхъ самымъ свойствомъ его дарованія, здѣсь уже не существовали. Концепція его, всегда фальшивая, капризная, своевольная, часто ложная, была уже тутъ не у мѣста; она была не нужна; нуженъ былъ одинъ взглядъ таланта, глубоко постигающаго данную природу, и мастерская рука художника, умѣющая передавать ее со всею ея жизнію. Все это было у Брюлова; оттого его портреты—рядъ совершенствъ.

Между ними есть, правда, нѣсколько такихъ, изъ которыхъ хотѣлось ему сдѣлать «историческія картины»; но это только исключеніе. Здѣсь онъ опять промахнулся, точно

также какъ вездѣ, гдѣ долженъ былъ создавать, сочинять, и портреты этого рода въ свою очередь доказали, что даръ сочиненія всегда составлялъ слабѣйшую сторону таланта Брюлова и обезображивалъ или заслонялъ лучшія его достоинства. Историческіе портреты Брюлова всѣ содержатъ въ себѣ что-то натянутае, ложное, придуманное; они непріятно поражаютъ зрителя своею искусственностію и аффектаціей. Скажемъ о нихъ напередъ.

Для того чтобы навязать тому или другому лицу характеръ и значеніе нужныя по его мнѣнію для «исторической» картины, чтобы сдѣлать изъ портрета во что бы то ни стало сцену, Брюловъ придумывалъ иногда костюмы или дѣйствіе вовсе не взятые съ натуры, а напротивъ чуждые дѣйствительной жизни и привычкамъ представляемаго лица. Основаніемъ служилъ тутъ одинъ деспотическій капризъ Брюлова.

Такъ наиримѣръ, онъ вздумалъ написать А. Н. Демидова въ древне-боярскомъ костюмѣ, несущимся верхомъ по сибирскимъ лѣсамъ; князя Оболенскаго—тоже русскимъ бояриномъ посреди развѣшанныхъ щитовъ и мечей; живописца Яненко — рыцаремъ; одну натурщицу — Турчанкой; Джулію Титтони—Жанной д'Аркъ въ латахъ и держащую коня подъ уздцы; молодаго нѣмецкаго художника въ Римѣ — рыцаремъ и т. д. Что за маскарадъ всѣ эти портреты! Сразу видно, что все дѣло состоитъ тутъ не въ дѣйствительной типичности представляемыхъ лицъ, не въ дѣйствительной пригодности ихъ фязіономіи или фигуры для изображенія боярина, рыцаря, Турчанки и т. д., а только въ безпокойствѣ воображенія, которое не любитъ простоты и натуральности, и которому даже въ портретахъ хочется создать что-нибудь вычурное. А потомъ опять страсть къ аллегоріямъ. Нельзя сомнѣваться, что во многихъ «историческихъ портретахъ» у Брюлова таятся аллегоріи. Ихъ можно всегда ожидать отъ Брюлова; ему вѣчно казалось, что аллегорія помогаетъ уразумѣнію натуры, возвышаетъ внутреннее значеніе, характеристику. Тому есть даже фактическія доказательства.

Весь фонъ въ большомъ портретѣ графини Самойловой представляетъ маскарадъ; но это не простой маскарадъ, а по разказамъ самого Брюлова — аллегорическій «маскарадъ жизни». Каждое лицо имѣетъ здѣсь свое особенное, таинственное значеніе, представляетъ особенный

намекъ. Тутъ есть и переряженный султанъ, тутъ есть и услужливый Меркурій, съ хитрою ужимкой показывающій султану молодую красавицу, для которой между тѣмъ, за дверями залы, стоитъ готовый великолѣпный жеребецъ; тутъ же и множество другихъ аллегорій, относящихся до главнаго дѣйствующаго лица. Сама героиня сняла съ себя маску, и смѣло вокругъ себя смотритъ: въ этомъ тоже особенный аллегорическій смыслъ. Такова уже вся картина. Аллегорическія намѣренія для другихъ портретовъ Брюлова извѣстны изъ его собственныхъ разказовъ: такъ напримѣръ, Пушкина онъ хотѣлъ представить съ лирой въ рукахъ, на скалѣ Кавказскихъ горъ (см. *Москвит.*, 1852, № 16; статья г. Рамазанова), пѣвицу Петрову — друидой, играющею на семи-струнной арфѣ; звуки, издаваемые ею, должны были изобразиться въ видѣ лучей, выходящихъ изъ арфы; въ каждомъ лучѣ отдѣльная картина чувствъ и страстей, порождаемыхъ или уничтожаемыхъ отдѣльными звуками (*Отеч. Зап.* 1855, т. СІІІ, статья г. Мокрицкаго, стр. 164).

Еслибы не самъ Брюловъ объяснилъ свои аллегорическія затѣи въ портретахъ, конечно никто и не догадался бы о нихъ, — лучшее доказательство ихъ ненужности. Но до этого Брюлову не было дѣла. Онъ былъ слишкомъ избалованъ, слишкомъ воспитанъ въ увѣренности, что непременно найдутъ вѣрнымъ, прекраснымъ и гениальнымъ все, что ни придетъ ему въ голову. Понятно, что при такой увѣренности, не могло быть ни охоты, ни надобности строго обсуживать свою капризную мысль, свою прихотливую фантазію.

Если Брюлову была ни по чемъ «историческая» маскарадность, то легко представить себѣ, какъ мало онъ долженъ былъ церемониться съ дѣйствительнымъ, всегдашнимъ костюмомъ и привычками тѣхъ людей, чьи портреты дѣлалъ, когда капризное воображеніе диктовало ему какое-нибудь причудливое переряживанье или затѣю. Мысль, случайно забредшая ему въ голову, какое-нибудь техническое соображеніе, казались ему тогда гораздо важнѣе, чѣмъ дѣйствительность, и онъ переиначивалъ всѣ подробности по своему. Такъ напримѣръ ему пришло въ голову представить двухъ дѣвицъ-невѣстъ (г-жъ Шишмаревыхъ) собирающимися ѣхать верхомъ и сходящими съ лѣстницы, къ которой имъ подводятъ статныхъ жеребцовъ. Ему никакого дѣла не было до

того, что эти дамы никогда не ѣзжали верхомъ и никогда не носили амазонокъ; что поэтому изображать ихъ въ такомъ костюмѣ значило представлять не ихъ, а выдуманныя лица. Брюловъ нашелъ, что имъ нельзя явиться у него въ картинѣ иначе, какъ съ костюмомъ и обстановкой, которые онъ назначилъ, и для того чтобъ имѣть свои портреты писанные рукою великаго Брюлова, онѣ должны были переряживаться по его волѣ. Въ другой разъ, ему пришло въ голову представить семейство, съ котораго хотѣлъ дѣлать портреты,—въ лодкѣ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ весломъ. Тутъ можетъ-быть опять кроются какія-нибудь аллегоріи; кто знаетъ, рѣчка, по которой они плывутъ, изображаетъ можетъ-быть потокъ жизни, а онъ самъ—кормчаго «утлой» аллегорической ладьи, несущейся по тому потоку. По крайней мѣрѣ бальный костюмъ, сентиментальный вѣнокъ, украшающій главное лицо, все это какъ-то противорѣчитъ дѣйствительной, *не аллегорической* поѣздкѣ въ лодкѣ. Во всякомъ случаѣ, персонажи картины никакъ не переданы такими, какими были въ ежедневной, настоящей своей жизни. Въ другой разъ (это было въ послѣднее время пребыванія въ Римѣ, не задолго до смерти), Брюловъ вздумалъ написать своего друга, римскаго археолога Ланци, въ красномъ халатѣ; но такого костюма тотъ никогда не носилъ, и Брюловъ превратилъ его на портретѣ въ какого-то кардинала. Но это ему было все равно: ему показалось, что такъ будетъ лучше, для колорита, для пятна, и портретъ долженъ былъ покориться его затѣѣ. Во многихъ другихъ портретахъ, Брюловъ давалъ въ руки дамамъ, которыхъ писалъ, опахало изъ павлиньихъ или страусовыхъ перьевъ, какую-нибудь оріентальную игрушку, какую-нибудь затѣйливую или яркую вещь, все что ему казалось на ту минуту живописнѣе,—набрасывалъ на ихъ плеча что-нибудь такое, чего они никогда не носили, дѣлалъ у нихъ въ фонѣ какія-нибудь небывалыя драпировки или античныя вазы. Наконецъ, даже въ удивительномъ, мастерскомъ портретѣ, который набросалъ онъ съ самого себя (послѣ тяжелой болѣзни) въ нѣсколько часовъ, не представилъ ли онъ и себя какимъ-то фламандскимъ художникомъ XVII вѣка, чѣмъ-то такимъ, чѣмъ онъ никогда не бывалъ въ дѣйствительной жизни? При взглядѣ на фантастическій костюмъ, который и этотъ портретъ превращаетъ въ маскарадъ, съ удивленіемъ спрашиваешь: какъ Брюлову могло захотѣться передать и себя именно не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ? Чтò за высокомерное презрѣніе къ дѣйствительности,

что за удивительная потребность по своему переименовывать и выправлять существующее! Не отзывается ли все это давно уже всеми осмѣянною привычкою прошлаго вѣка представлять каждаго генерала Сципіономъ или Аннибаломъ, или по крайней мѣрѣ героемъ въ латахъ и съ битвою въ фонѣ; каждаго законника—со статуей или бюстомъ Фемиды подлѣ него; каждую женщину—Венерой или Юноной? Далеко ли ушла Брюловская манера отъ старинной маніи? Формы другія, а ложная основа точь-въ-точь та же. Но не странно ли, что русская публика могла позволять ему дѣлать изъ своихъ портретовъ все, что ни приходило ему въ голову? Ясно, что онъ обращался здѣсь съ живыми личностями такъ, какъ будто онѣ были вымышленныя лица его картинъ, для которыхъ натурщикъ долженъ, въ изобрѣтенной имъ позѣ и собранномъ съ разныхъ сторонъ костюмѣ, стоять какъ велитъ живописецъ. Удивительное рабство!

Однако, всѣ приведенные портреты—только исключенія у Брюлова, и, по счастью, ихъ немного. Перереживанье простиралось единственно на «историческіе» портреты и лишь на немногіе изъ «не-историческихъ». Всѣ остальные портреты у Брюлова,—а ихъ такъ много,—именно всего болѣе поражаютъ простотою, безыскусственностью общаго, чрезвычайною близостію къ жизни и привычкамъ представляемыхъ лицъ, правдивымъ постиженіемъ характеровъ, и, прежде всего, необыкновеннымъ мастерствомъ передачи ихъ, безъ всякихъ придуманныхъ эффектовъ. Въ этихъ портретахъ каждый человекъ изображенъ такъ просто, такъ естественно; все самое существенное, самое важное въ его характерѣ, умѣ, душѣ, схвачено такъ глубоко и живо, что точно видишь передъ собою того человека, котораго изображаетъ портретъ. Вся его натура передъ вами; въ картинѣ выражено разомъ множество сторонъ духа, которыя раскрывались передъ наблюдающимъ умомъ художника не въ одну встрѣчу, а во много разныхъ встрѣчъ; оттого, чѣмъ больше всматриваешься въ брюловскій портретъ, тѣмъ больше въ немъ открываешь все-сторонней правды и глубины. Разнообразіе портретовъ у Брюлова изумительно: какъ бывало всегда у великихъ портретистовъ, что ни портретъ, то новый мотивъ; самый простой, самый естественный и вмѣстѣ самый выразительный для натуры изображаемаго лица. Кажется, самый характеръ человека, свойства его натуры, всѣ вмѣстѣ сло-

жившіяся, диктовали Брюлову какую форму, какую позу, какое движеніе дать тому, кто долженъ появиться въ портретѣ, и именно оттого, въ свою очередь, поза, движенія, общая форма, являются въ картинѣ дѣйствительно только для того, чтобы напечатлѣть въ умѣ самое мѣткое, вѣрное и правдивое представленіе. Вспомнимъ все, что составляетъ красоту, силу и мастерство Брюловской живописи: чрезвычайную привлекательность общаго, необыкновенную сочность красокъ, свѣтъ, блескъ, выпуклость тѣла, правду подмѣченныхъ тонкихъ тоновъ; все это совокуплялось въ одно поразительное и блестящее цѣлое, дышащее жизнью и истиной. Стоить, между множествомъ удивительныхъ Брюловскихъ портретовъ взглянуть на портретъ князя А. Н. Голицына; на подмалевку портрета Крылова, на портретъ старушки Титтони (самъ Брюловъ называлъ его «удавшимся»), на портретъ сына ея Анджело Титтони, наконецъ на портретъ самого Брюлова, этотъ удивительный портретъ, который чуть не вся наша академія упрашивала его никогда не кончать и оставить такимъ, какимъ онъ вышелъ въ 2—3 часа, экспромптомъ, изъ-подъ его горячей кисти;—стоитъ даже увидеть хотя одинъ изъ нихъ, чтобы убѣдиться, что портреты были истиннымъ призваніемъ Брюлова, что въ нихъ высказалось все лучшее, къ чему только онъ былъ способенъ, и что онъ принадлежалъ къ числу такихъ портретистовъ, какихъ до сихъ поръ было не много на свѣтѣ.

VIII.

Теперь взглянемъ на отношеніе Брюлова къ другимъ художникамъ. Нельзя удержаться отъ сравненія; оно само напрашивается. При великой славѣ картинъ Брюлова, при обожаніи, которымъ окружены были всѣ его созданія, въ продолженіи цѣлой четверти столѣтія, не легко согласиться, что Брюловъ былъ лишенъ истиннаго дара сочиненія, что всѣ его картины, историческія, религіозныя и т. д., не что иное какъ огромныя ошибки противъ искусства. Всякій скажетъ: положимъ, что Брюловъ дѣйствительно нигдѣ не удовлетворилъ требованіямъ своихъ задачъ, положимъ, что ни одна картина его на историческій сюжетъ не заключаетъ въ себѣ ничего историческаго, и ни одна его картина на религіозный сюжетъ

нисколько не отвѣчаетъ тому, чего мы спрашиваемъ отъ такой картины, — но кто изъ живописцевъ выполнилъ всѣ эти требованія? Полной правды, исторической и религіозной, нѣтъ нигдѣ, ни у кого, во всей исторіи живописи отъ одного конца до другаго, по самое наше время. Италіанскія мадонны, изображенія Христа, апостолы, святые Рафаэля, Леонардо Винчи, фра-Беато и фра-Бартоломео также не сходятся съ своею историческою задачею, какъ фламандскія мадонны Рубенса, нѣмецкія Альбрехта Дюрера или Гольбейна. Сцены изъ римской, греческой, еврейской, италіанской, нѣмецкой исторіи ничуть не изобразили исторіи, и представили только типы условные, часто принадлежащіе однимъ обычаямъ школы, или же прямо скопированные съ живой природы, окружавшей живописца. Какъ мало дѣйствительной исторіи во всѣхъ «переходахъ черезъ Черное море», «Фараонахъ», «Давидахъ», «Судахъ Соломона», «Иосифахъ», «Избіеніяхъ младенцевъ», «Битвахъ Константина», «Аттилахъ», во всѣхъ сценахъ изъ исторіи императоровъ и папъ, среднихъ вѣковъ и новаго времени, которые созданы у всѣхъ европейскихъ народовъ, хотя бы рукою самыхъ великихъ талантовъ! Неужели изъ-за этого надо признать ничтожною или негодною всю живопись, отказаться отъ всего великаго и прекраснаго, чтò въ ней до сихъ поръ сдѣлано, хотя бъ и съ совершеннымъ отсутствіемъ исторической правды?

Многое можно отвѣчать на это. Главная ошибка въ приведенныхъ соображеніяхъ та, что сравниваются предметы, которые сравнивать вовсе не приходится. У каждой исторической эпохи свои убѣжденія, вѣрованія, значить свои особенныя задачи, потребности и силы. Можно сравнивать разныя эпохи, можно сравнивать точно также и дѣятелей изъ этихъ эпохъ, когда каждый изъ нихъ дѣйствительно принадлежалъ своему времени, и воплощалъ въ себя его понятія, вѣрованія; но совершенно неправильно сравнивать двухъ людей, изъ которыхъ одинъ—человѣкъ болѣе ранней эпохи—стоитъ наравнѣ съ нею, проникнуть ея убѣжденіями и понятіями, выражаетъ въ своихъ произведеніяхъ эти понятія и убѣжденія со всею любовію и искренностію, къ какой только способенъ, а другой—человѣкъ позднѣйшей эпохи, не вѣрующій серьезно ни въ одну задачу своего искусства, готовый надъ каждою посмѣяться, не способный возвыситься до горизонта своего вѣка. Ни талантовъ, ни произведеній всесовершенныхъ, не бываетъ. Каждый вѣкъ имѣетъ

свою массу заблуждений и ложныхъ понятій, и то, что создаютъ художники, по необходимости носить на себѣ печать этихъ заблуждений и ложныхъ понятій. Но отъ этихъ недостатковъ времени, художественное произведеніе не станетъ ничтожнымъ или лишнимъ, не будетъ ошибкой исторіи, если только въ немъ, вмѣстѣ съ недостатками, высказалось со всею горячію и искренностію то, что способенъ былъ думать, понимать и чувствовать вѣкъ, которому оно принадлежитъ. Въ искренности и правдивости настроенія заключаются такія силы, которыя ставятъ художественное произведеніе выше недостатковъ, гдѣ виновато время, а не художникъ. Начнемъ съ произведеній религиозныхъ.

Что нужды, если всѣ произведенія Рафаэля носятъ на себѣ самый рѣшительный отпечатокъ эпохи возрожденія, въ которую онъ жилъ, со всѣми ея недостатками, если созданные имъ типы представляютъ только сліяніе формъ римской античности съ формами италіанской національности, окружавшей Рафаэля, если и чудесный Саваоѣвъ его «Видѣніе Іезекіиля», по формѣ своей, есть только воспроизведеніе Юпитера; если рафаэлевскіе апостолы—на половину древнія статуи, перенесенныя въ живопись XVI вѣка, если его мадонны только соединеніе Форнарины съ антикомъ, а сцены Ветхаго и Новаго Завета, древней и новой исторіи, переносятъ насъ въ Италію и мастерскую Рафаэля, и никогда въ Палестину, Грецію, древній Римъ и новую Европу; что нужды, если грандіозныя микель-анджеловы сцены изъ Ветхаго Завета, его пророки и сивиллы, съ своими причудливыми, насильственно-искаженными позами, съ своими небывалыми костюмами, выразили вовсе не тѣхъ, чьи имена носятъ, а одну фантазію Микель-Анджело. Что нужды, если Еврейки и Римлянки Рубенса являются лишь Фламандками XVII вѣка въ атласныхъ и бархатныхъ платьяхъ, если во всемъ, что создалъ Альбрехтъ Дюреръ, видишь только средневѣковую Германію и ея Нѣмцевъ, — что нужды, если у этихъ и другихъ великихъ художниковъ столько фальшиваго и искаженнаго,—когда въ этихъ же самыхъ картинахъ выразилась глубина и правда душевная, богатство великаго содержанія, наконецъ такая истина въ мотивахъ, какая возможна лишь немногимъ? Нельзя, конечно, не пожалѣть, что произведенія, заключающія въ себѣ лучшее, драгоцѣннѣйшее, что можетъ создать человѣческій духъ, должны нести бремя

разныхъ несовершенствъ и неточностей, но если уже таковъ былъ ходъ исторіи искусства, что ни одно произведеніе не могло убраться отъ недостатковъ болѣе или менѣе существенныхъ, то остается только покориться неизбежному историческому прошедшему. Можно забыть и смѣсь античнаго съ италіанскимъ у Рафаэля, и фламандскую тѣлесность Рубенса, и нѣмецкую вульгарность Альбрехта Дюрера, когда изъ картинъ ихъ говоритъ намъ святое глубокое чувство, экстазъ, созерцаніе, величіе мысли, жизнь, страсть, энергія, вдохновеніе, сила, красота могущественнѣйшихъ порывовъ души.

А у Брюлова?

У него мы не найдемъ выраженія ни одного изъ тѣхъ явленій внутренняго міра, которыя даютъ такую высокую цѣну художественному произведенію. Его религіозныя картины вовсе лишены содержанія, и повторяютъ только академическія формы академикомъ-электикомъ; въ нихъ тщетно было бы искать глубины духа, таинствъ и восторговъ душевныхъ. Ихъ можно сравнивать только съ картинами италіанскихъ электикомъ, учителей и путеводителей Брюлова: отсутствіе содержанія и притворность религіознаго настроенія совершенно одинаковы въ тѣхъ и другихъ. У нихъ ничего нѣтъ общаго съ созданіями великихъ мастеровъ. Въ историческихъ картинахъ, у Брюлова есть свое собственное настроеніе, но—что за настроеніе! Самое грубое матеріальное, самое ограниченное и бѣдное, изъ котораго могло выйти только изображеніе судорожной тревоги, хаоса, безпорядка, гибели, посреди которой является передъ вами одно чувство эгоизма, страха, испуга, отчаянія. Только эти чувства Брюловъ желалъ и могъ изображать. Страстность, огонь, кипучесть его природы, превознесенные всѣми его біографами или поклонниками, не дали въ его картинахъ другихъ результатовъ, кромѣ этихъ; ни на что другое не хватило его.

Какія любимыя задачи Брюлова? Тѣ, гдѣ главную роль играли гибель и уничтоженіе. Всеобщую гибель изобразила его первая историческая картина, «Помпея»: представленіемъ всеобщей гибели была занята и послѣдняя: *Tempo Destruttore*. Идея гибели и тревоги царствуетъ и во всѣхъ остальныхъ сочиненіяхъ Брюлова; безъ молній, пожаровъ, рукопашныхъ свалокъ, рѣзни, грабежа, всяческаго волненія и судорожной напряженности,

картина казалась ему мало интересною, слабою; только въ этихъ сценахъ, по его мнѣнію, могла выразиться великость сюжета и великость живописца. Брюловъ во многомъ похожъ на французскихъ романистовъ тридцатыхъ годовъ: его *Помпея* сродни и *Notre-Dame de Paris* Виктора Гюго, и *Финелль* Обера; его *Осада Пскова* сродни историческимъ романамъ Дюма. Вкусъ у него былъ такой же безобразный, такой же испорченный, какъ у тогдашней французской литературы. Но въ картинахъ Брюлова является такая смѣсь противоположныхъ элементовъ, какой нѣтъ въ произведеніяхъ французскихъ романтиковъ: соединеніе блестящей техники, воспитанной на великихъ образцахъ искусства, съ уродливѣйшимъ мелодрама-тизмомъ. Соединеніе это чудовищно: классическія формы искусства достойны были конечно лучшей участи чѣмъ служить для воплощенія безобразныхъ мелодраматическихъ затѣй! Брюловъ, повидимому, хорошо понималъ значеніе романтической французской школы: когда Общество Поощренія Художниковъ предостерегало его отъ направленія этой школы, онъ отвѣчалъ, что за него бояться нечего, что «одно внимательное разсмотрѣніе произведеній италіанской школы уже достаточно, чтобъ предохранить отъ сего временнаго повѣтрія.» (Письмо № 12.) Но на дѣлѣ вышло иначе: онъ самъ сдѣлался романтикомъ, если не вполне, то по крайней мѣрѣ добрую половину всего своего существа и таланта. Не могъ онъ предохранить себя отъ этого вліянія, когда въ немъ самомъ жили элементы родственные новому французскому направленію, и потому онъ говорилъ (можетъ-быть даже и искренно) одно, а на дѣлѣ у него выходило другое.

Быть-можетъ, въ оправданіе аллегорій у Брюлова, укажутъ на многочисленныя аллегоріи въ картинахъ многихъ великихъ художниковъ. Самый поразительный примѣръ былъ бы конечно Рубенсъ. Сколькими аллегоріями, дѣйствительно, наполнены лучшія его созданія! Гдѣ ихъ нѣтъ у Рубенса? Но чтѣ же изъ этого выходитъ? Если аллегорія есть родъ фальшивый, негодный для искусства, неужели можно находить ее прекрасною и позволительною у Рубенса, и осуждать ее у Брюлова? Нѣтъ, нельзя. Но дѣло вотъ въ чемъ. Огромная разница между аллегоріями Рубенса и Брюлова. Рубенсу аллегорія не служила на то, чтобъ играть въ остроуміе, чтобы стараться поразить зрителя хитро-прилаженными выдумками и соображеніями, тонкими намеками и

вычурными сплетениями. Аллегорія была необходимымъ костюмомъ того времени, навязаннымъ тогдашнею школою и образованностью. Аллегорія до того въѣлась въ тогдашній складъ ума, въ тогдашній образъ мыслей, что безъ нея невозможно было обходиться. Она составляла чуть-чуть не върваніе. Отъ того-то всѣ аллегорическія существа у Рубенса и художниковъ одной съ нимъ эпохи и представлены такъ наивно, такъ простосердечно, съ такимъ отсутствіемъ задней мысли! Эти художники приступаютъ къ аллегоріи съ такою же любовью, какъ къ дѣйствительнымъ живымъ лицамъ своихъ картинъ. Изображаютъ ли они *Раздоръ*, или *Воину*, или *Правду*, *Истину*, *Мудрость* и т. д.,—все это для нихъ такія же близкія живыя существа, какъ короли, святые, монахи, войны, народъ, въ ихъ сочиненіяхъ. Когда глядишь на картины Рубенса, кажется, будто онъ въ самомъ дѣлѣ върилъ, что Минерва и Грація воспитывали его Марію Медичи, что Сирены носились по волнамъ вокругъ корабля ея, что Венера удерживала Марса, занесшаго мечъ для войны и предшествуемаго кровавыми факелами раздора. Рубенсъ и его современники переносились въ аллегоріи, созданныя ихъ фантазіей, съ такою же страстью и върою, какъ талантливый актеръ въ роль, при выполненіи которой и самъ онъ живетъ, страдаетъ или блаженствуетъ всѣмъ существомъ своимъ. У Брюлова совсѣмъ не то: у него аллегоріи изобрѣтены холоднымъ умомъ. Разчитывающими пальцами вынимаетъ онъ изъ памяти, какъ изъ запасной кладовой, свои миеологически-аллегорическія фигуры и разставляетъ по мѣстамъ. Ему нѣтъ до нихъ никакого дѣла, онъ въ нихъ не въруетъ ни головой, ни чувствомъ, онъ самъ всегда готовъ надъ ними позабавиться, онъ ему нужны только за тѣмъ, что съ ними лучше, эффектнѣе, рѣче обозначатся соображенія его остроумія, или ловчѣе прикроются маленькія непристойности его фантазіи. Оттого-то, сколько аллегорическія существа прежнихъ великихъ живописцевъ, и всего болѣе Рубенса, исполнены правды и жизни, даромъ что родъ ихъ ложенъ и пустъ; столько же Брюловскія холодны, притворны, косятся и пятятся отъ своего сюжета, не будучи связаны съ нимъ никакою искреннею связью. Для аллегоріи время давно прошло; не Брюлову было заставить насъ полюбить ее снова, сдѣлать ее симпатичною для нашего ума или чувства, не Брюлову было заставить насъ найти ее даже сносною; онъ приступаетъ къ ней съ равнодушными требо-

ваніями презрительнаго деспотизма, а не съ горячимъ вдохновеніемъ любящаго художника.

Эта же самая причина дѣлаетъ невозможнымъ сравненіе Брюловскихъ жанровъ съ старыми (голландскими) или нынѣшними картинками изъ вседневной жизни. Какъ такъ? спросятъ нѣкоторые: какаѣ же различія между Брюловскими сценами изъ народной жизни и тѣми? Но неужели нѣтъ различія между его минентами, карретьерами, монахами, пифферами, ладзаронами, Альбанезками, одалисками, евнухами, турецкими и иными нищими, музыкантами,—и этими Голландцами и Голландками на рынкѣ, въ кухнѣ, въ кабачкѣ, въ домѣ, у окна, на улицѣ, стряпающими, курящими, пьющими, пляшущими, поющими, дерущимися, цѣлующимися,—или еще мужичками, чиновниками, бабами, Охтянками, помѣщиками, Трастeverинцами и Трастeverинками, крестьянами и мѣщанами городовъ и деревень изъ всѣхъ краевъ Италиі, Швейцаріи, Англіи, Франціи, въ изображеніи которыхъ новѣйшее искусство показало столько мастерства и поэзіи? Кажется, различія неизмѣримая. Прежняго Голландца, писавшаго свою маленькую картинку, картинка эта наполняла всего; онъ душой и тѣломъ принадлежалъ изображаемому имъ маленькому міру, одъ любилъ его, не смотря на его мелочь или карриатуру, и потому весь отдавался созерцанію этой жизни, грубой и матеріальной, но полной теплоты, наивности и сердечной простоты. Въ каждой изъ этихъ картинъ нарисовалось по уголку Голландіи, вѣрному до послѣдней черты своему вѣку, народу, природѣ; каждая изъ нихъ заключала въ себѣ часть души своего автора; наконецъ, какъ живописцу, писавшему эту картинку, такъ и народу, для котораго она писалась, картинка эта была столько же важна и серіозна, какъ любой героической сюжетъ большихъ идеальныхъ картинъ.

Въ наше время искусство, съ неменьшею страстью чѣмъ прежнее Голландцы, обратилось къ народнымъ сценамъ: оно нашло здѣсь наконецъ отдыхъ отъ прежней классичности, изъ которой давно выѣсло и которой насильственный гнетъ былъ уже слишкомъ тягостенъ. Дѣло началось попытками, гдѣ костюмъ и внѣшность играли почти главную роль, гдѣ все взятое съ натуры на половину мѣшалось съ условными формами, позами и разстановкой (это мы встрѣчаемъ въ картинахъ Леопольда Робера); но правда и вѣрность натурѣ все болѣе и болѣе брали верхъ, и наконецъ въ этихъ картинахъ стала вы-

сказываться вся поэзія и творчество, къ которому способенъ нашъ вѣкъ. Брюловъ слѣдовалъ общей модѣ, общему настроенію, но онъ не понималъ, что и въ нынѣшнихъ картинкахъ, какъ въ старыхъ голландскихъ, раскрывается великая идея. И въ старыхъ и въ новыхъ картинкахъ на сюжеты народной вседневной жизни, онъ видѣлъ только одно назначеніе: не стѣсняться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ стѣняется «важная историческая живопись». Потому что брюловскія сочиненія въ этомъ родѣ столько же далеки отъ великихъ созданій прежняго, какъ и новаго искусства. Брюловскіе жанры — царство пустяковъ и всего поверхностнаго.

Итакъ, въ чемъ главное отличіе Брюлова отъ живописцевъ имѣвшихъ повидимому много общаго съ нимъ? И почему тѣ же самые недостатки у другихъ извинительны, а у него — нѣтъ? Разгадка вся въ одномъ словѣ: онъ не принадлежалъ никакой народности, никакому направленію, никакой мысли, никакому стремленію своего времени. По искусству, онъ нынѣшній; по содержанію, по понятіямъ, по чувству, онъ намъ чуждый, онъ Италіянецъ и Французъ прошлаго вѣка.

IX.

Обратимся теперь къ послѣдному вопросу. Имѣлъ ли Брюловъ вліяніе на наше общество и искусство, или нѣтъ? Имѣлъ, въ томъ нельзя сомнѣваться, имѣлъ — и огромное. Но какое, — полезное или вредное? Выиграло или потеряло отъ него наше искусство?

По моему мнѣнію, вліяніе Брюлова было вмѣстѣ и полезное, и вредное; но безъ сравненія больше первое чѣмъ послѣднее.

Польза, принесенная Брюловымъ, была необыкновенно велика. Онъ положилъ конецъ мертвенности, деревянности и холоду прежней школы; онъ приучилъ нашего зрителя, столько же какъ и нашего художника, непременно требовать отъ картины природы, представленія каждаго предмета живымъ, выпуклымъ, выходящимъ изъ полотна, такимъ, чтобъ онъ казался настоящею дѣйствительностію. Сколько великихъ произведеній изучали уже и въ Петербургѣ всѣ поколѣнія нашихъ художниковъ, во время своихъ учебныхъ годовъ; сколько лѣтъ потомъ проводили они въ чужихъ краяхъ, гдѣ передъ глазами

у нихъ были безчисленные примѣры самаго разнообразнаго и самаго совершеннаго искусства—ничто не помогало! Русское искусство оставалось все въ одной и той же колеѣ неправды и безжизненности. Нужно было, чтобъ явился въ нашей собственной средѣ художникъ, который вдругъ перешагнулъ бы черезъ загородки ледяной апатіи и привычки, и дохнулъ бы свѣжею жизнью.

Такимъ художникомъ и явился Брюловъ.

Онъ такъ соотвѣтствовалъ тогдашнимъ первоначальнымъ надобностямъ еще не жившаго русскаго искусства, живостью и яркостью своей кисти составлялъ такой контрастъ прежнему, что все разомъ обратилось и прильнуло къ нему. Его картины, великолѣпно исполненныя и, при своей блестящей оболочкѣ, казавшіяся полными новаго содержанія, его мгновенно создавшаяся слава и громадный успѣхъ, его талантливое и увлекательное учительство новымъ, неслыханнымъ у насъ до того приемамъ искусства,—все это соединилось вмѣстѣ, чтобъ одушевить новое поколѣніе страстью передавать натуру такъ правдиво, такъ осязательно, такъ живо, такъ рельефно, какъ глазъ видитъ ее въ дѣйствительности. Не будь Брюлова, русское искусство конечно долго бы еще осталось въ своемъ непробудномъ снѣ.

Въ этомъ отношеніи заслуга Брюлова велика. Въ сравненіи съ этою пользою, можно считать почти незначительнымъ вредъ, причиненный Брюловымъ русскому искусству. То, что мы встрѣтили въ талантѣ Брюлова ложнаго, поверхностнаго, пустаго, такъ исключительно принадлежало его умственному и нравственному образованію, было такъ тѣсно связано съ особенностями его личнаго характера, что не могло переходить къ другимъ. Мудрено подражать хаосу, тревогѣ, безплодному волненію Брюловскихъ сочиненій, мудрено поставить эти качества главною задачею своихъ картинъ тому, кто и по природнымъ свойствамъ, и по условіямъ своего развитія, не отличился въ такую же форму какъ Брюловъ. Его непониманіе исторіи, искаженіе всендневной жизни изъ-за остроумныхъ выдумокъ или добываніе изъ нея однихъ ничтожнѣйшихъ мотивовъ, лишенныхъ всякаго содержанія и поэзіи, необузданная страсть къ аллегоріи и каррикатурѣ,—все это зависитъ отъ извѣстнаго склада ума, котораго другимъ не передашь, которому не научишь. Значить, отъ всего этого не происходило еще вреда для школы брюловской.

Остаются его мелодраматическое направленіе, насильственные эффекты, рѣзкіе контрасты, театральность, неправда выраженія въ позахъ и движеніяхъ, однимъ словомъ все, что изъ моднаго романтизма тридцатыхъ годовъ перешло въ картины Брюлова. Ложь выраженія, когда она увлекательна, неправда подробностей, когда передъ глазами примѣръ блистательнаго ихъ дѣйствія на массу—соблазнительны; онѣ имѣютъ вредное вліяніе на молодое поколѣніе. Брюловъ дѣйствительно внесъ было въ русскую школу элементъ аффектаціи и мелодрамы: съ такою сильною натурой, какъ брюловская, при обаяніи его славы, при убѣжденіи въ непогрѣшимости того, что онъ разказывалъ съ такимъ жаромъ окружавшей его молодежи и о самомъ себѣ, и объ искусствѣ, мудрено было бы ему не имѣть вліянія на своихъ учениковъ и послѣдователей. Въ одной статьѣ о Брюловѣ намъ говорятъ: «Брюловъ первый изъ мастеровъ требовалъ, чтобы ученики ему не подражали, а старались развивать себя по своему» (*Отеч. Зап.* 1855, Т. CVII, ст. г. Желѣзнова, стр. 113),—странное требованіе со стороны человѣка, не переставшаго всю жизнь быть эклектикомъ!—Но въ другой статьѣ находимъ свидѣтельство совершенно противоположное: «Противорѣчій Брюловъ не любилъ (говоритъ г. Рамазановъ въ своей статьѣ, *Москвит.* 1852 г. № 16, стр. 102), и въ случаѣ упорства со стороны молодого художника за свою идею, легко переходилъ къ худоскрываемому гнѣву и ѣдкимъ насмѣшкамъ.» Это послѣднее свидѣтельство кажется несравненно болѣе предыдущаго согласно съ характеромъ Брюлова и доказываетъ то деспотическое вліяніе, которое онъ долженъ былъ имѣть на свою школу.

Но вліяніе Брюлова было не продолжительно. Несмотря на то, что чуть не всѣ наши живописцы съ восторгомъ копировали «Послѣдній день Помпеи», всю картину, или по крайней мѣрѣ хоть часть ея, никто не производилъ картинъ съ такимъ же содержаніемъ и настроеніемъ, какъ «Помпея»; всѣ у насъ были въ восхищеніи отъ Брюловскихъ жанровъ, и все-таки, не смотря на ихъ успѣхъ, никто у насъ не заразился отъ Брюлова привычкой забывать, что истинная и здоровая мысль необходима каждому произведенію, хотя бы самому малому; никто не перенялъ его манеры обманывать шаткій и невѣрный вкусъ публики причудливостью содержанія, соединенною съ ловкостью и блескомъ исполненія. Эти свойства Брюлова причи-

нили вредъ только его собственнымъ произведеніямъ, но не искусству нашему. Выходя изъ-подъ непосредственнаго вліянія Брюлова, приобретаемая самостоятельность, наши художники тотчасъ же отходили отъ его настроенія и образа мыслей; они сохраняли только совершенства его рисунка и письма, преподанные имъ, и мастерство освѣщенія и лѣпки, сдѣлавшіяся принадлежностью всей школы. Исторія русскаго искусства за послѣднія 15 — 20 лѣтъ есть исторія постепеннаго отклоненія русскихъ художниковъ отъ манеры и стиля Брюлова, но съ разработкою той правдивой техники, которой научилъ русскихъ живописцевъ Брюловъ. Брюловскій эклектизмъ поблѣднѣлъ и умеръ передъ новымъ самостоятельнымъ настроеніемъ которое начало оказывать свое дѣйствіе въ цѣлой Европѣ. Что, было въ Брюловскомъ направленіи—французскаго, то давнымъ-давно исполнило свою роль, роль протеста противъ выдохшагося стариннаго классицизма, и должно было сойти со сцены точно также, какъ юный романтизмъ въ самой Франціи. И произведенія Брюлова также отжили свой вѣкъ и кончили свою роль: они уже болѣе не могутъ быть вредны. Явись теперь новый Брюловъ, онъ не произведетъ и сотой доли прежняго впечатлѣнія картиною въ родѣ «Помпей». Никто уже не нашелъ бы Брюлова колоссомъ какъ прежде (Брюловъ съ удовольствіемъ разказывалъ самъ, какъ это названіе давалъ ему Камуччини, увидавъ «Помпею»); никто не сталъ бы теперь равнять его съ Рафаэлемъ и Микель-Анджеломъ. Взглянувъ на его картины, теперь скоро поняли бы, что у него въ сущности очень мало чувства красоты, что у него вкусъ рококо, что типъ его головъ очень невысокъ, и часто доходитъ до пошлости, поняли бы, какъ мало граціи въ его завитыхъ и причесанныхъ ангелахъ, херувимахъ и дѣтяхъ, какъ пусть любимый его контрастъ чернаго и освѣпительно-бѣлаго тѣла, рядомъ поставленныхъ (Вирсавія и Арапка, одалиска и внухъ, Римлянка и Вандалы и проч.); какъ однообразны и вовсе не патетичны вѣчно поднятые вверхъ глаза почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ его картинъ—мотивъ, прямо взятый съ Гвидо-Рени, вездѣ повторявшаго головы дочерей Ніобейныхъ; какъ вычурны и тяжелы его «грандіозныя» драпировки; какъ часто театральны у него движенія и позы; какъ непріятно его всегдашнее бѣловатое освѣщеніе, и притомъ всегда съ однимъ и тѣмъ же пріемомъ, — освѣщеніемъ непремѣнно сзади, такъ что

большая часть лица и передней стороны фигуры остается въ тѣни. Наконецъ, теперь скоро замѣтили бы, что начиная съ «Помпей», Брюловъ не совершенствовался, и всю остальную жизнь повторялъ только то, что однажды выразилъ въ первыхъ произведеніяхъ своей молодости.

Но нельзя забыть, что если теперь быстро поняли бы Брюлова и не провозгласили бы его, какъ прежде, величайшимъ гениемъ, то этимъ мы обязаны самому же Брюлову. Легко понимать теперь его недостатки, легко отдавать себѣ отчетъ въ содержаніи его художественныхъ произведеній, потому что мы прошли черезъ его школу, которая много подняла у насъ и искусство, и разумніе искусства. Безъ того движенія, которое Брюловъ придалъ русскому искусству, конечно и художественное разуміе долго еще оставалось бы у насъ въ прежнемъ мертвомъ снѣ.

Итакъ, въ наше время, безъ сомнѣнія, иначе чѣмъ прежде поняли бы Брюлова, еслибъ онъ явился теперь; но еслибъ его сочиненіямъ, особенно историческимъ и религіознымъ, отказали въ прежнемъ значеніи, то навѣрное придали бы болѣе художественнаго значенія тому, что онъ произвелъ самаго лучшаго на своемъ вѣку,—его портретамъ, этимъ удивительнымъ созданіямъ, дышащимъ жизнью, правдою и величайшимъ мастерствомъ исполненія. Ихъ не считали бы уже болѣе чѣмъ-то второстепеннымъ въ сравненіи съ его историческими или религіозными картинами; эти портреты были бы отнесены къ разряду совершеннѣйшихъ произведеній въ своемъ родѣ; но въ то же время всѣ согласились бы, что для созданій, гдѣ первое мѣсто принадлежитъ мысли и силѣ творчества,—Брюловъ не былъ рожденъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

Когда, въ 1822 году, Общество Поощренія Художниковъ отправило Карла Брюлова (вмѣстѣ съ братомъ его Александромъ) на свой счетъ за границу, оно дало имъ «наставленіе». Пропуская, что въ этомъ «наставленіи» несущественно для нашей

настоящей цѣли (какъ-то: поименованіе художниковъ въ Германіи, Франціи и Италіи, къ которымъ Общество рекомендуетъ Брюловымъ адресоваться и т. п.), я предлагаю здѣсь слѣдующія характеристическія выписки изъ него:

«Общество Посщренія Художниковъ, слѣдуя къ своей цѣли и найдя дарованія братьевъ Брюловыхъ необыкновенными, опредѣлило отправить ихъ въ чужіе края, на собственномъ иждивеніи. Общество въ полной мѣрѣ получить награду за безкорыстный сей подвигъ, если доставитъ отечеству людей отличныхъ, и образованіемъ нравственнымъ и совершенствомъ въ искусствѣ, для чего общество обязывается употребить всѣ средства, дабы повсюду имѣть присмотръ за юными путешественниками своими и въ случаѣ безпорядковъ остановить помощь свою сдѣлавшимся недостойными оной; но до таковой крайности братья Брюловы не доведутъ насъ, въ чемъ мы смѣло надѣяться можемъ, судя по ихъ настоящей жизни и примѣрному рвенію къ художествамъ. На сихъ дняхъ ¹ выѣдутъ они изъ Петербурга, обязавшись черезъ каждые три мѣсяца увѣдомлять Общество о ихъ пребываніи, знакомствахъ, о людяхъ, съ коими наиболѣе будутъ видѣться, о связяхъ съ художниками, о занятіяхъ своихъ. Вместе съ симъ будутъ присылать намъ замѣчанія свои о художественныхъ предметахъ, прилагая по возможности критическій разборъ важнѣйшихъ изъ оныхъ. Такимъ образомъ напитываясь болѣе и болѣе произведеніями знаменитыхъ талантовъ, они и намъ покажутъ мѣру и приращеніе понятій своихъ объ искусствѣ.

«Чтеніе необходимо для художниковъ, а слѣдственно и познаніе языковъ. При слабомъ началѣ, которое они уже получили, не худо обратитъ вниманіе на усовершенствованіе въ языкахъ, почему желательно, чтобъ они старались изучаться діалекту той земли, въ коей будутъ находиться; симъ средствомъ покажутъ они намъ и въ семъ родѣ успѣхи и вместе могутъ увѣдомлять насъ о чтеніи тѣхъ авторовъ, кои наиболѣе извѣстны твореніями своими, до художествъ касающимися, какъ-то: Вазарія, Ланци Леонардо Винчи, Винкельмана, Рафаэля Менгса, Висконти и пр.»

Далѣе идетъ инструкція о томъ, чрезъ какіе нѣмецкіе и италіянскіе города должны проѣзжать Брюловы, и какіе въ этихъ городахъ примѣчательнѣйшіе художники и художественныя произведенія. Такъ, напримѣръ въ Дрезденѣ «рекомендуются Ночь Корреджіева, Рафаэлева Мадонна, богатое собраніе Вандиковъ»; въ Миланѣ «между сокровищами замѣтитъ должно извѣстную Тайную вечерю Леонардо Винчи.» Между художниками-современ-

¹ Наставленіе утверждено совѣтомъ, и подписано 9 августа 1822 г.

никами похваленъ Каммучини. Наконецъ, почти въ самомъ концѣ инструкціи, находимъ слѣдующее любопытное мѣсто. «Надлежитъ замѣтить, что теперъ люди къ несчастію предпочитаютъ пейзажи, внутренности, сельскія сцены и все, что Французы называютъ *tableaux de genre*, и сего рода живописцевъ заводится уже слишкомъ много въ Римѣ».... Оканчивалось наставленіе такъ: «Пребываніе братьевъ Брюловыхъ въ Германіи и Италіи вообще полагается 4 года. Въ теченіи сего времени, кромѣ вышеупомянутаго, обязываются они, по истеченіи каждаго года, доставить какое-либо произведеніе Обществу, по коему мы могли бы судить объ искусствѣ ихъ. Весьма будетъ утѣшительно для насъ, когда по образцамъ симъ увѣримся мы, что со временемъ доставимъ отечеству отличныхъ художниковъ.»

По первоначальному плану, Брюловы должны были, кромѣ Германіи и Италіи, побывать и во Франціи, и на этотъ случай инструкція давала слѣдующія наставленія: «политическія перемѣны имѣютъ большое вліяніе на художественныя произведенія. Давидовская школа носитъ на себѣ печать времени революціи, и самые французскіе художники нашего времени, исключая нѣкоторыхъ учениковъ Давида, слѣпо ему подражающихъ, начинаютъ избѣгать въ сочиненіяхъ своихъ насильственнаго расположенія сего преобразователя французской школы. Последнія произведенія Жерара и другихъ художниковъ весьма уже отличны отъ той школы, и уже болѣе подходятъ къ важнымъ произведеніямъ Лесюера и Пуссена.» Но эти предостереженія не понадобились Брюловымъ; ихъ поѣздка во Францію была отмѣнена: министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Каподистрія, уведомилъ предсѣдателя Общества, Кикина (препровождая къ нему дипломатическія депеши, которыя Брюловы везли за границу курьерами), что «государь императоръ съ удовольствіемъ готовъ оказать свое благосклоннѣйшее расположеніе въ пользу молодыхъ художниковъ. Его Величество желаетъ, чтобъ они оправдали всѣ наши надежды; и для сего полагать изволить, что имъ не нужно будетъ изъ Германіи слѣдовать во Францію и быть въ Парижѣ; а осмотрѣвъ памятники искусствъ въ Германіи и Италіи, имъ лучше будетъ возвратиться въ Россію, и не подвергать нравственности своей и дарованія, одну всѣмъ соблазнамъ порока, а другія — вліянію невѣрныхъ образцовъ новѣйшаго вкуса.»

Вслѣдствіе приведенной инструкціи, Брюловы постоянно писали письма и донесенія Обществу въ продолженіе всего времени, какъ состояли его пенсіонерами; сверхъ того, многіе изъ ихъ писемъ были адресованы къ предсѣдателю Общества, Петру Андреевичу Кикину, къ которому они находились въ самыхъ

близкихъ отношеніяхъ. Въ началѣ, оба брата почти всегда писали вмѣстѣ. Въ послѣдствіи, Карлъ Брюловъ сталъ посылать отдѣльные письма. Помѣщая здѣсь переписку Карла Брюлова, мы приведемъ также и нѣкоторыя изъ писемъ Общества и Кикина:

I. Отъ Александра и Карла Брюловыхъ Кикину.

Ваше превосходительство, Петръ Андреевичъ! Простите, что до сихъ поръ замедлили къ вамъ писать, но тому было причиною пятинедельное пребываніе въ дорогѣ. Въ Дрезденъ пріѣхали мы 2 октября, почему написавши въ Кіевъ, не надѣялись, чтобы наше письмо васъ тамъ застало. Къ тому же, его высокопревосходительство г. Ханьковъ былъ въ отъѣздѣ, слѣдственно и письма намъ врученныя оставались у насъ, а это самое и заставило насъ такъ долго не выполнить нашей обязанности. При нашемъ отъѣздѣ вы изъявили желаніе знать всѣ подробности нашего путешествія, что и подало намъ смѣлость написать можетъ-быть слишкомъ длинное письмо. Оставивши Петербургъ 16-го августа, мы были въ дорогѣ до Риги четыре дня; между нашими спутниками находился также г. Лауницъ; онъ вамъ уже извѣстенъ. По пріѣздѣ въ Ригу нашимъ первымъ дѣломъ было пойти къ сочлену вашего Общества, маркизу Паулуччи, которымъ и были приглашены на другой день къ обѣду. Вечеромъ гуляли въ публичномъ саду, гдѣ былъ сожженъ довольно хорошій фейерверкъ; на другой день ходили осматривать городъ и въ первый разъ видѣли готическія строенія, и хотя не очень значительныя, но готическія. Вечеромъ 21 августа въ дилижансѣ отправились въ Митаву; тутъ предстали намъ двѣ дороги, чрезъ Ковно и чрезъ Полангенъ; въ избраніи которой намъ было столько же затрудненія, какъ заблудшему въ густотѣ лѣса при двухъ тропинкахъ. Но мы находились не въ лѣсу, а въ столицѣ Курляндіи, и не могли узнать, есть ли дилижансъ за Ковно и за Полангеномъ. Между тѣмъ познакомились мы чрезъ одного изъ нашихъ спутниковъ, гр. Коскуля, съ вице-губернаторомъ, г. Батайлъ, которымъ были очень хорошо приняты, и который самъ посылалъ справляться у содержателя дилижансовъ, но все тщетно. Наконецъ мы избрали, какъ казалось, вѣрнѣйшее, и рѣшились черезъ Полангенъ; но опять новое препятствіе—пассажировъ не было, и мы должны были прожить въ Митавѣ цѣлую недѣлю, по прошествіи которой мы отправились въ Полангенъ; двое сутокъ были въ дорогѣ, и увидѣли прусскіе орлы. Въ Мемелѣ мы могли бы по пріѣздѣ прямо отправиться далѣе съ такъ-называемою *ordinaire Post*, но она шла черезъ Тильзитъ гораздо далѣе и долѣе, почему

мы вознамѣрились ѣхать водою; при хорошемъ вѣтрѣ 5 часовъ ѣзды. Но противный вѣтръ разрушилъ всѣ наши намѣренія, и мы отправились по extra-post. Мы ѣхали у самаго моря, такъ что колеса нашей повозки были омываемы разбивающимися волнами—и тутъ увидѣли совсѣмъ новую для насъ картину, увидѣли, такъ-сказать, *страшныя прелести* бушующаго моря! 3 сентября пріѣхали въ Кенигсбергъ, 5-го отправились въ дилижансѣ далѣе, недѣлю находились въ дорогѣ и очутились въ Берлинѣ. Мы не ошиблись, ѣхавши черезъ Полагенъ, ибо мы встрѣтили здѣсь въ Берлинѣ вещи, которыя не видать почти грѣшно, къ тому застали еще выставку въ академіи художествъ, въ которой были выставлены всякаго рода произведенія, какъ-то: художественныя, механическія, мануфактурныя. Произведенія живописи были слишкомъ обыкновенны, и объ оныхъ можно имѣть совершенное понятіе, представивъ себѣ послѣднюю выставку въ академіи въ Петербургѣ, кромѣ картины г. Гораса Вернега, изображающей парадъ російскихъ и прусскихъ войскъ въ Парижѣ. Длина оной была около 3 аршинъ, а вышина около 2¼. Въ этой картинѣ онъ показалъ всѣ достоинства, какія только можно требовать отъ этого рода. Произведенія скульптуры были очень достойны замѣчанія, между коими находится кандеабръ г. Рауха лучшаго вкуса и прекрасной отдѣлки. Хотя общее мнѣніе было, что эта выставка бывала обыкновенно въ другіе годы богаче хорошими вещами нежели въ этотъ разъ, но все-таки оную нельзя было назвать бѣдною. Не знаемъ, видѣли ли вы въ Берлинѣ новый театръ? Онъ выстроенъ по проекту г. Шинкеля. Многие оуждаютъ его, что онъ сдѣлалъ внутренность театра слишкомъ малу, судя по внѣшности, но это было требованіе короля, который желалъ, чтобы оный служилъ только для однихъ драматическихъ представленій; къ тому же устроена въ ономъ прекрасная концертная зала, слѣдственно это нельзя вѣнчать архитектору въ ошибку. Вообще зданіе прекрасное; чужестранецъ, пріѣхавъ въ Берлинъ, никогда не будетъ имѣть затрудненія искать театра,—такъ хорошо соблюденъ характеръ публичнаго строенія. Два монумента, поставленные по сторонамъ гауптвахты, и сдѣланные изъ бѣлаго мрамора г. Раухомъ, превзошли наше ожиданіе. Они помѣщены на высокихъ пьедесталахъ, стороны коихъ украшены барельефами, въ коихъ скульпторъ умѣлъ соединить простоту греческихъ ваятелей первыхъ временъ съ точностью и вкусомъ позднѣйшихъ. Изъ Берлина ѣздили мы на два дня въ Потсдамъ, были въ картинной галлерей, богатой Рубенсомъ и лучшими можетъ-быть произведеніями Вандерверфа, изъ коихъ два написаны на золотомъ грунтѣ, имѣютъ и колоритъ очень хорошій; Гвидо-Ренія—*Туалетъ Венеры*; и вообще объ этой галлерей можно сказать, что хотя она и не очень

многочисленна, но имѣеть много хорошаго. Были въ Сансуси, видѣли покой Фридриха Великаго и возвратились въ Берлинъ. 30 сентября выѣхали изъ Берлина съ фурманомъ, нанявъ у него два мѣста въ коляскѣ. На другой день, какъ начало смеркаться, а фурманъ и пассажиры, утомившись отъ дневнаго пути, заснули,—вдругъ коляска опрокинулась, и счастье, что лошади были одного характера съ Саксонцами. На третій день мѣстоположеніе начало насъ какъ бы приготавливать ко вступленію въ прелестную Саксонію; тутъ кажется природа въ первый разъ улыбнулась, или она такъ рѣдко показывала веселый видъ, что мы почли это за первое. Вечеромъ въ девятомъ часу въѣхали мы въ Дрезденъ. При видѣ (Видѣ) моста, который видѣли мы прежде на рисункахъ, а теперь сами переѣзжаемъ,—прелестные виды по обѣ стороны моста, вдоль Эльбы,—лунный теплый вечеръ, толпящійся на мосту народъ,—это все вмѣстѣ насъ такъ пріятно привѣтствовало, что, не видавъ города, мы рѣшили, что онъ прекрасенъ. На другой день отнесли мы письма къ посланнику и директору академіи, Зейдельману... Были также у г. Маттеи, директора галлерей, отъ котораго получили позволеніе посѣщать натурный классъ. Не опустили также случая посѣтить *Grünes Gewölbe*, (были) въ арсеналѣ, гдѣ между прочими вещами видѣли также треугольную шляпу и шпагу Петра I; въ Японскомъ дворцѣ, гдѣ находится значительное собраніе антиковъ. Успѣли застать также и здѣсь выставку; она была гораздо многочисленнѣе берлинской, но имѣла достойныя вещи: тутъ находилось нѣсколько пейзажей отличной работы, также картонъ г. Маттеи имѣлъ много достоинствъ. О самомъ Дрезденѣ и вообще о всѣхъ городахъ, которые мы проѣзжали, ничего не можемъ сказать, ибо мы видѣли Петербургъ. А чтò и есть хорошаго, какъ-то: католическая церковь и еще другая, называемая *Frauen-Kirche*, такъ и то въ такомъ несчастномъ вкусѣ, что только одно намѣреніе надобно хвалить. Не могли похвалить городъ, должны о окрестностяхъ, потому что ихъ чтобы достойно похвалить, то надобно выдумать совсѣмъ новую похвалу (*si*); сказать только можно, что при прогулкахъ за городъ съ этихъ возвышеній видѣли мы все иностранство... нашего счастья, и эти минуты совершеннаго нашего удовольствія были вамъ посвящены. Приближающаяся зима прервала всѣ способы для занятій, ибо какъ картинная, такъ равномѣрно эстампная и античная галлерей уже затворены. И мы готовимся уже оставить Дрезденъ. Но если и въ Мюнхенѣ все закрыто, то мы думаемъ и тамъ не очень долго оставаться. Впрочемъ, мы смѣемъ надѣяться, что ваше превосходительство будете намъ писать и мы узнаемъ ваше желаніе. Остаемся совершенно вамъ преданные Александръ и Карлъ Брюловы.

Дрезденъ.

Ноября 15 дня, 1822 г.

II. Отъ Карла Брюлова Кикину.

(Приложено при предыдущемъ письмѣ.)

По требованію вашему откровеннаго мнѣнія на счетъ дрезденской галлерей, осмѣливаюсь начать съ того, что всѣ шесть Корреджіевъ, — славныхъ картинъ, дѣлающихъ дрезденскую галлерей славнѣйшею, по словамъ здѣшнихъ бѣснующихся потомковъ Альбертъ-Дюреровыхъ, никогда не сдѣлаютъ и сотой пользы, что одна Пуссенова картина, о которомъ здѣсь едва знаютъ, что онъ какой-то Французъ. Поэтому, можете увѣриться, какова здѣсь школа; почему можно сказать что опасно долѣ оставаться между сими анти-художниками, еслибы не Рафаэлева мадонна, на которую чѣмъ болѣе смотришь, тѣмъ болѣе чувствуешь непостижимость сихъ красотъ: каждая черта обдуманна, преисполнена выраженія; грація соединена со строжайшимъ стилемъ (еслибъ я видѣлъ ее прежде, моя Антигона болѣе бы выиграла), потому что рисуя съ невольнымъ вниманіемъ, мало-по-малу, я открылъ секретъ, который состоитъ въ томъ, чтобы болѣе рисовать съ антикъ и Рафаэля, и славному Егорову скажу, что онъ не былъ бы то, что онъ есть, еслибы не видалъ Рафаэля. Прочія картины историческія состоятъ всѣ изъ Альберта Дюрера и ему подобныхъ, то-есть ни одной классической, выключая Гвидова Христа, который едва ли не есть, нерукотворенный, и котораго я скопировалъ, и сія копія да будетъ моимъ путеводителемъ въ вѣрѣ, головахъ и экспрессіяхъ.

Его же Венера, — краски содѣлались жертвою времени, но рисунокъ — портретъ Венеры! Вотъ картины, съ коихъ можете учиться и выучившійся. О Тиціанѣ — простите, мнѣ кажется, что молва объ его картинахъ сдѣлалась какъ бы завѣсой, сквозь которую трудно видѣть Тиціана! Восхищающій Стефанъ Микель-Анджело есть или не его, или работа первыхъ недѣль его занятій, или послѣднихъ часовъ его жизни, когда исчезли жизнь и разумъ.

Точно и вѣрно за подписаніемъ моего къ вашему превосходительству почтенія.

К. Брюловъ.

Еслибы нашему Эрмитажу хоть одного крикуна изъ здѣшнихъ, то онъ стоилъ бы всѣхъ сокровищъ Европы, Азии, Африки и Америки, не выключая и другихъ.

III. Отъ Александра и Карла Брюловыхъ Обществу Поощренія Художниковъ.

Почтеннѣйшее общество!

Мы льстимся надеждою совершенно исполнить ваше требованіе, если напишемъ наше мнѣніе открыто, не боясь иногда сказать слишкомъ много, или дерзко, ободряя себя надеждою, что снѣ исполняемъ свою обязанность.

Нѣсколько дней нашего пребыванія въ Берлинѣ употребили мы на осматриваніе выставки въ академіи художествъ, въ которой особенно отличался Горасъ Вернетъ. Прочія же были или самыя обыкновенныя, или очень слабыя, и, по словамъ жителей Берлина, сія выставка заключала въ себѣ гораздо менше предшествовавшихъ; изъ сего исключить надобно еще произведенія Рауха. Имъ сдѣланы два монумента генераламъ Бюлову и Шарнгорсту, помѣщенные по сторонамъ главной гауптвахты. Въ сихъ двухъ монументахъ сдѣлалъ онъ все, что только можно сдѣлать изъ костюмовъ нынѣшняго времени. Но барельефы, аллегорическія изображенія сихъ генераловъ, коими украшены пьедесталы, соединяють всѣ достоинства барельефовъ. Съ превосходною композиціей соединялъ онъ чрезвычайную правильность рисунка и самый лучший вкусъ, который столько времени былъ забытъ. Осмѣлимся сказать, что эти барельефы можно поставить наряду съ лучшими произведеніями древности въ семъ родѣ. (*Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе берлинскаго театра, конечно сдѣланное Александромъ Брюловымъ.*) Въ Потсдамѣ въ картинной галлерей нашли прекрасныя собранія Рубensoвъ, чрезвычайную картину Гвидо-Рени, представляющую туалетъ Венеры. Странно, что здѣсь всѣ восхищаются *Тремя Граціями* Доменкино, не имѣющими однако никакихъ достоинствъ сего мастера. Въ Дрезденѣ также застали выставку въ академіи художествъ. Лучшія произведенія были г. Маттео, нынѣшняго директора академіи, съ коимъ нашли случай познакомиться, и получили позволеніе посѣщать натурный классъ по вечерамъ. Въ противность мнѣнію быть-можетъ многихъ, должны сказать, что въ Дрезденѣ художества вообще въ самомъ жалкомъ положеніи; царствующая школа есть нѣмецкая, здѣшніе молодые художники восхищаются Албертомъ Дюреромъ, Гольбейномъ и имъ подобными, и хладнокровно проходятъ Рафаэля: хвалятъ Микель-Анджело, потому что это картина Микель-Анджело, и не хотятъ видѣть въ ней, что она должна бы его пристыдить, еслибы всякій человѣкъ не дѣ-

лалъ худо. Самая галлерей въ такомъ небреженіи, что безъ горести и состраданія нельзя въ оной находиться; ни одна картина не покрыта лакомъ, что много способствуетъ къ сокрытію половины достоинствъ сихъ картинъ.

....Въ Мюнхенѣ нашли болѣе нежели сколько ожидали: прекрасную галлерей, сколько достойныхъ художниковъ, очень хорошо учрежденную академію, прекрасную бібліотеку, и все сіе во всякое время и всякому открыто. Мы познакомились здѣсь съ г. Кленцемъ, архитекторомъ при казенныхъ строеніяхъ, который намъ доставилъ случай видѣть много достойнаго примѣчанія, между прочимъ глиптотеку, зданіе служащее для собранія антиковъ. Онъ архитекторъ сего строенія; у него видѣли мы еще проектъ для нѣмецкаго пантеона; сіи два строенія всегда будутъ сильно говорить за его способности. Въ первомъ изъ оныхъ видѣли мы плафонъ работы г. Корнелиуса. Отдавъ должную дань его достоинствамъ, не смѣемъ похвалить его живопись (но впрочемъ это альфрески). Въ числѣ лучшихъ художниковъ, знакомство коихъ мы приобрѣли въ Мюнхенѣ, считается г. Лангеръ, сынъ директора Лангера. Онъ занимается въ академіи мѣсто профессора исторической живописи. Школа его есть ничему не подражать кромѣ самой природы; по его словамъ, простота есть девизъ художества, а самъ оной удаляется. Нельзя однако не отдать должной справедливости нѣкоторымъ частямъ въ его произведеніяхъ: колоритъ, расположеніе тѣней и свѣта, при воззрѣніи на его картину, дѣлають самое пріятное впечатлѣніе, но слѣдствія совсѣмъ противныя. Чѣмъ болѣе разсматриваешь, тѣмъ болѣе открываешь недостатки въ композиціи, чрезвычайныя погрѣшности въ рисованіи; такъ что наконецъ они почти совсѣмъ помрачаютъ то, что и есть хорошее въ картинѣ.

(Далѣе слѣдуютъ подробности о производствѣ литографіи въ Мюнхенѣ, такъ какъ Общество поручало Александру Брюлову собрать свѣдѣнія объ этомъ новомъ тогда искусствѣ.)

Мюнхенъ. Января 28 дня 1823 г.

IV. Отъ Карла Брюлова Кикину.

Ваше превосходительство, Петръ Андреевичъ! Ваши и почтеннѣйшаго Общества замѣчанія ¹ принимаю съ истинною благодарностію за полезное наставленіе отъ истинныхъ доброжелателей;

¹ По поводу сказаннаго Брюловыми о Корреджіо и пр. въ письмахъ № 1 и 2. Замѣчанія эти не учтѣли, но въ своемъ отвѣтномъ на нихъ письмѣ, Александръ Брюловъ говоритъ, что это былъ «такъ-сказать выговоръ».

но осмѣливаюсь также сказать, что я былъ не совсѣмъ не правъ, сличая Рафаэля съ другими; извѣстно, что сравненіемъ опредѣляется достоинство; посему кому нравится Рафаэль, можетъ ли тому нравиться работа совсѣмъ противной школы? Скажутъ, что всякій имѣетъ свои достоинства, но за то достоинства второго такъ далеки противъ перваго, что едва ли можно назвать ученическими; опираясь на сіе, принимаю на время возложенныя на меня титла нескромнаго и дерзкаго, помня, что юный Сципіонъ никогда бѣ не побѣдилъ опытнаго Аннибала, еслибъ не дерзнулъ себя сравнить съ нимъ. Простите мнѣ сіе уподобленіе—я въ Римѣ! Таскаюсь по грудамъ камней, кои точно говорятъ, по словамъ Дюпати: «умѣйте спрашивать сіи камни, они точно будутъ вамъ отвѣтствовать.» Вчерашній день былъ я въ дому Рафаэля, который теперь принадлежитъ какому-то помѣщику; старыя деревья и кипарисы окружаютъ его; кто знаетъ, можетъ-быть они посажены его рукой; предъ домою маленькая площадка, на коей находятся четыре пьедестала, которые были украшены любимыми его антиками, вкусъ коихъ виденъ во всѣхъ его работахъ, и здѣсь-то, можетъ-быть, онъ отдыхалъ, дѣйствовалъ, восхитился вкусомъ Грековъ, возстановилъ его и себя. Сидя на одномъ изъ сихъ пьедесталовъ, я непримѣтно перебиралъ въ памяти жизнь сего феномена. Вспомнимъ замѣченное вами (надѣянность на себя во всякія лѣта опасна и даже губельна): Рафаэль подтвердилъ сему противное—онъ учился до смерти, онъ три раза перемѣнялъ вкусъ свой, не устыдился замѣстствоваться Микель-Анджеломъ, будучи выше его. Имѣя въ виду всегда сего генія, никогда не осмѣливался я приблизиться къ мысли самодовольствія. Замѣчанія мои на счетъ Корреджіо суть впечатлѣнія, имъ на меня сдѣланныя.

Второе замѣчаніе ваше: «то, что намъ кажется, не всегда есть истина». По счастью, я всегда держался сей аксіомы, ибо многое, что въ прошедшемъ вѣкѣ считалось красотою, то въ нынѣшнемъ едва удостоиваютъ критики, а гдѣ бы и не воцариться вкусу, какъ не въ XVIII вѣкѣ, между истинныхъ покровителей художествъ и всего изящнаго, между Вольтерами и Руссо! Послѣдствіе доказало совсѣмъ противное. Руководствуясь симъ, я никогда бы не дерзнулъ быть столь откровеннымъ, еслибы не истинное желаніе быть исправленнымъ въ своихъ погрѣшностяхъ.

Гуляя по Тринитѣ-де-Монти, въ виду великаго Петра, перенесу на вашу дачу, въ мою свѣтелку, въ садъ, въ вашъ кабинетъ; вспоминая все, что вспомнить должно, беру смѣлость просить васъ засвидѣтельствовать наше нижайшее почтеніе ея пр-ву М. А., М. П. и всему почтеннѣйшему семейству вашему. Ваше пр—во, имѣю честь пребыть и пр.

V. Огь Карла и Александра Брюловыхъ Обществу Поощренія
Художниковъ.

Почтеннѣйшее Общество! Въ предписаніи, намъ данномъ, вы полагали не много пробыть въ Мюнхенѣ два мѣсяца; почему осмѣлились остаться въ ономъ около четырехъ мѣсяцевъ, слѣдуя совѣту многихъ художниковъ, дѣлавшихъ вояжъ сквозь Тироль уже нѣсколько разъ. Продолжать нашу дорогу въ столь неблагоприятное время года, по ихъ мнѣнію, было неприятно и бесполезно. 3-го апрѣля выѣхали изъ Мюнхена и взяли дорогу чрезъ Инспрукъ Боцень, Триентъ, Бассано, Тревизо въ Венецію, и пробыли въ оной 6 дней. Тутъ въ первый разъ увидали все достоинство Тиціана, Тинторетто, Паоло Веронезе и многихъ другихъ венеціанскихъ художниковъ. *Вознесеніе Богородицы* Тиціана, находящееся теперь въ ихъ академіи, было найдено директоромъ оной, графомъ Чиконьяра, вся законченная, такъ что едва можно было различить, что она представляла; но ему удалось оную очень хорошо вычистить, и они справедливо могутъ сказать, что ни одна галлерей не имѣетъ подобнаго Тиціана; образъ письма прекрасенъ, а краски непостижимы.

Изъ Венеціи отправились черезъ Падую и Виценду въ Верону, гдѣ провели день въ осматриваніи нѣкоторыхъ церквей и древнихъ строеній, которыхъ такъ много осталось еще въ семь городѣ. 18 апрѣля пріѣхали въ Мантую. Здѣсь надобно смотрѣть Юлія Романо. Во дворцѣ, въ одномъ оставленномъ и почти совершенно-разрушившемся флигелѣ, открылъ въ своемъ вояжѣ по Италіи нынѣшній директоръ картинныхъ галлерей въ Баваріи, г. Диллисъ, превосходныя фрески Юлія Романо, представляющія Троянскую войну. Въ первый разъ видѣли мы отъ сего мастера столь горящую композицію и такой чистый и благородный стиль, особенно же отличалось «похищеніе Елены»; на другой же стѣнѣ, изображавшей какъ Патрокла убитаго выносить съ мѣста сраженія, почти совершенно было скопировано съ античнаго барельефа, находящагося въ античномъ собраніи въ Мантуѣ. Его же фрески и плафоны, писанные масляною краскою, находящіеся въ замкѣ дель-Те, почитаются, и кажется справедливо, его лучшими произведеніями. О строеніяхъ же сказать можемъ, что вездѣ должно хвалить болѣе духъ, а не вкусъ архитекторовъ. 19 апрѣля поѣхали, черезъ Модену, въ Болонью; обстоятельства не позволили

намъ пробывать въ ней болѣе полудня; однако увидали тамошнюю академію и двѣ галлерей: Марескальки и Цамбекани. Въ первой, хотя она состоитъ только изъ трехъ залъ, столько прекрасныхъ вещей, что почти каждая изъ оныхъ можетъ служить украшеніемъ всякой галлерей: тутъ отечество Гвидо-Ренія, и тутъ же произвелъ онъ свою лучшую можетъ-быть картину, называемую *Благовѣніе Богородицы*: колоссальная картина; внизу помѣщены купидоны, которые такъ написаны, какъ только одинъ Гвидо-Рени могъ написать. Принятіе святыхъ таинъ Иеронима (Карраша), картины Доменикино, изображающія мученицу Агнесу и Мадонну, Рафаэля Цецилія—произведенія неподражаемыя. 21-го апрѣля пріѣхали во Флоренцію. Первое наше дѣло было осмотрѣть музеумъ, и хотъ онъ превзошелъ наше ожиданіе, однако должны сказать, что картинная галлерей онаго не можетъ считаться славною, исключая одной залы, такъ называемой *Трибуны*; въ ней находятся картины Рафаэля, Тиціана, Микель-Анджело и Леонардо да-Винчи (весьма рѣдкаго), и пять знаменитыхъ антикъ: Венера Медицисская, Фауць съ тарелками, группа бойцовъ, Аполлино и точильщикъ. Но за то всякаго должна удовлетворить картинная галлерей въ палаццо Питти. Намъ говорили, что всѣ лучшія картины сей галлерей вынесены изъ музеума, почему можетъ-быть и остались тамъ только рѣдкости, и по своей древности знаменитыя картины. Надобно быть Флорентинцемъ, чтобы такъ почитать Адониса въ загородномъ дворцѣ Поджіо, какъ они его почитаютъ (онъ сдѣланъ Микель-Анджеломъ.) Г. Сверчковъ доставилъ намъ знакомство съ г. Ненчи. Отдавъ должную справедливость его талантамъ, удивляемся, что и въ Италіи французская школа начинаетъ распространять свое могущество. Бенвенути не находился въ то время во Флоренціи, но мы видѣли двѣ его картины въ партикулярныхъ галлерейхъ: одна изъ нихъ, изображающая милосердаго Самарянина, и почитаемая его лучшимъ произведеніемъ, имѣетъ много достоинствъ, а болѣе на счетъ рисунка; но вторая уже совершенно французская. 28-го, наконецъ, отправились въ послѣдній путь до нашей цѣли, и 2-го мая пріѣхали въ Римъ. Простите, что ничего не пишемъ изъ Рима, но вы снизойдете, представивъ себѣ положеніе чужестранцевъ въ Римѣ въ первыя 2 или 3 недѣли. Остаемся ваши покорные Александръ и Карлъ Брюловы.

Мая 25 дня, 1823 г.

VI. Отъ Карла Брюлова Обществу Поощренія Художниковъ.

Почтеннѣйшее Общество! Причиною замедленія нашихъ донесеній противъ данной намъ инструкціи было чрезвычайное множество предметовъ, требующихъ болѣе означеннаго времени, для замѣчанія какъ достоинствъ, такъ и погрѣшностей разбираемыхъ предметовъ; не желая вторично подвергнуться ошибкѣ, замѣченной вами въ первомъ нашемъ донесеніи, мы, не довѣряя себѣ, пользовались по возможности мнѣніями опытныхъ людей, и сообразивъ наши замѣчанія, имѣемъ честь донести оныя.

Занимаясь первые пять мѣсяцевъ въ Ватиканѣ, съ него начинаю мои замѣчанія.

Ватиканъ содержитъ въ себѣ, по части живописи, слѣдующія отличныя произведенія:

1. *Преображеніе Христа* (писанное Рафаэлемъ Урбинскимъ). Прежде нежели начну замѣчанія о сей славной картинѣ, содѣлавшей безсмертнымъ творца ея, долгомъ считаю сказать, что будучи еще въ С.-Петербургской академіи художествъ, видѣлъ достойную копию съ сей картины, рисованную учениками Рафаэля Менгса, подъ его надзоромъ; видѣвши нѣсколько копій въ краскахъ, эстампъ Рафаэля Моргена, казалось не могъ ожидать того впечатлѣнія, какое обыкновенно происходитъ, при первомъ возрѣніи на отличную вещь; но увидѣвъ оригиналъ, увидѣлъ, что картина сія превосходитъ всякую похвалу и всякое ожиданіе. Картина освѣщена свѣтомъ при раскрытіи неба; фигуры кажутся дѣйствующими, различіе головъ поразительно, живость каждой экспрессіи заставляетъ воображать голосъ, даже каждая складка не кажется написанною: извѣстно по рисункамъ, находящимся въ Мюнхенской библіотекѣ, что онъ надѣвалъ платья на натурщика, потомъ давши ему должное движеніе, копировалъ главный ходъ складокъ, что видно во всѣхъ его картинахъ послѣдней эпохи. Отдѣлка доведена до такой степени, какъ глазъ можетъ видѣть натуру въ томъ разстояніи, въ которомъ находится зритель отъ картины; сія тонкость отработки приближаетъ къ натурѣ, не мѣшая общему. По мѣрѣ удаленія плановъ фигуръ, тонкость сія уменьшается; въ свѣтахъ строго соблюдена воздушная перспектива; тѣни кажутся немного темны, что приписываютъ краскѣ имъ употребляемой, которая въ послѣдствіи чернѣла. Яркость платьевъ переднихъ плановъ не безъ причинъ, ибо такое количество фигуръ на столь узкомъ мѣстѣ требовало

употребить сіе средство для отдѣленія. Осмѣливаюсь замѣтить, что Рафаэль позволялъ себѣ дѣлать упущенія на счетъ перспективы для обобщенія главныхъ предметовъ: на примѣръ нижняя часть картины занята фигурами въ ростъ, за ними видна гора, на коей преобразился Христосъ; три фигуры, находяшіяся на горѣ, гораздо менѣе вознесшихся на воздухъ: Христа, Моисея и Или, кои гораздо далѣе отъ точки зрѣнія; полагаю причиною то, что (онъ) желалъ обратить болѣе вниманіе зрителя на главные фигуры. Сіе подтверждается также, смотря на платье Христа, Моисея и Или, коихъ платье и волосы развѣяны въ обѣ стороны, чего быть не можетъ, разбирая сіе физически, ибо при поднятіи фигуръ, платья оныхъ должны быть подавляемы внизъ тяжестью воздуха, чрезъ что произошли бы три неприятныя и параллельныя линіи, и не было бъ тѣхъ крупныхъ массъ, на коихъ теперь находится главный свѣтъ, что заставляетъ зрителя обратить взоръ на главное лицо, потомъ слѣдовать порядку композиціи; по той же причинѣ, краски и тѣни верхнихъ фигуръ усилены. Въ заключеніе о сей картинѣ скажу, что разбирая сіи мнимыя погрѣшности, картина сіа болѣе и болѣе доказываетъ свои достоинства.

2. *Причащеніе Св. Иеронима*, Доменикино. Св. Иеронимъ преисполненъ выраженія, ослабленіе изображено во всѣхъ членахъ, священнослужитель, готовящійся причастить Св. Иеронима, написанъ съ необычайною правдою, блики на парчевой его ризѣ кажутся моментно освѣщающимися; также два прислужника церкви, представленные въ ризахъ, первый въ красной съ золотомъ, а второй въ бѣлой—различіе сихъ матерій единственно; вниманіе четырехъ прихожанъ показываетъ душевное участіе и почтеніе къ Св. Иерониму; женщина стоящая на колѣнахъ и цѣлующая руку пустытника, заключаетъ картину. Все сіе достойно самаго Рафаэля. Нѣтъ той отработки, но сіе замѣняется частью пріятною, мягкою и смѣлою кистью. Колоритъ также превосходитъ всѣ прочія картины, мною видѣнныя, сего мастера, исключая Іоанна Богослова, находящагося въ галлерей его высюпр—ва А. Л. Нарышкина.

3. *Положеніе во гробъ*, писанное Караважемъ. Рисунокъ и композиція весьма натуральны, но какъ рисунокъ, такъ и композиція лишены благородства; сей художникъ не избиралъ природы; одинъ сей недостатокъ замѣтенъ въ сей картинѣ; все прочее: свѣтъ, колоритъ, согласіе, общій тонъ, и даже экспрессія и правильность рисунка могутъ стоять на ряду съ первыми картинами.

4. *Мученіе Св. Эразма*, писанное Пуссеномъ. Сей художникъ, названный художникомъ, никогда бы не рѣшился избрать столь жестокаго сюжета, еслибы не былъ ему заказанъ. Главное до-

стоинство сей картины есть противоположность характера, и вѣрное выраженіе чувствъ каждаго лица; о колоритѣ нельзя ничего сказать, ибо картина сія не кончена.

5. Картина подъ названіемъ *Madonna di Foligno*, писанная Рафаэлемъ Урбинскимъ. Картина сія заказана была кардиналомъ, портретъ коего представленъ въ нижней части картины; по другую сторону Св. Францискъ, подлѣ него Іоаннъ Креститель, въ среднѣй поставленъ ангелъ, держащій въ рукахъ дощечку, назначенную для какой-нибудь надписи; на верху представлена Матерь Божія со Спасителемъ. Сія картина оправдываетъ мнѣніе, что одинъ Рафаэль умѣлъ истинно воображать Матерь Божию, и, какъ говорятъ Італіянцы, въ сей картинѣ Рафаэль превзошелъ самаго себя.

6. *Воскресеніе Христа*, картина П. Перуджинія. Христосъ представленъ остановившимся на тоненькомъ облачкѣ и благословляющимъ; по обѣимъ сторонамъ по одному ангелу, внизу два бѣгущихъ воина и два спящихъ. Все сіе разставлено совершенно симметриально. Христа окружаетъ сіяніе гораздо темнѣйшее воздуха, и сямъ-то сіяніемъ освѣщены по бокамъ находящіеся ангелы, бѣгущіе по параллельному тоненькому облачку. Картина имѣетъ своихъ обожателей, множество Нѣмцевъ предпочитаютъ ее всему Ватикану.

Въ слѣдующемъ донесеніи буду имѣть честь сдѣлать замѣчаніе объ остальныхъ картинахъ, которыя не могутъ равняться съ первыми, но имѣютъ также свои достоинства. ¹

Занятія мои большею частію состояли въ рисованіи со статуей и фресковъ, находящихся въ Ватиканѣ, и въ натурномъ классѣ обоюго пола. Для почтеннѣйшаго Общества началъ головку, представляющую умывающуюся Італіянку у фонтана. Я освѣщалъ модель на солнцѣ, предположивъ освѣщеніе сзади, такъ что лицо и грудь въ тѣни, и рѣфрактируются отъ фонтана, освѣщеннаго солнцемъ, что дѣлаетъ всѣ тѣни гораздо пріятнѣе въ сравненіи съ простымъ освѣщеніемъ изъ окна. Также началъ модель въ ростъ, представляющую Филоктета, не столько для сюжета, какъ для модели, прекрасно сложенной какъ вообще, такъ и каждой части въ особенноти. Сдѣлалъ картонъ, представляющей Юдиѣ и Олоферна. Юдиѣ готова уже поднять мечъ для отсѣченія головы упоеннаго Олоферна, и обращается съ молитвами къ Богу. Сей моментъ мною избранъ для избѣжанія крови (отсѣченная глава Олоферна мѣшала мнѣ видѣть прелестную Юдиѣ, написанную Бронзнымъ; сія картина находится въ картинной галлерей Паллацо Питти). Трудность освѣщенія заставляетъ меня оставить сей сюжетъ,

¹ Это обѣщаніе никогда не было выполнено.

хотя г. Торвальдсенъ и совѣтуетъ мнѣ освѣтить картину дневнымъ свѣтомъ, ссылаясь на картины сего сюжета древнихъ мастеровъ; однако сіе отступленіе отъ исторіи кажется мнѣ непозволительнымъ. Сильнѣйшимъ моимъ желаніемъ всегда было прозвести картину изъ русской исторіи. Читая оную, избралъ слѣдующій сюжетъ: Олегъ, подступивъ подъ стѣны Константинополя, принуждаетъ оный къ сдачѣ, въ знакъ побѣды онъ повѣсилъ щитъ свой на градскихъ воротахъ, послѣ чего былъ заключенъ миръ. Императоръ греческій клялся Евангелиемъ, а Олегъ съ воинствомъ клялся Волосомъ, Перуномъ и оружіемъ. Я соединилъ сіи два сюжета, представляя на первомъ планѣ заключеніе мира, на второмъ видны городскія ворота, на кои поставлены лѣстницы, и двое русскихъ прибываютъ щитъ Олеговъ. Осмѣливаюсь просить мнѣнія насчетъ сего сюжета, въ ожиданіи чего займусь окончаніемъ начатыхъ мною работъ. Передавая себя въ дальнѣйшее покровительство почтеннѣйшему Обществу Поощренія Художниковъ имѣю честь быть и пр.

Римъ. Декабря 9, 1823.

VII. Отъ Карла Брюлова къ Кикину.

Ваше превосходительство, пользуясь вашимъ расположеніемъ, осмѣливаюсь поручить въ ваше покровительство дитя мое ¹, которое жестокой долгъ почтенія къ Обществу могъ только вырвать изъ моихъ объятій. Не показывайте ея безъ рамы, я уже просилъ батюшку похлопотать о семъ.

Прошу, умоляю васъ, Петръ Андреевичъ, замолвить словечкоо за дачѣ сюжета, хотя изъ Петра. Священнѣйшимъ долгомъ поставлю передать потомству какое-нибудь дѣло великое, судьянное праотцами нашими.

Кавалеръ Камуччини утверждаетъ даже, что долгъ всякаго художника есть избирать сюжеты изъ отечественной исторіи. Вы уже знаете мою нерѣшительность въ избраніи сюжетовъ, а только остается быть въ Римѣ два года. Время начать производить по силамъ!

Позвольте принести чувствительную благодарность за то удовольствие, которое чувствуемъ съ полученія вашего письма, которое доказало намъ совершенно принимаемое вами въ насъ участіе. Желая и впредь заслужить оное, имѣю честь быть и пр.

Апрѣля 2, 1824 г.

¹ Картина *Умывающаяся Итальянка* или *Итальянское утро*.

VIII. Отъ Карла Брюлова Обществу Поощренія Художниковъ.

Почтеннѣйшему Обществу. Въ семь мѣсяцъ, съ первымъ кораблемъ, работа моя пересылается въ Петербургъ черезъ банкира Торлонія, на имя его превосходительства П. А. Кикина.

Окончивши сію работу, занимаюсь въ Ватиканѣ, ожидая рѣшенія Общества насчетъ сюжета, означеннаго въ прошедшемъ донесеніи. Черезъ его превосходительство П. А. Кикина увѣдомлень я о желаніи Общества занять меня копіей, представляя на мой выборъ избраніе оригинала; долгомъ поставляю выполнить желаніе Общества, и назначаю оригиналъ: *Madonna di Foligno*. При семъ предлагаю общее мнѣніе здѣшнихъ художниковъ: въ Римѣ надо предпринять трудное, стараться оное выполнить; сообразаться съ римскими рѣдкостями и пользоваться совѣтами и сужденіями несчетнаго числа художниковъ, между коими большая часть прислана въ Римъ за отличныя достоинства. Мнѣніе сіе нахожу довольно справедливымъ, ибо будучи окруженъ отовсюду изящнѣйшимъ, какъ въ Римѣ, стыдись произвести что-нибудь обыкновенное; почему всякій художникъ, желая усовершенствовать свою работу, строго разбираетъ мастерскія произведенія, отыскиваетъ причины достоинствъ ихъ, соображаясь съ натурой, старается приблизиться къ образцамъ, и пользуясь мнѣніями художниковъ, можетъ получить болѣе пользы, произведя одну строгую картину, нежели нѣсколько копій, за коими должно столько же времени, а можетъ-быть и болѣе потерять; я позволилъ сіе себѣ сказать, будучи увѣренъ, что Общество приметъ сіе не иначе, какъ за должную справедливость.

Впрочемъ, предавая себя въ дальнѣйшее покровительство Общества Поощренія Художниковъ, имѣю честь быть и пр.

1824 г.

IX. Отъ Общества Поощренія Художниковъ Карлу Брюлову.

Одобривъ въ полной мѣрѣ выборъ вашъ картины *Madonna di Foligno* для копирования, Общество увѣрено, что вы приложите все ваше стараніе къ соблюденію въ копіи всѣхъ красотъ превосходнаго оригинала. Хотя замѣчанія ваши, основанныя на общемъ мнѣніи художниковъ римскихъ, касательно занатія копіями, справедливы, и въ Римѣ конечно съ большею пользою можно употреблять время на произведенія оригинальныя, но Общество, сдѣлавъ

вамъ предложеніе заняться одною изъ копій, руководствовалося слѣдующими причинами: вопервыхъ, по неимѣнію въ Россіи классическихъ произведеній первѣйшихъ мастеровъ италіанской школы, вы, какъ художникъ съ дарованіями, доставивъ превосходную копию, оказать можете весьма важную услугу. Вы убѣдитесь въ семъ, вспомнивъ копіи Угрюмова и Волкова, находящіяся въ Академіи Художествъ. Вотвторыхъ, вы избраны для сего потому именно, что Общество знаетъ ваши способности, и ожидаетъ, что вы произведете копию отлично хорошо. Втретьихъ, Общество предложило вамъ произвести не нѣсколько копій, но одну, а потому у васъ еще времени довольно для произведеній оригинальныхъ. И наконецъ, вчетвертыхъ, Общество не требуетъ у васъ исполненія предложенія его настоятельно. Вы знаете собственную вашу пользу, знаете, чего отъ васъ надѣются, слѣдовательно имѣете полную волю идти путями, кои надежнѣе приведутъ васъ къ усовершенствованію въ художествѣ.

Обществу весьма пріятно было замѣтить, что вы пользуетесь вниманіемъ такихъ знаменитыхъ художниковъ, каковы: г. кавалеръ Камуччини и г. Торвальдсенъ. Продолжайте снискивать ихъ расположеніе, просите у нихъ совѣтовъ, наставленій и готовьтесь въ свою очередь быть полезными другимъ.

Образъ жизни вашей и занятій въ Римѣ, насчетъ коихъ Общество имѣетъ самыя вѣрныя извѣстія, отъ особъ почтенныхъ, также приносятъ оному удовольствіе. Общество радуется выбору своему, и увѣрено, что вы и братъ вашъ, о которомъ равно отзываются съ отличною похвалою, будете отличными художниками и отличными людьми.

Насчетъ задачи вамъ для оригинальной картины предмета изъ отечественной исторіи, Общество находится въ большомъ затрудненіи, не въ выборѣ однакожъ, ибо Россійская исторія богата великими подвигами, но въ доставленіи вамъ способовъ къ исполненію картины со всею строгостью, какая требуется въ изображеніяхъ историческихъ. Вы знаете, что въ подобныхъ случаяхъ, особенно если происшествіе заимствуется изъ ближайшихъ временъ, художникъ обязанъ соблюсти съ точностью все то, что можетъ изображать характеръ времени и мѣсто дѣйствія. Избравъ предметъ изъ исторіи Петра Великаго, вамъ должно бы доставить портреты всѣхъ лицъ, входящихъ въ картину, точное свѣдѣніе о костюмахъ, и даже о томъ мѣстѣ, гдѣ происходило дѣйствіе, словомъ, поставить васъ въ возможность перенестись во времена Петровы и быть зрителемъ его дѣянія, безъ чего ни вы и никто изъ художниковъ не можете прозвести картины, удовлетворяющей людей просвѣщенныхъ, ищущихъ въ оной и ис-

искусства, и историческихъ познаній. Всякія историческія происшествія другаго европейскаго народа, кромѣ русскаго, можетъ быть производимо въ Римѣ, ибо древности сихъ народовъ собраны, гравированы и, сверхъ того, извѣстны ученымъ, находящимся въ Римѣ; но о Россіи немногіе имѣютъ свѣдѣнія точныя и въ самой Россіи, а тѣмъ-менѣе въ чужихъ краяхъ, слѣдовательно вамъ должно отложить ваше намѣреніе до возвращенія въ отечество. Здѣсь, руководимые совѣтами, и имѣя способы сообразовать сіи совѣты съ собственными вашими изысканіями, вы будете въ силахъ прозвѣсти вещь болѣе совершенную въ отношеніяхъ вышеизложенныхъ; Общество же поставитъ себя въ обязанность содѣйствовать вамъ по возможности и съ своей стороны удовлетворенію весьма похвальнаго намѣренія вашего. Впрочемъ, чтобы не оставить васъ вовсе безъ разрѣшенія на вопросъ о предметѣ для картины, Общество предлагаетъ вамъ изобразить патроновъ государя и государынь, то-есть Св. Александра Невскаго, праведную Елисавету и Марію Магдалину, представляющуюся у Пресвятой Дѣвы о покровительствѣ ихъ соименниковъ. Эта картина можетъ быть въ родѣ Мадонны Сикста, находящейся въ Дрезденѣ со слѣдующею разницей: верхъ картины можетъ занимать Пресвятая Дѣва, сѣдѣющая на облакахъ (безъ предвѣчнаго Младенца), окруженная небесными силами; почти въ срединѣ поименованные святые: по правую сторону Божіей Матери—Св. Александръ Невскій и Елисавета, а по другую—Марія; а низъ для объясненія предмета, или группа ангеловъ, поддерживающихъ императорскую корону, или видъ императорскаго дворца. На сей случай посылается вамъ чертежъ онаго, равно какъ рисунки императорской короны и костюма Александра Невскаго. Общество желаетъ видѣть въ произведеніи вашемъ искусство исполненія въ высшей сколько возможно степени, и для того назначаетъ для васъ предметъ, который можетъ быть богатъ по сочиненію, разнообразенъ по характерамъ лицъ, и наконецъ представляетъ удобство къ изображенію красоты идеальной, которая въ историческихъ несвященныхъ изображеніяхъ менѣе можетъ требоваться. Но и въ семъ случаѣ Общество не желаетъ васъ связывать. Если вы почему-либо предлагаемый вамъ предметъ найдете несогласнымъ съ требованіями вашего воображенія, то изберите другой изъ священной исторіи. Вы можете написать, напримѣръ, картину изъ текста: «таковыхъ бо есть царство небесное,» то-есть когда Спаситель благословляетъ приведенныхъ къ нему дѣтей. Лица: Иисуса Христа, апостоловъ, матерей, дѣтей и прочихъ присутствующихъ также представляютъ богатый и никѣмъ еще изъ отличныхъ художниковъ неисполненный предметъ. Если же и сего не пожелаете,

то напишите: Божию Матерь, Младенца Іисуса и Іоанна Крестителя, Іосифа и Елисавету съ ангелами. Во всякомъ случаѣ, Общество требуетъ, чтобы фигуры были въ натуральный ростъ, и чтобы въ произведеніи вашемъ соединено было сколь возможно болѣе частей, составляющихъ достоинство живописныхъ твореній. Сообщите о семъ отзывѣ Общества кавалеру Камуччини, и просите его быть вашимъ руководителемъ, и что съ его совѣта предпримете, доведите до свѣдѣнія Общества.

Картина, вами отправленная, ожидается съ нетерпѣніемъ. Будущія работы ваши также доставляйте по мѣрѣ окончанія оныхъ и вѣрьте, что Общество никогда не престанетъ вамъ покровительствовать, ибо не сомнѣвается, что вы будете всегда того достойны.

(На черновомъ проектѣ время отправки этого письма не означено).

Х. Отъ Карла Брюлова Обществу Поощренія Художниковъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца братъ мой отправился въ Неаполь и Сицилію на три мѣсяца; я предполагалъ употребить сіе время на продолженіе моихъ занятій въ Римѣ, но долженъ былъ перемѣнить порядокъ оныхъ, по случившемуся въ музеѣ Парижа: одна изъ лучшихъ картинъ Рубенса облита и совершенно испорчена купороснымъ масломъ. Сіе учинено художникомъ по неизвѣстнымъ причинамъ, почему картинныя галереи въ Парижѣ, во Флоренціи, и въ Римѣ были заперты на два мѣсяца, май и іюнь; въ сіе время я занялся слѣдующими эскизами: первый представляетъ братьевъ Іосифа, принесшихъ платье брата своего къ Іакову; второй, приходъ Герминіи къ пастухамъ изъ поэмы Торквато Тассо; третій, вакханальскій группъ: старый фаунъ выжимаетъ виноградъ, сидя подъ густымъ дубомъ, нависшимъ черезъ ручей; молодой фаунъ, по колѣна въ водѣ, держитъ на рукахъ молодую вакханку, которая старается достать виноградную кисть, висящую въ среднѣмъ дуба; маленькій сатиръ, стоя также въ водѣ, держитъ карвинку, для принятія винограда, а другой обмываетъ виноградъ. Всѣ сіи фигуры написалъ съ натуры. Потомъ началъ картину, представляющую Надежду, питающую Любовь; въ скоромъ времени надѣюсь оную кончить; также былъ занятъ портретами съ семейства его сіятельства князя Гагарина и его сіятельства графа Бутурлина, съ г. полковника Львова, съ г. архитектора Кленца, съ г. архитектора Мейера и съ г. скульптора Вагнера.

Г. полковникъ Львовъ заказалъ мнѣ двѣ картины: сюжетъ первой представляетъ приходъ Гермини къ пастухамъ; второй бѣсѣду Нумы Помпили съ нимъ-ой Эгерией.

Назначенную копию могу начать не прежде трехъ мѣсяцевъ, ибо художники, копирующие съ выбраннаго мною оригинала, не прежде сего срока надѣются кончить свои работы.

Познакомясь съ нѣмецкимъ художникомъ, г. Овербекомъ, занимающимся расписываніемъ по извести въ виллѣ Массими, я намѣренъ сдѣлать опытъ въ семъ родѣ, пользуясь его совѣтами. Впрочемъ, и т. д.

Римъ. 28 іюля, 1824 г.

XI. Отъ Карла Брюлова Обществу Поощренія Художниковъ.

Почтеннѣйшее Общество! Съ чувствительною признательностію принимаю лестный отзывъ обо мнѣ и смѣю надѣяться, что способствовавшіе къ усовершенствованію моихъ способностей и впредь не оставятъ меня своими наставленіями, ведущими меня къ предположенной цѣли; смѣю увѣрить почтеннѣйшее Общество, что и впредь буду употреблять всѣ силы мои къ оправданію лестнаго обо мнѣ мнѣнія вашего.

На предложенные Обществомъ сюжеты, г. кавалеръ Камуччини сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: первый сюжетъ, представляющій патроновъ государя и государыни, предстательствующихъ у Пресвятыя Дѣвы о покровительствѣ ихъ сомненникамъ, будетъ представлять близкое подражаніе Мадоннѣ Сикста или Мадоннѣ Фолинской, какъ въ композиціи, такъ и въ выраженіи, состоящемъ въ одномъ моленіи; при семъ замѣтилъ еще г. кавалеръ Камуччини, что Рафаэль никогда бы не выбралъ подобныхъ сюжетовъ, еслибъ ему оныя не были заказываемы.

Второй сюжетъ изъ текста находятъ г. Камуччини изъ удобнѣйшихъ для удовлетворенія надобностей картины, и признаетъ совершенно справедливыми причины, изложенныя почтеннѣйшимъ Обществомъ въ разсужденіи достоинства сего сюжета.

Третій сюжетъ, представляющій св. фамилію, всегда останется прекраснѣйшею картиною, но какъ она производима была почти всѣми лучшими художниками, то нельзя надѣяться, чтобъ молодой художникъ произвелъ сію картину съ тою же охотою, какъ картину вышеозначеннаго сюжета.

По основательному мнѣнію г. кавалера Камуччини и по собственному желанію, я избралъ сюжетъ изъ текста; въ будущемъ донесеніи буду имѣть честь переслать начисто сдѣланный

эскизъ, и смѣю просить почтеннѣйшее Общество сдѣлать свои замѣчанія, чѣмъ не премину воспользоваться.

Въ началѣ октября я могъ бы начать предназначенную копию по сдѣланному посольствомъ мнѣ предложенію, долженъ былъ переимѣнить свое намѣреніе.

Государь императоръ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Веронѣ, благоволилъ положить 5.000 рублей ежегодно на произведеніе копій съ лучшихъ картинъ, находящихся въ Италіи; копіи должны быть производимы русскіими пенсионерами, находящимися въ Римѣ или другихъ городахъ Италіи.

Русскіе посольство въ Римѣ предложило мнѣ скопировать «Аѳинскую школу», находящуюся въ стансахъ Рафаэля, въ величину оригинала. Величина холста предполагаемой копій должна занять почти всю комнату, загородить фрески на противной и примыкающей стѣнѣ, почему нельзя было получить позволенія на производство сего дѣла. Но безъ сомнѣнія, изъ уваженія къ лицу монарха не будетъ никакого прекословія. Для произведенія сей копій положить должно по меньшей мѣрѣ два года, что составляетъ почти все время моего остальнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, и какъ я обязанъ сдѣлать обѣщанную копию, для произведенія коей не буду имѣть времени, то не смѣлъ безъ согласія вашего принять сію работу. Почему посольство поручило мнѣ писать о семъ дѣлѣ въ Общество Поощренія Художниковъ, и буде Общество позволитъ мнѣ заняться сею работою, или пожелаетъ копию Мадонны Фолинской, во всякомъ случаѣ я обязанъ дать отвѣтъ въ посольство.

При семъ прилагаю мое мнѣніе о превосходствѣ оригинала «Аѳинской школы» предъ оригиналомъ Мадонны Фолинской.

Картина Мадонны Фолинской состоитъ изъ шести лицъ, жившихъ въ разныя столѣтія, почему не дѣлаютъ ни связи, ни группы, что совершенно противъ правилъ изящнаго искусства, и что подтверждаетъ мнѣніе г. кавалера Камуччини, что Рафаэль никогда бы не выбралъ подобнаго сюжета. Божія Матерь съ Иисусомъ есть вещь классическая, но которая безъ нижнихъ фигуръ не можетъ быть вразумительна, по отношенію къ онимъ, хотя многіе художники признали за возможное копировать одну верхнюю группу. По симъ причинамъ сія копія не можетъ принести той пользы молодымъ художникамъ, не имѣющимъ случая видѣть сіи произведенія въ оригиналѣ, какъ напротивъ «Аѳинская школа», которая заключаетъ въ себѣ почти все, что входитъ въ составъ художества: композиція, связь, разговоръ, дѣйствіе, выраженіе, противоположность характеровъ, благородство Аристотеля, простота Сократа, цинизмъ Діогена, простота соединенная съ величественнымъ стилемъ, натуральность освѣ-

ценія, жизнь всей картины, — все сіе кажется достигшимъ совершенства!

Три вѣка признали сіе твореніе единственнымъ изъ произведеній Рафаэля, и смѣю утвердительно сказать, что не надѣюсь никогда принести большія пользы отечеству, какъ скопировавъ сей оригиналъ съ должнымъ терпѣніемъ и прилежаніемъ, къ чему не мало будетъ поощрять меня мысль быть полезнымъ отечеству и содѣлаться по мѣрѣ силъ достойнымъ вниманія почтеннѣйшаго Общества. Впрочемъ, и т. д.

Пенсіонеръ Карлъ Брюловъ.

Римъ. 6 ноября, 1824 г.

ХІІ. Въ Общество Поощренія Художниковъ отъ пенсіонера Карла Брюлова донесеніе.

Апрѣля 29 дня сего 1825 года имѣлъ я честь получить предписаніе Общества Поощренія Художниковъ отъ 31 января, въ коемъ оно объявляетъ свое согласіе на производство копій «Левинской школы» Рафаэля и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляетъ желаніе, чтобы я, по окончаніи сей копій, произвелъ хотя одну значительную картину, пользуясь совѣтами знаменитаго кавалера Камуччини и излщными произведеніями, находящимися въ Римѣ. Общество при семъ обѣщаетъ продолжать мнѣ пенсіонъ мой на такое время, какое нужно будетъ для окончанія таковой картины; не имѣю словъ для выраженія моей благодарности за сію великую милость, но все мое стараніе, всѣ мои силы будутъ устремлены къ тому, чтобы ревностнѣйшимъ исполненіемъ желаній почтеннѣйшаго Общества доказать оную на самомъ дѣлѣ, и наконецъ заслужить справедливое вниманіе просвѣщенныхъ любителей искусства.

Предполагая впередъ, что прежде мая мѣсяца мнѣ не возможно получить разрѣшенія на мое предложеніе въ разсужденіи вышеупомянутой копій, и будучи впрочемъ совершенно увѣренъ въ согласіи Общества, я немедленно по отправленіи послѣдняго донесенія занялся приготовленіемъ нужныхъ для начатія оной работы матеріаловъ; но по неожиданнымъ препятствіямъ со стороны другихъ художниковъ, готовившихся работать въ той же залѣ, и по затрудненіямъ поставленнымъ отъ маджіоръ-дома, я не ранѣ могъ начать сію работу, какъ въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца. До сего числа у меня сдѣланъ весь абрисъ всей картины; мнѣ позволено будетъ при семъ замѣтить, что посред-

ствомъ сей копіи я могу вполне воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что Общество имѣло въ виду, назначая мнѣ, для сочиненія особенной картины, сюжетъ подобный Рафаэлевой Мадоннѣ *di S. Sisto*, что доставить мнѣ средство занять у Рафаэла то, что составляетъ его отличительное достоинство: величіе и изящнѣйшій стиль, и потомъ, чтобъ удалить меня отъ склонности къ манеру французской школы, который теперь къ сожалѣнію дѣйствительно виденъ во многихъ произведеніяхъ молодыхъ художниковъ¹. Насчетъ сего послѣдняго смѣю увѣрить почтеннѣйшее Общество, что я не нахожу французской школы стиль такъ соблазнительнымъ, и что одно внимательное разсмотрѣніе произведеній итальянской школы уже достаточно, чтобы предохранить отъ сего временнаго повѣтрія. Въ первыхъ числахъ апрѣля было здѣсь открытіе французской школы; всѣ работы пенсионеровъ ея, казалось, какъ бы были однимъ написаны, такъ онѣ однообразны въ сочиненіи, рисункѣ и краскахъ; можно сказать, что только довольно исправный, а иногда и хорошій, рисунокъ избавляетъ отъ рѣзкой критики.

Занятія мои въ продолженіи шести мѣсяцевъ состояли въ окончаніи работъ, означенныхъ въ послѣднемъ донесеніи. Сверхъ того, по неотступнымъ просьбамъ ея сіятельства графини Поточкой, долженъ я былъ сдѣлать ея портретъ, потомъ принцъ мекленбургскій также занялъ меня своимъ портретомъ. Теперь, кромѣ вышеупомянутой въ Ватиканѣ копіи, я началъ нѣсколько картинъ во фламандскомъ родѣ (*quadri di genere*), и по желанію ея сіятельства графини Нессельроде, я обѣщала ей написать пять картинъ, представляющихъ разныя національныя и характеристическія сцены Рима; его сіятельство князь Голицынъ пожелалъ также имѣть въ семь родѣ двѣ картины; его превосходительство г. Самаринъ заказалъ мнѣ пять подобныхъ картинъ; а его превосходительство К. А. Нарышкинъ двѣ таковыхъ же картины, предоставляя избраніе сюжетовъ на мою волю. Почтеннѣйшее Общество не поставитъ мнѣ въ вину, что я, занимаясь въ семь родѣ, нѣкоторымъ образомъ какъ бы отступилъ отъ настоящихъ моихъ занятій; всѣ сіи картины я надѣюсь окончить въ досужіе часы, нисколько не удѣляя времени отъ главнаго моего упражненія, ибо Ватиканская галлерей, кромѣ того что по субботамъ и воскресеньямъ тамъ запрещается работать, бываетъ два раза въ недѣлю (въ понедѣльникъ и четвергъ) отъ полудня до вечера отворена для публики; такимъ образомъ, имѣя три дня въ

¹ Въ послѣднихъ двухъ фразахъ: о главныхъ достоинствахъ Рафаэла и о распространеніи французскаго вкуса въ живописи, Брюловъ буквально повторяетъ слова одного изъ писемъ Общества Поощренія Художниковъ.

недѣлю свободныхъ, но отрывками, и, слѣдовательно, не удобныхъ для какого-либо важнѣйшаго занятія, могу легко окончить всѣ предложенныя мнѣ работы въ теченіе одного года.

Впрочемъ, заслужить и оправдать оказанныя мнѣ Обществомъ милости, есть всегдашняя цѣль моя, если я оной и не достигну, то увѣренъ, что мои старанія достигъ ея не останутся безъ вниманія. Въ сей увѣренности, предавая себя въ дальнѣйшее покровительство почтеннѣйшаго Общества и пр.

Римъ. 1825, іюля 17.

XIII. Отъ Общества Поощренія Художниковъ пенсіонеру Карлу Брюлову.

Послѣ двухъ почти лѣтъ нетерпѣливаго ожиданія, комитетъ Общества получилъ наконецъ картину вашу изображающую италіанское утро, въ видѣ дѣвочки, моющейсѣ у фонтана. Прелестное произведеніе сіе плѣнило равно всѣхъ членовъ Общества, выборъ предмета и исполненіе онаго въ полной мѣрѣ заслужили общее одобреніе. Вы доказываете симъ произведеніемъ и ваши способности, и ваше искусство. Живопись требуетъ вкуса чистаго, выполненія тщательнаго. Въ вашей картинѣ видны и тогъ, и другое; но чтò всего болѣе радуется комитетъ Общества, то это то, что вашъ первый трудъ внѣ отечества доказываетъ ясно тѣ великія надежды, кои Общество въ правѣ имѣть на васъ въ послѣдствіи, и кои безъ всякаго сомнѣнія вы совершенно оправдаете. Комитетъ нашелъ въ вашемъ произведеніи красоты высшей степени, особенно по части живописи, и нашелъ оное достойнымъ представленія на благоусмотрѣніе ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Ея величество разсматривать изволила картину вашу съ особеннымъ удовольствіемъ, и благоволила отдать (какъ офшціально извѣщаетъ секретарь государыни императрицы) полную справедливость дарованіямъ и искусству вашему. При удобномъ времени, комитетъ не оставитъ дать вашему прилежному произведенію приличное и сообразное съ достоинствомъ назначеніе¹. Доселѣ удерживался комитетъ съ отзывомъ своимъ къ вамъ, вопервыхъ по отсутствію

¹ Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, Общество увѣдомило Брюлова, что картина его поднесена Обществомъ императору Николаю Павловичу, который пожаловалъ за нее Брюлову перстень въ 2000 рублей и пожелалъ имѣть, подъ пару къ ней, другую подобную картину, также представляющую дѣвочку.

многихъ членовъ, а наконецъ по причинѣ, поразившей всѣхъ неописанною горестью кончины всемилощивѣйшаго государя императора Александра Павловича.

Теперь же, не желая пропустить удобнаго случая въ вѣрному доставленію вамъ отзыва, комитетъ извѣщаетъ васъ о полученіи пріятнѣйшаго письма вашего отъ 17 іюля. Судя по образу мыслей вашихъ и занятій, Общество къ величайшему удовольствію своему убѣждается, что вы идете къ совершенству прямымъ путемъ и любите трудъ. Если будущіе шаги ваши равны будутъ первому шагу, то оно отъ васъ не далеко. Трудитесь: правительство, Общество и публика вознаграждать васъ. Ведите притомъ себя такъ, какъ вели доселѣ. Это главнѣйшая просьба людей, всею душою желающихъ вамъ добра. Вторая, и не менѣе усердная: сообщать имъ о себѣ и о своихъ занятіяхъ сколько можно чаще и сколь можно подробнѣе.

(Времени посылки этого письма, на черновомъ, не обозначено.)

XIV. Обществу Поощренія Художниковъ отъ пенсіонера Карла Брюлова.

Симъ честь имѣю донести, что октября 2 дня сего 1825 года полученъ мною отъ почтеннѣйшаго Общества Поощренія Художниковъ пакетъ съ приложеніемъ 250 червонныхъ.

Около сего жъ числа извѣстившись здѣсь, черезъ комиссіонера г. де-Сантиса, о прибытіи работы моей въ С.-Петербургъ, и зная изъ многихъ примѣровъ, случавшихся съ художниками, отсылавшими въ Петербургъ свои работы, что оныя чрезъ долгое время не были доставляемы въ надлежащее мѣсто и претерпѣвали значительно отъ сырости таможенныхъ кладовыхъ,—нахожусь принужденнымъ просить, дабы почтеннѣйшее Общество вытребовало изъ таможи мою картину, и поручило кому-нибудь изъ художниковъ привести ее въ настоящее положеніе, если она повредилась какимъ-либо образомъ.

Общество не преминетъ замѣтить въ сей картинѣ нѣкоторую переимѣну моего манера, а многіе можегъ-быть найдутъ въ ней излишнюю отдѣлку подробностей, и даже сухость; на сіе я и самъ согласился бы, когда былъ въ Петербургѣ, и не видалъ еще Леонардо да-Винчи, Рафаэля и прочихъ классическихъ мастеровъ, кои превосходятъ другихъ вѣрнымъ изображеніемъ натуры и тщательною отработкою всѣхъ тонкостей, какія только могутъ быть видны простому глазу. Вникая въ ихъ произведенія, я увѣренъ, что сколько широкая и мягкая кисть нужна въ большихъ картинахъ, кои зритель не иначе можетъ видѣть, какъ

на такомъ разстояніи, на какомъ всякая окончательность для него теряется, столько же или еще болѣе требуется строгая отдѣлка въ маленькой картинѣ, для разсматриванія коей должно приближаться такъ, чтобы глазъ зрителя былъ занятъ одною ею. По симъ причинамъ предпринялъ я въ вышеупомянутой картинѣ сдѣлать опытъ сего рода живописи.

При семъ препровождаю эскизъ заданной почтеннѣйшимъ Обществомъ картины, покорнѣйше притомъ прося сообщить мнѣ свои на оный замѣчанія и увѣдомить также о назначеніи сей картины: если она назначается для какой-либо церкви или иного опредѣленнаго мѣста, въ такомъ случаѣ мнѣ необходимо знать ея мѣру.

Главное занятіе мое, въ продолженіе сего времени, состояло въ копированіи Рафаэлевой «Аѳинской Школы», какъ о томъ уже имѣлъ честь доносить Обществу: по сіе число подмалевана почти половина всей картины. Предавая себя и пр.

Римъ. 17 октября, 1825 г.

XV. Отъ Карла Брюлова Кикину.

Ваше пр-во, м. г.! 2-го октября получилъ отъ Общества П. Х. пакетъ съ приложеніемъ 250 червонныхъ, также милостивое письмо мовашего пр-ва, на которое намѣренъ былъ отвѣчать въ то же время, но былъ задержанъ случаемъ, могущимъ послужить къ сдѣланію письма сего не столько незначительнымъ. Прежде нежели приготовить письмо къ вашему пр-ву, я пошелъ по-смотреть постриженіе въ монахини, котораго еще никогда не видалъ, въ монастырѣ *Vatiano Gesù*. Прелестная дѣвица вступала въ число прелестныхъ отшельницъ; ея рѣшительность, близость минуты, послѣ которой она уже не будетъ существовать для міра, ни міръ для нея, и сомнѣніе, что будетъ ли счастлива, принеши себя въ жертву фанатизму, болѣе огорчили; нежели растрогали душу; но вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ, какъ вѣра укрѣпилась и успокоила ее; тутъ слезы были видны на глазахъ каждаго, и я, казалось мнѣ, не желалъ еще никогда никому болѣе счастья, какъ сей на минугу явившейся и исчезнувшей навсегда. Сцена сія сильно впечатлѣлась въ моемъ воображеніи; я предпринялъ сдѣлать эскизъ, и увѣренъ, что хотя какъ ни слабо выраженіе представляемаго дѣйствія, чего въ эскизѣ и требовать нельзя, но безъ сомнѣнія, можетъ доставить нѣкоторое удовольствіе вамъ, что почту пріятнѣйшею для меня наградою. Честь имѣю и пр.

2 января, 1826 г.

XVI. ОБЩЕСТВУ ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ ОТЪ ПЕНСИОНЕРА КАРЛА БРЮЛОВА ДОНЕСЕНІЕ.

По отправленіи послѣдняго моего донесенія ¹, я немедленно занялся картиною, въ томъ донесеніи означенною, но нашедшись нѣмнѣ принужденнымъ оную оставить и перемѣнить сюжетъ, почитаю долгомъ предувѣдомить о семъ почтеннѣйшее Общество. Причина, побудившая меня къ таковой перемѣнѣ, состоитъ въ томъ, что я, при оканчиваніи картины, ни коимъ образомъ не могъ удовлетворить своимъ требованіямъ въ разсужденіи огненнаго освѣщенія. Разсматривая притомъ произведенія извѣстнѣйшихъ мастеровъ, представлявшихъ подобныя сцены, я усомнился въ возможности изобразить таковое освѣщеніе сходно съ натурою, и потому не захотѣлъ болѣе бороться съ трудностями, которыя едва ли преодолѣть можно, и жертвовать для того временемъ, которое можно употребить съ большею пользою. Новый избранный мною сюжетъ представляетъ собраніе винограда: молодая дѣвушка стоитъ на лѣстницѣ, подъ виноградникомъ, съ корзинкою на лѣвой рукѣ, правою же отламываетъ кисть винограда. Если сей сюжетъ не столь придетъ подъ пару «Италіянскому утру», сколько прежній, за то я могу надѣяться болѣе въ ономъ успѣть, и счастливѣе привести оный къ окончанію. Впрочемъ онъ можетъ быть названъ *полднемъ*. Для вѣрнѣйшаго расположенія тѣней и свѣта, я работаю сію картину подъ настоящимъ виноградникомъ въ саду.

Вниманіе, коего почтеннѣйшее Общество удостоило первые мои труды, и желаніе заслужить равно и въ семъ случаѣ одобреніе гг. членовъ онаго, служатъ мнѣ поощреніемъ къ предолѣтнію трудностей, съ симъ предметомъ сопряженныхъ.

Между тѣмъ я продолжаю также оканчивать мою копию съ «Аѳинской Школы» но болѣшую часть времени занимаюсь вышеозначенною работою, и надѣюсь мѣсяца черезъ два привести къ окончанію: такимъ образомъ, весною будущаго 1827 г. можно будетъ оную сдать для пересылки въ Петербургъ.

Предавая себя и пр.

24 октября 1826.

¹ Это донесеніе не дошло до Общества, и, повидимому, затерялось въ дорогѣ.

XVII. Обществу Поощренія Художниковъ отъ пенсіонера Карла Брюлова донесеніе.

Января 17 дня сего 1827 г., я имѣлъ честь получить предписаніе Общества Поощренія Художниковъ съ полугодичнымъ мѣсячъ пенсіономъ, составляющимъ 125 червонныхъ, и при семъ пакетъ со 100 червонными, на имя г. Бруни, коему и доставилъ оныя по принадлежности.

Меня весьма удивило, прочитавъ, что Общество до сихъ поръ не имѣло отзыва на его предписаніе отъ 31 марта, въ коемъ, по волѣ государя императора, оно поручило мнѣ написать, для его величества, картину подъ пару «Италіянскому утру», ибо я, немедленно по полученіи предписанія, занялся выборомъ сюжета, который могъ бы представлять «Италіянскій вечеръ» и въ то же время имѣлъ честь донести почтеннѣйшему Обществу о слѣдующемъ сюжетѣ, взятомъ мною съ природы, подобно первому: молодая дѣвушка, возвратившись домой по окончаніи праздника, подходит къ окну, чтобъ оное запереть; держа въ одной рукѣ лампу, другою дѣлаетъ италіянскій знакъ пріветствія лицу, предполагаемому внѣ дома. Послѣ сего, другимъ донесеніемъ, отъ 24 октября, я увѣдомлялъ о перемѣнѣ сюжета, и о причинѣ, къ тому меня побудившей, а именно: что, начавъ работать сію картину, я увѣрился въ невозможности приблизиться достаточно къ натурѣ, насчетъ огненнаго освѣщенія. Новый избранный мною сюжетъ представляетъ собраніе винограда при полдневномъ освѣщеніи, о чемъ я тогда же имѣлъ честь донести.

Почтеннѣйшее Общество пишетъ также, что не имѣло отвѣта на другое предписаніе свое, содержащее утвержденіе эскиза, представляющаго благословеніе дѣтей, и препорученіе на новую картину, коей сюжетъ оно представляло на мой выборъ, съ условіемъ, чтобы въ оной были помѣщены двѣ фигуры въ естественную величину. На сіе я долженъ отнестись, что ни о семъ новомъ порученіи, ни объ утвержденіи перваго эскиза, никакимъ предписаніемъ я не былъ увѣдомленъ, а потому и полагаю, что бумаги сіи въ какомъ-либо мѣстѣ задержаны или затеряны. Когда пріищу для сей новой картины такой сюжетъ, который могъ бы меня остановить и удовлетворить всѣмъ требованіямъ, то не замедлю представить оный вмѣстѣ съ эскизомъ на утвержденіе Обществу.

Теперь главное мое занятіе состоитъ въ оканчиваніи картины для его величества. Нашедши, что невозможно заниматься съ

равною удачей въ одно и то же время двумя предметами, требующими равно особеннаго вниманія, я оставилъ копию «Аѳинской Школы» до того времени, пока не окончу вышеупомянутой картины; тогда, по днямъ, въ которые Ватиканъ бываетъ запертъ, я могу начать картонъ для картины, представляющей Спасителя съ младенцами, для коей между тѣмъ теперь приготавливаю матеріалъ. Предавая себя и т. д.

Римъ. 10 марта 1827.

XVIII. Обществу Поощренія Художниковъ отъ пенсiонера Карла Брюлова донесеніе.

Августа 17 числа сего 1827 г. я имѣлъ честь получить отъ почтеннѣйшаго Общества Поощренія Художниковъ на имя мое предписаніе, съ приложеніемъ векселя на 250 червонныхъ за сей текущій годъ. При семъ Общество обѣщаетъ продлить мнѣ пенсiонъ, доселѣ мною получаемый, ещѣ на годъ, и желаетъ знать, достаточенъ ли сей срокъ на окончаніе моихъ работъ: «Аѳинской Школы» и двухъ картинъ, заказанныхъ почтеннѣйшимъ Обществомъ.

На сіе имѣю честь донести, что «Аѳинскую Школу» я надѣюсь кончить въ декабрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. Копія сія могла бы уже быть кончена, еслибы наступившіе жары не прервали моихъ занятій въ Ватиканѣ и не ограничили ихъ въ одной мастерской. Здѣсь окончивъ картину подъ пару «Италіянскому утру», которую не могъ послать тогда же по причинѣ свѣжести красокъ, я рѣшился воспользоваться продолжающимся лѣтомъ, чтобы осмотрѣть Неаполь и его древности, полагая сіе необходимымъ для всякаго художника. Возвратившись въ Римъ, я немедленно передалъ сію картину извѣстному здѣсь коммиссiонеру, г. де-Сантису, для пересылки въ Петербургъ, адресовавъ на имя его превосходительства Петра Андреевича Кикина.

Отъ начала іюля и до конца августа мѣсяца пробылъ я въ Неаполѣ. Краткость времени не позволила мнѣ видѣть ни вѣсъ острововъ, ни многихъ окрестностей города, вообще славныхъ въ мірѣ своими прелестными видами; но я старался извлечь всю возможную пользу изъ сего путешествія, наблюдая все, что имѣетъ непосредственную связь съ моимъ художествомъ. Въ особенности же старался я болѣе ознакомиться съ древностями Бурбонскаго музея, единственнаго по своему собранію вазъ, бронзъ и фресокъ, найденныхъ при открытіи Геркулана и Помпей. Разсматривая сіи послѣднія, я встрѣтилъ сюжетъ, могущій удовлетворить требованію почтеннѣйшаго Общества, заказывающаго мнѣ картину съ условіемъ, чтобы помѣстить въ оной двѣ

или три фигуры нагіа. Фрескъ сей представляетъ похищеніе нимфами Гиласа, друга Геркулесова. Сочиненіе онаго весьма слабое; рисунокъ весьма несправный, но сюжетъ самый я нахожу прекраснымъ, и избравъ оный для произведенія требуемой отъ меня картины, осмѣливаюсь предложить его почтеннѣйшему Обществу на одобреніе. Между тѣмъ, я уже занялся сочиненіемъ эскиза для сей картины. Намѣреваюсь начать оную тотчасъ по окончаніи копій «Аѳинской Школы», и общаю почтеннѣйшему Обществу употребить всѣ мои силы, чтобы кончить въ означенный, въ послѣднемъ предписаніи, срокъ. Впрочемъ могу утверждать навѣрное, что буду въ состояніи сіе исполнить, ибо подобныя предпріятія, какъ то не безызвѣстно, много зависятъ отъ непредвидѣнныхъ затрудненій: въ такомъ случаѣ смѣю надѣяться, что почтеннѣйшее Общество не откажетъ въ нужномъ пособіи. Предавая себя и т. д.

19 ноября 1827.

XIX. Отъ Карла Брюлова Кикину.

Ваше пр-во, м. г., Петръ Андреевичъ. Причиной моей медленности въ письмѣ было желаніе сдѣлать письмо мое сколько-нибудь пріятнѣйшимъ, и не находя способовъ къ оному въ перѣ, намѣренъ былъ приложить къ оному рисунокъ какой-нибудь интересной сцены подобной рисунку, представляющему постриженіе монашеники, который, какъ ваше пр-во выразились въ письмѣ вашемъ, доставило вамъ не малое удовольствіе, что принимаю какъ величайшую награду за слабый трудъ мой. Прочитавши письмо ваше съ чувствомъ благодарности, которую напрасно бѣ старался выразить непокорнымъ моимъ перомъ, положилъ за непремѣнное посылать вамъ съ каждымъ письмомъ и рисунокъ въ замѣну моей мѣшкотности, намѣреніе сіе казалося мнѣ весьма легкимъ въ произведеніи въ дѣйствіе, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ противное; будучи занятъ важными работами, не могъ удѣлить времени для вашего рисунка; привыкши выпускать труды своихъ рукъ, которые бы заслуживали хотя нѣсколько счастливое мнѣніе публики обо мнѣ, не могъ рѣшиться сдѣлать что-нибудь, какъ-нибудь, и ожидая вдохновенія, дождался до того, что посторонніе люди должны увѣдомлять обо мнѣ, и, не желая вторичнаго упрека, спѣшу увѣдомить ваше превосходительство, что я занимаюсь (не прибавляя) какъ должно, чгд нѣсколько оправдываетъ меня въ собственныхъ глазахъ моихъ. Копія «Аѳинской Школы», приведенная почти къ концу, начинаетъ меня радовать, воображая какую пользу можетъ доставить она начинающимъ и даже

окончившимъ курсъ художникамъ. Сіе единственное твореніе генія, преисполненное глубочайшаго разсудка и обработаннѣйшаго вкуса, ведетъ художника гораздо надежнѣе къ цѣли, нежели всѣ академіи (по заведеніи коихъ не видимъ мы болѣе и тѣни художниковъ XV¹ столѣтія); одно желаніе мое теперь есть, чтобъ копія поставлена была въ академію, гдѣ бѣ она служила для учащихъ художественною философіей.

Картину подъ «Италіянскому утру» окончилъ въ іюні мѣсяцѣ, но не могъ послать по причинѣ свѣжести красокъ, и отложилъ пересылку оной до возвращенія изъ Неаполя; пробывши тамъ іюль и августъ, надѣюсь провести сіе жаркое время съ большею пользою въ воляжѣ, среди развалинъ Помпей и Геркулана, нежели въ раскаленномъ Римѣ и въ бездѣйствіи, съ головою болью, которая увеличилась до того, что я нерѣдко долженъ бывалъ оставлять мои занятія. Здѣшніе доктора, довольно опытные, совѣтовали мнѣ пользоваться морскими ваннами; опытъ совершенно оправдалъ ихъ мнѣніе, я почти совершенно освободился отъ болѣзни, обременявшей меня съ дѣтскихъ лѣтъ; возвратясь изъ Неаполя въ концѣ августа, передалъ картину для государя императора для пересылки въ Петербургъ, на имя вашего превосходительства. Ожидаю съ нетерпѣніемъ доставленія оной на мѣсто; страхъ или сомнѣніе не удовлетворитъ ожиданію публики, можетъ-быть, мѣшали мнѣ видѣть ее въ настоящемъ видѣ, почему смѣю просить васъ не лишать меня вашихъ и почтеннѣйшаго Общества замѣчаній, коими впредь буду стараться воспользоваться. Честь имѣю и т. д.

12 ноября 1827.

XX. Отъ Карла Брюлова къ Кикину.

Ваше пр-во, м. г., Петръ Андреевичъ! Въ послѣднемъ письмѣ изъявили вы желаніе имѣть отъ меня картину изъ масла; я не имѣлъ тогда времени, почему и не могъ обѣщать. Теперь же, будучи занятъ одною только картиною для Общества Поощренія Художниковъ, могу удѣлить время, полагая, что нельзя будетъ заниматься непрерывно одною работою, почему и прошу ваше пр-во увѣдомить меня о родѣ, въ какомъ желаете картину; въ историческомъ, или въ какомъ написаны для графини Нессельроде; также смѣю просить увѣдомить о величинѣ и о сюжетѣ, если имѣете оный на примѣтѣ, чѣмъ сократите для меня много вре-

¹ Брюловъ, конечно, хотѣлъ сказать XVI столѣтія. Здѣсь онъ слѣдовалъ привычкѣ Италіянецъ, которые называютъ художниковъ XV вѣка—*quattrocentisti*, а XVI вѣка—*cinquecentisti*.

меня для приисканія онаго; вамъ не безызвѣстна моя мѣшкотность насчетъ сего, особливо судя по послѣдней моей картинѣ, подъ пару «италиянскому утру», для которой избраніе сюжета мнѣ стоило болѣе времени нежели самое произведеніе. Но въ оправданіе сего скажу, что весьма затрудняло меня найти равный интересъ въ дѣйствіи, повторяя почти тотъ же предметъ. Трудность сего я избѣжалъ; не знаю, всегда непостоянная публика будетъ ли довольна сею работою, какъ первою. По крайней мѣрѣ я прилагалъ все мое стараніе, въ награду чего надѣюсь пользоваться замѣчаніями просвѣщенныхъ любителей. Ваше право по неизмѣнной благосклонности вашей къ намъ, не откажетесь написать, не щадя честолюбія художника, замѣчаній какъ гг. любителей, такъ и гг. художниковъ, насчетъ сей работы, зная, какую пользу приносить не ослѣпленному артисту справедливая критика.

Я, сдѣлавши покупки, состоящія изъ двухъ манкиновъ, цѣна коихъ превзошла 2000 франковъ, въ томъ числѣ нѣсколько книгъ по части художествъ, посему намѣревался употребить въ пользу полученный мною перстень; но даваемая за него цѣна составляетъ менѣе половины петербургской оцѣнки, почему нахожусь принужденнымъ просить ваше право если только возможно, обмѣнять его на деньги, хотя и съ процентами, по уложенію кабинета; надѣюсь, что ваше право одобрите такое употребленіе съ пользою, изъ царскаго подарка; если же ваше пр-во найдете сію мѣну сколько-нибудь затруднительною, въ такомъ случаѣ рѣшаюсь уплатить изъ заработанной мною маленькой суммы, которая могла бы служить для переды основаніемъ, о чемъ я всегда забочусь по возможности, слѣдуя вашимъ отцовскимъ наставленіямъ, кои для меня пребудутъ навсегда незабвенны. Съ истиннымъ почтеніемъ. и т. д.

1828 г. 29 февраля.

XXI. Г. Пенсіонеру Общества Поощренія Художниковъ Карлу Брюлову.

Комитетъ Общества, получивъ картину трудовъ вашихъ, писанную для государя императора и представляющую «полдень», къ особенному удовольствію нашелъ въ ней достоинства, свидѣтельствующія объ успѣхахъ вашихъ въ живописи. Гг. члены отдають полную справедливость сочиненію сей фигуры и выполненію тѣла, при трудномъ вами избранномъ освѣщеніи. Одно замѣчаніе, которое дѣлали впрочемъ на сіе прекрасное произведеніе, состояло въ томъ, что ваша модель была болѣе

пріятныхъ нежели изящныхъ соразмѣрностей, и хотя по предмету картины не требовалось въ семь послѣднемъ случаѣ слишкомъ строгаго выбора, но онъ не былъ бы излишнимъ, поелику цѣлю искусства вообще должно быть изображеніе природы въ изящнѣйшемъ видѣ, а изящныя соразмѣрности не суть удѣлъ людей извѣстнаго класса, но представляютъ нѣрѣдко даже въ самомъ простомъ образцы удивительные. Это замѣчаніе дѣлаетъ комитетъ единственно по настоятельному желанію вашему знать мнѣніе безпристрастное о вашей картинѣ, увѣряя васъ, что кромѣ немногихъ строгихъ, хотя и справедливыхъ судей, которые при всемъ томъ отдавали вамъ весьма большую похвалу, всѣ вообще восхищались вашимъ произведеніемъ. Доказательствомъ впечатлѣнія, которое произвела картина ваша на всѣхъ, видѣвшихъ ее, можетъ служить для васъ то, что члены комитета рѣшились случаемъ представленія оной государю императору воспользоваться, для исходатайствованія высочайшаго позволенія на опредѣленіе десятилѣтняго брата вашего, Ивана Брюлова, въ Академію Художествъ пенсіонеромъ его величества, и что государь соизволилъ опредѣлить его въ академію на свой счетъ и сверхъ того пожаловалъ вамъ, въ знакъ высочайшаго благоволенія, препровождаемый при семь брилліантовый перстень, позволивъ Обществу литографировать картину вашу. Такимъ образомъ трудъ вашъ награжденъ вниманіемъ монаршимъ и благодареніемъ, которое оказано малолѣтнему брату вашему. Комитетъ, зная правила ваши, увѣренъ, что вы отъ души порадуетесь такому успѣху своего произведенія.

Насчетъ предметовъ для картинъ, которыя вы по порученію Общества должны произвести къ возвращенію своему въ Россію, комитетъ даетъ вамъ полную свободу; пребываніе ваше въ Римѣ отсрочиваетъ еще на будущій 1829 годъ, который будетъ послѣднимъ. Комитетъ, Общество и вся публика, принимая живѣйшее участіе въ васъ, радуются, что вы будете достойны милостей Общества и государя, и что твореніями, которыхъ отъ васъ ждутъ, какъ отъ профессора, проложите себѣ вѣрный путь къ счастію и уваженію соотечественниковъ.

«Аѳонской Школы» комитетъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ, и, по желанію вашему, когда получится, будетъ просить императора о помѣщеніи ея въ академію. Отзывъ о сей копіи изъ Рима дѣлаютъ вамъ отличнѣйшую честь¹, а художники, коимъ она доставитъ существенную пользу, будутъ вамъ всегда благодарны.

¹ Въ одномъ письмѣ, писанномъ изъ Рима къ одному изъ членовъ Общества Поощренія Художниковъ, и находящемся при дѣлѣ о Брюловыхъ, сказано, что Каммучини, увидѣвъ копію «Аѳонской Школы» Карла Брюлова, говорилъ, что «еще никогда подобной копіи съ Рафаэля до сихъ поръ не было, хотя многіе отличнѣйшіе художники копировали съ его творенія».

Комитетъ требуетъ отъ васъ, чтобы вы отзывались въ Общество чаще, и полагаетъ, что вы не въ правѣ ему отказать въ исполненіи налагаемой на васъ легкой обязанности.

19 іюня 1828 г. (послано 23 іюля).

XXII. Обществу Поощренія Художниковъ отъ пенсіонера Карла Брюлова донесеніе.

Черезъ предписаніе почтеннѣйшаго Общества Поощренія Художниковъ отъ 23 іюля, увѣдомился я о пожалованіи мнѣ, въ знакъ высочайшаго благоволенія, перстня, и объ опредѣленіи брата моего въ академію. Зная, что безъ предстательства почтеннѣйшаго Общества, труды мои не могли заслужить подобныя милости, и чувствуя всю цѣну оказаннаго брату моему благодѣанія, не нахожу словъ для выраженія моей благодарности, и только надѣюсь, что усерднѣйшее исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на меня Обществомъ обязанностей можетъ со временемъ доказать оную отчасти. Также приношу нижайшую благодарность за сдѣланныя насчетъ послѣдней моей картины, весьма справедливыя замѣчанія. Причиною моей погрѣшности было желаніе отличить сію картину и самимъ отличіемъ формъ отъ первой картины, представляющей подобный же предметъ; находя же, что правильныя формы всѣ между собою сходствуютъ какъ то особенно замѣтно въ статуяхъ, гдѣ сія чистота формъ необходима, и что въ картинахъ, посредствомъ красокъ, освѣщенія и перспективы, художникъ приближается болѣе къ натурѣ, и имѣетъ нѣкоторое право иногда отступить отъ условной красоты формъ, я рѣшился искать того предположеннаго разнообразія въ тѣхъ формахъ простой природы, которыя намъ чаще встрѣчаются, и нерѣдко болѣе даже нравятся, нежели строгая красота статуй. Сіи-то разсужденія ввели меня въ ошибку, но я надѣюсь, что почтеннѣйшее Общество впередъ увидитъ, сколько я старался воспользоваться его замѣчаніями.

О моихъ занятіяхъ честь имѣю донести, что копія «Афинской Школы» совершенно кончена, и будущею весной будетъ отправлена въ С.-Петербургъ. Теперь какъ, по случаю установленія русской церкви въ домѣ нашего посольства, всѣ русскіе художники, находящіеся въ Римѣ, взяли на себя съ согласія г. посла, пожертвовать, для украшенія оной, своими трудами, мнѣ досталось написать царскія двери; въ половинѣ октября сія работа должна быть кончена. Послѣ сего я располагался начать

немедленно картину для Общества, но его сіятельство князь Г. И. Гагаринъ объявилъ мнѣ, вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, чтобъ я безъ всякаго отлагательства началъ картину для ея императорскаго величества Маріи Феодоровны, а посему я и долженъ необходимо снова отложить, по крайней мѣрѣ еще на два мѣсяца, начатіе картины для Общества.

Между тѣмъ нахожусь принужденнымъ утруждать почтеннѣйшее Общество покорнѣйшею просьбою, дабы оно приказало сдѣлать нужныя розысканія въ разсужденіи моего пенсіона, столь милостиво мнѣ продолженнаго, и котораго я еще не получалъ за сей 1828 г.; предполагаю, что или вексель на оный какимъ-либо образомъ утратился, или можетъ-быть онъ хранится до случая въ канцеляріи нашего посольства въ Вѣнѣ. Смѣю надѣяться, что почтеннѣйшее Общество Поощренія Художниковъ не откажетъ въ семъ случаѣ милосливо мнѣ вспомоствовать, и я, совершенно предавая себя въ покровительство онаго, и т. д.

1828 г. 27 сентября.

XXIII. Отъ Карла Брюлова Обществу Поощренія Художниковъ.

Я имѣлъ честь получить предписаніе почтеннѣйшаго Общества Поощренія Художниковъ отъ апрѣля мѣсяца 26 числа, съ приложеніемъ векселя въ 250 червонныхъ, пожалованныхъ мнѣ въ пенсіонъ за 1828 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивыя обѣщанія переслать мнѣ въ концѣ сего года такую же сумму за 1829 г., съ тѣмъ, дабы я по истеченіи сего срока окончилъ заказанную мнѣ почтеннѣйшимъ Обществомъ картину.

Лестная для меня увѣренность почтеннаго сословія, коего мощному покровительству я обязанъ первымъ успѣхомъ моимъ на стезѣ художествъ, и чувство благодарности за оказанный мнѣ благодѣянія, возлагаютъ на меня священную обязанность объяснить Обществу причины, принуждающія меня уклонить отъ себя новые знаки его благорасположенія, и поставляющія меня въ невозможность выполнить, какъ бы я желалъ, требованія онаго. Определенный мнѣ пенсіонъ всегда былъ почитаемъ мною неточно какъ знакъ милостиваго къ слабымъ трудамъ моимъ вниманія Общества, но и какъ право онаго требовать отъ меня, дабы я посвящалъ почти исключительно время и способности мои къ вѣщему снисканію столь поощрительной для меня довѣренности; но какъ въ продолженіе двухъ лѣтъ отпускъ пенсіона по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ пресѣкъся,—не получая притомъ никакого разрѣшенія на сдѣланное мною почтеннѣйшему Обществу

въ августѣ 1828 г. покорнѣйшее представленіе,—не долженъ ли я былъ, къ крайнему моему прискорбію заключить, что и вниманіе Общества ко мнѣ прекратилось? Лишась такимъ образомъ его покровительства, я нашелся принужденнымъ, чтобы вмѣстѣ не лишиться способовъ къ содержанію,—заняться посторонними работами.

Во время пребыванія своего въ Римѣ, государыня великая княгиня Елена Павловна благоволила заказать мнѣ свой портретъ въ ростъ и нѣсколько копій съ него; для приведенія къ концу сихъ работъ, мнѣ нужно по крайней (мѣрѣ) шесть мѣсяцевъ, а по окончаніи оныхъ я обязался письменнымъ договоромъ г. Демидову написать картину, изображающую «Послѣдній день Помпей», по сдѣланному уже эскизу; работу сію я обязанъ окончить въ концѣ 1830 г.

Сколько ни прискорбно для меня видѣть, что я ошибся въ предположеніи моемъ и какъ ни лестно получить новое доказательство одобренія почтеннѣйшаго Общества, но находя себя не въ правѣ пользоваться онымъ, и уповая на справедливость гг. сочленовъ, убедительно прошу позволить мнѣ возратить при семъ доставленный ко мнѣ вексель, какъ награду за время, которое я употребилъ не въ пользу Общества, а на произведеніе постороннихъ работъ. Если же, по окончаніи сдѣланныхъ мною обязательствъ, Обществу еще угодно будетъ признать меня достойнымъ своей довѣренности, и почесть за благо возобновить назначенный мнѣ пенсіонъ, то я употреблю всѣ мои старанія для оправданія оказанной мнѣ довѣренности.

Римъ. Мая 28, 1829 г.

Этимъ письмомъ кончаются письменныя сношенія Карла Брюлова съ Обществомъ. Здѣсь можно только прибавить, что по прибытіи въ Петербургъ копій съ «Афинской Школы», осенью 1829 г., министръ двора, кн. Волконскій уведомилъ Общество Поощренія Художниковъ, что копія эта пожалована государемъ императоромъ академіи художествъ, а Брюлову заплачено за нее 15.000 руб. асс. и пожалованъ орденъ Владиміра 4 степени.

Мы видѣли выше изъ послѣдняго письма Брюлова, что онъ контрактомъ обязался написать А. Н. Демидову, къ концу 1830 года, картину «Послѣдній день Помпей». Сюжетъ этой картины, какъ мнѣ извѣстно отъ А. Н. Демидова, предложенъ былъ имъ Брюлову во время посѣщенія ими обоеими вмѣстѣ развалины Помпей; Брюловъ съ большимъ энтузіазмомъ принялъ предложеніе и очень скоро набросалъ первоначальный эскизъ (находящійся нынѣ у профессора Рихтера въ Москвѣ), противъ котораго многое однакоже въ послѣдствіи измѣнено, когда картина

начала приводится въ дѣйствительное исполненіе. Несмотря на контрактъ, картина не была кончена къ назначенному сроку. Нѣкоторыя любопытныя подробности, сюда относящіяся, мы узнаемъ изъ слѣдующихъ двухъ писемъ Брюлова:

XXVI. Отъ Карла Брюлова А. Н. Демидову.

Милостивый государь, Анатолій Николаевичъ! Хотя не получалъ отвѣта на письмо, адресованное мною въ С.-Петербургъ на ваше имя, касательно картины «послѣдняго дня Помпеи»¹, однако же г. Весковали увѣдомилъ меня, что вы желаете уничтожить контрактъ по сему дѣлу, ежели сія вышеупомянутая картина еще не начата. По многимъ непредвидѣннымъ занятіямъ для двора россійскаго, я не имѣлъ на холстѣ другаго кромѣ однихъ начертаній фигуръ; время приближалось къ концу контракта, а окончаніе картины слишкомъ было далеко отъ онаго. Итакъ, найдя разрѣшеніе ваше совершенно справедливымъ, мнѣ не оставалось ничего другаго, какъ безъ малѣйшаго ропота пожалѣть только о томъ, что случай воспрепятствовалъ мнѣ воспользоваться столь лестнымъ для меня препорученіемъ, надѣясь однакоже, что уклоненіе ваше отъ картины нисколько не отклонило отъ лестнаго для меня расположенія, и не лишило вашей довѣренности. Будучи въ томъ и другомъ совершенно увѣренъ, долгомъ себѣ поставляю въ представившемся нынѣ непріятномъ случаѣ въ разсужденіи пенсіонера вашего Козлова изъяснить вамъ, что весьма справедливо ваше предписаніе: «выслать Козлова изъ Рима, какъ человѣка съ худою нравственностью, и весьма малыми способностями», который, имѣя достаточный пенсіонъ для своего образованія, не умѣлъ цѣнить вашей милости, и былъ не что другое, какъ негодяй и порча для себя и своихъ товарищей². Касательно же остальныхъ трехъ, грѣшно и несправедливо бы было съ моей стороны не поручиться за ихъ поведеніе и способности: ибо признаюсь по справедливости, что они при хорошей нравственности надѣлены отъ природы отличными способностями, могущими совершенно выполнить прекрасное и человѣколюбивое ваше предназначеніе. Въ похвалу ихъ занятій и къ удовольствію ихъ покровителя могу сказать, что Федоровъ, Казицынъ и Дмитріевъ, въ теченіе двухъ

¹ Это письмо утрачено, вѣроятно, на почтѣ.

² Здѣсь говорится о четырехъ молодыхъ людяхъ, присланныхъ съ нижнетагильскихъ заводовъ А. Н. Демидова, въ Римъ, для обученія ихъ искусству.

лѣтъ успѣли столько, что рѣдкіе сего достигаютъ въ столь короткое время. Итакъ, примѣтивъ въ снхъ трехъ таковую склонность къ изящному искусству, непростительно было бы съ моей стороны, обязавшись имѣть надзоръ по части художества надъ ними, не уведомить васъ о ихъ успѣхахъ и не просить, чтобы вы не вмѣняли проступокъ Козлова имъ, и оставили ихъ (то-есть снхъ трехъ) въ Римѣ, для окончанія столь счастливо начатаго дѣла, и для чести великаго покровителя.

Имѣю честь быть и пр.

Римъ. 1830 г. сент. 4.

На это письмо А. Н. Демидовъ отвѣчалъ Брюлову просьбою снова приняться за «Послѣдній день Помпей», назначивъ для окончанія картины такой срокъ въ новомъ контрактѣ, какой Брюловъ признаетъ самъ за лучший для себя. Что касается пенсіонеровъ, то обѣцано было въ точности выполнить желаніе Брюлова. Послѣ того, Брюловъ написалъ А. Н. Демидову слѣдующее, второе и послѣднее письмо:

XXV. Отъ Карла Брюлова А. Н. Демидову.

М. г., Анатолій Николаевичъ! Неполученіе вашего отвѣта на мое письмо, состоящее въ согласіи и благодарности къ вамъ, милостивый государь, за возобновленное препорученіе произвести для васъ картину, нисколько не препятствовало мнѣ заняться оною, согласясь со вторичнымъ препорученіемъ сдѣланнымъ мнѣ въ послѣднемъ вашемъ письмѣ; почему она уже болѣе мѣсяца какъ производится, и рѣшась не принимать никакихъ работъ прежде ея окончанія, могу быть твердо увѣренъ, что она окончится къ назначенному сроку; ибо сіе пріятное ваше препорученіе сдѣлало меня невѣроятно дѣятельнымъ. Я бы васъ не беспокоилъ снмъ письмомъ, ежели бы новость, привезенная Весковаліемъ, не заставила меня по совѣсти вступиться въ дѣло невинно обвиненнаго архитектора Казицына, вашего пенсіонера, который или по ошибкѣ, или по клеветѣ заслужилъ ваше негодованіе. Возможно ли, чтобъ вы въ одно и то же время лишили вашего благодѣянія и самого лучшаго, и самого негоднаго изъ вашихъ пенсіонеровъ? Скажу вамъ чистосердечно, что Казицынъ одинъ достоинъ болѣе всѣхъ троихъ вашихъ милостей, какъ по своему хорошему поведенію, такъ и по отличному дарованію: ибо въ теченіе трехлѣтняго его пребыванія въ Римѣ, онъ не только оказалъ отличные успѣхи въ художествѣ, но даже въ наукахъ. Итакъ, вида въ немъ всѣ сіи отлич-

т. XXXV.

ныя качества, не могу догадаться, почему онъ оказался передъ вами столь виновнымъ, что долженъ отправиться въ Сибирь, вмѣстѣ съ негодеемъ Козловымъ.

Въ оправданіе его скажу, что онъ находился всегда въ нашемъ обществѣ, гдѣ всѣ гг. россійскіе пенсіонеры, уважая вашу благородную цѣль, употребляютъ всѣ средства къ подаванію совѣтовъ, могущихъ служить къ его пользѣ, плоды коихъ въ немъ ясно оказываются. О занятіяхъ его довольно сказать, что онъ занимается въ студіи г. архитектора Ефимова, пенсіонера его императорскаго величества, которую я нерѣдко посѣщаю, и съ радостію примѣчаю, съ какою быстротою онъ идетъ впередъ; въ особенности меня удивилъ оконченный имъ планъ, фасадъ и профиль греческаго храма *di Nemese in Attica*, послѣ коего онъ уже началъ съ успѣхомъ заниматься измѣреніемъ остатковъ отъ храмовъ *nel foro romano* съ г. Ефимовымъ. Итакъ, вида въ немъ совершенное выполненіе предназначенной цѣли, долгомъ поставляю просить васъ не прекращать милостей тому, кто вполне умѣетъ пользоваться ими.

Увѣренъ, что вы войдете въ его положеніе и повѣрите вторично безкорыстному моему ходатайству, удостоивъ его вашихъ милостей, для продолженія его образованія въ Римѣ.

Я имѣю достаточное подозрѣніе, что Казицынъ подпалъ подъ немилость вашу единственно по клеветѣ Дмитріева, вашего же пенсіонера, о коемъ вы сами отзывались очень не выгодно, находясь въ Римѣ, и который поддѣлался къ Весковалию, человѣку недалекому, коему осмѣлился Дмитріевъ сказать, что онъ не можетъ работать до тѣхъ поръ, пока Казицынъ не будетъ высланъ; между прочимъ, какъ Казицынъ, такъ и мой ученикъ Федоровъ занимаются прилежно, и гораздо съ большимъ успѣхомъ, не безпокоясь пребываніемъ Дмитріева въ Римѣ, коего поведеніе гораздо менѣе одобрительно, ибо онъ долженъ, но Весковалию того не знаетъ; занятія его ничтожны, а Весковалию кажутся значительными. Послѣ сихъ объясненій, я надѣюсь, что вы въ угожденіе Весковалию не пожертвуете участію молодого человѣка, доселѣ вами благодѣтельствуемаго.

Всѣ сіи непріятности, происходившія доселѣ между вашими пенсіонерами, не происходили отъ другаго, какъ отъ немѣня надлежачаго надзора, ибо надзоръ Весковалия сколько былъ нуженъ по ихъ пріѣздѣ, для ихъ экипированія и для пріисканія квартиръ, столько же теперь бесполезенъ для усовершенствованія ихъ въ художествахъ. Можетъ ли тотъ человѣкъ быть имъ полезенъ, который, очернивъ предъ вами человѣка, самъ сознается, что онъ невиненъ и обманываетъ васъ, что Казицына нельзя отправить по болѣзни, между прочимъ онъ здоровеше-

некъ; изъ сего можно видѣть, что Весковали совершенно негодятся въ наставники. Если вамъ угодно будетъ поручить ихъ мнѣ, я охотно и безкорыстно принимаю на себя сію пріятную обязанность изъ уваженія къ вамъ.

Въ ожиданіи отвѣта, честь имѣю быть и проч.

16 апрѣля. 1831 г.

Вслѣдствіе этого письма, участь сибирскихъ пенсіонеровъ А. Н. Демидова была устроена такъ, какъ просилъ Брюловъ.

Послѣдній день Помпеи былъ оконченъ въ 1833 г. и помѣщенъ на Миланской художественной выставкѣ этого года, стараніями графини Самойловой, какъ видно изъ письма А. Н. Демидова къ его брату въ ноябрѣ 1833 года. Изъ этого же письма узнаемъ, что эта картина отправлена на парижскую художественную выставку 1834 г. не по желанію самого Брюлова, а А. Н. Демидова, который упросилъ русскаго посланника въ Парижѣ устроить это съ тѣми лицами, отъ которыхъ зависѣли распоряженія по выставкѣ.

Напечатанные до сихъ поръ списки Брюловскихъ работъ чрезвычайно неполны, и потому я полагаю, что будетъ кстати представить здѣсь слѣдующій списокъ, который хотя и не имѣетъ претензіи быть совершенно-полнымъ, но все-таки заключаетъ въ себѣ исчисленіе гораздо большаго количества произведеній этого художника чѣмъ прежніе. Я не вездѣ могъ обозначить годъ, когда произведена та или другая картина, тотъ или другой портретъ или рисунокъ, а также и то, кому именно принадлежитъ въ настоящее время каждая изъ этихъ вещей, но Брюловскія работы такъ многочисленны и такъ разсыяны по разнымъ мѣстамъ, что врядъ ли когда-нибудь представится возможность составить имъ *совершенно-полный* списокъ со всѣми точными обозначеніями времени ихъ происхожденія и мѣста, гдѣ онѣ нынче находятся. Въ заключеніе, я долженъ упомянуть здѣсь, что мой списокъ свѣренъ съ тѣмъ, который составленъ А. Н. Струговщиковымъ, и котораго часть продиктована ему самимъ Брюловымъ. (Списокъ этотъ вѣроятно будетъ въ послѣдствіи напечатанъ, вмѣстѣ съ интересными записками А. Н. Струнина о Брюловѣ.)

А. Картины и эскизы масляными красками: Этюдъ съ натурщика, въ видѣ генія (за него Брюловъ получилъ серебряную медаль), находится въ натурномъ классѣ Академіи Художествъ; Парисъ—академическій этюдъ (у г. Кокорева); Нарцисъ; явленіе трехъ ангеловъ Аврааму (за эти двѣ кар-

тны, находящіяся въ музеѣ Академіи, Брюловъ получилъ 2-ю и 1-ю золотую медаль); Эрминія у пастуховъ (у г. Прянишникова); Последній день Помпеи (1833); Инесь-ди-Кастро (у князя Голицына въ С.-Петербургѣ, 1834); нашествіе Гензериха на Римъ, эскизъ (у г. Прянишникова, 1836); осада Пскова (1836—40); Вирсавія со служанкой (у г. Солдатенкова); Ангелъ и Пери; Распятіе (въ лютеранской церкви Петра и Павла, 1838); взятіе Божіей Матери на небо (въ Казанскомъ соборѣ, 1840); Троица (въ церкви Сергіевской пустыни близъ С.-Петербурга, 1840); Христосъ, Божія Матерь и Евангелисты (въ церкви на Аптекарскомъ острову); Исусъ Христосъ съ крестомъ, въ ростъ (у г. Кокорева); четыре евангелиста (въ церкви Екатерины мученицы); Исусъ Христосъ во гробѣ (транспарантъ у графа Адлерберга, картонъ у г. Прянишникова); Ангелъ молитвы; эскизы для купола Исаіевскаго собора, разныхъ величинъ; Бичеваніе и Исусъ передъ Пилатомъ, 2 эскиза для того же собора (у В. И. Григоровича); Воскресеніе Христа, эскизъ запрестольной картины для Московской церкви Спаса (у г. Кокорева); голова Христа въ терновомъ вѣнцѣ (у г. Прянишникова); та же голова въ однихъ контурахъ сепіей (у А. Н. Струговщикова); Св. Александра, возносящаяся на небо (въ Царскосельскомъ дворцѣ); явленіе Богоматери Св. Сергію (у г. Кокорева); Покровъ, маленькій образъ (въ Архангельскѣ 1848); Благовѣщеніе, маленькій же образъ (у А. П. Брюлова); Распятіе, эскизъ (у Титтони, въ Римѣ, 1850); Аполлонъ; Аврора (обѣ картины у г. Альфераки, въ Таганрогѣ); Діана и Эндиміонъ, эскизъ (у великой княгини Маріи Николаевны); солнечное затменіе, эскизъ (у А. П. Брюлова); Юнона, Геркулесъ и Парка (эскизъ у А. Н. Струговщикова; подмалеванная картина у г. Корицкаго); вакханка и вакхантъ, эскизъ (у г. Титтони, въ Римѣ); Италіанское утро; Италіанскій полдень (обѣ картины въ зимнемъ дворцѣ); monte Testaccio; собраніе винограда (обѣ у графа Нессельроде); пиццерари; вечерня (обѣ у графа Ферзена); юбилей въ Римѣ; народная римская сцена; Ромулъ и Ремъ (у г. Самарина); монахи въ женскомъ монастырѣ; Бахчисарайскій фонтанъ (1838); внутренность италіанской кухни (всѣ три у г. Бенардаки); игра въ мячъ въ Римѣ (у князя Гагарина); евнухъ въ серафѣ (у Ф. П. Брюлова); четыре возраста (у г. Самарина); то же (у А. Н. Струговщикова); поющія монахини французскаго монастыря въ Римѣ *du Sacré Coeur* (у одного художника, въ Римѣ); монахини у органа, эскизъ (у г. Кокорева); Вирсавія въ ваннѣ (неконч., у него же); возвращеніе папы Пія IX въ Римъ послѣ 1849 г. (у г. Титтони); дѣвочка въ лѣсу (у него же); процессія испанскихъ слѣпыхъ (у него же); голова Данте; царскія двери въ церкви русскаго посольства въ Римѣ (писаны во время перваго пребыванія въ Римѣ).

Копія Брюлова: съ «головы Христа» Гвидо Рени, съ «Pietà» Риберы; со «Св. Цециліи» Рафаэля (только контуръ); съ «Аѳинской школы» Рафаэля; съ «головы Іоанна евангелиста» Доменикино.

Б. *Акварели и рисунки.* По разчету самого Брюлова (въ разговорѣхъ съ А. Н. Струговщиковымъ), раньше его послѣдней болѣзни и поѣздки за границу въ 1850 году, имъ было сдѣлано до тѣхъ поръ рисунковъ: *карандашомъ* около 200, *сепіей* около 160, *акварелью* около 130. Если принять эти цифры даже только за приблизительныя, невозможно исчислить всѣхъ рисунковъ, сюда принадлежащіе. Самое значительное число ихъ находится въ альбомахъ: у великой княгини Маріи Николаевны, у А. Н. Демидова, у князя Г. Г. Гагарина, у княгини Гагариной (матери кн. Григ. Григ.), у графа Орлова-Давыдова, у графа Ферзена, у графини Самойловой и т. д. Здѣсь я ограничусь указаніемъ нѣкоторыхъ самыхъ примѣчательныхъ акварелей: сладкія воды въ Азіи; Рিশелье, танцующій передъ Авной Австрійскою (у великой княгини Маріи Николаевны); сонъ бабушки и внучки (у великой княгини Елены Павловны); исторія любви (рядъ картинъ разнообразнаго содержания); прерванное свиданіе; семейство Корреджіо (послѣднія три картинки награвированы на стали въ альманахѣ г. Владиславева *Утрення Заря*); Екатерина II за туалетомъ (награвирована на стали въ изданіи *Сто русскихъ литераторовъ*); больной; сонъ Турчанки; сонъ Гречанки; сонъ молодой монашенки, которую приходитъ будить старая монахиня; сонъ молодой дѣвушки, передъ разсвѣтомъ, между тѣмъ какъ за окномъ пастухъ трубятъ въ рожокъ (послѣдніе четыре мотива очень часто повторяются въ разныхъ альбомахъ); Италіанка въ лѣсу; исповѣдь Италіанки; Турчанка въ окнѣ съ букетомъ цвѣтовъ; одалиска на диванѣ; константинопольскій рынокъ; прогулка султанскихъ женъ въ лодкѣ; пилигримъ у Латеранской базилики; балъ у австрійскаго посланника въ Константинополь; турецкое кладбище въ Скутари, Гречанки, кормящая сахаромъ лошадь своего возлюбленнаго; праздникъ *del infiorata* въ окрестностяхъ Рима (у кн. Г. Г. Гагарина); монашенки (у графини Бобринской); восточныя бани (у г. Теребенева); пробужденіе малютки отъ летаргіи въ гробикѣ; миненте, цѣлующій черезъ балкончикъ руку Альбанезки (у графа Ферзена); мать, просыпающаяся отъ плача ребенка, сепіей (у него же); ребенокъ кормящій виноградомъ ослика; рыцарь, посылающій рукою поцѣлуй своей возлюбленной; поцѣлуй рыцаря черезъ рѣшетку сада (у графини Бобринской); поцѣлуй рыцаря у балкона (у кн. Г. Г. Гагарина); то же (у графини Самойловой); рыцарь цѣлующій ножку дамы черезъ рѣшотку балкона; рыцарь на берегу моря; первый поцѣлуй; прощаніе арапа Петра Великаго съ

графиней; раненый Грекъ, падающій съ коня; возвращеніе Италианокъ съ Monte Cavo; *trio* изъ оперы *Bianca e Gualtiero* (у М. Ѳ. Ростовцевой); Рафаэль въ Сикстинской капеллѣ, во время отсутствія Микель-Анджело (у великаго герцога тосканскаго); римскій пастухъ, верхомъ, прощается съ своею любезною, сепія (у г. Титтони, въ Римѣ); возвращеніе его, сепія (у него же); угощеніе виномъ въ римской таратайкѣ, сепія (у него же); неаполитанскіе ладзарони, спящіе на улицѣ въ полдень; сепія (у князя Мещерскаго); италіанскій нищій (у кн. Г. Г. Гагарина); беременная женщина разсматриваетъ рубашечку будущаго ребенка, между тѣмъ какъ мужъ ея сколачиваетъ люльку; Петръ Великій съ рулемъ; онъ же съ глобусомъ; виды Греціи въ альбомахъ графа Орлова-Давыдова и А. Н. Демидова.

Карандашомъ: Діана на крыльяхъ ночи (у г. Абазы); поле сраженія послѣ битвы рыцарей съ мусульманами (у великой княгини Маріи Николаевны); открытіе Леверрье; летящее Время; Минерва прогоняетъ отъ искусства удовольствія; Эвридика; Агамемнонь; Петръ Великій чертящій у стола; снятіе со креста; Роденъ и дѣвица Кардовиль; Карлъ IX, стрѣляющій въ народъ во время Варшавской ночи (въ 9 у г. Коричкаго); карриатура на сочиненія Овербека и пурштовъ; богъ *Iodio* летящій; богъ *Iodio* изгоняющій Венеру; онъ же изгоняющій Венеру и Бахуса (у г. Титтони въ Римѣ); превращеніе книгъ въ головы; Донъ-Жуанъ и лонна-Анна (награвированы на стѣли для *Ста русскихъ литераторовъ*); Ермакъ (награвированъ А. Н. Оленинымъ); вольтижеръ на конѣ (у г. Кокорева); апофеоза Наполеона.

В. Портреты. Масляными красками: князей Гагариныхъ (1824); архитектора Кленце (1824); А. Н. Львова (1824); скульптора Вагнера (1824); архитектора Мейера (1824); г. Бутурлина (1824); принца мекленбургскаго (1825); графини Потоцкой (1825); пѣвицы Пасты; нѣсколько портретовъ графини Самойловой; графа Орлова-Давыдова; Гречанки Фифины (въ послѣдствіи г-жа Ленцъ); скульптора Витали; доктора Шереметевскаго; кардинала Капочеллатро; княгини Волконской (въ тюрбанѣ); г. Бонфона, директора ліонской академіи; г. Баруцци, римскаго скульптора; г. Фумазоле, инспектора миланской академіи живописи; г. Маццарони; пѣвицы Ренчи-ди-Беннсъ; семейства г-жи Маріетти (7 фигуръ, въ Миланѣ); архитектора А. М. Горностаева; великой княгини Елены Павловны (нѣсколько портретовъ разной величины, 1829 и позже); А. Н. Демидова (неконч., 1831); дѣтей князя Волконскаго (1840); дѣтей князя Витгенштейна; 5 портретовъ семейства Дурново (1836); г-жи Маковской (1836); г-жи Бекъ; г. и г-жи Рамазановыхъ (1836); доктора Орлова (1836); доктора Канулера; доктора Пеликана (1837); г. Шепелева (1836); г-жи

Семеновой (1836); г-жи Беклешовой; г-жи Бутягиной; г-жи Мушной-Пушкиной; императрицы Александры Ѳеодоровны, вел. княжъ: Марш, Ольги, Александры Николаевнъ, Марш, Елисаветы и Екатерины Михайловнъ (всѣ семь неконч.); графини Шуваловой, въ замужствѣ Бобринской (1849); Н. В. Кукольника (1836—1837); Плат. Вас. Кукольника (неконч., 1841); Пав. Вас. Кукольника (1841); гр. А. А. Перовскаго; гр. Л. А. Перовскаго; Крылова (1841); архитектора И. А. Монигетти (1839); гр. Матвѣя Юрьев. Вѣльгорскаго (1840—1841); Жуковскаго (1841); герц. Самтыковой (1838); А. Н. Струговщикова (1840); А. П. Брюлова (1840); В. В. Самойлова; его супруги (съ гитарой); кн. А. Н. Голицына (1840); г-жи Меллеръ-Закомельской съ дочерью и К. П. Брюловымъ въ лодкѣ; дѣвицъ Шиммаревыхъ (1838); доктора Яныша (1841); гр. Шуваловой (нѣсколько портретовъ); доктора Маркуса; кн. Мещерскаго; кн. Паскевича; (неконч.); кн. Грузинскаго; кн. А. А. Голицына; г. Лихонина; Авроры Карловны Демидовой, урожд. Шернваль (1838); г-жи Кузнецовой; граф. Самойловой (съ маскарадомъ въ фонѣ картины; 1841); г-жи Тонъ; кн. М. А. Оболенскаго (1840); живописца Яненко (рыцаремъ, 1841); доктора Эдекауера (1848); пѣвицы Петровой (1841); г. Поливанова; г. Прянишникова (1849); гр. Фикельмона; Карла Брюлова (1850); герцога Лейхтенбергскаго, два портрета (1850); Анджело Титтони (1851); Джулія Титтони (Жанной д'Аркъ, 1851); матери Титтони (1851); княгини Багратионъ (1850); римскаго археолога Ланчи (1851).

Акварелью: графа Нессельрода; княгини Гагариной; княгини Зененды Волконской; г-жи Хлюстиной; мальчика г. Хлюстина; А. И. Тургенева; капитана (въ послѣдствіи адмирала), Корнилова на пароходѣ, вѣдущемъ подъ его командою въ Константинополь, въ числѣ пассажировъ и самъ Брюловъ; нѣсколько портретовъ граф. Самойловой; г-жи Бутеневой; кн. Голицыной; княг. Воронцовой; граф. Разумовской; княг. Самтыковой; г-жи Нарышкиной; граф. Ферзенъ; г-жи Мариетти; дочери французскаго посланника въ Римѣ; графа Мерселесъ, посланника въ Римѣ; тронхъ братьевъ Титтони и жены одного изъ нихъ съ дѣтьми (1851).

В. Стасовъ.

ЗАПИСКИ

ГАРИБАЛЬДІЙЦА

ХІ. Воксалъ.

Я очнулся въ фургоны. Мною овладѣло какое-то летаргическое состояніе; я не могъ ни пошевелиться, ни издать звука, а вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ и понималъ все, и окружавшая меня адская сцена съ такою болѣзненною ясностію врѣзалась въ мою память, что врядъ ли когда-нибудь позабуду ее. Стоны и пронзительные крики, дребезжаніе колесъ и гулъ отдаленной перестрѣлки, я слышалъ и различалъ все. Прямо противъ меня лежала какая-то уродливая масса, въ которой трудно было узнать человѣческую фигуру; лицо было черное какъ уголь, ни бровей, ни усовъ, ни волосъ на головѣ; все вспухло и черты слились въ безобразный нарывъ. Видъ его возмущалъ во мнѣ всѣ внутренности, и я не могъ повернуться, не могъ отвернуть голову. На полу фургона сидѣлъ кто-то съ опущенною на грудь головой, такъ что лица его мнѣ не было видно; въ волосахъ запекалась кровь, и кисти его измученныхъ рукъ съ оборванными ногтями и пальцами лежали на голой обнаженной груди; и я чувствовалъ, какъ изъ нихъ по каплямъ сочилась горячая кровь. Самъ

я не чувствовалъ никакой физической боли, но мною овладѣло полное изнеможеніе, притупленіе всѣхъ силъ, право стоившее всякой боли.

Фургонъ тащился медленно, дребезжа и подпрыгивая по неровной мостовой, и каждый толчокъ его сопровождался воплями несчастныхъ пассажировъ. Не знаю сколько времени продолжалось это дьявольское путешествіе. Мы дотащились наконецъ до воксала желѣзной дороги, гдѣ, какъ я уже сказалъ, былъ устроенъ первый перевязочный пунктъ. Нѣсколько легко-раненныхъ, блѣдные, измученные, толпились на площадкѣ. Сицилійскій офицеръ, командовавшій стражею общественнаго спокойствія (*guardia di sicurezza*), гарцовалъ на ворономъ конѣ и отдавалъ приказанія своимъ людямъ, выгружавшимъ раненныхъ изъ фургона. Сострадательное лицо добраго капитана, не успѣваго еще свыкнуться съ отвратительными ужасами войны, судорожно содрагалось всякій разъ, когда новая обезображенная фигура появлялась на черныхъ залитыхъ кровью носилкахъ; но онъ старался подавить въ себѣ этотъ человѣческій трепеть, какъ не соответствовавшій отправляемой имъ обязанности.

Очередь дошла и до меня. Четверо дюжихъ рукъ подхватили меня подъ плечи и за ноги, не обращая никакого вниманія на то, что правый бокъ мой представлялъ одну сплошную рану. Когда я очутился на носилкахъ, капитанъ подѣхалъ ко мнѣ, и, узнавъ меня по ножнамъ турецкой сабли, единственной принадлежности моей особы, которая сохранила свой естественный видъ, онъ пришелъ въ такой ужасъ, что забылъ даже чувство собственнаго достоинства. До этого, мы встрѣчались съ нимъ въ кофейной; какъ-то онъ оказалъ мнѣ довольно значительную услугу, а я нарисовалъ его портретъ; однимъ словомъ, мы были друзья закадычные.

— *Santo Diavolone!* едва проговорилъ онъ отъ волненія:—я тебя, *caro mio*, такъ обработали.

Чувствительный Сициліянецъ растрогался до того, что въ эту минуту считалъ меня своимъ единственнымъ и лучшимъ другомъ. Я ни словомъ, ни взглядомъ не могъ выразить ему благодарность за участіе; онъ, кажется, счелъ меня убитымъ, и принялся читать окружавшимъ мою надгробную рѣчь, въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

— Ну, не разбойники ли, *Virgine Santissima!* не суще ли еретики эта сволочь? (Эта часть его рѣчи относилась къ бурбон-

цать.) Вотъ посмотрите сюда: вѣдь не узнаешь, что человекъ лежить... Осторожнѣе, Пиппо, ты несешь раненаго, словно куль сушеныхъ фигъ... А я зналъ его, былъ его другомъ, и могу сказать вамъ, что это за человекъ такой былъ. Въ полчаса бывало нарисуетъ портретъ съ кого хотите, съ ногами, со всѣмъ, и рубашку красную сдѣлаетъ. Давно ли подумаетъ дѣлать онъ мой портретъ, тутъ въ кофейной del Molo, за бутылкой чентербе... Чентербе пилъ онъ какъ природный Калабриецъ... Похоже вышло очень; всѣ, кому ня покажу, сразу говорятъ: да это Чезаре Пинни. Я женѣ послалъ его; кто знаетъ, вѣдь можетъ и я завтра буду на этихъ же носилкахъ. А онъ, сердечный, не поплачетъ по-дружески надо мной, какъ вотъ я теперь надъ нимъ плачу.

И донъ-Чезаре, забывъ совершенно долгъ службы, утиралъ грязною перчаткой глаза.

— Ну, да кладите его осторожнѣе сюда на диванъ; онъ еще чувствуетъ.

Я дѣйствительно чувствовалъ. Дюжя руки усердныхъ сподвижниковъ донъ-Чезаретакъ меня комкали и давили, что у меня вырвался какой-то нечленораздѣльный звукъ. Чувствительный капитанъ обрадовался. Молодой докторъ развязно подошелъ ко мнѣ, сопровождаемый фельдшеромъ, навьюченнымъ коробкою походныхъ медикаментовъ.

— Экъ одолжили! Флегматически замѣтилъ онъ, разсматривая меня и закуривая сигару.

— Да что съ нимъ? тревожно спросилъ Пинни, —будетъ онъ живъ, какъ вы думаете?

— Что? Кажется, граната огрѣла. Рана впрочемъ не опасна, не видно, чтобы что было изломано. Умереть бы не отъ чего. Да только мы всѣ здѣсь такую собачью жизнь ведемъ, что готовы придраться къ первому случаю и высунуть языкъ. Все полумертвыхъ навезли, прибавилъ онъ съ неудовольствіемъ, — не у кого и разспросить, что у нихъ тамъ дѣлается такое. Денекъ жаркій.

Между тѣмъ онъ досталъ изъ коробки пузырекъ, и налилъ мнѣ изъ него въ ротъ нѣсколько капель. Это меня освѣжило.

— Добрый стаканъ марсалы разомъ бы поставилъ его на ноги. А вотъ посмотримъ, что у него въ фляжкѣ.

Фляжка оказалась пуста. Благодаря усердію Чезаре Пинни нашелся стаканъ марсалы. Мнѣ влили его въ глотку. Онъ подѣйствовалъ хорошо. Меня попробовали поставить. Правый сапогъ

казалось быль налить свинцомъ; голова кружилась, и я повалился какъ снощъ. Меня уложили на чистомъ воздухѣ. Докторъ все добивался, чтобъ я разказалъ ему о ходѣ битвы, но я не въ состояніи быль связать двухъ словъ. Дѣлать было нечего. Онъ пожелалъ мнѣ скораго выздоровленія, и отправился къ другимъ раненымъ.

Я лежалъ въ тѣни на жесткомъ диванѣ. Чувства мои мало-по-малу стали приходить въ порядокъ. Громъ пушекъ и ружейный огонь продолжались съ прежнею яростью. Постоянно подвозили раненыхъ. Когда пришелъ новый фургонъ, изъ него вынули и положили подлѣ меня юношу съ красивымъ лицомъ, блѣднымъ какъ полотно. Темно-каштановые волосы космами падали на высокій лобъ; легкій пухъ едва отънялъ верхнюю губу. Онъ былъ спокоенъ; глаза закрыты; ни раны, ни крови не было видно на немъ, только рубаха на груди была слегка разорвана. Когда его снимали съ носилокъ, онъ застоналъ судорожно вытянулся, и возлѣ меня положили уже трупъ его, безъ малѣйшаго признака жизни.

Тѣхъ изъ раненыхъ, которые не могли выдержать дальнѣйшей перевозки, бережно переносили въ госпиталь Санта-Маріи. Многіе умирали пока ихъ укладывали на носилки. Остальныхъ рѣшили переслать по желѣзной дорогѣ въ Казерту, гдѣ госпиталь больше и удобнѣе. Я попалъ во вторую категорію. Въ ожиданіи поѣзда мы лежали на дебаркадерѣ. Директоръ станціи, семейство его и нѣсколько другихъ чиновниковъ внимательно за нами ухаживали. Число ожидавшихъ постоянно увеличивалось; вновь прибывавшіе были по большей части ранены ружейными пулями, изъ чего можно было заключить, что дѣло приняло другой оборотъ.

Едва мои мысли немного пришли въ порядокъ, я вспомнилъ рѣшительную минуту, въ которую я оставилъ сраженіе. Исходъ его сильно интересовалъ меня.

Между тѣмъ вагонъ съ порохомъ и зарядами, о которомъ я телеграфировалъ въ Казерту, нѣсколько часовъ тому назадъ, успѣлъ явиться. Изъ батареи былъ присланъ офицеръ главнаго штаба для наблюденія за разгрузженіемъ его. Отъ него я узналъ слѣдующее:

Кавалерійскій полкъ, шедшій на насъ въ атаку былъ встрѣченъ, съ фронта, всѣмъ войскомъ находившимся въ батареѣ у арокъ, а съ фланга—сильнымъ ружейнымъ огнемъ французской роты изъ ретраншированнаго домика. Нѣсколько разъ непріятель отступалъ, но потомъ снова возвращался, пока наконецъ, по-

терявъ почти всѣхъ офицеровъ и множество рядовыхъ, побѣжалъ въ безпорядкѣ. Баварскіе гренадеры отдѣльными ротонами ударили на насъ въ штыки, но вездѣ встрѣчали крѣпкій отпоръ. Артиллерія осыпала насъ гранатами и картечью. Мальбицъ былъ контуженъ въ ногу, но не оставилъ сраженія. Гарибальди, по обыкновенію, словно заговоренный, оставался цѣлъ и невредимъ среди ядеръ и пуль, которыхъ какъ будто и не замѣчалъ вовсе. Наши пушки едва отвѣчали; съ нетерпѣніемъ ожидали подвоза зарядовъ, чтобы открыть рѣшительный огонь. Непріятель по прежнему напиралъ съ особенною силой на линію между амтеатромъ и аркою; болѣе двухъ часовъ продолжалась рукопашная схватка. Исходъ ея былъ пока неизвѣстенъ. Отчаянное мужество и стойкость гарибальдійцевъ уравновѣсили численное превосходство королевскихъ войскъ. Наши батареи на Сантъ-Анжело нѣсколько разъ были отбиваемы, но опять переходили въ наши руки. Ждали съ часу на часъ прибытія подкрѣпленія изъ Казерты. Это ожиданіе ободряло нашихъ солдатъ. Королевскіе солдаты были заурядъ мертвецки пьяны. Нѣкоторые, по преимуществу Нѣмцы, дрались какъ звѣри; но Неаполитанцы, непривыкшіе къ вѣну, валились съ ногъ, и часто цѣлыми ротами попадались въ плѣнъ. Отъ нихъ узнали, что имъ было объявлено о высадкѣ въ Гаэту 20.000 Австрійцевъ; другіе говорили, что Австрійцы должны высадиться въ Неаполѣ, и напасть на насъ съ тылу. Не вида исполненія этого обѣщанія, многіе догадались, что ихъ обманывали, и совершенно упали духомъ. Войску отданъ былъ приказъ жечь всѣ тѣ мѣста, гдѣ жители стали бы оказывать имъ сопротивленіе; въ ранцахъ у плѣнныхъ находили фашины изъ виноградной лозы, пропитанныя смолой, и коробочки спичекъ. Одни говорили, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Капуи вышла колонна въ нѣсколько тысячъ человекъ; но ни численнаго ея состава, ни назначенія съ точностію опредѣлить не могли.

Гарибальдійцевъ въ плѣнъ было взято не много. Съ ними обходились безчеловѣчно; убивали раненыхъ, вѣшали ихъ на деревья и жгли живыхъ. Наканунѣ еще попался въ руки бурбонцевъ піемонтскій берсальеръ. Ему вырѣзали глаза, поворотили его лицомъ къ нашимъ батареямъ, и заставили бѣжать противъ нашихъ выстрѣловъ, стрѣляя сами ему во слѣдъ. Все это остервенило нашихъ солдатъ. Они сознавали ясно, что если линія наша будетъ прорвана, хоть въ одномъ пунктѣ, все по-

гибнеть. Неаполь самъ постоять за себя не могъ. Разчитывать на національную гвардію и на небольшое число гарибальдийцевъ, оставшихся въ Неаполѣ изъ трусости, было бы безумствомъ. Кромѣ того, въ случаѣ пораженія, всѣхъ насъ ожидала мученическая смерть. А потому каждый былъ готовъ умереть въ полѣ, и это много способствовало побѣдѣ. Многіе журналы, великодушно отдавая полную справедливость храбрости гарибальдийцевъ, говорятъ, что они раздѣлили честь этого дня съ королевскими войсками. Допустивъ, что бурбонцы и побѣдили бы при Вольтурно, я не думаю, чтобъ этимъ прибавилась славная страница къ тощей исторіи неаполитанскаго войска. Подавить врага, шестеро слабѣйшаго числомъ, не много нужно доблести. Кромѣ того, хотя Франческо II и роздалъ медали людямъ за это сраженіе, хотя *Journal des Débats* и не признаетъ бурбонцевъ пораженными, фактъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя. Цѣль бурбонцевъ была завладѣть Неаполемъ, для чего имъ нужно было прорвать въ какомъ бы то ни было пунктѣ нашу линію. Гарибальдийцы отставвали свою позицію и отстояли. На чьей же сторонѣ побѣда?

Раздался пронзительный свистъ машины, и девятивагонный поѣздъ плавно подкатился къ дебаркадеру. Въ окнахъ мелькали красныя рубашки и смуглыя чернобородыя головы подъ остроконечными калабрійскими шляпами. Съ крикомъ и пѣснями выскакивали оттуда лихіе Калабрійцы и, гремя ружьями, убѣгали за рѣшетку.

— Мы отмстимъ за васъ, сказалъ чернобородый тридцатилѣтній геркулесъ, пробѣгая мимо дивана, гдѣ лежалъ я въ числѣ раненыхъ, и сжимая рукоятку торчавшаго за пазухою кинжала. Я вовсе не былъ расположенъ прибирать поэтическія сравненія, но видъ этихъ дюжихъ и здоровыкъ молодцовъ горѣвшихъ жаждою крови и мести, напомнилъ мнѣ стадо молодыхъ львовъ. Горе, кому первому придется выдержать ихъ бѣшенный натискъ!

Послѣдствія не обманули меня. Калабрійцы рѣшили судьбу дня. Они не выстояли на мѣстахъ, имъ назначенныхъ, и побросавъ ружья, бросились на разставленныхъ противъ нихъ нѣмецкихъ егерей Франческо II. Тѣ побѣжали въ совершенномъ безпорядкѣ, и помили своихъ.

Вагоны опорожнились, насъ уложили въ нихъ, и мы отправились при акомпаниментѣ отчаянной пальбы. Ядра отъ времени до времени падали близъ желѣзной дороги, и съ

визгомъ взрывали землю. Жаръ стихалъ понемногу; тѣни росли къ востоку; окрестность заволоклась бѣлымъ дымомъ, сквозь который мелькали фантастическія фигуры. Порою мы обгоняли бѣжавшихъ съ поля битвы. Одни бѣжали безъ оглядки; другіе шли медленно, истощенные жаждою и трудомъ.

А въ вагонѣ крикъ и стонъ, страданія и проклятія; та же адская сцена, какъ и въ памятномъ мнѣ фургопѣ.

ХИ. КАЗЕРТА.

На улицахъ было пусто. Кое-гдѣ испуганная фигура дезертира жалась къ стѣнкѣ и пряталась за уголъ. Въ пришедшихъ изъ Неаполя, извозничьихъ коляскахъ, перевозили раненыхъ со станціи желѣзной дороги въ госпиталь. Печальная вереница ихъ тянулась черезъ весь городъ. У воротъ госпиталя насъ встрѣтили больничные служители, въ черныхъ военныхъ сюртукахъ. Большая часть ихъ были приходскіе священники изъ селъ и городковъ Калабріи, преданные долгу свободы и своему народному герою. Всѣ чиновники при госпиталѣ были прежніе бурбонскіе офицеры, и носили еще свою старую форму.

Носилокъ было немного и приходилось долго ждать очереди. Широкоплечій священникъ подошелъ ко мнѣ.

Братъ мой! сказалъ онъ кроткимъ голосомъ:—можешь ли ты взойти по лѣстницѣ.

Я вздумалъ попробовать. Офицерскія комнаты были во второмъ этажѣ, а я, несмотря на дѣятельную поддержку своего спутника, едва могъ взобраться на двѣ или на три ступеньки. Онъ взялъ меня на руки, какъ ребенка, и твердымъ шагомъ пошелъ на верхъ.

Въ первой комнатѣ я увидѣлъ живописную сцену. На кровати сидѣлъ мужчина лѣтъ тридцати, безъ рубашки, очень красиво сложенный. Фельдшеръ держалъ лучерну, и ящикъ съ корпией и хирургическими принадлежностями. Женщина лѣтъ 23, красивая и стройная, въ мужскомъ нарядѣ, въ крошечныхъ ботфортахъ со шпорами и съ маленькою саблею на бедрѣ, перевязывала на груди его рану. Ставни были заперты, и вся эта сцена освѣщалась мягкимъ, теплымъ свѣтомъ лучерны, словно группа Герардо-делле-Нотти. Женщина эта была

известная графиня Мартини-делла-Торре, смѣло дѣлывшая труды и опасности волонтеровъ во время похода въ Калабрию.

Отдѣльныя комнаты всѣ были заняты, и меня уложили въ довольно большой залѣ, гдѣ стояло около шести кроватей съ больными и ранеными офицерами. Явился докторъ, нашъ старый знакомецъ Венеціанецъ, принимавшій дѣятельное участіе въ поимкѣ шпионовъ на баррикадѣ предъ Капуей.

Онъ, съ рѣдкимъ въ военныхъ врачахъ вниманіемъ и осторожностью, перевязалъ мои раны, далъ мнѣ какой-то, кажется наркотическій порошокъ, и велѣлъ немедленно принести мнѣ чашку бульйону.

Покой и удобная постель благодатно подѣйствовали на меня. Я чувствовалъ какъ возвращались силы, и молодость брала верхъ надъ истощеніемъ и усталостію.

Священникъ, втащившій меня на верхъ, подошелъ къ нашедшемуся въ углу столику, на которомъ былъ приготовленъ обѣдъ, состоявшій изъ хлѣба, бульйона и кисти винограда. Калабриецъ безъ церемоніи взялъ супъ, чтобы подать его мнѣ. Откуда ни возьмись курносый фельдшеръ съ казенною физиономіей, и вскинулся на него. Онъ упрекалъ его въ незнаніи дисциплины и порядка, въ преступномъ своеволіи, и разразился такимъ потокомъ словъ, что несчастный былъ со-всѣмъ ошеломленъ.

— Не знаете развѣ, что это я для миссъ Уайтъ приготовилъ: она съ утра ничего не ѣла, заключилъ тотъ, думая окончательно уничтожить своего противника.

— Для Англичанки? спокойно сказалъ священникъ:—ну такъ я смѣло беру эту чашку. Это не та піемонтская графиня, и не станетъ поднимать шумъ изъ за того, что ея обѣдъ съѣсть усталый и израненый человѣкъ. Она вѣдь не «для людей» здѣсь дни и ночи просиживаетъ съ больными.

Въ это время вошла женщина лѣтъ подь сорокъ, рыжая, худая, съ некрасивымъ, но до крайности добрымъ и симпатическимъ лицомъ. На ней была надѣта красная гарибальдійская рубаша и длинная амазонка, безъ кринолина.

— А вотъ она сама. Ecco la marchese, торжествующимъ голосомъ сказалъ подлѣцарь.

— Въ чемъ дѣло, спросила вошедшая по-италиански съ отчаяннымъ англійскимъ акцентомъ.

— Вотъ видите, signora marchese, затрещалъ фельдшеръ сладенькимъ голосомъ:—я для васъ обѣдъ приготовилъ, а

онъ вотъ хочеть нести его кому-то. Вѣдь вы еще съ утра ничего не кушали, а для больныхъ все будетъ приготовлено къ вечеру. Смотритель сейчасъ долженъ составить смѣту.

Signora marchese, не дослушавъ его, взяла чашку изъ рукъ Калабрійца.

— Кому это? спросила она. Тотъ указавъ на меня. Она сама поднесла мнѣ чашку.—Я *тебѣ* нѣсколько разъ говорила, чтобы ты не мѣшался въ свое дѣло, сухо сказала она озадаченному подвѣрарю; тотъ сконфузился и обидѣлся.

— Помилуйте, signora marchese... Я объ васъ же... а вы... вы мнѣ *ты* говорите... Вѣдь я чиновникъ.

Маркиза пропустила сквозь зубы «ам!» въ отвѣтъ на рѣчь обиженнаго фельдшера. Она обошла всѣхъ раненыхъ. Со всѣми говорила, всѣмъ говорила *ты*, распоряжалась, сдѣлала нѣсколько замѣчаній прислужникамъ и вышла изъ комнаты.

Между тѣмъ вокругъ меня собралась кучка любопытныхъ, требовавшая обстоятельнаго и подробнаго разказа о военныхъ дѣйствіяхъ. Я, на сколько могъ, старался удовлетворить ихъ любопытство. У меня открылась сильная лихорадка, но я былъ значительно крѣпче и свѣжѣе. Вмѣстѣ съ жизнію, во мнѣ проснулись старыя привычки и я бы дорого далъ за сигару. Но вотъ одинъ изъ присутствующихъ очень великодушно предложилъ мнѣ цѣлую пачку неаполитанскихъ сигаръ, хотя и дрянныхъ, но за то даровыхъ. Я дрожалъ подъ двумя теплыми одеялами, зубы били тревогу; но трудно объяснить какое отрадное ощущеніе пробудили во мнѣ первыя глотки очень не ароматическаго дыма грошовой сигары. Разказъ мой былъ очень воодушевленъ и слушатели остались довольны. Вдругъ, какъ громъ небесный, раздался надъ нами тонкій и спокойный голосъ миссъ Уайтъ:—Andate via! скомандовала она и публика раступилась.

Она подошла ко мнѣ неслышными шагами.

— Ты куришь, сказала она мнѣ:—это очень вредно. Брось сигару.

Я со страстью прижалъ къ губамъ эту драгоценность и готовился отстанвать ее съ гораздо большимъ упорствомъ нежели Шидлеръ Лауру въ своей *Resignation*

— Я сама много курю, продолжала амазонка:—а на дняхъ я съ лошади упала и носъ себѣ расшибла (носъ ея еще хранилъ слѣды этого событія), перестала курить, и все зажило само собою.

Въ Италіи вообще куренье считается очень вреднымъ, и при всякой болѣзни доктора запрещаютъ пациентамъ курить. Я просилъ миссъ Уайтъ разказать мнѣ все, что она знала о ходѣ битвы, результатъ которой очень интересовалъ меня. Она отвѣчала, что она ровно ничего о ней не знаетъ, но за то твердо убѣждена въ томъ, что гарибальдійцы останутся побѣдителями; прибавила еще, что она велѣла уже осѣдлатъ себѣ лошадь и сейчасъ отправляется въ Сантъ-Анжелло. Потомъ, замѣтивъ, что у меня сильный ознобъ, она накрыла меня своими бурнусами, и ушла, обѣщая скоро доставить благопріятныя извѣстія.

Миссъ Уайтъ, жена маркиза Маріо, другъ Мадзини, горячая партизанка Гарибальди, принимала съ давнихъ поръ очень дѣятельное участіе въ судьбахъ родины своего мужа. Она, вмѣстѣ съ графиней дельла-Торре завѣдывала госпиталями, и ей исключительно обязаны раненые гарибальдійцы тѣми немногими удобствами, и попеченіями, которыя они находили во время своей болѣзни. Много другихъ италіанскихъ дамъ, увлеченныхъ ея примѣромъ, рѣшились исполнить трудную должность сестеръ милосердія. Между маркизой Маріо и графиней дельла-Торре отношенія были, какъ и слѣдовало ожидать, очень враждебныя. Характеры и наклонности этихъ двухъ женщинъ были слишкомъ противоположны. Хорошенькая графиня, вполне свѣтская женщина, вѣтреная и часто капризная, несмотря на всѣ свои добрыя намѣренія, не могла затмить практическую и опытную Англичанку. Явилась *jealousie de métier*. Вмѣсто того чтобы содѣйствовать и помогать другъ другу, началась мелкая вражда, къ которой способны только женщины, и отъ которой не легче было бѣднымъ раненымъ. Впрочемъ, нужно отдать справедливость маркизѣ Маріо: она съ рѣдкою добросовѣстностью выполняла возложенную ею самою на себя обязанность, и никогда не увлекалась самолюбіемъ или завистью до того чтобы забыть тѣхъ, на служеніе кому она обрекла себя.

Всѣ госпитальные чиновники и служители, сообразно своимъ наклонностямъ и характерамъ, пристали къ той или другой изъ враждовавшихъ сторонъ. Все, что было горячо преданнаго дѣлу, калабрійскіе священники напримѣръ, приняли сторону маркизы. За графиней осталась вся молодежь, всѣ увлекшіеся романическою стороною дѣла, или просто хорошенькою женщиною. Въ числѣ ея же партизановъ были и тѣ, кото-

рые нѣсколько побавались порядка и которымъ не по вкусу приходилось прамодушное обращеніе маркизы.

Изъ Санта-Маріи пришелъ фургонъ. Въ немъ были два раненые бурбонскіе полковника и священникъ, который умолялъ, чтобъ его перевезли куда-либо подальше отъ этихъ сценъ убійства и разрушенія. Всѣ, кто могъ ходить, бросились на встрѣчу новопріѣзжему. Я не былъ изъ ихъ числа и принужденъ былъ ограничиться неточными свидѣніями, переданными этимъ достойнымъ прелатомъ и перешедшими уже черезъ десятки руки. Нечего и говорить, что принесенныя имъ извѣстія были очень неполны. Мало-по-малу я заснулъ.

Когда я проснулся, солнца уже не было; красная полоса танулась на западѣ. Выстрѣлы были очень рѣдки. Въ комнатахъ, гдѣ я лежалъ, суетились и бѣгали. Ознобъ у меня смѣнился жаромъ; все окружавшее я видѣлъ какъ во снѣ. Я слышалъ, что кругомъ о чемъ-то говорили съ волненіемъ и безпокойствомъ, но не могъ уловить нити разговора.

Дверь открылась, и миссъ Уайтъ вошла торжественно.

— Гарибальди велѣлъ сказать вамъ, что побѣда за нами: *Siamo vincitori su tutta la linea.*» (Мы побѣдители на всей линіи.) Слова эти, тонъ, съ которымъ она ихъ произнесла, и даже особенность ея произношенія рѣзко вѣзались въ моей памяти.

Между тѣмъ разнесся слухъ, что бурбонскія войска подходятъ къ Казертѣ. Извѣстіе это сильно взволновало всѣхъ. Многіе были въ совершенномъ отчаяніи. Неаполитанскіе офицеры, служившіе при госпиталѣ, говорятъ, тотчасъ же отправились къ парикмахеру сбривать свои бородки. Калабрійскіе священники и нѣсколько докторовъ рѣшились защищаться. Изъ кладовыхъ доставали оружіе. Изъ больныхъ, кто могъ встать съ постели, присоединились къ нимъ же. Я сдѣлалъ усиліе надъ собою и слѣзъ съ кровати; ходить я не могъ, но придерживаясь правою рукою за мебель, я твердо стоялъ на ногахъ и могъ свободно дѣйствовать лѣвою рукою. Мнѣ зарядили мой револьверъ и достали огромную саблю безъ ноженъ, съ которою впрочемъ я рѣшительно не зналъ что дѣлать. Миссъ Уайтъ старалась успокоить публику и говорила, что въ окрестностяхъ Казерты видѣли нѣсколько человѣкъ дезертировъ изъ неаполитанскаго войска и на этомъ основывали, что туда идетъ цѣлая колонна; что не прорвавъ нашей передовой линіи, бурбонцы никоимъ образомъ не могли пробраться въ Казерту, что она сама видѣла, какъ королевскіе солдаты въ беспорядкѣ

бѣжали изъ Санта-Маріи, и что битва рѣшилась совершенно въ нашу пользу. Тѣмъ временемъ она велѣла выкинуть на окнахъ и дверяхъ госпиталя черные флаги. Флаговъ не оказалось; на палки навязывались черные платки и галстухи. Слова ея, однако, мало успокоивали насъ.

Съ передовой линіи возвращались полки на отдыхъ въ Казерту. Побѣда дѣйствительно была наша, но за нее пришлось дорого заплатить. Батальионъ Сировіери потерялъ почти двѣ трети своего состава. Изъ Маддалони возвращались еще въ худшемъ положеніи. Самъ Гарибальди былъ раненъ.

Ночь наступила. Калабрійцы, возвращаясь на отдыхъ послѣ труднаго дня, кричали и пѣли. При самомъ входѣ въ Казерту, имъ вздумалось отсалютовать своего вождя холостыми выстрѣлами на воздухъ. Встревоженные жители окончательно убѣдились въ томъ, что на нихъ нападаютъ бурбонцы. Поднялась тревога. Только что вышедшіе изъ боя солдаты опять взялись за ружья; но все объяснилось къ общему удовольствію.

XIII. 2-е октября.

На утро, число раненыхъ въ госпиталѣ значительно увеличилось, и помѣщенія не хватало. Смотритель предложилъ тѣмъ, кто можетъ лѣчиться на частной квартирѣ, оставить госпиталь. У меня отвращеніе отъ больницъ пуще чѣмъ отъ казармъ, и я рѣшился воспользоваться случаемъ. Въ 11 часу шелъ поѣздъ въ Неаполь, и я вмѣстѣ съ нѣсколькими другими офицерами долженъ былъ отправляться туда. До станціи желѣзной дороги намъ дали наемную коляску.

На мнѣ не было рубашки, и сапога на правую ногу я надѣть не могъ, равно и шапки. Миссъ Уайтъ дала мнѣ свой бурнусъ и старую туфлю; сверхъ перевязокъ, бывшихъ на головѣ, навязала еще какой-то бѣлый капишонъ, и я отправился въ этомъ фантастическомъ костюмѣ.

На станцію насъ привезли еще не было десяти часовъ, и въ ожиданіи поѣзда усадили въ тѣни на скамейкахъ.

Вчерашніе слухи о приближеніи бурбонцевъ оказались справедливыми. Колонна изъ 6.000 человекъ съ артиллеріей и конницей вышла изъ Капуи въ послѣднихъ числахъ сентября, съ

тѣмъ чтобъ обойдя Сантъ-Анджело и другія мѣста, занятыя войсками нашими, 1-го октября ворваться въ Казерту и напасть на насъ съ тылу. Разчетъ былъ хорошъ, но неудаченъ; вмѣсто 1-го колонна эта пришла 2-го, и дорого поплатилась за это маленькое замедленіе. Наканунѣ ихъ видѣли близъ Казерты; но, узнавъ о пораженіи своихъ, они не рискнули напасть на городъ тогда же, что для нихъ было бы лучше, а спрятались въ горы. Нужда даетъ храбрость. Съ ними не было съѣстныхъ припасовъ, къ тому же черезъ шпионовъ они узнали, что въ Казертѣ войска мало; одинъ изъ жителей взялся провести ихъ скрытыми путями до самой площади. Наши съ своей стороны, послѣ вчерашней катастрофы съ Калабріяцами, нисколько не заботились объ этомъ дѣлѣ. Объ опасности уже узнали тогда, когда войско входило въ городъ. Забили тревогу. Измученные солдаты вновь выбѣжали строиться въ ряды. Дали по телеграфу знать въ Санту-Марію и оттуда требовали новыхъ силъ. Гусары и гвиды поскакали по всѣмъ направленіямъ. Національная гвардія наскоро выбѣгала. Адъютанты неслись стремглавъ и лошади скользили по гладкой мостовой.

Я сидѣлъ на дебаркадерѣ. Нѣсколько человекъ, по преимуществу національныхъ гвардейцевъ изъ Сорренто и Нолы, ожидали поѣзда вмѣстѣ съ нами.

Небольшое число оставшихся въ Казертѣ жителей, женщинъ и дѣтей, второпяхъ бѣжали къ дебаркадеру, захвативъ что могли изъ своего имущества. Я помню женщину лѣтъ тридцати, въ траурѣ, съ очень блѣднымъ и красивымъ лицомъ. Она вела подъ руку двухъ дѣтей, тоже въ черныхъ платьяхъ. На лицѣ ея было видно безвыходное, тяжелое горе; она шла скоро, но какую-то странную походкой, словно автоматъ; казалось, она ничего не видѣла и не слышала. За ней бойко шла нянька лѣтъ восемнадцати, съ ребенкомъ на рукахъ. Ея черное платье съ плерезами очень странно шло къ красивому живому лицу. Она была очень испугана, горько плакала, цѣловала своего питомца; а потомъ вдругъ начала смѣяться, увидавъ толстаго лавочника въ одеждѣ національнаго гвардейца, запыхавшагося и выбивавшагося изъ силъ, чтобы застегнуть несходившійся поверхъ шинели *бандульеръ*.

Мы были героями группы. Вокругъ насъ собралась цѣлая толпа и требовала, чтобы мы разказывали о вчерашнемъ дѣлѣ, о которомъ носились очень смутные слухи. Товарищи мои, два раненые въ руку, одинъ въ ногу, не заставляли

себя просить; но такъ какъ они больше всего напирали на свои собственные подвиги, то возбуждали только ужасъ и сочувствіе дамъ, а любопытству публики не удовлетворяли. Одинъ изъ окружавшихъ узналъ меня и сказалъ присутствующимъ:

— Да вотъ мильбицева штаба офицеръ; отъ него все можно узнать подробно.

Всѣ бросились на меня, и никому не пришло въ голову, что заставлять человѣка израненаго и въ лихорадкѣ разказывать скучныя и мелочныя подробности битвы было безчеловѣчно. Видя, что отдѣлаться было невозможно, я принялся разказывать, но не успѣлъ дойти до половины, какъ у меня кровь хлынула изъ рта. Десять рукъ мужскихъ и дамскихъ, и грязныхъ, и въ раздушенныхъ перчаткахъ протянулись ко мнѣ. Къ сожалѣнію одного усердія, хотя бы и совершенно искренняго, не для всякаго дѣла довольно, и ихъ заботливость обо мнѣ причинила мнѣ несравненно больше вреда нежели пользы. Черная женщина подошла къ намъ; видъ ея внушалъ окружавшимъ какое-то особенное уваженіе. Она протѣснилась сквозь толпу меня мучившихъ и, забывъ на минуту свое горе, стала поправлять мои перевязки.

— У васъ есть мать? спросила она едва слышнымъ голосомъ и склоняясь надо мною.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Я не понимаю, какъ можетъ человѣкъ забывать все и добровольно мѣшаться въ эти кровавыя дѣла. Какъ бы ни были добры ваши намѣренія, но нужно очень злое сердце, чтобы принять на себя тяжелую обязанность мстителя. Молчите, добавила она, замѣтивъ, что я хотѣлъ возражать, и тотчасъ же окончивъ дѣло, отошла въ сторону.

Между тѣмъ пришелъ ожидаемый поѣздъ. Всѣ бросились было туда. Guardia di sicurezza дѣлала отчаянныя усилія, чтобы помѣшать этому наплыву, при которомъ многіе рисковали быть задавленными. Принуждены были отодвинуть вагоны, чтобы дать время высидиться пріѣхавшимъ солдатамъ.

Вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ; за ними другіе, и скоро открылся живой батальный огонь. Нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ и праздно стоявшихъ гарибальдійцевъ побѣжали на площадь. Смѣтеніе увеличивалось; начались дикія сцены отчаянія, крики и рыданія.

Вновь пришедшіе солдаты, не успѣвъ построиться, побѣ-

жали, ободряемые своими офицерами. Насъ усадили въ пустой вагонъ. Поѣздъ опять подошелъ къ дебаркадеру. Въ одно мгновеніе ока, вагоны наполнились и переполнились; стояли, сидѣли другъ у друга на колѣнахъ. Нѣсколько гарибальдійцевъ, побросавъ ружья, взобрались туда же. Между ними было два-три офицера. Ихъ привѣтствовали громкимъ свистомъ. Не успѣвшіе уйдти со станціи желѣзной дороги солдаты настоятельно требовали, чтобы всѣ не раненые выльзали изъ вагона; тѣ старались спрятаться за пассажирами.

Нѣсколько ружей просунулось въ окна вагона и угрожающіе голоса требовали возвращенія трусовъ. Стража не могла ничего сдѣлать. Объявили, что поѣздъ не тронется съ мѣста пока въ немъ будетъ хоть одинъ не раненый военный. Почти силою высадили ихъ оттуда. Перестрѣлка усиливалась; раздались два или три пушечные выстрѣла; наконецъ машина свиснула, и тяжело нагруженный поѣздъ покатился по рельсамъ.

Окончаніе этого дѣла я узналъ уже потомъ. И тутъ, какъ всегда, духъ грабежа и отсутствіе дисциплины погубили бурбонское войско. Авангардъ ихъ, почти не встрѣтивъ сопротивленія, дошелъ до площади и завладѣлъ дворцомъ, гдѣ помѣщались наши магазины. вмѣсто того чтобы воспользоваться преимуществомъ своего положенія и помогать своимъ, они принялись расхищать находившіяся тамъ вещи. Наши небольшими кучками собрались на площади, готовясь дать нападавшимъ геройскій отпоръ. Отрядъ кавалеріи собирался атаковать ихъ и открыть дорогу своимъ. Между тѣмъ, благодаря распорядительности старшихъ гарибальдійскихъ офицеровъ, были вывезены на площадь двѣ небольшія пушки. Ихъ скоро устали противъ непріятельской кѣнницы, и дали залпъ. Бурбонцы съ перваго же раза повертели и бросились бѣжать, потоптавъ шедшую за ними пѣхоту. Наши въ безпорядкѣ бросились на нихъ. Въ узкой улицѣ началась рѣзня. Выходы были заперты, пощады не давали; напрасно несчастные бросали ружья: офицеры не могли сдержать остервенившихся солдатъ. Вчерашніе подвиги бурбонцевъ были еще слишкомъ свѣжи въ памяти; мстительные Италіянцы не прощали ихъ варварскаго обхожденія съ плѣнными. «Это не солдаты, а разбойники! Ихъ всѣхъ нужно истребить!» кричали они. «Вчера они живьемъ сожгли нашихъ раненыхъ!» напоминалъ одинъ. «Они переодѣлись въ

красныя рубашки и воровскимъ образомъ хотѣли завладѣть нашимъ Гарибальди.» И дорого платили несчастные за этотъ неудачный маскарадъ. Около часу продолжалась рѣзня...

Больше двухъ тысячъ плѣнныхъ, артиллерія и лошади достались въ наши руки. Нѣсколько сотъ разбѣжались въ горы и за ними отправились на охоту. Между плѣнными были два генерала и нѣсколько полковниковъ. Колонна эта не имѣла главноначальствующаго. Такъ печально окончилось это предпріятіе, на которое бурбонцы употребили столько силъ, и на которое такъ твердо надѣялись.

Въ Неаполѣ, насъ встрѣтили плацъ-офицеры, и въ извозничьихъ коляскахъ отвезли насъ на наши квартиры. Городъ былъ украшенъ флагами. По улицамъ ходили толпы съ криками и музыкой. За нашими колясками бѣжала толпа, крича: «Viva Garibaldi» и «Побѣдители при Вольтурно».

Мой толстый амѣтріонъ выбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу. Онъ похудѣлъ послѣ нашего послѣдняго свиданія; жаловался на хлопоты и тревоги.

— Вчера и вообразить невозможно, что мы всѣ здѣсь вынесли, разказывалъ онъ:—говорили, что Джиджилло ¹ непременно вернется; демонстрацію ему приготовили. Я уже собирался приготовить бѣлое знамя съ проклятою яичницей.

Реакціонеры дѣйствительно были твердо убѣждены, что дѣло 1 октября рѣшится въ пользу бурбонцевъ. Съ своей стороны, они готовили въ самомъ Неаполѣ реакціонное движеніе, и распускали тревожные слухи. Національная гвардія всю ночь стояла подъ ружьемъ, и многочисленныя патрули обходили городъ по всѣмъ направленіямъ. Говорили, что Гарибальди убитъ еще при началѣ сраженія, и что вмѣсто его солдатамъ показывали его секретаря, который дѣйствительно напоминаетъ его лицомъ и фигурой. Извѣстію о побѣдѣ довѣряли мало; впрочемъ, и насъ самихъ оно поразило неожиданностію.

На слѣдующій день, пріѣздъ Гарибальди совершенно успокоилъ Неаполитанцевъ. Нѣкоторые изъ реакціонеровъ сильно раскаялись потомъ, что, легко отдавшись надеждѣ, сняли съ себя маску.

Еслибы Гарибальди 1 октября имѣлъ хотя небольшой

¹ Уменьшительное отъ Франческо.

резервъ, волонтеры въ тотъ же вечеръ и безъ выстрѣла могли бы войти въ Капуя по слѣдамъ бѣжавшихъ ея защитниковъ; но все наше войско было до того измучено, что нельзя было и думать о преслѣдованіи. Мильбицъ собралъ всю бывшую въ его распоряженіи кавалерію, — не набралось восьмидесяти человѣкъ, — и приказалъ имъ прогнать разсыпанныхъ тамъ и сямъ бурбонскихъ егерей. Тѣ прогнали ихъ до самой крѣпости, но были встрѣчены оттуда выстрѣлами и возвратились. Этимъ и кончился этотъ достопамятный день. На Сантъ-Анджело нѣкоторыя позиціи были заняты бурбонцами, и отбиты на слѣдующій день.

Выгоды, доставленныя намъ побѣдою, были очень значительны и вполне вознаграждали за все потери. Нечего и говорить о томъ, что бурбонцы совершенно оставили всякую попытку дѣйствовать наступательно. Капуя не могла держаться. У насъ была порядочная артиллерія, отбитая въ этотъ день у непріятеля; но бомбардировать было не въ правилахъ Гарибальди. Принялись за устройство моста черезъ Вольтурно по проекту прусскаго инженера Гофмана. Ждали прибытія Чальдини, и Неаполь общею подачею голосовъ приглашалъ новаго короля Італіи въ свои стѣны.

XIV. З у а в ы.

Французская рота, оказавшая такъ много важныхъ услугъ во время сраженія 4 октября, съ переменною характера военныхъ дѣйствій, обратилась въ летучій отрядъ и дѣятельно эксплуатировала окрестности Капуи, перерѣзывая ей все сообщенія съ Неаполемъ и Гаэтою. «Sacredié mille bombes!» говорилъ мой старій пріятель Бижасонъ своему питомцу, лежавшему съ нимъ вмѣстѣ въ густой травѣ у большой дороги между Гаэтой и Капуей: «такой сырой и холодной ночи не бываетъ, я думаю, на самомъ берегу Ледовитаго моря. Проклятая фляжка совсѣмъ пуста, нечѣмъ согрѣться. Ты подъ счастливою звѣздой родился, *mon petit*, ты начинаешь военную карьеру съ такимъ вождемъ, какъ Гарибальди, да согласишься, что во мнѣ ты имѣешь такого наставника, какого не всякому молодому солдату удавалось встрѣчать. Кстати, вотъ тебѣ нравоученіе: когда идешь ночью въ засаду,

старайся достать фляжку большихъ размѣровъ, а если можно бери двѣ съ собою, а то нечѣмъ тебѣ будетъ согрѣться. Теперь ты молодъ и тебѣ это ничего... Эхъ, былъ и я такимъ когда то!» Старый зуавъ хриплымъ голосомъ запѣлъ тихонько: «je me souviens de ma jeunesse...»

— Да молчи ты, старый. Не можешь ни минуты спокойно пролежать. Этакъ мы все проглядимъ, а Joseph говорилъ, что тутъ можно славно заработать.

Ночь была темна, небо въ тучахъ, перой лилъ мелкій дождикъ; вѣтеръ сырой и рѣзкій пронзительно дулъ и шумѣлъ травю и листьями. Бижасонъ кряхтѣлъ и жаловался на колотье въ правомъ боку, бережно окутавъ курокъ своего ружья полою сѣраго плаща. Порою онъ обращался съ очень назидательною рѣчью къ своему питомцу, но тотъ не слушалъ его, пристально вперивъ глаза въ дорогу и внимательно къ чему-то прислушиваясь.

Было далеко за полночь. Послышался шумъ колесъ и топотъ копытъ по дорогѣ; по временамъ раздавалось мычанье быковъ и блеянье барановъ.

Въ Капуѣ давно терпѣли недостатокъ съѣстныхъ припасовъ; сообщенія были очень затруднительны. Не безъ большихъ трудовъ удалось наконецъ неаполитанскимъ реакціонерамъ собрать партію быковъ и мелкаго рогатаго скота, а также всякихъ припасовъ для кухни короля и довольно значительную сумму денегъ. Сопутствуемый королевскими драгунами, драгоценный поѣздъ, минуя Капую, отправлялся въ Гаэту; но чуткій носъ французскихъ зуавовъ пронюхалъ его, и богатая добыча воспламенила ихъ предприимчивость.

Спокойно между тѣмъ плелась по мокрому шоссе рогатая вереница. Усатый вахмистръ задумчиво ѣхалъ возлѣ нагруженной дорогимъ виномъ и всякими сластями фуры. Можетъ-быть въ воображеніи своемъ онъ уже заранѣе наслаждался жирнымъ кускомъ игриво бѣжавшаго передъ нимъ молодаго буйвола. Но рокъ, злой рокъ, судилъ иное.

Испуганное стадо вдругъ шарахнулось съ дороги. Раздались выстрѣлы; шедшій съ длинною палкой пастухъ повалился на землю и завопилъ о пощадѣ. Неожиданно пробужденны отъ своей сладкой мечтательности вахмистръ злобно вытянулъ саблю и готовился скакать самъ не зная куда. Въ немъ проснулась отчаянная храбрость голоднаго желудка, защищающаго давно-желанный кусокъ ростбифа. Но лошадь вдругъ

звилась на дыбы и несмотря на яростные удары шпоръ, не двигалась съ мѣста. На поводу повисъ мальчишка лѣтъ шестнадцати и замахнулся прикладомъ на всадника. Слѣва между тѣмъ къ нему подбѣжала желтая сухая фигура въ фескѣ, съ обритою головой, съ трубкою въ зубахъ. «Descendez!» закричалъ хриплый голосъ. Вахмистръ не понималъ по-французски. Боязливо оглядывался онъ по сторонамъ, но въ потьмахъ ничего не видѣлъ. Онъ пробовалъ защищаться, бѣшено махалъ саблей, но всегда встрѣчалъ ловко-подставляемый ему штыкъ. Между тѣмъ сильная рука ухватила его за ногу, и онъ, потерявъ балансъ, повалился въ вязкую грязь. «Aventil! Carrogna!» кричалъ онъ падая, но спутники его, не ожидая команды разбѣжались кто куда могъ. Какъ дикаго звѣря, спутали его по рукамъ и по ногамъ крѣпкою веревкою и оставили на землѣ.

Разогнавъ и переловивъ конвой, зуавы стали ловить разбѣжавшійся скотъ, обшаривать пастуховъ, у которыхъ находили большія суммы денегъ и бумаги.

Бижасонъ, окончивъ ратоборство, чутьемъ нашель фуру съ винами, вытащилъ оттуда боченокъ съ фалернскимъ, пробуровилъ его штыкомъ и принялся переливать содержимое въ свою глотку.

— Да оставь же мнѣ хоть каплю, просилъ его мальчикъ, — ты уже весь коньякъ изъ моей фляжки выпилъ.

— Ты слишкомъ еще молодъ пьянствовать, вори голъ наставникъ, нехотя отрывая губы отъ боченка: — знай, что ничто такъ не безобразить человѣка, какъ пьянство: оно дѣлаеть дикимъ звѣремъ; а въ солдатъ это преступленіе.

— Да брось же, безсовѣстный. Другіе работаютъ, а ты пьешь. Смотри, что товарищи скажутъ.

Это подѣйствовало на зуава; онъ бросилъ боченокъ, и побѣжалъ помогать своимъ. Забравъ плѣнныхъ, и гоня передъ собою стадо мирно возвращались они домой. Лѣнныя и постарше усѣлись на фуры. Молодые весело бѣжали.

Бижасонъ читалъ окружавшимъ какую-то новую теорію права войны, по которому вся добыча, за исключеніемъ части, слѣдовавшей капитану, должна быть раздѣлена между солдатами, пропорціонально ихъ возрасту и заслугамъ. Онъ сильно заботился объ участи своего питомца, бѣжавшаго какъ козленокъ, припрыгивая и играя, возлѣ угрюмо шествовавшихъ быковъ.

Облака стали сгущаться на западѣ, востокъ побѣлѣлъ; въ воздухѣ похолодѣло. Темныя оливки и плакучія ивы опредѣленнѣе стали вырисовываться на освѣтлѣвшемъ фонѣ и среди нихъ, какъ привидѣніе, выдвинулась бѣлая стѣна кашины della Paglia.

XV. ВЕНГЕРСКІЕ ГУСАРЫ.

Очень часто случается, что ошибку замѣчаютъ и поправляютъ уже тогда, когда миновала опасность. Такъ было и здѣсь. Левый флангъ нашъ уже доходилъ до самаго моря, и непріятель очень удобно могъ обойти насъ, занявъ Аверсу, гдѣ, какъ я уже сказалъ, не было даже пикета. Почему непріятель не воспользовался этою оплошностію во время сраженія при Вольтурно—рѣшить трудно; послѣ же, Аверса не представляла никакой важности; несмотря на то, Мильбицъ, замѣтившій ошибку въ день битвы, рѣшился исправить ее немедленно.

Людей у насъ было слишкомъ мало, и протянуть дальше линію было нельзя, не ослабивъ значительно центра, а потому въ Аверсу былъ посланъ конный патруль изъ венгерскихъ, гусаръ. Изѣздивъ вдоль и поперекъ всѣ окрестности, истомивъ лошадей и уставши сами, храбрые Мадьяры размѣстились въ стоявшей на концѣ города остеріи и принялись запивать кислымъ аспирино¹ тревоги дня, и вспоминать родной сливонецъ. Было поздно. Въ душной комнатѣ сидѣли они на бочкахъ и на соломѣ, громко разговаривали—Венгерцы не умѣютъ говорить тихо—и любезностью своею, свѣтлоголубыми глазами и количествомъ выпитаго вина, умѣли вполне приобрести благорасположеніе дородной хозяйки и молодой вертлявой прислужницы.

— Асселенза, говорила она дюжему капрану:—такъ вы изъ далекихъ странъ пришли сюда, чтобы съ нашимъ Галубардой насъ глупыхъ защищать. Это хорошо, это очень хорошо съ вашей стороны и я вамъ сказать не могу, какъ я вамъ за это благодарна.

¹ Легкое вино, которымъ славится Аверса.

— Ну пей: Viva Garibaldi! Viva Ungheria! говорилъ капралъ ломанымъ языкомъ.

Хозяйка пила не смущаясь и умильно поглядывала изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ.

— Ну скажите мнѣ, также ли хорошо въ вашей землѣ, какъ и у насъ? такъ ли тамъ тепло какъ у насъ? есть ли у васъ апельсины такіе, какъ эти вотъ, и вино хорошо ли?

Венгерецъ, почти не говорившій по-итальянски, очень бойко объяснялся съ хозяйкой, и даже сумѣлъ сказать ей нѣсколько комплиментовъ. Онъ никакъ не соглашался, чтобы въ Неаполѣ что-нибудь было лучше нежели въ Венгріи; а хозяйка хотѣла во что бы то ни стало очаровать его красотою своей родины. Дѣло очень скоро дошло до тарантеллы. Она взяла старый бубенъ и со всевозможною граціей и увлеченіемъ пустилась прельщать подгулявшихъ гусаръ своею народною пляскою.

Вдругъ дверь отворилась съ шумомъ, и испуганная служанка вбѣжала въ комнату, неистово крича: «*Reggj, Reggj!*»!

Почти слѣдомъ за ней вошелъ гигантскаго роста вахмистръ въ бѣломъ плащѣ и бурбонской уланской шапкѣ съ саблей наголо. За нимъ вошли толпою нѣсколько уланъ.

— Al nome di Francesco II arrendetevi! (сдайтесь во имя короля), сказалъ онъ басомъ; но тутже сшибенный съ ногъ роландовскимъ ударомъ сабли, повалился съ разможенной головой. Венгерцы бросились къ дверямъ. Уланы по обыкновенію къ лошадямъ. Схватка началась не на шутку, но продолжалась не долго.

Сидѣвшіе верхомъ уланы ускакали, побросавъ лошадей, которыхъ они держали въ поводу. Изъ гусаръ одни боролись со спѣшившимися уланами, другіе выскочили въ окошко, взнуздали стоявшихъ на дворѣ лошадей и отправились въ погоню за бѣжавшими.

Черезъ часъ въ остеріи все было снова весело и шумно. Кричали и пѣли, хозяйка опять взялась за бубенъ. Плѣнные дѣлили съ побѣдителями сладость ужина и попойки, пока не явился новый патруль смѣнить прежній.

Все бывшіе въ войскѣ Гарибальди Венгерцы должны были потомъ образовать гусарскій полкъ. Но такъ какъ лошадей не хватало, то бблышая часть была сформирована въ пѣшій легіонъ, съ тѣмъ что при первой возможности добыть лоша-

дей, ихъ переведутъ въ кавалерію. Страсть Венгерцевъ къ лошадамъ такъ сильна, и въ нихъ такъ развитъ дилеттантизмъ къ кавалерійской службѣ, что они, перваго октября, во время схватки съ драгунскимъ полкомъ королевы, старались только отбить лошадей. Они цѣплялись за поводья и только холоднымъ оружіемъ убивали драгунъ, а не стрѣляли изъ опасенія ранить лошадь.

Венгерцы были любимымъ войскомъ Гарибальди; они сами любили его и считали своимъ народнымъ героемъ.

Послѣ взятія Капуи, въ Неаполѣ были торжественныя *крестимы* знаменъ венгерскаго легіона. Графиня дельла-Торре была крестною матерью. При этомъ случаѣ высказалась вполне та симпатія, которая связываетъ Италіянцевъ съ Венгерцами, сближенныхъ общимъ врагомъ.

XVI. Журналъ *Independente*.

Раны мои заживали скоро, тѣмъ не менѣе болѣзнь была мучительная и силы возвращались медленно. Однажды къ вечеру, когда я только что очнулся отъ лихорадочнаго сна, полного бреда и тяжелыхъ грезъ, дверь моей маленькой комнатки отворилась и вошла фигура до такой степени странная и фантастическая, что я не былъ вполне увѣренъ на яву ли ее вижу, или во снѣ.

— Гдѣ здѣсь гарибальдійскій офицеръ, котораго сожгли бурбонцы? спросилъ онъ громкимъ басомъ и ломанымъ языкомъ, подходя къ моей постелѣ.

Я пристально взглянулъ на пришедшаго; онъ былъ одѣтъ черкесомъ. Большіе черные глаза искрились подъ тѣнью папахи. Мохнатая бурка живописно группировалась вокругъ его сухой и сильной особы.

— Меня зовутъ Василій, началъ онъ, не дождавшись отвѣта на свой первый вопросъ.—Меня прислалъ къ вамъ *мусье Дума* сказать вамъ, что онъ крѣпко жалеетъ о томъ, что съ вами сдѣлали.

Я все меньше и меньше понималъ въ чемъ дѣло. Съ Дюма

я вовсе не былъ знакомъ, и не могъ придумать, какимъ способомъ этотъ великій мужъ узналъ о моей участи и о моемъ существованіи.

— Еще я пришелъ сказать вамъ, продолжалъ Василій, — мусье Дума говорить: у васъ скверная квартира и, чтобы вы перешли къ нему во дворецъ. У него хорошій дворецъ и часовые стоятъ у дверей.

Я поручилъ благодарить Дюма за такую любезность, и вмѣстѣ съ тѣмъ передать ему, что я не въ состояніи пошевелиться на постели, слѣдовательно не могу воспользоваться его благосклоннымъ предложеніемъ, что если я встану съ постели (въ чемъ я начиналъ уже сомнѣваться), то явлюсь лично выразить ему свою признательность. Черкесъ не трогался съ мѣста.

— Еще велѣлъ сказать вамъ мусье Дума, чтобы вы сказали ему, что вы кушаете, и онъ хочетъ присылать вамъ обѣдъ каждый день.

Я насилу отдѣлался отъ всѣхъ этихъ любезностей и отъ самого Василія, который строго приказалъ мнѣ, своимъ невозмутимымъ голосомъ, чтобы я былъ здоровъ и явился тотчасъ же къ мусье Дюма.

Неотвязчиво и аккуратно, какъ самая лихорадка, каждый день являлся ко мнѣ Василій и строгимъ голосомъ, законически, передавалъ мнѣ всякія любезности отъ своего пресловутаго патрона.

Наконецъ въ одно прекрасное утро, наскучивъ долгимъ лежаніемъ въ постели, и почувствовавъ себя нѣсколько сильнѣе, я потребовалъ коляску, и сопровождаемый нѣкоторыми изъ своихъ пріятелей, отправился подышать свѣжимъ воздухомъ. Былъ сырой, сѣрый, но теплый день, и хотя сначала у меня закружилась голова, я съ истиннымъ наслажденіемъ дышалъ свѣжимъ воздухомъ и любовался свѣтомъ Божиимъ, отъ котораго, успѣлъ уже отвыкнуть въ душной и темной комнатѣ, служившей мнѣ больницей. И странно, доктора строго запрещали мнѣ всякое движеніе и въ особенности прогулку, а между тѣмъ къ вечеру, прокатавшись цѣлый день въ довольно тряской извозничьей коляскѣ, я почувствовалъ себя сильнѣе прежняго.

Около 7 часовъ вечера, я рѣшился сдѣлать визитъ Дюма, твердо убѣжденный, что на дняхъ буду въ состояніи оставить

Неаполь и отправиться на аванпосты, куда меня сильно влекли совершавшіяся тамъ интересныя событія,—послѣдніе акты кровавой драмы.

Дюма жилъ на Кьятамоне въ казенномъ дворцѣ, отведенномъ ему по распоряженію диктатора. Положеніе его квартиры—одно изъ лучшихъ въ цѣломъ Неаполѣ. Дворецъ Кьятамоне построенъ на каменномъ утесѣ, входящемъ въ море. Кругомъ отличный садъ. Прямо напротивъ Везувій и Портичи, нѣсколько вправо островъ Капри, теряющійся въ насыщенномъ морскими парами воздухѣ.

Многихъ, въ томъ числѣ и меня, сильно интересовало, какую роль игралъ Дюма въ неаполитанской революціи? Что за странная дружба у него съ Гарибальди, и какая вообще можетъ-быть дружба между этими двумя человекѣми, такъ мало имѣющими между собою общаго? Дюма, съ своей стороны, мало заботился о разъясненіи этихъ таинственныхъ пунктовъ. Гарибальди еще меньше объ этомъ думалъ, и конечно очень многимъ не разъ приходило въ голову, что эта короткость есть не что иное, какъ созданіе пылкой фантазіи французскаго романиста. Но между тѣмъ были факты неоспоримые. Дюма имѣлъ въ своихъ рукахъ записки Гарибальди, даже нѣкоторыя изъ частныхъ его корреспонденцій, и былъ уполномоченъ по своему собственному выбору выпустить ихъ въ свѣтъ подъ своею же редакціей. Эта довѣренность со стороны человекѣа, каковъ диктаторъ Обѣихъ Сицилій, была дѣломъ не совсемъ обыкновеннымъ. Но тщетно я стремился проникнуть подъ таинственную завѣсъ. Я могъ узнать только то, что Дюма на своей яхтѣ перевезъ ружья изъ Марсели въ Сицилію, для первой экспедиціи и еще оказалъ нѣсколько услугъ подобнаго же рода.

По взятіи Палермо, Дюма тотчасъ же основалъ тамъ свою резиденцію и объявилъ о выходѣ въ свѣтъ новаго журнала, подъ его редакціей на французскомъ и италіянскомъ языкахъ. Гарибальди принялъ въ этомъ дѣлѣ искренне участіе, и во главѣ объявленія напечатана была слѣдующая коротенькая приписка отъ него:

«Журналъ, который будетъ издаваться другомъ моимъ Дюма, подъ благороднымъ названіемъ *Independente*, будетъ вѣренъ своему имени, и возстанетъ противъ меня перваго, если когда-либо я совращусь съ дороги, которою шелъ твердо до сихъ поръ. «Гарибальди.»

Когда бурбонцы оставили Неаполь, Дюма переселился туда и, какъ я уже сказалъ, помѣстился въ казенномъ дворцѣ, отведенномъ ему диктаторскимъ декретомъ.

Independente скоро вышелъ въ свѣтъ. Съ перваго же разу, въ немъ обнаружилось то направленіе, которому въ Неаполѣ сочувствовали немногіе. Дюма былъ редакторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почти исключительнымъ сотрудникомъ своего журнала. Къ удивленію, такъ называемые «*articoli di fondo*» написаны были съ толкомъ, ясно, отчетливо, безъ фантазій и краснорѣчивыхъ разглагольствованій, которыхъ ожидали отъ автора *Монте-Кресто* и другаго прочаго. Журналъ распродавался хорошо, и разъ попавъ въ оппозицію, Дюма держался исправно, хотя впрочемъ не совсѣмъ самостоятельно, и посторонняя поддержка не всегда ловко пряталась подъ обычный слогъ и манеру извѣстнаго публикѣ романиста. Всѣ радикалы, все что было оппозиціоннаго въ Неаполѣ, приняли сторону *Independente*. Но за то министерскіе журналы вскинулись на него довольно усердно и съ большимъ озлобленіемъ. Негодовали на Гарибальди за его дружбу съ иностранцемъ, пришедшимъ учить ихъ распоряжаться въ ихъ собственномъ дому. Возстали на то, что Дюма былъ назначенъ директоромъ музеевъ и работъ въ Помпеѣ и Геркуланумѣ.

Дюма вдругъ почувствовалъ себя политическимъ дѣятелемъ, и какъ-то особенно сталъ гордиться этою враждою, конечно не заслуженною имъ. Онъ принялъ какой-то нѣсколько таинственный, но гордый и мужественный видъ человѣка, гонимаго за свои убѣжденія, предполагалъ враговъ въ тѣхъ, кто и не думалъ о немъ, порою ждался на злобу и несправедливость массы, но чаще съ регуловскимъ самоотверженіемъ готовъ былъ все принести на жертву *святому дѣлу*. Вообще онъ очень напоминалъ Флоріанову басню о львѣ и собачкѣ.

Противъ Дюма вооружены очень многіе, а между тѣмъ личность эта, какъ типъ своего рода, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, и я намѣренъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Не берусь судить его литературныя произведенія, съ которыми, признаюсь, я очень мало знакомъ.

Дюма—Французъ съ ногъ до головы, но не общій избитый типъ Парижанина. Его когда-то интересовали наука и искусство, его и теперь интересуеетъ человѣчество, его жизнь и благосостояніе. Но желаніе рисоваться, играть роль, хотя бы

и не выгодную, вотъ главная задача всей его жизни. Изъ всего онъ беретъ именно то, что ему поможетъ къ достиженію главной его цѣли. Затѣмъ для него нѣтъ ни науки, ни искусства, ни человѣчества. Онъ пережилъ разнымъ эпохи, и постоянно добивался только того чтобы произвести эффектъ, чѣмъ-нибудь отличиться. А потому онъ часто мѣнялъ убѣжденія, и для большаго удобства привыкъ не имѣть никакихъ убѣжденій. Впрочемъ нарядившись въ какой-нибудь костюмъ, войдя разъ въ свою роль, онъ добросовѣстно выполняетъ ее и принимаетъ даже всѣ ея неудобства, со смиреніемъ и гордостью человѣка страдающаго за свои убѣжденія. Въ сущности онъ добрый малый, готовый подѣлиться съ пріятелями кошелькомъ и совѣтомъ, лишь бы только воздавали ему должную по его заслугамъ честь.

Я засталъ редактора *Independente* въ саду, въ павильонѣ, за рабочимъ столикомъ. Онъ былъ въ рубашкѣ на распашку, безъ сюртука и жилета, и писалъ съ большимъ вниманіемъ. Въ отдаленіи сидѣло нѣсколько человѣкъ, которые стоять того, чтобы познакомить съ ними читателя.

Лысый, сѣдой старикъ, Неаполитанецъ Бонуччи, бывшій директоръ работъ въ Помпѣи и Геркуланумѣ, сидѣлъ въ темномъ уголкѣ, сатирически поглядывая по сторонамъ и улыбаясь. Бонуччи — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ убѣжденія, проекты, намѣренія, остаются неизвѣстными даже для ихъ искреннихъ друзей. Они живутъ скромно и тихо, будничною жизнью, кажется и не задумываясь надъ предметами, выходящими изъ ихъ колен; въ минуту какого-нибудь кризиса, они вдругъ, съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ, принимаютъ смѣлое и неожиданное рѣшеніе, и снова потомъ продолжаютъ свой тихій образъ жизни, какъ ни въ чемъ не бывало, до другаго подобнаго же случая. Бонуччи уживался съ прежнимъ правительствомъ, бывалъ въ почести и въ тюрьмѣ; но поведеніе его не подавало повода къ подозрѣнію. Въ послѣдніе уже годы узнали его за отъявленнаго либерала, а теперь онъ былъ дѣятельнымъ, но невидимымъ двигателемъ *Independente* и оппозиціи. Въ обращеніи онъ былъ до крайности простъ; по неаполитанской привычкѣ, говорилъ самыя лестныя вещи всѣмъ и каждому; но сатирическая улыбка не сходила съ его лица.

Сициліянецъ, генералъ Кариссини, разговаривалъ съ графомъ Арривабене, корреспондентомъ *Таймса*. Предметомъ разговора

было описаніе битвы 1-го октября, которое приготавливалось для журнала *Independente*. Кариссими особенно сочувствовалъ этому журналу, и сочувствіе его было не бесплодное, такъ какъ онъ очень бойко владѣеть перомъ и привыкъ съ давнихъ поръ къ журнальнымъ дѣламъ.

Увидя эту закулисную редакцію журнала въ полномъ ея составѣ, я сразу узналъ ту нравственную перемену, случившуюся въ остроумномъ авторѣ многотомныхъ сказокъ, которая поражала меня въ статьяхъ оппозиціоннаго журнала.

Дюма, окончивъ писать, очень любезно обратился ко мнѣ. Все дѣло скоро разъяснилось. Отъ меня потребовались нѣкоторыя подробности дѣла 1-го октября, и скоро мы принялись за работу.

Вошелъ молодой человекъ въ гарибальдійскомъ платьѣ съ пластыремъ на лбу и подвязанною рукою. Онъ развязно подошелъ къ столу и бросилъ на него шапку съ полковничьими галунами. Дюма встрѣтилъ его очень любезно. Оставили на время работу и принялись за разговоръ. Молодой полковникъ говорилъ очень хорошо по-французски, но съ англійскимъ произношеніемъ. Потомъ я узналъ, что это Англичанинъ Даннъ, одинъ изъ немногихъ иностранцевъ, принимавшихъ участіе въ Марсальской высадкѣ. Даннъ—Шотландецъ; личною своею храбростью и благоразумною распорядительностью онъ сумѣлъ привязать къ себѣ своихъ солдатъ. Гарибальди уважалъ его какъ война, но о прошедшемъ полковника носились неблагоприятныя слухи.

Участь Данна была довольно печальная; а характеръ его, несмотря на многія темныя стороны, неволью вызывалъ сочувствіе. Въ немъ было много рыцарской честности, горячей преданности дѣлу, которому онъ взялся служить; говорить только, что онъ не всегда былъ разборчивъ въ предложенія своихъ услугъ, но съ моей стороны я ничего не могу сказать ни въ пользу, ни противъ этихъ слуховъ. 1-го октября Даннъ особенно отличился своею спокойною храбростью. Вдвоемъ съ молодымъ солдатомъ, не Итальянцемъ, котораго я здѣсь не могу назвать по имени, онъ вошелъ на батарею занятую неприятелемъ и, отчаянно защищаясь, ждалъ тамъ своихъ, нерѣшительно за нимъ слѣдовавшихъ. Вскорѣ послѣ взятія Капуи, возвращаясь въ шестомъ часу вечера въ свою квартиру, онъ былъ раненъ сзади пистолетнымъ выстрѣломъ. Доктора

отчаивались за его жизнь, а полиція до сихъ поръ не нашла убійцы.

Разговоръ шелъ о современныхъ событіяхъ. Даннъ принесъ извѣстіе о скоромъ отъѣздѣ Гарibaldi, о томъ, что ббольшая часть его декретовъ отмѣнены и пр., въ томъ же родѣ.

— Ну, а съ-нами что намѣрены дѣлать? спросилъ его молодой гарибальдеецъ, скромно сидѣвшій въ темномъ углу, вставая и опираясь на костыль.

— Съ вами, не знаю, отвѣчалъ весело Даннъ, — а я ужъ заказалъ себѣ шарманку; самъ нарисую себѣ всѣ тѣ сраженія, въ которыхъ мнѣ пришлось принимать участіе, и буду разносить ихъ по городамъ и по ярмаркамъ. Я человекъ бѣдный, живу жалованьемъ; а жалованье беру только отъ тѣхъ, кому служу; здѣсь же я служилъ только одному Гарibaldi и Италіи.

XVII. Пріѣздъ короля и взятіе Капуи.

Бурбонцы долго не могли оправиться послѣ неудачной попытки 4-го октября. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что Капуя и думать не могла продержаться долго. Передовыя позиціи гарибальдийцевъ были укрѣплены очень исправно; артиллерія увеличилась, и нѣмецкій инженеръ Гофманъ строилъ пловучій мостъ черезъ Вольтурно, чтобы гарибальдийцамъ переправиться, минуя Каяццо. Еслибъ бомбардировать, то крѣпость не продержалась бы и двухъ дней, но бомбардировка не была въ правилахъ Гарibaldi, хотя у него и были подъ рукою всѣ средства. Я не стану подробно описывать всѣхъ военныхъ дѣйствій, которыхъ я не былъ свидѣтелемъ. Читатели знаютъ ходъ ихъ по журнальнымъ извѣстіямъ; да собственно дѣйствій военныхъ и не было, за исключеніемъ аванпостныхъ перестрѣлокъ и стычекъ. Это было время ожиданія съ обѣихъ сторонъ.

Реакціонеры, съ своей стороны, не теряли надежды и постоянно смущали, на сколько могли, народъ распространеніемъ ложныхъ слуховъ и демонстраціями изподтишка. Но народъ на это не поддавался, за исключеніемъ прачекъ и нѣсколькихъ торговкокъ изъ Старого Города. Попы напрасно тратили лучшіе цвѣты своего краснорѣчія; напрасно принцпы и

маркизы сорили дукаты изъ кошельковъ своихъ, и безъ того отощавшихъ. Неаполь съ непоколебимою твердостью шелъ разъ избранною дорогой. Положеніе вообще было тяжелое. Въ этой толпѣ, восторженно привѣтствовавшей рожденіе новаго королевства, были матери убитыхъ въ послѣднихъ битвахъ, отцы и братья молодыхъ людей насильно задерживаемыхъ Бурбонами въ Капуѣ и обреченныхъ имъ на томительную жизнь осажденнаго города и на смерть. Тѣмъ не менѣе всеобщій энтузіазмъ заставлялъ забывать всякія личныя соображенія и отношенія; у всѣхъ одно было на умѣ и на сердцѣ.

Всеобщая подача голосовъ единодушно провозгласила Виктора-Эммануила королемъ; она призывала своего избранника въ предѣлы вновь-присоединеннаго королевства.

Я самъ не былъ свидѣтелемъ этого торжества, для котораго неаполитанскій муниципалитетъ не пощадилъ ни трудовъ, ни издержекъ; передавать слышанныя мною подробности не считаю нужнымъ. Замѣчу только, что изъ всей вотирующей массы нашлось только два голоса за *нѣтъ*. подача голосовъ продолжалась нѣсколько дней. Все время городъ былъ убранъ флагами, а по вечерамъ великолѣпно иллюминированъ. Процессія съ музыкою и факелами цѣлую ночь обходила улицы города. Казалось даже, и не спалъ никто въ это время.

Торжествамъ и праздникамъ не было конца. Едва окончилась подача голосовъ, подвиги Чальдини въ Умбріи и Мархіяхъ подали поводъ къ ежедневнымъ почти демонстраціямъ и триумфамъ. Ладзароне торжествовалъ.

Наконецъ Анкона сдалась, Ламорисьеръ покончилъ свою карьеру очень не блистательнымъ эпилогомъ къ своимъ краснорѣчивымъ и заносчивымъ рѣчамъ. Чальдини шелъ на соединеніе съ Гарібальди. Король самъ принялъ начальство надъ отдѣльнымъ корпусомъ, и хотѣлъ прежде порѣшить съ Капуей, чтобы триумфаторомъ войти въ Неаполь.

Городъ былъ въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи. Хотя о возвращеніи бурбонцевъ не могло быть и рѣчи, а все чего-то боялись. Чальдини ждали какъ избавителя, а прекращенія внутреннихъ смуть и безурядицы ждали отъ прибытія короля. Нѣсколько разъ уже въ журналахъ появлялись извѣстія о томъ, что Чальдини съ войскомъ въ горахъ, гдѣ-то подъ самою Капуей. Мальчишки бѣгали съ печатными афишками, кричали во все горло; жители не разъ затѣвали иллюминацію,

но через нѣсколько часоѣ все оказывалось журнальною уткой, и снова начиналось тревожное ожиданіе.

Я сидѣлъ у окна своей комнаты, въ большомъ креслѣ. Внизу на улицѣ народъ бѣсновался, киша какъ муравейникъ. Мальчишки неистово кричали на своемъ неразборчивомъ нарѣчій:

«I prigionieri che la fatti il generale Cialdini», и прибавляли на распѣвъ: «un grano». (Плѣнники, сдѣланные генераломъ Чальдини,—одинъ grano).

Я не обратилъ особеннаго вниманія на это новое изобрѣтеніе ладзароновской промышленности. Вдругъ дверь съ трескомъ и громомъ отворилась, и въ комнату ввалилась дородная фигура моего хозяина. Красное лицо его обливалось потомъ и сіяло радостью. Въ рукѣ своей, толстой и короткой на подобіе этрусской колонны, держалъ онъ какую-то бумажку, и пыхтѣлъ и отдувался, какъ паровозъ.

— O, Cialdini arrivato! проговорилъ онъ наконецъ сквозь одышку и усиленное сопѣніе:—Positivo... Ufficiale!.. Dubbio arguino non si puo stare (Чальдини пріѣхалъ, положительно, офиціально... Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія), вопилъ онъ, произнося по неаполитанской привычкѣ *r* за *l*.

— Смотрите сами, прибавилъ онъ, подавая мнѣ напечатанный клочокъ бумажки. Это была телеграфическая депеша въ нѣсколькихъ строкахъ, приказъ Чальдини синдикѣ одного изъ окружающихъ Капую городковъ. Депеша заключалась слѣдующими словами:

«Faccio fucilar tutti i contadini che trovo armati.» (Разстрѣливаю всѣхъ мужиковъ, которыхъ встрѣчаю вооруженными.)

«Ого, подумалъ я, не первый день мы вошемъ, а разстрѣляли, сколько помнится, двухъ полицейскихъ въ Мелаццо; но этотъ совѣзмъ иначе берется за дѣло.»

Хозяинъ мой былъ въ восторгѣ.

— Ну, теперь велю выложить всѣ вещи. Теперь спокойно можно оставаться въ Неаполѣ. Ну, а прежде... нѣтъ, нѣтъ, что ни говорите. Спать спокойно не могъ; всю ночь страшные сны грезятся. Вотъ хоть сегодня напримѣръ... послушайте... вижу я будто сижу въ кофейной *dell'Italia*, сижу и дрожу, а чего дрожу не знаю... Ночь кругомъ темная, холодно, зги Божьей не видно, а Гарibaldi сидитъ за столомъ и макароны ѣстъ, а макароны у него не макароны, а все стволы ружейные...

Долго еще достойный донъ-Ораціо разказывалъ свой несвязный бредъ, но я мало слушалъ его, и душевно былъ радъ когда онъ отправился восвояси, пожелавъ мнѣ скорого выздоровленія и поблагодаривъ въ сотый разъ меня, и въ моемъ лицѣ все гарибальдійское войско, за то что мы защитили его отъ гнѣва Франческа II, который, — не знаю, почему онъ это предполагалъ,—питаетъ къ нему личную ненависть.

Вскорѣ новыя демонстраціи возвѣстили прибытіе короля и Чальдини съ арміей на аванпосты. На Santo Tamaro у Гарибальди съ королемъ было торжественное свиданіе. Предварительно еще много толковали объ этомъ; говорили, что Гарибальди при этомъ случаѣ будетъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, несмотря на то что въ итальянскомъ войскѣ фельдмаршаловъ нѣтъ. Свиданіе было коротко и просто. Гарибальди при видѣ короля снялъ шапку.

— Salute al re d'Italia! (Поклонъ королю Італіи), сказалъ онъ.

— Salute al migliore dei suoi amici (поклонъ лучшему изъ его друзей), былъ отвѣтъ.

Не стану распространяться о взятіи Капуи. Это всѣмъ извѣстно изъ газетъ. Разкажу вскользь, что король тотчасъ по прибытіи своемъ предложилъ осажденнымъ выгодную капитуляцію. Предложеніе его было отвергнуто. Тогда приступили къ сооруженію батарей. Работы росли съ баснословною скоростью. Черезъ нѣсколько дней началась бомбардировка. Городъ не выдержалъ и нѣсколькихъ часовъ. Выкинули бѣлый флагъ, прислали парламентаровъ и предлагали сдаться на капитуляцію. Имъ было отказано, король требовалъ, чтобы непріатели сдались безусловно военноплѣнными. Бурбонцы на соглашались; бомбардировка началась вновь, и къ вечеру Капуя сдалась безо всякихъ условій. Войско было выведено оттуда со всѣми военными почестями (всего было около 6.000 человекъ); офицерамъ предоставлено право перехода въ итальянскую армію съ сохраненіемъ чина, который они имѣли до начала войны; солдатъ разослали въ сѣверные города и размѣстили по полкамъ.

Оставалась еще Гаэта, но тутъ осада представляла слишкомъ много трудности, а вмѣшательство французскаго адмирала не позволяло воспользоваться всѣми средствами. Отправивъ войска свои къ Молю, король самъ поѣхалъ въ Неаполь, гдѣ его такъ долго ждали.

Въ первыхъ числахъ ноября я началъ выходить. Въ городѣ были необыкновенныя приготовленія къ ожидаемому торжеству. Вся Толедская улица уставлена гипсовыми статуями победы. Ихъ пустые внутри и обтянутые раскрашеннымъ подъ мраморъ холстомъ пьедесталы представляли ладзаронамъ даровую квартиру на ночь и убѣжище отъ дождей. По дорогѣ отъ воксала желѣзной дороги къ Palazzo Reale были настроены триумфальныя арки съ великолѣпными транспарантами. Въ Санъ-Карло готовился торжественный спектакль, и зданіе театра было разукрашено на славу.

Наступилъ торжественный день. Съ утра на Толедо не было проѣзда. Жандармы и guardia reale верхомъ задерживали экипажи. Балконы и окна, украшенные трехцвѣтными флагами и лаврами, были полны народа. Мой домохозяинъ надѣлъ фракъ покроя 1812 года, пожелтѣвшій бѣлый жилетъ и такой же галстукъ, завязанный огромнымъ бантомъ. Онъ торжественно потиралъ руки и дѣлалъ многозначительную мину. Все вокругъ носило отпечатокъ торжественности и чего-то праздничнаго.

Король въѣхалъ въ одной коляскѣ съ Гарибальди. Несмотря на проливной дождь, ихъ встрѣтило несмѣтное множество народа и національная гвардія въ полномъ парадѣ. Торжественныя восклицанія гремѣли въ воздухѣ.

Все обошлось очень чинно, безъ всякихъ особенныхъ происшествій и скандаловъ; но описывать подобнаго рода происшествія также скучно, какъ утомительно читать ихъ. А потому я позволяю себѣ пропустить всѣ подробности.

Вечеромъ, въ Санъ-Карло произошла маленькая катастрофа, чуть не дошедшая до кровавой развязки. Нѣсколько гарибальдійцевъ попробовали безъ билетовъ войти въ залу спектакля. Национальная гвардія не впустила ихъ. Произошла маленькая стычка. Толпа гарибальдійцевъ усилилась вновь пришедшими празднующащими сотоварищами. Послали на гауптвахту за пиемонтскимъ карауломъ. Пришло полъ-роты солдатъ, и бросались было штыками разгонять толпу. Гарибальдійцы горячились. Народъ принялъ ихъ сторону. Не знаю, какъ уже дѣло уладилось безъ кровопролитія.

На второй же день, по прибытіи короля, стали ходить разные неблагоприятныя слухи о недружелюбныхъ будто бы отношеніяхъ его къ Гарибальди, и еще много другихъ, которыхъ большая часть къ удивленію оправдались. Общій вос-

торгъ нѣсколько охладился; но Гарibaldi попрежнему остался кумиромъ Неаполитанцевъ.

Нѣсколько оплошностей со стороны распорядителей всѣхъ этихъ церемоній увеличили народное неудовольствіе. Въ караулъ ко дворцу были назначены пиемонтскіе солдаты, и національная гвардія очень оскорбилась этимъ. Въ кофейныхъ и на улицахъ почтенные граждане, въ новыхъ щегольскихъ мундирахъ, громко кричали противъ такого недовѣрія къ нимъ.

Изъ высшаго круга, тѣ немногіе страстные охотники до придворныхъ баловъ и выходовъ, оставшіеся тогда въ Неаполѣ, были очень недовольны простымъ и добродушнымъ обращеніемъ короля, его нѣсколько ъуровымъ солдатскимъ образомъ жизни, подававшимъ имъ плохія надежды.

Содержатели модныхъ магазиновъ оплакивали невозвратную потерю всѣхъ этихъ Траппани, Котруфьяно и прочихъ дуковъ, принчиповъ и маркизовъ.

Ладзароне былъ бы доволенъ, но его смущали слухами объ оскорбленіи его героя, его кумира, и онъ злобно косился на окружающее.

ХУІІІ. Санджіованнара. ¹

Въ одномъ изъ темныхъ переулковъ Стараго-Города, въ одномъ изъ тѣхъ кварталовъ, куда никогда почти не заглядывалъ, никто *vestito di ranno* (въ суконномъ платьѣ), находится знаменитая въ исторіи Неаполя кантина Санджіованнары.

Я случайно познакомился съ этою страшною гаморристой, но я видѣлъ ее внѣ ея сферы, и она произвела на меня впечатлѣніе льва или тигра въ тѣсной клѣткѣ звѣринца Замма. Мнѣ хотѣлось увидать ее на просторѣ, въ томъ кругу, гдѣ она пользовалась неограниченною властію турецкаго падишаха.

Съ трудомъ отыскалъ я ея душный подвалъ, и увидалъ совершенно новую женщину. Ея короткая и толстая талія не была стянута въ узкое шелковое платье; красная фланелевая рубашка безъ пояса и не застегнутая, давала полный просторъ ея круглымъ формамъ. Юбка невѣдомаго цвѣта была приподнята съ одной стороны выше колѣна, передникъ грубаго полотна забрызганъ виномъ, и запачканъ. Черные волосы были небрежно закрыты трехцвѣтнымъ платкомъ. Огненные глаза бѣшено

¹ О Санджіованнарѣ и вообще о гаморристахъ или каморристахъ см. статью «Неаполь и Тоскана» въ *Соврем. Литт.* № 34. *Ред.*

сверкали и казались готовы выскочить изъ орбитъ. Во всей ея фигурѣ было что-то дикое, но живое и живописное.

Обстановка какъ нельзя лучше гармонировала съ главною фигурой. Низкая комната въ родѣ подвала съ сѣрыми, обсыпавшимися стѣнами; нѣсколько деревянныхъ скамеекъ и столовъ по разнымъ угламъ, бочки и бочонки, глиняныя бутылки съ винами, вотъ вся мебель этого страннаго пріюта. Свѣтъ фантастическими, но рѣзкими пятнами падалъ на всю, бывшую у меня передъ глазами сцену, напоминавшую картину Караваджіо.

Полунагой рыбакъ съ недопитымъ стаканомъ въ рукѣ, съ бѣшенымъ энтузіазмомъ слушалъ энергическую рѣчь Санджованнары. Лицо его разгорѣлось отъ вина и отъ волненія; черная борода и густые волосы окаймляли его энергическую и смуглую физиономію. Опершись на его плечо, блѣдный, худой и черноволосый *jettator* слушалъ со вниманіемъ, и жестами старался сдерживать шумные порывы своего товарища.

Не знаю впрочемъ, извѣстно ли русскимъ читателямъ, что такое *jettator*? Предполагая, что нѣтъ, постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ познакомить ихъ съ этою интересною особенностію Неаполя. *Jettatura* (сглазъ) въ Неаполѣ не просто суевѣріе необразованнаго класса народа. Это почти религіозный пунктъ. Я зналъ многихъ людей освободившихся отъ суевѣрія и предрассудковъ всякаго рода, которые однако носили на цѣпочкѣ часовъ коралловый рогъ—вѣрное лѣкарство противъ *джеттатуры*,—и блѣднѣвшихъ при вперенномъ на нихъ ястребиномъ взглядѣ *джеттатора*. *Джеттатура* въ Неаполѣ представляетъ собою начало зла, какъ Св. Януарій есть представитель благаго начала, и они въ постоянной враждѣ между собою. Освобожденіе Неаполя отъ всякаго внутренняго и иноземнаго ига, урожай, недождливая зима, дешевизна сѣстныхъ припасовъ—все это дѣло Св. Януарія; но землетрясенія, изверженія Везувія, голодные годы и бѣдствія всякаго рода—продуктъ *джеттатуры*. Какъ общественная, такъ и частная жизнь каждаго Неаполитанца проходитъ подъ вліяніемъ этихъ двухъ противоположныхъ силъ. *Джеттатура* сообщается черезъ посредство *джеттаторовъ*; весь ядъ ея сосредоточенъ въ ихъ взглядѣ. Въ Неаполѣ издано нѣсколько сочиненій о томъ какъ узнавать *джеттатора*; и о средствахъ предостеречься отъ его злоторнаго вліянія. Вообще *джеттатура* въ жизни Неаполя играетъ очень важную роль,

и о ней можно было бы сказать многое. Но здѣсь не мѣсто, и эти нѣсколько словъ сказаны мною лишь для того чтобъ объяснить странный терминъ, безъ котораго я не сумѣлъ обойтись.

Возвращаюсь въ кантину Санджіованнары.

У ногъ рыбака сидѣлъ ладзароне лѣтъ тридцати, весь черныи, въ половину голый, въ половину закрытый грязными лохмотьями. Въ рукахъ у него была гитара; онъ брянчалъ на ней, и замуривъ глаза, тянулъ жестокимъ фальцетомъ слѣдующій куплетъ вновь сочиненный какимъ-то народнымъ поэтомъ. Вотъ слова его пѣсни,—я привожу ихъ здѣсь, потому что въ цѣломъ Неаполѣ пѣсня эта пользуется особенною репутаціей:

Quant' e bella (bis) la bandiera
 Bianca, rossa, verde aca,
 Che dell' alba fino alla sera
 La vedesti sventeggia.
 E se tu non credi a me,
 A Toledo va vede...
 E se tu non credi a me,
 Galubarda e nostro re. ¹

Окончивъ свой куплетъ и произнося по своему имя Гарибальди, пѣвецъ снялъ свой фригійскій колпакъ и бросивъ его на воздухъ, отчаянно закричалъ: «Vival» — «Vival Viva Galubarda!» раздалось во всѣхъ углахъ кантины.

Когда мои глаза нѣсколько привыкли къ темнотѣ, я разглядѣлъ въ темныхъ углахъ кантины нѣсколько человекъ самаго низшаго класса, таинственно шептавшихся между собою, и запивавшихъ свою бесѣду кислымъ виномъ изъ жестяныхъ стакановъ. Надъ дверьми висѣлъ фотографическій портретъ Гарибальди, подаренный имъ самимъ хозяйкѣ этого пріюта.

Я вошелъ закутанный въ плащъ и въ венгерской шапочкѣ безъ военныхъ отличій. Приходъ мой нѣсколько смутилъ всю публику, и на меня обратились вовсе не благосклонные взгляды; только музыкантъ-ладзароне невозмутимо продолжалъ,

¹Какъ прекрасно знамя
 Бѣлое, красное, а тутъ зеленое.
 Съ зари до вечера,
 Посмотрѣлъ бы ты, какъ оно развѣвается,
 А если ты мнѣ не вѣришь,
 То поиди на Толедо и посмотри самъ,
 А если ты мнѣ не вѣришь,
 Гарибальди нашъ король.

зажмуривъ глаза, свою пѣсню. Войдя я снялъ плащъ, и публика, увидавъ красную рубашку, успокоилась. Санджіованнара очень близко подошла ко мнѣ, пристально смотря мнѣ въ лицо своими огромными глазами. Она узнала меня, и ей стало нѣсколько неловко.

— *Accelenza!* прокричала она очень сердитымъ голосомъ, хотя старалась сдѣлать его по возможности любезнымъ.

Мнѣ самому стало очень неловко, и я посердился нѣсколько на свою любознательность, которая очень нерѣдко ставила меня въ подобныя этому неловкія положенія. Чтобы какъ-нибудь выпутаться изъ него и придать своему посѣщенію какой-нибудь смыслъ, я потребовалъ вина. Санджіованнара между тѣмъ молча рекомендовала меня своей публикѣ. Кто былъ въ Неаполь, тотъ знаетъ эту манеру ихъ говорить руками и глазами также ясно и понятливо, какъ языкомъ, а порою яснѣе и понятливѣе. Взгляды публики, не переставая выражать нѣсколько недовѣрчивое изумленіе, становились все менѣе и менѣе враждебны.

Я усѣлся на изломанномъ табуретѣ возлѣ рыбака и, когда мнѣ принесли вино, налилъ стаканъ, и предложилъ его ему, какъ требовали законы неаполитанской вѣжливости, съ простою фразой:

— *Volete favorire.*

Рыбакъ помочилъ губы въ моемъ стаканѣ и предложилъ мнѣ тотчасъ же свой. Пока я пилъ, онъ шепнулъ что-то на ухо *джеттатору*,— вѣроятно каламбуръ на мой счетъ, потому что тотъ улыбнулся какъ-то совершенно особенно, а самъ рыбакъ засмѣялся довольно громко и безцеремонно.

Я дерзко взглянулъ на него, стараясь показаться разсерженнымъ. Въ подобныхъ случаяхъ начать разговоръ всего легче съ небольшой ссоры, а мнѣ во что бы то ни было хотѣлось расшевелить моихъ онѣмѣвшихъ собесѣдниковъ. Правда, что начать ссору съ неаполитанскимъ рыбакомъ, въ заведеніи подобнаго рода, не совсѣмъ безопасно: у этихъ людей, по ихъ же собственной поговоркѣ, отъ губъ до стилета нѣтъ и пяди разстоянія; но моя красная рубашка, а еще больше сабля и револьверъ, служили ручательствомъ, что къ насилію со мною они сразу не прибѣгнутъ.

Рыбакъ встрѣтилъ мой взглядъ смѣлымъ, гордымъ и нѣсколько насмѣшливымъ взглядомъ. Минуты двѣ онъ молча и пристально смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, потомъ сталъ какъ бы

измѣрять наглядно всю мою фигуру. Украшенная серебромъ рукоятка турецкой сабли обратила на себя его вниманіе.

— *Bella arma, bella arma* (хорошее оружіе), проговорилъ онъ, искоса поглядывая на нее.

— Говорятъ въ вашихъ рукахъ не худое оружіе и эта маленькая игрушка, сказалъ я, указывая глазами на стилеть, торчавшій у него изъ за пазухи.

— Калабрійскій, проговорилъ онъ, снисходительно поглядывая на него.

— А мой, помните, былъ лучше, сказала подошедшая Санджіованнара, прося у меня посмотрѣть мою шашку.

Ладзароне между тѣмъ продолжалъ импровизировать на прежнюю тему, и прибравъ наконецъ слова, громко откашлялся и обратился къ публикѣ, прося выслушать новый куплетъ; вотъ онъ:

O Francesco! o Gigillo
Ben dovesti tu scampa;
Tu sei troppo picirillo
Tu non saggi governa ¹

Публика одобрила его произведеніе, и онъ принялся снова за гитару.

Въ это время вошелъ юноша, постоянно сопровождавшій Санджіованнару, когда она выходила изъ своихъ владѣній. Онъ былъ встрѣченъ отчаяннымъ потокомъ горячихъ ругательствъ со стороны своей возлюбленной. Она говорила такъ скоро и такъ коверкала слова, что я рѣшительно не могъ уловить смыслъ ея длинной рѣчи. Жестикуляція была угрожающая. Юноша впрочемъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія; онъ лѣниво привѣтствовалъ всю публику общимъ поклономъ, дошелъ до разостланной на полу циновки, сбросилъ верхнее платье, улегся на полу и принялся играть съ кошкой, которая, какъ бѣсенокъ, выскочила изъ какого-то темнаго угла, и усѣлась у него на плечѣ.

— А онъ уѣдетъ, сказалъ флегматически юноша, когда Санджіованнара умолкла.

— Кто онъ? спросили его со всѣхъ сторонъ.

¹ О Франческо! маленькій Франческо!
Итакъ ты долженъ былъ убѣжать;
Ты еще слишкомъ маленькій,
Ты не умѣешь управлять.

— Онъ, отвѣчалъ тотъ раскуривая сигару и отплеываясь.

— Вздоръ, ложь все, замѣтилъ рыбакъ.

— Вздоръ, ложь? злобно вскричала Санджіованнара, и правая рука ея невольно отправилась за пазуху разыскивать ручку стилета:—Дженнаро солгалъ что ли? Дженнаро не лжетъ, бездѣльники, и что говоритъ онъ, то правда. Не вѣрите теперь, какъ и мнѣ прежде не вѣрили, а какъ увидите, что все выйдетъ на правду, такъ опять ко мнѣ же ластиться станете...

Санджіованнара говорила долго. Многихъ изъ ея словъ я не понялъ, а изъ тѣхъ, которыя понялъ, очень немногія годны для печати. А потому пропускаю ея длинную и грозную рѣчь, относящуюся не прямо къ рыбаку и исполненную непонятныхъ для меня намековъ.

Все это для меня не представляло никакого особеннаго интереса, и притомъ я слишкомъ чувствовалъ, что я здѣсь лишній; а потому, заплативъ за вино (Санджіованнара сначала вовсе не хотѣла брать съ меня денегъ, но потомъ взяла вчетверо), я вышелъ на улицу, несмотря на проливной дождь и на потоки, струившіеся у меня подъ ногами.

Какъ ни интересовала меня личность Санджіованнары, я не сумѣлъ завязать съ нею болѣе тѣснаго знакомства. Біографическихъ подробностей на ея счетъ удалось мнѣ также узнать не много; но этими не многими подѣлюсь съ читателями. Маріанна Десклописъ, теперешняя Санджіованнара, дочь такой же Санджіованнары, какъ она сама. Откуда пришло къ нимъ это прозваніе неизвѣстно, но настоящее ея имя знаютъ очень немногіе изъ ея приближенныхъ. Мать ея содержала кантину въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и она. До семи или восьми лѣтъ Маріанна жила на улицѣ у дверей кантины, стараясь промыслить одинъ или два грани; но куда шли добытыя ею деньги, рѣшить трудно, конечно не на съѣстное, потому что до этого возраста она вмѣстѣ съ меньшими своими братьями и сестрами (которые потомъ пропали безъ вѣсти) дѣлила даровую пищу, молоко своей родительницы. За тѣмъ она стала помогать матери размѣшивать съ водою кислое вино и разносить его не взыскательнымъ посѣтителемъ, отъ которыхъ иногда получала по грану или по два. Мать отбирала у нея эти деньги, и въ замѣнъ ихъ, щедро надѣляла ее тычками и подзатыльниками; а она возвращала ихъ въ свою очередь ребятишкамъ, съ которыми убѣгала играть, и

надъ которыми имѣла всегда преимущество не дѣтской и не женской крѣпости мышцъ. Затѣмъ Маріанна завела себѣ любовника, потомъ двухъ. Была ли она за мужемъ не знаю. Когда она, схоронивъ мать, стала полною хозяйкой кантины, ее протезировалъ одинъ изъ сильныхъ гаморристовъ. Отъ него она переняла искусство владѣть стилетомъ и многія изъ тайнъ гаморры. Наскучивъ притязаніями своего покровителя, она выгнала его однажды послѣ семейной сцены изъ своего жилища, и когда онъ вздумалъ сопротивляться, надѣлила его очень бойкою стилетомъ. Свидѣтели этой сцены поблѣднѣли и почувствовали къ молодой еще и красивой Санджіованнарѣ глубокое уваженіе, не чуждое страха. Она сумѣла воспользо-ваться своимъ положеніемъ и довольно значительнымъ кушемъ денегъ, оставленныхъ ей матерью, составила себѣ довольно сильную партію и стала сразу сильною гаморристкою. Имѣя довольно частыя столкновенія съ полиціею и жандармами, она душевно возненавидѣла ихъ, и представлявшаяся возможность отъ нихъ отдѣлаться увлекла ее сразу. Смѣлые подвиги Гарибальди въ Сициліи плѣнили пылкую, хотя немолодую уже женщину. Пополнивъ цвѣтами собственнаго воображенія тѣ немногія подробности, которыя ей случалось узнать о народномъ героѣ, она, не выдавъ его ни разу въ жизни, сосредоточила на немъ одномъ весь запасъ любви, таившейся въ ея сердцѣ. Съ тѣхъ поръ слова «родина», «Италія», «свобода» стали ей понятны; она не щадила ни денегъ, ни усилій для достиженія предполагаемой цѣли, и конечно не менѣе са-мого Либоріо Романо подготовила случившіяся событія.

XIX. ПАДРЕ КАВАЦЦИ.

Въ какой-то изъ праздничныхъ дней, въ началѣ ноября, толпа народу собралась у церковной паперти близъ Largo del Castello. Подобнаго рода народныя собранія, съ благочестивою цѣлью прослушать проповѣдь краснорѣчиваго священника или монаха, въ Неаполѣ не рѣдкость. Но на этотъ разъ сборище было слишкомъ многолюдно, и въ толпѣ виднѣлись личности, которыя не посѣщаютъ обыкновенно такихъ спектаклей.

Протѣснившись къ переднимъ рядамъ, я увидалъ на паперти знакомую мнѣ оригинальную фигуру падре Джіованни Каваци.

Онъ былъ въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ: поповская сутана на распашку, подъ ней гарибальдійская красная рубашка, ботфорты со шпорами; но его черная курчавая голова была не покрыта.

Падре Кавацци былъ хорошо извѣстенъ цѣлому Неаполю, его знали даже и въ окрестностяхъ. Маленькій, коренастый, съ желтымъ какъ померанецъ, грубымъ, но красивымъ лицомъ и съ курчавою черною бородою, въ костюмѣ описанномъ мною выше и къ которому порою онъ прибавлялъ кавалерійскую саблю, то верхомъ гарцевалъ онъ по улицамъ Казерты или Неаполя, то, куря сигару, расхаживалъ между застрѣльщиками въ аванпостныхъ перестрѣлкахъ.

О немъ ходили самые разнообразные слухи. Благочестивыя старушки считали его антихристомъ, другіе съ ужасомъ говорили, что онъ сдѣлался протестантомъ, и хотѣлъ обратить Гарибальди въ свою вѣру. Люди, не такъ строго придерживавшіеся догматовъ, отдавали справедливость взгляду его на обряды и на обязанности священника; но въ то же время желали ему побольше воздержности въ словахъ и въ образѣ жизни. Гарибальдійцы любили его какъ добраго товарища, и притомъ челоуѣка, не трусящаго въ случаѣ опасности. Всѣ единодушно признавали въ немъ нѣкоторую наклонность порисоваться, пооригинальничать; но каждый судилъ о ней сообразно съ своими собственными взглядами и образомъ мыслей.

Происхожденіе и предыдущая жизнь падре Кавацци мнѣ неизвѣстны, да и немногіе въ Неаполѣ были на этотъ счетъ свѣдущіе меня; но что было то было, а былъ молодцу не укора, и въ католическомъ духовенствѣ, конечно не по достоинствамъ ума и образованія, падре Джіованни занимаетъ еще не послѣднее мѣсто.

Какъ вообще всѣ его собратія, падре Кавацци любитъ проповѣдывать, и по преимуществу передъ многолюдной аудиторіей. Не разъ бывало, по примѣру древнихъ отцовъ церкви, онъ поучалъ народъ подъ открытымъ небомъ въ горахъ Калабріи и въ сициліанскихъ садахъ.

Не обладая ни особеннымъ даромъ слова, ни силою и новизною мысли, падре Кавацци всегда очень исправно достигалъ своей цѣли, то-есть слушатели, не зѣвая, внимали ему иногда по цѣлымъ часамъ, и никогда не расходились, не выразивъ громкими рукоплесканіями своего одобренія. Слогъ его былъ очень оригиналенъ, и порою умышленно

простъ и тревоженъ. Духовенство отъ чистаго сердца ненавидѣло его, епископы запрещали ему говорить проповѣди и даже не однократно предавали его анаемѣ, но падре Джіованни не унывалъ и не падалъ духомъ. Не имѣя доступа къ кэедрѣ, онъ въ подражаніе своему патрону проповѣдывалъ въ садахъ и на папертяхъ храмовъ, двери которыхъ были для него закрыты; но голосъ его рѣдко былъ вопіющимъ въ пустынь.

Когда я подошелъ къ толпѣ слушателей, бѣольшая часть которыхъ смѣялись гомерическимъ смѣхомъ, падре Кавацци былъ въ полномъ разгарѣ своей проповѣди. Темой его было отлученіе отъ церкви папою неаполитанскаго народа.

«Итакъ, говорилъ онъ, падайте же во прахъ передъ грозною десницею карающаго васъ отца. Плачьте и рвите на себѣ волосы, и по примѣру древнихъ Евреевъ, терзайте свои одежды и посыпайте пепломъ безталанныя головы. Святой отецъ не умолимъ. Чтѣ ему отъ того, что черти припекутъ тѣла ваши и души, что на желѣзныхъ сковородахъ будутъ жечь васъ, напоминая вамъ ежеминутно тяжесть вашего грѣха, — грѣха, котораго, въ глазахъ первосвященника, не омоютъ и цѣлые потоки слезъ изъ преданныхъ имъ анаемѣ очей вашихъ? Грѣхъ вашъ великъ передъ его судомъ, и какъ ни кайтесь, ни терзайтесь, не проститъ онъ вамъ того, что вы отворили ворота вашего города вашему избавителю; что преданностію и покорностію встрѣтили вы того, кто жизнь свою посвятилъ служенію во благо вамъ. Во гнѣвѣ своемъ святой отецъ забудетъ и то, что кто нашелъ отпертыми передъ собою ворота Неаполя, тотъ могъ подобно Самсону поднять ихъ на рамена, еслибъ они были закрыты. Но взгляните на меня, каковъ я теперь передъ вашими глазами, и вы увидите, что ни отлученіе, ни гнѣвъ святѣйшаго отца ни мало не повредили моему здоровью; даже аппетитъ мой отъ этого вовсе не пострадалъ, и я заѣлъ его грозную буллу отличнымъ блюдомъ вкусныхъ макаронъ *al sugo di pomodoro*, и запилъ все вмѣстѣ бутылкою хорошаго Капри, которое вовсе не показалось мнѣ кислымъ.»

Эта смѣсь пасквилады съ проповѣдью произвела на слушателей самое разнообразное впечатлѣніе. Многіе смѣялись отъ души, другіе оскорблялись, кто за папу, кто за достоинство проповѣдника. Но больше всего меня занимали старухи, которыя во множествѣ сошлись послушать поученіе падре Кавацци. Онъ, какъ я уже сказалъ выше, считали его за

антихриста, и во все продолженіе его рѣчи строили ужасныя гримасы, вмѣстѣ съ тѣмъ крестились и отплевывались и не однократно громкимъ голосомъ начинали пѣть «Sanctus». Но мощная грудь проповѣдника одолевала все препятствія, и звучный, полный его голосъ покрывалъ собою всякій шумъ и смятеніе. Падре Кавацци уже не въ первый разъ говорилъ публично подобныя рѣчи, оскорбительныя для папы, но до сихъ поръ ему все какъ-то благополучно сходило съ рукъ. На этотъ разъ, увлеченный успѣхомъ своихъ прежнихъ проповѣдей, онъ зашелъ можетъ-быть нѣсколько дальше чѣмъ слѣдовало. Изъ публики, не одни только отчаянные приверженцы Рима были оскорблены его выходкой. Однако большинство, очень не довольное святымъ отцомъ, громко рукоплескало проповѣднику, и онъ, довольный произведеннымъ эффектомъ, гордо надѣлъ свою трехугольную поповскую шляпу, и въ сообществѣ нѣсколькихъ гарибальдійскихъ офицеровъ, громко смѣясь и разговаривая, ушелъ отъ своей изумленной аудиторіи.

Въ войскѣ Гарибальди былъ другой священникъ, котораго не ловко даже назвать послѣ почтеннаго падре Джіованни. Я говорю про отца Панталео, духовника Гарибальди. Падре Панталео, сколько мнѣ помнится, родственникъ Уго Бани, разстрѣленнаго Австрійцами въ 1849 году. Онъ далеко не пользовался тою извѣстностію, которой такъ усердно добивался Кавацци; но за то знавшіе ихъ обоихъ, считали профанаціей поставить два эти имени рядомъ. Даже изъ близкихъ знакомыхъ падре Панталео, немногіе знали задушевныя его убѣжденія и образъ мыслей; но его простое и кроткое обращеніе, заслуги его какъ духовнаго и какъ гражданина, наконецъ самая наружность его, внушали симпатію и уваженіе всѣмъ, приближавшимся къ нему. Онъ не носилъ бросающейся въ глаза одежды, не гарцевалъ верхомъ по улицамъ, не являлся въ кофейныхъ, не проповѣдывалъ на площадяхъ и вообще мало разглагольствовалъ, не носилъ шпоръ и сабли; но я не разъ видѣлъ, какъ въ очень опасныя минуты падре Панталео былъ впереди, и среди пуль и ядеръ хладнокровно дѣлалъ старшимъ офицерамъ свои замѣчанія, всегда дѣльныя и охотно принимаемыя. По отъѣздѣ Гарибальди, падре Панталео совершенно скрылся изъ виду, и я не могъ никакими средствами добыться куда онъ отправился. Только разумѣется не въ Римъ, гдѣ его отнюдь не ожидала кардинальская шапка.

Нѣсколько дней послѣ проповѣди Кавацци, во всѣхъ кружкахъ Неаполя, только и рѣчи было что о ней. Многіе обвиняли его, другіе старались оправдать его тѣмъ, что поступокъ папы, вызвавшій его проповѣдь, былъ самъ очень не умѣстенъ и не ловокъ; остальные наконецъ просто не видѣли ничего дурнаго въ его выходкѣ. Во всякомъ случаѣ Кавацци славно достигъ своей цѣли: о немъ говорили, онъ произвелъ эффектъ.

Многихъ, знавшихъ этого достойнаго падре, удивляло то, что послѣ такого блистательнаго проявленія своихъ ораторскихъ способностей, онъ вдругъ сталъ невидимъ. По этому поводу носились очень разнообразныя, но болѣе или менѣе не правдоподобныя слухи. Дѣло скоро разъяснилось очень простымъ, но и очень печальнымъ образомъ.

Какъ-то я сидѣлъ въ кофейной, среди неаполитанской молодежи. Разговоръ переходилъ отъ предмета къ предмету, и наконецъ мы попали на падре Кавацци. Всѣхъ очень удивляло его неожиданное исчезновеніе, котораго никто не могъ объяснить себѣ удовлетворительно. Въ это время вошелъ мой знакомецъ, Карлетто, котораго я нѣсколько безцеремонно потревожилъ въ ночь на 1-е октября. Карлетто, блистательно окончивъ свои военные подвиги, сшилъ себѣ очень эксцентрическій нарядъ, и съ утра до ночи таскался по стогнамъ и гульбищамъ Неаполя. Онъ зналъ все и всѣхъ, и разговоръ его былъ очень назидателенъ для тѣхъ, кто не читалъ *Pungolo* и *Официальной Газеты*. За разрѣшеніемъ загадки всѣ обратились къ нему. Карлетто сдѣлалъ значительную мину; по всему видно было, что онъ сообщитъ важную новость.

Падре Кавацци арестованъ, по распоряженію новаго правительства, вечеромъ того дня, въ который онъ говорилъ свою проповѣдь. «*Che porcheria!*» (что за свинство) прибавилъ онъ въ видѣ комментарія.

Извѣстіе это скоро вполне подтвердилось.

XX. НАНЬЕЛЛА.

Я узналъ Наньеллу въ очень печальную эпоху ея жизни. Мое знакомство съ нею продолжалось лишь нѣсколько дней; но граціозная личность эта надолго останется у меня въ памяти, и я не могу обойти ее въ моихъ запискахъ, хотя она

ни прямо, ни косвенно не относится къ гарибальдийскому корпусу.

Это было вечеромъ очень поздно. Комната была такъ обмеллирована, какъ обыкновенно мебелируются *chambres garnies* средней руки. Старая *mamma* оставила насъ вдвоемъ, ушла неслышными шагами, не скрипнувъ дверью и улыбнувшись отвратительною улыбкой.

Наньелла сидѣла на диванѣ, подобравъ подъ себя ножки; въ рукахъ у нея была гитара, которой она только что акомпанировала свои дикія сицилійскія пѣсни. Ея золотистыя волосы вились въ локонахъ вокругъ живаго, граціознаго лица, разгорѣвшагося отъ веселости и отъ выпитаго вина. Но въ ней очень мало было дѣтскаго. Правильный носъ, тонкія, рѣзко обрисованныя, смѣлыя и подвижныя ноздри, черныя брови, округло-склонявшіяся къ внутреннему углу черныхъ, исполненныхъ жизни и веселости глазъ, — все дышало какою-то чисто-женскою энергіей и силой, не чуждою нѣги и граціи. Наньелла была Палермитянка, что на первый же взглядъ объявляли ея бѣлокурые волосы и ея произношеніе.

Она весь вечеръ была шумно и непритворно весела, потому старалась быть веселою, наконецъ старанія ея перестали быть удачными. Ее одолѣло какое-то озлобленіе.

Первое свиданіе наше мало сблизило насъ. Но милостивое личико Наньеллы, ея смѣлое, прямое, нѣсколько даже грубое обращеніе и многія подмѣченныя мною налету черты ея характера сильно заинтересовали меня въ ея пользу. Я видѣлъ въ ней какую-то женскую, чисто женскую силу, безъ мужской шероховатости, но вполне чуждую всякаго нервнаго сентиментальнаго элемента. Она бойко, прямо относилась къ жизни; но я видѣлъ, что беспощадная жизнь уже успѣла надломить ее и притомъ надломить сильно, безысправно. Я ясно видѣлъ, что, несмотря на ея семнадцать лѣтъ, ни на юную страстную натуру, Наньелла отжила свое, — и хотя въ общихъ чертахъ не трудно было угадать ея романъ, мнѣ однако хотѣлось, чтобъ она сама разказала мнѣ свою жизнь. Нечего и говорить, что во мнѣ не было и тѣни любви къ этой женщинѣ, но, почему не знаю, мнѣ хотѣлось добиться ея довѣренности, заставить ее отбросить въ отношеніи ко мнѣ ея холодный, гордый тонъ, подъ которымъ я не предполагалъ уже страстныхъ порывовъ, но ви-

дѣль страдающую женскую душу, и душа эта была мнѣ не чужда.

Заслужить довѣренность женщины, какъ бы ни была она подозрительна, если только въ ней есть еще любящая душа и притомъ подавленная тяжелымъ горемъ, изъ-подъ котораго сама она выйти не въ состояніи — дѣло не невозможное.

Едва Наньелла замѣтила, что не пошрое участіе, не простое желаніе заставить сентиментальничать хорошенькую женщину привлекало меня къ ней, она легко поддалась на мой вызовъ.

— Ты кажется думаешь, что и меня, какъ сотню другихъ дуръ завлекли въ этотъ домъ обманомъ, и что эта старая вѣдьма задерживаетъ меня теперь хитростію, впутавъ въ долги? сказала она мнѣ какъ-то.—Напрасно. Наньеллу не обмануть легко, да еще никто и никогда меня до сихъ поръ не обманывалъ, развѣ только я сама.

Она говорила спокойно, но въ ней и слѣда уже не было прежней веселости. Однакоже, черезъ четверть часа, она сдѣлала какую-то самую пошлую дѣтскую шалость, и расхоталась ей отъ души. Потомъ взяла гитару и начала пѣть разгульныя неаполитанскія баркаролы и дикія сициліанскія пѣсни; затѣмъ она потребовала вина. Она пила очень много, но никогда не пьянѣла; это меня удивляло, тѣмъ больше что южные Италіанцы вовсе не мастера пить, и совершенно теряютъ голову отъ двухъ-трехъ стакановъ всякаго вина.

Мало-по-малу Наньелла перестала относиться ко мнѣ со своею оскорбительною, гордою холодностію, и прежде нежели мы разстались, она разказала мнѣ свою исторію. Я не могу теперь припомнить ея выраженій, хотя ея оригинальная, совершенно безыскусственная манера разказывать, придавала много интереса этой ничѣмъ не замѣчательной и простой исповѣди.

Наньелла была дочь какого-то бѣднаго палермитанскаго негоціанта. Ее воспитывали въ страхъ Божиемъ, то-есть не учили грамотѣ, и по праздникамъ мать водила ее въ церковь. Насчетъ остальнаго Наньелла пользовалась полною свободой, которая предоставляется молодымъ дѣвушкамъ въ тѣхъ странахъ. Она одна или съ подругами выходила гулять во всякое время дня и ночи, посѣщала дешевые театры, когда въ карманѣ заводился лишній карлингъ, и конечно не долго оставалась безъ *cavaliere servente*. Въ Италіи это

священный обычай, и противъ него не возстаютъ даже самые суровые родители. Едва дѣвочка выходитъ изъ того возраста, когда еще она не чувствуетъ себя женщиной, въ ней непременно подладится, въ качествѣ *donzo*, какой-нибудь ловкій юноша, часто даже вовсе незнакомый съ ея родными. Онъ сопутствуетъ ее вездѣ, въ театрѣ, на гулянье, въ кофейную по праздникамъ. Очень рѣдко бываетъ, чтобъ этотъ *donzo* становился потомъ ея мужемъ; обыкновенно и послѣ супружества онъ остается тѣмъ же чѣмъ былъ, иногда дѣлается домашнимъ другомъ.

На долю Наньеллы выпалъ красивый юноша нѣсколькими годами старше ея, Неаполитанецъ, но жившій въ Палермо въ качествѣ старшаго подмастерья у дяди своего, ювелира. Дружба его съ Наньеллой продолжалась спокойно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Наньелла росла и хорошѣла; вмѣстѣ съ лѣтами, въ ней росло какое-то необъясняемое ничѣмъ въ ея воспитаніи сознание чувства собственнаго достоинства и правъ женщины, — сознание впрочемъ очень смутное и слишкомъ смѣшанное съ природною строптивостію и высокомеріемъ ея характера.

Въ одинъ прекрасный день Наньеллѣ было объявлено, что она выходитъ замужъ за сорока лѣтняго оружейника, котораго она очень рѣдко встрѣчала прежде, и конечно не думала, не гадала видѣть въ немъ когда-нибудь своего мужа. Наньелла приняла это извѣстіе такъ, какъ еслибъ ей сказали, что черезъ нѣсколько дней съ ней сдѣлается лихорадка: въ ней что-то больно зашевелилось, ей стало тяжело; но ей и въ голову не пришло возстать противъ этого, видѣть въ этомъ насиліе и нарушеніе своихъ правъ, за которыя она всегда довольно бойко стояла. Вечеромъ она объявила объ этомъ своему вздыхателю, который довольно исправно разыгралъ приличную случаю патетическую сцену.

Въ назначенное время Наньелла стала женою оружейника. Тутъ она сразу почувствовала все, что было возмутительнаго и оскорбляющаго природу въ этомъ случаѣ, недавно казавшемся ей простымъ и обыкновеннымъ. Оружейникъ былъ не дурной человекъ, простой и безо всякаго образованія, скорѣе добрый чѣмъ злой, и хотя вовсе не влюбленный въ Наньеллу, но по врожденному сильнымъ и здоровымъ людямъ чувству не легко рѣшавшійся прибѣгнуть къ грубому насилію и побоямъ. Наньелла уважала его какъ человека, не питала

къ нему никакой вражды, но чувствовала непреодолимое отвращеніе къ нему, какъ къ мужу. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ вѣнца, у молодыхъ начались ссоры и семейныя сцены. Оружейникъ сначала терпѣливо переносилъ капризы красавицы и подчинялся имъ. Но родители Наньеллы употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, чтобы сломать упорный характеръ своей дочери и во всемъ покорить ее волѣ мужа и семейнымъ обязанностямъ. Къ сожалѣнію, многія изъ средствъ, бывшихъ въ ихъ рукахъ, пришлось не по вкусу Наньеллѣ, и однажды она очень невѣжливо выгнала изъ дому свою мать, которая вздумала было распорядиться съ нею слишкомъ по домашнему. Событіе это возмутило весь кварталъ противъ Наньеллы, которую и до этого еще многіе очень не долюбливали за ея строптивый нравъ и по многимъ другимъ причинамъ. Мужъ ея, съ своей стороны, очень возмутился этимъ поступкомъ. Подстрекаемый родителями своей жены, онъ измѣнилъ съ нею свое кроткое и добродушное обращеніе, и хотя не обратился къ насилию, но сталъ подозрителенъ и оскорблялъ ее на каждомъ шагѣ. Молодая женщина держалась твердо. Подозрѣніе оружейника очень естественно пало на ея бывшего *cavalier servente*. Грубостью вызывалась грубость, и Наньелла съ мужемъ вскорѣ стали заклятыми врагами. Сидя одна почти цѣлый день, постоянно тревожимая тяжелыми сценами съ мужемъ, увѣрившимъ ее, что она влюблена въ ювелира, Наньелла повѣрила ему наконецъ, и тоска ея приняла опредѣленный характеръ. Она вообразила себя влюбленною, разлученною съ своимъ любовникомъ, и употребила всю свою силу и энергію на то, чтобы завести съ нимъ сношенія. Это сдѣлать было не очень трудно, тѣмъ болше что ювелиръ въ качествѣ влюбленнаго проводилъ все свое время подъ ея окнами и на улицѣ близъ ея дома.

Наньелла очень любила дѣтей, и въ счастливые дни своей жизни успѣла завести себѣ много маленькихъ друзей, дерзкихъ и на всеготовыхъ, между уличными мальчишками. Одинъ изъ нихъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати, — сынъ сапожника державшаго походную лавчонку подъ воротами дома, гдѣ жила Наньелла, — бойкій и развитой не по лѣтамъ нашель какъ-то способъ пробраться въ ея комнату и навѣщалъ ее часто въ дни ея заключенія. Его Наньелла избрала посредникомъ. Ювелиръ, вѣдъ себя отъ восторга, рѣшился увести ее отъ мужа

въ Неаполь, гдѣ у него были родственники. Смѣлые планы были вообще въ характерѣ Наньеллы, и она очень охотно согласилась на этотъ.

Скоро все было приготовлено къ побѣгу. Но почти въ самый часъ исполненія этого отважнаго плана, и когда Наньелла ждала любовника, къ ней вошелъ мужъ, который узналъ обо всемъ неизвѣстно какимъ способомъ. Между ними произошла дикая сцена. Онъ ударилъ ее, она въ отчаяніи ранила его довольно сильно его же собственнымъ стилетомъ, и быстро выбѣжала изъ дому.

Разъ отдавшись своему любовнику, Наньелла полюбила его со всею страстностью своей натуры. Ювелиръ былъ очень хорошо принятъ въ Неаполь своими родными, имѣвшими на него, какъ оказалось, матримоніальные виды. Первое время все шло, впрочемъ, хорошо. Родные не отказывали ему въ деньгахъ; онъ содержалъ на нихъ Наньеллу, существованія которой тѣ и не подозрѣвали.

Положеніе это, впрочемъ, не могло долго продолжаться, и не отъ внѣшнихъ обстоятельствъ оно должно было упасть, а отъ нравственнаго неравенства этихъ двухъ личностей. Она любила его, какъ страстная, полная силъ и жизни женщина; онъ видѣлъ въ ней только простую любовницу; всѣ ихъ отношенія были для него не больше, не меньше, какъ пошлая связь.

Подготовленная ему заботливыми родными невѣста была слишкомъ лакомый кусокъ, и онъ вовсе не думалъ отъ нея отказываться, тѣмъ болѣе что этимъ способомъ онъ рисковалъ бы поссориться съ родными и лишиться всякихъ средствъ къ существованію. Между тѣмъ онъ не хотѣлъ также бросить Наньеллу. Терзаемый въ теченіи нѣсколькихъ дней этою борьбой, онъ вдругъ пришелъ къ рѣшенію, показавшемуся ему необыкновенно умнымъ и свѣтлымъ. Онъ тотчасъ же побѣждалъ сообщить его Наньеллѣ, отъ которой тщательно скрывалъ до тѣхъ поръ предположеніе о своей женитьбѣ. Онъ очень краснорѣчиво разказалъ ей, какъ богата его невѣста, сколько у него будетъ денегъ и какъ нарядить онъ свою ненаглядную Наньеллу. Прида въ восторгъ отъ собственныхъ плановъ, онъ бросился было обнимать свою возлюбленную, но та встрѣтила его порывъ сильнымъ ударомъ подсвѣчника въ голову. Съ тѣхъ поръ Наньелла не пускала его себѣ на глаза. Нѣсколько дней

провела она въ какомъ-то усыпленіи отчаянія, потомъ очнулась безъ денегъ, безъ знакомыхъ, одна въ чужомъ городѣ.

Наньелла наскоро одѣлась, вышла изъ дому, и добралась до самаго конца Riviera di Chiaja къ морю. Она взошла на утесъ, и оттуда хотѣла броситься въ море. Но въ семнадцать лѣтъ не легко умирають. Она приостановилась, потомъ задумалась, потомъ заплакала, и вечеромъ отправилась домой, измученная голодомъ и страданіями...

М.

(До слѣдующаго №.)

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ЧЕЛОВѢКА¹

ЕДИНСТВО РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

VI. ОБЪ ИЗМѢНЯЕМОСТИ ОРГАНИЧЕСКИХЪ ВЕЩЕСТВЪ.

I сущность измѣненій породъ животныхъ и растительныхъ.

Мы видѣли, что понятіе о видѣ, въ смыслѣ естествоиспытателей, основано на фактахъ двойкаго рода и соответствуетъ двумъ весьма различнымъ понятіямъ, — *сходственности* и *преимущественномъ происхожденіи (филиаціи).* Еслибы пришлось высказаться внезапно, безъ всякаго приготовленія, то изъ этихъ двухъ понятій, первое, очевидно, имѣло бы большее вліяніе на наши сужденія. Такимъ невольнымъ предпочтеніемъ весьма просто объясняется общая наклонность скорѣе допускать множественность человѣческихъ видовъ чѣмъ ихъ единство. Дѣйствительно, насъ не могутъ не поражать различія всякаго рода, существующія между человѣческими группами. Тотъ, кому не приходилось вникать, поглубже въ сущность вопроса, склоняется почти неминуемо къ принятію негра и бѣлаго за представителей двухъ первообразовъ, различныхъ

¹ См. Русск. Вѣстн. №№ 5, 7 и 8.

по самому происхожденію; за тѣмъ взопрется онъ въ отысканіи средствъ къ подтвержденію мнѣнія, составленнаго имъ, такъ сказать, съ перваго взгляда, и вотъ, съ величайшею добросовѣстностью, переходитъ онъ незамѣтно къ преувеличенію значенія тѣхъ измѣненій, для вѣрной оцѣнки которыхъ онъ вовсе не приготовленъ.

Какую бы, однакоже, важность ни придавать различіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, есть ли, спрашивается, возможность видѣть въ нихъ доказательства въ пользу ученія о множественности происхожденія? Для этого, сначала, необходимо доказать, что степень измѣняемости, на которую указываютъ эти различія, выходитъ изъ предѣловъ вида, и только тогда, для объясненія такой измѣняемости, пришлось бы прибѣгнуть къ предположенію многихъ видовыхъ типовъ. Если же напротивъ будетъ доказано, что между породами одного и того же вида животныхъ и растений замѣчаются разности, столь же и даже болѣе значительныя чѣмъ между группами человѣческими, то сужденія полигенистовъ, очевидно, лишатся основанія въ этомъ отношеніи. Животныя и растения представляютъ именно явленія такого рода, и разстояніе отдѣляющее человѣческія группы, даже болѣе другъ отъ друга удаленныя, вполнѣ объясняется принятіемъ, что онѣ разобщены лишь признаками породы. Уже изъ фактовъ, приведенныхъ нами въ предыдущихъ главахъ можно было заключать, что въ представителяхъ одного и того же вида бываютъ весьма разнообразныя и значительныя уклоненія; но обстоятельство это такъ важно, что мы должны рассмотреть его здѣсь внимательнѣе и ближе. Постараемся же оцѣнить *сущность* и *объемъ* этихъ уклоненій со всевозможною строгостью. Затѣмъ, прилагая результаты нашихъ изслѣдованій къ человѣку ¹, читатель убѣдится, что мы отнюдь не преувеличивали.

¹ Въ 1856 г. г. Исидоръ Жоффруа прочелъ въ Сорбоннѣ нѣсколько лекцій о человѣкѣ и его породахъ въ то самое время, когда и я излагалъ тотъ же предметъ въ Музеѣ. Не сговаривавшись между собою, мы вообще сошлись въ оцѣнкѣ различій между объемомъ видоизмѣненій въ человѣкѣ и животныхъ. Мнѣ пріятно лишній разъ заявить такое согласіе добытое изученіемъ, правда, весьма различныхъ отдѣловъ царства животныхъ, но уже не разъ приводившимъ къ одинаковымъ заключеніямъ по многимъ вопросамъ естественной исторіи человѣка. Пользуюсь случаемъ, чтобы напомнить объ изложеніи

Начнемъ съ растений. Нельзя себѣ представить, чтобъ у нихъ, также какъ у животныхъ, какой-нибудь органъ или отправление могли измѣниться безъ измѣненія первоначальныхъ, создающихъ силъ. Эти существенныя измѣненія могутъ однакоже оказываться довольно разнообразными проявленіями, изъ которыхъ одни принадлежать преимущественно къ области анатоміи, другія—къ области физиологіи. Если отклоненія перваго рода ограничиваются наружными формами, органами самыми поверхностными, то они усматриваются весьма легко. Терновникъ лишенный колючекъ, роза безъ шиповъ или покрытая на своихъ вѣтвяхъ волосками, подобными мху, цвѣтокъ доведенный искусственно до махровости, все это немедленно привлекаетъ къ себѣ вниманіе; но для распознаванія настоящихъ анатомическихкихъ отклоненій, приходится часто заглядывать подъ кору и проникать внутрь. Садовая груша, огородная морковь наша, измѣнились не только въ томъ, что получили огромныя размѣры, но и самое мясо ихъ претерпѣло значительныя отклоненія: ему приданы новыя качества чрезъ размноженіе нѣкоторыхъ тканей, чрезъ ограниченіе другихъ и чрезъ измѣненіе почти всѣхъ. Итакъ, анатомическимъ отклоненіямъ подвержены какъ самыя глубокіе органы или ткани, такъ и самыя поверхностныя.

Чисто физиологическія отклоненія растений, можетъ-быть, еще важнѣе анатомическихкихъ, потому что въ царствѣ животныхъ замѣчается совершенное имъ подобіе. Ограничимся однакоже немногими примѣрами касательно быстроты развитія и силы воспроизведенія. Напряженность жизнедѣятельности часто представляетъ большія различія въ породахъ растений воздѣлываемыхъ. Наши зерновые хлѣба служатъ въ этомъ отношеніи разительнымъ примѣромъ. Полное развитіе озимыхъ хлѣбовъ, считая отъ посѣва до жатвы, совершается среднимъ числомъ въ 300 дней, яровые требуютъ для этого 150 дней, а майскіе хлѣба только 100; въ Египтѣ и Бенгалѣ послѣдніе даютъ двѣ жатвы въ годъ съ одного поля. Способность къ быстрому развитію составляетъ нерѣдко необходимое условіе существова-

того же предмета, и конечно въ томъ же смыслѣ г. Исидоромъ Жофруа еще въ 1854 (*Leçons faites à la Faculté des Sciences par M. I. Geoffroy Saint-Hilaire, recueillies et rédigées par M. Camille Delvaile*); первенство во всякомъ случаѣ принадлежитъ моему ученому сотоварищу и собрату по наукѣ, ибо публичный курсъ есть также своего рода публикація.

нія данной породы въ известной мѣстности. Такъ напримѣръ, ячмень нашихъ умѣренныхъ поясовъ свѣтсѣ въ мартѣ, а убирается въ августъ; слѣдовательно онъ требуетъ, для своего полного развитія, пяти мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ Финляндіи, въ Лапландіи, весенніе и осенніе морозы оставляютъ ячменю не болѣе двухъ мѣсяцевъ на все развитіе. Итакъ французскій ячмень не можетъ выспѣвать въ сѣверныхъ странахъ. Для приученія его къ тому климату, на столько чтобъ онъ могъ тамъ размножаться, потребно нѣсколько лѣтъ, и онъ вѣроятно перешелъ бы черезъ тотъ же рядъ уклоненій, которому подвергалась озимая пшеница посѣянная весной. Изъ ста стеблей происшедшихъ отъ сотни сѣменъ, въ первый годъ только десять дали колосья, и только четыре—спѣлыя сѣмена; эти сѣмена были снова посѣяны весной, и дали уже пятьдесятъ стеблей съ колосьями и спѣлыми зернами. Только на третій годъ вся сотня первоначально посѣянныхъ растений могла завершить свое развитіе вполне, и озимый хлѣбъ превратился въ яровой ¹.

Эпоха цвѣтенія и плодоношенія зависитъ отъ быстроты общаго развитія; такъ въ настоящее время огородныя, плодовые и оранжерейныя растенія наши распадаются на множество породъ раннихъ или позднихъ, размноженіемъ которыхъ распоряжается искусство садовниковъ почти по нашимъ желаніямъ и согласно съ нашими потребностями. Энергія отправленій воспроизведенія породъ можетъ измѣняться еще и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ напримѣръ, можно значительно усилить или ослабить плодородіе: многія розы цвѣтутъ по два и по три раза въ лѣто, а горная земляника даетъ плоды почти круглый годъ. Съ другой стороны, замѣчается значительное уменьшеніе сѣменъ во многихъ изъ лучшихъ плодовыхъ породъ: бѣлая смородина, размножаемая сѣменами, даетъ гораздо менѣе сѣменъ чѣмъ красная; человекъ даже получилъ настоящіе бессѣменные плоды, дѣйствуя постоянно въ одномъ направленіи и доводя явленіе до крайности. Такъ, размножая бананы постоянно отводками, человекъ получилъ наконецъ бананы, плоды которыхъ состоятъ лишь изъ одной мякоти иду-

¹ Этотъ опытъ, также какъ посѣвы яровыхъ хлѣбовъ осенью, произведенъ впервые знаменитымъ Тессею и повторенъ съ большою точностію г. Монье (см. соч. Г. Годрона о *видѣ*). Оба опыта ясно доказываютъ, что озимые и яровые хлѣба суть породы, а не виды.

щей ему въ пищу; подобнымъ же способомъ полученъ бесѣменный коринескій виноградъ, или коринка. Всякій впрочемъ пойметъ, что въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ не можетъ быть и рѣчи о породахъ, ибо тутъ говорится о растеніяхъ лишившихся именно способности размножаться сѣменами. За этимъ предѣломъ, физиологическое отклоненіе, о которомъ идетъ рѣчь, уже не производитъ породъ, а даетъ начало очевидно однимъ только *разновидностямъ*, размножающимся безъ измѣненія прививкой, отводками и черенками.

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно для показанія, что растительный видъ подверженъ анатомическимъ и физиологическимъ отклоненіямъ, которыя, сдѣлавшись наследственными, даютъ начало новымъ породамъ. Теперь мы увидимъ, что и животный видъ подверженъ отклоненіямъ обоюго рода, и что онъ измѣняется даже именно въ тѣхъ частныхъ случаяхъ, въ которыхъ измѣняется и видъ растительный, показывая этимъ, какъ велика еще можетъ быть сходственность между органическими существами, повидимому, самыми отдаленными. Кроме того, мы должны будемъ указать на отклоненія въ явленіяхъ, приписываемыхъ тому неопредѣленному началу, которое называютъ *душою животныхъ*, и которое управляетъ у нихъ инстинктивными и разумными дѣйствіями. Мы должны показать, что эти *психологическія отклоненія* становятся наследственными, точно также какъ отклоненія физиологическія и органическія, и что они могутъ, садоводственно, служить признаками породы.

Напомнимъ прежде всего, что между породами существуютъ часто такія различія въ общихъ формахъ, что естествоиспытатель, не знающій о происхожденіи ихъ отъ однихъ и тѣхъ же родоначальниковъ, относитъ ихъ къ разнымъ видамъ не только съ перваго взгляда, но даже и послѣ подробнаго изслѣдованія. Такъ между борзою собакой и пуделемъ, между гончею и пуделемъ, разница до того значительна, что бросается всякому въ глаза; но мы не должны забывать, что эти наружныя отклоненія въ ростѣ и въ соответственности размѣровъ суть проявленія другихъ, болѣе глубокихъ отклоненій. Въ первомъ случаѣ затронуты всѣ главныя части: внутренности и скелетъ; во второмъ, отклоненія могутъ касаться лишь нѣкоторыхъ частей, будучи тѣмъ не менѣе весьма существенными. Какъ тѣ, такъ и другія относятся, очевидно, къ числу отклоненій

анатомическихъ. Сюда же принадлежитъ умноженіе, уменьшеніе и исчезновеніе перьевъ, волосъ, роговъ и пр., считающихся вообще продуктами кожи, но находящихся однако въ ближайшей связи съ важнѣйшими частями организма. Всѣ перечисленные выростки суть произведенія органовъ вполне обособленныхъ и всегда болѣе или менѣе сложныхъ; такъ напримѣръ, каждый волосъ выходитъ изъ сумочки, довольно сходной съ пузырькомъ снабженнымъ узкою и весьма длиною шейкой, стѣнки котораго имѣютъ притомъ особое строеніе. На днѣ сумочки выдается *луковичка*, органъ производящій собственно волосъ, а шейка этой же сумочки выстлана железками, которыя вырабатываютъ жирное вещество назначенное на смазку волоса и придающее ему гибкость. Все это сложное цѣлое имѣетъ особыя артеріи, вены, нервы, поддерживающія и оживляющія его части.

Чтобы получить одинъ лишній волосъ, животное должно произвести напередъ одинъ изъ сложныхъ снарядовъ, кратко нами описанныхъ; потерѣ каждаго волоса предшествуетъ необходимо разрушеніе такого снаряда. Чтобы шерсть животнаго могла сдѣлаться короче или длиннѣе, мягче или грубѣе, необходимо предварительное измѣненіе всѣхъ его волосныхъ сумочекъ. Если дѣло коснется роговъ, то уклоненія будутъ въ томъ же родѣ, но важнѣе и глубже. У всѣхъ видовъ снабженныхъ постоянными рогами, роговое вещество образуетъ наружный чехолъ, надѣтый на выростки лобныхъ костей, которыя обильно напоены кровью. Слѣдовательно, при умноженіи роговъ, какъ у исландскихъ барановъ, при ихъ исчезаніи, какъ у коствудскихъ и дышлейскихъ овецъ, у абиссинскихъ козъ и пр., уклоненія затрогиваютъ кровеносную систему и скелетъ; вотъ какъ важны перемѣны, повидимому, ничтожныя. Ни одна изъ нихъ въ сущности не обходится безъ умноженія, уменьшенія, измѣненія или совершеннаго уничтоженія сложныхъ органовъ, въ составъ которыхъ входятъ самыя центральныя органическія снаряды.

Внутренніе органы вообще измѣняются меньше, будучи въ той или другой степени необходимы для поддержанія жизни; но и они подвержены въ нѣкоторыхъ породахъ весьма значительнымъ уклоненіямъ. Г. Филиппи сообщаетъ, что въ Пиачентино есть порода быковъ, у которыхъ 14 реберъ вмѣсто 13; черепъ кабана (дикой свиньи) съ перваго взгляда распознается отъ черепа домашней свиньи; мозгъ пуделя срав-

нительно почти вдвое больше мозга бульдога; у всѣхъ скаковыхъ породъ нашихъ части скелета удлиннились, а весьма развитые тяжи прикрѣпляютъ къ костямъ крѣпкія и сухія, но худощавыя мышцы. Напротивъ того, убойныя животныя отличаются тѣмъ, что кости ихъ доведены до наименьшаго развитія, а мышцы, будучи весьма крупны и развиты, напоены соками и проросли жиромъ. При этомъ, какъ въ плодахъ и кореньяхъ воздѣлываемыхъ растеній, подверглись измѣненію даже органическіе элементы. Тѣ изъ этихъ элементовъ, которые идутъ въ пищу человѣку, значительно умножились, прочіе стали менѣе обильны и почти всѣ подверглись измѣненіямъ; въ обоихъ случаяхъ пища, ими доставляемая, стала обильнѣе и нѣжнѣе.

Породы быковъ, барановъ и пр., приготовляемыя человѣкомъ на убой, отличаются еще однимъ качествомъ напоминающимъ то, что мы видѣли у растеній: онѣ вырастаютъ и тучнѣютъ гораздо скорѣе прочихъ; — другими словами, быстрота развитія усиливается въ нихъ также какъ въ раннихъ растеніяхъ. Но такое частное преимущество добывается лишь на счетъ другихъ свойствъ: большая часть этихъ животныхъ, превращенныхъ въ машины для добыванія мяса и сала, оказываются гораздо болѣе слабыми и менѣе сносливыми чѣмъ ихъ родоначальники. Одни отправления у нихъ ослабли чрезъ постоянное усиленіе другихъ, — такъ напримѣръ плодородіе весьма быстро уменьшается, а иногда и вовсе исчезаетъ у особей, подвергшихся *излишнему усовершенствованію*. Здѣсь, опять какъ у растеній, природа, охотно отступаясь отъ нѣкоторыхъ формъ, отъ нѣкоторыхъ наружныхъ или внутреннихъ особенностей, полагаетъ однакожъ извѣстныя границы уклоненіямъ и какъ бы отказывается отъ произведенія уродовъ, порожденныхъ ею насильственно подъ вліяніемъ человѣческаго искусства.

Если въ иныхъ породахъ домашнихъ животныхъ способность размножаться исчезаетъ вовсе, то въ другихъ она, напротивъ, значительно усиливается, какъ у многихъ растеній. Свинья въ дикомъ состояніи поросится лишь однажды въ годъ, принося по 8 дѣтенышей; въ домашнемъ состояніи она поросится два раза въ годъ и приноситъ каждый разъ по 10 или 15 поросятъ, а иногда больше; итакъ плодородіе свиньи по крайней мѣрѣ утроилось. Морская свинья представляетъ въ этомъ отношеніи еще болѣе разительный примѣръ. Это маленькое домашнее

животное принадлежитъ къ роду *кобай*, всѣ дикіе виды котораго снабжены одинаковымъ числомъ сосцовъ, — признакъ того, что всѣ они приносятъ и дѣтенышей въ одинаковомъ количествѣ. Между тѣмъ наиболѣе извѣстная изъ дикихъ *кобай*, *анереа*¹, носитъ одинъ разъ въ годъ въ опредѣленное время и только по 2 дѣтеныша за разъ. Морская свинка производитъ, напротивъ во всякое время, по 5 и по 6 разъ въ годъ, и притомъ отъ 6 до 8 и даже 10 дѣтенышей за разъ. Плодородіе усилилось здѣсь слѣдовательно въ 15 разъ.

Наконецъ самое время воспроизведенія можетъ измѣниться у животныхъ подъ вліяніемъ условій, между которыми первое мѣсто занимаетъ, безъ сомнѣнія, переменна климата. Египетскій гусь, введенный во Францію Жоффуа Сентъ-Илеромъ, воспитывается съ тѣхъ поръ въ Музее; тамъ приобрѣлъ онъ нѣсколько большіе размѣры, окрѣпъ и сталъ посвѣтлѣе перомъ. Этихъ признаковъ было бы достаточно для характеризованія французской породы, но кромѣ того измѣнилось замѣчательнымъ образомъ самое время несенія яицъ. До 1843 года оно приходилось, какъ въ Египтѣ, къ концу декабря или началу января, такъ что птенцы развивались въ самое суровое время года. Въ 1844 яйценесеніе запоздало до февраля, въ 1845—до марта, а въ слѣдующемъ за тѣмъ году—до апрѣля, то-есть до того самаго времени, когда несутся гуси нашихъ умѣренныхъ странъ. «Такимъ образомъ, говорить г. Исидоръ Жоффуа, у котораго я заимствую эти подробности, устранено величайшее затрудненіе, препятствовавшее, по видимому, размноженію этого прекраснаго вида во Франціи»².

Итакъ оказывается, что въ обоихъ царствахъ условія, которыми производятся измѣненія, оказываютъ свое вліяніе какъ на форму органовъ, такъ и на ихъ отправленія. Въ такомъ же положеніи находится, какъ уже сказано, то неизвѣстное начало, въ

¹ Это животное долгое время считалось родоначальникомъ нашихъ морскихъ свинокъ, но въ то время, когда была открыта Америка, морская свинка уже была домашнимъ животнымъ въ Перу, между тѣмъ какъ *анереа* родомъ изъ Бразиліи. Это обстоятельство повело къ сомнѣнію въ тождественности обоихъ видовъ. Г. Исидоръ Жоффуа, не упуская изъ виду большого сходства всѣхъ *кобай* между собою, тѣмъ не менѣе принимаетъ окончательно мнѣніе, выраженное мною въ текстѣ согласно съ его авторитетомъ.

² *Domestication et Naturalisation des animaux utiles.*

силу котораго животное проявляет волю, чувство и дѣятельность; это такъ очевидно, что мы могли бы собственно ограничиться здѣсь одними общими замѣчаніями и сослаться на ежедневный опытъ каждаго. Породы домашнихъ животныхъ нерѣдко характеризуются особенностями своихъ инстинктовъ и наклонностей также рѣзко, какъ и строеніемъ физическимъ. Спрашивается, эти способности, эти инстинкты составляютъ ли принадлежность первоначальной природы животного? Во многихъ животныхъ, эти инстинкты и способности дѣйствительно оказываются природными свойствами; но ни какъ не во всѣхъ. Доказательствомъ тому служитъ многообразіе этихъ инстинктовъ. Такъ напримѣръ, одна и та же порода очевидно не можетъ соединять въ себѣ наклонностей гончей и лагавой собаки, другъ друга исключаящихъ. Изъ этого примѣра, также какъ изъ сотни другихъ подобныхъ, слѣдуетъ, что эти кажущіеся инстинкты суть собственно приобрѣтенныя привычки; сначала были онѣ чисто индивидуальными, потомъ переходили по наслѣдству и стали наконецъ настоящими отличительными признаками. Поговорка: «у доброй собаки чутье по наслѣдству» (*bon chien chasse de race*), справедлива и въ научномъ отношеніи. Это можно подтвердить точными наблюденіями г. Найта, собранными имъ въ продолженіе тридцати лѣтъ. Выводя молодыхъ собакъ на охоту, онъ принималъ всѣ предосторожности, чтобъ онѣ не находились подъ вліяніемъ примѣра старыхъ. Несмотря на это, такіе новички-дебютанты, никѣмъ не наученные, пускались, съ перваго же дня, по слѣдамъ своихъ праотцевъ: одинъ, трепеща отъ волненія, какъ вкопанный, съ напряженными мышцами дѣлалъ надъ куропатками стойку, къ которой были приучены его предки; другой, будучи выведенъ на бекасиную охоту, принимался искать лишь на талыхъ мѣстахъ, какъ самый старый изъ псовъ, приученныхъ къ этой спеціальной охотѣ; третій наконецъ, предки котораго истребляли хорьковъ, выказывалъ всѣ признаки живѣйшаго гнѣва при одномъ запахѣ враждебнаго животного, доселѣ имъ еще и не виданнаго, между тѣмъ какъ товарищи его, *другихъ породъ*, не выказывали ни малѣйшаго волненія и проч. ¹

¹ Жалѣю, что не могу войти здѣсь въ большія подробности относительно двухъ мемуаровъ г. Найта. Ограничусь замѣчаніемъ, что этотъ наблюдатель не удовольствовался одними большими домашними живот-

Наблюденія многихъ путешественниковъ надъ американскими собаками европейскаго происхожденія вполне подтверждаютъ сказанное до сихъ поръ. Факты, собранные господиномъ Руленомъ, показываютъ, что эти животныя, подъ влияніемъ новыхъ условій, въ виду новыхъ враговъ, получили особые инстинкты, перешедшіе теперь въ ихъ кровь и отличающіе ихъ рѣзко отъ европейскихъ праотцевъ, отъ братьевъ ихъ, оставшихся на старомъ материкѣ. Приведемъ вкратцѣ замѣчанія упомянутаго ученаго путешественника о способности собакъ терять и снова получать голосъ, то-есть лай, повидимому столь характеристическую черту ихъ вида. Этотъ фактъ не замѣчается на материкѣ, повсюду болѣе или менѣе заселенномъ, гдѣ къ дикимъ собакамъ присоединяются часто домашнія и гдѣ онѣ слышатъ человѣческой голосъ. Но на островахъ, гдѣ дикая порода размножается, не подвергаясь этимъ двумъ консервативнымъ влияніямъ, способность лаять исчезаетъ у нихъ весьма скоро. Въ 1710 г. Испанцы выпустили на островъ Хуанъ-Фернандесъ ¹ нѣсколько собакъ, въ надеждѣ истребить такимъ образомъ дикихъ козъ острова и тѣмъ отвратить корсаровъ, пріѣзжавшихъ туда за провіантомъ и нападавшихъ на ихъ суда и колоніи. Цѣль была вполне достигнута: козы исчезли весьма скоро, и собаки обратились на тюленей, размножившись притомъ чрезвычайно. Между тѣмъ, въ 1743, Уллоа ² положительно убѣдился, что эти собаки вовсе потеряли способность лаять. Нѣкоторыя изъ нихъ, будучи взяты на корабль, все-таки оставались нѣмыми, пока къ нимъ не присоединились домашнія собаки; тогда онѣ начали подражать послѣднимъ, «но, прибавляетъ авторъ, весьма

ными; онъ занялся также пчелами и нашелъ въ нихъ также измѣненіе инстинкта, котораго одного было бы достаточно для отличія домашней породы отъ дикой.

¹ Извѣстно, что капитанъ Страдингъ высадилъ на этотъ островъ, въ 1704, матроса Селкерка, который былъ взятъ опять на корабль, въ 1709, Вудъ-Роджерсомъ. Его-то приключенія подали Даниилу Фо идею *Робинсона Крузо*. На томъ же островѣ, около 1670 г., матросъ, одинъ спасшійся отъ кораблекрушенія, жилъ пять лѣтъ. Тамъ же, въ 1681 г., былъ оставленъ Шарпомъ москитосскій Индѣецъ, котораго вывезъ обратно Дампьеръ въ 1684 г. Фо очевидно воспользовался всѣми этими данными для своего безсмертнаго романа.

² Донъ Антоніо Уллоа, офицеръ испанской службы, былъ посланъ въ Перу, вмѣстѣ съ французскими академиками для измѣренія дуги меридіана.

неловко, и какъ будто только подчиняясь общему обычаю, который однако былъ имъ до сихъ поръ совершенно чуждъ.» Собаки Хуанъ-Фернандеса, будучи потомками такихъ, которыя умѣли лаять, скоро обрѣли голосъ своихъ предковъ; представители породы вполне нѣмой врядъ ли могли бы оказать такіе быстрые успѣхи. Собаки съ рѣки Макензи, перевезенныя въ Англію, навсегда сохранили одинъ лишь той свойственный ихъ породѣ; но щенокъ, принесенный самкой въ Англію и окруженный лаящими собаками, самъ приучился лаять весьма хорошо. Изъ приведенныхъ фактовъ, также какъ изъ множества имъ подобныхъ, можно вывести слѣдовательно, что растительный и животный видъ способенъ претерпѣвать анатомическія и физиологическія уклоненія, что въ животныхъ замѣчаются еще уклоненія психологическія, и что всѣ эти измѣненія, могутъ сдѣлаться наследственными и служить тогда признаками особыхъ породъ. Человѣческія группы представляютъ точно также рядъ анатомическихъ, физиологическихъ и психологическихъ уклоненій. Какое же послѣ этого основаніе думать, что въ человѣкѣ эти уклоненія имѣютъ больше значенія чѣмъ у всѣхъ остальныхъ органическихъ существъ, что у человѣка они характеризуютъ уже не *породы*, а *виды*? Подобное утвержденіе, очевидно, противорѣчитъ всѣмъ правиламъ аналогіи. Итакъ, мы въ правѣ полагать теперь, что различія между человѣческими группами, по *сущности* своей, отнюдь не подтверждаютъ ученія полигенистовъ. Можетъ ли это ученіе опереться по крайней мѣрѣ на объемъ уклоненій, которыя оказываются въ упомянутыхъ различіяхъ? На этотъ вопросъ мы и постараемся отвѣчать теперь.

II. Объемъ уклоненій въ животныхъ породахъ и человѣческихъ группахъ.

Сравнивая все написанное ботаниками и зоологами о предметѣ, который подлежитъ теперь нашему разсмотрѣнію, мы находимъ, что уклоненія, въ сущности равносильныя, оцѣниваются ботаниками ниже чѣмъ зоологами. Это и не удивительно, ибо, по мѣрѣ развитія анатоміи и морфологіи растений, число элементарныхъ тканей и органовъ все болѣе и болѣе уменьшалось. Многіе ботаники согласны видѣть во всѣхъ растеніяхъ лишь

одинъ основной элементъ тканей—клеточку, и одинъ основной органъ—листъ. Клеточка, рядомъ многочисленныхъ измененийъ, даетъ начало всевозможнымъ тканямъ, отъ вѣтвистой трахеи до самой плотной древесины. Изъ листа, измененнаго на сто разныхъ родовъ, происходятъ, по мнѣнію этихъ ботаниковъ, всѣ растительные органы и, въ особенности, части цвѣтка: листочки чашечки, лепестки, тычинки и пестики. Слѣдовательно, умъ ботаника заранѣе приученъ къ понятію о превращеніяхъ всякаго рода, и онъ въ свои изслѣдованія о видѣ вноситъ навыкъ, приобретенный имъ при изученіи особи. Не такъ бываетъ съ зоологомъ, ибо, не взирая на ученіе Швана и его послѣдователей, въ царствѣ животныхъ оказываются не однѣ клеточки при появленіи тканей¹. Тутъ органическіе элементы многочисленнѣе, и органы ясно разграниченные не могутъ быть приводимы другъ къ другу. Поэтому умъ зоолога, привыкшій къ большому постоянству формъ, склоненъ придавать больше значенія наружнымъ и внутреннимъ уклоненіямъ, особенно если они касаются постоянства видовъ. Пусть, однакоже, вникнуть въ дѣло поглубже, и тогда окажется, что видъ подвергается наследственнымъ уклоненіямъ одинаково важнымъ въ обоихъ царствахъ. Такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о сравненіи строгомъ, проведенномъ послѣдовательно шагъ за шагомъ, для чего растенія мало пригодны, то мы оставимъ ихъ въ сторонѣ: займемся одними животными, и преимущественно млекопитающими.

Изъ всѣхъ признаковъ, коими отличаются человѣческія группы, наибольшимъ уклоненіемъ подвергается, безъ сомнѣнія, цвѣтъ. Цвѣтъ кожи, напримѣръ, измѣняется отъ бѣло-розоваго до чернаго и, дѣйствительно, эти сужденія не могутъ не поразить умъ, не отдавшій себѣ яснаго отчета въ ихъ сущности. Трудно повѣрить съ перваго раза, чтобы кожа бѣлаго человѣка и негра не заключала въ себѣ коренныхъ различій,

¹ Я сообщилъ подробности о теоріи Швана и выставилъ противъ нея доказательства въ одной изъ своихъ статей о *метаморфозахъ* (*Rev. des Deux Mondes*, liv. 1, avril 1855). Общія результаты, мною тогда изложенные, были подтверждены всѣми послѣдующими работами. Въ настоящее время целлюлярную теорію начинаютъ покидать даже въ Германіи, гдѣ она царствовала до сихъ поръ безпрекословно. Подобное же движеніе совершилось въ умахъ ботаниковъ, и *целлюлярная* теоріи серьезно пошатнулись даже въ томъ царствѣ, къ которому онѣ, по видимому, такъ хорошо прилагались.

а это безотчетное мнѣніе имѣеть, конечно, важное вліяніе на общую склонность къ принатію множественности видовъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего неосновательнѣе такого заключенія, выведеннаго изъ однѣхъ наружныхъ примѣтъ. Уже и старинныя изслѣдованія доказываютъ это; но всякое сомнѣніе здѣсь окончательно устраняется, благодаря употребленію болѣе строгихъ и тонкихъ приемовъ. Методическое вымачиваніе, такъ счастливо употребленное г. Флураномъ, наблюденія микроскопическія, призванныя на помощь г-ми Краузе, Келликеромъ, Симономъ, даютъ одинъ и тотъ же результатъ, выражающійся слѣдующимъ образомъ: Кожа негра и бѣлаго состоитъ изъ тѣхъ же частей, изъ тѣхъ же слоевъ, расположенныхъ притомъ въ одномъ и томъ же порядкѣ; слои эти представляють у того и другаго одинаковые элементы, соединенные на одинъ и тотъ же ладъ; у одного и того же субъекта бѣлой породы можно найти на разныхъ мѣстахъ тѣла кожу чернаго и желтаго человѣка (то-есть кожу трехъ крайностей человѣческаго рода), и притомъ со всѣми ея признаками, наиболѣе существенными и важными. Постараемся представить вкратцѣ факты, изъ которыхъ получаютъ заключенія столь важныя и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мало согласныя, повидимому, со свидѣтельствомъ нашихъ чувствъ.

Замѣтимъ, что кожа состоитъ изъ трехъ главныхъ слоевъ: изъ *кожи* собственно, *кожицы* и *слизистой Мальпигиевой сѣтки* ¹. Кожа собственно есть самая глубокая часть и обильно напоена кровью помощью сосудовъ, вѣтвящихся въ ней безъ конца и по всѣмъ направленіямъ. Этимъ-то сосудамъ кожа обязана краснымъ цвѣтомъ, который представляетъ она невооруженному глазу; но при значительномъ увеличеніи между сосудистыми петлями, различается собственная ткань ея, которая оказывается бѣлою у гвинейскаго негра такъ же какъ у Европейца. Наружный слой составляетъ кожица; она имѣеть свойства рога, состоитъ изъ прозрачныхъ чешуекъ соединенныхъ между собой болѣе или менѣе крѣпко, и пропускаетъ сквозь себя общій цвѣтъ тканей, подъ нею лежащихъ. Этотъ слой, также какъ и первый, совершенно сходенъ у всѣхъ породъ.

¹ Всѣ анатомы принимаютъ эти три слоя, но разнятся въ ихъ разграниченіи, подраздѣляя ихъ притомъ на нѣсколько второстепенныхъ слоевъ. Здѣсь нѣтъ надобности входить въ эти подробности.

Между кожей и кожицей лежитъ слизистый слой, сѣдалище цвѣта. Онъ состоитъ изъ клѣточекъ, тѣсно между собой сплоченныхъ и наложенныхъ другъ на друга слоями. До сихъ поръ между негромъ и бѣлымъ еще не замѣчается различія; но содержаніе самыхъ клѣточекъ слизистаго слоя, даже самыхъ глубокихъ, у бѣлаго почти безцвѣтно, представляя лишь легкій желтоватый оттѣнокъ. Этотъ цвѣтъ становится гуще у желтыхъ породъ и даже у смуглыхъ людей бѣлаго племени; у негровъ наконецъ онъ становится чернымъ, съ болѣе или менѣе замѣтнымъ бурнымъ отливомъ. Вотъ въ чемъ собственно состоитъ явленіе разнообразной цвѣтности человѣческихъ породъ. Тутъ нѣтъ появленія какого-нибудь новаго органическаго элемента; все дѣло въ томъ, что одинъ и тотъ же цвѣтъ сгущается или расжижается, переходя отъ одного оттѣнка къ другому.

Фактъ, нами разбираемый, могъ бы впрочемъ и въ настоящемъ своемъ видѣ имѣть положительное значеніе касательно занимающаго насъ вопроса, еслибъ онъ былъ постояненъ, еслибы каждый оттѣнокъ цвѣта всегда совпадалъ съ другими болѣе важными признаками той или другой породы. Но надѣлъ выходитъ противное, и намъ приходится весьма кстати повторить о человѣкѣ то, что Линней говорилъ о цвѣтахъ: *nimum ne crede colori* ¹. Не всѣ черные люди — негры; многіе изъ нихъ находятся въ неоспоримомъ и близкомъ сродствѣ съ самыми бѣлыми племенами. Наконецъ, какъ уже замѣчено, Европейцы носятъ на различныхъ частяхъ тѣла, такъ сказать, *образчики* характеристическихъ цвѣтовъ кожи главнѣйшихъ человѣческихъ породъ. Г. Флуранъ показалъ, что цвѣтъ сосца Европейцевъ зависитъ отъ совершенной тожественности строенія кожи этой части тѣла съ строеніемъ кожи негра; г. Келликеръ нашелъ у одного Европейца на нѣкоторой части кожу, окраска слоевъ которой была совершенно сходна съ окраской кожи на головѣ Малайца; г. Симонъ берлинскій доказалъ, что веснушки и родинки суть не что иное, какъ точки, на которыхъ самое строеніе кожи ни мало не измѣнено, а только окраска клѣточекъ слизистаго слоя стала такою, какъ у негровъ и пр. Къ этому должно прибавить нѣкоторые другіе, каждому извѣстные, факты: умноженіе веснушекъ подѣ влия-

¹ Не слишкомъ довѣрай цвѣту.

ніемъ свѣта и жара, развитіе *матеріей* у беременныхъ женщинъ и т. п. Сюда же можно отнести иныя наблюденія касательно измѣчивости цвѣта, приведенныя нами въ предыдущей главѣ. Послѣ всего этого нельзя не согласиться, что различныя оттѣнки цвѣтовъ, представляемые человѣческими породами, не могутъ имѣть въ антропологіи того значенія, какое придавалось имъ прежде.

Мы дойдемъ до того же заключенія, если рассмотримъ въ отдѣльности цвѣтность глазъ, волосъ и даже болѣе глубокихъ частей. Голубоватыя, сѣрые и каріе глаза вовсе не рѣдкость у негровъ самыхъ типическихъ; племена съ чисто-бѣлою кожей одарены весьма часто черными волосами; чтò же до темнаго цвѣта мозга и нѣкоторыхъ перепонокъ, которому хотѣли придать значеніе отличительнаго признака негровъ,—то это весьма преувеличено и далеко непостоянно. Это подтверждается разсѣченіями субъектовъ негрской породы, производимыми въ настоящее время довольно часто на столахъ нашихъ анатомическихъ амфитеатровъ. Впрочемъ, внутреннія расцвѣченія встрѣчаются не у однихъ негровъ. Новѣйшія и многочисленныя наблюденія г. Гюблера по этому предмету ясно доказываютъ, что окраска этого рода попадаетъ въ разныхъ степеняхъ у Европейцевъ, съ болѣе или менѣ темнымъ цвѣтомъ кожи, что она иногда мѣстами представляется такою же темною какъ у негровъ и что она бываетъ то наследственной, то индивидуальною ¹.

Это непостоянство цвѣтности, эта легкость, съ которою тотъ или другой цвѣтъ является совершенно одинаковымъ образомъ у весьма различныхъ человѣческихъ породъ, попадаясь притомъ въ одиночку у отдѣльныхъ особей, — все это показываетъ, что цвѣтность не можетъ служить отличительнымъ признакомъ *вида*, а напротивъ походить только на признакъ *породы*. Точно такимъ же образомъ явленія цвѣтности встрѣчаются и у домашнихъ животныхъ, и притомъ еще рѣче. У нихъ кожа, тамъ гдѣ она обнажена, представляетъ весьма постоянныя уклоненія цвѣта ². Лапки нашихъ обыкновенныхъ

¹ *Sur la coloration des centres nerveux chez les individus de race blanche (Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris, t. 1.)*

² Извѣстно, что при недостаткѣ свѣта растенія и животныя вообще представляютъ болѣе блѣдные цвѣта. Это обстоятельство встрѣчается и у человѣка. Мы возвратимся къ нему въ послѣдствіи.

куръ бываютъ бѣловатыми или чаще темно-сѣрыми; у другихъ породъ, изъ которыхъ нѣкоторыя образовались въ последнее время, лапки сдѣлались черными, оливковатыми, желтыми и пр. Даже кожа на тѣлѣ у кохинхинскихъ куръ желтаго цвѣта, у гальскихъ бѣлаго, и наконецъ чернаго цвѣта у тѣхъ куръ, что образовались въ Америкѣ, на плоскогорьѣ Богота,—въ Азій, на Филиппинскихъ островахъ и на Явѣ,—въ Африкѣ, на островахъ Зеленаго Мыса. Эта чернокожая порода размножилась бы весьма быстро и въ Европѣ, еслибъ ея не изводили за неприятный видъ мяса. Дѣйствительно, черный цвѣтъ здѣсь не ограничивается поверхностью тѣла, онъ проникаетъ въ самую его внутренность, какъ у негровъ и тѣхъ Европейцевъ, о которыхъ мы говорили. Притомъ же является онъ гораздо болѣе сгущеннымъ и проникаетъ во всѣ слизистыя оболочки, въ надкостную плеву¹ и клетчатая влага лица мышць, такъ что все мясо кажется чернымъ.

Перья птицъ и шерсть млекопитающихъ соотвѣтствуютъ волосамъ покрывающимъ разныя части нашего тѣла. Нечего доказывать, что опереніе и шерсть домашнихъ породъ одного и того же вида разнятся несравненно болѣе, касательно цвѣта, чѣмъ соотвѣтствующія имъ части у человѣка. Всякому извѣстно, что тамъ цвѣта гораздо разнообразнѣе и что они перемѣшиваются всевозможными пятнами, полосами, отбѣтинами на сто ладоней, никогда не замѣчаемыми на человѣкѣ. Наружные покровы породъ представляютъ впрочемъ не одни только эти отличія: они разнятся еще обиліемъ. У насъ есть собаки съ густою шерстью, какъ на примѣръ исландская собака и пудель, другія вовсе голыя какъ собака неправильно называемая турецкою. То же самое замѣчается у бычачьихъ породъ. Г. Рулень сообщаетъ намъ, что, при спускѣ съ Кордильеръ, можно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прослѣдить всевозможные переходы въ густотѣ шерсти на быкахъ: отъ величайшей густоты ея до совершеннаго обнаженія кожи. Въ поясѣ злаковъ быки и коровы покрыты замѣчательно обильною шерстью, на равнинахъ Неибы и Маракиты образовалась порода съ весьма рѣдкими и тонкими волосами. Животныхъ этой породы, называемыхъ *pelones*, цѣнятъ весьма низко,

¹ Волокнистая плева одѣвающая всѣ кости у человѣка и позвоночныхъ животныхъ.

но не истребляютъ. Не то должно сказать о *калонгахъ* (*salongos*); вовсе лишенныхъ шерсти: ихъ истребляютъ не милосердне, и если они до сихъ поръ не составили особой породы и находятся въ состояніи *разновидности*, то это безъ сомнѣнія зависитъ отъ радикальнаго средства, употребляемаго противъ ихъ размноженія. Наконецъ опереніе и шерсть разныхъ породъ птицъ и млекопитающихъ измѣняются также въ своихъ качествахъ. Извѣстно, что наружные покровы млекопитающихъ состоятъ изъ шерсти собственно и изъ подшерстка, которымъ соотвѣтствуютъ у птицъ перья и пухъ. У тонкорунныхъ европейскихкихъ овецъ шерсть исчезла почти совершенно, и осталась только на мордѣ, на ушахъ и ногахъ; напротивъ у сенегальскихъ и гвинейскихъ овецъ исчезъ подшерстокъ и осталась только одна шерсть, притомъ длинная или короткая, смотря по породамъ. Подобные факты были наблюдаемы даже у птицъ. Цыплята Южной Америки лишены пуха; *шелковистая курица*, выведенная г-жею Пасси ¹, покрыта только однимъ пухомъ, тонкимъ и шелковистымъ, безъ всякихъ признаковъ перьевъ. Итакъ въ обоихъ классахъ, доставляющихъ намъ почти всѣхъ домашнихъ животныхъ, составныя части наружныхъ покрововъ могутъ замѣщать другъ друга почти совершенно. Какъ опереніе, такъ и шерсть, могутъ подвергаться замѣчательнымъ уклоненіямъ: то становятся онѣ гораздо обильнѣе, то исчезаютъ совершенно, и всѣ эти обстоятельства служатъ признаками не видовъ, а простыхъ породъ.

Подобныхъ крайностей у человѣка не замѣчается. Голова человѣка, къ какой бы группѣ онъ ни принадлежалъ, покрыта волосами; а равно и тѣ части, которыя покрыты волосами у насъ, болѣе или менѣе волосаты у всѣхъ пле-

¹ Въ 1852 г. г-жа Пасси, разводящая въ большомъ количествѣ кохинкивскихъ куръ, замѣтила, между поздними выводками, до 20 молодыхъ, во всемъ совершенно сходныхъ съ остальными, «но перьевъ у нихъ никогда не выросло; вмѣсто перьевъ онѣ были покрыты такимъ густымъ и мягкимъ пухомъ, который походилъ на кошечью шерсть; этимъ курамъ, повидимому очень нравилось, когда ихъ пухъ чесали частымъ гребнемъ.» То же обстоятельство, и около того же времени, повторилось, кажется, у г. Джонстона. Жаль, что не сохранили этой породы *птицы покрытыхъ волосомъ*. Мы имѣли бы тогда примѣръ любопытной породы, время происхожденія которой было бы съ точностью извѣстно, что большая рѣдкость.

мень человеческого рода за немногими исключениями, которыя попадаются во всѣхъ группахъ. Цѣлыя племена состоятъ изъ людей съ бородами болѣе рѣдкими чѣмъ у Европейцевъ, но нѣтъ ни одного вовсе лишеннаго этой принадлежности. Противныя увѣренія, не разъ повторенныя нѣкоторыми древними и новѣйшими авторами, всегда опровергались болѣе точными наблюдениями. Геродотъ и Аммианъ Марцелинъ говорили, что нѣкоторыя изъ азіатскихъ племенъ вовсе лишены бороды, но Палласъ доказалъ, что явленіе это зависитъ отъ обычая выдергивать волоса съ самаго дѣтства. Гумбольдтъ говорить то же самое о безбородыхъ Американцахъ, и показанія этого знаменитаго путешественника вполнѣ подтверждены свидѣтельствомъ Д'Орбиньи. Чтò же до волосъ, которыми отличаются нѣкоторыя негрскія племена, то напрасно придаютъ имъ эпитетъ указывающій на тожественность ихъ съ руномъ нашихъ овецъ. Они походятъ гораздо болѣе на крученый конскій волосъ, и въ сущности не чтò иное, какъ обыкновенные волоса, только толще и грубѣе нашихъ, наравнѣ съ нашими соотвѣтствуютъ остямъ млекопитающихъ.¹ Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія ни сравнивали мы перья и шерсть домашнихъ породъ животныхъ съ волосами человеческими, первыя всегда представлятъ несравненно болѣе уклоненій чѣмъ соотвѣтственныя части людей самыхъ различныхъ породъ. То же самое, какъ мы сейчасъ увидимъ, оказывается при сравнительномъ изученіи другихъ признаковъ, болѣе важныхъ чѣмъ тѣ, которые занимали насъ до сихъ поръ.

Поговоримъ сначала о ростѣ. Тутъ найдемъ мы точныя и многозначительныя цифры. Добантонъ и Исидоръ Жоффура составили таблицы, въ которыхъ означена длина и высота главнѣйшихъ собачьихъ породъ; длина измѣрялась отъ оконечности морды до основанія хвоста, а вышина въ передней части тѣла. Сравнивая горную собаку съ малою испанскою (*épagneul*), найдемъ, что въ этомъ видѣ длина колеблется приблизительно между 1, 328 метра (около 1 арш. 14 вершк.) и 305 миллиметрами (6¼ вершк.), а вышина между 770 милл. (1 арш. 1¼ вершк.) и 162 милл. (3¼ вершк.). Итакъ, длина тѣла первой изъ

¹ Поперечныя сѣченія волосъ разныхъ человеческихъ породъ, негрской, монгольской и бѣлой, представляютъ также весьма значительныя различія. Это сѣченіе имѣетъ видъ удлиненаго овала у негра, овала у бѣлаго, круга у Монгола, Американца и пр. Между этими формами существуютъ впрочемъ всевозможные переходы.

сравненныхъ породъ слишкомъ вчетверо больше длины второй, а ростъ почти впятеро выше. Почти всѣ остальные домашніе виды, по причинамъ исчисленнымъ выше, представляютъ менѣе уклоненій чѣмъ собака; но относительно роста и она разнится почти также сильно. Одна порода кроликовъ (*Lepus pisard*, кроликъ ниццскій) не длиннѣе 20 сантиметровъ (около $4\frac{1}{2}$ вершковъ), а другая не короче 60 сантим. (около $13\frac{1}{2}$ вершк.), будучи такимъ образомъ втрое длиннѣе первой. Ростъ овецъ, по Добантону, колеблется, смотря по породамъ, приблизительно между 1, 19 метр. (около 1 арш. 11 вершк.) и 325 милл. (около $7\frac{1}{2}$ вершк.), такъ что и тутъ данныя относятся между собою приблизительно какъ 1 къ 3. Французскія лошади, употребляемая для тяги бичевой по Ронѣ, лошади на англійскихъ пивоварняхъ и одна порода фризскихъ лошадей, бываютъ нерѣдко въ $2\frac{1}{2}$ арш. вышины у холки; высота шельтійской породы, ¹ въ той же части тѣла, по Давиду Ло, не превосходитъ приблизительно одного аршина такъ что эта лошадка ниже нѣкоторыхъ собакъ измѣренныхъ Исидоромъ Жофоруа, а отношеніе между крупною и мелкою породой все еще болѣе чѣмъ отношеніе 2 къ 1. Это отношеніе тѣмъ болѣе замѣчательно, что человѣкъ постоянно заботился объ увеличеніи роста лошадей, чтобъ усилить тѣмъ способности ихъ къ требуемой отъ нихъ работѣ. Подобныя же явленія могло бы показать намъ сравнительное изученіе породъ козъ, быковъ, свиней.

Посмотримъ теперь, между какими предѣлами колеблется ростъ человѣческихъ племенъ; для этой цѣли перейдемъ прямо къ сравненію двухъ, въ этомъ отношеніи крайнихъ породъ: Патагонцевъ и Бушменовъ. Ростъ первыхъ былъ, какъ извѣстно, необыкновенно преувеличенъ. Пигафета, описавшій путешествіе Магеллана, и Овiedo, разказавшій странствованія Лоансы, говорятъ, что ростъ Патагонцевъ не ниже 13 футовъ; но такой необыкновенный ростъ сталъ понижаться очень замѣтно по мѣрѣ умноженія точныхъ наблюденій. Дрекъ уже замѣтилъ, что между соотечественниками его найдутся люди роста самаго высокаго Патагонца. Это утвержденіе знаменитаго капитана подтвердилось въ послѣдствіи самымъ блистатель-

¹ Эта порода лошадей замѣчательна въ двоякомъ отношеніи. По Давиду Ло, она представляетъ въ малыхъ размѣрахъ признаки прекрасной андалузской породы и происходитъ по всей вѣроятности отъ испавскихъ лошадей, попавшихъ на Шетлендскіе острова при гибели знаменитой армады *Филиппа II*.

нымъ образомъ. Коммерсонъ и Бугенвиль, проведя нѣсколько часовъ среди Патагонцевъ, полагаютъ, что ростъ этихъ дикарей не превышаетъ 5 футовъ съ 8 дюймами или 6 футовъ; но ни одинъ путешественникъ не изучалъ занимающаго насъ вопроса такъ тщательно, какъ Альсидъ д'Орбиньи. Онъ жилъ нѣкоторое время на самыхъ мѣстахъ, наблюдалъ субъектовъ изъ разныхъ мѣстностей, всѣми средствами убѣдился въ тождественности племенъ, имъ наблюдаемыхъ съ тѣми, о которыхъ говорили его предшественники, а главное, произвелъ точныя измѣренія. Оказалось, что ростъ самаго высокаго изъ числа измѣренныхъ имъ Патагонцевъ равнялся 5 футамъ и 11 дюймамъ (2 арш. $10\frac{1}{4}$ вершк.), а средняя, имъ полученная, равна 5 футамъ съ 4 дюймами (2 арш. $5\frac{1}{4}$ вершк. съ меньшими). Впрочемъ, Д'Орбиньи упоминаетъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя легко могли ввести въ заблужденіе людей, видѣвшихъ Патагонцевъ издали или только мимоходомъ. Они отличаются при своемъ высокомъ ростѣ атлетическимъ тѣлосложеніемъ, замѣчательно широкими плечами и такъ драпируются въ свои кожаные плащи, что самъ Д'Орбиньи обманывался, принимая ихъ за великановъ. Итакъ, вотъ въ сущности каковъ ростъ самаго крупнаго изъ человѣческихъ племенъ. Обратимся теперь къ малорослымъ.

Лапландцы долгое время считались самыми малорослыми изъ людей, но Капель Брукъ, жившій между ними цѣлую зиму, многихъ изъ нихъ вымѣрилъ и убѣдился, что средній ростъ ихъ не ниже 5 футовъ съ 2 англійскими дюймами. Они, слѣдовательно, выше Бушменовъ. Дѣйствительно, Барро, измѣрившій послѣднихъ въ *краль*, состоявшемъ изъ полутораста жителей, нашелъ, что ростъ самаго высокаго изъ нихъ былъ не болѣе 4 футовъ и 9 англійскихъ дюймовъ, а средняя выведенная имъ цифра 4 фута, 6 дюймовъ¹. Сравнивая эту цифру съ данными о ростѣ Патагонцевъ, находимъ, что вышина самаго крупнаго племени, относится къ вышинѣ самаго малорослаго какъ 4 : 1, ³, такъ что тутъ еще очень далеко до удвоенія. Итакъ мы видимъ, что объемъ уклоненія въ ростѣ втрое или вчетверо меньше у человѣка чѣмъ у животныхъ.

Изученіе относительныхъ размѣровъ тѣла ведетъ къ совер-

¹ Здѣсь предлагаются только размѣры мушчины. Женщины вообще гораздо ниже ростомъ. Впрочемъ разница эта гораздо менѣ чувствительна у Патагонцевъ и нѣкоторыхъ другихъ породъ. Бушменскія женщины, по Барро, не превышаютъ 4 футовъ.

шенно подобнымъ заключеніямъ. Сравнимъ, напримѣръ, длину туловища съ длиною членовъ. Наблюденія Добантона и Исидора Жоффуа представляютъ тутъ точныя данныя. Въ ихъ таблицахъ находимъ мы, что вышина малой борзой собаки въ передней части тѣла равна 86 сантиметрамъ (1 арш. 3 $\frac{1}{4}$ вершк.), при длинѣ туловища въ 53 сантиметра (12 вершк.). У коротконогой собаки (*basset*) вышина равняется 30 сантиметрамъ (6 $\frac{3}{4}$ вершк.) при 81 сантиметрѣ (1 арш. 2 $\frac{1}{4}$ в.) длины. Въ первомъ случаѣ отношеніе вышины къ длинѣ выражается цифрами 0,62, а во второмъ цифрою 0,37. Слѣдовательно, уклоненіе здѣсь такъ велико, что одно изъ отношеній почти вдвое болѣе другаго; различіе же, какъ извѣстно, заключается особенно въ длинѣ членовъ. Не менѣ замѣчательныя цифры представили бы другіе домашніе виды, еслибъ относительно ихъ мы имѣли такія же точныя данныя. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи овцы; между ними также есть длинноногія породы, какова напримѣръ *кирмизская*; есть также низкія овцы (*gase loutre* или *gase ancon*), образовавшіяся въ недавнее время въ Сѣверной Америкѣ; объ этой породѣ будемъ мы говорить подробно въ послѣдствіи. Она между овцами то же, что *basset* между собаками, и судя по рисункамъ, бывшимъ у насъ передъ глазами, отношеніе между длиной и вышиной должно быть приблизительно такое же.

У породъ человѣческихъ отношенія размѣровъ никогда не представляютъ такихъ значительныхъ уклоненій, какія видѣли мы сейчасъ у животныхъ. Полигенисты много разъ говорили о длинѣ верхнихъ конечностей и въ особенности предплечія у негровъ. Дѣйствительно, рука негровъ нѣсколько длиннѣе чѣмъ у бѣлыхъ, но можно ли сравнить это легкое уклоненіе съ тѣмъ, что замѣчается въ разсмотрѣнныхъ нами породахъ собакъ или овецъ? Представляемъ судить объ этомъ читателю. То же должны мы сказать о длинѣ ногъ Индусовъ сравнительно съ ногами Европейцевъ. Еслибъ эта разница была даже такъ значительна, какъ утверждаютъ нѣкоторые путешественники, то и тогда она ни въ какомъ случаѣ не могла бы сравниться съ тѣмъ, что замѣчается у животныхъ.

Впрочемъ преувеличенія при оцѣнкѣ уклоненій роста и носительныхъ размѣровъ легко объясняются обстоятельствомъ, которое постоянно теряютъ изъ вида. Глазъ нашъ до того привыченъ, долговременнымъ наблюденіемъ, къ размѣрамъ нашей собственной породы, что онъ привыкъ въ этомъ отношеніи къ

большой точности въ оцѣнкахъ и поражается малѣйшими уклоненіями. Всякому извѣстно до чего быстро мы оцѣняемъ различіе роста, не превосходящее нѣсколькихъ миллиметровъ, и до чего склонны даже къ преувеличенію въ этомъ отношеніи. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ весьма легко убѣдиться, побывавъ въ общественныхъ купальняхъ, гдѣ населеніе нашихъ большихъ городовъ выставяетъ такое множество образчиковъ печальной уродливости всевозможныхъ родовъ. При видѣ иного, дурно построеннаго экземпляра человѣческой формы, вы, пожалуй, готовы будете воскликнуть: «онъ весь пошелъ въ ноги» (*ils sont tout jambes*). Но взгляните ближе, сравните ихъ съ другими людьми одинакаго съ ними роста, и вы убѣдитесь, что вся разница между ихъ ногами состоитъ въ нѣсколькихъ сантиметрахъ. У обыкновеннаго человѣка, ростомъ въ 1 метръ 75 сантиметр. (2 арш. 7 $\frac{1}{2}$ в.) длина руки, отъ плечеваго сочленія до конца пальцевъ, равняется приблизительно 75 сантиметрамъ (1 арш. $\frac{3}{4}$ в.); длина ноги отъ бедраваго выступа до пятки 86 сантиметр. (1 арш. 3 $\frac{1}{4}$ в.). Вычтите или прибавьте къ этимъ числамъ только 10 или 12 сантиметровъ, и вы, безъ сомнѣнія, сочтете такіе укороченные или удлинненные члены положительнымъ уродствомъ, бросающимся съ перваго раза въ глаза. А между тѣмъ укороченіе или удлинненіе членовъ простирается тутъ только на $\frac{1}{4}$ всей руки и на $\frac{1}{8}$ ноги. Однакоже различіе между негромъ и бѣлымъ, между Индусомъ и Европейцемъ, далеко еще не такъ значительно, тогда какъ у животныхъ уклоненія въ длинѣ членовъ разныхъ породъ одного и того же вида доходятъ до удвоенія. Итакъ объемъ уклоненій и тутъ несравненно значительнѣе у животныхъ чѣмъ у человѣка.

Всякое уклоненіе въ ростѣ и относительныхъ размѣрахъ необходимо отражается и на костяномъ остовѣ, составляющемъ основу тѣла; но скелетъ можетъ подвергнуться уклоненіямъ еще другаго рода и притомъ въ самыхъ центральныхъ частяхъ своихъ. Такъ напримѣръ, въ одномъ и томъ же видѣ и при равенствѣ другихъ обстоятельствъ, туловище можетъ, смотря по породамъ, быть длиннѣе или короче. Эти уклоненія зависятъ обыкновенно отъ удлинненія и укороченія позвонковъ, число которыхъ остается впрочемъ постояннымъ. Иногда же измѣняется самое это число. Въ этомъ отношеніи замѣчательны свиньи. По Эйтону, на котораго ссылается г. Годронъ, у нихъ можетъ быть отъ 13 до 15 спинныхъ позвонковъ, отъ 4 до 6 поясныхъ и крестцовыхъ. Эти уклоненія несравненно значительнѣе въ

хвостъ, оствовъ котораго есть не что иное, какъ продолженіе позвоночнаго хребта; въ немъ насчитывается, говорить опять Эйтонъ, отъ 13 до 23 косточекъ, и всѣ эти уклоненія наследственны въ извѣстныхъ свинныхъ породахъ Англіи. Еще Фридрихъ Кювье замѣтилъ, что хвостъ собакъ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 21 позвонка. Впрочемъ эта прибавочная часть представляетъ наибольшія уклоненія въ разныхъ породахъ домашнихъ животныхъ. У овецъ въ особенности, по словамъ Палласа и Давида Ло, хвостъ то исчезаетъ почти совершенно, какъ у нѣкоторыхъ персидскихъ, абиссинскихъ и татарскихъ породъ, то онъ напротивъ чрезмѣрно удлинняется и, спускаясь почти до земли, какъ у нѣкоторыхъ породъ Украины, Подоліи, Валлиса и проч., хвостъ этотъ бываетъ обыкновенно довольно тощъ, но иногда покрывается огромнымъ количествомъ жира, вѣсить нерѣдко до 30 фунтовъ и, въ нѣкоторыхъ странахъ, по словамъ Шардена, кладется на маленькія телѣжки для облегченія животнаго ¹.

Человѣкъ очевидно не представляетъ ни одного уклоненія, которое могло бы идти въ сравненіе съ исчисленными. Въ разныхъ человѣческихъ группахъ собственно позвоночный хребетъ состоитъ постоянно изъ одного и того же количества позвонковъ. Если по временамъ и попадались субъекты, у которыхъ находили одинъ лишній позвонокъ, то факты эти были собираемы за ихъ рѣдкость, какъ исключительныя явленія, а отнюдь не признакъ той или другой породы. Что же касается продолженія позвоночнаго хребта, соответствующаго у насъ хвосту животныхъ и называемаго *хвостомъ*, то въ послѣднее время онъ подалъ поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ. Вопросъ о *людяхъ съ хвостами*, давно уже оставленный, былъ поднятъ снова, и мы не можемъ умолчать о немъ. Посмотримъ, какая доля правды заключается въ томъ, что говорено на счетъ этого древними и новѣйшими писателями, свидѣтельство которыхъ нерѣдко заслуживаетъ полнаго довѣрія. Человѣкъ въ состояніи зародыша снабженъ хвостомъ, относительно такимъ же длиннымъ какъ у собаки.

¹ Въ восточной Россіи овцы съ жирными хвостами называются *курдючными* или *курдючными*; курдюкомъ (*uropygium* Pall.) называютъ самый хвостъ. Палласъ прекрасно описалъ эту породу подъ именемъ *Steatopygia cossyge brevis caudae, sed massa adiposa maxima, subtus nuda, didima...* Пер.

Вслѣдствіе развитія и *метаморфозы*, хвостъ этотъ превращается въ хвостецъ. ¹ Остановка въ метаморфозѣ могла бы, слѣдовательно, причинить значительное удлиненіе хвостоваго придатка у человѣка. Подобныя остановки, какъ извѣстно, не разъ были наблюдаемы въ развитіи почти всѣхъ органовъ. Итакъ нечему было бы удивляться, еслибъ обстоятельство, такъ сильно оспариваемое, оказалось гдѣ-нибудь въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, принимая даже разсматриваемый фактъ существующимъ, что впрочемъ вовсе не доказано, принимая кромѣ того, что странная конформація эта сдѣлалась наследственной и что исторія знаменитыхъ Кіамъ-Кіамовъ ² не сказка, все же помянутое уклоненіе было бы ничтожно въ сравненіи съ замѣчаемымъ у овецъ. Итакъ позвоночный столбъ человѣка не представляетъ ни одного уклоненія сколько-нибудь подобнаго тѣмъ уклоненіямъ, которыя видѣли мы въ домашнихъ породахъ животныхъ.

Мы разобрали съ нѣкоторою подробностію перечисленные уклоненія, потому что тутъ результаты сравненія животныхъ съ человѣческими группами могли быть выражены цифрами или даже словами. Но мы коснемся только слегка фактовъ, для полной оцѣнки которыхъ необходимы по крайней мѣрѣ многочисленныя и вѣрные рисунки. Сюда относятся, напримѣръ, выводы изъ сравненія череповъ. Добантонъ и Blumenбахъ уже замѣтили, что между черепами кабана (дикой свиньи) и домашней свиньи разница гораздо значительнѣе чѣмъ между черепами негра и бѣлаго. Причардъ, повторяя то же мнѣніе, справедливо прилагаетъ его также и къ различнымъ породамъ собакъ. Если поставить рядомъ, съ одной стороны, черепа негра и бѣлаго, а съ другой—первые попавшіеся черепа дога, пуделя, борзой и пр., то нѣтъ возможности не замѣтить, съ перваго взгляда, что различія несравненно значительнѣе во второй группѣ. Въ человѣкѣ неопытный глазъ замѣтитъ развѣ только *прозантизмъ*, то-есть легкое выступаніе впередъ челюстей и зубовъ. Напротивъ того, у собакъ тотчасъ оказываются самыя разительныя измѣненія почти всѣхъ частей и всѣхъ раз-

¹ См. объ этихъ измѣненіяхъ мою статью подъ заглавіемъ *Les Métamorphoses et la Génégénèse* 1 juin. 1856.

² Имя это придавали воображаемой породѣ негровъ людоедовъ, отличавшихся удлиненіемъ хвостца.

мѣровъ. Къ несчастію, мы не въ состояніи дать понятіе объ этихъ уклоненіяхъ, не касаясь многихъ подробностей, способныхъ затруднить даже спеціалиста; поэтому мы укажемъ читателю на подробности собраннаго Фридрихомъ Кювье, въ спеціальной работѣ ¹, на таблицы при *Естественной Исторіи челоѡька* Причарда, особенно же на скелеты остеологическаго собранія въ Музеумъ ². Несмотря ни на какое предубѣжденіе, всякій тогда согласится съ нами, что остовъ головы представляетъ гораздо болѣе уклоненій у животныхъ чѣмъ у челоѡька.

Изученіе жизненныхъ отпавленій повело бы насъ къ заключеніямъ совершенно подобнымъ тѣмъ, которыя извлекаются изъ сравненія органовъ. Довольствуясь лишь однимъ примѣромъ, мы напомнимъ, что женщина повсюду одарена способностію производить во всѣ времена года, и что крайніе предѣлы ея плодородія далеко не такъ удалены, какъ то бываетъ въ разныхъ породахъ животныхъ. То же можно сказать объ инстинктивныхъ и психологическихъ способностяхъ. У животныхъ, способности эти измѣняются также подъ вліяніемъ челоѡька или новыхъ условій жизни. Такъ, на примѣръ, кабанъ, какъ извѣстно, держится днемъ въ своемъ логовищѣ, выходя оттуда лишь ночью. Напротивъ того, домашняя свинья спитъ ночью, а бодрствуетъ днемъ; итакъ кабанъ, изъ ночнаго, сдѣлался дневнымъ животнымъ. Бобры, какъ въ Америкѣ такъ и въ Европѣ, не находя покоя отъ преслѣдованій охотниковъ, вовсе измѣнили свой прежній образъ жизни, представляя любопытный примѣръ для поясненія сущности инстинкта и смысла у животныхъ. Теперь бобры уже не собираются обществами для построенія плотинъ и жилищъ, а живутъ уединенно въ норахъ; изъ общественныхъ строителей превратились они въ одинокихъ землекоповъ. Въ обоихъ приведенныхъ мною случаяхъ послѣдовало совершенное извращеніе способностей; врядъ ли можно привести что-нибудь подобное у челоѡька.

Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія и всего, что было говорено до сихъ поръ, хочется мнѣ подробно разсмотрѣть нѣкоторыя изъ наименѣ одаренныхъ породъ челоѡьческаго рода. Три изъ нихъ представляютъ въ особенности много любопытнаго. Полигенисты всегда были склонны преуве-

¹ Статья *Chien* въ *Dictionnaire des sciences naturelles*.

² Значительное остеологическое собраніе находится въ зоологическомъ музеѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ. *Пер.*

личивать разстоянія, раздѣляющаго эти группы. Не будучи въ состояніи чрезмѣрно повысить уровень, на которомъ, какъ всякому извѣстно, стоятъ бѣлые, полигенисты были принуждены все болѣе и болѣе понижать породы наименѣе одаренныя какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Такимъ образомъ они увлеклись до того, что стали все болѣе и болѣе смѣшивать ихъ съ животными. Отсюда происходятъ всѣ усилія для отысканія сходства и тождественности между нѣкоторыми *человѣкообразными* обезьянами и неграми. Черный человѣкъ былъ объявленъ неспособнымъ къ цивилизаціи; стали говорить объ его *рыль*, и не смотря на слова естествоиспытателя Демулена ¹, утверждали, что между мозгомъ негра и орангъ-утанга есть разительное сходство. Когда же Африка открылась передъ нашими смѣлыми путешественниками, когда узнали Дагомановъ, Фантievъ, Ашантиевъ, и положительно убѣдились въ существованіи негрскихъ городовъ, искусствъ, негрской цивилизаціи, тогда принуждены были по необходимости отыскивать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ этихъ людей, долженствовавшихъ, по извѣстнымъ теоріямъ, составлять переходъ отъ бѣлыхъ къ звѣрямъ. Тогда накинута на Готтентотовъ. О нихъ стали повторять съ значительными преувеличеніями то, что говорилось о неграхъ; но свѣдѣнія, доставленныя Левильяномъ и подтверждаемыя съ года на годъ другими путешественниками и миссіонерами, были однакоже на лицо. За пастушескую и кочующую жизнь, за привычку натираться прогорклымъ масломъ, народъ не могъ же долгое время оставаться на одной доскѣ съ какою бы то ни было обезьяною. Наконецъ обратились къ Австрайцамъ, и на этотъ разъ начертали картину полнѣйшаго упадка.

Этотъ несчастный народъ упрекали въ совершенномъ отсутствіи религіи, законовъ, искусствъ, ремеслъ, въ совершенной неспособности поддаться хотя сколько-нибудь цивилизаціи. Но это еще далеко не все. Относительно свойствъ тѣлесныхъ, Австрайца

¹ Демуленъ былъ полигенистомъ и насчитывалъ 16 особыхъ человѣческихъ видовъ, но будучи также серіознымъ анатомомъ, онъ не могъ поддаться нѣкоторымъ увѣреніямъ, распространяемымъ теперь въ особенности американскою школою. Вотъ одно изъ сужденій его насчетъ сближенія обезьянъ съ человѣкомъ: «говоря анатомически, разница между совершеннѣйшею изъ обезьянъ и самымъ несовершеннымъ человѣкомъ безконечна.»

сравниваютъ уже не съ орангъ-утангомъ, а съ мандриломъ. ¹ Что же до нравственности, то вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ о ней одинъ англійскій писатель: «Однимъ словомъ, они одарены всѣми дурными качествами, которыхъ не должно бы встрѣчать въ человѣкѣ и которыхъ постыдились бы самыя обезьяны, имъ подобныя.» ² Какъ видно, прогрессія увеличивалась весьма быстро. Сравнивая съ обезьянами негровъ, выбирали по крайней мѣрѣ высшую обезьяну, а Австраліица превращаютъ въ низшую и порочную обезьяну. ³ Есть ли хоть что-нибудь вѣрное въ этихъ мрачныхъ картинахъ? Ничего, кромѣ того, что Австраліецъ принадлежитъ къ числу самыхъ униженныхъ представителей человѣческаго рода. Но въ немъ отнюдь не исчезли ни признаки царства, ни признаки вида. Болѣе точныя изслѣдованія объ Австраліецѣ такъ же, какъ и о негрѣ, устранили несправедливыя сказанія, основанныя на неполныхъ наблюденіяхъ, на ошибочныхъ обобщеніяхъ, а иногда и на другихъ, болѣе печальныхъ мотивахъ. Чтобы оправдать наши слова приведемъ нѣсколько чертъ изъ исторіи этой человѣческой группы по свѣдѣніямъ собраннымъ замѣчательными людьми, жившими въ Австраліи, вопрошавшими тайнства этой почвы, едва извѣстной, дѣйствительно изучавшими и сравнивавшими разныя племена, ее населяющія.

Посмотримъ сначала, дѣйствительно ли Австраліецъ такъ дурно надѣленъ отъ природы въ физическомъ отношеніи, какъ это утверждалъ не только Бори Сентъ-Винсанъ, но и другіе путешественники, которые лишь коснулись НовоГолландской почвы и хотѣли судить о цѣломъ материкѣ по нѣкоторымъ изъ его мѣстностей, гдѣ они останавливались на короткое время? За насъ отвѣтятъ Мичель и Пикерингъ. Первый изъ этихъ путешественниковъ описываетъ проводника своего Юлліялли, *совершеннѣйшимъ изъ образчиковъ челоуѣчества*, прибавляя еще, что такого невозможно встрѣтить среди народовъ, привыкшихъ одѣваться и обуваться. И это вовсе не исключеніе, ибо англійскій путе-

¹ Bory Saint-Vincent (*l'Homme*).

² Butler Earp (*the gold Colonies, or Australia*). Эта книга есть какъ бы руководство для переселенцевъ. Легко понять, какъ вредны подобныя выходки и какія онѣ могутъ имѣть страшныя послѣдствія для туземцевъ, если эти взгляды будутъ приняты людьми отправляющимися искать счастья въ Австралію.

³ Мандрилъ относится къ роду *кимокебаловъ* (собачьеголовыхъ), считающемуся между самыми низшими группами обезьянъ.

инственникъ неоднократно возвращается къ *физическому совершенству этихъ человѣческихъ машинъ*, развившихся на полной свободѣ. Пикерингъ, сопровождавшій капитана Вилкиса во время большой ученой экспедиціи посланной Американцами, вполне подтверждаетъ приведенныя сужденія; онъ говоритъ, что нигдѣ не замѣтилъ той необыкновенной худобы конечностей, которую считаютъ часто за отличительный признакъ Австралийцевъ, и называетъ просто карриатурами большую часть изображеній относящихся къ этой породѣ. Между тридцатью субъектами изъ внутренности материка, нѣкоторые показались ему замѣчательно дурными, тогда какъ другіе, въ противность всѣмъ его прежнимъ убѣжденіямъ, отличались дѣйствительно прекрасными лицами (*had the face decidedly fine*). Замѣчанія свои онъ завершаетъ слѣдующими словами: «Странное дѣло, я готовъ считать Австрайлца лучшимъ образцомъ челоѵчества по развитію мышцъ. Въ немъ соединена величайшая симметрія съ подвижностью и силою, между тѣмъ какъ голову его можно сравнить съ маскою какого-нибудь философа древности.» Итакъ, сужденія эти, очевидно, весьма далеки отъ того, что высказывается объ Австрайлцѣ даже въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ, и потому нечего искать въ общихъ формахъ его тѣла, въ наружныхъ признакахъ, такихъ чертъ, которыя могли бы дать основаніе исключать Австрайлца изъ группы, имѣющей своимъ представителемъ блага челоѵка.

Посмотримъ теперь, имѣютъ ли полигенисты болѣе основаній опираться на отличительныя черты духовной стороны разсматриваемаго племени? Правда ли, напримѣръ, что у Австрайлцевъ вовсе нѣтъ ремеслъ? Бори утверждалъ это. Онъ говорилъ, что эти племена не умѣютъ построить себѣ даже временной хижины, даже не способны сдѣлать себѣ какого-нибудь оружія, кромѣ развѣ палки едва заостренной и выправленной на концахъ. Все это было повторяемо, а между тѣмъ Бори забывалъ факты, сообщенные еще Перономъ и видѣнные имъ во время стоянки у Энтрахтовой земли. Изъ этихъ сообщеній видно, что туземцы умѣютъ выкопать себѣ жилища въ мягкихъ скалахъ, и въ стѣнахъ такихъ жилищъ устраиваютъ углубленія для своей *утвари*. Бори забывалъ, что тотъ же Перонъ привезъ изъ Австраліи каменный топоръ, прикрѣпленный къ своему топоричу такимъ крѣпкимъ цементомъ, что возбудилъ удивленіе всѣхъ нашихъ химиковъ, изъ которыхъ

одинъ пожелалъ даже подвергнуть этотъ цементъ анализу. Онъ забывалъ, что въ тѣхъ же странахъ найдены весьма разнообразныя снаряды для охоты и рыбной ловли. Со времени Перона свѣдѣнія наши значительно пополнились ; но не говоря уже о новѣйшихъ, мы не можемъ понять, какъ это постоянно умалчивается о свѣдѣніяхъ собранныхъ Стартомъ во время путешествія его на берега рѣки Маррея, совершеннаго еще въ 1831? Могъ ли бы такой народъ, какимъ описываетъ его Бори съ послѣдователями, строить постоянныя хижины, способныя помѣщать отъ 12 до 15 человѣкъ, изобрѣсти лодку изъ коры, вязать очень хорошія сѣти, изъ которыхъ однѣ съ широкими петлями для ловли кенгуру, а другія съ мелкими для рыболовства и простираются при томъ до 90 футовъ въ длину? Изъ этихъ фактовъ можно уже заключить, что у Австраійцевъ, по крайней мѣрѣ у большей части ихъ, развиты всѣ тѣ первоначальныя ремесла, которыя встрѣчаются у всѣхъ дикихъ племенъ; но вотъ обстоятельство еще болѣе замѣчательное. Г. Кенингамъ, совершившій въ Новый Южный Валисъ четыре путешествія, въ качествѣ хирурга на корабляхъ перевозившихъ ссыльныхъ, тщательно изучилъ туземное населеніе. Онъ вовсе не поклонникъ Австраійцевъ, но свидѣтельствуетъ о нихъ, какъ о народѣ живомъ, веселомъ, любопытномъ и смышленномъ. Извѣстно, что они выучиваются писать и читать почти также скоро какъ Европейцы, и всѣ говорятъ и понимаютъ хорошо по-англійски. Они легко подмѣчаютъ смѣшное, и съ перваго раза оцѣниваютъ общественныя различія. Новоголландцы, о которыхъ здѣсь говоритъ Кенингамъ, живутъ въ Сидней и его окрестностяхъ, но онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что есть австраійскія племена стоящіе *несравненно выше* этихъ. Не пускаясь, однакоже, въ дальнѣйшія разысканія, спросимъ, есть ли въ набросанномъ здѣсь портретѣ хоть одна черта, позволяющая относить Австраійцевъ въ особый видъ?

Не разъ было говорено и повторяемо, что Австраійцы не въ состояніи подняться выше того уровня, на которомъ нашли ихъ первые мореплаватели,—опять показаніе опровергаемое фактами. При серіозныхъ съ ними занятіяхъ, жители Новой Голландіи оказывали весьма быстрые успѣхи, какъ то сообщаютъ Досонъ, Кенингамъ и пр. Нѣкоторые изъ нихъ, каковы напримѣръ Даніель и Бенилонгъ, будучи перевезены въ Англію и введены въ хорошее общество, сдѣлались настоящими *джентль-*

менами, по признанію даже тѣхъ самыхъ авторовъ, которыхъ мы оспариваемъ. Вернувшись въ Австралію, они, правда, возвратились къ дикой жизни; но можно ли этому удивляться, если принять въ разчетъ положеніе всякаго цвѣтнаго чело-вѣка въ обществѣ бѣлыхъ, особенно въ англійскихъ колоніяхъ? Вспомнимъ о всемогущемъ вліяніи пустыни съ ея независи-мостью даже на бѣлыхъ, однажды ее испробовавшихъ, о тѣхъ, наконецъ, *наслѣдственныхъ склонностяхъ*, которыя такъ рѣзко характеризуютъ инныя породы? Пожалуй скажутъ, что здѣсь идетъ рѣчь о частныхъ случаяхъ, ничего не доказывающихъ касательно массы; но вотъ обстоятельство, заимствованное изъ журнала, можно сказать мѣстнаго, и доказывающее, что цѣлыя населенія могутъ легко перерождаться. ¹ Г. Бетманъ съ нѣсколькими Англичанами переѣхалъ въ Портъ-Филипсъ, на южный берегъ Австраліи съ намѣреніемъ основать тамъ земледѣльческое заведеніе. Вскорѣ были они пора-жены цивилизаціей жителей этого берега: ихъ платье, жилища, мебель, все необходимое, было въ гораздо лучшемъ состояніи чѣмъ у всякаго другаго изъ ихъ соплеменниковъ. Черезъ нѣсколько дней за тѣмъ, это усовершенствованіе объяснилось появленіемъ бѣлаго чело-вѣка, одѣтаго въ сюртукъ изъ кожи кенгуру. Это былъ старый гренадеръ англійскихъ войскъ, Вильямъ Баклей, который, будучи посланъ въ тѣ мѣста во время первой попытки колонизаціи, въ 1803 г., дезертировалъ и жилъ съ туземцами 33 года. Вскорѣ сдѣлался онъ ихъ начальникомъ, и вотъ, подъ его-то управленіемъ, достигли они того усовер-шенствованія, которое такъ удивляло новыхъ колонистовъ. Итакъ, эти дикари, объявленные неспособными ни къ какому прогрессу, оказали успѣхи подъ вліяніемъ одного простаго солдата.

Вотъ слова, которыми заключаетъ Г. де-Блоссевиль изложеніе свѣдѣній собранныхъ въ послѣднее время о южной Австраліи. ² «Дороговизна рабочихъ рукъ придава въ послѣднее время цѣн-ность мало испробованной до сихъ поръ работѣ этихъ несчаст-ныхъ племенъ. Заботы о собственныхъ выгодахъ открыли глаза колонистамъ, и тогда они замѣтили, что австралійскія племена

¹ *Van Diemen's-Land Magazine*. Путешествіе г. Бетмана совер-шено, вѣроятно, въ 1836 г.

² *Histoire de la Colonisation pénale et des établissements de l'Angle-terre en Australie*.

оставались не праздными зрителями ихъ ремеслъ, что хижины и домоводство туземцевъ были въ порядкѣ; съ 1853 овечьи стада въ 200.000 головъ поручены были исключительно надзору пастуховъ изъ туземцевъ; они же составляли всю массу рабочихъ у одного изъ главнѣйшихъ поселенцевъ. Ихъ съ успѣхомъ употребляли на выдѣлку кирпича и на расчистку земель; они же служили погонщиками воловъ и даже надсмотрщиками за своею братьей.» На ряду съ этими австралійскими дикарями, очевидно ступившими на путь прогресса и цивилизаціи, тотъ же авторъ указываетъ на потомковъ бѣглыхъ каторжниковъ «разсѣянныхъ по островкамъ и гораздо уже болѣе приближившихся къ одичалому состоянію нежели къ низшей ступени цивилизаціи.»—Итакъ, въ Австраліи *блѣдный человекъ* падаетъ, тогда какъ *черный* напротивъ того подымается. Эти свидѣтельства служатъ полнѣйшимъ опроверженіемъ показаній полигенистовъ; они тѣмъ болѣе имѣютъ значенія, что сообщающій ихъ путешественникъ даже и не думалъ о вопросѣ, насъ занимающемъ, когда писалъ приведенныя нами строки.

Даже предоставленные самимъ себѣ, Австралійцы стоятъ все не такъ низко какъ иные думаютъ. Говорили, что у нихъ вовсе нѣтъ семейства, особенно настаивали — и до сихъ поръ настаиваютъ — на безстыдствѣ женщинъ и равнодушій ихъ мужей; но примѣры эти взяты изъ племенъ, живущихъ въ окрестностяхъ Сиднея и уже испорченныхъ цивилизаціей, какъ-то не разъ бывало замѣчаемо и внѣ Австраліи. Въ другихъ мѣстностяхъ совсѣмъ не то, и Досонъ напротивъ того представляетъ австралійское семейство въ патриархальномъ видѣ¹. Говорятъ еще, что у нихъ нѣтъ и слѣда общественнаго устройства, что они постоянно бродятъ кучками, состоящими по большей мѣрѣ изъ одного или двухъ семействъ. Между тѣмъ Грей и докторъ Лонгъ давно уже показали, что у нихъ существуетъ распределеніе по кланамъ, подраздѣляющимся еще на племена и семейства, такъ что въ личныхъ собственныхъ именахъ встрѣчаются собственные имена семействъ, то-есть какъ бы имена фамильныя. Эти писатели составили списки клановъ и по-

¹ Весьма замѣчательно, что, по Досону, женщины, будучи здѣсь—какъ вообще у дикарей—поставлены несравненно ниже мужчины, тѣмъ не менѣе имѣютъ большое значеніе не только въ семействѣ, но и во всемъ племени.

накомили насъ съ обычаями ихъ напоминающими какъ учрежденія Табу Полинезійцевъ, такъ и тотемъ Американцевъ. Съ другой стороны, Стартъ удостоверялся въ существованіи у нихъ множества деревень, состоящихъ иногда изъ 60 или 70 хижинъ и содержащихъ отъ 800 до тысячи жителей. Утверждали также, что Австраійцы не имѣютъ понятія о собственности: однакоже упомянутые авторы дознали, что каждое племя владѣетъ отдѣльнымъ участкомъ земли, и что предѣлы этого участка переступаются не иначе какъ во время войны, или по особому приглашенію владѣльцевъ. Такими же правами собственности пользуются и семейства. Мы могли бы привести еще гораздо болѣе такихъ противорѣчивыхъ показаній со стороны полигенистовъ и другихъ людей, которые, живя на мѣстѣ, потрудились собрать точнѣйшія свѣдѣнія объ этихъ народахъ, такъ часто олеветанныхъ. Но полагаемъ, что достаточно уже и этого, для доказательства, что съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на Новоголландцевъ, умственные способности ихъ оказываются ниже способностей блага только по меньшей степени развитія; слѣдовательно, уклоненія здѣсь далеко не такъ велики, какъ то замѣчено нами у животныхъ одного и того же вида.

Въ видѣ не менѣе извращенномъ представлены были и нравственные качества Австраійца: ему приписывали, какъ особенности исключительно ему свойственныя, страсти наиболѣе обыкновенныя не только у дикарей, но даже и у самыхъ цивилизованныхъ народовъ, какъ-то жажду мщенія, пьянство и распущенность нравовъ замѣчаемую вокругъ большихъ городовъ. Въ то же время упускались изъ вида факты приводимые тѣми же писателями и доказывавшіе, что сердце Австраійца доступно самымъ нѣжнымъ и благороднымъ чувствамъ, къ семейнымъ привязанностямъ, къ супружеской любви, къ живѣйшей благодарности и проч. Однажды обманутый бѣлымъ Австраліецъ уже не довѣряетъ ему и платитъ тѣмъ же. Но Досонъ замѣчаетъ, что онъ поступаетъ очень честно съ тѣмъ, кто сумѣетъ заслужить его довѣріе. Кенингамъ нашелъ, что у этихъ народовъ чувство чести (*point d'honneur*) ограждено настоящими поединками, на которыхъ все происходитъ по установленнымъ правиламъ, и нарушеніе этихъ правилъ подвергаетъ виновнаго безчестію. Наконецъ, заимствуемъ у Старта фактъ, доказывающій, что рыцарскій духъ, въ томъ смыслѣ какъ понимали его благородные палadini, не чуждъ этимъ мнимымъ полу-скотамъ.

Два бѣглые Ирландца поссорились съ туземцами, среди которыхъ они скрывались. Дѣло дошло до драки, но такъ какъ Европейцы были безоружны, то Австралийцы снабдили ихъ предварительно оружіемъ для защиты, а потомъ уже напали на нихъ и умертвили ¹.

Само собою разумѣется, что въ религиозныхъ понятіяхъ Австралийцамъ вовсе было отказано. Здѣсь, какъ и всегда, пусть говорятъ факты. Дознано, что у всѣхъ здѣшнихъ племенъ существуетъ вѣрованіе въ духовъ и въ привидѣній; у всѣхъ также обрядъ погребенія сопровождается особыми церемоніями. Лейтенанту Бритону случилось присутствовать при этихъ обрядахъ у одного изъ племенъ, населяющихъ берега Уалломби. Не пускаясь въ излишнія подробности, замѣтимъ только, что могилы, очень правильной формы, окружаются вѣнками изъ древесной коры, для предохраненія покойниковъ отъ нападенія злыхъ духовъ, а около могилы кладется оружіе, чтобы, выходя изъ нея, умершій былъ въ состояніи отражать своихъ враговъ. Это очевидно показываетъ, что у Австралийцевъ есть понятіе о будущей жизни. Что касается понятія о существахъ высшихъ, могущихъ оказывать доброе или дурное вліяніе на судьбу человѣка, то и оно встрѣчается у всѣхъ племенъ. Всюду существуетъ тамъ, общее почти всѣмъ народамъ, вѣрованіе въ существованіе духа добра и духа зла. Въ окрестностяхъ Сиднея добрый духъ называется Коянъ. Къ нему обращаются съ молитвою, когда напимѣръ нужно отыскать пропавшихъ дѣтей; въ такомъ случаѣ, чтобы задобрить его, приносятъ ему въ жертву стрѣлы; а если и послѣ того поиски останутся тщетными, то полагаютъ, что Коянъ за что-нибудь сердится. Злой духъ называется Потоянъ: по ночамъ онъ бродитъ вокругъ хижинъ и ищетъ кого бы съѣсть. Наряду съ этими высшими божествами, у Австралийцевъ есть еще и

¹ Стартъ прибавляетъ, что этихъ Ирландцевъ съѣли. Людоѣдство действительно существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Австраліи, особенно у народовъ, живущихъ вокругъ Сиднея, по крайней мѣрѣ это случается; но изъ разысканій Досона слѣдуетъ, что вѣтъ и слѣдовъ подобнаго обычая между многочисленными жителями цѣлыхъ обширныхъ пространствъ. Фактъ людоѣдства былъ подтвержденъ юридически, судебнымъ слѣдствіемъ; впрочемъ людоѣдство, къ несчастію, такъ распространено у другихъ племенъ, вовсе не похожихъ на Австралийцевъ, что этимъ послѣднимъ отнюдь нельзя приписывать его какъ исключительное свойство.

другія, между прочимъ *самулы*—водяныя чудовища, напоминающія шотландскихъ *кельи*, и *балюбали*—нѣчто въ родѣ тѣсныхъ волшебницъ или фей, питающихся медомъ. Все, что Кенингамъ говоритъ объ этихъ вѣрованіяхъ, вполне подтверждается свѣдѣніями, полученными Вилксомъ отъ веллингтонскихъ миссіонеровъ. Разница только въ именахъ, что объясняется различіемъ нарѣчій у австраійскихъ обитателей. Последнее обстоятельство побуждаетъ насъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, которое, какъ увидитъ читатель, также весьма важно.

Полигенисты, которые хотятъ видѣть въ разныхъ человѣческихъ группахъ различныя *виды*, необходимо должны заключить ихъ въ опредѣленные рамки, и за каждымъ изъ нихъ признать какія-нибудь черты, исключительно ему принадлежащія—черты физическія, умственные или нравственные, которыя они стараются возвестъ въ *видовые признаки*. Относительно Австраійцевъ конечно поступили также, и этому-то направленію слѣдуетъ приписать все то, что говорено о чертахъ ихъ лица, о размѣрахъ ихъ членовъ, какъ о признакахъ исключительно имъ свойственныхъ. Такіе же доводы приводились на счетъ языка. Существованіе у нихъ языка, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и даже способность слагать опредѣленные звуки, почти вовсе отрицали. А между тѣмъ, и то и другое равно несправедливо. Мы видѣли выше, какъ должно судить о тѣлесныхъ формахъ Австраійцевъ. Прибавимъ къ этому, что населеніе Новой Голландіи вовсе не однородно, и что между разными племенами замѣчаются значительныя отличія, такъ что Кенингамъ упоминаетъ даже о мѣдно-красныхъ. Приведемъ наконецъ слѣдующій замѣчательный фактъ. Пикерингъ нашелъ, между дравидійскими племенами Индіи, субъектовъ вполне сходныхъ съ Австраійцами, такъ что если судить о нихъ только по физическимъ сходствамъ, то племена эти, разобщенныя такими огромными пространствами, тѣмъ не менѣе должны считаться въ ближайшемъ между собою родствѣ.

Сравненіе языковъ привело именно къ подобнымъ результатамъ. Въ своемъ прекрасномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Земля и человекъ*, г. Альфредъ Мори привелъ и подтвердилъ своимъ авторитетомъ результаты, до которыхъ дошелъ г. Логанъ. Другой лингвистъ, тѣмъ болѣе способный приступить къ разрѣшенію этого вопроса, что занимался восточными язы-

ками, г. Прюнеръ-Бей, обязательно подѣлился съ нами выводами своихъ разысканій, специально направленныхъ на тотъ же предметъ. Всѣ эти труды вполне между собою согласуются и приводятъ къ одинаковымъ заключеніямъ. Всѣ австраійскія нарѣчія, несмотря на многочисленность и разнообразіе ихъ, происходятъ отъ одного основнаго языка, который въ свою очередь такъ сходенъ съ дравидійскими нарѣчіями Индіи, что невозможно ихъ раздѣлить, и приходится причислить ихъ къ одному и тому же семейству. Итакъ лингвистика, равно какъ физическія свойства, вовсе не разобщаютъ Австраійцевъ, а напротивъ того указываютъ на связь ихъ съ континентальными народами. Наконецъ, свойства языка и физическаго строенія, согласуясь въ этомъ отношеніи, равно какъ во всѣхъ остальныхъ, указываютъ на помѣсь крови и языковъ, такъ что Австраійцы не только не составляютъ особаго вида, но даже не могутъ считаться отдѣльною породой, будучи очевидно продуктомъ скрещиванія настоящихъ восточныхъ негровъ съ элементомъ желтымъ или малайскимъ ¹.

Теперь изъ всѣхъ этихъ частныхъ фактовъ выведемъ одинъ общій результатъ, естественно изъ нихъ проистекающій. Полигенисты, пораженные различіями между человѣческими группами, не нашли тому иного истолкованія, кромѣ принятія нѣсколькихъ человѣческихъ *видовъ*. Между тѣмъ внимательное изученіе показываетъ, что различія эти относительно своей *сущности* входятъ въ разрядъ тѣхъ, которыя оказываются въ растительныхъ и животныхъ породахъ. Кромѣ того, самое строгое сравненіе показываетъ, что касательно *объема*, уклоненія въ животныхъ и растительныхъ породахъ несравненно значительнѣе нежели между самыми отдаленными человѣческими группами. Еслибы изъ приведенныхъ фактовъ мы захотѣли сдѣлать выводъ вполне правильный, то могли бы сказать, что ихъ однихъ достаточно для рѣшенія вопроса въ пользу единства вида. Но мы не намѣрены еще заходить такъ далеко, и скажемъ только, что нечего прибѣгать къ гипотезѣ о *множественности видовъ*, для объясненія разнообразія человѣческихъ группъ: для этого достаточно принять *множественность породъ и единство вида*. Слѣдовательно, доказательства почерпнутыя полигенистами изъ различій между этими группами не имѣютъ никакого значенія.

¹ Я изложилъ въ подробности всѣ эти факты и проистекающіе изъ нихъ выводы, въ курсѣ читанномъ мною въ Музеѣ въ 1837 г.

V. ПРОИСХОЖДЕНІЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ И ОБРАЗОВАНИЕ ПОРОДЪ ВЪ СУЩЕСТВАХЪ ОРГАНИЧЕСКИХЪ.

I. ПРОИСХОЖДЕНІЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЖИВОТНЫХЪ.

Мы показали, что такое въ сущности тѣ группы органическихъ существъ, которыя называются *породами*, и должны теперь перейти къ изслѣдованію ихъ образованія. Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ главахъ, мы будемъ сравнивать явленія, представляемыя намъ другими органическими существами, съ тѣмъ, что происходитъ въ человеческомъ родѣ. Однакоже свѣдѣнія добытыя до сихъ поръ позволяютъ намъ лишь слегка коснуться растений или даже вовсе не останавливаться на нихъ. Поэтому обратимъ преимущественно вниманіе на животныхъ, и въ особенности на тѣхъ изъ нихъ, которыя отличаются наиболее сложною организаціей. Изслѣдованія эти ясно покажутъ, что вездѣ и всегда явленія одинаковы, и помощію такого общаго результата, мы въ состояніи будемъ устранить нѣкоторыя обвиненія взводимыя на наши ученія, представивъ въ то же время нѣсколько серьезныхъ возраженій на ученія противоположныя.

Объяснить подробно происхожденіе разновидностей и породъ есть, безъ сомнѣнія, одна изъ труднѣйшихъ задачъ человеческой науки. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо трудность и темнота составляютъ сущность многочисленныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ этой общей задачи. Изъ предыдущихъ изслѣдованій нашихъ оказалось, что разновидность и порода суть собственно уклоненія вида; оказалось также, что отличительныя черты разновидности и породы являются какъ бы нарушеніемъ правъ той *образовательной силы*, которая составляетъ, по словамъ древнихъ, собственность каждаго существа и отличаетъ его отъ существъ сосѣдственныхъ. Но эта первоначальная сила, превращающая зародыши, повидимому одинаковые, въ самыя разнообразныя растенія въ самыхъ разнообразныхъ животныхъ, заключается очевидно въ сущности каждаго вида, а сущность эта намъ рѣшительно неизвѣстна. Съ другой стороны, намъ остается открыть, вѣроятно, еще много дѣятелей имѣющихъ на нее вліяніе; даже тѣ изъ нихъ, которые намъ извѣстны, такъ скрываютъ отъ насъ способъ своей

дѣтельности, что для отысканія истины мы принуждены довольствоваться отрывочными фактами и нѣкоторыми разительными совпаденіями, очевидно не случайными. Группированіе этихъ фактовъ и совпаденій, выводъ изъ нихъ нѣсколькихъ общихъ данныхъ, способныхъ руководить насъ при разысканіи частныхъ и облегчить оцѣнку ихъ соотношеній,—вотъ почти все, что можетъ сдѣлать наука въ настоящее время. Остается еще вопросъ, далеко ли можетъ слѣдовать она этимъ путемъ?

Въ самомъ началѣ нашего труда мы убѣдились, что во всѣхъ органическихъ и живыхъ существахъ *видъ* подвергается двойкаго рода влиянію, опредѣляющему два ряда явленій, изъ коихъ одни указываютъ на очевидное расположеніе къ постоянству, другія на не менѣе очевидное стремленіе къ измѣняемости. Какой же причинѣ приписать это двойственное влияніе? Вотъ вопросъ, который во всѣ времена задавали себѣ глубочайшіе мыслители и величайшіе физиологи, отъ Аристотеля и Гиппократа до Бурдаха и Миллера. Эти великіе умы были поражены однакоже вовсе не сходствами между представителями одного и того же вида, между особями одной семьи. Они почти единодушно видятъ причину этого сходства въ *наследственности*, въ той силѣ, по которой родитель повторяется въ своемъ потомствѣ. Но болѣе всего удивляются они различіямъ между особями, отличіямъ отца отъ сына и брата отъ брата. Другими словами, ихъ болѣе всего занимаютъ именно эти малѣйшія уклоненія. Дѣйствительно, тутъ-то и есть узелъ задачи: лишь бы понять эти уклоненія, остальное объяснится само собою. Итакъ, посмотримъ какимъ общимъ причинамъ слѣдуетъ приписать различія *индивидуальныя* и *разновидности*.

Для рѣшенія поставленнаго вопроса не мало было сдѣлано предположеній. Для этого прибѣгали и къ гипотезѣ о влияніи свѣтила, и къ первоначальному различію *душъ*, и даже къ непосредственному виѣшателъству силъ божественныхъ и бѣсовскихъ. Бурдахъ, обособляя нѣкоторымъ образомъ видъ, видитъ въ разнокачественности его представителей тщетныя стремленія его къ полному осуществленію своего первообраза. Рядомъ съ этими объясненіями, очевидно никуда негодными или же черезчуръ туманными, встрѣчаются другія, повидимому болѣе раціональныя; но и они, при кажущейся точности, все таки не болѣе какъ гипотезы. Такъ напримѣръ, утверждали, что взаимная привязанность родителей, нрав-

ственное настроеніе, воображеніе матери, и проч. могутъ имѣть вліяніе на ребенка, опредѣляя его черты и характеръ. Но это еще далеко не доказано; и даже, еслибы въ подобныхъ предположеніяхъ была нѣкоторая доля правды относительно чловѣка, то къ животнымъ приложить ихъ довольно трудно, а къ растеніямъ и вовсе невозможно. Итакъ, мы не можемъ допустить ихъ. Во всякомъ случаѣ, бѣльшая часть этихъ гипотезъ стремится открыть причины уклоненій въ особи, въ окружающей средѣ, и въ этомъ только приближаются онѣ къ истинѣ. Такой общій выводъ встрѣчается и во многихъ другихъ ученіяхъ, которыя впрочемъ въ одномъ этомъ только и сходятся. Такъ, по Аристотелю, Плинію и др., физическія и нравственныя качества преобладающія у родителей, и самый моментъ зачатія опредѣляютъ вполнѣ будущія свойства плода. По Альдрованду, наибольшее вліяніе оказываютъ тѣ обстоятельства, которыя дѣйствуютъ на мать, и черезъ ея посредство на ребенка; они-то придаютъ ему, въ теченіе зародышевой жизни, тѣ черты, которыя останутся при немъ на всю жизнь. Гельвецій, Боннетъ и другіе, приписываютъ такую измѣняющую силу климату, пищѣ, воспитанію, и еще болѣе отдавая эпоху, когда сила эта начинается дѣйствовать, опредѣляютъ начало ея вліянія уже послѣ рожденія. Докторъ Просперъ Люкă, разобравшіи бѣльшую часть этихъ теорій¹, принимаетъ какъ наследственность, служащую къ сохраненію прародительскихъ признаковъ, такъ и врожденность (*innée*), стремящуюся постоянно разнообразить типы. Наконецъ нѣкоторые другіе авторы ограничиваются тѣмъ, что считаютъ наследственность, силу столь могучую для сохраненія общихъ видовыхъ признаковъ,—безсильною по отношенію къ особямъ.

Послѣднее изъ приведенныхъ мнѣній очевидно не можетъ быть принято, потому что ограничиваетъ вліяніе наследственности, такъ несомнѣнно простирающееся на особи. Мы сейчасъ покажемъ, что явленія могутъ быть очень хорошо объяснены и безъ допущенія особой силы, болѣе или менѣе уподобляющейся врожденности которой учить г. Люкă, и что нѣкоторыя изъ нихъ даже противорѣчатъ существованію такой силы. Итакъ,

¹ *Traité philosophique et physiologique de l'hérédité naturelle*. Сочиненіе это важно во многихъ отношеніяхъ, и я многое изъ него заимствовалъ.

остаются лишь тѣ ученія, которыя объясняютъ измѣняемость видовыхъ первообразовъ дѣйствіемъ силъ внѣшнихъ и чуждыхъ особи, то-есть *вліяніемъ среды*. Всѣ эти ученія, быть можетъ, заключаютъ въ себѣ частицу истины, по крайней мѣрѣ въ общемъ направленіи своемъ, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ лишь объ уклоненіяхъ индивидуальных; но какъ только рѣчь коснется породъ, то онѣ обыкновенно оказываются черезчуръ узкими и абсолютными. Всѣ они, за малыми исключеніями, грѣшатъ тѣмъ, что приписываютъ наследственности вліяніе исключительно *сохраняющее*, а средѣ вліяніе только *измѣняющее*. Между тѣмъ, изслѣдованія показываютъ, что на дѣлѣ вовсе не то: объ эти силы то борются между собою, то стремятся къ одной общей цѣли и пораждаютъ попеременно, смотря по обстоятельствамъ, то одинъ, то другой результатъ. Въ явленіяхъ сложныхъ, пораждаемыхъ ихъ дѣятельностію, среда представляется обыкновенно верховнымъ уравнивателемъ: измѣняясь сама, она становится причиною измѣненій, а оставаясь неизмѣнною, поддерживаетъ постоянство явленій. Наслѣдственность, будучи въ сущности началомъ консервативнымъ, имѣетъ важное значеніе въ образованіи породъ; нерѣдко служитъ она также для передачи лишь вліяній среды, и становится причиною измѣняемости, отъ дѣйствія ли среды, или иныхъ причинъ, ей самой присущихъ. Попробуемъ вкратцѣ разъяснить эти положенія.

Если мы вообразимъ себѣ существо, одиноко и самостоятельно зарождающее другое существо, внѣ всякихъ постороннихъ вліяній, то уму нашему не представляется никакихъ причинъ различія между плодомъ и его родителемъ. При этихъ условіяхъ наследственность, очевидно, во всѣхъ подробностяхъ воспроизведла бы существо первоначальное. Аристотель, приписывавшій въ актѣ воспроизведенія исключительно все отцу, такъ строго держался этого мнѣнія, что считалъ уродливостію отлічіе сына отъ отца, и въ особенности рожденіе дочерей; ¹ но теперь дознано, что ученіе Аристотеля объ этомъ трудномъ вопросѣ грѣшитъ въ самомъ основаніи своемъ. При воспроизведеніи новаго существа, мать и отецъ

¹ Мнѣніе Аристотеля касательно женскаго пола было высказано въ послѣднее время съ нѣкоторыми измѣненіями. Есть анатомы, которые утверждаютъ, что женщина есть не что иное какъ муштина задержанный въ своемъ развитіи.

содѣйствуютъ каждый съ своей стороны: на долю матери выпадаетъ приготовленіе зародыша, яйца, которое въ свою очередь оплодотворяетъ отецъ. Кромѣ того, оба родителя, будучи существами органическими, представляютъ внутри себя измѣнчивыя явленія; снаружи они окружены весьма подвижною средою, которая постоянно на нихъ дѣйствуетъ. Всѣ эти условія влекутъ за собою множество послѣдствій, и между ними слѣдуетъ рассмотретьъ только тѣ, которыя имѣютъ вліяніе на измѣнчивость первообраза.

Замѣтимъ сперва, что стремленіе наследственности воспроизводитъ существо раждающее съ сохраненіемъ всѣхъ его признаковъ не есть одно представленіе ума, но явственный выводъ изъ непосредственнаго наблюденія. Наследственность передаетъ не только общее сходство и разныя особенности, напримѣръ въ ростѣ, въ относительныхъ размѣрахъ, въ формѣ внутреннихъ и наружныхъ органовъ;—но передаетъ также отъ поколѣнія къ поколѣнію признаки фізіологическіе, какъ-то: плодородіе, способность къ раннему развитію (*précocité*) и даже простыя предрасположенія. Наконецъ, у человѣка и у животныхъ она имѣетъ столь же очевидное вліяніе на признаки психологическіе; факты, собранные какъ новѣйшими, такъ и древними наблюдателями, не оставляютъ тутъ никакого сомнѣнія. ¹ Тѣмъ не менѣе эта наследственная сила, встрѣчающая постоянную и необходимую помѣху своему вліянію, не можетъ вполне выказывать свое могущество на отдѣльныхъ особахъ; она осуществляетъ по частямъ, во всей совокупности существъ одного вида, то чего не въ состояніи осуществить разомъ въ каждой особи. Если дѣйствіе наследственности имѣетъ такое всеобщее значеніе, и если оба родителя необходимо участвуютъ во всякомъ воспроизведеніи, то каждый изъ нихъ стремится въ одинаковой степени выразиться въ общемъ произведеніи; родители же, какъ бы они ни были между собою сходны, представляютъ непремѣнно нѣкоторыя различія, хотя бы просто половыя. Такимъ образомъ, переносясь мысленно къ первой парѣ, предполагаемой родоначальницъ вида, мы тотчасъ видимъ двойственное вліяніе на перваго потомка, вліяніе стремящееся къ передачѣ ему признаковъ, заимствованныхъ уже изъ двухъ

¹ Въ сочиненіи г. Люка читатель найдетъ полнѣйшее собраніе доказательствъ, въ подтвержденіе того, на что я здѣсь только указываю.

разныхъ источниковъ. Если признаки эти болѣе или менѣе *одинаковы*, то потомокъ воспроизведетъ ихъ быть-можетъ даже въ преувеличенномъ видѣ. Если они *противоположны*, то произойдетъ борьба между двумя противными вліяніями, изъ которой послѣдуетъ или общедное уравненіе, нѣчто среднее, или же болѣе или менѣе замѣтное преобладаніе одного надъ другимъ. Наконецъ, признаки родителей, не исключая другъ друга, могутъ быть *различны*; въ такомъ случаѣ признакъ соотвѣтственный у потомка будетъ то, что называется въ механикѣ *равнодѣйствующею*, то-есть новый признакъ, не существовавшій ни у отца, ни у матери, подобно тому какъ зеленый цвѣтъ, происходящій отъ смѣшенія желтаго съ голубымъ, не похожъ ни на тотъ, ни на другой.

Итакъ, не прибѣгая ни къ *врожденности*, ни къ какой другой подобной силѣ, съ перваго же поколѣнія въ самомъ законѣ, составляющемъ сущность наследственности, мы видимъ доказательство тому, что сынъ или дочь *не могутъ* быть тождественны съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ родителей.

Тѣ же причины, дѣйствуя поочередно въ каждомъ поколѣніи, очевидно приведутъ къ тѣмъ же результатамъ. Итакъ, наследственность простая, прямая и непосредственная, составляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи источникъ видоизмѣненій первообраза. Однако все предыдущее еще не объясняетъ различія между братьями. Казалось бы, что отъ тѣхъ же родителей всѣ дѣти должны походить другъ на друга; но тутъ выступаютъ явленія другаго рода. Сила наследственности не ограничивается передачею признаковъ отъ родителей къ дѣтямъ: въ силу явленія еще необъясненнаго, но происходящаго едва ли не отъ законовъ генагенезиса ¹, потомки нерѣдко оказываются похожими на дальнѣйшихъ изъ предковъ. Жиру де-Бузаренъ и урдахъ принимаютъ, что сходства эти разительнѣе и многочисленнѣе между дѣдомъ и внукомъ, между внучкой и бабкой

¹ Это сближеніе впервые сдѣлано Бурдахомъ. Онъ сравнилъ то, что происходитъ между дѣдами и внуками съ явленіями перемежающагося размноженія, въ томъ видѣ какъ Шамиссо описалъ ихъ у бифоръ (Biphora). Сравненіе это кажется намъ основательнымъ, и въ настоящее время мы можемъ распространить его на пять поколѣній, ибо теперь намъ извѣстны всѣ фазы размноженія медузъ. См. *La Métamorphose et la Généalogie, Revue des Deux Mondes*, 1 et 15 juin, et 1 juillet 1856.

нежели между сыномъ и отцомъ, дочерью и матерью ¹. Итакъ, перемежающаяся наследственность способствуетъ наследственности прямой измѣнять и разнообразить представителей первообраза.

Наконецъ явленія *атавизма* (сходственность съ прадедами) еще усиливаютъ явленія наследственности, представляя, по всей вѣроятности, только развитіе этихъ явленій. Атавизмъ состоитъ во внезапномъ появленіи въ потомкѣ признаковъ характеризовавшихъ предка, отдѣленного отъ него нерѣдко весьма многими поколѣніями. Это безпрестанно замѣчается въ животныхъ. Такъ напримѣръ, въ чернорунныхъ стадахъ Андалузій, въ теченіе нѣсколькихъ уже вѣковъ, безжалостно умерщвляютъ cadaго агненка носящаго хотя малѣйшій признакъ бѣлой шерсти, чтобы сохранить породѣ то свойство, за которое она особенно цѣнится. Тѣмъ не менѣе ежегодно нараждается по нѣскольку особей воспроизводящихъ это запрещенное бѣлое руно. Шелковичные черви бѣлой породы, тщательно очищаемые въ продолженіе чуть не цѣлаго столѣтія (какъ напримѣръ въ Вальрогѣ), продолжаютъ однакоже производить по нѣскольку желтыхъ коконовъ. Подобныя явленія встрѣчаются и у человѣка, и г. Просперъ Люкâ приводитъ тому любопытные примѣры. Поэтому Мопертюи и въ особенности Жиру де-Бузаренъ приписывали атавизму большое значеніе въ дѣлѣ уклоненія индивидуальных признаковъ, въ различіяхъ родителей отъ дѣтей, и дѣтей между собою, и хотя Жиру зашелъ уже слишкомъ далеко, мы не можемъ не согласиться съ его основными идеями.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что наследственность, чрезъ совмѣстное дѣйствіе половъ, равно какъ перемежаемостью своего вліянія и силой атавизма, тремя различными путями, вызываетъ индивидуальныя различія; а мы видѣли, что развитіе одного изъ такихъ различій можетъ послужить источникомъ *разновидности*. Слѣдовательно одной силы наследственности, безъ вмѣшательства всякой другой, достаточно для объясненія появленія особей, до того несходныхъ

¹ Вотъ табличка, представляющая вкратцѣ мысль Жиру объ этомъ предметѣ:

1	поколѣніе:	дѣдъ,	бабка,	дѣдъ,	бабка.
2	—	отецъ,		мать,	
3	—	сынъ,	дочь,	сынъ,	дочь.

съ ближайшими своими родителями, что ихъ по справедливости можно считать разновидностями и началомъ новыхъ породъ. Тѣмъ не менѣе, еслибы для измѣненія вида существовали однѣ только названныя причины, то измѣненія эти очевидно были бы весьма ограниченны, и тогда объяснить многочисленныя видоизмѣненія, на которыя мы указали, было бы весьма трудно, если не невозможно. Итѣкъ, необходимо присоединить къ прежнимъ причинамъ еще одну для объясненія уклоненій нѣкоторыхъ особей отъ первообраза. Причину эту мы уже назвали; это—*вліяніе среды*.

До сихъ поръ мы предполагали, что наследственность дѣйствуетъ внѣ всякихъ условій, могущихъ извратить или измѣнить ея вліяніе; но отецъ и мать постоянно подвергаются вліянію окружающаго міра. Самый организмъ матери есть уже среда, въ которой организуется, растетъ и развивается будущее существо. Между тѣмъ существо это одарено жизнью прежде нежели приняло опредѣленную форму, прежде нежели стало зачаткомъ и зародышемъ. Оно еще не существуетъ въ дѣйствительности, а яйцо, среди котораго ему предстоитъ образоваться, уже пользуется самобытною жизнью, проявляющеюся самостоятельными и характеристическими движеніями. Яйцо *живетъ* въ полномъ смыслѣ этого слова¹. Следовательно, какъ все живое, оно подвергается измѣненіямъ, подъ вліяніемъ среды, его окружающей. Когда *жизнь яйца* придетъ въ порядокъ участіемъ отца, и существованіе, а следовательно и образованіе плода обезпечится, то зародышъ, прикрытый своими покровами и, повидимому устраненный отъ всякаго внѣшняго вліянія, тѣмъ не менѣе долженъ подвергаться дѣйствію многихъ постороннихъ силъ. Будетъ ли зародышъ этотъ развиваться внутри матери, какъ у человѣка и млекопитающихъ, или въ яйцѣ вышедшемъ наружу, какъ у птицъ, рыбъ и почти всѣхъ безпозвоночныхъ, онъ все-таки окруженъ извѣстною средой и, уже по одному этому, долженъ подлежать ея вліянію.

¹ Самобытная жизнь яйца выказалась наблюденіями моими надъ неоплодотворенными яйцами термитовъ, древоточицъ и нѣкоторыхъ другихъannelидовъ и моллюсковъ. Нѣкоторыя подробности по этому предмету представлены мною въ моихъ *Воспоминаніяхъ Натуралиста* (*Souvenirs d'un naturaliste*, Saint-Sebastien, livrais. 15 janv. et 15 mars, de la *Revue des Deux Mondes* 1850); о томъ же вопросѣ говорится въ моихъ статьяхъ о генеагенезисѣ.

Вотъ что указываетъ теорія, и что подтверждается множественностью фактовъ. Всякому извѣстно, какъ легко куриныя яйца получаютъ запахъ и вкусъ отъ пищи, принятой курицей¹. Оплодотвореніе не имѣетъ тутъ, очевидно, никакого вліянія, и сила, произведшая названныя отклоненія, дѣйствовала на яйцо непосредственно. Опыты г. Флурана, не разъ повторенныя, показали, что, подмѣшивая марену въ пищу беременной самки млекопитающаго, можно окрасить въ красный цвѣтъ кости матери также какъ кости зародыша. Итакъ эта самка передала плоду своему то вліяніе, которое было направлено на нее одну. Г. Костъ замѣтилъ, что желтыя яйца красномясой пеструшки или форели, погруженныя имъ въ воду, не способны производить измѣненіе цвѣта называемое *semiovanage* (семгованіе), стали блѣднѣть по мѣрѣ развитія молодой рыбки, а при выходѣ изъ яицъ, самыя пеструшки лишились оттѣнка свойственнаго ихъ породѣ². Здѣсь яйцо, будучи подъ непосредственнымъ вліяніемъ среды, передаетъ это вліяніе самому животному. Мы могли бы умножить эти примѣры и призвать на помощь даже свидѣтельство Жоффуа Сентъ-Илера, который нашелъ, что причина нѣкоторыхъ уродливостей заключается въ насильственномъ обращеніи съ матерью; но сказаннаго до сихъ поръ достаточно, чтобъ устранить всякое сомнѣніе насчетъ защищаемой нами теоріи; она заключается въ слѣдующемъ: *вліянія среды* начинаютъ проявляться въ яйцѣ даже до оплодотворенія, и продолжаютъ послѣ него, во всю эпоху зародышевой жизни нарождающагося существа.

Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же вліянія и послѣ рожденія оказываютъ свое дѣйствіе и на молодое, и на взрослое существо. Однакоже легко понять, что они дѣйствуютъ несравненно сильнѣе на организмъ только что слагающійся нежели на организмъ вполне развитый и установившійся. Если представимъ себѣ, хотя приблизительно, то непрерывное и тревожное вращеніе, которое происходитъ тогда въ зародышѣ,

¹ Яйца курицы, проглотившей нѣсколько шелковичныхъ червей, рѣшительно не годятся въ пищу.

² Бѣлая и красная форель составляютъ только двѣ породы одного и того же вида. Нѣкоторыя воды производятъ *семгованіе* даже у карпа. Фактъ этотъ передалъ мнѣ г. Валансьенъ, натуралистъ, по справедливости считающійся первымъ ихтиологомъ нашего времени.

если вообразить тотъ безпрестанный приливъ и отливъ матеріи, который подъ вліаніемъ жизни выдѣлываетъ и измѣняетъ на сто ладовъ общія формы, пѣлые снаряды, органы, даже самыя ткани, и потому уже придаетъ имъ окончательный ихъ видъ, то легко поймемъ, что малѣйшая посторонняя помѣха способна измѣнить результаты всей этой дѣятельности¹. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что среда имѣетъ вліаніе преимущественно въ періодъ зародышевой жизни, и что ей главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать измѣняемость видовъ. Словомъ, очевидно, что не вводя никакой особой силы, легко понять происхожденіе не только отличій между родителями и дѣтьми, также какъ и между братьями, но и значительнѣйшія уклоненія отъ видоваго первообраза.

Какъ видитъ читатель, мы приписываемъ *среди* такое значительное вліаніе въ образованіи *разновидностей*, а затѣмъ и въ образованіи *породъ*, лишь на основаніи эмбриогеническихъ явленій наиболѣе дознанныхъ и наиболѣе распространенныхъ. Кромѣ того, заключенія наши подтверждаются множествомъ общихъ и частныхъ данныхъ. Когда условія среды вообще одинаковы, тогда видъ рѣдко и мало измѣняется; когда самая среда становится весьма измѣнчивою, тогда и видъ отражаетъ въ себѣ эту измѣнчивость множествомъ разновидностей и породъ. Такимъ образомъ объясняется рѣдкость дикихъ породъ и значительность разстояній, раздѣляющихъ ихъ на земномъ шарѣ, а равно многочисленность разновидностей и породъ тѣснящихся вокругъ человѣка; тѣмъ же объясняется и возвращеніе бѣглыхъ породъ къ относительному однообразію. Климатъ, это важное условіе среды, представляетъ гораздо больше различій отъ сѣвера къ югу нежели отъ востока къ западу; за то, въ первомъ изъ этихъ направленій, домашніе или дикіе виды являютъ самыя многочисленныя и характеристическія уклоненія. Врожденность, или всякая другая подобная сила, не въ состояніи объяснить этихъ фактовъ; составляя, какъ и наслѣдственность, первоначальную принадлежность каждаго существа, она должна одинаково дѣйствовать при всѣхъ обстоятельствахъ, внѣ человѣче-

¹ Относительно перваго времени зародышевой жизни человѣка и млекопитающихъ, можно справиться въ первой главѣ моихъ *Метаморфоз.* (*Revue des Deux Mondes*, livr. 1 avril 1855.)

скаго вліянія, также какъ и въ предѣлахъ его, по направленію параллельныхъ круговъ также какъ и по направленію меридіановъ.

Наконецъ можно сказать, что когда намъ удастся уловить какую-либо причину участвующую въ образованіи разновидностей или породы, то этою причиною всегда оказывается какая-нибудь преобладающая особенность среды. Замѣчательно также, что углоненіе всегда имѣетъ цѣлю наилучшее приспособленіе вида къ средѣ. Вообще, когда эта послѣдняя дѣйствуетъ непосредственно, то вліяніе ея весьма легко усматривается. Но часто она оказываетъ свое вліяніе какъ бы извилистыми путями, и самыя поразительныя дѣйствія ея часто бываютъ окончательнымъ результатомъ цѣлаго ряда явленій, сцѣпленіе которыхъ наука можетъ хоть изрѣдка уловить. Примѣромъ этому могутъ служить углоненія, коимъ подвергаются виды и породы умѣренныхъ поясовъ, переносимые въ жаркія страны. Такъ напримѣръ быкъ, которому предоставляется полная свобода среди низменныхъ равнинъ Америки, частію или даже вполне теряетъ шерсть свою. Подобныя явленія представляютъ и цыплята обыкновенныхъ куръ; сообщеніемъ этого любопытнаго факта мы обязаны г. Рулену. Въ нѣкоторыхъ странахъ Южной Америки, цыплянокъ, при выходѣ изъ яйца, не покрытъ мягкимъ и густымъ пухомъ, какъ то бываетъ въ Европѣ, но является на свѣтъ съ весьма рѣдкимъ пухомъ, который вскорѣ и вовсе пропадаетъ; тогда онъ остается совершенно голымъ, сохраняя лишь крупныя перья крыльевъ. Такое измѣненіе замѣчается только у куръ издавна поселенныхъ въ этихъ знойныхъ странахъ; тѣ же, которыя происходятъ отъ недавно-привезенныхъ насѣдокъ, вылупляются въ обыкновенной одеждѣ и сохраняютъ ее, какъ въ Европѣ, до появленія перьевъ. Въ этомъ климатѣ, гдѣ температура рѣдко бываетъ ниже 20°, жаръ до чрезвычайности усиливаетъ отправления самой кожи, ослабляя дѣятельность органовъ производящихъ пухъ. Такъ излишняя теплота косвеннымъ образомъ ограничиваетъ развитіе того естественнаго покрова, который прикрываетъ молодаго птенца въ холодныхъ странахъ. Слѣдовательно, она приспособила породу этой жаркой страны къ новымъ условіямъ бытія. Чтобъ окончательно доказать вліяніе въ этомъ случаѣ жара, прибавимъ, вмѣстѣ съ г. Руленомъ, что голые цыплята попадаютъ лишь въ самыхъ жаркихъ полосахъ Америки, а во всѣхъ остальныхъ мѣстно-

стихъ привозная курица сохраняетъ свое первичное перье точно какъ во Франціи, въ Англии и въ Россіи.

Въ приведенномъ фактѣ вліяніе среды легко объясняется съ помощію физиологическихъ законовъ. Но наука еще не въ состояніи разрѣшить много другихъ подобныхъ вопросовъ. Такъ напримѣръ, мы не можемъ сказать опредѣлительно, какія обстоятельства вызвали появленіе перваго быка или первой козы безъ роговъ, а также появленіе перваго барана съ четырьмя рогами? Ничѣмъ покажься нельзя объяснить, почему отъ родичей, вполне правильно построенныхъ, могла произойти первая коротконогая собака (*basset*)? Слѣдуетъ ли для такого объясненія прибѣгать къ врожденности? Безъ сомнѣнія нѣтъ, ибо мы видѣли, что присутствіе спеціальной силы, опредѣляющей измѣнчивость вида, не согласуется съ самыми общими явленіями. Итакъ, если мы не хотимъ допускать слѣдствія безъ причинъ, то должны видѣть въ этихъ явленіяхъ результатъ одного изъ тѣхъ вліяній среды (прямыхъ или косвенныхъ), на которыя мы уже столько разъ указывали. На сей разъ однакоже вліянія эти оказываются лишь въ своихъ послѣдствіяхъ, укрываясь отъ нашихъ изслѣдованій, вѣроятно, по причинѣ усложненія явленій.

Правда, что нѣкоторые естествоиспытатели, и полигенисты въ особенности, обходятъ этотъ трудный вопросъ, принимая исключительныя породы за особые виды и считая, напримѣръ, коротконогую собаку особымъ видовымъ типомъ. Но тутъ прежде всего мы попросимъ объяснить, откуда могъ произойти этотъ видъ, во всемъ остальномъ сходный съ собакою, и попадающійся исключительно лишь на нашихъ псарняхъ? Но если даже принять объясненіе полигенистовъ (которое собственно не есть объясненіе) относительно собаки, то оно отнюдь не приложимо къ породѣ овецъ называемой *анконьма* или *видрою* (*ancon ou loutre*), отличающейся между ояцами тѣмъ же, чѣмъ *бассетъ* отличается между собаками. Происхожденіе этой овечьей породы очень хорошо извѣстно. Первый баранъ, представлявшій это странное строеніе, родился въ Массачусетсѣ въ 1791 году; отъ него-то произошла всѣ анконы, нынѣ столь распространенныя на фермахъ Соединенныхъ Штатовъ. Точно также всѣ *мошаны* (*mauchamps*), живущіе въ самомъ Мошанѣ, Жевролѣ и Рамбулѣ, происходятъ отъ един-

ственный барана съ прямою и шелковистою шерстью, родившагося въ 1828 году въ стадѣ обыкновенныхъ меринесовъ ¹.

Эти современные факты, записанные и исследованные какъ промышленностію, такъ и наукою, бросаютъ яркій свѣтъ на происхожденіе самыхъ необыкновенныхъ породъ нашихъ. Коротконогая собака явленіе не болѣе удивительное чѣмъ овца-выдра; однакоже намъ достовѣрно извѣстно, что послѣдняя отнюдь не можетъ считаться особымъ видомъ, будучи породой весьма недавно возникшею. Кромѣ того намъ извѣстно, что порода эта произошла отъ единственной особи, родителя которой не представляли ничего неправильнаго. Итакъ, необходимо признать, что виды животныхъ могутъ въ извѣстную пору представлять странныя отклоненія и производить особи весьма отдаленныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ видового типа. Приходится принимать, что эти ненормальныя особи, эти внезапно появившіяся *разности*, могутъ служить основой новымъ *породамъ*. Однакоже это не всегда такъ случается, и теперь мы займемся изученіемъ тѣхъ условій, которыя способствуютъ или препятствуютъ установленію этихъ породъ.

II. ОБРАЗОВАНИЕ ЖИВОТНЫХЪ ПОРОДЪ.

Особь, уклонившаяся отъ первообраза, въ свою очередь стано вится родоначальницей. Въ силу закона наследственности, она стремится воспроизвести въ своемъ потомкѣ отличительные свои признаки; но потомокъ, съ самаго начала, уже окруженъ средой оказывающею на него свое вліаніе. Среда эта не можетъ быть вполнѣ одинакова съ тою, которая хотя отчасти вызвала отличительныя черты родоначальника; слѣдовательно, она во многихъ отношеніяхъ будетъ дѣйствовать иначе. Вслѣдствіе такой разницы, среда можетъ *вовсе не дѣйствовать* на отличительные признаки первоначальной разновидности. Въ такомъ случаѣ будетъ дѣйствовать одна наследственность и воспроизведетъ ихъ въ первоначальномъ видѣ.

¹ Къ тому же порядку явленій, то-есть къ образованію исключительныхъ разновидностей, должно приписать появленіе среди птичника г-жи Пасси тѣхъ *мошнатыхъ цыплятъ*, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ. Было бы весьма желательно, чтобы при повтореніи того же обстоятельства, наблюденіе производилось такъ же тщательно, какъ то дѣлалъ г. Гро при образованіи породы мошановъ.

Съ другой стороны, вліяніе среды можетъ снова выдѣлать же признаки, и тогда ея дѣйствіе, присоединившись къ дѣйствію наследственности, еще усилитъ въ потомкѣ названные признаки. Наконецъ, среда можетъ *препятствовать* появленію этихъ признаковъ; тогда произойдетъ борьба ея съ наследственностью. Признаки разновидностей могутъ тогда ослабѣть, вовсе исчезнуть, или даже замѣниться новыми, совсѣмъ противоположными чертами, и все это вслѣдствіе большей или меньшей напряженности, вслѣдствіе направленія той или другой изъ борющихся силъ.

Три общіе случая, нами приведенные, очевидно заключаютъ въ себѣ и всѣ возможные частные случаи: повтореніе ихъ, болѣе или менѣе правильная послѣдовательность въ ряду поколѣній, достаточны для объясненія всѣхъ фактовъ, сюда относящихся. Первымъ случаемъ объясняется установленіе породы, иногда съ перваго раза; вторымъ объясняется прогрессивное ихъ образованіе; третьимъ—исчезновеніе съ перваго же поколѣнія. Переменяемость, могущая установиться между этими случаями, объясняетъ тѣ затрудненія, съ которыми нерѣдко сопряжено образованіе породы. Повсюду наследственность является силой дѣйствующею постоянно одинаково: она ограничивается передачей потомку принадлежностей родича. Не то должно сказать о средѣ. Мы видѣли, что въ произведеніи разновидностей она постоянно оказывалась причиною уклоненій: она нерѣдко служитъ началомъ консервативнымъ при установленіи, характеризованіи и поддержаніи породы, и фактъ этотъ легко объясняется. Тѣ же причины, которыя обусловили уклоненіе видоваго типа въ извѣстномъ направленіи, должны поставятъ непреодолимые препятствія не только уклоненіямъ въ противномъ направленіи, но и возвращенію къ первоначальному состоянію, пусть только причины эти дѣйствуютъ съ одинаковою энергіей. Жарь, причинившій потерю пуха у переселенныхъ цыплятъ, очевидно не въ состояніи ни возвратитъ имъ его, ни замѣнить инымъ, болѣе теплымъ одѣяніемъ; вызвавъ появленіе *бесперной разновидности*, жарь поддерживаетъ породу, которая увѣковѣчиваетъ признаки этой разновидности. Точно также нельзя допустить, чтобы холодъ нашихъ зимъ, отсрочившій на три мѣсяца время несенія яицъ у египетскаго гуся, былъ въ состояніи ускорить яйценесеніе этой птицы, или отвести его обратно къ тѣмъ срокамъ, въ какіе происходило оно на берегахъ Нила. Всѣ эти обстоятель-

ства и многія другія, имъ подобныя, слишкомъ часто бываютъ упускаемы изъ вида; если мы такъ настаиваемъ на нихъ, то единственно потому, что въ послѣдствіи намъ придется не разъ прилагать ихъ къ исторіи самого человѣка.

Не отступая отъ общихъ идей, на которыя мы только и можемъ опираться при настоящихъ изслѣдованіяхъ, посмотримъ какъ дѣйствуетъ среда при образованіи дикихъ и домашнихъ породъ. Въ замѣчательномъ сочиненіи, на которое мы уже указывали ¹, г. Дарвинъ прекрасно доказалъ, что еслибы какой-нибудь видъ животнаго или растенія могъ вполнѣ свободно и безпрепятственно развиваться, то вскорѣ онъ занялъ бы собою всю поверхность земнаго шара; а между тѣмъ видовъ насчитываютъ сотни тысячъ, но каждый изъ нихъ занимаетъ на земномъ шарѣ определенное пространство; въ сущности, какъ бы ни былъ малъ доставшійся ему участокъ, онъ владѣетъ имъ лишь въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Отсюда между этими видами, стремящимися къ бытію и развитію, происходитъ та непрерывная борьба, путемъ прямымъ или косвеннымъ, которую англійскій авторъ такъ мѣтко называетъ *борьбою за бытіе*; (struggle for existence). Окружающій міръ прибавляетъ еще причину разрушенія, которому подвергаются живыя существа единственно вслѣдствіе совмѣстности своего бытія. Природа также нерѣдко является страшнымъ врагомъ, которому противостоять не можетъ ни растеніе, ни животное, и съ которымъ нельзя иначе поладить, какъ совершенно подчиняясь его законамъ. Міриады особей гибнутъ въ этой непрестанной борьбѣ, въ этихъ ожесточенныхъ схваткахъ, такъ часто прикрытыхъ кажущимся покоемъ. Выходятъ цѣлы только тѣ, которыя могли выдержать борьбу, благодаря нѣкоторымъ особымъ качествамъ, переходящимъ къ дѣтямъ ихъ и далѣе въ потомство. Но для того чтобы качества эти оставались дѣйствительными, необходимо чтобы противники оставались все тѣ же: какъ только измѣнится противникъ, такъ и новыя качества дѣлаются тотчасъ необходимы; поэтому, напримѣръ, индійскій шакаль не можетъ быть совершенно сходенъ съ сенегальскимъ, а египетская лисица съ сибирскою. Итакъ, виды, предоставленные самимъ себѣ, утрачиваютъ тѣхъ изъ своихъ представителей, которые не способны приноровиться къ даннымъ условіямъ, но сохраняютъ тѣхъ, которые подчиняются этимъ условіямъ

¹ *On the origin of species.*

и даютъ начало естественнымъ породамъ, — и все это совершается черезъ исключеніе и черезъ *естественную отборку* (natural selection), какъ выражается г. Дарвинъ. Въ этой послѣдовательности причинъ и дѣйствій, которая въ изложеніи англійскаго автора ¹ является столь поучительною и любопытною, главнѣйшее значеніе несомнѣнно имѣютъ *вліянія среды*, а наследственность ограничивается лишь передачей и укрѣпленіемъ результатовъ этихъ вліяній.

Вводитъ ли человекъ новые элементы и новыя силы въ причины образованія домашнихъ породъ? Съ перваго взгляда вопросъ этотъ требуетъ, повидимому, утвердительнаго отвѣта. Лишь только человекъ налагаетъ руку на какой-нибудь видъ,

¹ Я сожалѣю, что не могу долѣе остановиться на сочиненіи г. Дарвина. Впрочемъ, сочиненіе это было уже рассмотрѣно весьма основательно г. Ложелемъ, и я самъ посвятилъ ему нѣсколько строкъ. (*Rev. des Deux Mondes* 1 Janvier 1861). По названнымъ статьямъ, читатель уже могъ судить о большомъ сходствѣ и не менѣ значительныхъ различіяхъ, существующихъ между моими идеями и идеями остроумнаго англійскаго ученаго. Г. Дарвинъ стремится къ разъясненію самаго начала вещей, я же полагаю, что точныя науки врядъ ли могутъ мѣтить такъ далеко. Онъ старается объяснить происхожденіе нынѣ живущихъ видовъ, и всѣ ихъ производитъ отъ одного типа, измѣнявшагося въ продолженіе неисчислимыхъ вѣковъ, во всѣ геологическіе періоды. Я же ограничиваюсь разысканіемъ свойства живущихъ теперь видовъ и тѣхъ, которые жили въ послѣднюю геологическую эпоху. То же, что онъ говоритъ о *видахъ*, было мною высказано еще въ 1846 г. о *породахъ* такъ что ставя одно слово вмѣсто другаго, мы сходимся почти во всѣхъ общихъ положеніяхъ, сюда относящихся. Одна подробность, довольно любопытная, доказываетъ, какъ близко мы тутъ сошлись. Г. Дарвинъ прилагаетъ къ своей книгѣ идеальный чертежъ, служащій для объясненія порядка, въ которомъ виды произошли отъ одного первообраза. Чертежъ этотъ почти одинаковъ съ тѣмъ, который предлагалъ я своимъ слушателямъ, для поясненія послѣдовательности въ происхожденіи породъ. Я долженъ прибавить, что основное ученіе г. Дарвина о происхожденіи видовъ, было уже весьма положительно высказано г. Ноденомъ, прежде появленія англійскаго изданія (*Revue Horticole*, mai, 1852, и *Comptes rendus de l'Ac. des Sc.* 1858.) Однакоже французскій ботаникъ выражается далеко не такъ положительно, какъ англійскій зоологъ. Приводя эти факты, я впрочемъ, разумѣется, не намѣренъ уменьшать несомнѣнное и великое достоинство ученаго натуралиста экспедиціи *Белл*. Г. Дарвинъ, безъ сомнѣнія, не могъ имѣть понятія о лекціяхъ моихъ въ Музеѣ и не зналъ мемуара г. Нодена, такъ же какъ и мнѣ мемуаръ этотъ не былъ извѣстенъ, пока я не прочелъ весьма недавно пространнаго извлеченія изъ него въ рапортѣ г. Денена.

этотъ видъ какъ будто начинаетъ колебаться; появляются новыя разновидности, образуются новыя породы, сначала въ маломъ числѣ, потомъ постепенно умножаясь, и все это, повидимому, безъ особыхъ усилій со стороны властелина, какъ это показываетъ примѣръ индѣйки. Если воля человѣческая помогаетъ этому стремленію къ измѣняемости, то измѣненія совершаются еще быстрѣе. Вскорѣ для каждой потребности появляется особая порода, и человѣкъ получаетъ изъ одного и того же вида и быка рабочаго, и быка убойнаго, и молочную корову, или собаку борзую, дворную, лягавую. Съ измѣненіемъ потребностей или моды, мѣняются и самыя породы, и нормандская каретная лошадь замѣняетъ теперь рыцарскаго коня, котораго феодалыне бароны среднихъ вѣковъ получали изъ той же провинціи. Можно сказать, что въ наше время человѣкъ выдѣлываетъ нѣкоторыя живыя существа, какъ бездушную матерію. Изъ даннаго типа, онъ добываетъ чуть не все что ему угодно; по своему усмотрѣнію нарушаетъ онъ естественное равновѣсіе организмовъ и образуетъ животныхъ, состоящихъ, напримѣръ, почти исключительно изъ жира, какова лестерская свинья, или почти исключительно изъ костей и мышцъ, какова англійская лошадь, или изъ мяса и жира, какъ даргемскій быкъ, доводя остальные органы и снаряды до наименьшихъ объемовъ. Можно ли сказать послѣ этого, что человѣку стоить только захотѣть, и все окружающее измѣняется какъ бы отъ дѣйствія магнетической силы, какъ, повидимому, и думаютъ нѣкоторые писатели? Конечно нѣтъ. Человѣкъ дѣйствуетъ на животное лишь съ помощію двухъ силъ, до сихъ поръ повсюду нами встрѣчаемыхъ,—помощію *среды* и *наследственности*, и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ силы эти направляютъ его умъ, добываясь предусматриваемыхъ послѣдствій, то нерѣдко приводитъ онъ ихъ въ движеніе безсознательно и невольно.

Дѣйствительно, покаяя себя дикій видъ, человѣкъ измѣняетъ почти все условія его быта; иначе говоря, онъ значительно измѣняетъ среду, въ которой до тѣхъ поръ жилъ этотъ видъ; онъ подчиняетъ его своимъ требованіямъ, и покаяясь, видъ утрачиваетъ или пріобрѣтаетъ нѣкоторыя качества. Наша упряжная лошадь, нашъ вьючный оселъ, утратили быстроту бѣга, которою отличается ихъ дикая братія. Отдѣленіе

молока у коровы, которую правильно доить, продолжается несравненно долѣе естественнаго срока. Взамѣнъ услугъ, получаемыхъ человѣкомъ отъ животныхъ, онъ окружаетъ ихъ попеченіями, которыя клонятся къ тому, чтобъ избавить ихъ болѣе или менѣе отъ вліянія внѣшняго міра и облегчить имъ *борьбу за бытіе*. Безъ сомнѣнія, въ этомъ-то и заключается главная причина различій между породами дикими и домашними. Ограничимся нѣсколькими примѣрами.

Пища и вообще содержаніе домашнихъ породъ измѣняется смотря по мѣстности. Азіятскіе, американскіе и африканскіе быки щиплютъ травы совершенно различныя; оркадскій баранъ питается ббольшую часть года водорослями и сухою рыбой; европейская собака раздѣляетъ съ нами всякую пищу, полинезійская почти исключительно ѣстъ плоды, а эскимосская одну рыбу. Это разнообразіе пищи, въ соединеніи съ различіемъ климатовъ и почвъ, при тысячѣ неровностей въ уходѣ за животными у разныхъ народовъ, и даже въ разныхъ домахъ, достаточно объясняетъ, какъ человѣкъ, безъ опредѣленнаго намѣренія, способствуетъ умноженію разновидностей и образованію тѣхъ многочисленныхъ породъ, которыя представляетъ намъ одинъ и тотъ же видъ, въ разныхъ поясахъ земнаго шара и нерѣдко въ мѣстностяхъ, весьма мало отдаленныхъ одна отъ другой.

Всѣ силы, на которыя мы частію указали, дѣйствуютъ сначала безъ опредѣленнаго направленія, но вскорѣ человѣкъ различаетъ, въ произведеніяхъ *случая*, разновидности и породы наиболѣе ему полезныя. Онъ распознаетъ могущество наслѣдственности, и безъ всякихъ предварительныхъ теорій выбираетъ для приплода особи, наиболѣе одаренныя желаемыми качествами. Эта искусственная отборка производилась во всѣ времена: Дарвинъ ссылается на *Книгу Бытія*, на китайскую *Шу-кинъ*... Не заходя такъ высоко и такъ далеко, мы можемъ довольствоваться примѣромъ наименѣе развитыхъ скотоводовъ. Тѣмъ не менѣе *самоулучшеніе породъ* возвысилось до степени истиннаго искусства, съ особыми правилами и приемами, назадъ тому только три четверти столѣтія, благодаря въ особенности трудамъ Баквелла и Коллинсовъ въ Англіи, Добантона во Франціи. Добантонъ, изъ стада, въ которомъ грубая шерсть была не длиннѣе трехъ дюймовъ, отбиралъ особи представлявшія въ этомъ отношеніи нѣкоторыя пре-

имущества, совокуплялъ ихъ между собою, и настойчиво продолжая соединять лишь лучшихъ субъектовъ, въ десять лѣтъ образовалъ такую породу, что руно ея не уступало тонною мериносотовому, а длиною доходило до 22 дюймовъ. Баквеллъ еще скорѣе достигъ цѣли, совокупляя родителей съ собственными дѣтьми и братьевъ съ сестрами ¹. Этимъ способомъ образовалъ онъ породу дишлейскихъ быковъ ². Позднѣе, братья Коллинсы, поступая точно также и пользуясь уже добытыми улучшеніями, образовали даргемскую породу, этихъ чудовищныхъ быковъ, столь же пріятныхъ для хозяйскаго глаза, сколько безобразныхъ на взглядъ артиста ³.

Относительно занимающаго насъ вопроса, *отборка* есть опытъ имѣющій важное значеніе; она подтверждаетъ два весьма важные обстоятельства. Впервыхъ то, что не всѣ виды равно подчиняются однимъ и тѣмъ же измѣненіямъ, и что одни и тѣ же приемы, прилагаемые къ разнымъ породамъ, даютъ различные результаты. Баквеллъ и братья Коллинсы поставили себѣ одну и ту же цѣль: они хотѣли произвести быка, у котораго кости были бы какъ можно менѣе развиты, а мышцы и способность къ утучненію, напротивъ, были бы развиты какъ можно болѣе. Но Баквеллъ избралъ для этого длиннорогую лестерскую породу, а Коллинсы короткорогую тисскую. Такъ какъ исходные пункты были различны, то и послѣдствія вышли несходныя. Послѣ многолѣтнихъ испытаній и горячихъ споровъ, во всей Англій наконѣцъ признали, что дишлейская порода—хотя далеко опередившая первоначальную—никогда не сравняется съ даргемскою, потому что все-таки осталась несравненно костлявѣе и откармливается гораздо медленнѣе. Стало-быть дишлейская и даргемская породы все еще сохраня-

¹ Этотъ способъ, который можно бы назвать *семейнымъ улучшеніемъ породы*, называется у Англичанъ *breeding in and in*.

² Дишлейская порода происходитъ отъ длиннорогой лестерской.

³ О происхожденіи даргемской породы не мало было горячихъ споровъ. Г. Бодманъ, обстоятельно изучавшій этотъ вопросъ и дошедшій до первоначальныхъ источниковъ, убѣдился, что она произошла чисто отъ одной породы *тиссатеровъ*, названной такъ потому, что она образовалась на берегахъ Тиса. Эти *тиссатеры*,—порода очень молочная, спереди высокая, но съ узкою грудью и весьма развитыми костями, — откармливались весьма медленно, и слѣдовательно, составляли во всѣхъ отношеніяхъ породу противоположную даргемской.

ють нѣкоторые признаки родоначальныхъ лестера и тисватера, точно также какъ одичалыя американскія собаки удерживаютъ нѣкоторыя черты домашнихъ собакъ, отъ которыхъ онѣ происходятъ.

Другое, не менѣе интересное для насъ обстоятельство, основанное на опытахъ *отборщиковъ*, состоитъ въ томъ, что не всѣ качества данной породы одинаково легко измѣнить. Дарвинъ сообщаетъ намъ слѣдующія слова сэръ-Джона Себрайта, искуснѣйшаго изъ охотниковъ до голубей: «Въ три года я берусь произвести любое опереніе, но на выдѣлку головы или клюва мнѣ необходимо шесть лѣтъ труда!» Съ другой стороны, когда Баквеллъ и его послѣдователи взялись за уменьшеніе скелета и усиленіе тучности лестера, имъ удалось это не въ той степени, какъ братьямъ Коллинсамъ, которые впрочемъ дѣйствовали тѣми же способами, но только на тисскую породу. Итакъ, эти опыты, производившіеся въ продолженіе многихъ лѣтъ искуснѣйшими скотоводами Англій, доказали, что нѣкоторые *признаки породы* остаются неприкосновенны, несмотря на самыя враждебныя вліянія. Всѣ эти факты, заимствованные изъ промышленности весьма недавно возникшей, но достигшей совершенства, могутъ быть приложены къ естественной исторіи человѣка.

Человѣкъ всего болѣе *улучшаетъ* домашнія породы посредствомъ отборки, то-есть усиливаетъ иногда даже до излишества тѣ качества, которыя соотвѣтствуютъ его потребностямъ. Помощью той же отборки укореняетъ онъ въ ряду нѣсколькихъ поколѣній (составляющихъ уже слѣдовательно породу) признаки тѣхъ странныхъ разновидностей, которыя появляются лишь очень рѣдко. Такъ напримѣръ, всѣ *амкомы* происходятъ отъ одного барана. Это животное было во всѣхъ отношеніяхъ сходно съ своими братьями, только ноги у него были слишкомъ коротки чтобы перескакивать черезъ загородку, которая ни мало не задерживала остальныхъ. Выгода этого недостатка была слишкомъ замѣтна, и тотчасъ бросилась въ глаза опытному американскому фермеру; поэтому приложили особое стараніе къ размноженію этихъ приземистыхъ барановъ. Случили этого неправильнаго барана съ обыкновенною овцой, и у нѣкоторыхъ изъ потомковъ въ различной степени появилось опять то же уклоненіе. Эткихъ еще разъ совокупили между собой, и довольно скоро образовалась такимъ образомъ приземистая порода овецъ. Почти то же произошло при

образованіи французскихъ *мошановъ*. При видѣ этой шерсти, похожей на шелкъ, г. Гро тотчасъ понялъ, какое значеніе можетъ она получить въ промышленности. Образованіе породы встрѣчало здѣсь много затрудненій: агнепокъ, отъ котораго приходилось производить ее, былъ слабъ и дурно сложенъ, а между тѣмъ необходимо было, чтобы потомство его было крѣпко и хорошо сложено, сохраняя притомъ шелковистую шерсть родоначальника. Остроумная отборка, продолжавшаяся въ теченіе многихъ лѣтъ, способствовала къ разрѣшенію этой двойной задачи. Такимъ-то образомъ удалось г-ну Гро надѣлать Францію совершенно новою породой овецъ, которая современемъ вѣроятно избавитъ ее отъ издержекъ на покупку иностранныхъ шерстей кашемирскихъ и ангорскихъ.¹

При искусственной отборкѣ, человекъ непосредственно пользуется силой наследственности, для полной передачи и постепеннаго укрѣпленія желаемыхъ признаковъ. Чѣмъ долѣе продолжалось это дѣйствіе, чѣмъ болѣе *устанавливалась* порода, тѣмъ крѣпче противустоитъ она различнымъ причинамъ, способнымъ уклонить ее отъ искомаго типа, и слѣдовательно, тѣмъ менѣе дѣйствуетъ на нее перемѣна мѣста, климата и пищи. Однако, не смотря ни на какую давность образованія, подобныя перемѣны всегда болѣе или менѣе измѣняютъ ее. Испанскіе мериносы, перевезенные въ разныя страны Европы, сначала повсюду выражались и превращались въ мѣстныхъ барановъ. Чтобы сохранить ихъ въ настоящемъ видѣ, принуждены были прибѣгать къ особому уходу, дабы защитить ихъ отъ вліянія чуждой среды. Такъ было во Франціи со временъ Кольбера до того времени, когда Добантонъ приложилъ къ воспитанію мериносовой породы правила, почерпнутыя изъ ученыхъ его изслѣдованій. Но хотя просвѣщенная заботливость этого натуралиста и его послѣдователей воспрепятствовала вырожденію испанскихъ овецъ, хотя вслѣдствіе этой заботливости онѣ и сохра-

¹ Мошанская шерсть сначала весьма мало цѣнилась искуснѣйшими изъ французскихъ фабрикантовъ; только одинъ изъ нихъ, г. Давенъ, понялъ всю ея цѣнность и не пожалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ, для выдѣлки этой шерсти, которая требуетъ особой обработки и большаго вниманія. Превосходство добытыхъ имъ продуктовъ доказываетъ, что мошавская шерсть пользуется славой вполне заслуженною.

нили свое цѣнное руно, все же нельзя было вполне помѣшать дѣйствию измѣняющихъ вліяній; поэтому мериность Саксоніи, Швеціи и Рамбулье, хотя и происходящіе отъ однихъ и тѣхъ же родичей и сохранившіе чистоту ихъ крови, представляютъ нѣкоторые свойственные имъ признаки, которые отличаютъ ихъ и отъ первоначальной породы, и другъ отъ друга. Въ настоящее время представители испанской породы, въ названныхъ мною странахъ, составляютъ по крайней мѣрѣ *полупороды*, съ своими отличительными чертами. Исторія лошади представляетъ почти такіе же факты. Одна изъ извѣстныхъ конскихъ породъ, варварійская (*cheval barbe*), перевезенная въ другую мѣстность, на дельту Роны, превратилась въ полудикую камаргскую породу (*cheval camargue*); арабская лошадь въ конюшняхъ Англіи ¹ превратилась въ англійскую породу; въ Америкѣ европейскія лошади, въ различныхъ мѣстностяхъ, дали начало различнымъ породамъ рѣзко отличающимся отъ первоначальныхъ. Во всѣхъ породахъ домашнихъ животныхъ замѣчается то же, что мы видѣли у барановъ и лошадей. То же найдемъ мы и въ естественной исторіи человѣка.

(До слѣд. №.)

¹ Г. Эженъ Гайо, въ своихъ *Etudes hypologiques*, положительно доказалъ, что англійская лошадь происходитъ исключительно отъ арабской и варварійской. Впрочемъ, при образованіи *кровной* породы, отборка направленная къ одной исключительной цѣли, безъ сомнѣнія, много способствовала къ пріобрѣтенію новыхъ признаковъ, отличающихъ эту породу отъ обихъ родоначальныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИНСТИТУТСКОЙ ЖИЗНИ.¹

Когда я вспоминаю о нашемъ ученіи вообще, мнѣ становится грустно. Какія мы бывали подчасъ лѣнныя и безпослѣдныя! Какъ мало кого изъ насъ точно интересовала наука! Рѣдко кто учился не изъ страха нуля; прилежаніе просто являлось оттого, что нравился какой-нибудь учитель. Но главная причина нашихъ неуспѣховъ заключалась въ распредѣленіи курса. Право поступать въ институтъ безъ всякой подготовки было, конечно, большимъ добромъ, потому что не стѣсняло приѣма; но многолюдство нашихъ классовъ отдѣленій, ихъ трехлѣтняя неподвижность, были большимъ зломъ; отъ него страдали прилежныя и хорошо приготовленныя дѣвочки, а лѣнныя и незнающія выигрывали чрезвычайно мало. Проходило довольно много времени, покуда учитель узнавалъ способности и степень познаній своихъ ученицъ, и тутъ по неволѣ овладѣвало имъ недоумѣніе. Иногда въ одномъ и томъ же классѣ, на разстояніи двухъ скамеекъ, сидѣли дѣвочки, еще дома опередившія двухгодичный курсъ институтскаго ученія, и дѣвочки такія, которыя очень трудно подвигались впередъ. Чтò было дѣлать учителю? Онъ и принимался подгонять послѣднихъ; по милости ихъ, каждый предметъ преподаванія начинался съ самаго начала, даже и въ четвертомъ отдѣленіи. Знающія дѣвочки, между тѣмъ, были обречены твердить старое; натурально, на нихъ нападала скука, и онѣ лѣнились. Тяжкую работу задавали мы педагогамъ. Мы

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

ихъ и обожали, и бранили, и одно не ѣшало другому. Общимъ расположеніемъ нашего четвертаго отдѣленія особенно пользовался французскій учитель. Онъ былъ мастеръ своего дѣла. Должно-быть онъ зналъ какое-нибудь симпатическое средство противъ грамматическихъ ошибокъ, которое искусно передавалъ намъ, потому что мы учились у него успѣшно. Къ концу третьяго года въ маленькомъ классѣ, мы писали прекрасныя *lettres de condoléance* и *d'invitation*, а тетради диктовки стали безукоризненны. Обожательницы, чтобы доказать свою любовь, обертывали эти тетрадки разноцвѣтною и золотою бумагой; соревнованіе въ красотѣ обертки было страшное. Учитель очень любилъ насъ, своихъ «*têtes de linotte*», какъ онъ, по обыкновенію, вѣжливо журилъ лѣнивицъ, но иногда желалъ бы быть посердичѣе. Бывали такіе случаи: напримѣръ, какъ-то переводили мы басню *le Loup et le jeune Mouton*, съ французскаго на русскій, потомъ опять на французскій, потомъ разобрали ее по членамъ, потомъ собирались еще что-то сдѣлать. Вдругъ на нѣкоторыхъ тетрадяхъ появился уже не «*mouton*», а «*bouton*». Почему? никто не зналъ; но каково положеніе учителя! Такія печальныя уклоненія нашего разума бывали нерѣдко. Учителя арифметики мы озлили совсѣмъ. Въ тотъ годъ, когда онъ добрался съ нами до дробей, у него вѣрно убавился годъ жизни. Онъ не могъ постичь, какъ могли родиться такіа нематематическія головы какъ наши... Въ классѣ законоучителя мы тоже не отличались особенною логикой. Не потому, чтобъ отъ насъ не требовали разсужденія, напротивъ. Но *Катихизисъ* и *Литургію* мы обязаны были учить наизусть, а отъ этихъ стараній у насъ исчезалъ самый смыслъ дѣла. Потомъ, священникъ толковалъ, но мы съ большимъ трудомъ понимали его толкованія, и когда онъ приказывалъ повторить, то бѣлая часть изъ насъ сбивалась и путалась. Не помню, чтобъ изъ этого класса мы выносили то сердечное впечатлѣніе, которое онъ долженъ былъ давать намъ... Мы ждали прихода священника со страхомъ, и звонокъ въ концѣ его урока имѣлъ на насъ освѣжающее дѣйствіе.

Классъ русскаго языка бывалъ довольно оригиналенъ. Вѣроятно, убѣдясь по предшествовавшимъ ученицамъ, что синтаксисъ не скоро уляжется въ нашихъ головахъ, учитель преподавалъ его болѣе въ отрывочныхъ сказаніяхъ, безъ руководства книги; мы записывали летучія замѣтки, которыя потомъ заучивали. Иногда онъ училъ насъ просто въ наглядку. Такъ

большой палецъ его руки обозначалъ подлежащее, указательный сказуемое; онъ широко раздвигалъ ихъ, и связь являлась передъ нами сама собою. Быстро пробѣжавъ такимъ образомъ синтаксисъ, мы бросились *должно-быть* въ словесность. Должно-быть, потому что нельзя дать опредѣлительнаго названія той тетрадки замѣтокъ, которая появилась у насъ на второй годъ курса. Тутъ на двадцати страничкахъ были изложены и правила стопосложенія, и опредѣленіе поэзіи, и тропы, и фигуры, и размышленія о простомъ и среднемъ слогѣ, и правила для составленія писемъ, и построеніе умозаключеній, дилеммы, теоремы, все вмѣстѣ, все въ какомъ-то странномъ видѣ. Господь одинъ знаетъ, что это было такое. Учитель былъ поклонникъ Державина и Хераскова, мы твердили ихъ оды наизусть, перекладывали ихъ въ прозу, разбирали на всевозможные лады. Особенно пріятно было находить въ нихъ признаки ироніи и синекдохи, фигуры прохожденія, видѣнія и какого-то поправленія. Но разумъ нашъ рѣшительно отказался служить, когда дѣло дошло до умозаключеній. Законъ исключенія третьяго, скачки и круженія въ ошибочныхъ доказательствахъ, доставили намъ множество хорошенькихъ нулей въ спискѣ балловъ.

Исторію и географію преподавалъ у насъ одинъ и тотъ же учитель въ продолженіе всѣхъ шести лѣтъ. Это былъ у насъ самый любимый учитель; десятки дѣвицъ обожали его постоянно; его приходъ оживлялъ всѣ лица, его пронизательная и вмѣстѣ добродушная наружность вселяла и довѣріе, и какое-то смутное желаніе понравиться не однимъ прилежаніемъ. Но онъ смотрѣлъ на насъ какъ на дѣтей, и гораздо болѣе дорожилъ признаками нашего ума нежели расположеніемъ къ его особѣ. Мнѣ тяжело вспомнить объ этомъ человѣкѣ. Онъ не зналъ какъ ему быть съ нашимъ невѣжествомъ, какъ къ нему приступить. Ему хотѣлось придать жизнь своему обширному предмету, а между тѣмъ домашнія познанія половины класса были чрезвычайно скудны, учебники плохи; учителю приходилось многое добавлять, во многомъ возстановлять смыслъ; все это не удерживалось у насъ въ памяти, или мало интересовало. Тогда, махнувъ рукой и уже въ дурномъ расположеніи духа, онъ приказывалъ попросту заучить страницу въ книгѣ, чтобы тамъ ни было. Помню, что въ такіе грустные дни онъ больше обращался къ географіи Испаніи или Америки.

«Госпожа (такая-то)!»—И, напримѣръ я, бойко высыпаю имена испанскихъ провинцій: «Галиція, Астурія, Аррагонія (иногда Патагонія)...» Перевру еще пятокъ именъ, и долетаю до Мажорки и Минорки.

«Госпожа (такая-то), какія племена населяютъ сѣверную Америку?» А самъ бывало, нарочно смотритъ въ книжку, гдѣ изображены эти племена, которымъ трудно повѣрить. Дѣвица между тѣмъ креститъ кого-то въ Шапсуговъ и Чеченцевъ, и наконецъ, добирается до «присказки». «Ну, что жъ еще въ Америкѣ?» спрашиваетъ учитель, открывъ пошире свои маленькіе быстрые глаза.—«Попугаи, кокосы, антилопіи, и они любятъ получать отъ иностранцевъ бисеръ и занимаются мягкой рухлядью»... Тѣмъ временемъ другая стоитъ передъ ланкартой и робко ищетъ палочкой чего-то, отъ одного конца Европы до другаго. Со всѣхъ лавокъ раздается неудержимое «ici, cherchez ici»... Классная дама шикаетъ... Ужасно!. Однажды, шель урокъ объ италіанскихъ государствахъ.—«Назовите города сѣверной Италіи и чѣмъ они замѣчательны?» былъ вопросъ. За нимъ четверть часа молчанія. Дѣвица стоитъ и думаетъ.—«Такъ что же-съ?»—Скрипки, отвѣчаетъ она наконецъ, и высказавшись такимъ образомъ, замолкаетъ.

Но не всегда же мы были такъ лѣнны и тупоумны. Иногда весь классъ отличался блестящимъ образомъ, и лицо учителя сіяло. Радость, впрочемъ, увлекала его слишкомъ далеко. Вдругъ, положившись на силы избранныхъ ученицъ, онъ принимался диктовать чрезвычайно подробныя прибавленія къ учебнику географіи, и статистическія таблицы, и обширную географію древняго міра. Весь классъ записывалъ, но выучить всего этого не могли и первыя ученицы за недосугомъ и занятіями по другимъ предметамъ, въ которыхъ онѣ были слабѣе. Курсъ исторіи волновалъ учителя еще больше. Мы проходили всеобщую исторію по учебнику Преображенскаго. Никогда не забуду кислой гримасы нашего учителя, когда мы сгребали въ кучу имена греческихъ мудрецовъ или нанизывали названія варварскихъ народовъ одинъ за другимъ, точно будто они пришли всѣ разомъ, и всѣ разомъ съѣли Римскую имперію. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, долго казалось, что дѣло было такъ. Учебникъ гласилъ немного иначе, но былъ изложенъ такъ плохо, такъ безжизненно, что судьбы человечества не пріобрѣли въ нашихъ глазахъ никакого значенія. Что римскія войны, что тридцатилѣтняя война,—все равно, и также скучно. Съ хронологіей мы пога-

бали, да какой же интерес могли имѣть для насъ эти мертвые цифры? Прилежныя дѣвочки зубрили какъ могли; были даже такія прилежныя, съ такою огромною памятью, что зубрили по собственной охотѣ. Одна такая знала у насъ отъ доски до доски «древнюю исторію» Преображенскаго, и если ужъ гдѣ было написано «подстрекаемый» честолюбіемъ, то она никакъ не позволяла себѣ сказать: «движимый». При такомъ рвеніи однихъ и очевидной способности нѣкоторыхъ другихъ дѣвицъ, учитель вдругъ оживлялся. Онъ приносилъ свои историческія записки, или выбравъ какую-нибудь эпоху, пускался краснорѣчиво и подробно излагать ее. Классъ принималъ видъ университетской аудиторіи. Но это бывало рѣдко, потому что оказывалось бесполезнымъ. Для послѣднихъ въ классѣ, лекціи были непонятны, для первыхъ—слишкомъ отрывочны, не въ связи съ ихъ остальными историческими познаніями... Средину между учебникомъ Преображенскаго и университетскими лекціями, учитель нашъ искалъ постоянно, и какъ-то не находилъ... При всемъ его желаніи, образованности и самой симпатичности его характера, онъ все-таки не достигъ того, чтобы мы полюбили его предметъ...

По-нѣмецки наше отдѣленіе знало очень плохо, а искусства совсѣмъ хромали. Музыкѣ учились только тѣ, кто хотѣлъ, на собственный счетъ, а пѣніе предстояло намъ впереди, въ большомъ классѣ. Рисовать учила у насъ одна старая дама, у которой ослабѣло зрѣніе. Мы никогда не рисовали съ натуры, и только копировали съ литографій, карандашомъ и красками. Лучшими нашими художницами мы считали тѣхъ, которыя умѣли рисовать что ни на есть мельче, точечками и штришками. Нужды нѣтъ, что испорченъ контуръ, — было бы затушевано мягче пуха. Помню, что я рисовала какую-то женщину въ созерцательной позѣ; я изобразила ее съ флюсомъ, и любовалась. Потомъ еще у меня вышла удачная картинка, тушью: семейство катающееся въ лодкѣ. Ручки у всѣхъ вышли грабельками, а губки и ноготки—черными точками. Другія дѣвицы, нетакія артистки, рисовали на тетрадахъ глаза и уши самыхъ причудливыхъ формъ, и съѣвъ уголь, бѣгали изъ класса чинить огрызки. Чинилъ постоянно и перья и карандаши нашъ дьячокъ. Онъ за сѣдалъ въ уединенномъ мѣстѣ, неподалеку отъ класса, и сумрачно исполнялъ свое дѣло. Онъ чинилъ перья какъ никто, — великолѣпно. Мы относили ему цѣлыя связки. «Прошу васъ, двадцать пять перьевъ, и вотъ пятачокъ серебра...» И затѣмъ,

положивъ скромную дань на столъ, непременно почему-то покраснѣешь...

Въ рѣзвыхъ танцахъ и изящныхъ тѣлодвиженіяхъ съ вѣнками и шалью, мы сдѣлали успѣхи поздне, уже въ большомъ классѣ; въ маленькомъ многія изъ насъ были порядочныя увальни. Классъ танцованія, въ первое время, имѣлъ весьма унылую физиономію. Въ огромной залѣ зажигались лампочки, пріѣзжалъ учитель и съ нимъ музыкантъ съ самою плачевною скрипичей, какую я когда-либо слыхала. Насъ строили въ ширенгу, и въ полумракѣ начинали производиться безконечные *jetés assemblés*. Сначала, мы страшно шуршали ногами. Но наконецъ, послѣ долгихъ стараній, учитель добился отъ насъ нѣкоторой воздушности, и мы приступили къ какому-то *pas de basque*. Въ этомъ па есть особенное движеніе ногой назадъ и нѣчто волнообразное. Которая изъ насъ была пожирнѣе, та выплывала въ этомъ па какъ утка. Учитель билъ въ ладони, скакалъ самъ, выходилъ изъ себя. Тернистымъ путемъ добрались мы до кадрили. Одно время, для большей выправки и практики въ изящныхъ манерахъ, кто-то изъ нашихъ властей придумалъ слѣдующее: Послѣ танцевъ, маленькій классъ оставляли въ залѣ. Насъ ставили одну за другой вдоль баллюстрады. На баллюстраду мы клали книжку, по которой твердили урокъ, и въ то же время, легонько придерживая платице, дѣлали ногой *battement*. Послѣ четверти часа, по командѣ, мы поворачивались другимъ плечомъ, и дѣлали *battement* другою ногой,—сто человекъ разомъ, въ совершенномъ безмолвіи. Кто бы посматрѣлъ со стороны, тотъ подумалъ бы, что это домъ сумасшедшихъ...

Скучное бывало время—вакація въ маленькомъ классѣ. Мы постоянно проводили ее въ саду, откуда выгоняла насъ только дурная погода и время ѣды. Большимъ отведены были аллеи, а маленькому классу три бесѣдки при входѣ въ садъ. Это, вѣрнѣе, были не бесѣдки, но купы вѣковыхъ липъ, подъ которыми ставили столы и скамейки. Здѣсь мы сидѣли, постоянно на виду у нашихъ дамъ, повторяя множество старыхъ уроковъ, а часто и новое, заданное на вакацію. Кромѣ этого ученья, на вакацію пріѣзжали еще заниматься съ нами кандидатки изъ Воспитательнаго Дома. Отучавшись, мы были свободны кейфовать или бѣгать сколько намъ было угодно. Но рѣзвиться мы какъ-то отвыкли. Мы предпочитали бродить и болтать, такъ, что-нибудь, потихоньку. Подъ вечеръ, мы гурьбами расходились

по дорожкамъ такъ-называемаго маленькаго сада, обсаженными кустами сиреней и жимолости и прилегавшимъ къ аллеямъ гдѣ гулялъ большой классъ. Этимъ садомъ заканчивались институтскія владѣнія; за его рѣшеткой лежалъ огромный прудъ, который тянулся вдоль всей нашей садовой границы. Мы очень любили ходить къ этому пруду, не затѣвъ чтобы мечтать или смотрѣть на закатъ солнца,—нисколько! Вообще, я замѣтила, мы были чрезвычайно равнодушны къ красотамъ природы. Дорожка у пруда намъ нравилась, потому что тамъ была маленькая глушь, въ акаціи щебетали миллионъ воробьевъ, а по близости, въ перспективѣ аллей, можно было видѣть какъ гуляютъ наши objets.

«Objet!» «Она!»—магическое слово, наполнявшее восторгомъ нашу душу... Выбрать себѣ изъ старшаго класса «предметъ для обожанія», и любить, любить его—иногда Богъ знаетъ за что. Бѣгать за нею повсюду, всегда, хотя бы въ незаконный часъ, хотя бы за это сто разъ сняли передникъ; благословлять ее, и гдѣ-нибудь, прижавшись въ корридоръ, куда она идетъ, осыпать ее самыми сладчайшими именами, какія только можно давать небожителямъ... А счастье, на просторѣ закричать ей во все горло «céleste», «divine», поцѣловать въ плечико или хоть край ея пелеринки. Я обожала мой objet до сумашествія. У меня были цѣлыя тетрадки, гдѣ разноцвѣтными красками былъ нарисованъ ея вензель, и во всѣхъ возможныхъ прилагательныхъ восхвалялись ея совершенства. Я писала ея вензель на песокъ, вырѣзывала его на своемъ пюпитрѣ, на колоннахъ въ залѣ, на полу въ дортуарѣ у своей постели, гдѣ молилась въ другой разъ послѣ общей молитвы. Она меня «счастливила». То-есть она позволяла мнѣ переписывать ей тетрадки набѣло, а одинъ разъ—о богиня! она приняла изъ моихъ рукъ шоколадную собачку, которой тутъ же удостоила откусить голову!..

Конечно, съ виду это чрезвычайно глупо. Наши родные и свѣтскіе судьи остроумно смѣялись, и вообще, при удобномъ случаѣ, еще смѣются надъ институтскимъ обожаніемъ. Они не совсѣмъ правы. Нельзя такъ холодно нападать на чувство, хотя бы преувеличенное, но искреннее, на избытокъ ребяческой нѣжности. Ей нечѣмъ больше выказаться въ нашихъ стѣнахъ. Намъ бы хотѣлось осыпать щедротами любимое существо, а между тѣмъ возможенъ только какой-нибудь кусокъ шоколада или пучокъ перьевъ перевязанныхъ розовою лен-

точкой. Обожаніе кончается институтомъ; оно можетъ существовать только тамъ. Напрасно говорятъ, что инныя институтки переносятъ эту ложную чувствительность въ свѣтъ, и именно потому бывають готовы влюбиться въ перваго встрѣчнаго. На это равно способны и не институтки. А главное, между обожаніемъ и влюбчивостію такая противоположность, что въ послѣдствіи одно очень часто уничтожается другимъ. Мнѣ удалось замѣтить это изъ жизни многихъ моихъ сверстницъ. «Обожаніе» относится болѣе къ духовнымъ совершенствамъ, воображаемымъ или существующимъ, чѣмъ къ красотѣ; въ немъ есть даже что-то сердобольное и желаніе доставить предмету какъ можно болѣе матеріальныхъ благъ. Дома, оно переходитъ въ попечительность и хлопоты объ окружающемъ. Изъ нашихъ присяжныхъ обожателей вышли особенно заботливыя матери, и такія дѣвушки, которыхъ не очень легко было прельстить завѣтымъ хохломъ и черными усиками...

Точно такая же любовь простиралась и на учителей, и наконецъ, мы обожали особъ недосигаемыхъ, то-есть всѣхъ высшихъ покровителей института. Мы ихъ видали рѣдко, и ужь конечно ничѣмъ не могли выразить своей любви, кромѣ листковъ съ ихъ вензелями, которые тщательно хранились въ пюпитрахъ. Извѣстіе, что будетъ царская фамилія, встрѣчалось общою радостью. Мы ждали посѣщенія какъ праздника, но особенно было это весело уже въ большомъ классѣ; въ маленькомъ, ожиданія омрачались приготовительною выправкой и усиленнымъ внушеніемъ морали. Помню, какъ въ первый годъ курса, осенью, у насъ готовились къ подобному посѣщенію. Большія разучивали какую-то итальянскую кантату, а танцевальная учительница придумала особенный польскій съ фигурами, въ которомъ должны были участвовать и маленькія. Въ число избранныхъ попала и я, и насъ всѣхъ вѣрно было завѣть въ кудри. Анна Степановна, какъ мастерица, взялась завивать избранныхъ изъ нашего отдѣленія. Помню, что канунъ торжественнаго дня была суббота, и чуть у насъ не случилось большой сумятицы. Меня кликнули къ Аннѣ Степановнѣ. Я побѣжала, дрожа всѣмъ тѣломъ, потому-что шутка ли просидѣть съ нею глазъ на глазъ цѣлый часъ? Хотя съ нею давно сошло желаніе дѣлать насъ нѣмыми, но, все равно, я ея боялась. Въ то время вышла въ классѣ неприятная исторія, и Анна Степановна была очень сердита. Исторія поразила меня въ самое сердце, потому что случилась съ Варенькой.

Анна Степановна безмолвно встрѣтила мой трепетный книксенъ, притворила дверь, и усадивъ меня на скамеечку у своихъ ногъ, приступила къ кудрямъ. Она намадила мою голову и раздѣлила ее на пятьдесятъ квадратиковъ. Она дѣлала это деликатно, аккуратно, искусно и съ желаніемъ сдѣлать хорошо. Я утупилась, вся пунцовая отъ сдержаннаго дыханія, и только смотрѣла на тѣнь свою. Каждая минута, покуда на моемъ затылкѣ прибавлялся новый рожокъ, казалась мнѣ вѣчностью. Вдругъ Анна Степановна взяла меня за подбородокъ, повернула къ себѣ и сказала: «Tenez, je fais bien les boucles; dites moi merci.»

Она ласково улыбалась. Я вскочила, потому что дѣло было кончено, офиціально приложилась къ плечу, и была уже за дверь. Въ корридорѣ шла уже суматоха. Директрисѣ доложили, что высокіе посѣтители будутъ сейчасъ, ко всенощной. Неожиданность подняла тревогу по всему институту. «А папильотки!» вскричала Анна Степановна. Бумажки полетѣли съ моей головы, но ужъ было поздно: по двору прогремѣли кареты. Анна Степановна заключила меня въ своей комнатѣ, гдѣ я плакала и ничего не видала. Наши между тѣмъ опрореметью бѣжали въ церковь, завитыя рвали папильотки; тѣ, которыя были уже въ церкви, наскоро поправляли волосы, неуспѣвшихъ прятали въ ряды, влассныя дамы бросались къ полу сгребали бумажки въ карманы, волновались ужасно; ихъ волненіе сбило съ толку діакона, говорившаго эктенію... Кое-какъ, наконецъ, все пришло въ надежащій порядокъ...

На другой день, царская фамилія была опять, и было торжество. Кузина Варенька не участвовала въ танцахъ. Она стояла въ своемъ ряду, очень грустная; ее не могъ развеселить и праздникъ. Она знала, что завтра, когда онъ кончится и занятія войдутъ въ свою будничную колею, ей опять будетъ плохо.

На Вареньку было воздвигнуто гоненіе. Анна Степановна знала за что гонить, и Варенька хорошо знала за что ее гонять; но дѣло началось безмолвно, и объ партіи не объяснились никогда. Черезъ полгода послѣ того, какъ Варенька сообщила роднымъ объ Аннѣ Степановнѣ, что она «вѣдьма», Анна Степановна это узнала. Это случилось такимъ образомъ. Родные Вареньки разказали о письмѣ одному родственнику, Москвичу; онъ въ свою очередь разказалъ своему родственнику, тоже Москвичу. Этотъ послѣдній родственникъ былъ лицо богатое,

когда-то сановитое, но теперь уже на покой. Этого стараго вельможу почитала вся Москва. Старикъ позволялъ себѣ говорить въ глаза всякому, что заблагоразсудится. Не знаю какимъ образомъ, но отъ сановника зависѣла и семья Анны Степановны, и ея положеніе въ институтѣ. Одинъ разъ, Анна Степановна была у него. Старикъ безъ дальнихъ околичностей сказалъ ей о *вѣдьмѣ*. «Вотъ матушка, прибавилъ онъ, какъ Грибкова тебя называетъ; держись получше, не то можетъ быть худо.» Потомъ, при случаѣ, сановникъ передалъ родственнику, какъ онъ пугнулъ Анну Степановну. Родственникъ, навѣщая Вареньку, передалъ ей все. Такимъ образомъ дѣло, описавъ огромный кругъ, пришло къ своему началу. Родственникъ, незнакомый съ нравами казенныхъ заведеній, наивно радовался «острасткѣ». Варенька была въ ужасѣ. Что дѣлать теперь съ Анной Степановной? Объясниться—нѣтъ! на это никогда не достанетъ духу! Товарищи потерялись тоже...

Только теперь, поживъ на свѣтѣ, можно безпристрастно судить о прошломъ. Что должна была чувствовать Анна Степановна, выслушавъ, хоть и заслуженный, но грубый выговоръ отъ посторонняго человѣка, и могла ли она простить той, которая вызвала его? И пословица гласитъ, что «виновный не прощаетъ». Наша Анна Степановна стала поступать только какъ существо неисключительное. Думаю даже, что еслибы Варенька просто, въ пылу увлеченія, выговорила ей эту «вѣдьму» вслухъ, было бы лучше. Поднялся бы споръ, шумъ, исторія, мы всё бы увлеклись и высказали бы, что было на душѣ у каждой. Первую минуту мы потерпѣли бы страшно, но наконецъ Анна Степановна почувствовала бы, что правда на нашей сторонѣ. Въ дѣтствѣ столько добрыхъ инстинктовъ,—только сознайся она немножко, мы бы ей простили, посовѣстились бы даже своего торжества, и казсь въ немъ, немножко полюбили бы Анну Степановну, потому что она отъ насъ потерпѣла. Но мы не умѣли даже шумѣть. Нечего и говорить послѣ того, какъ мы были неспособны на мужественное и спокойное слово...

На Вареньку обрушилась не гроза, но туча мучительныхъ придирокъ. Это называется поинстигутски; *v'assogher*. Анна Степановна мстила. То, чему когда-то подвергался весь классъ высказывалось теперь съ одной Вареньки. Лишній шорохъ, булавка не на мѣстѣ, книга спрятанная не во время, стоили ей передника. Оказіи для этого могли быть очень частыя. Въ

антрактахъ, Анна Степановна преслѣдовала ее убійственными взглядами. Мы смотрѣли, втихомолку выходили изъ себя, но не заступались за Вареньку ни однимъ словомъ. Правда, мы дѣлали гримасы Аннѣ Степановнѣ, даже грубили ей страшно, но только совсѣмъ не изъ-за дѣла. Изъ числа такихъ задорныхъ была и я. Однажды учитель поставилъ мнѣ нуль, и Анна Степановна приступила къ моимъ «косичкамъ». Я наговорила ей ужасовъ.

— *Demandez pardon*, вскричала она въ гнѣвъ.

Ни за какія блага!... Она билась надо мною два дня, подняла и Вильгельмину Ивановну, и та уже кое-какъ со мною сладила. Это я будто бы мстила за Вареньку.

Придирки длились очень долго, цѣлые мѣсяцы. Варенька блѣднѣла и худѣла. «Какъ же я буду жить такъ нѣсколько лѣтъ?» повторяла она, заливаясь слезами.

Но вдругъ все кончилось самымъ неожиданнымъ образомъ, безъ всякой видимой причины. Въ одно утро, въ классъ вошла директриса. Она просидѣла долго, урокъ французскаго языка шелъ превосходно, директриса была особенно пріятлива и весела. «*Eh bien, êtes vous contente des vôtres?*» обратилась она къ Аннѣ Степановнѣ, а между тѣмъ улыбнулась первой скамейкѣ самую милую улыбкой.

— *Parfaitement*, отвѣчала Анна Степановна:—*j'ai des élèves si distinguées dans mon dortoir, mademoiselle Gribcoff, par exemple...*

Къ вечеру, Варенька заболѣла. Анна Степановна ухаживала за ней, освободила отъ класса чистописанія, и въ пять часовъ повела къ себѣ въ комнату пить чай.

— Куда ты? Въ пастъ ко льву! шептали мы, а сами крестялись, что прошла бѣда.

Почувствовала ли Анна Степановна свою несправедливость, утомило ли ее тщетное преслѣдованіе, — но только она стала совсѣмъ другая съ Варенькой. Она отличала ее передъ всѣми при каждомъ удобномъ случаѣ, дѣлала ей маленькіе подарки, покупала помаду, перчатки и пр., когда родные Вареньки опаздывали высылкою денегъ. Эти отношенія установились прочно, и не прерывались до самаго выпуска. Варенька страдала ужасно, но не имѣла силы ни противиться ласкамъ, ни объясниться. Она была не довольна собою въ высшей степени, но и только. Недовольство измѣнило ея

характеръ въ какой-то унылый и преждевременно старый. Мы допрашивали, что съ нею.

— Меня убѣтъ это лицемѣрное великодушіе, отвѣчала Варенька, опуская голову....

Тогда мы раздѣляли ея мнѣніе о гнусности Анны Степановны. Теперь мнѣ хочется думать иначе. Врядъ ли это было лицемѣріе. Тогда бы заискиваніе началось съ перваго дня, съ той минуты какъ сановитый родственникъ Вареньки, онъ же благодѣтель Анны Степановны, прочелъ свою нотацію. Мнѣ кажется, она просто одумалась, и къ ней пришло настойчивое желаніе внушить Варенькѣ доброе мнѣніе о себѣ. Пусть даже оно и было притворно, — но Анна Степановна выдержала характеръ цѣлыхъ шесть лѣтъ! Уже за одинъ такой трудъ нельзя до конца осуждать человѣка...

Другая исторія, подобная этой, случилась въ нашемъ отдѣленіи не задолго до перехода въ большой классъ. Анна Степановна стала придираться къ одной ученицѣ изъ дортуара Вильгельмины Ивановны. Та написала роднымъ, но письмо не дошло. Вильгельмина Ивановна, озлобленная что смѣютъ гнать ея любимицу, одну изъ лучшихъ въ классѣ и питая постоянную вражду къ Аннѣ Степановнѣ, не послала письма, а показала его директрисѣ. Мы провѣдали дѣло, и въ ужасѣ ожидали, что будетъ. Анна Степановна дежурила, когда директриса вошла въ классъ. Ученица сидѣла ни жива, ни мертва. Она была у насъ самый веселый товарищъ, мы ее чрезвычайно любили. Урокъ кончился, учитель вышелъ, намъ приказали остаться на мѣсть. Анна Степановна была сконфужена, директриса смотрѣла недовольно.

— Правда ли, обратилась она ко всему классу,—что Анна Степановна несправедлива и дурно обращается съ Mlle Петровой?

Общее безмолвіе.

— Отвѣчайте же, mesdemoiselles.

Мы молчимъ.

— Mlle Petroff, говорите за себя, сказала наконецъ директриса, подозвавъ ее къ себѣ:—вы жаловались вашимъ роднымъ? бранила васъ Анна Степановна? называла васъ morgueuse? Отвѣчайте.

— Oui, maman.

Она была блѣдна какъ полотно; отъ стыда, мы не смѣли взглянуть ей въ глаза.

Директриса молчала, глядя на подсудимыхъ. Анна Степановна съ минуту казалась уничтоженной.

— C'était un mésestendu... j'espère que nous serons bons amis, j'estime tant mademoiselle... проговорила она въ волненіи, и вдругъ, съ быстрымъ порывомъ бросилась къ дѣвушкамъ и приложилась къ ея плечу...

Директриса молча встала съ своего мѣста, и вышла.

Мы торжествовали. Униженіе врага, и еще его самоуниженіе, окончателно погубило его въ нашихъ глазахъ. Мы потеряли последнее довѣріе даже къ его смыслу. О собственномъ поступкѣ мы уже не думали... О, какъ намъ было весело, и какъ мы смѣялись!..

Судъ директрисы показался мнѣ тогда великолѣпнымъ... Но этотъ случай былъ почти единственный: распри наши съ классными дамами доходили до нея чрезвычайно рѣдко. Жалѣть ли теперь объ этомъ или нѣтъ, не знаю. Еслибы наша высшая власть постоянно дѣйствовала такимъ образомъ, я не думаю, чтобы мы получили правильное понятіе о томъ, какимъ образомъ должны рѣшаться дѣла справедливо для обѣихъ враждующихъ сторонъ... Чтѣ же касается до того, какъ директриса обходилась лично съ нами, институтками, то нашъ выпускъ сохранилъ о ней прекрасное воспоминаніе: всегда пріятельная, и съ такимъ вниманіемъ къ нашимъ успѣхамъ, что хотѣлось учиться хорошо, лишь бы только получить ея одобрителный взглядъ и улыбку. Съ теченіемъ времени, у многихъ изъ насъ пріязнь къ «тапан» доходила до робкаго обожанія. Это официальное названіе не было тягостно ни для кого... Въ послѣдній годъ маленькаго класса, она стала приглашать къ себѣ «отличныхъ» ученицъ. Тамъ, въ ея комнатахъ, онѣ могли въ свободные часы играть на фортепьяно, сидѣть на просторѣ съ ея внучками, тоже нашими пріятельницами, видѣть гостей тапан, видѣть ее. Сама она, иногда, вступала съ дѣвками въ разговоръ. Это была женщина глубоко религіозная, и кажется, очень образованная,—кажется, потому что ни тогда, ни послѣ выпуска мы не имѣли случая узнать ее вполнѣ. Въ ея сужденіяхъ, высказанныхъ привлекательно, слышалось что-то дѣльное, чтѣ вызывало любопытство молодого ума, и могло бы хорошо удовлетворить его. Но разговоры бывали чрезвычайно рѣдки, и до того отрывочны, что изъ нихъ нѣтъ возможности припомнить на одного! Осталось только смутное понятіе о директрисѣ, какъ о женщинѣ, которая на своемъ мѣстѣ,

при своихъ средствахъ, могла бы принести огромную пользу. Но къ несчастію, у нея были семейныя обстоятельства та-ого рода, что невольно поглащали ея вниманіе. Они отнимали у нея здоровье, портили характеръ, убивали дѣятельность. Еслибы не эти заботы, до того близкія сердцу, что невозможно не оправдать ихъ, эта безкорыстная и проникательная женщина навѣрное отдала бы намъ все свое время, не производила бы опрометчивыхъ судовъ, и доглядѣла бы безпорядки, которые творились вокругъ нея. Въ свѣтѣ намъ приводилось слышать, какъ ее осуждали. Въ ней смѣшивали женщину главу семейства съ женщиной начальницей; между тѣмъ и другимъ была большая разница. Институтки, моего выпуска по крайней мѣрѣ, не могутъ слышать этихъ обвиненій безъ досады и огорченія.

Мы всѣ и уважали, и любили ее. Положимъ, у половины изъ насъ чувство это было безотчетное; но вѣрно сердце знало, что есть за чтѣ любить, если любили всѣ.

Она умерла давно, но институтки благоговѣнно чтутъ ея память. Память держится, несмотря на множество лѣтъ, отдѣляющихъ отъ прошлаго, несмотря на новую жизнь, въ которой погасли послѣднія его искры...

Годы бѣгутъ быстро, и вотъ мы уже сами въ большомъ классѣ...

Путь пройденъ до половины. Остальная половина уйдетъ еще скорѣе, и намъ заранѣе грустно.

Мы уже любимъ институтъ. Кто не бывалъ въ казенномъ заведеніи, тотъ никакъ не пойметъ этой странной привязанности къ какому-то общему, отвлеченному представленію мѣста гдѣ живешь, между тѣмъ какъ въ частностяхъ много въ этомъ мѣстѣ попрежнему не мило. Конечно, мы втянулись въ институтскую жизнь, и привычка освятила то, чтѣ сначала казалось дикимъ; потомъ, съ теченіемъ лѣтъ, немного измѣнились наши отношенія къ класснымъ дамамъ; наконецъ, намъ минуло четырнадцать лѣтъ, наступилъ возрастъ, въ которомъ столько безпричиннаго веселья, что противъ него нѣтъ возможности устоять даже самому угрюмому блюстителю порядка. Но не въ этихъ причинахъ былъ источникъ нашей любви къ институту. Его надо искать въ нашей дружбѣ...

Какими словами помянуть эту дружбу?.. Но для нея нѣтъ словъ. Пусть та изъ насъ, у которой сохранились хотя клочки

записокъ, которыя мы тогда писали другъ къ другу, взглянуть на нихъ теперь...

Надъ этимъ невозвратимымъ чувствомъ можно заплакать. Никогда ничего подобнаго не давала намъ свѣтская жизнь, и не могла дать. Самое нѣжное вниманіе, святость клятвъ, жертва имуществомъ въ пользу друга, слезы ревности, когда чужая завладѣетъ сердцемъ друга, безконечныя ласки, маленькія тайны...

Откуда бродось это, на чемъ держалось? Клятва, это—какое-нибудь обѣщаніе подсказать урокъ; жертва, это—домашнее лакомство, уступленное голодному другу; вниманіе, это—бирюзовое колечко, подаренное другу, въ день именинъ; тайна, это—имя «objet», или выѣстъ задуманная шалость... Серіозный человекъ захохочетъ. Но напрасно. Наша дружба тѣмъ и была хороша, что умѣла держаться на немногомъ...

Въ большомъ классѣ она обрисовалась вполнѣ. Все, что когда-то было въ насъ враждебнаго институтскому складу и занесеннаго изъ дому, все давно исчезло. Выше институтскихъ интересовъ мы уже не видали ничего; никто намъ и не указывалъ, что впереди будутъ другіе интересы. Вотъ почему и всѣ наши радости сосредоточились въ тѣсномъ міркѣ дружбы. Здѣсь, къ чести классныхъ дамъ, надо сказать, что онѣ держались мудраго начала невмѣшательства: мы пользовались между собой полною свободой и выбора, и дѣйствій.

Кружки друзей образовывались смотря по характерамъ. Тотъ, въ которомъ считалась я, былъ самый веселый. Мы были то, что называется изъ *отъявленныхъ*, то-есть на сколько это возможно при почетномъ названіи дѣвицы перваго отдѣленія. Это отдѣленіе должно было служить свѣтиломъ для всѣхъ прочихъ. Здѣсь «будущія безсмертныя» въ институтскихъ лѣтописяхъ, будущіе шифры и прочія награды...

Не безъ нѣкотораго чувства гордости перешагнули мы черезъ порогъ святилища. Намъ пріятно было взглянуть другъ на друга. Мы очень подросли и были такія выправленныя. Исключая немногихъ, всѣ въ нашемъ отдѣленіи выработали себѣ, въ манерѣ держаться, ту институтскую складку, которая уже считалась нами высшею степенью женскаго существа. Маленькія, наполнившія оставленный нами классъ, и посѣтители института, если хотя немного отступали отъ нашего идеала или не походили на институтокъ, уже казались намъ смѣшными и странными. У насъ былъ тихій и осторожный голосъ,

воздушная и въѣтъ торопливая походка, движенія и спокойныя, и робкія. Яркая краска безпрестанно разливалась на нашихъ щекахъ, а присѣдая мы наклоняли голову съ неподражаемою скромностію. Сколько я помню, въ этихъ приемахъ была точно своего рода прелесть, какая-то монастырская. Но натура часто брала свое, и на просторѣ, когда мы были не на глазахъ у старшихъ, на насъ нападала отвага, мы вдругъ становились не тѣ. Въѣсто граціозно запуганныхъ созданій, мы просто дѣлались неуправляемыми ребятами. Избытокъ жизни такъ и просился излиться въ шумъ, крикъ, хохотъ на весь институтъ, въ проказахъ надъ тѣмъ дни попало... о, еслибы только дали волю!

Наше первое отдѣленіе насчитывало много хорошенькихъ дѣвушекъ. Мы были въ восторгѣ, что институтъ прославится ихъ красотой, и съ неописаннымъ счастьемъ восхваляли своихъ «célestes beautés» въ глаза, даже не стѣсняясь повелѣніемъ молчать, хоть напризмѣрь, во время класса. Мы шептали имъ это съ отдаленныхъ лавокъ или передавали клочки бумажекъ съ троекратнымъ «incompragable», троекратно подчеркнутымъ, чтобы «beauté» прочла и зардѣлась какъ роза. Мы не питали ни малѣйшей зависти къ красотѣ нашихъ подругъ, вѣрнѣйшій признакъ дружбы между женщинами. А что касается до зависти къ успѣхамъ въ классѣ, о ней не было и помина.

Первое отдѣленіе смотрѣло очень нарядно въ сравненіи съ прочими. По стѣнамъ висѣли хорошія ландакарты, стоялъ шкафъ съ «физикой», какъ говсрили у насъ, и ящикъ съ «ботаникой». Другія отдѣленія ничѣмъ не отличались отъ маленькаго класса. Жизнь этихъ отдѣленій шла совсѣмъ иначе чѣмъ у насъ; мы мало сближались съ ними, и даже почти не знали, чтò дѣлается у сосѣдокъ. Мы едва были знакомы съ ними, исключая пяти, шести дѣвушекъ, которыя особенно пришлись намъ по сердцу, да пѣвицы. Классъ италянскаго пѣнія соединялъ насъ въ залахъ у тапан, и потомъ обѣдня, когда мы въѣѣтъ стояли на клиросѣ. Второе отдѣленіе смотрѣло какъ-то особенно тихо и безцвѣтно. За то въ третьемъ, когда случалось пройти мимо его двери, слышался постоянный шумъ, шиканье инспектрисы и голосъ учителя въ раздраженномъ состояніи. Кажется, что тамъ до самаго выпуска дѣла шли не лучше чѣмъ въ шестомъ отдѣленіи. Выправка не удавалась, и наказанія не уменьшались нисколько...

Со вступленіемъ въ большой классъ, мы должны были

познакомиться съ нѣкоторыми новыми учителями. Каждая новостъ подобнаго рода возбуждала у насъ множество толковъ: будемъ ли мы обожать его или нѣтъ? А если нѣтъ, то не долго придумать ему и прозвище: на это мы были мастерицы. Какъ онъ будетъ спрашивать? Вызывать ли на средину комнаты, или на мѣстахъ, гдѣ подсказать удобнѣе? Последнимъ обстоятельствомъ волновалась особенно моя лавка, скромно состоявшая послѣднею въ спискѣ класса. Съ умилениемъ глядѣли мы на нашихъ *первыхъ*: тамъ почти не знали этой тревоги. Лавка *первыхъ* была наша слава и гордость, наша доска спасенія въ критическія минуты жизни. Тамъ зачастую изготовлялись на все отдѣленіе разныя письменныя задачи, заданныя учителемъ. Работа выходила двойная или тройная для нашихъ милѣйшихъ оракуловъ, но мы никогда не слышали отказа...

Способности и характеры этого отборнаго кружка были очень разнообразны. Припоминаю ихъ, чтобы сообразить, на сколько наши самыя даровитыя дѣвушки могли бы сдѣлаться въ послѣдствіи учеными и специалистками наравнѣ съ мужчинами, такъ какъ въ настоящее время поднять вопросъ о равенствѣ мужчинъ и женщинъ въ дѣлѣ науки... Говорю только о врожденныхъ способностяхъ, которыя всегда можно примѣтить, а не о томъ, на сколько ихъ развило ученье въ институтѣ... Что ни одна изъ этихъ дѣвушекъ, послѣ выпуска, не приступила безъ какой-нибудь печальной необходимости, а добровольно, къ серіозному занятію какою-либо наукой, это положительно. Можетъ-быть, это произошло оттого, что десятокъ лѣтъ назадъ никто не говорилъ имъ, что онѣ смѣютъ имѣть эту охоту, и уже имѣютъ ее въ себѣ... Десятокъ лѣтъ тому назадъ время было совсѣмъ иное...

У нашей первой ученицы была огромная память. За пять минутъ до начала класса ей стоило взглянуть въ книгу, чтобы знать и всегда помнить заданный урокъ. Училась она всему равно хорошо и всему равнодушно. Когда случалось ей сдѣлать какое-нибудь вѣрное опредѣленіе, дѣльно объяснить вопросъ, она не казалась особенно довольна собою. Она не смиренничала, нѣтъ, ее просто не радовали силы ея ума. Это было для нея нѣчто такое, чему она не видѣла цѣли, что-то второстепенное въ ней самой и не Богъ знаетъ какое цѣнное,—силы, которыя пусть себѣ развиваются, если хотятъ, и только тогда, когда чужой умъ потянетъ ихъ на дѣятельность. Она,

конечне, отчасти и любила занятія, она даже очень любила читать,—книги попадались намъ рѣдко, безъ всякаго выбора,—но и тутъ она не желала дѣлиться впечатлѣніями. Въ нашихъ недоразумѣніяхъ по части уроковъ мы безпрестанно прибѣгали къ ней. Она объясняла, но безъ нашего вызова или необходимости никогда не пускалась въ толки. И это вовсе не изъ эгоизма: она была предобрая. Просто, въ ней не было насущной потребности видѣть знаніе вокругъ себя, знать самой и давать знаніе другимъ...

Ея сосѣдка, вторая ученица, не имѣла ни такого соображенія, ни такой памяти. Она любила исключительно два предмета, исторію и литературу, и не пренебрегала другими затѣмъ только, чтобъ удержаться на своемъ мѣстѣ. На сколько было возможно при сухомъ и ограниченномъ преподаваніи у насъ наукъ вообще, эта дѣвушка умѣла находить въ учебникахъ страницы по своему вкусу. Она привязывалась къ нимъ всею сердцемъ. Ее привлекали имена гениальныхъ писателей и подвиги героевъ, ихъ воинская слава, хотя бы то была слава Батыя,—все громадное, блестящее, эффектное, все великое, конечно съ точки зрѣнія нашихъ руководствъ. Другой точки зрѣнія ей взять было не гдѣ. Она училась какъ-то нетерпѣливо и порывисто. Все, что требовало копотливой работы ума, долгаго обдумыванья, усидчивости, мучило ее и удавалось ей плохо.

Кузина Варенька была третьею съ тѣхъ поръ какъ поступила и до самаго выпуска. Она принималась за все съ одинаковою охотою, за многое съ лихорадочнымъ жаромъ, и постоянно была не довольна собою. Ей казалось, что она самое непонятное существо на свѣтѣ, и она молила Бога дать ей побольше способностей. Память у нея была удивительная, но училась она чрезвычайно неровно. Иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ на нее нападала лѣнь, какая-то совершенная невозможность взять книгу въ руки. На то бывало много причинъ. Ссора съ другомъ, приливъ ласкъ Анны Степановны, которыя дѣйствовали на нее мучительнымъ образомъ, грустное письмо изъ дома... Въ такіе дни, Вареньку выручало только удачное подсказыванье или снисходительность учителя.

Рядомъ съ Варенькой, сидѣла Фанни Каменецкая, та нарядная дѣвочка, мучительница наша, о которой я говорила прежде. Теперь это была прелестная пятнадцатилѣтняя дѣвушка, граціозная, но не по институтски, а съ совершенною

увѣренностью въ себя. Едва ли она не была самая способная во всемъ классѣ, но училась чрезвычайно капризно. Она, кажется, была прилежна потому, что прилежаніе шло къ ней, какъ контрастъ съ ея кокетливымъ и презрительнымъ личкомъ, а главное, потому что образованіе—тоже не дурное средство нравиться въ свѣтъ. Похвалы учителя были ей пріятны во всѣхъ отношеніяхъ: когда онъ обращался къ Фанни съ своимъ, «*très bien, mademoiselle*» не могъ же онъ не замѣтить ея красоты... Но иногда Фанни была несносна. На нее нападала дурной стихъ, и тогда конецъ всему. Она проклинала и «*cette détestable couronne*» (то-есть казну) и «*ces bêtes de livres*», глядя на учителя такими глазами, что онъ не смѣлъ спрашивать, повелительно дергала сосѣдокъ, чтобы под-сказали, раздавала по всему классу свои тетрадки, чтобы за нее сдѣлали переводы и замѣтки, дурно ли, хорошо ли, все равно. Классъ исполнялъ безпрекословно, кто изъ страха, кто принимая работу какъ особую милость, лишь бы Фанни сказала за труды: «*merci, charmante*»...

Она не любила своей сосѣдки, пятой ученицы, быть-можетъ потому, что между ними было нѣкоторое сходство характеровъ. Сосѣдка Фанни была прекрасно одаренная дѣвушка, но впечатлительная въ высшей степени. Она училась прилежно только тогда, когда нравился учитель. Если его замѣнялъ другой, тотъ же самый предметъ становился ей противенъ. Напримѣръ, она училась исторіи лучше всѣхъ насъ, добывала историческія книги, дѣлала выписки, твердила ихъ наизусть, — заданный урокъ выходилъ у нея вдвое обширнѣе нашего, — и все это отъ того, что она любила учителя исторіи. Чувство это доходило у нея до степени страсти еще не сознательной, но пылкой. Вдругъ какъ-то ей полюбился учитель ботаники, и вмгъ исторія была забыта. Приготовлять другіе уроки стоило ей огромныхъ усилій. Тогда она призывала на помощь свою сосѣдку, Дунечку Ярославцеву, — шестую ученицу, которою заканчивалась лавка первыхъ. Твердить вмѣстѣ съ нею считалось у насъ благодатью, какъ будто отъ одного ея товарищества должны было сойдти съ насъ и лѣнь, и нетерпѣніе. Мы называли ее «святою». И точно, эта Дунечка была кротка какъ ангелъ. Въ жизнь мою я не видала подобнаго прилежанія, при очень ограниченныхъ способностяхъ. Она трудилась какъ никто, и тяжелый трудъ, вмѣстѣ съ безпокойствомъ отъ самой крошечной непріятности въ классѣ, дѣлали ея харак

теръ и фізіономію постоянно печальными... Характеръ этотъ, съ теченіемъ лѣтъ, вѣроятно, не переѣнился.

Остальные въ классѣ были болѣе или менѣе похожи на первыхъ. Поменьше способностей, побольше лѣни и одинакій складъ въ занятіяхъ. То какой-то поверхностный дилеттантвизмъ, то прилежаніе изъ моды и тщеславія, то прилежаніе изъ каприза души,—все непрочные задатки того, чтобы въ послѣдствіи наши дѣвушки, особенно съ молодыхъ лѣтъ, могли серьезно отдаться наукѣ, съ пользою для себя, для другихъ и для самой науки. И у тѣхъ, кто былъ подѣльнѣе, и у всѣхъ другихъ, интересы сердца стояли выше интересовъ науки; чувство брало перевѣсъ надъ разумомъ,—чувство, которое трудно ограничить, потому что оно въ натурѣ женщины, и которому въ жизни предстояло еще болѣе обширное поле... Мнѣ кажется, что самобытная любовь къ наукѣ могла бы исключительно овладѣть нами только тогда, когда мы покончили бы съ молодостью, или когда удовлетворенное сердце уже устроило бы, по возможности спокойно и счастливо, ту среду, въ которой жило бы и любовью и долгомъ.

На сколько новое поколѣніе женщинъ, выросшихъ послѣ насъ, измѣнилось или перевоспиталось въ отношеніи къ чувству, судить не буду...

Не знаю, почему нашему новому русскому учителю вздумалось для перваго знакомства спросить у насъ азбуку. Меня вызвали даже написать ее на доскѣ. Еслибъ это видѣлъ нашъ прежній педагогъ, онъ бы вѣрно оскорбился. Но проба была всего только одинъ разъ, а тамъ мы опять принялись за синтаксисъ по Востокову и Гречу. Мы стали учиться усерднѣе, потому что самъ учитель былъ человѣкъ усердный, не охотникъ шутить; но дѣло отъ того не пошло лучше. Половина класса все-таки не достигла того, чтобы вытвердить наизусть и запомнить синтаксическія правила, изложенныя пространно и сбивчиво для насъ. Время, между тѣмъ, не терпѣло; надо было еще учиться многому. Тогда учитель раздѣлилъ свое преподаваніе такимъ образомъ: одинъ классъ—повтореніе синтаксиса, другой практической, а къ третьему мы готовили уроки изъ реторики. Кромѣ повтореній, намъ было приказано писать примѣры на всевозможные синтаксическіе случаи, и чтобы примѣры были изящные, и чтобъ у всего класса разные. Для изящества была одна хрестоматія и изрѣдка книги, приносимыя самимъ учителемъ. У меня сохранилась огромная

тетрадь этого труда, и половина его не моя. Работали за насъ первыя. О, какія отчаянныя письма писались къ этимъ ангеламъ!

... «Incomparable et céleste Marie! Au nom de Dieu trouvez moi pour cet affreux..... un exemple du *родительный движениі мысленнаго!!!* Celle que vous détestez. Connue.

«Anastasie, je vous supplie pardonnez moi de vous avoir copié vos exemples de la частица къ съ дательнымъ, означающимъ движение по направленію къ наружной части предмета, et puis le безсоюзіе: *рыщеть, пьнится, сверкаетъ* et le многосоюзіе... Vous en trouverez d'autres, parceque vous êtes un génie. Ne me mégrisez pas.

Или наконецъ:

«Divine, Варенька, vite, tout ton cahier, car je n'ai rien fait pour aujourd'hui...» Этимъ послѣднимъ способомъ обыкновенно зывала я.

Въ практическомъ классѣ дѣлали мы переводы или поправляли заданныя прежде. Мы переводили разныя разности: «Обрѣву Собаку», «Молчаливую академію или эмблемы», потомъ отрывки изъ Ламартина и Шатобриана. Мы учили наизусть множество стиховъ Дмитріева, Батюшкова, Жуковского, Кольцова, Пушкина и нѣсколько произведеній графини Ростопчиной. Припоминаю теперь, что ея талантъ казался намъ выше всѣхъ названныхъ поэтовъ. Это не было мнѣніе учителя, нѣтъ, но должно-быть въ его добросовѣстномъ преподаваніи не было того убѣдительнаго краснорѣчія, которое прививаетъ вкусъ и способность поражаться истинно прекраснымъ. Помню, одинъ разъ онъ принесть *Мертвля Души* и самъ читалъ вслухъ отрывки. Онъ прочелъ описаніе деревни Плюшкина; мы не почувствовали красоты ни малѣйшей. Потомъ визитъ Чичикова Собакевичу. Но тутъ ужъ мы ровно ничего не поняли.

Мы сочиняли и сами. Упражненіе въ авторствѣ во время класса было для многихъ наказаніемъ Божиимъ, а многія и любили. Двѣ наши первыя, Marie и Anastasie, исписывали свои листки единымъ духомъ. Кузину Вареньку, напротивъ, эти импровизаціи приводили въ нервное состояніе. У нея дрожали руки, щеки пылали, строчки на бумагѣ являлись и тутъ же вычеркивались; кончивъ, она съ тоской отдавала тетрадь, и цифры 9 и 10 (вышіе баллы), выставленныя учителемъ, не могли ее успокоить... На дальнихъ лавкахъ, между-тѣмъ, про-

исходило печальное грызение перьевъ. Иныя еще скребли по бумагѣ, а другія, отказавшись совсѣмъ, равнодушно выдвигали изъ пюпитра кончикъ тетради «Христіанскихъ обязанностей», и принимались твердить урокъ къ завтраму. Классныя дамы, завидѣвъ злоупотребленіе, отбирали эти тетради, но сочиненія отъ того не подвигались. Разъ, я помню, почти никто не могъ сочинять въ классѣ. Было первое мая, погода великолѣпная, деревья всѣ въ зелени, окна наши были открыты; изъ нихъ, въ отдаленной улицѣ, виднѣлись вереницы экипажей и толпы пѣшеходовъ. Москва отправлялась гулять. Въ самомъ воздухѣ вѣяло праздникомъ; даже звонарь на церкви Іоанна-Война, стоящей въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ института, даже этотъ звонарь, прилежнѣйшій человекъ въ мірѣ и звонившій всегда такъ усердно, что заглушалъ наши голоса,—даже онъ опоздалъ съ вечерней. Мы сидѣли и сочиняли. Учитель далъ темы: «Гулянье въ Сокольникахъ» и «Спусти лѣто по малину въ лѣсъ не ходять никогда». На послѣднюю тему вѣрно было работать нашей лавкѣ. Мы потребовали объяснить сюжетъ. Намъ объяснили, но, все равно, я ничего не дѣлала. За то сосѣдка моя, Соня Иванова, находилась въ страшномъ волненіи. Уже въ два подобные класса перо ея не произвело ничего, и учитель объявилъ, что теперь непременно спроситъ ея задачу. Соня смотрѣла въ окно.—Что жъ ты? шепнула я.—Détestable, проговорила Соня, взглянувъ на учителя. И затѣмъ, съ ожесточеніемъ принялась марать бумагу.—Кончили? спросилъ учитель, когда она сложила руки:—прочтите.

«Спусти лѣто по малину въ лѣсъ не ходять никогда. Это то же, если человекъ въ цвѣтущей молодости своей не старается приобрѣсть святыхъ добродѣтелей, которыя такъ угодны Всевышнему и Всеблагову Богу. Злой человекъ, терзаемый адскими пороками, погибаетъ, и тогда онъ падаетъ въ провалъ, въ пропасть діавола...»

Насъ увели въ садъ освѣжиться чистымъ воздухомъ. Но не всегда на дворѣ было первое мая. Иногда намъ случалось всѣмъ отличиться. Раза два, мы рѣшительно привели въ восторгъ учителя. Это произошло при одномъ покровителѣ просвѣщенія, который посѣтилъ институтъ. Такая наша счастливая полоса, что даже на синтаксическіе вопросы мы отвѣчали превосходно. Довольный посѣтитель пожелалъ убѣдиться, какъ мы сочиняемъ. Онъ предоставилъ намъ самимъ выборъ сю-

жета. Наши геніи Marie и Настенька превзошли себя. Marie бойко выставила вверху своей странички «Океанъ». Она не написала морскаго пейзажа, имѣя болѣе въ виду провести параллель между водною пучиной и глубиной души человѣческой. Настенька избрала себѣ въ сюжетъ «Пожаръ Москвы». Мы чуть не ахали отъ восхищенія, когда она прочла вслухъ, какъ Наполеонъ бѣжалъ, гонимый призракомъ пылающей столицы, и потомъ,—какъ контрастъ мрачному прошедшему,—заключеніе, гдѣ царица русскихъ городовъ, возрожденная изъ пепла, являлась въ вѣнцѣ изъ алмазовъ и жемчуга... Кто написалъ «Осень», «Восхожденіе солнца», «Письмо къ другу о прелестяхъ деревенской жизни», и т. п. Кто не зналъ что написать, тотъ попользовался старыми произведениями первой лавки. Литературное воровство было скрыто легкими измѣненіями, и дѣло обошлось благополучно. Посѣтитель наскзалъ намъ самыхъ лестныхъ комплиментовъ, и даже увезъ съ собою нѣсколько сочиненій.

... Въ первомъ отдѣленіи, исключительно противъ другихъ отдѣленій, прибавились у насъ еще два класса: физики и естественной исторіи. Преподаватели этихъ двухъ предметовъ были наши мученики. Учитель естественной исторіи, Французъ, былъ человѣкъ изящный и деликатный въ высшей степени; онъ смотрѣлъ на насъ какъ на расадникъ нѣжнѣйшихъ цвѣточковъ, и твердо вѣровалъ, что всѣмъ *jeunes filles candides* должна быть любезна его наука, по крайней мѣрѣ хоть та ея часть, которая касается цвѣтовъ и птичекъ. Приступивъ къ дѣлу, онъ горько ошибся. Мы, дуры (то-есть болшинство), никогда не учили ему уроковъ, и знали, что онъ никогда не поставитъ намъ нуля. Онъ имѣлъ терпѣніе диктовать намъ руководство по всѣмъ отраслямъ своего предмета, старался быть по возможности краткимъ и занимательнымъ, самъ просматривалъ продиктованное. На нашей лавкѣ во время его класса было превесело. Болтаешь подъ шумокъ; учитель добрый; услышитъ, улыбнется, иногда спроситъ, и если ему не соврешь хоть на десятую долю, то онъ ужъ совершенно счастливъ. Взглянешь въ тетрадку. А тамъ записаны такіе моллюски и зоофиты, какихъ нѣтъ ни въ одномъ морѣ. Чтобы привлечь своихъ «*aimables élèves*» къ наукѣ, учитель принесъ въ даръ институту ящикъ съ небольшимъ гербаріемъ, образчиками минераловъ, двѣ-три чучелы птицъ и чучелу маленькаго крокодила. Половина ящика скоро опу-

стѣла. Чтѣ было можно, то мы съѣли; перышки наклеились на бумажки въ видѣ вензелей, а крокодилъ, какъ фаворитъ, долго жилъ между нами на лавкѣ, потому что намъ было весело пугать имъ сосѣдокъ. Хотя бы мы за это удовольствіе потрудились запомнить, къ какой породѣ относилъ его учитель! Этотъ человекъ,—исключеніе изъ своей породы по крайнему незлобію,—иными днями бывалъ-таки взбѣшенъ. Бывали дни, въ которые онъ намъ не улыбался. Въ Москвѣ, у него было занятій по горло, и несмотря на то, онъ еще находилъ досугъ прѣзжать къ намъ иногда, во время вакаціи въ садъ, съ твердымъ намѣреніемъ побесѣдовать о ботаникѣ. Мы обступали его, и покуда двѣ или три дѣвицы внимательно слушали о пользѣ семейства *graminées*,—другія, стоя поодаль, шептали ему «*céleste, incomparable*», и уходили. Мы обожали его и его жену и его юное поколѣніе. Онъ привозилъ своихъ дѣтей на наши балы, и обожательницы дарили ихъ конфетами отъ Люке, о которыхъ заранѣе шла жаркая переписка съ московскими родными.

Другой нашъ мученикъ и его поколѣніе никогда не получали конфетъ. Учитель физики былъ старикъ, больной и немного желчный. Мы безсофѣстно выводили его изъ терпѣнія. Три четверти класса такъ и вышли, не желая смекнуть, чтѣ такое за птица физика и зачѣмъ ей учать? Старикъ былъ отчасти и самъ не правъ. Онъ объяснялъ ужасно торопливо, приносилъ такіе огромные листы, чтобъ мы ихъ списали и выучили, что у насъ не доставало ни понятія, ни терпѣнія, ни времени. Въ классномъ шкафѣ лежало въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, руководство къ физикѣ Двигубскаго. Иногда мы брались за него. Книги эти были въ странномъ состояніи. У однѣхъ не доставало телячьего корешка, у другихъ корешковъ не было бумажной внутренности. Зачѣмъ такъ поступилъ съ ними предыдущій выпускъ—не понимаю. Въ шкафѣ съ физикой были у насъ любимые предметы. Электрическая машина и крашенныя стеклянныя куклочки въ видѣ бѣсиковъ. Намъ ужасно хотѣлось ихъ украсть; кажется, около выпуска это и совершилось.

Когда вспомню о нашихъ педагогахъ, становится и горько и стыдно. Мы и не подозрѣвали тогда, каковъ это былъ трудъ—учить прелестный полъ, соблюдая подобающую вѣжливость. Цѣлыхъ шесть лѣтъ ни разу не сорвать сердца, когда, я думаю, хотѣлось бы разругать насъ какъ мадьяшекъ! И если

такія дѣла дѣлались у насъ, въ первомъ отдѣленіи, что же творилось во второмъ и третьемъ?

... Въ сущности, даромъ что насъ величали большими, мы были все тѣ же дѣти. Та же безпредѣльная веселость, ни малѣйшаго помышленія о будущемъ, радость, когда удастся хорошо поѣсть... Особенно бывали пріятны засѣданія въ каморкахъ у классныхъ служанокъ, которымъ заказывалась сковорода картофеля или блины. Это случалось въ рекреацию или въ антрактахъ танцевальнаго класса. Изъ каморокъ мы выходили чрезвычайно веселыя, или грустныя, если бывало поймають или помѣшаютъ. Веселье и слезы приходили къ намъ странными приливами. Помню, какъ-то, передъ Свѣтлымъ праздникомъ, мы были въ дортуарѣ и одѣвались къ заутренѣ. На весь дортуаръ напалъ неудержимый смѣхъ, пошла возня, шалости; одна пріятельница постоянно грустная и все пившая уксусъ, тутъ же, не дожидаясь розговинъ, схватила три яйца въ крутую и съѣла. Пробыла полночь: кто бросился цѣловаться, кто творить земные поклоны «чтобъ исполнились три желанія»... Пришли въ церковь, стали на клиросѣ, — и принялись плакать. Едва-едва сладили канонъ Пасхи...

Безпредметная тоска приходила, впрочемъ, рѣдко. Гораздо чаще являлась какая-то отвага, желаніе испробовать на чемъ-нибудь свою свободу и свои душевныя силы... Взобраться на церковныя хоры, когда, бывало, идешь въ лазаретъ (есть и другая дорога)—и остаться на хорахъ одной, совѣмъ одной... Это мы любили. Церковь пуста и темна; одна лампада предъ иконостасомъ, ни шороха, ни звука... А тамъ, за церковью, «верхній» лазаретъ, совѣмъ необитаемый, куда помѣщаютъ больныхъ только во время эпидеміи. Вотъ и «мертвая комната» съ столомъ для покойницъ. Чтобы спуститься въ нижній лазаретъ, надо идти мимо... Идешь, а въ душѣ разливается какая-то гордость...

Свободу свою мы пробовали безпрестанно. Сбѣгать въ дортуаръ между переменами учителей, и вообще въ непопознанное время, было у насъ первымъ удовольствіемъ. Иногда такъ, ни за чѣмъ, лишь бы сбѣгать. Шестидесять ступеней по чугунной лѣстницѣ были намъ ни по чѣмъ. Помню однажды я провела критическія минуты. Трое насъ забралось и еще въ дортуаръ Анны Степановны. Она была недежурная. Вдругъ совѣмъ неожиданно скрипнула ея дверь. Мы юркнули подъ постель. Рядомъ со мной очутилась моя пріятельница, Олимп-

пада Митева. Она была огромнаго роста, и прозывалась Большою-Липой. Юркнувъ, она забыла о своихъ длинныхъ ногахъ, которыя остались наружи. Анна Степановна вошла, и какъ она насъ не примѣтила, не понимаю. Она открыла дортуарный коммодъ съ бѣльемъ, и стала считать его. Мы лежали. Съ невѣроятнымъ усиленіемъ, чтобы не измѣнить себѣ, Липа подобрала наконецъ свои ноги. Три четверти часа прошли такимъ образомъ. Мы задыхались.—«Липа, я умру,» прошептала я въ ужасѣ.—«А развѣ я на розахъ лежу?» отвѣчала она, и чуть мы обѣ не покатались со смѣху... Но, слава Богу, Анна Степановна въ эту минуту удалилась.

Съ грустью вспоминаю, какъ обѣ эту пору наши должныя отношенія къ класснымъ дамамъ, взаимное непониманіе долга, уже во-многомъ сильно насъ испортили. Солгать, обмануть, намъ ровно ничего не стоило. Ни тѣни стыда и даже похвалы отъ товарищей. Не понимаю, за что третье отдѣленіе страдало больше насъ. Вѣроятно, тамъ былъ народъ болѣе прямой и откровенный чѣмъ мы, грубили тамъ по-просту, скрываться не умѣли, и за это попадали въ *mauvais sujets* навѣчно. Тамъ инныя дѣвушки были совсѣмъ несчастныя и совсѣмъ тупоумныя отъ природы. Не понимаю опять, почему, замѣчая совершенную неспособность ихъ выучиться, не могли бы распорядиться такимъ образомъ, чтобы этихъ дѣвушекъ, при знаніи русской грамоты и закона Божія, занять однимъ рукодѣльемъ? Работать онѣ могли отлично. Это могло бы имъ, по крайней мѣрѣ, пригодиться въ послѣдствіи... Намъ бывало и жалко и смѣшно смотрѣть на нихъ. Бѣдненькія питали къ намъ робкое уваженіе... Впрочемъ, одного *mauvais sujet* мы очень любили. Это была дѣвушка удивительной доброты, вмѣстѣ наивная и бойкая, но которую такъ часто лишали передника и «расчесывали въ косички», что она вообразила себя чѣмъ-то въ родѣ заброшеннаго сорванца или институтской шутихи. Она слыла у насъ отличнымъ куафферомъ, и первое отдѣленіе счастливо ея своею практикой. Вскочивъ раньше всѣхъ (не послѣдняя жертва) она приходила въ нашъ дортуаръ и устраивала намъ великолѣпныя прически «Clotilde», то-есть переднія косы заплетенныя въ мельчайшую рѣшетку. Причесавъ, она бѣжала къ себѣ сломя-голову и опаазывала одѣться къ молитвѣ, что не обходилось даромъ. Помню, въ одно воскресенье пріѣхалъ мой отецъ, и дожидался когда кончится обѣдня и мы выйдемъ изъ церкви. Едва я подошла къ нему, какъ подошелъ и мой милый

mauvais sujet. Ей хотѣлось спросить что-то о своемъ братѣ, котораго знали мои родные. Она спрашивала очень искренно, очень развязно, и чрезвычайно понравилась моему отцу. Классная дама покосилась на нее, намъ то же показалось это дико. «Безъ позволенія mademoiselle... совсѣмъ незнакомый человѣкъ, и такъ щебетать...» Поступокъ былъ, поистинѣ, внѣ институтскаго пониманія...

Она пять лѣтъ не видѣла никого изъ своихъ... Не для нея, по четвергамъ и воскресеньямъ, наполнялась пріемная зала, шелъ тихій разговоръ, передавались конфеты, рукопожатія, поцѣлуй... А были иныя дѣвушки, которыя не понимали, можетъ ли даже существовать воскресенье, пропущенное родными... Но здѣсь, вспоминая нашихъ счастливицъ, мнѣ приходится на умъ одна странная вещь. Несмотря на частыя сношенія съ роднымъ домою, эти дѣвушки (объ исключеніяхъ нечего говорить) также мало знали и думали о средствахъ своихъ родныхъ, какъ и забытыя дѣвушки. Страхъ ли это огорчить милую дочь, недоверіе ли старшаго къ младшему вообще, или мысль вкоренившаяся во многихъ семьяхъ, что только сынъ въ состояніи понять и раздѣлить семейныя заботы, а дочь—такъ-себѣ, дорогая игрушка, будущее бремя, которое надо сбыть кому-нибудь на руки... Богъ знаетъ отчего это было, только такъ было. Можетъ-быть и самый нашъ институтскій складъ, сконфуженно-торопливый даже въ изліаніяхъ дѣтской любви, наша разсѣянность и невниманіе ко всему, что не касалось сраженій съ классными дамами и учительскихъ балловъ,—можетъ-быть и эти причины останавливали, на время курса, откровенные разговоры родныхъ съ дочерьми-институтками. Мы и точно смотрѣли обитательницами другаго міра, къ которому трудно приступить. Помню, одна старушка прозвала насъ всѣхъ «чистыми ангелами». Это была славная женщина, мать одной дѣвицы нашего класса, женщина бѣдная и простая, получившая доступъ даже въ самый дортуаръ. Мы ее очень любили и ласкали. Но никогда не забуду одного гнуснѣйшаго поступка, который можетъ простить себѣ развѣ крайняя молодость. Къ одной воспитанницѣ пріѣхала мать. Она намъ встрѣтилась... «Mesdames! Dieu! Voyez quelle honte!» ахнули мы въ голосъ... Дочь поняла и горько заплакала тайкомъ. Дама,—точно, была страшная; но насъ столько же испугалъ ея старомодный чепецъ и пестрое старое платье, какъ предметы, которые не должны были бы являться въ стѣнахъ института... Помню также наивную мину и непроститель-

ное смущение одной институтки, когда ей попался листок газеты, где объявлялось о продажѣ имѣнія ея близкихъ родственниковъ. Въ газетѣ принесли ея пріятельницѣ колбасу изъ лавочки. Пріятельница, во всемъ мірѣ не имѣвшая ни одной крѣпостной души, ни клочка поземельной собственности, прочла, засмѣялась и показала другу. — «Какъ это, Танечка, у тебя пять душъ продается съ аукціона? Que c'est drôle, имѣть только пять душъ!» «Какія пять, возразила Танечка, вспыхнувъ отъ стыда:—видишь, вотъ еще три, еще семь... Et puis ce n'est pas à moi, c'est à un oncle que je ne connais pas du tout...»

Добро бы насъ держали въ роскоши, тогда бы подобныя выходки были понятны.... Но если наши родные молчали о себѣ, все же мы могли бы знать хоть о горестяхъ остальнаго бѣлаго свѣта. И въ этомъ незнаніи я также рѣшительно виню и наше начальство... Мы были въ маленькомъ классѣ, когда надъ нами пронесся одинъ страшный и всѣмъ памятный годъ. Половина Россіи бѣдствовала; кругомъ Москвы горѣли лѣса; аллеи наши были буквально выжжены. Намъ было душно, но вотъ и все. Что сдѣлало это губительное солнце съ нашей родиной, намъ не сказалъ никто. Довольно того, что только послѣ моего выпуска я узнала, какъ народъ Божій тысячами валилъ изъ селеній въ города, падая по дорогамъ въ мученіяхъ голодной смерти... Странное нерадѣніе о нашемъ сердцѣ, нерадѣніе, которое могло въ послѣдствіи сдѣлать изъ насъ или эгоистокъ, или трусливыхъ автоматиковъ, неспособныхъ даже вынести перваго столкновенія съ горемъ... И еслибъ еще молодость не желала дѣлать добра! Но мы бывали рады каждому удобному случаю. Къ сожалѣнію, во всѣ шесть лѣтъ, намъ дали ихъ только два. Одинъ разъ, какъ-то обмолвился экономъ, что сгорѣлъ большой губернской городъ, и мы попросили вѣсто казеннаго бала послать бальныя деньги туда. Да еще дала случай Анна Степановна. Разъ, мы посмотрѣли въ ея комнату бѣдную женщину съ кучей ребятъ. Анна Степановна, вывернувъ весь свой бѣдный комодъ, раздавала по рукамъ отъ платья до обуви. Эта черта насъ поразила... Мы попросили позволенія сдѣлать то же, и совсѣмъ вывернули наши еще болѣе тощія кошельки и дортуарныя табуретки...

Сколько! я помню, вакація на второй годъ въ большомъ классѣ вышла прѣвеселая. Съ нашими дамами мы были въ какомъ-то особенномъ согласіи. Миръ не нарушался ничѣмъ, такъ онѣ

были снисходительны, мягки, даже шутивы. Эта чрезвычайная неровность въ обращеніи понятна мнѣ только теперь. Это было и безсознательное выраженіе потребности чувства, и смутное недовольство собой. Подобное соображеніе, способное разжалобить въ пользу власти, конечно не являлось намъ въ то время. Мы были только досмерти рады, что съ нами не воюютъ. Притомъ, дѣто въ этотъ годъ было чудесное. Наши вѣковья липы одѣлись непроницаемою тѣнью, притаивъ тысячи гнѣздъ, до которыхъ мы были большія охотницы. Весело было, закинувъ книгу, улечься въ густой травѣ и ничего не дѣлать. Солнце легонько пропекаетъ сквозь листьву, глаза смыкаются, а по губамъ пробѣгаетъ какая-то безотчетная улыбка... улыбка молодости, которая думаетъ, что ей не будетъ конца... Изъ-за полузакрытыхъ рѣсницъ намъ видны дальніе предѣлы сада; тамъ мелькають зеленыя платья, бѣлыя пелеринки и ручки съ тетрадами. Вотъ, по средней аллеѣ, откуда можно обозрѣвать насъ всѣхъ, полтора часа не садясь, снуютъ наши классныя дамы; синія платья такъ и сверкають. «О противныя!»—и отвернешься.... Намъ и въ голову не приходило, каково имъ и что это за тоска—поневолѣ стеречь такое стадо! Чтò жь, что передъ этими женщинами не заперты двери свѣта? Не для нихъ тамъ любовь и домашній очагъ: онѣ тамъ вѣчно останутся гостьями. Вотъ этого-то высочайшаго счастья, быть *своею*, онѣ не узнають никогда. Годы, десятки лѣтъ пройдутъ, и все то же, и все то же... Одно стадо смѣнить другое, синихъ платьевъ износится безъ счету, покуда, наконецъ, послѣднее ляжетъ въ гробъ вмѣстѣ съ его обладательницей... Но какое намъ было дѣло до всего этого?... Въ нашемъ міркѣ дружбы жилось привольно, безъ размышленій. Намъ было весело. Маленькій классъ уже зричалъ намъ «adorable»; инныя красавицы насчитывали у себя десятки *adoratrices*. У меня была всего одна, и то превезвращная дѣвочка, но и та доставляла мнѣ большое удовольствіе. Я ее мучила нарочно, не давалась «цѣловать въ плечико», не глядѣла на ея умилыныя рожицы. Она дѣлала для меня тѣму глупостей. Разъ, послѣ обѣдни, дѣвчонокъ мнѣ подаль просвиру, такую огромную, какою ни одинъ архіерей не награждалъ за вѣзжаго гостя-архіерея. При ней была бумажка съ золотымъ узоромъ и словами: с здравіи такой-то... Священникъ приказалъ сказать моей обожательницѣ, что въ другой разъ онъ такой просвиры не приметъ. Но предметъ общихъ воздыханій была Фанни Каменецкая. Одна дѣвочка прыгала отъ радости,

что ей прописали пить скверный декоктъ, потому что Фанни пила тотъ же. Когда она приходила къ маленькимъ, дежурная, съ краснымъ бантомъ на рукавѣ, спросить *qui des dames s'absente et quel maitre a manqué*,—по всѣмъ лавкамъ со свистомъ и удушьемъ раздавалось: «*Oh, céleste beauté, ne nous rendez pas malheureuses!*» Фанни останавливала ихъ равнодушнымъ взглядомъ. Это была счастливая дѣвушка, которая прожила свою жизнь въ институтѣ особенно спокойно. У нея никогда не было ссоръ съ классными дамами. Даже въ общихъ бѣдахъ, распеканьяхъ, стоянїяхъ на лавкахъ и за обѣдомъ, Анна Степановна какъ-то осторожно не относилась къ ней съ своею рѣчью, а проходила далѣе, будто Фанни попалась такъ-только, нечаянно, съ другими. Встрѣтясь съ нею послѣ выпуска, я какъ-то вспомнила объ этой разницѣ обращенїя...—«*On m'a ménagé parce que j'étais fière*, возразила Фанни: *je tolérais la couronne mais je ne la craignais point.*» Точно, она казалась горда, не столько на словахъ, потому что не любила доводить себя до разговоровъ съ классными дамами, сколько презрительнымъ выраженїемъ своего личика. Оно ясно говорило, что Фанни считаетъ институтскую жизнь временемъ переходнымъ, а наши мелочныя волненїя такую глупостью, для которой не стоитъ тратить сердца. Впереди свѣтъ, блестящїй, нарядный; она будетъ въ немъ, конечно, не послѣдняя. За тѣхъ изъ насъ, кто страдалъ институтскимъ страхомъ, она возвышала голосъ, и зная свое странное влїяніе на классныхъ дамъ, ошибалась рѣдко. Для Фанни прощали виноватую. Она не разъ оказала мнѣ эту услугу, хотя я съ ней ссорилась безпрестанно. Въ дортуарѣ она была моею парой по одѣванию. Она находила, что я неловка, и бѣсилась страшно. Одинъ разъ, точно злобный котенокъ, она вонзила мнѣ десятокъ булавокъ въ руку, и въ тотъ же день выручила меня изъ какой-то бѣды. Въ большомъ классѣ каждому отдѣльному дружескому кружку хотѣлось притянуть Фанни къ себѣ. Мы смутно чувствовали, что у нея былъ, въ сравненїи съ нами, какой-то перевѣсъ ума, вмѣстѣ практическаго и насмѣшливаго, который былъ намъ необходимъ противу излишковъ восторженности и чувствительности. Мы ее и любили, и ненавидѣли. Часто Фанни служила намъ яблокомъ раздора. Въ эту самую ваканцію, о которой я теперь говорю, Фанни произвела страшную ссору между двумя прїятельницами. Наша *мервая*, Marie, долго обожала учителя нѣмецкаго языка. Вдругъ

ей понравился одинъ толстый кадетъ на нашемъ балѣ. Ея сѣсѣдка, Настенька, была постоянною повѣренною ея сердца. Но въ этотъ разъ, Marie скрыла отъ нея свою измѣну. Тайну о кадетѣ она передала Фанни, удержавъ какъ-то за крылья ея вѣтреную дружбу. Фанни захохотала и разказала кому могла. Узнавъ о столь гнусномъ обоюдномъ поступкѣ, Настенька разразилась гнѣвомъ. Ссора вышла на все отдѣленіе. Изъ одной аллеи въ другую полетѣли курьеры съ записками, наконецъ созвали свидѣтельница, въ томъ числѣ и меня. Первое изъ этихъ грозныхъ посланій осталось въ моихъ рукахъ. Посланія наши всегда писались по-французски.

«Marie, vous vous étonnez, peut-être, que je prends la hardiesse de vous écrire, mais il faut nous expliquer. Je vous ai appliqué le terme de «lâche» qui vous a paru choquant, un terme que je ne me serais jamais permis de prononcer, si... Mais vous conviendrez que vous avez trompé bien cruellement mon aveugle confiance. Vous, que je croyais être l'idéale du beau, du sublime, vous, que je prenais pour modèle de vertus, vous vous laissez gouverner par une tête légère, par une personne perverse... Ce que j'ai appris relativement à votre objet m'a extrêmement étonné... Mais je ne veux pas y croire, c'est trop indigne de vous. Mais vous l'avez caché de moi, moi qui vous ai longtemps supplié... Ah! n'en parlons plus, je n'étais pas digne de votre confiance. D'autres personnes obligeantes, douces, dévouées, ont gardé votre secret de manière que la moitié de l'Institut le sait. Je vous assure que votre compagnie ne me fait ni chaud ni froid; je me suis mêlée à l'affaire unipueusement parce que je vous ai vu là dans la révoltante compagnie d'une personne dont le caractère noir ne vous est que trop connu. Vous vous querellez avec Dounitchka Yaroslavtzeff parce qu'elle est en querelle avec elle. Je ne vous reconnais plus. Adieu. Je vous parle librement, tandis que tout le monde vous admire. Il y avait aussi un temps où je vous ai admiré. Déchirez ce billet. Epargnez-moi l'horreur de voir mes sentiments servir de jouet à vos amies...

Дѣло, разумѣется, кончилось мировой. Подъ вечеръ этого дня, враги уже ходили вмѣстѣ, рука подъ руку, забывъ и гнѣвъ и слезы...

Я чрезвычайно пріятно проводила свою ваканцію. Нашъ кружокъ выбралъ себѣ отличное мѣстечко въ аллеѣ, у пруда, и засѣдалъ тамъ. Мы вышивали по *papier-piqué* сувениры и закладки для книгъ, а одна пріятельница, уткнувшись въ траву,

читала Байрона. Запретная книга огромнаго формата ловко пряталась въ бездонныхъ карманахъ, и перебивалась у всего перваго отдѣленія. Мы въ ней ровно ничего не смыслили, но, все равно, прочли. Болѣе прилежныя, удались отъ свѣта, занимались своимъ дѣломъ. Его, по нашему, было не мало. Одному «божественному» Б. надо было приготовить повтореніе всей русской исторіи до самозванцевъ, да еще изъ всеобщей среднюю, по Смарагдову. Это руководство учитель нашъ принималъ въ большомъ классѣ, а русскую исторію имѣлъ терпѣніе диктовать намъ самъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ... Исторія лежала у меня на совѣсти, но я откладывала дѣло сколько возможно къ концу милаго сезона. Особенно Смарагдовъ становился несносенъ подъ вечеръ дня, когда съ запада потягивало прохладой. Такъ бы и ушелъ Богъ знаетъ куда, далеко, далеко... Уйти было некуда, и мы бѣжали къ купальнѣ. Видъ пруда былъ наше наслажденіе. Тамъ гремѣлъ хоръ лягушекъ, которыхъ весело дразнить, туда можно бросаться, тормошить трусливаго друга, обдавать его водою... Послѣ купанья, впрочемъ, случалось несчастье: являлся волчій аппетитъ, и блаженна была та, которая имѣла гривенникъ! Если онъ былъ, мы пиروвали. Гривенникъ посылался къ работницѣ священника, и оттуда приносили горшокъ молока и ломоть ржанаго хлѣба. Провизія исчезала въ секунду, но помню, что одна моя пріятельница приступала къ ней съ особымъ благоговѣніемъ. На то былъ резонъ: она обожала священника. Священникъ нашъ былъ человѣкъ не молодой, болѣзненный и очень серьезный. Онъ никогда и не узналъ объ этомъ шестидѣтнемъ обожаніи, такъ оно было почтительно и всегда хранилось въ тайнѣ. Дѣвушка эта была существо замѣчательное. Я никогда не видала болѣе рѣзкаго типа будущей деревенской хозяйки, рачительной и благочестивой. Все въ ней, отъ ея щепетильно-расправленнаго и разглаженнаго фартучка, головки причесанной волосокъ къ волоску, до голоса, движеній, почерка руки—все дышало аккуратностью. Поведенія она была примѣрнаго; ея табуретка въ дортуарѣ была образцовая по своему внутреннему порядку, но все-таки не могла не вмѣщать въ себѣ чего-нибудь хозяйственнаго. Такъ этимъ лѣтомъ она солила грибы. Она заключала ихъ въ миниатюрную банку съ душистыми травами, накрывала кирпичикомъ и прятала въ табуретъ. Гдѣ она брала эти грибы, не понимаю. Мы никогда не участвовали въ поимкахъ. Подъ

вечеръ, собравшись гурьбой, наша компанія обходила всѣ аллеи, оглашая воздухъ самымъ разнообразнымъ пѣніемъ. Тутъ было и *quando le trombo squille*, извѣстный хоръ для мужскихъ голосовъ изъ *Пуритана*, и квартетъ изъ *Лучи*, все спѣтое на самыхъ тончайшихъ дискантовыхъ нотахъ. «Басомъ» мы «презирали», находя вообще, что это смѣшной голосъ, даже у мужчинъ, и приличенъ только звѣрю. Одинъ басистый московскій диаконъ, который какъ-то служилъ въ нашей церкви, чуть было не уморилъ насъ со смѣху. За итальянскимъ концертомъ шелъ духовный. Въ это лѣто пѣвицы рѣшительно замучили уши и несчастныхъ классныхъ дамъ и своей непоющей братіи. Нашъ хоръ (въ томъ числѣ и я) готовился вѣнчать дочку эконома. Намъ общали за труды много конфетъ и винограду. Мы спѣвались и въ классѣ, и кричали «Исаия, ликуй» въ аллеяхъ, что было силъ... Вдругъ, на насъ напала грусть... «Mesdames, панихиду, отпѣвайте меня,» требовалъ кто-нибудь въ кружкѣ. И за тѣмъ, на фальшивѣйшихъ нотахъ, раздавалось въ воздухѣ «со святыми упокой», «житейское море»... и такъ далѣе, и такъ далѣе—покуда наконецъ все это пѣніе, утомивъ надзирательскій слухъ, вызывало благо-разумное: «Assez, mesdemoiselles... Eh bien, pour l'amour de Dieu!..»

Настроенныя на грустный ладъ, мы обыкновенно просились навѣстить больныхъ. Для молодости нѣтъ ничего несноснѣе нездоровья. Изъ лазарета часто долетали къ намъ записки, наполненныя самыхъ отчаянныхъ возгласовъ о тоскѣ разлуки, самыхъ преувеличенныхъ воззваній къ счастливицамъ, которыя на волѣ забываютъ, и проч. Кто просилъ списать стиховъ на память, кто требовалъ хоть такъ, сувенира; кто не считая себя въ средѣ живыхъ, спрашивалъ, уже нѣтъ ли перемѣнъ въ институтѣ и обожаютъ ли тамъ по прежнему? Тутъ же сводились счеты по части дружбы. Помню, когда мнѣ случилось быть больной, я бывала ужасно сердита.

Одну мою пріятельницу я постоянно доводила до слезъ. Разъ, подъ вліяніемъ лихорадки, я настрочила ей четыре страницы, гдѣ выговорила ей все, все...

«Divine, incomparable Olga! Vous m'abandonnez... vous qui étiez ma seule consolation dans cet abîme! Vous, à laquelle je confiais mes douleurs, où êtes-vous? Est ce donc ainsi que l'on aime? Quelquefois vous me chassez quand je viens vous demander quelque chose... Ah, au nom du ciel, que'est donc ce

mépris! Si vous saviez combien je suis jalouse! Si j'ai un billet de vous, ne tremblez point, il sera sous clef comme un trésor, personne ne le verra. Oh, que je vous idolâtre! Avec quel transport j'ai écouté aujourd'hui du fond de mon abîme quand vous avez chanté. Ange, descendu du ciel! Au nom de votre âme, envoyez moi à l'infirmier votre cahier de statistique pour B. Je sais que vous êtes capable de le donner à tout le monde excepté moi. Remettez à notre premier génie ma vilaine composition ci-joint, mais si elle en rit, je suis perdue!.. Heureuse, vous êtes en classe, et moi!.. Adieu, pardonnez-moi mon audace. Déchirez ce billet, il ne doit être vu de personne, ne conservez pas même les traces de mon existence.. Bien connue et bien détestée...

Меня спѣшили навѣстить. Съ своей стороны я была такая же усердная. Притомъ, идя въ лазаретъ, можно было зайти къ аптекарю и приобрести кусочекъ дѣвѣей кожи, или еще какой-нибудь дряни. А удовольствіе пошататься съ лѣстницы на лѣстницу? Оно чего-нибудь да стоило. Въ это лѣто на многихъ изъ насъ напалъ рѣшительный припадокъ дурачить-ся, хоть какъ-нибудь, да новенькимъ образомъ. Разъ мы втроемъ взобрались на чердакъ, и что это было за наслажденіе увидеть себя въ новомъ мірѣ! Громадный лабиринтъ переходовъ, безчисленное множество печей, перекладнѣ, слуховыхъ оконъ... только и видно, что небо да далекія московскія трубы!.. Шалость осталась втайнѣ. Но вслѣдъ за ней мы сдѣлали другую, которую оплакали горькими слезами. Наша компанія, убѣжавъ изъ саду, засѣдала на третьемъ этажѣ, въ каморкѣ у дортуарной горничной. Тамъ было чрезвычайно пріятно. Мы ѣли и посматривали въ окошечко. Изъ окошка былъ виденъ уголь глухаго переулка, а внизу (какъ это мы забыли!) приходился въ нашемъ саду балкончикъ изъ гостинной директрисы. Вдругъ въ переулкѣ показались гуляющіе, дама и мужчина. Дама была наша институтка, Лизе Василькова, за полгода передъ тѣмъ вышедшая изъ заведенія, потому что родные прискакали ей покуда жениха. Она уже была за-мужемъ, и шла подъ руку съ супругомъ. Мы ее за что-то терпѣть не могли... Завидѣвъ чету, мы съ крикомъ высунулись изъ окошка.

— Mesdames, Лизокъ идетъ, voyez c'est Лизокъ, est elle drôle, voyez!..

— Vos tabliers, mesdemoiselles, сказала, входя, инспектриса классовъ.

Она сидѣла на балкончикѣ съ маман, и тамъ видѣла все. Маман сама прислала наказать насъ. Мы заливались горькими слезами. Три дня сряду, даромъ что намъ давно уже возвратили передники, мы робко приходили въ корридоръ, къ кабинету маман, чтобы встрѣтить хотя ея взглядъ. Наконецъ, она насъ замѣтила.

— Pourquoi me donnez vous du chagrin, mesdemoiselles, à moi qui vous aimetant? сказала она.

Ея прощенье и улыбка сдѣлали насъ счастливыми на цѣлый мѣсяць.

Вообще объ эту пору институтская жизнь наша была гораздо легче прежней. Перебирая ее, я стараюсь не забыть самаго маленькаго случая, который бы стоилъ благодарной памяти. Такъ, вспомнивъ объ инспектрисѣ, спѣшу помянуть ее добрымъ словомъ. Объ эту пору въ большомъ классѣ она выказалась намъ съ такой хорошей стороны, какой мы не ожидали. Изъ самыхъ крайнихъ mauvais sujets она выбрала трехъ или четырехъ и взяла ихъ подъ свое покровительство. Ея гостинная отворилась для нихъ, какъ гостинная директрисы отворилась для *первыхъ*.

Во время вакаціи обыкновенно бывали еще два удовольствія: визитъ А—скаго института, и потомъ отдача визита.

А—скія приходили первыя. Это дѣлалось съ большимъ торжествомъ. Въ назначенный день, въ пять часовъ послѣ обѣда, одѣтыя въ новыя зеленыя камлотовыя платья и тонкія передники, имѣя при себѣ инспектрису, всѣхъ классныхъ дамъ и всѣхъ пепиньерокъ, мы выстраивались по отдѣленіямъ вдоль главнаго проспекта ведущаго отъ крыльца къ такъ-называемому маленькому саду. Въ боковомъ липовомъ боскетѣ стоялъ оркестръ Швейцарь, въ полной парадной формѣ, ждалъ у крыльца. Вдругъ, по данному полицеймейстеромъ знаку, двери на крыльцо отворились и музыка начинала польскій. Показывалось шествіе. Наша директриса и членъ совѣта, встрѣтивъ предварительно директрису-гостью, вводили ее въ садъ. За ними тянулася безконечная вереница гранатнаго цвѣта платьевъ, чужія классныя дамы, чужой экономъ, полицеймейстеръ. Гранатныя платьяца присѣдали на ходу, мы, стоя, присѣдали то же. Дойдя до маленькаго сада, директриса раскланивалась, мы трогались съ мѣста, и оба института, мигомъ, вразсыпную, покрывали извилистыя дорожки. Цѣлыя партіи шли въ аллеи, другія скорѣе иска-

ли скамейки. Въ саду даже было тѣсно. Но еслибы въ нашу толпу проникъ какой-нибудь наблюдатель нравовъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что тутъ-то и увидитъ умилительную *фратернизацию* юныхъ поколѣній, онъ былъ бы крайне огорченъ. Гранатное не мѣшалось съ зеленымъ. Въ маленькомъ классѣ это еще бывало, но въ большемъ почти нисколько. Мы находили что гостыи и неловки, и совсѣмъ нѣтъ хорошенькихъ, et qu'elles n'ont pas du tout l'air comme il faut. Вообще, при совершенномъ отсутствіи гордости между своими, мы твердо помнили, что нашъ институтъ не какой-нибудь А—скій, а повыше, и выше всѣхъ другихъ въ іерархіи женскихъ заведеній... Мы уходили своими компаніями, высоко поднимая голову. Кромѣ того, насъ занимало, какъ отличится въ этотъ день нашъ экономъ. Къ торжеству всегда готовились ведра шоколаду, вороха смородины, и даже дыни. Все это бывало превосходно, но чужой экономъ всегда какъ-то умѣлъ перещегоолять нашего... Музыка между тѣмъ гремѣла. Классныя дамы напоминали намъ, чтобы мы шли приглашать. Кадрили съ гостыями составлялись неохотно. По-немногу, однако, вечеръ одушевлялся, и къ той минутѣ, когда на небѣ вспыхивали первыя звѣзды, а мы доѣдали тартинки съ телятиной, то-есть вообще, къ минутѣ разставанья, праздникъ въ самомъ дѣлѣ принималъ видъ праздника...

Тоже самое происходило и при нашемъ визитѣ сосѣдкамъ. Разъ однако была варіація. Нашла громадная туча и насъ поторопили домой. О, какъ было весело! Сумерки набѣгали все темнѣе и темнѣе, полуверстное пространство между строе-ніями институтовъ такъ и исчезло подъ стадомъ институтокъ... Только и мелькали что бѣлыя пелериночки, да бѣлые переднички... Ударилъ громъ и все пустилось бѣгойъ, вскачь, и швейцаръ и классныя дамы, и начальство... Чудо какъ было весело!..

Наконецъ, вотъ подѣрался и онъ, послѣдній годъ курса. Задумавшись надъ учебникомъ, мы выводимъ его цифру... На душѣ все сильнѣе растетъ и радость, и печаль... Мы учимся очень прилежно; каждая спѣшитъ наверстать потерянное время. Дружба наша пылаетъ до того ярко, до того восторженно, что намъ кажется будто мы развели ея неугасимый огонь... А между тѣмъ, это ея послѣднія вспышки.

Мы не предчувствуемъ этого, какъ и не замѣчаемъ многого, хоть бы того, напри-мѣръ, что мы стали несравненно хуже...

Намъ кажется, что въ насъ выросли прекрасныя силы, энергія, стойкость мнѣнія... Ничего этого нѣтъ; мы только стали несправедливы. Мы дошли до этого постепенно. Сперва безответность, а тамъ, для самосохраненія—ложь; изъ удачной лжи—способность хитрить; а при этой увертливой и какой-то насмѣшливой силѣ, могли ли мы уважать тѣхъ, кого обманывали своею хитростью? Съ ужасомъ скажу, мы ихъ презирали. И когда подумаешь, что эта нравственная порча выросла изъ чего жь?—изъ чистѣйшаго вздора, изъ придирокъ къ пустякамъ! Вспоминая совершенно безпристрастно какъ нашихъ старшихъ, такъ и насъ самихъ, мнѣ бы даже хотѣлось найти за нами крупныя вины, крупныя пороки, чтобъ оправдать тѣхъ... Ну, хотя бы грубое своеволие, врожденную дерзость (такихъ было едва ли двѣ-три во всемъ институтѣ); ну, хотя-бы, наконецъ, неслыханный между дѣвицами порокъ—воровство, или, — чудеса изъ чудесъ подъ замками института, — любовная исторія... Но преступленія нѣтъ и нѣтъ — и я ищу напрасно.

Мелочами началось, мелочи и довершили зло. Мы сами стали несправедливы,—и странно, именно къ концу институтской жизни, когда классныя дамы смягчили свое обращеніе. Можетъ-быть, эта самая милость, вмѣстѣ съ памятью гоненій и изрѣдка еще воздвигаемыми гоненіями, произвели наше новое чувство. Стыдно сказать, мы почти не выносили даже дѣльнаго замѣчанія. Наконецъ, мы метили,—глупо, недостойно, но какъ было въ нашихъ средствахъ. Разъ, шестнадцатилѣтнія дѣвушки, мы высыпали цѣлую солонку въ супъ Вильгельмины Ивановны, кажется, только за то, что она лишній разъ сказала: «tenez-vous droite». Вильгельмина Ивановна съѣла, мужественно съѣла, глядя намъ въ глаза. Ей не хотѣлось лишней ссоры. Изъ насъ никто не попросилъ прощенья. Въ этотъ послѣдній годъ мы нанесли Вильгельминѣ Ивановнѣ много печали. Чего отъ роду не бывало, мы пожаловались на нее директрисѣ. Преступленіе ея было самое обыкновенное, совсѣмъ въ ея нравахъ. На эту простую и снисходительную женщину напалъ припадокъ строгости. Она была въ дурномъ расположеніи духа, и въ свободное время усадила насъ на мѣста. Мы и точно что-то разшумѣлись.. Тогда она разбранила насъ всѣхъ «vilaines, показала языкъ и зашикала. Мы не вытерпѣли, хотя ея выходка; скорѣе смѣшная чѣмъ грозная, могла кончиться мировой. Помню, это случи-

лось на масляницѣ, въ тотъ день, когда насъ обыкновенно возили катать подѣ Новинское. Мы собрались въ классную комнату. Вильгельмины Ивановны тамъ не было. Все отдѣленіе страшно волновалось. — «Mesdames, il faut nous plaindre, c'est abominable» раздавались крики на всѣхъ лавкахъ. — C'est l'affaire de la première... Marie, allez, allez tout dire à maman, puisque vous êtes la seule qu'on épargne... Послѣ долгихъ споровъ наконецъ порѣшили. *Первая*, съ тремя ассистентками, отправилась къ маман. Всѣ онѣ дрожали какъ листъ. Какъ-то было и униженительно жаловаться, и стыдно что пошли съ жалобой, не предупредивъ открыто Вильгельмины Ивановны, но дѣло было сдѣлано. Дѣвицы вошли въ кабинетъ директрисы. Тамъ сидѣла она, и совсѣмъ неожиданно, сама Вильгельмина Ивановна. Она казалось убитой. Но присутствіе ея придавало силы поблѣднѣвшей депутаціи; по крайней мѣрѣ, судьба устроила такъ, что жалоба приносилась по крайней мѣрѣ въ присутствіи самой отвѣтчицы. — «Что вамъ нужно, mesdemoiselles?» спросила директриса. — «Я очень рада, что Вильгельмина Ивановна здѣсь, начала Marie: — первое отдѣленіе притѣсняютъ, маман...»

Задыхаясь, она выговорила все. Вильгельмина Ивановна не произнесла ни слова. Директриса выслушала, и спокойно повелительнымъ жестомъ приказала имъ идти. Что произошло между ею и классною дамой, мы не узнали. Вильгельмина Ивановна никогда не помянула намъ о жалобѣ. Думаю только, что самолюбіе ея должно было сильно страдать, когда исторію узнали прочія классныя дамы, вдесятеро хуже ея...

Въ тотъ же день насъ повезли подѣ Новинское. Садясь въ кареты, мы были очень удивлены, когда маман отдала приказъ, что кромѣ первой ученицы, которая всегда уже ѣздила съ нею, поѣдетъ съ ней еще другая. Назначена была одна изъ депутаціи. Эта дѣвица никогда не ѣздила съ маман... Помню, что и тогда выборъ показался намъ не совсѣмъ ловкимъ... Если нашъ поступокъ стоилъ дѣльнаго вниманія, все же онъ не стоилъ награды...

Маленькое недовольство собою и какъ будто сомнѣніе въ совершенномъ правосудіи нашей высшей власти оставили насъ очень скоро. Въ этотъ послѣдній годъ мы уже до того привязались къ нашей директрисѣ, что и помыслить не могли о ней дурнаго... Богъ знаетъ чѣмъ, но эта женщина закупала наше сердце. Если намъ особенно нравилось быть въ ея гостиной, то потому что она была тамъ сама, и привѣтливо

кивала намъ головою. Гостей къ ней пріѣзжало не много, составлялись танцы, участвовали и мы, но очень мало и робко. Въ ея именины и рожденіе мы дѣлали ей сюрпризы. Особенно мнѣ памятливы живыя картины этого послѣдняго года. Костюмы были взяты изъ театра; гостиная директрисы уставилась декораціями. Мы придумали три картины: *Аполлонъ и Музы*, *Наталья Доморокурова* и *Розьерка*. Спектакль едва-едва удался, потому что мы всё перессорились. Фанни Каменецкая, которая должна была представлять Розьерку, вдругъ закапризничала. Что это за глупости! Что за коронованіе добродѣтели! Надо было скорѣе найти другую. Аполлонъ чуть было совсѣмъ не пропалъ, потому что поссорился съ Анной Степановной, а первая ученица, которая въ заключеніе должна была произнести стихи, совсѣмъ ихъ забыла. Она вышла, присѣла и не сказала ни слова. Только смѣхъ директрисы возстановилъ общее веселье.

Праздникъ этотъ былъ въ началѣ года, а два мѣсяца спустя у директрисы случилась страшная семейная неприятность, и потомъ трауръ. Оба эти обстоятельства взволновали весь институтъ. Директриса была въ отчаяніи, она не помнила себя, ничего на свѣтѣ. Мы плакали потихоньку, точно будто на все первое отдѣленіе надѣли трауръ. Проходя мимо ея комнаты, мы слышали плачь и крики... Не могу сказать, какой ужасъ напалъ на насъ... Такъ продолжалось нѣсколько дней. Помню свое тогдашнее чувство,—престранное. Мнѣ было очень жаль татап, но я обходила подальше ея комнаты, чтобы не видать ее, и главное, чтобы она меня не видала. До такой степени мы чувствовали себя безсильными смотрѣть на горе и сказать искреннее слово. Искренность была въ душѣ, но стѣсненіе запрятало ее глубоко. Мы понимали, что къ этой женщинѣ, которая рветъ на себѣ волосы, нельзя подойти съ книсенкомъ и поцѣловать ручку; а подбѣжать, броситься на шею мы не умѣли. Пойметъ ли меня кто-нибудь изъ тѣхъ, кто выросъ на свободѣ? Не знаю, но такъ было со мной, и съ большею частію изъ насъ. Послѣ первыхъ, отчаянныхъ минутъ, татап пожелала насъ видѣть. Эти слова, а отнюдь не приказаніе явиться, передала намъ ея внучка. Классъ понялъ такимъ образомъ, что надо идти только *первымъ*, потому что онѣ ея обычныя посѣтительницы. Свиданіе этихъ *первымъ* было тягостно. Дѣвушки большею частію тоскливо молчали и спѣшили уйти назадъ. Изъ нихъ Marie ходила къ дирек-

трисѣ чаще вѣхъ. Она была ея любимица, знала это, но также какъ и другія, не могла пересидить свою тягостную робость.

Такъ прошло дней десять. Въ одно утро мы застали Магіе и Настеньку въ большихъ совѣщаніяхъ. Совѣщанія сперва были тайной, но когда намъ ихъ сообщили, мы пришли въ восторгъ. Наши *перевы* собирались написать стихи. Въ этихъ стихахъ должны были выразиться «чувства институтокъ къ страдающей маманъ.» На бумажкѣ уже было изображено заглавіе: «Плачь и утѣшеніе.» Затѣмъ приемованныя строчки, перема- ранныя, потомъ опять строчки:

«Нашъ ангелъ, наша мать, подъ чьимъ благимъ покровомъ,
Мы такъ цвѣли, такъ счастливо росли,
Ты страдаешь, крестъ несешь...»

и прочее. Потомъ строчки покорооче:

«Отлетѣвшаго ей сына
Покажи на небесахъ,
Безъ печали, безъ кручины,
И въ сіяньи и въ лучахъ...»

Мы заахали. Такъ у насъ были свои поэты!

Стихотвореніе было написано и поднесено. Директриса плакала. Не мудрено, когда такъ шевелили ея раны...

Но повѣрять ли, что приемоплетство-то было искреннее? Да, вполне искреннее. Оно было послѣдствіемъ нашего бѣднаго, извращеннаго чувства, которое умѣло высказаться только въ какой-нибудь официальной формѣ...

Магіе торжествовала. Хотя стихи были не ея мысль, а Настеньки, но она ихъ написала. Они понравились. Бѣдный поэтъ и не подозрѣвалъ, что надъ нимъ собирается гроза...

Не понимаю, что сдѣлалось вдругъ съ Анной Степановной. Магіе была въ ея дортуарѣ. Съ тѣхъ поръ какъ она заняла свое первое мѣсто въ отдѣленіи, постоянно отличенная учителями, инспекторомъ, посѣтителями, всегда на первомъ планѣ въ пріѣздъ царской фамилии, съ тѣхъ поръ Анна Степановна стала называть ее «своею гордостью». Въ ея дортуарѣ былъ будущій *первый шифръ*; Анна Степановна могла, пожалуй, говорить, что это свѣтило всѣмъ обязано ей, ея неуспыннымъ

трусамъ и заботамъ... Ссора съ такою дѣвушкой, казалось, была бы неумѣстна, хотя бы для собственного самолюбія Анны Степановны. Но ссора, однако, началась, и безъ малѣйшей причины.

Характеръ Анны Степановны рѣзительно ускользалъ отъ насъ, когда намъ хотѣлось сообразить его. Она перепробовала надъ нашимъ отвлеченіемъ самыя разнородные способы обращенія, выказала свой умъ, свое сердце съ самыхъ неожиданныхъ сторонъ. То страшное запугиванье, то кичливость передъ дѣвчонками, то вдругъ безсиліе власти до унынія, до униженія; маленькая, не нужная лесть, внезапныя, изъ мѣры выходящія ласки со вчерашнимъ врагомъ, похожія и на лицемѣріе и на глубокое, проснувшееся чувство,—все одно за другимъ, часто все вмѣстѣ, выказанное въ одинъ и тотъ же день надъ разными личностями ея класса. Анна Степановна была неуловима. Можетъ-быть изъ всѣхъ классныхъ дамъ она была самая нелюбимая. Въ ней не было прямоты. Теперь, когда я о ней думаю, мнѣ, просто, кажется, что Анна Степановна страдала тщеславіемъ и маленькимъ *esprit d'intrigue*. Недостатки эти, до того обыкновенные въ обществѣ, что едвали не считаются тамъ невинными, прекрасно и почти безвредно разошлись бы тамъ на разныя разности,—на желаніе нравиться, перецеголовать соперницу, отмстить ей,—на увлеченіе передъ знатью и деньгами,—на сплетню со всѣми ея тревоженіями, страхомъ, что узнають, и предестью мѣткого удара. Наконецъ, въ свѣтѣ, Анна Степановна могла бы точно полюбить, быть любимой, успокоиться среди домашнихъ заботъ,—кто знаетъ?—измѣниться совсѣмъ... Но въ четырехъ стѣнахъ института, это было совсѣмъ не то. Непокойная душа Анны Степановны металась, отыскивая пищи, наносила вредъ себѣ, страшно портила иныхъ, и, наконецъ, всѣхъ сбивала съ толку.

Въ исторіи съ Marie она выказалась вполне. Въ одинъ прекрасный день, Анна Степановна начала коситься, такъ, ни съ чего. Взгляды были знаменательны. Marie, уткнувшись въ книгу, не обращала вниманія. За взглядами насталъ повелительный голосъ; та терпѣла. Положеніе все становилось грознѣе, желаніе снять передникъ все отчетливѣе, но не было ни случая, ни причины, да они не могли и придти. Классъ недоумѣвалъ. Пріятельницы ломали головы, и наконецъ открыли дѣло: Анна Степановна приревновала Marie къ директрисѣ. «Но какъ же такъ невзначай? Почему, когда прежде Анна

Степановна и не думала о Marie и вовсе не любила ея..?) и т. д. Толковъ было много.

При моемъ сильнѣйшемъ желаніи найти въ Аннѣ Степановнѣ хорошія стороны, я готова даже сдѣлать натяжку: я хочу вѣрить, что ея возмутительное обращеніе съ Marie было точно слѣдствіемъ ревности. Рядомъ съ ней любили другую; любовь эта въ послѣднее время стала такъ очевидна, о директрисѣ плакали, за нее молились... Можетъ-быть, Аннѣ Степановнѣ вдругъ стало очень тяжело, очень завидно... Но злое чувство взяло верхъ...

Дѣло было на Святой недѣлѣ. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, Анна Степановна какъ будто немножко унялась. Подошла пятница. На другой день мы должны были опять ѣхать подъ Новинское. Катанье мы считали праздникомъ изъ праздниковъ. Какъ дорого намъ было это удовольствіе, можно судить по слѣдующему обрацику. Годъ передъ тѣмъ, во время масленицы, въ Москвѣ была какая-то эпидемія, въ родѣ гриппа. Нашъ докторъ пришелъ въ классъ объявить, что кататься не пустить. «*Monstre épouvantable!*» раздалось со всѣхъ сторонъ. «*Mesdames, запустимте въ него башмаками,*» сказалъ кто-то на моей лавкѣ. Орудіе было уже въ рукахъ. Но докторъ былъ человѣкъ весьма вѣжливый. Онъ пріятно улыбнулся всей компаніи и на башмаки, и шаркнувъ ножкой, поскорѣе юркнулъ въ корридоръ.

Зато, объ эту послѣднюю Святую, погода стояла великолѣпная, здоровая, и мы непременно должны были кататься. Наканунѣ, мы гуляли въ саду. Marie твердила уроки, но вдругъ почувствовала небольшую головную боль. Она ушла въ дортуаръ и прилегла на полчаса. Когда всѣ воротились въ классъ, пришла и она. (Не помню, по какому случаю, мы проводили послѣдніе дни Святой не въ дортуарѣ, а въ классахъ.)

— Вы больны? спросила Анна Степановна, встрѣчая Marie съ значительною ужимкой.

— Нѣтъ, благодарю васъ, моя головная боль прошла, и я совсѣмъ здорова, отвѣчала та, и взялась за книгу.

Анна Степановна помолчала.

— Вы больны, произнесла она опять, черезъ минуту, и такъ настоятельно, что мы отложили перья и тетради.

Marie подняла голову.

— Да, и скрываете нарочно. Вы очень блѣдны; по лицу видно, что скрываете.

— Увѣряю васъ, я здорова, возразила Magie:—я всегда блѣдна, это не новость.

— Извольте идти въ лазаретъ.

— Зачѣмъ?

— Извольте идти и оставаться тамъ.

— Но завтра катанье, замѣтила Magie, удивляясь все болѣе и болѣе.

— Изъ этого ничего не слѣдуетъ; вы больны, вамъ нельзя кататься...

— Напротивъ, Анна Степановна, докторъ говоритъ, что мнѣ воздухъ необходимъ...

— Я ничего не знаю, что вамъ необходимо, прервала ее Анна Степановна:—я знаю только, что я вамъ приказываю идти въ лазаретъ.

Magie вопыхнула.

— Но меня не примутъ, возразила она:—докторъ тотчасъ увидитъ, что я здорова, и что тутъ другія причины.

Мы сидѣли тихо, тихо. Прошло нѣсколько секундъ.

— Ну что же? сказала Анна Степановна, показывая на дверь.

Magie встала съ своего мѣста.

— Послушайте, Анна Степановна, сказала она:—если я, здоровая, завтра не буду кататься, всѣ будутъ вправѣ подумать, что я сдѣлала Богъ знаетъ какую вину. Кататься не пускаютъ только самыхъ отъявленныхъ лѣнивицъ, только самыхъ дерзкихъ mauvais-sujets; вы это сами знаете... Да и тѣхъ другія классныя дамы прощаютъ для такого дня... Кажется, я ни въ чемъ не виновата, за что вы меня наказываете?..

— Allez vous plaindre à maman, зашептали мы.

— Это несправедливость, это кровная обида, продолжала Magie, выходя изъ себя:—я сошлюсь на весь классъ. Лазаретная дама не повѣритъ, докторъ не повѣритъ, чтобы меня прислали не по-дѣломъ, что это ваша прихоть; я не хочу терять въ ихъ мнѣніи...

— Какъ вамъ будетъ угодно. Извольте идти, прервала ее Анна Степановна очень твердо.

Вся дрожа отъ гнѣва, Magie накинула пелеринку и вышла. Случилось такъ, какъ она ожидала.

— Зачѣмъ же васъ прислали, сударыня? встрѣтила ее лазаретная дама, улыбаясь и покачивая головой.—Дурно извольте вести себя, вѣрно... Еще Анна Степановна добра; менажи-

руеть васъ въ глазахъ отдѣленія. Могла бы, просто, оставить въ классѣ, а то придумала благовидный предлогъ, болѣзнь будто бы...

Она смѣялась. Приѣхалъ докторъ, и пожалъ плечами.

— Ночуйте въ лазаретъ и пробудьте завтра, сказалъ онъ. — Вѣроятно ваша классная дама имѣетъ на это свои уважительныя причины.

День въ лазаретъ прошелъ, Marie не каталась. Съ этого дня, она дала себѣ клятву, что не вымолвить съ Анной Степановной ни слова до самого выпуска. Анна Степановна и сама не хотѣла съ нею говорить. Она глядѣла на дѣвушку непостижимыми глазами. Оба врага, съ искусствомъ достойнымъ лучшаго употребленія, стали обходить самомагнѣшіе случаи относиться другъ къ другу. Ни лишней встрѣчи, ни лишняго поклона, ни даже движенія головою въ ту сторону, откуда могъ слышаться неприятный голосъ.

Мѣсяцъ онъ выдержали такимъ образомъ. Marie начала худѣть. Стѣсненіе цѣлаго дня разрѣшалось вечеромъ слезами злобы и тоской, что завтра будетъ то же. Анна Степановна, должно-быть, тоже, на просторѣ, давала себѣ волю. Одинъ разъ, позвавъ къ себѣ безответную Дунечку Ярославцеву, она излила передъ нею свое сердце. Дунечка стояла молча, принимая новыя пелеринки, которыя надо было раздать дортуару и помѣтить.

— Vous êtes une ame angélique, сказала вдругъ Анна Степановна, въ волненіи обнявъ ее. — Mais l'autre... l'autre... elle est horrible... ah, ce que je sens en sa présence!

Дунечка передала разговоръ... У Marie былъ странный характеръ, какой-то неопредѣленный: смѣшеніе робости съ порывами сильнаго гнѣва, настойчивости съ терпѣніемъ, доходившимъ до апатіи... Когда она услышала новость, ее забила лихорадка. Мы, наконецъ, перестали понимать, чтò это такое. «Поди разбранись съ Нерономъ», совѣтовали одни. «Проси прощенья, если тебѣ такъ тяжело», говорили другія.

— Прощенья? да въ чемъ же? вскричала она. — Я пойду, я объяснюсь, узнаю...

У нея побѣляли губы, она была страшна. Дѣло происходило въ дортуарѣ; мы ложились спать. Marie довольно твердо подошла къ комнатѣ Анны Степановны. Мы ждали. Минуть съ десять она еще постояла у двери и наконецъ рѣшилась войти.

Анна Степановна, кажется, первую минуту не повѣрила глазамъ.

— Что вамъ нужно? спросила она.

— Я пришла спросить, за что вы меня ненавидите? сказала Marie.

— Ненавижу? я? Кто это меня оклеветалъ?

— Вы говорили mademoiselle Ярославцевой...

— Спирту, спирту, гдѣ мой флаконъ!.. вскричала Анна Степановна, опрокидываясь въ кресла.

Marie бросилась къ столику. «Комедія», промелькнуло въ ея головѣ, и сунувъ флаконъ, въ негодованіи, съ пылающими глазами, она выбѣжала вонъ.

Бѣдная Ярославцева чуть не схватила горячку. .

— Зачѣмъ ты на меня сказала? повторяла она среди бессонной ночи.

— Но, наконецъ, что же я должна дѣлать?.. спрашивала Marie.

На завтрашній день, оба врага опять принялись за прежнее. Ни слова другъ съ другомъ, ни встрѣчи, ни объясненій. Такъ прошелъ мѣсяцъ и еще мѣсяцъ. Marie страшно похудѣла и даже подурнѣла отъ постоянного выраженія злобы. Исторія ея до того затянулась, молчаніе не нарушалось такъ долго и такъ упорно, что молодая дѣвушка, наконецъ, пришла въ ужасъ. Будетъ ли выходъ изъ этого положенія? Долженъ ли онъ быть? «Зачѣмъ, зачѣмъ я не пожаловалась папанъ?» говорила она, ломая пальцы.

Въ ней явилось даже какое-то раскаяніе.

— Ну, что я, попросту не сказала: ayez la bonté de me pardonner... Но, да въ чемъ же?..

Разъ, ей стало до такой степени тяжело выносить свою молчаливую битву, что мы встрѣтили ее у дверей Анны Степановны. Marie шла въ самомъ дѣлѣ просить прощенья.

Но той не было дома. А на другой день, какъ нарочно, сама Анна Степановна еще хуже испортила свое дѣло. Она вышла на дежурство особенно горделивая и сердитая. Мы пришли въ классъ. Передъ началомъ всегда читалась глава изъ Евангелія. Очередь была за Marie. Она взяла книгу, но Анна Степановна остановила ее грознымъ жестомъ.

— Allez, vous n'êtes pas digne de lire l'Évangile... lisez, mademoiselle Fanny...

— А, когда такъ... проговорила молодая дѣвушка.

И она еще сильнѣе повторила свою клятву.

Пришла вакація, а онѣ все молчали. Такъ какъ человекъ привыкаетъ ко всему, то и Marie привыкла къ своему странному положенію. Она даже успокоилась, стала весела, и тихо занималась уроками. Вакація была не хуже предыдущей; грустнаго было только то, что двѣ славныя дѣвушки изъ нашего отдѣленія оставили институтъ. Мы горько ихъ оплакали, но отъ прежнихъ подругъ безпрестанно летали записочки самаго нѣжнаго содержанія. Мы, какъ обыкновенно, сидѣли въ аллеяхъ. Дѣла было много, и потому тѣнистые своды липъ оглашались прилежнымъ жужжаньемъ. Лучшимъ способомъ запомнить мы находили ученье вслухъ и зажавъ уши. Другія находили, что моціонъ въ этомъ случаѣ полезнѣе, и мѣрили аллей до сумерекъ.

Ходишь... ходишь... Но вдругъ книга забыта, глаза смотрятъ въ другую сторону... Со стороны мелькаетъ наша тѣнь... такая тоненькая, граціозная. Какъ бы повернуться такъ, чтобы она стала еще граціознѣе?.. Какъ бы убавить корсетъ, чтобы въ талии было девять вершковъ? Очаровательные девять вершковъ! Только у Фанни во всемъ институтѣ такая фигурка! Не даромъ Санковская, какъ увидала Фанни, назвала ее сильфондой... А личико? Какъ бы такъ похорошѣть!.. Говорятъ, сокъ изъ бузины хорошъ отъ загара; чернильные пятна онъ выводитъ, правда, но это что-то скверно...

Буало и Массильонъ, патриархъ Никонъ и десятичныя дробы, конституція Англіи и *paravegasées*, все вылетѣло изъ головы, какъ птички изъ клѣтки...

Намъ шестнадцать лѣтъ: кажется этимъ все сказано. Хочется нравиться кому-то—нужды нѣтъ, что кругомъ нѣтъ никого... Кого-то даже любишь... У него будутъ огненные глаза и кудрявые волосы...

Изъ боковой аллеи летитъ записка... Тамъ занимаются тѣмъ же.

«*A quoi songez vous? dites le tout de suite. Avouez tout, et vous aurez aussi ma confiance...*»

Но за ней другая: «*Incomparable, veuillez me dire ce qu'il y a de plus sublime dans les Martyrs? Le repas libre ou le discours d'Eudore? Excusez mon audace...*»

Литературный вопросъ возвращаетъ къ дѣйствительности. Какъ много въ ней печальнаго! Хотя бы, напримѣръ, вотъ эта книжка логики... Въ ней страничка о рогатыхъ силлогизмахъ;

о нихъ еще шесть лѣтъ тому назадъ твердилъ нашъ первый педагогъ. Теперь опять сдѣлогизмы передъ глазами, и мы все ихъ не понимаемъ. И какъ нарочно, книжекъ этихъ накоплено тьма; нельзя отговориться, что не почемъ выучить.

— «Mesdames, куда дѣвать логику? спросилъ кто-то однажды въ аллеяхъ.

Но прежде чѣмъ мы успѣли отвѣчать, одна книжка уже летѣла въ прудъ, за нею нѣсколько другихъ...

— Bravo! bravo, пусть учатся лягушки! Утопленница! Кто вытащить?.. Тащите, mesdames!

И веселые крики огласили воздухъ...

Если бы только не эта логика, нашъ русскій учитель имѣлъ бы въ это время много обожательницъ. Напримѣръ, во сколько разъ бывало пріятнѣе твердить предиктованныя имъ тетрадки! У насъ было до полусотни билетиковъ, которые мы вынимали на удачу и бойко отвѣчали на каждый... «О изобрѣтеніи мыслей»... «Какія могутъ быть начала или приступы сочиненій повѣствовательныхъ?» и т. д. Потомъ, тетрадь поэзіи. Помню, что на приватномъ экзаменѣ я даже отличилась: такъ крѣпко вытвердила «понятіе объ одѣ философической,» и затѣмъ примѣръ изъ Державина, начало оды «на возвращеніе графа Зубова изъ Персіи».

О юный вождь, сверша походы,
Протекъ ты съ воинствомъ Кавказъ, и т. д.

Мариэ и Настенька особенно въ это лѣто занимались русскою словесностью. Какъ я уже сказала, это былъ любимый предметъ Настеньки. Учитель передъ вакаціей предложилъ намъ множество темъ для сочиненій, и наши *первыя* разбирались въ этомъ богатствѣ. Чтò написать? «Избраніе ли на царство Михаила Ѳедоровича» или «Убіеніе Царевича Димитрія?» Разборъ ли *Тельми эскизи* Пушкина или поучительное сочиненіе о чувствительности притворной и истинной?.. Должны были сочинять всѣ, и мы толпами осаждали нашихъ мудрецовъ. Что будетъ полегче: «Утренняя молитва» или «Гнѣвъ»? Настенька совѣтовала обработать «утреннюю молитву» какъ сочиненіе описательное, то-есть съ восходомъ солнца, а изъ «Гнѣва» сдѣлать разказъ.—«Тутъ можно наговорить много отличныхъ вещей, прибавила она:—да эти сюжеты легки, и мнѣ хочется чего-нибудь потруднѣе.» Она насъ одушевила. Мы бойко взялись за перья и заглянули въ тетрадь реторики.

Тамъ о концѣ описаній сказано было много. 1. Обращаться къ предмету съ прекраснымъ желаніемъ; 2. если описаніе напоминало о близкомъ подобіи или противномъ, то оканчивать уподобляемымъ или главнымъ противнаго предметомъ, или близкимъ примѣненіемъ; 3. окончить высокою, разительною истиной...

Противнаго мы не желали,—но гдѣ было взять разительную истину къ концу листочка? Богъ Всемогущъ—превосходно. Утренняя молитва окончена и подписана.

Но покуда мы довольствовались малымъ, Настенька и Marie творили чудеса. Онѣ отбросили всѣ учительскія темы, потому что Настенька растолковала Marie нѣчто объ ихъ правѣ на свободное творчество. Это былъ намекъ на стихи, посвященные маман. Затѣмъ объ приступили къ двѣмъ. Стихотворенія такъ и полились. Тутъ были и Голгоа, и Бородино, и Птичка, и Буря,—цѣлыя тетради. Показали маман, она расцвѣловала; пріѣзжалъ учитель, онъ похвалилъ и поощрилъ; какой-то гость у маман выразился, что эти таланты несравненно выше Пушкина... Настенька была счастлива. Ея радость электризовала и Marie. Тогда общими силами онѣ принялись уже за новый родъ поэзіи. Онѣ написали историческую драму, и едва кончили, какъ задумали уже другую. Первая была изъ временъ Петра, другая должна была осуществиться въ видѣ громадной трилогіи и называлась Іоаннъ III.

Мы только читали и ахали. Восторгъ охватилъ весь классъ, и чуть мы не зацѣли сами. По крайней мѣрѣ наши записки къ гениямъ были очень похожи на поэтическія пѣсни.

«Pourquoi le don de la poésie ne m'est-il pas donné et que ne puis-je célébrer en des chants harmonieux les vertus sublimes de mon adorée Marie! Délicieuse et *immortelle* poète, honore moi d'un petit écrit de ta main, et pardonne ce galimathias; il vient d'un être qui a perdu le cerveau...

«Anastasie, savez vous que si j'étais à votre place mon nom serait absolument parmi les rangs des poètes? Heureuse Nastinka, pourquoi chercher un autre moyen pour vous illustrer? Il y aura peut-être un temps, où je me compterai heureuse de vous avoir connue et d'avoir parlé à une femme poète. Oh, que je vous envie! Dieu qu'il est beau, votre monologue de la jeune et candide Kete Rabe quand elle salue l'aurore et attend l'arrivée du vertueux pasteur Gluck... Ah! j'en ai rêvé toute la nuit...

И многое тому подобное. Онѣмъ хотя и не очадилъ Marie,

но выгналъ изъ ея головы заботу о ссорѣ съ Анной Степановной. Ссора все-таки продолжалась, и вдругъ напомнила о себѣ. Въ одно утро, когда, по обыкновенію, Marie ходила у пруда съ карандашомъ и тетрадкою, ей подали записку.

Она была отъ Фанни. Фанни готовилась покинуть институтъ, потому что зима въ Москвѣ предстояла веселая, и она намѣрена была выѣзжать. До выпуска оставалось немножко больше полу-года, но Фанни закапризничала. Она мигомъ уговорила родныхъ, и въ одинъ прекрасный день объявила властямъ *qu'elle quitte la hideuse couronne*. Ей уже шли множество нарядовъ, она не ходила въ садъ, а посиживала съ Анной Степановной. Та, въ свободные дни, была совсѣмъ къ ея услугамъ, рыскала по лавкамъ, покупала, мѣняла, хлопотала. Онѣ были очень дружны...

«Marie (гласила записка), *allez demander pardon à A. C. Hier elle m'a dit, que même le jour de sa fête vous n'avez pas voulu la voir.*»

Marie опустила руки: она ничего не понимала. Вслѣдъ за этимъ посланіемъ пришло другое, отъ одной недавно-вышедшей пріятельницы. Анна Степановна была въ гости у ея матери. Пріятельница писала конфиденціально.

«*Mon ange, qu'est ce que cela que vous coûterait de lui dire que sa froideur vous fait de la peine? Rien que ces simples paroles. Croyez-moi, elle serait déjà à vos pieds. Je ne vous l'aurais pas dit si je n'en étais tout-à-fait sûre. Elle attend une parole de vous... Hier elle a fait sentir que cette seule parole suffirait pour...* vous me comprenez...

— Не вѣрь, закричали мы хоромъ, увидавъ записку,—не вѣрь!

Marie однако заплакала. На нее напалъ страхъ, который мы тогда раздѣлили съ нею. Четырехмѣсячная ссора, передъ выпускомъ,—а въ поведеніи аттестуетъ Анна Степановна! Она можетъ наговорить такихъ чудесъ! Положимъ, директриса не повѣритъ, и Вильгельмина Ивановна заступится, она добрая; но Вильгельмина Ивановна вѣдь не прямая начальница. Анна Степановна можетъ настаивать на томъ, что у ея ученицы дурной характеръ; выдуть споры, скандалъ... Ужь если не совсѣмъ лишать шифра, то дадутъ послѣдній, потому что надо же будетъ все-таки уважить Анну Степановну... Marie очень дорожила своимъ будущимъ первымъ шифромъ, потому что о немъ мечтали ея родные.

Ее опять взяла тоска. Но какъ мириться? Чтò сказать? Просить прощенья,—но вѣдь это нелѣпо!

Думая и думая, Marie чуть не слегла въ постель. Послѣ каждаго дежурства Анны Степановны, засыпая, она начинала бредить ея лицомъ. Исторія, казалось, не могла уже имѣть исхода... Но вдругъ ее развязалъ непредвидѣнный и счастливый случай.

У Marie былъ родственникъ, пожилой вдовецъ, котораго она не видала цѣлый годъ. Прежде, навѣщая ее въ институтѣ, онъ постоянно бывалъ любезенъ съ Анной Степановной, не пропускалъ случая сказать ей комплиментъ; пожалѣть, что она не участвуетъ въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, поразказать московскія и петербургскія новости. Онъ всегда просилъ позволенія пройти въ комнату Анны Степановны, чтобы пользоваться ея обществомъ и видѣть племянницу на просторѣ. Теперь этотъ родственникъ пріѣхалъ.

— Дядя, дядя, тихонько закричала Marie, увидавъ его въ пріемной залѣ. Она наскоро передала ему все.—Умоляю васъ, устройте какъ-нибудь, помирите насъ.

Родственникъ улыбался.

— Но чтò же мнѣ дѣлать, моя душа? Вы женщины—такія милыя капризницы, что васъ понять трудно.

— Чтò хотите, то и говорите ей, дядя, лишь бы поправить мою бѣду.

Тотъ всталъ.

— Такъ сиди здѣсь, сказалъ онъ, смѣясь:—я пройду къ Аннѣ Степановнѣ, а потомъ попрошу кликнуть тебя...

Немного погодя, Marie уже входила въ комнату своего врага. Анна Степановна казалась очень оживлена и вовсе не сердита.

— Мнѣ грустно, началъ родственникъ,—если какое-нибудь недоразумѣніе заставило васъ подумать, что моя племянница не любитъ васъ, или что-нибудь подобное... Наконецъ, молодость, вы сами знаете, чтò такое молодость? Простите ее.

— Вашу племянницу! Marie, мою безцѣнную Marie, мое дѣтя! О, но вы не знаете какъ я люблю вашу племянницу!

Она вскочила, схватила остолбенѣвшую дѣвушку, поцѣловала ее въ плечо и потянула къ себѣ на колѣни.

Примиреніе длилось съ полчаса. Marie цѣловала Анну Степановну. Родственникъ наконецъ уѣхалъ.

Такъ прекратилась эта странная институтская исторія, едва ли возможная въ другихъ нравахъ. Воротясь къ намъ, Магге казалась сконфуженной и грустною. Мы тоже были какъ-то недовольны. Всѣмъ казалось, что дѣло рѣшено не ладно; но какъ надо было поступить, не придумалъ никто. Впрочемъ, эта мысль заняла насъ не на долго. Подошелъ день выхода Фанни, и вниманіе наше обратилось на эту разлуку.

Она вылетѣла такая нарядная, прекрасная, проливъ нѣсколько жемчужныхъ слезинокъ. Мы плакали и восхищались ея шляпкой. Мѣсяца два отъ нея приходили записочки. Часто въ нихъ слышалась печаль и маленькіе вздохи объ институтѣ, но скоро замолкли и они, и сама переписка. Издалека приходили еще письма, то съ горькими слезами о «прежнемъ счастіи», то радостныя. Одна пріятельница извѣщала, что у нея очаровательный женихъ; другая, что ее увозятъ въ глушь, гдѣ можно умереть не выдавъ лица, челоуѣческаго. Это были первые голоса иной, но уже близкой жизни.

Она подкралась скоро.

Вотъ и послѣдній экзаменъ въ классахъ.

Много ихъ было; каждый годъ приносилъ эту тревогу, и за нею трепеть, когда считались баллы, начиналась «пересадка», пониженія и повышенія, упреки и похвалы учителя, грозные выговоры и похвалы директрисы.

Но изъ всѣхъ экзаменовъ особенно памятенъ послѣдній. Какое чудесное время!

... Ночь. Но въ дортуарѣ не спитъ никто; никто даже и не лежитъ въ постели, развѣ какая-нибудь безмятежная душа, не помышляющая объ утрѣ. На дворѣ такъ поздно, что ночникъ, висящій посреди потолка вспыхиваетъ и потухаетъ: въ немъ скоро не достанетъ масла. Но пусть себѣ гаснетъ: въ дортуарѣ не будетъ темно. По всѣмъ концамъ огромной комнаты, на полу, таинственно мерцаютъ огоньки, рисуя по стѣнамъ уродливыя тѣни кроватей. Кругомъ огоньковъ что-то шевелится. Это мы,—тутъ все наше населеніе. Бивакъ разбитъ по разнымъ концамъ на полу; стеариновые огарки горятъ по срединѣ (свѣчи и спички—дань нашихъ *fidèles adoratrices* маленькаго класса). Засѣданіе окружено грудю книгъ, прочитанныя тетради служатъ изголовьемъ той, которая на минуту позволяетъ себѣ опочить на лаврахъ. На завтра За-

конъ Божій, а тамъ другой предметъ, третій, и такимъ образомъ пять дней тревоги, пять ночей приготовления.

Прелестныя ночи! Только и слышится сперва, что тихій, монотонный говоръ, отрывочныя фразы. Изъ груди билетовъ рука на удачу вынимаетъ одинъ, другой. «Какія суть преимущественныя выраженія истинной любви къ Богу.» «Что такое суевѣрная надежда?» «L'Érорée fut-elle cultivée au seizième siècle?» «Начало папской власти.» «Хронологическій взглядъ на исторію Англiи отъ основанія королевства до дома Тюдоровъ.»

— Тюдоры? Но когда же это было? Что это такое? Mon Dieu, mesdames, malheureuse que je suis! Я ничего завтра не отвѣчу! раздается внезапно жалобный голосъ.

— Не бойся, я подскажу.

— Нельзя; насъ вызовутъ на средину.

— Подвѣнимъ билетъ. Mesdames, какъ бы намѣтить билеты? Начинается совѣщаніе. Затѣмъ, на секунду все тихо.

— Mesdames, я умираю съ голода! Увы, увы, а колбаса съѣдена! пищитъ кто-то.

Въ углу хохотъ... Мы бѣжимъ смотрѣть. Книги, тетради, билеты, все брошено.

— Садитесь, mesdames. Тутъ пишутся стихи на Анету-Цербера... Да ну же, скорѣе рѣму! Помогайте.

Кружокъ дѣлается огромный. Вдругъ, въ корридорѣ шорохъ. Тревога, тревога! Классная дама проснулась. И вмигъ погашены огоньки, стихи юркнули въ тетрадь, въ дортуаръ все тихо.

Прелестныя ночи! Пора послѣднихъ волненій! Экзамены сданы, и съ ними конченъ шестилѣтній трудъ. Еще, еще немножко, и мы будемъ дома. Отвсюду вѣетъ воздухомъ близкаго роднаго берега. Но этотъ воздухъ туманитъ насъ; мы отъ него отвыкли. Каждая почта привозитъ въ институтъ множество писемъ; въ семьяхъ поднялись хлопоты: скоро воротится дочь. Эти хлопоты, радостныя и печальныя, досадныя и затруднительныя, можетъ-быть въ первый только разъ повѣряются дочери. Мы смущены, и письмо прячется отъ друга: первое недовѣріе, первая тайна, съ тѣхъ поръ какъ мы надѣли институтское платье.

Но раздумываться еще нѣкогда. Идутъ приготовленія къ акту. Это почти праздникъ, маленькая суматоха. Учитель чи-стописанія составилъ великолѣпный альбомъ изъ обращиковъ

нашей каллиграфіи; учителя рисованія окончательно перерисовали наши рисунки, забравъ ихъ предварительно на домъ; русскія и французскія сочиненія переписываются на-бѣло для публики; каждый день въ пріемной залѣ идетъ репетиція италіанскаго пѣнія и танцевъ.

По другимъ отраслямъ нашего знанія ищется такая же дѣятельность. Мы готовимъ отвѣты. Кто изъ насъ будетъ отвѣчать, и что именно, это мы уже знаемъ. Мы только молимъ учителей, ради Господа Бога, чтобы они не сбились. Молятъ даже тѣ, которыя могли бы безъ обмана вынести испытаніе. Но публика... вся Москва будетъ на актѣ; сконфузиться не долго.

Вотъ наконецъ и эта публика. Она наполняетъ залу сверху до низу. Она смотритъ на полукругъ стульевъ, на которыхъ сидитъ юное, готовое выпорхнуть, населеніе института. Не знаю, слушаетъ ли она экзамень. Рѣчь идетъ о безсмертін души, о пользѣ термометра, объ уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Но вотъ, впрочемъ, вниманіе возбуждено: шляпки заколыхались въ дальнихъ рядахъ, мужчины привстали съ мѣстъ. Настенька громкимъ и увѣреннымъ голосомъ читаетъ свое стихотвореніе «Послѣдній привѣтъ подругамъ». Она кончила. Говоръ похвалъ слышится въ первыхъ рядахъ, присутствующіе умилены, русскій учитель въ полной радости; онъ подходитъ къ столу, покрытому краснымъ сукномъ, и раздаетъ почетнымъ посѣтителемъ и любителямъ просвѣщенія экземпляры «Привѣта». Публика сейчасъ развезетъ ихъ по Москвѣ. И тамъ, на досугъ, можетъ-быть какой-нибудь критикъ разберетъ, что это за новое, отрекомендованное свѣту дарованіе.

Назавтра вечеромъ, публика еще наряднѣе, еще блестящѣе. Зала ярко освѣщена. Хорошенькія личики кажутъ еще прекраснѣе. Десятки лорнетовъ отыскиваютъ ихъ въ разныхъ концахъ залы. Оркестръ гремитъ; хоръ нашихъ пѣвицъ распѣваетъ *Lucio* и *Adieu à l'Institut*; затѣмъ на средину вылетаютъ легкія пары. Начинается граціозный *pas de châte*, вѣнки и гирлянды изъ цвѣтовъ; розовые и бѣлые шарфы такъ и вьются въ воздухѣ, встрѣчаются, сплетаются; изъ-за движущагося арабеска выглядываютъ прелестныя глазки. «*Délicieux, délicieux!*» не выдерживаетъ кто-то. И все оживилось, поднялось съ мѣстъ, звѣзды, голубыя ленты, бархатныя платья. Гдѣ-нибудь, въ углу, льются слезы радости, идутъ поздравленія. «*Cette sortie est vraiment distinguée... Votre fille est ravi-*

sante; quel effet elle fera dans le monde!» Публика расходится, и еще долго слышно восклицаніе: «*charmant, charmant!*»

Торжество кончилось... Еще нѣсколько дней, и мы со всѣмъ свободны. Съ разныхъ концовъ Россіи скачутъ на почтовыхъ и плетутся на долгихъ разнородные экипажи съ родителями и родственниками. Въ институтскихъ стѣнахъ безпрепятственно ходятъ модистки, разные посланные со свертками покупокъ, съ записками и деньгами. Въ дортуарахъ, рядомъ съ казеннымъ камлотомъ, лежитъ бѣлый газъ, кружева, великолѣпныя вышивки. Тутъ же рядомъ есть и скромный *mousseline suisse* на коленкорѣ. Надъ этимъ коленкоромъ льются чьи-то слезы.

— Ради Бога, маменька, шейте другое; въ этомъ на выпускъ показаться нельзя... Чтò это за гадость! Купите хоть пу-де-суа.

— Сударыня, да ты вспомни, мнѣ и перчатокъ-то тебѣ не на чтò купить!..

И многое въ этомъ родѣ... Домашняя жизнь уже столкнулась съ институтскою жизнью, и вытѣсняетъ ее съ неудержимою силой.

Подошли наконецъ и послѣднія минуты... Шифры, медали, аттестаты розданы, пропѣтъ благодарственный молебенъ... Толпа родныхъ выходитъ изъ церкви, торопятъ экипажи, дочерей... Пора!

По всему институту раздаются плачъ и рыданіе. Съ третьяго этажа до нижняго, отъ классовъ до каморокъ служанокъ, вездѣ положено по земному поклону, вездѣ пролетаютъ слова: прощай, прощай...

Мы ловимъ другъ друга, мы падаемъ безъ чувствъ въ объятіяхъ. Мы обнимаемъ директрису, классныхъ дамъ, опять обжимъ по корридору въ пустой лазаретъ... Со всѣми ли простились! О, будутъ ли насъ помнить!

И клятвы въ неизмѣнной любви, клятвы остаются институткой до гроба, уже оглашаютъ растворенныя стѣны... Еще слезы, еще нѣсколько секундъ, и все кончено...

Лошади тронули. На сумрачномъ мартовскомъ небѣ рисуется громадный профиль институтскаго зданія... Вотъ онъ уходитъ все дальше и дальше... Тамъ пусто теперь. Но чтò нужды? Скоро жизнь пойдетъ тамъ своею обычною колеей, и двери, растворенныя для насъ сегодня, затворятся завтра, принявъ новое поколѣніе... еще и еще... и неизмѣнно какъ самая вѣчность...

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ. Что же, въ этотъ огромный періодъ жизни, уцѣлѣло въ насъ отъ института?

Если взглянуть въ сотню женщинъ, въ одно время со мною сошедшихъ со школьной скамейки, то придется сказать, что институтская жизнь дала намъ очень, очень немного, чтобы не сказать ничего. Семейные и общественные наши добродѣтели и пороки во всѣхъ возможныхъ проявленіяхъ, нашъ характеръ, образъ мыслей, наши страсти, наши вкусы и привычки, все это дѣло нашего дѣтства до института, и той среды, гдѣ каждая изъ насъ очутилась послѣ выпуска. Эти шесть лѣтъ были только какой-то неопредѣленный промежутокъ времени, почти безъ связи съ прошедшимъ, безъ вліянія на будущее... Мы почти съ перваго дня въ обществѣ совершено то же, что другія женщины нашихъ лѣтъ, не-институтки. Въ самомъ дѣлѣ, кто же скажетъ, чтобы вотъ эта, ничего не дѣлающая, капризная и вѣсть бездушная кукла, вотъ эта удивительная мать семейства и хозяйка, вотъ это самоотверженное существо, изсохшее за трудомъ и исполненіемъ своего дочерняго долга, вотъ эта блестящая женщина, съѣдающая сотни тысячъ и бѣгающая за приключеніями, вотъ эта ходячая сплетня, вотъ эта злобная барыня «крѣпостница», и вотъ эта кроткая душа, которая изнываетъ при одной мысли о людской неправдѣ,—кто же скажетъ, что всѣ онѣ вышли изъ одного гнѣзда....

... Какая семья (по крайней мѣрѣ въ мое время) готовилась къ тому, что въ нее воротится семнадцатилѣтняя дочь?—готовилась не съ экономической, а съ нравственной стороны? Покуда мы твердили своихъ Расина и Буало, подъ многими родительскими кровлями происходили тѣ же безпорядки и нравственная разладица, которые видѣла дочь въ своемъ дѣтствѣ. Все это встрѣтило насъ, «милыхъ невѣждъ жизни», на порогѣ роднаго дома, и мы вошли въ общую колею покорно, безъ размысленій. Да, мы все взяли изъ жизни домашней и свѣтской,—взяли готовое, потому что изъ института ничего не принесли съ собою.

Въ самомъ дѣлѣ, что изъ этихъ шести лѣтъ могло пригодиться намъ для свѣта?

Сейчасъ только они прошли предъ моими глазами... Жизнь однообразная, лишенная всякаго интереса для посторонняго зрителя! Сколько мнѣ удалось слышать отъ моихъ предшественницъ, такъ провели и онѣ свои шесть лѣтъ; значить,

это обыкновенный ходъ институтской жизни. Наши маленькія волненія и страсти, точно бури въ стаканѣ воды, разыгрывались въ самой ограниченной и замкнутой сферѣ; условия ихъ развитія зависѣли единственно отъ правилъ институтской жизни, а между ею и свѣтомъ нѣтъ ничего похожего. Дурныя стороны нашего характера, прибрѣтенныя во время воспитанія, хитрость, скрытность, рабское безгласіе и т. п., должны были или исчезнуть отъ соприкосновенія съ жизнью свободною, или принять совсѣмъ другую форму, смотря потому, что насъ встрѣтило въ семьѣ и обществѣ.

Самое лучшее, что было въ прошломъ,—это наша дружба. Она выросла изъ равенства нашихъ тогдашнихъ понятій, изъ нашихъ общихъ маленькихъ страданій. Вылетѣвъ изъ-заперти она не уцѣлѣла и на десятую долю. И характеры наши, которые выглянули съ ихъ настоящей стороны, и разница положеній въ свѣтѣ, и новыя понятія о людяхъ, и тысячи другихъ причинъ, убили эту дружбу. Конечно, между многими изъ насъ еще сохранилась пріязнь; но въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ институтѣ, продолжаться она уже не могла; а чтобы переработать ее въ новую, крѣпкую форму, мы не нашли въ себѣ никакой самобытной силы. Мы стали поступать такъ, какъ повелѣвали законы свѣта, и отъ прежней, восторженной любви осталось одно вялое, пассивное чувство...

За дружбой надо помянуть наше знаніе... Но имъ воспользовалась горсть избранныхъ, то-есть тѣ, у кого были богатые способности или кто былъ приготовленъ дома. Несчастное распределеніе нашихъ классовъ сдѣлало свое зло. Въ свѣтѣ не прибавилось воспитанныхъ женщинъ; а недоучившіяся бѣдныя дѣвушки лишились возможности добывать кусокъ хлѣба...

Что же еще пригодилось намъ отъ прошлаго?.. Не знаю.

Можетъ-быть найдутъ, что этотъ приговоръ слишкомъ строгъ. Скажутъ: «шесть лѣтъ такъ немного! Дай Богъ въ этотъ короткій срокъ успѣть приучить насъ хоть къ чистотѣ, аккуратности и порядочнымъ манерамъ, дай Богъ, хоть чѣмъ ни попало, удержать насъ чинно на лавкахъ, покуда наши головы наполняются бѣдными клочками науки...»

Неужели ничего больше... Нѣтъ, мы могли вынести изъ нашихъ стѣнъ драгоценнѣйшее сокровище, которымъ только можетъ обладать человѣкъ,—мы могли вынести понятіе о справедливости, любовь къ правдѣ.

Какая бы потомъ ни встрѣтила насъ извращенная

среда, энергическое желаніе правды было бы въ ней опорой и средствомъ дѣйствовать на окружающее. Какъ бы ни ломала, ни портила насъ жизнь, все же отъ этого [благотворнаго задатка уцѣлѣло бы въ душѣ хоть что-нибудь, выросло бы скорѣе и крѣпче, и не привело бы многихъ изъ насъ, оглянувшись, къ печальной необходимости нравственнаго перевоспитанія...

Пусть бы тогда институтъ нашъ и гордился своимъ первенствомъ... Онъ далъ бы свѣту поколѣніе женщинъ, на рукахъ которыхъ съ довѣріемъ и надеждой можно было бы видѣть новое, подростающее поколѣніе...

N.

УМЪ ЛИ ЭТО?

I.

Въ одномъ изъ угловъ обширной Москвы, гдѣ уже начинаютъ показываться ситцевыя, табачныя и тому подобныя фабрики, гдѣ наконецъ, для выщаго удовольствія жителей, протекаетъ Москва-рѣка, стоялъ маленькій домикъ. На желтомъ билетикѣ его воротъ читалось: *вечно цеховой Румяновой*. Впрочемъ онъ никогда не былъ обитаемъ своею хозяйкой, а постоянно отдавался внаймы.

Я какъ теперь вижу этотъ маленький дворикъ: два желтенькіе флигелька и два крыльца другъ противъ друга; въ глубинѣ — лачужка дворника и канура цѣпной собаки; садикъ изъ бузины и акаціи, которымъ отдѣляется одинъ флигелекъ отъ другаго.

Въ лѣвомъ жилъ, болѣе двѣнадцати лѣтъ къ ряду, *учитель*. Не было другаго имени Парену Ивановичу въ околоткѣ. Мальчишки, которые на рѣкѣ, съ прачешныхъ плотовъ, ловили пискариковъ, кухарки, которыя по утрамъ танулись съ кулечками на ближній рынокъ, сами здѣшніе обыватели, изъ которыхъ многіе нерѣдко выходили въ халатъ посидѣть съ трубочкой у воротъ, а по утрамъ при-

нимали дѣятельное участіе въ выгонѣ скотины, — всѣ знали, что въ томъ желтенькомъ домѣ живетъ учитель. Если же какой-нибудь путникъ спрашивалъ: «гдѣ тутъ, не можете ли указать, живетъ г. Скрипицынъ?» — спрошенный только таращилъ въ недоумѣннн глаза. «Пареевъ Иванычъ Скрипицынъ,» добавлялъ путникъ. «Учитель?» спохватывался спрошенный, и неизмѣнно указывалъ на тотъ желтенькій домикъ.

Вы сами могли видѣть Пареева Ивановича. Если когда-нибудь поражала васъ, напримѣръ на Тверскомъ бульварѣ или на большой улицѣ, среди всякаго веселаго люда, одинокая фигура пѣшехода съ чрезвычайно-угрюмымъ выраженіемъ лица (онъ ходилъ въ немодной шляпѣ, съ широкимъ бортомъ, не съ тросточкой, а съ какимъ-то посохомъ въ рукѣ), и вы спрашивали себя: зачѣмъ онъ такой задумчивый? — фигура эта была Пареева Ивановича. Въ немъ было что-то свое, и вы навѣрное замѣтили бы Пареева Ивановича...

Биографія этого человѣка очень проста; но человѣческое сердце имѣетъ ту особенность, что, глядяваясь въ него, открываешь въ немъ цѣлыя негаданныя міры.

Въ этотъ длинный промежутокъ однообразныхъ двѣнадцати лѣтъ можно было въ жизни Пареева Ивановича отмѣтить только три бросавшіяся въ глаза происшествія. Первое, это когда, Богъ знаетъ съ чего, вдругъ ему пришла фантазія читать въ подлинникъ Шиллера. Онъ этого пожелалъ съ тою настойчивостью, которая особенно свойственна холостякамъ; три-четыре недѣли, ревностнѣе всякаго студента приготавливащагося къ экзамену, занимался онъ непрерывно, и сталъ разбирать Шиллера, хотя и съ лексикономъ. Тогда же, взявъ старомодной шляпы, на головѣ его показалась глянцовитая, вполне европейская. Такъ шло около мѣсяца; вдругъ Пареевъ Ивановичъ пуще заперся суркомъ. Другой случай: одинъ разъ Пареевъ Ивановичъ вернулся изъ школы крайне страненъ. Точно будто, съ этого роковаго посѣщенія школы, въ груди его зашевелился солитеръ. Въ ближайшій къ тому праздничный день сталъ Пареевъ Ивановичъ выкладывать изъ сундука трехуголку, мундиръ, надѣвать его на себя, привѣшивать шпагу, опять ушелъ въ школу и вернулся оттуда еще страннѣе. Солитеръ, казалось, съ тѣхъ поръ, подѣлалъ уже много, и каждый день все точилъ его. Поздно, въ одинъ осенній вечеръ, возвратился Пареевъ Ивановичъ

къ себѣ на квартиру будто помѣшанный. Сухощавое лицо его очень измѣнилось, глаза смотрѣли дико, коричневый локонъ свѣсилса на морщинистый лобъ. Его полураскрытыя, ядовито расположенныя губы, въ особенномъ сочетаніи съ рѣзкимъ носомъ, всегда производили впечатлѣніе какой-то ѣдкости... Вернувшись домой, Пареевъ Ивановичъ скинулъ свой виць-мундиръ и ударилъ имъ объ полъ. За одну ночь посѣдѣлъ тогда Пареевъ Ивановичъ. Последнее, третье происшествіе: изъ этого желтенькаго домика перевезли его въ городскую больницу.

Конечно, Парееву Ивановичу было немного за сорокъ, но на видъ ему давали за пятьдесятъ. Выраженіе его лица было не столько желчно, сколько исполнено глубочайшей ипохондріи.

Меня Пареевъ Ивановичъ зналъ еще въ школѣ, гдѣ для учениковъ онъ служилъ главною мишенью всѣхъ затѣй и насмѣшекъ. Никому чаще его не налѣпляли бумажекъ на фалду фрака; однакоже всѣ искренно любили за что-то своего учителя, сами не давая себѣ въ томъ отчета. Самъ Пареевъ Ивановичъ былъ крайне снисходителенъ ко всѣмъ такимъ проделкамъ; казалось, его еще даже забавляло, что именно надъ нимъ такъ всѣ шутятъ. Онъ, снимая напримѣръ бумажку съ своего фрака, говорилъ только: «Довольно, господа; пошутѣли, и будетъ; вѣдь надоѣсть.»—И ничего больше. Если же кто изобрѣталъ что-нибудь особенно остроумное, такъ и того не говорилъ. Такъ напримѣръ, одинъ, надѣлавъ маленькихъ каррикатурныхъ силуэтиковъ Пареева Ивановича, разложилъ ихъ въ учебникѣ и подалъ его для класса на кафедрѣ какъ ни въ чемъ ни бывало. Разительное сходство поразило Пареева Ивановича, и онъ отъ души хохоталъ. Онъ даже взялъ одинъ изъ силуэтиковъ съ собою. Разъ, въ своемъ классѣ, онъ увидалъ, что я занимаюсь чтеніемъ посторонней книги. «Дайте полюбопытствовать,» сказалъ онъ мнѣ, протягивая руку. Я, не безъ испуга что пойманъ, подалъ. Но Пареевъ Ивановичъ, стоя у моей лавки, внимательно перебиралъ листы, прочитывалъ тамъ и здѣсь отдѣльныя фразы, наконецъ съ предобродушнѣйшею улыбкой велѣлъ спрятать въ столъ. «Это здѣсь объ удовольствіяхъ на морѣ пишутъ,» сказалъ онъ громко, заглянувъ въ книгу. «Не вѣрьте, пустое все. Солнце восходить, волна плещется... все это пустое-съ.» Потомъ меня

Пареевъ Ивановичъ зналъ уже выпедшимъ, и я радъ былъ, что Пареевъ Ивановичъ обращается со мною какъ съ добрымъ знакомымъ. «Его совершенное одиночество, думалъ я, заставляетъ его дорожить человѣкомъ, который видимо его не чуждается.» Знакомство наше однакожь все-таки было какое-то шапочное.

Я очень былъ удивленъ разъ, когда, вернувшись изъ деревни, узналъ, что Пареевъ Ивановичъ три раза присылалъ на мою квартиру узнать: не пріѣхалъ ли я? А еще болѣе былъ я пораженъ запиской, которую сейчасъ же получилъ отъ него. Карандашомъ, слабою рукою онъ писалъ мнѣ слѣдующія строки:

«Я лежу въ Городской больницѣ. У меня большое дѣло до васъ. Будьте милостивы, застаньте меня еще живымъ,

«Скрипицынъ.»

Ошеломленный, я поспѣшилъ въ больницу, на самый конецъ города. Всю дорогу мнѣ представлялось: «Что если въ самомъ дѣлѣ этотъ человѣкъ, не находя никого другаго ближе, хочетъ что-нибудь ввѣрить мнѣ передъ смертю!..»

Но странный, странный человѣкъ былъ этотъ Пареевъ Ивановичъ!

Онъ всегда удивлялъ меня рѣзкостію своихъ рѣчей, желчью каждой своей фразы. Одинъ разъ, гуляя со мною на бульварѣ, онъ съ кѣмъ-то поклонился (это былъ одинъ изъ его товарищей-преподавателей, съ которыми Пареевъ Ивановичъ былъ почтительно холоденъ). «Порядочный человѣкъ это?» спросилъ я его. — «Негодяй-съ,» отвѣтилъ Пареевъ Ивановичъ. Другой разъ мы съ нимъ сидѣли на террасѣ кофейной, въ числѣ многихъ другихъ, курившихъ тутъ сигары и папиросы, и поглядывавшихъ на проходившія шляпки и мантили. Съ площадкой поровнялись двѣ дамы, укутанныя въ широкіе платки, и объ руку съ ними молодой человѣкъ, очень модно одѣтый.

Отдѣлившись отъ дамъ, этотъ господинъ ловко подошелъ къ галлерей и кого-то развязно попросилъ дать огня закурить папироску. Еще развязнѣе послалъ онъ мнѣ воздушный поклонъ, и не успѣвъ я еще ничего ему отвѣтить на любезное привѣтствіе: «ага, какъ поживаешь?» пропалъ въ толпѣ.

Все это замѣтилъ Пареевъ Ивановичъ.

— Кто это? спросилъ онъ съ замѣтнымъ любопытствомъ.

— Это, отвѣчалъ я,—нѣкто мосье Блоккъ.

— Ну, ну, космополить... такъ и есть, проговорилъ Пареевъ Ивановичъ.—Чѣмъ онъ замѣчательнъ?

— А вѣдь мосье Блоккъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательнъ, отвѣчалъ я.—Этотъ мосье Блоккъ умѣетъ обдѣлывать свои дѣлишки съ неподражаемымъ искусствомъ.

— Такъ, такъ... ободрительно кивнулъ мнѣ головой Пареевъ Ивановичъ.

— Ограничусь самымъ анекдотическимъ случаемъ. Рассказывать вообще объ его карьерѣ было бы слишкомъ долго. Вотъ видите ли, этотъ мосье Блоккъ прежде подписывалъ свою фамилію просто Б-л-о-к-ъ, съ однимъ к. Случилось маленькое происшествіе. Противъ самыхъ оконъ той канцеляріи, гдѣ онъ служитъ, появилась огромная вывѣска какого-то мебельщика съ тою же фамиліей Блокъ. Чтò жъ вы думаете, какъ поправился нашъ космополить? Прибавилъ къ своей фамиліи еще одно к. Съ тѣхъ поръ, и въ канцелярскихъ его бумагахъ и на визитной карточкѣ оно двойное.

— Вотъ какъ! предобродушно разсмѣялся Пареевъ Ивановичъ:—ну вѣдь какъ хотите, и въ голову бы не пришло!

— Далѣе. Онъ напримѣръ часто отвѣтитъ своему знакомому: завтра я въ деревню уѣзжаю! Я справлялся: есть ли у барина деревня? Чтò жъ оказывается? Помимо своихъ многотрудныхъ занятій въ канцеляріи, нанялся онъ къ одному молодому богачу въ прикащики, собираетъ доходъ съ его мужиковъ, вотъ и все. Одѣтъ прекрасно, но все это платье, которое вы сейчасъ на немъ видѣли, опять съ плеча того же молодого миллионера. Дѣло въ томъ, что его патронъ только что было сшилъ себѣ полный гардеробъ въ Петербургѣ у Шармера, да поступилъ вдругъ въ кавалергарды. Ну, мосье Блоккъ и воспользовался обстоятельствами. Вообще скажу: «умѣнье пользоваться обстоятельствами», «умъ — все», это его любимыя фразы.

— Наполеончикъ! произнесъ уже съ какою-то ядовитостью Пареевъ Ивановичъ.

— Гдѣ шампанское, заключилъ я,—тамъ и онъ.

— Есть, есть такіе! съ горячностью перебилъ Пареевъ Ивановичъ.—Смотришь на такіхъ людей, и право на себя плюнуть хочешь! Вѣдь значить они во всей этой комедіи... жизни, или какъ-съ? свѣта, общества... они-съ тамъ, значить, какъ рыба въ

водѣ. Имъ ни до чего дѣла нѣтъ-съ. И вѣдь что досадно-съ: умъ... Ну да что говорить, знаю я ихъ!..

Пареевъ Ивановичъ замахалъ рукой.

— Умъ, продолжалъ онъ, — пользоваться обстоятельствоми, и дураковъ съ дороги гнать! А дуракамъ по дѣломъ... тьфу! Наполеончики!

Я сейчасъ же замѣтилъ, что все это Пареевъ Ивановичъ говорилъ очень спокойно; однакожъ вѣроятно пропустилъ бы мимо ушей весь этотъ разговоръ или забылъ бы его, какъ и многіе другіе, еслибы предметъ этого разговора съ тѣхъ поръ не сдѣлался для Пареева Ивановича любимую темой при каждой новой встрѣчѣ со мною. Притомъ онъ мнѣ тогда раскрылъ и дополнилъ многое, о чемъ я прежде слыхалъ отъ Пареева Ивановича.

Разъ, заѣхавъ къ Парееву Ивановичу въ одинъ зимній вечеръ, я нашелъ его веселѣе обыкновеннаго. Съ его языка срывались юмористическія фразы.—«Мой-то длинный сюртукъ, говорилъ онъ,—надъ которымъ вы все смѣялись, нынче въ моду вошелъ, право-съ! На бульварѣ многихъ франтовъ видѣлъ. Думалъ и назовутъ по моему: дьячковскимъ! нѣтъ, пальмерстонами прозвали!» Слово *мода*, въ приложеніи къ нему самому, заставляло его очень смѣяться. «Куда вы ѣдете?» спросилъ онъ меня въ заключеніи, когда я сталъ прощаться. — «Въ собраніе, отвѣчалъ я;—у меня членскій билетъ. Нынче балъный день.» И вдругъ мнѣ пришло въ голову: ну что, еслибы согласился Пареевъ Ивановичъ хоть разъ въ жизни, съ своей Плющихи изъ мрака и снѣговъ, изъ холода своей квартиры, вдругъ перенестись въ новый для него міръ балльной залы? Пареевъ Ивановичъ отмахивался руками и ногами, и хохоталъ какимъ-то истинно-ребяческимъ смѣхомъ. Я замѣтилъ, однако, что мое предложеніе какъ будто польстило ему. Я повелъ свои планы и дальше. Онъ пуще смѣялся моей готовности взять на себя трудъ эманципировать его, свозить къ модному портному, куаферу.—«Такъ ѣдемъ, отчего же нѣтъ?» продолжалъ я настаивать.—«Ужъ гдѣ намъ-съ нѣжную ягоду рябину ѣсть!»—«Полноте.» И пусть читатель подвигнется: подъ конецъ мы очутились въ залѣ. Всю дорогу Пареевъ Ивановичъ велъ себя какъ ребенокъ; онъ спрашивалъ меня: «Нѣтъ, да вы мнѣ пожалуста напередъ скажите, можетъ-быть тамъ есть свои ужъ установившіяся правила, условія. Не выполнивъ ихъ, конечно, я это понимаю, покажешь смѣшнымъ.» Мы вошли. Въ началѣ, онъ

подавалъ самыя блестящія надежды; но потомъ сталъ чрезвычайно угрюмъ. — «Что, спросилъ я его, желая развлечь, — не правда ли, вся эта толпа очень мало думаетъ о насъ съ вами?» — «Кажется, она ни о чемъ не думаетъ,» отвѣтилъ Пареевъ Ивановичъ. «И, псмилуйте-сь! что это такое? Головокруженіе какое-то. Ну, съ чего теперь, я васъ спрошу, съ чего они воъ такъ развеселились?» Вдругъ, на Пареевъ Ивановичъ лица не стало. Мгновенно онъ поблѣднѣлъ, судорога какая-то прошлаъ по всему тѣлу. Я поглядѣлъ въ ту сторону. Вдали, у колонны, стоялъ очень привлекательной наружности кавалеръ съ какою-то дамой. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно; развязанъ какъ дома. Пареевъ Ивановичъ поскорѣй ушелъ въ толпу. Но, иди съ нимъ объ руку, мы на бѣду лицомъ къ лицу столкнулись съ этимъ кавалеромъ. — «Пареуша! ты какъ попалъ сюда?» нашелся онъ, послѣ секунднаго, замѣтнаго недоумѣнія, вскользя пожалъ Парееву Ивановичу руку и быстро прошелъ съ дамой впередъ. — «Увидете отсюда!» обратился ко мнѣ Пареевъ Ивановичъ. Мы скоро уѣхали.

Все, что я могъ позволить себѣ спросить по этому поводу, было: «Кто этотъ красивый господинъ, съ которымъ вы поклонились?»

Все, что Пареевъ Ивановичъ мнѣ на это отвѣтилъ, было:

«— Ноевъ одинъ, Семенъ Ивановичъ.»

Прошло два-три года. Съ тѣхъ поръ, въ разговорахъ со мною, онъ ни разу не проронилъ этого имени. Я замѣтилъ, однако, что рѣзкость его желчныхъ рѣчей, когда онъ говорилъ о *Наполеончикаль*, съ тѣхъ поръ удвоилась. Сколько я ни чувствовалъ, что Пареевъ Ивановичъ имѣетъ нужду высказаться; но знакомство наше продолжало быть попрежнему какимъ-то шапочнымъ, и я былъ очень пораженъ его запиской, призывавшею меня для какого-то большаго дѣла.

Итакъ, я поѣхалъ въ больницу, и скоро, съ стѣсненнымъ сердцемъ, уже всходилъ, по тяжелымъ каменнымъ ступенямъ, подъ своды.

II.

— Гдѣ тутъ отдѣленіе нервно-горячешныхъ?

— Извольте, ваше благородіе, къ Скрипицыну? спросилъ меня инвалидъ.

— Да. Къ Парееву Иванычу.

— Къ вамъ, это значить, и записку я носилъ? Ужь очень о васъ Пареевъ Иванычъ спрашивали. Пожалуйте въ дальнюю палату. Тамъ за чахоточными...

Не знаю, что почувствовала моя душа, когда, тихо отворивъ указанную дверь, я увидалъ Пареева Ивановича, за ширмами, на кровати. Онъ спалъ. Обритая голова его, исхудалыя, выдавшіяся подглазныя кости, удлинившійся носъ, выдавшійся лобъ, производили впечатлѣніе мертвеца въ гробу. Я содрогнулся. Съ какою-то, испугавшею меня чуткостью, больной проснулся.

— Вы... вы... заговорилъ онъ, и холодная слеза пробѣжала по щекамъ, холодными руками онъ жалъ мнѣ руку; онъ ужъ сидѣлъ на кровати.—Ахъ, я зналъ, что вы меня навѣстите, но я боялся, что вы замѣшкаетесь...

И опять онъ жалъ мнѣ руку, и какъ-то отрывочно улыбаясь, усаживалъ. Я старался не дать ему замѣтить, что едва вѣрю глазами: такъ онъ измѣнился! Но я долго не зналъ, съ чего начать.

— Что вы на меня такъ смотрите? спросилъ Пареевъ Ивановичъ.—Теперь скоро! (Онъ сильно махнулъ рукою.) Вѣдь я это знаю... Садитесь-ка, садитесь.

— Полноте, Пареевъ Иванычъ. Что вы тамъ знаете? Ничего вы не знаете!

— Помилуйте!.. выговорилъ Пареевъ Ивановичъ съ обычною протяжностью свое любимое обращеніе.—И, что вы это, помилуй-те!.. Я вѣрно умру. Докторъ говоритъ, что мнѣ жить нѣсколько дней; ну, это-то онъ вретъ-съ, а черезъ двѣ недѣли навѣрно покончится. Попробуйте мой пульсъ! (И самъ взявъ свой пульсъ, онъ нѣсколько мгновений считалъ.) Ну вотъ теперь къ сердцу!.. (Онъ приложилъ руку къ сердцу.) Разъ, два, разъ, два... и здѣсь то же самое!.. Ужь навѣрно!.. Только въ головѣ у меня иногда бываетъ дурно, ахъ, какъ дурно!.. Господи помилуй, какъ дурно у меня бываетъ въ головѣ!

Онъ потеръ лобъ и помолчалъ.

— И странное это дѣло-съ! продолжалъ онъ, успокоившись отъ волненія.—Не понимаютъ, вѣдь рѣшительно-съ доктора не понимаютъ болѣзней! Вѣдь это что такое-съ? (Оборотясь, онъ указалъ на зеленый ярлычокъ своей койки.) Вздоръ, сущій-съ вздоръ!

Мнѣ плакать хотѣлось, глядя на Пареева Ивановича. Еслибъ я засталъ его угасающимъ тихо, истомленнымъ, мнѣ кажется,

я глядѣлъ бы съ чувствомъ болѣе примиреннымъ на его страданія. Но эта несоразмѣрная энергія души, удерживаемая только однимъ скелетомъ, меня до ужаса потрясала. Больной и двигался рѣзко, и говорилъ рѣзко, а между тѣмъ это былъ трупъ,—трупъ, дожидавшійся только мига смерти, чтобы начать тлѣть.

— И-и, помилуйте! опять началъ отпѣкваться Пареевъ Ивановичъ, когда я опять хотѣлъ сказать что-то.—Да и къ чему-съ? Къ чему? Колумбъ открылъ Америку, Наполеонъ всего свѣта чуть-чуть не завоевалъ, Иванъ Ивановичъ дослужился до тайнаго совѣтника... А я-съ, ну что я-съ?.. И-и, помилуйте!

Въ это время внесли обѣдъ къ больному, чашку куринаго бульйона и ломоть бѣлаго хлѣба. Больной съ жадностію выпилъ, и еще съ большею жадностію съѣлъ хлѣбъ.

— Ахъ! какъ я вамъ благодаренъ, опять заговорилъ онъ, когда мы остались одни:—выразить не умѣю, какъ я вамъ благодаренъ! Ну, да вы это поймете, погодите! (Онъ что-то, я замѣтилъ, поглядѣлъ подъ подушку.) А теперь-съ удѣлите мнѣ нѣсколько времени... Знаете ли? (Онъ опять съѣлъ, и какъ бы стараяся удостовѣриться, что лишняго никого нѣтъ въ комнатѣ.) Хоть вамъ, хоть вамъ...—И вдругъ онъ зарыдалъ и головой упалъ въ одѣяло.

— Пареевъ Ивановичъ! ради Бога, не раздражайте себя! сказалъ я, когда онъ поднялъ голову и опять съѣлъ.

— Хоть вамъ, какъ-то изъ души говорилъ больной, и крѣпко сжавъ мнѣ руку, долго не выпускалъ ея:—передамъ все, что у меня вотъ тутъ... вотъ ту-уть... (Онъ съ мученіемъ указалъ на лѣвую сторону груди.) И умру спокойно! Охъ, какъ наболѣло!—Опять, онъ съ невыразимымъ страданіемъ, обѣими руками взялся за голову; одна, другая, третья слеза пробѣжала...—На-бо-лѣ-ло! глухо повторилъ Пареевъ Ивановичъ, закрывъ лицо платкомъ, и упалъ на подушку.

Еслибы въ эту пору *святой* человекъ явился въ очію передо мною, я, кажется, менѣе былъ бы готовъ стать передъ нимъ на колѣни чѣмъ передъ кроватью этого мученика больнаго.

«Ахъ-съ, я былъ несчастнѣйшій человекъ, началъ онъ снова:—повѣрьте мнѣ, я былъ несчастнѣйшій человекъ въ мірѣ! Собака-съ, которую слѣпымъ щенкомъ выбросили за ворота, и какой-нибудь прохожій изъ жалости поднялъ ее... она, повѣрьте моимъ словамъ, она бы должна была больше меня вѣрить, что существуетъ какое-то Провидѣніе на свѣтѣ!.. Не

бойтесъ, пожалуота не бойтесъ, вдругъ прервалъ онъ самъ себя, подавшия всѣмъ тѣломъ ко мнѣ:—не бойтесъ, что меня раадражаетъ это. Я знаю: мнѣ вредно волненіе, но днемъ раньше, днемъ позже, стобитъ ли беречь себя наъ одного дня?»

Меня очень удивило такое хладнокровное благоразуміе больного, а онъ продолжалъ:

«Вѣдь и врачи сами-съ, вы знаете, предписываютъ больнымъ діету до тѣхъ поръ только, пока остается какая-нибудь надежда. А какъ ужъ все-то подошло къ концу, такъ чего ужъ тутъ! Всего разрешаютъ въ волю! И невольнoлюбиво-съ! (Вдругъ онъ опять смонилъ голову: тѣмъ полуоборотомъ, и съ тѣмъ иронически-саркастическимъ выраженіемъ глазъ, которые мнѣ были такъ хорошо знакомы въ прежнемъ Пареевѣ Ивановичѣ.)—Право-съ! хоть муки-то послѣднихъ дней усладить тѣмъ, чтобы снять вреднѣя-то, предуготовительныя къ смерти лишенія, право-съ. Это только усладить можетъ. Увѣрю васъ. Дайте жъ мнѣ выказаться, дайте выговорить все... Вы усладите мнѣ послѣднія минуты. Честное слово даю вамъ: мнѣ непременно умереть!»

Я растерянно глядѣлъ ему въ глаза.

— Только до конца выговорить надо, продолжалъ онъ,— непременно до конца! И вотъ что-съ,—прежде всего у меня до васъ есть просьба... Великая просьба! добавилъ онъ съ удареніемъ.—Вотъ, видите ли?.. Впрочемъ, это я говорю для всякаго случая. Я вамъ потомъ отдамъ. (Оборотясь, онъ приподнял подушку и вынулъ два запечатанных письма. Оба были въ конвертахъ; одно было бѣлое, другое съ адресомъ.)—Вотъ, это-съ (онъ мнѣ передалъ бѣлое), возьмите его теперь же. Когда я умру, выждите сорокъ дней. Сорокъ дней пройдетъ, распечатайте. Тутъ найдете записочку и еще... Ну да ужъ это вы тогда увидите. А это съ, это-съ,—и глаза Пареева Ивановича забѣгали; какое-то помѣнательство выразилось въ нихъ, и еще сильнѣе ужаснула меня энергія смѣхъ больного. — Да, нѣтъ-съ! Э! Я вамъ теперь не отдамъ!

Онъ спряталъ письмо подъ подушку, прижался къ ней головой и подозрительно глядѣлъ на меня, какъ будто я хотѣлъ то письмо выхватить и разорвать... Я сталъ замѣчать, что на больного находить припадокъ. Онъ незамѣтно склонился, сталъ засыпать: краски волненія на его лицѣ медленно переходили въ замиравшую блѣдность.

— Ну? видѣли? было первое слово больного, когда онъ

вышелъ изъ трехминутнаго отъпентнiя и опять свѣлъ.—Ахъ, что же я-съ? Ахъ, какъ со мною бываетъ дурно, Господи, какъ дурно! (Онъ приложилъ руку къ головѣ и помолчалъ.) Все вотъ тутъ, вотъ тутъ что то... (Онъ однимъ пальцемъ потеръ лобъ, какъ будто свѣвалъ пленку или паутинку.) Это-съ (онъ опять вынулъ письмо изъ-подъ подушки), когда я умру, послѣ моихъ похоронъ... отдайте по адресу. Понимаете ли, черезъ три дня? Только вотъ что-съ, прибавилъ онъ нѣсколько таинственно,—пожалуй, меня перевезутъ отсюда; можетъ-быть, начальство распорядится, чтобы меня отпѣвали въ церкви при заведенiи... ну-съ, гдѣ я математику преподавалъ... Поняли? Вѣдь какъ же? Надо будетъ отдать честь браннымъ учительскимъ останкамъ... Какъ же-съ! Изъ нашей канцелярiи пойдутъ по этому дѣлу бумаги. Пожалуй, задержка произойдетъ... Поняли? Такъ непремѣнно обождите... Ну вотъ что-съ. Во всякомъ случаѣ на двадцатый день отдайте. Не ближе. На двадцатый... Такъ то-то распечатайте въ мои сорочкины: а это... это—читайте! (Онъ подалъ мнѣ прочесть адресъ.) На двадцатый день отдайте по адресу! Великая просьба! прибавилъ онъ опять съ ударенiемъ.

Я машинально, и ничего не понимая, сталъ разбирать адресъ: Семену Ивановичу Ноеву. Вся моя память пробудилась при этой фамилии. Теперь точно развернулось передо мною все. Едва я прочиталъ эту фамилiю, мнѣ показалось, что все до конца выговорилось между мною и Парееномъ Ивановичемъ, все что имъ не договаривалось мнѣ въ теченiи многихъ лѣтъ, и намекъ на чтѣ я ясно чувствовалъ.

— Но это я вамъ еще не отдамъ теперь, уже совершенно спокойно сказалъ мнѣ Пареевъ Ивановичъ,—я это вотъ здѣсь берегу. (Онъ изъ-подъ подушки выгребъ одѣяло, и запечатанный конвертъ спряталъ туда.) Если при моей послѣдней минутѣ вы сами будете тутъ, я вамъ изъ рукъ передамъ. Если же придете и вамъ скажутъ: умеръ! пройдите вотъ отсюда и возьмите. Но я усталъ сегодня, приходите завтра.

III.

Въ девять часовъ утра я всходилъ уже по знакомымъ каменнымъ ступенямъ. Большия корридорные часы добивали свой послѣднiй разъ, когда я отворялъ дверь палаты.

Глаза Пареева Ивановича засверкали.

Онъ, прислонясь спиной къ подушкѣ, сидѣлъ на кровати и, казалось, ужь давно ждалъ меня.

— Ну вотъ-съ, вотъ-съ, началъ онъ, сжимая мнѣ руку, — я знаю, что мнѣ будетъ легче. Я говорилъ вамъ, это только облегчить. Нынѣшнюю ночь я спалъ хорошо и чувствую себя крѣпче.

Я замѣтилъ въ лицѣ больного нѣкоторую свѣжесть, и краска на немъ показалась мнѣ добрымъ знакомъ. Но она была зловѣщая, какъ я узналъ въ послѣдствіи. Это напрягались жизненные силы послѣднимъ, судорожнымъ усиленіемъ.

— Вы меня до конца дослушаете? спросилъ больной послѣ минутнаго забытья: — о, Бога ради... дайте до конца! Это-съ, это-съ (Пареевъ Ивановичъ какъ бы указывалъ на свое письмо подъ подушкой) роковой человѣкъ!.. Вѣдь мы товарищи съ нимъ были... какъ же-съ! Земляки-съ! Вотъ еще какъ! Вмѣстѣ изъ Тамбова въ университетъ пришли. Сеничка! Сеничка Ноевъ!.. Ничего-съ, ничего, не беспокойтесь. Ей-Богу, я себя чувствую отлично. Я ужь скажу тогда...

Оправившись, онъ какъ-то сладостно улыбнулся, поглядѣлъ мнѣ долго въ глаза, и сохраняя еще ту же улыбку на лицѣ, началъ почти въ такихъ словахъ:

«Ахъ-съ! да вы знаете ли, что такое значить: товарищи, университетъ, двадцать три года?.. Вѣдь это-съ поэзія, Шехерзада... Весна-съ, весна! И странное это дѣло—память человѣческая: для чего-съ? кому нужно?.. А не вырвешь... Университетъ тогда былъ не то, чѣмъ нынче сталъ. Тогда въ аудиториі, такими-то, какъ мы съ Сенячкой (почти что пѣнкомъ изъ Тамбова пришли), биткомъ набито было; а человѣкъ пять на каждомъ курсѣ особнякомъ держались. Только между собой руку подавали. И все, бывало, на нижней площадкѣ сидятъ, — знаете, у самой рѣшетки. Идешь мимо ихъ, только сторонатся: на насъ, оплеванныхъ, и глядѣть не хотѣли!

«Только-съ, вдругъ на нашъ курсъ поступилъ графъ Мамлинъ! Ахъ-съ, что это за ребенокъ былъ!

— Да нѣтъ, я вамъ все не такъ рассказываю! махнулъ онъ самъ себѣ рукой. — Съ начала надо, съ начала! «Вотъ видите ли-съ, какъ пришелъ я въ первый разъ въ университетъ, просто у меня головокруженіе сдѣлалось!... Да и передъ этимъ-то все время какъ шальной ходилъ по городу, — шумъ, экипажи на улицахъ, народъ-съ...

Себѣ-то опять же тогда, ну какъ есть чуданчикъ, подѣ чердакомъ нанялъ... Вхожу въ аудиторію и вижу—множество новыхъ, незнакомыхъ и, знаете ли? это меня тогда даже поразило,—какнхъ-то веселыхъ лицъ! Все это хохочеть-сь, стальными клинками другъ передъ дружкой въ шпагахъ щеголяетъ, шумить, бѣгаетъ,—на бильярдъ зоветь къ Шевалье,—кто кричить: завтракать пойдѣте къ Матерну... противъ воротъ знаетѣ... Я подальше отъ всѣхъ, въ уголокъ. Вошелъ профессоръ, и что онъ читалъ на кафедрѣ, ничего не знаю. Совсѣмъ мимо ушей пропустилъ.

«Въ тотъ же самый день вечеромъ я и пошелъ къ Сеничкѣ. А Семенъ Ивановичъ, надо вамъ сказать, хотѣ и видѣлъ меня на первой лекціи, со мной не поклонился. Все онъ, вижу, высматриваетъ, все высматриваетъ. Меня-то ужъ и очень видѣлъ, да нѣтъ... не поклонился. Что жъ, думаю, не всякое лыко въ строку; вѣдь мы земляки, да и въ Москву вмѣстѣ притащились. Прихожу, онъ тогда въ номеръ еще стоялъ.—Семенъ Ивановичъ, говорю, подружитесь со мною. Въ городѣ одинъ пропадѣшь. Я человекъ бѣдный да, говорю, и вы небогатый. Станѣте жить вмѣстѣ, все намъ другъ въ дружкѣ поддержка будетъ.—Онъ на другой же день и перешелъ ко мнѣ; стали мы жить вмѣстѣ. Мы съ нимъ и на квартирѣ вмѣстѣ, и въ аудиторію вмѣстѣ; ну и хорошо вѣдь-сь! Только-сь, я-то веселъ, а онъ все скученъ. Вдругъ онъ заболѣлъ, да вѣдь какъ-сь! И все бредилъ, день и ночь не переставая бредилъ. Три недѣли безъ памяти лежалъ. Я доктора сговорилъ. Ну, легче ему наконецъ стало. Недѣля, другая, и вовсе оправился.—Сеня, говорю, мы за это время отъ университета много съ тобою отстали. Ужъ нынче я пойду. «Какъ же, говорить, какъ же? Намъ съ тобой отставать нельзя. Я непременно долженъ первымъ кандидатомъ выйдти; вторымъ выходи ты, если хочѣшь.» Я пошелъ.

«Вотъ-сь, стою я по обыкновенію на верхней площадкѣ, и гляжу внизъ, за перилы. Ну-сь, вѣдь много я ихъ видалъ, этихъ-то господъ, и всѣ они не по нашему, знаете, и говорятъ громко, и смѣются, гдѣ ихъ не спрашиваютъ; да и на лѣстницу-то всходить не въ горбежку, знаете, а какъ воробей скачетъ. А стоило посмотреть, какъ съ портфелью подѣ мышкой Манлинъ по лѣстницѣ шелъ. Идетъ, идетъ... ближе ко мнѣ. Я-сь глазъ не свожу, гляжу. Только онъ, дойдя до меня, вдругъ также остановился, и на меня смотритъ. Конечно-сь это онъ такъ только остановился. Еще думалъ вѣрно, что я

его о чемъ-нибудь спросить хочу... Конечно-съ!.. Но тогда, да вѣдь я тогда жизнь свою, кажется отдалъ бы, чтобы навѣрно то знать... Мнѣ показалось: это сочетанье двухъ душъ! Всю лекцію я съ него глазъ не оводилъ.

«Кончились лекціи, я пошелъ за нимъ. Онъ сталъ надѣвать шинель, я бросился къ своей. Онъ вышелъ, я стоялъ ужъ на крыльцѣ. Его коляска подъѣхала; онъ сталъ надѣвать перчатки. И вотъ-съ въ это-то самое время, какъ, въ двухъ шагахъ отъ него, я пристально глядѣлъ ему въ лицо... вдругъ онъ чему-то улыбнулся. Не знаю, жадѣлъ ли онъ тогда, смѣялся ли, что я не въ коляскѣ.

«Только вотъ-съ, недѣля другая прошла, собрался и Сеничка въ университетъ. Пошли, приходимъ. Стоимъ мы съ нимъ на верхней площадкѣ, вдругъ Сеничка, вижу, сейчасъ его замѣтилъ.

«— Не знаешь ли, спрашиваетъ, кто это такой, вонъ тотъ бѣлокурый?»—Это графъ Манлинъ. Сеничка оправилъ волосы, подтянулъ сюртукъ. А надо вамъ сказать, я за нимъ съ самаго начала замѣтилъ, что все онъ этихъ-то господъ выма-тривалъ!..

«И какъ ему только удавалось! Въ самомъ непродолжительномъ времени, вѣрите ли-съ, ужъ онъ со всѣми ими и руку жметъ. Кому лекціи предложить, кому, знаете ли, этакое рылѣвское стихотвореніе списать дать; другимъ, можетъ-быть, ужъ Богъ его знаетъ, просто наружностью понравится,—только со всѣми найдется. Вдругъ, вижу, Сеничка и графу Манлину руку жметъ. И вѣдь еще чтò всего досаднѣе-то, этотъ-съ Манлинъ... ну право-съ это было особое существо! Совсѣмъ на тѣхъ-то господъ не похожъ былъ!.. Вѣрите ли-съ, въ какіе-нибудь полгода со всѣмъ курсомъ сошелся. Все-му курсу, вижу, онъ руку жметъ, и всѣ ему жмутъ. Только я съ нимъ никакъ познакомиться не могу. Бывало, самъ подойдетъ, заговорить, а я ни слова, еще отвернусь, да въ сторону отойду.

«Разъ Сеничка говоритъ мнѣ (вечеромъ это было, мы съ нимъ за чаемъ сидѣли): «Пареуша! а я вѣдь себѣ квартиру ищу.» Это-съ меня такъ и ошибло.—Какъ, говорю, квартиру? Ты развѣ отъ меня съѣхать хочешь?—«Да, вѣдь чтожъ, говорить, развѣ можно весь вѣкъ жить вмѣстѣ? А притомъ, вотъ видишь ли, у насъ съ тобой нравы разные. Я тебѣ это прямо скажу.»

«Я чуть не заплакалъ-съ. Однакожь, на томъ пока и кончилось. Онъ разсмѣялся и сказалъ только, что пошутить».

«И Богъ знаетъ, какъ ему все удавалось! Вѣрите ли-съ, я все-таки богаче его былъ, а вѣдь такъ не жилъ-съ. Матушка мнѣ аккуратно изъ своей пенсiи помогала, и кромѣ того мнѣ на дорогу дала (боречь велѣла) двѣсти рублей ассигнаціями. Но я такъ не жилъ, какъ онъ. Онъ-съ и въ театры катался, и каждый день домой за полночь прибѣжалъ.—Сеня, какъ ты это дѣлаешь? часто я спрашивалъ его.—«Ты, Пареуша, говоритъ онъ, не сердись на меня, но ты, право, глупъ. Слушай же: ты носишь дырявые сапоги, сюртукъ на тебѣ всегда сидитъ чортъ знаетъ какъ, перчатки отбѣтъ двугривенный,—много ли ты ото всей такой экономiи выгадаешь? Копѣечный счетъ въ итогѣ! А я, пойми это, такъ не могу. Вѣдь изъ разчета, говорить, не могу. За перчатки я охотно дамъ синенькую, сюртукъ мнѣ стоить двѣ бѣленькихъ, да вѣдь развѣ въ твоихъ-то дырявыхъ сапогахъ я могъ бы вездѣ быть?.. А это мнѣ нужно. Нужно—понимаешь? Да нѣтъ... ты глупъ, Пареуша. Ничего, братъ, ты не понимаешь. Трефовый валетъ ты!» Вотъ-съ, и поймите еще это новое-съ выраженіе! обратился ко мнѣ Пареушъ Ивановичъ съ горькою улыбкой.

«Однакожь мы съ нимъ жили очень дружно. Особенно же мнѣ въ немъ то нравилось, что хоть и гулялъ, умъ говорить нечего, гулялъ, но дѣло свое зналъ. Непомѣрной аккуратности человекъ былъ! Вотъ это мнѣ въ немъ очень нравилось, и мы очень очень, хорошо жили съ нимъ.

«Только-съ Малинъ, Манинъ, вотъ что не выходило у меня изъ ума. Вѣдь я его, знаете ли, до помѣшательства любилъ, хотѣлъ къ нему анонимное письмо писать... И нуще-то всего то меня мучило, что съ Сеней-то я не могъ толковать о немъ... Сейчас оемѣтъ. Я тайлся. Но вы знаете ли что такое-съ тайть острасть въ себѣ? И острасть-то какую же? самую безумную-съ! Ну чего я хотѣлъ? Хотѣлъ только сказать Манину: Манинъ! Я безъ ума отъ васъ. Ну да не безуміе ли же это въ самомъ дѣлѣ? Но да-съ, да-съ и тысячу разъ да: я хотѣлъ этого. Какъ вы себѣ это объясняете?» обратился ко мнѣ Пареушъ Ивановичъ съ такою неожиданностью, что я растерялся.

Онъ молчалъ, настойчиво глядя мнѣ въ глаза.

— Простѣйшее человѣческое чувство, отвѣчалъ я,—если оно сдвлено, дѣлается какимъ-то болѣзненнымъ, и растеть....

— Я и самъ послѣ думалъ, что еслибы сошелся съ нимъ

ничего бы этого не было, просто бы обошлось. Но тогда.... (И меня очень удивила въ Пареевъ Ивановичѣ такая склонность къ самоанализу. Онъ и теперь, на моихъ глазахъ, вель свой разказъ такъ, какъ будто самъ за собою на каждомъ словѣ подсматривалъ и подолушивалъ. Но онъ былъ боленъ, и можетъ-быть, самыя приемы нервно-горячешнаго настраивали меня къ такому впечатлѣнію.) Ахъ, вѣдь знаете ли, я завидовалъ его лакею, я серьезно хотѣлъ хоть бы лакеемъ его быть! Помилуйте, да чтò жь это? Безумная-съ, безумная страсть!.. Наконецъ я дольше передъ Сеничкой не могъ таяться. Разъ вечеромъ (опять-таки мы за чаемъ сидѣли) я ему все открылъ. Отвѣтъ его ужасно меня поразилъ. «Да, сказалъ онъ,—я это понимаю!» и слезивъ обвѣ руки вотъ такъ ладонями, поднесъ ко лбу: «это можетъ, можетъ быть....» Ахъ-съ! (Пареевъ Ивановичъ какъ-то подпрыгнулъ). Я все ждалъ, что онъ мнѣ отвѣтитъ свое: пустяки, боялся услышать насмѣшку.... Поймите жь что-нибудь послѣ того. Вѣдь какъ онъ только-съ сказалъ это свое да, вѣдь я его возненавидѣлъ! вѣдь я-съ, какъ звѣрь, какъ звѣрь хотѣлъ кинуться, задушить!.. Я проклиналъ себя. Я рѣшился имени Манлина не произносить передъ Ноевымъ. Какая жь польза-съ? Ноевъ видѣлъ его каждый день и говорилъ съ нимъ; я также видѣлъ, но не говорилъ.

«Чтò жь вы думаете? вѣдь переѣхалъ отъ меня Сеничка на другую квартиру, переѣхалъ. Я одинъ остался. Но ничего-съ, мы оставались пріятелями. Онъ каждый день у меня бывалъ, со мной и обѣдалъ; я къ нему хаживалъ. И славно онъ у себя все устроилъ, и расстановилъ.... «Какъ тебѣ, говорить, у меня нравится?»—Ужь ты, я говорю, самъ знаешь, ты шутокъ, Сеня!—«Нѣтъ, говорить, еще не все. Вотъ тутъ этажерку надо, тутъ столикъ: и маленькая квартирка, но по мнѣ.» Только ужь очень мнѣ обидно вотъ чтò у него показалось: вижу-съ на письменномъ столѣ у него многихъ товарищей портреты стоятъ. А моего нѣтъ! Ну вѣдь вы сами скажите: чтò жь они ему были-съ? Вѣдь я-то съ нимъ все-таки... ну да чтò говорить? Ну вотъ-съ я на своемъ чердакѣ одинъ остался, какъ есть одинъ.

«Тогда-то-съ я думалъ, что скоро помѣшаюсь, я знаете ли? истинно бывали минуты, когда я думалъ: ужь не помѣшался ли я? Въ университетѣ я ходилъ единственно для Манлина. Когда онъ уѣзжалъ, и я уходилъ съ первой лекціей. Продавъ его понапрасну всю лекцію, я, бывало, ужь надѣваю

шинель. Вдругъ онъ показывался въ сѣняхъ,—я, чтобы только никто не замѣтилъ, вѣшалъ ее опять на вѣшалку. Неотступно, неотступно слѣдилъ за нимъ. Изъ университета нарочно я проходилъ каждый разъ мимо ихъ дома. Это дворецъ-съ былъ! У Грши Манлина комнаты были въ нижнемъ этажѣ, окна—прямо на тротуаръ. Я каждый разъ видѣлъ какъ-съ молодой Манлинь сидитъ тамъ за мольбертомъ, съ кистями, палитрой,—какъ-съ онъ играетъ на своей рояли,—какъ съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, забѣжавшихъ изъ университета, сидитъ тутъ на самомъ окнѣ....

«Ну-съ, а Сеничка тогда совсѣмъ другой сталъ, началъ онъ, помолчавъ немного.—Имѣютъ же вѣдь люди такую способность превращаться! Вицмундиръ онъ тогда себѣ такой сшилъ, вѣрите-ли, всѣ бросились по его образцу заказывать. Въ аудиторіяхъ ужъ гдѣ ему было со мной толковать.... онъ все толковалъ съ своими. Феноменъ былъ-съ!

«Разъ прихожу къ нему въ сумерки на квартиру... вдругъ-съ на его письменномъ столѣ портретъ Манлина вижу-съ! Никогда еще я такъ долго и такъ близко не вглядывался.... Чтѣ это было за лицо! Вѣдь это-съ въ кружевной колыбели рѣдиться надо было, чтобы имѣть такое лицо!.. всю свою жизнь улыбаться только, да ни разу, ни о чемъ даже не помыслить о нашемъ-то, о будничномъ... чтобы имѣть такое лицо!... Ну роскошь, роскошь бытія!

«Вотъ-съ и мартъ наступилъ. Я любилъ мартъ. Начнетъ снѣгъ таять, окна выставляются, цѣлый день, бывало, ходишь по улицамъ и все-таки до-сыта не находишься. Разъ забѣжалъ ко мнѣ Сеничка передъ вечеромъ папиросу выкурить.—Посиди, говорю, еще, куда жъ ты?—«Нельзя. Къ Манлину. У него нынче пуншъ будетъ.» И ушелъ.

«Въ 1-мъ часу ночи взялъ я свою шинель.. ну вѣдь и пошелъ-съ туда. Прекраснѣйшая мартовская ночь была! Всѣ комнаты у Манлина освѣщены были. Гляжу подъ занавѣску: тамъ! Сеничка тамъ! Человѣкъ съ пять ихъ было. Къ рояли садятся, играютъ. И Сеничка мой-съ, — ну просто не отличишь его со всѣми. Подали имъ шампанское-съ, я и ушелъ.

«На другой день Сеничка ко мнѣ приходитъ.—Ну что, говорю, весело ли тебѣ вчера было? — «Вообрази, говорятъ, положеніе-то какое! Битыхъ три часа толкуютъ себѣ мои господа о какихъ-то своихъ тетушкахъ, да бабуш-

кахъ; все это братъ, *tante princesse* да *cousine comtesse*... Вѣдь волей-неволей поддерживай и я ихъ разговоръ.»—Какъ же, говорю, ты сдѣлалъ?—«Ну и я также: и кто изъ нихъ мнѣ больше нравится, и кто глупѣе всѣхъ, и у кого какіе волосы... все какъ по пальцамъ выложишь.»

«—Сеня! да какъ же это?» опять спрашиваю. Разсмѣялся онъ, всталъ, ударилъ меня по плечу, ну и опять свое-съ говорить: «Эхъ, Пареуша! ну, право же, трефовый валетъ ты!» Вотъ и все-съ.»

Пареенъ Ивановичъ обратилъ на меня долгій вопросительный взглядъ.

«Вотъ разъ прибѣгаетъ ко мнѣ Сеничка. «Пареуша, знаешь что? дай мнѣ денегъ пожалуста.»—Сеня, говорю, вѣдь ты самъ знаешь: ты у меня всѣ перебралъ. «У тебя, говорить, я знаю, есть.» Понимаете ли? это онъ о тѣхъ-то, которыя матушка мнѣ на черный день дала, беречь велѣла.—Право, говорю, Сеня, ужъ и не знаю какъ... да тебѣ зачѣмъ? «Вотъ какъ нужно!» (И, знаете, на горло показываетъ.)—Скажи, что жъ такое, Сеня?—«Ты, говорить, можетъ-быть, и не поймешь даже; тебѣ все это пустяками пожалуй покажется, но, братъ, часто вся жизнь отъ пустяковъ.» Я сталъ думать, какъ мнѣ тутъ быть?—Послушай, говорю, Сеня, вѣдь если я тебѣ и дамъ изъ нихъ, эти ты мнѣ въ срокъ отдай; эти я не могу... «Э, говорить, какъ ты любишь изъ пустяковъ безпокоиться; это вѣрно, вѣрно.» Сталъ я отсчитывать, а ужъ онъ говорить: всѣ дай. Выхватилъ у меня изъ рукъ, отсчиталъ полтораста (довольно ему показалось) и спряталъ въ свой бумажникъ. Запираю я остальные пятьдесятъ-то рублей и опять говорю:—Смотри же, Сеня, ужъ эти пожалуста... это и не мои, матушкины деньги.—«Какой, говорить, ты чудакъ, Пареуша! ужъ говорю тебѣ: вѣрно. Вѣдь ужъ ты знаешь, каковъ я на долги!...» И вѣдь правда-съ, правда-съ! на долги аккуратнѣе его человѣка не было, кредитъ большой имѣлъ!... Только-съ опять и тутъ я, опять-таки одинъ я, какимъ-то страннымъ для него исключеніемъ былъ. Всѣмъ, бывало, выплатить; мнѣ—вѣдь никогда такъ и не отдавалъ! И почему же-съ? отчего это такъ, скажите? Все оттого же, думаю-съ, что изволите видѣть, я не человѣкъ, я-съ трефовый валетъ былъ!»

Горькое выраженіе показалось на обращенномъ ко мнѣ лицѣ Пареена Ивановича.

«Ну-съ, онъ вѣдь не ушелъ сейчасъ же. Сѣлъ на диванъ, закурилъ папироску и говоритъ: «Пареуша, у меня до тебя еще проеѣба. Дай мнѣ пожалуста твой малиновый халатъ и еще нѣкоторыя твои вещи. Мнѣ на два дня всего.» А надо вамъ сказать, былъ у меня бархатный малиновый халатъ, богатѣйшая вещь-съ... такъ въ углу подъ чашломъ и висѣлъ всегда; матушка мнѣ въ подарокъ, на дорогу, еще изъ своего приданого салопа сшила.—Возьми, говорю, пожалуй, да на что тебѣ все это, скажи Сеня.—Онъ-съ только смѣется.

«— Чудакъ, говоритъ, Пареуша... вѣдь ты право не поймешь. Вотъ эту подушку сабьянную возьму, вотъ этотъ коврикъ дай. Еще у тебя какія-то большія книжицы были, Лапласъ кажется. Это, говоритъ, непременно дай. По научной части, занимаешь?...» А самъ все только смѣется.

«— Да чему жъ, говорю, ты смѣешься-то? Скажи, что все это, Сеня?

«— Вотъ видишь ли, говоритъ... ну да вотъ что. Квартиру мою ты знаешь, вѣдь, право, довольно прилична; но многихъ вещей еще не достааетъ. А завтра вечеромъ у меня гости, и Манлинь будетъ. У меня ужинъ.

Какое это? Я такъ и онѣмѣлъ. Хочу говорить... онѣмѣлъ. Понимаете? Онъ мнѣ ничего про меня-то... У меня отнялся языкъ, не могу. А онъ-съ, замѣтилъ это, или ужъ самому стало неловко, только сошелъ съ дивана и сталъ ходить по комнатѣ. Больше мы съ нимъ и не разговаривали.

«На другой день еще поутру прѣзжаетъ на извозникъ съ своимъ мальчикомъ; а ужъ у него, вижу, мальчикъ казачкомъ одѣтъ. Отобралъ онъ все что нужно-съ, книги взялъ... съ мальчикомъ на извозникъ и отправилъ; а самъ назадъ ко мнѣ пришелъ. Сидитъ онъ со мной, разговариваетъ, чай пьетъ. И о театрѣ, объ университетѣ, обо всемъ толкуетъ.—Какой, говорю, въ самомъ дѣлѣ славный этотъ графъ Манлинь; какъ бы я хотѣлъ, Сеня, съ нимъ познакомиться.—Сказалъ это, ну вѣдь и слышу-съ, къ ушамъ притекло. Сеничка-то что жъ бы вы думали мнѣ на это?—«Да, говоритъ, это премилый мальчикъ; да и знакомится-то онъ, еслибы ты зналъ, какъ легко со всѣми!»—И только-съ. И опять сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, и что-то насвистывать. Я ужъ все время послѣ того только молчалъ. И онъ ходитъ и молчитъ... «Ты развѣ, говоритъ, въ университетъ не пойдешь нынче?»—Нѣтъ.—«Ну, а мнѣ еще и туда надо, прощай,»—пожалъ руку и вышелъ.

«Я вдругъ зарыдалъ, какъ онъ вышелъ, какъ ребенокъ заплакалъ!.. Не позвалъ, не позвалъ меня, думаю...

«Да что мнѣ-то-съ? Вѣдь онъ же ходилъ ко мнѣ безъ зову. Ну-съ, и право, такія мгновенія были, вѣрите ли, еще и его оправдывалъ. Это, говорю, онъ меня оттого только не позвалъ, что мы съ нимъ—друзья. Онъ увѣренъ, что я безъ всякаго зову буду. Да нѣтъ-съ, развѣ самого себя обманешь?

«Да какое жъ мнѣ дѣло, думаю? Кто жъ мнѣ можетъ запретить придти и постучаться? Никто не можетъ. Еслибъ я къ графу Манлину безъ спросу пришелъ, это бы просто глупо было-съ. А къ Сеничкѣ, къ Сеничкѣ—это ничего. Какое жъ мнѣ дѣло, что онъ меня не звалъ? Возьму, отворю дверь и войду. Да, да... я рѣшилъ это...

— Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ!.. неожиданно жаль онъ мнѣ руку.

«Вечеромъ выхожу-съ, пусто было на улицѣ. Я шелъ и все обдумывалъ. Сени меня не ждетъ, у Сени теперь пирушка, Гриша Манлинь у Ноева... Свернулъ я только съ Тверской въ одинъ переулокъ: освѣщено-съ все, кареты, коляски гремятъ, двери въ магазинахъ хлопаютъ, у воротъ шумятъ, смѣются-съ... Подошелъ я къ Сеничкиной квартирѣ,—вернуться хотѣлъ. Никому, думаю, никому-съ дѣла нѣтъ никакого, ни малѣйшаго дѣла!.. Ужъ у крыльца стою, плюнулъ вдругъ и—дуракъ! дуракъ, говорю, ну зачѣмъ я сюда пришелъ? Вѣдь не пустяки ли въ самомъ дѣлѣ?.. Да вѣдь глупо, глупо, ну просто глупо-съ! Постоялъ, отошелъ. Освѣщено все у нихъ такъ было въ верхнихъ комнатахъ, и слышу, смѣются! Нѣтъ-съ, вѣдь не пошелъ назадъ. Подхожу къ крыльцу, и прямо побѣжалъ наверхъ. Передъ самой дверью остановился. Они тамъ хохочутъ-съ! Слышу въ двухъ шагахъ отъ меня всѣ ихъ крики. И Манлина-съ голосъ слышу! «На ты?» кто-то сказалъ «Ну питы!» и брудершафъ пиди, и всѣ они стали на ты-съ. Я стоялъ и только думалъ: ну что если кто-нибудь изъ нихъ вдругъ отворитъ дверь?.. Вдругъ Манлинь (его, слышу, такой, знаете ли, ребячeskій голосъ) спрашиваетъ у Ноева... Ну какъ бы вы думали-съ, о чемъ онъ его вдругъ спросилъ? Слышу-съ: «Ноевы! а гдѣ жъ твой пріятель? Отчего съ нами Скрипицына нѣтъ?» А? И Сеничка-съ... Да вѣдь я слово въ слово своими ушами-съ его отвѣтъ слышалъ: «Фи, Скрипицынь! Помѣшанный человекъ!»

«Я рванулъ дверь и прямо вошелъ къ нимъ.»

— Ну, скажите на милость, зачѣмъ я туда вошелъ? Не глупо ли-съ... на явное-то осмѣяніе? Вѣдь я слышалъ, слышалъ это все, и вошелъ. И какъ медвѣдь какой ввалился, и ни съ кѣмъ не поклонился даже, на Манлина-съ не взглянулъ... Какой Манлинъ-съ! Да лучше бы мнѣ провалиться было, чтобъ онъ только не видакъ, какое тогда на мнѣ лицо было? Сеня—ничего-съ. И вижу я у нихъ тутъ рейнвейны-съ, ужины. И Ноевъ въ моемъ малиновомъ халатѣ; на столѣ у него книги мои... Туманъ-съ, рѣшительно туманъ какой-то у меня въ головѣ стоялъ. Не знаю, какъ я очутился въ другой комнатѣ, и свѣчи тамъ не было. Ноевъ сейчасъ же вышелъ ко мнѣ. «Ну вотъ видишь ли, говорить, Пареуша, ты не сердись же на меня, что я тебя не позвалъ. Вѣдь я знаю тебя: ты дикарь! ты у меня нелюдимка! И что жъ тебѣ съ ними: вѣдь это пустошь!» Ужь не знаю-съ, какъ я его дослушалъ. Я ужъ только за дверью опомнился... И не понимаю, какъ я тогда не упалъ съ лѣстницы. Иду—шатаюсь. Ахъ, вѣдь знаете ли, когда я опять очутился дома, на чердакъ-то, гдѣ мы съ Сеней жили... вѣдь я-съ... на самоубійство рѣшался! Нѣсколько разъ ужъ брнты въ рукахъ держалъ.»

Вдругъ больной неестественно измѣнился. Глаза его сплослись, какъ у помѣшаннаго. Онъ дрожалъ.

«Какъ онъ меня смѣлъ назвать дикаремъ? вдругъ онъ вскрикнулъ и ударилъ кулакомъ по кровати.—Да кто жъ ему сказалъ, что я дикарь? Да развѣ я нелюдимъ? Помилуйте!.. (Пареень Ивановичъ не договаривалъ, а какъ-то отрывочно стоналъ и смѣялся.) Чѣмъ же все это кончилось? спросилъ онъ какъ бы самъ себя, вновь обратившись ко мнѣ.—Ноевъ пріѣхалъ ко мнѣ на другой же день и... и что жъ хотите? вѣдь я не имѣлъ духу сказать ему: ты негодяй, Сеня! А онъ—ничего. И всѣ четыре года былъ со мной—ничего. Да нѣтъ-съ, вѣдь я его и любилъ. Самъ не знаю за что, а любилъ-съ. Привыкъ, привыкъ-съ. А Манлинъ... Кончилось тогда. Я все разомъ вотъ такъ, вотъ такъ...»

Онъ крѣпко сжалъ въ кулакъ исхудалую кисть своей руки. «И прошли всѣ четыре года—такъ!» добавилъ онъ.

Въ комнату вошелъ докторъ, въ сопровожденіи дежурнаго. Я всталъ и посторонился.

— Что вамъ докторъ? мой пульсъ угодно? спросилъ Пареевъ Ивановичъ.—Извольте-съ, извольте-съ! и онъ вытянулъ къ нему

свою руку, съ которой свѣсился широкій рукавъ больничнаго халата.

Докторъ внимательно выслушивалъ, и молчалъ.

IV.

— Полегчило Парееву Иванычу! сказалъ мнѣ знакомый инвалидъ, Егоръ Власевъ, когда я опять проходилъ по корридору къ больному.

Въ этотъ разъ, дѣйствительно легче ему было. Прежде я заставлялъ его въ безжизненной апатіи; теперь и глаза его сверкали, и онъ радовался моему виду.

— Я васъ все ждалъ, все ждалъ... долго вы не приходили, сказалъ онъ.

Мнѣ не было надобности объяснять ему, что и вчера и третьяго дня я сидѣлъ у его кровати, но что онъ былъ въ безпамятствѣ. Больной тогда или лежалъ забывшись, или, сидя, бредилъ съ открытыми глазами. Онъ не узнавалъ.

Пареевъ Ивановичъ послѣ этихъ нѣсколькихъ дней сталъ еще худѣе. Какая-то сивена показалась по лицу и на рукахъ.

Видя его слабость, и что онъ опять готовъ забыться отъ волненія, я боялся давать ему говорить.

— Этимъ-то я и боленъ, поймите! сказалъ онъ, примѣтивъ мои колебанія.—Ради Бога, слушайте!

Онъ началъ, и говорилъ почти въ такихъ словахъ:

«Ахъ, какіе тяжелые, тяжелые года я пережилъ-съ! Скоро по моему выходѣ изъ университета, матушка моя умерла-съ, ну, я и не захотѣлъ вернуться на родину... Опять же вѣдь и оттуда все сюда бѣгутъ, въ Петербургъ, въ Москву! Сталъ я себя искать службы... мѣста... Ну, это-то что жъ разказывать-съ? И вѣдь учителемъ чего же сталъ: математики-съ!.. Нанялъ я себя домикъ тогда... Ну да вѣдь вы-то знаете.»

(Я только утромъ того же дня проѣзжалъ ихъ улицей, и мнѣ сдѣлалось невыразимо-грустно, когда я увидѣлъ тотъ желтенькій домикъ.)

«Вотъ лучше о чемъ я вамъ скажу. Мнѣ часто на умъ приходилъ тогда этотъ вопросъ: что такое-съ нужда? Въ карманѣ у меня остался одинъ пятиалтынный. Каждый день хо-

дьял я къ начальнику въ переднюю,—ну, то-есть въ его канцелярію,—не все ли одно-съ? О моемъ опредѣленіи мнѣ говорили двѣнадцать недѣль къ ряду: завтра. Нанималъ же я тогда не квартиру-съ, а холодный чуланчикъ... въ Рогожской... Да-съ, у заставы. Сапоги, конечно, были ветхи-съ! Обѣдалъ съ лотка, печенкой-съ. Матушкины деньги, двѣсти рублей, которые берегъ я на черный день, конечно, очень бы тогда мнѣ пригодились. Но, вѣдь, хоть и пятый годъ шелъ, все еще видно, Сеничка очень въ нихъ нуждался. И вотъ тутъ то я хочу спросить васъ: что такое нужда? Сеничка давно къ тому времени катался въ каретѣ, обѣдалъ съ шампанскимъ. Съ какою-то развратницей подружился. Конечно-съ, изъ Петербурга онъ не могъ видѣть Пареена Иваныча Скрипицына. Это вотъ правда-съ.»

— Но какъ же онъ дошелъ до всего этого? невольно спросилъ я.

« Очень умно-съ, отвѣтилъ Пареевъ Ивановичъ.—Правду онъ сказалъ, что вся жизнь часто отъ бездѣлицы. Видите ли, онъ еще студентомъ поселился въ домѣ у Манлиныхъ. Да-съ, въ домѣ у него и жилъ, вотъ какъ сошлись. Онъ его и къ экзаменамъ готовилъ, онъ же и на службѣ долженъ былъ его руководить. Какъ же-съ? Старики такъ вмѣстѣ и отправили ихъ въ Петербургъ. Какая-то у графа Манлина бабушка была, всѣмъ Петербургомъ ворочала. Очень ей Сеничка полюбился... Самъ онъ, самъ мнѣ все это очень хорошо рассказывалъ. Манлинъ изъ Петербурга пріѣдетъ — и онъ съ нимъ; Манлинъ въ Петербургъ—и онъ съ нимъ... да нѣтъ-съ, зачѣмъ, зачѣмъ все это рассказывать? Вотъ на что мнѣ лучше отвѣтите: что такое нужда-то? Знаете ли-съ, я чуть-чуть поэтому не сдѣлался! поэму-съ хотѣлъ писать! Какъ идешь, бывало, изъ канцеляріи начальника въ свою Рогожскую-съ, съ лотка блинъ купить не на что, подъ ногами ноябрьскій морозъ, падаешь... ну, просто на тротуарную тумбу валишься.. Идешь, и «да что жъ такое нужда-то», про себя думаешь. Господинъ какой-нибудь во фракѣ-съ, тотъ—другое дѣло! Когда у него не случится двухъ тысячъ цѣлковыхъ на какой-нибудь браслетъ для танцовщицы... ну тотъ, конечно-съ, имѣетъ право рвать на себѣ волосы, и кричать: нужда! нужда! А развѣ трюфовые вилеты чувствуютъ нужду? Эхъ-съ, имъ ничего: все на своей шкурѣ вынесутъ. У нихъ она-съ воловья! Трюфовымъ вилетамъ это ничего-съ...»

«Опредѣлили меня къ учительству. Сшилъ я себѣ фракъ съ орловыми пуговицами, сталъ юношеству преподавать алгебру-съ. И всѣ пустяки-съ изъ головы улетучились. Сталъ я каждый день аккуратно ходить въ школу, въ передней у себя на стѣнкѣ часы повѣсилъ... Маатникъ, вотъ другъ-то оди-ночества, все стучить. Отобѣдаешь, какъ придешь изъ школы, дѣтскія тетрадки съ задачами пересмотришь; къ вечеру, иногда, къ Смоленской площади пройдешься, и опять домой. Завтра опять въ школу. Итакъ годъ прошелъ, и другой, и третій: вижу-съ, не мреть человѣкъ съ этого.»

Пареенъ Ивановичъ опять склонилъ голову тѣмъ полуоборотомъ, который всегда у него сопровождался какимъ-то необыкновенно-саркастическимъ выраженіемъ. «Ахъ-съ, долженъ ли я вамъ все разказывать?» сказалъ онъ.

Въ это время дверь отворилась, и неизмѣнная чашка курянаго бульйону, съ ломтемъ бѣлаго хлѣба, явилась обѣдомъ больному. Пареенъ Ивановичъ растерялся какъ-то; ему бы не хотѣлось, чтобъ его прерывали. Онъ рѣзко махнулъ рукой и сильно выговорилъ больничному служителю: «Не хочу-съ, не хочу-съ!» Я, однако, уговорилъ его не лишать себя пищи. Тогда наскоро выпилъ онъ чашку, наскоро отъѣлъ отъ ломтя бѣлаго хлѣба, и поспѣшилъ остатки положить на тарелку, чтобы скорѣй унесли.

— Ну-съ (Пареенъ Ивановичъ опять сѣлъ на койкѣ, поднялъ колѣни, охватилъ ихъ руками и долго глядѣлъ на меня пристально), любили ли вы когда-нибудь? Скажите мнѣ, въ жизни вашей любили ли вы?... Знаете ли вы это?..

Весь онъ измѣнился, лицо удивительно оживилось и, какъ помѣшанный, онъ продекламовалъ:

«Liebe macht den Himmel
Himmlischer, die Erde
Zu dem Himmelreich!»

и, сказавъ это, онъ остановилъ на мнѣ такой сосредоточенный взглядъ, что я совершенно смѣшался. Дѣйствительно, это былъ взглядъ помѣшаннаго; но правда и то, что именно такое выраженіе въ общежитіи зовутъ восторженнымъ и исполненнымъ чего-то небеснаго.

«Любили вы когда-нибудь?» въ третій разъ спросилъ меня

больной, но уже какой-то раздрающій вопль души я услышалъ въ этомъ вопросѣ. Онъ долго молчалъ. Нѣсколько разъ, отрываясь отъ боли и поглядывая на меня, воскликнулъ онъ: «ахъ!» и опять прижималъ ко лбу свою ладонь. Въ двухъ верхкахъ передъ его глазами, казалось, носилось что-то. Медленно проводя пальцемъ, онъ точно свѣвалъ паутинку.

«Вѣдь я не долго оставался одинъ, опять началъ Пареевъ Ивановичъ.—Вопервыхъ, изволите видѣть, Сеничка меня навѣщалъ. Какже-съ! Соскучились ли они въ Петербургѣ, или что другое,—разберешь ихъ развѣ тамъ,—только графъ Манлинъ переѣхалъ въ Москву: ну и Сеничка съ нимъ... А еще-съ сошелся я съ Натальей Кириловой... старушка была-съ, жилища на нашемъ дворѣ. На крыльцѣ, бывало, увидишь ее; по воскресеньямъ ужь непременно къ обѣдни собиралась, тутъ изъ окна ее въ воротахъ увидишь. Потомъ-съ она мнѣ и кланяться начала. Выговариваетъ: что никогда не зайдете? дѣло сосѣдское. Старинная, знаетъ! Тучная-съ, кругленькая-съ, здоровая-съ. Въ одно воскресенье я и пошелъ къ ней. Сидитъ, кушаетъ она съ просвиркой чай, и очень мнѣ обрадовалась. «Какое, говоритъ, Богъ мнѣ счастье послалъ въ сосѣдахъ; вотъ и прежде на вашей квартирѣ маклеръ жилъ, хорошій человѣкъ, вотъ и вы-то живете: также хорошій человѣкъ. Я люблю степенныхъ людей!» Старинная, знаетъ... Я къ ней потомъ и по вечерамъ сталъ ходить. Сидитъ она на своемъ кожаномъ диванѣ, въ очкахъ, чулокъ вяжетъ; на столѣ свѣчка въ большомъ шандалѣ, щипцы лежатъ на лодочкѣ. Такъ мы съ ней бесѣду и дѣлили.

«—Что вы, говоритъ она мнѣ,—и молодой человѣкъ, а все скучаете. Нѣтъ, мы молоды были, не скучали. Вотъ, вы по утрамъ службой заняты... Такъ-то, бывало, и покойникъ мой. Чуть утро, онъ ужь и въ сенать (писцомъ былъ), а какъ придетъ домой со службы, и очень веселился. Женитесь-ка, батюшка мой Пареевъ Иванычъ, сами увидите: не на скуку Богъ людей сотворилъ. Состаритесь, у васъ дѣти будутъ молоды. Вотъ у насъ-то съ покойникомъ всего одна Лидочка осталась, а я Бога по конецъ моихъ дней буду благодарить за Лидочку. Вотъ и нашлись же добрые люди; вотъ, за мои вдовьи слезы, и пристроили ее, сироту. Какъ же, батюшка, въ училищѣ воспитывается, въ дирекціи...

«Странная тогда у меня зашевелилась мысль. Мнѣ было-съ...

Сколько мнѣ тогда было-съ?.. да лѣтъ тридцать мнѣ тогда было-съ. Понимаете-ли, я еще не зналъ тогда: могу ли, захотятъ ли, будетъ ли это, что женюсь-то я на Лидіи Платоновнѣ?.. Но вѣдь-съ ужь я сталъ любить Лидію Платоновну. Ни разу не видалъ ея, не знаю, какая она, а ужь чувствую съ тѣхъ поръ: ну, люблю, страстно люблю Лидію Платоновну. Каждый день ну такъ и иду къ Натальѣ Кириловнѣ...

«Вотъ наступилъ мартъ.. опять-таки мартъ мѣсяць. Дочка Натальи Кириловны прѣзжаетъ къ матушкѣ. Въ моихъ мысляхъ вѣдь ужь она совсѣмъ моею невѣстой была, вотъ я и пошелъ смотрѣть. Боже милостивый! Могъ ли я ожидать? Да и помыслить нельзя было, что у Натальи Кириловны такая дочка!.. Ахъ-съ, удивительно хороша она была! И вѣдь какое лицо это было! не присмотришься къ выраженію, не уловишь. Точно и смѣется, и нѣтъ. Говорить, не разберешь: насмѣшка это, сочувствіе ли? Въ одномъ изданіи Шиллера къ его *Орлеанской Дѣвѣ* портретъ приложенъ Юанны д'Аркъ, или ужь не знаю-съ, фантазія художника-съ. Очень на него похожа была. Такъ-съ въ мой первый визитъ почти я съ ней и не говорилъ. Наталья Кириловна рекомендуетъ. Спѣтъ ей романсы приказываетъ, за клавикорды сажаетъ... Стою, теряюсь.

«Скоро у нихъ маленький кружокъ составилъ. То и дѣло сталъ къ нимъ приходитъ молодой квартальный,—Егоръ Яковличемъ звали,—и все онъ Лидіи Платоновнѣ какія-то голубыя ленты дарилъ. Еще-съ одинъ танцовальный учитель былъ, совсѣмъ мальчикъ, ну просто-съ херувимъ во фракѣ, да чиновникъ какой-то. Засадить всякій разъ Лидіи Платоновна Егора Яковлича за клавикорды, а сама все танцуетъ, то съ чиновникомъ, то съ танцовальнымъ. Хохотунья была-съ! Я пошелъ бывать у нихъ каждый день. Наталья Кириловна, бывало, всѣхъ отпустить, а меня еще держитъ: вы свой чело-вѣкъ, говорить. И уйдетъ въ свою комнату Лидіи Платоновна, и ужь выйдетъ въ какомъ-нибудь домашнемъ капотѣ. И сядетъ, и еще долго играетъ на клавикордахъ. Я-съ съ Натальей Кириловной обыкновенно рядомъ сажу.

«Вы знаете, у насъ на дворѣ садикъ? спросилъ меня Пареевъ Ивановичъ. (И мнѣ припомнилось нѣсколько деревцовъ бузины и акаціи, съ легкою перегородкой, которая какъ бы отдѣляла одинъ флигелекъ отъ другаго.) Я замѣтилъ, что тамъ Лидіи Платоновна часто, даже очень поздно, одна гу-

леть. Съ тѣхъ поръ и я тамъ сталъ ходить по одной дорожкѣ.

«Разъ, ну просто чуть не въ полночь (отличная, мѣсячная ночь была), возвращаюсь я домой съ прогулки. Вхожу въ ворота калиткой, заложилъ кольцо... На нихъ крыльцѣ, вижу, сидитъ Лидія Платоновна въ своемъ салончикѣ, но изъ-подъ него прямо бѣлое вижу, — шея открытая. Накрылась, думаю, и вышла какъ у себя была въ комнату. Я прохожу, какъ будто не замѣтилъ, и на своемъ крыльцѣ отпираю замокъ. Вдругъ голосъ слышу:—Сосѣдъ, это вы?

«Я бросилъ свой замокъ и обратился къ ней:—Я.

«— Гдѣ вы были?

«— Гулялъ-съ.

«— Такъ вы по ночамъ-то гуляете ?

«— Но. вотъ и вы не спите...

«— Въ комнатѣ мнѣ душно стало. Не могу спать. Маменька, удивляюсь ей, какъ она можетъ всегда спать. Надѣла я сапогъ и вышла на крыльцо. Не правда ли, какая славная ночь?

«— Отличная-съ. И стою передъ нею на своемъ крыльцѣ. А она сидитъ. Мѣсяцъ-съ такъ и освѣщалъ ее, и еще никогда она мнѣ не казалась такъ хороша, какъ тогда. Она сидѣла, облокотясь. Огъ темнаго сапога, отъ мѣсяца-съ... еще бѣлѣе казались и руки и лицо. Такъ она долго со мной говорила, а я все стоялъ. Странно же мнѣ было сѣсть противъ нея, на своемъ-то крыльцѣ.

«— Отчего, вдругъ она спросила меня,—вы такъ долго со мной говорите, а боитесь подойти?

«— Я не боюсь,—и подошелъ.

«— Сядьте же! Я сѣлъ.—«Да вы ближе сядьте, вотъ сюда сядьте!» Я на верхнюю ступеньку сѣлъ.—«Ну теперь (она мнѣ поглядѣла въ лицо, и я гляжу ей), что жъ вы ничего не говорите?» И размѣлась.

«— Чему вы смѣетесь, Лидія Платоновна? спросилъ я.

«— Я нынче много плакала.

«— О! о чемъ вы плакали?

«— Пойдемте въ садикъ, вдругъ сказала она, и вспорхнула, и пошла къ дверкѣ. Я за ней. Мы стали ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ. Ночь.. ночь какая была-съ! Вѣдь это въ началѣ мая было, свѣтлая ночь. Ужъ я не знаю... ну право же-съ, обстановка, декорація, какъ хотите, на человѣка производятъ

необыкновенное дѣйствіе... Да я бы, кажется, убѣжалъ отъ нея, я бы не зналъ, какъ мнѣ ей въ лицо смотрѣть, еслибы все это днемъ было. Я бы убѣжалъ.

«Мы долго ходили по дорожкѣ молча; вдругъ она меня спросила:—Отвѣтите мнѣ, Пареевъ Иванычъ, на одинъ вопросъ: отчего, когда вы у насъ бываете, никогда вы не пойдете ко мнѣ?»

«— Лидія Платоновна, знаете отчего это? спросилъ ужъ и я ее.—Оттого, что вы никогда не бываете однѣ. Возлѣ васъ всегда кто-нибудь есть, всегда много.

«— Охъ, очень много! сказала она и засмѣялась.—Какъ же вѣдь!.. И Егоръ Яковличъ тутъ, и танцевальный учитель... Не правда ли, этотъ Егоръ Яковличъ воображаетъ, что онъ кварталный такъ ужъ и въ самомъ дѣлѣ въ военной службѣ?»

«— Но вѣдь Егоръ Яковличъ... богатъ. Мнѣ Наталья Кириловна сказывала...

«— Ахъ, Пареевъ Иванычъ, она вдругъ отвѣтила, — отъ васъ-то ужъ мнѣ это слышать странно! Маменькѣ это простиительно; но вы... вотъ я никакъ не ожидала, что вы можете что-нибудь такое сказать.

«Ну вѣдь какъ это назвать? обратился ко мнѣ вдругъ Пареевъ Ивановичъ: вѣдь это-съ я вамъ передаю точныя ея слова. Какъ ихъ понимать было?.. Недосыгаемо, недосыгаемо-высока тогда мнѣ показалась Лидія Платоновна! Вѣдь ужъ я и не ожидалъ...

«— Вы много выше ихъ, она мнѣ вдругъ сказала, — извините меня, ужъ я такой сорванецъ, всегда прямо говорю. Но вы не говорите маменькѣ, что я выходила: вѣдь вы ее знаете! А чтò хотите,—никакъ не могла заснуть. Сидѣть одной въ комнатѣ и слышать какъ всѣ храпятъ—это скучно. Вотъ я и вышла. Я часто такъ выхожу. Нынче встрѣтила васъ, и очень рада что встрѣтила. Что, вамъ еще не хочется спать?»

«— Нѣтъ, нѣтъ.

«— И мнѣ также. Вы одни живете?»

«— Одинъ.

«— Покажите мнѣ ваши комнаты.

«Я остолбенѣлъ.

«— Ну! чтò жъ тутъ такого? и она разсмѣялась. — Вамъ странно кажется, что мнѣ восемнадцать лѣтъ, а я хочу войдти къ вамъ въ комнаты? Чтò жъ тутъ такого? Ну, отворяйте же,

принимайте гостей, — и взяла меня за руку, и мы подошли къ крыльцу.

«Я отперъ замокъ. Въ передней хотѣлъ зажечь свѣчку и ужъ провелъ спичкой по стѣнѣ. Она дунула и сейчасъ потушила. «Не надо. Развѣ темно? посмотрите какъ свѣтло!» И въ самомъ дѣлѣ отъ мѣсяца по всѣмъ стѣнамъ свѣтло, да и майская же ночь... Дни! день въ комнатахъ! Она у меня на диванѣ сѣла и стала все осматривать. У меня чистенькія комнаты былѣ, и я радъ былъ, что ей все нравится. «Гдѣ вашъ кабинетъ?» И въ кабинетъ вошла. «Ну, теперь покажите вашу спальню.» Я опять... ну просто остолбѣнѣлъ. Она звонко разсмѣялась. «Отчего жъ вы кабинетъ показываете, а спальню показать вамъ странно? Я хочу видѣть вашу спальню.» Мы вошли. У меня не было кровати. Сафьянный диванъ столѣ, а на немъ спалъ. «Вы тутъ спите?» она спросила. — Да. — «Когда я буду гулять одна въ садикѣ, и увижу у васъ тутъ свѣчку, я непременно къ вамъ постучу въ окно, слышите?» — Да. — «У васъ есть папиросы?» — Для гостей 'держу. — «Дайте мнѣ, легкую!» — И взяла и закурила. И сидитъ у меня, какъ хозяйка, на диванѣ, въ своемъ салопѣ, и курить. — «Кто вамъ эти занавѣски вышивалъ, на окнахъ?» — Я ихъ купилъ. — «Пойдемте еще въ кабинетъ... Покажите мнѣ вашъ портмоне.» Я показалъ. «Портфель?» Я показалъ... «Кто вамъ эту подушку на диванѣ вышивалъ?» — Готовую купилъ. — Она разсмѣялась. «Туфли покажите!» У меня не было, знаете, этихъ шлепанцевъ, не люблю-съ; а сафьянные сапожки такіе, и съ каблучками. Вглянула, разсмѣялась. «Ну довольно, пора. Проводите меня.» Докурила папироску, окурокъ на столѣ остался, встала. На крыльцѣ опять она остановилась и сказала: «Посмотрите, ужъ разсвѣтаетъ. Мнѣ рѣшительно не хочется спать. А вамъ?» и разсмѣялась. — Но, Лидія Платоновна, чему же, скажите, чему вы смѣетесь? — «Тому, что я разгуляла вашъ сонъ, вотъ чему. Вѣдь вамъ теперь не хочется спать, признайтесь?» Я покраснѣлъ. — «Пойдемте въ садъ,» опять она мнѣ сказала, и опять мы очутились съ ней на дорожкѣ. «Вы знаете, какой я вамъ экзаменъ сдѣлала?» спросила она меня, и все смѣется. — Какой? — «Мнѣ хотѣлось видѣть: нѣтъ ли у васъ какого-нибудь женскаго подарка?» Не знаю почему я опять покраснѣлъ. — Чтѣ жъ вы нашли? спросилъ я. «То и нашла чтѣ думала. Нѣтъ, у васъ нѣтъ женскаго подарка.» — У меня нѣтъ, сказалъ я.

«И такъ она смотрѣла, и такъ она въ это время на меня смотрѣла... И такіе были тогда у нея эти большіе, улыбающіеся какіе-то глаза... и бѣлый, бѣлый весь овалъ лица, и каштановые гладко причесанные волосы съ дѣвичьимъ по срединѣ проборомъ... и вся она передо мною, укутанная въ сарафанъ...» — Какъ хотите, такъ и назовите, переимѣнивъ тонъ, какъ-то протяжно выговорилъ Пареевъ Ивановичъ: — или самъ ангелъ это былъ! или самъ демонъ!.. Да.

«Но вѣдь это я теперь... Нѣтъ-съ, это ужъ теперь я только такъ говорю, застоналъ больной. Тогда-съ, что было! Ахъ-съ, какъ вошелъ я въ свои комнаты... ну ужъ, какъ себѣ тамъ хотите, а вѣдь-съ освящаются, самыя комнаты освящаются-съ отъ присутствія женщины!.. Гдѣ она только прошла по моимъ поламъ, для меня вездѣ веселѣй сдѣлалось. А въ сердцѣ!! Я подходилъ къ окну-съ, и такъ невыразимо хорошо все глядѣло самымъ раннимъ, весеннимъ утромъ... Небо золотилось... восходъ солнца былъ на глазахъ... къ комнаткѣ моихъ, — рай, рай-съ!..

«Вечеромъ того же дня опять Егоръ Яковичъ игралъ у нихъ на клавикордахъ, она танцевала съ танцевальнымъ. Вдругъ она сѣла рядомъ со мною. «Всѣ разойдутся, она сказала, — выходите въ садикъ,» — и порхнула опять-съ плясать.

«Я пришелъ, и она выходитъ. — «Хорошо на мнѣ платье?» Это не платье, а какая-то-съ амазонка не амазонка ужъ была на ней... Удивительно она была хороша въ ней! «Что жъ вы мнѣ не скажете? Вы рады что я васъ вызвала? Признайтесь, вѣдь еслибъ я не сказала вамъ, вы не догадались бы сами выйти, а?» — Нѣтъ-съ. — «Нѣтъ?! какой вы!» и щелкнула языкомъ. — Но вѣдь, говорю, и вы не вышли-бы? «Анъ нѣтъ,» — и голову по своему склонила на бокъ, — вышла бы!» Я только смотрѣлъ на нее и все молчалъ. «Нынче я должна уйти скоро; но мнѣ хотѣлось хоть на минуточку побыть съ вами тутъ. Приходите и завтра, и послѣзавтра, и всегда; я стану выходить. Да?» Ушла-съ, и я пришелъ къ себѣ. Легъ, взялъ книгу, — не читается.... Вдругъ стучать ко мнѣ въ окно, я вздрогнулъ даже. Одѣлся наскоро, подхожу къ окну, — это она. Смотритъ на меня, и смѣется. — Лидія Платоновна!.. подождите я выйду, говорю ей черезъ стекло. «Не смѣйте!» и замахала ручкой, засмѣялась, и убѣжала. Затворила за собой дверь на крыльцѣ, и больше не выходила.

«Что жъ это-съ? Вѣдь она меня въ какія-нибудь двѣ недѣли

совсѣмъ съ ума свела! Вы понимаете, вѣдь я ничего, рѣшительно ничего не понималъ во всемъ этомъ. Какой смыслъ всего этого? Не только ее, я самого себя боялся спросить о томъ.

«И необыкновенная, необыкновенная женщина была-съ! Точно-съ ей ни до кого не было дѣла. «Паренъ Иванычъ,» разъ она мнѣ сказала при матери, «пойдемте гулять.» — Я гляжу-съ на Наталью Кириловну, что еще ея мать скажетъ? А она-съ разсмѣялась по своему, надѣла мнѣ шляпу на голову, сама взяла меня подъ руку, успѣла подхватить зонтикъ, и мы вышли.

«Ну вѣдь такъ она меня приучила къ себѣ... все-все, что есть на душѣ, рассказываетъ прямо да и только. И я ей все-съ, ну таки рѣшительно все началъ говорить. Придешь къ нимъ, только что Наталья Кириловна начнетъ ей что-нибудь выговаривать, или, знаете, забормочетъ что-нибудь по своему, постарушечьи, она сейчасъ же: «Паренъ Иванычъ! пойдете гулять!» — И сама возьметъ меня подъ руку, и мы пойдѣмъ съ ней. Только, вѣдь вы понимаете, одно мнѣ было ужасно. Вижу, не понимаетъ, рѣшительно она не понимаетъ моего положенія. Вѣдь я мучился: это-то вотъ какъ мнѣ было передать ей? Обо всемъ мы съ ней говорили—ну а объ этомъ нѣтъ. Что жъ это, я разсуждалъ про себя, вѣдь я просто влюбленъ въ нее, а она? Шутить это она со мною, или сама не понимаетъ что дѣлаетъ? Капризь, ребячество, можетъ-быть. Какъ мнѣ ей объяснить? «Зачѣмъ мы говоримъ другъ другу: вы?» спросила она меня одинъ разъ, когда мы съ ней гуляли, и назвала меня—ну какъ бы вы думали, какъ? — Парой меня назвала. «Парей! давай говорить другъ другу: ты.» И начала говорить, и вѣдь меня приучила; иногда и я говорилъ ей ты. А я пуце и не понимаю, и мучаюсь...

«Ахъ-съ, что жъ бы я могъ предложить ей?.. Вѣдь все-таки я видѣлъ, платье на ней—дорогое платье; салопъ—бархатъ. Мать себя хотѣла прожить въ нее. Да нѣтъ-съ, я и замѣчалъ въ ней... не можетъ она безъ этого... Нравъ такой. Ей нужно это все. А я-съ... что жъ я могъ предложить ей? Жизнь свою-съ? Вѣдь это пошло-съ, пошло-съ. И что жизнь? Каретъ, колясокъ, алмазовъ нѣтъ... Вѣдь поневолѣ жизнь предложишь. Ну пошло, пошло это-съ...

«Ахъ, а могло бы быть счастье! Все же ужъ на столько-то я не былъ бѣднѣнъ... Были бы у насъ щи да каша... Да и

работать бы,—для нея я работать бы за десятерыхъ сталъ! Но какъ я самъ себя за нее поручусь... Она вытерпѣть ли все? За себя я могъ поручиться. Но какъ же я за нее поручусь? Я прямо разъ сказалъ ей:—Лидія Платоновна! просьба до васъ. Больше я не могу скрываться. Отвѣтите мнѣ прямо: да или нѣтъ. И пожалуйста, Бога ради вѣрьте словамъ моимъ, при моемъ уваженіи къ вамъ ничуть меня не оскорбитъ ваше нѣтъ. Вотъ какъ даже, плачу и говорю это, если вы мнѣ прямо отвѣтите нѣтъ, пуще буду уважать васъ. — Она поняла о чемъ я ей хотѣлъ сказать, и вся смутилась. Я сейчасъ замѣтилъ, что для нея это было совершенно неожиданно. —Я бѣденъ, сказалъ я ей тогда,—хотите раздѣлить мою бѣдность? «Пареа...» и она зашаталась. Да, я сейчасъ же понималъ, что никакъ она не ожидала этого. Мнѣ горько стало.

«Вотъ, что она мнѣ говорила на другой день: «Пареа! Я давно знала, что ты любишь меня. Но что такое я? Пареа, какъ меня ни уговаривай маменька, я ни за что не выйду за Егора Яковлича. Я не могу, не могу за него выйдти—и не хочу, и не можетъ этого никогда быть, чтобъ я когда-нибудь захотѣла за него выйдти... За тебя же выйдти я могу. Я могу. Но чувствую, если мы сойдемся ближе, можетъ-быть я тогда современемъ скажу не только могу, но и хочу даже, » и смутилась дѣвичимъ стыдомъ... «Ты обо мнѣ можешь думать Богъ знаетъ что, прибавила она, вѣдь я тебѣ совсѣмъ какъ дѣвочка отдалась. Но оттого я и отдалась, что тебя, да, тебя! я изо всѣхъ нашихъ отличила. А что такое я?.. Пареа! тебѣ хорошую надо невѣсту, тебѣ богатую надо невѣсту. А я если въ самомъ дѣлѣ и квартальничихой сдѣлаюсь, такъ и то роптать не на что.» Я вдругъ почувствовалъ приговоръ судьбы. Ужъ и я-съ очень холодно осматрѣлъ все, знаете... даже спросилъ себя: что я въ самомъ дѣлѣ гонюсь?—увлеченіе на одинъ мигъ, пожалуй... Но нѣтъ-съ. Все обдумалъ съ ясностью таблицы умноженія, и сказалъ ей: —Лидя! между нами ничего еще не рѣшено. Но надѣяться... по крайней мѣрѣ надѣяться можно? Да?—И она сказала: да. Первый разъ тогда я взялъ ея руку и поцѣловалъ.

«Но понимаете ли, вѣдь это только мы другъ съ другомъ говорили ты, а передъ кѣмъ-нибудь всегда—вы. И между нами никто ничего не замѣтилъ бы. Да вѣдь мы и не хотѣли-съ никому давать заглядывать туда-то-съ, въ глубь.

«Сердце однакожъ шептало мнѣ какія-то опасенія, которыхъ

я никакъ не могъ разобрать. Вѣрите ли: находилъ такой часъ—меня въ Лидіи Платоновнѣ пугала ея красота. Я съ грустью думалъ: зачѣмъ она ужъ такъ слишкомъ хороша? Когда, по какому-нибудь случаю, она одѣвалась въ самое дорогое платье, я боялся смотрѣть... И чѣмъ лучше, чѣмъ дороже на ней были украшенія, и чѣмъ еще цвѣтуще становилась ея красота,—и я замѣчалъ, что она сама это понимаетъ,—мнѣ дѣлалось страшно.—Лидія Платоновна, говорилъ я ей часто въ наши прогулки,—мы оба съ вами сумашествуемъ! Вѣдь бѣдность, бѣдность, поймите хорошенько, бѣдность я вамъ предлагаю раздѣлить? Поймите, вѣдь не чванство пустое, нѣтъ не о томъ я вамъ говорю, не того боюсь. Нѣтъ!.. но вѣдь бѣдность, бѣдность... право ужасно!—И глядѣлъ-съ ей, безжалостно, безъ пощады глядѣлъ ей прямо въ глаза, и радъ былъ примѣчать, что она видитъ, что вѣдь это ей въ душу, ей въ сердце глядѣлъ я. Понимаете, я искушалъ ее, я хотѣлъ ее выпытывать!.. Мнѣ хотѣлось изъ нея сдѣлать идеалъ! Идеалъ!!!

«Я замѣчалъ, что Лидія Платоновна вдругъ о чемъ-то задумывалась. О чемъ? Не могъ добиться. Ея нѣмота меня только пуще пугала. Разъ (ея рожденіе праздновали, завтракъ у нихъ былъ), собрались къ Натальѣ Кириловнѣ гости. Тотъ дуракъ-съ квартальный разказывалъ все о какой-то молоденькой актрисѣ, которая, видите ли, была и Лидіи Платоновнѣ знакома. Сошлась эта актриса съ какимъ-то княземъ, и въ коляскахъ, въ каретахъ ужъ разъѣзжаетъ... Лидія Платоновна, вижу, вдругъ перемѣнилась въ лицѣ, и въ другую комнату вышла. Посидѣлъ, посидѣлъ я тутъ съ другими, ну и не могъ-съ, ушелъ за нею.—Лидя, спрашиваю, зачѣмъ ты ушла? «Ничего, такъ.» А сама стоитъ у окна и къ стеклу прислонилась головкой.—Лидія Платоновна, умоляю скажите, чтò съ вами? «Ничего.» И не хотѣла сказать. А у меня-съ... грустныя тогда зашевелились мысли!..

«Да нѣтъ, нѣтъ-съ... право нѣтъ. Поймите, это не то было! Увѣряю васъ, это не то было. Это я... Я боялся вѣрить, что ужъ близко къ ней, къ своему идеалу, боялся замѣчать въ ней—какъ все, все она начинаетъ глубоко понимать.

«И право же,—ахъ, какъ мнѣ въ томъ васъ увѣрить!—еще бы немного, немного еще моего вліянія, и это бы ужъ былъ идеалъ! Недосыгаемѣйшій идеалъ, о который всякая бы мірская сила разбилась, а онъ и не тронудся бы! Это вѣдь только

избраннымъ, однимъ избраннымъ Богъ даётъ столько даровъ души, столько прекраснаго, столько совершенствъ, сколько было въ этой восемнадцатилѣтней дѣвочкѣ. Невообразимо-глубокая природа! Чудо Божьяго созданія!..

«Ахъ-съ, я блаженствовалъ... Понимаете ли, что за небесное счастье, что за божественное-съ блаженство, здѣсь, на землѣ осязать свѣтъ луча, небеснаго луча! Гдѣ идеалъ? Онъ у Бога въ глубокомъ небѣ!.. И вдругъ вы его видите, слышите, чувствуете... ну передъ собой вотъ самыми этими глазами видите!.. Да это-съ блаженство жизни!! Это были золотые дни. У насъ ужъ было сговорено, условлено... Я ждалъ.

«Былъ июнь мѣсяцъ, классъ въ школѣ нѣтъ, вакація-съ. А я... ну просто вспомнить странно, въ ребячество какое-то впалъ: такъ готовился къ новой эпохѣ въ моей жизни. Сюртукъ тогда новый надѣлъ. (Ну вѣдь смѣшно это!) То покупалъ что-нибудь и дѣлалъ какія-нибудь бездѣлки,—подарки Лидіи Платоновнѣ, то приносили мнѣ новое платье... мебели тогда прикупилъ. Ну, весело, радостно на душѣ стало, забылъ все прошлое. Сеничка... вѣдь случилось же тогда какъ нарочно... давно ужъ я и слуху о немъ не имѣлъ... только вотъ стоимъ мы одинъ разъ съ Лидіей Платоновной на дворѣ у садика, вдругъ загремѣло въ воротахъ, синяя коляска на красномъ ходу въѣзжаетъ: Ноевъ! Я скорѣй бросился къ крыльцу, и входимъ въ комнаты.

«Не знаю почему, отъ этого пріѣзда у меня сердце сжалось.

«Онъ ничего. Садится. Веселъ какъ всегда, понесъ, понесъ... Но что-то странное съ нимъ, и сквозь всю такую его веселость, знаете, примѣчаю что-то. Точно онъ не въ своей тарелкѣ.

«— Представь, говоритъ, со мной какой случай. Удивительно! въ жизни человѣка бываютъ какіе-то сумашедшіе случаи!.. Я тебѣ разкажу все по порядку.

«А я-съ ничего не жду добраго.

«— Живутъ два пріятели на одной квартирѣ. Домъ — дворецъ! Фатъ и пустой богачъ, вотъ одинъ пріятель. Другой... какое жъ ему дѣло: уменъ ли, глупъ ли его тотъ пріятель. Самъ-то онъ не дуракъ; понимаешь?

«Что жъ, думаю, это немножко на него самого да на Манлина смахиваетъ. И, да какое жъ мнѣ тогда дѣло было и до всѣхъ Манлиныхъ-съ!» Пареевъ Ивановичъ отмахнулся рукою.

«Только вдругъ тотъ заводитъ любовницу, а? Подъ однимъ кровомъ — трио. Соблазнительно? И какая любовница! Роскошь. *Reputée parisienne*. Случись на бѣду умишка у нея противъ господина-то на волосъ больше. Браслеты, говоритъ она, — браслетами, кони — конями, но... Существенное-то ужъ удовлетворено, понимаешь, молодая природа и небесныхъ благъ алчетъ. А что жъ ей тотъ-то недосокок? У него подъ рукой чужихъ довольно. Вѣдь она, умица, видитъ: онъ ее только какъ куклу для выставки передъ пріятелями держитъ, и только. *Reputée parisienne!* — вотъ что ему въ ней дорого, репутація оставалась бы за нимъ. Ну, а она не можетъ. Молодость, роскошь формъ, эластикъ тѣла... понимаешь? Пріятель и подавно все это видитъ насквозь. Одного ему въ лукулловскомъ дворцѣ не доставало, и вотъ сама *reputée* улыбается, а? Вѣдь карьера!.. Но какъ осуществить идею? Вотъ гдѣ, слушай, они, вопросы жизни! знаніе человѣческаго сердца!.. Понимаешь? другой струсилъ бы... А въ томъ, братъ, и задача ума, въ томъ и геній: взѣсь шансы, и ужъ какъ пришелъ къ выводу, бей навѣрняка!.. Сообразилъ, что по половицѣ можно пройти, не падая, и иди половицей, будь она хоть черезъ море перекинута! И всякій прошелъ бы, да нѣтъ... Трусость беретъ, зашатается. Шататься-то не надо, понялъ? Слушай же. Пріятель входитъ въ кабинетъ къ тому-то, и говоритъ ему напрямикъ: *Chez ami*, ты большой фатъ. Умица твоя какъ нельзя лучше это видитъ. Твоимъ существованиемъ она нѣтъ спору довольна. Но она алчетъ и идеальныхъ благъ. Для нихъ-то у тебя съ ней нѣтъ охоты, времени нѣтъ. Этакъ и въ качествѣ *reputée* ты ее не долго въ рукахъ удержишь. Пойми же наконецъ, ей долѣе нельзя.. Хочешь удружу? Въ качествѣ *reputée* она твоя. А въ другомъ качествѣ ужъ ты поблагодари меня за услуги. По рукамъ что ли? А, ну скажи теперь: не апопееза это?.. Нравственно она твоя, физически она моя!.. А? что жъ ты молчишь? Геніальнѣйшее, братецъ, *salto mortale!* Вѣдь это надо артистомъ быть, великимъ художникомъ родиться, чтобъ оцѣнить всю глубину! А? Геніальнѣйшее *salto mortale!*

«—Что жъ, говорю, все что я могъ понять изъ твоихъ иносказаній это то, что вы съ графомъ Манлинымъ раздѣлили его любовницу пополамъ?.. Это что ли?

«—То-то, говорить—и вдругъ вскочилъ со стула,—сорвалось, сорвалось, братъ! Въ жизнь себѣ не прощу этого шага: оплошалъ! Пропади она и съ Манлинымъ своимъ, и да вѣдь случай какой былъ! Вѣдь это... оселокъ для гениальности представлялся! а? И вдругъ срѣзаться!

«—Что жъ такое?

«—Въ томъ-то, братъ, и дѣло; безъ предварительнаго-то, колейнаго этакого совѣщанія свелъ съ гепоштѣе интрижку, мальчишка и обидѣлся. И вѣдь я это понимаю... Тутъ его самолюбіе уколоно. А то онъ самъ радъ бы, вѣдь знаю, еще отъ души радъ бы! Вотъ эти-то данныя какъ я изъ рукъ упустилъ!.. Вѣдь это, понимаешь ли, все равно, что у перво-класснаго на билльардѣ игрока по желтому премаху! У каналы шулера на *va banque* передержка оборвалась!.. Артистически, знаешь, досадно!»—Засвисталъ какую-то арію и сталъ ходить по комнатѣ.

«—А Манлинъ, говорю. Ты ужъ развѣ не живешь у него?

«—А, братъ, старину вспомнилъ!.. Ужъ два мѣсяца! Вѣдь о чемъ же и я-то тебѣ говорю: такая у насъ съ нимъ все это время катавасія шла... Да мнѣ что? Вѣдь онъ же за мной пришлетъ. Ужъ вѣдь не я, онъ ко мнѣ придетъ первый. Этакіе развѣ могутъ свой вѣкъ безъ няньки?

«Я молчу.

«Онъ ходитъ по комнатѣ, остановился у окна, дворъ оглядѣлъ, опять сталъ ходить...

«—Дѣло-то однакожъ мое пассъ, говорить.—Все-таки выходить, что въ настоящую минуту мѣсто ко мнѣ въ подруги сердца вакантное. Не знаешь ли какой бабенки?

«Плунуть мнѣ захотѣлось, а онъ вдругъ спрашиваетъ: «Кстати, кто это была въ голубомъ платьѣ, по двору пролетѣла, какъ я сюда вѣхалъ?»

«—Такъ, говорю, здѣшняя жилица одна...

«—Нельзя ли?» говорить, и смотритъ-съ на меня, и смѣется.

«Глаза мои-съ такъ и вытаращились на него.—Сеня, говорю, ты молчи!.. и грежу ему пальцемъ, и палецъ у меня дрожить. А онъ остановился противъ меня... смѣется.

«Въ это время столъ ужъ у меня былъ накрытъ. Онъ идетъ и за обѣдъ со мною садится. Дѣлимъ трапезу-съ. Откушалъ онъ супу, обтеръ губы салфеткой, кусочкомъ хлѣба заѣлъ, и говорить:

«—Такъ какъ же, Пареевъ Иванычъ, ты не хочешь меня познакомить съ своею жилицей? а?

«Всталъ я изъ-за стола и вышелъ въ другую комнату. Но сейчасъ же думаю: чтò за глупости это еще! И взялъ, опять на своемъ мѣстѣ сѣлъ.

«—Ты не влюбленъ ли? вдругъ онъ меня спрашиваетъ, и прищуриваетъ, знаете, глаза и мерзко такъ улыбается.

«—Послушай, говорю, Ноевъ, а у самого, слышу, губы дрожать,—пожалуста оставимъ это. Умоляю тебя, пожалуста, оставимъ это.

«Онъ пересталъ смѣяться.

«—Послушай же, говорить, и ты меня. А вѣдь ты, кажется, и въ самомъ дѣлѣ помѣшался. Я по всему вижу, это должна быть невинность какая-то. Ну, хочешь честное тебѣ слово даю, завтрашній же день эта невинность будетъ со мною въ коляскѣ кататься. А?

«—Сеня, говорю, у-мо-ля-ю тебя... на колѣняхъ прошу тебя: оставь это! Сеня, оставь это!

«Сталъ онъ противъ моего кресла, и опять гадкая какая-то улыбка такъ и бѣгаетъ по лицу.

«—Послушай, говорить, Пареевъ Иванычъ, разсуди самъ: ну о чемъ ты просишь? Она тебѣ нравится—прекрасно! Но, можетъ-быть, она и мнѣ также нравится. Ты влюбленъ—согласенъ! но вѣдь согласишься же и ты: и я могу влюбиться въ нее. Да?

«—Но если вся моя жизнь...

«—И я, говорить, тебѣ слово въ слово: вся моя жизнь!—и уставишь въ меня прямо глаза, и мы стоимъ другъ противъ друга.

«—Но если, говорю, она и сама... И замолчалъ, вдругъ остановился.

«—Та-та-та... это другое дѣло. Но если, говорить, — ты такъ увѣренъ, что мадонна отъ *тебя* безъ ума о чемъ же тогда ты меня-то просишь?—И садится, и опять какъ-то... ну гадко-съ, гадко смѣется.

«—Да, говорю, слышишь ли, да: она отъ меня безъ ума. Да какъ ты смѣешь надо мной смѣяться! крикнулъ вдругъ и ударилъ по столу; пустая тарелка стояла, я по ней ударилъ, она разбилась...

«Онъ выскочилъ изъ-за стола.

«—Послушай, говорить, Пареева, у тебя нервы разстро-

ены!.. Ты больной человекъ. Этакъ, я вижу, ты мнѣ скоронетолько жизнью, смертью своею грозить станешь. Да я-то чѣмъ виноватъ?

«—Прости меня, я ему сказалъ.—Но Сеня, послушай, а какъ она моя невѣста?—И смотрю на него, что онъ мнѣ на это скажетъ.

«—Это, говорить, ужь твоя воля первую съ улицы въ невѣсты брать! (А? какво это-съ?) Я ужь тутъ не виноватъ, что ни объ одной вещи ты не можешь судить здраво. Пеняй на себя.—И вдругъ-съ расхохотался. —Да нѣтъ, говорить, пустяки вѣдь это, вздоръ сущій!—И заливаётся-съ, заливаётся.

«—Да почему жь, спрашиваю, почему это такое, чуть до меня что касается, тебѣ все кажется пустяками?

«—И конечно пустяки! говорить, и все хохочетъ.—Ужь гдѣ, брать!—И премило, знаете, еще по плечу меня ударилъ.—Вѣдь ты эвнухъ, Пареуша! право же эвнухъ!—И хохочетъ-съ, хохочетъ...

«А? эвнухъ? спросилъ меня вдругъ Пареенъ Ивановичъ. Знаете ли-съ, въ своемъ родѣ это еще лучше трефоваго вадета? а? Они! одни они все глубоко чувствуютъ! Для нихъ гаремы съ!—И вопросительно глядѣлъ на меня обиженный Пареенъ Ивановичъ.

«Только вдругъ Сеня:—Вонъ она! вышла!—Увидалъ онъ ее въ окно, подхватилъ свою шляпу и выбѣжалъ. Я-съ, какъ ошеломленный стою. Считаю минуты. Жду. Нѣтъ...

«Приходитъ Сеничка, осматривается и точно еще что-то не договариваетъ, какъ будто изволите ли видѣть ужь я изъ одной улыбки его все понять обязанъ. Опять посмотрѣлъ въ окно и вѣдь ужь на моихъ глазахъ ей кланяется. И потомъ ко мнѣ же обращается: «ушла,» говорить. Я молчу.

«—Мать ея, говорить, должно быть дура набитая? Знаешь, Пареуша, сдѣлай мнѣ одно одолженіе. Завтра меня Лидія Платоновна просила непременно быть у нихъ. Будь и ты. Займи на то время старуху, знаешь...

«—Я завтра у нихъ не буду, говорю...

«Онъ уѣхалъ. Ахъ-съ, что со мной было! Что со мной было! Вечеромъ я пошелъ въ садикъ. Ея нѣтъ. Она въ углу, у бесѣдки, думаю. Иду туда—нѣтъ! И не вышла... Свѣтатъ начало, я все себя обмануть хотѣлъ.

«На другой день вечеромъ, прямо къ ихъ крыльцу, Ноева коласка подѣхала. Вдругъ голоса слышу у себя на крыльцѣ. Она входитъ, и Ноевъ съ ней.

«— Пареевъ Иванычъ! что это вы къ намъ второй день глазъ не кажете? Пойдемте сейчасъ. Я сама за нами припѣла.

«Я только посмотрѣлъ на нее, и вѣдь могла же она видѣть, что у меня на глазахъ слезы навертываются. Ноевъ стоитъ со шляпой въ рукѣ... и также зоветъ-съ.

«— Вставайте же, Пареевъ Иванычъ?.. Мы думаемъ, что его что-нибудь задержало, а онъ тутъ одинъ въ потьмахъ сидитъ.

«— Нѣтъ-съ, Лидія Платоновна, я ей говорю,—я не пойду-съ.

«— Пустяки! берите шляпу, пойдете! — И взяла меня за руку и поднимаетъ съ дивана.

«Ноевъ къ ону отошелъ, пальцами перебираетъ-съ по стеклу.—Я не пойду, говорю, Лидія Платоновна. Зачѣмъ?—и смотрю на нее.

«— Пареевъ потихоньку она мнѣ сказала, и пристально смотритъ мнѣ въ глаза, а? и смотреть, смотреть... Это хорошо развѣ? Я все вижу,—и взяла меня, подняла съ дивана, сбѣгала въ мою комнату за шляпой и повела съ собой.

«И зачѣмъ они меня повели? Весь вечеръ я долженъ былъ любоваться, какъ она смѣется съ Ноевымъ, какъ она сидитъ съ нимъ въ другой комнатѣ... И потомъ еще пренаивно меня то тотъ, то другой проситъ побыть съ Натальей Кириловной.

«Разъ приходитъ она опять сама за мною.—«Идите, полно вамъ.»—Нѣтъ, говорю, увольте. Ради Бога увольте, Лидія Платоновна. «Да отчего же?» И пренаивно вѣдь это, знаете. Но нѣтъ-съ, я право былъ съ слишкомъ благородный человекъ, чтобы сомнѣваться въ томъ, что они и сами не понимаютъ, что такъ мучить человекъ-съ жестоко! Я всегда на это-съ молчалъ. А они были такіе невинные, непонятливые!

«Была у нихъ вечеринка-съ. Сама Наталья Кириловна прислала за мною. Я велѣлъ нарочно сказать, что не буду. Вечеромъ загорѣлись у нихъ огни. Ноева коляска ужъ давно на дворѣ стоитъ. Изъ окна у себя, изъ подъ сторы погляжу: все тамъ какъ всегда у нихъ бывало-съ. Егоръ Яковичъ играетъ на клавикордахъ. Я въ садикъ пошелъ. Чего я ждалъ? Мнѣ все-таки казалось: ну вдругъ она вспомнить? Хожу-съ, припоминаю, какъ бывало, съ такой же вечеринки она сюда со мной выбѣгала, и такъ умѣла быть ласковой! Она умѣла быть ласковою, удивительно умѣла!.. Вдругъ шорохъ. Я какъ былъ у бесѣдки, прямо въ сторону,

въ кустъ кинулся. Я не хотѣлъ встрѣтиться: мѣсячная, свѣтлая ночь была. Она-съ, и съ ней Ноевъ... вѣдь я въ двухъ шагахъ отъ нихъ стоялъ; отворила калитку, и бѣжить по дорожкѣ, тотъ отстаетъ отъ нея, она опахивается платкомъ. Устала танцовать. И такъ мнѣ все это знакомо! все это со мной, со мной сколько разъ было-съ. Первая приобъжала въ бесѣдку, и сѣла на скамью. И тотъ же башмачокъ ея вижу, и сидитъ также, и все опахивается платкомъ. Мнѣ это наизусть извѣстно было. Ноевъ сѣлъ рядомъ, и беретъ ея руку. И онъ поднялъ широкій рукавъ, и бѣлую ея руку я отъ самаго плеча вижу, и Ноева рука ужь у ея плеча. Я-съ... сердце мое стучало съ такою силой... я боялся, что не разслушаю. Но я слышалъ!

«— Такъ какъ же? спрашивалъ ее Ноевъ.—Понимаете, Лидя Платоновна?

«— Да, да, моя милая; все понимаю! зачѣмъ она ему?...—И вдругъ что же придумала, съ нимъ въ женскомъ родѣ говорить!

«— А ужь такъ, признайтесь-ка! очень вамъ хотѣлось элегическою пастушкой быть, а? Самой щи варить, мужу старій вицмундиръ штопать, люльку качать, а?

«— Ахъ, этому я всегда смѣялась. Это, душа моя, я сама всегда понимала.

«— Но все элегикъ-то, а? Элегикъ не выходитъ изъ ума, а? Признайся, Лидя.

«Она разсмѣялась.—Нѣтъ, моя милая Сема, не говори такъ. Я не люблю, когда ты обижаешь Пареу. Но Парей я всегда говорила, я сама ему это говорила: Парей! я васъ какъ сестра люблю!.. Но тебя, милая моя Сема, вѣдь я могу и больше чѣмъ сестра любить,—и она ему приняла къ плечу. А Ноевъ цѣлуетъ. Она его цѣлуетъ. Я вижу онъ цѣлуетъ бѣлую грудь ея!

«Я бы кинулся къ нимъ! Но такъ бываетъ во снѣ: хочешь кричать, и нѣтъ голоса; хочешь бѣжать, и прикованы ноги.

«Ахъ-съ, все пропало, невозвратно пропало для меня! Больше нельзя было разувѣрять себя: все, все пропало.

«Я не могъ презирать ее. Я хотѣлъ заставить себя и... и не могъ. Да-съ, я былъ убитъ, я былъ глубоко оскорбленъ, но я безумно любилъ ее!.. Невѣдомая сила какая-то, противъ воли, все гнала меня въ тотъ садикъ. Я невзвѣнно ходилъ... ну зачѣмъ? Я вѣдь все ужь зналъ! Передъ моими окнами ужь я не разъ видалъ, что они вдвоемъ... да, да-съ, какъ Ноевъ

предоказывалъ мнѣ, въ его коляскѣ катаются. Я упрямо любилъ ее, упрямо ходилъ я въ тотъ садикъ.

«Ночью одинъ разъ (ужь августъ былъ) ходилъ я тамъ по дорожкѣ. И дорожка-съ, и акація-съ, и въ небѣ мѣсяцъ, все по прежнему!.. Глубокая ночь была. Съ тѣхъ поръ я любилъ ночь; тишину нѣмую, безответную тишину я любилъ... Вдругъ точно шброхъ. Я думалъ, это она идетъ. Нѣтъ. Откуда жь это было? Я сталъ и гляжу. Смотрю и не вижу, вижу и не вижу... пристально гляжу и опомнился, что это не видѣние. Она-съ, она, растворила свое окно, и смотритъ, ну да, да-съ: на луну и на мою тѣнь смотритъ. Видитъ. И опять она была-съ въ своемъ салопѣ, но шея открытая. Какъ была у себя въ комнатѣ, думаю, накрылась только, и отворила окно. Точь-въ-точь была, какъ увидалъ я ее тогда, въ ту первую ночь! «Пареа!» чуть слышно она кивнула. Не чудится ли мнѣ? я подумалъ. «Пареа подойдите!» вдругъ она повторила. Ну-съ, и пошла моя нога, и подошелъ я къ ея окну. Она перевѣсилась.

«— Пареа! вы не спите, вы все въ саду ходите?»

«— Лидія Платоновна, я каждую ночь хожу.

«— Пареа! вы на меня сердитесь? И не смотрите мнѣ въ глаза? Поглядите!

«— Чтѣ вамъ?—И я поглядѣлъ. Ей Богу она не могла бы прочесть укора. Кажется только, слеза у меня скаталась.

«— Пареа! Пареа! пожалуста не сердитесь на меня! Ахъ, Пареа! хотите, я къ вамъ выйду?»

«— И нѣтъ, нѣтъ, я ей сказала. Нѣтъ! не выходите! И махнулъ ей рукою.

«— Вы не хотите? Такъ я затворю окно!

«— Погодите, незатворяйте. Да улыбнитесь же мнѣ, говорю.. хоть одинъ разъ, Бога ради хоть одинъ еще разъ улыбнитесь мнѣ такъ, какъ вы умѣете улыбаться... Лидія Платоно вна! и я взялъ ея свѣсвшуюся ко мнѣ руку. Она была холодна. И вотъ я опять держу ея руку, въ своей рукѣ и самъ не понимаю, какъ это сдѣлалось.

« Она улыбнулась мнѣ такъ, какъ она... только она одна умѣла улыбаться... Она не вынимала своей руки изъ моей, и я ее цѣловалъ долго, долго. Потому она затворила окно, я пришелъ къ себѣ домой... Первый разъ тогда я какъ-то сла-
дочно уснулъ.

« Знаете ли, что это такое было? обратился ко мнѣ съ неожиданнымъ вопросомъ Пареевъ Ивановичъ.—Это я простился съ ней, да, простился... навсегда. Больше я ужъ не видалъ ее въ земной жизни.

— Какъ? спросилъ я.

— Слушайте, слушайте... Это ужасная была участь... бѣдная, бѣдная женщина...

« Приходить разъ ко мнѣ (вѣдь ужъ я больше ни ногой къ нимъ) Наталья Кирилловна и стонетъ. Терзается, убивается... не могъ я вынести. Я ужъ зналъ... все это зналъ, какъ была бѣдная мать убита. Но этотъ-съ приходъ поразилъ меня... Отецъ родной, Пареевъ Иванычъ, заступитесь! Вѣдь онъ, аенидь, погубилъ ее, другъ-то вашъ проклятый!.. Поѣжайте, поѣжайте къ нему... Срамъ я своей дочери скрыть хотѣла, да вѣдь онъ ее до родовъ умучаетъ, совсѣмъ въ гробъ вколотить... усоевстите Іуду! Совсѣмъ она убивается, а онъ ее бросилъ... Да что жъ будетъ-то, коли онъ ее до муки-то еще родильной умучаетъ!..»

« Надѣлъ я шинель, бросился къ Нееву: къ дому графа Мандина. Вотъ, вотъ-съ когда въ тотъ дворецъ пришлое мнѣ ногою вступить!.. Ужъ онъ опять съ нимъ сошелся тѣмъ временемъ; должно-быть апопеезу-то свою выполнилъ... Ваалъ графскую Парижанку въ постельницы... такъ тутъ ему и Лидія Платоновна не нужна стала! Подѣзжаю, спрашиваю, бѣгу по лѣстницѣ, и прямо въ его комнату вхожу. Онъ надѣвалъ перчатки, во фракѣ стоялъ. Ёхать куда-то собрался... Поблѣднѣлъ вѣдь однакожъ, какъ меня увидѣлъ!

« — Чему я обязанъ? спрашиваетъ, и все-таки надѣваетъ перчатку.

« Вырвалъ я него шляпу... — Садись—говорю и слушай... Ты отнял дочь у матери... Мать проситъ меня...—Волнуется голосъ, не могу говорить, задыхаюсь.

« — Какая мать? какая дочь?.. какое мнѣ до всего этого дѣло? Вѣдь если ты боленъ, я совсѣмъ здоровъ. Дѣвочка загуляла! Э самая обыкновенная исторія. Вольно жъ себѣ изъ всего идеалы строить. И-де-а-лы!

« — Да ты-то понимаешь ли, говорю—и пальцемъ его въ лобъ ударилъ,—понимаешь ли, что да, да, да, это и-де-алъ!.. И еще бы мнѣ немножко, немножко досказать ей, еще немножко моего вліянія, — и никакая сила мірская не сокрушила бы этого

идеала!.. И вся твоя пакость вдребезги разбилась бы объ этотъ идеалъ! Но ты думалъ, что это такъ легко обходится... Нѣтъ, я, я пришелъ къ тебѣ... По какому праву? Да такъ... захотѣлось!.. Отвѣчай мнѣ!

« — Ты совсѣмъ сумашедшій! Забрюхатѣла она, и это послѣдовательно. На то шла. Винавать ли я, что у васъ у всѣхъ головы повреждены?»

« — Понимаешь ли, говорю, — я общалъ, я далъ слово матери...

« — Ты не кричи. Ты здѣсь не у себя. Не у меня даже. Ты въ домъ графа Мандина, слышишь? Отдай это ей матери.

«Подходить къ столу, береть набитый конвертъ какой-то, и подаетъ мнѣ въ руки.

« Понимаете ли, это были деньги-съ? Я хотѣлъ ему въ лицо плюнуть, бросить ему пакетъ въ глаза... Онъ сейчасъ же остановилъ. «Не горячись! вѣдь я все понимаю, да... ты хочешь мнѣ этотъ пакетъ въ морду кинуть... Но, Пареуша: люди! люди!.. надо, братецъ, знать людей. Вотъ письмо (и показываетъ) отъ Натальи Кириловны. Она мнѣ его прислала сегодня поутру, и къ двѣнадцати часамъ ждала отвѣта. Вопросъ короткій: денегъ! Читай. Но отвѣтъ я долженъ былъ ей приготовить: не миллионеръ же я въ самомъ дѣлѣ! Я опоздалъ въ срокъ. Вотъ она тогда къ тебѣ и пришла. Возьми же и отвези ей.»

« И съ деньгами въ рукахъ, въ какомъ я глупомъ положеніи очутился! Вѣдь долженъ былъ разыграть эту роль, взять и отвезти. Ноевъ надѣлъ шляпу и вышелъ. Вышелъ и я.

« Ахъ-съ, не хотѣла меня допустить къ себѣ, вѣдь не хотѣла меня видѣть Лидія Платоновна! Вѣдь я тогда ей все простилъ. Я молилъ, неотступно молилъ чрезъ Наталью Кириловну, чтобы допустила меня къ себѣ Лидія Платоновна — высказать ей все, все. Вѣдь я тогда обожалъ ее. Нѣтъ, ни за что не соглашалась. Недѣли проходили-съ, я все просилъ... Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Вѣдь я самъ страдалъ за нее, я смертельно томился... Вѣдь это мученица-съ была!

« Въ одну ночь замѣчаю у нихъ въ домѣ суматоха какая-то!.. Бѣгаютъ, на крыльцѣ самоваръ ставятъ. Кто-то подѣхалъ, у воротъ остановился. Жду: не кончится ли все?.. Нѣтъ, опять куда-то поѣхали, опять откуда-то пріѣхали. Страшныя мысли мнѣ въ голову лѣзутъ. Надѣлъ шинель, на крыльцо вышелъ. Самоваръ все дымится... Двери хлопаютъ... Снуютъ, бѣгаютъ... Изъ прачешной какія-то полотенца, чайники носятъ. «Что

у васъ такое?» спрашиваю у дѣвушки. «Барышня рожаютъ»—и пробѣжала. Мучается, мучается она, и я тамъ не могу быть, думаю! Пошелъ-съ. Въ темнотѣ наткнулся на когото у самаго ихъ порога. Гляжу: священникъ.—Что вы, батюшка?—«Напутствовалъ» и прошелъ мимо. Въ ушахъ моихъ о! какъ страшно отозвалось это «напутствовалъ!..» Отворилъ къ нимъ дверь—и визгъ, визгъ... визгъ раздирающій душу! Смертное страданіе слышу. Никого нѣтъ въ залѣ... Лаханъ какая-то на полу, и бѣлье... Я остановился въ дверяхъ. Въ окнахъ сидитъ кто-то одинъ въ комнатѣ, сигару курить. Акушеръ-съ!.. Я сълъ. За другою комнатою была страдалица. И мать ея, и всѣ тамъ были. Послѣ визга, страшнѣйшаго, невообразимѣйшаго визга, такая тамъ сдѣлалась тишина... Миѣ еще страшнѣе тогда становилось. Тотъ все курить... Я подошелъ къ нему и спросилъ: что? какъ находите? «Опасно», только одно слово и отвѣтилъ... Тутъ бѣгали, приходили, пронесли, никто меня не видалъ въ углу... Да что жь это-съ? вѣдь эти три-четыре часа мнѣ за вѣчность показались. Я забылъ, гдѣ я? что я? и эта тишина, и новый, новый визгъ... и стоны, и въ дверяхъ кто-нибудь выбѣжить... акушеръ придетъ и уйдетъ... Это-съ какое-то невообразимое мученіе, пытка это была-съ!.. Миѣ казалось что это я самъ въ этихъ столахъ, въ этихъ визгахъ ношуся... Къ утру забылся, задремалъ, вдругъ... это, я думалъ, самъ я умираю, земля разстучается подъ ногами... Визгъ, новый визгъ, на весь домъ визгъ раздался... И тишина, тишина, тишина! Вышелъ акушеръ-съ. Стальной инструментъ обтираетъ. «Что?» я спросилъ. Онъ мнѣ сказалъ на ухо: «Ребенокъ живъ—родильница умерла». — «Какъ? умерла?»

«Умерла!» повторилъ самъ себѣ Пареевъ Ивановичъ, склонивъ голову на руку, и въ тотъ мигъ еще, когда мнѣ представлялось, что онъ забылъ о своемъ слушателѣ, онъ обращался уже ко мнѣ:—И я не видалъ ея!.. Мѣсяцы, мѣсяцы-съ, вѣдь я молилъ черезъ Наталью Кириловну, мать сама за меня упрашивала... Не соглашалась, ни за что не соглашалась. Скажите: что это было-съ?

«Но какъ божественно она была хороша! О, какъ она была хороша, когда я ее... да нѣтъ-съ, ужь вѣдь не ее увидалъ-то я на другой день... Боже мой!.. Это праведница была! Я-съ... приковался-глядѣлъ на нее. Меня, какъ помѣшаннаго отвели...»

Пареевъ Ивановичъ вдругъ заплакалъ. Я отворотилъ голову и вперилъ глаза въ стѣну: мнѣ казалось святотатствомъ прерывать этотъ тихій, безропотный, сердце надрывающій плачь.

— Посмотрите на меня, сказалъ онъ мнѣ вдругъ, когда я позабылся, посмотрите—я совсѣмъ здоровъ. И вѣрите ли? ничего не чувствую-сь... Право, здоровый! И въ головѣ даже все хорошо...

Но тонъ, которымъ онъ все это произносилъ— былъ такой мягкій: это былъ дѣтскій тонъ, который смутилъ меня. Точно какое-то возвращеніе къ дѣтству совершилось теперь въ организмѣ больного, и ничего не было въ устахъ его ни раздраженнаго, ни злобнаго, ни взволнованнаго. Онъ дѣтски-добродушно глядѣлъ на меня своими глазами; рѣчь его была тиха и ясна.

«Ребеночекъ маленький завелся въ комнатѣ у Натальи Кирилловны, а часто приходилъ глядѣть на него... малютка чѣмъ былъ виновентъ? Старуха сама меня просто изумила. «Вотъ и пристроилъ Богъ мою Лидочку!» она мнѣ все повторяла: «что мнѣ плакать? Я благодарю Бога: пристроилъ онъ мою Лидочку. Смертной-то мукой, Пареевъ Иванычъ, съ человѣка грѣхъ смывается; всякій грѣхъ человѣку смертною мукой прощается, вотъ чтѣ-сь». А деньги тѣ? про нихъ дочь и не знала. Да и матушка, видно, опомнилась. Назадъ въ томъ же пакетѣ вернула хозяйну. Ноевъ ничего, принялъ.

«Что жъ мнѣ-сь? послѣ долгаго, глубокаго молчанія спросилъ меня Пареевъ Ивановичъ. Вѣдь я все-таки пожилъ, пожилъ-сь!... Одинъ я тогда остался на свѣтѣ... да нѣтъ-сь, не одинъ. Прежде я вѣдь пуще былъ одинъ. Отъ жизни—чего мнѣ ждать осталось? Такъ я и сталъ опять изо дня въ день... да вѣдь вы мою жизнь знаете. Только-сь вотъ видите ли: прежде-то я каждый день ходилъ—ну, къ Смоленской площади прогуляться... А въ эти годы... каждый день подъ Дѣвичій. Тутъ, знаете, отъ насъ близко ее схоронили.

И больной глядѣлъ на меня съ такимъ дѣтски-незлобивымъ выраженіемъ, голосъ его былъ исполненъ такой покорности, что я долженъ былъ отворачиваться, глядѣть въ полъ, чтобы не дать ему читать на моемъ лицѣ.

А между тѣмъ снѣгъ валилъ хлопьями на улицѣ, когда я вышелъ изъ больницы. Все стояла осень, теперь начиналась

зима.. И были ей рады—и прохожіе, спѣшившіе по тротуарамъ въ своихъ высокихъ, зимнихъ калошахъ, и извозчики на биржѣ, которые ужь хлопали рукавицами по холодку.

V.

— Что? еще живъ? спрашивалъ докторъ у дежурнаго въ самыхъ дверяхъ палаты.

Я зналъ, что больной въ отчаянномъ положеніи, но вопросъ доктора смутилъ меня. Въ самомъ ли дѣлѣ еще день, два, и *finita la storia*? Были ужь на исходѣ и тѣ двѣ недѣли, которыя Пареевъ Ивановичъ самъ давалъ себѣ.

— Умираю, сказалъ онъ мнѣ въ одинъ свѣтлый промежутокъ,—было со мной нѣсколько мгновеній, я чувствовалъ со-всѣмъ смерть. Но опять отошло... Это-съ престранное чувство. Боли никакой-съ.

Въ другой разъ, говоря со мною довольно спокойно и правильно, онъ вдругъ затрясся и горько спрашивалъ: есть ли у него глаза? Онъ плакалъ и упрашивалъ меня прямо сказать ему, не провалились ли у него глаза?

Я продолжалъ ежедневно навѣщать его. Ему сдѣлалось вдругъ лучше за нѣсколько дней до смерти. Я засталъ его одинъ разъ опять сидящимъ на кровати.

— Ахъ-съ, знаете ли о чемъ я думаю? сказалъ онъ. Такъ возмутительно! Такъ возмутительно-съ... не могу и помыслить!.. Вѣдь вы будете на моихъ похоронахъ, вотъ посмотрите же, какъ его превосходительство станетъ себя держать на моихъ похоронахъ! Вѣдь онъ у меня непремѣнно въ головахъ станетъ! Онъ всю обѣдню простоятъ у гроба товарища юности... Когда понесутъ гробъ, ну вотъ увидите же вы, онъ непремѣнно пальцемъ будетъ поддерживать!.. Все, все это будетъ! Возмутительно-съ!

Я ничего не находилъ сказать ему въ возраженіе. Утѣшать, успокоивать, казалось, совершенно неумѣстно. И то для меня было поразительно въ болѣзни Пареева Ивановича, что чѣмъ ближе онъ подходилъ къ концу, тѣмъ безцеремоннѣе готовилъ къ ней и себя, и слушателя.

— Какъ же быть? ужь мнѣ вамъ, видно, и послѣднюю главу досказать надо! сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ и имѣлъ еще довольно силы улыбнуться при своей фразѣ. Онъ досказывалъ мнѣ свою исторію почти въ такихъ словахъ:

«Двѣнадцать лѣтъ прошло еще моего учительства... А правду сказать, лучше бы для меня было собачекъ водить за шарманкой. $A + B = C$, двѣдцать лѣтъ къ ряду еще твердилъ я своимъ слушателямъ. Да нѣтъ-съ, и хорошо право! Разъ навсегда прописана программа, привыкнешь... Да и пенсія-съ вдали, пенсія; подъ старость хорошо, знаетъ. Да нѣтъ-съ, къ самымъ сврымъ стѣнамъ нашего заведенія, какъ хотите, — привыкъ! Корридоръ передъ классами, учительская... все это для меня такіе пріатели стали! И изъ учителей же опять—свой кружокъ знакомый. Тѣмъ по крайней мѣрѣ хорошо-съ, — про всякаго напередъ знаешь, чего тутъ съ каждаго нельзя требовать. Особенно русская грамматика хороша была-съ!.. Все въ университетъ на кафедре педагогичіи мѣтила!.. Швейцаръ... ну, всякую калошу-съ, всякій шарфъ наизусть изучилъ-съ; про здоровье спросить. Въ передней высморкаешься, отогрѣешься и потянешься черезъ залу въ корридоръ... Пробилъ звонокъ, начнешь выводить по доскѣ плюсы и минусы... Ко всему привыкъ-съ. Даже, въ моемъ классѣ одушники противъ кафедры въ стѣнѣ пришлись, и къ тому даже-съ, что спину нагрѣть, и къ этому привыкъ-съ.

«Вдругъ, одинъ разъ у насъ въ учительской прошла новость: новый начальникъ, говорятъ, къ намъ назначенъ. Кто такой? говорили розно. Еще недѣля-съ—и стало извѣстно, что къ намъ начальникъ переводится дѣйствительный статскій совѣтникъ Ноевъ!.. А? каково жъ мнѣ было услышать? Однѣ дикія стѣны мнѣ оставались, моя классная доска съ мѣломъ да съ заячьей лапкой... И вдругъ!.. И тутъ мѣста не оказывается. Вѣдь это-съ какъ назвать? Но я никому ни слова.

«Еще недѣля-съ, и ужъ не сумѣю вамъ передать, какихъ только подробностей не услыхалъ я тутъ про своего-то Соничку... Да и много-съ, много воды утекло... Гдѣ жъ мнѣ было тогда про него все знать? Изволите видѣть, его превосходительство ужъ давно женатъ былъ! А я этого и не зналъ. Доискались и на комъ: ея превосходительство урожденная была княжна Сониная. Эта, вотъ, княжеская новость очень русской грамматикѣ понравилась... Я все молчалъ. Наконецъ собственными своими глазами приказъ въ газетѣ читаю: переводится изъ Петербурга къ намъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Ноевъ. А? Каково же-съ это? Вотъ въ одну субботу инспекторъ

велѣлъ намъ назавтра, послѣ обѣдни, въ большой залъ собраться для встрѣчи начальника, въ полной формѣ! Вотъ на другой день и собрались мы, и ждемъ. Долго ли, мало ли мы ждали... знаете, это какъ въ сказкахъ говорится... только-съ двери вдругъ отворяются. Его превосходительство входитъ. Ужь семейный человѣкъ сталъ-съ, полнота, генералъ опять—только нѣтъ, я въ мигъ узналъ Сеничку. Кланяется всѣмъ, шляпу держитъ... И какъ въ звѣринцѣ, знаете, отъ клѣтки къ клѣткѣ, отъ учителя къ учителю переходить, осматриваетъ. Мы всѣ въ линію стояли. Инспекторъ ему каждого фамилію сказываетъ... Онъ-съ очень любезно... Дошло до меня.

«— Чтò, говорю, ваше превосходительство! Или меня не узнаете, что на меня такъ смотрите?...

«— Пареевъ Иванычъ Скрипицынъ! ему инспекторъ повторяетъ.

«— Пареевъ Иванычъ!..И вдругъ, какова-же вѣдь дераосты! при всѣхъ мнѣ руку жметъ, и обращается къ своему синклиту-то «какъ-же, говорить, мы по университету товарищи!...» И опять жметъ руку, и ничего-съ.

«Всѣ тогда слуду на меня навалились: «Ай-да Пареевъ Иванычъ, пойдеть теперъ въ гору! то-то онъ все молчалъ.» Плюнуть мнѣ имъ хотѣлось тогда!.. Русская грамматика-съ просто въ умиленіе пришла, и вѣдь еще пресеріозно, знаете, спрашиваетъ: «какъ, скажите, съ вами на одной линіи стояли, и такъ еще молоды, а ужъ съ люди вышли?»

Пареевъ Ивановичъ, хотя и тихо говорилъ, но никогда еще, казалось, не былъ такъ раздраженъ, какъ теперъ.

«Ну-съ, и вотъ это-то какъ объяснить? продолжалъ онъ, взволнованный. Вѣдь никому не сказалъ слова, ну ни передъ кѣмъ ничѣмъ не высказался, а вѣдь всѣ про своего новаго начальника филологіи въ одинъ голосъ рѣшили, что современный человѣкъ и либералъ — либералъ и современный человѣкъ-съ... Ха, ха, ха!... размѣлся вдругъ Пареевъ Ивановичъ. — А? Каково же это-съ? Сеничка Ноевъ—современный человѣкъ-съ? Духа вѣка выразитель-съ! а?.. Какъ ему тогда еще нашъ законоучитель, тутъ же передъ всѣми, привѣтственной рѣчи въ залѣ не прочиталъ? а? на церковную тему, знаете?... А очень-бы можно,—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ и заговорилъ очень серіозно:

— Не знаете ли, текстъ есть, у Луки глава XVI, стихъ восьмой-съ: «сыны вѣка сего умнѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ» вотъ на эту бы ужъ и очень можно!

И разказъ Пареена Ивановича вдругъ перешелъ въ неспокойный обвинительный искъ. Это были ужъ не тѣ тяжелыя, все нравственное существо раздиравшія раны, боль которыхъ вновь растревоживалась въ груди разказчика въ мигъ самаго разказа, а до тѣхъ поръ онѣ таились въ душѣ, видимо притупленные годами. Нѣтъ, это была свѣжая рана; въ каждомъ словѣ больнаго слышалось, что Пареевъ Ивановичъ толкуеть о вчерашнемъ днѣ своей жизни.

«И за что онъ меня сгубилъ? спрашивалъ несчастный больной. Вы думаете, былъ какой-нибудь поводъ? Предлогъ какой-нибудь отыскался. Въ томъ-съ и дѣло, что ничуть не бывало... Ха, ха, ха!... И зачѣмъ же поводъ? помилуйте! И какой-съ предлогъ?... Проще-съ можно... Ха, ха, ха!... И глухое рыданіе вырывалось изъ груди больнаго...

«Да развѣ я могъ ему... ну вотъ теперъ-то загородить поперекъ?.. И за что жъ онъ меня спихнулъ, толкнулъ съ краю!! Мѣшалъ я ему?.. Мѣшалъ... Ха, ха, ха!.. Я мѣшалъ!.. Я ему мѣшалъ!..

«Вотъ, вотъ-съ...» Пареевъ Ивановичъ вдругъ выхватилъ свое запечатанное письмо изъ-подъ подушки, ударялъ по немъ косями своихъ длинныхъ пальцевъ и въ какомъ-то изступленіи говорилъ: Тутъ я ему пишу: «Сеня, ты—одинъ теперъ. Я тебѣ мѣшалъ. Вотъ я отсторонился. Ты — одинъ теперъ!..» Я съ того начинаю: «Сеня, изъ могилы пишу тебѣ!» И онъ опять ударялъ по запечатанному конверту и какъ-то злорадно улыбадся. «О, я ему тутъ все пишу!» вскрикивалъ онъ вновь и, казалось, пуще въ немъ расходилась страшная злоба, которую напрасно онъ въ тѣ мгновенія старался подавить.

И вдругъ онъ начиналъ плакать.

«Ничего, вѣдь ничего не было-съ! Поймите ничего! опять началъ онъ. Тише меня не могъ бы онъ себѣ и пожелать подчиненнаго. Мнѣ все равно было-съ. Да и что же? Какъ угодно начальству, такъ пусть ихъ и предписываютъ... Я не мѣшался. Вотъ только развѣ одинъ случай былъ. Поступилъ къ намъ, видите ли, въ заведеніе племянничекъ начальника, князь Сонинъ. Такъ и извѣстно было, что живетъ онъ въ домѣ у Ноева. Русская грамматика въ восхищеніе пришла отъ

способностей мальчика, скоро и во всѣхъ уже спискахъ вижу, князь Сонинъ съ полными баллами отмѣченъ... Да мнѣ-то что жесъ, помиуйте! Прикажутъ, я ему, мало пять,—десять бы балловъ въ кѣткѣ наставилъ. Да опять же изъ математики онъ и порядочно шелъ. Только негодяй былъ! Вотъ за что я его не терпѣлъ. И дѣти его не любили: фискаломъ звали, генеральчикомъ. Разъ въ моемъ классѣ я его на колѣни поставилъ. Да вѣдь стоило-съ! Сосѣдъ его тайкомъ пирожокъ кушалъ, а онъ захотѣлъ отнять, и ущипнулъ его за ухо. Я погрозился наказать его, такъ онъ что же придумалъ? выхватилъ, гляжу, пирожокъ у сосѣда, намазали имъ рукавъ своей курточки, да мнѣ и жалуется потомъ: «Бойниковъ за классомъ пирожокъ ѣсть, онъ мнѣ курточку имъ выпачкалъ; теперь, я приду домой—тетушка взыщеть.» А? Взялъ я его да поставилъ на колѣни у каеэды. Негодай-съ, говорю, негодяй! И вѣдь мальчишка-то еще какой. Среди класса дверь отворилась настезь, начальникъ входитъ. Я продолжаю классъ, его превосходительство слушаетъ... Только я смотрю кругомъ: гдѣ-же князь Сонинъ? А мальчишка-съ, какъ дяденька его вошелъ въ классъ (ну, тутъ всѣ поднялись съ мѣстъ, привѣтствіе прокричали), какъ былъ на колѣняхъ за математическую доску и заползъ. «Князь Сонинъ! говорю, пожалуйста на ваше мѣсто!» Разревѣлся онъ и ужъ съ триумфомъ, знаете, передъ дяденькой сталъ на колѣни. Его превосходительство имѣлъ однакожъ терпѣніе, классъ до конца дослушалъ. Отошли вечерніе классы, я и забылъ обо всемъ. Танусь по корридорю... Домой иду, знаете. Вдругъ прямо на меня инспекторъ изъ учительской выходитъ. «Г. Скрипицынъ! начальникъ просилъ меня передать вамъ, чтобы вы зашли къ нему послѣ классовъ.»—Слушаю-съ,—и иду. «Что, говорить, вамъ была за охота!..» и (какъ-то ужъ по своему онъ умѣлъ это дѣлать) помялъ губами и головой покачалъ. Его превосходительство въ отдѣльномъ флигелѣ помѣщался. Прихожу, докладываюсь; въ кабинетъ просятъ.

«Отворяю дверь въ кабинетъ. Его превосходительство лежитъ на сафьянномъ диванѣ, французскую газету читаетъ. Я стою, онъ переворачиваетъ листы. Что вамъ угодно? спрашиваю. Онъ отложилъ листъ, потягивается, крикнулъ,—ужъ генеральская привычка, замѣтите. — Вы меня звали! опять спрашиваю. Потерьъ лобъ.

«— Да вотъ что, говорить—и паузу выдержалъ-съ. Гдѣ мы живемъ? на необитаемомъ островѣ? съ бѣлыми медвѣдами?

«— Извините, говорю, ваше превосходительство, не понимаю этой эклоги.

«— А однакожь, говорить, понятно! и не смотреть на меня, въ полъ уставиляся. — Съ людьми! съ людьми! А съ людьми жить—надо примѣняться.

«— Ты меня, говорю, ужь Сеня извини: я усталъ стоять.— Взялъ стулъ и сѣлъ. Онъ опять смотритъ въ свой коверъ подъ ногами и молчитъ. Я сижу противъ него, также молчу; другъ отъ друга и ждемъ, кто начнетъ?

«— Чтò жь наконецъ, говорить, дѣлать-то, если мы другъ друга не понимаемъ! Не понимаемъ, такъ не понимаемъ!—И всталъ съ дивана и сталъ ходить взадъ и впередъ передо мною. Тогда я и всталъ. Стою и гляжу: чтò еще угодно будетъ оказать его превосходительству? «Но, говорить, какъ вы сами думаете о томъ г. Скрипицынъ,»—и остановился: «если начальникъ и подчиненный не понимаютъ другъ друга, кому изъ нихъ приходится первому подумать о томъ, какъ бы имъ понять-то другъ друга? а?»

«— Подчиненный, говорю, обязанъ уважать своего начальника! и чуть не расхохотался... А онъ:

«— Послушай, говорить, Пареевъ Иванычъ—и вдругъ-сь, куда дѣвалось все генеральство? и руками сталъ размахивать, визжитъ какъ ребенокъ, двухъ словъ связать не умѣетъ.—Послушай, говорить, Пареевъ Иванычъ. Я плевать хочу на твое уваженіе! Понимаешь ли? у-ва-же-ні-е! Кому какое дѣло: уважаетъ кто кого или нѣтъ? Но, живя въ обществѣ, я имѣю право требовать, слышишь ли, отъ всякаго требовать... да... чтобы никто меня не толкнулъ, не наступилъ бы мнѣ на ногу, на сапогъ. Понимаешь? А что мнѣ уваженіе...

«— Ваше превосходительство, говорю, и опять чуть не расхохотался.—Я, можетъ-быть, провинился когда передъ вами въ чемъ-нибудь противъ формы. Можетъ-быть, въ лицѣ князя Сонины я бы долженъ былъ почтить племянника вашего превосходительства...

«— Тутъ не о племянникѣ рѣчь! опять онъ остановился передо мною.—И зачѣмъ ты, Пареевъ Иванычъ, притворяешься, что не понимаешь. Форма!.. Ты понялъ ли, что такое форма? Да я никого и не хочу, и не желаю допустить до себя ближе формы-то! Развѣ къ чужому залѣзешь въ душу? Да еслибъ и залѣзъ, какое мнѣ дѣло до всякому залѣзати въ душу, да и не хочу я этого... Не обязанъ. Понимаешь? Въдь сюда-то

заглянуть, Пароенъ Иванычъ (и указываетъ на грудь-съ) глубоко надо. Легко нельзя!.. Никто не можетъ,.. да наконецъ ни чуть не обязанъ... не имѣеть права!.. Но, живя въ обществѣ, слышишь ли, я имѣю право требовать, чтобы на мой поклонъ отвѣчали поклономъ, на мое пожатіе руки пожатіемъ руки, слышишь?.. чтобы не наступали мнѣ на сапогъ. Понялъ? — И опять сталъ ходить по комнатѣ, должно-быть сердить былъ на себя, зачѣмъ такъ много словъ потратилъ съ подчиненнымъ... овладѣть-съ собой старался. Я все стою молчу.

«—Теперь надѣюсь, говорить,—господинъ Скрипицынъ, вы поняли?—и опять взялъ со стола французскую газету. — Если же не поняли, приглашаю васъ подумать объ этомъ. Я только для этого васъ и призывалъ. Прощайте.—И позвонилъ въ колокольчикъ. Въ штиблетахъ лакей къ нему явился; я ушелъ-съ.

«Первый разъ тогда я проклиналъ свое учительство. Да вѣдь еслибъ у меня только былъ кусокъ чернаго хлѣба да не пришлось бы на мостовую мнѣ выселяться, я сейчасъ же бы пошелъ въ канцелярію писать отставку. Вѣдь ему этого, этого отъ меня хотѣлось! Но что же мнѣ было дѣлать? года, года мои... вѣдь ужъ я старъ становился! Вышелъ бы въ отставку, на что бы я годился?.. Все я тогда сдвинулъ въ себѣ, плюнулъ на все-съ, аккуратно продолжая каждый день являться на уроки... Да и что жъ онъ мнѣ былъ Ноевъ, его превосходительство? Дразнить-то его ужъ у меня ни чуть охоты не было. Только онъ меня очень смущался: встрѣтится, бывало, и не глядитъ, проходитъ мимо. Наступила-съ и прошла вакація. Только что было вздохнулъ свободно, отряхнулся ото всего, опять эта канитель въ глаза тянется: классы-съ, звонки, учительская. Ужъ мнѣ все это противно, тошно становилось. 1-е сентября, именины начальника-съ. Вздумали мои товарищи ему какую-то вазу подносить. Какъ же-съ! подписку составили. И мнѣ листъ подали: я рубль серебромъ пожертвовалъ. У него обѣдъ былъ, весь нашъ синклитъ въ мундирахъ приглашенъ былъ; ужъ на обѣдъ-то къ нему я отказался. Нѣтъ-съ, не пошелъ: было и безъ меня охотниковъ генеральское здоровье пить...

«Только вѣдь понимаете: больше-то и ничего, никакихъ отношеній. Онъ зналъ про меня все, и молчалъ; я также зналъ про него все, и молчалъ. Я ужъ думалъ, у насъ съ нимъ все и обошлось одною молчанкой. Нѣтъ. Вдругъ онъ одинъ разъ

опять меня призываетъ къ себѣ... Вхожу опять въ тотъ кабинетъ. Передъ нимъ бумага какая-то...

«— Что вамъ угодно?» опять спрашиваю.

«Онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, я противъ него за столомъ сталъ. Онъ на меня не смотритъ. Душистую сигару курить. — «Желали меня видѣть!» говорю.

«— Вотъ что, говоритъ, господинъ Скрипицынъ. Въ нашу канцелярію пришла бумага изъ Одесскаго округа. Тамъ нуждаются въ учителяхъ. Понимаете?»

«— Ну что жь? спрашиваю.

«— Послушай, говоритъ, — Пареевъ Иванычъ. Не притворяйся, ты не дуракъ. — И всталъ и бьетъ себя въ грудь. — Какъ вашъ начальникъ, я спрашиваю: господинъ Скрипицынъ! Угодно вамъ будетъ подать прошеніе о переводѣ васъ въ Одессу? Да или нѣтъ? Больше я ни о чемъ не спрашиваю.

«— Что ты, говорю, — шутишь что ли со мною? И весь дрожу; я не ожидалъ! Нѣтъ, не ожидалъ!» какъ-то рѣзко добавилъ Пареевъ Ивановичъ, отмахиваясь дрожащею рукой.

«Ноевъ-съ... какъ вы думаете, что мнѣ на это? — Ты-то не шутишь ли, говоритъ, — со мною. Право, было тебѣ время одуматься. Съ самаго начала, какъ умный человекъ, ты, я думалъ, самъ догадаешься. Видѣть намъ нельзя. Слышишь? Видѣть намъ нельзя... Или я, или ты, кто-нибудь долженъ посторониться. Это такая истина, младенецъ понялъ бы. Ты, я вижу, захотѣлъ этого не понимать; ну, вѣдь рано ли, поздно ли надо жь было мнѣ самому взяться объяснить тебѣ. — И опять сѣлъ и курить сигару.

«Я-съ стою противъ него, глаза вытаращилъ. Ничего не понимаю-съ. Въ головѣ помѣшательство дѣлается. Какъ? думаю: онъ меня гонитъ на улицу! онъ отнимаетъ у меня послѣдній укрукъ... Я, какъ лошадь рабочая, несъ ярмо. Я разчитывалъ каждый пятакъ, я какъ сивяга пересчитывалъ годы службы... А онъ меня гонитъ на улицу...

«— Или, говоритъ, — ты можетъ-быть думалъ лбомъ каменную стѣну прошибить, а? — И всталъ опять съ кресла и показываетъ мнѣ на себя, и ужъ мерзко опять какъ-то смѣется: — и не прошибешь. Ручаюсь, не прошибешь!..

«— Нѣтъ, да что жь, вдругъ я крикнулъ, — шутишь ты со мной или нѣтъ. Отвѣчай, Семень...» А самъ дрожу-съ. Точно у меня ножикъ въ рукѣ былъ. Вѣдь я его за горло готовъ былъ схватить...

«— Шучу я? Ни мало.

«— Такъ отвѣчай, что́ это такое?

«— Такъ. Мнѣ хочется. Ничего больше

«— Отвѣчай же! говорю. Что́ жь, я у тебя мѣсто перебиваю? Анну твою съ шею долой сорвать хочу?..»

А онъ глазомъ не мигнетъ, бровью не поведетъ; стоитъ за столомъ противъ меня. Взялъ я тогда со стола чернильницу и прямо ему въ рожу-съ. «Ты, Сеняна, подлецъ, говорю,» и хлопнулъ дверью изъ кабинета.»

Разказъ о томъ октябрьскомъ вечерѣ, въ который бѣдный учитель возвратился на свою квартиру, полупомѣшанный, насквозь промоченный осеннимъ дождемъ, уже съ сѣменами зачинавшейся злой болѣзни въ груди,—о первой ночи горячешнаго бреда, о первыхъ дняхъ страданія, о казенномъ докторѣ, который пріѣхалъ освидѣтельствовать, о благихъ распоряженіяхъ начальства, такъ какъ учитель человекъ безсемейный, перевести его въ больницу и содержать впредь до излѣченія,—я не могъ всего этого спокойно дослушать. Бѣдный Паренъ Ивановичъ терзался...

— Отдайте жь ему это! говорилъ онъ, всѣмъ корпусомъ обращаясь къ подушкѣ.—Да знаете ли! Вѣдь я хотѣлъ бы на тотъ мигъ воскреснуть, чтобы видѣть, какое у него будетъ лицо, когда онъ станетъ читать эти строчки!.. О! вы увидите, вы увидите!..

И блѣденъ какъ мертвецъ, больной въ оцѣпенѣніи глядѣлъ мнѣ въ глаза, въ какомъ-то изступленіи домалъ себя руки... И потомъ падалъ и горько плакалъ. Находилъ на него, казалось, обморокъ. Только этотъ плачь, тихій, дѣтски-журчавшій плачь, едва слышно прорываясь сквозь сонъ, надрывалъ сердце. Но онъ не хотѣлъ, какъ и прежде, отдавать мнѣ въ руки свое роковое письмо... Что́ это было? мщенье ли, въ минуту разставанія души съ тѣломъ, когда, *связавъ* на землѣ, онъ ужъ и самъ не былъ бы властенъ *развязать* въ небѣ? Удерживалъ ли бѣдный страдалецъ свою месть, когда, достигнувъ въ душѣ крайняго предѣла, вдругъ она разрѣшалась слезами и изнутри слышался голосъ всепрощавшей любви?

Это ужасное состояніе больного не переставало мучить меня во все время его болѣзни. Что-то дикое слышалось мнѣ въ этой мстительности мертвеца, въ его проклинающемъ по

сланиі живому человѣку. Мнѣ страшно дѣлалось и за того, на чью голову падали всѣ эти ужасныя, безповоротныя проклятія.

Нѣтъ надобности разказывать обстоятельно исторію послѣднихъ дней больного. Это была страшная агонія. Онъ на глазахъ таялъ, и гробу, казалось, останется немного принять отъ него. Голось пропадалъ, въ движеніяхъ каждый часъ убывало сознательности, воля отходила. Глаза его все время оставались закрыты, онъ дышалъ, страшно подымая грудь. Я проводилъ надъ его подушкой цѣлые часы; онъ попрежнему лежалъ недвижно. Онъ, можетъ-быть, чувствовалъ, слышалъ, что я возлѣ него, но не проронилъ ни полуслова... Наклонясь къ нему, я подолгу вглядывался въ его страдальческое лицо; иногда мнѣ становилась страшна тишина, царствовавшая въ палатѣ. Одинъ разъ рука его задвигалась въ какой-то судорогѣ, онъ нанесъ ее на грудь и стиснулъ разрѣзъ сорочки; я разглядѣлъ мѣдный крестъ въ его рукѣ,—еще его крестильный быть-можетъ, воспоминаніе о дѣтствѣ, о матери... Въ другой разъ онъ шепталъ какія-то невнятные слова. Онъ открылъ глаза, обернулъ голову ко мнѣ и, кажется, узналъ меня; но сейчасъ же положилъ ее на подушку, и опять закрылъ глаза. Рука его по одѣялу протянулась ко мнѣ, я невольно подаль свою. Онъ принялъ ее, и три раза пожалъ крѣпко.

И вотъ, въ одно утро, я засталъ у его кровати нѣсколько молодыхъ медиковъ, и съ ними доктора. Они присаживались на его кровати, наклонялись головою къ самой груди его, прислушивались къ чему-то, пробовали что-то, и тихо между собою переговаривались и переглядывались. Молодые люди объяснили мнѣ, что они разбираютъ признаки, по которымъ можно вѣрно опредѣлить, сколько часовъ осталось жить больному. Въ тотъ разъ, когда я вышелъ изъ палаты, мнѣ почему-то рѣзче бросились въ глаза всѣ остальные фазы больничной жизни... Мнѣ рѣзче бросился въ глаза и этотъ ламповщикъ, который, наставивъ на окно цѣлую батарею лампъ, искусно перетиралъ очередное стекло, пропустивъ въ него жгутомъ полотенце. На лѣстницѣ встрѣтилъ я фельдшера съ заспанными глазами и съ книгою въ рукахъ; мнѣ рѣзко бросилось въ глаза даже заглавіе на корешкѣ книги: *Три Мушкетера*, романъ А. Дюма. Въ парадныхъ дверяхъ мнѣ рѣзче почему-то бросился въ глаза солдатъ въ фартукѣ, который чистилъ кирпичнымъ порошкомъ большія мѣдныя ручки.

Вечеромъ того дня я опять былъ у кровати. Большой былъ все въ одномъ положеніи; но я все-таки долго не могъ отойти отъ него. И какія слова могутъ быть и громче, и краснорѣчивѣе этого молчанія! Я увѣренъ, еслибы люди чаще заглядывали въ лицо мертвецамъ, мертвецы наговорили бы имъ много, о чемъ не услышишь отъ живыхъ людей! Уже было поздно, когда я затворялъ за собою дверь палаты, шелъ корридоромъ, спускался внизъ по пространнымъ, каменнымъ ступенямъ. Лицо страдальца призракомъ стояло въ моихъ глазахъ; я не могъ отогнать его. И зачѣмъ же тогда, какъ только я сошелъ въ сѣни, зачѣмъ кинулись прямо навстрѣчу моему слуху веселые звуки рояли, доносившіеся откуда-то со стороны? Я ихъ слыхалъ и прежде; вѣроятно, они доносились изъ квартиры одного изъ здѣшнихъ врачей... Но теперь, наперекоръ мнѣ, такъ раздражительно эти звуки тѣснились въ мой слухъ, будто они и грозились, и улыбались мнѣ...

— Пожалуйте-ка сюда, ваше благородіе! кликнулъ мнѣ на другое утро знакомый инвалидъ, Егоръ Власевъ, съ какимъ-то озабоченнымъ выраженіемъ лица. Я скинулъ калоши, сбросилъ шинель, и подошелъ къ дверкѣ его кануры. Онъ снялъ что-то съ верхней полки и подалъ мнѣ. Это былъ пакетъ Пареена Ивановича: «его превосходительству, Семену Ивановичу Ноеву», значилось на адресѣ. А инвалидъ съ какою-то простодушною искренностію сказалъ мнѣ: «Покончили!» и вздохнулъ.

— Умеръ? спросилъ я машинально.

— Рѣшились! отвѣтилъ инвалидъ и опять вздохнулъ.—Вѣдьно вамъ передать. Царство имъ небесное! Всѣ, ваше благородіе, тамъ будемъ.

Я безъ всякаго вопроса глядѣлъ инвалиду въ глаза, а онъ, вѣроятно, прочитавъ въ моихъ недоумѣніе, продолжалъ:

— На разсвѣтѣ. Я при нихъ былъ.

— Ничего не говорилъ?..

— Вечеромъ я заходилъ къ нимъ въ палату. Письмо это съ вечеру велѣли вашему благородію передать, къ ночи значить. Или, говорю, ужь томится зачали? «Который часъ?» спросили.—Молъ, одиннадцать пробило.—«Власъ Егоровъ, говорятъ, ты ко мнѣ приходи нынче ночью.»—Слушаю, ваше благородіе!—Въ два часа и пошелъ. Опять спрашиваютъ: «Который часъ?»—Молъ два било.—«Власъ Егоровъ, побудь здѣсь.»—

Слушаю, ваше благородіе.—Забылись они, я и отошелъ. Въ четвертомъ, опять прихожу. Въ третій разъ разъ спрашиваютъ: «Который часть?»—Четыре, говорю, пробѣло.—«Власть Егоровъ, когда я умру, закрой мнѣ тутъ глаза.»—Слушаю, ваше благородіе!—Больше ничего и не разговаривали. Сталъ бить пятый... Руки сами у себя, гляжу, на груди, какъ покойникъ, сложили и зачали отходить. Одинъ разъ вздохнули, другой разъ вздохнули, третій вздохнули,—и будетъ... Святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, говорю, помилуй насъ. Аминь. И закрылъ имъ глаза на вѣчный покой.

Первымъ моимъ движеніемъ тогда было послѣдовать примѣру инвалида; онъ крестился.

—Пожалуйте къ нимъ на верхъ! опять онъ обращался ко мнѣ бодро.—Еще въ койкѣ, а то теперь и уберутъ скоро. Пожалуйте!—И, оправивъ второпяхъ свои солдатскіе усы и баки, онъ ужъ кидался отворять двери кому-то, съ огромнымъ, поднятымъ воротникомъ шубы.

Я шагъ за шагомъ подымался по ступенямъ широкой лѣстницы, медленно проходилъ корридормъ, гдѣ опять глянули на меня большіе, больничные часы съ своимъ узорнымъ циферблатомъ и колотившимся, какъ сердце, маятникомъ. Будто еще боясь потревожить кого-то, я тихо отворилъ дверь палаты, подошелъ къ огороженной ширмами кровати, и по обычаю христіянина, встрѣчающаго трупъ брата, до земли поклонился.

Покойникъ лежалъ, съ руками, сложенными на груди крестомъ, въ своемъ больничномъ халатѣ, до половины накрытый одѣяломъ.

VI.

На маленькомъ отдѣльномъ дворѣ учебнаго заведенія, черезъ нѣсколько дней происходило движеніе.

Все громадное зданіе, съ колоннымъ фасадомъ главнаго корпуса, съ флигелями, отдѣльными корпусами, подраздѣленіями дворовъ, обнесенное высокою оградой, производило впечатлѣніе какого-то аббатства. Сосѣдній церковный дворикъ упиралъ однимъ угломъ въ переулокъ, и у самыхъ воротъ съ чугунными столбами, наминавшими пушки, стояло нѣсколько экипажей. На церковной паперти былъ разбросанъ можжевелникъ.

Мнѣ было уже извѣстно, что, по распоряженію начальства, *учителя* отпѣваютъ въ приходской церкви заведенія; я зналъ и то, съ какою печальною торжественностію переносили вчера въ еумерки его гробъ изъ больничной часовни. Товарищи покойнаго по службѣ, старшій классъ учениковъ и самъ начальникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ноевъ, принимали участіе въ процессіи.

Въ назначенный день, я всходилъ на паперть. Крыша гроба съ приколотою трехуголкой и шпагой странно поразила меня въ дверяхъ: лучше бы мнѣ хотѣлось, чтобы похороны Пареена Ивановича обошлись вовсе безъ чиновничьихъ атрибутовъ.

Сверхъ всякаго ожиданія, народу оказывалось много. Особенно такъ могло казаться при тѣснотѣ церкви. Большею частію тутъ были товарищи покойнаго по мундиру; кромѣ же учителей, сошлись и всякіе служители при заведеніи, включительно до эконома. И всѣ они, какъ я имѣлъ случай узнать тутъ же на мѣстѣ, по своему уважали Пареена Ивановича, хотя всѣ относились къ нему при жизни, какъ къ какому-то чудаку. Въ двѣ линіи, у самаго гроба, тянулись стройными рядами ученики старшихъ классовъ. Въ головахъ стоялъ начальникъ, въ своемъ мундирѣ IV класса. Нѣсколько разъ я принимался вглядываться въ это лицо. Мнѣ хотѣлось провѣрить себя: то ли оно было, какимъ я себя представлялъ его, слыша разказы Пареена Иваныча о Семенѣ Ивановичѣ Ноевѣ.

Съ моего мѣста я видѣлъ Ноева въ полупрофиль. Но каждый разъ, какъ я обращался въ его сторону, лицо его, поддержанное высокимъ шитымъ воротникомъ, ни въ чемъ не измѣняло своего, разъ принятаго выраженія. Въ немъ я ничего болѣе не могъ прочесть кромѣ того официальнаго приличія, которое можно было бы привести стоявшимъ здѣсь ученикамъ въ обращеніе того, какъ надо держать себя въ храмѣ. Пѣвчіе на клирѣ пѣли лучше синодалныхъ.

Я не давалъ себѣ отчета, что тогда творилось въ моей душѣ. Сквозь впечатлѣнія, которыя на яву представлялись моимъ глазамъ—ряды модельщиковъ, хоры пѣвчихъ, дымъ кадильный, трупъ въ гробу, образа иконостаса—въ умѣ моемъ мерцали впечатлѣніями живой человекъ, рѣчи больнаго, звукъ его смѣха, плача... Страданія какими-то отрывочными снами грезились въ воображеніи: то Манлинъ на чугунной лѣстницѣ въ аудиторіи, то лунная ночь и блѣдное лицо женщины, то

страдающій голосъ самаго больнаго, чернильница, которая въ изступленіи брошена въ лицо врагу... Опять Манлинъ, опять ночь и женщина... Выходилъ я изъ забытья, и вдругъ видѣлъ опять въ неизмѣнномъ, прежнемъ положеніи лицо начальника, поддержанное шитымъ воротникомъ мундира, ряды молельщиковъ, дымъ кадилный, образа иконостаса, хоры пѣвчихъ, и въ гробу—молчавшій трупъ.

Въ толпѣ прибавилось нѣсколько новыхъ лицъ къ полуобъднѣ. Служба шла долго. У дверей набралось нѣсколько старушекъ, которыя, не знаю, какъ всюду пробираются и составляютъ непремѣнную принадлежность всякихъ похоронъ. Кто-то въ бровой шинели, съ изящною шляпой въ рукѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня, протѣснялся въ толпѣ. Я потомъ видѣлъ его уже на разныхъ точкахъ. Можно было насчитать даже нѣсколько дамъ въ томъ и другомъ углу, въ зимнихъ шляпахъ и хорошихъ салопахъ.

Я нѣсколько разъ какъ бы отряхивался отъ своихъ припоминаній, отъ смѣшанныхъ чувствъ, которыя противъ воли втѣснялись... Я оглядывалъ молельщиковъ. Мое вниманіе обратилось на молодаго человѣка, или можетъ-быть только молодяваго, котораго я замѣтилъ, когда онъ въ двухъ шагахъ отъ меня протѣснялся въ толпѣ. Мнѣ нравились его черты. Мнѣ показалось даже, что я его встрѣчалъ гдѣ-то, въ бальной толпѣ.

Но никого тутъ не было въ черныхъ платьяхъ, никого изъ тѣхъ, у кого посторонніе не оспариваютъ права жаться тѣснымъ кружкомъ ближе къ гробу, чьи слезы, чье рыданіе останавливаютъ похоронную службу.

Я вышелъ на паперть.

Отсюда слѣва видѣлся фасадъ главнаго корпуса, глядѣли три ряда оконъ. Та же мысль преслѣдовала меня: много годовъ къ ряду, ежедневно, приходилъ сюда *учитель*; въ классахъ, соскучившіеся долгими уроками ученики не слушали его голоса, въ корридорѣ провожали его задумчивую фигуру, удаляющуюся домой, всякими выходками. У самой паперти возились четверо ребятшекъ и перекидывались другъ въ друга снѣжками, пополамъ съ грязью. Двѣ богомольныя старушки молились въ снѣгахъ. Дроги съ серебрянымъ, парчевымъ балдахинномъ стояли теперь уже у самой паперти. Въ нихъ была запряжена пара тощихъ лошадей, въ траурныхъ, подержанныхъ пополахъ. На высокихъ козлахъ торчалъ равнодушный кучеръ, накрытый траурнымъ колпакомъ.

Отпѣваніе, какъ и самая обѣдня, продолжалось долго.

На паперти, выйдя на нее въ другой разъ, я нашелъ своего незнакомца. Онъ стоялъ съ открытою головою, держа шляпу въ рукѣ, кстати придерживая ею и шинель на груди. Въ самомъ дѣлѣ, его лицо было замѣчательно хорошо.

Онъ очень дружно толковалъ съ двумя богомолками, которыя все держались въ сѣняхъ. Я сталъ у выхода.

— Отчего же вы не войдете, старушки? Вамъ тутъ холодно.

— Мы, баринъ, чужія! ласково отвѣтила на ласку, одна поразговорчивѣй. — Здѣшнихъ-то, солдатъ всѣхъ пустилъ, а насъ не пускаетъ.

— А вы откуда? онъ спрашивалъ.

— Съ Плющихи, сударь. Мы *учителл-то* все равно, что своихъ господъ, знали. Мы оттуда.

Онъ вѣрно ничего не понялъ; а я сейчасъ же взглянулъ на старушекъ. Мнѣ хотѣлось хоть въ нихъ узнать кого-нибудь изъ того околотка, гдѣ Пареена Ивановича и его желтенькій домикъ знали всѣ отъ мала до велика, и гдѣ не было ему другаго имени, какъ учитель. Я узнавалъ даже, кажется, въ одной изъ нихъ старушку, которую не разъ встрѣчалъ на самомъ дворѣ, гдѣ жилъ Пареевъ Ивановичъ.

Незнакомецъ прямо подошелъ ко мнѣ. — «Скоро вынось, не знаете?» спросилъ онъ меня. «Скоро,» я отвѣтилъ, и не думалъ, чтобъ онъ продолжалъ.

— Вы также знали покойника? спросилъ онъ меня.

— Да.

— Скажите, хорошо вы его знали?

Меня этотъ вопросъ поразилъ. Въ голосѣ вопроса было что-то теплое.

— Странная доля, сказалъ я, — выпала мнѣ въ знакомствѣ съ этимъ человѣкомъ. Вообразите, я всю жизнь встрѣчался съ нимъ мелькомъ; только въ послѣднія двѣ недѣли узналъ его до конца.

— И ваше о немъ мнѣніе? спросилъ джентльменъ.

— Это былъ отличный человѣкъ! отвѣчалъ я.

— А! вы, значитъ, очень хорошо его знали, сказалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ. — Моя всегдашняя мысль, видите: что есть люди на свѣтѣ, которые для всѣхъ, кто ихъ не знаетъ, — кажутся холодными эгоистами; для всѣхъ же кто ихъ знаетъ — глубоко-

любящими; вся бѣда ихъ именно въ томъ, что ихъ никто не знаетъ! Почему-то, мнѣ Пареевъ Иванычъ представлялся всегда такимъ. Какъ вы думаете?

— А вы, спросилъ я его въ свою очередь,—вы также знали покойнаго?

— Онъ мнѣ—школьный товарищъ, отвѣтилъ онъ.—Но странно, никакъ не удавалось мнѣ съ нимъ сблизиться, какъ я ни старался. Потомъ я потерялъ его изъ виду. Почему-то я его всегда замѣчалъ... но никакъ не удавалось сблизиться. Я графъ Мандинъ. Вы мнѣ позволите спросить вашу фамилію?—спросилъ онъ.

Я сказалъ.

— Однакожь смотрите; ужъ крышу понесли! Пойдемте на свои мѣста.

Крышу гроба, въ самомъ дѣлѣ, изъ сѣней ужъ несли въ церковь, и онъ успѣшилъ.

«Боже мой! думалъ я между тѣмъ, оставшись одинъ на паперти.—Мандинъ! Тотъ самый Мандинъ!»

Изъ дверей повалила толпа, вдали надъ головами заколыхался гробъ. Богомольныя старушки среди другихъ показались уже на улицѣ и кланялись земно. Дроги съ серебрянымъ балдахинномъ подъѣхали къ паперти, пѣвчіе высыпали за ворота, и ужъ запѣвали *Святый Боже*. Гробъ выносили на рукахъ учителя, но впереди всѣхъ, въ мундирѣ, шелъ невозмутимо-печальный начальникъ, и (мнѣ стало невыразимо тяжело вспомнить слова умиравшаго Пареева Ивановича) придерживалъ край.

Наконецъ дроги тронулись... Подъѣхалъ Пареевъ Ивановичъ.

И только двухъ богомольныхъ старушекъ, съ дальняго конца города пришедшихъ взглянуть въ послѣдній разъ на *учителя*, долго еще занималъ вопросъ въ самыхъ воротахъ: какой лежить покровъ на гробу—купленный или церковный?

— Говорю тебѣ, церковный.

— Ой, кума, купленный!

— Говорю тебѣ, церковный.

VII.

Но на мнѣ еще лежало обязательство передъ памятью Пареева Ивановича. Два конверта—одинъ съ адресомъ Ноева, другой бѣлый—равно приводили меня въ недоумѣніе. О

домъ я терялся въ догадкахъ: къ кому оно было? Только на сороковой день мнѣ было поручено вскрыть его; но что новаго открыла бы мнѣ бумага? Если она касалась Пареена Ивановича (а непременно касалась), что новаго еще долженъ я былъ узнать о немъ, чего онъ не успѣлъ, а можетъ-быть умышленно не хотѣлъ досказать о себѣ? Письмо къ Ноеву... Но я все еще не зналъ какими глазами глядѣть на это письмо мертвеца къ живому? Я иногда спрашивалъ себя: долженъ ли я точно отнести его къ Семену Ивановичу?

Больнаго, умиравшаго, могла терзать и приводить въ ожесточеніе личная вражда. Но не было ли бы справедливе передъ самою его памятью уничтожить теперь этотъ живой актъ мести человѣку, который ужъ ничего не можетъ возразить покойнику, а равно и самъ ужъ ничѣмъ не можетъ добиться себѣ отъ мертвеца поворотнаго слова? Отъ него самого я слышалъ начало: «Сеня изъ могилы пишу тебѣ.» Я зналъ, что въ ней мертвецъ упрекалъ: «Я тебѣ мѣшалъ, я теперь со всѣмъ отсторонился.»

Больной, въ припадкахъ невыносимѣйшихъ физическихъ мученій, въ бреду, въ полупомѣшательствѣ, могъ написать все. Онъ могъ написать такое, отъ чего самъ потомъ отрекся бы со слезами. Но такова однакожь была воля умершаго. Онъ казалось, и колебался передавать ли; но онъ передалъ. Онъ, можетъ-быть, на краю гроба нашелъ, что для самого же Ноева будетъ лучше, если письмо дойдетъ по назначенію.

Итакъ, я ждалъ только двадцатаго дня. Я хотѣлъ во всемъ этомъ дѣлѣ явиться только точнымъ исполнителемъ, и ничего болѣе.

Пареевъ Ивановичъ, бѣдный Пареевъ Ивановичъ, стоялъ все эти дни у меня передъ глазами. Различныя встрѣчи съ нимъ, случаи его страдальческой жизни, самъ онъ, весь онъ, въ его немодной шляпѣ, не съ тросточкой, а съ какимъ-то посохомъ въ рукѣ; задумчивый, одинокій, — его скорбный взоръ, наклонившееся лицо въ полупрофиль, — не выходили у меня изъ памяти. Оживали въ ней такія мимолетнѣйшія припоминанія изъ прошлаго, что я самъ дивился, какъ они такъ надолго могли зарониться въ голову. Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ его похоронъ, мнѣ привелось посѣтить тотъ самый желтенькій флигелекъ, въ которомъ онъ жилъ двѣнадцать лѣтъ къ ряду, и который теперь стоялъ пустымъ. Напрасно я искалъ встрѣтить въ

онѣ сосѣдняго домика лицо прежде и неподозрѣваемой мною Натальи Кирилловны; старуха можетъ-быть и перѣѣхала давно. Но и тотъ садикъ изъ бузины и акаціи, и ступени его крыльца, и замокъ на двери, и окно изъ его спальни въ садикъ... все теперь наговаривало мнѣ какой-то смыслъ, о которомъ прежде я и не гадалъ. И что жъ она была, его бѣдная, отверженная жизнь? И кто же, кто далъ право какому-нибудь monsieur Block относиться о немъ, какъ о непростительномъ чудакѣ? Или въ самомъ дѣлѣ, что-то было въ немъ, въ чемъ онъ самъ не умѣлъ себѣ признаться, и что monsieur Block не думая много, коротко опредѣляетъ: *une tête mal organisée*? Пожалуй не могъ бы онъ быть инымъ и во всякой другой жизни, въ какую бы сферу ни поставила его судьба? или все несчастье его въ томъ именно и заключалось, что онъ постоянно былъ выше той сферы, въ которую ставила его судьба? И его ли была въ томъ вина, что онъ постоянно любилъ, безумно любилъ тѣхъ, кто его не зналъ, и не могъ любить тѣхъ, кого зналъ!.. Или, въ самомъ дѣлѣ, Манлинъ, одинъ Манлинъ, этотъ пустой фатъ, какъ о немъ сказалъ его школьный товарищъ, лучше всѣхъ почувствовалъ Пареена Ивановича, — и отзывъ Манлина о немъ, въ разговорѣ со мной на паперти, далъ мнѣ тогда сразу почувствовать, что я свѣтское воспитаніе, въ этомъ Манлинѣ по крайней мѣрѣ, не такъ-то поверхностно, какъ часто кажется.

Но когда я шелъ къ Ноеву, я исключительно былъ занятъ странностью роли, которую мнѣ предстояло разыграть. Мнѣ она чрезвычайно странна казалась, я со смущеніемъ шелъ на нее. Я напряженно старался разгадать: что могло быть въ этой запискѣ? Но только одни загробныя слова: «Сеня изъ могилы пишу тебѣ», и «я тебѣ мѣшалъ», «вотъ я отсторонился теперь» звучали у меня въ ушахъ, какъ я слышалъ ихъ изъ устъ самого больного.

Мнѣ отворилъ высокій унтеръ-офицеръ съ широкимъ рядомъ нашивокъ на рукавѣ, и съ превеликими усами. — Кого надо? спросилъ онъ, почти не взглянувъ на меня.

— Его превосходительство дома? спросилъ я.

— Войдите, скоро выйдутъ.

Я вошелъ, а привратникъ остался на крыльцѣ, должно-быть разговаривать съ кучеромъ. Потомъ онъ вошелъ, но докладывать обо мнѣ кажется не торопился. Повѣсивъ ши-

нель на ясеневою вѣшалку, я передъ зеркаломъ оправился и готовъ былъ идти; но, не получая приглашенія, прислонился къ косяку окна и разглядывалъ антре. Малиновый трипъ бѣжалъ вверхъ по периламъ; бархатистый коверъ-дорожка на отлогихъ, пространныхъ ступеняхъ, бронзированный чугуны, матовые шары лампы, которая свѣшивалась изъ верхней аванзалы, недоступной отсюда для взора, ясенева принадлежность передней—все это вмѣстѣ производило пріятное впечатлѣніе. У другаго окна, которое было въ симметріи съ моимъ, за стекляннмъ тамбуромъ я увидалъ какого-то, должно-быть, просителя. Онъ имѣлъ видъ семинариста, и держалъ въ рукѣ, вмѣстѣ съ картузомъ, какую-то сложенную бумагу; я догадался, что и онъ, подобно мнѣ, дожидается выхода генерала.

— Нельзя ли увидѣть его превосходительство? спросилъ я усатаго привратника, полурастворивъ дверь его соседней конурки, гдѣ онъ глядѣлъ въ окно и распѣвалъ подынось: «Господи помилуй!»

— Чай кушаютъ, отвѣчалъ онъ.

Мало понявъ приложимость такого отвѣта къ моей просьбѣ, я безсознательно опять предался терпѣнію, изучая антре во всей его правильной симметріи и красотѣ. Должно-быть я задумался, потому что только вдругъ какъ бы выйдя изъ забытья, примѣтилъ на лѣстницѣ передъ собою свѣсившуюся фигурку какого-то мальчика, похожаго на обезьянку, въ школьной курточкѣ съ краснымъ воротникомъ.

— Развѣ кто-нибудь есть тамъ? послышался женскій голосъ, какъ мнѣ показалось, изъ аванзалы, откуда мальчикъ долженъ былъ непременно быть виденъ.

— Oui, ma tante, отвѣтила обезьянка, закинувъ вверхъ голову.

— Un comme il faut? спросилъ тотъ же женскій голосъ внятно.

Не знаю къ какого рода людямъ причислялъ бы меня тотъ племянничекъ, хотъ и былъ я теперь одѣтъ въ очень пріличный фракъ и держалъ въ рукѣ очень порядочную шляпу. Унтеръ-офицеръ, выйдя по случаю въ это самое мгновеніе изъ канурки, вдругъ довольно громко кликнулъ на лѣстницу: «опять, ваше сіятельство, вы тутъ шалите! Князю развѣ можно шалить?» и тотъ порхомъ кинулся вверхъ.

На нѣсколько мгновеній все это мнѣ дало поводъ къ раз-

мышлениямъ: не съ княземъ ли Соиннымъ я сейчасъ познакомился, котораго также зналъ изъ разказовъ Пареена Иванова?

Примѣтивъ однако, что я уже слишкомъ запросто отрекомендовалъ себя привратнику своему покорною терпѣливостію, и догадавшись, что вѣрно и меня принимаютъ они за какого-нибудь просителя, я рѣшился обратиться къ унтеръ-офицеру безъ генеральскаго титула Ноева.

— Да что жь, братъ, спросилъ я его,—увиду я Семена Иванова или нѣтъ? Меня просилъ одинъ его знакомый...

— А что жь вы такъ съ самаго начала не сказали! отвѣтилъ мнѣ важный господинъ.—Пожалуйте!—И я сталъ всходить за нимъ по мягкимъ ступенямъ. Въ аванзалѣ, гдѣ онъ меня оставилъ, имѣлъ я въ своемъ распоряженіи прекрасный, простенькаго фасона, орѣховый стулъ съ триповою подушкой цвѣта *медвѣжьяго уха*. Въ зальной перспективѣ я увидалъ только что оставленный чайный столъ, съ серебряными корзинами и приборомъ. По-англійски тутъ были еще и блюда съ кушаньемъ.

— Въ кабинетъ пожалуйте!

Ноевъ былъ въ черномъ сюртукѣ, черныхъ брюкахъ и черномъ жилетѣ. У него на столѣ уже стояла шляпа и съ нея свѣшивались узенькія, еще ненадѣванные перчатки. Только что поданный платокъ также лежалъ, еще пластинкой, на столѣ. Просто и любезно поклонился онъ мнѣ, когда я былъ еще въ дверяхъ.

— Не угодно ли вамъ сѣсть, и самъ подкатилъ мнѣ сафьянный стулъ.

Я сѣлъ. Кабинетъ былъ убранъ со вкусомъ; но вездѣ проглядывала какая-то маленькая боязнь заподозрить себя допущеніемъ хотя бы и малѣйшей пестринки. Хозяинъ, кажется, ожидалъ, что я долженъ начать; но хоть у меня и было все слажено на языкѣ, я не начиналъ. Онъ смотрѣлъ на мой фракъ, на мою шляпу.

— Прикажете папирозъ? спросилъ онъ и подаль со стола какую-то лодочку.

Я отказался, откланялся и началъ.—Извините, что не имѣя чести васъ знать...

— Что вамъ угодно?

— Я къ вамъ отъ одного вашего знакомаго. Съ письмомъ.

— Отъ кого это?

— Отъ Пареена Иваныча.

— Отъ кого? спросилъ онъ вдругъ.

— Отъ Скрипицына, отвѣчалъ я.

— Письмо! Но вѣдь онъ умеръ?

— Да, нынче двадцатый день. Но покойникъ просилъ меня передать вамъ пакетъ въ этотъ день.

Я занесъ руку въ боковой карманъ фрака.

Не то чтобъ измѣнился въ лицѣ хозяинъ, — но послѣ моихъ словъ, пока я вынималъ письмо изъ кармана (а я его очень неловко вынималъ), онъ и глядѣлъ на потолокъ, и слегка барабанилъ пальцами по большому письменному столу. Я подалъ.

Онъ принялъ письмо за одинъ конецъ двумя пальцами, ловко повернулъ къ себѣ адресомъ, узналъ руку, и распечаталъ тутъ же.

«Сеня—изъ могилы пишу тебѣ!» звучало у меня въ ушахъ. «Сеня, я отсторонился—ты одинъ теперь.» Нельзя внимательнѣй слѣдилъ я за лицомъ Ноева. Въ эти мгновения мнѣ хотѣлось подмѣтить малѣйшее измѣненіе хотя бы одной черты губъ, бровей. Невозможно: это былъ какой-то сонникъ. Я замѣтилъ только, что перевернувъ страничку, онъ читалъ долго. Противъ окна мнѣ было видно, что она коротко кончена; а онъ все дѣлалъ видъ будто читаетъ. Потомъ онъ его свернулъ, вложилъ опять въ конвертъ, опрокинулъ его на столъ печатью вверхъ, и, глядя рукой, какъ будто о чемъ-то думалъ. Мнѣ показалось—больше и сказать нельзя, какъ только: показалось,—что въ лицѣ онъ чуть-чуть поблѣднѣлъ.

— Какъ же это сдѣлать? сказалъ онъ полуоборотомъ ко мнѣ, и пересталъ гладить рукою конвертъ, и потеръ лобъ.

— Это вотъ, видите ли, обратился онъ ко мнѣ,—покойникъ проситъ меня выполнить... нѣкоторыя посмертныя его распоряженія. Да!

Я молчалъ.

— Я радъ, что онъ обратился ко мнѣ. Мы съ нимъ были школьные товарищи, однокашники,—какъ же!

Я молчалъ.

— Тутъ о нѣкоторыхъ вещахъ, и еще... объ одномъ ломбардномъ билетѣ.

Я молчалъ.

— Да! опять повторилъ онъ, и позвонилъ.—Воды! сказалъ онъ явившемуся въ дверяхъ ливрейному лакею.

— Но знаете? опять онъ обратился ко мнѣ.—Хорошо, что покойникъ умеръ. Право. Не жилецъ, какъ хотите, не жилецъ онъ былъ здѣшняго міра. Вѣдь мы были съ нимъ очень близки. Я не скажу, чтобъ онъ былъ глупъ,—о, избави Боже! но вѣдь умъ... знаете ли, у-умъ... (и онъ сталъ крутить большимъ и среднимъ пальцемъ, какъ бы подыскивая выраженіе.) Что такое умъ?

И неужели, думалъ я, пока онъ крутилъ пальцами, — неужели умъ то, чтобы, читая проклятiе, загробное проклятiе своего отвергнутого, сведеннаго въ могилу ближняго, ни на йоту не измѣниться въ лицѣ передъ постороннимъ свидѣтелемъ, и, прочитавъ строчки: «Сеня, изъ могилы пишу тебѣ. Я тебѣ мѣшалъ, вотъ я посторонился», находчиво объяснить все распоряженіями о ломбардномъ билетѣ?

— Этого-то вотъ не было! добавилъ Ноевъ, когда покрутивъ пальцами и все-таки не найдя выраженія, дошелъ до того, что еще и щелкнулъ ими.—Нѣтъ, не жилецъ былъ...

— Здѣшняго міра, добавилъ я.

— Очень пріятно, очень пріятно, опять обращался онъ ко мнѣ, уже вставая, и пожималъ мнѣ руку.

— Войдите сюда! раздался громко его же голосъ за мою спиною, когда я сходилъ съ верхней площадки на лѣстницу. На ступеняхъ я столкнулся съ тѣмъ просителемъ, похожимъ на семинариста, который ждалъ въ передней. На зовъ, можетъ-быть, своего будущаго начальника, онъ бѣжалъ стремглавъ. И когда я еще надѣвалъ калоши и снималъ съ ясеневой вѣшалки свою шинель, наверху слышался ихъ разговоръ:

— Это въ канцелярію! Это въ канцелярію!...

— Но, говорилъ тихій голосъ....—математики.

— Ну да, да! математики. Это въ канцелярію!...

«Не на мѣсто ли выбывшаго изъ списковъ Пареена Иваныча ужь новый?» подумалъ я въ дверяхъ.

Рысакъ рванулся было съ санями къ подъѣзду на встрѣчу отворившейся двери; но пышный кучеръ осадилъ. И сѣрый въ яблокахъ заскребъ копытомъ...

«И вотъ поѣдетъ теперь, подумалъ я, дѣйствительный статскій совѣтникъ плѣнять міръ, на улицѣ—своею медвѣжьей полостью, въ гостиныхъ—умомъ, умомъ, все умомъ своимъ!.. Бѣдный Пареевъ Ивановичъ—нѣтъ, право, ребенокъ онъ былъ. Что же простодушнѣ этого? Онъ могъ думать своими строчками испугать Ноева? И послѣ всего, еще только такъ понималъ

онъ этого человѣка! Ребяческое простодушіе! Простодушіе ключомъ писанной бумаги испугать совѣсть этихъ людей!... Легче бы Китайцамъ испугать Англичанъ намалеванными на картонахъ драконами!»

Я сталъ дожидаться сорокового дня. Сдавъ одинъ конвертъ по адресу, я ждалъ: что-то мнѣ скажетъ бѣлый? Не знаю, было ли кому, кромѣ меня, вспоминать сорочины Пареева Ивановича? Назначенный день пришелъ. Едва я вскрылъ тогда пакетъ, изъ него выпалъ другой. Это ужъ былъ простой листъ бумаги. Я развернулъ его по клѣткамъ, и нашелъ двѣнадцать аккуратно сложенныхъ депозитныхъ бумажекъ, каждую въ 50 рублей. А на бумагѣ, въ припискѣ, былъ выставленъ рядъ послѣдовательныхъ двѣнадцати годовъ, и противъ cadaго года была проведена черта, и противъ каждой черты было выставлено: 50 рублей серебромъ. Послѣдній годъ за чертой имѣлъ еще пробѣлъ. Я перебиралъ въ недоумѣніи пятидесятирублевая бумажки, и первыя минуты терялся въ догадкахъ, что мнѣ дѣлать съ этими сотнями рублей? Но раскладывая самый листъ на обѣ половинки, я вдругъ выронилъ билетъ, и прежде всего на немъ мнѣ кинулся въ глаза № 123... сомнѣнья не оставалось. Это была контръ-марка изъ Воспитательнаго дома на принятаго ребенка. Ему то и долженъ былъ я передать.—Для него, съ того самаго года, бѣдный «учитель» откладывалъ изъ своего скуднаго, годоваго жалованья... И только годъ смерти остановилъ.

Это былъ онъ, тотъ самый малютка, о которомъ мнѣ Пареевъ Ивановичъ разказывалъ, какъ онъ ходилъ первые дни качать его люльку къ бѣдной старушкѣ, оплакивавшей тогда свою единственную восемнадцатилѣтнюю дочь, и чьего отца я видѣлъ, назадъ тому двадцать дней, въ его роскошномъ кабинетѣ.

Н. Бицынъ.

О НАТУРАЛЬНОЙ ДОРОЖНОЙ ПОВИННОСТИ ЗЕМСТВА.

Со всѣхъ сторонъ слышатся постоянныя жалобы на дурное состояніе нашихъ губернскихъ путей сообщенія; всѣ сознаютъ, что это дурное состояніе есть одна изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ развитію нашего земледѣлія, нашей внутренней торговли и вообще нашей промышленности; сознаютъ также, что одна изъ главныхъ причинъ дурнаго состоянія нашихъ грунтовыхъ дорогъ заключается въ способъ ихъ исправленія, въ способъ въ высшей степени непроизводительномъ и несправедливомъ, именно въ натуральной дорожной повинности, а между тѣмъ очень многіе не желали бы уничтоженія этой повинности. Мы такъ привыкли пользоваться нашими сословными привилегіями, что не хотимъ и видѣть, какъ почти вся тяжесть всевозможныхъ повинностей падаетъ на бѣдные податные классы, въ то время какъ мы болѣе чѣмъ эти классы пользуемся выгодами государственнаго благоустройства. Согласимся же хотя дорожную повинность распределять справедливѣе, сообразно съ тою степенью выгоды, которую каждый изъ насъ долженъ извлечь изъ улучшеннаго состоянія нашихъ дорогъ, и уничтожимъ натуральную дорожную повинность: безъ этого, улучшеніе нашихъ грунтовыхъ дорогъ невозможно.

Чтобъ ярче очертить всѣ дурныя стороны натуральной дорожной повинности,—хотя безъ сомнѣнія только очень немногіе незнакомы съ ними,—позволимъ себѣ сдѣлать довольно длинную выписку изъ статистическаго описанія Рязанской губерніи офицера

генеральнаго штаба Барановича, гдѣ авторъ прекрасно характеризуетъ эту повинность. Вотъ что онъ пишетъ о Рязанской губерніи, и что можетъ быть буквально отнесено и ко всякой другой губерніи:

«Дороги исправляются, главнѣйшимъ образомъ, посредствомъ натуральныхъ повинностей, для чего вся большіе тракты раздѣлены на участки и къ каждому изъ этихъ участковъ приписано опредѣленное число душъ изъ ближайшихъ селеній, по требованію мѣстной полиціи обязанныхъ являться въ известномъ числѣ для исправленія своихъ участковъ. Всѣмъ известна эта починка дорогъ посредствомъ натуральныхъ повинностей, отрывающая крестьянъ отъ занятій, стоющая имъ большихъ пожертвованій и за всѣмъ тѣмъ никогда не приводящая къ дѣлу. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что селенія распределены по участкамъ часто очень неправильно, такъ что крестьяне вмѣсто того, чтобъ исправлять дорогу, проходящую черезъ ихъ деревню, отправляются на работу иногда верстъ за 20 и болѣе, потому что приписаны къ дальнѣйшимъ участкамъ. Самое исправленіе дорогъ производится и несвоевременно и неосновательно. Необходимые для работъ матеріалы: хворостъ, верескъ, накатникъ, песокъ и проч., какъ требующіе расходовъ, не всегда имѣются въ должномъ количествѣ. Распорядители работъ болшею частію не имѣютъ никакого понятія въ томъ дѣлѣ, въ которомъ берутся быть наставниками. Наконецъ самыя рабочіе, нисколько не заинтересованные дѣломъ, небрежно и нехотя исполняютъ его, торопясь скорѣе возвратиться въ свои дома, гдѣ ждутъ ихъ работы болѣе для нихъ важныя. Все это причиною, что исправленная такимъ образомъ дорога лишь на самое короткое время принимаетъ исправный видъ; а иногда послѣ перваго же дождя всѣ труды и жертвы бѣдныхъ крестьянъ исчезаютъ въ глубокой грязи и они снова призываются на работы. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также, что въ нѣкоторыхъ лежащихъ на трактахъ селеніяхъ существуетъ особый родъ промысловъ, основанныхъ чисто на бѣдствіи проезжающихъ. Крестьяне этихъ селеній выгодно промышляютъ вытаскиваніемъ изъ грязи завязшихъ экипажей, починкою оныхъ и проч. Подобныя промыслы нельзя преслѣдовать строго, какъ злоупотребленія; но они явно способствуютъ дурному состоянію путей. Крестьяне по условію, предварительному заключенному съ попавшимъ въ бѣду проезжающимъ, вознаграждаютъ себя за труды всегда очень щедро и такимъ образомъ видятъ прямую пользу въ худомъ состояніи тѣхъ самыхъ дорогъ, исправное содержаніе которыхъ лежитъ на ихъ обязанности.»

Россія есть едва ли не единственное благоустроенное государство, въ которомъ сохранилась еще дорожная повинность натурою; во всѣхъ другихъ государствахъ Европы повинность эта уже болѣе полвѣка какъ уничтожена. Во Франціи напримѣръ еще въ концѣ прошлаго столѣтія сознано было, что натуральная дорожная повинность обходилась странѣ вдвое и даже втрое дороже, чѣмъ обошлись бы тѣ же работы, еслибъ онѣ были произведены постоянными рабочими, и еще въ 1789 году натуральная дорожная повинность была замѣнена тамъ денежною. Если, при всей непроизводительности и несправедливости натуральной дорожной повинности, мы примемъ еще въ соображеніе тотъ произволъ и тѣ злоупотребленія, которые

существуютъ у насъ въ Россіи со стороны мѣстныхъ полицейскихъ властей, завѣдывающихъ ею, то мы безъ сомнѣнія должны будемъ согласиться, что повинность эта представляетъ явленіе совершенно не нормальное въ благоустроенномъ государствѣ,—явленіе, которое должно быть уничтожено. Не есть ли натуральная дорожная повинность въ своемъ родѣ та же барщина? а барщина и у насъ уже отживаетъ свой вѣкъ.

Не имѣя въ эту минуту данныхъ для собственно русскихъ губерній, мы воспользуемся хотя тѣми, которыя могли найти для Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго (въ 31 и 32 томѣ *Журнала Путей Сообщенія* за 1860 г.), и постараемся доказать, что натуральная дорожная повинность обходится вдвое дороже чѣмъ исправленіе дорогъ постоянными рабочими.

Въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, на большой почтовой дорогѣ отъ станціи Раяйоки (на границѣ С.-Петербургской губерніи) до города Выборга, гдѣ исправленіе зимней дороги по Кивинебскому и Выборгскому приходамъ (кирхшпилямъ) производится обывателями натурою, а по Моласкому приходу—подрядчикомъ, расходъ на каждую версту дороги простирается: въ первыхъ двухъ по 30 р. с. въ зиму (полагая за рабочаго 25 коп. с., а за лошадь 60 коп. с. въ день), а въ послѣднемъ по 16 р. с. въ зиму.

Въ Царствѣ Польскомъ дорожная повинность натурою, извѣстная подъ названіемъ *шарварковой* или *шарварка*, состоитъ на основаніи высочайшаго указа отъ 17/29 августа 1820 г. изъ двухъ рабочихъ дней съ дома не далѣе какъ въ чертѣ одной мили (8 верстѣ), при условіи исполненія этой повинности въ такое время, когда крестьяне свободны отъ своихъ полевыхъ работъ. Несмотря на то, что шарварковая повинность, при подобнаго рода условіяхъ, была нисколько не обременительна для обывателей, когда вмѣсто этой натуральной повинности установили по польскимъ губерніямъ въ разное время (въ 1838, 1847, 1848 и 1852 годахъ) добровольный взносъ по справочнымъ цѣнамъ (среднимъ числомъ за день по 1 рублю на рабочаго съ подводою и по 20 к. с. на пѣшаго), то взносовъ этихъ было столько, что изъ нихъ стали составляться даже капиталы, которые положено было, кромѣ употребленія на обыкновенныя дорожныя издержки, обратить еще на постепенное замѣненіе грунтовыхъ дорогъ—дорогами шоссированными 2-го разряда (то-есть съ макъ-адамомъ на ширинѣ 12 футъ, при толщинѣ щебеночнаго слоя отъ 6 до 10 дюймовъ). При этомъ, въ тарифѣ, служащемъ основаніемъ для составленія смѣтъ и исчисленія издержекъ на постройку шоссе 2-го разряда шарварковою повинностью, уроки для шарварковаго рабочаго назначены только въ *два третѣ* наемнаго, но

доказательствомъ, что и это уменьшеніе урока для него невыгодно, служить то, что обыватели охотно замѣняютъ шарварковую повинность денежнымъ вносомъ. Разумѣется, что при одной шарварковой повинности, обращеніе грунтовыхъ дорогъ въ шоссе 2-го разряда шло бы весьма медленно (постройка одной версты этихъ шоссе обходится отъ 1500 до 2500 руб. с.), еслибы въ Царствѣ Польскомъ кромѣ этихъ повинностей не было еще и пожертвованій со стороны владѣльцевъ имѣній и ежегоднаго отпуска 20 тысячъ руб. сер. изъ казны Царства, вмѣсто существовавшаго прежде для этой цѣли пособия въ 10% съ дохода казенныхъ имѣній и акцизнаго сбора городовъ, находящихся на вновь устраиваемыхъ шоссе 2-го разряда. Кромѣ этихъ постоянныхъ суммъ были и экстраординарныя изъ денегъ, назначенныхъ для доставленія средствъ къ заработкамъ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя потерпѣли отъ неурожаевъ. При такихъ средствахъ, въ Царствѣ Польскомъ еще въ 1857 г. протяженіе всѣхъ шоссе 2-го разряда, передѣланныхъ изъ грунтовыхъ дорогъ, было 958 верстъ. Постройка и содержаніе мостовъ, какъ на грунтовыхъ дорогахъ, такъ и на шоссе 2-го разряда въ Царствѣ Польскомъ относится къ обязанностямъ владѣльцевъ имѣній, но если мосты эти значительныхъ размѣровъ, то владѣльцамъ-строителямъ, въ вознагражденіе издержекъ, дозволяется взимать денежный сборъ за проѣздъ черезъ эти мосты по таксѣ, утвержденной правительствомъ. Мы нарочно упоминаемъ о послѣднемъ обстоятельствѣ, потому что, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо дозволить взиманіе сбора съ пользующихся извѣстнымъ путемъ сообщенія, но не участвовавшихъ въ его постройкѣ. Самый сборъ этотъ долженъ быть достаточно великъ, чтобъ издержки на сооруженіе и на ремонтъ отчасти выкупались имъ, и вообще нужно, чтобъ издержки эти были какъ можно равномернѣе распределены между пользующимися новымъ путемъ сообщенія и недвижимыми имуществами, возвысившимися черезъ него въ цѣнности.

Въ Англіи, Голландіи и Бельгіи платятъ на всякомъ пути сообщенія, требовавшемъ частныхъ издержекъ для своего устройства, платятъ на шоссе, каналахъ и мостахъ, платятъ даже на тропинкахъ, устроенныхъ черезъ парки частныхъ лицъ, для сокращенія пути; за то же какъ и хороши всѣ эти пути сообщенія. Во Франціи до 1800 года также существовали сборы на обыкновенныхъ дорогахъ, но послѣ 1800 года дороги перестали содержаться въ исправности, и народъ сталъ громко требовать безплатнаго пользованія ими. Правительство уничтожило заставные сборы, но въ замѣнъ того въ пользу путей сообщенія обложило всѣхъ общимъ налогомъ, падающимъ въ равной степени на жи-

телей богатыхъ и бѣдныхъ областей; тогда какъ первая пользуются прекрасными путями сообщенія, а послѣднія не имѣютъ можетъ-быть ни одной порядочной дороги.

Разумѣется, при малой населенности Россіи, сравнительно съ другими государствами, имѣть возможности достигнуть у насъ такого же развитія нашихъ путей сообщенія, какое видимъ напримѣръ въ Англіи; тѣмъ не менѣе, при введеніи даже низкихъ и необременительныхъ сборовъ съ проѣзжающихъ и обозовъ на дорогахъ и мостахъ, потребовавшихъ значительныхъ издержекъ, мы можемъ достигнуть такого состоянія нашихъ путей сообщенія, при которомъ эти пути будутъ безпрепятственными къ проѣзду во всякое время. Не останутся ли при этомъ и самыя плательщики сборовъ въ выигрышѣ, такъ какъ улучшеніе дорогъ дозволить имъ запрягать въ экипажи и употреблять для обозовъ меньшее число лошадей, уменьшить издержки на починку экипажей и совершенно уничтожить возможность остановокъ и неизбежныхъ съ ними тратъ на болотахъ и пучинахъ? Не говоримъ уже сколько вообще улучшеніе дорогъ должно сберечь времени при всякаго рода перевозкахъ, доставкахъ и переѣздахъ. Наше законодательство только на однихъ шоссе дозволяетъ взимать заставные сборы и притомъ сборы весьма значительные; за проѣздъ же чрезъ постоянные мосты, по статьѣ 841 XII т. Св. Законовъ, не дозволено взимать никакой платы. Какъ же могутъ образоваться какія-либо частныя предпріятія на устройство шоссе или постоянного моста, или какимъ образомъ даже цѣлое мѣстное общество обывателей или земство можетъ производить значительныя затраты на улучшеніе своихъ путей сообщенія, когда нельзя разчитывать не только на постепенное возвращеніе части затраченныхъ суммъ, но даже и на постороннія средства къ поддержанію сдѣланныхъ улучшеній? Какъ видно изъ Свода Законовъ, изданія 1857 г., городскими обществами и частными лицами устроено у насъ только пять шоссе, изъ коихъ только на одномъ (либавско-мигавскомъ), устроенномъ въ 1840 г., на протяженіи 5 верстѣ—городомъ Либавою, такса еще достаточно высока (съ проѣзжающихъ почти вчетверо, а съ обозовъ вдвое болѣе, чѣмъ на казенныхъ шоссе), на другихъ же шоссе: рижскомъ, устроенномъ городомъ Ригою и дворянами Лифляндской губерніи, помѣщика Огинскаго (въ имѣніи его Ретовѣ) и помѣщика Мальцова (отъ города Бранска до Александровскаго хутора) такса сборовъ установлена наравнѣ съ государственными шоссе. Наконецъ на шоссе, которое дозволено въ 1857 г. устроить коллежскому секретарю Крамеру отъ Нарвы до Кулгской пристани, такса сборовъ, установленная правительствомъ, даже вдвое ниже казенной таксы. Безъ

сомнѣнія, еслибы всѣ эти шоссѣ не были почти необходимы для самихъ владѣльцовъ, то они и не подумали бы объ ихъ устройствѣ.

Итакъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ непремѣнно разрѣшить сборы на всѣхъ путяхъ сообщенія, вновь устроенныхъ или капитально исправленныхъ, такъ чтобъ этими сборами они могли поддерживаться въ своемъ улучшенномъ видѣ; самыя же издержки на улучшенія должны быть произведены изъ налоговъ на недвижимыя имущества и сборовъ съ торговыхъ свидѣтельствъ, оборотныхъ капиталовъ и анцизныхъ доходовъ той губерніи или части губерніи, въ которой будетъ пролегать новая дорога или исправленная старая. Только такой налогъ будетъ справедливъ, будучи распределенъ между всеми, пропорціонально той выгоды, которую новый путь сообщенія доставитъ каждому; здѣсь уже не будетъ привилегіи однихъ классовъ на счетъ другихъ, не будетъ и тѣхъ злоупотребленій, отъ которыхъ страдаютъ теперь обыватели несущіе натуральную дорожную повинность, такъ какъ наше законодательство (т. XII, ст. 772) не вполне ограждаетъ ихъ отъ этихъ злоупотребленій.

Вообще въ отношеніи натуральной дорожной повинности мы не вполне раздѣляемъ мнѣніе перваго отдѣленія комиссіи, учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ, которое, сознавая вполне всѣ невыгоды, представляемыя натуральными повинностями, видитъ въ поправленіи этого зла только одинъ исходъ: переложеніе натуральныхъ повинностей на деньги, тамъ гдѣ это согласно съ волею мѣстныхъ жителей. Такой исходъ хотя и представляетъ раскладку повинностей болѣе равномерную, чѣмъ отбываніе повинностей натурой, но равномерность эта будетъ существовать преимущественно между лицами одного сословія, и новый денежный налогъ попрежнему не коснется до другихъ сословій. Мы полагаемъ, что если не всѣ натуральныя повинности, то по крайней мѣрѣ *повинность дорожная* должна быть *совершенно уничтожена* на всѣхъ путяхъ сообщенія, кромѣ проселочныхъ дорогъ, и дорожный налогъ распределенъ на всѣ сословія, *сообразно съ тою выгодою, которую каждый извлечетъ изъ улучшенія тѣхъ или другихъ дорогъ.* Для того, чтобы достигнуть полнаго успѣха при улучшеніи нашихъ губернскихъ путей сообщенія, необходимо дорожную повинность совершенно отдѣлать отъ другихъ земскихъ повинностей, обративъ на нее тѣ особенныя средства, на которыя мы указали выше, и которыя еще разъ перечислимъ здѣсь:

- 1) поземельные сборы (по количеству, качеству или доходу, смотря по точности имѣющихся свѣдѣній);
- 2) довольно значительные сборы со всѣхъ прилежащихъ къ

дорогъ фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній, такъ какъ благосостояніе ихъ неминуемо должно возвыситься при хорошихъ путяхъ сообщенія;

3) сборы съ акцизныхъ или другихъ доходовъ тѣхъ городовъ, чрезъ которые будутъ пролегать новыя или капитально-исправленные пути сообщенія;

4) сборы съ торговыхъ свидѣтельствъ, подобно тому, какъ они взимаются и теперь;

и 5) заставные сборы на вновь устроенныхъ или капитально-исправленныхъ дорогахъ.

При этихъ средствахъ наши пути сообщенія годъ отъ году стали бы улучшаться: по загаченнымъ и пучистымъ мѣстамъ устроились бы насыпи надлежащей высоты, крутыя горы срылись бы, и шоссе втораго разряда стали бы мало-по-малу замѣнять наши грунтовыя дороги; только такимъ образомъ могли бы мы достигнуть выполненія предположеній правительства объ устройствѣ губернскихъ шоссе выраженныхъ въ слѣдующихъ статьяхъ *Устава Путей Сообщенія*:

Ст. 789. Всѣ большіе тракты должны быть снабжаемы шоссе безъ всякихъ излишнихъ издержекъ.

Ст. 790. Шоссе эти устраивать исподволь по мѣрѣ денежныхъ свособовъ.

Ст. 792. Издержки на устройство губернскихъ шоссе относятся или насчетъ общихъ по государству сборовъ, или насчетъ сборовъ съ одного земства.

Послѣдняя статья не опредѣляетъ въ точности въ какихъ именно случаяхъ устройство губернскихъ шоссе относится на счетъ общихъ государственныхъ сборовъ, и въ какихъ случаяхъ—на счетъ сборовъ съ одного земства; въ одной изъ предыдущихъ статей *Устава Путей Сообщенія*, также сказано только, что насчетъ казны устраиваются и содержатся всѣ дороги перваго класса (главныхъ сообщеній) и *нѣкоторыя* дороги втораго класса (большихъ сообщеній); поэтому прежде всего слѣдовало бы опредѣлить, какія именно дороги «большихъ» сообщеній имѣютъ общее государственное значеніе, а потому и должны быть устроены насчетъ казны, и какія дороги имѣютъ значеніе болѣе мѣстное, а потому подлежатъ вѣдѣнію и изживенію земства. Сдѣлавъ полное разграниченіе этихъ двухъ разрядовъ дорогъ и исключивъ государственныя земскіе сборы изъ состава земской повинности, съ тѣмъ чтобы присоединить ихъ къ общимъ государственнымъ налогамъ, какъ и предполагаетъ первое отдѣленіе комиссіи, учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ, можно было бы обратить средства, указаннаыя нами выше, исключительно на дороги, подлежащія вѣдѣнію земства, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлять мѣстнымъ жителямъ, участвую-

щимъ въ дорожномъ налогѣ, полное распоряженіе этою повинностью и контроль ея.

Обыватели, платящіе дорожную подать, составляютъ сами по себѣ какъ бы отдѣльное общество, образовавшееся съ цѣлю улучшения и содержанія всѣхъ мѣстныхъ дорогъ, находящихся въ настоящее время на иждивеніи земства. Это общество, по всей справедливости, должно распоряжаться вполнѣ суммами, собранными имъ съ этою цѣлю, подобно тому какъ распоряжаются акціонерныя общества своими капиталами. Какъ и въ этихъ послѣднихъ обществахъ, государственное управленіе путями сообщенія должно имѣть контроль только въ техническомъ отношеніи, посредствомъ своихъ инспекторовъ (по одному на нѣсколько губерній). Только для особенно важныхъ и дорогихъ сооружений должны представляться проекты на предварительное утвержденіе главнаго управленія.

Примѣръ отдѣленія административной части мѣстныхъ губернскихъ путей сообщенія отъ центральной администраціи государственныхъ путей сообщенія не будетъ новымъ въ нашемъ законодательствѣ. Еще въ 1822 году, въ уставѣ изданномъ для сухопутныхъ сообщеній Сибири, указано было составить для этихъ сообщеній особенное мѣстное управленіе, составляющее отдѣльную часть отъ общаго управленія сообщениями въ государствѣ, и только въ искусственномъ отношеніи подчиненное его надзору и руководству. При этомъ было также положено замѣнить натуральную дорожную повинность обывателей денежною. Въ послѣдствіи однакоже введеніе этого новаго порядка повелѣно было остановить (ст. 754 примѣчаніе 2-е Уст. Пут. Сообщ.). Въ Лифляндской губерніи (по ст. 837 Уст. Пут. Сообщ.) устройство и исправленіе дорогъ возложено на дворянство съ участіемъ казенныхъ мызъ; причемъ дворяне должны сами прискидывать себѣ техникумъ или испрашивать ихъ у главнаго управленія путями сообщенія, не подчиняясь относительно веденія и ревизіи счетовъ правиламъ другихъ губерній. Точно также и управленіе ремонтомъ шоссе въ Лифляндской губерніи не состоитъ въ завѣдываніи главнаго управленія, а въ вѣдомствѣ дворянъ и городского управленія города Риги (ст. 836 Уст. Пут. Сообщ.).

Наконецъ эти же самыя совершенно справедливыя начала приняты и первымъ отдѣленіемъ комиссіи, учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ, которая въ докладѣ своемъ выражаетъ необходимость исключить земскія повинности изъ подчиненія общей государственной системѣ финансовъ и установить управленіе этими повинностями исключительно на началѣ мѣстномъ земскомъ, изъ лицъ уполномоченныхъ доврѣемъ обыв-

вателей на управленіе общественнымъ хозяйствомъ губерній и уѣздовъ, такъ какъ повинности эти не касаются средствъ и потребностей государственныхъ, а основываются на интересахъ и соображеніяхъ чисто мѣстныхъ и притомъ удовлетворяются исключительно мѣстными силами. Эти же самыя соображенія заставили и комитетъ 1848 года, учрежденный для пересмотра положеній о земской повинности, выразить желаніе передать всё дѣла по дорожной повинности изъ губернскихъ и уѣздныхъ дорожныхъ комиссій въ вѣдѣніе губернскихъ и уѣздныхъ хозяйственныхъ земскихъ учреждений.

Составленіе предположеній о новыхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ по высочайшему повелѣнію возложено на особую комиссію, учрежденную при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. По этому административная часть разсматриваемаго нами вопроса можетъ быть обсуждена только по обнаруженіи предположеній этой комиссіи. Желательно было бы; чтобы къ участию въ управленіи и контролѣ земскими повинностями были призваны всё сословія общества, то-есть, чтобы лица всѣхъ сословій собща участвовали въ избраніи представителей мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ своихъ. Кроме того, какъ мы уже высказали выше, было бы полезно, чтобы дорожная часть была отдѣлена отъ другихъ, хотя и повѣрялась бы тѣми же самими уполномоченными, которые будутъ выбраны обывателями для другихъ повинностей. Контроль хозяйственныхъ распоряженій техниковъ, приглашенныхъ мѣстнымъ обществомъ для завѣдыванія дорожною частью, обезпечивался бы съ одной стороны участіемъ въ этихъ распоряженіяхъ мѣстныхъ представителей, интересы которыхъ при новой организаціи будутъ тѣсно связаны съ интересами обывателей, ихъ избравшихъ, съ другой же стороны подвергался бы лучшему и дѣйствительнѣйшему контролю,—общественному мнѣнію. Съ этою цѣлію; какъ предполагаетъ и первое отдѣленіе комиссіи, учрежденной для пересмотра податей и сборовъ, всё отчеты и свѣдѣнія, относящіяся къ земскимъ повинностямъ должны были бы подвергаться публичному обсужденію чрезъ печать. Что касается до техническихъ распоряженій дорожныхъ земскихъ учреждений, то во 1-хъ они отчеты уже гарантировались бы репутаціей инженеровъ, находящихся въ составѣ этихъ учреждений, а во 2-хъ контролировались бы и тѣми инспекторами, которые по порученію главнаго управленія обязаны были бы, время отъ времени, осматривать производящіяся и оконченныя сооруженія съ цѣлію обезпеченія общественной безопасности, и непременно доводить свои замѣчанія не только до свѣдѣнія своего начальства, но и до всеобщаго свѣдѣнія. Чрезъ этихъ же самыхъ инспекторовъ могли бы

также подвергаться на обсужденіе и утвержденіе главнаго управленія таксы сборовъ, при чемъ эти представители общественныхъ государственныхъ интересовъ могли бы заявлять свои мнѣнія о несоротвѣтственности этихъ сборовъ съ издержками, употребленными на улучшеніе дороги или постройку новаго пути сообщенія. Впрочемъ относительно таксы сборовъ, намъ кажется, должна была бы существовать опредѣленная норма, въ предѣлахъ которой таксы эти могли бы быть разрѣшаемы губернаторами; кромѣ того устройство нѣкоторыхъ особенно дорогихъ сооружений, какъ напримѣръ большихъ мостовъ, переправъ (съ удобными дамбами) и т. п., слѣдовало бы предоставить и частнымъ лицамъ или компаніямъ, съ правомъ вниманія нѣкотораго сбора въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ, подъ надзоромъ мѣстнаго дорожнаго управленія. Последняя мѣра много ускорила бы улучшеніе губернскихъ путей сообщенія, такъ какъ въ первое время, управленіе губернскими сообщениями будетъ обладать средствами весьма небольшими, сравнительно съ тѣми улучшеніями, которыя нужно произвести въ этихъ сообщенияхъ. Оставалось бы рѣшить еще одинъ вопросъ, именно опредѣлить какимъ образомъ долженъ быть распределенъ дорожный налогъ между лицами различныхъ сословій или классовъ общества пропорціонально той выгодѣ, которую они извлекутъ изъ улучшеннаго состоянія дорогъ; но рѣшить этотъ вопросъ могутъ только сами представители земства: одни они въ состояніи правильно указать, какое отношеніе должно существовать между различными видами дорожнаго налога (поземельнымъ налогомъ, налогомъ на обороты фабрикъ и заводовъ, налогомъ на торговые свидѣтельства и т. д.). Что касается до относительнаго размѣра поземельнаго налога, то, разумѣется, за основаніе этого налога несравненно справедливѣе взять не только одно количество, но и качество земли. Въ этомъ отношеніи намъ кажется, что оцѣнка по полосамъ и мѣстностямъ удобныхъ земель, составляющихъ надѣлъ крестьянъ, опредѣленный Положеніями 19-го февраля, дала бы отчасти возможность опредѣлить относительный размѣръ поземельнаго налога въ этихъ мѣстностяхъ, принимая за норму цѣну третьей десятины надѣла. Въ разныхъ полосахъ Россіи цѣна эта измѣняется отъ 7 р. 57 к. до 47 р. 62 к., такъ что, если мы положимъ напримѣръ, что поземельный сборъ на улучшеніе губернскихъ путей сообщенія долженъ составлять $\frac{1}{10}$ % отъ оцѣнки принятой за норму, то, выразивъ цѣну каждой десятины удобной земли въ круглыхъ цифрахъ, наиболѣе подходящихъ къ этой оцѣнкѣ, сборъ съ каждой десятины удобной земли будетъ: 1 коп., $1\frac{1}{2}$ коп., 2 коп., $2\frac{1}{2}$ коп. и т. д. до 5 коп. Чтобы

показать как значителенъ можетъ быть этотъ сборъ, даже при размѣрѣ дорожнаго налога въ $\frac{1}{10}$ % отъ нормальной оцѣнки удобной десятины, мы представимъ здѣсь этотъ расчетъ для Рязанской губерніи, для которой мы имѣемъ свѣдѣнія болѣе точныя изъ статистическаго описанія ея, составленнаго г. Барановичемъ. Въ описаніи этомъ количество удобной земли показано для каждаго уѣзда отдѣльно, но такъ какъ въ Рязанской губерніи многіе уѣзды заключаютъ въ себѣ двѣ и даже три мѣстности, по раздѣленію принятому въ Положеніяхъ 19-го февраля, то это послѣднее раздѣленіе намъ приходилось дѣлать приблизительно, на основаніи карты губерніи, приложенной къ *Описанію* г. Барановича. Въ слѣдующей таблицѣ представлены выводы, которые мы получили при подобномъ раздѣленіи Рязанской губерніи на мѣстности. Число удобныхъ десятинъ въ каждомъ уѣздѣ и каждой мѣстности выражено нами въ круглыхъ цифрахъ:

Мѣстн.	Имя мѣстн.	НАЗВАНІЕ УѢЗДА ИЛИ ЧАСТИ УѢЗДА.	Число удобныхъ десятинъ въ уѣздѣ или части уѣзда.	Число удобныхъ десятинъ въ работѣ полей, пашинной орошаемой на сот.	Налогъ на казенную дорогу.	Выплата по земному дорожному сбору.	К. Р. сер.	
Первая полоса.	Вторая пол. (черноз.)	1	Данковский	220.100	1304.600	5	65.230	
		Зарайскій (по прав. сторону рѣки Оки).	182.000					
		Михайловскій	248.500					
		Рянебургскій	263.000					
		Рязанскій (прав. сторона рѣки Оки).	243.800					
		Пронскій	147.200					
		Сапожковскій (по лѣв. стор. р. Пары).	200.800					
		Скопинскій	190.400					
		Спасскій (между прав. бер. рѣки Оки и лѣв. бер. рѣки Пары).	243.900					
		Спасскій (между прав. бер. рѣки Оки и лѣв. бер. рѣки Пары).	80.200					
Первая полоса.	Вторая пол. (черноз.)	1	Зарайскій (по лѣвую стор. рѣки Оки).	45.400	760.700	4	30.428	
		2	Егорьевскій	295.000				
		Сапожковскій (по прав. стор. р. Пары).	142.800					
		Рязанскій (по лѣвую стор. рѣки Оки).	220.900					
		3	Спасскій (между прав. бер. рѣки Оки и прав. бер. рѣки Пары).	40.100				
		4	Касимовскій	448.800				
		Спасскій (по лѣвую стор. рѣки Оки).	240.600					
		Итого						

Такимъ образомъ одинъ поземельный налогъ въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ % съ оцѣнки удобной десятины, принятой за норму, доставилъ бы въ Рязанской губерніи ежегодно 129.105 р. с. въ кассу дорожныхъ суммъ, но кромѣ того сколько доставили бы еще сборы съ фабрикъ и заводовъ, съ торговыхъ свидѣтельствъ и городскихъ доходовъ, если примемъ въ соображеніе статистическія цифры

торговыхъ оборотовъ, фабрикъ и заводовъ, и городскихъ доходовъ въ Рязанской губерніи, которыя приводитъ г. Барановичъ. Въ 1857 г. сумма производствъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ Рязанской губерніи (считая и винокуренные заводы) выражалась оффициально цифрою 5.279.965 р. с., но въ дѣйствительности воловой доходъ всей мануфактурной промышленности Рязанской губерніи простирался свыше 6.000.000 р. с. Сборъ съ дорожныхъ, паспортовъ, свидѣтельствъ и бандеролей доставилъ 342.850 р. с. Собственно городскіе доходы Рязанской губерніи показаны въ *Статистическомъ Описаніи* въ 76.345 р. с.

Всѣ эти средства должны значительно возвысить приведенную цифру 129.000 р. с. ежегодныхъ дорожныхъ суммъ, полученную отъ одного поземельнаго налога, между тѣмъ въ настоящее время только 30.000 р. с. могли бы ежегодно расходовемы изъ земскихъ сборовъ на содержаніе мостовъ, дорогъ и переправъ въ губерніи, да кромѣ того еще ежегодная натуральная дорожная повинность оцѣнивается въ 38.000 р. с.; но изъ последней суммы вѣроятно не болѣе половины можно считать употребленною производительно. Такимъ образомъ, при справедливомъ и правильномъ налогѣ, падающемъ преимущественно на классы богатые, средства для исправленія дорогъ могли бы почти утроиться. Кромѣ того и дорожные заставные сборы на капитально-исправленныхъ путяхъ сообщенія могли бы доставить не малую сумму, которая обезпечивала бы ремонтъ ихъ.

.... въ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

Очерки астрономіи, Джона Гершеля. Переводъ съ англійскаго шестаго изданія А. Драшусова. Томъ I. Москва, 1861 г.

Недавно вышелъ въ Москвѣ первый томъ прекраснаго перевода *Очерковъ астрономіи* Джона Гершеля. Переводъ сдѣланъ съ шестаго англійскаго изданія г. Драшусовымъ, бывшимъ профессоромъ астрономіи въ Московскомъ университетѣ и сдѣланъ такъ тщательно, какъ у насъ рѣдко что-нибудь дѣлается. Добросовѣстностію отличается не одинъ языкъ перевода, но и самое изданіе книги, которое безъ сомнѣнія потребовало отъ г. Драшусова большихъ усилій и пожертвованій. Напечатать со всевозможною точностію такой ученый трудъ, какъ переводъ сочиненія Джона Гершеля,—дѣло немаловажное.

Это знаменитое сочиненіе Гершеля, представляющее, какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ, въ настоящее время лучшее популярное изложеніе астрономіи, въ первый разъ появилось въ 1833 году небольшимъ томикомъ; оно составляло часть извѣстнаго изданія Ларднера: *Cabinet cyclopaedia*. Въ 1838 году книга Гершеля была переведена на русскій языкъ г. Крузенштерномъ. Но съ тѣхъ поръ авторъ такъ много сдѣлалъ дополненій къ своему труду, что шестое изданіе *Очерковъ*, съ котораго сдѣланъ переводъ г. Драшусова, выходящійся въ двухъ большихъ томахъ (изъ которыхъ нынѣ изданъ первый), можно считать новымъ сочиненіемъ сравнительно съ изданіемъ, которое служило текстомъ для перевода г. Крузенштерна.

Джонъ Гершель, авторъ *Очерковъ*, наследовалъ отъ своего отца знаменитое имя. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не извѣстно имя Уильяма Гершеля, открывшаго планету Уранъ; доказавшаго, что вся солнечная система, къ которой принадлежимъ мы, несется въ пространство; изучившаго поразительное явленіе, какое представляютъ двойныя звѣзды, эти системы, состоящія изъ двухъ солнцъ, изъ которыхъ одно обращается вокругъ другаго? Сынъ небогатаго музыканта въ Ганноверѣ, Уильямъ Гершель около 1760 года переселился въ Англію, гдѣ и жилъ жалованьемъ по должности органиста одной капеллы и уроками музыки. Небольшой телескопъ, попавшійся ему въ руки, раскрылъ передъ нимъ цѣлый новый міръ небесныхъ тѣлъ, невидимыхъ для простаго глаза,

позволилъ ему понять свое призваніе. Не имѣя средствъ купить телескопа, Гершель рѣшился сдѣлать его самъ; съ настойчивостію побѣждалъ онъ техническія трудности, и скоро онъ имѣлъ наслажденіе направить къ небу снарядъ сдѣланный собственными руками. Ободренный первымъ успѣхомъ, Гершель приготовилъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ телескоповъ, постоянно совершенствуя ихъ достоинства. Съ какимъ вниманіемъ Гершель устранивалъ свои снаряды, можно видѣть изъ того, что при полировкѣ металлическаго зеркала, составляющаго главную часть телескопа, онъ работалъ, не сходя съ мѣста, двѣнадцать или четырнадцать часовъ, такъ какъ онъ считалъ необходимымъ для достоинства зеркала окончить полировку за одинъ разъ.

Въ саду, въ Слѣ, гдѣ трудился знаменитый астрономъ, стоитъ нынѣ любопытный памятникъ. Этотъ памятникъ—всему свѣту извѣстный гигантскій телескопъ Гершеля, имѣвшій 39 футовъ фокуснаго разстоянія и котораго зеркало было болѣе 2 аршинъ въ діаметрѣ. Открытіе этого памятника совершилось двадцать лѣтъ тому назадъ весьма характеристическимъ образомъ. 1-го января 1840 года, Джонъ Гершель, его жена, семеро дѣтей и нѣсколько старыхъ служителей, собрались въ саду, гдѣ нѣкогда было сдѣлано столько замѣчательныхъ открытій. Телескопъ былъ поставленъ горизонтально на приготовленныхъ для него каменныхъ столбахъ по направленію полуденной линіи. Ровно въ полдень, присутствующіе скромною процессіей нѣсколько разъ обошли вокругъ памятника; потомъ, войдя внутрь трубы, помѣстившись на приготовленныхъ лавкахъ и дружно запѣли *Requiem* въ англійскихъ стихахъ, составленный Джономъ Гершелемъ. Выйдя, изъ телескопа, знаменитое семейство стало вокругъ трубы, и ея отверстіе было закрыто навсегда. День окончился семейнымъ праздникомъ.

Уилльямъ Гершель умеръ въ 1822 году восьмидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. Уже нѣсколько лѣтъ передъ смертію онъ имѣлъ удовольствіе видѣть возрастающую извѣстность своего сына, и умеръ съ сладкою мыслію, что наслѣдникъ его имени будетъ наслѣдникомъ его славы. Ни одно изъ предсказаній знаменитаго астронома, замѣчаетъ Араго, не сбылось такъ вполне, какъ это.

Ученая дѣятельность Джона Гершеля началась еще около 1813 года. Нынѣ Джонъ Гершель одинъ изъ старѣйшихъ ученыхъ Англіи и вмѣстѣ съ Фарадеемъ и Брустеромъ принадлежитъ къ тѣсному кругу восьми иностранныхъ сочленовъ Парижской Академіи Наукъ, въ число которыхъ избираются только первыя ученые знаменитости въ мірѣ. Замѣчательно, что Джонъ Гершель занимаетъ мѣсто директора монетнаго двора (*Master of Mint*), то самое, которое почти около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ зани-

малъ Ньютона. Свою ученую карьеру Джонъ Гершель началъ въ качествѣ преподавателя въ Кембриджскомъ университетѣ. Благодаря усиліямъ его и Шикока, вмѣстѣ съ которымъ онъ наблюдалъ за переводомъ курса дифференціального счисленія Лакруа, былъ уничтоженъ барьеръ отдѣлявшій англійскихъ математиковъ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія отъ математиковъ другихъ странъ, и въ Англии было введено то обозначеніе дифференціаловъ, которое давно употреблялось на материкѣ Европы. Замѣчательные трактаты о свѣтѣ, звукѣ, о физической астрономіи, вошедшіе въ составъ *Encyclopaedia Metropolitana*—лучшіе въ свое время по полнотѣ, ясности и вмѣстѣ съ тѣмъ по глубинѣ изложенія, упрочили за Гершелемъ славу замѣчательнѣйшаго изъ ученыхъ писателей. Около того же времени Гершель сдѣлалъ нѣсколько экспериментальныхъ изслѣдованій по части химіи, оптики, магнетизма, и началъ астрономическіе труды о туманныхъ пятнахъ и двойныхъ звѣздахъ. Но замѣчательнѣйшимъ изъ самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ Гершеля были его астрономическія наблюденія южнаго неба, которыя производились имъ въ продолженіе четырехлѣтняго пребыванія на мысѣ Доброй Надежды, гдѣ онъ приложилъ методы своего отца къ изученію звѣзднаго неба южнаго полушарія. Въ 1838 году Гершель возвратился въ Англію и, оставивъ занятія по практической астрономіи, продолжалъ дѣятельно трудиться, какъ писатель.

Дѣятельность Джона Гершеля, говоритъ Форбесъ (въ своей *Dissertation of the progress of mathematical and physical science*, помѣщенной въ первомъ томѣ *Encyclopaedia Britannica*), отличается полнымъ отсутствіемъ элемента честолюбія, составляющаго часто могущественное побужденіе къ предпріятію изысканій. Еслибъ онъ искалъ извѣстности и посмертной славы, то онъ бы ограничилъ свои усилія болѣе тѣснымъ кругомъ. Но, повинувшись глупости своихъ талантовъ, онъ стремился обнять всѣ отдѣлы точныхъ наукъ. Истина всегда была для него одинаково желанна, добыта ли она его собственнымъ трудомъ или трудомъ другихъ. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ онъ излагаетъ чужіе труды съ такимъ увлеченіемъ, какое умъ менѣе благородный приберегъ бы для своихъ собственныхъ подвиговъ. За то, на сколько онъ, быть-можетъ, утратилъ въ своей будущей славѣ черезъ это расширеніе своихъ симпатій, на столько онъ выигралъ въ уваженіи и расположеніи современниковъ.»

На первыхъ страницахъ *Очерковъ* авторъ объясняетъ цѣль и характеръ своего труда. Авторъ требуетъ немногихъ приготовительныхъ знаній отъ своего читателя. Достаточно свободно владѣть арифметикой, быть нѣсколько знакомымъ съ геометрией и начальною тригонометріей, знать элементарныя основанія меха-

ники и столько оптики, сколько нужно для пониманія устройства телескопа и нѣкоторыхъ другихъ простѣйшихъ снарядовъ, чтобы съ пользою прочесть книгу Гершеля. Эта книга не есть полный курсъ астрономіи. *Очерки*, по словамъ автора, предназначаются только для того, чтобы возвести читателя на высшее возвышеніе, съ котораго онъ можетъ обозрѣть все зданіе науки, а тому, кто желаетъ вступить во внутренность, дать планъ и открыть доступъ. «Входъ въ святилище и права посвященныхъ, говорятъ Гершель, пріобрѣтаются иными средствами: основнымъ и достаточнымъ знаніемъ математики, этого великаго орудія всѣхъ точныхъ изслѣдованій, безъ котораго не возможны успѣхи въ высшихъ отрасляхъ наукъ и нельзя имѣть самостоятельнаго мнѣнія о предметахъ, составляющихъ ихъ содержаніе. Свѣдущимъ въ математикѣ не совсѣмъ легко говорить о подобныхъ предметахъ съ лицами въ ней несвѣдущими. Положенія очевидныя для одного представляются другому важными и трудными теоремами; притомъ самая достовѣрность уму каждого изъ нихъ обнаруживается различно. При такихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ обращаться не къ чистому и отвлеченному разуму, но почерпать доводы изъ аналогій, практики, опыта; нужно выводить начала и способы не прямыми умозаключеніями изъ аксіомъ, но должно безпрестанно возвращаться къ источникамъ, изъ которыхъ истекаютъ эти аксіомы, къ примѣрамъ; нужно указывать на простые и обыкновенныя явленія, въ которыхъ обнаруживаются тѣ же начала, тѣ же способы дѣйствія.»

«Отказываясь отъ пособія математическихъ доказательствъ при изложеніи такихъ предметовъ, которымъ они свойственны, и научая обширной отрасли науки исключительно помощію объясненій и обыкновенныхъ сравненій, мы вступаемъ, прибавляетъ Гершель, на новый путь. Легко можетъ статься, что чтеніе нашей книги будетъ до нѣкоторой степени полезно лицамъ, уже коротко знакомымъ съ нашимъ предметомъ, и обязаннымъ своими свѣдѣніями тѣмъ высшимъ средствамъ, которыя несовмѣстны съ планомъ нашего сочиненія, ибо всегда бываетъ полезно разсматривать какую-либо отрасль знанія со многихъ различныхъ точекъ зрѣнія. Легко можетъ случиться, что предложеніе, вполне извѣстное, представится не только въ новомъ и особенномъ, но и въ болѣе удовлетворительномъ свѣтѣ, разсѣется что-нибудь темное, объяснится какое-нибудь затаенное недоразумѣніе, дополнится какаа-нибудь связь, которая можетъ вести къ открытію дотолѣ неизвѣстныхъ соотношеній и выводовъ. Вѣроятность этого увеличивается, когда объясненія, какъ въ настоящемъ случаѣ, не заимствуются изъ книгъ, но представляются въ томъ видѣ, какъ они

сложился въ умѣ автора, сообразно съ его личными воззрѣніями.»

Мы думаемъ, что приведенныхъ нами строкъ достаточно, чтобы составить понятіе о характерѣ сочиненія Гершеля. Это одна изъ тѣхъ драгоценныхъ книгъ, которыя даютъ составить ясное представленіе о предметѣ; онѣ объясняютъ предметъ, а не приводятъ только доказательства теоремъ, заимствованныхъ изъ чужихъ книгъ, и при чемъ такъ часто утрачивается тотъ духъ исканія, тотъ духъ изобрѣтенія, помощію котораго открыты всѣ истины науки.

Одна изъ главныхъ трудностей, встрѣчаемыхъ при изученіи астрономіи, состоитъ въ усвоеніи себѣ яснаго представленія фактовъ, добытыхъ наукою, и которые между тѣмъ такъ рѣзко противорѣчатъ показаніямъ нашихъ чувствъ. Начиющему трудно пріобрѣсти ту свободу ума, которою такъ часто пользуется астрономія, и которая, по выраженію Гершеля, побуждаетъ насъ признавать за истину то, что доказано и допускать то, что представляется вѣроятнымъ, какъ бы ни были необыкновенны пріобрѣтаемые этимъ путемъ воззрѣнія на самыя простыя вещи. Прибавимъ, что великій Кеплеръ, удивляясь талантамъ и познаніямъ Коперника, еще болѣе удивлялся свободѣ его разума.

Земля, говоритъ Гершель, которая въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ служитъ неизблженнымъ основаніемъ для самыхъ прочныхъ сооружений искусства и природы, теряетъ въ глазахъ астронома свою неподвижность, быстро обращается вокругъ своего центра и въ то же время мчится съ большою скоростію (100.000 верстъ въ часъ) въ пространствѣ. Солнце и луна вырастаютъ въ воображеніи астронома въ огромные шары. Планеты становятся для него обширными мірами; звѣзды превращаются въ солнца различнаго блеска и великолѣпія, въ источники жизни и свѣта для безчисленнаго множества невидимыхъ міровъ.

Въ самой исторіи науки мы видимъ, что часто источникомъ заблужденій и однимъ изъ препятствій къ распространенію истинъ астрономіи, было, весьма впрочемъ естественное, стремленіе нашего ума не допускать того, чего онъ не можетъ себѣ представить, и то, что представляется ему невысказаннымъ и непонятнымъ, считать невозможнымъ. И при этомъ, обыкновенно, данный фактъ считается невысказаннымъ и непонятнымъ не самъ по себѣ, не по внутреннему своему характеру, но по отношенію къ цѣлому кругу господствующихъ представленій. Часто то, что прежде казалось невысказаннымъ и непонятнымъ, въ послѣдствіи всѣмъ представляется легко и допускается какъ весьма понятное.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ научныхъ идей нашего

времени есть идея о тяготѣніи или взаимномъ притяженіи тѣлъ, какъ о первоначальномъ, существенномъ свойствѣ матеріи; въ наше время допущеніе, что два тѣла, находясь на нѣкоторомъ разстояніи между собою, могутъ непосредственно дѣйствовать одно на другое — вовсе не кажется немислимымъ, а напротивъ, представляется весьма естественнымъ. Не такъ было въ эпоху Ньютона. Самъ Ньютонъ, какъ видно изъ его письма къ Бенглею, считалъ немислимымъ, чтобы два тѣла могли дѣйствовать одно на другое, не касаясь одно другаго и безъ посредства чего-либо передающаго или переносящаго дѣйствія одного на другое. Къ мнѣнію Ньютона о тяготѣніи намъ придется еще вернуться.

Было время, когда представление объ антиподахъ казалось немислимымъ. Юэлъ, въ своей извѣстной исторіи индуктивныхъ наукъ, приводитъ слѣдующее любопытное мѣсто изъ Лактанція (христіанскій писатель четвертаго вѣка). «Ужели, говоритъ Лактанцій, могутъ отыскаться такіе нелѣпые люди, которые думаютъ, что на другой сторонѣ земли деревья и колосья висятъ своими вершинами внизъ, а людей ноги выше головы? Если спросить этихъ философовъ, какъ допускаютъ они такіа несообразности и чѣмъ объясняютъ, какимъ образомъ тамъ всѣ предметы не падаютъ съ земли, то отвѣчаютъ, что всѣ предметы, по природѣ своей, устроены такъ, что тяжелыя тѣла направляются къ центру земли, подобно спицамъ въ колесѣ, тогда какъ легкія: облака, дымъ, огонь, повсюду идутъ отъ центра къ небу. Повстинъ затрудняюсь какъ назвать такихъ людей, которые, разъ впавъ въ ошибку, упорно остаются въ своемъ безуміи и хотятъ защищать нелѣпое мнѣніе другимъ еще нелѣпѣйшимъ.» Лактанцію общепринятая нынѣ мысль кажется до такой степени нелѣпою, что, по его мнѣнію, стоило только высказать ее, чтобы эта нелѣпость обнаружилась сама собою.

Вышедшій нынѣ въ русскомъ переводѣ первый томъ астрономіи Гершеля, посвященъ главнымъ образомъ описанію солнечной системы. Рассмотрѣвъ землю, какъ мѣсто, съ котораго производятся всѣ наши наблюденія, указавъ точные способы, какими эти наблюденія производятся, авторъ переходитъ къ подробному рассмотрѣнію частей системы, къ которой принадлежитъ наша планета. Гершель даетъ наглядное представление о величинѣ и расположеніи различныхъ планетъ обращающихся около солнца слѣдующимъ образомъ:

Представимъ себѣ ровное поле или лугъ, посреди котораго положенъ шаръ въ два фута въ діаметрѣ. Пусть этотъ шаръ представляетъ солнце. Тогда горчичное зерно, положенное отъ него на разстояніи 164 футовъ будетъ изображать Меркурія; го-

рошина, отстоящая отъ шара на 284 футовъ, будетъ Венера. Земля изобразится также горошиной, и ея разстояніе будетъ 480 футовъ. Толстая будавочная головка на разстояніи 664 футовъ отъ шара будетъ Марсъ. Мелкія планеты (которыхъ число теперь болѣе шестидесяти) представляются песчинками на разстояніи отъ 1.000 до 1.200 футовъ. Юпитеръ будетъ умѣренной величины померанецъ, Сатурнъ — маленькій померанецъ, Уранъ — крупная вишня или мелкая слива, Нептунъ — крупная слива. Сравнительныя разстоянія этихъ планетъ относительно Солнца будутъ: для Юпитера около $\frac{3}{4}$ версты, для Сатурна $1\frac{1}{6}$, для Урана $2\frac{1}{4}$ и для Нептуна $3\frac{3}{4}$ версты.

Четыре изъ планетъ: Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ, являются простому глазу большими блестящими звѣздами. Пятая, Меркурій, также является большою звѣздой, но, по причинѣ близости къ Солнцу, теряется въ его лучахъ и рѣдко бываетъ видима. Уранъ едва можно отличить простымъ глазомъ. Прочія планеты видны только въ трубу. Онѣ всѣ открыты въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ томъ числѣ около шестидесяти съ 1844 года. Планеты различаются между собою по количеству свѣта и тепла, получаемыхъ ими отъ Солнца, по разности въ напряженіи тяжести на ихъ поверхности, по свойству вещества, изъ котораго, судя по известной намъ средней плотности планетъ, тѣла ихъ должны быть составлены. Освѣщающее и согрѣвающее дѣйствіе солнца на Меркуріѣ почти въ семь разъ сильнѣе чѣмъ на Землѣ; на Нептунѣ оно въ 900 разъ слабѣе. Но отсюда еще нельзя, прибавляетъ Гершель, заключить съ полною увѣренностію, что на поверхности отдаленной планеты должно быть чрезмѣрно холодно, единственно по причинѣ ея огромнаго разстоянія отъ Солнца. Такъ какъ свойства лучистой теплоты, испускаемой тѣлами непомѣрно высокой температуры, каково Солнце, неодинаковы съ свойствами теплоты испускаемой такими тѣлами, которыя мы обыкновенно называемъ теплыми, то очень возможно, что густая атмосфера, окружающая планету, пропускаетъ солнечное тепло до ея поверхности и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно препятствуетъ ему выходить изъ планеты. Такимъ образомъ слабое сіяніе Солнца на отдаленной планетѣ будетъ задерживаться и накапливаться на ея поверхности, подобно тому, какъ бываетъ достаточно слабого солнечнаго сіянія и даже разсѣянной теплоты въ свѣтлый, но облачный день, для поддержанія высокой температуры внутри теплицы.

Напряжение тяжести на Юпитерѣ въ два съ половиною раза болѣе чѣмъ на Землѣ, на Марсѣ вполонину менѣе, на Лунѣ оно составляетъ одну шестую, на мелкихъ планетахъ, вѣроятно, не болѣе одной двадцатой земнаго напряженія. На мелкихъ планетахъ, человекъ легко бы могъ прыгать съ высоты, напримѣръ,

60 футовъ, и толчокъ былъ бы не сильнѣе того, что мы чувствуемъ на землѣ, соскакивая съ возвышенія въ три фута. Огромныя животныя, которыхъ тѣло на землѣ должна поддерживать вода, могли бы жить тамъ на сушѣ.

Солнце и планеты съ ихъ спутниками составляютъ отдѣльный міръ, малую группу острововъ, въ безбрежномъ пространствѣ вселенной. Эта группа тѣлъ летитъ, какъ горсть камней, невидимую рукой брошенныхъ въ пространство. Еслибъ эти тѣла ничѣмъ не были связаны между собою, то каждое изъ нихъ, повинуясь приобрѣтенной скорости, двигалось бы независимо отъ другихъ и, при существующемъ разнообразіи въ направленіи и скорости движенія различныхъ тѣлъ нашей системы, они бы разошлись по разнымъ концамъ необъятнаго пространства, и вся эта группа міровъ разсыпалась бы навѣки. Но есть сила, которая дѣйствуетъ между различными тѣлами солнечной системы и благодаря которой поддерживается прочность этой системы. Эта сила—взаимное притяженіе тѣлъ между собою. Это та таинственная сила, которую Ньютонъ назвалъ всеобщимъ тяготѣніемъ, которой дѣйствіе мы наблюдаемъ на каждомъ шагу, но которой происхожденіе и отношеніе къ другимъ дѣятелямъ природы является темнымъ, неразрѣшеннымъ вопросомъ. Явленія свѣта, тепла, электричества находятся въ близкой связи между собою, переходятъ одни въ другія. Явленія тяжести представляютъ вполне изолированный кругъ. Великій творецъ теоріи тяготѣнія лишь съ крайнею осторожностію касался вопроса объ источникѣ этой силы. « Пользуюсь словомъ *притяженіе*, » говоритъ онъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: *Principia mathematica philosophiæ naturalis*, « чтобы выразить общимъ образомъ стремленіе, какое оказываютъ тѣла, чтобы приблизиться одни къ другимъ, происходить ли это стремленіе отъ дѣйствія тѣлъ, ищущихъ себя взаимно и дѣйствующихъ одно на другое своими истеченіями (*emanationes*), или производится дѣйствіемъ эфира, воздуха или другой среды, какой угодно, матеріальной или нематеріальной, которая какимъ-нибудь образомъ толкаетъ одно къ другому тѣла, въ ней плавающія. » Выше мы уже упоминали о письмѣ Ньютона къ Бентлею, въ которомъ онъ считаетъ не мыслимымъ непосредственное дѣйствіе одного тѣла на другое, находящееся отъ него на нѣкоторомъ разстояніи. Вотъ мѣсто, на которое мы ссылались. « Не мыслимо, говоритъ Ньютонъ, чтобы безжизненная, грубая матерія могла, безъ посредства чего-либо нематеріальнаго, дѣйствовать на другую матерію безъ непосредственнаго прикосновенія... Мысль, продолжаетъ онъ, что тяготѣніе врожденно, присуще матеріи и для нея существенно, такъ что тѣло

можетъ дѣйствовать на разстояніи чрезъ пустое пространство, безъ посредства чего-либо передающаго дѣйствіе одного тѣла на другое, кажется мнѣ великою нецѣпостію, въ которую, думаю, не впадетъ никто, имѣющій достаточную способность мыслить о философскихъ предметахъ.»

Труды Ньютона и его послѣдователей утвердили теорію тяготѣнія на прочныхъ основаніяхъ. Существованіе взаимнаго притяженія тѣлъ было доказано прямымъ опытомъ. Когда хотѣли ближе ознакомиться съ явленіями, какія обнаруживаются при непосредственномъ прикосновеніи тѣлъ, то и въ этомъ случаѣ принуждены были прибѣгнуть къ приѣмамъ Ньютона и допустить между частицами дѣйствія подобныя тѣмъ, какія обнаруживаются между тѣлами. Идея о притяженіи, какъ первоначальномъ свойствѣ матеріи, перестала быть невысказанною и сдѣлалась весьма естественною. При томъ теоретическомъ представленіи матеріи, какъ суммѣ частицъ, которое нынѣ господствуетъ въ точныхъ наукахъ, допущеніе притягательныхъ и отталкивательныхъ дѣйствій между частицами есть необходимый способъ *воззрѣнія*, безъ котораго, при современномъ состояніи научныхъ приѣмовъ, мы не можемъ строго мыслить о явленіяхъ природы.

Геніальный англійскій ученый, докторъ Юнгъ (Young), смотритъ на взаимныя дѣйствія тѣлъ и частицъ съ особой точки зрѣнія: онъ рассматриваетъ притяженіе и отталкиваніе какъ одну изъ формъ, въ какихъ *нематеріальное* существуетъ въ природѣ. Слѣдующія любопытныя строки взяты нами изъ его знаменитаго сочиненія *A Course of Lectures of Natural Philosophy* (изъ 49-го чтенія): «При чуждомъ предразсудковъ изученіи физической философіи не встрѣчаемъ ничего, что бы побуждало насъ сомнѣваться въ существованіи нематеріальныхъ субстанцій: напротивъ, мы видимъ аналогіи, прямо ведущія насъ къ утвердительному мнѣнію. Электрическая жидкость предполагается существенно отличною отъ обыкновенной матеріи. Также отличны отъ нея общая среда свѣта и теплоты (согласно мнѣнію однихъ) или теплородное начало (согласно мнѣнію другихъ). Мы видимъ формы матеріи, различающіяся по тонкости и подвижности, и различаемъ ихъ именами твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ. За ними слѣдуютъ полуматеріальныя формы (existences), которыя производятъ явленія электричества и магнетизма, а также теплородный или общій эфиръ. Еще выше стоятъ причины тяготѣнія и притягательныхъ дѣйствій разнаго рода, представляющихъ явленія повидимому еще болѣе удаленныя отъ того, что согласно съ натурою матеріальныхъ тѣлъ. Естественно допустить, что аналогія можетъ быть продолжена далѣе, пока

дойдемъ до формъ вполнѣ нематеріальныхъ и духовныхъ. Мы не знаемъ, быть-можетъ существуютъ тысячи духовныхъ міровъ, навсегда невидимые человѣческому глазу; нѣтъ причины думать, что существованіе матеріи въ данномъ мѣстѣ исключаетъ изъ этого мѣста такія формы. Можно свободно размышлять о возможности независимыхъ міровъ: одни могутъ быть въ различныхъ частяхъ пространства, другіе проникаются взаимно въ томъ же мѣстѣ, невидимые и невѣдомые; могутъ быть иные, для которыхъ пространство не есть необходимая форма бытія.»

Но если сущность тяготѣнія представляетъ задачу неразрѣшенную и можетъ-быть неразрѣшимую, то съ другой стороны ничто не изучено такъ подробно, какъ законы дѣйствія тяготѣнія и тѣ явленія, которыя отъ него зависятъ. Теорія тяготѣнія ставитъ астрономію на степень совершеннѣйшей изъ наукъ, и является торжествомъ познающей силы человѣческаго ума. Мы дадимъ еще болѣе значенія этой силѣ, если размыслимъ о томъ, надъ какимъ матеріаломъ она работала и какія данныя доставила ей природа.

Единственное средство, какое мы имѣемъ для того чтобы проникнуть въ пространство, въ которомъ мѣсто нашего наблюденія, Земля, занимаетъ одну точку,—есть наше зрѣніе. Безъ глаза, астрономія невозможна, и все астрономическое ученіе основывается на томъ, что мы видимъ. Но видѣть, въ тѣсномъ смыслѣ, значитъ чувствовать определенное состояніе нервной оболочки нашего глаза. Отъ свѣтящихся и вообще отъ видимыхъ тѣлъ идутъ лучи свѣта, входящіе въ глазъ. Лучи, вышедшіе изъ данной точки предмета, собираются внутри глаза также въ одну соответствующую точку, и такимъ образомъ на нервной оболочкѣ облекающей внутреннія стѣнки глаза, составляется маленькое изображеніе окружающихъ предметовъ. Представляя дѣло наглядно, можемъ сказать, что каждая видимая нами точка *колетъ*, дѣйствіемъ проникающихъ отъ нея въ глазъ лучей, нервную оболочку въ определенной точкѣ. Этотъ-то рядъ ощущеній или, какъ мы выразились наглядно, рядъ уколовъ, вотъ все, что природа въ актѣ зрѣнія доставляетъ нашему психическому началу, вотъ весь матеріалъ, надъ которымъ оно должно работать, вотъ данныя, помощію которыхъ мысль создаетъ богатство познанія, начиная составленіемъ картины вѣшняго міра и восходя до научныхъ истинъ.

То обстоятельство, что каждая видимая точка дѣйствуетъ на *одну* только точку нервной оболочки, имѣетъ великое значеніе, ибо, благодаря ему, мы получаемъ неслитное ощущеніе свѣта, но различаемъ видимые предметы между собою. Когда мы всматриваемся въ данный предметъ и какъ бы проникаемъ въ простран-

ство, это значитъ только, что мы съ большимъ вниманіемъ различаемъ одно изъ ощущеній въ рядѣ ощущеній, испытываемыхъ нервною оболочкой глаза. Видѣть, повторяемъ, значитъ чувствовать определенное состояніе нервной оболочки глаза. А сознаніе, что это состояніе произведено чѣмъ-то внѣ насъ находящимся, что внѣ насъ есть безконечный міръ съ разнообразіемъ его тѣлъ, — это есть уже дѣло сложной психической дѣятельности. Зрѣніе глазомъ ведетъ за собою зрѣніе воображеніемъ и умомъ, которое и есть истинное зрѣніе.

Такимъ образомъ психическая дѣятельность съ самаго начала сопровождаетъ актъ зрѣнія, и только благодаря ей возникаетъ передъ нами картина, которую мы зовемъ видимымъ міромъ. Внѣ насъ есть дѣйствительный міръ, но этотъ міръ далеко не то, что кажущійся міръ нашего зрѣнія. Надъ нами синій сводъ, усыянный звѣздами. На самомъ дѣлѣ этого свода нѣтъ. Звѣзды, которыя мы видимъ,—это только, такъ-сказать, призраки, тѣни звѣздъ; это то, чѣмъ были звѣзды нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Еслибы въ данный моментъ всѣ эти звѣзды уничтожились, мы бы еще нѣсколько лѣтъ продолжали ихъ видѣть. Извѣстно, что свѣтъ употребляетъ нѣкоторое время, чтобы дойти отъ свѣтлаго тѣла до нашего глаза. Всякій лучъ входящій въ глазъ есть вѣстникъ, приносящій извѣстіе о томъ, что уже случилось нѣсколько времени тому назадъ. И такъ какъ звѣзды находятся отъ насъ на различныхъ разстояніяхъ, то кажущееся намъ одно-временнымъ на небесномъ сводѣ было въ прошедшемъ въ разные времена. Еслибы въ эту минуту съ какой-нибудь отдаленной планеты звѣзднаго міра наблюдатель смотрѣлъ на нашу далекую, маленькую Землю, и если (допустивъ, что чувствительность глаза и совершенство инструмента этого наблюдателя безконечно превосходятъ нашъ глазъ и наши инструменты) онъ не только можетъ видѣть Землю, но можетъ даже различать зданія и людей, то въ эту минуту онъ видѣлъ бы не современную Москву, а можетъ-быть пожаръ двѣнадцатаго года или казнь стрѣльцовъ, что для насъ навсегда уже исчезло въ прошедшемъ.

Мало того, что мы видимъ все не въ свое время,—мы видимъ все не на своемъ мѣстѣ. Между нами и пространствомъ лежитъ слой воздуха, который мы зовемъ атмосферой. Лучи свѣта преломляются въ атмосферѣ, и мы видимъ не звѣзды, а ихъ изображенія, полученныя путемъ преломленія. Звѣзды кажутся съ лучами, а между тѣмъ эти лучи и углы придаютъ звѣздамъ нашимъ глазомъ и зависятъ отъ лучистаго строенія хрусталика. Мерцаніе и сверканіе звѣздъ происходитъ отъ нашей атмосферы.

На горизонтѣ всходитъ Луна въ видѣ большаго свѣтлаго шара. При горизонтѣ она кажется гораздо больше чѣмъ когда подни-

метса на небесномъ сводѣ. Но это оптическій обманъ, и притомъ обманъ сужденія. Изображеніе Луны, рисующееся на нервной оболочкѣ нашего глаза, когда она при горизонтѣ, не больше того, которое рисуется, когда она ближе къ зениту. Уголъ зрѣнія, подъ которымъ мы видимъ Луну при горизонтѣ, если измѣрить его какимъ-нибудь инструментомъ, оказывается не болѣе какъ и въ томъ случаѣ, когда луна высоко на небесномъ сводѣ (даже нѣсколько менѣе). Зрѣніе, какъ ощущеніе, прямо не представляетъ никакихъ данныхъ для сужденія о разстояніяхъ, на какихъ находятся предметы, и мы судимъ объ этомъ на основаніи стороннихъ соображеній, въ которыхъ обыкновенно не даемъ себѣ отчета. Сужденіе о величинѣ находится въ зависимости отъ сужденія о разстояніи. Когда Луна при горизонтѣ, мы имѣемъ между ею и нами земные предметы и имѣемъ слѣдовательно нѣкоторую возможность судить о ея разстояніи; когда Луна на высотѣ, мы не имѣемъ предметовъ для сужденія о ея разстояніи, считаемъ ее ближе и, слѣдовательно, при томъ же углѣ зрѣнія предполагаемъ меньше чѣмъ когда она была при горизонтѣ, гдѣ мы считали ее дальше. Самый сводъ небесный намъ кажется сплюснутымъ сводомъ, котораго основаніе дальше отъ насъ чѣмъ верхушка.

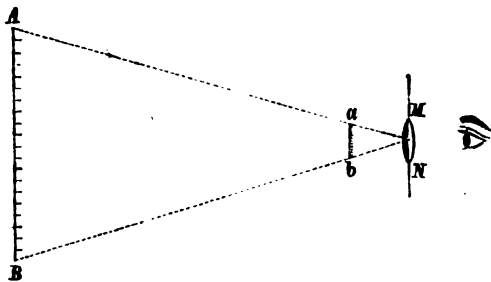
Многимъ, впрочемъ, объясненіе большей величины Луны при горизонтѣ обманомъ сужденія кажется не совсѣмъ яснымъ именно потому, что трудно себѣ представить, чтобы предметъ казался въ двухъ случаяхъ столь различнымъ по величинѣ единственно вслѣдствіе сужденія, въ которомъ мы себѣ не даемъ никакого отчета и которое строго анализировать довольно трудно. Но мы можемъ привести замѣченный нами фактъ, въ которомъ участіе стороннихъ соображеній въ сужденіи о величинѣ предмета обнаруживается несомнѣнно и еще съ большею силой чѣмъ въ случаѣ Луны. Этотъ фактъ, который намъ удалось разобрать подробно, представляетъ любопытный случай, когда предметъ кажется возрастающимъ и видимо увеличивается въ три, четыре, пять разъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ даже уменьшается (то есть уменьшается уголъ зрѣнія, подъ которымъ мы его видимъ). Мы думаемъ, что описаніе такого простаго и рѣзкаго факта не будетъ сочтено неумѣстнымъ на страницахъ не спеціальнаго изданія.

Всѣмъ извѣстно, что Луна, или увеличительное стекло, будучи приближено къ предмету, представляетъ его въ увеличенномъ видѣ. Быть-можетъ многіе замѣчали, что если, сохраняя разстояніе стекла отъ предмета не измѣняющимся, мы будемъ сами удаляться отъ стекла, то предметъ будетъ видимо расти. Со перваго взгляда трудно подумать, что это рѣзкое увеличеніе предмета въ нѣсколько разъ есть только обманъ сужденія, и что

на самомъ дѣлѣ видимая величина изображенія, представляющагося за стекломъ, или угломъ, подъ которымъ мы его видимъ, даже уменьшается по мѣрѣ удаленія нашего отъ стекла. Между тѣмъ явленіе дѣйствительно происходитъ такъ. Это видно изъ теоріи и можетъ быть доказано опытомъ.

Изображенія, какія получаются оптическими средствами, бываютъ двухъ родовъ: *дѣйствительныя* и *мнимыя*. Дѣйствительными называются такія, которыя можно принять на экранъ или на стѣну. Таковы, напримѣръ, изображенія получаемыя помощію выпуклаго стекла, въ случаѣ камеръ-обскуры или въ случаѣ волшебнаго фонаря. Изображенія мнимыя нельзя принять на экранъ или на стѣну; ихъ можно только видѣть глазомъ. Простейшій примѣръ мнимыхъ изображеній представляетъ плоское зеркало. Смотря въ зеркало, мы видимъ въ немъ изображеніе предметовъ, стоящихъ *передъ* нимъ. При этомъ предметы въ зеркалѣ кажутся той величины, какую они въ самомъ дѣлѣ имѣютъ. Еслибы зеркало было выпуклое, въ немъ мы также увидѣли бы изображеніе предметовъ, но съ тою разницею, что все представилось бы въ уменьшенномъ видѣ. Выпуклое стекло, которое въ камеръ-обскуру, въ волшебномъ фонарѣ и т. д., даетъ дѣйствительныя изображенія предметовъ, можетъ давать и мнимыя. Это въ томъ случаѣ, когда предметъ находится ближе къ стеклу чѣмъ его *фокусъ* (точка, гдѣ собираются помощію стекла солнечные лучи, падающіе перпендикулярно на его поверхность). Такимъ образомъ, если

Фиг. 1.

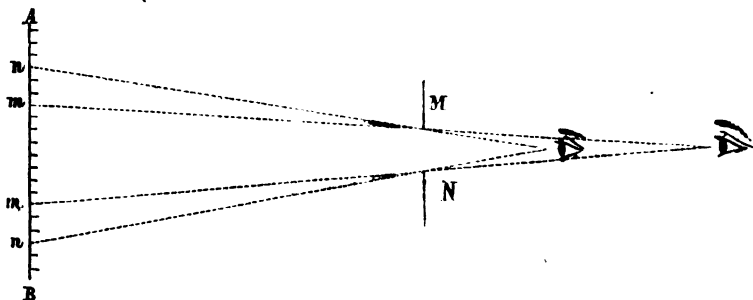

мы передъ стекломъ MN (фиг. 1) поставимъ небольшой предметъ *ab* (напримѣръ небольшой экранъ, на которомъ проведенъ рядъ горизонтальныхъ линій) то, смотря чрезъ стекло, мы увидимъ не самый предметъ, но его изображеніе. Это изображеніе нахо-

дится на той же сторонѣ отъ стекла, какъ и предметъ, и есть изображеніе мнимое, ибо его нельзя принять на экранъ. Его величина опредѣляется угломъ образованнымъ линіями, проведенными отъ вершины *a* и основанія *b* предмета къ центру стекла, а разстояніе зависитъ отъ того, какъ близко къ фокусу стекла помѣщенъ предметъ *ab*. Чѣмъ ближе къ фокусу находится *ab*, тѣмъ дальше находится изображеніе, удаляющееся на безконечное разстояніе, когда предметъ *ab* помѣщенъ въ самомъ

фокусъ. Такимъ образомъ помощію стекла мы можемъ какъ бы отбросить предметъ на какое угодно разстояніе. Другими словами, дѣйствіе увеличительнаго стекла можно выразить такъ: еслибы вмѣсто стекла MN было отверстіе MN (фиг. 2), и вмѣсто

Фиг. 2.

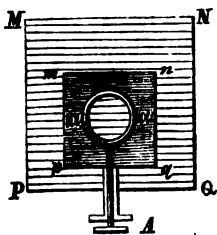

маленькаго предмета ab стоялъ большой предметъ AB (котораго величина опредѣляется упомянутымъ выше угломъ, а разстояніе можетъ быть вычислено весьма простымъ способомъ, о которомъ не будемъ распространяться здѣсь), то зрѣлище, какое глазъ получитъ, смотря черезъ это отверстіе MN (фиг. 2), будетъ одинаково съ тѣмъ, какое онъ получаетъ, смотря черезъ стекло MN (фиг. 1).

Но понятно, что если мы удаляемся отъ отверстія, черезъ которое смотримъ на предметъ и слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ удаляемся отъ самаго предмета, то уголъ зрѣнія, подъ которымъ мы видимъ этотъ послѣдній, долженъ уменьшаться. Поэтому, казалось бы, по мѣрѣ нашего удаленія отъ стекла предметъ долженъ казаться уменьшающимся или по крайней мѣрѣ не мѣняющимся въ величинѣ, если наше удаленіе незначительно. Опытъ, напротивъ, показываетъ, какъ мы уже говорили, что предметъ кажется увеличивающимся и притомъ весьма значительно.

Но легко доказать, что это увеличеніе есть только кажущееся. Для этого достаточно сдѣлать опытъ въ слѣдующей формѣ: сзади

Фиг. 3.

стекла aa (фиг. 3), нѣсколько ближе фокуснаго разстоянія, помѣстимъ небольшой картонный экранъ $mnpq$, на которомъ начертены рядъ горизонтальныхъ линій, раздѣленныхъ равными промежутками. Сзади этого перваго экрана поставимъ второй большой $MNPQ$. Помѣстимъ его именно на томъ разстояніи, на какомъ, согласно съ предыдущею теоріей, *кажется* видимая черезъ стекло часть экрана $mnpq$. Вмѣстѣ съ тѣмъ допустимъ, что начерченные на большомъ экранѣ линіи раздѣлены промежутками такой вели-

чины, какой кажутся видимые через стекло промежутки первого экрана. (Разстояніе экрана $MNPQ$ и величину его промежутковъ легко опредѣлять весьма простымъ вычисленіемъ и оправдать особымъ испытаніемъ.) Въ такомъ случаѣ видимая черезъ стекло часть экрана $mnpq$ и видимые прямо края экрана $MNPQ$ будутъ имѣть совершенно одинаковый видъ, и если одна изъ чертъ, видимыхъ въ стеклѣ, совпадаетъ съ направленіемъ какой-либо изъ чертъ большаго экрана, то и всѣ другія черты, видимыя въ стеклѣ, будутъ совпадать съ соответствующими чертами большаго экрана. Опытъ показываетъ, что это совпаденіе будетъ сохраняться и въ томъ случаѣ, когда мы будемъ удаляться отъ стекла. Видѣть съ тѣмъ мы замѣтимъ, что число чертъ помѣщающихся въ отверстіи стекла будетъ уменьшаться. Этотъ опытъ несомнѣнно показываетъ, что видимая черезъ стекло величина промежутковъ не возрастаетъ, а послѣднее обстоятельство указываетъ и на причину, по какой она кажется возрастающею.

Но прежде чѣмъ займемся объясненіемъ этой причины, остановимся на мысли, неволью рождающейся, когда вспомнимъ изложенную выше теорію дѣйствія увеличительнаго стекла. Такъ какъ, согласно теоріи, стекло дѣйствуетъ подобно отверстию, помѣщенному въ опредѣленныхъ условіяхъ, то естественно ждать, что если, смотря черезъ какое-нибудь отверстіе на находящійся за нимъ предметъ, напримѣръ на экранъ съ чертами, мы станемъ удаляться отъ этого отверстія, то предметъ (въ нашемъ случаѣ разстоянія между чертами) долженъ казаться увеличивающимся. Опытъ подтверждаетъ это заключеніе. Если мы замѣнимъ стекло aa (фиг. 3) отверстіемъ такой же величины, и снявъ экранъ $mnpq$, станемъ черезъ это отверстіе смотреть на экранъ $MNPQ$, то при удаленіи глаза произойдетъ совершенно то же явленіе, какъ при опытѣ съ стекломъ, и величина промежутковъ будетъ казаться возрастающею почти также рѣзко какъ и въ этомъ случаѣ стекла. Мы говоримъ: почти, потому что при наблюденіи черезъ отверстіе мы имѣемъ болѣе чѣмъ въ случаѣ стекла обстоятельствъ позволяющихъ судить объ истинномъ разстояніи предметовъ и ослабляющихъ отчасти описанный обманъ зрѣнія.

Легко понять причину, почему при удаленіи глаза предметъ, на который мы смотримъ черезъ стекло или, что все равно, черезъ отверстіе, кажется увеличивающимся. Когда (фиг. 2) глазъ находится близко къ отверстию, за которымъ стоитъ предметъ AB (въ нашемъ случаѣ экранъ $MNPQ$), то въ полѣ зрѣнія видимомъ въ отверстіи находится, напримѣръ, 14 промежутковъ. Но когда глазъ удалится, то въ томъ же полѣ зрѣнія мы будемъ видѣть только

восемь, пять и т. д., промежутковъ. Не давая себѣ отчета о разстояніи, на которомъ экранъ помѣщенъ за отверстіемъ, наблюдатель невольно судитъ о величинѣ промежутковъ по тому числу ихъ, какое помѣщается въ разныхъ случаяхъ въ томъ же полѣ зрѣнія. Ихъ величина ему кажется больше, когда онъ видитъ меньшее число ихъ въ томъ же пространствѣ. Не только экранъ съ чертами, но вообще всякій предметъ, рассматриваемый чрезъ отверстіе, отъ котораго мы удаляемся, кажется увеличивающимся, хотя впрочемъ не во всѣхъ случаяхъ это обнаруживается одинаково и только при особыхъ условіяхъ замѣчается съ достаточною рѣзкостью.

Любопытенъ случай съ книгою. Когда мы смотримъ чрезъ отверстіе на строки книги, помѣщенной не далеко за этимъ отверстіемъ и удаляемся отъ него; то въ первое время (когда еще можемъ читать) буквы кажутся замѣтно уменьшающимися, но потомъ, когда зрѣніе перестаетъ быть яснымъ и мы не можемъ болѣе читать, строки и разстояніе между ними кажутся растущими, какъ черты и промежутки въ случаѣ экрана. Пока мы можемъ еще читать, то мы судимъ о разстояніи книги и величинѣ буквъ по большей или меньшей трудности чтенія, но далѣе употребляемъ то же сужденіе какъ въ случаѣ экрана.

Прибавимъ, что стекло, которое мы употребляли для опытовъ, имѣло фокусное разстояніе въ 21 сантиметръ. Его діаметръ равнялся почти 10 сантиметрамъ; и чтобъ избѣгнуть дѣйствія сферической аберраціи, которою мы пренебрегали въ предыдущемъ изложеніи теоріи стекла, мы пользовались только средней стекла, закрывъ его для этой цѣли діафрагмою съ круглымъ отверстіемъ около 4 сантиметровъ въ діаметрѣ. Экранъ *т n p q*, помѣщенный въ разстояніи 20 сантиметровъ за стекломъ, казался на разстояніи съ небольшимъ 4 метровъ. На этомъ разстояніи и былъ поставленъ большой экранъ *M N P Q*.

Н. Любимовъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

I.

Catalogue des publications de la Bibliothèque Impériale publique de Saint-Petersbourg, depuis sa fondation jusqu'en 1861, ainsi que des différens écrits qui la concernent spécialement, ou qui ont été publiés à son profit. С.-Петербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Художествъ, Гогенфельдена и Комп. 1861. In 4. Стр. LIV и 38.

Въ то время, какъ Императорская Публичная Библиотека, доведенная до такой степени благоустройства, которой, по отзы-

вамъ знатоковъ, не превосходить ни одно изъ книгохранилищъ Европы; когда составъ ея пополнился въ громадныхъ размѣрахъ, и зданіе ея увеличивается новыми постройками, приспособленными ко всѣмъ удобствамъ посѣтителей, число которыхъ растетъ безпрестанно,—какъ нельзя болѣе кстати выходить въ свѣтъ эта книга. Въ ней заключаются обстоятельныя свѣдѣнія обо всѣхъ трудахъ, предпринятыхъ и исполненныхъ для ея исторіи и для описанія содержащихся въ ней рѣдкостей. Изданіемъ ея публика обязана извѣстному библіографу г. Минцову, составителю этого труда, и начальству Библіотеки, которое постоянно заботится въ теченіи двѣнадцати лѣтъ о собраніи и обнародованіи всего, что можетъ ознакомить публику съ дѣломъ столь важнымъ для отечественнаго просвѣщенія.

Любопытное введеніе къ каталогу представляетъ живую картину основанія библіотеки, учрежденной, въ 1747 году, въ Варшавѣ братьями Залусскими и обогащенной преимущественно десять лѣтъ спустя младшимъ изъ нихъ, Іосифомъ, епископомъ кievскимъ, который отдалъ всю часть наслѣдства, полученнаго имъ послѣ старшаго брата, графа Андрея, епископа краковскаго, чтобъ упрочить существованіе этого учрежденія. Основаніе его было прославляемо въ стихахъ и въ прозѣ, на всевозможныхъ языкахъ; подробныя правила были составлены для руководства библіотекарей и для пользованія сокровищами, открываемыми для любознательности всѣхъ и каждого просвѣщенными основателями. Заботливость ихъ о мѣрахъ къ сохраненію въ цѣлости ученаго сокровища доходила до того, что они выхлопотали у папы Бенедикта XIV грамоту, которою предавался проклятію всякій, кто дерзнетъ посягнуть на собственность библіотеки, утаить или украдетъ принадлежащую ей книгу. Мы советуемъ всякому, даже не библіографу, прочесть завѣщаніе Андрея Залусскаго, на стр. X—XXX; это памятникъ ярко характеризующій не только самого учредителя книгохранилища, но и нравы вѣка въ странѣ, намъ близкой, у народа отличающагося живостію своей природы, способной къ пылкому увлеченію, какое и выразилось во множествѣ панегириковъ и восхваленій всякаго рода, вызванныхъ въ обществѣ пожертвованіемъ Залусскихъ. Если вы прочтете это завѣщаніе, не останавливайтесь, и пробѣгите еще страницъ двѣнадцать. Тутъ найдете въ *Bibliographia Zalusiana*, самое пестрое собраніе свѣдѣній объ ученыхъ трудахъ и не осуществившихся предпріятіяхъ Іосифа Залусскаго, о его жизни, объ изданіяхъ книгъ на его счетъ, или по его совѣту печатавшихся, о написанномъ въ его честь, и пр. и пр. Все это рисуетъ намъ портретъ замѣчательнаго человѣка: его дѣтское тщеславіе, наивное поклоненіе своимъ заслугамъ, часто мнимымъ

или только задуманнымъ, всѣ его недостатки, однако щедро искупаемые чувствомъ горячей любви къ просвѣщенію, безкорыстною любовью къ книгамъ. Слѣдующіе затѣмъ указатели каталоговъ, оканчивающіе первую часть разбираемой нами книги, доказываютъ не менѣе страсть его къ дѣлу, которому онъ себя посвятилъ.

Библіотека Залусскаго составила изъ нѣсколькихъ принадлежавшихъ ему собраній книгъ, свезенныхъ изъ Люневилля, Парижа, Рима, Лондона и Амстердама, и присоединенныхъ къ его варшавскому книгохранилищу до 1747 года, когда вся коллекція, назначенная для общаго пользованія, поступила въ вѣдѣніе Варшавской іезуитской коллегіи. Съ 1773 года, по упраздненіи іезуитскаго ордена, библіотека эта сдѣлалась казеннымъ имуществомъ. Въ 1794 году Варшава была покорена, а въ 1795 библіотека была перевезена въ Петербургъ. Ею завѣдывали: графъ Шуазель-Гуфье (1795—1800), графъ А. С. Строгановъ (1800—1811) и графъ А. К. Разумовскій (1811—1813). 2-го января 1814 года она была открыта торжественно, и съ тѣхъ поръ находилась подъ вѣдѣніемъ: А. Н. Оленина (до 1840 года), Д. П. Бутурлина (до 1850 года) и наконецъ барона М. А. Корфа. Во время Залусскаго было 21 изданіе, исполненное Библіотекой или относящееся къ ней; во время Оленина 15; Бутурлина 7. Остальныя затѣмъ 94 относятся ко времени управленія барона Корфа.

Эти цифры знаменательны безъ всякихъ комментариевъ. Они доказываютъ, что съ 1850 года и Библіотека заботится о приведеніи въ извѣстность и порядокъ своихъ сокровищъ, и сами ученые съ охотою разрабатываютъ эти драгоценныя матеріалы, которые сдѣлались общедоступны, вслѣдствіе введенныхъ вновь порядковъ и предупредительности управленія, которое усердно заботится о доставленіи всѣхъ удобствъ лицамъ занимающимся учеными работами. Прибавьте этотъ каталогъ, заключающій въ себѣ все, что можетъ служить къ описанію и исторіи Библіотеки, и вы найдете много именъ извѣстныхъ ученыхъ, принявшихъ участіе въ этихъ трудахъ. Тутъ же увидите вы, какъ много сдѣлано самимъ управленіемъ: правила для посѣтителей, труды каталогическіе, ежегодные отчеты, изданія библіографическихъ рѣдкостей и описанія ихъ составляютъ истинныя сокровища для исторіи просвѣщенія вообще и въ особенности учрежденія, столь для него важнаго. Съ гордостію можемъ мы теперь указать на Публичную Библіотеку, которой устройство ставитъ ее на одну степень съ лучшими европейскими книгохранилищами.

Каталогъ, о которомъ мы говоримъ, изданъ съ небывалою у насъ роскошью. Весело читать такую дѣльную книгу, напечатанную съ изяществомъ достойнымъ ея предмета. Знатоки и

любители оцѣнить вмѣстѣ съ нами ученое значеніе и вѣрность *Каталога*, и отъ души поблагодарятъ и составителя и издателя за новый прекрасный трудъ на пользу отечественнаго просвѣщенія.

II.

Жизнь Графа Сперанскаго. Два тома. С.-Петербургъ. Въ типогр. 2-го Отд. Собствен. Е. И. В. канц. 1861. in 8. Стр. въ 1 т. XVIII и 283; во 2 т. 388. Съ яремъ портретами.

Этою книгой, написанною почтеннымъ директоромъ Публичной Библиотеки, барономъ М. А. Корфомъ, открывается новый рядъ ея изданій послѣ выхода каталога, о которомъ мы сейчасъ говорили. Доброе начало—лучшій залогъ будущихъ успѣховъ.

Разныя обстоятельства помѣшали намъ говорить объ этой книгѣ ранѣе. Теперь, когда она прочтена уже почти всѣми образованными людьми, намъ нечего входить въ подробности, передавать обстоятельства жизни Сперанскаго и т. п. Приступая къ отзыву о ней, мы преимущественно повинемся долгу отдать справедливость прекрасному труду, посвященному знакомству съ лицомъ, о которомъ намъ первымъ удалось написать по-русски опытъ крайне недостаточный за скудостью и невѣрностью матеріаловъ (*Русскій Вѣстникъ* 1859, №№ 19 и 20), но бывшій по крайней мѣрѣ сводомъ почти всего, что было напечатано у насъ о Сперанскомъ.

Добросовѣстность въ изысканіяхъ, свѣдѣнія добытыя изъ источниковъ достовѣрныхъ, многочисленныхъ и малозвѣстныхъ, близкое знакомство съ людьми и событіями, прекрасное изложеніе, — вотъ что прежде всего привлекаетъ вниманіе читателя *Жизни Графа Сперанскаго*. Нѣтъ ни одного факта, ни одного показанія, которые не были бы основаны на положительныхъ данныхъ, на достовѣрныхъ документахъ, собранныхъ съ необыкновенною тщательностію. Кто-то справедливо замѣтилъ, что нѣсколько страницъ, посвященныхъ дѣтству Сперанскаго, однѣ уже стоили изысканій, о трудности которыхъ могутъ судить только тѣ, кому приходилось заниматься такимъ дѣломъ. Заключите изъ этого, чего стоило написать два тома, наполненные почти сплошь такими повѣствованіями. Авторъ нигдѣ не отступаетъ отъ своей методы. Фактъ самый вѣроятный, не противорѣчащій никакому показанію, даче не слишкомъ значительный, не принимается имъ на вѣру, если не подкрѣпленъ документомъ, и представляется имъ не

иначе какъ съ оговоркой о степени его достовѣрности. Это придаетъ книгѣ не только значеніе историческаго документа, изъ котораго будущіе изслѣдователи могутъ черпать безъ всякаго опасенія (обстоятельство чрезвычайно важное!), но и производить самое благопріятное впечатлѣніе на читателя.

Что касается полноты свѣдѣній, то она можетъ быть только относительная. Представлять читателю все — бесполезно, когда есть извѣстія невѣрныя, — вредно дѣлу, когда встрѣчаются повторенія, — наконецъ, невозможно, потому что проходятъ десятки лѣтъ, и все-таки открываются новые документы о лицахъ и дѣлахъ, о которыхъ все казалось уже исчерпаннымъ. Когда дѣло происходитъ у насъ, и притомъ идетъ о лицѣ, какъ Сперанскій, условіе это встрѣчаетъ еще другаго рода препятствія. Сперанскій умеръ еще недавно, дѣятельность его связана съ тайными обстоятельствами, онъ сталкивался съ людьми, которые, по разнымъ соображеніямъ, не могутъ еще быть обрисованы вполнѣ. Тѣмъ нетерпѣливымъ умамъ, которые не хотятъ замѣчать никакой постепенности въ ходѣ дѣлъ, трудно, конечно, доказать, какой общественный успѣхъ представляетъ уже одинъ фактъ появленія такой книги, какъ сочиненіе барона Корфа. Но мы убѣждены, что онъ порадуетъ всѣхъ людей безпристрастныхъ и серьезныхъ. Могла ли публика ожидать чего-либо подобнаго лѣтъ шесть тому назадъ?

Итакъ, полнота извѣстій въ книгѣ подобнаго рода, изданной въ наше время и при теперешнихъ обстоятельствахъ, можетъ быть только относительною. Мы въ правѣ требовать только, чтобы въ границахъ, которыя положилъ себѣ авторъ, были приведены всевозможныя свидѣтельства, если они достойны вниманія, или бросаютъ хоть одинъ лучъ свѣта на предметъ изслѣдованія. И въ этомъ отношеніи трудъ барона Корфа достоинъ искренней благодарности. Любознательность побуждала его не только собирать и отыскивать разнороднѣйшіе матеріалы и пользоваться ими для составленія своей монографіи, но и прибѣгать за справками ко всѣмъ, кто могъ разъяснить ему хотя бы и не слишкомъ важныя обстоятельства. Онъ велъ обширную переписку съ разными лицами, отъ которыхъ надѣялся получить какія-нибудь свѣдѣнія, съ учрежденіями, гдѣ надѣялся найти нужные ему документы, собиралъ и записывалъ изустныя разказы, изучалъ акты и книги, относящіяся до его предмета, словомъ, приготовилъ богатые матеріалы, изъ которыхъ извлекъ все, что могло доставить книгѣ его ту относительную полноту, о которой мы сейчасъ говорили.

При существованіи нѣсколькихъ показаній, касающихся одного предмета, необходимо должны были встрѣчаться противорѣчія.

Нѣкоторыя изъ нихъ могли быть разрѣшены авторомъ посредствомъ исторической критики; другія должны были остаться подъ сомнѣніемъ, за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ для окончательныхъ выводовъ. Въ обоихъ случаяхъ добросовѣстность и безпристрастіе автора обнаруживаются вполне. Онъ приводитъ мнѣнія и показанія, любозытныя, по какимъ-либо отношеніямъ, даже тогда, когда они опровергаются болѣе достовѣрными данными, отводя такимъ образомъ мѣсто извѣстіямъ, которымъ вѣрила часть современниковъ Сперанскаго. Его не останавливаютъ сужденія во вредъ славнаго государственнаго дѣятеля, котораго онъ сталъ биографомъ. Они приводятся имъ тщательно, какъ характеристическія черты времени, и подтверждаются тамъ, гдѣ обвиненія оказываются, по его убѣжденію, справедливыми.

Авторъ, высоко уважая дарованія и заслуги Сперанскаго, какъ государственнаго человѣка, школъ котораго онъ самъ много обязанъ, сочувствуя качествамъ его души и сердца, не скрываетъ ни ошибокъ его на служебномъ поприщѣ, ни тѣхъ нравственныхъ уклоненій, происходящихъ отъ слабости человеческой, которыми нерѣдко потемнѣлся его характеръ. Итакъ, книга барона Корфа не есть панегирикъ и исполняетъ обѣщаніе своего эпиграфа, взятаго изъ Вольтера: «On ne doit aux morts que la vérité.» Онъ помѣстилъ рядомъ съ нимъ и другой эпиграфъ изъ Пушкина: «Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!» Да, миръ вамъ столкновенія личныхъ выгодъ, борьба непримиримыхъ противниковъ, составляющія печальный, но неизбѣжный удѣлъ историческаго движенія, и да здравствуютъ только правда и добро, завоеванныя дѣятельностію враждовавшихъ когда-то сторонъ, имѣвшихъ одинаково историческое право на свое существованіе!

Таковы залогъ, которые имѣлъ баронъ Корфъ, для того чтобы сдѣлать предпринятую имъ біографію истинно дорогимъ приобрѣтеніемъ для нашей исторической литературы. Богатство матеріала и добрая воля автора несомнѣнны. Ясность, выразительность, правильность языка его также извѣстны. Качества эти особенно важны въ трудѣ біографическомъ, требующемъ точности во всемъ, и однако подверженномъ искушенію расплываться въ утомительныхъ подробностяхъ. *Жизнь графа Сперанскаго* удовлетворяетъ вполне читателя и своимъ изложеніемъ.

Предметъ книги барона Корфа самъ по себѣ имѣетъ весь интересъ романа. Начиная съ рожденія въ Черкутинской избѣ до великолѣпныхъ похоронъ въ Александроневской лаврѣ, Сперанскій — семинаристъ, профессоръ, чиновникъ, реформеръ, изгнанникъ, администраторъ Сибири, наконецъ, достигающій высшихъ почестей въ государствѣ, — вездѣ является лицомъ ориги-

нальнымъ, необыкновеннымъ, замѣчательнымъ даже въ своихъ ошибкахъ и паденіяхъ. Описаніе жизни такого человѣка могло бы стать занимательнымъ у всякаго добросовѣстнаго труженика. Но чтобы написать замѣчательную книгу, какова монографія барона Корфа, нужны и другія качества: вопервыхъ, близкое знакомство съ эпохой и ея людьми, чтобы представить вѣрную и полную картину; вовторыхъ, особый талантъ располагаться своими матеріалами, искусно группировать ихъ, соразмѣрять части своего труда, такъ чтобы одна не заслоняла или не давила другой; наконецъ, дать расположенію этихъ частей послѣдовательность, при которой одна естественно слѣдуетъ за другою, связывая ихъ непрерывною нитью, ведущею читателя черезъ извивы разказа, иногда невольно забѣгающаго впередъ или обращающаго къ прошлому, согласно требованію самого предмета. Читавшіе книгу барона Корфа, конечно, отдадутъ ему полную справедливость и въ этомъ отношеніи. Въ примѣръ искусства его, напомнимъ окончаніе перваго тома его книги. Въ ней изложены по предметамъ организационныя, законодательныя, финансовыя работы и особыя занятія Сперанскаго съ 1808 по 1812 годъ. Изложеніе это совершенно согласуется съ цѣлю предположенною авторомъ, представляя ясныя, существенныя очерки того или другаго предмета, на подробный разборъ котораго потребовалось бы цѣлое специальное сочиненіе. Затѣмъ, въ каждомъ отдѣлѣ, приводятся укоры, которые вызывались въ публикѣ предпринимавшимися мѣрами, и позднѣйшее оправданіе ихъ Сперанскимъ. Авторъ такъ искусно исполнилъ эту трудную задачу, что читатель, разомъ обозрѣвая рядъ однородныхъ преобразованій, ихъ критику и защиту, не имѣетъ уже нужды искать свѣдѣній о томъ же предметѣ тамъ, гдѣ это отвлекло бы его отъ слѣдованія за дальнѣйшими событіями. вмѣстѣ съ тѣмъ, по окончаніи каждаго отдѣла, читатель, выслушавъ *pro* и *contra*, приводится постоянно на одну и ту же точку, и каждый разъ все сильнѣе представляется ему неизбежность паденія Сперанскаго, какъ ни было оно внезапно.

Соразмѣрность частей соблюдена авторомъ также мастерски. Если пребываніе Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1821 годъ разказано нѣсколько подробнѣе, то этого требовалъ самый предметъ, особенно любопытный и наименѣе извѣстный изъ его государственнаго поприща.

Во всѣхъ главахъ *Жизни графа Сперанскаго* находится множество интереснѣйшихъ подробностей о немъ и его времени, подробностей, извѣстныхъ немногимъ даже изъ современниковъ и совершенно новыхъ для теперешней публики. Интриги, въ сѣтъ

которыхъ запутанъ былъ Сперанскій до отечественной войны и потомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Перми, Великополѣ, Пензѣ и Сибири, разказаны съ тою подробностію, какую только позволяетъ близость этихъ событій отъ нашего времени. Общая картина двора и административныхъ сферъ является отчетливо передъ читателемъ. Впечатлѣніе производимое ею напоминаетъ отчасти слова, будто бы сказанныя Сперанскимъ по возвращеніи изъ-за границы: «У насъ лучше люди, а тамъ установленія.» Не входя въ разсмотрѣніе первой части этого положенія, объясняемаго можетъ-быть мнѣніемъ о необыкновенныхъ способностяхъ и добротѣ русскаго народа, нельзя не сознаться, что сказать второе Сперанскій имѣлъ полное право.... Гдѣ была возможность возвыситься такъ скоро, но за то и поплатиться еще быстрѣйшимъ и жестокимъ паденіемъ, какъ это было съ Сперанскимъ? Исторія этого паденія разказана барономъ Корфомъ со всѣми подробностями. Но все-таки часть тайны, покрывающей его причины, остается еще непроницаемою. Соображая всѣ данныя, можно однако придти къ убѣжденію, что необходимость дать удовлетвореніе общественному мнѣнію играла важную роль въ опалѣ Сперанскаго въ 1812 году. Въ трудныя и тяжелыя времена, приходится исполнять иногда даже нѣкоторыя несправедливыя требованія общественнаго мнѣнія, чего можно было бы избѣжать, еслибъ оно постоянно было принимаемо въ соображеніе.

Впрочемъ въ исторіи Сперанскаго читатель знакомится и съ лицами иного рода, которыя утѣшаютъ его въ мрачной картинѣ, представляющей его глазамъ. Мы, напримѣръ, желаемъ отъ души, чтобы между всѣми честными людьми распространилось уваженіе къ памяти дерптскаго профессора Паррота, который написалъ государю передъ ссылкой Сперанскаго смѣлое письмо, доказывая, что рѣшеніе разстрѣлять его, принятое въ минуту гнѣва, не можетъ и не должно быть исполнено, и что въ противномъ случаѣ горькое раскаяніе цѣлой жизни не будетъ въ состояніи загладить это рѣшеніе.

Мы выставили главныя достоинства книги барона Корфа. Можно спросить: какой судъ произнесъ надъ Сперанскимъ, какъ надъ государственнымъ и частнымъ человѣкомъ, авторъ посвятившій столько труда на изученіе этой замѣчательной личности и на сочиненіе посвященное ея изображенію?

Баронъ Корфъ не произноситъ рѣшительнаго суда надъ всѣми дѣйствіями Сперанскаго, потому что цѣль автора была не оцѣнка такого рода, а собраніе для нея фактовъ, котораго до сихъ поръ еще не было. Изъ послѣдняго обстоятельства ви-

дно, что дѣйствительно такая оцѣнка была бы еще преждевременна. Впрочемъ, это не мѣшаетъ автору высказывать свое мнѣніе по поводу такихъ обстоятельствъ, которыя достаточно ясны, чтобы не ожидать новыхъ матеріаловъ и изученій для ихъ разъясненія. Наконецъ, въ заключительной главѣ своего сочиненія, онъ представляетъ портретъ Сперанскаго на основаніи личныхъ своихъ убѣжденій и изображаетъ его такимъ, какимъ онъ самъ обрисовывается въ своихъ письмахъ и различныхъ трудахъ. Читатели могутъ убѣдиться особенно здѣсь, какъ безпристрастно судить баронъ Корфъ о Сперанскомъ, несмотря на весьма понятное и справедливое сочувствіе его къ дѣятельности славнаго государственнаго человѣка.

Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе барона Корфа о преждевременности окончательнаго суда надъ Сперанскимъ. Если мы прибавимъ, что не имѣемъ и притязанія на рѣшеніе этой задачи, то и могли бы кончить эту статью, которая запоздала, а потому и написана какъ бы въ предположеніи, что читающій эти строки знакомъ уже съ книгой барона Корфа и долженъ искать въ нашей статьѣ только провѣрки собственныхъ своихъ впечатлѣній. Но пробѣгая рецензіи на *Жизнь графа Сперанскаго*, мы встрѣтили въ нихъ кое-что заставляющее и насъ сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ изъ нихъ, которыя особенно обращаютъ на себя вниманіе.

Сперанскаго упрекаютъ за то, что съ нововведеніями своими онъ развилъ у насъ владычество бумажнаго міра, бюрократію и централизацію, до громадныхъ размѣровъ. Въ одной рецензіи на книгу барона Корфа опровергается такое мнѣніе тѣмъ, что министерства были основаны 8 сентября 1802 года, то-есть ранѣе могущества Сперанскаго. Намъ кажется, что и упрекъ и оправданіе не вполне справедливы. Изъ книги барона Корфа видно, что Сперанскій занимался нѣсколько недѣль до перваго образованія министерствъ у графа В. П. Кочубея, который былъ главнымъ дѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ и назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій не мало содѣйствовалъ общему министерскому учрежденію, которое было сдѣлано наскоро. Тотчасъ по образованіи министерствъ Сперанскій былъ назначенъ директоромъ департамента Кочубеевскаго министерства, а вскорѣ главнѣйшей второй его экспедиціи, оставаясь впрочемъ въ теченіи пяти лѣтъ *думой* всего вѣдомства, въ которомъ служилъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ было тогда образцовымъ для прочихъ по своему устройству; въ немъ предпринимались и исполнялись многія административныя и законодательныя мѣры, которыхъ проекты писались Сперанскимъ. Изъ всего этого видно, что онъ игралъ, если не очень

видную, вслѣдствіе своего служебнаго положенія, то важную роль; первоначальное образованіе также какъ и первые опыты дѣятельности министерствъ вообще не обошлись безъ значительной доли его участія. Наконецъ, въ 1810 году, во время своей силы, онъ написалъ манифестъ о раздѣленіи дѣлъ на особыя управленія и указы министрамъ, и по его мысли учреждены два новыя управленія: министерство, полиціи и контроль. Такіе факты повидному оправдываютъ до нѣкоторой степени упреки, дѣланные Сперанскому, и во всякомъ случаѣ противорѣчатъ мнѣнію о томъ, что онъ не участвовалъ въ образованіи министерствъ. Но при разсужденіи объ этомъ предметѣ не должно забывать одного важнаго обстоятельства. Опредѣляя кругъ дѣятельности министерствъ и расширяя его, а также составляя учрежденіе государственнаго совѣта, Сперанскій не отдѣлялъ законоположеній по этимъ предметамъ отъ цѣлаго государственнаго преобразованія, которое проектировалъ онъ съ согласія государя. Цѣлыя существенныя части этого проекта остались подъ спудомъ, а нѣкоторыя установленія задуманныя въ связи съ ними явились на свѣтъ съ тѣми атрибутами, которые вѣроятно не были бы имъ приданы, еслибы такое изолированіе можно было предвидѣть. Отъ этого развилось чрезвычайное вліяніе администраціи, и измѣнилось значеніе законодательнаго учрежденія, то-есть совѣта.

М. Лонгиновъ.

Москва,
18 ноября 1861 г.

Чтеніе изъ Русской Исторіи (съ исхода XVII вѣка). П. Щебальскаго. Выпускъ первый. 1861 г.

Рецензенту, повидному, легко дать свой отзывъ объ этой книгѣ: «Г. Щебальскій, авторъ многихъ историческихъ статей, въ которыхъ обнаруженъ прекрасный талантъ изложенія, рѣшился написать новую русскую исторію для молодыхъ людей отъ 13 до 15 лѣтъ. Отъ души поздравляемъ молодыхъ людей, да и не ихъ однихъ, съ этимъ подаркомъ, съ этимъ живымъ, увлекательнымъ изложеніемъ любопытныхъ событій и ждемъ продолженія труда, въ успѣхъ котораго не сомнѣваемся.» Вотъ что можетъ сказать всякій, по первомъ прочтеніи книги г. Щебальскаго.

Но авторъ, какъ видно изъ предисловія, не того требуетъ отъ рецензента. Авторъ считаетъ свою задачу не легкою и новою,

говорить, что, «напечатать нѣсколько первыхъ главъ, онъ приостановился, чтобы прислушаться къ мнѣніямъ какъ педагоговъ и специалистовъ по части исторіи, такъ и той публики, для которой эти разказы предназначаются.» Послѣ этого рецензентъ врядъ ли можетъ ограничиться лестнымъ, но легкимъ, краткимъ отзывомъ, и врядъ ли специалистъ имѣетъ право остаться равнодушнымъ при видѣ этой книжки, назначенной для возраста отъ 13 до 15 лѣтъ. Изъ предисловія выходитъ, что г. Щебальскій не «взялъ да и написалъ исторію»; онъ взглянулъ на дѣло серьезно, думалъ прежде, старался уяснить для себя свою задачу и въ правѣ требовать содѣйствія другихъ при этомъ уясненіи. Мы обязаны откланиться на его требованіе.

Вотъ что говоритъ авторъ въ предисловіи: «Знать исторію своего отечества со всею полнотою и подробностію есть обязанность каждаго образованнаго человѣка, но есть много и другихъ знаній, настоятельно необходимыхъ; поэтому курсъ отечественной исторіи приходится сокращать, ограничивая его указаніемъ и объясненіемъ только важѣйшихъ явленій народной жизни. Сообразно съ этимъ составляются программы преподаваній и пишутся учебники, причемъ тѣ и другіе неизбежно грѣшатъ или сухостію, происходящею отъ желанія коснуться какъ можно большаго числа фактовъ, или неполнотой, если имѣютъ въ виду оживить имена, числа и происшествія драматическимъ разказомъ и историческою мыслию. Мнѣ кажется, что благоразуміе будетъ не гнаться за двумя, одна другую исключаящими, цѣлями, и что въ помощь существующимъ учебникамъ полезно было бы написать такую книгу, которая, соответствуя современному состоянію исторической науки, обнимала бы подробности предмета, изображала бы съ возможною выпуклостію личности историческихъ дѣятелей, передавала бы происшествія съ драматическою занимательностію, представляла бы духъ времени и колоритъ мѣстности. Такое сочиненіе по объему своему, разумѣется, можетъ предназначаться только для чтенія, но не для изученія; тѣмъ не менѣе оно можетъ глубоко вѣзаться въ молодую память, если изложеніе его будетъ столько занимательно, что его стануть читать не во исполненіе лишь обязанности, а ради внутренняго его интереса. Именно такое сочиненіе желалъ я написать; я старался держаться въ равномъ разстояніи отъ чисто ученаго изслѣдованія и отъ романа; не позволялъ себѣ ни искажать фактовъ, ни представлять историческихъ явленій въ ложномъ свѣтѣ, но допускалъ черты, которыя не позволилъ бы себѣ помѣстить въ чисто серьезномъ трудѣ. Впрочемъ, всѣ тѣ извѣстія, которыя не проведены еще сквозь горнило ученой критики, все, что не признано *достовернымъ*, а кажется только

своякими и возможными, изображено въ видѣ наведеній, слуховъ, толковъ и т. п.; внимательный читатель легко отличить эти полутоны. По плану, такимъ образомъ задуманному, я желалъ бы разказать исторію Россіи, начиная съ Петра; помѣщенный въ началѣ каждой главы или каждаго разказа перечень событій долженъ, по моему понятію, быть связью сочиненія съ существующимъ учебникомъ, а самый текстъ—служить пополненіемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя въ учебники войти не могутъ, но безъ которыхъ исторія мертва.»

Изъ этого предисловія видно, что авторъ прежде всего хотѣлъ опредѣлить отношеніе своей книги къ программѣ и учебнику. Намъ кажется, что авторъ напрасно затруднилъ себя программю и такъ тѣсно соединилъ ее съ учебникомъ: по его словамъ, программы и учебники грѣшатъ или сухостію, если касаются очень большаго числа фактовъ, или неполнотою, если имѣютъ въ виду оживить изложеніе драматическимъ разказомъ. Мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ программъ, которыя бы отличались драматическимъ разказомъ. Итакъ, оставимъ въ сторонѣ программы и ограничимся учебниками. Г. Щебальскій думаетъ, что надобно оставить при учебникѣ его сухость, не требовать отъ него драматическаго разказа и исторической мысли, а въ помощь ему написать книгу, которая бы объясняла подробности предмета, изображала бы съ возможною выпуклостію личности историческихъ дѣятелей, передавала бы происшествія съ драматическою занимательностію, представляла бы духъ времени и колоритъ мѣстности. Мы не можемъ согласиться со взглядомъ автора на учебники: главное достоинство учебника должно состоять именно въ присутствіи того, что г. Щебальскій называетъ историческою мыслию; безъ нея учебникъ есть сборникъ фактовъ, предназначенный только для упражненія памяти, тогда какъ при воспитаніи молодыхъ людей, каждая наука, а слѣдовательно и каждый учебникъ должны имѣть цѣлю, кромѣ передачи извѣстныхъ свѣдѣній, умственное развитіе. Хорошій учебникъ (а о дурныхъ мы не говоримъ) долженъ отличаться возможною выпуклостію личности историческихъ дѣятелей. Извѣстно, что въ хорошихъ учебникахъ обыкновенно цѣлкомъ приводятся характеристики лицъ и событій изъ лучшихъ историческихъ писателей. Мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, что въ учебникъ не могутъ войти тѣ свѣдѣнія, безъ которыхъ исторія мертва: учебникъ, содержащій въ себѣ мертвую науку, долженъ быть изгнанъ изъ школы. Правда, что учебникъ отличается извѣстною сжатостію изложенія, носитъ, въ нѣкоторой степени, характеръ конспекта; но дѣло въ томъ, что составитель учебника, имѣя въ виду ученика, въ то же время долженъ имѣть въ виду не какую-

нибудь оживленную книгу, написанную въ помощь учебнику, а живаго человѣка, учителя, котораго обязанность состоитъ не въ томъ только, чтобы прослушать урокъ и отмѣтить, хорошо или дурно онъ разказанъ; учитель укажетъ ученику и книгу г. Щебальскаго или другую въ этомъ же родѣ, и заставитъ прочесть нѣкоторыя особенно замѣчательныя страницы какихъ-нибудь большихъ сочиненій, сдѣлаетъ ихъ предметомъ для упражненія и т. д.

Итакъ, мы думаемъ, что книга, подобная книгѣ г. Щебальскаго, должна имѣть самостоятельное значеніе, не связываться такъ неразрывно съ учебникомъ и не ограничиваться возрастомъ отъ 13 до 15 лѣтъ. Въ разныхъ возрастахъ есть разныя потребности: не мало найдется людей взрослыхъ, которые не имѣютъ ни времени, ни приготовленія для того, чтобы заняться изученіемъ русской исторіи въ многотомныхъ сочиненіяхъ и которые съ пользою и удовольствіемъ прочтутъ книгу г. Щебальскаго, если только авторъ передѣлаетъ ее и, и прежде всего, постарается избѣжать того, что считаетъ нужнымъ для драматической занимательности.

«Я старался, говоритъ г. Щебальскій, держаться въ равномъ разстояніи отъ чисто-ученаго изслѣдованія и отъ романа; не позволялъ себѣ ни искажать фактовъ, ни представлять историческихъ явленій въ ложномъ свѣтѣ, но допускалъ черты, которыя не позволили бы себѣ помѣстить въ чисто серьезномъ трудѣ.» Что же это за черты? Мы знаемъ, что всякій чисто серьезный историческій трудъ допускаетъ всевозможныя черты, изъ многоразличныхъ источниковъ почерпнутыя, которыя могутъ содѣйствовать полнѣйшему освѣщенію предмета. Значитъ авторъ считаетъ себя въ правѣ оживать свой предметъ чертами не изъ источниковъ замѣствованными, вымышленными? Считаетъ себя въ правѣ дѣлать это на томъ основаніи, что трудъ его не есть *чисто серьезный*? Книга, написанная въ помощь учебникамъ, написанная для того чтобы событія отечественной исторіи «глубоко врѣзались въ молодую память», такая книга не есть *чисто серьезный* трудъ! Намъ кажется, что должно имѣть побольше уваженія и къ наукѣ, и къ молодому, воспитывающемуся поколѣнію.

Четырнадцатилѣтнему мальчику дается въ руки книга, изъ которой онъ долженъ почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о судьбахъ родной страны; здѣсь онъ читаетъ о гибели князя Хованскаго, какъ былъ сдѣланъ доносъ на него, будто онъ намѣревался истребить весь царскій домъ, перебить бояръ, сдѣлаться царемъ, поставить патріарха изъ раскольниковъ. Затѣмъ читаетъ слѣдующія строки: «Слушая это извѣстіе, люди здравомыслящіе проти-

рали глаза и спрашивали себя: не во снѣ ли имъ грезится такая путаница? Чтѣ за Самсонъ такой этотъ Хованскій, чтобы перевернуть все государство вверхъ дномъ, передѣлать правительство, переимѣнить церковь?.. Или онъ съ ума сошелъ, или это письмо нелѣпая выдумка. Такъ думали люди здравомыслящіе; люди по-проще были тревогу и кричали, что насталъ ихъ послѣдній часъ, а такихъ всегда бываетъ очень много.» Потомъ читаетъ о казни Хованскаго и слѣдующія строки: «Чтѣ же это за турецкое правосудіе! говорили нѣкоторые изъ дворянъ спѣшившихъ къ Троицкому монастырю.»—Живой, развитой мальчикъ заинтересованъ сколько самымъ событіемъ, столько же и тѣмъ, какъ общество отнеслось къ событію, этими толками, этими различными взглядами; особенно его останавливаетъ выраженіе о турецкомъ правосудіи: Русскіе люди XVII вѣка толкуютъ о турецкомъ правосудіи! Черта рѣзкая, которая не забудется; представленіе о XVII вѣкѣ входитъ въ молодую голову съ этою чертою. Но увы! является безжалостный педантъ-учитель и заключаетъ въ скобки все это мѣсто, гдѣ описываются толки современниковъ о заговорѣ и казни Хованскаго. «Зачѣмъ?» спрашиваетъ ученикъ: «Зачѣмъ, что все это неправда, отвѣчаетъ учитель: нигдѣ этого нѣтъ, да и не могли русскіе люди въ это время такъ толковать о турецкомъ правосудіи: Посошковъ былъ передовой человекъ, а онъ восхищается турецкимъ правосудіемъ.»—«Зачѣмъ же сочинитель написалъ это?» спрашиваетъ неотвязчивый ученикъ.—«Зачѣмъ чтобъ оживить свой разказъ, отвѣчаетъ учитель: онъ шутилъ, не считая свой трудъ чисто серьезнымъ.» Одна знаменитая историческая женщина разказывала, что въ дѣтствѣ горько плакала, когда узнавала, что была обманута. Мы думаемъ, что не надобно обманывать дѣтей, даже и тогда, когда они отъ этого не плачутъ.

Не надобно было, по нашему мнѣнію, обманывать дѣтей обаятельнымъ видомъ царевны Софьи: «молодое, прекрасное ея лицо сіяло величіемъ и разумомъ; видъ ея напоминалъ изображенія греческихъ императрицъ, и какъ ни ново было видѣть въ Россіи женщину облеченную властію, никто въ эту минуту, глядя на царевну, не подумалъ этому удивляться.» Мы уже не станемъ распространяться о томъ, что вопросъ о красотѣ лица Софьи есть вопросъ спорный; не будемъ спрашивать, кому изъ современниковъ видъ Софьи напоминалъ изображеніе греческихъ императрицъ! Мы спросимъ: неужели *никто* не былъ удивленъ? вспоминая, что и послѣ, въ бумагахъ тайной канцеляріи, безпрестанно попадаются дѣла, возникшія вслѣдствіе сильно выраженного удивленія, что женщина можетъ быть облечена властію!—Въ томъ же родѣ описано у автора и недоумѣніе сѣдыхъ бояръ передъ вопросами молодой царевны (на стр. 29).

Нельзя не сочувствовать стремленію дѣлать науку доступною для дѣтскаго возраста и для массы людей не имѣвшихъ возможности получить научное образованіе; но здѣсь надобно поступать съ величайшею осторожностію; приближайте науку къ ребенку, къ простолюдину, но берегитесь исказить ея серіозную, величественную красоту, ибо этимъ вы одинаково нарушите уваженіе и къ наукѣ, и къ меньшимъ братьямъ. Люди, уважающіе народъ, съ справедливымъ негодованіемъ отзываются о книгахъ, написанныхъ будто бы для народа, и въ которыхъ авторы стараются поддѣлаться подъ простонародный говоръ; справедливо замѣчаютъ, что поддѣлываться такимъ образомъ значитъ подражать маменькамъ и нянюшкамъ, которыя, изъ особенной нѣжности къ дѣтямъ, въ разговорахъ съ ними, картавятъ, поддѣлываясь подъ дѣтскій выговоръ. Понятно, что если дѣти будутъ все слышать такое нѣжное картавленіе, то никогда правильно говорить не выучатся. Вы хотите учить дѣтей, развивать ихъ: но сдѣлаете ли вы это съ помощію такихъ чертъ, какихъ чисто серіозный трудъ допустить не можетъ? Мы вовсе не думаемъ возложить всю отвѣтственность за эти стремленія на даровитаго автора «Чтенія изъ русской исторіи»; это стремленіе, по несчастію, ощутительно всюду, и служитъ признакомъ незрѣлости педагогическихъ понятій. Кто не встрѣчалъ балованныхъ, неприученныхъ къ труду дѣтей, которыя могутъ немного познаться, если занятіе легко, пріятно, но чуть лишь понадобится потрудиться, подумать, книги въ сторону, и является вопросъ: да зачѣмъ мнѣ это? Я лучше займусь другимъ, что гораздо полезнѣе! И вотъ нѣжные родители хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобы ребенка выучить шутя, забавляя, безпрестанно мѣняютъ съ этою цѣлю учителей, учебныя заведенія, и не думаютъ, что, приучая дѣтей только къ лакомствамъ, можно совершенно разстроить у нихъ желудокъ, сдѣлавъ его неспособнымъ къ перевариванію болѣе здоровой пищи. Въ нашемъ обществѣ много такихъ взрослыхъ дѣтей и такихъ нѣжныхъ родителей. Что же касается собственно русской исторіи, то тутъ особенно сильное искушеніе: содержаніе ея сухо въ сравненіи съ содержаніемъ исторіи другихъ европейскихъ народовъ; цѣлые обширные періоды русской исторіи можно оживить только тѣмъ, что авторъ разбираемой книги называетъ историческою мыслию, а для этого кромѣ особеннаго таланта нуженъ еще трудъ, трудъ цѣлой жизни. Еще въ XVIII вѣкѣ нѣкоторые *литераторы* тяготились сухостію русской исторіи; Елагинъ и Эминъ пытались оживить ее чертами, которыхъ не допускаетъ чисто серіозный трудъ; но къ счастью, лучшіе современники съ негодованіемъ встрѣтили такую попытку. Самъ Карамзинъ сильно тяготился древнею русскою

исторіей, не находя въ ней достаточно матеріала для живописанія, и только изъ патріотизма занялся подробностями періода отъ Ярослава I до Іоанна III. Теперь въ доказательство, что мы не далеко ушли отъ XVIII вѣка, снова являются попытки разукрасить исторію чертами, которыя не могутъ быть допущены въ чисто серіозномъ трудѣ. Г. Щебальскій уже не касается древней исторіи; но и въ новой ему не всегда ловко. Такъ на примѣръ, желая покрасивѣе разказать о смерти царицы Марьи Ильинишны, авторъ обращается къ Ивановской колокольнѣ: «Почти двѣсти лѣтъ тому назадъ съ высокой башни Ивана Великаго разнеслись на всю Москву рѣдкіе, печальные удары колокола: это была вѣсть народу о преставленіи царицы.»¹ Одинъ разъ, пожалуй, это вышло бы и хорошо; но вотъ чрезъ нѣсколько страницъ нужно сказать о смерти царя Феодора Алексѣевича; подробностей опять нѣтъ, и опять авторъ обращается къ протяжному, печальному звону колокола; фраза уже становится стереотипною, въ родѣ Кайдановскихъ: «Возгорѣлось сраженіе кровопролитное, убійственное, со всѣми ужасами рѣшительнаго боя.» А г. Щебальскій писатель безспорно талантливый...

Теперь укажемъ нѣсколько мѣстъ, которыя хотя и не заключаютъ въ себѣ упомянутыхъ выше чертъ, но которыхъ намъ не хотѣлось бы встрѣтить во второмъ изданіи книги. На первой страницѣ: «Это (Россія) было государство огромное, но безобразно растянутае отъ запада къ востоку, вдоль пустынныхъ, печальныхъ сѣверныхъ морей.» Мы думаемъ, что ученикъ отъ 13 до 15 лѣтъ рѣшительно не пойметъ, что хотѣлъ сказать авторъ, особенно когда на стр. 93 прочтетъ: «что за разнообразіе представляетъ русская земля и русскій народъ! Тогда какъ на отдаленномъ сѣверѣ русскія колоніи живутъ посреди угрюмо-полярной природы,—другія, на Терекѣ, на примѣръ, почти не знаютъ зимы, воздѣлываютъ виноградъ и шелковицу.» На Терекѣ были русскія владѣнія и при царѣ Алексѣѣ и прежде.—Стр. 3: «Со всѣми этими сосѣдями у насъ были безпрестанныя войны и едва ли проходило нѣсколько лѣтъ сряду, чтобы на которой-нибудь нашей границѣ не пылали города и не лилась кровь; мы безпрестанно то воевали, то мирились съ ними, и торговыхъ сношеній, дружелюбныхъ взаимныхъ посѣщеній, какъ это теперь дѣ-

¹ Для ясности, позволимъ себѣ замѣтить, что подобная черта, не сочиненная, а взятая изъ дѣйствительности, хотя и не выписанная изъ документа, не можетъ вредить исторической истинѣ разказа, что впрочемъ и допускаетъ почтенный рецензентъ. Не употребленіе такихъ подробностей у мѣста и кстате, а развѣ только стереотипированіе ихъ можетъ вредить разказу въ литературномъ отношеніи. *Ред.*

лается, не было почти никакихъ.» Въ книгахъ для юношества надобно больше всего остерегаться такихъ вредныхъ неточностей, преувеличеній: ученикъ развернетъ учебникъ и найдетъ, что отъ Пеляновскаго мира до польской войны при царѣ Алексѣѣ протекло 20 лѣтъ; найдетъ, что со стороны Швеціи послѣ Столбовскаго мира, а потомъ послѣ Валязарскаго договора, было долготѣнее спокойствіе, во время котораго торговля, по признанію самого шведскаго правительства, была главнымъ интересомъ. Есть средина между преувеличеніями матеріальнаго и всякаго благосостоянія древней Россіи и между приведеннымъ отзывомъ автора. На стр. 10 Матвѣевъ названъ небогатымъ дворяниномъ, тогда какъ извѣстно, что онъ былъ сынъ дьяка. На стр. 34 склонность патріарха Іоакима къ Петру объяснена тѣмъ, что старикъ любилъ набожную, щедрую къ монастырямъ Наталію Кирилловну, какъ будто авторъ не знаетъ, что царевна Софія не уступала въ этомъ нисколько царицѣ Наталіи, если еще не превосходила ея?

Удивительно, что авторъ, считающій нужнымъ употребить придуманныя имъ черты для оживленія разказа, въ другихъ мѣстахъ пропускаетъ подлинныя черты, которыя могли бы очень содѣйствовать этому оживленію, какъ, на примѣръ, въ разказѣ о выдачѣ стрѣльцамъ Івана Нарышкина; здѣсь же и невѣрность: Нарышкинъ былъ выведенъ къ стрѣльцамъ, а не отведенъ въ церковь какъ безопасное убѣжище.

На стр. 53: «Для младшаго изъ нихъ (царей) были сдѣланы корона и другія регалии, совершенно такія же, какъ и древнія бармы Мономаховы!» На стр. 56 должно быть исправлено мѣсто, гдѣ говорится о князѣ Хованскомъ: «его любилъ покойный царь Алексѣй Михайловичъ, но впрочемъ *не давалъ ему особенно важныхъ порученій*, не имѣя слишкомъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ.» Поправка тѣмъ болѣе необходима, что на стр. 27 тотъ же Хованскій выставленъ въ многомъ свѣтѣ. На той же 56 стр. сказано, что «Хованскій, какъ и *многіе другіе* въ то время знатные люди, принадлежалъ къ расколу.» Авторъ, конечно, не будетъ въ состояніи представить списка *многихъ* другихъ.

Исторія Хованскаго вообще не посчастливилась автору; вотъ какъ онъ описываетъ его взятіе: «Въ это время ѣхалъ въ Москву сынъ малороссійскаго гетмана съ большою свитой; Малороссія была тогда вновь присоединенная страна; Польша и Турція постоянно ее переманивали къ себѣ: надо было ласкать и голубить. Поэтому гетманскому сыну приготовляли парадный приемъ. Пригласили и Хованскаго, какъ одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ, участвовать въ этомъ церемоніаль, и что же? онъ такъ былъ простъ, что не колеблясь выѣхалъ изъ Москвы.» Мы не станемъ говорить о томъ, дѣйствительно ли Хованскій былъ такъ простъ и

слѣзь, какъ хочетъ выставить его авторъ; мы замѣтимъ только, что параднаго приѣма гетманскому сыну не приготовлялось; приѣмы гетмановъ и гетманскихъ сыновей намъ хорошо извѣстны; а главное, Хованскаго не вызывали за тѣмъ, чтобъ онъ участвовалъ въ церемоніалѣ: онъ далъ знать царевнѣ, что идетъ гетманскій сынъ, и его пригласили для совѣщанія о малороссійскихъ дѣлахъ. Авторъ говоритъ, что дворъ, извѣщенный о замыслѣ Хованскаго, перѣхалъ въ Звенигородскій монастырь, и вдругъ читатель видитъ, что Хованскій, для соединенія съ царевною, выступаетъ по Троицкой дорогѣ! Поневоля читатель долженъ подумать, что Хованскій дѣйствительно уже былъ очень простъ. Только послѣ читатель узнаетъ, что дворъ находился въ селѣ Воздвиженскомъ. Гдѣ это Воздвиженское? Потомъ говорится, что дворяне спѣшили къ Троицкому монастырю! Легко представить себѣ смущеніе читателя отъ 13 до 15 лѣтъ.

На стр. 73 говорится: «Надо знать, что еще со временъ царя Алексія у насъ не было прочнаго мира съ Польшей, а только перемирія. По условіямъ этихъ перемирій пограничныя области, то-есть нынѣшнія губерніи Смоленская, Витебская, частію Черниговская и Могилевская переходили изъ рукъ въ руки, отъ Россіи къ Польшѣ и обратно.» Здѣсь несчастный спеціалистъ уже рѣшительно отказывается понять что-нибудь: какія это перемирія, ибо перемирія предполагаютъ войну, а войны не было послѣ Андрусовскаго перемирія! и какіе это договоры, по которымъ означенныя земли переходили отъ Россіи къ Польшѣ и обратно? Откуда все это взято? Договоры всѣмъ доступны, они напечатаны въ *Полномъ Собр. Зак.* Можно ли въ книгѣ, которая пополняетъ учебникъ, напечатать, что по Московскому договору Полоцкъ переходилъ къ Россіи?

Укажемъ на невѣрности и въ Малороссійской исторіи. О гетманѣ (который иногда называется въ книгѣ атаманомъ!) Самойловичѣ говорится, что ему было оскорбительно находиться подъ начальствомъ князя Голицына, что гетманъ, по независимости своего положенія, справедливо могъ считать себя первымъ и вовсе исключительнымъ человѣкомъ въ Россіи. Все это понятія нашего времени, составившіяся совершенно независимо отъ изученія исторіи. Еслибъ авторъ зналъ отношенія этого самаго Самойловича къ князю Гр. Гр. Ромодановскому, еслибъ читалъ грамоты Самойловича не только къ царю, но даже къ Матвѣеву, то не сталъ бы говорить о независимости положенія гетмана и о возможности для него претендовать на значеніе перваго человѣка въ Россіи. На той же страницѣ узнаемъ, что слово: *батка*, съ которымъ козаки обращались къ Хмѣльницкому, было не менѣ почетно чѣмъ назва-

ніе царя! Любопытно также разказана судьба Мазепы, послѣ того какъ польскій панъ отдѣлялся отъ него известнымъ способомъ. «Мазепа поселился между козаками, записался въ войсковой списокъ, скоро далъ себя замѣтить своею расторопностію, но попался однажды въ плѣнъ къ Запорожцамъ и былъ ими представленъ гетману украинскихъ козаковъ. Самойловичъ поручилъ ему учить своихъ сыновей, и между тѣмъ записалъ его въ козаки, повышалъ его и наконецъ довелъ до званія войскаго эсаула, одного изъ самыхъ важныхъ званій въ войскѣ.» Мазепа записался въ козаки — какіе? попался въ плѣнъ къ Запорожцамъ: значитъ записался въ козаки незапорожскіе, и значитъ между этими неизвѣстными козаками и Запорожцами была война, когда Мазепа могъ попасться въ плѣнъ? Попавшись въ плѣнъ, Мазепа былъ представленъ гетману украинскихъ козаковъ, который опять записалъ его въ козаки!

Остановимся пока здѣсь. Мы сочли своею обязанностію заняться разборомъ книги г. Щебальскаго, потому что она, при талантѣ автора, могла бы быть очень полезнаю, и можетъ сдѣлаться такою при надлежащей переработкѣ. Для этого авторъ, съ одной стороны, долженъ полагаться преимущественно на свой талантъ и для оживленія разказа не прибѣгать къ чертамъ, которыхъ не можетъ быть въ серіозномъ трудѣ; съ другой стороны долженъ сознать, что одного таланта мало. Безъ большаго труда можно написать хорошую статью объ известномъ событіи, объ известномъ историческомъ лицѣ: матеріалы немногочисленны; но чтобы написать полезную книгу, обнимающую, хотя и въ легкомъ разказѣ, цѣлую исторію народа, надобно изучить эту исторію во всѣхъ подробностяхъ; намѣреніе написать только новую русскую исторію не избавитъ отъ обязанности изучить древнюю: иначе выйдутъ разказы въ родѣ разказа о походеніяхъ Мазепы между козаками. Повторяемъ, что мы сочли своею обязанностію обратиться съ этими требованіями къ г. Щебальскому, именно въ виду той пользы, какую должна принести его книга освобожденная отъ указанныхъ недостатковъ.

С. Соловьевъ.

КОЕ-ЧТО О ПРОГРЕССѢ.

Наши свистуны очень обидѣлись, когда мы назвали ихъ гнилью; имъ, напротивъ, было бы пріятнѣе слыть силами жизни, кипищей обновленіемъ и прогрессомъ. Они обидѣлись, и гнѣвно честать насъ (отъ нихъ, дѣйствительно, это не малая честь) людьми отсталыми. Одинъ журналъ замѣтилъ даже, что мы оправдали наконецъ его всегдашнее мнѣніе о насъ, и очутились на *торной и безопасной дорожкѣ*, давая тѣмъ разумѣть, что самъ онъ пробирается непроходимыми тущобами и борется съ великими опасностями. Не то намъ обидно, что эти витязи отдѣляютъ насъ отъ себя, а то было бы обидно, еслибъ они сопричисляли насъ къ своему лику. Мы никогда не шли одною съ ними дорогой, а потому не могли и отстать отъ нихъ; напротивъ, мы поздравляли бы каждаго изъ нихъ, кто отсталъ бы отъ своихъ товарищей.

И за что они обидѣлись? Мы сказали только то, въ чемъ сами они видятъ свое значеніе. Добрые люди, они, какъ Мольеровъ мѣщанинъ не знали до сихъ поръ, что говорятъ прозой. Имъ показалось и страннымъ и обиднымъ, что ихъ назвали гнилью, а между тѣмъ они сами иначе не понимаютъ себя какъ людей чистаго отрицанія. Они всегда славилась и гордились этимъ призваніемъ. Еще недавно читали мы въ одномъ журналѣ, въ статьѣ, которая потому только развѣ не могла удивить никого, что появилась въ современной петербургской журналистикѣ, о демоническомъ хохотѣ, о беззавѣтномъ отрицаніи, о бессмысленныхъ бредняхъ, какъ выраженіи прогресса, юности и жизни. Мы читали тамъ какъ юный свистунъ полагаетъ все призваніе людей прогресса въ томъ только, чтобъ бить направо и налево, не разбирая что хорошо, что дурно: «... Вотъ, говоритъ онъ, ultimatium нашего лагера: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержать ударъ, то годится, что разлетится въ дребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо и налево, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть.» Разумѣется, вреда не будетъ и не можетъ быть; но этотъ передовой юноша конечно не подозревалъ, какъ обидно отозвался онъ о себѣ и о своемъ лагерѣ. Какое порицаніе сильнѣе постыднаго смысла этой похвальбы? Считать себя дубиной, которая бьетъ направо и налево, не зная что и за что, не значитъ ли ставить себя ниже всякаго обиднаго слова?

Мы заявляли фактъ, и не могли не назвать того гніеніемъ, что дѣйствительно представляетъ всѣ признаки этого процесса. Повторяемъ, за что же имъ обижаться, когда они сами громко провозглашаютъ себя героями этого процесса? Не въ одномъ физическомъ, а также и въ нравственномъ мірѣ, бываетъ этотъ процессъ; какъ ни печальны его явленія, а дѣлать нечего, и они въ общей сложности необходимы. Можно пожалѣть о тѣхъ поколѣніяхъ, которымъ достается въ удѣлъ быть и орудіемъ и продуктомъ этого процесса, и мы искренно пожалѣли бы и о нашихъ, безъ всякаго непріязненнаго чувства. Но чувство это возникаетъ само собою, когда видишь, какъ эти жалкія явленія гордятся и любятъ своимъ нигилизмомъ, и въ то же время выдаютъ себя, и хотятъ чтобы всѣ признавали ихъ, за людей прогресса, творческаго движенія впередъ. Это бессмысленное самоуслажденіе и противорѣчіе себѣ, вотъ что подлежитъ нравственному вмѣненію,—а не то, что судьба судила имъ служить элементами того обратнаго процесса, которому подвергается все лишившееся духа и жизни, и которое называется разложеніемъ.

Силою жизни, орудіемъ успѣха, отрицаніе бываетъ лишь тогда, когда неразрывно связано съ чѣмъ-нибудь положительнымъ. Чѣмъ богаче наше стремленіе элементами положительными, тѣмъ плодотворнѣе движеніе, и тѣмъ успѣшнѣе устраняется и падаетъ все, что становится ему задержкой или препятствіемъ. Лишь тогда отрицаніе бываетъ дѣломъ жизни, когда служить, и только служить, положительнымъ цѣлямъ. Но отрицаніе ради отрицанія, — разрушеніе и разложеніе, — это дѣло смерти, а не жизни. Это также движеніе, но не движеніе впередъ, а тотъ обратный ходъ, которому подвергается все покинутое жизнию.

Движеніе впередъ можетъ совершаться только на твердой почвѣ и лишь въ той мѣрѣ, въ какой почва тверда. «Впередъ» значитъ къ лучшему, къ высшему, къ совершеннѣйшему, или «впередъ» есть пустое, бессмысленное слово.

Наши такъ-называемые прогрессисты воображаютъ, что чѣмъ больше будетъ поломано, побито и уничтожено, тѣмъ больше окажется и прогресса. Увы, они ошибаются! Въ разрушеніи ищите чего хотите, только не прогресса. Успѣхъ только тамъ, гдѣ съ приобрѣтеніемъ новаго не теряется прежде бывшее, и вся сила прошедшаго сохраняется въ настоящемъ. Это равно относится и къ отдѣльному человѣку, и къ народной жизни. Далекъ ли уйдетъ развитіе человѣка, если съ каждымъ новымъ опытомъ онъ будетъ позабывать то, что узналъ прежде, если съ каждымъ новымъ фактомъ въ его жизни будетъ разрушаться безъ слѣда что сложилось въ немъ прежде? Станете ли вы богаче, если съ каждымъ новымъ при-

обрѣченіемъ будете выбрасывать за окно, что добыли прежде? Представьте себѣ человека, одержимаго страстью обогатиться; что бы вы подумали, еслибъ онъ, съ каждымъ новымъ приобрѣченіемъ, разсуждалъ такимъ образомъ: «обладая этою маленькою суммой, я жалкій бѣднякъ, а потому я брошу эти деньги, сожгу ихъ, и постараюсь добыть себѣ такой капиталъ, который дастъ мнѣ полное право называться богатымъ.» Вы назовете этого чудака или помѣшаннымъ, или идиотомъ, — и однако, въ обычныхъ толкахъ о прогрессѣ, повторяется та же бессмыслица, и тутъ она сходитъ съ рукъ какъ нѣчто очень умное, пожалуй даже гениальное. Гдѣ совершается правильное и дѣйствительно-прогрессивное развитіе, тамъ жизнь не теряетъ ни одного изъ своихъ существенныхъ элементовъ. Разумное воспитаніе не умерщвляетъ въ душѣ человѣческой даже тѣхъ силъ, которыя приняли рѣшительно дурное направленіе; оно берегаетъ всякую силу и только старается дать ей другой оборотъ; оно уничтожаетъ дурное не умерщвленіемъ тѣхъ элементовъ, которые составляютъ его силу, а приведеніемъ ихъ въ лучшее сочетаніе, или усиленіемъ благороднѣйшихъ склонностей, которыя, стѣсня развитіе того, что приняло дурной характеръ, и подчиняя его себѣ, пересоздаетъ его и даетъ ему доброе направленіе. Сила всякой страсти есть дѣло темное, вредное, пагубное, если она развивается не подчиняясь ничему разумному; но эта же самая сила принимаетъ иной характеръ, коль скоро что-нибудь лучшее беретъ верхъ надъ нею, не уничтожая, а только подчиняя ее себѣ.

Народная жизнь тѣмъ прогрессивнѣе и тѣмъ богаче, чѣмъ менѣе совершалось въ ней успѣшныхъ насилій, чѣмъ менѣе происходило въ ней дѣйствительныхъ разрушеній, чѣмъ менѣе, наконецъ, забывала она свое прошедшее. Всякое разрушеніе есть прямой вычетъ изъ ея прогресса. Если жизнь приобрѣтеть что-нибудь или что-нибудь потеряетъ, то она приобрѣтеть только то, что останется за вычетомъ, а за вычетомъ можетъ остаться только нуль или даже минусъ.

Историческая жизнь, переходя изъ одного положенія въ другое, часто измѣняется не узнаваемо; но если въ ней совершается успѣхъ, а не паденіе, то она не измѣняетъ своей сущности, не теряетъ своихъ силъ, и беретъ съ собою все, что было въ ней прежде. Историческая жизнь переходитъ изъ одного положенія въ другое; но эти переходы совершаются въ тысячахъ и миллионнахъ умовъ. Каждый моментъ въ этомъ движеніи находитъ себѣ особую среду и особыхъ представителей; что обновляется и преобразуется въ однихъ, то передается тѣлѣннѣ въ другихъ. Одни падаютъ жертвою движенія, въ другихъ совершаются его цѣли.

Въ новой системѣ приняты всѣ элементы изъ старой, но они приведены въ новыя сочетанія; между ними открываются новыя пути и отношенія; разрозненное сближается, слабое зрѣетъ, темное приобретаетъ ясность, немислимое становится понятнымъ. Пока совершается это дѣло жизни, смерть дѣлаетъ свое, и бываютъ эпохи, бываютъ поколѣнія и люди, которымъ выпадаетъ на долю служить для ней раздольнымъ попрщемъ. Система, оставленная жизнию, потерявшая смыслъ и силу, разрушается въ этихъ умахъ, жертвахъ перехода; но въ нихъ гибнетъ не то, чему суждено развитіе и будущность, а гибнуть ихъ собственныя понятія, гибнуть они сами. Въ нихъ разрушается ложно-понятый міръ, ложно-понятый человекъ, ложно-понятое божество, и вся дѣятельность этихъ умовъ идетъ на расторженіе сочетаній потерявшихъ всякій смыслъ, и лишь въ этомъ находитъ она себѣ удовлетвореніе. Нравственное достоинство этихъ отрицательныхъ явленій состоитъ только въ томъ, чтобъ они сами сознавали свое положеніе. Въ этомъ самосознаніи—единственная связь ихъ съ обновляющеюся жизнию. Это самосознаніе не утѣха, не радость, и лучшія натуры, которымъ достается жить въ подобной средѣ или въ подобную эпоху, вовсе не отличаются возвышеннымъ настроеніемъ духа. Чувствомъ униженія сопровождается каждый оборотъ ихъ мысли, грусть слышится въ ихъ насмѣшкѣ, скорбью отзывается ихъ сарказмъ. Но что сказать объ этихъ ничтожествахъ, которыя съ скаканіемъ и пѣснями величаются тѣмъ, что въ нихъ все разрушается и гниетъ, и именно за то самое, что въ нихъ все гниетъ, претендуютъ на званіе обновителей жизни и героевъ прогресса?

Прогрессъ возможенъ только тамъ, гдѣ есть положительное начало, и чѣмъ крѣпче убѣжденіе въ немъ, тѣмъ вѣрнѣе совершается дѣло прогресса. Если было бы несправедливо предавать рѣшительному осужденію тѣ умы, которые не находятъ въ окружающей средѣ никакихъ положительныхъ идеаловъ, и неспособны ни къ какой другой дѣятельности кромѣ отрицательной, то съ другой стороны было бы нецѣпо думать, что въ этой средѣ или въ этихъ умахъ совершается дѣло жизни. Эти явленія показываютъ только, гдѣ остановилась жизнь, куда не пошла она и куда идти не хочетъ и не можетъ.

Мы убѣждены въ жизненныхъ силахъ нашего народа, мы вѣримъ въ его историческое призваніе, мы вѣримъ, что темныя моменты въ его исторіи объясняются и оправдаются въ будущемъ; но мы не можемъ съ радостнымъ чувствомъ смотрѣть на теперешнее умственное состояніе наше. Дѣло не въ этихъ жалкихъ явленіяхъ нашей литературы, не въ этой пошлости и ничтожествѣ, которыя въ ней такъ обильно высказываются; по-

шлость и ничтожество бываюгъ вездѣ; но грустно видѣть эту пассивную среду, въ которой такъ мало силы нравственнаго отпора. Покатите по этой безграничной равнинѣ, на которой ничто не выдается, какую хотите нелѣпую мысль, умственнаго отпора встрѣтитъ она мало. Эту податливость обыкновенно объясняютъ незрѣлостью, но такое объясненіе ничего не объясняетъ; оно только замѣняетъ одно слово другимъ, подобозначащимъ.

Отчего наша умственная среда такъ безжизненна? Отчего она до сихъ поръ не представляетъ такихъ зачатковъ, которые имѣли бы всеобщее значеніе? Отчего нашъ прогрессъ такъ мелокъ и такъ неплодотворенъ? Не оттого ли, что наше общество не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, и все, что оно видитъ и понимаетъ вокругъ себя и въ своей исторіи, носитъ на себѣ признаки ломки и слѣды разрушенія? Если въ понятіяхъ нашего образованнаго общества преобладаетъ направленіе болѣе отрицательное нежели положительное, если эти понятія податливо разступаются передъ всѣмъ, если ихъ ничто не затрудняетъ, если они готовы на всевозможные фантастическіе скачки, то не представляетъ ли намъ аналогическіхъ явленій и самая исторія наша, изъ которой выработалось наше общество, изъ котораго вышло наше общественное сознаніе? Изъ этой исторіи, совершавшейся въ облакахъ, изъ этой фантазмагоріи призрачныхъ построекъ, и изъ этой ломки, къ сожалѣнію слишкомъ дѣйствительной, изъ этой школы теоретическихъ распоряженій дѣйствительностью и неуваженія къ существующему, могло ли общественное сознаніе вынести другой строй кромѣ отрицательнаго, могла ли выработаться въ немъ кака-нибудь энергія, могъ ли составиться сколько-нибудь значительный запасъ силъ, годныхъ къ положительному дѣлу и способныхъ къ отпору? Мы надѣемся, что эти печальныя послѣдствія не проникаютъ далеко въ глубь, мы надѣемся, что при перемѣнѣ обстоятельствъ выйдутъ наружу свѣжія и лучшія силы; но для этого должны перемѣниться обстоятельства, дѣйствительность должна вступить въ свои права, и должно прекратиться теоретическое притязаніе распоряжаться ея интересами и судьбами.

Неуваженіе къ существующему, легкость, съ которою относятся у насъ ко всякому факту,—вотъ причина той слабости, которою страдаетъ у насъ и общественное мнѣніе, и понятія образованныхъ людей. Въ нашихъ понятіяхъ и мнѣніяхъ не могло не развиться это свойство, когда непрерывно осуществлялось на самомъ дѣлѣ это пренебреженіе къ существующему. Нарушеніе существующаго не отзывается въ нашемъ общественномъ сознаніи никакимъ замѣтнымъ движеніемъ; мы хватаемся только за *reasons* сколько-нибудь оправдывающіе это нарушеніе и

почти не чувствуемъ силы того, что нарушено. Въ насъ поднимается голосъ только тогда, когда мы корыстно заинтересованы нарушеннымъ правомъ, или когда нарушение касается чего-либо намъ пріятнаго; но слишкомъ мало заявляетъ себя самое чувство правды. Движеніе жизни измѣняетъ существующія отношенія, перестанавливаетъ существующія условія, вводитъ въ силу новыя начала; но въ тѣхъ случаяхъ гдѣ это движеніе совершается правильнымъ ходомъ, оно не убиваетъ существующаго, а какъ бы склоняетъ его къ уступкѣ въ его же собственнымъ, лучше понятомъ интересъ; оно разбираетъ и оцѣниваетъ удѣльный вѣсъ каждого права, и принося въ жертву тотъ или другой интересъ, чувствуетъ силу жертвы; оно радуется не тому, что вотъ можно разбить существующій интересъ, а напротивъ тому, что можно умротворить неизбежное нарушеніе, что можно искупить нарушенное право. Такъ бываетъ при нормальномъ ходѣ: но въ общественныхъ понятіяхъ у насъ, сложившихся подъ вліяніемъ много хода дѣлъ, дѣлается обыкновенно такое разсужденіе: стоить ли обращать вниманіе на оскорбленіе какого-нибудь частнаго права, когда черезъ это достигается общая польза? Стоить ли признавать правомъ, что хотя и установилось въ жизни, но не удовлетворяетъ высшимъ требованіямъ разума? Стоить ли задумываться о нарушеніи законныхъ интересовъ одной какой-нибудь личности, когда мы заняты видами общественной пользы? Требования разума, идеи высшей справедливости, виды общественной пользы,—все это прекрасно, но все это только тогда не мертвая фраза, когда выходитъ изъ дѣйствительнаго сравненія правъ и интересовъ, въ которомъ все достаточно оцѣнено и взвѣшено, все въ своей силѣ почувствовано и признано. У насъ думаютъ, что нѣтъ никакого ущерба для высшихъ началъ справедливости и разума отъ нарушенія какихъ-нибудь мелкихъ правъ. Но общее начало живетъ не какою-нибудь отдѣльною жизнію; оно живетъ въ этомъ безчисленномъ множествѣ дѣйствительно существующихъ, мелкихъ и немелкихъ правъ и отношеній. Нарушая право въ мелкомъ случаѣ, мы нарушаемъ его въ самомъ принципѣ и ослабляемъ то, что хотимъ превознести. Оскорбляя челоуѣка въ одномъ какомъ-нибудь лицѣ, хотя бы и самомъ мелкомъ, мы оскорбляемъ вообще челоуѣка. Не уваживъ существующаго интереса въ какомъ бы то ни было случаѣ, обойдя пренебрежительно законно-развившіяся требованія и ожиданія въ какомъ бы то ни было смертномъ, великомъ или маломъ, мы не усилимъ, а напротивъ, ослабимъ наши высшія требованія, наши разумныя идеи справедливости и нашу способность къ прогрессу. Всякое подобное нарушеніе остается

не безъ слѣда; оно дѣйствуетъ и мститъ за себя. Общество мало-по-малу теряетъ всякую энергію въ сознаніи права и въ опѣнкѣ дѣйствительности. Повидимому, что значить напримѣръ одинъ человѣкъ въ сравненіи съ милліонами людей, и можно ли съ общей точки зрѣнія заботиться объ участи отдѣльнаго человѣка, когда рѣчь идетъ о благѣ милліоновъ? Но милліоны состоятъ изъ отдѣльныхъ людей, и наши понятія о благѣ милліоновъ не будутъ отличатся особенною энергіей или годностію къ дѣлу, улетучившись въ отвѣченность. Если мы не способны уважать *каждою*, то какже будемъ уважать *всѣхъ*? Какое значеніе можетъ имѣть сумма нулей, какъ бы много ихъ ни было?

Мы недавно прочли прекрасную книгу барона М. А. Корфа о Сперанскомъ. Библиографическій отчетъ объ этой книгѣ читателя найдутъ выше въ этомъ самомъ номерѣ нашего журнала. Такія книги рѣдкость въ нашей литературѣ, и мы еще находимся подъ ея впечатлѣніемъ. Біографія Сперанскаго должна послужить введеніемъ къ предполагаемому изданію его писемъ, завѣщанныхъ недавно умершею дочерью его Императорской публичной библіотекѣ. Образъ этого необыкновеннаго человѣка, остававшійся до послѣдняго времени въ совершенномъ туманѣ, проснается теперь, благодаря труду его біографа, и прояснится еще болѣе, когда выйдетъ въ свѣтъ эга переписка, такъ всѣмъ ожидаемая. Нельзя не удивляться геніальнымъ способностямъ этого человѣка, нельзя не удивляться его судьбѣ, которая изъ бѣдной избы сельскаго священника, быстрыми переходами, возвела его на высшую государственную чреду и дала ему въ руки громадную силу разрушать и созидать; нельзя не слѣдить съ глубокимъ интересомъ за превратностями его судьбы и-за его внутреннимъ развитіемъ. Примѣръ Сперанскаго показываетъ, какіе сильные люди могутъ являться у насъ, неожиданно, негданно, изъ самыхъ темныхъ захолустій, и мы увѣрены, что за людьми у насъ дѣло не станетъ, когда окажется въ нихъ надобность. Но какими воздушными метеорами пролетали у насъ до сихъ поръ подобныя явленія! Какимъ воздушнымъ метеоромъ былъ у насъ и этотъ необыкновенный человѣкъ! Только силою своихъ великихъ способностей, только своею несокрушимою энергіей, своимъ неутомимымъ трудомъ достигъ этотъ человѣкъ страшнаго могущества,—и что же? соотвѣствуютъ ли результаты его дѣятельности тѣмъ силамъ, которыя были на нихъ потрачены? Вышедши изъ нѣдръ народа, произвелъ ли онъ, въ эпоху своего могущества, что-нибудь дѣйствительно великое? При жизни, и то въ первую блестящую пору своего поприща, былъ онъ предметомъ горячихъ толковъ и страшныхъ осужденій; но потомъ онъ во-

шелъ въ рядъ обыкновенныхъ свѣтилъ и вскорѣ послѣ его смерти о немъ заглохла въ обществѣ всякая память. Нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіи своего поприща онъ бросилъ не одно доброе сѣмя; нѣтъ сомнѣнія, что не даромъ являются на свѣтъ люди подобныя Сперанскому, и что если, какъ надобно думать, ничья жизнь не проходитъ совсѣмъ безъ слѣда, то не могла не оставить значительныхъ слѣдовъ жизнь такого человѣка; и слѣдовъ этихъ окажется можетъ-быть болѣе на другихъ путяхъ чѣмъ на той триумфальной дорогѣ преобразователя, по которой пронесся онъ съ громомъ. Но мы повторяемъ вопросъ, — соотвѣствуютъ ли тѣ силы, которыя были въ этомъ человѣкѣ, и которыя положилъ онъ на задуманныя имъ блестящія реформы, — соотвѣствуютъ ли онѣ дѣйствительнымъ результатамъ? Что онъ сдѣлалъ на этомъ поприщѣ? И совершенно ли онъ правъ въ своей тяжбѣ съ современнымъ ему обществомъ? Все ли лишены основанія и правды тѣ ожесточенные приговоры, и даже вопли, которые раздавались вокругъ государственнаго секретаря, совершавшаго въ своемъ кабинетѣ чудеса для преобразованія Россіи?

Какъ видимъ, семинарія не заглушила въ Сперанскомъ ея блестящихъ способностей. Напротивъ, замѣчательно что изъ русской семинаріи, о которой не говорятъ теперь иначе наши прогрессисты какъ отплевываясь, — изъ семинаріи провинціальной, въ прошломъ столѣтіи, могли выходить даже такіе люди какъ Сперанскій.

Но выйдя изъ школы, гдѣ вдругъ очутился онъ? Онъ перешелъ изъ Владиміра въ Петербургъ, изъ семинаріи перешелъ въ Александро-Невскую Академію, поучился и учительствовалъ тамъ, и тотчасъ потомъ очутился въ атмосферѣ канцелярій. Въ канцеляріяхъ началась его публичная дѣятельность, въ канцеляріяхъ она продолжалась и прямо привела его ко двору. Школа, за тѣмъ канцелярія съ своимъ бюрократическимъ механизмомъ, и наконецъ прямой доступъ къ источнику всякой силы — вотъ поприще Сперанскаго. Онъ воспользовался всѣмъ, что могли ему дать школа и канцелярія; но этого было конечно очень мало для того чтобъ явиться государственнымъ преобразователемъ: этого было мало, чтобъ управлять дѣлами цѣлаго народа. Онъ не могъ знать этой жизни; ему негдѣ было извѣдать на дѣлѣ равнообразіе ея интересовъ; ему негдѣ было приготовиться къ дѣлу управленія и законодательства; ему не откуда было услышать голосъ самой жизни и дознаться отъ ней чего она сама хотѣла. Но онъ чувствовалъ въ себѣ великія силы; онъ съ изумительною быстротой пріобрѣталъ разнообразныя свѣдѣнія; онъ разомъ становился и юристомъ, когда нужно было сочинять уложеніе, финансистомъ, когда приходилось измѣнять

налоги, политическимъ организаторомъ, когда увлекаясь идеями времени, онъ, въ своихъ бесѣдахъ съ императоромъ, замышлялъ пересоздать государственныя учрежденія. Онъ, конечно, не былъ верхоглядомъ; въ этомъ служить порукою его дѣйствительно необыкновенныя способности и его умственная зрѣлость. Не было области совершенно для него чуждой, и ему не нужно было большихъ пособій для того чтобы прочнымъ образомъ овладѣть всякимъ знаніемъ. Его финансовыя воззрѣнія, по тому времени, основательны и блестящи; его работы надъ Сводомъ, въ позднѣйшую эпоху его жизни, положили у насъ начало истинно-научному юридическому образованію; онъ воспиталъ у насъ первыхъ русскихъ юристовъ, и самыя университеты много обязаны ему въ этомъ отношеніи. Словомъ, во всемъ чего онъ ни касался, становился онъ мастеромъ. И однако, что же мы видимъ? Мы видимъ блестящія постройки въ кабинетѣ по самымъ симметрическимъ планамъ и ломку жизни какъ только проникло въ нее что-нибудь изъ этихъ кабинетныхъ замысловъ. Все разчитывалось на благосостояніе и благоустройство, и все между тѣмъ вызывало лишь ропотъ или вопли; все клонилось къ тому, чтобы положить начало твердому порядку и законности, и все напротивъ только распатывало то, что еще оставалось твердымъ, и все нарушало интересы вполне законныя.

Наши финансы требовали серьезныхъ мѣръ, и Сперанскій очень хорошо понималъ какимъ бременемъ была для страны масса ассигнацій; онъ первый, къ изумленію окружающихъ, назвалъ ихъ прямо государственнымъ долгомъ; теоретическія соображенія его были правильны, но чтобы найти средство къ изъятію ассигнацій изъ обращенія онъ вдругъ, безъ всякой пощады, возвысилъ налоги. Онъ объявлялъ нѣсколько разъ отъ имени правительства, что эта надбавка временная, вводимая лишь на одинъ годъ, а между тѣмъ на слѣдующій годъ приходилось опять прибѣгать къ надбавкѣ, и наконецъ она превратилась въ постоянный налогъ. Подати возрасли немнѣрно, и несмотря на то число ассигнацій не только не уменьшалось, а даже увеличивалось. Публика имѣла полное основаніе винить его въ томъ, что онъ внушилъ правительству рѣшимость возвысить налоги, а исправить денежную систему все-таки не успѣлъ.

Экзамены на государственную службу для полученія права на чинъ коллежскаго ассессора, сообщавшій въ то время потомственное дворянство, были весьма рациональною мѣрой; они подняли значеніе университетовъ и заставили учиться. Но какимъ бѣдствіемъ постигла эта мѣра множество ни въ чемъ

не повинныхъ людей! Вотъ разительный примѣръ какъ бережно и внимательно должно обращаться съ жизнію. Въ этомъ законодательномъ кабинетѣ, такъ высоко вознесшемся надъ землею, задавался ли вопросъ (задается ли онъ и вообще въ подобныхъ случаяхъ?), за что долженъ пострадать весь этотъ людъ, который поступилъ на службу, жилъ и служилъ, ни мало не подозревая, что явится законодатель, который остановитъ его на пути и отниметъ у него то, въ чемъ эти люди видѣли свое безспорное право? Эти люди не совершили никакой вины; они шли по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, служили точно такъ же какъ и тѣ; они поступили на службу по заведенному порядку, который не требовалъ отъ нихъ аттестата въ наукѣ; они расположили свою жизнь согласно съ этимъ порядкомъ и въ полномъ довѣрїи къ нему. За что же лучшіе и худшіе между этими людьми подверглись равной участи, отнявшей у нихъ право, которое въ глазахъ ихъ не могло не имѣть громадной цѣны, и которое было, можетъ-быть, главнымъ жизненнымъ интересомъ для многихъ? Какой-нибудь великодушный прогрессистъ скажетъ пожалуй, что интересъ этотъ мелокъ, что этимъ людямъ не слѣдовало домогаться привилегій, сопряженныхъ съ чиномъ коллежскаго ассессора, что чины пустяки, что привилегія потомственного дворянства также пустяки, что съ высшей точки зрѣнія все это исчезаетъ. Но часто такъ-называемыя высшія точки зрѣнія—не точки зрѣнія, а точки, которыя ничего для зрѣнія не представляютъ. Часто это только точки пустословія и фразерства когда рѣчь идетъ объ историческихъ сужденіяхъ и объ оцѣнкѣ дѣйствительныхъ интересовъ. Съ такой высшей точки зрѣнія ограбить человека или убить его тоже покажется дѣломъ ничтожнымъ. Пусть передъ разумомъ чины—пустяки, и въ будущемъ прогрессъ исчезнутъ привилегіи; но въ настоящей дѣйствительности, права, которыхъ незаслуженно лишлись чиновники, застигнутые указомъ объ экзаменахъ, были живымъ интересомъ, и отнятіе его поразило жизнь людей, ни въ чемъ невиноватыхъ; оно наказало ихъ почти какъ преступниковъ. Не было ли это такимъ же роковымъ бѣдствіемъ для нихъ какъ землетрясеніе или наводненіе?

Но мѣра была полезна; она требовалась обстоятельствами; она послужила орудіемъ общественнаго прогресса: что же дѣлать, если исполненіе ея было сопряжено съ пожертвованіемъ нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ? Такъ обыкновенно судать, не разбирая ни свойства этихъ нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ, ни того, дѣйствительно ли принесеніе ихъ въ жертву было необходимою. Интересъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не нарушалъ ничьихъ правъ, не стѣснялъ ничьихъ интересовъ, онъ не

былъ общественнымъ зломъ; онъ былъ дѣломъ вполне законнымъ. Нарушеніе его вовсе не было необходимою, и онъ не былъ бы нарушенъ, еслибъ уму законодателя представлялась не отвѣченная канцелярская схема, а живая дѣйствительность. Полевая мѣра могла быть принята очень успѣшно, и даже успѣшно, безъ всякаго нарушенія справедливости. Стоить только понять въ истинной силѣ то правило, что законъ не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія, — и, законодательство можетъ еще съ большею рѣшимостью и въ большихъ размѣрахъ принимать полевныя мѣры, не расшатывая своихъ основаній, — не нарушая законности. Законъ Сперанскаго объ экзаменахъ, возбудившій въ обществѣ столько раздраженія, столько ненависти, къ сожалѣнію, совершенно справедливой, обошелъ бы вредъ и принесъ бы больше пользы, еслибъ ему дана была сила лишь на будущее время, еслибы дѣйствіе его простиралось лишь на тѣхъ людей, которые поступали бы на службу послѣ его изданія. Благодаря такому простому соображенію, въ обществѣ не произошло бы смуты, и не была бы нарушена справедливость; между людьми не было бы брошено столько сѣмянъ ненависти и злобы, и не потребовалось бы столько напрасныхъ жертвъ. Къ тому же, новые чиновники, которые по силѣ новыхъ законовъ, выдерживали экзаменъ, не были на первыхъ порахъ очень достойны и очень выше тѣхъ, кому они сѣли на голову. Эти первые атестованные наукой чиновники еще не много могли внести съ собою въ государственную службу лучшихъ элементовъ. Не было никакой надобности вызывать ихъ благимъ матомъ, какъ спасителей отечества, для немедленной замѣны прежнихъ. Напротивъ, во многихъ случаяхъ, новые были менѣе надежны чѣмъ старые. Поверхностныя свѣдѣнія, состоявшія больше въ словахъ чѣмъ въ дѣлѣ, экзамены, которые въ то время отнюдь не представляли полныхъ обезпеченій въ своей удовлетворительности и справедливости, все это не было еще великимъ прѣобрѣтеніемъ, особенно когда съ другой стороны было то, чего тамъ не было, — была ничѣмъ незамѣнимая практическая опытность и навыкъ въ дѣлахъ. Нѣсколько лѣтъ отсрочки для полнаго дѣйствія новаго закона не только не уменьшили бы, а напротивъ возвысили бы его пользу. Мы распространились объ этомъ предметѣ, для того чтобы показать въ живомъ примѣрѣ то, что выше было сказано вообще, и еще потому, что такіе случаи сплошь и рядомъ встрѣчаются въ исторіи законодательства, которыя пренебрежительно относятся къ жизни, не хотая знать ее и не имѣютъ для нея органа.

Да и самъ въ себѣ законъ этотъ былъ болѣе плодомъ отвѣченныхъ соображеній. При первомъ примѣненіи оказались въ

немъ многія несообразности; не одна чистая польза проистекла отъ него для общаго дѣла, но и много вреда, потому что распорядженія, содержащіеся въ немъ, были выдуманы, а не выведены изъ дѣйствительныхъ условій тогдашней жизни. Они произвели много замѣшательства, фальшивыхъ изложеній и подали поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, и по необходимости подверглись многимъ исключеніямъ и взятіямъ. Произведя ломку въ жизни, законъ Сперанскаго самъ подвергся ломкѣ. «Общая въ немъ ломка, говоритъ баронъ Корфъ, началась тотчасъ же, по низверженіи Сперанскаго.» Законъ, не соображенный съ дѣйствительно-существовавшими условіями, и начавшій свое дѣйствіе ломкой и нарушеніемъ законности, самъ тотчасъ подвергся ломкѣ, и испыталъ на себѣ, что значить отсутствіе твердой законности въ жизни общества.

Въ книгѣ барона Корфа разказывается, какъ въ началѣ царствованія Александра I, понадобилось составить новое уложеніе законовъ для Россійской имперіи. «Надо было, говоритъ авторъ, прискаты настоящаго дѣятеля, съ ученымъ, юридическимъ образованіемъ, который бы посвятилъ себя этому дѣлу исключительно. Русскихъ ученыхъ юристовъ тогда еще не было, вслѣдствіе чего выборъ палъ на бывшаго студента Лейпцигскаго университета, барона Густава Андреевича Розенкампа, родомъ изъ Лифляндіи.» Розенкампъ обладалъ и умомъ и свѣдѣніями; но будущему законодателю Россійской имперіи не доставало бездѣлцы: «знанія его въ русскомъ языкѣ, говоритъ баронъ Корфъ, были крайне скудны, а о Россіи еще скуднѣе.» То былъ теоретикъ, «совершенно незнакомый съ нашими дѣйствующимъ правомъ, а тѣмъ болѣе съ его источниками.» Онъ наполнилъ комиссію Нѣмцами и Французами, въ особенности же переводчиками, необходимыми ему по незнанію языка. «Переходя отъ одного опыта къ другому,—то бросаясь въ историческую школу, то составляя къ новому уложенію оглавленія и примѣчанія (маргиналы), почерпнутыя изъ одной теоріи, то погружаясь опять въ сравненіе законодательства иностранныхъ,—онъ, въ существѣ, ничего не производилъ, а только все передѣлывалъ сызнова.»

Итакъ, составитель уложенія для Россійской имперіи, безъ знанія русскаго языка и русскаго права, копался, копался, дѣлалъ и передѣлывалъ сызнова, и дѣло подвигалось медленно. А надобно было, чтобъ оно закипѣло, и чтобъ новое уложеніе, подъ которымъ должны были жить десятки милліоновъ людей историческаго народа, явилось какъ можно скорѣе на свѣтъ. Что у Розенкампа дѣло не клеилось,—это дѣлаегъ ему честь, и за это ему спасибо. При всѣхъ сказанныхъ условіяхъ, онъ могъ только копаться, дѣлать и передѣлывать, не производя ничего. Дѣло было бы плохо, еслибы онъ что-

нибудь произвелъ. Но создать новое уложеніе было надобно, — и вотъ явился Сперанскій. Онъ былъ посаженъ на голову Розенкампеу, — и Розенкампеъ былъ глубоко оскорбленъ. Онъ былъ оскорбленъ и тѣмъ, что долженъ былъ уступить первое мѣсто другому, и еще тѣмъ, что по дѣлу законодательства подчинилъ его человѣку, не имѣвшему никакого юридическаго образованія. Баронъ Корфъ привелъ нѣсколько мѣстъ изъ записокъ Розенкампеа, гдѣ этотъ послѣдній характеризуетъ своего новаго начальника, свои отношенія къ нему и свойство работъ надъ гражданскимъ уложеніемъ.

Уже прежде приверженный отъ души, говоритъ Розенкампеъ, къ французской системѣ централизаціи и усердный почитатель Наполеоновскаго кодекса, онъ (Сперанскій), съ тѣхъ поръ какъ побывалъ вблизи самаго источника (то-есть въ Эрфуртѣ, гдѣ происходило знаменитое свиданіе съ Наполеономъ), вполне увѣрился, что подобное чудо можно и должно сотворить и у насъ. Дѣло же было и не слишкомъ мудреное: французскій кодексъ состоитъ всего на все изъ 1800 параграфовъ и передать ихъ въ прекрасныхъ русскихъ фразахъ, можно, безъ большаго труда, въ какой-нибудь годъ. При первомъ свиданіи, онъ объявилъ мнѣ только, что комиссіи непременно нужно дать другое устройство, другой планъ, другія формы, чѣмъ онъ и займется неотложно. Я хотѣлъ было войти въ нѣкоторыя объясненія; но начальникъ мой такъ былъ занятъ, такъ поглощенъ дѣлами, визитами и аудіенціями, что мнѣ не удалось промолвить ни одного слова.... Противъ прежняго (продолжаетъ Розенкампеъ, говоря о преобразованіи комиссіи) въ *сущности* переменѣно было очень мало; въ *именахъ* и *формахъ* почти все... Меня сравнивали съ прочими начальниками отдѣленій, и въ этомъ званіи поручили мнѣ составлять гражданское уложеніе, по данному плану, содержащему въ себѣ одни заголовки, почти тѣ же, что и въ Наполеоновскомъ кодексѣ.... Вдругъ однажды, въ концѣ февраля 1809 года, онъ (Сперанскій) самъ ко мнѣ зашелъ, съ огромною кучею бумагъ, и объявилъ, что это—готовый проектъ гражданскаго уложенія. Пока я собирался поздравить его, что дѣло устроилось безъ моей помощи и такъ скоро, онъ сталъ изливаться въ горькихъ жалобахъ на тѣхъ людей, которымъ, въ секретѣ отъ меня, довѣрилъ составленіе проекта; говорилъ, что никакъ не можетъ внести уродливую ихъ работу въ совѣтъ комиссіи, предназначавшейся къ открытію 1-го мая, и просилъ меня немедленно заняться изложеніемъ вновь первой части, то-есть *прѣва* лицъ... Я обѣщавъ исполнить все, что въ моихъ силахъ, повторяя однако сомнѣніе, чтобы черезъ два мѣсяца можно было предложить совѣту такой кодексъ, котораго не написано еще и первой

строки. Онъ съ своей стороны отвѣчалъ, что съ помощью моихъ приготовительныхъ работъ и при известномъ моемъ талантѣ, проектъ вѣрно будетъ готовъ. Словомъ, вся важность для него состояла только въ томъ, чтобы дѣло, хоть какъ-нибудь, да поспѣло.... 1 мая явился въ комиссію члены новаго ея совѣта. Имъ дали понять, что предлагаемая на разсмотрѣніе глава проекта уже прочитана предварительно государемъ. Новосильцевъ, Чарторижскій и Потоцкій предъявили нѣсколько основательныхъ замѣчаній, которыя однако всѣ, частію тутъ же, частію въ слѣдующее засѣданіе, были отвергнуты или обойдены. Князь Лопухинъ молчалъ и только поглядывалъ на меня. Алексѣевъ согласился съ общимъ одобрительнымъ заключеніемъ, но замѣтилъ, что статьи проекта, хотя къ нимъ и подведены ссылки на русскіе указы, отзываются чѣмъ-то чужеземнымъ, затрудняющимъ ясное уразумѣніе ихъ для русскаго законника. Я тогда еще не зналъ Алексѣева, человѣка очень опытнаго и умнаго; Сперанскій же утѣрялъ меня, что это—невѣжественный подъячій, котораго назначили въ комиссію только потому, что онъ пользуется нѣкоторою известностію между русскими правовѣдами и давно сидитъ въ сенатѣ. Между тѣмъ недѣля шла за недѣлей, протоколъ и главы подписывались и въ октябрѣ *право* уже было кончено и отдано въ печать. Сперанскій, держа самъ корректуру, позволялъ себѣ при ней не мало новыхъ поправокъ и перемѣнъ. Были, впрочемъ, и внѣ комиссіи люди понимавшіе дѣло лучше чѣмъ казалось на видъ. Такъ однажды у старика графа Строганова (Александра Сергѣевича), на дачѣ его на Малой Невкѣ, былъ, какъ и часто осенью, фейерверкъ. Я находился тоже въ числѣ гостей. «Voilà, mon cher, сказалъ онъ мнѣ намекая явно на Сперанскаго, comme nous lançons nos fusées, chacun a sa manière; mais vous voyez que l'obscurité y succède immédiatement.»

Биографъ, приводя отрывокъ изъ записокъ Розенкампа, замѣчаетъ, что въ нихъ господствуетъ чувство неприязни къ Сперанскому. Почтенный биографъ очевидно беретъ сторону Сперанскаго; онъ, при всякомъ случаѣ, отзывается о Розенкампѣ, какъ о человѣкѣ, который, во враждѣ своей съ Сперанскимъ, увлекался не совсѣмъ похвальными мотивами, чувствомъ личнаго оскорбленія и тщеславія. Что чувство личнаго оскорбленія было въ Розенкампѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, да этого и самъ онъ не скрываетъ. Онъ называетъ Сперанскаго верхоглядомъ, человѣкомъ поверхностнымъ; онъ радуется его паденію, онъ боится его возвращенія. Итакъ, безъ сомнѣнія, въ чувствѣ своемъ Розенкампъ не былъ дружелюбно расположенъ къ Сперанскому; онъ, конечно, не вышелъ бы на арену защитникомъ его, даже въ томъ случаѣ, еслибы самъ вполне былъ убѣжденъ въ неглупости клеветъ,

къ которымъ Сперанскій въ послѣдствіи подалъ поводъ; онъ былъ не прочь повторять все дурное, что о немъ говорилось. Но надобно быть справедливымъ и къ ученому автору изслѣдованія о Коричей Книгѣ. Вышеприведенныя характеристическія мѣста изъ его записокъ сильно отзываются правдой. Биографъ, укоряя Розенкампа въ непріязненномъ духѣ записокъ его относительно Сперанскаго, обращается къ другимъ источникамъ для того чтобы характеризовать дѣятельность Сперанскаго по законодательнымъ работамъ. «Обратимся теперь, говоритъ онъ, къ другимъ источникамъ.» Что же выходитъ изъ другихъ источниковъ? Послушаемъ.

«Онъ (Сперанскій) поступилъ, говоритъ биографъ, въ коммиссію законовъ, безъ всякаго юридическаго приготовленія... Незнакомый почти ни съ чѣмъ, кромѣ французскаго кодекса и энциклопедическаго сочиненія о французскихъ законахъ, Флоррижона,—автора теперь совсѣмъ забытаго, а тогда составлявшаго его настольную книгу, напитанный наполеоновскими идеями, онъ не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ, и находилъ совершенно бесполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособию.»

Что же сказано у Розенкампа рѣзче и неблагопріятнѣ этой характеристики, взятой изъ другихъ источниковъ, чистыхъ отъ непріязненной примѣси? у Розенкампа сказано именно то же самое, но только въ чертахъ менѣ рѣзкихъ, не смотря на непріязненное чувство.

Странная судьба уложенія русскихъ гражданскихъ законовъ! Сначала поручается оно нѣмецкому ученому, не знающему русскаго языка, который, пользуясь случаемъ, работаетъ усердно надъ изученіемъ источниковъ русскаго права, но не производитъ ожидаемаго уложенія; затѣмъ оно переходитъ въ руки человѣка, еще менѣ знакомаго съ источниками русскаго права, и даже не желающаго съ ними познакомиться.

Къ какимъ пособиямъ прибѣгъ новый сочинитель русскихъ законовъ? «Проектъ уложенія, пишетъ его биографъ, онъ предполагалъ составлять при содѣйствіи иностранныхъ, и въ особенности французскихъ ученыхъ законовѣдцевъ. Для работъ собственно по частному или гражданскому праву Наполеонъ, еще въ Эрфуртѣ, самъ рекомендовалъ славившихся въ то время французскихъ законовѣдцевъ, которые были вслѣдствіе того назначены корреспондентами нашей коммиссіи. О выборѣ такого же корреспондента, для права публичнаго (для части уголовной, судоустройства и разныхъ предметовъ государственнаго хозяйства), Сперанскій, по приказанію государя, писалъ къ Талейрану, который въ иностранномъ отвѣтѣ, весьма лестномъ для нашего статсъ-секретаря, указалъ на Бюффона.»

Наконецъ «манифестъ 1 января 1810 года, въ словахъ, исполненныхъ надеждъ, объявилъ Россіи, что первая часть гражданскаго уложенія уже окончена, и что другія постепенно и непрерывно за нею послѣдуютъ.» По мѣрѣ того какъ разсматривалась эта первая часть комиссіей, готовились и слѣдующія части. Любопытно посмотреть какъ шли эти важныя работы. Вотъ какъ описываются онѣ въ книгѣ барона Корфа: «Розенкампеъ еще употреблялся къ составленію предварительныхъ проектовъ, но участіе его въ томъ оставалось уже безъ всякихъ результатовъ для дѣла. Все, что онъ писалъ, было безпощадно мараяемо Сперанскимъ и большею частію передѣлываемо совсѣмъ заново. Занятіямъ этимъ директоръ комиссіи посвящалъ исключительно утро понедѣльника, передъ засѣданіемъ совѣта. Въ 6 часовъ являлся къ нему старшій письмоводитель комиссіи, Федоръ Павловичъ Вронченко, съ русскимъ переводомъ тѣхъ тетрадей, которыя вносились отъ Розенкампеа по-французски. Сперанскій, прочитывая работу, перечеркивалъ большую ея часть, исправленное имъ Вронченко приводилъ въ порядокъ, а четыре писца переписывали, и къ началу засѣданія, поспѣвало нѣсколько стройныхъ главъ, стройныхъ, конечно, болѣе только по внѣшней формѣ, чѣмъ по внутреннему содержанію и особенно по единству цѣлаго, которыхъ, при *такомъ* способѣ работы, трудно было и ожидать.»

Такъ шли работы, такъ составлялось уложеніе русскихъ гражданскихъ законовъ. Директоръ перемарывалъ, что приносилось ему изъ комиссіи, выглаживалъ, передѣлывалъ, и все это переписывалось и выходило на бумагѣ блестящими, стройными періодами. Еслибъ это было только ученою работою, только упражненіемъ въ юридической наукѣ и въ дѣлѣ составленія кодексовъ, то нечего было бы и говорить. Но такимъ способомъ составлялись законы для огромной страны, для историческаго народа. Что произошло бы, если бы это уложеніе было дѣйствительно брошено въ жизнь? Какое страшное броженіе произвело бы оно въ ней! Сколькихъ бѣдствій стало бы оно виной! Кто способенъ дать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ потрясеніяхъ, смутахъ и даже несчастіяхъ, которымъ подвергается множество людей отъ одной какой-нибудь неудачной перемѣны въ законодательствѣ, подъ которымъ они живутъ, тотъ можетъ представить себѣ, что произошло бы, еслибы вдругъ страна была достигнута цѣлымъ новымъ уложеніемъ, составленнымъ при такихъ условіяхъ. Отъ одного того, что рука директора не домарала чего-нибудь въ трудахъ комиссіи или что-нибудь съ излишкомъ перемарала, или что-нибудь приписала для красоты слога, для полноты періода, тысячи людей совершенно неожиданно пострадали бы мо-

жетъ-быть въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ. Можно ли представить себѣ что-нибудь ужаснѣе этой канцелярской лабораторіи законовъ! Сперанскій самъ очень хорошо сознавалъ это въ поолѣдствіи; но живя въ этомъ особомъ, отрѣшенномъ отъ жизни, канцелярскомъ мірѣ, онъ не могъ дѣйствовать иначе; онъ повиновался возбужденіямъ этой атмосферы, онъ работалъ неутомимо, старался дѣлать какъ можно лучше, хлопоталъ, чтобы дѣло шло быстро и успѣшно,—и дѣло кипѣло. Одна за другою поспѣвали части работы, поступали куда слѣдуетъ, и авторъ могъ чувствовать полное удовлетвореніе, видя какъ спорилось дѣло. Задача состояла только въ томъ, чтобы составить уложеніе, а не въ томъ, чтобы оно соответствовало жизни, для которой предназначалось.

Сперанскій былъ плѣненъ современными ему идеями. Въ эту первую, блестящую пору его государственной дѣятельности, онъ былъ конечно прогрессистъ, какъ сказали бы теперь у насъ, и даже крайній прогрессистъ. Передъ тѣмъ временемъ совершилась французская революція, возникъ Наполеонъ. Франція разомъ и совершенно оторвалась отъ своего прошедшаго, разомъ кинула всѣ свои историческія преданія, и повидимому создала новый міръ на новыхъ основаніяхъ. Весь материкъ Европы подчинился ея вліянію, вездѣ господствовали наполеоновскія идеи. Эти учрежденія, покрытыя блестящимъ лакомъ, геометрически правильныя, свободныя отъ исторіи и отъ жизни, которая своимъ прикосновеніемъ могла бы испортить правильную строгость ихъ линий, не могли не овладѣть умомъ нашихъ передовыхъ людей того времени. Они были подъ наптіемъ тѣхъ идей, которыя сопровождали катастрофу, оторвавшую Францію отъ ея исторической жизни. Замышляя преобразованія въ нашемъ устройствѣ, въ нашемъ бытѣ, они старались воспользоваться этими современными идеями. Безо всякаго сомнѣнія эти преобразованія замышлялись съ цѣлію двинуть Россію далеко по пути прогресса. Мы знаемъ, что преобразованіямъ этимъ не суждено было сбыться; но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы они сбылись въ то время, то они были бы чѣмъ угодно только не прогрессомъ.

Мы видѣли какъ составлялось уложеніе нашихъ гражданскихъ законовъ. Въ томъ же духѣ и при тѣхъ же условіяхъ совершались, конечно, и другія организаціонныя работы, которыя должны были поставить Россію на путь *безостановочнаго прогресса*. А между тѣмъ, еслибы наши прогрессисты того времени не столько предавались созерцанію наполеоновскихъ идей которыя казались тогда выраженіемъ величайшаго прогресса, еслибы наши прогрессисты того времени, вмѣсто этихъ отвлеченныхъ созерцаній, обратились къ преданіямъ исторической жизни своего народа,

то они иначе принялись бы за уложеніе русскихъ гражданскихъ законовъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тоже составлялось уложеніе для русской земли; но тогда это дѣло поручалось не нѣмецкому теоретику, не знавшему русскаго языка, хотя бы и очень умному и очень ученому, не ловкому канцелярскому чиновнику, хотя бы и очень гениальному, но не знавшему ни русскихъ законовъ, ни потребностей русской жизни. Тогда созывался земскій соборъ, и уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которое и теперь еще не потеряло своей силы, есть дѣло земскаго собора. Послѣ Петра Великаго, снова явилась потребность заняться уложеніемъ русскихъ законовъ. Преданіе еще не умерло. Правительство неоднократно пытается созвать соборъ для этой цѣли. Дѣло сначала не ладилось; однако при Екатеринѣ II оно удалось. Въ этомъ же самомъ номерѣ нашего журнала въ статьѣ С. М. Соловьева: *Разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка*, сообщаются интересныя свѣдѣнія, совершенно новыя для публики, о комиссіи уложенія законовъ, созданной при Екатеринѣ II. Мы видимъ какое это было великое земское дѣло, и какое значеніе придавала ему сама Екатерина, вопреки презрительнымъ оцѣнкамъ послѣдующаго времени. Идеи выборныхъ людей того времени не были конечно очень широки; господствовало во всей силѣ крѣпостное право, былъ сословный антагонизмъ; правительство не могло имѣть вполне земскій характеръ. Но тѣмъ не менѣе, какой великій фактъ эта комиссія и сама по себѣ и еще болѣе по тому, что могла бы выработать изъ него исторія. Каковъ бы ни былъ составъ екатерининской комиссіи, она не могла стѣснять разумъ и волю законодателя въ добрыхъ начинаніяхъ и благотворныхъ реформахъ; но она могла вразумлять его, она давала самый богатый матеріалъ для его соображеній, она представляла собою не канцелярію, а интересы самой жизни. Вотъ что сказала объ этой комиссіи сама Екатерина: «Комиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно.»

Прошло менѣе полу столѣтія, и это важное преданіе исторической жизни народа совершенно заглохло. Не только исчезли изъ памяти земскіе соборы давнихъ временъ, но и екатерининская комиссія превратилась въ какой-то мифъ, о которомъ люди серьезные перестали и думать. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, возникъ снова вопросъ объ уложеніи, — и что же, какъ принимаются за это дѣло? Розенкампфъ, начинающій впервые учиться русскому языку, молодой Сперанскій, вовсе не желающій познакомиться съ варварскими законами своей страны, — Нѣмцы и Французы, посаженные за выдѣлку русскихъ законовъ, — Наполеонъ и Талейранъ, подающіе руку помощи нашему за-

конодательству, — вотъ, что представляется намъ по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ послѣ земскаго собора, который созывала еще Екатерина, для того чтобъ узнать о потребностяхъ и интересахъ Русской земли отъ ея представителей! Пусть кто-либо скажетъ намъ, были ли эти протекшіе годы годами прогресса въ этомъ отношеніи? И коммиссія Розенкампа или коммиссія Сперанскаго съ своими переводчиками, съ своими Нѣмцами и Французами, съ своимъ Наполеоновскимъ кодексомъ и съ своими учеными корреспондентами въ Парижѣ, прогрессъ ли это въ сравненіи съ екатерининскою коммиссіей?

Мы обыкновенно раздѣляемъ нашу исторію на древнѣйшую до Петра и новѣйшую послѣ Петра. Мы привыкли за урядъ говорить объ этихъ полуторасти годахъ нашей новѣйшей исторіи, мачатой Петромъ. Но мы забываемъ, что и этотъ періодъ не есть нѣчто сплошное, нѣчто безразличное само по себѣ. Въ прошломъ столѣтіи, несмотря на насильственное преобразование произведенное Петромъ, историческая связь между старою и новою Русью не совершенно прерывалась. Связь эта не прерывалась, несмотря на сильный наплывъ нѣмецкихъ элементовъ. Историческая жизнь не утратила еще своей силы. При грубости тогдашнихъ нравовъ (не въ одной впрочемъ Россіи), при хаотическомъ броженіи разнородныхъ элементовъ, въ жизни выработывалось что-то, — медленно и туго, но выработывалось, — по крайней мѣрѣ заготовлялась почва для будущаго развитія, въ которомъ русское и европейское, народное и всеобщее, историческое и раціональное, могли бы совмѣститься органически и способствовать одно другому. До конца прошлаго столѣтія незамѣтно еще явственныхъ признаковъ окончательнаго разрыва между жизнью и мыслию; еще не возобладалъ этотъ духъ отвлеченныхъ построекъ и канцелярскаго прогресса. Въ концѣ прошлаго столѣтія совершилась французская революція, которой послѣдствія продолжаются еще и теперь въ цѣлой Европѣ и не могли не отозваться также и въ Россіи, уже примкнувшей тогда къ Европѣ. Что событіе это было неизбежно, что значеніе его было громадно, — въ этомъ конечно нѣтъ сомнѣній. Оно положило рѣшительную грань между прежнимъ порядкомъ и новымъ, который долженъ начаться; но само оно еще не было началомъ этого новаго міра, оно было только гибелью стараго. Лишь наканунѣ этого громаднаго событія, — великое, вѣчно памятное мгновеніе! — невыразимый энтузіазмъ овладѣвшій умами, еще стоявшими на исторической почвѣ, казалъ имъ, будто въ волшебномъ видѣніи, осуществленіе благороднѣйшихъ идеаловъ человѣческой жизни, но это видѣніе быстро исчезло, уступивъ мѣсто ужасной дѣйствительности. Когда закрылась эта бездна, въ которую обрушились развалины, обогрѣнныя кровью, — тогда поверхъ всего появились

пышнымъ цвѣтомъ наполеоновскія идеи. Франція еще до сихъ поръ не можетъ найти потерянную почву, до сихъ поръ еще надъ нею носятя эти идеи.

Только послѣ этой европейской катастрофы, въ верхнихъ сферахъ нашего общества окончательно порвалась связь съ прошедшимъ; всѣ инстинкты, завѣщанные исторіей, замокли, и потеряли смыслъ всѣ преданія. Вотъ почему когда явился у насъ человекъ съ призваніемъ преобразователя, онъ, ничто же сумняся, началъ свои операціи надъ жизнію, которая была ему мало извѣстна и въ которую онъ не считалъ нужнымъ вникнуть, довольствуясь убѣжденіемъ въ правильности и благообразіи задуманныхъ созданій. Наши преобразователи были очарованы планировкой наполеоновскаго вертограда, симметрическою правильностью министерствъ и ихъ канцеларій, точностію и ясностію кодекса, въ которомъ все приведено къ самымъ простымъ и вразумительнымъ элементамъ; наши преобразователи плѣнялись, безъ сомнѣнія, и законодательными собраніями французскими, и генеральными совѣтами и всѣми орнаментами благоустроенной государственной машины. Въ пылу великодушныхъ увлеченій, они были рады надѣлать свою страну всѣми этими благами прогрессивнаго правительства, всѣми этими установленіями, которыя являлись имъ съ печатью величія и славы, съ знаменіемъ высшихъ идей, являлись, какъ произведеніе духа новаго времени, порвавшего всякую связь съ историческимъ старьемъ. Преобразователи были, безъ сомнѣнія, одушевлены самыми благими помыслами; они были убѣждены въ либеральности своихъ стремленій. Но они хотѣли осыпать благодѣяніями жизнь, не обращая на нее никакого вниманія, не видя ея и не стараясь увидѣть; вниманіе ихъ было поглощено созерцаніемъ административнаго благолѣпія, изяществомъ государственнаго механизма, симметрическою планировкой, всѣми этими уже готовыми формами, которыя носились передъ ихъ умомъ. Имъ не удалось привести въ исполненіе своихъ плановъ; но за то они надолго утвердили свое пребываніе на той заоблачной высотѣ, откуда разнообразіе жизни, ея потребности и ея инстинкты невидны и не слышны.

А между тѣмъ, при искреннемъ желаніи общаго блага, одушевлявшаго нашихъ преобразователей, произошло бы несравненно болѣе дѣйствительнаго блага и менѣе всякаго зла, еслибы они были поставлены судьбою въ лучшія отношенія къ жизни. Но всякій знаетъ какъ бесплодно и бессмысленно говорить о томъ, что было бы, еслибы было то, а не было этого. Съ отвлеченной точки зрѣнія все можно придумать, все можно прикинуть и такъ, и иначе; но въ дѣйствительности достаточно слова: такъ есть или такъ было. Если что-

нибудѣ идетъ въ ту, а не въ эту сторону, значить таковы вѣшнія или внутреннія условія движенія. Напрасно было бы желать, чтобы направленіе измѣнилось, если условія остаются все тѣ же. Вмѣсто напрасныхъ желаній и безплодныхъ осужденій лучше заботиться объ измѣненіи вѣшнихъ или внутреннихъ условій опредѣляющихъ направленіе силы. Наше общественное развитіе будетъ и плодотворнѣе и охранительнѣе вмѣстѣ въ той мѣрѣ, въ какой мы будемъ сознавать, что прогрессъ совершается въ жизни и для жизни, не въ облакахъ, а на землѣ, не въ воздушныхъ постройкахъ, а въ данныхъ дѣйствительнаго опыта. Чѣмъ болѣе будемъ мы сознавать это, тѣмъ менѣе будемъ мы напрягать наше зрѣніе въ пустую даль, ничего не вида, или видя одни фантазмогорія; тѣмъ болѣе будемъ мы внкать въ окружающую среду, сблизять нашу мысль съ дѣйствительностію и дѣлать ее органомъ жизни и истиннаго движенія впередъ. Справедливо говорить, что не слѣдуетъ увлекаться аналогіями органическихъ царствъ природы и примѣнять ихъ прямо къ развитію человѣческихъ обществъ. Совершенно справедливо, что исторія человѣческихъ обществъ не есть одно и то же съ безсознательнымъ и невольнымъ процессомъ органическаго роста и органической жизни. Люди, любящіе указывать на ошибочность подобныхъ аналогій, представляютъ на видъ могущество разума и воли человеческой, которыя служатъ двигателями прогресса. Это также очень вѣрно и не требуетъ доказательствъ; но иногда подъ этими указаніями скрывается мысль, что можно и должно, пользуясь силою, направлять исторію по своей волѣ или по своему разуму, распорядиться ею, не спросясь у ней и образу свои понятія не изъ ней самой, а принося ихъ къ ней совѣмъ готовыми. Вотъ это уже не вѣрно. Во всемъ человѣческомъ участвуетъ воля и разумъ; но воля и разумъ могутъ быть и причиною разстройства, и орудіемъ успѣха. Чѣмъ болѣе разумъ и воля преобразователя будутъ разумомъ и волей самой жизни, тѣмъ болѣе будетъ успѣшно-сдѣланнаго дѣла и тѣмъ менѣе будетъ повода къ разрушеніямъ и насиліямъ, тѣмъ болѣе будетъ порядка и тѣмъ болѣе будетъ свободы, тѣмъ болѣе будетъ прогресса и тѣмъ болѣе будетъ уваженія къ существующему и къ человѣческой личности. То, что мы съ такимъ напряженіемъ высматриваемъ по сторонамъ или сочиняемъ въ своемъ умѣ, окажется въ живыхъ начаткахъ у насъ подъ рукою, если мы только захотимъ сосредоточить наши понятія на данныхъ самой жизни. Переставъ заниматься воздушными постройками, и ища элементовъ прогресса въ самой дѣйствительности, мы дадимъ смыслъ нашей жизни и жизнь нашимъ понятіямъ.

Редакція *Русскаго Вѣстника* получила 101 р. 22 коп. сер. собранные по подиску въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи въ пользу бѣдныхъ студентовъ Московскаго Университета. Прилагается списокъ жертвователей:

Предводитель дворянства С. М. Балкашинъ 10 р. Мировой Посредникъ А. Ф. Кисляинскій 10 р. Дворянскій Засѣдатель Д. В. Карноуховъ 1 р. Помѣщикъ М. Д. Кожинъ 10 р. Становой приставъ П. А. Михайловскій 3 р. Старшина Даниловской волости Ефимъ Михайловъ 1 р. Помѣщикъ И. Г. Хавскій 3 р. Помѣщикъ И. В. Перхуровъ 3 р. Исправникъ М. И. Калининъ 3 р. А. А. Ауэрбахъ 10 р. Х... 3 р. Дворянинъ В. Д. Генке 5 р. Н. Н. 1 р. Судья Сухаринской волости И. И. Ключъ 30 к. Проживающій въ Корчевскомъ уѣздѣ московскій мѣщанинъ И. С. Милевъ 50 к. Уволенный по болѣзни отъ должности священникъ Ан. Вас. Никотинъ 50 к. Священникъ ц. Св. Троицы, въ селѣ Негодяевъ Фед. Матв. Лебедевъ 50 к. Дяконъ той же церкви П. И. Дюковъ 10 к. Дьячокъ той же церкви М. П. Гусевъ 10 к. Староста той же церкви государственный крестьянинъ д. Тарлакова, Емельянъ Александровъ 50 к. Государственный крестьянинъ с. Негодяева И. Корниловъ 10 к. Пѣвческій хоръ села Селихова (государственные и временно-обязанные крестьяне) 1 р. Проживающій въ корчевскомъ уѣздѣ канштальный фабрикантъ купеческій сынъ П. В. Соболевъ 2 р. Государственный крестьянинъ г. Филимонова, шерстобитъ Аванасій Сергѣевъ 50 к. Кривецкаго общества временно-обязанныхъ крестьянъ староста Петръ Захаровъ 32 к. Ученица Кривецкой безплатной школы Аксинья Егорова 20 к. Помѣщикъ Н. В. Карноуховъ 3 р. Государств. крестьянинъ д. Филимонова, мясникъ Василій Акинѳеивъ 20 к. Государственный крестьянинъ д. Марьяна, Абрамъ Ивановъ 40 к. Села Селихова С. Д. С. О. 1 р. Села Селихова Д. М. В. Никольскій 25 к. Села Селихова Ильинской церкви дьячокъ Иванъ Петровъ Геропольскій 25 к. Той же церкви пономарь Андрей Ст. Шевелевъ 10 к. Кривецкой ежедневной школы помощникъ учителя, Иванъ Борисоглѣбскій 25 к. Голова Пенской волости Кондратій Григорьевъ 1 р. Поручикъ Чагинъ 2 р. Бывшій студентъ В. Ч. 2 р. Алексѣевъ 25 к. Михайлъ Дохтуровъ 3 р. Лаура Разевихъ 5 р. Голова Семеновской волости Лаврентій Сергѣевъ 1 р. Голова Кудрявцевской волости Петръ Харитоновъ 1 р. Юринской голова Кирила Степановъ 1 р. Строевской голова Потапъ Ефимовъ 1 р. Уѣздный судья Максимовъ 1 р. Беклешовъ 3 р. Купеческій братъ Михайлъ Субботинъ 1 р. Старшина Устьинской волости А. Митрофановъ 1 р. Той же волости засѣдатель Василій Боевъ 50 к. Старшина Кимской волости Григорій Вяхиревъ 1 р. Засѣдатель Лазаревской волости Григорій Трофимовъ 20 к. Старшина Фелоровской волости Алексѣй Куровъ 1 р. Крестьянинъ Прокофій Орловъ 20 к. Итого 101 р. 22 к. сер.

ОПЕЧАТКА: На 445-й стр. въ заголовкѣ статьи Катрофажа вкралась слѣдующая опечатка: *напечатано* VI объ измѣняемости органическихъ веществъ. *Слѣдуетъ* быть IV объ измѣняемости органическихъ существъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРИДЦАТЬ ПЯТАГО ТОМА.

СЕНТЯБРЬ.

	<i>Стр.</i>
О значеніи Брюлова и Иванова въ русскомъ искусствѣ. <i>В. В. Стасова</i>	5
Чужое имя. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть третья. (Окончаніе.) <i>Н. Д. Ашшарумова</i>	49
Записки гарибальдійца. I.—X. <i>М.</i>	134
Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи. XII. Департаменты Эндры и Луары. (Народное обученіе.) <i>Евгенія Бонмера</i>	190
Утвержденіе крѣпостнаго права въ Россіи въ XVIII столѣтіи. <i>К. П. Побѣдоносцева</i>	223
Союзные полководцы во вторую кампанію 1813 года. <i>М. И. Богдановича</i>	254
Воспоминанія институтской жизни. I. <i>Н.</i>	264
Стихотворенія:	
Картинка. <i>А. Н. Майкова</i>	299
Памяти Пушкина. <i>Я. К. Грота</i>	300

ОКТАБРЬ.

Разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. 1767 годъ. <i>С. М. Соловьева</i>	303
О значеніи Брюлова и Иванова въ русскомъ искусствѣ. VI.—IX. и приложенія (25 писемъ и списокъ произведеній.) <i>В. В. Стасова</i>	341
Записки гарибальдійца. XI.—XX. <i>М.</i>	407
Естественная исторія челоѡѡка. Единство рода челоѡѡческаго. IV.—Объ измѣняемости органическихъ существъ. Происхожденіе разновидностей и образованіе породъ въ существахъ органическихъ. Статья Катража	455
Воспоминанія институтской жизни. Окончаніе. <i>Н.</i>	512
Умъ ли это? Повѣсть. I.—VII. <i>Н. Бицына</i>	569
О натуральной дорожной повинности земства	637

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

СЕНТЯБРЬ:

	<i>Стр.</i>
Народные чешскіе поэты. <i>П. П. Ровинскаго</i>	1
<i>Полное собраніе сочиненій Маколея</i> . Изданіе Николая Тиблина.— <i>К. К. Арсеньева</i>	16
<i>Начальныя основанія физики въ объемъ гимназическаго курса</i> . <i>Н. Любимова</i> .— <i>А. Ю. Давидова</i>	28
Вновь изданные матеріалы для исторіи царствованія Алексѣя Михайловича. <i>Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества</i> . <i>Н. С—на</i>	33

ОКТАБРЬ.

<i>Очерки Астрономіи</i> , Джона Гершеля. Переводъ съ англійскаго шестаго изданія <i>А. Драшусова</i> .— <i>Н. А. Любимова</i>	73
Новыя изданія Императорской Публичной Библіотеки. I.— <i>Catalogue des publications de la Bibliothèque</i> II.— <i>Жизнь графа Сперанскаго</i> .— <i>М. Н. Лонжинова</i>	88
<i>Чтеніе изъ русской исторіи (съ исхода XVII вѣка)</i> . <i>П. Щербальскаго</i> .— <i>С. М. Соловьева</i>	98
Кое-что о прогрессѣ.	107

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ

Очерки астрономіи, Джона Гершеля. Переводъ съ англійскаго шестаго изданія А. Драшусова. Томъ 1. Н. А. ЛЮБИМОВА.

Новыя изданія Императорской Публичной Библіотеки. I. *Catalogue des publications de la Bibliothèque*. II. *Жизнь графа Сперанскаго*. М. Н. ЛОНГИНОВА.

Чтеніе изъ Русской Исторіи (съ исхода XVII вѣка). П. Щебальскаго. С. М. СОЛОВЬЕВА.

Кое-что о прогрессѣ.

am 19/10
de
ind / 1862

Книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно, СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ.

Цѣна за *РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ* и *СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ* въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и доставкой на домъ СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ; за *РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ* отдѣльно—въ Москвѣ и Петербургѣ ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и доставкой на домъ ДВѢНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ.

Печатать дозволяется.

Декабря 6-го. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гилларовъ-Платоновъ.

224

FEB 28 1955

